Ю х
В 38 I

ОЧЕРКЪ РУССКОЙ МОРСКОЙ ИСТОРІИ

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1875

В 38 27/66
Веселаго Ф

ОЧЕРКЪ РУССКОЙ МОРСКОЙ ИСТОРІИ

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1875

Печатано по распоряженію Морскаго Министерства.

49118ч

Библиотека Музея Революции С.С.С.Р.

5-9-111

Погашено

9/47/ б
0-95

Спб. Тип. Демакова. Новый пер. д. № 7.

Ю
В-38
491184

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе I

ГЛАВА I

МОРЕХОДСТВО СЛАВЯНО-РУССОВЪ ДО XII СТОЛѢТІЯ.

Значеніе рѣкъ въ древней Россіи. — Направленіе рѣкъ; волоки.—Пути сообщенія и суда. — Поселеніе славянъ по бассейнамъ рѣкъ. — Рѣчные пути и торговля. - Клады на торговыхъ путяхъ. — Значительность древней торговли. — Вліяніе торговаго движенія на населеніе. — Морскіе набѣги. — Призваніе Рюрика съ братьями.—Размѣщеніе князей на главныхъ путяхъ. — Быстрое распространеніе Россіи. — Значеніе при этомъ рѣчныхъ путей. — Походы на Византію (865—1043 г.).—Походы на Каспійское море (880—1175 г.). — Русскія морскія суда. — Торговыя суда болгаръ. — Боевыя преимущества грековъ передъ русскими. — Греческій флотъ. — Суда скандинавовъ.—Молчаніе лѣтописей о развитіи русскаго мореходства. — Изобрѣтеніе князя Изяслава. — Первые князья не улучшили мореплаванія. — Память былинъ о скандинавскихъ судахъ 1

ГЛАВА II.

МОРЕПЛАВАНІЕ РУССКИХЪ СЪ XII СТОЛѢТІЯ ДО ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Прекращеніе плаваній на южныхъ моряхъ.—Морская торговля и походы новгородцевъ. — Плаванія на Бѣломъ морѣ. — Плаванія на востокъ отъ Бѣлаго моря. — Временной упадокъ торговли новгородцевъ. — Ганзейскій союзъ и значеніе въ немъ Новгорода. — Борьба за обладаніе Невою.— Побѣда Александра Невскаго (1240 г.).—Потеря Финляндіи. — Постройка шведами Ландскроны, Нарвы и Выборга. — Постройка новгородцами Орѣшка. — Орѣшковскій договоръ. — Отдѣленіе Россіи отъ морей.—Разбои ушкуйниковъ. — Успѣшныя дѣйствія Іоанна Грознаго.—Плаваніе изъ Двины въ Норвегію.—Торговли съ Англіею черезъ Бѣлое море. — Торговыя плаванія

СТРАН.
англичанъ по Каспійскому морю. — Появленіе русскихъ на Черномъ морѣ (1559 г.). — Морское предпріятіе Строгоновыхъ. — Потери въ царствованіе Грознаго. — Попытки Годунова къ развитію мореплаванія.—Захваты шведовъ въ смутное время. — Столбовскій миръ (1617 г.).—Походы казаковъ на Черное море.—Плаванія на сѣверныхъ восточныхъ моряхъ.—Торговыя сношенія съ Сибирью.—Попытки къ возвращенію балтійскаго прибрежья (1656 г.). — Дѣйствія на Невѣ и у Котлина.—Кардисскій миръ (1661 г.).—Судоходство на Каспійскомъ морѣ. — Постройка корабля голштинцами (1635 г.).—Морскія торговыя сношенія съ Персіею. — Судостроеніе въ Дѣдиновѣ (1667 г.). — Плаваніе и судьба дѣдиновскихъ судовъ. — Положеніе русской морской торговли. — Проекты о заведеніи флота. — Положеніе Россіи въ исходѣ XVII столѣтія 32

ГЛАВА III.

ОСНОВАНІЕ АЗОВСКАГО ФЛОТА И ПЕРВЫЯ ЕГО ДѢЙСТВІЯ.

Рѣшительное стремленіе Россіи на берега морей.—Отношеніе царя Петра къ морю. — Случайности возбудившія въ Петрѣ страсть къ морю.—Учебныя занятія съ Тимерманомъ.—Находка ботика (1688 г.).—Катанья по Яузѣ.—Постройка и плаванія переславской флотиліи. — Первая поѣздка Петра въ Архангельскъ (1693 г.). — Плаваніе по Бѣлому морю. — Вторая поѣздка Петра въ Архангельскъ (1694 г.). — Плаванія и морскіе пиры царя.—Попытка къ заведенію русскаго торговаго флота.—Положеніе южныхъ границъ Россіи. — Первый азовскій походъ (1695 г.).—Начало азовскаго флота.—Постройка галеръ въ селѣ Преображенскомъ. — Судостроеніе въ Воронежѣ.—Государевъ шатеръ на Воронежѣ. — Первыя суда азовскаго флота.—Составъ судовыхъ экипажей. — Второй азовскій походъ (1696 г.).—Морская побѣда казаковъ. — Осада и взятіе Азова.—Польза принесенная флотомъ.—Тріумфальный входъ въ Москву. — Рѣшеніе о содержаніи постояннаго флота.—Образованіе кумпанствъ. — Кумпанскія суда. — Учрежденіе адмиралтейства въ Воронежѣ. — Постройка судовъ казною.—Тягость корабельной повинности для народа.—Личное участіе царя въ кораблестроеніи 71

ГЛАВА IV.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ АЗОВСКАГО ФЛОТА СЪ 1698 ГОДА ДО ЕГО УНИЧТОЖЕНІЯ.

Путешествіе царя за границу.—Пребываніе въ Голландіи.—Подарокъ англійскаго короля. — Пребываніе Петра въ Англіи.—Возвращеніе въ Москву.—Слѣдствія путешествія. — Азовскій флотъ въ отсутствіе Петра. — Пребываніе царя въ Воронежѣ (1698 г.). — Приготовленіе флота къ выходу въ море. — Переходъ къ Таганрогу. — Составъ эскадры. — Цѣль выхода въ море. — Переходъ флота къ Керчи —Пребываніе въ Керчи.—Возвращеніе флота къ Азову. — Плаваніе кор. *Крѣпость* Чернымъ моремъ.—Пребываніе *Крѣпости* въ Константинополѣ. — Возвращеніе въ Азовъ. — Назначеніе Апраксина адмиралтейцемъ. — Адмиралтейскій и воинскій морскіе приказы.—Окончаніе расчетовъ съ кумпанствами. — Средства на содержаніе флота.—

СТРАН.

Мастера-иноземцы. — Численность флота.—Спускъ *Предестинаціи*.—Работы въ Воронежѣ и Азовѣ. — Перемиріе съ Турціей.—Объявленіе войны Швеціи. — Азовскій флотъ съ 1701 по 1712 годъ.—Петръ въ Воронежѣ (1701 г.).—Укрѣпленіе Азова и Таганрога. — Плаваніе флота (1702 г.).—Тавровское адмиралтейство. — Царь въ Воронежѣ и Азовѣ (1709 г.).—Выборъ новыхъ верфей — Работы на Воронежѣ.— Пріѣздъ турецкаго повѣреннаго.—Объявленіе войны Турціи. — Вооруженіе флота.—Кампанія 1711 года.—Миръ съ Турціею. — Сдача Азова и уничтоженіе флота. — Польза принесенная азовскимъ флотомъ 104

ГЛАВА V.

НАЧАЛО БАЛТІЙСКАГО ФЛОТА.

Неудачное начало войны (1700 г.). — Морскія военныя приготовленія.—Шведскія морскія силы на Ладожскомъ озерѣ. — Нападеніе шведовъ на Архангельскъ (1701 г.).— Дѣйствія на Ладожскомъ и Чудскомъ озерахъ (1702—4 г.). — Начало военнаго судостроенія на р. Сяси (1702 г.).—Укрѣпленіе Архангельска. — Поѣздка Петра въ Архангельскъ.—Взятіе Нотебурга (1702 г.). — Взятіе Ніеншанца (1703 г.). — Морская побѣда въ устьяхъ р. Невы. — Учрежденіе Олонецкой верфи. — Основаніе Петербурга (1703 г.). — Петръ на Олонецкой верфи (1703 г.).—Судостроеніе на Олонецкой верфи. — Фрегатъ *Штандартъ*. — Первая поѣздка Петра на Котлинъ. — Основаніе Кроншлота. — Начало судостроенія въ Петербургѣ.—Судостроеніе на верфяхъ Ладожскаго озера (1704—11 г.). — Первыя суда балтійскаго флота.—Тимберовка судовъ 146

ГЛАВА VI.

ДѢЙСТВІЯ БАЛТІЙСКАГО ФЛОТА СЪ 1704 ПО 1711 ГОДЪ.

Отношенія иностранныхъ державъ къ Россіи. — Нападенія на Петербургъ и Котлинъ (1704 — 5 г.).—Услуги флота при осадѣ Нарвы (1704 г.).—Приготовленія къ встрѣчѣ непріятеля у Котлина (1705 г.). — Нападенія шведскаго флота (1705 г.). — Занятія флота въ 1706 году. — Неудовольствіе Петра на Крюйса. — Неудачная осада Выборга (1706 г.). — Взятіе бота *Эспернъ*. — Пріемъ на флотѣ адмирала Головина (1706 г.).—Печальная церемонія по случаю кончины адмирала. — Церемоніалъ погребенія флагмановъ. — Новый адмиралъ.—Кампанія 1707 г.—Инструкція командирамъ судовъ. — Плаванія въ Финскомъ заливѣ.—Прибытіе царской семьи.—Открытіе кампаніи въ 1708 г. — Составъ дѣйствующаго флота.—Военныя дѣйствія (1708 г.). — Неудачное нападеніе Любекера.—Военныя дѣйствія на югѣ.—Выходъ флота къ Кроншлоту (1709 г.).—Захватъ русскаго парламентернаго судна.—Значеніе для флота полтавской побѣды. — Полученіе Петромъ чина шаутбенахта.—Дѣйствія въ Лифляндіи.—Походъ къ Выборгу (1710 г.).—Взятіе Выборга (1710 г.). — Осада и взятіе Риги (1710 г.).—Занятіе Динаминда, Пернова, Аренсбурга и Ревеля. — Взятіе Кексгольма.—Пребываніе царя на флотѣ. — Осеннія плаванія (1710 г.).—Галерный флотъ (1710 г.).—Первое отправленіе фрегатовъ изъ Архангельска.—Заключеніе. 168

СТРАН.

ГЛАВА VII.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ БАЛТІЙСКАГО ФЛОТА 1711, 1712 И 1713 ГОДОВЪ.

Ослабленіе военной дѣятельности балтійскаго флота.—Старанія Карла XII ограничить успѣхи русскихъ. — Открытіе кампаніи въ 1711 году.—Составъ и дѣйствія шведскаго флота. — Приходъ къ Кроншлоту фрегата *Самсонъ*.— Попытка сжечь шведскій флотъ брандерами. — Подвигъ князя Долгорукова.— Призы русскихъ судовъ въ Каттегатѣ.—Встрѣча Петра съ непріятелемъ въ Куришгафѣ. — Окончаніе кампаніи 1711 года. — Положеніе Россіи въ началѣ 1712 года. — Планъ похода въ Финляндію.—Назначеніе и изготовленіе флота (1712 г.). — Дурное состояніе флота.—Доставка провіанта въ Выборгъ. - Погоня за шведскими крейсерами.—Призы галернаго флота.— Походъ въ Финляндію (1712 г.). — Петръ на датскомъ флотѣ. — Первое прибытіе архангельскихъ фрегатовъ. — Корабль *Полтава*.—Возвращеніе государя въ Петербургъ (1713 г.). — Усиленіе галернаго и корабельнаго флотовъ. — Покупка кораблей заграницею и прибытіе ихъ (1711—13 г.).— Походъ въ Финляндію (1713 г.). — Сожженіе голландскихъ флейтовъ. — Петръ на корабельномъ флотѣ.—Приходъ въ Ревель второй партіи покупныхъ кораблей. — Консиліумъ о соединеніи эскадръ.—Отправленіе котлинской эскадры къ Ревелю. — Погоня за непріятелемъ. — Потеря корабля *Выборгъ*. — Соединеніе эскадръ и возвращеніе къ Кроншлоту.—Занятіе Гельсингфорса.—Изслѣдованіе шхерныхъ фарватеровъ. — Недостатокъ военныхъ средствъ въ Финляндіи. — Плаваніе Петра шхерами.—Занятіе Або.—Возвращеніе галернаго флота въ Петербургъ. — Побѣда при Пелкинѣ.—Осеннее плаваніе транспортовъ. — Послѣдствія кампаніи 1713 года.—Планы и распоряженія на будущій годъ. —Заказъ кораблей за границею.—Отправка кораблей изъ Архангельска. — Кончина Боциса и его заслуги 206

ГЛАВА VIII.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ БАЛТІЙСКАГО ФЛОТА ВЪ 1714 И 1715 ГОДАХЪ.

Охлажденіе союзниковъ Петра.—Побѣда въ Финляндіи.—Изготовленіе флота къ кампаніи (1714). — Галерный флотъ.—Провіантскія суда.—Прибытіе покупныхъ и архангельскихъ кораблей. — Приходъ шведскаго флота.—Выступленіе галернаго флота изъ Петербурга. — Составъ корабельнаго флота.— Начало кампаніи (1714 г.). — Плаваніе галернаго и корабельнаго флотовъ.— Остановка галеръ у Твереминне.—Погоня за непріятелемъ у Ревеля.—Распоряженія Апраксина въ Твереминне. — Мысль о диверсіи корабельнымъ флотомъ. — Распоряженія государя на галерномъ флотѣ.—Побѣда при Гангутѣ. — Значеніе гангутской побѣды. — Движенія флотовъ послѣ боя. — Штормъ, выдержанный флотомъ у Біорко.—Съѣздъ государя на берегъ.— Вводъ плѣнныхъ судовъ въ Петербургъ.—Памятники гангутской побѣды.— Продолженіе военныхъ дѣйствій въ Финляндіи.—Посылка партій на шведскій берегъ. — Расположеніе флотовъ на зимовку.—Вліяніе дѣйствій флота на ходъ войны.—Возвращеніе Карла XII въ Швецію.—Отношенія иностранныхъ державъ къ Швеціи. — Составъ шведскаго флота (1715 г.).— Взятіе шведскихъ каперовъ.—Нападеніе на Ревель.—Снаряженіе котлин-

СТРАН.

ской эскадры. — Приходъ эскадры въ Ревель.—Посылка крейсеровъ къ Готланду. — Крейсерство флота въ Балтійскомъ морѣ.—Англо-голландскій флотъ въ Ревелѣ. — Окончаніе кампаніи корабельнаго флота.—Планъ дѣйствій на будущій годъ. — Отправленіе галеръ въ Либаву.—Плаваніе въ Голландію и Англію (1715 — 16 г.).—Приводъ кораблей изъ Голландіи и Архангельска (1715 — 16 г.).—Военныя дѣйствія въ Финляндіи (1715 г.).—Расположеніе галеръ на зимовку.—Кончина Трезеля и Вагана 249

ГЛАВА IX.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ БАЛТІЙСКАГО ФЛОТА 1716, 1717 И 1718 ГОДОВЪ.

Планъ кампаніи 1716 года.—Конвенція съ Данцигомъ.—Переходъ галеръ къ Копенгагену. — Изготовленіе ревельской эскадры.—Русская эскадра въ Копенгагенѣ (1716 г.). — Причины замедленія высадки.—Прибытіе англійскаго и голландскаго флотовъ.—Осмотръ царемъ шведскихъ береговъ.—Начальствованіе Петра надъ четырьмя флотами.—Отъѣздъ царя съ флота.—Усилія Петра осуществить высадку въ Швецію.—Несостоявшаяся высадка и оставленіе Копенгагена русскими.—Возвращеніе корабельной эскадры въ Ревель.—Отдѣльныя плаванія транспортовъ и крейсеровъ.—Поврежденіе бурею ревельской гавани. — Военныя дѣйствія въ Финляндіи (1716 г.).—Усиленіе галернаго и корабельнаго флотовъ.—Политическое положеніе Россіи (1717 г.).—Усиленіе оборонительныхъ средствъ.—Плаваніе корабельнаго флота (1717 г.).—Высадка на Готландъ.—Галерный флотъ въ Финляндіи. — Отдѣльныя плаванія и крейсерства (1717 г.).—Дѣйствія Вильбоа въ Травемюнде и Данцигѣ.—Возвращеніе галеръ изъ Ростока въ Ревель (1717 г.). — Распредѣленіе флота на зимовку. — Попытки къ расширенію морской торговли. — Судостроительныя работы. — Изготовленіе флота къ кампаніи (1718 г.).—Выходъ флотовъ на рейдъ.—Смерть Шельтинга и его служба.—Плаваніе корабельнаго флота (1718 г.).—Корабль *Лѣсное*.—Окончаніе кампаніи. — Паддонъ.—Призы нашихъ крейсеровъ (1718 г.).—Отдѣльныя плаванія (1718 г.).—Кончина Карла XII и ея послѣдствія 283

ГЛАВА X.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ БАЛТІЙСКАГО ФЛОТА 1719, 1720 И 1721 ГОДОВЪ.

Отношеніе европейскихъ дворовъ къ Россіи.—Начало кампаніи 1719 г.—Экспедиція Фангофта къ Эланду.—Взятіе Сенявинымъ шведской эскадры у Эзеля (1719 г.).—Призы и раздѣлъ призовыхъ денегъ.—Планъ кампаніи въ Финляндіи (1719 г.).—Корабельный флотъ (1719 г.). — Плаваніе флотовъ до Ламеланда.—Переговоры о мирѣ и движеніе флотовъ отъ Ламеланда. — Декларація о коммерціи въ Балтійскомъ морѣ.—Галерный флотъ въ Стокгольмскихъ шхерахъ (1719 г.).—Послѣдствія похода Апраксина.—Пребываніе корабельнаго флота у Ламеланда. — Возвращеніе флотовъ въ свои порты. — Постройка шхерныхъ судовъ.—Мѣры предосторожности противъ англичанъ. — Расположеніе флотовъ на зимовку.—Потеря кораблей *Портсмутъ* и *Лондонъ*. — Дѣйствія Вильбоа въ Данцигѣ (1719—20 г.).—

СТРАН.

Перемѣна политическихъ отношеній.—Мѣры для защиты нашихъ портовъ.—Экспедиціи Фангофта и Бенса(1720 г.).—Военныя дѣйствія въ Финляндіи (1720 г.).—Англо-шведскій флотъ у Ревеля (1720 г.).—Крейсерство корабельнаго флота. — Гренгамское сраженіе (1720 г.).—Расположеніе флотовъ на зимовку. — Приготовленія къ кампаніи будущаго года.—Общее желаніе мира.—Предположенія Петра. — Спускъ кораблей въ Петербургѣ (1721 г.).—Предосторожности на случай прихода непріятеля.—Плаваніе ревельской эскадры (1721 г.). — Соединеніе шведскаго флота съ англійскимъ.—Экспедиція Ласси на берега Швеціи (1721 г.).—Движеніе котлинской эскадры.—Испытаніе кораблей и экзерциціи флота.—Заключеніе мира съ Швеціею.—Принятіе Петромъ чина адмирала.—Награды моряковъ.—Празднества по случаю мира.—Пріобрѣтенія Россіи по Ништадтскому миру.—Заслуги флота въ войну со шведами. — Празднованіе мира въ Москвѣ.—Окончаніе кампаніи (1721 г.).—Проводъ въ Россію кораблей построенныхъ въ Голландіи (1721—22 г.). 310

ГЛАВА XI.

КАСПІЙСКАЯ ФЛОТИЛІЯ СЪ 1701 ПО 1725 Г. И ВОЗОБНОВЛЕНІЕ СУДОСТРОЕНІЯ НА ДОНУ СЪ 1723 ПО 1725 Г.

Виды Петра на Каспійское море.—Мореплаваніе по Каспію въ началѣ XVIII столѣтія. — Постройка морскихъ судовъ въ Казани (1701—2г.).—Казанскія суда во время бунта Булавина (1706 г.). — Попытки провода судовъ въ Петербургъ (1706 — 13 г.). — Состояніе каспійскаго судоходства съ 1708—13 г. —Экспедиціи Бухгольца и Бековича (1713—14 г.).—Дѣятельность Кожина. — Возвращеніе судовъ экспедиціи Бековича.—Опись береговъ Каспійскаго моря (1717 — 19 г.).—Каспійская флотилія (1716 — 22 г.). — Причины похода въ Персію. — Приготовленія къ походу.—Плаваніе до Астрахани. — Походъ въ Персію.—Высадка въ Аграханскомъ заливѣ.—Распредѣленіе судовъ флотиліи. — Движеніе арміи и судовъ къ Дербенту.—Штормъ выдержанный флотиліею. — Гибель провіантскихъ судовъ и ея слѣдствія.—Манифесты царя къ жителямъ персидскихъ провинцій. — Приготовленіе флотиліи къ обратному плаванію. — Постройка крѣпости св. Креста.—Возвращеніе флотиліи въ Астрахань. — Слѣдствія персидскаго похода.—Усиленіе каспійской флотиліи. — Основаніе въ Астрахани военнаго порта.—Экспедиція въ Гилянь. — Возвращеніе государя въ Москву.—Плаваніе и дѣйствія гилянской экспедиціи. — Плаваніе персидскаго посла изъ Решта въ Астрахань. — Опасное положеніе эскадры въ Рештѣ.—Осмотръ рѣки Куры. — Нападеніе персовъ.—Постройка судовъ для каспійской флотиліи.—Составъ каспійской флотиліи (1723 г.).—Взятіе Баку (1723 г.).—Выборъ мѣста для крѣпости на Курѣ. — Плаваніе генерала Матюшкина (1724 г.).—Причины возобновленія флотиліи на Дону. — Судостроеніе въ Тавровѣ (1723—24 г.).—Судостроеніе на Днѣпрѣ (1724 г.) 357

ГЛАВА XII.

БАЛТІЙСКІЙ ФЛОТЪ СЪ 1722 ПО 1725 ГОДЪ.

Плаваніе флота и отдѣльныхъ судовъ въ 1722 году. — Приготовленія къ кампаніи 1723 г.—Соединеніе эскадръ у Ревеля.—Составъ и плаваніе флота въ

СТРАН.

1723г.—Распредѣленіе судовъ на зимовку.—Торжественная встрѣча ботика.—Празднованіе годовщины Ништадтскаго мира.—Пріемъ персидскаго посла — Основаніе Кронштадта (1723 г.).—Заграничныя плаванія (1723 г.).—Мадагаскарская экспедиція.—Постройка новыхъ судовъ (1724 г.).—Зимнія поѣздки и катанья государя. — Плаваніе флота (1724 г.).—Пакетботы между Кронштадтомъ и Любекомъ.—Поврежденіе ревельской гавани.—Болѣзнь государя.—Кончина Петра Великаго и вліяніе ея на флотъ 390

ГЛАВА XIII.

О ЛИЧНОМЪ СОСТАВѢ ФЛОТА.

Способы комплектованія флота русскими матросами.—Наемъ для флота иностранцевъ.—Отношеніе Петра къ морякамъ-иностранцамъ.—Численность и составъ морскихъ командъ.—Раздѣленіе матросовъ на статьи.—Морскіе полки и батальоны.—Артиллеристы.—Морскія команды при адмиралтействѣ.—Штатныя положенія о численности судовыхъ экипажей. — Составъ судовыхъ экипажей.—Мичмана.—Гардемарины.—Жалованье, чины и квартиры.—Нравы моряковъ 408

ГЛАВА XIV.

УПРАВЛЕНІЕ ФЛОТОМЪ, АДМИРАЛТЕЙСТВАМИ И ПОРТАМИ И СРЕДСТВА ИХЪ СОДЕРЖАНІЯ.

Приказы: воинскаго морскаго флота, володимірскій судной и адмиралтейскій. — Адмиралтейская канцелярія. — Военная морскаго флота канцелярія. — Морской коммисаріатъ. — Московская адмиралтейская контора. — Конторы: адмиралтейская, оберъ-сарваерская и подрядная.—Адмиралтействъ-коллегія и подвѣдомственныя ей конторы. — Портовая администрація. — Штатныя положенія о содержаніи флота. — Состояніе судовъ и ихъ экипажей. — Источники содержанія флота. — Корабельные лѣса. — Желѣзо. — Смола и пенька. — Адмиратейскіе заводы и фабрики. — Мѣстности приписанныя къ адмиралтейству. — Заготовка провизіи и продовольствіе служащихъ. — Обмундированіе морскихъ служителей. — Казенные товары. — Суммы употреблявшіяся на содержаніе флота. — Недостатокъ денегъ . . . 439

ГЛАВА XV.

ПОРТЫ И ВЕРФИ.

Адмиралтейство с.-петербургское. — Галерная гавань. — Число судовъ построенныхъ на русскихъ верфяхъ при Петрѣ I. — Котлинъ, Кроншлотъ и Кронштадтъ. — Ревель и Рогервикъ. — Архангельскъ. — Невскій флотъ и партикулярная верфь. — Лоцмана и маяки. — Медицинская часть. . . . 499

ГЛАВА XVI.

МОРСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДОПРОИЗВОДСТВО.

Общій характеръ морской законодательной дѣятельности.—Артикульныя статьи (1668 г.).—Указъ по галерамъ (1696 г.).—Статьи Крюйса (1698г.).—Инструкціи и артикулы (1710 г.) и дополненія къ нимъ.—Предварительныя работы по составленію свода морскихъ законовъ.—Морской уставъ (1720 г.).—Адмиралтейскій регламентъ (1722 г.).—Русскіе морскіе флаги.—Сигналы.—Салюты.— Судопроизводство и примѣненіе морскихъ уголовныхъ законовъ. 537

ГЛАВА XVII.

УЧЕБНАЯ ЧАСТЬ И ГИДРОГРАФІЯ.

Обученіе и жизнь русскихъ заграницею (1697 — 1714 г.). — Посылка за границу женъ навигаторовъ. — Возвращеніе навигаторовъ въ Россію. — Занятія и жизнь гардемаринъ за границею (1716—20 г.). — Экзамены окончившихъ ученье. — Учрежденіе въ Москвѣ навигацкой школы (1701 г.).— Преподаваніе въ школѣ и управленіе ею.—Содержаніе и численность учениковъ. — Содержаніе школы. — Надзоръ за учениками и наказанія. — Польза принесенная школою. — Основаніе морской академіи (1715 г.). — Предметы преподаванія.—Помѣщеніе академіи.—Директоры и учителя академіи.—Система преподаванія наукъ.—Суммы отпускаемыя на содержаніе академіи.—Порядки существовавшіе въ академіи.—Значеніе академіи.—Геодезисты.—Московская школа (1715—1725 г.).—Адмиралтейскія школы. — Морскія книги.—Морскія карты.—Провѣдываніе земель на востокѣ Сибири.— Экспедиція Беринга 579

Алфавитный указатель собственныхъ именъ 633

Первая мысль объ исторіи русскаго флота принадлежитъ его великому основателю, по повелѣнію котораго начали собираться матеріалы для описанія сухопутныхъ и морскихъ военныхъ дѣйствій его царствованія. Записки составленныя изъ этихъ матеріаловъ, во многихъ мѣстахъ исправленныя и дополненныя самимъ государемъ, были напечатаны при Императрицѣ Екатеринѣ II, подъ заглавіемъ: «Журналъ или поденная записка Императора Петра Великаго».

Впослѣдствіи, адмиралтействъ-коллегія, адмиралтейскій департаментъ и нѣкоторые изъ лицъ служащихъ на флотѣ, заботились о составленіи описаній замѣчательныхъ событій изъ нашей морской исторіи и, также, о собраніи такихъ матеріаловъ, какъ напр., журналы плаваній, списки судовъ и т. п. Результатами этихъ заботъ было появленіе въ печати нѣсколькихъ, болѣе или менѣе полныхъ, монографій, относящихся къ разностороннимъ проявленіямъ морской дѣятельности въ разные періоды существованія флота.

Изъ лицъ наиболѣе замѣчательныхъ своими трудами по русской морской исторіи были: въ прошедшемъ столѣтіи—Нагаевъ и Шишковъ; въ нынѣшнемъ—Бестужевъ, Берхъ, Висковатовъ, Соколовъ и Елагинъ. Первымъ, но только номинальнымъ «гисторіографомъ» нашего флота числился извѣстный академикъ Палласъ, получившій это званіе въ 1787 году, при снаряженіи первой русской круго-

свѣтной экспедиціи, готовившейся подъ начальствомъ Муловскаго, но несостоявшейся по причинѣ войны. Вторымъ, уже дѣйствительнымъ, исторіографомъ былъ А. С. Шишковъ, назначенный въ 1799 году.

Въ послѣднее двадцатилѣтіе занятія по нашей морской исторіи получили значительное развитіе и болѣе опредѣленный характеръ. При высокомъ вниманіи августѣйшаго генералъ-адмирала, Его императорскаго Высочества Великаго князя КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА, и матеріальномъ содѣйствіи со стороны морскаго министерства развилась многосторонняя дѣятельность А. П. Соколова, оставившаго нѣсколько капитальныхъ трудовъ и прекрасные образцы историческихъ изслѣдованій по разнымъ отраслямъ морскаго дѣла, и появились добросовѣстные, драгоцѣнные въ документальномъ отношеніи, труды С. И. Елагина, изъ числа которыхъ особенно замѣчательны: «Азовскій періодъ» и четыре тома «Матеріаловъ для исторіи русскаго флота».

За тѣмъ, при дальнѣйшей разработкѣ архивовъ, изданы были «Свѣдѣнія о русскихъ морскихъ сраженіяхъ», за два столѣтія (съ 1656 по 1856 годъ), съ одиннадцатью картами; «Списокъ русскихъ военныхъ судовъ, съ 1668 по 1860 годъ», и оканчивается печатаніемъ пятый томъ «Матеріаловъ для исторіи русскаго флота», заключающій въ себѣ извлеченныя изъ архивовъ свѣдѣнія за царствованія Екатерины I и Петра II.

Издаваемая теперь первая часть «Очерка русской морской исторіи», содержитъ обзоръ морской дѣятельности Россіи съ древнѣйшихъ временъ до кончины Петра Великаго. Задавшись цѣлію: въ сжатомъ видѣ представить, за этотъ періодъ исторіи, главныя черты русской морской дѣятельности, — мы, по необходимости, должны были занимательность и полноту изложенія, до извѣстной степени, принести въ жертву спеціальному назначенію книги. Поэтому о многихъ важныхъ и интересныхъ событіяхъ, неимѣющихъ близкой связи съ морскимъ дѣломъ, здѣсь упоминается кратко или вовсе умалчивается; тогда какъ факты маловажные для общей

исторіи, не имѣющіе значеніе въ морскомъ отношеніи, изложены съ бо́льшею полнотою.

Строго держась источниковъ, мы не позволяли себѣ дѣлать къ нимъ, для полноты описаній, какія-либо прибавленія, и потому многія событія поэтическія или грандіозныя, по недостатку точныхъ подробныхъ свѣдѣній, переданы нами въ сухихъ очеркахъ, единственное достоинство которыхъ состоитъ въ ихъ исторической вѣрности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда являлись противорѣчія между болѣе извѣстными печатными сочиненіями и, находившимися въ нашихъ рукахъ, неоспоримо вѣрными архивными документами, мы, не указывая на ошибки первыхъ, ограничивались только возстановленіемъ истины.

При выпускѣ настоящаго труда, исполненнаго по порученію морскаго министерства и изданнаго на его средства, мы считаемъ долгомъ выразить искреннюю благодарность нашему сотруднику Н. А. Коргуеву за его добросовѣстное содѣйствіе, которое, при свѣдѣніяхъ г. Коргуева и его опытности въ архивныхъ изысканіяхъ, значительно облегчило наши работы по настоящему изданію.

Въ первыхъ двѣнадцати главахъ этого тома изложены, въ хронологическомъ порядкѣ, событія относящіяся преимущественно до русской военно-морской исторіи; въ послѣднихъ же пяти—сгруппированы описанія другихъ родовъ морской дѣятельности, имѣющихъ значеніе для исторіи нашего флота. Въ началѣ каждой главы находится подробный перечень ея содержанія, повторенный потомъ на поляхъ страницъ, противъ текста соотвѣтствующаго каждому отдѣльному заглавію. Кромѣ того, въ концѣ книги, приложенъ алфавитный указатель собственныхъ именъ.

Подобная форма избрана нами съ тою цѣлію, чтобы, для моряковъ облегчить справки о всякомъ интересующемъ ихъ предметѣ, а для читателей чуждыхъ морской сферы, доставить бо́льшее удобство познакомиться съ тѣми фактами русской морской исторіи, о которыхъ въ сочиненіяхъ не спеціальныхъ говорится весьма мало

или вовсе не упоминается. Наконецъ, для лицъ желающихъ пользоваться подлинными архивными документами, приводимыми въ книгѣ, указаны въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ не только архивы, въ которыхъ находятся цитируемые источники, но означены нумера дѣлъ, а иногда и самыя страницы. При этомъ необходимо замѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ одномъ примѣчаніи сдѣланы указанія на нѣсколько источниковъ, то они относятся ко всей части текста, заключенной между послѣднею ссылкою и ей предшествующею.

Въ настоящемъ изданіи первой части «Очерка русской морской исторіи» къ одной половинѣ экземпляровъ, кромѣ рисунковъ общихъ съ другою половиною, приложено нѣсколько точныхъ снимковъ съ гравюръ и чертежей петровскаго времени.

Ѳ. Веселаго.

ГЛАВА I.

МОРЕХОДСТВО СЛАВЯНО-РУССОВЪ ДО XII СТОЛѢТІЯ.

Значеніе рѣкъ въ древней Россіи. — Направленіе рѣкъ; волоки. — Пути сообщенія и суда. — Поселеніе славянъ по бассейнамъ рѣкъ. — Рѣчные пути и торговля. — Клады на торговыхъ путяхъ. — Значительность древней торговли. — Вліяніе торговаго движенія на населеніе. — Морскіе набѣги. — Призваніе Рюрика съ братьями. — Размѣщеніе князей на главныхъ путяхъ. — Быстрое распространеніе Россіи. — Значеніе при этомъ рѣчныхъ путей. — Походы на Византію (865—1043 г.). — Походы на Каспійское море (880—1175 г.). — Русскія морскія суда. — Торговыя суда болгаръ. — Боевыя преимущества грековъ передъ русскими. — Греческій флотъ. — Суда скандинавовъ. — Молчаніе лѣтописей о развитіи русскаго мореходства. — Изобрѣтеніе князя Изяслава. — Первые князья не улучшили мореплаванія. — Память былинъ о скандинавскихъ судахъ.

Значеніе рѣкъ въ древней Россіи.

Въ древней Россіи, какъ и во всякой странѣ, представляющей обширную лѣсистую равнину, пересѣченную большими рѣками, характеръ внутренней системы водъ и положеніе сосѣднихъ морей имѣли значительное вліяніе на развитіе общественной и государственной жизни. При непроходимыхъ лѣсахъ естественными путями сообщенія служили рѣки, берега которыхъ покрылись первымъ болѣе густымъ населеніемъ и на нихъ же явились первые города. Лодка представляла тогда удобнѣйшее и безопаснѣйшее средство какъ для сообщеній, такъ и для перевозки тяжестей. До тѣхъ поръ, покуда не были проложены сколько-нибудь удобныя дороги и большинство семей не обзавелось лошадьми или волами, необходимость заставляла все населеніе страны довольствоваться преимущественно водяными путями и усвоить себѣ искусство плаванія, сначала по рѣкамъ и озерамъ, а потомъ и по ближайшимъ морямъ.

Направленіе рѣкъ; волоки.

Всѣ большія рѣки Европейской Россіи текутъ или на сѣверъ въ Балтійское и Бѣлое, или на югъ—въ Черное, Азовское и Каспійское моря. Водораздѣломъ бассейновъ сѣверныхъ и южныхъ рѣкъ служитъ холмистая полоса земли, идущая отъ сѣверной части средняго Урала до Валдайскихъ горъ. Волоками издревле назывались тѣ мѣста водораздѣловъ, въ которыхъ верховья рѣкъ двухъ бассейновъ близко сходились между собою, и небольшое возвышеніе водораздѣла давало возможность перетаскивать (переволакивать) чрезъ него лодки изъ одной рѣки въ другую.

Пути сообщенія и суда.

Для жителей бассейна каждой большой рѣки болѣе удобнымъ и естественнымъ путемъ сообщенія служила самая рѣка съ ея притоками, а сообщеніе между жителями сосѣднихъ бассейновъ происходило по волокамъ. Волоки замѣняли нынѣшніе каналы, которые прежде и назывались у насъ *перекопями.*

Характеръ путей, состоящихъ изъ рѣкъ и частію изъ волоковъ, опредѣлялъ качества судовъ, бывшихъ въ употребленіи у мѣстнаго населенія: суда эти, представляя возможность безопаснаго плаванія по большимъ рѣкамъ и озерамъ, должны были легко перетаскиваться, или даже переноситься на рукахъ черезъ волоки; такимъ образомъ, волоки составляли какъ-бы ворота, или, въ случаѣ враждебности населенія, заставы рѣчныхъ путей, и народъ, поселившійся на нихъ, дѣлался ихъ естественнымъ властелиномъ.

Самые важные, по своему значенію, волоки находились въ Оковскомъ или Волоковскомъ лѣсу, покрывавшемъ въ древности пространство между притоками Днѣпра, Западной Двины и Ловати, впадающей въ озеро Ильмень.

Поселеніе славянъ по бассейнамъ рѣкъ.

Въ девятомъ вѣкѣ по Р. Х. по бассейнамъ этихъ трехъ рѣкъ жили славяне, пришедшіе сюда съ береговъ Дуная. Они раздѣлялись на нѣсколько племенъ, независимыхъ одно отъ другаго и имѣвшихъ различныя названія.

Рѣчные пути и торговля.

По мѣстности, занимаемой славянами, пролегали два важные рѣчные пути сообщенія: одинъ съ юга, изъ Греціи или Чернаго моря, другой отъ Каспія и дальняго востока; оба пути соединялись на Волховѣ и рѣкой Невой выходили къ Балтійскому морю.

По первой дорогѣ, съ юга на сѣверъ шли товары изъ Чернаго и Средиземнаго морей; съ сѣвера же проѣзжали по ней на службу

въ богатую Византію скандинавы, называвшіеся у насъ варягами, а въ Европѣ извѣстные подъ страшнымъ именемъ норманов. Лѣтопись Нестора, называя эту дорогу путемъ изъ *Варягъ* въ *Греки*, описываетъ ее слѣдующими словами: «изъ Грекъ по Днѣпру, и вверхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, по Ловоти внити въ Илмерь (Ильмень) озеро великое, изъ него же озера потечетъ Волховъ и вътечетъ въ озеро великое Нево (Ладожское), того озера внидетъ устье (рѣка Нева) въ море Варяжское (Балтійское) [1].»

По другому пути, шедшему отъ Каспія черезъ Волгу, направлялись товары со всего каспійскаго поморья и также изъ средней Азіи и Индіи. Промышленные болгары, жившіе на Волгѣ ниже нынѣшней Казани, получая товары отъ мусульманскихъ купцовъ, отвозили ихъ вверхъ по Волгѣ и Шекснѣ до Бѣлоозера, въ страну Веси, гдѣ перепродавали новгородцамъ (жившимъ у Ильменя), которые по Волхову и Невѣ или Оковскимъ волокомъ, черезъ землю кривичей и Западную Двину, доставляли къ Балтійскому морю [2].

Клады на торговыхъ путяхъ.

Сношенія съ востокомъ оставили слѣдъ въ видѣ множества кладовъ, находимыхъ по направленію древнихъ торговыхъ путей. Клады эти состоятъ преимущественно изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ [3], чеканенныхъ съ исхода VII и до начала XI вѣка, въ разныхъ азіатскихъ владѣніяхъ, лежавшихъ отъ Евфрата до Сыръ-Дарьи [4]. Рядъ подобныхъ находокъ не ограничивается Россіею, а показываетъ дальнѣйшее продолженіе восточнаго торговаго пути и за ея предѣлами. Начиная съ устья Невы, при которомъ, въ галерной гавани, былъ отысканъ кладъ въ 1797 году, они находились по всему южному берегу Балтійскаго моря, въ Даніи и на восточномъ берегу Швеціи, отъ Зунда до Аландскихъ острововъ [5]. Особенно много кладовъ найдено на островахъ Борнгольмѣ, Эландѣ и Готландѣ. Въ предѣлахъ Россіи самый цѣнный изъ кладовъ,

---

[1]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей т. I, стр. 3.

[2]) Мухаммеданская нумизматика Савельева, стр. CLV и CLVI.

[3]) Диргемъ, величиною въ 30-копѣечникъ и цѣною отъ 15 до 20 копѣекъ. Эти монеты извѣстны подъ названіемъ куфическихъ.

[4]) Савельевъ, стр. XXIII—XXX.

[5]) Bulletin scientifique publié par l'Academie Impériale des sciences de St. Pétersb. т. IX. статья академика Френа: Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem arabischen Gelde in Russland.

отысканный на рѣкѣ Ловати, стоилъ до семи тысячъ рублей серебромъ, и въ одной Швеціи, до 1846 года, найдено древнихъ восточныхъ серебряныхъ монетъ около пяти пудовъ [1]).

Значительность древней торговли.

Количество и цѣнность извѣстныхъ кладовъ, составляющихъ, конечно, малую часть суммъ, довѣренныхъ землѣ, даютъ понятіе о значительности древнихъ торговыхъ передвиженій, въ мѣстности занимаемой нынѣшнею Европейскою Россіею, и о морскихъ сношеніяхъ ея жителей съ обитателями балтійскаго прибрежья, и особенно съ сосѣднею Швеціею.

Вліяніе торговаго движенія на населеніе.

Передвиженіе товаровъ и проѣздъ иноземцевъ не могли не имѣть вліянія на мѣстное населеніе, и если оно, почему-либо, не много заимствовало отъ иноземцевъ полезныхъ практическихъ свѣдѣній въ различныхъ искусствахъ и ремеслахъ и мало усвоило жизненныхъ удобствъ, то изъ разсказовъ проѣзжихъ жители могли получать нѣкоторыя свѣдѣнія о сосѣднихъ и отдаленныхъ народахъ и, по провозимымъ товарамъ, судить о богатствахъ дальнихъ заморскихъ странъ юга и востока.

Купецъ того времени былъ по необходимости и воиномъ. Нерѣдко приходилось ему вооруженною рукою защищать свой товаръ отъ грабителей, а при удобномъ случаѣ и самому изъ мирнаго торговца превращаться въ разбойника. Выгода торговли и легкость военной добычи, на богатыхъ берегахъ Чернаго и Каспійскаго морей, влекли къ нимъ отважныхъ славянъ попытать счастія. Между ними находились охотники, которые, присоединясь къ иноземцамъ, переплывали моря и, въ случаѣ успѣха, возвращались на родину съ богатою добычею и запасомъ разсказовъ, способствовавшихъ къ увеличенію числа новыхъ искателей счастія на далекой чужбинѣ.

Морскіе набѣги.

Морское путешествіе, для людей проводившихъ всю свою жизнь въ плаваніи по рѣкамъ, казалось дѣломъ обыкновеннымъ, а храбрость и ловкость, необходимыя для военныхъ набѣговъ, были отличительными качествами нашихъ предковъ. Изъ Скандинавіи и нынѣшней Европейской Россіи выходили полчища морскихъ искателей добычи: одни направлялись къ берегамъ Западной Европы, а другіе на прибрежья Чернаго и Каспійскаго морей.

---

[1]) Савельевъ, стр. CLXXIV.

Однимъ изъ примѣровъ похода на югъ значительнаго числа жителей Европейской Россіи, увлеченныхъ чужеземцами, представляетъ движеніе, произведенное готами. Готы, народъ скандинаво-германскаго происхожденія, прійдя изъ Скандинавіи на берега Балтійскаго моря во II вѣкѣ, направились на югъ и, усилясь мѣстными жителями, явились на берегахъ Чернаго моря уже огромными полчищами. Въ IV вѣкѣ тамъ уже было готское государство, достигшее такихъ же обширныхъ размѣровъ, какіе имѣли впослѣдствіи владѣнія русскихъ князей, и въ числѣ тридцати племенъ подвластныхъ готамъ были: чудь, весь, меря, мордва, т. е. ближайшіе сосѣди славянъ съ сѣвера и востока. Готы переплывали Черное море, разоряли и жгли многіе города на берегу Малой Азіи и опустошали Фракію, Македонію и Грецію до Мореи [1]).

Въ послѣдней четверти VIII столѣтія начинаются морскіе набѣги норманов, жителей Скандинавіи, на берега Западной Европы. Сначала нападаютъ они на Британскіе острова, потомъ, послѣ покоренія Карломъ Великимъ воинственныхъ моряковъ саксонцевъ, норманы опустошаютъ берега его имперіи и въ исходѣ первой половины IX вѣка достигаютъ Испаніи. Незадолго до этого встрѣчается первое извѣстіе о варягахъ, отправлявшихся на службу въ Византію.

Призваніе Рюрика съ братьями.

По сказанію Нестора, около половины IX вѣка новгородскіе славяне, чудь, меря и кривичи (т. е. племена, владѣвшія центромъ обоихъ главныхъ путей, соединявшихъ Балтійское море съ Греціею и со странами востока) изгнали отъ себя варяговъ, которымъ до того времени платили дань, и призвали (около 860 года) *изъ-за моря* Рюрика съ братьями.

Размѣщеніе князей на главныхъ путяхъ.

Не касаясь вопроса объ исторической достовѣрности самаго сказанія, мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что, по свидѣтельству лѣтописи, три призванные князя размѣстились на самыхъ важныхъ стратегическихъ пунктахъ главныхъ путей сообщенія, владѣя которыми они получали значительное вліяніе на торговое движеніе, съ востока и запада направлявшееся къ Волхову. Но такъ какъ въ то время военные пути совпадали съ торговыми, то князья, утвердившіеся на мѣстахъ, указанныхъ въ лѣтописи, могли охра-

---

[1]) Исторія Россіи Соловьева, т. I, стр. 82.

пять призвавшіе ихъ народы отъ вторженія внѣшнихъ враговъ и, съ другой стороны, сами имѣли возможность двинуть свои дружины на сосѣдей.

По словамъ лѣтописца, Рюрикъ сѣлъ у ильменскихъ славянъ на Волховѣ, въ Ладогѣ, (близъ которой сѣверный конецъ большаго воднаго пути выходилъ въ Ладожское озеро) и, для отраженія непріятеля со стороны озера, построилъ крѣпость на островѣ рѣки Волхова. Синеусъ поселился между чудью и весью на Бѣлоозерѣ (къ которому шелъ торговый путь съ востока по Шекснѣ отъ Волги) и третій, Труворъ,—въ Изборскѣ, въ землѣ кривичей, владѣвшихъ волоками между верховьями Днѣпра и Западной Двины, т. е. центромъ пути отъ Чернаго моря къ нынѣшнему Рижскому заливу.

Быстрое распространеніе Россіи.

По смерти обоихъ братьевъ Рюрикъ присоединилъ къ себѣ ихъ владѣнія, и, благодаря счастливому географическому положенію страны, храбрости народа и предпріимчивости нѣкоторыхъ изъ князей, Россія въ полтора столѣтія успѣла изъ союза нѣсколькихъ небольшихъ племенъ превратиться въ огромное государство, раскинувшееся отъ Балтійскаго моря къ востоку до Оки, къ югу до Днѣпровскихъ пороговъ и Керченскаго пролива, къ западу до Двины, Буга и Карпатскихъ горъ и на дальнемъ сѣверѣ доходившее до Лапландіи [1]).

Значеніе при этомъ рѣчныхъ путей.

При этомъ быстромъ распространеніи морской элементъ имѣлъ довольно важное значеніе въ дѣлѣ объединенія страны, конечно, ограничивавшемся собираніемъ дани для князя и доставленіемъ ему военной помощи. Пріобрѣтеніе новыхъ владѣній совершалось военными отрядами, передвигавшимися обычными рѣчными путями, а походы въ Грецію развивали торговлю и вносили въ страну начатки цивилизаціи. Жители различныхъ частей Россіи, совершая вмѣстѣ трудные и славные морскіе походы, сближались между собою; черезъ воиновъ въ массы населенія проникало сознаніе новой государственной силы, проявившейся отъ соединенія мелкихъ, до того времени разъединенныхъ, племенъ въ одно цѣлое, и этою силою молодое государство становилось страшнымъ своимъ сосѣдямъ.

---

[1]) Исторія Государства Россійскаго, Карамзина, изданіе Смирдина, т. I, стр. 237.

Еще при жизни Рюрика, въ 865 году, два мужа изъ его дружины, Аскольдъ и Диръ (а по нѣкоторымъ догадкамъ, одинъ Аскольдъ), овладѣвъ Кіевомъ, вышли изъ Днѣпра на 200 судахъ [1]) и явились передъ Константинополемъ. Вѣсть о приближеніи, бывшаго въ отсутствіи, византійскаго флота заставила смѣлыхъ мореплавателей удалиться отъ береговъ Греціи. Походы на Византію (865—1043 г.).

Въ 907 году Олегъ съ 2000 судовъ и значительнымъ войскомъ, шедшимъ берегомъ, явился подъ Константинополемъ и разорялъ его окрестности. Греки заперли гавань цѣпью, но Олегъ, поставивъ свои суда на колеса или вѣрнѣе на катки, обошелъ это препятствіе берегомъ и спустилъ суда въ гавань. Греки, доведенные до крайности, купили миръ дорогою цѣною, заплативъ по 12 гривенъ на каждое судно Олегова флота и внеся особую сумму для нѣсколькихъ подвластныхъ ему городовъ. Въ заключенномъ, послѣ этого набѣга, мирномъ договорѣ была между прочимъ весьма важная статья, касающаяся морскихъ торговыхъ сношеній обоихъ договаривающихся народовъ: каждая сторона обязывалась охранять торговыя суда союзника, ихъ экипажи и товары, а въ случаѣ кораблекрушенія—спасать и продавать товары въ пользу пострадавшаго купца [2]).

Въ 941 году Игорь съ тысячью судовъ явился въ Босфорѣ. Воины его, кромѣ пожаровъ и грабежей, страшно мучили плѣнниковъ, попавшихся къ нимъ въ руки: они садили ихъ на колъ, распинали на крестахъ, ставили вмѣсто мишеней при стрѣльбѣ, вбивали желѣзные гвозди въ головы и т. п. [3]). Флотъ Игоря стоялъ у европейскаго берега, при входѣ въ Босфоръ, близъ маяка Фара. Къ несчастію грековъ, флота ихъ въ это время также не было въ столицѣ; необходимость заставила византійцевъ снарядить на скорую руку 15 ветхихъ судовъ и послать ихъ противъ непріятеля въ надеждѣ истребить его греческимъ огнемъ.

Греческій огонь, изобрѣтенный въ VII вѣкѣ грекомъ Каллиникомъ, былъ самое страшное и дѣйствительное въ то время сред-

---

[1]) По венеціанской хроникѣ Іоанна Діакона 360 судовъ. Въ книгѣ академика Дорпа «О походахъ древнихъ русскихъ въ Табаристанъ», составленное академикомъ Куникомъ, дополненіе III, § 1.

[2]) Карамзинъ, т. I, стр. 118 и 131.

[3]) Извѣстія византійскихъ историковъ, Штриттера, т. III, стр. 24.

ство въ морскихъ сраженіяхъ. Онъ выбрасывался на воду посредствомъ металлическихъ трубъ и, имѣя свойство горѣть на водѣ, подплывалъ къ непріятельскимъ судамъ и зажигалъ ихъ. Хотя составъ греческаго огня неизвѣстенъ, но можно съ вѣроятностію предполагать, что существенная часть его состояла изъ нефти или горнаго масла.

Хитрые греки, чтобы усилить страхъ непріятеля, приписывали греческому огню сверхъестественное происхожденіе. Они разсказывали, что искусство дѣлать его передано было Константину Великому ангеломъ, который приказалъ составлять его только въ Константинополѣ и дозволилъ употреблять однимъ христіанамъ.

Флотъ греческій, подъ начальствомъ протовестіарія (сановника, занимавшаго первое мѣсто послѣ доместика или начальника сухопутныхъ войскъ) Ѳеофана, подошелъ къ русскому флоту и при стихнувшемъ вѣтрѣ пустилъ на него греческій огонь, о которомъ нашъ лѣтописецъ выражается такъ: «яко же молнія иже на небеси, греци имуть у собе, пущающе жгуть насъ, и сего ради не одолѣхомъ имъ». Многія суда Игоря загорѣлись, воины бросались съ нихъ и гибли въ морѣ. Остальныя суда спѣшили къ берегу и спаслись только тѣмъ, что греческіе, глубоко сидѣвшіе, корабли не могли ихъ преслѣдовать [1]).

Отбитый у Босфора, Игорь бросился къ Малой Азіи и, выйдя на берегъ въ Виѳиніи, встрѣтилъ здѣсь отборное греческое войско, заставившее его бѣжать на суда. Снявшись съ якоря ночью, чтобы скрыть отъ непріятеля, куда онъ идетъ, Игорь направился къ берегамъ Ѳракіи, выдержалъ здѣсь новую морскую битву съ греками и съ большимъ урономъ возвратился въ отечество. Походъ этотъ продолжался около трехъ мѣсяцевъ, съ іюня до сентября.

Черезъ три года (въ 944 г.) Игорь, желая загладить неудачу, собралъ новое войско, призвалъ варяговъ изъ-за моря, нанялъ печенѣговъ и двинулся на грековъ съ флотомъ и сухопутнымъ войскомъ. Въ устьяхъ Дуная встрѣтили его послы греческіе и предложили такую же дань, какую получилъ Олегъ. Дружина посовѣтовала Игорю взять дары и возвратиться: «Когда царь безъ войны дастъ намъ серебро и золото, говорили совѣтники, то чего болѣе

---

[1]) Карамзинъ, т. I, стр. 148 и пр. 341, 343 и 345.

можемъ требовать? Извѣстно ли кто одолѣетъ? мы ли? они ли? и съ моремъ кто совѣтенъ?». Слѣдствіемъ похода Игоря былъ новый договоръ съ греками, въ главныхъ чертахъ сходный съ Олеговымъ, но болѣе выгодный для грековъ. Въ немъ также постановлено обоюдное охраненіе дружескихъ судовъ и строгое наказаніе за расхищеніе товара, за взятіе въ плѣнъ или убійство людей экипажа. Сверхъ того выговоренъ для жителей Херсонеса (греческой колоніи въ Крыму, близъ нынѣшняго Севастополя) безопасный отъ набѣговъ русскихъ ловъ рыбы въ устьяхъ Днѣпра [1]).

Въ 967 году Святославъ, призванный греческимъ императоромъ для защиты противъ дунайскихъ болгаръ, получивъ на вооруженіе нѣсколько пудовъ золота, явился въ Дунай на лодьяхъ съ 60 тысячнымъ войскомъ и, завоевавъ для себя Болгарію, утвердился въ городѣ Переяславцѣ. Впослѣдствіи, когда Святославъ осажденъ былъ греками въ Доростолѣ (нынѣшней Силистріи) съ Дуная и съ берега, то его флотъ оказалъ ему большую услугу. Въ одну темную бурную ночь князь спустился по Дунаю на своихъ судахъ, съ двумя тысячами воиновъ, удачно пробрался мимо греческаго флота и, собравъ большой запасъ хлѣба и пшена, возвратился благополучно въ Доростолъ.

Сынъ Святослава, Владиміръ, ходилъ на судахъ по Волгѣ противъ камскихъ болгаръ и (въ 988 г.) взялъ у грековъ Херсонесъ. Сдѣлавшись христіаниномъ и вступивъ въ родство съ византійскими императорами, Владиміръ изъ врага превратился въ союзника грековъ и посылалъ имъ войска, пособившія на берегахъ Дарданельскаго пролива одержать побѣду надъ однимъ возмутившимся вельможею. Даже по смерти Владиміра (въ 1016 г.) русскіе помогали грекамъ въ войнахъ противъ хазаръ и болгаръ [2]). Замѣчательно, что и въ то время еще являлись въ Грецію изъ Россіи смѣлые морскіе разбойники. Примѣромъ этого можетъ служить нѣкто по византійскимъ историкамъ Хрисохиръ, назвавшійся родственникомъ князя Владиміра. Онъ пришелъ въ Константинополь моремъ съ 800 человѣкъ, подъ предлогомъ вступленія въ службу императора. Прорвавшись черезъ Босфоръ и Дарданелы, на южномъ

---

[1]) Карамзинъ, т. I, стр. 150—154.

[2]) Извѣстія византійскихъ историковъ, т. III, стр. 101—103

концѣ ихъ, при самомъ выходѣ въ Архипелагъ, у города Абидоса, Хрисохиръ одержалъ побѣду надъ греческими судами, охранявшими проливъ и только въ Архипелагѣ, у острова Лемноса, былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ.

Послѣдній древній морской походъ русскихъ въ Грецію происходилъ въ 1043 году, въ княженіе Ярослава. Причиною войны было случайное убійство въ Константинополѣ одного значительнаго русскаго лица. Начальствовавшій русскими судами сынъ Ярослава, Владиміръ, въ отвѣтъ на предложеніе греческаго императора о мирѣ и обѣщаніе наказать виновныхъ, соглашался на миръ не иначе, какъ съ платою трехъ фунтовъ золота на каждаго изъ своихъ воиновъ. Греки не согласились на такое непомѣрное требованіе и рѣшились сражаться. Русскія суда стояли на томъ же мѣстѣ, гдѣ прежде былъ флотъ Игоря, т. е. при входѣ въ Босфоръ, у Фара. Съ греческимъ флотомъ вышелъ на своей яхтѣ самъ императоръ, а конница пошла берегомъ. Греки, чтобы выманить русскихъ въ море, пустили въ средину ихъ флота три судна съ греческимъ огнемъ. Это дѣйствительно заставило русскихъ сняться съ якоря и, къ счастію грековъ, въ тоже время поднялась сильная буря, потопившая и выбросившая на берегъ множество русскихъ судовъ. Самъ князь едва спасся съ потонувшаго судна.

Послѣ этого 6000 человѣкъ, оставшіеся безъ судовъ, отправились въ обратный путь берегомъ и всѣ погибли въ битвахъ или взяты въ плѣнъ. За самимъ же княземъ, ушедшимъ съ остатками флота, посланы были 14 судовъ. Увидѣвъ за собою погоню, Владиміръ остановился, принялъ сраженіе и одержалъ полную побѣду. Начальникъ греческаго флота былъ убитъ и русскіе съ добычею и плѣнными возвратились въ Кіевъ. [1]).

Отъ частыхъ и грозныхъ плаваній русскихъ судовъ самое Черное море получило тогда названіе *Русскаго* и страхъ, наведенный на жителей Византіи появленіемъ ихъ, находилъ подтвержденіе въ отысканномъ на древней статуѣ пророчествѣ о взятіи Византіи русскими. Статуя эта, стоявшая на одной изъ византійскихъ площадей, была уничтожена крестоносцами въ 1203 году [2]).

---

[1]) Карамзинъ, т. II, стр. 31 и Дорнъ, стр. 39—40.

[2]) Изв. визант. истор., т. III, стр. 159.

Кромѣ береговъ Чернаго моря, полчища русскихъ опустошали также и прибрежья Хвалынскаго или нынѣшняго Каспійскаго моря. По свидѣтельству персидскихъ историковъ, около 880 года русскіе приходили къ городу Абесгуну [1]), но были всѣ истреблены войскомъ владѣтеля Табаристана.

Походы на Каспійское море. (880 – 1175 г.)

Въ 910 году, прійдя на 16-ти судахъ, русскіе высадились у того же города и, разоряя окрестные берега, грабили и убивали жителей. Въ «Макале» [2]) напали на нихъ ночью войска саманидскаго правителя края, причемъ многіе изъ русскихъ были убиты, а оставшіеся въ живыхъ попали въ плѣнъ.

Въ 914 году нѣсколько тысячъ русскихъ, на 500 судахъ, вышли изъ Волги съ разрѣшенія хазаръ, полукочеваго народа, владѣвшаго низовьями Волги и прилегающимъ къ ней степнымъ пространствомъ. Хазары за пропускъ въ море выговорили себѣ при возвращеніи русскихъ половину изъ всей полученной въ набѣгѣ добычи. Миновавъ Дагестанъ, принадлежавшій также хазарамъ, русскіе основали свой притонъ на одномъ изъ острововъ, лежавшемъ противъ Баку и получившемъ, отъ временныхъ своихъ обитателей, названіе *Русскаго*. Отсюда, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, дѣлали они набѣги на западный и южный берега Каспійскаго моря, грабили селенія и собирали добычу. Жители пробовали нападать на ихъ островъ, но были отбиты. При возвращеніи русскихъ черезъ землю хазаровъ, магометане, составлявшіе значительную часть населенія, несмотря на заключенное условіе о пропускѣ, напали на нихъ и большую часть истребили. Спасшіеся погибли при дальнѣйшемъ пути, въ битвахъ съ волжскими болгарами и мордвою. Въ томъ же 914 году, и можетъ быть однимъ изъ отрядовъ, отдѣлившимся отъ главныхъ силъ, дѣйствовавшихъ на западномъ берегу, русскими было сдѣлано нападеніе въ юго-восточномъ углѣ Каспія. Много-

[1]) Значительный торговый городъ, находившійся на юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря, близъ нынѣшняго Серебрянаго бугра. Абесгунскій рейдъ, въ то время, считался лучшимъ въ этой части моря и городъ служилъ торговымъ складочнымъ мѣстомъ для всего края.

[2]) Нынѣшній Міанъ-Кале, во время Екатерины II называвшійся полуостровомъ Потемкина. У оконечности Міанъ-Кале лежатъ острова Ашуръ-аде, на которыхъ расположена наша морская станція, охраняющая персидскіе берега отъ набѣговъ трухменцевъ.

численное скопище ихъ высадилось, какъ можно догадываться, близъ нынѣшняго Ферахабада; опустошая окрестности Астрабадскаго залива и проникнувъ внутрь страны, они сожгли городъ Сари, удаленный около 20 верстъ отъ берега моря. Съ награбленною добычею и плѣнными, русскіе поспѣшили перейти къ Гиляни, гдѣ часть ихъ вышла на берегъ, а часть осталась наморѣ. Гилянцы, напавъ также въ ночное время, перебили русскихъ, бывшихъ на берегу, и сожгли ихъ суда. Оставшіеся же на морѣ удалились, но у западнаго берега встрѣтившими ихъ мѣстными войсками были разбиты и истреблены до послѣдняго человѣка [1]).

Другое значительное нападеніе русскихъ на берега Каспійскаго моря происходило въ 944, то есть, въ годъ втораго похода Игоря на Византію. Русскіе, выйдя изъ Волги, шли вдоль западнаго берега моря до устья Куры. Поднявшись по ней и разбивъ посланное противъ нихъ войско, они взяли богатый городъ Берда или Бердаа, котораго развалины и теперь имѣютъ до 14 верстъ въ окружности. Выступившіе противъ нихъ тридцать тысячъ человѣкъ были ими отражены, и только сильныя болѣзни, происшедшія отъ неумѣреннаго употребленія плодовъ, заставили ихъ удалиться [2]).

Около 1175 года, русскіе вновь опустошили нѣкоторыя мѣста на южномъ и западномъ берегахъ Каспійскаго моря. Они явились въ такомъ большомъ числѣ, что, овладѣвъ значительною частію берега, могли на нѣкоторое время утвердиться въ Шемахѣ. Флотъ ихъ, состоявшій изъ 72 судовъ, находившійся у одного изъ прибрежныхъ островов (Сары—противъ устья Куры или Наргена—у Баку) былъ разбитъ и отогнанъ владѣтелемъ Ширвана.

Такое значительное вторженіе русскіе могли сдѣлать въ союзѣ съ хазарами, владѣвшими Дербентомъ, и какъ въ нашихъ лѣтописяхъ не сохранилось никакого указанія на этотъ набѣгъ, то весьма возможно, что въ немъ участвовали не кіевскіе русскіе, а бродники, въ позднѣйшее время извѣстные подъ именемъ казаковъ [3]).

---

[1]) Дорнъ, стр. 5, 6, 11, 15 и 28.

[2]) Журн. Мин. Нар. Просв.. 1835 г., V, стр. 229—287.

[3]) Бюллетени историко-филологическаго отдѣленія с.-петербургской академіи наукъ. Т. XIV. Статья Ханыкова. Годъ опредѣленъ академикомъ Куникомъ на основаніи показаній грузинской лѣтописи.

Въ нашихъ лѣтописяхъ съ половины XII вѣка [1]), а въ венеціанскихъ и папскихъ грамотахъ въ XIII столѣтіи [2]), подъ разными годами упоминается о бродникахъ, какъ объ отдѣльномъ воинственномъ христіанскомъ народѣ, обитавшемъ гдѣ-то близъ Чернаго или Азовскаго морей. Названіе народа, указывающее на ихъ спеціальность (бродники—моряки) [3]), обитаемая ими мѣстность и, по нѣкоторымъ признакамъ, русская національность, заставляютъ думать, что бродниками называли организованное скопище древней вольницы, получившее впослѣдствіи отъ смѣшенія съ черкесами (косогами) названіе казаковъ.

Полчища русскихъ, громившія въ разное время каспійское прибрежье, могли выходить изъ Днѣпра и Дона, перетаскивая свои лодки изъ Дона въ Волгу по сухому пути, или могли являться съ сѣвера, съ верхнихъ притоковъ Волги.

Русскія морскія суда.

Для возможно-справедливой оцѣнки трудности плаваній и морскихъ битвъ древнихъ руссовъ съ греками, необходимо обратить вниманіе на то, каковы были, въ то время, русскія и греческія суда, въ какомъ состояніи вообще находилось морское дѣло у грековъ и у другихъ сосѣднихъ съ Россіею моряковъ, скандинавовъ, и, наконецъ, посмотрѣть, имѣли ли какое-нибудь вліяніе эти сосѣднія морскія націи на развитіе морскаго дѣла у нашихъ предковъ.

Лѣтописецъ Несторъ, описывавшій морскіе походы первыхъ князей, называетъ безразлично русскія суда *лодьями*, *кораблями* и *скедіями*. Первое названіе и донынѣ сохранилось въ Бѣломъ морѣ, но оно тамъ прилагается къ довольно большому мореходному судну, поднимающему значительный грузъ и ничѣмъ не напоминающему древнюю лодью. *Корабль* (по-гречески καραβος, καράβιον) на славянскомъ языкѣ означалъ всякое плавающее судно, какой бы величины оно ни было. *Скедія* же есть греческое слово Σχέδια, означающее небольшую, легкую лодку, сдѣланную на скорую руку [4]).

---

[1]) Въ Ипатьевской подъ 1147 годомъ, стр. 242; въ Лавр. подъ 1216, стр. 472; въ Лавр. и другихъ подъ 1223 г.

[2]) Подъ 1227, 1231, 1254 и др.

[3]) По сербски: бродар—морякъ, брод—корабль, бродан—судоходный, бродолом—кораблекрушеніе. Сербско-русскій словарь Лавровскаго, стр. 33 и 34.

[4]) Сынъ Отеч. 1814 г., № 2, стр. 54 и 55. Впослѣдствіи, въ XIII

Греческій императоръ Константинъ (Багрянородный), царствовавшій въ половинѣ X вѣка и потому имѣвшій возможность хорошо знать суда руссовъ, называетъ эти суда Μονοξύλα — моноксилами, т. е. *однодеревками.* Въ сочиненіяхъ Константина сохранились значительныя подробности о плаваніи русскихъ судовъ съ товарами отъ мѣстъ постройки ихъ до Константинополя. Все, что говорится императоромъ о торговыхъ судахъ, по одинаковости обстоятельствъ плаванія, можетъ быть примѣнено и къ тѣмъ судамъ, на которыхъ совершались военные походы. По свидѣтельству Константина, суда руссовъ приходили для торговли въ Константинополь изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышеграда. Жители верховьевъ Днѣпра зимою въ лѣсу вырубали однодеревки (κόπτουσι τά μονοξύλα) и раннею весною, какъ-только расходился ледъ, сплавляли ихъ въ ближнія озера и потомъ далѣе по рѣкѣ Днѣпру до Кіева. Здѣсь одни кузовы судовъ продавали руссамъ; весла же, уключины и *другія* принадлежности дѣлали (или брали) сами покупатели изъ старыхъ судовъ. Спаряженныя къ плаванію и нагруженныя товаромъ, суда спускались до крѣпости Витичева, принадлежавшей руссамъ, поджидали здѣсь отсталыхъ и уже всѣ вмѣстѣ шли къ Днѣпровскимъ порогамъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ перваго, довольно опаснаго порога, часть людей выходила на берегъ, нѣсколько человѣкъ, ходя по рѣкѣ, отыскивали удобное и менѣе каменистое мѣсто для провода судовъ, а другіе, оставшіеся на судахъ, упираясь шестами, проводили суда съ большимъ трудомъ между камнями и берегомъ. На третьемъ порогѣ *Неясыть,* самомъ большомъ, изъ опасенія нападенія печенѣговъ, часть дружины оставалась на-сторожѣ, суда совершенно разгружали, товары несли на рукахъ, а назначенныхъ для продажи невольниковъ скованными вели около четырехъ верстъ берегомъ. Самыя же суда тащили волокомъ или несли на плечахъ до конца порога. Миновавъ всѣ пороги и опасное мѣсто отъ нападенія печенѣговъ (гдѣ Днѣпръ пересѣкала дорога изъ Россіи въ Корсунь), русскіе пріѣзжали къ острову Св. Григорія, гдѣ приносили жертвы и совершали разныя гаданья; отсюда въ четыре дня достигали они

вѣкѣ и позднѣе, въ нашихъ лѣтописяхъ вообще, для означенія всякаго довольно большаго судна, употреблялось слово «*судно*».

до острова Св. Эйѳерія, лежащаго въ Днѣпровскомъ устьѣ, отдыхали тутъ обыкновенно два, три дня и между тѣмъ *снабжали свои суда потребными вещами*, а именно парусами, мачтами и рулями, которые привозили съ собою—однимъ словомъ, приготовляли все необходимое для морскаго плаванія. Потомъ они шли вдоль берега, при попутномъ вѣтрѣ подъ парусами, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приставали для отдыха и запаса провизіи и воды. Сулинское устье Дуная было послѣднее мѣсто, у котораго могли нападать печенѣги. Если здѣсь прибивало, какъ часто случалось, нѣкоторыя суда къ берегу, то всѣ плаватели выходили на берегъ и общими силами защищались отъ непріятеля. Пройдя часть берега, принадлежавшую болгарамъ, русскія суда подходили къ Мессемвріи, первому греческому городу, гдѣ уже были въ безопасности [1]).

Настоящій разсказъ любознательнаго современника, имѣвшаго по своему положенію всѣ средства собрать возможно-вѣрныя свѣдѣнія, особенно важенъ потому, что, кромѣ объясненія способовъ плаванія по Днѣпру, онъ представляетъ общую характеристику торговаго (въ главныхъ чертахъ сходнаго съ военнымъ) плаванія по рѣкамъ и морямъ древней Россіи. Изъ описанія Константина видно, что купцы того времени были тѣ же воины, и отличіе флота, идущаго въ военный набѣгъ, отъ купеческаго каравана могло состоять только въ томъ, что вмѣсто товаровъ и невольниковъ на первомъ были одни воины и ихъ оружіе. Относительно же самыхъ судовъ слѣдуетъ заключить, что они, во-первыхъ, были такъ велики, что могли выходить въ море съ значительнымъ числомъ людей и извѣстнымъ грузомъ, и, во-вторыхъ, такъ легки, что переносились на рукахъ на значительныя разстоянія.

Число людей въ каждомъ суднѣ, бывшемъ съ Олегомъ, лѣтописецъ Несторъ опредѣляетъ положительно въ 40 человѣкъ. Константинъ Багрянородный говоритъ о бывшихъ съ греческимъ флотомъ въ Италіи семи русскихъ судахъ, на которыхъ было 415 руссовъ, т. е. на каждомъ около 60 человѣкъ [2]). Помѣщеніе подобнаго экипажа, съ необходимымъ оружіемъ и хотя съ самымъ ограничен-

[1]) Изв. визант. истор., т. III, стр. 34—42.
[2]) Тамъ же, стр. 22.

нымъ запасомъ провизіи и воды, требовало для судна такихъ размѣровъ, которые еслибы и были возможны въ однодеревкѣ по величинѣ дерева, то не могли бы доставить судну необходимой крѣпости, собственно потому, что большая высота бортовъ дѣлала неизбѣжнымъ въ носу и кормѣ значительную перетесь древесныхъ волоконъ, при которой обѣ оконечности были бы очень слабы.

Слѣдующія соображенія представляютъ возможность съ достаточною вѣроятностію опредѣлить, на какихъ именно судахъ первые наши князья совершали морскіе походы. Спустя нѣсколько столѣтій, плавали по Черному морю запорожскіе казаки при тѣхъ же обстоятельствахъ и съ тѣми же цѣлями, съ какими плавали и флоты древнихъ князей. Запорожцы выходили также изъ Днѣпра и, избѣгая непріятелей, нерѣдко перетаскивали свои челны на значительное разстояніе берегомъ. Даже число людей на каждомъ челнѣ было также до 60 человѣкъ. Челны эти состояли изъ *однодеревнаго днища съ приставленными къ нему, для увеличенія высоты бортовъ, набойными досками.*

На нашемъ сѣверномъ поморьѣ въ прошедшемъ столѣтіи существовали еще суда, называемыя *шитики*, на которыхъ прибавочныя доски буквально пришивались къ однодеревному днищу ивовыми вѣтвями. Даже до настоящаго времени на сѣверѣ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ древнихъ новгородскихъ владѣній, сохранились суда подобной постройки; именно: на сѣверномъ поморьѣ — *шняки*, у которыхъ бортовыя доски еще недавно пришивались, а можетъ быть и теперь пришиваются такъ-называемою *вицею*, т. е. корнемъ можжевельника или тоненькою веревочкою; въ бассейнѣ Бѣлоозера — *бѣлозерки* и въ Вологодской губерніи, на рѣкахъ Югѣ и Сухонѣ — *набойни*. У иныхъ изъ этихъ судовъ на плоскомъ днищѣ набиваются два бруска, служащіе полозьями, облегчающими перетаскиваніе судна берегомъ [1]).

---

[1]) На глубокую древность способа обработки у насъ однодоревокъ указываетъ сохранившаяся до сихъ поръ выдѣлка челноковъ, называемыхъ на сѣверѣ *трубами*. Выбравъ годное къ дѣлу осиновое дерево, посредствомъ клиньевъ, дѣлаютъ на немъ трещину, величиною соразмѣрную длинѣ челнока. Потомъ, спустя нѣсколько времени, утолщаютъ клинья и забиваютъ распорки, такимъ образомъ, что трещина получаетъ фигуру и величину близкую къ внутренности челнока. Эта операція продолжается отъ двухъ до пяти лѣтъ.

БИБЛИОТЕКА МУЗЕЯ ... ОТДЕЛ ... НО

Названіе *набойная* лодья упоминается въ Правдѣ Ярославовой (древнѣйшихъ русскихъ законахъ XI вѣка); по ней, воръ долженъ былъ, кромѣ пени въ казну, платить владѣльцу за украденную у него *морскую лодью* одинаково съ платою за хорошаго коня, именно 3 гривны, а за *набойную лодью* — цѣну простой лошади, т. е. 2 гривны. Здѣсь названіе *морская* лодья, противопоставленное *набойной*, сначала заставляетъ думать, что морская лодья была не набойная, а какой нибудь другой постройки; но основываясь на опредѣлительномъ свидѣтельствѣ императора Константина объ однодревкахъ и приведенныхъ выше доказательствахъ, нельзя не допустить, что *морская* лодья временъ Ярославовыхъ была также набойная и отличалась отъ неморской только величиною, болѣе прочнымъ крѣпленіемъ и принадлежностями необходимыми для морскаго плаванія, какъ-то: мачтою, парусомъ и т. п. Незначительная разность взысканій за покражу обѣихъ лодей показываетъ, что, не считая морскихъ принадлежностей, стоимость самыхъ кузововъ (корпусовъ) лодей была почти одинакова; а это обстоятельство, до извѣстной степени, подтверждаетъ и одинаковость постройки [1]).

Потомъ дерево срубаютъ, излишнюю древесину выжигаютъ или вырубаютъ, во внутренность колоды наливаютъ воды и держатъ ее около недѣли, затѣмъ, вылив воду, раскладываютъ по всей длинѣ колоды огонь, который не сожигаетъ, а только распариваетъ сырое дерево и придаетъ ему большую гибкость. При размягченіи дерева легко придаютъ внутренности челнока, распорками, настоящую фигуру и обтесываютъ его насколько требуется съ наружной стороны. Для окончательной отдѣлки внутрь челнока ставятъ словыя *опруги* (ребра, шпангоуты) и нашиваютъ вицею нѣсколько поясовъ досокъ (нашвы). Этотъ младенческій способъ производства (въ которомъ являются также нашивныя доски), по своей технической отчетливости и достиженію результатовъ не средствами цивилизованнаго человѣка, а терпѣніемъ и сметкою дикаря, указываетъ на своё весьма древнее происхожденіе и въ добавокъ еще объясняетъ то важное обстоятельство, что ширина однодеревки въ серединѣ верхней ея части можетъ быть болѣе толщины того дерева, изъ котораго она вырублена. (О купеческомъ судостроеніи въ Россіи, Богославскаго).

[1]) Аналогическое обстоятельство, относительно названій судовъ, встрѣчается въ царствованіе Алексѣя Михайловича. При возвращеніи разбойника Разина, изъ Каспійскаго моря въ Волгу, воеводы отбирали у его шаекъ *морскіе* струги и въ замѣнъ ихъ давали струги *рѣчные*; но *морскіе* струги Разина были тѣ же казацкіе, набойные челны. (Бунтъ Стеньки Разина, Костомарова, стр. 83 и 87).

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
491/84
5941

Возвращаясь къ описанію императора Константина, мы не можемъ не обратить вниманія на то, что по его словамъ купцы, отправлявшіеся въ Черное море, покупали *однѣ только* лодки, т. е. однодеревные челноки или днища пригнанные съ верховьевъ Днѣпра; а что весла, уключины и *другія* принадлежности дѣлались или брались въ Кіевѣ изъ старыхъ судовъ. Въ числѣ приготовленій однодеревокъ къ морскому плаванію, о которыхъ упоминаетъ Константинъ, могла происходить и придѣлка или вѣрнѣе «пригонка« къ однодеревымъ днищамъ *набойныхъ* досокъ. До пороговъ онѣ могли не прикрѣпляться вовсе или прикрѣпляться временно, съ тѣмъ, чтобы въ порогахъ ихъ можно было снимать и нести отдѣльно отъ днищъ. Наконецъ, во время остановки, въ устьѣ Днѣпра у острова Св. Эйѳерія, гдѣ дѣлались уже окончательныя приготовленія къ выходу въ море, вмѣстѣ съ мачтами, парусами и рулями укрѣплялись окончательно и набойныя доски. Всѣ эти подробности, согласныя съ сущностью самаго дѣла, нетолько не противорѣчатъ, но подтверждаются разсказомъ Константина. Значительные же размѣры однодеревныхъ днищъ для тогдашнихъ лѣсовъ не представляли ничего невозможнаго[1]).

Сводя всѣ указанія, должно остановиться на заключеніи, что суда, на которыхъ совершались морскія плаванія первыхъ русскихъ князей, имѣли однодеревныя днища, съ приставными къ нимъ набойными досками. Суда эти обыкновенно ходили на веслахъ, а при попутномъ вѣтрѣ пользовались парусомъ. Сохранявшееся многія столѣтія употребленіе подобныхъ судовъ объясняется простотою ихъ постройки, крѣпостію, помѣстительностію и другими качествами, удовлетворительными для морскихъ плаваній, а наконецъ также и легкостію переноски по сухому пути, при чемъ судно могло разбираться на части.

---

[1]) Въ XV столѣтіи на островахъ Волги расли такія липы, «что изъ одного кряжа можно выдолбить лодку, на которой помѣстятся 8 или 10 лошадей и столько же людей.» (Библіотека иностр. писателей о Россіи. Т. I. 57. Путешествіе Барбаро въ Тану). Немногія особи громадныхъ деревъ, пощаженныхъ временемъ и человѣкомъ, можно изрѣдка встрѣтить и въ настоящее время, такъ напр. на берегу Камы, недалеко отъ пароходной пристани «Пьяный Боръ», стоитъ осокорь (дерево, растущее также и на островахъ Волги), имѣющій въ окружности около десяти аршинъ.

На такихъ-то судахъ древніе русскіе воины переплывали Черное море, наводили ужасъ на самую Византію, вступали въ бой съ греческимъ флотомъ и иногда одерживали надъ нимъ побѣды.

Торговыя суда Болгаръ.

Кромѣ этихъ челновъ, на рѣкахъ внутри страны, употреблялись разнообразныя малыя и легкія лодки, а для перевозки значительныхъ грузовъ товара строились большія грузовыя суда въ родѣ нынѣшнихъ барокъ, составляющихъ первый шагъ отъ простаго плота къ кораблю. Такъ, напримѣръ, мусульманскіе писатели упоминаютъ о большихъ болгарскихъ торговыхъ судахъ, плававшихъ по Волгѣ, которыя отъ устья Камы по Волгѣ и Шекснѣ до Бѣлоозера въ землю веси (1165 верстъ) шли около трехъ мѣсяцевъ, т. е. среднимъ числомъ дѣлали около 13 верстъ въ сутки. Или изъ Итиля (Астрахани) до Булгаръ арабскіе купцы, пройдя степью около мѣсяца, подымались потомъ Волгою около двухъ мѣсяцевъ; по теченію же отъ Булгаръ до Итиля спускались въ 20 дней [1]).

Боевыя преимущества грековъ передъ русскими.

Греки, на которыхъ русскіе князья рѣшались нападать на своихъ однодеревкахъ, противопоставляли смѣлымъ врагамъ все, что было выработано въ морскомъ дѣлѣ впродолженіи цѣлыхъ вѣковъ моряками разныхъ націй, издревле плававшихъ по Средиземному и Черному морямъ. Суда грековъ крѣпкой постройки, приспособленныя къ битвѣ, были настоящія подвижныя крѣпости, у которыхъ бортъ замѣнялъ брустверъ, а боевыя машины—нынѣшнюю артиллерію. Выбрасываемые этими машинами снаряды—обыкновенно тяжелые камни—могли поражать непріятеля на значительномъ разстояніи; въ случаѣ же сколько-нибудь свѣжаго вѣтра, греческія суда имѣли полную возможность просто давить и пускать ко дну слабые челны своихъ противниковъ. Русскіе воины хотя имѣли шлемы и кольчуги и, можетъ быть, прикрывались большими щитами употреблявшимися въ битвахъ на сухомъ пути [2]); но при всемъ этомъ они были въ крайне невыгодномъ положеніи, когда при абордажѣ, имъ приходилось со своихъ лодокъ взбираться на довольно высокіе борта греческихъ судовъ, подъ ударами стоявшаго за ними экипажа и стрѣлъ воиновъ, помѣщавшихся на мачтѣ.

[1]) Магом. Нумизм., Савельева, стр. LXVII, CXXVI и CXXVII.
[2]) Исторія Льва діакона. Перев. Попова. 1820 г. Стр. 89.

Въ прибавокъ ко всему этому, въ распоряженіи грековъ былъ страшный греческій огонь. При такомъ неравенствѣ положеній сражавшихся, русскіе могли побѣждать грековъ только неожиданнымъ или вообще быстрымъ приближеніемъ къ ихъ судамъ и абордажемъ; при чемъ, разумѣется, должны были терять много судовъ и воиновъ.

Весьма вѣроятно, что, кромѣ отчаянной храбрости, со стороны слабаго средствами противника употреблялись и всевозможныя военныя хитрости, иногда съ успѣхомъ замѣнявшія силу. Историки свидѣтельствуютъ, что славяне въ битвахъ на сухомъ пути умѣли съ большимъ искусствомъ пользоваться мѣстными обстоятельствами, неожиданно нападали на врага, отлично скрывались въ травѣ и особенно въ рѣкахъ, гдѣ, погружаясь совершенно въ воду, они дышали чрезъ тростинку. Подобные воины въ морской битвѣ не могли упускать никакой благопріятной для себя случайности, и для нанесенія вреда непріятелю употребляли все чему научала ихъ суровая жизнь, исполненная опасностей. Если, съ одной стороны, море представляло для военныхъ хитростей менѣе удобствъ, чѣмъ земля, то съ другой, нельзя отрицать, что изобрѣтательность, быстрая находчивость и умѣнье достигать успѣха съ ничтожными средствами нигдѣ такъ не развиваются какъ на морѣ. Постоянная борьба съ опасностями, безпрестанныя неожиданности и отсутствіе посторонней помощи заставляютъ моряка полагаться на собственныя силы и извлекать все изъ малыхъ средствъ, находящихся у него подъ руками.

Греческій флотъ.

Военныя суда грековъ, съ которыми приходилось сражаться флотамъ древнихъ русскихъ князей, имѣли характеръ галеръ. На бо̀льшихъ изъ нихъ, называемыхъ *дромонами*, было по два ряда гребцовъ, помѣщавшихся одинъ надъ другимъ. Въ каждомъ ряду находилось не менѣе 25 банокъ, или 50-ти веселъ и на каждомъ веслѣ сидѣлъ одинъ гребецъ. Кромѣ гребцовъ, на дромонахъ были и собственно солдаты, помѣщавшіеся во время боя на носу и кормѣ; солдаты назначались для первой схватки съ непріятелемъ, затѣмъ вступили въ бой лучшіе и храбрѣйшіе воины — гребцы верхняго ряда, слабые же и менѣе надежные помѣщались въ нижнемъ ряду веселъ, подъ закрытіемъ палубы, и выходили уже послѣдними.

Дромоны обыкновенно имѣли около 135 футовъ длины, но были

и бо́льшихъ размѣровъ, которыхъ экипажъ состоялъ изъ 200 и даже изъ 300 человѣкъ. Малые дромоны, называвшіяся *памфилами*, при необходимой для военныхъ цѣлей легкости хода и поворотливости, строились достаточно крѣпкими для того, чтобы безопасно выдерживать удары непріятельскихъ судовъ, при свалкѣ на абордажъ. Довольно большіе и глубоко сидящія въ водѣ *Хеландіи*, употреблялись преимущественно для перевозки кавалеріи.

Обыкновенными средствами нападенія и защиты, покуда еще судно не свалилось съ непріятельскимъ, были стрѣлы и камни. Первыя бросались съ верхней палубы, изъ бортовыхъ отверстій, въ которыя проходили весла нижняго ряда, и также изъ особенныхъ ящиковъ, поднимавшихся съ стоявшими въ нихъ стрѣлками до половины высоты мачты. Кромѣ того, на носу и кормѣ дромоновъ дѣлались башенки, въ которыхъ помѣщались также стрѣлки. Мелкіе камни бросали пращами, а крупные помощію особенныхъ машинъ (употреблявшихся и на сухомъ пути), называемыхъ балистами. Эти машины, до изобрѣтенія пороха, замѣняли пушки. Отъ непріятельскихъ снарядовъ, кромѣ корабельнаго борта, воины прикрывались щитами, а балисты особенными турами, сплетенными изъ веревокъ или конскаго волоса.

Легкія суда, *либурны* или галеасы, были сравнительно уже дромоновъ, ниже ихъ на водѣ, имѣли одинъ рядъ веселъ и на носу деревянный таранъ. Либурны, какъ болѣе легкія и ходкія суда, употреблялись обыкновенно для бросанія греческаго огня.

Кромѣ веселъ, греческія суда имѣли паруса, но ставили ихъ только при попутныхъ вѣтрахъ. Въ битву суда грековъ шли въ линіи, сохраняя между собою разстояніе, необходимое для свободнаго дѣйствія веселъ. При большемъ числѣ судовъ флотъ раздѣлялся на три линіи или отряда. За первой линіей, на разстояніи полета стрѣлы, шла вторая, а за нею, на такомъ же разстояніи,— третья. При каждомъ отрядномъ начальникѣ находился трубачъ, для передачи сигналовъ, особенно ночью и въ туманъ. Кромѣ трубы, словесныя приказанія начальниковъ на греческомъ флотѣ передавались на шлюпкахъ. Дневные сигналы дѣлались разноцвѣтными флагами и вымпелами; ихъ держали въ рукахъ или поднимали на копьѣ въ разныхъ мѣстахъ дромона, держа древко копья прямо или наклонно.

Обыкновенный маневръ тогдашней греческой тактики, если позволяло число судовъ, заключался въ томъ, чтобы, подходя къ непріятелю, загибать постепенно концы линіи, состоявшіе изъ болѣе легкихъ судовъ и, такимъ образомъ, окруживъ непріятеля, стараться уничтожить его, не давая возможности къ отступленію. Греки имѣли даже письменную морскую тактику, составленную императоромъ Львомъ философомъ [1]).

Такимъ образомъ, противникомъ легкихъ русскихъ челновъ былъ флотъ, на которомъ существовали всѣ улучшенія и приспособленія, представляемыя тогдашнимъ морскимъ искусствомъ; причемъ нельзя забывать, что сами греки съ глубокой древности постоянно пользовались заслуженною славою отличныхъ моряковъ. Поэтому побѣды русскихъ надъ такими противниками представляли большія трудности и должны быть по справедливости отнесены къ геройской храбрости нашихъ предковъ, ихъ ловкости въ управленіи судами и вообще привычкѣ къ морю.

Допуская, какъ оно было и на самомъ дѣлѣ, что древніе русскіе флоты плавали въ Черномъ морѣ въ лучшее время года, весной или лѣтомъ, что они болѣе держались береговъ, на которыхъ имѣли знакомыя удобныя мѣста для отдыховъ гребцовъ, необходимаго пополненія провизіи, воды и неизбѣжныхъ починокъ судовъ, наконецъ, что вожаки или лоцмана ихъ по нѣкоторымъ признакамъ заранѣе могли предузнавать бурю и скрываться отъ нея въ извѣстныхъ имъ безопасныхъ прибрежныхъ мѣстахъ,—при всемъ этомъ, нельзя не удивляться дерзкой отвагѣ подобныхъ плаваній, во время которыхъ на бурномъ Черномъ морѣ представлялись тысячи гибельныхъ случайностей.

Сношенія обитателей древней Россіи съ другимъ сосѣднимъ народомъ — скандинавами — были до того близки, что какъ мы видѣли, русскіе, иногда, нанимали ихъ для морскихъ походовъ въ Византію; а иногда, случалось и нашимъ князьямъ избѣгая опасности на родинѣ, искать спасенія у скандинавовъ. Такія связи допускаютъ предположеніе, что Скандинавія, какъ лучшая морская школа того времени, могла имѣть значительное вліяніе на развитіе морскаго дѣла въ Россіи. Чтобы судить, въ ка-

---

[1]) Archéologie navale, par. Jal. I. 234—251.

кой степени дѣйствительность оправдываетъ подобную догадку, необходимо ознакомиться съ тогдашнимъ состояніемъ скандинавскаго мореплаванія и потомъ посмотрѣть, оставило ли оно какіе нибудь слѣды въ древней Россіи.

Суда скандинавовъ.

Быстро развившееся мореходство скандинавовъ, въ половинѣ XI вѣка стояло уже на довольно высокой степени, какъ въ боевомъ, такъ и собственно въ морскомъ отношеніяхъ. Война и далекія морскія плаванія составляли существенную часть жизни скандинавовъ или, какъ ихъ называли въ западной Европѣ—нормановъ. Суда ихъ принадлежали также къ роду галеръ, ходили на веслахъ и подъ парусами. Бо́льшія изъ нихъ, по фигурѣ, изображенной на носу, назывались *дракамп* (драконами—отъ датскаго слова: drage—драконъ), меньшія *снеками* или—*шнеками* (snek—змѣй), *карфами* и т. п., а легкія лодки—*холькерами* (holker) [1]. Слово холькеръ происходитъ отъ древняго готскаго holk, означавшаго выдолбленный кряжъ дерева, или, въ приложеніи къ лодкѣ—однодеревку.

Наружность дракона, представляла миѳологическое чудовище: на носу и кормѣ были сдѣланы голова и хвостъ, на бортахъ выдѣланы или нарисованы крылья, лапы и чешуя. Вообще у скандинавовъ суда начальниковъ отличались носовыми фигурами вызолоченными, посеребренными или сдѣланными изъ полированной бронзы и изображавшими людей или животныхъ. Фигуры эти, замѣнявшія гербы или флаги, показывали какой націи или какому лицу принадлежало судно. Носовыя фигуры снимались во время плаванія въ морѣ. Владѣлецъ, желавшій почему-либо сохранить инкогнито, не выставлялъ на своемъ суднѣ носовой фигуры.

Дорого стоющіе драконы могли снаряжать только богатые владѣтели, для которыхъ эти суда составляли гордость и славу. Огромнѣйшій изъ извѣстныхъ драконовъ имѣлъ 34 весла на каждой сторонѣ и, слѣдовательно, длина его была около 130 или 140 футовъ. Роскошь въ украшеніи такихъ судовъ доходила до крайности. Кромѣ того, что паруса раскрашивались разными крас-

[1]) Эти холькеры не должно смѣшивать съ голькамп или холькамп (holk), служившими въ XV вѣкѣ для каперства у любчанъ и помѣщавшими до 200 человѣкъ экипажа. Sveriges sjökrigs—historia i sammandrag, of C. A. Gylliengranat, 91.

ками, на нихъ рисовались также фигуры, означавшія, кому принадлежитъ судно; иные драконы имѣли золоченную мачту, паруса вышитые золотомъ, а такелажъ изъ пурпуроваго шелка. Разумѣется, соотвѣтственно этому и самый корпусъ судна былъ щедро покрытъ золотомъ. Подобный драконъ, по словамъ поэта, «казался сдѣланнымъ изъ чистаго золота и блисталъ такими чудными лучами, какъ солнце отраженное океаномъ».

Шнеки, карфы и др. имѣли на каждой сторонѣ около 15 или 20 веселъ и, сравнительно, были короче и ниже драконовъ.

Скандинавскія суда строились почти плоскодонными и не глубоко сидѣли въ водѣ. Грузовая ихъ ватерлинія имѣла фигуру близкую къ прямоугольнику съ закругленными углами; носъ и корма были полные, и средніе шпангоуты поднимались отъ воды вертикально. При подобной формѣ суда эти были очень устойчивы и легко всходили на валы. Вообще, характеръ образованія древнихъ скандинавскихъ судовъ напоминаетъ нынѣшніе голландскіе галліоты и шведскіе гурки (hourque), служащіе для перевозки лѣса.

Носъ и корма скандинавскихъ судовъ имѣли одинаковое образованіе, а потому, въ случаѣ необходимости, онѣ могли идти одинаково хорошо и заднимъ ходомъ. Подобное свойство, позволяющее измѣнять направленіе судна быстро и безъ большой циркуляціи, представляло важное удобство въ узкостяхъ и во время боя. Легкости поворотовъ способствовало и то, что вмѣсто руля служило особое широкое загребное весло, привязанное на кормѣ съ правой стороны, а иногда и два весла, по одному на каждой сторонѣ.

Скандинавскія суда имѣли съемную мачту, на которой поднимался одинъ большой четвероугольный рейковый парусъ, имѣвшій шхоты, гитовы, гордени и есть даже темное указаніе на существованіе буленей, что весьма важно, какъ признакъ возможности лавировки [1]). Брать рифы норманы умѣли уже въ XII вѣкѣ. У обыкновенныхъ судовъ паруса шились изъ простой парусины, а такелажъ былъ выплетенъ изъ ремней. Якоря норманскихъ судовъ походили на нынѣшнія, только не имѣли штоковъ.

---

[1]) Замѣчательно, что одно изъ первыхъ точныхъ свѣдѣній о существованіи «булиней», является не ранѣе 1513 года и находится въ письмѣ лорда адмирала Эдварда Гоуэрда къ королю Генриху VIII. (Murray. Shipbuilding. стр. 10).

Норманы совершали большие морскiе переходы и потому должны были имѣть на своихъ судахъ, кромѣ необходимаго оружiя и разныхъ судовыхъ запасныхъ вещей, еще достаточное количество провизiи и воды, а иногда они брали съ собою и лошадей. Для помѣщенiя всего этого большiя суда на носу и кормѣ имѣли палубу, подъ которою устраивались разныя отдѣленiя для провизiи и другихъ предметовъ, а также и каюты для начальствующихъ лицъ. Въ кормовой каютѣ жилъ владѣтель судна, въ носовой помѣщался арсеналъ и лазаретъ. Средняя часть, для защиты экипажа отъ дождя, накрывалась полотномъ, пропитаннымъ смолою. Близъ кормовой и носовой каютъ находились открытыя льяла для отливанiя воды.

Боевыя суда нормановъ, для защиты воиновъ отъ непрiятельскихъ снарядовъ, имѣли высокiе борта и иногда на кормѣ возвышенную платформу, въ родѣ башни, окруженную зубчатою стѣною. Это возвышенiе называлось замкомъ (kostal, англ. kastle); на немъ становились стрѣлки, бросавшiе стрѣлы, камни, куски свинца и горшки, наполненные золою или известью, съ цѣлiю засыпать ими глаза непрiятелю. Для бросанiя этихъ снарядовъ норманы употребляли не пращи, а палку съ привязаннымъ къ концу ея мѣшечкомъ, въ который и помѣщался снарядъ, летѣвшiй по назначенiю при размахѣ палки. Въ числѣ оружiя были мечи, сабли, топоры, дротики и булавы. Воины, стоявшiе на палубѣ, размѣщались вдоль борта и закрывались сплошнымъ рядомъ своихъ щитовъ, кромѣ того, у нихъ были шлемы съ кольчугами покрывавшими шею.

Иныя суда близъ грузовой ватерлинiи имѣли толстый металлическiй поясъ, служившiй бронею; къ носу онъ оканчивался тараномъ, назначавшимся для пробитiя непрiятельскаго судна; такiя суда назывались броненосцами.

На случай абордажа, на нокахъ рей придѣлывались желѣзные крючья, и къ мачтѣ привѣшивались тяжелыя скрѣпленныя желѣзомъ бревна, которыя, раскачиваясь въ родѣ тарана, могли поражать людей и ломать бортъ непрiятельскаго судна.

При сраженiяхъ цѣлыми флотами, суда нормановъ строились въ линiю; самыя большiя становились въ середину и даже, для большей силы при атакѣ, связывались вмѣстѣ, бортъ съ бортомъ, по два и по три судна. Послѣ перваго натиска шли въ дѣло стрѣлы

и разные метательные снаряды, а потомъ суда сваливались на абордажъ.

Маневръ прорѣзыванія непріятельской линіи, флотомъ, построеннымъ въ видѣ треугольника, цѣнился у нормановъ такъ высоко, что они приписывали изобрѣтеніе его внушенію самого Одина — бога войны. Скандинавы имѣли и сигналы, дѣлаемые разноцвѣтными щитами и флагами. Суда, предназначавшіяся для военныхъ цѣлей, строились въ Скандинавіи на средства цѣлыхъ общинъ и составляли особый видъ налога.

Не смотря на отдаленныя, трудныя плаванія нормановъ, мореходныя свѣдѣнія ихъ ограничивались знаніемъ положенія странъ свѣта, опредѣляемыхъ по солнцу и звѣздамъ, знакомствомъ съ положеніемъ и примѣтными мѣстами береговъ, господствующими вѣтрами и другими особенностями тѣхъ морей, по которымъ имъ приходилось часто плавать. Замѣтимъ, что гдѣ только была возможность, норманы, также какъ и наши древніе русскіе моряки, держались недалеко отъ береговъ и плаванія свои, кромѣ рѣдкихъ исключеній, совершали обыкновенно въ лучшее время года: весною и лѣтомъ [1]).

Молчаніе лѣтописей о развитіи русскаго мореходства.

Сравнивая съ судами грековъ и скандинавовъ современныя имъ русскія однодеревки, едва на шагъ удалившіяся отъ простаго челнока, кажется необъяснимымъ, какимъ образомъ наши предки, при такомъ высокомъ состояніи флотовъ у обоихъ сосѣднихъ народовъ, могли оставаться при своихъ утлыхъ лодкахъ? Лѣтописи наши говорятъ о вызовѣ князей изъ *за моря*, о наймѣ варяговъ для *морскихъ* походовъ въ Константинополь, о бѣгствѣ *за море* Св. Владиміра во время княженія брата его Ярополка; но откуда и на чемъ прибыли князья, на чемъ и куда пріѣзжали варяги, гдѣ именно провелъ князь Владиміръ два года своего пребыванія внѣ Россіи и на чемъ возвратился въ отечество съ дружиною варяговъ? На всѣ эти вопросы лѣтописцы не только

---

[1]) Свѣдѣнія о норманскихъ судахъ взяты изъ слѣдующихъ сочиненій: Archéologie navale, par Jal. I. 129—156; тамъ же memoire № 3. Gyliengranat I. 16—21. Histoire des expèditions maritimes des normands, par Depping I. 65—79. Походы Викинговъ. Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей. 1860 г. книга 3-я, стр. 248—252.

не даютъ ясныхъ отвѣтовъ, но у нихъ не встрѣчается даже и темныхъ намековъ на то, чтобы сношенія со скандинавами и греками оказали какое либо вліяніе на развитіе нашего мореходства. Только въ 1151 году, по случаю защиты Кіева княземъ Изяславомъ, лѣтописецъ съ удивленіемъ отзывается о военно-морскомъ усовершенствованіи, будто бы изобрѣтенномъ самимъ княземъ. Изяславъ, по словамъ лѣтописи, придумалъ удивительныя лодьи: на нихъ видны были только однѣ весла, а гребцы, прикрытые досками (палубою), были невидимы; воины же стояли наверху, въ броняхъ, и стрѣляли; кормщиковъ было два,— одинъ на кормѣ, а другой на носу, и куда хотятъ, туда и направляютъ лодью, не поворачивая ее[1]). Изъ этого весьма обстоятельнаго описанія видно, когда именно на боевыхъ судахъ русскихъ, по крайней мѣрѣ находившихся въ Кіевѣ, въ первый разъ явилась палуба и заимствованное отъ норманновъ одинаково удобное движеніе носомъ и кормою. Монахъ-лѣтописецъ, приписавшій такое устройство изобрѣтательности Изяслава, очевидно не видѣлъ и не слыхалъ ни о какихъ другихъ судахъ, кромѣ безпалубныхъ лодокъ, ходившихъ по Днѣпру. Это мѣсто лѣтописи ясно доказываетъ, что и въ XII вѣкѣ въ искусствѣ судостроенія русскіе весьма не далеко отошли отъ своей древней однодеревки.

Изобрѣтеніе князя Изяслава.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, начало смѣлыхъ морскихъ походовъ, совпадающее съ временемъ водворенія князей (или, что все равно, ихъ дружинниковъ) въ Кіевѣ, заставляетъ видѣть въ нихъ свѣдущихъ и энергическихъ моряковъ; съ другой — изобрѣтеніе Изяслава показываетъ, что въ трехсотлѣтнее управленіе князей не было сдѣлано ничего, для улучшенія морскаго дѣла. По какимъ же причинамъ тѣ самые владѣтели, которые могли выводить къ Византіи тысячи судовъ и одерживать морскія побѣды,— у себя дома, ни въ чемъ не проявили своихъ морскихъ знаній и незаимствовали ничего полезнаго отъ флотовъ двухъ сосѣднихъ націй?

Первые князья не улучшили мореплаванія.

---

[1]) «Исхитрилъ Изяславъ лодьѣ дивно: бѣша въ нихъ гребьци гребуть невидимо, токмо весла видѣти, а человѣкъ бяше не видѣти, бяхуть бо лодьѣ покрыты досками, бяхуть же борци стояще горѣ во броняхъ и стрѣляюще, а кормчика 2 бѣста, единъ на кормѣ, а другой на носѣ, и аможе хотяхуть тамо поидяхуть не обращающа лодьями.» (Полное собр. русск. лѣтописей, Т. I. 142.)

Если обитатели Россіи, до правленія князей были вовсе незнакомы съ морскими плаваніями и постройкою мореходныхъ челновъ, то быстрое созданіе, въ такой странѣ, громадныхъ флотилій представляется дѣломъ весьма сомнительнымъ. Какъ ни проста была архитектура древнихъ челновъ, но для одновременной постройки ихъ въ числѣ многихъ сотенъ, необходимо было устроить, въ томъ или другомъ видѣ, цѣлое адмиралтейство съ тысячами рабочихъ, что при тогдашнемъ младенческомъ состояніи государства было немыслимо, да и власть первыхъ князей была не настолько сильна, чтобы побороть упорное сопротивленіе, съ которымъ всякой неразвитой народъ встрѣчаетъ новое для него дѣло.

Можно сказать, что князья для морскаго похода не строили новыхъ судовъ, а забирали или нанимали ихъ у сосѣднихъ приморскихъ жителей; но это будетъ одно предположеніе, между тѣмъ, какъ по свидѣтельству императора Константина существованіе въ Россіи хорошо организованной постройки морскихъ челновъ, составляетъ несомнѣнный фактъ. Хотя свѣдѣнія Константина вѣкомъ позднѣе начала походовъ, но не надо забывать, что для того, чтобы подъ вліяніемъ мѣстныхъ потребностей сложилась такая правильная система снаряженія судовъ и отправленія ихъ въ море, какая описана Константиномъ, требовалось не мало времени и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что она существовала уже при Аскольдѣ.

По всему этому нельзя приписывать исключительно князьямъ быстрое созданіе многочисленныхъ флотилій выводимыхъ ими въ море. Справедливѣе будетъ предположить, что князья въ самой странѣ нашли уже готовый матеріалъ, для созданія подобныхъ флотилій, то есть, и людей знакомыхъ съ моремъ и достаточно развитую технику постройки и снаряженія челновъ. То и другое могло образоваться при начинающихся торговыхъ сношеніяхъ съ греками и, незамѣченныхъ лѣтописями, при набѣгахъ небольшихъ отрядовъ на сосѣдніе морскіе берега.

Флотиліи, состоявшія изъ челновъ, удовлетворяли мѣстнымъ условіямъ и военнымъ потребностямъ того времени, по этому князья и не имѣли необходимости заботиться объ усовершенствованіи судостроенія. Кромѣ того, лежавшіе на пути, Днѣпровскіе пороги заставляли держаться старинной формы челновъ, а ограниченная власть князей недозволяла отступать отъ порядковъ усвоенныхъ народомъ.

Князья были могущественны въ предпріятіяхъ сочувственныхъ населенію и безсильны во всѣхъ другихъ случаяхъ. Напр. они могли выводить въ море значительныя силы, но только въ обычныхъ формахъ, приносившихъ непосредственную выгоду каждому изъ участниковъ похода; но тѣ же князья не были настолько сильны, чтобы заставить населеніе приносить матеріальныя жертвы и личный трудъ на новое, незнакомое дѣло кораблестроенія, не обѣщавшее участникамъ прямыхъ выгодъ и требовавшее довольно сложной организаціи, чрезвычайно затруднительной при тогдашнихъ не сложившихся еще прочно правительственныхъ порядкахъ.

При не имѣніи данныхъ, для положительнаго рѣшенія вопроса, остается только замѣтить, что каковы бы нибыли причины бездѣйствія нашихъ первыхъ князей относительно усовершенствованія мореплаванія, исторія показываетъ, что въ правленіе ихъ не произошло никакихъ существенныхъ измѣненій въ формахъ русскаго мореходства.

При глубокомъ молчаніи лѣтописей и отсутствіи вещественныхъ памятниковъ, указывающихъ на усовершенствованіе военнаго мореплаванія, только болѣе живучая память народная, въ своихъ былинахъ, прошедшихъ длинный рядъ вѣковъ, сберегла до нашего времени довольно ясное указаніе на знакомство новгородскихъ морскихъ торговыхъ людей съ древнимъ кораблемъ скандинавскимъ. Память былинъ о судахъ скандинавовъ.

Въ былинахъ о Соловьѣ Будиміровичѣ, Садкѣ богатомъ гостѣ, Василъѣ Буслаевичѣ и Ильѣ Муромцѣ сохранились болѣе или менѣе ясныя указанія на новгородскій торговый корабль, построенный по образцу скандинавскаго. Хотя описанія отдѣльныхъ частностей, такъ долго изустно передававшіяся въ былинахъ, утратило свой древній колоритъ и у современныхъ намъ разскащиковъ древніе предметы замѣнены новыми болѣе имъ знакомыми, но въ цѣломъ, образъ скандинавскаго корабля сохранился съ достаточною ясностію.

Для примѣра возмемъ одно изъ болѣе полныхъ описаній: «Соколъ», корабль богатаго гостя новгородскаго «Соловья Будиміровича» идетъ изъ-за моря, отъ Царя заморскаго, отъ славнаго города «Леденца» — имя напоминающее льдистый сѣверъ. Наружный видъ «Сокола» представляетъ не птицу, а чудовищнаго звѣря:

У того было Сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу каменю по яхонту;
Вмѣсто бровей прибивано
По черному соболю якутскому —
И якутскому—вѣдь сибирскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра копья мурзавецкія
И два горностая повѣшены,
И два горностая, зимніе.
У того было Сокола у корабля —
Вмѣсто гривы прибивано
Двѣ лисицы бурнастыя [1]);
Вмѣсто хвоста повѣшено —
На томъ было Соколѣ караблѣ,
Два медвѣдя бѣлые заморскіе;
Носъ-корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному.

Или, по другому варіанту:

Носъ-корма расписаны по змѣиному-по звѣриному.

На такомъ караблѣ, Соловей Будимировичь

Бѣжитъ къ городу Кіеву,
Къ ласкову князю Владиміру [2]).

По словамъ былинъ, корабль былъ «червленъ» (красный), на немъ стоялъ «муравленъ [3]) чердакъ» и «на чердачкѣ бесѣдочка сидѣльная», то есть, рубка, или каюта на верхней палубѣ. Снасти и «кадолы» (канаты) шелковые, «паруса-флаги крупчатой камки» (искаженное—хрущатой, плотной), мачты и «коржины» (штевни) позолочены—все это, какъ мы уже видѣли, дѣйствительно бывало на караблѣ богатыхъ скандинавскихъ моряковъ.

Вѣрность цѣлаго представленія о караблѣ и хотя искаженное, но довольно опредѣлительное сходство въ частностяхъ, не допускаютъ мысли, чтобы подобное описаніе могло быть создано народной

---

[1]) Чернобурыя.
[2]) Собраніе Кирѣевскаго, т. I, стр. 100.
[3]) Росписанный пестрыми разводами, травами, муравою.

фантазіей случайно, безъ образца, существовавшаго въ дѣйствительности.

По сказаніямъ былинъ, такіе корабли, были торговые, на нихъ сидѣлъ купецъ-владѣлецъ и за его кораблемъ шелъ цѣлый флотъ (33, а иногда и 100) судовъ, принадлежавшихъ тому же богатому торговцу. Былины упоминаютъ о таможенныхъ пошлинахъ, платимыхъ въ городахъ владѣльцами кораблей; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, говорятъ и о сопровождавшей подобнаго купца его «храброй дружинѣ.» Такія черты, при всемъ искаженіи ихъ долголѣтнею изустною передачею, представляютъ нѣкоторое указаніе на существованіе у, современныхъ первымъ князьямъ, древнихъ новгородцевъ значительной морской торговли, производившейся на корабляхъ, подобныхъ скандинавскимъ [1]).

---

[1]) Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ, I, 318, 326 и 368. Собраніе Кирѣевскаго. I, 22—23, 99—101, V, 23,—25, 34, 41, 43 и 46. Кирша Даниловъ, № 1.

ГЛАВА II.

МОРЕХОДСТВО РУССКИХЪ СЪ XII СТОЛѢТІЯ ДО ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Прекращеніе плаваній на южныхъ моряхъ. — Морская торговля и походы новгородцевъ. — Плаванія на Бѣломъ морѣ. — Плаванія на востокъ отъ Бѣлаго моря. — Временной упадокъ торговли новгородцевъ — Ганзейскій союзъ и значеніе въ немъ Новгорода. — Борьба за обладаніе Невою. — Побѣда Александра Невскаго (1240 г.). — Потеря Финляндіи. — Постройка шведами Ландскроны, Нарвы и Выборга. — Постройка новгородцами Орѣшка. — Орѣшковскій договоръ. — Отдѣленіе Россіи отъ морей. — Разбои ушкуйниковъ. — Успѣшныя дѣйствія Іоанна Грознаго. — Плаванія изъ Двины въ Норвегію. — Торговля съ Англіею черезъ Бѣлое море. — Торговыя плаванія англичанъ по Каспійскому морю. — Появленіе русскихъ на Черномъ морѣ (1559 г.). — Морское предпріятіе Строгановыхъ. — Потери въ царствованіе Грознаго. — Попытки Годунова къ развитію мореплаванія. — Захваты шведовъ въ смутное время. — Столбовскій миръ (1617 г.). — Походы казаковъ на Черное море. — Плаванія на сѣверныхъ моряхъ. — Торговыя сношенія съ Сибирью. — Попытки къ возвращенію Балтійскаго прибрежья (1656 г.) — Дѣйствія на Невѣ и у Котлина. — Кардійскій миръ (1661 г.). — Судоходство на Каспійскомъ морѣ. — Постройка корабля голштинцами (1635 г.). — Морскія торговыя сношенія съ Персіею. — Судостроеніе въ Дѣдиновѣ (1667 г.). — Плаваніе и судьба дѣдиновскихъ судовъ. — Положеніе русской морской торговли. — Проекты о заведеніи флота. — Положеніе Россіи въ исходѣ XVII столѣтія.

Прекращеніе плаваній на южныхъ моряхъ.

Періодъ удѣловъ, истощая силы неокрѣпшаго еще государства въ братоубійственныхъ усобицахъ, хотя не уничтожилъ окончательно морской торговли съ Византіею, но ослабилъ до того Россію, что военные морскіе походы на Черное море, требовавшіе соединенія значительныхъ силъ, сдѣлались невозможными.

Съ появленіемъ въ XII столѣтіи половцевъ, сильнаго кочеваго народа, занявшаго сѣверо-восточные берега Чернаго моря до устьевъ

Дуная, самый путь по Днѣпру представилъ столько опасностей, что для охраненія купеческихъ морскихъ каравановъ должны были посылаться особенные отряды войскъ [1]). Наконецъ, нашествіе татаръ, вступившихъ въ предѣлы Россіи въ 1237 году, совершенно прекратило плаваніе русскихъ по южнымъ морямъ Каспійскому, Черному и Азовскому.

Морская торговля и походы новгородцевъ.

Въ это печальное время одна область новгородская, не подчинившаяся татарамъ и менѣе терпѣвшая отъ междоусобій князей, не только сохранила свои владѣнія, но успѣла значительно увеличить ихъ и широко развить свою торговую дѣятельность. Новгородскія дружины плавали по Ладожскому озеру, Финскому заливу и Балтійскому морю, дѣлали смѣлые набѣги на непріятельскіе берега и не разъ одерживали славныя морскія побѣды. Новгородскіе купеческіе корабли ходили въ Швецію, Данію и на балтійское южно-славянское поморье. Торговыя сношенія новгородцевъ и на западномъ берегу Балтійскаго моря были до того значительны, что на островѣ Готландѣ, въ городѣ Визби, у нихъ былъ свой гостиный дворъ, свои дома и даже русская церковь [2]).

Плаванія на Бѣломъ морѣ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній новгородцевъ было занятіе земель, прилегающихъ къ Бѣлому морю. Въ древнія времена страна по рѣкамъ Печорѣ и Сѣверной Двинѣ, извѣстная подъ именемъ Великой Перміи или Біарміи, была довольно населена и, благодаря изобилію драгоцѣнныхъ пушныхъ товаровъ, славилась своимъ богатствомъ. Морской путь къ устью Сѣверной Двины, еще въ IX столѣтіи открылъ норвежскій мореходецъ Оттеръ, и въ XI вѣкѣ здѣсь былъ богатый торговый городъ, въ который лѣтомъ съѣзжались скандинавскіе купцы [3]).

---

[1]) Карамзинъ, II, примѣч. 410.

[2]) Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней русской исторіи, Лерберга. Спб. 1819, стр. 219.

[3]) По сказаніямъ сагъ на идолѣ Іомала, стоявшемъ въ тамошнемъ храмѣ, была золотая корона, украшенная 12-ю рѣдкими камнями; на шеѣ его висѣла золотая цѣпь въ 150 фунтовъ и на колѣнахъ стояла большая золотая же чаша, наполненная золотыми монетами. Все одѣяніе Іомалы стоило «болѣе груза трехъ самыхъ большихъ кораблей». Не довѣряя подробностямъ этого разсказа, можно допустить, что одна торговля пушнымъ товаромъ, могла доставить огромныя богатства городу, лежавшему въ этой мѣстности.

Норвежцы до XIII вѣка ходили въ Біармію на своихъ судахъ океаномъ и Бѣлымъ моремъ и памятниками бывшихъ сношеній остались названія Мурманскаго (Норманскаго) берега, и самаго Бѣлаго моря, въ старину называвшагося также Мурманскимъ [1]).

Кромѣ морскаго торговаго пути, къ берегамъ Бѣлаго моря и къ печорскому краю шли отъ Волги два рѣчные пути: первый по Камѣ и ея притокамъ до Чусоваго озера, по рѣчкѣ Березовкѣ, Бухонину волоку (семь верстъ) въ бассейнъ Двины; другой путь, вначалѣ одинаковый съ первымъ, отдѣлялся отъ него въ Чусовомъ озерѣ, изъ котораго суда шли, покуда позволяла глубина, по рѣчкамъ Еловкѣ и Вогулкѣ; потомъ перетаскивались четыре версты волокомъ Печорскимъ и спускались въ рѣку Волосицу, впадающую въ Печору.

Въ сухое лѣто, когда небогатыя водою рѣчки Еловка и Вогулка дѣлались, въ иныхъ мѣстахъ, для судовъ непроходимыми, находчивые плаватели прибѣгали къ слѣдующему средству: въ узкомъ мѣстѣ рѣчки, гдѣ берега были повыше, вбивали у обоихъ береговъ по сваѣ. Между сваями растягивали парусъ, къ нижнему его краю привязывали камни и, вертикально опуская его до дна рѣчки, заваливали нижній край дерномъ и хворостомъ. Когда, остановленная этою плотиною, вода значительно поднималась, тогда парусъ вдругъ убирали и суда, съ прибылой водой, свободно проходили мелкое мѣсто. Этотъ способъ былъ довольно употребителенъ при плаваніи по мелководнымъ рѣкамъ; имъ пользовался и Ермакъ при покореніи Сибири [2]).

Плаванія на востокъ отъ Бѣлаго моря.

Новгородцы, занявшіе сѣверное поморье, не уступали норманамъ въ смѣлости на морѣ. Отъ устьевъ Двины, гдѣ уже въ XII столѣтіи былъ построенъ ими монастырь Св. Михаила Архангела, они скоро проникли въ Печору, на Новую Землю, Карское море и далѣе на востокъ. Морскіе, рыбные и звѣриные, промыслы постепенно знакомили ихъ съ сосѣдними берегами и жажда новыхъ пріобрѣтеній служила приманкою для движенія на дальній востокъ, чему слабые

---

[1]) Карамзинъ, т. II, примѣч. 62 и Мух. Нум., Савельева, стр. CVIII.

[2]) Историч. описаніе россійской коммерціи, Чулкова, I, стр. 105. Сибирская исторія, Фишера, стр. 119.

мѣстныя племена не имѣли силъ препятствовать и дѣлались покорными данниками пришельцевъ.

Временной упадокъ торговли новгородцевъ.

Древняя торговая дѣятельность новгородцевъ, какъ посредниковъ между азіатскимъ востокомъ и Европою, въ половинѣ XI столѣтія стала клониться къ упадку. Это явленіе объясняется современными событіями, отдѣлившими Новгородъ какъ отъ Балтійскаго и Каспійскаго морей, такъ и отъ странъ Средней Азіи. Въ это время богатые и торговые славяне, жившіе на южномъ Балтійскомъ поморьѣ, покорялись нѣмцами; на Волгѣ булгары и хазары слабѣли предъ усиливавшеюся Россіею; кашгарскіе турки овладѣли Бухарою и Самаркандомъ (999—1004) и разрушили богатую и торговую державу саманидовъ. Затѣмъ, при появленіи новыхъ разрушителей, турокъ сельджуковъ, остановилось движеніе каравановъ по степи между Аму-Дарьею и Волгою, и въ сѣверной Перміи также происходили междоусобія [1]).

Ганзейскій союзъ и значеніе въ немъ Новгорода.

Когда же на востокѣ стихли безпокойства, торговля возобновилась съ новою дѣятельностію, и на Балтійскомъ морѣ, въ половинѣ XII вѣка, образовалась *Ганза*, получившая въ XIII вѣкѣ всемірную извѣстность. Ганза былъ торговый союзъ приморскихъ городовъ, въ которомъ Новгородъ, владѣя ключемъ главныхъ торговыхъ путей, идущихъ съ востока и юга, получилъ на европейскихъ рынкахъ особенно важное значеніе и сами ганзейцы признавали новгородскую контору источникомъ, изъ котораго произошли всѣ прочія конторы. И дѣйствительно, всѣ товары, перевозимые на ганзейскихъ корабляхъ (въ числѣ которыхъ были и новгородскіе) во всѣ страны Европы, приходили съ востока и юга, черезъ Новгородъ. Нельзя не замѣтить, что въ славянскихъ городахъ балтійскаго поморья издавна существовали *купеческія братства*, предшествовавшія и, можетъ быть, породившія самую Ганзу [2]).

Изъ всѣхъ обитателей Россіи, на долю однихъ новгородцевъ выпалъ славный жребій впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ охранять свободу морскаго сообщенія Россіи съ Европою, вести морскую заграничную торговлю и имѣть свой торговый, а по временамъ и военный флотъ.

---

[1]) Савельевъ, стр. CCII—CCIV.
[2]) Тамъ же, стр. CXCVIII.

Борьба за обладаніе Невою.

Охраненіе выхода въ Балтійское море изъ большихъ рѣчныхъ путей, идущихъ черезъ Россію, было главнѣйшимъ предметомъ заботливости новгородцевъ, и потому рѣка Нева и прилегающія къ ней мѣстности были обычнымъ театромъ морскихъ битвъ и походовъ. То черезъ Неву дѣлали набѣги изгнанные изъ Скандинавіи князья, то приходилось новгородскимъ судамъ идти на усмиреніе возмутившихся данниковъ—корелъ, жившихъ на сѣверномъ берегу Ладожскаго озера и въ нынѣшней Выборгской губерніи, эстовъ на южномъ берегу Финскаго залива, и еми, обитавшей въ Финляндіи; наконецъ, въ Неву же являлись съ враждебными намѣреніями шведы. Нападенія послѣднихъ сначала были случайными, временными набѣгами, какъ напр. 60-ти шведскихъ лодей, съ епископомъ, явившихся въ 1142 году грабить берега Ладожскаго озера, но со времени первыхъ шведскихъ поселеній около Або (1157 г.), показавшихъ желаніе шведовъ прочно утвердиться въ странѣ, между ними и новгородцами, за обладаніе Финляндіею, установились уже постоянныя непріязненныя отношенія.

Въ 1164 году шведы явились на 55 шнякахъ у Ладоги, но были разбиты и ушли только съ 12-ю судами. Новгородцы, занятые внутренними неурядицами, долго не могли отмстить за этотъ набѣгъ, но въ 1187 или 1188 году, поднявъ корелъ, вошли въ озеро Меларъ и сожгли богатый и многолюдный городъ Сигтуну. Затѣмъ, новгородцы прекратили всякія торговыя сношенія со шведами и, желая окончательно выжить ихъ изъ Финляндіи, явились туда (1191 г.) съ большимъ флотомъ и разорили все прибрежье до самаго Або.

Шведскіе поселенцы, не надѣясь собственными силами удержаться въ Финляндіи, обращались за помощью къ папамъ, которые предписывали епископамъ прибалтійскихъ городовъ строго запрещать торговлю съ русскими: «яко врагами Бога и православной вѣры», и также запрещали доставлять язычникамъ кореламъ, Ингріи и пр., — т. е., союзникамъ или данникамъ русскихъ, — оружіе, лошадей, корабельныя снасти и т. п. Однакоже купцы, получавшіе отъ этой торговли большія выгоды, не торопились исполнять требованія епископовъ и взаимные набѣги шведовъ и новгородцевъ продолжались съ перемѣннымъ счастіемъ [1]).

---

[1]) Лербергъ, стр. 101—115. Карамзинъ, II, стр. 210 и 323.

Одновременно со вступленіемъ татаръ въ предѣлы Россіи папа Григорій IX, желая удержать за шведами Финляндію, сдѣлалъ воззваніе къ крестовому походу противъ русскихъ и черезъ три года пришло на корабляхъ къ устью Невы шведовъ и финляндцевъ, по выраженію лѣтописца, «множество много зѣло». **Побѣда Александра Невскаго (1240 г.)**

Флотъ непріятельскій поднялся по Невѣ до устья Ижоры и здѣсь (1240 г. іюля 15) встрѣченъ былъ новгородцами подъ предводительствомъ князя Александра Ярославича. Русскіе одержали полную побѣду: начальникъ шведскихъ войскъ и епископъ были убиты; тѣлами, только болѣе знатныхъ лицъ, непріятель нагрузилъ два судна и шведы, похоронивъ на берегу остальныхъ убитыхъ, въ ту же ночь, до разсвѣта, ушли въ море [1]). За эту важную морскую побѣду князь Александръ Ярославичъ почтенъ былъ названіемъ *невскаго*.

Несмотря на подобное пораженіе, шведы, пользуясь тяжелымъ внутреннимъ состояніемъ Россіи, въ половинѣ XIII вѣка успѣли окончательно покорить Финляндію [2]). При такомъ сближеніи границъ враждовавшихъ сторонъ, Нева, по своему важному значенію, сдѣлалась мѣстомъ еще болѣе частыхъ столкновеній. **Потеря Финляндіи.**

Для охраненія Финляндіи отъ набѣговъ новгородцевъ, шведы заперли имъ выходъ изъ Невы возведеніемъ въ устьѣ рѣки Охты крѣпости Ландскроны, и, для преграждепія морскаго пути, построили на обоихъ берегахъ Финскаго залива укрѣпленные города: Нарву и Выборгъ. Такое стѣсненіе морской торговли возбудило жалобы даже со стороны Любека. **Постройка шведами Ландскроны, Нарвы и Выборга.**

Утвердясь на Невѣ, шведы нѣсколько разъ опустошали берега Ладожскаго озера и особенно городъ Ладогу, а новгородцы, прорываясь черезъ Неву, разрушили Ландскрону на другой годъ по ея

---

[1]) Лербергъ, стр. 117 и 128.

[2]) Что сами они считали тогда Финляндію областію, принадлежавшею Россіи, доказываютъ слова одной современной риомованной шведской хроники, въ которой, по случаю завоеванія Финляндіи, хроникеръ съ злорадствомъ замѣчаетъ:

Thel samma land wart al christit,
Jak tror thet Ryssa Konunger mistit.

Т. е., «Русскій король могъ теперь недосчитаться потерянной области» (Лербергъ, стр. 133).

основаніи и, открывъ себѣ путь въ Финскій заливъ, продолжали дѣлать нападенія на берега Финляндіи. Для защиты же своихъ владѣній отъ шведовъ они, при выходѣ Невы изъ Ладожскаго озера, на островѣ Орѣховѣ, построили (1323 г.) крѣпость Орѣховую или Орѣшекъ.

Постройка новгородцами Орѣшка.

Орѣшковскій договоръ.

Тогда шведы прислали первое посольство и заключили миръ, по которому новгородцы, вынужденные стѣсненными обстоятельствами, за выговоренную свободу торговли, должны были уступить шведамъ часть своихъ владѣній. Условленная пограничная черта шла отъ устья рѣки Сестры вверхъ по ней и перейдя поперегъ рѣчку Вуоксу, проходила къ юго-западу отъ города Корелы (Кексгольма)[1]. Заключеннымъ миромъ новгородцы лишались большей части Кореліи (весь Саволаксъ) и части Финляндіи около Выборга.

Мирный договоръ не помѣшалъ однакожъ (1348 г.) шведскому королю Магнусу, пожелавшему обратить русскихъ въ католическую вѣру, явиться съ флотомъ въ Неву и захватить Орѣшекъ. Новгородцы на слѣдующій же годъ отняли крѣпость, прогнали Магнуса, и на мѣстѣ разрушенной Ландскроны, въ устьѣ Охты, построили *Новую крѣпость*, впослѣдствіи переименованную шведами въ Ніеншанцъ.

Упорная борьба за Неву, велась новгородцами до уничтоженія самостоятельности Великаго Новгорода и, при переходѣ власти къ Москвѣ, продолжалась уже общими силами Россіи. Какъ русское правительство, такъ и наши сосѣди-недруги, одинаково хорошо понимали, что Волховъ и Нева суть жизненныя артеріи Россіи и что отрѣзать русскихъ отъ моря значило задушить не только ихъ торговлю, но и самую цивилизацію, и повести всю страну къ общему застою и ослабленію.

Отдѣленіе Россіи отъ морей.

Въ то время, когда новгородцы такъ ревниво отстаивали свой морской путь, полочане, владѣвшіе Ливоніею, по непростительной безпечности потеряли принадлежавшее имъ морское прибрежье и позволили иноземнымъ пришельцамъ завладѣть устьями Западной Двины. Простая случайность была поводомъ къ этому тяжелому для Россіи событію. Въ 1152 году къ Двинѣ бурею занесло бременскій корабль. Купцы поняли выгоды этого мѣста и основали

---

[1]) Лербергъ, стр. 188.

здѣсь торговую факторію; потомъ явились замки миссіонеровъ, обращавшихъ язычниковъ ливовъ въ христіанство, а чрезъ полстолѣтія миссіонеры, превратясь въ рыцарей ордена меча, утвердились окончательно въ городѣ Ригѣ. Полочане, не придававшіе сначала важности появленію новыхъ поселенцевъ, позволили имъ усилиться до того, что потомъ уже не имѣли силъ ихъ выгнать. Около того же времени, къ довершенію невыгодъ Россіи, на берегахъ Эстоніи утвердились датчане.

Такимъ образомъ Россія лишилась всего балтійскаго прибрежья и къ концу татарскаго владычества изъ приморскихъ земель во владѣніи ея осталась только небольшая часть береговъ Финскаго залива, около устьевъ Невы и Наровы, и прибрежья отдаленнаго Бѣлаго моря, забытаго западною Европою. Морская же торговля новгородцевъ окончательно пала при покореніи Новгорода князьями московскими.

Ослабленная внутренними усобицами и татарскимъ владычествомъ, Россія была также оттѣснена отъ Каспійскаго моря царствами Казанскимъ и Астраханскимъ, а отъ Азовскаго и Чернаго отдѣляли ее владѣнія крымскихъ татаръ и крѣпости Турціи — сильнаго государства, замѣнившаго слабую Византію.

Разбои ушкуйниковъ.

Одновременно съ битвами новгородцевъ противъ внѣшнихъ враговъ и походами на отдаленный сѣверо-востокъ, для собиранія дани и распространенія своихъ владѣній, вольныя дружины новгородцевъ, извѣстныя подъ именемъ *ушкуйниковъ* (отъ названія *ушкуевъ* — судовъ, на которыхъ они плавали), смѣло разбойничали не только по берегамъ подчинившейся шведамъ Корелы (1339 г.) и непріязненной намъ Норвегіи (1340 и 1349 гг.), но даже грабили и жгли русскіе города, какъ напр. Устюжну (1340 г.), Кострому и Ярославль (1370 г.). Въ 1375 году ушкуйники, взявъ Кострому, выжгли Нижній-Новгородъ и дошли до Астрахани, гдѣ были истреблены татарами. Князь Дмитрій Донской (1387 г.) за разграбленіе ушкуйниками Костромы и Нижняго взыскалъ съ новгородцевъ 8000 рублей [1]).

Имя ушкуйниковъ встрѣчается въ лѣтописяхъ до конца XIV столѣтія, но впослѣдствіи въ дѣлѣ обширныхъ рѣчныхъ разбоевъ уда-

[1]) Историч. монографіи Костомарова, VIII, стр. 119—125 и его же Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, стр. 231.

лую новгородскую вольницу замѣнили казаки. Сблизясь съ Россіею во время самозванцевъ и междуцарствія, они, въ шестидесятыхъ годахъ XVII столѣтія, охватили почти половину страны. Казацкія шайки, грабившія по Волгѣ и ея притокамъ, находили въ мѣстномъ населеніи множество соучастниковъ и подражателей, и чрезъ нихъ грабежи и разбои въ ужасающихъ размѣрахъ распространились почти по всей Россіи, не исключая и самой Москвы. Однимъ изъ самыхъ дерзкихъ морскихъ разбойниковъ, по обширности своихъ дѣйствій, напоминающихъ грабежи новгородскихъ ушкуйниковъ, былъ донской казакъ Стенька Разинъ, явившійся на Волгѣ въ 1667 году. Безнаказанно свирѣпствуя слишкомъ три года, Разинъ овладѣлъ Астраханью, Саратовымъ и доходилъ до Симбирска. Выйдя въ Каспійское море, онъ разорилъ берегъ отъ Дербента до Баку, грабилъ и зимовалъ на южномъ берегу въ персидскихъ владѣніяхъ и, возвращаясь въ Волгу, заходилъ на восточный берегъ Каспія, къ трухменамъ. Шайки его иногда были весьма многочисленны, напр. по взятіи Астрахани, онъ пошелъ вверхъ по Волгѣ съ десятью тысячами человѣкъ, изъ которыхъ двѣ тысячи конныхъ шли берегомъ, а остальные были размѣщены на двухстахъ судахъ [1]).

Успѣшныя дѣйствія Іоанна Грознаго.

Россія, начавшая съ княженія Іоанна Калиты «собираться» къ Москвѣ, при воцареніи Грознаго уже была настолько сильна, что могла приступить къ расширенію своихъ границъ. Въ первую половину царствованія этого государя цѣлый рядъ удавшихся предпріятій снова началъ выдвигать Россію на берега морей и обѣщалъ возвышеніе ея морскаго значенія. Завоеваніе Казани и Астрахани открыло путь въ свободное отъ соперниковъ Каспійское море, а взятіе Нарвы (1558 г.), въ которой Іоаннъ особенно желалъ развить морскую торговлю, подавало царю надежду, въ близкомъ будущемъ, создать для Россіи приморскій торговый городъ, способный замѣнить павшій Новгородъ.

Однимъ изъ примѣровъ того, какъ ближайшіе сосѣди наши опасались возвышенія Нарвы и какъ ясно сознавали они важное значеніе непосредственныхъ морскихъ сношеній Россіи съ западною Европою, можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ письма польскаго короля Сигизмунда-Августа къ англійской королевѣ Елисаветѣ:

---

[1]) Бунтъ Стеньки Разина. Костомарова.

«Московскій государь (Іоаннъ Грозный) ежедневно увеличиваетъ свое могущество пріобрѣтеніемъ предметовъ, которые привозятся въ Нарву; ибо сюда привозятся нетолько товары, но и оружіе, до сихъ поръ ему неизвѣстное, привозятся нетолько произведенія художествъ, но пріѣзжаютъ и сами художники, посредствомъ которыхъ онъ пріобрѣтаетъ средства побѣждать всѣхъ. Вашему Величеству не безъизвѣстны силы этого врага и власть, какою онъ пользуется надъ своими подданными. До сихъ поръ мы могли побѣждать его только потому, что онъ былъ чуждъ образованности, не зналъ искусствъ; но если нарвская навигація будетъ продолжаться, то что будетъ ему неизвѣстно?...» [1]). Это показываетъ, что не напрасно въ отвѣтъ ливонскимъ посламъ Іоаннъ произнесъ знаменательныя слова: «я завоевалъ Нарву и буду пользоваться моимъ *счастіемъ*». И дѣйствительно, время владычества Іоанна (1558—1581) было самымъ цвѣтущимъ для этого города и многообѣщающимъ для торговли Россіи. Въ Нарву приходили, привлеченные разными льготами, не только ганзейцы, но англичане, голландцы и французы [2]).

Плаваніе изъ Двины въ Норвегію.

Въ то время, какъ въ Балтійскомъ морѣ начинала оживляться русская морская торговля, Бѣлое море съ прилежащими къ нему частями Сѣвернаго океана посѣщалось только нашими поморцами, занимавшимися ловлею рыбы и морскихъ звѣрей. Въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ русскіе плавали по этимъ водамъ не съ одними промышленными цѣлями. Такъ, въ 1496 году, для переговоровъ съ Даніею, посланъ былъ туда Григорій Истома и прошелъ морскимъ путемъ. Выйдя изъ Двины на 4-хъ большихъ лодьяхъ, плаватели наши держались сначала праваго берега Бѣлаго моря, потомъ перешли къ Терскому берегу и вдоль его шли до Святаго носа. Затѣмъ, держась береговъ твердой земли, обогнули Мурманскій носъ (Нордъ-Капъ) и, идя вдоль западнаго берега Норвегіи, прибыли въ Дронтгеймъ, откуда отправились въ Копенгагенъ уже сухимъ путемъ. Вскорѣ послѣ Истомы такое же плаваніе совершилъ Василій Власій и, наконецъ, въ 1501 году, тѣмъ же

---

[1]) Соловьевъ, VII, стр. 283.

[2]) Лербергъ, стр. 137.

путемъ, но въ противоположномъ направленіи, возвратился изъ Даніи въ Россію Юрій Траханіотъ [1]).

Торговля съ Англіею через Бѣлое море.

Въ царствованіе Грознаго совершенно случайное обстоятельство открыло снова Бѣлое море для европейской торговли. Къ устью Сѣверной Двины занесено было (1553 г.) одно изъ трехъ англійскихъ судовъ, отправленныхъ торговою компаніею съ цѣлію отысканія у береговъ Сибири морскаго пути въ Тихій океанъ. Капитанъ прибывшаго судна, Ченселоръ, поѣхалъ въ Москву и получилъ разрѣшеніе царя на открытіе торговыхъ сношеній Англіи съ Россіею чрезъ Бѣлое море. Открытіе этой торговли, бывшее впослѣдствіи причиною основанія Архангельска (въ 1584 г.), отозвалось также на противоположномъ краѣ Россіи, именно, на далекомъ Каспіи.

Англичане, принятые милостиво царемъ и получившіе значительныя торговыя привилегіи, съ свойственною имъ предпріимчивостію рѣшились сдѣлать попытку доставлять въ Европу, чрезъ Каспійское море и Волгу, товары изъ Персіи и Бухары. Путь этотъ былъ несравненно короче существовавшихъ въ то время сухопутныхъ дорогъ: чрезъ горы въ Ормусъ къ Персидскому заливу, или чрезъ Турцію на Алепъ, Смирну и Александрію, откуда уже товары доставлялись въ Европу моремъ.

Торговыя плаванія англичанъ по Каспійскому морю.

Открытіе новаго или, вѣрнѣе, возобновленіе древняго пути чрезъ Каспійское море и Россію могло, въ случаѣ успѣха, доставить предпринимателямъ огромныя выгоды, и едва прошло пять лѣтъ отъ появленія Ченселора на Бѣломъ морѣ, какъ англичанинъ Дженкинсонъ (1558 г.), на суднѣ купленномъ въ Астрахани, уже перевозилъ товары въ Мангишлакъ, на восточный берегъ Каспія. Оттуда успѣлъ онъ пробраться въ Бухару и потомъ чрезъ Каспійское море открылъ торговлю съ Персіею. По примѣру Дженкинсона, англичане продолжали нѣсколько лѣтъ вести торговыя сношенія чрезъ Каспійское море, но опасности морскаго плаванія и разбои на Волгѣ заставили ихъ отказаться отъ этого пути.

Появленіе русскихъ на Черномъ морѣ.

При царѣ Іоаннѣ Грозномъ русскіе не только достигли до береговъ Чернаго и Азовскаго морей, но даже, благодаря содѣйствію ка-

---

[1]) Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Академика Гамеля. I, стр. 12—15.

заковъ, утвердившихся въ низовьяхъ Днѣпра и Дона, могли одерживать морскія побѣды. Воевода Адашевъ, посланный Іоанномъ съ войскомъ для наказанія крымцевъ, построилъ на Днѣпрѣ, близъ нынѣшняго Кременчуга, суда, вышелъ на нихъ въ море, впродолженіи двухъ недѣль разорялъ берега Крыма и даже взялъ два непріятельскія судна: одно въ Лиманѣ, подъ Очаковомъ, а другое южнѣе Кинбурнской косы.

Наконецъ, при Іоаннѣ Грозномъ на сѣверѣ Россіи была сдѣлана серьезная попытка частныхъ людей къ одному морскому торговому предпріятію. Именитые люди Аникій и Яковъ Строгановы, владѣвшіе обширными землями по рѣкамъ Камѣ и Чусовой, заказали нѣмецкимъ мастерамъ построить на Сѣверной Двинѣ два корабля, судя по нѣкоторымъ догадкамъ, съ цѣлію проложенія морскаго торговаго пути въ рѣку Обь. Для этихъ кораблей нанято было за хорошую цѣну въ Антверпенѣ нѣсколько искусныхъ и опытныхъ мореходцевъ, но плавали ли куда эти суда и съ какимъ успѣхомъ — неизвѣстно [1]).

Морское предпріятіе Строгановыхъ.

Печальное продолженіе царствованія Іоанна измѣнило благопріятное для Россіи положеніе дѣлъ. Шведы отняли не только Нарву и почти всѣ завоеванія, сдѣланныя русскими въ Лифляндіи и Эстляндіи, но даже захватили и старинныя крѣпости наши Ивангородъ, Ямъ и Копорье. Впослѣдствіи, при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, эти крѣпости и даже часть корельской земли съ городомъ Корелою (Кексгольмомъ), хотя и были возвращены, но приморскія мѣста, Нарва и Эстляндія, остались за Швеціею. По разграниченію, сдѣланному въ 1595 году, на основаніи Тявзинскаго мирнаго договора, береговая пограничная черта, къ сѣверу отъ устья рѣки Сестры, осталась почти та же, какая была постановлена Орѣшковскимъ договоромъ (стр. 38); а къ югу отъ устья этой рѣки граница направлялась поперегъ Финскаго залива и проходила черезъ середину острова Ретусари (Котлина). Такимъ образомъ въ русскомъ владѣніи осталось устье Невы съ Невскою губою и восточною частію острова Котлина. Приложенная здѣсь карта («Морская граница 1595 года») представляетъ точный снимокъ съ южной части оффи-

Потери въ царствованіе Грознаго.

[1]) Четырекратное путешествіе въ сѣверный Ледовитый океанъ. Литке. I. 122.

ціальной шведской карты того времени, съ тѣмъ только измѣненіемъ, что шведскія надписи подлинника у насъ переведены по-русски [1]).

Попытки Годунова къ развитію мореплаванія.

По нѣкоторымъ дѣйствіямъ Годунова можно предполагать, что его очень занимала мысль о поднятіи морскаго значенія Россіи. Такъ, напримѣръ, онъ усиленно старался о возвращеніи Нарвы и Эстляндіи; при самомъ вступленіи на престолъ, отправляя въ Австрію думнаго дьяка Власьева, приказалъ ему купить въ Любскѣ два корабля, которые тотъ (въ 1599 году) и привелъ въ Архангельскъ [2]). Наконецъ, вызовъ Годуновымъ при жизни царя Θеодора англійскаго математика Ди (Dee) также имѣлъ близкое отношеніе къ развитію мореплаванія, потому что одною изъ причинъ приглашенія этого ученаго было желаніе Бориса руководствоваться указаніями Ди относительно открытій на сѣверовостокѣ [3]). Были царю Борису предложенія даже отъ польскаго правительства о заведеніи «общаго» флота Польши и Россіи на моряхъ Балтійскомъ и Черномъ. Въ 1600 году Льву Сапегѣ, отправлявшемуся посломъ къ царю, король Сигизмундъ III поручилъ предложить Борису имѣть Нарву и Ивангородъ въ общемъ владѣніи Польши и Россіи и получаемыя съ этихъ городовъ пошлины употреблять «на общую оборону». Для распространенія же обоихъ государствъ завести на Балтійскомъ и Черномъ моряхъ военныя суда [4]), которыя будутъ выходить изъ Нарвы, Ивангорода, Днѣпровскихъ пороговъ и другихъ мѣстъ, откуда naудобнѣе и нужнѣе. Король принималъ на себя пріисканіе командировъ судовъ и

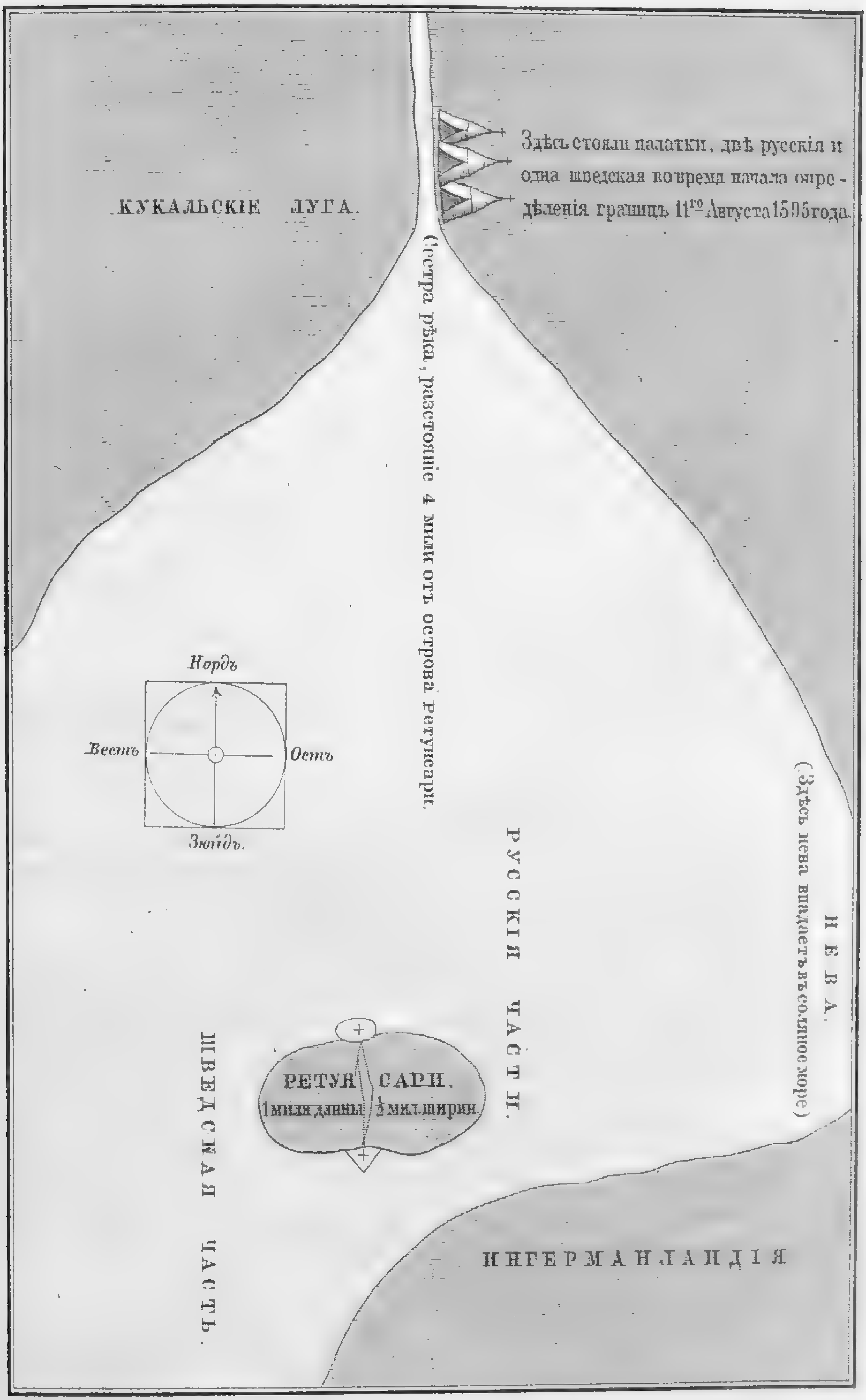
[1]) Оригиналъ этой интересной карты находится въ государственномъ архивѣ въ Стокгольмѣ; а точная засвидѣтельствованная копія хранится у Академика А. А. Куника, который упоминаетъ объ ней въ предисловіи изданныхъ имъ «Писцовыхъ книгъ Ижорской земли». Съ дозволенія г. Куника, въ 1862 году къ № 51-му газеты «Кронштадтскій Вѣстникъ» приложенъ былъ снимокъ съ части карты, и это было единственнымъ появленіемъ ея въ печати.

[2]) Карамзинъ. X. 237 и примѣч. 427.

[3]) To use his counsell and direction about certaine discoveries to the Northeast. (Изъ письма Эдуарда Горленда къ Джону Ди, 1586 года. Collection of the early Voyages. Hakluyt. I. 573—4).

[4]) Въ подлинникѣ: armaty.—Armata, harmata собственно значитъ—пушка; но здѣсь должно разумѣть суда вооруженныя пушками.

МОРСКАЯ ГРАНИЦА 1595го ГОДА.



экипажей, «умѣющихъ и искусныхъ въ дѣлахъ воинскихъ и морскихъ»; а царь долженъ былъ поставлять матеріалы, необходимые для строенія и снаряженія судовъ, т. е. лѣсъ, смолу, пеньку и т. п. Военное вооруженіе кораблей и продовольствіе ихъ командъ должно было производиться на общій счетъ обоихъ государствъ [1]).

Непринятіе этого предложенія Борисомъ показываетъ, что оно не представляло выгодъ для Россіи, а, какъ видно изъ самаго проекта, заключало въ себѣ только попытку поляковъ создать свой собственный флотъ на средства и силы Россіи.

При своемъ свѣтломъ умѣ и знакомствѣ съ положеніемъ государства, царь Борисъ хорошо понималъ важное значеніе морей для государства и выгоды развитія морской торговли. Когда англичане просили его о предоставленіи исключительно имъ разныхъ торговыхъ льготъ и о стѣсненіяхъ въ этомъ отношеніи всѣхъ другихъ иностранцевъ, то Борисъ, бывшій еще правителемъ, не согласился на такую невыгодную для Россіи монополію и отвѣчалъ отъ имени царя, что честная торговля открыта у насъ для всѣхъ народовъ, «и тое Божью дорогу, окіанъ-море, какъ мочно переняти и унять и затворить?» [2]). Но при такомъ широкомъ теоретическомъ взглядѣ на свободу торговли, высказанномъ для отстраненія неумѣстныхъ притязаній англичанъ, царь Борисъ въ дѣйствительности руководствовался другими началами болѣе согласными съ духомъ его времени. Такъ напр. назначивъ для торговыхъ сношеній съ иностранцами Архангельскъ, царь, въ видахъ охраненія богатой Сибири и правильнаго сбора таможенныхъ пошлинъ, запретилъ пускать иноземцевъ восточнѣе Бѣлаго моря и предоставилъ плаваніе въ этихъ водахъ исключительно русскимъ. Въ сѣверной Сибири, на рѣкѣ Тазѣ, онъ построилъ (1600 г.) городъ Мангазею, который долженъ былъ служить центральнымъ мѣстомъ для торговыхъ сношеній сѣвера европейской Россіи и западной Сибири съ Сибирью восточною. Для плаванія въ Ледовитомъ океанѣ, по повелѣнію Бориса, построено было 15 «морянокъ», къ которымъ такелажъ, или по тогдашнему

---

[1]) Сборникъ князя Оболенскаго. Выпускъ 7. 1838 г. Instructia albo nauka Poslom.

[2]) Карамзинъ. X. 26—32 и примѣч. 54.

«судовая снасть», якоря и желѣзо высылались черезъ Верхотурье изъ Ярославля и Вологды [1]).

Захваты шведовъ въ смутное время.

Тяжелое время самозванцевъ и междуцарствія было торжествомъ для нашихъ сосѣдей, бросившихся на вѣрную и легкую добычу. То какъ враги, то какъ союзники являлись они разорять и разрывать по клочкамъ русскую землю. Въ это время шведы успѣли захватить прибрежье Финскаго залива и проникнуть въ Новгородъ и Тихвинъ. Дѣйствіями ихъ въ настоящемъ случаѣ руководило не одно корыстное желаніе увеличить свои владѣнія, пользуясь несчастіемъ сосѣда, но также и опасеніе возможности будущаго усиленія Россіи. Дальновидное и предусмотрительное правительство Швеціи ясно сознавало, что выходъ Россіи на берегъ моря будетъ мощнымъ пособіемъ ея развитію и усиленію, и потому наши сосѣди всѣми мѣрами старались отдѣлить Россію отъ моря и по возможности не допустить до прямыхъ сношеній съ образованною Европою. Король Густавъ-Адольфъ (1616 г.) писалъ своей матери: «Кексгольмъ, Нотебургъ, Орѣшекъ, Ямъ, Копорье, Ивангородъ составляютъ ключи Финляндіи и Лифляндіи и заграждаютъ Балтійское море отъ Россіи. Если ей возвратить Нотебургъ или Ивангородъ, или оба города вмѣстѣ, и если бы Россія подозрѣвала свое собственное могущество, то близость моря, рѣкъ и озеръ, которыхъ она до сихъ поръ не умѣла еще оцѣнить, дала бы ей возможность не только вторгнуться въ Финляндію со всѣхъ сторонъ и во всякое время года, но даже, благодаря огромнымъ ея средствамъ и неизмѣримости ея предѣловъ, покрыть Балтійское море своими кораблями, такъ что Швеція находилась бы въ безпрестанной опасности [2]).

Столбовскій миръ (1617 г.)

Но въ то время, когда сосѣдній государь такъ сознательно опасался будущаго величія Россіи, она была ослаблена до такой степени, что даже Столбовскій миръ, заключенный со Швеціею царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ 1617 году, считала за счастливое событіе, тогда какъ этимъ миромъ всѣ наши древнія владѣнія по берегу Финскаго залива отъ рѣки Наровы до Сестры вмѣстѣ съ Невою, за которую было пролито столько русской крови, отошли къ Швеціи. Король Густавъ-Адольфъ, въ собраніи государственныхъ чи-

---

[1]) Акты историч. Археогр. Коммисіи. II, стр. 411.

[2]) Histoire de la Suède, par Geyer, trad. par Lundblad. 1844.

новъ, назвалъ Столбовскій миръ «однимъ изъ величайшихъ благодѣяній Божіихъ для Швеціи» и, сообщая сейму о полученныхъ отъ него выгодахъ, сказалъ, что теперь «Швеція выведена изъ того шаткаго и опаснаго положенія, въ которое ставили ее взаимныя отношенія съ Россіею, что огромныя озера—Ладожское и Пейпусъ, рѣка Нарова и простирающіяся на 30 миль въ ширину болота отдѣляютъ отнынѣ Россію отъ Швеціи и Балтійскаго моря и что русскому народу, вѣроятно, трудно будетъ перешагнуть эти преграды» [1]).

Походы казаковъ на Черное море.

По странной случайности, въ то время, когда Россія лишалась выхода въ Балтійское море, русскіе, въ лицѣ казаковъ, сдѣлались ужасомъ прибрежья Чернаго моря и самого Константинополя.

Степныя мѣста, прилегающія къ низовьямъ Днѣпра и Дона, съ удаленіемъ занимавшихъ ихъ кочевыхъ народовъ, остались безлюдными пустынями. Неурядицы, происходившія долгое время въ южной Россіи и Литвѣ, заставили массы людей удаляться въ мѣста болѣе безопасныя и средство защиты находить во взаимной тѣсной связи. Изъ этихъ-то людей сначала на берегахъ Днѣпровскихъ составилась военная община, извѣстная подъ именемъ *запорожскаго казачества;* а впослѣдствіи часть запорожцевъ, удалясь на Донъ, положила основаніе *донскимъ казакамъ.*

Своеобразное правленіе казаковъ имѣло республиканскія формы; главнымъ средствомъ существованія служила военная добыча, а общею связью—православная вѣра. Отъ этого казаки были естественными союзниками Россіи и врагами магометанъ.

Храбрые воины на сухомъ пути, они были также отважными моряками. Отъ ихъ морскихъ набѣговъ страдало принадлежавшее туркамъ прибрежье Чернаго моря, а иногда и страны прилегавшія къ Каспію, куда казаки проходили, перебираясь волокомъ изъ Дона въ Волгу. Собираясь въ морской походъ, они, получивъ разрѣшеніе гетмана, выбирали себѣ *походнаго атамана* и принимались за постройку своихъ судовъ, называемыхъ *челнами.* Шестьдесятъ человѣкъ искусныхъ въ дѣлѣ успѣвали въ 15 дней построить челнъ, слѣдовательно, при достаточномъ количествѣ людей, въ это же время могъ построиться и весь ихъ флотъ, состоявшій иногда изъ ста и болѣе судовъ.

---

[1]) Geyer. стр. 310.

Казацкіе *челны*, называвшіеся также *чайками*, были длиною до 60 фут., шириною и высотою до 12 и въ водѣ сидѣли до 9 фут. Днище челна, выдолбленное изъ одного липоваго или ивоваго дерева, было длиною до 45 футъ; на него набивалось нѣсколько рядовъ набойныхъ досокъ. По верху борта, кругомъ всего челна, шелъ толстый поясъ, свитый изъ камыша, связаннаго лыками или прутьями боярышника. Этотъ поясъ частію служилъ защитою отъ непріятельскихъ выстрѣловъ; но главное его назначеніе было поддерживать челнъ на водѣ, въ случаѣ большаго волненія, сильной течи или вообще какого-нибудь поврежденія. Носъ и корма челна были довольно острыя, совершенно одинаковаго образованія, и руль на каждой оконечности замѣнялся весломъ. Челны не имѣли палубъ и могли помѣщать отъ 50 до 70 человѣкъ. Число веселъ было отъ 20 до 30; въ случаѣ попутнаго вѣтра на челнахъ можно было ставить мачту и на ней поднимать парусъ.

Каждый изъ казаковъ, отправляясь въ походъ, бралъ съ собою саблю и двѣ пищали съ 6-ю фунтами пороха и достаточнымъ количествомъ пуль. Кромѣ того, на каждомъ челнѣ было пять или шесть фальконетовъ. Одежда въ походъ надѣвалась обыкновенно самая поношенная. Походною пищею были сухари, сохраняемые въ бочкахъ, просо и кисловатое тѣсто, называемое саламатою. Запорожцы дома, на берегу, были страшные гуляки и пьяницы; но въ морѣ не смѣли прикасаться къ вину, потому что пьянаго, по приказанію атамана, немедленно выбрасывали за бортъ.

Не смотря на бдительный надзоръ турецкихъ галеръ, сторожившихъ устья рѣкъ, и построенныя турками крѣпости: на Дону—Азовъ, а на Днѣпрѣ — Очаковъ, казаки успѣвали всегда пробираться въ море. Противъ Азова, гдѣ позволяла ширина рѣки, турки буквально запирали ее, протягивая отъ берега до берега бонъ изъ толстыхъ бревенъ, соединенныхъ цѣпями. Бонъ этотъ защищался перекрестнымъ огнемъ съ крѣпости и судовъ.

Запорожцы, становившіеся въ нѣкоторомъ разстояніи выше крѣпости, каждую ночь возбуждали среди непріятелей ложную тревогу, спуская на бонъ бревна. Когда же турки, привыкнувъ къ подобнымъ продѣлкамъ, переставали обращать на нихъ вниманіе, казаки, выбравъ бурную, дождливую и обыкновенно безлунную ночь, съ попутнымъ вѣтромъ быстро подходили къ бону, перетаскивали

свои суда черезъ его связи, и мелководными гирлами (протоками), въ которыхъ турецкія суда не могли ихъ преслѣдовать, иногда безъ выстрѣла выходили въ море.

При благопріятныхъ обстоятельствахъ, сутки черезъ двои, трои по выходѣ изъ Днѣпра, запорожцы уже являлись у береговъ Анатоліи. Неожиданно нападая на города и селенія, они грабили цѣнныя и удобопереносимыя вещи: золото, серебро, драгоцѣнныя матеріи, и брали въ плѣнъ только молодыхъ людей или такихъ стариковъ, за которыхъ ожидали получить хорошій выкупъ. При малѣйшемъ сопротивленіи убивали жителей и выжигали цѣлые многолюдные города. Съ награбленною добычею они спѣшили на суда и, прежде чѣмъ распространялась по берегу вѣсть объ ихъ появленіи, успѣвали сдѣлать въ другомъ мѣстѣ новое нападеніе.

Донесеніе французскаго посланника въ Константинополѣ [1]) королю Людовику XIII живо представляетъ страхъ, наводимый казаками на столицу Турціи. «Казаки могутъ явиться ежеминутно, пишетъ посланникъ, они нагнали здѣсь такой ужасъ, что съ большимъ трудомъ, при помощи палочныхъ ударовъ, сгоняютъ солдатъ на посылаемыя противъ нихъ галеры». Въ случаѣ недостатка солдатъ, иногда хватали съ улицы людей, никогда небывавшихъ въ морѣ, и за неимѣніемъ въ арсеналѣ оружія, собирали его съ христіанскихъ судовъ.

По словамъ тѣхъ же донесеній, «появленіе въ морѣ четырехъ казацкихъ челновъ наводило на Константинополь большій страхъ, нежели появленіе чумы въ Мореѣ». И дѣйствительно, одинъ разъ 16 челновъ, явившихся у самого Босфора, заставили жителей Константинополя, ближайшихъ къ берегамъ пролива, спасать свое имущество.

Дерзость казаковъ доходила до того, что (въ іюнѣ 1624 г.), явясь на ста челнахъ въ самый Босфоръ, они, въ виду столицы, впродолженіи шести часовъ, грабили и жгли окрестности, въ числѣ которыхъ былъ и большой городъ Неокорисъ. Во все это время самъ султанъ, верхомъ на конѣ, стоялъ противъ сераля, для защиты котораго было поставлено нѣсколько пушекъ. Подобная дерзость до того раздражила турокъ, что они едва не перерѣзали всѣхъ

---

[1]) De Cesy.

франковъ, жившихъ въ столицѣ. Самихъ же казаковъ, попадавшихъ въ плѣнъ, странно истязали и, случалось, что живыхъ зарывали въ землю, а иногда султанъ собственноручно разстрѣливалъ ихъ изъ лука.

Въ море шли казаки съ большою осторожностію и внимательно высматривали непріятеля. Если замѣчали турецкія суда, то убирали паруса, рубили (спускали) мачты и старались придти въ такое положеніе, чтобы при захожденіи солнца остаться незамѣченными непріятелемъ. Въ полночь подходили они къ неожидавшимъ ихъ туркамъ и бросались на абордажъ. Овладѣвъ судномъ и забравъ деньги и дорогія, негромоздскія вещи, самыя суда съ экипажемъ пускали ко дну. Если же турки успѣвали замѣтить ихъ прежде, то казаки, пользуясь ходкостію своихъ челновъ, спасались бѣгствомъ; но въ случаяхъ, когда непріятельскимъ судамъ удавалось догнать казаковъ, дѣйствіе ядеръ для слабыхъ челновъ было губительно. Тогда, по словамъ одного современнаго писателя, «челны ихъ разсыпались какъ стая скворцовъ и гибли въ морской пучинѣ». Готовясь къ бою, казаки привязывали весла къ уключинамъ и, сидя на банкахъ, одни изъ нихъ безпрерывно стрѣляли изъ пищалей, а другіе заряжали ихъ [1]).

Въ случаѣ крѣпкаго вѣтра, застававшаго казаковъ въ морѣ, они не любили носить паруса, а держались на веслахъ, связывая, при большомъ волненіи, по нѣсколько челновъ вмѣстѣ и, такимъ образомъ, безопасно выдерживали бурю, причемъ тростниковые пояса, замѣняя кранцы (упругія прокладки), предохраняли челны отъ ломки.

Казаки обыкновенно выходили въ море около Иванова дня (24 іюня), а возвращались въ началѣ августа. Несмотря на всѣ старанія турокъ захватить ихъ въ устьяхъ Днѣпра или Дона они, почти всегда, успѣвали обмануть бдительность непріятеля и благополучно миновать опасность. Такъ, напр., возвращаясь съ набѣга, запорожцы приставали иногда нѣсколько восточнѣе Очакова и перетаскивали суда въ Днѣпръ по лощинѣ, длиною въ нѣсколько верстъ, или подобнымъ же образомъ пробирались другими путями.

---

[1]) Описаніе Украйны, Боплана. Переводъ Ѳ. Устрялова, стр. 60—69 и Предисловіе къ атласу рѣки Дона, Крюйса.

Но, несмотря на замѣчательную военную ловкость казаковъ, походы эти представляли столько различныхъ опасностей, что изъ отправившихся въ море, домой возвращалось обыкновенно не болѣе половины.

Разорительныя и неожиданныя нападенія казаковъ на берега Турціи и подвластнаго ей Крыма привели къ тому, что турецкій султанъ принужденъ былъ заключить съ запорожцами, какъ съ самостоятельнымъ государствомъ, мирный договоръ. Запорожцамъ, за прекращеніе набѣговъ и за защиту отъ нападенія донскихъ казаковъ, турки предоставляли право свободнаго плаванія на всѣхъ своихъ моряхъ и безпрепятственную торговлю по берегамъ. Кромѣ того, дозволили строить города по Днѣпру, до устья Буга. При этомъ выговаривалось взаимное охраненіе товаровъ и, въ случаѣ нужды, помощь торговымъ судамъ и ихъ экипажамъ [1]).

Набѣги донскихъ казаковъ направлялись иногда въ другую сторону: перебравшись волокомъ на Волгу, спускались они въ Каспійское море и грабили торговыя суда, не разбирая — персидскія онѣ были или русскія [2]).

Плаванія на сѣверныхъ и восточныхъ моряхъ.

Въ противоположность военнымъ набѣгамъ казаковъ, происходившимъ на югѣ,—на сѣверномъ русскомъ поморьѣ, т. е. на Бѣломъ морѣ и ближайшихъ къ нему водахъ Ледовитаго океана, шла другаго рода морская дѣятельность, имѣвшая цѣлію также пріобрѣтеніе добычи, но только мирнымъ путемъ — помощію промысловъ рыбныхъ и звѣриныхъ. «Вольные люди» промышленники—въ видахъ торговаго интереса, а такъ называемые «служилые люди»—за сборомъ ясака, пробирались все далѣе на востокъ въ глубину Сибири, открывали новыя земли и присоединяли ихъ къ русскимъ владѣніямъ, что, конечно, не обходилось безъ кровавыхъ боевыхъ стычекъ съ туземцами.

Открытіе сѣверныхъ береговъ Азіи, восточнѣе Печоры, начатое бѣломорскими промышленниками, продолжалось вмѣстѣ съ покореніемъ внутреннихъ странъ Сибири. Русскіе, достигнувъ какой нибудь значительной рѣки, текущей къ сѣверу, въ болѣе или менѣе

---

[1]) Собраніе государст. грамот. и договор. III. № 134. «Договоръ (съ спискѣ) заключенный турецкимъ султаномъ съ войскомъ запорожскимъ и народомъ русскимъ».

[2]) Исторія донскаго войска, Броневскаго.

*

продолжительный періодъ времени доходили до ея устья и, если обстоятельства позволяли, старались, выйдя въ океанъ, пробраться къ устьямъ дальнѣйшихъ восточныхъ рѣкъ, которыхъ верховья имъ были уже извѣстны. Разсказы о изобиліи дорогихъ мѣховъ служили самой сильной приманкой къ этому движенію на востокъ.

Начало покоренія Сибири сдѣлано было въ царствованіе Іоанна Грознаго партіею донскихъ казаковъ, подъ предводительствомъ Ермака. Они съ Волги поднялись по Камѣ и Чусовой, перебрались въ сибирскія рѣки Туру, Тоболъ и Иртышъ и на берегахъ ихъ сдѣлали первыя завоеванія. Утвержденіе русскихъ въ этихъ мѣстахъ представило возможность для дальнѣйшаго покоренія Сибири. Особенно быстро оно происходило въ XVII столѣтіи, впродолженіи котораго русскіе не только обошли весь берегъ отъ Печоры до Берингова пролива, но дошли до Камчатки, утвердились на берегахъ Охотскаго моря и узнали о существованіи ближайшихъ къ Камчаткѣ Курильскихъ острововъ, Сахалина и острововъ Шантарскихъ. Беринговымъ проливомъ первый прошелъ казакъ Дежневъ въ 1648 году [1]).

Хотя плаванія эти по большей части были прибрежныя, но слабыя, неуклюжія суда, на которыхъ онѣ совершались, суровый климатъ, неизвѣстныя моря и отсутствіе всякихъ научныхъ пособій представляли нашимъ смѣлымъ мореходамъ чрезвычайныя трудности и опасности.

Суда, на которыхъ совершались подобныя плаванія, назывались *кочами* и *шитиками*. Кочи были различной длины, отъ 40 до 90 футовъ, имѣли палубу и ходили на веслахъ и подъ пару-

---

[1]) Якутскій острогъ построенъ въ 1632 году. Въ первый разъ русскіе вышли на берега Охотскаго моря въ 1635 году. Замѣтимъ, что море это сначала называлось Ламскимъ, отъ тунгузскаго слова *ламъ*, означающаго море, потомъ — Тунгузскимъ и, наконецъ, — Охотскимъ. Первый острогъ на берегу Охотскаго моря былъ построенъ около устья рѣки Ульи въ 1639 году, первое зимовье при устьѣ р. Охоты — въ 1646 году; а Охотскій острогъ — въ 1649 году. Первыя свѣдѣнія объ Амурѣ получены въ 1639 году, о Сахалинѣ и Шантарскихъ островахъ — въ 1646 году. Полуостровъ Камчатка обойденъ въ 1656 году, покоренъ — въ 1697 году. Первыя свѣдѣнія о Курильской грядѣ получены въ 1695 году. (Морск. Сборн. 1869 г., № 4, «Историческій очеркъ главнѣйшихъ событій въ Камчаткѣ», и № 11 «Охотскій портъ», А. Сгибнева).

сомъ [1]). Послѣдній, при плоскодонности судовъ, употреблялся только въ случаѣ попутнаго вѣтра. О фигурѣ кочей авторъ Сибирской исторіи, профессоръ Фишеръ, наивно замѣчаетъ: «довольно того, когда они видъ судна имѣютъ». Постройка подобныхъ судовъ была до того проста и всѣ необходимые для нее матеріалы до того сподручны, что партія мореходовъ, выбираясь на берегъ съ разбитаго судна, обыкновенно строила себѣ новое и на немъ выходила въ море.

Длина *шитиковъ* была около 35, а ширина до 14 футовъ. Днище ихъ выдалбливалось изъ одного дерева и къ нему пришивались ивовыми прутьями боковыя доски, а пазы проконопачивались мохомъ. Снасти и канаты, какъ у кочей, такъ и у шитиковъ, при неимѣніи веревокъ, дѣлались изъ ремней, вырѣзанныхъ изъ оленьей кожи; паруса были ровдужные, т. е., выдѣланные также изъ кожи годовалыхъ оленей, а якоря деревянные, съ привязанными къ нимъ камнями. Замѣтимъ, что ровдужные паруса употреблялись иногда и въ началѣ нынѣшняго столѣтія [2]).

На сѣверномъ поморьѣ употреблялись иногда суда носившія норманское названіе *шняки*, еще были *лодьи*, *карбасы* и *бусы* [3]).

Открытіе Америки и морскаго пути въ восточную Индію, быстро обогатившее и возвеличившее Испанію и Португалію, отозвалось и на нашемъ пустынномъ сѣверномъ прибрежьѣ. Предпріимчивые голландцы и англичане обратились къ отысканію новаго ближайшаго пути въ Тихій океанъ у сѣверныхъ береговъ Америки и Сибири. Случайнымъ слѣдствіемъ одного изъ такихъ предпріятій было, какъ мы видѣли (стр. 42), появленіе Ченселора въ устьѣ Двины. Съ этого времени тянулся цѣлый рядъ подобныхъ попытокъ. Сначала (до 1580 г.) дѣлались они англичанами, потомъ голландцами (1597 г.); далѣе продолжались то тѣмъ, то другимъ изъ этихъ народовъ и, наконецъ, послѣдняя экспедиція была гол-

---

[1]) Путешествіе Врангеля, I, стр. 4.

[2]) Сибирская исторія, Фишера, стр. 375 и Путешествіе Врангеля, I, стр. 13 и 26.

[3]) Четырекратное путеш. Литке, I, стр. 76 и О купеческомъ судостроеніи, Богославскаго. стр. 44—45. По мнѣнію нѣкоторыхъ бусы произошли отъ голландскихъ судовъ Buyzen.

ландская, въ 1625 году. Всѣ онѣ снаряжались купеческими компаніями и ни одна не достигла своей цѣли. Иныя суда доходили до Карскаго моря, были у Новой Земли и всегда возвращались за непроходимыми льдами. Знаменитый впослѣдствіи Гудзонъ, также сдѣлалъ у нашихъ сѣверныхъ береговъ (въ 1608 и 1609 годахъ) два безуспѣшныя путешествія. Изъ болѣе замѣчательныхъ случайностей этихъ плаваній была тяжелая зимовка двухъ голландскихъ судовъ на Новой землѣ (1597 г.), въ широтѣ 76°. На одномъ изъ нихъ штурманомъ былъ Баренцъ, оставившій описаніе своего путешествія. При этихъ плаваніяхъ, русскіе промышленники, хорошо знакомые съ мѣстными опасностями, нерѣдко помогали и руководили иностранныхъ моряковъ. Впослѣдствіи, покуда находилась достаточная добыча, хаживали въ эти воды голландскіе китоловы, но потомъ они обратились къ берегамъ Шпицбергена и Гренландіи, у которыхъ ловля оказалась прибыльнѣе.

Торговыя сношенія съ Сибирью.

Искаженные и преувеличенные слухи о плаваніяхъ иностранцевъ на нашихъ сѣверныхъ моряхъ возбудили, въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, опасенія правительства и вредно отразились на нашей морской торговлѣ. При тогдашней политической замкнутости и слабости государства, правительство, напуганное недавними враждебными нашествіями сосѣдей, опасалось всякаго повода къ новымъ вторженіямъ иноземцевъ и, считая богатую Сибирь лакомою для нихъ приманкою, по возможности старалось скрыть самые пути въ эту сторону, не допуская иностранныхъ торговцевъ далѣе Архангельска.

Въ то время вся торговля между Европейскою Россіею и Сибирью шла черезъ Мангазею (стр. 45), гдѣ съ привозимыхъ товаровъ сбиралась въ пользу казны «десятинная» пошлина. Изъ Архангельска въ Мангазею, кромѣ собственно морскаго пути, существовалъ другой, по которому преимущественно и ходили русскіе торговцы. Нагрузивъ товары на небольшія легкія суда (малыя кочи), купцы, по выходѣ изъ Архангельска, шли моремъ, мимо Канина носа и острова Колгуева; Югорскимъ шаромъ входили они въ Карскую губу, изъ которой вступали въ рѣку Мутную и поднимались по ней до волока, шириною версты въ полторы. Перетащивъ черезъ волокъ суда, плаватели спускали ихъ въ рѣку Зеленую и ею проходили въ Тазъ къ Мангазеѣ. Въ случаѣ, если противные

вѣтры заставляли суда запоздать въ морѣ, онѣ возвращались въ Пустое озеро; а если заморозки захватывали торговцевъ на Мутной или Зеленой, то суда и товары оставлялись на мѣстѣ, а люди на лыжахъ шли въ Обдорскъ (на Оби) и оттуда пробирались въ Березовъ.

Въ 1616 году тобольскіе воеводы донесли царю, что, по дошедшимъ до нихъ слухамъ, нѣмецкіе купцы ежегодно приходятъ изъ Архангельска въ Мангазею, привозятъ туда разный товаръ «многими кораблями» и ходятъ также на Новую Землю. По тѣмъ же слухамъ оказалось, что на устьяхъ Енисея находятся угодья хорошія, много рыбы, водится «дорогой звѣрь» и по берегамъ живутъ «понепашенные» (не приведенные въ подданство или некрещенные?) татары; по всему этому воеводы изъявляли опасеніе, чтобы нѣмцы, привлеченные выгодами страны, не утвердились въ ней вооруженною рукою. «У насъ же, писали они, въ тѣхъ мѣстахъ войска очень мало и помощь послать изъ другихъ городовъ, по отдаленности и трудности пути, — невозможно». Къ этому прибавлялось, что въ разное время въ Карской губѣ видѣли иностранныя суда и даже у острова Колгуева нашли одно изъ нихъ разбитое.

Повѣривъ донесенію, царь (грамотою 1616 г. іюля 25) не только строго запретилъ пропускать иностранцевъ въ Мангазею и русскимъ, подъ опасеніемъ смертной казни, показывать имъ путь, но даже и нашимъ торговымъ людямъ повелѣлъ ѣздить въ Мангазею не иначе, какъ черезъ Тобольскъ и Березовъ.

Собранныя впослѣдствіи точныя свѣдѣнія не оправдали слуховъ, на которыхъ основывалось донесеніе, встревожившее правительство. Въ дѣйствительности берега при устьѣ Енисея оказались безлѣсною, необитаемою пустынею. Узнали, что когда при царѣ Ѳедорѣ Іоанновичѣ московскій гость Лука ходилъ на трехъ кочахъ «провѣдывать» Обское устье, то всѣ спутники его, кромѣ четырехъ, отъ трудности пути перемерли и, по словамъ оставшихся въ живыхъ, отъ Обскаго устья къ Енисейскому морю лежатъ «непроходимыя, злыя мѣста отъ великихъ льдовъ и всякія нужды». Наконецъ, оказалось, что и въ Карской губѣ нѣмецкихъ кораблей не видали.

При раскрытіи невѣрности слуховъ, возбудившихъ напрасныя пасенія, мангазейскіе воеводы представляли царю, что запрещеніе

прежнихъ привычныхъ путей можетъ невыгодно отозваться на торговлѣ и уменьшить пошлинный сборъ. Царь, согласясь съ этимъ мнѣніемъ, разрѣшилъ (грамотою 1618 г. февраля 23) ходить русскимъ торговцамъ по прежнимъ путямъ, но строго подтвердилъ запретъ о недопущеніи иностранцевъ далѣе Архангельска. Благодаря такому разрѣшенію, въ навигацію 1618 и 19 годовъ многіе русскіе купцы ходили изъ Архангельска въ Мангазею моремъ; но въ 1620 году, по новому настоянію тобольскихъ воеводъ (видѣвшихъ въ свободѣ морскаго пути возможность уклоненія отъ платежа пошлинъ), было возстановлено прежнее запрещеніе и купцамъ велѣно ѣздить только черезъ Тобольскъ и Березовъ, а для преграждёнія пути по волоку, на рѣкахъ Мутной и Зеленой приказано было построить остроги [1]).

Подобныя мѣры до того гибельно повліяли на русское, собственно бѣломорское, мореходство, что къ исходу XVII столѣтія не только купцы, но и самые промышленники прекратили морскія плаванія на востокъ и даже на Новую Землю и ограничились только ближайшими водами [2]).

Попытки къ возвращенію балтійскаго прибрежья (1656 г.)

Впродолженіи сорока лѣтъ, по заключеніи Столбовскаго мира, Россія залечивала свои раны, и едва собралась съ силами, какъ сдѣлала попытку къ отнятію у Швеціи своихъ древнихъ приморскихъ владѣній.

Весною 1656 года предположено было одновременно занять все прибрежье, отъ Риги до Невы, и также берега Ладожскаго озера. Для исполненія этого, единовременно направились на разные пункты четыре отряда. Движеніями ихъ управляли изъ Москвы, офиціально — князь Григорій Семеновичъ Куракинъ съ товарищи, а на самомъ дѣлѣ — патріархъ Никонъ. Самъ царь Алексѣй Михаиловичъ былъ въ числѣ исполнителей и начальствовалъ однимъ изъ отрядовъ.

Въ маѣ вышелъ царь по смоленской дорогѣ на стругахъ [3]), по-

---

[1]) Румянцовскій музей. Рукопись № 431. «Отписки воеводъ тобольскихъ и грамоты царя».

[2]) Четырекратное путешествіе Литке, I, стр. 77.

[3]) Стругами назывались, въ то время, суда различныхъ родовъ и размѣровъ. Иногда подъ этимъ именемъ разумѣлись небольшія гребныя лодки, иногда же суда значительной величины въ родѣ барокъ, но съ болѣе заостренны-

строенныхъ Дѣдиловскими[1]) мастерами, спустился по Двинѣ, взялъ Борисоглѣбскъ (Динабургъ), Кукопаусъ (Кокенгаузенъ), названный Царево-Дмитріевымъ, и послѣ безуспѣшной осады Риги, осенью долженъ былъ возвратиться въ Москву. Другой отрядъ, князя Трубецкаго, вступилъ въ Ливонію, взялъ Новый городокъ (Нейгаузенъ) и только въ октябрѣ занялъ Юрьевъ (Дерптъ). Позднее время и малочисленность отряда (2000 чел.), уменьшеннаго побѣгами, заставили отложить всякую попытку на Нарву.

Назначеніе третьяго отряда, стольника и воеводы Потемкина, было «итти за Свейскій рубежъ, на Варяжское море». Потемкину дано было 1000 человѣкъ войска и въ томъ числѣ, на случай морскихъ экспедицій, были кормщики и отправленные изъ Москвы 570 донскихъ казаковъ, какъ опытныхъ, бывалыхъ моряковъ. Патріархъ благословилъ ихъ «итти въ Стокгольмъ и другія мѣста моремъ». Потемкинъ вступилъ въ Ингрію и подошелъ къ Канцамъ, откуда шведы, по приближеніи русскихъ, на судахъ ушли въ Ругодевъ (Нарву). Потемкинъ сжегъ городъ, въ которомъ было тогда до 500 дворовъ, и большіе запасы хлѣба, назначенные для продовольствія цѣлаго края. Въ Канцахъ русскіе нашли восемь пушекъ оставленныхъ шведами. При малочисленности своего отряда, Потемкинъ, опасаясь быть отрѣзаннымъ непріятелемъ, отступилъ къ Орѣшку и, обложивъ его, простоялъ подъ нимъ до осени. Дѣйствія на Невѣ и у Котлина.

Впродолженіи лѣта Потемкинъ съ частію своего отряда успѣлъ сдѣлать и морской поискъ: 22 іюля ходилъ онъ «съ ратными людьми, судами на море, и у Котлина острова съ нѣмецкими людьми былъ бой, и милостію Божіею и пречистыя Богородицы помощію и всѣхъ святыхъ молитвами и Великаго Государя и сына его государевича счастіемъ, у Котлина острова полукорабель взялъ и нѣмецкихъ людей побили и языка поймалъ начальнаго человѣка, капитана Ирска Далсфира, 8 человѣкъ солдатъ и нарядъ (пушки) и знамена поймали, а на Котлинѣ островѣ латышане деревни высѣкли и выжгли».

ми оконечностями. Струги, о которыхъ говорится здѣсь, принадлежали конечно къ этому послѣднему виду; малые струги назывались также «стружками».

[1]) Село Дѣдилово, называвшееся также Дѣдиновымъ и Дѣдновымъ, было въ то время дворцовымъ селомъ. Оно лежитъ на Окѣ, близъ устья Москвы рѣки.

Четвертому отряду, также въ тысячу человѣкъ, подъ начальствомъ воеводы Пушкина, назначено было занять Корелію. Дѣйствія Пушкина ограничились тѣмъ, что перейдя на гребныхъ судахъ черезъ Ладожское озеро, онъ до осени простоялъ при осадѣ города Корелы.

Нѣкоторые успѣхи малочисленныхъ, дурно снабженныхъ и дѣйствовавшихъ безъ тѣсной взаимной связи, русскихъ отрядовъ надо приписать главнѣйше неожиданности нападенія на страну, не приготовленную къ защитѣ. Къ исходу сентября подошедшія на помощь шведскія войска завладѣли вновь Невою и сдѣлались полными хозяевами на Ладожскомъ озерѣ [1].

Весною 1658 года русскіе неудачно осаждали Нарву и безуспѣшно приступали къ Канцамъ. Военныя дѣйствія окончились перемиріемъ, заключеннымъ въ декабрѣ того же года въ Валеасаро. По этому перемирію Россія пріобрѣла часть Лифляндіи и между прочимъ городъ Куконаусъ (Кокенгаузенъ), лежащій на рѣкѣ Западной Двинѣ въ 105 верстахъ отъ Риги. Назначенный царскимъ намѣстникомъ вновь пріобрѣтеннаго края Ординъ-Нащокинъ, преслѣдуя мысль открыть русскимъ свободный путь къ Балтійскому морю, приступилъ было къ заведенію флота въ Кокенгаузенѣ, но какъ этотъ городъ былъ весьма скоро возвращенъ шведамъ, то Ординъ-Нащокинъ, оставляя свое намѣстничество, принужденъ былъ сжечь всѣ суда, построенныя имъ на Двинѣ, и рѣшеніе вопроса о пріобрѣтеніи русскими части Балтійскаго берега отсрочилось на долгое время [2].

Кардисскій миръ (1661 г.)

Польскія дѣла заставили Россію сблизиться съ Швеціею и заключить съ нею (1661 г.) Кардисскій миръ, по которому Россія, по прежнему, осталась совершенно отрѣзанною отъ Балтійскаго моря. Ингерманландія или Ижорская земля, въ которой до Столбовскаго мира все населеніе было православное, съ этого времени начала наполняться лютеранскими поселенцами изъ Финляндіи; къ нимъ присоединились шведскіе чиновники и въ городахъ шведскіе и нѣмецкіе мѣщане. Хотя по договорамъ съ Россіею право-

---

[1]) Моск. арх. Минист. Юстиц. Моск. стола свитокъ № 270. Извлеченіе напечатано Елагинымъ въ Морск. Сборн. 1866 г. № 1-й.

[2]) «Историческое значеніе царствованія Алексѣя Михаиловича», Медовикова. Стр. 127—128.

славные жители не должны были терпѣть никакихъ стѣсненій за свою вѣру и въ церковныхъ дѣлахъ оставались въ нѣкоторой зависимости отъ митрополита новгородскаго; но на дѣлѣ было не то. Духъ времени не допускалъ религіозной терпимости и, подъ вліяніемъ иноземнаго гнета, русскіе дворяне переходили мало по малу въ лютеранство, такъ что въ 1684 году изъ числа ихъ сохранили православіе лишь нѣсколько старухъ. Но крестьяне, при поддержкѣ духовенства, крѣпко держались своей вѣры и, часто жалуясь царямъ и патріархамъ на религіозныя притѣсненія со стороны шведовъ, просили о защитѣ. Это обстоятельство и эгоистическая торговая политика шведовъ безпрестанно напоминали о тяжести настоящаго положенія Россіи и подготовляли разрывъ.

Замѣчательно, что при завоеваніи невской области у шведовъ, царь Алексѣй Михаиловичъ включилъ въ свой титулъ не напрасно встревожившія шведовъ слова: «и земель западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ» [1]).

Судоходство на Каспійскомъ морѣ.

Послѣ англичанъ, безуспѣшно старавшихся открыть торговлю съ Персіею черезъ Каспійское море, новая попытка сдѣлана была въ царствованіе Михаила Ѳедоровича (въ 1633 г.) шлезвигъ-голштинскимъ герцогомъ Фридрихомъ. Герцогъ, желая завести у себя выгодную въ то время торговлю шелкомъ, выпросилъ позволеніе царя провозить шелкъ изъ Персіи черезъ Каспійское море и Волгу, для чего просилъ разрѣшить ему построить въ Россіи десять кораблей.

Постройка корабля Голштинцами. (1635 г.)

Царь благосклонно посмотрѣлъ на это дѣло, но, соглашаясь на предложеніе герцога, сдѣлалъ оговорку, что во время плаванія по Волгѣ и Каспійскому морю, въ случаѣ разбоевъ «отъ русскихъ людей или отъ иноземцевъ», наше правительство не принимаетъ на себя отвѣтственности за убытки, а предоставляетъ голштинцамъ защищаться своими средствами, для чего имъ и разрѣшается имѣть на судахъ оружіе и нанимать сколько понадобится людей. При разрѣшеніи кораблестроенія, иностраннымъ мастерамъ ставилось въ обязанность: отъ русскихъ плотниковъ, которые будутъ съ ними работать, «корабельнаго мастерства не скрывать». Постройка перваго корабля, которымъ и ограничилось все дѣло, происходила въ Нижнемъ-Новгородѣ [2]).

---

[1]) Писцовыя книги Ижорской земли. Т. I. Предисловіе.

[2]) Акты историч., изданные Археогр. Коммис. III. 329—332.

Корабль, названный по имени герцога, «Фридерикъ», былъ построенъ изъ словаго лѣса плоскодоннымъ и безъ киля. Длина его была 120 футъ, ширина 40 футъ, въ водѣ сидѣлъ 7 футъ. Онъ могъ ходить подъ парусами и веслами, имѣлъ три мачты и 24 весла. Для защиты отъ разбойниковъ на немъ поставили нѣсколько пушекъ. Экипажъ состоялъ изъ 78 человѣкъ, въ числѣ которыхъ были также члены голштинскаго посольства, ихъ свита и прислуга. Изъ русскихъ въ составъ экипажа вошли только пять чернорабочихъ.

Путешествіе голштинцевъ, подробно описанное Олеаріемъ, однимъ изъ лицъ, состоявшихъ при посольствѣ, окончилось неблагополучно. Корабль, оставивъ Нижній 30 іюля, прошелъ Волгу, но, войдя въ Каспійское море, въ ноябрѣ мѣсяцѣ разбился у береговъ Дагестана, близъ нынѣшней Низовой пристани [1]).

Морскія торговыя сношенія съ Персіею.

Новая торговая попытка, въ томъ же родѣ, предпринята была въ 1664 году уже со стороны Персіи. Персидское правительство, сознавая выгоду доставки шелка въ Европу черезъ Россію, просило у царя Алексѣя Михаиловича разрѣшенія, для одной составившейся въ Персіи компаніи армянскихъ купцовъ, перевозить весь добываемый въ Персіи шелкъ и другіе товары черезъ Россію. Русское правительство, за значительную плату, приняло на свой счетъ и страхъ доставку товаровъ изъ Астрахани въ Москву и тогдашніе пограничные города: Новгородъ, Смоленскъ и Архангельскъ.

Для безопасной перевозки товаровъ по Каспійскому морю и по Волгѣ, наполненной разбойниками, правительству необходимо было имѣть военныя суда. За совѣтомъ и содѣйствіемъ въ новомъ у насъ дѣлѣ кораблестроенія обратились къ голландцамъ, во первыхъ потому, что голландскій флотъ пользовался тогда въ Европѣ заслуженною славою, а, главное, потому, что торговавшіе въ Россіи голландскіе купцы уважались какъ честные и угодливые торговцы. Англичане же, покровительствуемые Іоанномъ Грознымъ, повредили себѣ при Годуновѣ притязаніями на торговую монополію, а при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ злоупотребленіями и притѣсненіями русскихъ купцовъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ имъ позволено было

---

[1]) Свѣдѣнія о постройкѣ и плаваніи голштинскаго корабля находятся въ извѣстномъ сочиненіи Олеарія.

торговать только въ Архангельскѣ, и то не оставаясь тамъ на постоянное жительство [1]).

19 іюля 1667 года «Приказу новгородской чети (четверти)» дано было слѣдующее царское повелѣніе: «Великій Государь и пр. указалъ, для посылокъ изъ Астрахани на Хвалынское море, дѣлать корабли въ Коломенскомъ уѣздѣ въ селѣ Дѣдиловѣ, и то корабельное дѣло вѣдать въ приказѣ новгородской чети боярину Аѳанасью Лаврентьевичу Ордину-Нащокину, да думнымъ дьякамъ Герасиму Дохтурову, да Лукьяну Голосову, да дьяку Ефиму Юрьеву» [2]). Судостроеніе въ Дѣдиновѣ (1667 г.)

Изъ этого видно, что дѣло кораблестроенія поручено было царемъ тому же Ордину-Нащокину, который строилъ суда на Западной Двинѣ и теперь принималъ близкое участіе въ заключеніи съ компаніею условій, представлявшихъ выгоды въ настоящемъ и обѣщавшихъ въ недалекомъ будущемъ значительное развитіе нашей торговли съ востокомъ. Ординъ-Нащокинъ былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ и умнѣйшихъ людей своего времени и самый довѣренный изъ совѣтниковъ царя. Государственные замыслы его были такъ широки, что онъ еще въ то время очень заботился объ утвержденіи Россіи на Амурѣ и объ установленіи торговыхъ сношеній съ Индіею.

Наемъ въ Голландіи командира будущаго корабля, необходимыхъ мастеровъ и инструментовъ для его строенія порученъ былъ издавна проживавшему въ Москвѣ голландскому гостю Фанъ-Сведену, учредителю нашихъ первыхъ почтъ. Для командованія судномъ нанятъ былъ голландецъ Ботлеръ, племянникъ Фанъ-Сведена; а строителемъ назначенъ также голландецъ, полковникъ Буковенъ[3]), служившій уже лѣтъ 20 въ Россіи, и корабельный мастеръ Ламбертъ Гельтъ (Helt) «съ товарищи». Самые простые инструменты, какъ напр. молоты, пилы, струги, долота, буравы, выписывались также изъ Голландіи. Доставленіе матеріаловъ, пріисканіе рабочихъ и вообще сношенія иностранцевъ съ разными лицами и мѣстами поручено было дворянину Полуехтову.

---

[1]) Гамель. Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

[2]) Дополненіе къ актамъ историческимъ Археогр. Ком. V. 211.

[3]) Объ немъ сказано: «На море многіе пути хаживалъ на корабли, и морской корабельный бой ему въ обычай и корабельное дѣло и русской извычей (обычай, порядокъ) знаетъ». (Доп. къ акт. истор. Арх. Ком. V. 218).

Не смотря на силу и вліяніе Ордина-Нащокина и на особенное участіе къ дѣлу самого царя, начавшіяся работы на каждомъ шагу встрѣчали препятствія. Всякій, отъ кого требовалось содѣйствіе, кажется, ставилъ себѣ въ обязанность не исполнять царскихъ указовъ прежде нѣсколькихъ подтвержденій. Старосты дворцовыхъ и другихъ селъ, на вызовъ желающихъ плотниковъ, отвѣчали: «по христовой Евангельской заповѣди, ей же ей ей, въ правду, что къ государеву корабельному дѣлу охочихъ плотниковъ нѣтъ». Заводчики не давали желѣза. Пушкарскій приказъ (артиллерійское управленіе) отзывался неимѣніемъ блоковъ и другихъ вещей; а на требованіе кузнецовъ, отвѣчалъ, что у него всего одинъ кузнецъ, да и тотъ «дѣлаетъ языкъ къ большому Успенскому колоколу». Воеводы и другія начальственныя лица, изъ вѣдомствъ которыхъ слѣдовало получать деньги, отзывались неимѣніемъ ихъ и даже, когда въ дачахъ одного архіерея понадобилось вырубить нѣсколько лѣсу, то и тутъ не обошлось безъ затрудненій. Вся эта тяжелая неурядица, съ прибавленіемъ безпрестанныхъ ссоръ между служащими и взаимныхъ ихъ доносовъ, происходила отъ не установившагося правильнаго порядка во всѣхъ частяхъ управленія, отъ вошедшей въ привычку общей распущенности и отъ отсутствія понятія о государственномъ интересѣ.

Нельзя не удивляться, какъ при подобныхъ затрудненіяхъ корабль, названный государемъ *Орелъ*, заложенный въ половинѣ ноября 1667 года, черезъ полгода былъ уже спущенъ на воду. Вскорѣ послѣ его поспѣли строившіеся съ нимъ яхта, ботъ и двѣ шлюпки. За то всѣ эти суда изъ Дѣдинова могли выдти въ Нижній-Новгородъ только черезъ годъ по спускѣ, то есть въ маѣ 1669 года, и то не дождавшись отъ тульскаго воеводы ни пушекъ, ни ядеръ.

Корабль, или, по словамъ капитана его, баркъ *Орелъ*[1]) имѣлъ около 80 футовъ длины, 21 ф. ширины и сидѣлъ въ водѣ, не въ полномъ грузу, до 5 футовъ. Вооруженіе его состояло изъ 22 пушекъ отъ 2-хъ до 5-ти фунтоваго калибра. Яхта вооружена была шестью однофунтовыми пушками. Кромѣ ядеръ предполагалось отпустить на эти суда 200 ручныхъ гранатъ. Изъ судовыхъ якорей два были двухлапые, остальные четырехлапые. Самый толстый

---

[1]) Письмо Ботлера, приложенное къ книгѣ: Les voyages de Jean Struys.

якорный канатъ былъ около 13½ дюймовъ. Постройка всѣхъ судовъ обошлась съ небольшимъ въ девять тысячъ рублей [1]). На кораблѣ, считая и капитана, было 20 иностранцевъ и къ нимъ въ Казани присоединилось, для охраненія судовъ, 35 нижегородскихъ стрѣльцовъ.

Готовясь къ морскому плаванію, Ботлеръ привезъ съ собою изъ заграницы карту Каспійскаго моря и запасся инструментами, необходимыми не только для навигаціоннаго счисленія, но даже и для астрономическаго опредѣленія широты мѣста. Такъ у него было нѣсколько песочныхъ часовъ (склянокъ полу и шести часовыхъ), мѣдныхъ маятниковъ (для повѣрки склянокъ) и «кольцо для осмотрѣнія по солнцу морскаго бѣгу» [2]). При своемъ пріѣздѣ въ Россію Ботлеръ представилъ «корабельнаго строю письмо», то есть, правила корабельной службы, которыми онъ желалъ руководствоваться. Это «письмо» было нѣчто въ родѣ краткаго морскаго устава; оно состояло изъ введенія и 34 статей, въ которыхъ перечислялись обязанности капитана и различныхъ чиновъ экипажа, а также заключались краткія наставленія какъ дѣйствовать каждому служащему на кораблѣ при различныхъ обстоятельствахъ [3]).

Плаваніе и судьба дѣдиновскихъ судовъ.

Отъ Нижняго до Астрахани суда шли около двухъ съ половиною мѣсяцевъ, нерѣдко становясь на мель и выдерживая крѣпкіе вѣтры, заставившіе потерять четыре якоря. Въ Астрахани суда оставались девять мѣсяцевъ, сначала въ ожиданіи нѣкоторыхъ вещей и припасовъ, а потомъ по случаю страшныхъ разбоевъ казаковъ Стеньки Разина, остановившихъ вовсе торговлю съ Персіей. Во время пребыванія въ Астрахани Ботлеръ, по порученію астраханскаго воеводы Прозоровскаго, успѣлъ построить и въ апрѣлѣ 1670 года спустить на воду еще «военное судно» назна-

---

[1]) Свѣдѣнія о постройкѣ судовъ въ Дѣдиновѣ взяты изъ Дополненія къ актамъ историческимъ Археогр. Коммис. V. 211—284.

[2]) Это было такъ называемое «астрономическое кольцо» (Sea-ring, Anneau gradué), употреблявшееся въ то время на морѣ, для измѣренія высоты солнца. Оно описано въ «Hydrographie» и пр. Іезуита Fournier. Парижское изданіе 1643 года, стр. 491.

[3]) «Выѣзды иностранцевъ въ Россію» № 42. Въ Гл. Моск. Арх. Мин. Ин. дѣлъ.

ченное, для дѣйствій противъ казаковъ, о которыхъ носились уже тревожные слухи, къ несчастію скоро оправдавшіеся взятіемъ самой Астрахани. При этомъ *Орелъ* былъ сожженъ, а иностранцы бывшіе на немъ разбѣжались. Одни съ капитаномъ Ботлеромъ ушли въ Персію, другіе, рѣшившіеся выдти въ море на шлюпкѣ, захвачены были у Дербента въ плѣнъ. Изъ нихъ лекарь Термунтъ и пушкарь Карштенъ Брантъ возвратились впослѣдствіи въ Россію. Бывшій на *Орлѣ* парусникъ Янъ Стрюйсъ оставилъ описаніе плаванія корабля и приключеній своего бѣгства [1]).

Положеніе русской морской торговли.

Торговыя предпріятія, подобныя голштинскому и армянской компаніи, при тогдашнихъ взглядахъ нашего правительства, казались ему весьма выгодными, потому что обѣщали значительный прямой доходъ [2]). Но въ дѣйствительности, эта кажущаяся выгода, въ случаѣ удачи такихъ предпріятій, принесла бы огромный вредъ государству въ томъ отношеніи, что отстранила бы отъ морской заграничной торговли наше русское купечество, разрозненнымъ членамъ котораго невозможно было конкурировать съ хорошо организованными иностранными компаніями.

Съ царствованія Іоанна Грознаго наша морская торговля постоянно находилась въ рукахъ иностранцевъ, которые всѣми силами старались не допускать до нея русскихъ купцовъ и дѣлали имъ всевозможныя притѣсненія. Правительство наше защищало, сколько могло, русскіе торговые интересы, но, при тогдашнемъ состояніи дѣлъ, все ограничивалось полумѣрами, ослаблявшими, но не искоренявшими зло. Вскорѣ по вступленіи на престолъ Алексѣя Михаиловича 166 купцовъ разныхъ городовъ подали царю прошеніе объ отмѣнѣ стѣснительныхъ для нихъ привилегій, дан-

---

[1]) Les voyages de Jean Struys. 1681. Amsterd.

[2]) За привилегію, полученную голштинцами, съ нихъ выговорена ежегодная плата въ 600 тысячъ ефимковъ; армянская же компанія обязана была вносить въ казну *съ каждаго рубля*, вырученнаго отъ продажи или мѣны товара, слѣдующіе проценты: за товары, привезенные въ Астрахань, съ рубля по 5 копѣекъ, въ Москву — также по 5 коп., въ пограничные города Архангельскъ, Смоленскъ и др.—по 30 к. и, кромѣ того, въ случаѣ вывоза товаровъ за границу и возвращенія ихъ оттуда, были установлены особыя пошлины. (Полн. Собр. Закон. I. стр. 692 и 697 и Краткое извѣстіе о русской торговлѣ, Кильбургера; перев. съ нѣмецкаго Языковымъ. Спб. 1820 г. стр. 122—130.)

ныхъ иностранцамъ. «Воззри, Государь, писали они, на насъ бѣдныхъ и не дай намъ, природнымъ твоимъ Государевымъ холопемъ и сиротамъ, отъ иностранцевъ быть въ вѣчной нищетѣ и скудости; не вели, Государь, искони вѣчныхъ нашихъ промыслишковъ у насъ бѣдныхъ отнять» [1]).

До чего простиралась ревнивая опека иностранцевъ и заботливость ихъ о недопущеніи русскихъ купцовъ къ заграничной торговлѣ, представляетъ случай, бывшій съ ярославцемъ Антономъ Лаптевымъ, который въ 1646 году повезъ въ Ригу и Амстердамъ пушные товары. Иностранные купцы, ясно видѣвшіе угрожавшую имъ опасность отъ допущенія русскихъ къ производству заграничной торговли, повели дѣло такимъ образомъ, что за товары Лаптева въ иностранныхъ городахъ давали нарочно самыя малыя цѣны. Благодаря подобной стачкѣ, русскій купецъ долженъ былъ привезти свои товары обратно въ Архангельскъ и продать ихъ тамъ тѣмъ же иностранцамъ. «И нѣмцы говорили, какъ объяснялъ Лаптевъ, для того де они Антонова товару не купили, чтобы инымъ русскимъ торговымъ людямъ ѣздить въ наши государства было не повадно; а только де въ нашихъ государствахъ русскіе торговые люди учнутъ торговать, такъ же какъ мы у васъ, и мы всѣ станемъ безъ промысловъ, такъ же оскудѣемъ, какъ и вы, торговые люди».

Кромѣ пользованія данными привилегіями, иностранные купцы нерѣдко уклонялись отъ установленныхъ для нихъ правилъ, а иногда, при неимѣніи у насъ морской силы, безнаказанно своевольничали. Такъ напримѣръ, въ 1646 году иностранные корабли, вмѣсто указаннаго имъ Пудожемскаго устья Двины, тайно проходили въ Березинское, а это, кромѣ потери пошлинъ, заставляло опасаться нечаяннаго нападенія на городъ. По свидѣтельству одного современника (голландскаго гостя Андрея Виніуса) «многажды бывало, что корабельщики черезъ городъ стрѣляли и всякое дурно съ нихъ бывало, а унять ихъ воевода не смѣлъ». Случалось, что когда на торговые иностранные корабли посылались чи-

---

[1]) Акты Археогр. Экспед. IV № 13. Однимъ изъ поводовъ къ прошенію была отдача при Михаилѣ Θедоровичѣ въ откупъ иностранной компаніи «ворваньяго сала», отчего «многіе люди, колмогорцы и все поморье, которые ходятъ на море бить звѣря, обнищали и разбрелись врознь....»

повники, то «нѣмцы вчинають вздоръ (начинаютъ ссору) и насильства государевымъ людямъ чинятъ многія» [1]).

Подобные поступки со стороны иностранныхъ купцовъ были только непріятны, но беззащитное положеніе довольно значительнаго населенія на берегахъ Бѣлаго моря, въ случаѣ войны съ морскою державою, не могло не озабочивать наше правительство. Не имѣя флота, оно принуждено было для охраненія береговъ отъ непріятеля прибѣгать къ исключительнымъ мѣрамъ. Такъ въ 1619 и 1623 годахъ, опасаясь нападенія датчанъ, царь приказалъ соловецкому игумену принять мѣры къ оборонѣ своего монастыря и помогать, въ случаѣ нужды, Кольскому острогу, «чтобъ его отъ нѣмцовъ уберечь и волостей бы поморскихъ завоевать не дать» [2]).

Сознавая безсиліе Россіи въ морскомъ отношеніи, извѣстный Делагарди (въ 1646 г.) говорилъ, по свидѣтельству того же Виніуса, что если бы онъ былъ хорошо знакомъ съ географическимъ положеніемъ мѣстъ въ то время, когда начиналъ военныя дѣйствія въ Россіи, то вступилъ бы въ нее съ архангелогородской стороны, «потому что, то первыя ворота Россійскаго Государства» [3]). Правительство наше, конечно, не менѣе Делагарди обращало вниманіе на беззащитное положеніе береговъ Бѣлаго моря и сознавало, что охраненіе ихъ представляло одно изъ важнѣйшихъ обстоятельствъ, указывающихъ на необходимость флота для Россіи.

Попытки, дѣланныя въ царствованія Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михаиловича, показали возможность строенія кораблей въ Россіи и послѣ этого мысль о созданіи флота представлялась хотя трудно выполнимою, но уже не могла казаться несбыточною фантазіею. Что́ при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ флотъ начинали считать на ряду съ другими родами войскъ, доказываетъ изданная въ 1647 году, по повелѣнію царя, книга подъ заглавіемъ: «Ученіе и хитрость ратнаго строя пѣхотныхъ людей». Изъ предисловія къ ней видно, что она составляла только первую часть переводимаго на русскій языкъ сочиненія, заключавшаго въ себѣ всю военную

---

[1]) Дополн. къ Актамъ историч. т. III, стр. 13.

[2]) Акты историч. Арх. экспед. т. III №№ 106 и 137.

[3]) Дополн. къ Акт. историч. т. III. 13.

науку того времени. За первой частью, трактовавшею о пѣхотѣ, должны были слѣдовать другія, относящіяся до кавалеріи, артиллеріи, инженерной науки и въ числѣ ихъ обѣщано, что «седьмая книга будетъ о корабельной ратной наукѣ, и то не мало дѣло и ученіе» [1]).

Проекты о заведеніи флота.

Нѣкоторые изъ бывшихъ въ Россіи иностранцевъ, знакомые съ морскимъ дѣломъ, представляли правительству свои мысли о выгодахъ строенія кораблей въ Россіи, указывая на легкость исполненія этого дѣла и на значительность ожидаемой отъ него пользы. Такъ напр., тотъ же Ботлеръ, для охраны отъ «воровъ и казаковъ» Каспійскаго моря и для защиты отъ непріятелей своего корабля, перевозки людей, нанесенія вреда непріятелю, и т. п., предлагалъ построить «судно морское» на манеръ венеціанскихъ галеръ, которое бы ходило подъ веслами (число ихъ полагалось 36) и подъ парусомъ, и сидѣло бы въ водѣ менѣе трехъ футъ. Въ помощь этому судну Ботлеръ полагалъ построить еще другое «баркотинъ или стругъ», длиною въ семь сажень и вооруженное шестью или семью однофунтовыми пушками [2]).

По поводу проекта Ботлера, Виніусъ, переводчикъ посольскаго приказа, представилъ свои предположенія, доказывавшія необходимость построить не одну, а «много» каторгъ, которыя, по мнѣнію его, на Каспійскомъ морѣ были бы гораздо полезнѣе парусныхъ судовъ, потому что, онѣ могутъ ходить въ штиль и при противныхъ вѣтрахъ, входить въ рѣки противъ теченія и изъ своихъ носовыхъ большихъ орудій поражать непріятеля на дальнемъ разстояніи. При этомъ Виніусъ представлялъ, что «московское государство всѣ судостроительные матеріалы, какъ то лѣсъ, пеньку, желѣзо, смолу, а также пушки и порохъ, имѣетъ въ изобиліи», тогда какъ другимъ націямъ почти все это приходится покупать.

---

[1]) «Ученіе и хитрость ратнаго строя пѣхотныхъ людей». Предисловіе, стр. 5.

[2]) Проектъ Ботлера въ Глав. моск. арх. Мин. Иностр. дѣлъ, въ бумагахъ подъ заглавіемъ «Выѣзды иностранцевъ въ Россію 1668—1669 г. № 42». Это указаніе находится въ сочиненія А. В. Висковатова, изданномъ въ 1864 году, подъ заглавіемъ: «Краткій историческій обзоръ морскихъ походовъ русскихъ и пр.» Несмотря на свой небольшой объемъ, книга г. Висковатова представляетъ весьма почтенный трудъ, замѣчательный по обилію указаній на источники.

*

На построенныхъ галерахъ (каторгахъ, на которыхъ гребцами должны быть закованные преступники), Виніусъ предполагалъ развозить, за извѣстную плату, купеческіе товары по всѣмъ берегамъ Каспійскаго моря и впадающимъ въ него рѣкамъ. Въ случаѣ, если отыщется рѣчной путь въ Индію и установятся съ нею торговыя сношенія, «то самая великая прибыль великаго государя казнѣ и московскаго государства имать быти». Кромѣ торговыхъ выгодъ, эти же каторги могли бы служить для уничтоженія на морѣ и рѣкахъ морскихъ разбоевъ. Всего важнѣе, заключаетъ Виніусъ, что отъ введенія такихъ судовъ разовьется въ московскомъ государствѣ торговля, прибавятся государственные доходы; защита отъ разбойниковъ увеличитъ богатство торговыхъ людей, а тѣмъ и казнѣ принесется прибыль [1]).

Другой иноземецъ, Янъ Вегронъ, называвшій себя «капитаномъ и адмираломъ», предлагалъ (около 1672 г.) строить суда не только для своихъ потребностей, но и для продажи другимъ государствамъ. Убѣждая въ чрезвычайныхъ выгодахъ кораблестроенія, Вегронъ замѣчаетъ, что для государя нѣтъ ничего выгоднѣе «морскаго промыслу, и тако же и то, что ни единъ во всей вселенной есть, чтобы такими малыми проторми такое множество кораблей можно велѣть дѣлать и содержать, какъ Его Величеству мочно, потому, что его земля обильна и слишкомъ имѣетъ лѣсу, пеньку, желѣзо, смолу черную твердую и смолу всякую судовую и иные товары, которые къ морскому дѣлу годны». Вегронъ полагалъ возможнымъ строить въ годъ по сту кораблей и всякій корабль продавать за десять тысячъ рублей.

Далѣе, авторъ проекта развиваетъ блистательныя торговыя фантазіи, предлагая на нѣсколькихъ построенныхъ въ Россіи корабляхъ открыть обширныя торговыя операціи, напр. изъ Россіи въ «Канарѣйскую» землю (на Канарскіе острова) посылать бочки и дубовыя доски; а оттуда привозить испанскія вина, сахаръ, лимоны, засахареные плоды и «иныя диковины». Изъ Италіи въ обмѣнъ пеньки, льну, смолы, золы и юфти, получать шелкъ, золото, серебро и пр.; въ Португаліи за канаты, паруса, смолу, корабельный лѣсъ и готовые корабли брать жемчугъ, золото, серебро и

---

[1]) Доп. къ Акт. истор. Арх. Ком. V. 404—405.

пряные коренья. Въ подобныхъ фантазіяхъ Вегронъ доходитъ до Бразиліи и Индіи. Затѣмъ прожектеръ предлагаетъ и средства для болѣе легкаго заготовленія продажныхъ товаровъ: выдѣлку канатовъ — производить арестантами; приготовленіе золы — наложить на крестьянъ и т. п. [1])

При всей непрактичности предположеній Виніуса и фантастической всеобъемлемости проекта Вегрона, появленіе ихъ показываетъ, что мысль о важности и пользѣ созданія флота для Россіи, уже при Алексѣѣ Михаиловичѣ, стала значительно разъясняться и укрѣпляться. Наконецъ, изъ этихъ проектовъ видно, что даже сами иностранцы начали указывать на убытки, которые Россія несетъ отъ небреженія своихъ морскихъ промысловъ и неимѣнія флота. Такъ напр. этотъ же Вегронъ пишетъ, что на принадлежащую Россіи Новую Землю приходятъ ежегодно для китовой ловли французы, испанцы (?), голландцы, датчане «и иные; и тѣ люди отъ того неизреченную прибыль имѣютъ». И если бы, продолжаетъ Вегронъ, царь отправилъ туда 10 кораблей, съ тою же цѣлію, то каждый изъ нихъ принесъ бы въ годъ прибыли болѣе 10,000 ефимковъ.

Не смотря на постоянное стремленіе Россіи пріобрѣсти берегъ моря съ удобнымъ морскимъ портомъ, она въ исходѣ XVII столѣтія была вовсе отрѣзана какъ отъ Чернаго и Азовскаго морей, такъ и отъ Балтійскаго, и, кромѣ закрытаго Каспійскаго и безлюдныхъ, трудно доступныхъ береговъ Сибири, у нее остался одинъ Архангельскъ, черезъ который исключительно и производилась морская заграничная торговля. Казалось, что теперь, не смотря на порядокъ, водворившійся послѣ смутъ междуцарствія, и усиленіе государства пріобрѣтеніемъ Малороссіи и подчиненіемъ донскихъ казаковъ, Россіи приходилось навсегда отказаться отъ надежды имѣть близкое и свободное морское сообщеніе съ образованною Европою и въ будущемъ предстояла ей ревнивая опека иноземцевъ, неизбѣжное ослабленіе и отсталость.

Послѣдняя неудачная попытка царя Алексѣя Михаиловича могла окончательно убѣдить не только иностранцевъ, но и

---

[1]) Глав. моск. арх. Мин. Иностр. дѣлъ. Приказныя дѣла 1672 года, св. № 407.

самихъ русскихъ, что Россіи не суждено пріобрѣтеніемъ моря сблизиться съ Европою; но окрѣпнувшее и раскинувшееся на громадное протяженіе государство, отдѣленное отъ морей на югѣ и на сѣверо-западѣ только узкими полосами чужой земли, должно было рано или поздно выдвинуться на берега этихъ морей. Правительство постоянно сознавало необходимость этого, а русскіе дипломаты, бывшіе за границею, и значительное число иностранцевъ, между которыми бывали люди свѣдущіе, не могли не понимать возможности осуществленія мысли о пріобрѣтеніи морскаго берега, развитіи морской торговли и заведеніи необходимаго для ея защиты, военнаго флота.

Историческій ходъ событій велъ къ этому, плодъ созрѣлъ, ожидался только избранникъ судьбы, способный снять его, и онъ явился въ лицѣ геніальнаго юноши, подъ царскою порфирою котораго билось сердце истиннаго моряка.

ГЛАВА III.

ОСНОВАНІЕ АЗОВСКАГО ФЛОТА И ПЕРВЫЯ ЕГО ДѢЙСТВІЯ.

Рѣшительное стремленіе Россіи на берега морей. — Отношеніе царя Петра къ морю. — Случайности возбудившія въ Петрѣ страсть къ морю. — Учебныя занятія съ Тимерманомъ. — Находка ботика (1688 г.). — Катанья по Яузѣ. — Постройка и плаванія переславской флотиліи. — Первая поѣздка Петра въ Архангельскъ (1693 г.). — Плаваніе по Бѣлому морю. — Вторая поѣздка Петра въ Архангельскъ (1694 г.). — Плаванія и морскіе пиры царя. — Попытка къ заведенію русскаго торговаго флота. — Положенія южныхъ границъ Россіи. — Первый азовскій походъ (1695 г.). — Начало азовскаго флота. — Постройка галеръ въ селѣ Преображенскомъ. — Судостроеніе въ Воронежѣ. — Государевъ шатеръ на Воронежѣ. — Первыя суда азовскаго флота. — Составъ судовыхъ экипажей. — Второй азовскій походъ (1696 г.). — Морская побѣда казаковъ. — Осада и взятіе Азова. — Польза принесенная флотомъ. — Тріумфальный входъ въ Москву. — Рѣшеніе о содержаніи постояннаго флота. — Образованіе кумпанствъ. — Кумпанскія суда. — Учрежденіе адмиралтейства въ Воронежѣ. — Постройка судовъ казною. — Тягость корабельной повинности для народа. — Личное участіе царя въ кораблестроеніи.

Рѣшительное стремленіе Россіи на берега морей.

Россія, начинающая собираться съ силами, все яснѣе и опредѣлительнѣе сознавала тяжелую свою зависимость отъ сосѣдей. Отрѣзанная отъ морей, представляющихъ возможность непосредственныхъ и удобныхъ сношеній съ образованною Европою, она задыхалась въ своемъ невольномъ уединеніи. Царь Петръ, вступивъ въ управленіе государствомъ, скоро увидѣлъ невозможность подобнаго положенія и пришелъ къ убѣжденію, что для внутренняго развитія Россіи и возвышенія ея политическаго значенія пріобрѣтеніе порта, болѣе удобнаго чѣмъ Архангельскъ, составляетъ насущную, государственную необходимость. Поэтому, стремленіе Россіи выдвинуться на берега морей, выражавшееся до сихъ поръ слу-

чайными робкими попытками, при царѣ Петрѣ получаетъ значеніе важнѣйшаго государственнаго вопроса, для благопріятнаго рѣшенія котораго обращаются трудъ и матеріальныя средства значительной части населенія.

Отношеніе царя Петра къ морю.

Но, при всей геніальности Петра, трудно допустить, чтобы колоссальная идея возвышенія государства посредствомъ созданія морскаго его могущества могла явиться въ головѣ юноши-царя вдругъ, съ полною отчетливостію и яснымъ сознаніемъ безчисленныхъ полезныхъ ея слѣдствій. Вѣрнѣе, что эта идея развивалась и росла постепенно, подъ вліяніемъ разныхъ счастливыхъ случайностей, которыя для обыкновеннаго ума прошли бы безслѣдно, а для генія послужили матеріаломъ къ созданію стройнаго цѣлаго.

Къ счастію Россіи, въ исполненіе своего великаго дѣла Петръ внесъ, кромѣ свѣтлыхъ соображеній и непоколебимой твердости воли, страстную любовь къ морю и рѣдкую способность къ разносторонней техникѣ морскаго дѣла. Дѣйствительно, первоначальный путь къ завѣтной цѣли юношѣ-Петру указало сердце, а затѣмъ уже пошла работа ума. Первыя плаванія царя по Яузѣ и озерамъ представляли для него только новую забаву, которой онъ предавался со всѣмъ увлеченіемъ юности; а мысль о серьезномъ значеніи моря для государства явилась только впослѣдствіи, когда царь могъ лично ознакомиться съ выгодами торговой дѣятельности Архангельска, и своими глазами увидѣть то великое море-океанъ, по волнамъ котораго разбѣгаются широкія дороги во всѣ концы свѣта.

Восторженная любовь Петра къ морю, доходившая почти до обожанія, вначалѣ заключалась не столько въ корыстномъ отношеніи царя къ полезности предмета, сколько въ личномъ поэтическомъ къ нему сочувствіи. Петръ, съ ранней юности успѣвшій до пресыщенія насладиться властію, по своей высшей натурѣ не могъ вполнѣ удовлетвориться раболѣпнымъ исполненіемъ своихъ желаній и грубыми потѣхами тогдашняго общества; онъ искалъ другихъ удовольствій, и море представило ему такія высокія наслажденія, предъ которыми должны были поблѣднѣть всѣ прочія. Въ великой душѣ юнаго царя находили гармоническіе отголоски и безпредѣльная ширь океана и разнообразныя морскія опасности, пред-

ставляющіяся въ грандіозныхъ формахъ, и, наконецъ, упорная борьба съ ними, требующая соединенія всѣхъ средствъ, данныхъ человѣку природою и наукою. Встрѣчающіяся на морѣ безпрестанныя неожиданности, пріятныя и грозныя, представляютъ какое-то подобіе увлекательной, для страстныхъ натуръ, азартной игры, требующей, съ одной стороны, твердости и терпѣнія, а съ другой держащей человѣка въ постоянно возбужденномъ состояніи. Для царя Петра, встрѣчавшаго въ правительственной дѣятельности мало сочувствія къ своимъ великимъ замысламъ, — на палубѣ корабля, нерѣдко построеннаго и вооруженнаго его собственными руками, все было роднымъ; а въ могучихъ стихіяхъ вызывающихъ на борьбу, онъ видѣлъ только достойныхъ соперниковъ, съ которыми пріятно было помѣряться силами.

Случайности возбудившія въ Петрѣ страсть къ морю.

При врожденной страсти Петра къ морю, достаточно было одной искры, чтобы разгорѣлось яркое пламя, одного незначительнаго обстоятельства, чтобы направить дѣятельность генія на симпатичный для него предметъ. Такъ было и на самомъ дѣлѣ: ничтожный случай обратилъ вниманіе Петра на важное практическое значеніе прикладныхъ математическихъ наукъ, возбудилъ желаніе ближе познакомиться съ ними и свелъ съ человѣкомъ, который съумѣлъ разумнымъ образомъ направить подобнаго ученика. А вскорѣ затѣмъ, другая, также мелкая, случайность, на эту приготовленную почву бросила благодатное зерно, изъ котораго уже выросъ русскій флотъ.

Первымъ изъ этихъ счастливыхъ обстоятельствъ былъ разсказъ князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго о бывшихъ когда-то у него инструментахъ (астролябіи и готовальнѣ), посредствомъ которыхъ можно измѣрять разстояніе между двумя мѣстами, не подходя къ нимъ. Любопытство четырнадцатилѣтняго царя было такъ возбуждено разсказомъ, что онъ не успокоился до тѣхъ поръ, покуда не сдѣлался обладателемъ такихъ диковинокъ и не отыскалъ человѣка, который могъ научить ихъ употребленію. Такимъ знатокомъ оказался, давно проживавшій въ Россіи, голландецъ Францъ Ѳедоровичъ Тимерманъ. Царь, познакомясь съ нимъ, не удовольствовался однимъ объясненіемъ употребленія пріобрѣтенныхъ инструментовъ, а началъ постоянныя занятія ариѳметикою, геометріею, астрономіею,

Учебныя занятія съ Тимерманомъ.

фортификаціею, артиллеріею, однимъ словомъ всѣмъ, что только зналъ самъ импровизованный учитель.

Благодаря своимъ урокамъ, Тимерманъ сдѣлался постояннымъ собесѣдникомъ Петра. Имѣя неглубокія, но разнообразныя свѣдѣнія и не дюжинный умъ, Тимерманъ понялъ, что его геніальному ученику нужно только указывать кратчайшую дорогу къ практическому приложенію интересовавшихъ его наукъ, а отнюдь не отталкивать отъ нихъ педантизмомъ сухаго книжнаго ученія.

Сохранившіяся тетради Петра [1]) даютъ нѣкоторое понятіе о системѣ преподаванія Тимермана и показываютъ быстроту, съ которою усвоивалъ Петръ самыя разнообразныя свѣдѣнія, передаваемыя ему учителемъ. Напримѣръ, вслѣдъ за начальными ариѳметическими дѣйствіями, въ видѣ интереснаго примѣра сложенія и вычитанія, въ тетрадяхъ является опредѣленіе широты мѣста по меридіанальной высотѣ солнца. На этомъ одномъ примѣрѣ ученикъ знакомился съ способомъ наблюденія, получалъ понятіе о широтѣ мѣста, полуденной высотѣ и склоненіи солнца, видѣлъ необходимость астрономическихъ таблицъ, знакомился съ ихъ употребленіемъ и, наконецъ, узнавалъ о зависимости между склоненіемъ солнца и временами года.

Подобное преподаваніе для юноши обыкновеннаго, даже и съ весьма хорошими способностями, принесло бы положительный вредъ; но Петръ, повидимому, безъ большаго труда справлялся съ такою громадною и разнообразною массою свѣдѣній. Изъ обстоятельныхъ письменныхъ отвѣтовъ его на нѣкоторые вопросы видно, что онъ хорошо усвоивалъ все проходимое. Уроки Тимермана, если не могли сообщить царю серьезныхъ систематическихъ свѣдѣній, то по разнообразію предметовъ и ихъ практической важности, значительно расширяли научный горизонтъ царственнаго ученика, много пособляли развитію его способностей и, что важнѣе всего, внушали ему уваженіе къ наукѣ. Никита Моисеевичъ Зотовъ, учившій Петра чтенію и письму, а можетъ быть и началамъ ариѳметики, немного передалъ своему ученику: царь писалъ безъ всякихъ правилъ, придерживаясь только произношенія

---

[1]) Исторія Петра Великаго. Устряловъ. II. стр. 19.

словъ, и почеркъ его на всю жизнь остался очень дурнымъ и чрезвычайно неразборчивымъ.

Отъ Тимермана пріобрѣталъ Петръ научныя свѣдѣнія, а образованный, веселый и пріятный собесѣдникъ Лефортъ знакомилъ его съ разными сторонами европейской жизни. Въ этихъ разсказахъ естественно все облекалось въ болѣе привлекательные образы, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, и Петръ при сравненіи того о чемъ слышалъ, съ тѣмъ, что видѣлъ вокругъ себя, не могъ не желать всѣми силами души, чтобы все хорошее западной Европы было перенесено какъ можно скорѣе въ Россію. Самое пріятное для юноши и самое необходимое по современнымъ обстоятельствамъ было устройство военной силы по европейскому образцу, и Петръ, отбросивъ полумѣры дѣда и своего родителя, приглашавшихъ иностранцевъ на службу въ войскахъ, но не рѣшавшихся отступить отъ старыхъ воинскихъ порядковъ, образовалъ своихъ «потѣшныхъ» совершенно по образцу европейскихъ войскъ. Отъ сухопутныхъ военныхъ силъ къ морскимъ переходъ былъ уже недалекъ и, кстати, подоспѣвшая новая случайность указала будущему моряку-государю прямой путь къ достиженію морскаго могущества Россіи.

Приведемъ слова самого Петра [1]) о знаменательномъ событіи, послужившемъ началомъ русскаго флота. «Случилось намъ (въ маѣ 1688 г.) быть въ Измайловѣ, на льняномъ дворѣ, и гуляя по амбарамъ, гдѣ лежали остатки вещей дому дѣда Никиты Ивановича Романова [2]), между которыми увидѣлъ я судно иностранное, спросилъ вышерѣченнаго Франца [3]), что то за судно? Онъ сказалъ, что то ботъ англійскій. Я спросилъ: гдѣ его употребляютъ? Онъ сказалъ, что при корабляхъ, для ѣзды и возки. Я паки спросилъ: какое преимущество имѣетъ передъ нашими судами (понеже видѣлъ его образомъ и крѣпостію лучше нашихъ)? Онъ мнѣ сказалъ, что онъ ходитъ на парусахъ не только что по вѣтру, но и противъ вѣтру; которое слово меня въ великое удивленіе привело и якобы неимовѣрно». Этотъ «ботъ англійскій» впослѣдствіи сдѣ-

Находка ботика (1688 г.)

---

[1]) Собственноручная записка Петра «О началѣ судостроенія въ Россіи» находящаяся въ Каб. дѣл. II. В. Отд. I, № 38. Напечат. у Устрялова, т. II стр. 397.

[2]) Двоюроднаго брата царя Михаила Θеодоровича, скончавшагося въ 1634 г.

[3]) Тимермана.

лался знаменитымъ подъ именемъ «*дѣдушки русскаго флота*». (Рисунокъ литера А).

Катанья по Яузѣ.

Душа страстнаго моряка сказалась въ Петрѣ и охота къ водянымъ потѣхамъ пошла быстрыми шагами. Немедленно, по указанію Тимермана, найденъ былъ старикъ голландецъ, Карштенъ Брантъ, служившій на кораблѣ *Орелъ* товарищемъ корабельнаго пушкаря, а теперь заработывавшій себѣ хлѣбъ столярнымъ мастерствомъ. Онъ исправилъ ботикъ, сдѣлалъ къ нему мачту и парусъ и сталъ съ Петромъ кататься по Яузѣ, но какъ рѣка, для лавировки, была тѣсна, то ботъ перенесли въ село Измайлово въ Просеной прудъ: «но и тамъ не много авантажу сыскалъ, пишетъ Петръ, а охота стала отъ часу быть болѣе».

Постройка и плаванія переславской флотиліи.

Тогда царь обратилъ вниманіе на Переславское озеро, имѣющее верстъ около десяти длины и до восьми ширины. Хотя берега его почти со всѣхъ сторонъ были окружены отмелями, но середина имѣла достаточную глубину. На берегу рѣки Трубежа, впадающей въ озеро близъ города Переславля, выбрано было мѣсто для верфи и зимою на 1689 г., подъ надзоромъ Бранта и корабельнаго мастера Корта, началось строеніе трехъ судовъ: одного большаго и двухъ поменьше. Со вскрытіемъ озера самъ Петръ явился въ Переславль и принялся за топоръ, какъ простой плотникъ. Въ іюнѣ суда были уже готовы; но стрѣлецкія смуты, борьба съ властолюбивою сестрою Софьею и, наконецъ, потѣшные военные походы надолго отвлекли Петра отъ Переславскаго озера. Однакожъ, нельзя не замѣтить, что со времени переславской постройки привязанность царя къ морю начала выказываться при разныхъ случаяхъ; такъ напримѣръ, онъ самъ, съ нѣсколькими товарищами, построилъ яхту, въ которой могли помѣститься до 30 человѣкъ и въ одинъ изъ потѣшныхъ походовъ, изъ Москвы въ Угрѣшскій Николаевскій монастырь, отправился Москвою рѣкою, на флотиліи мелкихъ гребныхъ судовъ [1]).

Работы на озерѣ продолжались и въ отсутствіе царя: за смертію Корта, оставшійся тамъ, одинъ Брантъ построилъ два небольшихъ фрегата и три яхты. Въ двухъ верстахъ отъ города за се-

---

[1]) Устряловъ. II. стр. 291, 34 и 135.

ломъ Веськовымъ, для пріѣздовъ царя, срубили одноэтажный дворецъ и противъ него на сваяхъ пристань, идущую сажень на сто отъ берега, до такой глубины, на которой могли стоять лѣтомъ суда, отводимыя зимою, для безопасности отъ льда, въ рѣку Трубежъ. Близъ дворца, на мысѣ Гремячемъ, устроили батарею, съ которой въ торжественныхъ случаяхъ палили изъ пушекъ.

Впродолженіи зимы и весны 1692 года Петръ нѣсколько разъ посѣщалъ свою верфь и зимою жилъ тамъ недѣли по двѣ, трудясь безъ устали. Весною царь пробылъ на верфи болѣе мѣсяца и началъ постройку новаго корабля, при сотрудничествѣ своихъ потѣшныхъ преображенцевъ, которые въ то время, какъ и самъ онъ, исправляли, смотря по надобности, должности солдатъ, матросъ и кораблестроителей. 1-го мая 1692 года, съ большимъ торжествомъ, спущенъ былъ на воду строенный Петромъ корабль, и лѣтомъ цѣлый мѣсяцъ провели въ Переславлѣ царицы — мать и супруга Петра, а пришедшіе изъ Москвы полки производили маневры сухопутные и морскіе, во время которыхъ всѣ воинскія почести принималъ князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, какъ генералиссимусъ и адмиралъ.

Морскіе маневры состояли въ томъ, что 18 августа утромъ флотилія, при попутномъ вѣтрѣ, перешла озеро и бросила якорь у сѣвернаго берега; здѣсь простояла она за противнымъ вѣтромъ до 21 числа и тогда возвратилась къ пристани. Эта стоянка за противнымъ вѣтромъ показываетъ, что суда не могли лавировать; вообще же, морскія ихъ качества были до того неудовлетворительны, что впослѣдствіи одна изъ яхтъ опрокинулась [1]).

Проведя великій постъ, 1693 года, въ работѣ на переславской верфи, Петръ, послѣ пасхи, впродолженіи трехъ недѣль, въ послѣдній разъ поплавалъ на своей переславской флотиліи, которая однакожъ оставалась на водѣ до послѣднихъ годовъ его царствованія. Только въ 1723 году, семь яхтъ и одна галера были вытащены на берегъ Трубежа и поставлены подъ деревяннымъ сараемъ. Большой же корабль, по недостаточности средствъ, вытащенъ изъ воды только до половины; паруса, такелажъ, якоря и пр.,

---

[1]) Устряловъ. II, стр. 141, 143, 360 и 361.

сложены были у дворца въ особенномъ амбарѣ [1]). Отъ всего этого сохранились до нашего времени немногіе предметы [2]).

Первая поѣздка Петра въ Архангельскъ (1693 г.)

Въ 1693 году, государь, пожелавъ увидѣть настоящее море, отправился въ Архангельскъ, куда его сопровождала большая свита. До Вологды ѣхали сухимъ путемъ, а потомъ водою на семи карбасахъ. Это плаваніе продолжалось съ 12 по 30 іюля [3]).

По прибытіи въ Архангельскъ, Петръ остановился во вновь построенномъ для него дворцѣ, ниже города на Масеевомъ островѣ [4]) и на другой же день перебрался на приготовленную для него, мѣстной постройки, 12-ти пушечную яхту *Святой Петръ*. 6-е августа было знаменательнымъ днемъ, въ который первый изъ русскихъ царей вышелъ въ русское море.

Плаваніе по Бѣлому морю.

Вмѣстѣ съ яхтою отправились возвращавшіяся на родину голландскія и англійскія купеческія суда, конвоируемыя однимъ военнымъ голландскимъ кораблемъ. Это были первыя европейскія суда, видѣнныя Петромъ и, конечно, обратившія на себя полное его вниманіе. Незамѣтно царь прошелъ съ ними 300 верстъ до «Трехъ Острововъ», и 10-го августа возвратился въ Архангельскъ. Здѣсь Петръ провелъ около шести недѣль (съ 10 августа по 19 сентября) въ ожиданіи прихода гамбургскихъ кораблей, которые ему очень хотѣлось видѣть. Время ожиданія не прошло напрасно; кромѣ кораблей много интереснаго заключалось и въ самомъ Архангельскѣ, въ которомъ для царя все было ново и любопытно.

Въ лѣтнее время, и особенно въ Успенскую ярмарку, Архангельскъ представлялъ самую оживленную картину дѣятельности торговаго приморскаго города. Къ ярмаркѣ собиралось сюда до сотни иностранныхъ кораблей съ товарами, множество барокъ съ произведеніями разныхъ концевъ Россіи, и съѣзжались иностран-

---

[1]) Матеріалы для исторіи русскаго флота. IV. стр. 554.

[2]) Дворянство Владимірской губерніи, при содѣйствіи своего предводителя, отставнаго морскаго офицера Богданова, пріобрѣло отъ частнаго лица землю, на которой стоялъ Петровскій дворецъ, построило на мѣстѣ его новый домъ и въ немъ собрало все, что сохранилось отъ переславской петровской флотиліи.

[3]) Устряловъ. II. стр. 149.

[4]) «О высочайшихъ пришествіяхъ Великаго Государя, Царя и великаго князя Петра Алексѣевича изъ Царствующаго града Москвы на Двину, къ Архангельскому городу и пр.». Издано въ Москвѣ, 1783 года. Стр. 13.

ные купцы, съ которыми Петръ особенно любилъ бесѣдовать. Государь не пропускалъ ни одного случая для знакомства съ новою для него морскою торговою дѣятельностію; такъ напр., на обѣдѣ преосвященнаго Аѳанасія, Петръ, разговаривая съ хозяиномъ и боярами, «милостиво и благоутѣшительно о царственныхъ бытностяхъ и болярскихъ великихъ людей», не забывалъ распросить также и «о мірскихъ простыхъ людяхъ, и въ работѣ пребывающихъ, и о домовномъ и о всякомъ заводовъ зданіи, многоразумно; также и о водяномъ путешествіи морскомъ и рѣчномъ, кораблями и всякими судами, со многимъ искуствомъ» [1]).

Въ это пребываніе въ Архангельскѣ государь, по особенному расположенію своему къ преосвященному Аѳанасію, пожаловалъ ему, кромѣ богатой кареты, свой стругъ или карбасъ, на которомъ шелъ изъ Вологды, «съ парусомъ, съ якоремъ и съ заводы и со всею прикрасою и снастію судовою» [2]).

Архангельскъ и море до того понравились царю, что онъ захотѣлъ посѣтить ихъ на будущее лѣто, и съ этою цѣлію для предстоящаго плаванія заложилъ, на устроенной близъ города Соломбальской верфи, 24-хъ пушечный корабль, поручивъ наблюденіе за его постройкою вновь назначенному воеводѣ, стольнику Ѳ. М. Апраксину. Другой корабль, 44-хъ пушечный, велѣно купить въ Голландіи [3]). Оба эти судна предполагались незначительныхъ размѣровъ и должны были имѣть пушки самаго малаго калибра.

На обратномъ пути изъ Архангельска Петръ изъ Холмогоръ заѣзжалъ, на маленькомъ карбасѣ, осмотрѣть бывшія на Вавчугѣ пильныя мельницы и, по возвращеніи въ Москву, заботясь о строившемся кораблѣ, самъ отливалъ для него пушки и въ своей преображенской мастерской точилъ блоки.

Вторая поѣздка Петра въ Архангельскъ (1694 г.).

Въ началѣ мая 1694 года 22 карбаса вышли съ царемъ изъ Вологды къ Архангельску; на нихъ были, кромѣ свиты, солдаты преображенскаго и семеновскаго полковъ, которымъ предстояло на этотъ разъ превратиться, на время, въ матросовъ и составить экипажъ новаго корабля. На флотиліи карбасовъ, идущей въ Архан-

---

[1]) О высочайшихъ пришествіяхъ и пр., стр. 29.

[2]) О высочайш. пришеств., стр. 23 и 24. Пожалованные при этомъ флаги хранятся въ Архангельскомъ каѳедральномъ соборѣ.

[3]) Устряловъ. II, стр. 163, Елагинъ. Истор. рус. флота. Азов. пер. стр. 247.

гельскъ, адмираломъ считался князь Ѳ. Ю. Ромодановскій, вице-адмираломъ И. И. Бутурлинъ и контръ-адмираломъ Гордонъ, самъ же царь принялъ званіе *шхипера*. Конечно, всѣ эти чины были не настоящіе, а временные, въ родѣ «кесарства» того же Ромодановскаго.

Благополучно и весело, привѣтствуя встрѣчавшіеся на пути города пушечною пальбою, прошла флотилія по Сухонѣ и Двинѣ и 18 мая прибыла въ Архангельскъ. При себѣ спустилъ Петръ новый корабль и, пользуясь временемъ вооруженія его и окончательнаго приготовленія къ походу, отправился на яхтѣ *Святой Петръ* въ Соловецкій монастырь. Близъ Унской губы, верстахъ въ 120 отъ Архангельска, яхту прихватила сильная буря. При громадномъ волненіи малое судно не могло держаться въ морѣ и гибель его казалась весьма вѣроятною. Всѣ, кромѣ самого царя, пришли въ ужасъ; но онъ сохранилъ полное присутствіе духа и, пріобщась св. таинъ изъ рукъ бывшаго съ нимъ преосвященнаго Аѳанасія, смѣло сталъ самъ править рулемъ. Опасность была дѣйствительно серьезная и лодейный кормщикъ, Антипъ Тимофѣевъ, хорошо знавшій море и бывшій на яхтѣ за лоцмана, не нашелъ другаго средства къ спасенію, какъ пройдти въ Унскую губу, опаснымъ проходомъ, между рифовъ, называемыхъ «Унскими рогами». Къ счастію, ему удалось безопасно провести яхту и 2 іюня она благополучно дошла до якорнаго мѣста близъ Пертоминскаго монастыря. Петръ, въ память своего спасенія, сдѣлалъ деревянный крестъ въ 1½ саж. вышиною, самъ внесъ его на берегъ и утвердилъ въ землѣ. По случаю избавленія царя отъ опасности монастырь получилъ богатый вкладъ, а Антипу Тимофѣеву пожаловано 30 руб. [1]). Отсюда отправился Петръ въ Соловецкій монастырь и 13 іюня возвратился въ Архангельскъ.

Купленный въ Голландіи фрегатъ прибылъ 20 іюля и царская эскадра состояла теперь изъ слѣдующихъ трехъ судовъ: 1) купленнаго фрегата, названнаго *Святое Пророчество* (Santa Profectie), на которомъ поднятъ флагъ адмирала Ромодановскаго, и самъ

---

[1]) На крестѣ вырѣзана Петромъ слѣдующая надпись на голландскомъ языкѣ: Dat kruys. maken kaptein Piter. van. a. cht. 1694, т. е., сей крестъ сдѣлалъ капитанъ Петръ въ лѣто отъ рождества Христова 1694. Въ настоящее время этотъ крестъ находится въ Архангельской соборной церкви Святой Троицы; а на бывшемъ мѣстѣ его поставленъ такой же новый.

царь былъ шхиперомъ, 2) вновь построеннаго корабля *Апостолъ Павелъ*, подъ вице-адмиральскимъ флагомъ Бутурлина, и 3) яхты *Святой Петръ*, подъ контръ-адмиральскимъ флагомъ Гордона [1]).

Плаванія и морскіе пиры царя.

Эскадра 14 августа вышла въ море, вмѣстѣ съ нѣсколькими возвращавшимися домой англійскими и голландскими купеческими судами. Царь построилъ всѣ суда въ линію и управлялъ ими посредствомъ принятыхъ на этотъ случай условныхъ сигналовъ. На другой день по выходѣ въ море, при густомъ туманѣ и довольно свѣжемъ вѣтрѣ, яхта *Св. Петръ*, отставъ отъ флота, едва не разбилась у острова «Сосновца». Кромѣ этого случая, плаваніе было вообще благополучно и 17 августа, на разсвѣтѣ, флотъ подошелъ къ «Святому Носу», т. е. къ выходу въ океанъ. Здѣсь русскія суда, обмѣнявшись прощальными пушечными выстрѣлами съ иностранными гостями, разстались съ ними, при свѣжемъ попутномъ вѣтрѣ отправились въ обратный путь и 20-го числа подошли къ устью Двины. При входѣ въ рѣку адмиральскій фрегатъ, на которомъ находился державный «шхиперъ», прошелъ благополучно, а остальныя два судна приткнулись къ мели, но успѣли сняться безъ особеннаго несчастія. Послѣ трех-дневнаго пребыванія въ Архангельскѣ, государь отправился въ Москву.

Серьезныя занятія царя по обыкновенію разнообразились шумными пирами, до которыхъ Петръ былъ большой охотникъ. Пиры устроивались самимъ государемъ и приближенными къ нему лицами, при всякомъ случаѣ, подававшемъ къ тому поводъ, и часто о томъ, что на нихъ происходило, сообщалось, въ шутливыхъ письмахъ, отсутствующимъ. Такъ напримѣръ, послѣ пира, бывшаго по случаю прихода изъ Голландіи фрегата *Св. Пророчество*, Петръ заключаетъ одно письмо словами: «пространнѣе писать буду въ настоящей почтѣ, нынѣ обвеселяся, не удобно пространно писать, паче же и нельзя: понеже при такихъ случаяхъ всегда Бахусъ почитается, который своими листьями заслоняетъ очи хотящимъ пространно писати» [2]).

Нигдѣ столько не веселился великій государь, какъ на своемъ флотѣ, зато нигдѣ онъ столько и не работалъ. Очень ошибется тотъ, кто будетъ подобнымъ письмамъ приписывать значеніе, по

---

[1]) Устряловъ, II, стр. 173.

[2]) Устряловъ, II, стр. 172.

ихъ прямому буквальному смыслу; на самомъ дѣлѣ большая часть подобныхъ посланій въ сущности служила только изъявленіемъ особеннаго вниманія государя къ отсутствующимъ близкимъ къ нему лицамъ; а тонъ такихъ писемъ былъ не болѣе какъ принятый шутливый способъ выражаться при подобныхъ случаяхъ. Пиры эти были не помѣхою дѣлу, а необходимымъ отдыхомъ; послѣ каждаго пира, раннее утро слѣдующаго дня заставало уже царя-труженика за нескончаемой работой. Петръ, дорожа временемъ, строго держался старинной русской пословицы: «дѣлу время, а потѣхѣ часъ».

Попытка къ заведенію русскаго торговаго флота.

Двукратное посѣщеніе Петромъ Архангельска и время, проведенное имъ въ морской торговой сферѣ, не остались безъ вліянія на наблюдательнаго и впечатлительнаго царя. Не говоря о безчисленныхъ интересныхъ подробностяхъ торговыхъ сношеній съ иностранцами, молодаго царя не могла не поразить самая сущность дѣла, представлявшая то странное явленіе, что въ единственномъ русскомъ портѣ настоящими хозяевами были иноземцы, въ рукахъ которыхъ находилась вся русская заграничная морская торговля, а труды русскихъ людей и произведенія русской земли служили только средствами для ихъ обогащенія. Царю довольно было увидѣть подобную уродливость, чтобъ обратить свою дѣятельность на ея исправленіе и сдѣлаться горячимъ поборникомъ русскихъ морскихъ торговыхъ интересовъ. Въ воспріимчивомъ умѣ царя ясно представилась возможность отправлять наши товары на собственныхъ корабляхъ, построенныхъ изъ своихъ матеріаловъ и своими рабочими. За осуществленіе этой мысли взялся Францъ Тиммерманъ, которому въ 1693 году и дана была жалованная грамота на исключительное право постройки судовъ на рѣкѣ Двинѣ и на Усть-Мезени [1]). При вторичномъ посѣщеніи Архангельска Петръ, желая ускорить дѣло заведенія своего торговаго флота, положилъ начало ему, приказавъ отправить заграницу съ товарами корабли *Св. Пророчество* и другой, строенный Апраксинымъ на Соломбальской верфи. Но начало было не удачно: не смотря на то, что корабли, для большей безопасности, пошли подъ голландскими флагами, одинъ изъ нихъ былъ захваченъ французами.

Неутомимый «шхиперъ» архангельской флотиліи, по пріѣздѣ

---

[1]) Моск. арх. Мин. Ин. Дѣлъ. (Приказ. дѣл. стар. лѣтъ, 1696 г., св. 632).

въ Москву, превратясь въ бомбардира «Петра Алексѣева», занялся потѣшнымъ кожуховскимъ походомъ и хотя, по словамъ самого царя, «въ этой марсовой потѣхѣ ничего болѣе кромѣ игры на умѣ не было»; однакоже подмосковныя «игры» были предвѣстниками настоящаго «дѣла». Дѣло это было исполненіе великаго замысла: открыть для Россіи путь къ Азовскому и Черному морямъ, отъ которыхъ она была отрѣзана турками, укрѣпившимися въ устьяхъ Дона и Днѣпра, и татарскою ордою, владѣвшею Крымомъ. Недоступность моря и безпрестанные набѣги хищниковъ-татаръ нетолько не допускали русскую Украйну до благосостоянія, возможнаго по ея прекрасному климату, но дѣлали изъ нее безлюдную степь, и близкіе къ ней города Бѣлгородъ, Тамбовъ, Воронежъ и Харьковъ были укрѣпленныя мѣста, вѣчно ожидавшія нападенія непріятеля. Еще въ правленіе царевны Софьи, для общаго дѣйствія противъ турокъ, русскіе вступили въ союзъ съ Польшею, Австріею и Венгріею; но участіе Россіи въ этомъ союзѣ ограничилось двумя неудачными походами (1687 и 1688 г.) противъ крымскаго хана и съ тѣхъ поръ не предпринималось со стороны ея ничего серьезнаго. Въ бытность свою въ Архангельскѣ Петръ сначала думалъ о Каспійскомъ морѣ [1]), представлявшемъ, въ случаѣ присоединенія къ Россіи части его восточнаго и западнаго берега, возможность обширнаго развитія русской торговли съ востокомъ; но по пріѣздѣ въ Москву мысли царя обратились въ другую сторону.

Положеніе южныхъ границъ Россіи.

Послѣ кожуховскихъ маневровъ, которые состояли въ примѣрной осадѣ и защитѣ крѣпости, Петръ рѣшилъ, что войска его настолько освоились съ военнымъ дѣломъ, что будутъ въ состояніи брать и настоящія крѣпости. Для исполненія задуманнаго плана, то есть, для открытія будущимъ русскимъ судамъ свободнаго плаванія по морямъ Азовскому, Черному, а затѣмъ и Средиземному, царю предстояло, прежде всего, завладѣть устьями Дона и Днѣпра.

Первый азовскій походъ (1695 г.).

Раннею весною 1695 года, армія подъ начальствомъ боярина Шереметева, въ соединеніи съ малороссійскими казаками, двинулась на Днѣпръ и взяла тамъ двѣ турецкія крѣпости; а царь со

---

[1]) Поссельтъ. Письмо Лефорта изъ Архангельска въ Женеву, отъ 4-го іюля 1694 г.

*

своими потѣшными, стрѣльцами и донскими казаками, въ іюнѣ, осадилъ Азовъ—сильную крѣпость, запиравшую выходъ изъ Дона въ Азовское море. Не смотря на отчаянную храбрость донцовъ, стойкость потѣшныхъ и присутствіе самого царя — робость стрѣльцевъ, неискусство нашихъ инженеровъ и, особенно, помощь, доставляемая крѣпости турецкимъ флотомъ, заставили Петра, послѣ двухъ неудавшихся приступовъ, снять осаду и осенью отступить отъ Азова. Русскій гарнизонъ оставленъ былъ только въ двухъ взятыхъ у турокъ укрѣпленіяхъ, стоявшихъ выше крѣпости на обоихъ берегахъ Дона.

Начало азовскаго флота.

Подступая къ Азову, царь полагалъ возможнымъ сначала овладѣть морскимъ берегомъ и потомъ на немъ построить флотъ; но тяжелый опытъ показалъ, что, безъ содѣйствія морской силы, невозможно было и самое завладѣніе берегомъ. Сознаніе необходимости флота было для Петра половиною дѣла; у него между мыслію и исполненіемъ почти не было промежутка. Новость и многосложность предпріятія, недостатокъ средствъ и знающихъ людей, для энергическаго царя не могли казаться неодолимымъ препятствіемъ и, тотчасъ по возвращеніи изъ подъ Азова, дѣло закипѣло съ тою неимовѣрною живостію, которою отличались всѣ дѣйствія Петра.

Задача была не малая: предстояло впродолженіи одной зимы построить, вооружить и снабдить новый флотъ всѣмъ необходимымъ для битвы съ непріятелемъ, сформировать экипажи и привести суда весною къ Азову. Будущему флоту по численности судовъ, боевой ихъ силѣ и обученію экипажей предстояло быть готовымъ къ состязанію съ турецкимъ флотомъ, которому не разъ случалось одерживать морскія побѣды надъ храбрыми и опытными непріятелями.

Постройка галеръ въ селѣ Преображенскомъ.

Подъ распорядительною рукою Петра всѣ средства, разбросанныя отдѣльно по Россіи, и всѣ сколько нибудь способные къ дѣлу люди быстро соединились и были направлены къ одной цѣли. Въ селѣ Преображенскомъ явилась корабельная верфь, на которой взялись за топоры тѣ же гвардейскіе солдаты, изъ числа которыхъ иные уже познакомились съ дѣломъ кораблестроенія на Переславскомъ озерѣ. Къ нимъ присоединились русскіе плотники, вызванные изъ Вологды, Нижняго и пр. Изъ Архангельска привезены на подводахъ опытные корабельные плотники, взятые съ иностранныхъ

судовъ; тамъ же наняты были юнги и штурмана, а корабельныхъ мастеровъ, лекарей, также штурмановъ и матросовъ выписали изъ Голландіи. Все это стоило большихъ денегъ, но при важности предстоявшей работы расходы были дѣломъ второстепеннымъ.

Въ Преображенскомъ приготовлялись члены для галеръ и брандеровъ. Для первыхъ образцомъ служила заказанная еще въ 1694 г., и теперь привезенная изъ Голландіи, 32-хъ весельная галера [1]). Она, разобранная, доставлена была водою черезъ Архангельскъ въ Вологду, а оттуда уже на особо устроенныхъ дровняхъ, сажени по три длиною, привезена въ Москву. Съ галерою прибылъ и мастеръ, для сбора ея членовъ и приведенія судна въ настоящій видъ.

Къ исходу февраля, конечно, изъ сыраго только что лѣтомъ срубленнаго лѣса, успѣли приготовить члены 22-хъ галеръ и 4-хъ брандеровъ. [2]) Для окончательной сборки и спуска на воду этихъ, судовъ, а также и для строенія другихъ, избрано было мѣсто близъ города Воронежа, на берегу рѣки того же имени, въ 15 верстахъ отъ впаденія ея въ Донъ. [3]).

Судостроеніе въ Воронежѣ.

Выборъ палъ на Воронежъ, потому, что онъ имѣлъ прямое водное сообщеніе съ Азовскимъ моремъ и по притокамъ рѣки Воронежа росли годные для кораблестроенія лѣса. Правда, что значительныя измѣненія уровня Дона по временамъ могли очень затруднять плаваніе, и на самыхъ берегахъ рѣкъ, впадающихъ въ Воронежъ, лѣса уже прежде были значительно вырублены, а сохранившіяся рощи находились въ нѣсколькихъ верстахъ по сторонамъ; но, за всѣмъ тѣмъ, Воронежъ въ этомъ краѣ представлялся лучшимъ мѣстомъ для строенія кораблей.

Одновременно съ постройкою галеръ въ Преображенскомъ царь приказалъ, для предстоявшей перевозки войскъ и разныхъ предметовъ, построить въ нѣсколькихъ мѣстахъ по притокамъ рѣки Воронежа 1300 струговъ, 300 морскихъ лодокъ и 100 плотовъ, для чего назначалось около 26 тысячъ человѣкъ, собранныхъ изъ городовъ Бѣлогородскаго полка [4]).

---

[1]) На модели ея, сохранившейся въ Гагѣ, сдѣланы 34 весла.

[2]) Елагинъ. Исторія русскаго флота. Періодъ азовскій. стр. 21.

[3]) Устряловъ. II. стр. 260.

[4]) Бѣлогородскимъ полкомъ въ то время называлась цѣлая область про-

Струги были плоскодонныя суда въ родѣ барокъ, только съ болѣе острыми оконечностями, длиною отъ 12 до 22 и шириною отъ 2 до $4^1/_2$ саженъ. На обыкновенныхъ стругахъ дѣлалась лубяная кровля, и на тѣхъ изъ нихъ, которые предназначались для помѣщенія начальствующихъ лицъ, канцелярій и пр. устроивались удобныя для жилья рубки съ окошками, называвшіяся *чердаками*, отъ которыхъ и самые струги получали названіе «чердачныхъ». Въ бассейнѣ Воронежа строеніе струговъ издавна было обычнымъ промысломъ. На нихъ по Дону сплавлялись всѣ тяжести, и самые струги уже не возвращались назадъ, а ломались на дрова. Морскія лодки, строившіяся одновременно со стругами, были липовыя однодеревки, длиною до $7^1/_2$ саженъ; нѣкоторыя изъ нихъ имѣли для возвышенія бортовъ набойныя доски, называемыя *ошивенными*. Впослѣдствіи, весною, вытребованы были изъ Вологды мастера для постройки 35 карбасовъ и шняковъ. [1])

Въ то время какъ на Воронежѣ строились суда, въ другихъ мѣстахъ заготовлялись всѣ необходимые для строенія и вооруженія ихъ предметы и матеріалы, съ которыми тысячи подводъ тянулись къ Воронежу съ разныхъ концовъ Россіи. Все, что требовалось для флота, забирали отовсюду; напримѣръ, желѣзо брали съ частныхъ заводовъ подъ росписки, по которымъ деньги платили уже впослѣдствіи. Для скорѣйшаго доставленія, болѣе необходимые предметы везли на перемѣнныхъ лошадяхъ, безостановочно день и ночь, и въ каждомъ городѣ записывали время провоза.

При множествѣ разнообразныхъ работъ и малочисленности свѣдущихъ людей, государь не могъ быть очень разборчивымъ въ выборѣ дѣятелей. По необходимости, за неимѣніемъ хорошихъ спеціалистовъ, приходилось довольствоваться людьми съ поверхностными свѣдѣніями. Отъ избираемыхъ требовалась честность и строгая исполнительность, но какъ и эти качества попадались не

стиравшаяся почти отъ Тулы до Изюма и отъ Курска до Тамбова и заключавшая въ себѣ части нынѣшнихъ губерній: Тульской, Орловской, Курской, Воронежской и Тамбовской. Начало заселенія этого края относится къ XV вѣку, и во время азовскихъ походовъ въ немъ считалось уже болѣе 50 населенныхъ мѣстечекъ, или такъ называемыхъ городовъ.

[1]) Исторія русск. флота. Періодъ азовск. Приложеніе I. № 7—19.

часто, то лица, пользовавшіяся довѣренностію царя, обыкновенно были завалены самыми разнообразными работами. Нарядъ людей для постройки судовъ, заготовленіе лѣса и припасовъ было поручено начальнику «разряднаго» приказа, Тихону Никитичу Стрешневу. Тимерманъ, учитель государя, бывшій инженеромъ при осадѣ Азова, теперь на верфи наблюдалъ за строеніемъ галеръ, исправлялъ должность расходчика и казначея и заготовлялъ разные предметы: пеньку, желѣзо, парусину и пр.

Переводчикъ посольскаго приказа Креветъ, помогая Тимерману, завѣдывалъ лѣсопильными мельницами, приготовлялъ канаты, такелажъ и паруса, и, черезъ посредство жившихъ въ Москвѣ иностранцевъ Виніуса и Гартмана, выписывалъ изъ заграницы мастеровъ, инструменты и т. п. Главнымъ же распорядителемъ по заготовкѣ строительныхъ матеріаловъ въ Воронежѣ былъ стольникъ Титовъ.

Адмираломъ будущаго флота назначенъ любимецъ государя генералъ Лефортъ и съ этихъ поръ онъ подписывался двойнымъ своимъ званіемъ *генералъ* и *адмиралъ*, что подало поводъ къ ложному заключенію, будто бы Лефортъ былъ первымъ генералъ-адмираломъ. Вице-адмираломъ назначенъ полковникъ Лима; шаутбенахтомъ (контръ-адмираломъ) полковникъ де-Лозьеръ. Командирами судовъ назначены офицеры преображенскаго и семеновскаго полковъ; экипажи галеръ составлены также изъ гвардейскихъ солдатъ. Начальствованіе Лефорта было болѣе почетное, нежели дѣйствительное; на самомъ дѣлѣ душею всего былъ самъ царь.

Государевъ шатеръ на Воронежѣ.

Въ исходѣ февраля 1696 года, Петръ, не смотря на распутицу и болѣзнь ноги, пріѣхалъ въ Воронежъ и поселился подлѣ самой верфи, въ приготовленномъ для него домикѣ, въ которомъ все помѣщеніе, не считая сѣней и крыльца, состояло изъ двухъ комнатъ. Это скромное жилище царя служило также центромъ морскаго управленія и называлось: *Государевымъ шатромъ на Воронежѣ*.

Галеры и брандеры разобранными были перевезены въ Воронежъ сухимъ путемъ, съ ними прибыли и назначенныя для нихъ команды. Немедленно приступили къ сборкѣ привезенныхъ судовъ и царь, не смотря на дурную погоду, снѣгъ, морозъ и праздничные дни Святой недѣли, торопясь работою, успѣлъ 2-го апрѣля спу-

стить три галеры, изъ которыхъ, спущенная прежде другихъ въ ознаменованіе ея первенства, получила имя *Принципіумъ*. Изъ заготовленныхъ впродолженіи зимы членовъ двухъ кораблей или, какъ ихъ сначала называли, «галеасовъ», въ мартѣ заложили и въ апрѣлѣ спустили на воду 36-ти пушечный *Апостолъ Петръ*.

Лефортъ, задержанный въ Москвѣ болѣзнію и дурною дорогою, пріѣхалъ въ Воронежъ только 16 апрѣля и на другой же день была спущена назначенная для него, привезенная изъ Голландіи галера. Остальныя всѣ уже были спущены ранѣе.

Новопостроенный флотъ, къ исходу апрѣля находившійся на водѣ, состоялъ изъ одного корабля (или галеаса), 4-хъ брандеровъ и 23-хъ галеръ, называвшихся первоначально *каторгами* [1], а впослѣдствіи — *фуркатами*.

Первыя суда азовскаго флота.

Корабль *Апостолъ Петръ* походилъ на тогдашніе англійскіе корабли IV ранга, длина его была 113 и ширина 25 футъ. Онъ былъ плоскодонный, съ прямыми флортимберсами, отъ которыхъ шпангоуты принимали вдругъ вертикальное направленіе, а топтимберсы заваливались внутрь. Шханцы были открытыя; на срѣзанномъ бакѣ оставались площадки, для помѣщенія абордажной партіи. Незначительно возвышенъ былъ только двухъ-ярусный ютъ [2]). Корабль имѣлъ три мачты со стеньгами и бушпритъ съ вертикальнымъ утлегаремъ, укрѣпленнымъ вантами. На мачтахъ и на бушпритѣ находились кругловатые марсы. Фоковую и гротовую парусность составляли нижніе паруса и марсели; а на бизань-мачтѣ была только бизань, привязанная къ реѣ, направлявшейся по длинѣ корабля; на реяхъ бушприта и утлегаря были блиндъ и бомъ-блиндъ. Расположеніе стоячаго и бѣгучаго такелажа, въ общемъ характерѣ, походило на нынѣшнее, но въ частностяхъ разнилось множествомъ лишнихъ блоковъ и талей. Корабельная артиллерія, расположенная, не считая юта и бака, въ двухъ декахъ, состояла изъ пушекъ различныхъ, весьма малыхъ калибровъ. (Рисунокъ литера В). Корабль *Апостолъ Павелъ*, бывшій почти такой же величины какъ и *Апостолъ Петръ*, не успѣли достроить къ началу похода.

Галеры, судя по числу веселъ (бóльшія имѣли 38), были раз-

---

[1]) Названіе перешедшее къ намъ отъ далматинцевъ.

[2]) Модель корабля находится въ Морскомъ музеѣ.

личной величины, форма же ихъ и вооруженіе сходствовали съ галерою, служившей имъ образцомъ. (Рисунокъ литера Г). Послѣдняя имѣла по грузовой ватерлиніи длины около 125 футъ, ширины (безъ постицъ) [1]) около 20, высоты отъ киля около 12 футъ и углублялась въ воду до 6 футъ. На этой галерѣ было 28 веселъ и двѣ съемныя мачты, каждая съ латинскимъ рейковымъ парусомъ. На носу, подъ помостомъ, на которомъ во время сраженія собирались солдаты, стояли три мѣдныя пушки 5-ти и 2-хъ фунтовыя [2]). Прислуга при орудіяхъ прикрывалась оградою изъ тюфяковъ и старыхъ снастей. По серединѣ галеры шелъ досчатый помостъ, шириною около двухъ футъ, называемый *куршея*. На ней находились матросы, управлявшіе парусами, и она служила путемъ сообщенія между кормою и носомъ галеры. По обоимъ бортамъ тянулась банка, въ родѣ рундука, на которой гребцы спали и сидѣли въ свободное время. Отъ куршеи, косвенно къ борту, шли банки для гребцовъ. Разстояніе между ними было 4 фута, а ширина каждой банки 6 дюймовъ. Подъ банками придѣлывались ступени, къ которымъ приковывали лѣвую ногу гребца, если онъ былъ преступникъ, осужденный на галеры. Въ кормѣ для командира устроивалось помѣщеніе въ видѣ бесѣдки, состоявшей изъ ряда деревянныхъ дугъ, покрытыхъ болѣе или менѣе богатымъ наметомъ (тентомъ). Подъ палубою галеры были отдѣльныя помѣщенія: въ кормѣ — для капитанской спальни, въ носу — для больныхъ и раненыхъ, а въ серединѣ — для различной провизіи, воды, запасныхъ вещей, пороха и т. п.

Гребцы представляли рабочую силу; они гребли во время хода на веслахъ, а при плаваніи подъ парусами, не сходя съ своихъ банокъ, тянули снасти, подаваемыя имъ матросами. Ходкія галеры, въ тихую погоду, при хорошо обученныхъ гребцахъ, могли идти до 6 узловъ [3]).

Составъ судовыхъ экипажей.

Кромѣ иностранныхъ матросовъ, на флотѣ было также нѣсколь-

---

[1]) *Постицами* назывались наружные выступы, идущіе вдоль борта, въ уровень съ палубой, и устроиваемые для удаленія отъ гребцовъ весельныхъ уключинъ и, слѣдовательно, для увеличенія полезнаго дѣйствія веселъ.

[2]) Елагинъ. Исторія русск. флота. Періодъ азовск. стр. 24—31.

[3]) Тамъ же, стр. 255.

ко и русскихъ, но вначалѣ, званіе матросовъ, кажется, было присвоено преображенскимъ солдатамъ, уже нѣсколько знакомымъ съ морскимъ дѣломъ. Въ числѣ боцмановъ былъ Гаврило Меншиковъ, впослѣдствіи корабельный мастеръ; въ спискахъ констапелей встрѣчаются бомбардиры преображенскаго полка; въ числѣ матросовъ былъ, между прочимъ, Данило Новицкій, впослѣдствіи флота капитанъ-лейтенантъ, и извѣстный артиллеристъ Василій Корчминъ. Самъ царь, подъ именемъ преображенскаго капитана Петра Алексѣева, командовалъ галерою *Принципіумъ*[1]).

Второй азовскій походъ. (1696).

Сухопутныя войска, съ конца марта собиравшіяся въ Воронежъ, 22 апрѣля отрядами на стругахъ начали отправляться подъ Азовъ. Съ арміею пошли струги съ провіантомъ и всѣмъ необходимымъ для осады крѣпости. Главнокомандующимъ этихъ войскъ назначенъ былъ бояринъ Шеинъ; а другой арміи, которая вмѣстѣ съ малороссійскими казаками должна была охранять украинскіе города и «чинить надъ непріятелемъ промыслъ», — бояринъ Шереметевъ.

3-го мая выступилъ въ походъ и авангардъ «морскаго каравана», какъ называли тогда новую флотилію. Начальство надъ нимъ адмиралъ поручилъ командиру галеры *Принципіумъ*, капитану Петру Алексѣеву. На другой день отправился Лефортъ, а потомъ, черезъ небольшіе промежутки времени, и другіе отряды. Каждый отрядъ въ пути отъ Воронежа до Черкаска находился около трехъ недѣль. Суда, неуспѣвшія совершенно изготовиться на мѣстѣ, приводились въ порядокъ и даже достраивались на походѣ, и потому за ними везли бревна, доски и пр.; а въ кузницахъ, устроенныхъ на стругахъ продолжалась дѣятельная работа.

Передъ отправленіемъ въ плаваніе, послѣдовалъ первый указъ о назначеніи морской провизіи, которую составляли: сухари, крупа, толокно, ветчина, уксусъ, сбитень и двѣ чарки вина въ день; въ постные дни вмѣсто ветчины полагалась рыба. Вино и сбитень, кромѣ нижнихъ чиновъ, получали также всѣ начальствующія и другія лица, какъ-то офицеры, лекаря и священники съ причтомъ.

---

[1] Устряловъ. II. стр. 269. Елагинъ. Азовск. періодъ, стр. 34 и 38.

На походѣ (8 мая) объявлены, въ указѣ по галерамъ, 15 пунктовъ, въ которыхъ заключались правила, какъ галерамъ держаться во время плаванія, при остановкахъ и снятіи съ якоря, при встрѣчѣ съ непріятелемъ и во время боя. При этомъ сообщались условные сигналы флагами, выстрѣлами, барабаннымъ боемъ и фонарями. Въ этихъ же правилахъ за неисполнительность и другіе проступки назначались наказанія, начиная отъ денежнаго штрафа въ размѣрѣ одного рубля до смертной казни.

Сборнымъ пунктомъ сухопутнымъ войскамъ и флоту назначался городъ Новосергіевской — такъ названо было мѣсто верстахъ въ трехъ выше Азова, гдѣ Донъ отдѣляетъ отъ себя вправо рукавъ, называемый «Каланчею» и гдѣ находились тѣ двѣ укрѣпленныя башни или «каланчи», которыя въ прошломъ году были заняты русскими и названы ими—одна «Сергіевскою», а другая «Никоновскою». Пониже ихъ, отъ рукава или рѣки «Каланчи» отдѣлялся вправо новый протокъ или рѣка «Кутюрьма», впадающая въ море нѣсколькими устьями. (Рисунокъ литера Б).

Государь, съ частію своего отряда прибывъ въ Черкаскъ 15 мая, получилъ донесеніе, что казаки, пробравшіеся черезъ Каланчу и Кутюрьму на своихъ легкихъ лодкахъ на взморье, напали на два турецкіе корабля, но были отбиты, и что корабли остались на томъ же мѣстѣ. Не желая упустить такую добычу, царь, для обсужденія дѣла собралъ военный совѣтъ, въ которомъ, кромѣ его самого были Гордонъ, Головинъ и казацкій атаманъ Фролъ Минаевъ. По рѣшенію совѣта, командиръ галеры *Принципіумъ*, капитанъ Петръ Алексѣевъ, немедленно отправился ко взморью, взявъ на галеры своего отряда часть сухопутныхъ войскъ отъ генерала Гордона. Остальная же часть отряда Гордона заняла неразрушенное, по безпечности турокъ, укрѣпленіе, построенное въ прошломъ году русскими. Оно лежало противъ Азова, на томъ мѣстѣ гдѣ отъ Дона отдѣляется Каланча. Гордонъ, занявъ укрѣпленіе, могъ помѣшать гарнизону Азова подать помощь своимъ судамъ, пришедшимъ съ моря.

Вечеромъ 19 мая, царь, съ девятью галерами и 40 казачьими лодками, изъ которыхъ на каждой было по 20 человѣкъ, отправился Каланчею къ морю. Остановленный малою водою, недостаточною для прохода галеръ, онъ въ 3 часу ночи повернулъ въ Кутюрьму, но и здѣсь по мелководію не могъ пробраться къ устью.

Оставивъ галеры, Петръ, только съ казачьими лодками, на разсвѣтѣ, вышелъ въ море и къ большому горю увидѣлъ, что всѣ труды его были напрасны: на взморьѣ стояли не два, а тринадцать непріятельскихъ кораблей, на которые съ однѣми лодками нападать было немыслимо.

Оставивъ, для наблюденія за турками, казаковъ съ ихъ атаманомъ Фроломъ Минаевымъ, царь, огорченный неудачею, возвратился съ своими галерами къ Новосергіевскому, никакъ не ожидая, чтобъ безъ него на взморьѣ обстоятельства неожиданно измѣнились къ лучшему.

Морская побѣда казаковъ.

Турки, неподозрѣвая близкаго сосѣдства казаковъ, утромъ 20 мая, перевезли въ Азовъ 500 человѣкъ, а вечеромъ отправили туда же 13 тумбасовъ (грузовыхъ судовъ), нагруженныхъ снарядами, оружіемъ, провіантомъ, сукномъ и деньгами, подъ прикрытіемъ янычаръ, бывшихъ на 11 ушколахъ (гребныхъ судахъ). Едва суда эти подошли къ устью, какъ казаки бросились на нихъ, прогнали конвой и отнявъ 10 тумбасовъ, девять изъ нихъ тотчасъ же зажгли. Захваченная добыча состояла изъ 29 плѣнныхъ, пороха, бомбъ, гранатъ, большаго количества сукна и другихъ предметовъ. Перепуганные внезапнымъ нападеніемъ, турки до того торопливо снялись съ якоря, что уходя въ море сами потопили одинъ изъ запоздавшихъ кораблей, а другой сожгли казаки[1]).

Первую морскую побѣду на Азовскомъ морѣ привѣтствовали пушечными выстрѣлами съ флота и укрѣпленій Новосергіевскаго; но важнѣе побѣды была прибылая вода, позволившая флоту Каланчею и Кутюрьмою выбраться на взморье. Къ 12-му іюня всѣ галеры и 4 брандера расположились предъ устьемъ Дона (корабль за мелководіемъ остался у Новосергіевска), при помощи двухъ батарей, построенныхъ на обоихъ берегахъ, прекратили сообщеніе осажденнаго гарнизона съ моремъ и лишили его возможности получить помощь отъ своего флота. Государь, ожидая нападенія турокъ со стороны моря, постоянно жилъ на своей галерѣ *Принципіумъ*, но часто пріѣзжалъ къ осаждающимъ войскамъ, для осмотра работъ и совѣщаній съ генералами. Обходя траншеи онъ самъ назначалъ мѣста для постановки орудій, бросалъ бомбы и, по обыкнове-

---

[1]) Елагинъ. Азовск. періодъ, стр. 38—43.

нію, забавлялся опасностями. На письмо любимой сестры своей, Натальи Алексѣевны, просившей его беречься «пулекъ», онъ отвѣчалъ: «по письму твоему, я къ ядрамъ и пулькамъ близко не хожу, а онѣ ко мнѣ ходятъ. Прикажи имъ, чтобы не ходили» [1]).

Осада и взятіе Азова.

Черезъ два дня послѣ того какъ русскій флотъ заперъ устья Дона, явились (14 іюня) турки, въ числѣ 6 кораблей и 17 галеръ, и въ виду нашего флота стали на якорь. На пришедшихъ судахъ находилось 4000 войска, присланнаго въ помощь азовскому гарнизону. Турецкій адмиралъ потерявъ въ бездѣйствіи десять дней, наконецъ, 24 іюня рѣшился отправить къ берегу гребныя суда съ десантомъ; но увидя что наши галеры стали сниматься съ якоря, турецкій флотъ поспѣшно вступилъ подъ паруса и ушелъ въ море.

Между тѣмъ, сухопутныя войска обложили Азовъ и такъ какъ стѣны его не поддавались дѣйствію нашей артиллеріи, то рѣшено было обратиться къ древнему способу, именно насыпать валъ выше крѣпостныхъ стѣнъ и придвигая его засыпать ровъ, сбить осажденныхъ со стѣнъ и ворваться въ крѣпость. 15 тысячъ человѣкъ принялись за эту гигантскую работу, и когда валъ подвели уже такъ близко, что дѣло нерѣдко доходило до рукопашныхъ схватокъ съ непріятелемъ,— тогда прибыли изъ Вѣны давно ожидаемые инженеры и минеры. Подъ ихъ руководствомъ въ крѣпостной стѣнѣ скоро сдѣланъ былъ проломъ, и ворвавшіеся въ него запорожцы и донцы едва были вытѣснены гарнизономъ. Отъ дѣйствія нашей артиллеріи почти ни одного дома въ крѣпости не осталось безъ поврежденія; татары, нападавшіе на наши войска съ тыла, отражались съ урономъ; съ моря помощь была невозможна и Азовъ, не смотря на стойкость своихъ защитниковъ, 18-го іюля принужденъ былъ сдаться. Такимъ образомъ на этотъ разъ труды царя не пропали даромъ и созданный имъ флотъ удовлетворительно разрѣшилъ свою трудную задачу. Одно появленіе русскихъ судовъ въ морѣ лишило осажденную крѣпость обычной помощи своего флота и заставило ее сдаться; безъ содѣйствія же флота легко могла бы повториться и теперь прошлогодняя неудача.

Польза принесенная флотомъ.

Но молодой царь не любилъ отдыхать на лаврахъ и останав-

[1]) Устряловъ. II. стр. 281.

ливаться на пути, не окончивъ дѣла настолько, насколько при данныхъ обстоятельствахъ его можно было окончить. Удостовѣрясь опытомъ въ мелководіи нѣкоторыхъ мѣстъ Дона и особенно его устьевъ, которыми большія суда могли проходить только при случайной прибыли воды, нагнанной морскимъ вѣтромъ, Петръ видѣлъ необходимость устроить портъ на берегахъ самаго моря, и едва прошло нѣсколько дней послѣ сдачи крѣпости, какъ царь отправился отыскивать удобное мѣсто для новаго порта. Не имѣя возможности идти на галерахъ, онъ пошелъ вдоль морскаго берега на гребныхъ судахъ, взявъ съ собою нѣсколько лицъ, въ числѣ которыхъ были и командиры галеръ. Лучшею изъ осмотрѣнныхъ мѣстностей оказалось прибрежье близъ высокаго, скалистаго мыса Таганрога лежащаго на сѣверномъ берегу Азовскаго моря, въ 9-ти верстахъ отъ устья Дона; у Таганрога найдены достаточная глубина для гавани и источникъ хорошей воды.

Разруженный флотъ нашъ остался на зимовку у Азова, а бывшіе на немъ экипажи отправились на бударахъ и другихъ гребныхъ судахъ въ обратный путь.

Впродолженіи этого же лѣта бывшіе при арміи Шереметева, малороссійскіе казаки выходили на 20 лодкахъ въ море, безуспѣшно нападали на пять турецкихъ галеръ, но имъ удалось захватить лишь нѣсколько непріятельскихъ судовъ, шедшихъ къ Очакову съ провіантомъ. Въ планъ кампаніи входило еще разореніе береговъ Крыма, для котораго предполагалось послать изъ Днѣпра на стругахъ отрядъ въ 2500 человѣкъ; но за позднимъ временемъ это не было исполнено.

Тріумфальный входъ въ Москву.

30 сентября побѣдители Азова съ тріумфомъ вошли въ Москву и при этомъ флоту отдавался почетъ равный съ арміею. Подлѣ тріумфальныхъ воротъ устроены были двѣ пирамиды, обвитыя зелеными вѣтвями; на одной изъ нихъ была надпись: «Въ похвалу прехрабрыхъ воевъ морскихъ», на другой: «Въ похвалу прехрабрыхъ воевъ полевыхъ». Одна изъ картинъ, стоявшихъ около пирамидъ, представляла морское сраженіе; другая—бой съ татарами и приступъ къ Азову. На первой былъ нарисованъ плывущій на морскомъ звѣрѣ Нептунъ и отъ имени его надпись: «Се и азъ поздравляю взятіемъ Азова и самъ покоряюсь». Адмиралъ Лефортъ, ѣхавшій въ золотыхъ «государскихъ» саняхъ, запряжонныхъ

шестью лошадьми, представлялся самымъ почетнымъ лицомъ тріумфа, а царь по званію морскаго капитана маршировалъ во фронтѣ передъ «морскимъ регигментомъ» [1]). Изъ всѣхъ подробностей этого тріумфа, видно было намѣреніе царя показать народу и войску, что морскія силы также важны, какъ и сухопутныя, и награждая, при настоящемъ случаѣ, флотъ выше его дѣйствительныхъ военныхъ заслугъ, царь ясно выражалъ этимъ, что ожидалъ отъ него многаго въ будущемъ.

Взятіе Азова было только первымъ приступомъ къ исполненію обширнаго плана Петра открыть свободный путь для русскихъ кораблей въ Черное и Средиземное моря. При настоящемъ положеніи, турки, владѣя крѣпостью Керчью, могли нетолько заградить для нашихъ судовъ выходъ въ Черное море, но даже имѣли возможность не позволять имъ спокойно плавать и по Азовскому; а въ случаѣ побѣды надъ нашимъ флотомъ и вовсе не выпускать его изъ Дона. Такимъ образомъ взятіе Азова неминуемо приводило къ дальнѣйшей военной дѣятельности, совершенно неожидаемой народомъ.

Рѣшеніе о содержаніи постояннаго флота.

Москва, порадовавшаяся успѣшному окончанію похода и располагавшая отдохнуть послѣ понесенныхъ трудовъ, была непріятно удивлена и поражена странною новостію. Царская Дума, созванная въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Преображенскомъ, обсудивъ настоящее положеніе дѣлъ, рѣшила Азовъ укрѣпить, населить его русскими, переведенными изъ низовыхъ городовъ и поставить въ немъ сильный гарнизонъ; а главное, убѣдясь, что для политическаго значенія и матеріальныхъ выгодъ Россіи необходима морская сила, Дума положила «морскимъ судамъ быть» и, за недостаткомъ государственныхъ доходовъ, рѣшила строить корабли на средства частныхъ лицъ. 4 ноября 1696 года, состоялось постановленіе Думы, по которому всѣ владѣльцы крестьянъ, имѣвшіе 100 и болѣе дворовъ, обязаны были, соединяясь компаніями или *кумпанствами*, строить корабли: свѣтскіе—одинъ корабль съ 10,000 дворовъ, а духовные и монастыри—съ 8,000 дворовъ; владѣльцы же, имѣвшіе менѣе 100 дворовъ, обязывались вносить на расходы по кораблестроенію—по полтинѣ со двора или такъ называемыя *пол-*

Образованіе кумпанствъ.

---

[1]) Устряловъ. II. стр. 303.

тинныя деньги. На купечество налагалась постройка 12-ти кораблей; а когда нѣкоторые гости просили вмѣсто кораблей принять деньги, то имъ, въ наказаніе за подобную просьбу, велѣно было построить еще два корабля.

Въ пособіе кумпанствамъ правительство отводило безденежно лѣсные участки въ бассейнѣ рѣки Воронежа и принимало на себя хлопоты о прiисканіи и наймѣ корабельныхъ мастеровъ. Корабли, вооруженные и снабженные, по данной росписи, всѣмъ необходимымъ, приказано было изготовить первоначально къ апрѣлю, а потомъ сдѣлана отсрочка до осени 1698 года. Списки всѣхъ владѣльцевъ, обязанныхъ участвовать въ кумпанствахъ или вносить полтинныя деньги, были немедленно составлены въ «Помѣстномъ приказѣ» и 17 декабря переданы въ «Володимірскій судной приказъ», состоявшій въ вѣденіи стольника Протасьева, который сдѣланъ былъ главнымъ распорядителемъ при строеніи кораблей и получилъ званіе *адмиралтейца*. Кумпанства назывались по именамъ главныхъ вкладчиковъ, такъ напр. святѣйшаго патріарха, митрополитовъ: новгородскаго и др., Троицко-Сергіева монастыря, князя Б. П. Шереметева и пр. Первоначально предполагалось выстроить кумпанствами 52 судна, но впослѣдствіи наложено еще на нихъ прибавочныхъ 19 судовъ, и на купечество 6. Предполагаемыя къ постройкѣ суда назывались: баркалоны, барбарскіе корабли, бомбардирскіе корабли или шихъ-бомбарды и галеры [1].

Кумпанскія суда.

Приступая къ строенію такого огромнаго числа судовъ, съ мыслію о необходимости заведенія постояннаго флота, царю естественнѣе всего было воспроизвести на Дону тѣ типы голландскаго или англійскаго флотовъ, которые ближе подходили къ мѣстнымъ условіямъ. Между тѣмъ, воронежскіе баркалоны и барбарскіе корабли нетолько не были близкимъ подражаніемъ извѣстныхъ иностранныхъ типовъ, но даже наши вновь строенныя суда того же названія разнились между собою. Объясненіе этого обстоятельства надо искать въ неудовлетворительности чертежей, по которымъ производилась постройка судовъ и, главное, въ недостаточныхъ свѣдѣніяхъ самихъ строителей. Если изъ заграницы и могли быть присланы чертежи лучшихъ су-

---

[1]) Елагинъ. Азов. періодъ, стр. 52, 53, 55, 65 и 66.

довъ, такихъ размѣровъ и боевой силы, какіе желалъ имѣть Петръ, то суда, построенныя по нимъ, по значительному углубленію своему не годились бы для мелководнаго Дона. На такихъ чертежахъ необходимо было уменьшить углубленія судовъ и для сохраненія ихъ водоизмѣщенія увеличить полноту линій подводной части—дѣло не совсѣмъ легкое для не очень искуснаго строителя. Въ числѣ же корабельныхъ мастеровъ, наѣхавшихъ въ первое время въ Воронежъ, большинство было малосвѣдущихъ и въ этомъ отношеніи особенно отличались голландцы [1]). Наконецъ во время самого строенія судовъ, въ видахъ улучшенія ихъ мореходныхъ качествъ или увеличенія боевой силы, дѣлались до того частыя и значительныя перемѣны, что были суда перестраиваемыя до *трехъ* разъ и при спускѣ своемъ представлявшія типъ совершенно отличный отъ того, который предполагался при закладкѣ. Но при этомъ нельзя не замѣтить, что между строителями встрѣчались и свѣдущіе люди, какъ напр. датчанинъ Августъ Мейеръ (впослѣдствіи командиръ корабля *Апостолъ Павелъ*), составлявшіе сами чертежи, по которымъ однакожъ другіе строители, въ видахъ оскорбленнаго самолюбія, не хотѣли строить суда. Въ 1698 г. Мейеръ, выведенный изъ терпѣнія подобными отказами, доносилъ: «и заклялся я образцы и чертежи въ русской землѣ дѣлать» [2]).

Баркалоны (по итальянски Barca longa, по испански Barco luengo),—не имѣвшіе никакого сходства съ судами того же названія, бывшими прежде въ иностранныхъ флотахъ, и во время воронежскаго судостроенія остававшимися въ немногихъ экземплярахъ только во Франціи,—подходили къ типу построенныхъ кораблей *Апостолъ Петръ* и *Апостолъ Павелъ*, называвшихся у насъ *галеасами*. Первоначальные размѣры нашихъ баркалоновъ были: длина 115 ф., ширина 27, углубленіе въ водѣ 7 ф.; но впослѣдствіи эти размѣры нѣсколько измѣнились и число орудій съ первоначальныхъ 26-ти возрасло до 44-хъ, такъ что по отзыву одного изъ строителей эти суда вышли уже не баркалоны, а «воинскіе корабли»

Варварійскіе, т. е. алжирскіе и тунисскіе разбойничьи корабли

---

[1]) Истор. русск. флота. Періодъ азов. Прилож. III. № 41.

[2]) Елагинъ. Азов. пер. стр. 65.

Средиземнаго моря, называвшіеся «карамусалами» (по турецки кара—черный, мурсаль—посланный), были однопалубныя ходкія суда, ширина которыхъ составляла пятую долю длины. Наши же *барбарскіе* корабли были сравнительно гораздо шире и имѣли закрытый декъ. Вооруженіе ихъ состояло изъ 44-хъ орудій. Впослѣдствіи, съ передачею флота въ руки настоящихъ моряковъ, названія баркалоновъ и барбарскихъ кораблей исчезаютъ.

Бомбардирскія суда (шнихъ-бомбарды), вооруженныя *можжерами*, то есть мортирами, бывшими тогда еще новизною, только тринадцать лѣтъ назадъ въ первый разъ явившеюся на французскомъ флотѣ, были двухъ-мачтовыя и имѣли до 90 ф. длины и 28 ширины; на каждомъ изъ нихъ стояло по двѣ мортиры. Галеры строились отъ 137 до 174 ф. длины, при 24 ф. ширины [1]).

Артиллерія на судахъ воронежскаго флота состояла изъ пушекъ, отъ 3-хъ до 24-хъ фунтоваго калибра; «басовъ» и «дробовыхъ» пушекъ или «дробовиковъ», короткихъ орудій, имѣвшихъ калибръ отъ одного до 12-ти фунтовъ и стрѣлявшихъ картечью въ формѣ свинцовыхъ пуль, желѣзныхъ прутьевъ и жеребьевъ, т. е. нарубленныхъ продолговатыхъ металлическихъ кусковъ. Къ орудіямъ полагалось слѣдующее количество снарядовъ: на каждую обыкновенную пушку по 500 ядеръ, на дробовую по 200 зарядовъ «дроби», т. е. картечи; на мортиру по 200 бомбъ. Кромѣ того, заготовлялись ручныя гранаты, которыхъ на каждый баркалонъ, барбарское судно и галеру полагалось по 900 штукъ въ 4, $4^1/_2$ и 5 фунтовъ [2]). Орудія были чугунныя и мѣдныя; они частію выписывались изъ заграницы, частію отливались на заводахъ Тульскихъ, Липецкихъ и Романовскихъ [3]). Замѣчательно, что Петръ, старавшійся пользоваться всѣми современными усовершенствованіями, приказалъ было отлить на нашихъ заводахъ нѣсколько орудій, заряжающихся съ казенной части, но мастера не взялись исполнить такую работу [4]).

---

[1]) Елагинъ. Азов. пер. стр. 70—73.

[2]) Тамъ же, стр. 73; прилож. IV № 318 лит. б и в. и приложеніе III № 77 лит. а.

[3]) Первые основаны въ 1632 г. голландцемъ Виніусомъ; а вторые голландцемъ Аксма и датчаниномъ Марселіусомъ въ 1656 г. (Аз. пер. Примѣчаніе 29).

[3]) Елагинъ. Азов. пер. стр. 74.

Значительная часть Россіи принялась за кораблестроеніе. Иныя кумпанства для производства работъ прислали своихъ повѣренныхъ, другія сочли болѣе удобнымъ передать это подрядчикамъ, бравшимъ за каждое судно около 10,000 руб. Такую же сумму впослѣдствіи брала и казна, когда взамѣнъ кораблей позволено было вносить деньги.

Каждое кумпанство, строившее большое парусное судно, обязано было имѣть мастера и подмастерья, 3-хъ иноземныхъ и 60 русскихъ плотниковъ, двухъ кузнецовъ, столяра, рѣщика, живописца, лекаря съ аптекою и пять переводчиковъ; при строеніи галеры—плотника «нѣмецкаго», завѣдывавшаго другими, 20 столяровъ, 4 нѣмецкихъ и 8 русскихъ кузнецовъ 6 рѣщиковъ, 4 живописцевъ, канатнаго мастера и переводчика. Несмотря на такое значительное число обязательныхъ переводчиковъ, разноплеменность дѣятелей много затрудняла работу.

Суда строились на правомъ берегу рѣки Воронежа отъ города до слободы Чижовки, на Ступинской пристани [1]), на рѣкѣ Хопрѣ, въ Коротоякѣ и въ Паншинѣ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1697 года прибыли изъ за границы до 70 мастеровъ и подмастерьевъ различныхъ мастерствъ. Собственно корабельные мастера вызывались изъ Голландіи, Швеціи, Даніи и Англіи; а галерные—изъ Венеціи. Мѣста для рубки лѣса были отведены еще въ іюнѣ; каждому кумпанству назначалось отдѣльное мѣсто, и кромѣ того еще назначены лѣса на 6 кораблей, 20 мелкихъ судовъ и на большія береговыя постройки, предполагавшіяся въ Воронежѣ и Азовѣ. Но кромѣ лѣса, для строенія и полнаго снаряженія судовъ требовалось множество разнообразныхъ предметовъ и матеріаловъ, которыхъ не успѣвали готовить и подвозить изъ разныхъ мѣстъ; а многаго въ Россіи и вовсе не находилось и необходимо было выписывать изъ заграницы. Къ числу подобныхъ предметовъ принадлежали и такіе простые инструменты, каковы: напарья [2]), большіе бурава и даже пилы, которые приходилось выписывать изъ Швеціи. У нашего мужика и тогда, какъ теперь,

---

[1]) Ступинская пристань находилась на рѣкѣ Воронежѣ, верстахъ въ сорока выше города Воронежа.

[2]) Инструментъ для просверливанія большихъ диръ, въ которыя заколачивались металлическіе болты и деревянные нагели.

топоръ служилъ универсальнымъ орудіемъ для исполненія всякой плотничной работы: онъ замѣнялъ ему и пилу, и скобель, и стругъ и даже, по нуждѣ, долото. Такъ и при настоящемъ строеніи кораблей нерѣдко шли въ дѣло доски не распиленныя, а вытесанныя топоромъ, хотя государь отдалъ строгое приказаніе, чтобы кораблей такой постройки не принимать, а ослушниковъ штрафовать [1]).

При новости кораблестроительнаго дѣла, оно еще затруднялось крайнею спѣшностію. Всякій не столько заботился о достоинствѣ работы, сколько о скорости ея исполненія, потому что фальшь въ постройкѣ можно было какъ-нибудь прикрыть, а за промедленіе царскіе указы угрожали «жестокимъ» наказаніемъ. Нельзя было ожидать большой прочности отъ судовъ, строившихся на открытыхъ элингахъ, изъ сыраго лѣса и у которыхъ вмѣсто желѣзныхъ скрѣпленій ставились нерѣдко деревянныя [2]).

Учрежденіе адмиралтейства въ Воронежѣ.

Полтинныя деньги, собранныя съ владѣльцевъ, имѣвшихъ менѣе 100 дворовъ, пошли также на сооруженіе флота. Протасьеву тремя разновременными указами велѣно было заготовлять члены для 16 кораблей и 60 бригантинъ [3]) и также, для складки разныхъ матеріаловъ и запасовъ, приказано строить въ Воронежѣ адмиралтейскій дворъ.

Несмотря на всѣ затрудненія и недостатки, къ октябрю 1698 года суда перваго наряда, строившіяся кумпанствами, за исключеніемъ немногихъ, были уже на стапеляхъ готовы, — хотя большую часть изъ нихъ спустили на воду только весною 1699 года. Протасьевъ заложилъ шесть кораблей шестидесяти-пушечныхъ (длиною до 136, шириною 35 фут.) и одинъ, названный *Разженное желѣзо* — 36 пушечный (длины 105, ширины 28 фут.). Подъ надзоромъ стольника князя Лихудьева построено 40 бригантинъ. Кромѣ того оконченъ постройкою воронежскій адмиралтейскій

Постройка судовъ казною.

---

1) Елагинъ. Азов. пер. стр. 55—59.

2) Тамъ же стр. 64.

3) Бригантинами, въ началѣ XVI столѣтія, назывались въ венеціанскомъ флотѣ небольшія галеры. Онѣ строились въ 52 фута длины, $9^1/_2$ фут. ширины и около $2^3/_4$ фут. глубины, имѣли одну мачту и 28 легкихъ веселъ, изъ которыхъ на каждомъ сидѣло по одному гребцу. Въ исходѣ XVII столѣтія французскія бригантины были двухъ-мачтовыя. (Елагинъ, Азов. пер. стр. 268 и Jal. Glossaire nautique p. 342).

дворъ, на которомъ по недостатку рабочихъ одно время трудились боярскіе дѣти, собранные съ чертовицкаго стана съ лошадьми, инструментами и запасами. Для проводки судовъ, при мелководіи рѣкъ Воронежа и Дона, велѣно было строить, по примѣру голландскихъ, шесть камелей (длиною 200 фут.), а также для перевозки грузовъ 4 лихтера или подъемныхъ судна (длиною 90 и шир. 30 ф.) и 2 брандера (длин. 90 ф.). Одновременно съ постройкою флота, въ Москвѣ и другихъ городахъ заготовлялась на 20 тысячъ человѣкъ морская провизія, которая должна была храниться въ Воронежѣ [1]).

Тягость корабельной повинности для народа.

Важное государственное значеніе созданія флота понимали не многія близкія къ Петру лица, для всего же остальнаго населенія постройка судовъ казалась новой потѣхой царя, ложившейся тяжелымъ гнетомъ на всѣ сословія. Для людей достаточныхъ странная затѣя была поводомъ къ значительнымъ денежнымъ расходамъ, а для бѣдныхъ, и особенно для крестьянъ, страшнымъ бѣдствіемъ. На корабельное дѣло народъ выставлялъ тысячи рабочихъ, которые изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ сгонялись въ Воронежъ. Каждый обязанъ былъ имѣть при себѣ топоръ или другой инструментъ, а часть требовалась и съ лошадьми. Тотъ же мужикъ долженъ былъ строить струги, представлять провіантъ для ратныхъ людей, сплавлять водою и перевозить сухимъ путемъ безчисленное множество разной клади и вѣчно торопившихся служивыхъ людей «наспѣхъ, днемъ и ночью» и т. п., и все это дѣлалось крестьянами съ помѣхою своихъ собственныхъ дѣлъ, въ ущербъ своего интереса [2]). Всѣ работы «требовалось чинить безъ мотчанія (промедленія) и порухи»; а за неисправное исполненіе обѣщалось «всякое разореніе и смертная казнь». При такой спѣшности, строгости взысканій и общей неурядицѣ, отъ нетвердо установившихся законныхъ отношеній между разными мѣстами и лицами, распоряженія всякаго начальника ложились нелегкимъ бременемъ на его подчиненныхъ, и черезъ нихъ вся тягота сосредоточивалась на крестьянствѣ, для котораго всякій служивый человѣкъ былъ, или казался, начальникомъ. Къ требованію законныхъ поборовъ и повинностей присоединялось еще противозаконное вымоганіе взятокъ, которыхъ не гнушался и самъ главный распорядитель работъ въ Воронежѣ, Протасьевъ, смѣненный въ 1700 году именно

[1]) Елагинъ. Азов. пер. стр. 88 и 89. [2]) Тамъ же, стр. 83.

за злоупотребленія. Онъ, какъ оказалось при слѣдствіи, за одну продажу доходныхъ мѣстъ при кораблестроеніи, успѣлъ набрать 18,000 рублей,—сумма по тому времени весьма значительная [1]). Подчиненнымъ такого начальника трудно было служить честно, и между ними, на самомъ дѣлѣ, оказались лица также виновныя во взяточничествѣ.

При подобныхъ начальникахъ богатый отъ многаго могъ откупиться, для бѣднаго же, если уже приходилась бѣда не подъ силу, оставалось одно спасеніе — бѣгство. И, дѣйствительно, побѣги развились до такихъ размѣровъ, что изъ людей, назначенныхъ къ работамъ, иногда разбѣгалась половина и болѣе. Одинъ разъ рабочіе при проводкѣ по Дону галеръ, «собравшись многолюдствомъ, нарядпымъ дѣломъ (т. е. вооруженные), съ пищалями и съ копьи и съ бердыши, ушли въ домы свои.» Строгость мѣръ усиливалась съ увеличеніемъ зла; бѣглецовъ, возвратившихся домой, отыскивали и «били батогами», а это заставляло ихъ бѣжать уже не домой, а на Яикъ (Уралъ), на Хоперъ и Медвѣдицу, въ низовые города и на Донъ, гдѣ казаки не только съ охотою принимали бѣглыхъ, но и помогали ихъ переселенію. Для прекращенія побѣговъ, женъ и дѣтей бѣглецовъ садили въ тюрьмы, выборныхъ «лучшихъ» людей били на правежѣ и даже вмѣсто бѣжавшихъ крестьянъ приказано было высылать на работы ихъ владѣльцевъ. Усманскій воевода, слѣдуя буквальному смыслу указа, прислалъ одинъ разъ къ корабельной работѣ трехъ священниковъ, владѣвшихъ крестьянами. За такое неразумно-усердное исполненіе ему однакожъ замѣтили: «а что ты прислалъ трехъ человѣкъ поповъ, и то ты дѣлаешь не гораздо, потому что въ указѣ Великаго Государя тебѣ того, чтобъ поповъ высылать, не написано». Не спасавшіеся бѣгствомъ гибли отъ изнурительной работы; воронежскій край пустѣлъ и поля оставались незасѣянными.

Одновременно съ новыми кораблями возрастало значительное количество кляузныхъ и справедливыхъ жалобъ и тяжебъ между кумпанствами, подрядчиками и мастерами. Вывезеннымъ иноземцамъ также было нелегко: при недостаткѣ денегъ, заслуженное ими жалованье задерживалось долгое время, да рѣдко и выдавалось сполна. Если кто, выходя изъ терпѣнія, и просилъ

[1]) Елагинъ. Азовск. пер. стр. 144.

объ отпускѣ изъ Россіи, то хорошаго мастера задабривали единовременнымъ подаркомъ и, задавъ новую работу, обѣщали при окончаніи ея выдать все заслуженное жалованье сполна, что нерѣдко и оставалось однимъ обѣщаніемъ. Противъ же особенно рѣшительныхъ иноземцевъ принимались другія мѣры; такъ напр. въ іюнѣ 1698 года, изъ опасенія, чтобы нѣкоторые мастера, пользуясь окончаніемъ своихъ контрактовъ, не уѣхали не достроивъ своихъ судовъ, велѣно было не только верфь, но и самый Воронежъ, оцѣпить крѣпкими заставами и черезъ нихъ ни рабочихъ ни мастеровъ безъ дозволенія начальства не пропускать. Кромѣ того въ Воронежѣ и ближнихъ ему мѣстахъ подъ смертною казнію не дозволено было не только подряжаться везти иноземцевъ, но даже и продавать имъ лошадей. Когда болѣе смѣлые изъ нихъ объявили, что они все-таки въ Воронежѣ жить не станутъ, то воевода въ донесеніи своемъ начальству изъявлялъ опасеніе, чтобы «иноземцы, ѣздившіе семейно и оружно, на заставахъ людей не побили» [1]).

Иностранцы, принадлежавшіе къ разнымъ народностямъ, въ ущербъ работѣ, безпрестанно между собою ссорились и между ними особеннымъ задоромъ отличались голландцы. Начальству приходилось при этомъ дѣйствовать, какъ писалъ Протасьевъ, «овогда прещеніемъ, а овогда и ласканіемъ» [2]). Но нельзя не удивляться, что не смотря на всѣ подобныя затрудненія машина, приведенная въ движеніе могучею рукою Петра, продолжала неуклонно двигаться къ своей цѣли, немилосердно сокрушая всякое встрѣченное на пути препятствіе.

Личное участіе царя въ кораблестроеніи.

Въ виду государственной пользы Петръ, не снисходившій къ частнымъ тяготамъ и страданіямъ, самъ не уклонялся отъ нихъ и стоялъ въ первыхъ рядахъ тружениковъ. Съ удивленіемъ смотрѣлъ народъ, какъ самодержавный царь, не прерывая заботъ по управленію обширнымъ государствомъ, находилъ возможность многіе часы трудиться на корабельной верфи, то какъ мастеръ-строитель, то какъ простой плотникъ. Молва о тяжелыхъ трудахъ самого царя, разносясь во всѣ концы Россіи, поддерживала бодрость народа и укореняла въ немъ сознаніе о пользѣ и важномъ значеніи корабельнаго дѣла.

[1]) Елагинъ. Азовск. пер. стр. 84—88.

[2]) Тамъ же стр. 65.

ГЛАВА IV.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ АЗОВСКАГО ФЛОТА СЪ 1698 ГОДА ДО ЕГО УНИЧТОЖЕНІЯ.

Путешествіе царя за границу. — Пребываніе въ Голландіи. — Подарокъ англійскаго короля. — Пребываніе Петра въ Англіи. — Возвращеніе въ Москву. — Слѣдствія путешествія. — Азовскій флотъ въ отсутствіе Петра. — Пребываніе царя въ Воронежѣ (1698 г.). — Приготовленіе флота къ выходу въ море. — Переходъ къ Таганрогу. — Составъ эскадры. — Цѣль выхода въ море. — Переходъ флота къ Керчи. — Пребываніе въ Керчи. — Возвращеніе флота къ Азову. — Плаваніе кор. *Крѣпость* Чернымъ моремъ. — Пребываніе *Крѣпости* въ Константинополѣ. — Возвращеніе въ Азовъ. — Назначеніе Апраксина адмиралтейцемъ.—Адмиралтейскій и воинскій морскіе приказы. — Окончаніе расчетовъ съ кумпанствами.—Средства на содержаніе флота. — Мастера-иноземцы. — Численность флота. — Спускъ *Предестинаціи*. — Работы въ Воронежѣ и Азовѣ. — Перемиріе съ Турціей. — Объявленіе войны Швеціи. — Азовскій флотъ съ 1701 по 1712 годъ. — Петръ въ Воронежѣ (1701 г.) — Укрѣпленіе Азова и Таганрога. — Плаваніе флота (1702 года). — Тавровское адмиралтейство. — Царь въ Воронежѣ и Азовѣ (1709 г.). — Выборъ новыхъ верфей. — Работы на Воронежѣ. — Пріѣздъ турецкаго повѣреннаго. — Объявленіе войны Турціи. — Вооруженіе флота. — Кампанія 1711 года. — Миръ съ Турціею. — Сдача Азова и уничтоженіе флота. — Польза, принесенная азовскимъ флотомъ.

Путешествіе царя за границу

Царь располагалъ вывести свой флотъ въ море весною 1699 г.; но до этого времени совершилось событіе, оказавшее чрезвычайно важное вліяніе не только на ходъ настоящихъ кораблестроительныхъ работъ, но и на дальнѣйшую будущность русскаго флота.

Въ видахъ государственной пользы повелитель Россіи отправляется въ образованныя страны западной Европы, для пріобрѣтенія знаній, недостающихъ его народу. Желая изучить морское дѣло основательно, съ азбуки, Петръ самъ берется за то-

поръ, впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ работаетъ въ адмиралтействахъ какъ простой плотникъ и, потомъ, перейдя къ теоретическому изученію кораблестроенія, узнаетъ послѣднее слово морской науки отъ одного изъ лучшихъ моряковъ лучшаго флота своего времени. Убѣдясь на опытѣ, что при самомъ усиленномъ трудѣ и огромныхъ издержкахъ построеніе большаго числа хорошихъ судовъ почти невозможно безъ свѣдущихъ русскихъ мастеровъ, Петръ рѣшился образовать ихъ, и, держась своего обычая во всемъ идти впереди другихъ, онъ пожелалъ самъ вмѣстѣ съ будущими мастерами пройдти серьезную школу кораблестроенія. Для исполненія этого придуманъ былъ простой, но съ тѣмъ вмѣстѣ и весьма оригинельный способъ, именно рѣшено, съ посольствомъ отправлявшимся къ нѣкоторымъ изъ европейскихъ дворовъ, послать въ ученье заграницу нѣсколько молодыхъ людей и въ числѣ ихъ, никогнито, ѣхать самому царю.

Цѣлью посольства было испрашиваніе матеріальнаго пособія въ войнѣ противъ Турціи — этого общаго врага христіанъ. Уважительнымъ поводомъ къ подобной просьбѣ представлялись сдѣланныя Россіею огромныя военныя приготовленія, какихъ никто изъ государей до сихъ поръ не предпринималъ. Посольство должно было обратить вниманіе правительствъ дружественныхъ государствъ, что на Дону у насъ уже изготовляется «воинской морской караванъ, въ которомъ великихъ кораблей и каторгъ (галеръ), кромѣ мелкихъ судовъ, будетъ до ста и болѣе». Въ Голландіи и Англіи посольству поручалось просить для *ста* кораблей пушекъ, ружей, якорей, парусины и пр., въ случаѣ же, если затруднятся дать такое количество, то просить, по крайней мѣрѣ, на 30 или на 20 кораблей.

Посольство состояло изъ Лефорта, боярина Ѳ. А. Головина и думнаго дьяка Возницына. Кромѣ свиты съ нимъ отправлялись, собственно для изученія морскаго дѣла въ Голландіи, Англіи и Венеціи, 30 волонтеровъ, изъ участниковъ въ прежнихъ плаваніяхъ и кораблестроительныхъ работахъ царя, и 69 стольниковъ—молодыхъ людей, преимущественно знатныхъ фамилій [1]).

По инструкціи, данной волонтерамъ, въ числѣ которыхъ нахо-

---

[1]) Елагинъ. Азов. пер. стр. 81 и 91.

дился и самъ Петръ, они должны были пріобрѣсти не только самыя необходимыя теоретическія свѣдѣнія по кораблестроенію и другимъ частямъ морскаго дѣла, но главнѣйше стараться изучить на практикѣ управленіе разнаго рода судами, какъ во время сраженія, такъ и въ обыкновенныхъ плаваніяхъ. Если же «кто похочетъ получить себѣ милость бо́льшую по возвращеніи своемъ», тотъ долженъ былъ выучиться строить тѣ суда, на которыхъ ему приходилось плавать для пріобрѣтенія морскихъ практическихъ свѣдѣній. Съ каждымъ изъ стольниковъ посылалось также для ученія по одному грамотному солдату, и каждому стольнику ставилось въ обязанность, при возвращеніи на родину, привезти съ собою двухъ человѣкъ «искусныхъ мастеровъ морскаго дѣла».

Волонтеры были раздѣлены на три десятка и въ одномъ изъ нихъ «десятникомъ» или старшиною былъ самъ царь, подъ именемъ Петра Михайлова. Въ томъ же десяткѣ находился и любимецъ Петра, Александръ Меншиковъ. Изъ этихъ волонтеровъ впослѣдствіи вышли три морскихъ офицера (Инатъ Мухановъ, Иванъ Синявинъ, Ермолай Скворцовъ) и по другимъ морскимъ спеціальностямъ четырнадцать мастеровъ, въ числѣ которыхъ самыми способными и свѣдущими кораблестроителями оказались: Петръ Михайловъ и Ѳеодосій Скляевъ. Стольники, отправившіеся съ посольствомъ для обученія морскому дѣлу, хотя, по возвращеніи въ Воронежъ весною 1699 года, и отправляли на кораблѣ, стоявшемъ на якорѣ, «экзерциціи къ великому удовольствію Его Величества и всѣхъ бояръ», однако экзаменъ имъ изъ морскихъ наукъ, сдѣланный самимъ государемъ, удовлетворительно выдержали только четверо. Изъ нихъ единственно князь Ѳедоръ Урусовъ является (1704 г.) первымъ по времени русскимъ морскимъ капитаномъ. Изъ солдатъ, бывшихъ въ ученьи со стольниками, впослѣдствіи въ морскихъ спискахъ оказывается только 8 человѣкъ [1]).

Пребываніе въ Голландіи.

Въ началѣ марта 1697 г. посольство выѣхало изъ Москвы и въ августѣ прибыло въ Голландію. Опередивъ пословъ, Петръ 7 августа прибылъ въ Саардамъ — небольшой городокъ, лежащій при заливѣ Зюдерзее, къ сѣверо-западу отъ Амстердама. Въ Саардамѣ было до 50 верфей, на которыхъ строились купеческія и китоловныя

---

[1]) Елагинъ. Азов. пер. стр. 210 и 211.

суда. Здѣсь думалъ царь, не обращая на себя ничьего вниманія, серьезно заняться изученіемъ кораблестроенія и съ этою цѣлію, на третій же день по пріѣздѣ, записался плотникомъ на частной верфи Линста Рогге. Квартиру себѣ царь отыскалъ въ самой уединенной части города, въ домикѣ бывшаго прежде въ Москвѣ кузнеца Киста. Помѣщеніе государя находилось въ задней половинѣ дома и состояло изъ двухъ небольшихъ комнатокъ, темной каморки, замѣнявшей спальню, и пристроеннаго при входѣ чуланчика. Комнаты освѣщались двумя окошками, и въ одной изъ нихъ стояла изразцовая печь, для приготовленія пищи.

Царь ежедневно работалъ на верфи, отправляясь туда съ солнечнымъ восходомъ; а въ свободное время осматривалъ фабрики и заводы, катался на купленномъ имъ небольшомъ буерѣ, или посѣщалъ семейства плотниковъ, бывшихъ въ Москвѣ, и дружески разговаривалъ съ ними объ отсутствующихъ родныхъ. Но не прошло двухъ недѣль, какъ саардамскіе жители узнали, кто скрывается подъ видомъ простаго плотника, и начали толпами бѣгать за царемъ. Невыносимое любопытство ихъ заставило Петра, 20-го августа, переѣхать въ Амстердамъ, и тамъ со своими волонтерами поступить на остъиндскую верфь, къ корабельному мастеру Классу Полю.

По прибытіи посольства въ Амстердамъ, государь, присоединясь къ свитѣ, между прочимъ, осматривалъ адмиралтейство, корабельныя верфи и магазины, и, наконецъ, полюбовался примѣрнымъ морскимъ сраженіемъ на Зюдерзее, даннымъ въ честь его городомъ Амстердамомъ. Значительное число военныхъ судовъ, подъ начальствомъ адмирала Схея, построенныхъ въ двѣ линіи, привѣтствовали государя, прибывшаго съ послами и бургомистрами, на богато убранной яхтѣ остъиндской компаніи. Примѣрное сраженіе, въ которомъ кромѣ флота участвовали и береговыя батареи, продолжалось отъ ранняго утра далеко за полдень. Царь, по живости своего характера, не могъ оставаться празднымъ зрителемъ, и перейдя съ яхты на корабль принималъ самое дѣятельное участіе въ маневрахъ [1]). Желая скрыться отъ любопытныхъ жителей, Петръ поселился въ самомъ адмиралтействѣ остъиндской

---

[1]) Устряловъ. III. стр. 71.

компаніи, въ домѣ канатнаго мастера. Страстное, лихорадочное нетерпѣніе царя скорѣе заняться работою выразилось при этомъ случаѣ самымъ разительнымъ образомъ. Форменное разрѣшеніе компаніи на допущеніе къ работѣ на верфи Петръ получилъ во время торжественнаго обѣда, даннаго посольству городомъ Амстердамомъ. Не желая потерять ни минуты времени, онъ хотѣлъ тотчасъ же отправиться въ Саардамъ за своими инструментами, чтобы утромъ приступить къ работѣ. Нелегко было уговорить царя остаться посмотрѣть приготовленный въ честь его фейерверкъ, который долженъ былъ горѣть по окончаніи обѣда. Едва только кончилось торжество, Петръ, несмотря на убѣжденія пословъ и бургомистровъ, представлявшихъ ему объ опасностяхъ ночнаго плаванія, въ 11 часовъ ночи отправился на своемъ маленькомъ буерѣ въ Саардамъ. Пріѣхавъ туда въ часъ ночи, онъ собралъ свои инструменты и раннимъ утромъ къ началу работы явился на верфь. Случай этотъ, какъ и множество другихъ ему подобныхъ, ясно доказываютъ безграничную страсть Петра къ морскому дѣлу.

Нарочно для обученія царя заложенъ былъ фрегатъ (длиною во 100 футъ), названный *Св. Апостолы Петръ и Павелъ*. Поступивъ на работу плотникомъ къ корабельному мастеру Герриту Классу Полю, Петръ распредѣлилъ къ разнымъ занятіямъ всѣхъ другихъ волонтеровъ. Изъ нихъ Александра Меншикова и Өеодосія Скляева царь оставилъ при себѣ учиться кораблестроенію, а остальныхъ назначилъ къ дѣланію мачтъ, шлюпокъ, блоковъ, къ шитью парусовъ и т. п. Царевичъ имеретинскій Александръ Арчиловичъ, находившійся также въ числѣ волонтеровъ, посланъ былъ въ Гагу учиться артиллеріи; семь человѣкъ поступили матросами на разные корабли.

На другой день по закладкѣ судна, царь писалъ въ Москву къ патріарху слѣдующія знаменательныя строки: «Мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы и, послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся; что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Іисусъ-Христа побѣдителями, а христіанъ тамо будущихъ свободителями, бла-

годатію его, быть. Чего до послѣдняго издыханія желать не престану» [1]).

На остъиндской верфи трудился Петръ четыре съ половиною мѣсяца и потому настоящимъ мѣстомъ его ученія былъ Амстердамъ, а не Саардамъ, гдѣ онъ пробылъ всего десять дней. Въ Амстердамѣ царь изучилъ все, что только могли передать ему голландскіе мастера. Въ удостовѣреніе пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, Петръ получилъ отъ мастера Класса Поля аттестатъ, которымъ свидѣтельствовалось: «что находившійся въ свитѣ русскаго посольства Петръ Михайловъ, во время благороднаго здѣсь (на остъиндской верфи) пребыванія своего былъ прилежнымъ и разумнымъ плотникомъ, также въ связываніи, заколачиваніи, сплачиваніи, подниманіи, прилаживаніи, натягиваніи, плетеніи, конопаченіи, струганіи, буравленіи, распиловаміи, мощеніи и смоленіи поступалъ какъ доброму и искусному плотнику надлежитъ, и помогалъ намъ въ строеніи фрегата *Петръ и Павелъ*, отъ первой закладки его, длиною въ 100 футъ, почти до его окончанія и не только что подъ моимъ надзоромъ корабельную архитектуру и черченіе плановъ его благородіе изучилъ основательно, но и уразумѣлъ эти предметы въ такой степени, сколько мы сами ихъ разумѣемъ» [2]).

По своей проницательности и ясному взгляду на предметъ, царь при этомъ обученіи понялъ все несовершенство голландской системы кораблестроенія. Вотъ какъ описываетъ онъ разочарованіе свое въ свѣдѣніяхъ голландскихъ строителей: «Просилъ той верфи баса (корабельнаго мастера) Яна-Пола, дабы училъ его пропорціи корабельной, который ему (то есть, Петру, говорящему здѣсь о себѣ въ третьемъ лицѣ) черезъ четыре дня (впродолженіи четырехъ дней) показалъ, но понеже въ Голландіи нѣтъ на сіе мастерство совершенства геометрическимъ образомъ, но точію нѣкоторыя принципіи, прочее же съ долговременной практики, о чемъ и вышерѣченный басъ сказалъ, и что всего на чертежѣ показать не умѣетъ, тогда зѣло ему (Петру) стало противно, что такой дальній путь для сего воспріялъ, а желаемаго конца не достигъ» [3]).

---

[1]) Устряловъ. III. стр. 73 и 74.

[2]) Азовск. періодъ, Елагина, прим. 35.

[3]) Устряловъ. II стр. 400.

Сохранившіяся собственноручныя записки Петра о составленіи корабельнаго чертежа въ трехъ плоскостяхъ: на боку, полуширотѣ и корпусѣ, очевидно относящіяся къ этому времени, доказываютъ, что голландцы дѣйствительно при строеніи кораблей дѣлали чертежи по извѣстнымъ даннымъ, руководствуясь одними практическими правилами безъ всякихъ теоретическихъ соображеній. Съ этого времени государь потерялъ довѣріе къ знаніямъ голландскихъ мастеровъ и сталъ отдавать предъ ними преимущество англичанамъ и датчанамъ. «Если бы, говорилъ онъ впослѣдствіи, я не поучился у англичанъ, то навсегда бы остался плотникомъ» [1]). Обрадованный разсказомъ одного англичанина, что въ его отечествѣ дѣло кораблестроенія находится въ лучшемъ состояніи, царь рѣшился немедленно отправиться въ Англію. Онъ уже имѣлъ случай лично познакомиться съ королемъ Вильгельмомъ, который пріѣзжалъ въ Голландію въ качествѣ штатгалтера и подарилъ Петру небольшую (75 ф. длины) 20 пушечную яхту Transport-Royal. Яхта эта была построена по чертежу, составленному адмираломъ лордомъ Карнартеномъ и отличалась прекрасными морскими качествами [2]).

Подарокъ англійскаго короля.

Образованіе подводной части ея замѣчательно тѣмъ, что середина этой части была какъ будто вдавлена въ судно и флортимберсы такъ изогнуты, что боковыя части ихъ опускались почти до нижней кромки фальшкиля, образуя такимъ изгибомъ на серединѣ судна, по обѣ стороны киля, двѣ впадины постепенно уменьшавшіяся къ носу и кормѣ. Оконечности грузовой ватерлиніи—довольно полныя, топтимберсы прямые, мидель поставленъ впереди середины; надводная часть кормы съужена. Яхта имѣла двѣ мачты, изъ которыхъ гротъ-мачта помѣщалась на мидѣлѣ. Парусность состояла изъ грота и фока (вѣроятно гафельныхъ съ топселями) и двухъ переднихъ стакселей [3]). Въ 1698 году яхта пришла въ Архангельскъ. Петръ, желая чтобы она поступила въ составъ азовскаго флота, приказалъ перевести ее рѣками въ Азовское море; но выполнить этого не удалось по причинѣ мелководія, и яхта осталась въ Архангельскѣ. Впослѣдствіи, по основаніи балтійскаго флота, царь приказалъ перевести Transport-Royal въ Бал-

[1]) Устряловъ. III. стр. 108.

[2]) Елагинъ. Азовск, пер., стр. 94.

[3]) Модель яхты находится въ Морскомъ музеѣ.

тику, но, отправленная въ 1715 году изъ Архангельска моремъ, яхта разбилась у норвежскихъ береговъ.

Король англійскій, желая почтить царственнаго путешественника, прислалъ за нимъ въ устье Мааса двѣ яхты, два военные корабля и гукоръ [1]).

Пребываніе Петра въ Англіи.

Прибывъ 11 января (1698 г.) въ Лондонъ, царь черезъ нѣсколько дней переселился въ Дептфордъ, мѣстечко на правомъ берегу Темзы, въ то время находившееся вблизи Лондона, а нынѣ совершенно съ нимъ слившееся. Здѣсь Петръ поселился близъ королевской верфи, въ домѣ мастера Эвелина, и принялся съ жаромъ пополнять свои свѣдѣнія по части кораблестроенія и вообще морскаго дѣла. Разсматривая съ корабельными мастерами чертежи различныхъ судовъ и вычерчивая на плазѣ корабельные члены, Петръ въ бесѣдѣ съ лордомъ Кармартеномъ знакомился и съ теоріею кораблестроенія. Лучшаго учителя царю трудно было найти; Кармартенъ былъ хорошій морякъ, обладалъ большими свѣдѣніями въ корабельной архитектурѣ, любилъ этотъ предметъ и составляя самъ чертежи вводилъ въ нихъ нѣкоторыя усовершенствованія. У него была большая коллекція моделей судовъ, безъ сомнѣнія очень интересовавшая любознательнаго ученика, которому, кромѣ того не могъ не понравиться веселый, сообщительный характеръ Кармартена, всегда готоваго сопутствовать Петру въ его поѣздкахъ и катаньяхъ на шлюпкахъ.

Научныя занятія Петра не мѣшали ему осматривать разныя примѣчательности Лондона и его окрестностей; въ числѣ которыхъ особенное вниманіе царя обращало все относящееся къ морскому и военному дѣлу; такъ напр., дѣлая поѣздки по Темзѣ, онъ нѣсколько разъ посѣщалъ Вуличъ, гдѣ находился главный артиллерійскій арсеналъ и артиллерійскія мастерскія, былъ въ Портсмутѣ и провелъ три дня на стоявшей тамъ англійской эскадрѣ. На 80-ти пушечномъ кораблѣ *Гамбургъ* ходилъ онъ къ острову Вайту и на обратномъ пути былъ свидѣтелемъ примѣрнаго сраженія.

Возвращеніе въ Москву.

23 апрѣля царь возвратился въ Голландію и пробылъ тамъ недѣлю; потомъ посѣтилъ Вѣну и уже готовъ былъ отправиться въ Венецію, славную своими флотами, особенно галернымъ, какъ

---

[1]) Устряловъ. III. стр. 95.

неожиданная вѣсть о новомъ бунтѣ стрѣльцовъ заставила его торопиться въ Москву, куда онъ и прибылъ въ концѣ августа.

Слѣдствія путешествія.

Надежды на матеріальную помощь иностранныхъ державъ для сооруженія нашего флота не оправдались. Посольство на свои представленія объ этомъ предметѣ, со стороны Англіи и Голландіи получило отказъ; но зато свѣдѣнія, пріобрѣтенныя во время путешествія самимъ царемъ, были несравненно благодѣтельнѣе и плодотворнѣе для Россіи всякаго матеріальнаго пособія. Глубокое изученіе Петромъ всѣхъ отраслей морскаго дѣла было вѣрнымъ ручательствомъ въ славной будущности русскаго флота, а, слѣдовательно, и величія Россіи. Ученикъ возвратился мастеромъ, и теперь все, до чего царь прежде доходилъ тяжелыми попытками, или въ чемъ по необходимости долженъ былъ полагаться на чужія мнѣнія, онъ видѣлъ ясно самъ и могъ съ меньшими препятствіями идти къ своей цѣли.

Кромѣ требованія пособія для сооруженія флота, составлявшаго главную цѣль посольства, ему поручалось еще пригласить въ русскую службу разнаго званія морскихъ офицеровъ и мастеровъ, нанять мастеровыхъ и матросовъ и, наконецъ, закупить множество предметовъ необходимыхъ для флота (начиная отъ пушекъ и до плотничныхъ инструментовъ, помповой кожи и флагдуку) чего въ Россіи еще нельзя было скоро имѣть въ такомъ значительномъ количествѣ, какое требовалось для сооружаемаго флота [1]).

Однимъ изъ полезнѣйшихъ слѣдствій путешествія царя было приглашеніе въ русскую службу нѣсколькихъ достойныхъ личностей, много и благотворно потрудившихся для русскаго флота. Замѣчательнѣйшими изъ нихъ были: голландецъ Крюйсъ и англичане Денъ, Най, Перри и Фарварсонъ. Капитанъ Корнелій Крюйсъ, принятый въ службу съ чиномъ вице-адмирала, былъ свѣдущій корабластроитель и опытный морякъ, вполнѣ знакомый со всѣми портовыми работами, человѣкъ энергическій, распорядительный и хотя тяжелаго, неуживчиваго характера, но честный и превосходный служивый. Денъ и Най были отличные корабельные мастера; Перри, называвшійся у насъ шлюзнымъ мастеромъ, приглашенъ собственно для работы канала, которымъ предполагалось соединить Волгу съ Дономъ,

[1]) Елагинъ. Азовск. пер. стр., 80.

но занимался также и устройствомъ доковъ для азовскаго флота. Фарварсонъ, профессоръ Абердинскаго университета, весьма свѣдущій, дѣловой ученый и хорошій педагогъ, образовавшій огромное большинство русскихъ морскихъ офицеровъ Петровскаго времени. Кромѣ этихъ особенно выдававшихся личностей, вызвано было множество и другихъ служащихъ, разныхъ званій и разныхъ морскихъ спеціальностей. Выборъ и наемъ большей части лицъ поступившихъ на флотъ былъ довѣренъ Крюйсу. По этому поводу, имъ написаны были правила для пріема иностранцевъ въ русскую службу, перевозки ихъ въ Россію и продовольствія во время переѣзда, а для избѣжанія всякихъ недоразумѣній въ будущемъ, составлены 63 пункта условій, которымъ должны были подчиняться новые служивые.

Азовскій флотъ въ отсутствіе Петра.

Отсутствіе царя, продолжавшееся около полутора года, не могло остаться безъ вліянія на создающійся флотъ. Наружная дѣятельность, направляемая и поддерживаемая распоряженіями Петра, присылаемыми изъ заграницы, повидимому не уменьшалась; иныя работы приводились къ окончанію, но на многія изъ нихъ непроизводительно тратились трудъ, деньги и время, а нерѣдко, вмѣсто разумнаго и настойчиваго стремленія къ избранной цѣли, исполнители царскихъ повелѣній, какъ будто для очищенія совѣсти, дѣлали распоряженія, возбуждавшія одну нескончаемую переписку, останавливавшую дѣло.

Галеры, бывшія при взятіи Азова и потомъ переданныя для храненія азовскому начальству, были въ жалкомъ положеніи. Весенняя вода (1697 г.) одну изъ нихъ выбросила на мель, двѣ затопила, остальныя, стоявшія не покрытыми на солнечномъ зноѣ, дождѣ и вѣтрѣ, разсохлись до того, что изъ пазовъ вываливалась конопать. Для надзора за этими судами и для ихъ починки, не только не было свѣдущихъ моряковъ и порядочныхъ мастеровыхъ, но даже не доставало людей для простаго охраненія. «Солдатъ малолюдство, доносилъ завѣдывавшій галерами стольникъ князь Гагаринъ, и изъ тѣхъ многіе пропились и проигрались, и плотниковъ оставлено малое число и тѣ не заобычны (не знаютъ своего дѣла)».

Въ маѣ 1698 года сочли за лучшее 10 большихъ галеръ, за исключеніемъ именной царской, отправить въ Воронежъ. Проводка эта была чрезвычайно трудна по причинѣ мелководія и недос-

татка людей, разбѣгавшихся съ работы. Галеры, послѣ безчисленныхъ замедленій, поврежденій и даже затопленій отъ постановки на мели, могли добраться только до Черкаска и оттуда осенью были опять возвращены къ Азову. По этому случаю, казацкій атаманъ Минаевъ писалъ азовскому воеводѣ князю Прозоровскому: «Ей, удивляемся вашему дѣлу! Потерявъ суда, да черезъ силу хотите учинить». Не въ лучшемъ положеніи были и тѣ суда, которыя оставались въ Азовѣ: осенью большая прибылая вода разбросала ихъ по берегамъ и поломала. Вообще скороспѣлый флотъ оказался недолговѣчнымъ: въ іюнѣ 1699 года въ Азовѣ кромѣ двухъ кораблей было 23 фурката (галеры); а въ 1705 году, по осмотрѣ судовъ, нашли возможнымъ исправить только *три* фурката русской работы [1]).

Вызванный изъ Австріи инженеръ-генералъ Лаваль укрѣпилъ Азовъ и построилъ близъ него на берегу Дона два отдѣльныя укрѣпленія, но этотъ же Лаваль, найдя какія-то неудобства для постройки гавани у Таганрога, предложилъ отнести ее на пять верстъ западнѣе. Мысль его была принята и на новомъ мѣстѣ начата даже постройка крѣпости, названной Павловскою; впослѣдствіи же какъ это предложеніе, такъ и задуманное устройство гавани при рѣкѣ Міусѣ оставлено, и гавань начали строить на прежнемъ мѣстѣ, выбранномъ первоначально самимъ царемъ у Таганрога [2]).

Въ отсутствіе царя велѣно было очистить для свободнаго плаванія судовъ низовье рѣки Воронежа и все протяженіе Дона отъ верфей до моря, и хотя для этого были уже назначены люди, но дѣло окончилось одною перепиской.

Пребываніе царя въ Воронежѣ (1698 г.)

Черезъ два мѣсяца по возвращеніи изъ заграничнаго путешествія, едва кончивъ розыскъ и казни, ужаснувшія народъ своею жестокостію, грозный царь спѣшилъ въ Воронежъ къ своему любимому дѣтищу—флоту. Большое число судовъ, какъ кумпанскихъ, такъ и казенныхъ, готовыхъ и строившихся, при первомъ взглядѣ не могло не поразить и не порадовать возвратившагося царя, несмотря на то, что онъ еще находился подъ живымъ впечатлѣ-

[1]) Елагинъ. Азовск. пер. стр. 112 и 113.
[2]) Тамъ же, стр. 104.

ніемъ недавно видѣнныхъ имъ лучшихъ европейскихъ флотовъ. «Мы слава Богу въ зѣло изрядномъ состояніи нашли флотъ нашъ» [1]), радостно писалъ къ Виніусу царственный морякъ, любившій быстро дѣлиться, съ близкими людьми, своими особенно пріятными впечатлѣніями. Но за радостію наступило скорое разочарованіе: разсмотрѣвъ каждое судно внимательнымъ взглядомъ свѣдущаго мастера, царь увидѣлъ, что большая часть судовъ были очень плохи. Недовольный первоначальными чертежами кумпанскихъ судовъ, онъ еще изъ Голландіи поспѣшилъ выслать новые чертежи, но они прибыли поздно, когда суда были готовы или уже на столько выстроены, что полное измѣненіе ихъ оказывалось невозможнымъ. Недовѣріе царя къ свѣдѣніямъ голландскихъ кораблестроителей отозвалось въ Воронежѣ, откуда Протасьевъ писалъ Ѳ. А. Головину: «Заложилъ было я корабль голландскимъ размѣромъ; и нынѣ, государь, слыша объ ихъ (мастеровъ) такой глупости, что они въ размѣрѣ (кораблей) силы не знаютъ, велѣлъ имъ то судно покинуть до пріѣзду отъ милости вашей мастеровъ, и тѣ голландскіе мастеры нынѣ у меня кормъ и жалованье емлютъ, государь, даромъ» [2]). Испорченныя суда приходилось насколько можно исправлять, и нѣкоторыя изъ нихъ передѣлывались по два и даже по три раза. Слухи о дурномъ состояніи воронежскаго флота дошли и до Москвы и цесарскій резидентъ Гваріентъ доносилъ своему правительству: «жаръ и восторгъ, съ которымъ приготовлялись къ наступающей войнѣ, почти охладѣлъ. Государь исключительно занятъ передѣлкою и постройкою кораблей. Дорого стоившіе корабли дурны и скорѣе годятся подъ купеческій-грузъ, чѣмъ для военныхъ дѣйствій».

Но неудачи не лишали бодрости царя, а только усиливали его дѣятельность. Относительно построенныхъ судовъ ограничась возможнымъ ихъ исправленіемъ, Петръ спѣшилъ сооруженіемъ новыхъ, значительно лучшихъ. Пользуясь заготовленнымъ лѣсомъ, царь вскорѣ по пріѣздѣ въ Воронежъ заложилъ 58-ми пушечный корабль *Предестинацію* (длин. 118, шир. 31 фут.) Названіе это въ со-

[1]) Елагинъ. Азовск. пер. стр. 115.
[2]) Тамъ же, стр. 71 и 78.

*

временномъ русскомъ переводѣ писалось: «Божіе сему есть Предвѣденіе». *Предестинацію* началъ строить самъ Петръ, съ помощію товарищей своихъ по ученію въ Голландіи, Скляева и Верещагина, вовсе безъ участія иностранцевъ. Цѣлые дни безъ устали работалъ царь въ Воронежѣ уже не какъ ученикъ, а какъ опытный мастеръ. Въ аттестатѣ данномъ амстердамскимъ кораблестроителемъ не напрасно перечислялись различныя работы, которыя изучилъ «Петръ Михайловъ». Топоръ и молотъ, пила и конопатка, карандашъ и циркуль, въ золотыхъ рукахъ геніальнаго работника, дѣйствовали одинаково успѣшно.

Одновременно съ *Предестинаціею* мастеръ Най (англичанинъ) заложилъ почти такихъ же размѣровъ 56-ти пушечный корабль *Черепаху* (*Шельпотъ*).

Царь до такой степени изучилъ кораблестроеніе, что на своемъ кораблѣ рѣшился сдѣлалъ попытку къ одному придуманному имъ важному усовершенствованію; именно, онъ устроилъ киль такимъ образомъ, что въ случаѣ сильнаго поврежденія и даже потери нижней части его, судно не могло наполниться водою. Подобнаго устройства киль былъ сдѣланъ въ Англіи только около сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, на паровой яхтѣ королевы *Черный Орелъ* (Black-Eagle) [1].

Замѣчательнѣйшимъ изъ судовъ, заложенныхъ на Воронежѣ, былъ великій галеасъ, представлявшій нѣчто въ родѣ знаменитаго *Буцентавра*, на которомъ венеціанскіе дожи выѣзжали для своего обычнаго обрученія съ Адріатическимъ моремъ. Длина великаго галеаса была 161, ширина 35 футовъ [2]). По отзыву одного очевидца иностранца, это было чрезвычайно уродливое судно, хотя по стоимости своей роскошной отдѣлки оно равнялось шести хорошимъ кораблямъ. Такой повидимому безполезный расходъ былъ

---

[1]) Елагинъ, Азовск. пер. стр. 117 и 119.

[2]) Въ двухъ спискахъ того же документа, годъ закладки великаго галеаса показанъ различно. Въ приложеніяхъ къ Азовскому періоду, II, стр. 24, значится 208, то есть, 1700 годъ, а въ «Сборникѣ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ», изд. въ Москвѣ 1872 г. II, стр. 321—показанъ 207, то есть, 1699 годъ; это послѣднее показаніе, кажется, болѣе вѣрнымъ.

не въ характерѣ Петра, и потому постройка великаго галеаса показывала, что царь готовилъ его для какого-нибудь важнаго морскаго торжества, можетъ быть въ самомъ Цареградѣ. Недаромъ Лефортъ, посвященный въ планы Петра, въ одномъ письмѣ заявляя царю о своей готовности нести дѣйствительную службу, выразился такъ: «Время мое будетъ какъ прикажешь на Черномъ морѣ быть». И не напрасно генералу Гордону, доказывавшему, что, прежде посылки флота въ море, необходимо имѣть для него безопасныя гавани, царь отвѣчалъ: «флотъ самъ себѣ отыщетъ гавань» [1]).

Сильно укрѣпленный Азовъ населился русскими переселенцами изъ низовыхъ губерній и царь, не пропускавшій случая къ развитію въ народѣ любви къ морю, приказалъ передать во владѣніе азовцевъ нѣсколько каботажныхъ судовъ, со всѣми мореходными принадлежностями, а выписанному изъ Архангельска кормщику Ивашкѣ Молоту, велѣно было учить азовскихъ жителей «на рѣкахъ и на моряхъ, на карбусахъ, лодьяхъ и на иныхъ судахъ, водяному ходу въ кормщикахъ», за что ему назначено по 10 денегъ въ день. Рѣки Донъ и Воронежъ если и не очистили, какъ предполагали, отъ мелей и карчей, то для удобства плаванія мелкія мѣста обозначили вѣхами. — Въ Таганрогѣ торопились строить обширную гавань, и для защиты ея дѣлали шанецъ на тысячу человѣкъ гарнизона.

Со времени взятія Азова, турки не очень тревожили побѣдителей; только въ маѣ 1697 года была незначительная стычка между непріятельскими галерами и казацкими лодками, въ которой казаки потеряли до 30 человѣкъ; другой разъ, въ іюнѣ, нападали на Азовъ съ сухаго пути до 27 тысячъ крымцевъ и ногайцевъ, но были отбиты. Въ 1698 году часть турецкаго флота находилась на Днѣпрѣ, гдѣ воевода князь Я. Ѳ. Долгоруковъ отстаивалъ Тавань, да устья Дона наблюдала турецкая эскадра, отъ 30 до 40 галеръ, не рѣшавшаяся однакожъ дѣлать нападенія.

Въ то время, когда на случай возобновленія военныхъ дѣйствій царь въ Воронежѣ торопился къ веснѣ приготовлять флотъ, Возницыну, послу нашему въ Константинополѣ, удалось заключить

---

[1]) Елагинъ. Азовск. періодъ. стр. 123 и 125.

перемиріе на два года; донесеніе объ немъ царь получилъ въ декабрѣ, уже по возвращеніи въ Москву. Но эта пріостановка военныхъ дѣйствій не измѣнила намѣренія Петра относительно весенняго вывода флота въ море, гдѣ появленіе нашихъ кораблей должно было осязательно убѣдить турокъ въ дѣйствительности существованія вновь созданной русской морской силы. Февраля 19-го (1699 г.) царь опять явился въ Воронежъ, и съ прибытіемъ его начались энергическія распоряженія по приготовленію флота. Для удержанія отъ побѣговъ мастеровъ и рабочихъ Воронежъ оцѣпили заставами. О кумпанствахъ, недоставившихъ необходимыхъ предметовъ для вооруженія судовъ, царь въ началѣ марта писалъ въ Москву къ Ромодановскому: «изволь сказать, чтобы везли припасы корабельные и буде кто къ шестой недѣлѣ (великаго поста) не поставитъ здѣсь, вели деревни описывать» [1]).

Приготовленіе флота къ выходу въ море.

Смерть Лефорта, послѣдовавшая 2-го марта, отозвала царя въ Москву, откуда онъ возвратился въ Воронежъ 18 марта. Такъ какъ Лефортъ, не смотря на свое званіе адмирала, мало принималъ участія въ дѣлахъ флота, то кончина его не произвела въ Воронежѣ замѣтнаго вліянія, и всѣ работы продолжались по прежнему. Болѣе важнымъ событіемъ для флота былъ пріѣздъ съ царемъ Крюйса и нѣсколькихъ знающихъ и дѣльныхъ морскихъ офицеровъ.

Не смотря на кажущуюся готовность къ предстоявшему плаванію почти всѣхъ кумпанскихъ судовъ, изъ нихъ избраны или, вѣрнѣе, найдены были годными для выхода въ море только 11 кораблей, одинъ бомбардирскій корабль и 4 галеры. Эти суда находились въ трехъ мѣстахъ: бомбардирскій корабль, галеры и 4 корабля—въ Воронежѣ, 4 корабля—на Хопрѣ и 4—въ Паншинѣ.

Для большей торжественности шествія Домомъ и для практики новыхъ моряковъ, къ судамъ, идущимъ изъ Воронежа, государь присоединилъ еще 13 бригантинъ и 11 галіотовъ. Кромѣ того, за судами слѣдовали 117 струговъ съ разными тяжестями и провіантомъ. Командирами на бригантины и галіоты были назначены преображенскіе и семеновскіе офицеры, а экипажи судовъ вообще всего флота состояли изъ солдатъ тѣхъ же полковъ и нѣсколькихъ иностранныхъ матросовъ.

[1]) Елагинъ. Азовск. пер. стр. 103, 114 и 123.

Бояринъ Ѳ. А. Головинъ, который, находясь за границею членомъ посольства, завѣдывалъ уже всѣми наймами и покупками, дѣлаемыми для флота, по смерти Лефорта былъ пожалованъ, въ апрѣлѣ 1699 года, адмираломъ и теперь въ этомъ званіи привелъ флотилію изъ Воронежа къ Азову. Вице-адмираломъ на ней былъ Крюйсъ, прибывшій вмѣстѣ съ Петромъ изъ Москвы въ Воронежъ, и шаутбенахтомъ—Резъ, также голландецъ, принятый на службу одновременно съ Крюйсомъ. Три флагмана и самъ царь должны были идти на галерахъ [1]).

Передъ отправленіемъ изъ Воронежа Петръ произвелъ экзаменъ русскимъ дворянамъ, бывшимъ за границею для изученія морскаго дѣла; ихъ заставили исполнять всѣ экзерциціи, которыя можно было произвести стоя на якорѣ, и которыя «были къ великому удовольствію Его Величества и всѣхъ бояръ отправлены».

24 мая царь съ воронежской эскадрою прибылъ къ Азову, гдѣ уже ожидали его семь кораблей, пришедшіе съ Хопра и изъ Паншина. Осмотрѣвъ суда и сдѣлавъ распоряженіе о приготовленіи ихъ къ выходу въ море, Петръ въ первыхъ числахъ іюня съ отрядомъ бригантинъ и галіотовъ ходилъ въ Таганрогъ, и потомъ съ 23 іюня занялся проводкою кораблей Кутюрьминскимъ гирломъ, въ которомъ отмель по всему ея протяженію была обозначена сваями, вбитыми на разстояніи 50 сажень одна отъ другой. Переходъ къ Таганрогу.

Выйдя въ море флотъ пошелъ къ Таганрогу, гдѣ занялся килеваніемъ, конопаченіемъ и осмолкою кораблей. «Его Величество, писалъ Крюйсъ, присутствовалъ при томъ въ сей работѣ неусыпно, такъ съ топоромъ, диселемъ (теслòмъ), кальфатомъ (конопаткою), молотомъ и мазаніемъ кораблей и гораздо прилежнѣе и больше работая, нежели старый и весьма обученный плотникъ» [2]).

Эскадра состояла изъ слѣдующихъ судовъ:

КОРАБЛИ:

62-хъ пуш. *Скорпіонъ* (адмиральскій), построенный въ Паншинѣ. Составъ эскадры.

34-хъ » *Благое начало* (вице-адмиральскій), на Хопрѣ.

---

[1]) Елаг. Азовск. пер. стр. 126—128.

[2]) Экстрактъ изъ журнала Крюйса, Зап. Гидр. Д-та. ч. 8. стр. 370 и 380.

32-хъ пуш. *Цвѣтъ войны* (шаутбенахта), мѣсто постройки неизвѣстно.

42-хъ » *Отворенныя врата* (капитанъ Петръ Михайловъ), неизвѣстно.

26-ти » *Апостолъ Петръ* (коменд. Фохтъ), на Воронежѣ.

36-ти » *Сила* (кап. Рокускинъ), неизвѣстно.

50-ти » *Безбоязнь* (кап. Бекгамъ), на Хопрѣ.

26-ти » *Соединеніе* (коменд. Мееръ), тамъ же.

22-хъ » *Меркурій* (коменд. Вальронтъ), неизвѣстно.

46-ти » *Крѣпость* (кап. Памбургъ), въ Паншинѣ.

ГАЛЕРЫ:

24-хъ » *Перинная тягота* (кап. Лицъ), на Воронежѣ.

22-хъ » *Заячій бѣгъ* (кап. Стаціусъ), тамъ же.

Кромѣ того въ эскадрѣ были: кипарисная яхта, гальотъ и четыре казачьи лодки [1]).

Цѣль выхода въ море.

Выводя флотъ въ море, царю хотѣлось испытать на дѣлѣ самыя суда и заняться практическимъ обученіемъ ихъ экипажей, а главное, убѣдить турокъ въ существованіи у насъ сильнаго флота и тѣмъ понудить къ скорѣйшему заключенію прочнаго мира. Для переговоровъ о немъ долженъ былъ отправиться въ Константинополь посолъ, думный дьякъ Украинцевъ, проводы котораго и послужили благовиднымъ предлогомъ къ появленію русскаго флота въ Азовскомъ и Черномъ моряхъ. Царь рѣшилъ отправить посла въ Константинополь моремъ, на кораблѣ *Крѣпость* и желалъ проводить его со своимъ флотомъ до первой турецкой крѣпости Керчи.

Передъ отправленіемъ въ этотъ походъ, государь выводилъ флотъ для практики въ море, гдѣ и «держалъ обучительную баталію и забавный бой (маневры)», а къ Керчи отправился только 14 августа. При попутномъ вѣтрѣ корабли несли марсели, при свѣжемъ противномъ—становились на якорь, а при легкомъ—подвигались впередъ «семо и овамо лавиромъ». На четвертый день по выходѣ изъ Таганрога, флотъ прибылъ благополучно къ Керчи и

[1]) Кипарисная яхта, по всей вѣроятности подаренная царю въ Голландіи, была привезена изъ Москвы въ Воронежъ весною 1699 года; а изъ Воронежа перевезена въ 1705 г. въ Петербургъ и стояла на Невѣ противъ дворца Государя. (Елагинъ. Азовск. пер. стр. 130, примѣч. 52 и приложеніе IV. № 20).

сталъ на якорь близъ турецкой эскадры, состоявшей изъ 4 кораблей и 9 галеръ, находившихся подъ начальствомъ Гассана-паши. По небольшому числу кораблей, Головину велѣно было вмѣсто адмиральскаго флага поднять флагъ шаутбенахта.

Пребываніе въ Керчи.

Керченскій паша, удивленный появленіемъ русскихъ судовъ, поставленъ былъ въ большое затрудненіе желаніемъ Украинцева отправиться въ Константинополь моремъ. Опасаясь подвергнуться отвѣтственности за пропускъ въ Черное море русскаго военнаго корабля, паша пробовалъ сначала убѣждать Украинцева, ѣхать обычнымъ береговымъ путемъ, стращая опасностію морскаго переѣзда; когда же это не подѣйствовало, то сталъ представлять о неудобствѣ выхода въ море при такой «неспособной» погодѣ; указывалъ на опасность отъ находившагося близъ Керчи подводнаго камня и пр. Видя, что всѣ его доводы не могутъ поколебать настойчивости Украинцева, паша началъ подъ разными предлогами затягивать отправленіе турецкихъ кораблей, назначенныхъ для сопровожденія посла. Наконецъ, когда посолъ погрозилъ, что при дальнѣйшемъ замедленіи онъ уйдетъ и одинъ, то паша долженъ былъ согласиться. Во время этихъ переговоровъ эскадра паша стояла въ Керчи и, при посѣщеніи Ѳ. А. Головинымъ галеры турецкаго адмирала, любопытный царь также успѣлъ взглянуть на нее, надѣвъ платье голландскаго матроса и исполняя на адмиральской шлюпкѣ обязанность рулеваго.

Возвращеніе флота въ Азовъ.

28-го августа 1699 года въ первый разъ на Черномъ морѣ появился русскій военный корабль *Крѣпость*. Съ нимъ отправились четыре турецкіе корабля. Русская эскадра проводивъ посла возвратилась къ Таганрогу, и какъ гавань не могла еще служить для безопасной зимовки, то суда отправились на зиму въ Азовъ. Поручивъ проводку судовъ къ Азову и надзоръ за ними капитану Бекгаму, царь поѣхалъ въ обратный путь и десять дней (до 24 сентября) пробылъ въ Воронежѣ, гдѣ между прочими занятіями, подробно осмотрѣлъ спущенныя безъ него на воду 14 кумпанскихъ судовъ.

Проводка судовъ изъ Таганрога продолжалась слишкомъ два мѣсяца, но не смотря на такое продолжительное время, къ Азову успѣли привести только шесть кораблей (изъ которыхъ одинъ былъ бомбардирскій), двѣ галеры и яхту. Три корабля должны были поставить на

зимовку въ затонѣ выше Таганрога, огородивъ для защиты отъ льда рядомъ дубовыхъ свай; одинъ корабль, простоялъ всю зиму на мели; окончательно же всѣ корабли добрались до Азова лишь въ маѣ слѣдующаго 1700 года [1]).

Плаваніе корабля «Крѣпость» Черным моремъ.

Отправившійся съ посломъ корабль *Крѣпость* подъ командою капитана Памбурга, былъ 124 фут. длиною, 24 шир. и имѣлъ 46 орудій. Экипажъ корабля, кромѣ капитана, состоялъ изъ поручика, двухъ штурмановъ (одинъ изъ нихъ былъ извѣстный впослѣдствіи по службѣ своей въ артиллеріи Христіанъ Отто), подштурмана, боцмана, подбоцмана, констапеля и лекаря; все это были иностранцы. Въ числѣ матросъ было 16 иноземцевъ и 111 человѣкъ урядниковъ и солдатъ преображенскаго и семеновскаго полковъ [2]). Изъ провизіи было отпущено: сухарей на три мѣсяца, а вина, збитню, уксусу, мяса (солонины) и масла коровьяго—на пять. Но въ деньгахъ до того нуждались, что для выдачи жалованья служащимъ на кораблѣ, вскорѣ по приходѣ въ Константинополь Украинцевъ долженъ былъ сдѣлать заемъ у одного мѣстнаго жителя грека.

31 августа, не доходя до Балаклавы, куда турки приглашали Украинцева зайдти за водою и провіантомъ, онъ, не имѣя даже лоцмана, спустился къ Константинополю. Недолгое время, при зашедшемъ вѣтрѣ, корабль «плылъ лавирами», а потомъ получивъ попутный вѣтеръ, въ восемь часовъ утра 2-го сентября вошелъ въ Босфоръ и бросилъ якорь въ трехъ миляхъ отъ столицы султана. Во время плаванія турецкіе корабли, умышленно или нѣтъ, значительно отставали отъ *Крѣпости*; а нашъ, какъ замѣчаетъ Украинцевъ, «въ вѣтръ и не самый сильный, гораздо скрипѣлъ и на бокъ покланивался и воды въ немъ явилось не мало». Посолъ указывалъ въ своемъ донесеніи и на то обстоятельство, что въ кораблѣ было недостаточно желѣзныхъ крѣпленій, а замѣнявшія ихъ деревянныя, не могли имѣть на морѣ должной крѣпости.

Пребываніе «Крѣпости» въ Константинополѣ.

6-го сентября *Крѣпость*, вмѣстѣ съ сопровождавшими его отъ Керчи турецкими кораблями, торжественно пошелъ къ Константинополю, размѣниваясь салютами съ береговыми укрѣп-

---

[1]) Азовск. періодъ. Приложеніе IV № 34.

[2]) Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ великомъ, I, стр. 177 и 178.

леніями. Остановясь на пути за противнымъ вѣтромъ, корабль на другой день, съ пушечною же пальбою, бросилъ якорь противъ сераля, въ которомъ тогда жилъ султанъ. Такое необыкновенное событіе, какъ неожиданный приходъ военнаго русскаго корабля, должно было возбудить не только удивленіе, но и страхъ въ жителяхъ столицы, сохранявшихъ еще преданія о страшныхъ посѣщеніяхъ казаковъ.

Теперь земляки этихъ казаковъ, тѣже страшные «урусы» (русскіе), явились уже не на слабыхъ челнахъ, а на большомъ кораблѣ, вооруженномъ пушками и управляемомъ искусными моряками. Султанъ, великій визирь и множество народа пріѣзжали осматривать корабль. Турки особенно хвалили такелажъ и паруса; но относительно самаго корабля замѣчали, что въ немъ, вѣроятно уже лучшемъ изъ всего флота, при деревянномъ крѣпленіи не можетъ быть должной прочности и что русскіе корабли, какъ плоскодонные, «на морѣ въ великомъ обуреваніи будутъ неспособны и будутъ погружаться и пропадать».

Съ появленіемъ корабля *Крѣпости* въ Босфорѣ, въ населеніи Константинополя, отличавшимся особеннымъ легковѣріемъ, распространился слухъ, что большая русская эскадра крейсеруетъ въ Черномъ морѣ, и надо было случиться, что при такомъ тревожномъ настроеніи жителей, вдругъ среди глубокой ночи на русскомъ кораблѣ началась сильная пушечная пальба. Самъ султанъ и особенно женское населеніе сераля страшно перепугались, а въ городѣ уже думали, что эта пальба была сигналомъ для приближавшагося русскаго флота. На самомъ же дѣлѣ, обстоятельство встревожившее столицу, имѣло весьма мирный характеръ. Причиною пальбы была пирушка у капитана Памбурга, во время которой развеселившійся не въ мѣру хозяинъ, не обративъ вниманія на ночное время и на то, что корабль стоитъ среди города, передъ стѣнами дворца, началъ свой неумѣстный салютъ. Происшествіе это, возбудившее было неудовольствіе турецкаго правительства, уладилось увѣреніями Украинцева, что подобной продѣлки впредь не случится.

Возвращеніе въ Азовъ.

По позднему времени года посолъ оставилъ корабль зимовать въ Константинополѣ и отправилъ его въ Азовъ уже въ іюнѣ слѣ-

дующаго (1700) года. На кораблѣ Памбурга возвратились въ Россію 170 человѣкъ плѣнныхъ [1]).

Несогласіе турокъ на мирныя предложенія Украинцева и видимо умышленная медленность въ веденіи переговоровъ не позволяли очень довѣряться Турціи, а потому царь торопился приготовленіемъ флота къ лѣтней кампаніи 1700 г., и въ Воронежѣ продолжалась спѣшная работа. Вмѣсто обвиненнаго въ злоупотребленіяхъ и умершаго Протасьева, 18 февраля 1700 года назначенъ адмиралтейцемъ Ѳ. М. Апраксинъ, родственникъ Петра (по царицѣ Марѳѣ Матвѣевнѣ) и сверстникъ его по лѣтамъ. Часто находясь близъ царя и принимая участіе въ его потѣхахъ и плаваніяхъ, Апраксинъ впродолженіи четырехъ лѣтъ (съ 1693—1697 г.) служилъ воеводою въ Архангельскѣ, потомъ бывалъ съ царемъ въ Воронежѣ и ходилъ на флотѣ къ Керчи. По всему этому морское дѣло могло быть нѣсколько знакомо новому адмиралтейцу, а довѣренность къ нему царя давала возможность принести флоту большую пользу. Въ помощь Апраксину назначены были два стольника, названные «товарищами адмиралтейца». Одинъ изъ нихъ, Племянниковъ, находился въ Москвѣ и завѣдывалъ приказомъ адмиралтейскихъ дѣлъ, а другой, Игнатьевъ, распоряжался въ Воронежѣ.

Назначеніе Апраксина адмиралтейцемъ.

Адмиралтейскій и воинскій морскіе приказы.

Съ назначеніемъ Апраксина часть Володимірскаго суднаго приказа, завѣдывавшая кораблестроеніемъ, составила самостоятельное учрежденіе, сохранивъ придаваемое ей и прежде названіе *Приказа Адмиралтейскихъ дѣлъ*; мѣсто же завѣдывавшее всѣмъ касавшимся собственно флота и служащихъ на немъ, называлось *Приказомъ воинскихъ морскихъ дѣлъ*, который былъ учрежденъ еще въ 1698 году (декабря 11).

Окончаніе расчетовъ съ кумпанствами.

Одною изъ важныхъ задачъ, предстоявшихъ новому адмиралтейцу, было приведеніе въ порядокъ страшной запутанности по кумпанскимъ работамъ. Перессорившіяся между собою кумпанства судились одно съ другимъ и вообще были чрезвычайно неисправны въ исполненіи наложенныхъ на нихъ правительствомъ

[1]) Въ Москов. арх. Минист. Иностр. дѣл. «Записка о керченскомъ походѣ 1699 года» (Турец. дѣла 1699 г. № 9. св. 17), «Отписка Украинцева о пребываніи въ Керчи и объ отправленіи изъ Керчи въ Константинополь 1699 г.» и переводъ цифирнаго письма Украинцева къ государю (Тур. дѣла 7207 г. св. 24, Б). Напечатаны въ II томѣ приложеній къ Азов. пер. стр. 429—456.

обязанностей по строенію кораблей. Апраксинъ, при всемъ стараніи, не могъ снабдить флотъ всѣмъ нужнымъ для плаванія, и въ іюлѣ (1700 г.) замѣчалъ въ донесеніи Головину: «а понадобились бы корабли въ скорости, великое бы бѣдство надъ собою починили». Въ примѣръ неисправности кумпанствъ онъ приводилъ корабль *Три рюмки*, кумпанства боярина Стрешнева, въ которомъ находился и самъ адмиралъ Головинъ: «Корабль таковъ припасенъ, писалъ адмиралтейцъ, что ничего нѣтъ, да и отступились отъ него наши кумпанщики, денегъ ничего не шлютъ, и первыя и послѣднія веревки даю донынѣ изъ казны; такожде блокъ, юнферовъ единаго нѣтъ». Много неисправностей было и въ другихъ кумпанствахъ; но при этомъ встрѣчались, хотя немногія, и противоположныя явленія, выражавшія сочувствіе къ создаваемому флоту; такъ напр. именитый человѣкъ Строгоновъ, кромѣ назначенныхъ на его долю двухъ кораблей, выстроилъ одинъ лишній; а воронежскій епископъ Митрофаній на жалованье «ратнымъ людямъ морскаго флота» внесъ изъ своей домовой казны 4000 рублей [1]).

Чтобы покончить затруднительныя хлопоты съ кумпанствами, указомъ (20 апрѣля 1700 года) дозволено при пріемѣ кумпанскихъ судовъ въ адмиралтейскій приказъ, вмѣсто неизготовленныхъ припасовъ принимать по оцѣнкѣ деньгами. Тѣмъ же указомъ опредѣлена постоянная сумма на содержаніе судовъ [2]). По приближенному расчету, въ продолженіе трехъ лѣтъ съ 1697 по 1700 г., на флотъ употреблено кумпанствами и «полтиннаго» сбора — до $1^1/_4$ милліона рублей, не считая лѣсовъ, цѣнности перевозки и другихъ работъ, исполняемыхъ крестьянами. На будущее время на содержаніе флота опредѣлено ежегодно брать съ каждаго двора, принадлежавшаго свѣтскому владѣльцу, по 3 алт. и 3 деньги, а духовному — по 4 алт. съ деньгою. Это составляло, съ 10 тысячъ дворовъ свѣтскихъ владѣльцевъ и съ 8 тысячъ духовныхъ, по 1000 рублей. Съ гостинныхъ кумпанствъ и съ именитаго человѣка Строгонова положено съ каждаго корабля брать по 1000 рублей. Съ тѣхъ же кто платилъ *полтинныя* деньги, назначено съ двора по 3 алтына и по 2 деньги въ годъ. Средства на содержаніе флота.

---

[1]) Елагинъ. Азов. пер. стр. 154.

[2]) Главн. морск. арх. (Дѣл. воинскаго морскаго приказа. № 11).

Но одного этого налога, составлявшаго ежегодно около 83,000 руб., было недостаточно для содержанія флота, потому что, не считая другихъ расходовъ, на одинъ личный составъ адмиралтейства выходило въ годъ 50,982 рубля и на строевыхъ чиновъ 28.539 рублей. Для увеличенія средствъ на содержаніе флота учрежденъ былъ (7 мая 1701 г.) въ Москвѣ новый монетный дворъ и отданъ подъ вѣдѣніе воинскаго морскаго приказа. Главнѣйшею доходною статьею монетнаго двора была перечеканка иностранныхъ серебряныхъ ефимковъ въ русскую монету, сравнительно меньшей стоимости противъ номинальной ея цѣны. Впослѣдствіи, при недостаточномъ количествѣ иностранной серебряной монеты, для пріобрѣтенія ея, приказано было въ нѣсколькихъ уѣздахъ съ каждаго двора, взамѣнъ корабельнаго сбора, представлять извѣстное количество пеньки (по 20 и по 30 фунтовъ), которая, кромѣ употребленія въ адмиралтействахъ, шла въ продажу за границу, а вырученные за нее ефимки перечеканивались въ русскія деньги. Этотъ монетный дворъ (дѣлавшій также и мѣдныя деньги) находился въ морскомъ вѣдомствѣ до исхода 1711 года. Чтобы судить о степени поддержки, доставлявшейся флоту такимъ учрежденіемъ, замѣтимъ, что въ послѣдніе, менѣе доходные, годы монетный дворъ доставлялъ морскому вѣдомству чистой прибыли слишкомъ 120.000 рублей въ годъ [1]).

Кромѣ денегъ адмиралтейство нуждалось нерѣдко и въ рабочихъ. Валовой нарядъ изъ разныхъ мѣстностей приводилъ къ значительной перепискѣ и, при большомъ количествѣ бѣглыхъ, никогда не давалъ требуемаго числа работниковъ. Для устраненія подобнаго затрудненія велѣно было (1701 г. марта 21 и іюля 27) отписать изъ «разряда» въ адмиралтейское вѣдѣніе одинадцать городовъ бѣлогородскаго полка, которые могли выставить до 27,000 рабочихъ [2]). Не малую заботу представляли и корабельные лѣса. Мѣста первоначально (въ 1697 г.) отведенныя для порубки, уже были истощены, и въ 1700 году необходимость заставила описать лѣса для строенія кораблей въ нѣсколькихъ уѣздахъ къ югу отъ Воронежа и въ уѣздѣ Тамбовскомъ. Охраненіе лѣсовъ, лежавшее также на обя-

---

[1]) Елаг. Азовск. пер. стр. 158—161.

[2]) Тамъ же, стр. 154—5.

запности адмиралтейства, было крайне затруднительно. Крестьянамъ, пользовавшимся до сихъ поръ свободно лѣсами, теперь, подъ опасеніемъ огромнаго штрафа (5 рублей за годное дерево), запрещалось не только рубить строевой лѣсъ, но въ иныхъ мѣстахъ, по непониманію закона или желанію взятокъ, ближайшіе начальники не давали рубить и дровянаго. Неизбѣжныя порубки вели къ розыскамъ, при которыхъ непослѣднюю роль долженъ былъ играть и «заплечный мастеръ (палачъ)», вошедшій въ 1700 году въ число штатныхъ «мастеровъ» адмиралтейства. За порубку лѣса виновные, по выдержаніи тѣлеснаго наказанія, ссылались на жительство въ Азовъ, а иногда присуждались и къ смертной казни [1].

Мастера-иноземцы.

Послѣ заграничнаго путешествія государя, въ личномъ составѣ морскаго вѣдомства произошла значительная перемѣна. По сдѣланному «разбору», въ теченіе 1699—1701 года большая часть иностранныхъ судостроителей, разныхъ мастеровъ, морскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ перваго вызова (всего до 600 человѣкъ) были уволены и замѣнены новыми, въ числѣ которыхъ находился вызванный изъ Англіи замѣчательный корабельный мастеръ Козенцъ. Но вообще, мастеровъ было недостаточно: голландцевъ избѣгали, а англичане, вслѣдствіе дурныхъ слуховъ распущенныхъ о Россіи, боялись вступать въ нашу службу [2]).

Численность флота.

Въ мартѣ 1700 г., ко времени прибытія вновь назначеннаго адмиралтейца Апраксина, всѣ кумпанскія суда, за исключеніемъ двухъ, были готовы. Изъ нихъ въ Воронежѣ стояли на водѣ 15 кораблей и 6 бомбардирскихъ судовъ, на стапеляхъ 14 галеръ и въ Ступинѣ (также на стапеляхъ)—10 кораблей. Кромѣ того на воронежскихъ эллингахъ стояли еще 11 кораблей, строившихся на счетъ казны.

Спускъ «Предестинаціи».

Царь прибывшій въ Воронежъ въ исходѣ февраля, 27 апрѣля съ большимъ торжествомъ спустилъ построенный имъ самимъ 60-ти пушечный корабль *Предестинацію* (называвшійся также *Гото—Предестинація* и *Божіе Предвѣденіе*). Для празднованія этого спуска прибыли нарочно изъ Москвы царевичъ Алексѣй Петровичъ, царевна Наталія Алексѣевна, многіе бояре и иностранцы

---

[1]) Елагинъ. Азов. пер. стр. 156—8.

[2]) Тамъ же, стр. 149 и 199.

съ женами. Царь передъ отъѣздомъ въ Москву успѣлъ поставить на кораблѣ мачты и нѣсколько орудій. Корабль вышелъ дѣйствительно хорошимъ. Ѳ. А. Головинъ въ письмѣ къ гетману Мазепѣ отзывался объ немъ, «что онъ есть изряднаго, ей, художества, наипаче что зѣло размѣромъ добрымъ состроенный, что съ не малымъ удивленіемъ отъ англійскихъ и голландскихъ есть мастеровъ, которые уже отъ многихъ лѣтъ сіе искусство употребляютъ» [1]. Голландскій резидентъ (Фанъ-деръ-Гульстъ) въ своемъ, конечно уже болѣе безпристрастномъ, донесеніи правительству, замѣчаетъ объ этомъ кораблѣ, что онъ весьма красивъ, построенъ самимъ царемъ съ русскими работниками, безъ содѣйствія иностранныхъ мастеровъ [2]. Бывшій учитель Петра, Класъ Поль, которому царь послалъ гравированное изображеніе *Предестинаціи*, также отозвался объ немъ съ похвалою, замѣтивъ, что «зѣло есть тотъ корабль изряденъ пропорціею» (Рисунокъ литера Д). За исключеніемъ *Предестинаціи*, изъ числа всѣхъ остальныхъ кораблей, голландскій резидентъ находилъ только четыре или пять во всемъ исправныхъ; о другихъ же корабляхъ отзывался, что они «немного стоятъ», и затѣмъ остальныя парусныя суда считалъ годными лишь на дрова или для потѣшныхъ огней, въ торжественныхъ случаяхъ [3]. Впрочемъ, сохранилось повелѣніе и самаго царя о томъ, чтобы оставить для исправленія на стапеляхъ два корабля «за зѣло худою крѣпостію, при не зѣло доброй пропорціи» [4].

Работы въ Воронежѣ и Азовѣ.

Въ томъ же (1700) году мастеръ Най заложилъ еще три корабля: одинъ 58-ти и два 60-ти пушечные. Кромѣ этого оканчивалась передѣлка семи кораблей, заложенныхъ Протасьевымъ; кумпанскія суда килевались и конопатились; по принятіи ихъ въ казну онѣ поступили въ завѣдываніе Крюйса и Реза. Для исправленія судовъ, находившихся въ Азовѣ, посланы были 3 мастера съ 50-ю плотниками и въ декабрѣ мѣсяцѣ (1700 г.) капитанъ Бекгамъ доносилъ царю: «тотъ флотъ я къ мѣсту поставилъ и на бокъ валялъ

---

[1]) Елагинъ. Азов. пер. стр. 162 и 163.

[2]) Тамъ же, приложеніе IV. № 38.

[3]) Резидентъ называетъ этотъ корабль «Явленіе Петра« (Petrus Verschyningh), чему соотвѣтствовала и кормовая картина *Предестинаціи*.

[4]) Елагинъ. Азов. пер. стр. 166.

и вычистилъ, такъ что несрамно объявить цѣлому свѣту» [1]). Въ эту же зиму въ Воронежѣ строили магазины, шлюпочные сараи, пильныя мельницы, избы для помѣщенія офицеровъ и мастеровъ, дома для царя, Головина, Апраксина и бояръ, пріѣзжавшихъ съ царемъ.

Перемиріе съ Турціей.

Между тѣмъ Украинцеву удалось (3 іюля 1700 г.) заключить съ Турціей перемиріе на 30 лѣтъ, по которому мы удерживали за собою Азовъ и всѣ принадлежавшіе къ нему старые и новые города съ частію земли на Кубанской сторонѣ; но при этомъ положено разорить занимаемые русскими на Днѣпрѣ города Тавань, Кази-Кермень и др. и запретить «своевольнымъ казакамъ выходить съ чайками (челнами) и съ суды водяными въ Черное море». Но о свободномъ плаваніи русскимъ кораблямъ по Черному и Средиземному морямъ въ трактатѣ не было и упомянуто, слѣдовательно самый важный для царя вопросъ, послужившій поводомъ къ созданію флота, остался нерѣшеннымъ. Не ограничиваясь отказомъ, турки готовились въ случаѣ нужды и силою запереть русскихъ въ Азовскомъ морѣ. Съ этою цѣлію они начали сильно укрѣплять Керченскій проливъ и впослѣдствіи добивались уничтоженія, находившейся на Днѣпрѣ, крѣпости «Каменнаго затона», самаго Таганрога и упраздненія кораблестроенія въ Воронежѣ, какъ противнаго смыслу трактата. Даже торговыхъ судовъ, отправляемыхъ царемъ, турки не пропускали въ Черное море. Но не смотря на всѣ невыгодныя стороны перемирія съ Турціей, заключеніе его въ настоящій моментъ было необходимо для Россіи, начинавшей борьбу съ другимъ стариннымъ своимъ врагомъ на сѣверѣ.

Объявленіе войны Швеціи.

Въ 1699 году политическія обстоятельства сложились такимъ благопріятнымъ образомъ для Россіи, что ей представлялась возможность отнять у шведовъ древнія свои владѣнія на берегу Финскаго залива и открыть черезъ Балтійское море свободное морское сообщеніе съ Европою. Частные интересы Польши, Даніи и Россіи соединили ихъ въ союзъ противъ Швеціи: Польша желала пріобрѣсти Ливонію, Данія—герцогство Голштинское, Россія—Ингрію и Карелію. Данія и Польша, начавшія военныя дѣйствія весною 1700 года, просили скорѣйшаго содѣйствія со стороны Россіи; по-

[1]) Елагинъ. Азов. пер. стр. 168.

этому Петръ, отпраздновавъ торжественно замиреніе съ Турціею, на другой же день, то есть 19 августа, объявилъ войну Швеціи.

Впродолженіе шведской войны главное развитіе морскихъ силъ Россіи перешло на сѣверъ, и азовскій флотъ хотя продолжалъ свое существованіе и даже имѣлъ временные порывы сильной дѣятельности, возбуждавшіеся ходомъ событій; но первенствующее значеніе его уже кончилось. Исключительныя заботы царя и почти всѣ наличныя средства направились на созданіе флота въ Балтикѣ, съ развитіемъ котораго азовскій постепенно падалъ, уничтожался и незамѣтно окончилъ свое существованіе.

Чтобы не возвращаться впослѣдствіи къ азовскому флоту, скажемъ теперь о состояніи и дѣйствіяхъ его до времени возвращенія туркамъ устьевъ Дона въ 1712 году.

Азовскій флотъ съ 1701 по 1712 годъ.

Съ началомъ шведской войны бо̀льшая или мѐньшая дѣятельность азовскаго флота зависѣла главнѣйше отъ степени увѣренности царя въ мирномъ настроеніи Турціи и отъ хода военныхъ дѣйствій со шведами. Поэтому впродолженіе разсматриваемаго нами періода (съ 1701—1712 г.) работа на верфяхъ и движеніе судовъ происходили на Дону иногда съ усиленной лихорадочною дѣятельностію, а иногда до того затихали, что едва подавали признаки жизни. Почти къ каждой веснѣ флотъ спѣшилъ приготовляться къ выходу въ море и никогда не выходилъ въ сколько-нибудь значительномъ числѣ судовъ. По большей части своевременному выходу мѣшала трудность мелководнаго сообщенія или недостатокъ рабочихъ. При подобныхъ обстоятельствахъ иногда ко времени дѣйствительнаго выхода исчезала и самая причина, заставлявшая торопиться. Большія затрудненія представляла также и непрочность судовъ, начинавшихъ черезъ два-три года по спускѣ приходить въ негодность и требовать исправленій, которыя были нелегче новой постройки. Царь, не смотря на войну, успѣвалъ являться на Донъ, проживалъ здѣсь недѣли и мѣсяцы, старался направить дѣла къ лучшему и возбуждалъ весь край къ усиленной временной дѣятельности.

Петръ въ Воронежѣ (1701 г.).

Неувѣренный въ истинныхъ намѣреніяхъ Турціи, Петръ къ веснѣ 1701 года желалъ имѣть азовскій флотъ въ готовности и, прибывъ въ мартѣ въ Воронежъ, провелъ въ немъ около трехъ мѣсяцевъ. Осматривая съ корабельными мастерами на воронежскихъ

верфяхъ кумпанскіе корабли, царь нашелъ только двѣнадцать изъ нихъ годными по исправленіи носить орудія, а девять рѣшилъ обратить въ провіантскія суда. Десять кораблей, строенныхъ на Ступинѣ, оказались также не въ очень удовлетворительномъ состояніи.

Мелководіе рѣки Воронежа до того затрудняло ходъ дѣла, что изъ числа кораблей назначенныхъ къ спуску пять должны были остаться на стапеляхъ только потому, что передъ самыми эллингами образовались песчаные перекаты. Подобныя затрудненія заставили избрать для постройки кораблей другое мѣсто, находящееся при впаденіи Воронежа въ Донъ и потому названное «Устьемъ». Здѣсь впослѣдствіи шлюзнымъ мастеромъ Перри, завѣдывавшимъ работами по устройству канала между Волгою и Дономъ, сдѣланы были шлюзы, съ помощію которыхъ предполагалось выводить на берегъ большія суда и по исправленіи спускать ихъ снова въ воду [1]).

Укрѣпленіе Азова и Таганрога.

По отъѣздѣ царя флотъ спѣшили вооружать и приводить въ боевой порядокъ. Апраксинъ вмѣстѣ съ Крюйсомъ отправились въ Азовъ и Таганрогъ, для осмотра работъ и усиленія средствъ защиты этихъ важныхъ мѣстъ. Таганрогская гавань приведена въ такое состояніе, что въ ней могли помѣститься на зимовку 10 кораблей, 2 галеры и яхта. Гавань составляла три стороны прямоугольника (рисунокъ литера Е), изъ которыхъ длинная сторона, параллельная общему направленію берега, имѣла протяженіе около версты, а короткія—около 200 саженъ. На длинной сторонѣ и на одной изъ короткихъ были сдѣланы хорошо защищенныя ворота. Стѣны гавани состояли изъ деревянныхъ ящиковъ, нагруженныхъ камнями. На стѣнахъ и близъ лежащихъ укрѣпленіяхъ поставлено было около 300 орудій; въ 742 саженяхъ къ югу отъ гавани, на островкѣ, находилось отдѣльное укрѣпленіе.

Лѣтомъ (1701 г.) распространились тревожные слухи о воинственномъ настроеніи Турціи, и по поводу ихъ государь писалъ Апраксину: «самъ ваша милость свѣдомы каковъ туркамъ Таганрогъ, а подъ нынѣшній часъ и пуще» [2]). Работамъ въ Воронежѣ много мѣшала повальная болѣзнь, поразившая большую часть морскихъ офицеровъ, мастеровъ и рабочихъ; «куда не поѣдешь, вездѣ

[1]) Елагинъ. Азовск. пер. стр. 170, 183—4.

[2]) Тамъ же, стр. 180 и 174.

мостомъ лежатъ» доносилъ Апраксину, въ августѣ мѣсяцѣ, помощникъ его Игнатьевъ. Эта болѣзнь дѣлала большую помѣху въ приготовленіи къ веснѣ кораблей, назначенныхъ для проводки въ Азовъ, и Игнатьевъ доносилъ: «нынѣ того исполнить никакими дѣлы не можно, для того, что капитаны и командиры и поручики волею Божіею чуть не всѣ лежатъ больны». Но всѣ эти труды были напрасны, и впослѣдствіи самое приготовленіе флота оказалось ненужнымъ: тревожные слухи о войнѣ съ Турціей замолкли и въ Азовъ были отправлены только два корабля и яхта.

Плаваніе флота (1702 года).

Въ апрѣлѣ 1702 года, пользуясь половодьемъ, начали выводить и другія суда изъ Воронежа къ Дону, но проводъ ихъ рѣкою Воронежемъ, отъ песчаныхъ наносовъ, образованныхъ быстрымъ теченіемъ во время разлива, былъ, какъ писалъ Апраксинъ Головину, «зѣло труденъ» и суда «провели съ великимъ бѣдствіемъ и съ тугою». Въ половинѣ іюня (1702 г.) Апраксинъ прибылъ въ Азовъ, гдѣ были вооружены галеры и три корабля, изъ которыхъ одному (*Благое начало*) предстояло, по повелѣнію царя, сдѣлать торговую попытку—идти съ товарами въ Керчь; другіе же два корабля и галеры ходили въ крейсерство въ Азовскомъ морѣ, между Долгою и Бѣлосарайскою косами. На одномъ изъ кораблей самъ Апраксинъ плавалъ три недѣли, вѣроятно исполняя порученное ему изслѣдованіе этого моря у Долгой и Кривой косы и, вообще, у сѣвернаго берега къ западу отъ Міуса. Торговая же попытка не удалась: турки приняли русскихъ вѣжливо, но торговать не позволили, и корабль въ августѣ возвратился въ Азовъ [1]).

Кромѣ продолженія работъ на верфяхъ, начали заграждать всѣ устья Дона, оставивъ свободнымъ только болѣе глубокое изъ нихъ, именно Кривую Кутюрьму. Для защиты входа по обѣимъ сторонамъ фарватера построили шанцы, на которыхъ были сдѣланы маяки. Въ февралѣ 1703 года царь провелъ въ Воронежѣ нѣсколько недѣль, заложилъ новые корабли, прибавилъ болѣе 1000 плотниковъ, вытребованныхъ съ приволжскихъ уѣздовъ, и приказалъ готовить по крайней мѣрѣ 25 кораблей. Но непрекратившаяся еще болѣзнь увеличилась съ приходомъ новыхъ людей и значительно мѣшала дѣлу. «Мнѣ не безъ печали слышать о такомъ Божіемъ гнѣвѣ уже

---

[1]) Елагинъ. Азовск. пер. стр. 176, 178 и прилож.. VII. № 10.

третій годъ, писалъ царь, но буди въ томъ воля, кто всѣмъ владѣетъ». Не смотря на всѣ усиленныя, почти непрерывныя работы, по свидѣтельству англійскаго посла, лѣтомъ 1705 года, флотъ хотя имѣлъ отъ 30 до 40 разныхъ судовъ, но они находились въ такомъ состояніи, что даже двѣнадцать лучшихъ изъ нихъ были годны болѣе для показа, чѣмъ для службы, а остальныя никуда не годились [1]). Главными причинами подобнаго состоянія флота былъ сырой лѣсъ употребленный на постройку судовъ, открытые эллинги и мелководіе рѣкъ. Въ 1705 году Петръ также посѣтилъ Воронежъ, спустилъ, въ самое Свѣтлое Воскресенье, корабль *Стар гйдубъ* и при себѣ поставилъ его на камели; отыскивалъ мѣста для новой верфи и т. п. Царь выѣхалъ изъ Воронежа 19 апрѣля [2]). Значительныя работы, предпринятыя инженеромъ Перри, для искуственнаго поднятія воды близъ Воронежа, не дали ожидаемыхъ результатовъ; 80-ти пушечные корабли проводить было невозможно, и потому весною 1705 года избрано новое мѣсто для адмиралтейства, именно при рѣкѣ Тавровкѣ, впадающей въ р. Воронежъ въ трехъ верстахъ выше устья. Здѣсь начали рыть пять доковъ, подвозить лѣсъ, возводить укрѣпленія и въ 1707 году заложили четыре 80-ти пушечные корабля. Къ веснѣ 1706 года, государь, вѣроятно вслѣдствіе политическихъ причинъ, приказалъ готовить сильный флотъ (20 кораблей, 7 бомбардирскихъ и 3 брандера); но потомъ это распоряженіе было отмѣнено и въ то же лѣто приказано было у всѣхъ неспущенныхъ на воду судовъ выбрать конопать и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снять наружную и внутреннюю обшивки, для того, чтобы свободный притокъ воздуха предохранялъ корабельные члены отъ гнилости [3]). Съ усиленіемъ адмиралтейской дѣятельности въ Воронежѣ, возрастала потребность въ рабочихъ силахъ, поэтому въ 1705 году къ приписаннымъ къ адмиралтейству городамъ (стр. 126) было прибавлено 5 городовъ, а въ 1708 году, съ раздѣленіемъ Россіи на губерніи, въ адмиралтейское вѣдомство поступило еще девять, что съ прежними составило 25 городовъ съ 122 тысячами жителей.

Тавровское адмиралтейство.

---

[1]) Елагинъ. Азовск. пер. стр. 184—187.

[2]) С.-Петербургскій архивъ правительствующаго Сената. Опись № 1.

[3]) Елагинъ. Азовск. пер. стр. 215—217.

Въ томъ же (1708) году неожиданное событіе потревожило спокойствіе края: возмущеніе, поднятое казацкимъ атаманомъ Булавинымъ, въ началѣ угрожало Воронежу; но потомъ мятежники направились на Азовъ, при осадѣ котораго Булавинъ убитъ и шайка его разсѣялась. Спасенію Азова не мало пособило дѣйствіе артиллеріи стоявшихъ тамъ судовъ. Вступленіе Карла XII въ Украйну, въ 1709 году, представляло уже болѣе серьезную опасность для флота. Царь, прибывшій въ февралѣ мѣсяцѣ въ Воронежъ, приказалъ негодныя суда разломать, прочія, стоявшія на элингахъ, проконопатить, наложить снятую для провѣтриванія набора обшивку и вообще исправить настолько, чтобы ихъ можно было провести въ Тавровъ, для его защиты; туда же начали перевозить изъ Воронежа и жилыя строенія. Въ Азовъ послалъ царь два корабля, и (4-го апрѣля) отправился туда самъ съ нѣсколькими скампавеями

Царь въ Воронежѣ и Азовѣ (1709 г.).

Выборъ новыхъ верфей.

Опытъ многихъ лѣтъ показалъ Петру всю несостоятельность настоящаго положенія кораблестроенія въ воронежскомъ краѣ. Не смотря на непомѣрные труды, огромные расходы, потерю людей и положительное истощеніе края, азовскій флотъ находился въ весьма неудовлетворительномъ состояніи и никогда не имѣлъ возможности въ необходимый моментъ явиться въ морѣ достаточно сильнымъ. Между тѣмъ, по собственноручнымъ замѣткамъ царя, сдѣланнымъ на одномъ спискѣ судовъ турецкаго флота, видно что Петръ, еще въ 1704 году, мечталъ о возможности уравнять свой флотъ съ турецкимъ, какъ въ числѣ, такъ и въ силѣ кораблей. Мелководіе Воронежа и самаго Дона дѣлали необходимымъ избраніе новыхъ мѣстъ для строенія судовъ. Рѣшено было корабли до 48-пушечнаго ранга строить при устьѣ рѣки Осереды, впадающей въ Донъ, гораздо ниже Воронежа; а корабли высшихъ ранговъ въ Таганрогѣ. Осмотрѣвъ послѣдній, Петръ писалъ Меншикову: «Сіе мѣсто, которое передъ десятью лѣтами пустое видѣли, нынѣ съ помощію Божіей изрядный городъ купно съ гаванью обрѣли, и хотя гдѣ долго хозяинъ не былъ и не все исправно, однако есть что смотрѣть». — Одною изъ важныхъ невыгодъ было то обстоятельство, что таганрогская гавань, не смотря на двѣнадцатилѣтнія работы, и теперь оставалась при той глубинѣ (не превышавшей десяти футъ), которую она имѣла первоначально. Но кромѣ углубленія гавани, «за малолюдствомъ и позднимъ приходомъ» рабочихъ, много другихъ

дѣлъ было неисполнено, какъ напр. починка плотинъ въ донскихъ устьяхъ и нѣкоторыя другія работы. «Зѣло жаль, писалъ Петръ Апраксину, оставшемуся въ Воронежѣ, что сіе мѣсто по сіе время въ разныхъ рукахъ было», и, для большаго единства дѣйствій при защитѣ края, царь приказалъ передать Азовъ и Таганрогъ со всѣми мѣстными крѣпостями въ вѣдѣніе адмиралтейскаго приказа.

Такъ какъ семи футовой баръ въ устьяхъ Дона даже прежніе, мелкосидящіе корабли могли проходить только при высокой водѣ, нагоняемой юго-западнымъ вѣтромъ, то о постройкѣ на Дону кораблей большихъ ранговъ нельзя было и думать. На берегу же Азовскаго моря не находилось мѣста болѣе удобнаго чѣмъ Таганрогъ. Это обстоятельство привело царя къ чрезвычайно смѣлой мысли: строить на берегу гавани въ Таганрогѣ большіе линейные корабли; по спускѣ ставить ихъ на камели, на которыхъ вооружать, нагружать и выводить въ море, на достаточную глубину. Если это оказалось бы удобнымъ, тогда царь полагалъ приступить къ переноскѣ адмиралтействъ тавровскаго — въ Таганрогъ, а воронежскаго—въ Осереду, гдѣ должны были строиться корабли 48 пушечнаго ранга; но въ ожиданіи этой перемѣны, въ Воронежѣ и Тавровѣ приказано было заложить по двѣ шнявы и кромѣ того близъ Таврова—четыре вновь проектированныхъ 48-пуш. корабля. Три изъ нихъ предполагались въ 120 ф. длины, 35 ширины и 13 глубины; четвертый, при 10 ф. углубленія, долженъ былъ имѣть одну открытую батарею, вооруженную полукартаулами. Ветхіе корабли въ Азовѣ и Таганрогѣ велѣно было сломать, оставивъ только корабль *Крѣпость*, въ память плаванія его въ Константинополь. Работы на Воронежѣ.

Отправясь къ арміи за мѣсяцъ до полтавской битвы, царь и среди боевой тревоги не забывалъ своего флота и прислалъ изъ арміи съ Скляевымъ, въ числѣ другихъ распоряженій, чертежъ доковъ и укрѣпленій на Осередѣ, куда для работъ назначили 3.000 плѣнныхъ шведовъ. Съ наступленіемъ 1710 года, во всемъ краѣ, усилилась морская дѣятельность. Въ Бѣлоколодскѣ (сѣвернѣе Воронежа) строилось 35 парусныхъ лодокъ, въ Азовѣ и Тавровѣ ломали сгнившія и чинили болѣе годныя суда, въ послѣднемъ заложили даже четыре новыхъ 48 пушечныхъ корабля. Въ Таганрогѣ углубляли гавань и туда велѣно было сплавить изготовленные члены шести 60-ти пушечныхъ кораблей.

Прїѣздъ турецкаго повѣреннаго.

Распространившіеся слухи объ усиленной постройкѣ кораблей встревожили турецкое правительство. Русскій посолъ въ Константинополѣ, Толстой, знакомый хорошо со всѣмъ, что происходило въ Азовѣ и Таганрогѣ, увѣрялъ, что тамъ не только не строятъ новыхъ, а напротивъ ломаютъ старыя суда, и для удостовѣренія предложилъ туркамъ послать на мѣсто довѣренное лицо. Дѣйствительно, 1 сентября турецкій соглядатай прибылъ на двухъ галерахъ въ Таганрогъ, осмотрѣлъ какъ его, такъ и Азовъ и подтвердилъ слова Толстаго. Дѣло въ томъ, что осмотромъ распоряжался азовскій губернаторъ Толстой, родной братъ посла, и такъ искусно умѣлъ расположить маршрутъ турка, что тотъ ничего и не могъ увидѣть, кромѣ разломки старыхъ судовъ. Но эта хитрость помогла не надолго: паденіе великаго визиря и происки шведскаго короля привели къ новой войнѣ съ Турціею, которая и была объявлена въ ноябрѣ 1710 года. Одною изъ существенныхъ причинъ враждебнаго настроенія Турціи была указанная ей Карломъ опасность отъ утвержденія Россіи въ устьяхъ Днѣпра и на Азовскомъ морѣ, а также и дѣятельное судостроеніе на Дону [1]).

Объявленіе войны Турціи (1710).

Главная дѣйствующая армія двинулась къ Дунаю подъ начальствомъ Шереметева, а оборона всего азовскаго края поручена была Апраксину. Царь разрѣшалъ ему наступающей весной дѣйствовать «водою и сухимъ путемъ, какъ говорено и какъ Богъ вразумитъ». Кромѣ сухопутнаго войска, присланнаго на защиту края, въ Воронежъ, для снаряженія флота, пріѣхалъ изъ Петербурга вице-адмиралъ Крюйсъ, разставшійся съ этимъ краемъ въ 1702 году; съ Крюйсомъ прибыло нѣсколько хорошихъ капитановъ, въ числѣ которыхъ были: Шельтингъ, Бредаль и Берингъ, личности, впослѣдствіи заслужившія извѣстность. По недостатку матросовъ двѣ трети судовыхъ экипажей были добавлены солдатами. Въ Бѣлоколодскѣ велѣно было къ строившимся 35-ти казачьимъ лодкамъ прибавить еще 50. Флотъ предполагалось вывести въ море въ числѣ до 30 вымпеловъ, но на дѣлѣ оказалось въ Азовѣ только небольшое число годныхъ судовъ, къ которымъ могли подойти изъ Таврова два старые корабля съ ненастланными верхними палубами, двѣ шнявы и шесть скампавей. Причиною

Вооруженіе флота.

---

[1]) Елагинъ. Азов. пер. стр. 220—228.

такой печальной неисправности флота, была необыкновенно малая весенняя вода 1711 года, по причинѣ которой въ Тавровѣ остались на сушѣ шесть кораблей совершенно готовыхъ къ отправленію въ Азовъ. Такимъ образомъ въ настоящемъ случаѣ флотъ, къ большому горю Апраксина, дѣлался почти безполезнымъ. Хотя въ первое время по полученіи извѣстія о такой неудачѣ Петръ и винилъ Апраксина, но это не имѣло для адмирала дальнѣйшихъ дурныхъ послѣдствій и расположеніе царя къ нему не измѣнилось. Крюйсъ предвидѣлъ однакожъ ранѣе возможность подобной катастрофы и, отправляясь въ Воронежъ, представилъ царю «меморію» о неудобствѣ имѣть на Азовскомъ морѣ глубокосидящіе корабли и объ опасности проводки ихъ на камеляхъ въ случаѣ нападенія непріятеля. По его мнѣнію необходимо было возвратиться къ прежнимъ плоскодоннымъ судамъ, имѣвшимъ не болѣе 50 пушекъ и сидѣвшимъ въ водѣ не болѣе 12½ футъ. Царь утвердилъ постройку шести такихъ кораблей, кромѣ того двухъ шнявъ и 10 провіантскихъ судовъ, и велѣлъ строившіеся въ Тавровѣ 80-ти пушечные корабли разобрать и годные члены ихъ обратить на строеніе новыхъ [1]).

Торопясь кончить заложенные корабли къ веснѣ слѣдующаго года искали повсюду мастеровъ, въ которыхъ былъ большой недостатокъ. Не имѣя возможности отдѣлить мастеровъ изъ Балтики, гдѣ было много своей работы, государь приказалъ немедленно нанять ихъ для Воронежа въ сѣверной Германіи. Необходимость была такъ настоятельна, что двухъ эльбинскихъ мастеровъ и четырехъ подмастерьевъ насильно увезли изъ Риги и одного мастера вытребовали изъ Архангельска. Но какъ недоставало также и простыхъ рабочихъ, то Апраксинъ просилъ сенатъ о прибавкѣ 1400 человѣкъ плотниковъ.

Хотя сначала предполагалось отправить Крюйса, съ небольшою эскадрою изъ кораблей и мелкихъ судовъ, въ крейсерство между кубанскимъ и крымскимъ берегами, для наблюденія за непріятелемъ и разоренія береговъ казацкими отрядами, посылаемыми на лодкахъ, подъ прикрытіемъ мелкихъ судовъ; но по малочисленности флота и позднему его изготовленію, это предположеніе не Кампанія 1711 года.

---

[1]) Елагинъ. Азов. пер. стр. 231—234.

состоялось, и въ крейсерство ходили только двѣ бригантины, которыя должны были наблюдать за непріятелемъ и давать знать объ его приближеніи. Апраксинъ находился въ Таганрогѣ, въ гавани котораго стояла эскадра Крюйса, состоявшая изъ четырехъ кораблей, трехъ шнявъ, двухъ бригантинъ, двухъ галеръ, тартаны и около сотни казачьихъ лодокъ. Явившійся въ морѣ, въ началѣ іюля, турецкій флотъ, изъ 18 кораблей, 14 галеръ и большаго числа мелкихъ судовъ, долго не предпринималъ ничего рѣшительнаго и только 22 іюля высадилъ десантъ въ четырехъ миляхъ отъ таганрогской гавани. Высланные къ мѣсту высадки полторы тысячи казаковъ и два баталіона пѣхоты съ 4-мя орудіями прогнали турокъ на гребныя суда. Послѣ такой неудачи непріятельскій флотъ отошелъ отъ берега, а черезъ два дня и совсѣмъ скрылся [1]).

Миръ съ Турціею (1711).

Вскорѣ пришло въ Таганрогъ извѣстіе о заключеніи мира, а 1-го августа полученъ и царскій указъ, писанный у Прута 12 іюля и бывшій смертнымъ приговоромъ азовскому флоту. «Понеже, писалъ царь Апраксину, не допуская мы дальняго кровопролитія между войсками нашими и турецкими, согласились черезъ сіятельнѣйшаго визиря Магметъ-пашу съ Его Султанскимъ Величествомъ вѣчный миръ учинить; для довольства въономъ миру городъ Азовъ съ ихъ землями, которыя въ вышерѣченной области взяты въ прошлой войнѣ, отдать, новопостроенные разорить, что повелѣваемъ вамъ учинить по силѣ учиненнаго трактата» [2]).

Сдача Азова и уничтоженіе флота (1712).

Въ началѣ 1712 года русскіе очистили Азовъ и взорвали таганрогскую крѣпость, а гарнизоны перевели въ укрѣпленіе, построенное въ двухъ верстахъ выше Черкаска, въ которомъ сдѣланъ былъ также складъ для казеннаго имущества, вывозившагося изъ разоренныхъ городовъ. Жители Таганрога и Азова переведены на Осереду, гдѣ образовался городъ, названный впослѣдствіи (1715 г.) Павловскомъ. Изъ судовъ находившихся въ Азовѣ и Таганрогѣ три корабля и 20 мелкихъ судовъ отвели къ Черкаску, корабль *Шпагу* по ветхости сожгли, а корабли *Предестинація* и *Ластка*, шнявы *Мункеръ* и *Лизетъ* сначала думали провести вокругъ

---

[1]) Елагинъ. Азов. пер. стр. 234—237.

[2]) Голиковъ. Дѣян. Петр. Велик. XII, стр. 356. Елагинъ. Азов. пер. стр. 238.

Европы въ Балтику; но когда турки отказали въ пропускѣ, то эти суда вмѣстѣ съ таганрогской артиллеріею, снарядами, порохомъ, якорями и канатами продали за хорошую цѣну туркамъ [1]). Вице-адмиралъ Крюйсъ съ морскими офицерами, бо́льшая часть мастеровъ и двѣ трети мастеровыхъ были отправлены въ Петербургъ. Въ Черкаскѣ же, для надзора и содержанія судовъ, осталась небольшая морская команда и нѣсколько мастеровыхъ. Въ 1716 году суда стоявшія тамъ велѣно было сломать, а находившіяся въ Тавровѣ еще въ 1727 году догнивали на стапеляхъ.

Польза принесенная азовскимъ флотомъ.

Такъ окончилъ свое существованіе азовскій флотъ, стоившій Россіи величайшихъ пожертвованій и людьми и матеріальными средствами. Неудачи, постоянно преслѣдовавшія его, и печальный конецъ могутъ повести къ заключенію, что громадныя средства, потраченныя Петромъ, и необыкновенная энергія, съ которою царь сооружалъ и поддерживалъ флотъ, пропали безслѣдно, и что самая мысль о необходимости для Россіи этого флота была со стороны царя важною ошибкою, не принесшею государству ничего, кромѣ истощенія цѣлаго края. Но подобное заключеніе будетъ несправедливо. При всѣхъ своихъ неудачахъ азовскій флотъ представлялъ серьезную грозу для Турціи и служилъ къ поднятію политическаго значенія Россіи въ западной Европѣ. Въ морскомъ же отношеніи, существеная заслуга азовскаго флота состояла въ томъ, что онъ далъ возможность русскимъ пріобрѣсти опытность въ новомъ для нихъ дѣлѣ— кораблестроеніи, подготовилъ людей и ознакомилъ правительство съ источниками средствъ, способствовавшихъ быстрому созданію балтійскаго флота.

Одно появленіе русскихъ судовъ въ устьяхъ Дона дало возможность взять Азовъ, навело страхъ на весь край и возбудило опасенія въ Крыму, на турецкихъ берегахъ Чернаго моря и даже въ самомъ Константинополѣ. По крайне робкимъ дѣйствіямъ турецкаго флота у Азова и Таганрога видно, что непріятельскіе адмиралы считали русскій флотъ до того страшнымъ, что даже имѣя сравнительно бо́льшія силы не рѣшались нападать на него. Турки предвидя близкую для себя опасность отъ развитія русскаго мореплаванія, упорно отказывали въ пропускѣ нашихъ торговыхъ судовъ изъ

[1]) Елагинъ. Азов. пер. стр. 238—9.

Азовскаго моря и не позволили продти черезъ Босфоръ въ Балтику четыремъ военнымъ судамъ, въ мирное время, когда флотъ уже покончилъ свое существованіе. Подобныя опасенія, конечно, имѣли значительное вліяніе какъ на заключеніе нашихъ мирныхъ трактатовъ, такъ и на положеніе Турціи относительно Россіи и Швеціи.

Азовскій флотъ, какъ ни былъ въ иные годы безсиленъ, однако всегда не только въ сосѣдней Турціи, но и въ болѣе отдаленной Европѣ, имѣлъ значеніе несравненно больше того, котораго заслуживалъ въ дѣйствительности. Иностранные посланники, доносившіе своимъ правительствамъ, что большая часть кораблей годна лишь на дрова, очень хорошо понимали, что, при энергіи Петра, необыкновенно скоро вмѣсто гнилыхъ кораблей могли явиться новые. Царь же, съ своей стороны, гдѣ было нужно, не забывалъ выставлять важность своего флота. Поручая посольству Лефорта просить у голландскаго правительства пособія для флота, Петръ, указывая на значительное число судовъ приготовляемаго имъ «воинскаго морскаго каравана», велѣлъ передать, что «такого воинскаго подвига со стороны царскаго величества и отъ иныхъ христіанскихъ государей противъ бусурманъ никогда не бывало». Своего посла Украинцева онъ настоятельно желалъ отправить въ Турцію не сухимъ путемъ, какъ бывало до сихъ поръ, а моремъ, съ очевидною цѣлію, чтобы русскій корабль прошелъ по Черному морю и показался въ Константинополѣ. Воспользовавшись случаемъ проводить посла, царь показываетъ у Керчи свой флотъ туркамъ и тѣмъ утверждаетъ въ нихъ увѣренность, что русскіе корабли, способные продти Азовское море, при случаѣ легко могутъ переплыть и Черное. Какъ практическая морская школа, азовскій флотъ принесъ неисчислимыя выгоды для балтійскаго флота, потому что на Дону положены были довольно прочныя основанія по всѣмъ частямъ морскаго дѣла. Приступая къ строенію первыхъ судовъ, необходимыхъ для завладѣнія Азовомъ, царь, не имѣя ничего готоваго, пользовался всѣми средствами и людьми, которые случились тогда подъ руками, или которые скорѣе можно было пріобрѣсти. У него всякій дѣлалъ, что умѣлъ и какъ умѣлъ; настоящихъ спеціалистовъ не было, также какъ и правильно организованной доставки матеріа-

ловъ и вещей. Строители судовъ, въ большинствѣ, были люди малосвѣдущіе; корабельные плотники—простые крестьяне; прочіе мастеровые, за немногими исключеніями,—люди никогда не видавшіе корабля. Всякій частный случай, всякое новое обстоятельство вызывали новыя мѣры. На построенныхъ судахъ первые экипажи состояли почти исключительно изъ гвардейскихъ офицеровъ и солдатъ, возвращавшихся тотчасъ по миновании надобности къ своимъ настоящимъ занятіямъ. При строеніи и снаряженіи первыхъ судовъ азовскаго флота царствовала неурядица и полная неопытность; все носило характеръ временнаго, а не постояннаго учрежденія.

Въ немногіе годы, мало по малу все измѣнилось; при непосредственномъ вліяніи царя, различныя части морскаго дѣла начинаютъ обособляться, каждая принимаетъ принадлежащій ей характеръ и какъ между ними, такъ и высшею центральною властію, начинаютъ устанавливаться правильныя отношенія. Вмѣсто потѣшныхъ адмираловъ переславской и архангельской флотилій,—въ азовскомъ флотѣ является сначала Лефортъ, пользовавшійся уже не въ шутку званіемъ адмирала и имѣвшій наружный видъ дѣйствительнаго предводителя флота. По смерти его получаетъ это званіе Ѳ. А. Головинъ, хотя не морякъ, но человѣкъ знакомый съ высшимъ морскимъ управленіемъ и уже много потрудившійся для флота, какъ ближайшій по этой части сотрудникъ государя и въ Россіи и во время заграничнаго путешествія. Наконецъ послѣ Головина вступаетъ въ управленіе Ѳ. М. Апраксинъ, почти настоящій морякъ. Подъ его вѣдѣніемъ, всѣ дѣла, относящіяся до флота, сосредоточиваются въ двухъ приказахъ—Адмиралтейскомъ и Военнаго флота. Вице-адмирала, шаутбенахта и капитановъ, назначенныхъ изъ сухопутныхъ офицеровъ, замѣняютъ настоящіе моряки, каковы: Крюйсъ, Резъ, Бекгамъ, Памбургъ и др.; судовые экипажи начинаютъ комплектоваться уже не солдатами, а настоящими матросами. На смѣну малознающихъ голландскихъ корабельныхъ мастеровъ пріѣзжаютъ свѣдущіе англичане и выучившіеся русскіе; а съ ними являются и знающіе мастера по различнымъ портовымъ работамъ.

Для снабженія азовскаго флота орудіями, снарядами, якорями, парусами, такелажемъ и пр. устроились по многимъ предметамъ заводы, фабрики и другіе правильные постоянные источники. Въ во-

ронежскихъ адмиралтействахъ положено начало правильнаго портоваго управленія и раздѣленія работъ. Въ правилахъ, составленныхъ Крюйсомъ, флотъ получилъ первыя начала морскаго устава, который, при всемъ его несовершенствѣ, оставался долгое время въ употребленіи. Въ приказахъ царя, отдаваемыхъ во время плаванія, явилось первое понятіе о сигналахъ и порядкѣ во время похода, стоянки на якорѣ и т. п.

Въ азовскомъ же флотѣ начала устанавливаться наша морская терминологія. Въ первое время существованія флота всѣ морскіе предметы и понятія выражались старинными русскими терминами, бывшими въ употребленіи во внутреннемъ судоходствѣ. Такъ напр. отрядъ флота назывался, также какъ и отрядъ барокъ,—*караваномъ*; но только для указанія военнаго его значенія—говорили *военный морской караванъ*; мачта называлась *щогла* (*большая*, *средняя*, *передняя* и *кормовая*), стеньга—*верхняя* или *наставочная щогла*; брамъ-стеньга—*трое наставочная щогла*; рея—*райна*; бушпритъ—*кляпое дерево*; канатъ и вообще толстый тросъ—*шейма*; руль—*сопецъ*, флагъ—*знамя* и пр.

Вмѣсто этихъ словъ голландцы, а также учившіеся въ Голландіи русскіе, въ числѣ ихъ и самъ царь, ввели въ употребленіе термины голландскіе; впослѣдствіи же, съ пріѣздомъ англійскихъ мастеровъ, особенно Ная и Козенца, въ кораблестроеніи начали употребляться преимущественно англійскія названія. Въ вооруженіи судовъ корабельнаго флота, подъ вліяніемъ Крюйса и голландскихъ капитановъ и офицеровъ, укоренились названія голландскія, а въ галерномъ флотѣ, гдѣ руководителями были моряки Средиземнаго моря, явились названія, заимствованныя отъ венеціанъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что при переходѣ на новую почву большинство иностранныхъ словъ, въ русскомъ говорѣ, потерпѣло значительное измѣненіе. Не касаясь весьма важнаго вопроса о сравнительныхъ выгодахъ русской и иностранной морской терминологіи, мы ограничимся замѣчаніемъ, что при лихорадочной дѣятельности, съ которою создавался азовскій флотъ, при иноземныхъ учителяхъ по всѣмъ отраслямъ морскаго дѣла, и, наконецъ, при появленіи множества новыхъ предметовъ и понятій, переполнившихъ русскую рѣчь иностранными словами,—никому не могла

придти мысль отстаивать употребленіе русскихъ морскихъ словъ, и иноземная терминологія, успѣвшая при рожденіи нашего флота стать твердою ногою на русской верфи и на палубѣ корабля, удерживается на нихъ и до настоящаго времени.

Благодаря азовскому флоту начали производиться въ Россіи первыя съемки береговъ по научнымъ правиламъ и составляться свои морскія карты. До этого времени у насъ не было географическихъ картъ, а были такъ называемые «географскіе чертежи», представлявшіе въ сущности не карту, а видоизмѣненіе книги. На географскомъ чертежѣ назначались города, пути между ними, рѣки, озера и т. п. и надписывались названія изображенныхъ предметовъ, число верстъ считаемое между ними и какія нибудь особенныя примѣчанія о самыхъ мѣстностяхъ. Разстоянія откладывались на глазомѣръ безъ масштаба и взаимное положеніе мѣстъ не сообразовалось точно съ странами свѣта. Такимъ образомъ, географскій чертежъ могъ показать только черезъ какіе города протекаетъ извѣстная рѣка или проходитъ извѣстная дорога и сколько она верстъ, но не давалъ возможности узнать разстояніе и тѣмъ болѣе взаимное положеніе мѣстъ, не соединенныхъ дорогою, а также не давалъ правильнаго понятія объ очертаніяхъ самой мѣстности и находившихся на ней рѣкъ, озеръ и т. п. Географскіе чертежи обыкновенно рисовались на камкѣ или другой матеріи, дѣлались большихъ размѣровъ, аршинъ по 5 длины и аршина по 4 ширины; югъ у нихъ полагался вверху, а сѣверъ внизу, широтъ и долготъ не назначалось, и вовсе не проводилось меридіановъ и параллелей. Образцомъ описанія такого чертежа можетъ служить дошедшая до насъ «Книга Большому Чертежу»; а образцы самыхъ чертежей сохранились, между прочимъ, въ Сибирскомъ атласѣ Ремезова, составленномъ въ 1701 году [1]).

Атласъ Ремезова былъ, кажется, послѣдней подобной работой; потому что съ появленіемъ флота начали производить морскія съемки и составлять карты по научнымъ правиламъ. При плаваніи судовъ по Дону, Азовскому и Черному морямъ произведено нѣсколько съемокъ и промѣровъ. Крюйсъ, при участіи самаго царя, сдѣлалъ съемку рѣки Дона и составилъ атласъ

[1]) Находится въ Румянцовскомъ музеѣ.

картъ, представляющихъ теченіе этой рѣки отъ Воронежа до Азовскаго моря; кромѣ того, другими моряками, при разныхъ случаяхъ, сдѣланы были промѣры и контуры береговъ частей Азовскаго моря и Керченскаго пролива; а капитанъ Памбургъ, во время плаванія своего въ Константинополь, измѣрилъ нѣсколько глубинъ на Черномъ морѣ и нанесъ ихъ на карту [1]).

Для азовскаго флота построены были такія морскія сооруженія, какъ напр. таганрогская гавань, шлюзы или доки въ Тавровѣ—для починки кораблей, камели (по русски—ящики)—для проводки судовъ черезъ мелководія и пр. Дѣлались попытки къ расчищенію рѣкъ Воронежа и Дона и начатъ каналъ для соединенія Волги съ Дономъ,—смѣлая работа, которая въ случаѣ успѣха могла бы имѣть громадное значеніе не только для того края, но и для цѣлой Россіи.

По всему этому на азовскій флотъ должно смотрѣть какъ на зерно, которое хотя и уничтожилось исполнивъ свое назначеніе, но не погибло безслѣдно, а послужило одною изъ главныхъ причинъ быстраго развитія новаго флота—балтійскаго. Созданіе послѣдняго, хотя происходило въ другой мѣстности и при другихъ обстоятельствахъ, но трудились надъ нимъ прежніе азовскіе дѣятели и вначалѣ всѣмъ необходимымъ новый флотъ снабжался по большей части изъ тѣхъ же источниковъ, изъ которыхъ пользовался и азовскій. Вообще, долголѣтняя опытность, пріобрѣтенная на Дону, отстранила множество ошибокъ на Невѣ и дала возможность дѣйствовать здѣсь рѣшительнѣе и успѣшнѣе. Такимъ образомъ не должно забывать, что быстрому развитію флота на Балтійскомъ морѣ, стойкости его противъ непріятеля и даже самымъ побѣдамъ—основаніе положено было на берегахъ Дона. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что несчастная катастрофа при Прутѣ разразилась именно въ то время, когда нашъ флотъ, употребившій многіе годы на борьбу съ естественными препятствіями и на пріисканіе по всѣмъ частямъ свѣдущихъ людей, только началъ выходить на настоящую дорогу и становиться твердою ногою на берегу моря. Петръ рѣшаясь строить въ

---

[1]) Карты эти, работы граверовъ того времени, хранятся въ Гидрографическомъ департаментѣ морскаго министерства.

Таганрогѣ корабли большихъ ранговъ и выводить ихъ на камеляхъ въ море вооруженными и нагруженными, очень хорошо понималъ невозможность оставить флотъ на долгое время въ такомъ положеніи. Царю необходимо было сначала только вывести въ море достаточно сильный флотъ, который, по собственнымъ словамъ Петра «самъ нашелъ бы себѣ гавань». По нѣкоторымъ дѣйствіямъ царя можно догадываться, что онъ готовился трактовать съ турками о мирѣ не на Прутѣ, а на Босфорѣ, гдѣ флотъ игралъ бы первенствующую роль, и тогда пригодился бы «великій галеасъ», возбуждавшій насмѣшки иностранцевъ.

Созданіе азовскаго флота не могло не удивлять и современниковъ Петра; такъ напр., одинъ изъ нихъ [1]) писалъ царю: «....и особно твой трудъ о строеніи галеръ на Москвѣ, и въ трудномъ пути, и на Воронежѣ, и поспѣшеніе Дономъ на море—кто можетъ достойно прославить?» Дѣйствительно, припоминая обстоятельства среди которыхъ явился азовскій флотъ, по справедливости, созданіе его должно считать одною изъ важныхъ заслугъ Петра. Только у него могла явиться увѣренность въ возможности осуществить, недовольно сказать смѣлую, но дерзкую мысль: построить въ одну зиму за 1200 верстъ отъ моря значительный флотъ, не имѣя для этого въ наличности ни средствъ, ни знающихъ людей; потомъ, провести этотъ флотъ по мелководнымъ рѣкамъ, представлявшимъ безчисленныя препятствія, и, наконецъ, снарядить и вывести его въ море въ такомъ грозномъ состояніи, что болѣе опытный непріятель спасался отъ него бѣгствомъ. Подобное событіе скорѣе походило на баснословный подвигъ какого-нибудь миѳическаго героя древности, нежели на дѣяніе монарха, жившаго только за полтора столѣтія до нашего времени. Чудесное появленіе азовскаго флота показало Европѣ самымъ осязательнымъ образомъ, какіе подвиги въ состояніи сдѣлать Россія съ царемъ, подобнымъ Петру.

---

[1]) Госуд. арх. Секретн. отдѣл. письмо Головкина (Гавріила), 1696 года.

ГЛАВА V.

НАЧАЛО БАЛТІЙСКАГО ФЛОТА.

Неудачное начало войны (1700 г). — Морскія военныя приготовленія. — Шведскія морскія силы на Ладожскомъ озерѣ. — Нападеніе шведовъ на Архангельскъ (1701 г.). — Дѣйствія на Ладожскомъ и Чудскомъ озерахъ (1702—4 г.). — Начало военнаго судостроенія на р. Сяси (1702 г.). — Укрѣпленіе Архангельска.— Поѣздка Петра въ Архангельскъ. — Взятіе Нотебурга (1702 г.). — Взятіе Ніеншанца (1703 г.). — Морская побѣда въ устьяхъ р. Невы. — Учрежденіе Олонецкой верфи. — Основаніе Петербурга (1703 г.). — Петръ на Олонецкой верфи (1703 г.). — Судостроеніе на Олонецкой верфи. — Фрегатъ *Штандартъ*. — Первая поѣздка Петра на Котлинъ. — Основаніе Кроншлота. — Начало судостроенія въ Петербургѣ. — Судостроеніе на верфяхъ Ладожскаго озера (1704—11 г.). — Первыя суда балтійскаго флота. — Тимберовка судовъ.

Неудачное начало войны (1700 г.).

Война противъ Швеціи началась пораженіемъ каждаго изъ союзниковъ [1]): молодой шведскій король Карлъ XII принудилъ датчанъ заключить миръ, выгналъ поляковъ и саксонцевъ изъ Лифляндіи и 19 ноября 1700 года, разбивъ на голову русскую армію, осаждавшую Нарву, отнялъ у нея всю артиллерію. Значительность и быстрота успѣховъ побѣдоносной шведской арміи различно подѣйствовали на двухъ противниковъ: Карлъ, убѣдившійся въ безсиліи врага, нѣсколько лѣтъ провелъ въ Польшѣ, не предпринимая противъ Россіи ничего серьезнаго; Петру же несчастное дѣло подъ Нарвою показало слабыя стороны его арміи, а бездѣйствіе Карла дало возможность исправить многіе ея недостатки и приготовить новую артиллерію, превративъ въ пушки даже церковные колокола.

Морскія военныя приготовленія.

Не ограничиваясь заботами о защитѣ своихъ владѣній и приведеніи въ лучшій порядокъ арміи, Петръ обратилъ вниманіе и на водяные пути, которые могли бы облегчить для него наступательное движеніе на земли, принадлежавшія Швеціи. Зимою (30 января)

---

[1]) См. стран. 129.

1701 года новгородскому приказу велѣно было: «на рѣкахъ Волховѣ и Лугѣ, для нынѣшней свейской службы, подъ всякіе полковые припасы и на дачу ратнымъ людямъ, сдѣлать 600 струговъ». Неисправное исполненіе этого распоряженія строго преслѣдовалось и за 160 струговъ, не поспѣвшихъ къ назначенному времени, съ виновныхъ въ замедленіи взыскано было по 100 рублей на достройку и по 15 рублей штрафа [1]). Кромѣ постройки новыхъ струговъ, на тѣхъ же рѣкахъ и на озерахъ Ладожскомъ и Онежскомъ, на рѣкѣ Свири и въ Тихвинѣ приказано было у всѣхъ частныхъ владѣльцевъ переписать струги и оцѣнивъ ихъ приготовить къ веснѣ.

Съ наступленіемъ весны, по приказанію царя, начали собирать отъ бывалыхъ людей подробныя свѣдѣнія о водяномъ и береговомъ путяхъ отъ устья Волхова къ Орѣшку и далѣе по Невѣ до выхода въ море. Между тѣмъ шведы, съ этой стороны, повидимому, не ожидали никакой опасности и оставляли свои границы безъ достаточнаго прикрытія, въ особенности пограничныя воды, гдѣ менѣе всего могли опасаться нападенія непріятеля, не имѣвшаго флота. Для Невы и Ладожскаго озера шведы полагали достаточнымъ держать у Нотебурга (Орѣшка), подъ начальствомъ вице-адмирала Нумерса, отрядъ изъ 8-ми мелкихъ судовъ, въ числѣ которыхъ были три бригантины, три галіота (самый сильный изъ нихъ — *Торъ* — имѣлъ 14 пушекъ) и двѣ лодки. Дѣйствія этого отряда впродолженіе всего лѣта (1701 г.) ограничивались только высылкою крейсеровъ въ Ладожское озеро.

Шведскія морскія силы на Ладожскомъ озерѣ.

Но, оставляя въ покоѣ бѣдное ладожское прибрежье, шведы избрали цѣлью нападенія нашъ единственный торговый портъ — Архангельскъ. Не говоря уже о томъ, какъ тяжело отозвалось бы для Россіи разореніе этого города, одна блокада его должна была имѣть бѣдственное вліяніе на ходъ войны, потому что появленіе непріятельскихъ судовъ въ устьяхъ Двины прекратило бы всякое морское сношеніе Россіи съ Европою, крайне затруднивъ пріѣздъ изъ заграницы свѣдущихъ людей и подвозъ разныхъ необходимыхъ предметовъ. Нападеніе на Архангельскъ приготовлялось съ большимъ секретомъ. Двѣ шнявы и четыре галіота, выйдя

Нападеніе шведовъ на Архангельскъ (1701 г.).

[1]) Моск. арх. Мин. Иностр. дѣлъ. Приказ. дѣл. древнихъ лѣтъ. Связка 692.

изъ Готенбурга, будто-бы для промысла китовъ у береговъ Гренландіи, на самомъ дѣлѣ отправились въ Бѣлое море. Но Петра трудно было удивить неожиданностію: предвидя возможность подобнаго нападенія, царь еще въ прошломъ (1700) году приказалъ выстроить въ устьѣ малой Двины крѣпость и архангельскому воеводѣ было предписано «имѣть великое опасеніе и осторожность отъ непріятеля»; промысловыхъ судовъ въ море не пускать «ради опасенія воровскихъ (непріятельскихъ) кораблей» и снять лоцмановъ съ Мудьюжскаго острова, откуда они обыкновенно выѣзжали къ приходящимъ въ Двину судамъ. У вновь строившейся крѣпости приказано имѣть «четыреста служивыхъ людей, съ ружьемъ и воинскими припасы въ готовности», для защиты корабельнаго фарватера, на берегу Двинки построить четыре новыя батареи и въ приличныхъ мѣстахъ, по островамъ, разставить наблюдательные посты. Кромѣ того начали засыпать Пудожское и Мурманское устья, готовили шесть брандеровъ и, для охраненія береговъ, въ Сумскій острогъ, Кемь, и на норвежскую границу послано было 300 человѣкъ солдатъ. Оружіе, порохъ, свинецъ и т. п., привезенное на иностранныхъ корабляхъ для продажи, куплены казною. Замѣчательно, что преосвященному Аѳанасію царскою грамотою велѣно было съ воеводою княземъ Прозоровскимъ готовить все къ отраженію непріятеля «съ общаго совѣту».

Свѣдѣнія объ отправленіи шведскаго отряда изъ Готенбурга были получены въ Архангельскѣ почти одновременно съ появленіемъ непріятеля. Вечеромъ 24 іюня (1701 г.) «пришли на Двинское Березовское устье тайнымъ воровскимъ обычаемъ свейскіе непріятельскіе люди» на семи судахъ, подъ англійскимъ и голландскимъ флагами, «яко бы купецкіе люди». На другой день, 25-го іюня, шнява и два галіота пошли въ малую Двинку; проводниками служили два русскихъ плѣнника, захваченные шведами у острова Сосновца: Николаевскаго Корельскаго монастыря «служебникъ» Иванъ Рябовъ и взятый у Мудьюжскаго острова переводчикъ Дмитрій Борисовъ. Согласясь между собою, они шняву и одинъ галіотъ поставили на мель, прямо противъ новой крѣпости, подъ выстрѣлы береговыхъ батарей. О расплатѣ непріятеля съ этими героями, пожертвовавшими собою для спасенія роднаго города, сохранилось слѣдующее свѣдѣніе: «Тогда они, непріятельскіе

люди, абіе ихъ вожей, Борисова и Рябова, въ каютѣ бывши, единокупно изъ фузей стрѣляли». Борисовъ былъ убитъ, а Рябовъ притворился мертвымъ и потомъ спасся вплавь на берегъ.

Послѣ перестрѣлки между непріятельскими судами и береговыми укрѣпленіями, продолжавшейся тринадцать часовъ, съ вечера до утра слѣдующаго дня, шнява и галіотъ были взяты солдатами команды головы (полковника) Животовскаго, а экипажи ихъ, спасшіеся на гребныхъ судахъ, вмѣстѣ съ другимъ галіотомъ вышли въ море.

Затонувшія отъ выстрѣловъ суда были потомъ подняты, съ торжествомъ приведены къ городу и, по исправленіи, поставлены на зимовку. На шнявѣ и галіотѣ взято: 5 флаговъ, 13 орудій, 150 ядеръ и 50 ручныхъ гранатъ. Въ числѣ награжденныхъ по этому случаю, преосвященный Аѳанасій, «за его радѣніе» по приготовленіямъ къ отраженію непріятеля, удостоился получить отъ царя похвальную грамоту и, изъ числа орудій взятыхъ на судахъ, три пушки мѣрою въ аршинъ, «для опасенія и обережи въ хожденіи его судами» [1]). Остальные подвиги шведовъ на Бѣломъ морѣ, благодаря приготовленіямъ сдѣланнымъ для ихъ встрѣчи, ограничились только сожженіемъ и разореніемъ нѣсколькихъ прибрежныхъ селеній.

Въ другой сторонѣ театра войны, гдѣ дѣйствовала армія подъ начальствомъ Шереметева, счастіе также начинало обращаться на сторону Петра. Пораженіе шведовъ при Эрестферѣ (29 декабря 1701 г.) и другіе послѣдовавшіе за тѣмъ боевые успѣхи дали возможность царю утвердиться въ Ингріи и приступить къ очищенію отъ шведовъ Чудскаго и Ладожскаго озеръ и, наконецъ, Невы.

Дѣйствія на Ладожскомъ и Чудскомъ озерахъ (1702—4 г.).

Для исполненія этого плана, въ январѣ 1702 года, начали приготовлять суда нетолько въ мѣстностяхъ прилегавшихъ къ самымъ озерамъ, но даже и въ болѣе отдаленныхъ, какъ напр. въ Тверскомъ уѣздѣ по рѣкѣ Волгѣ и ея притокамъ велѣно было переписать всѣ принадлежавшія частнымъ лицамъ суда, которыя могли поднимать отъ 15 до 20 человѣкъ [2]).

Въ Ладогѣ и Псковѣ отряды солдатъ посажены были на суда, какія могли собрать, и отправлены на Ладожское и Чудское озера.

---

[1]) О Высоч. пришествіяхъ Велик. Госуд. и пр. Петра Алексѣевича изъ царствующаго града Москвы на Двину и пр. Москва. 1783 г. Стр. 54—91.

[2]) Моск. арх. Мин. Иностр. дѣлъ. Приказ. дѣл. древн. лѣтъ Св. 651.

Первый отрядъ, состоявшій изъ 400 человѣкъ подъ начальствомъ подполковника Островскаго, на соймахъ и карбасахъ дѣйствовалъ на Ладожскомъ озерѣ. Разоривъ за городомъ Корелою (Кексгольмомъ) нѣсколько прибрежныхъ шведскихъ селеній, Островской, 15-го іюня въ устьѣ рѣки Вороны, наткнулся на флотилію Нумерса изъ трехъ бригантинъ (имѣвшихъ отъ 5 до 12 пушекъ), трехъ галіотовъ (отъ 6 до 14 пуш.) и двухъ лодокъ. Шведскія суда стояли на якоряхъ, а свезенныя на берегъ войска грабили и разоряли ближнія русскія селенія. Несмотря на то, что у Островскаго были непривыкшіе къ морю солдаты и суда неприспособленныя къ бою, онъ храбро атаковалъ непріятеля и принудилъ его къ отступленію. Въ этомъ дѣлѣ шведы потеряли много людей, а флагманская 12-ти пушечная бригантина *Джоіа* и лодка *Аборесъ* потерпѣли значительныя поврежденія. Побѣда Островскаго была молодецкимъ дѣломъ; Нумерсъ, для оправданія своего пораженія, нападавшіе на него карбасы и соймы, въ донесеніи своемъ обратилъ въ 18 галеръ. Другое, еще болѣе значительное пораженіе, эскадра Нумерса потерпѣла 27 августа, близъ Кексгольма, гдѣ во время штиля напали на нее 30 карбасовъ подъ начальствомъ полковника Тыртова. Потерявъ въ этой битвѣ нѣсколько судовъ и до 300 человѣкъ, Нумерсъ ушелъ въ Выборгъ и оставилъ Ладожское озеро во власти русскихъ.

Неменѣе смѣлы и успѣшны были дѣйствія русскихъ и на Чудскомъ озерѣ, гдѣ находились четыре небольшія шведскія военныя яхты, подъ начальствомъ командора Лешерна. На этихъ судахъ непріятель изъ рѣки Эмбаха могъ имѣть свободный доступъ къ восточному берегу озера и даже въ самую рѣку Великую. Для охраненія озера отъ вторженія русскихъ, шведы начали укрѣпляться въ узкомъ проливѣ соединяющемъ Чудское озеро съ Псковскимъ (см. карту, листъ 2). По приказанію фельдмаршала Шереметева, наскоро, средствами случившимися подъ руками, построены были кое-какія суда и на нихъ, въ исходѣ мая, отправился противъ непріятеля, со своимъ полкомъ, полковникъ Толбухинъ. Послѣ трехдневнаго боя шведы были выбиты изъ занятой ими выгодной мѣстности въ проливѣ и дали возможность нашимъ судамъ пробраться въ Чудское озеро. Первымъ призомъ русскихъ на этихъ водахъ была 4-хъ пушечная яхта *Флундранъ*; потомъ, спустя около мѣсяца, взята абордажемъ 12-ти пушечная яхта *Виватъ* (Рисунокъ листъ 1)

и, потомъ, 14-ти пушечная—*Вахмейстеръ*. Не легки были для нашихъ случайныхъ моряковъ эти побѣды: шведы были храбрые и опытные матросы и имѣли противъ русскихъ важное преимущество въ своихъ приспособленныхъ къ бою судахъ и болѣе сильной артиллеріи; между тѣмъ какъ у насъ были кое-какъ сколоченныя открытыя лодки, и солдаты, въ первый разъ сражавшіеся на водѣ и дѣйствовавшіе, за исключеніемъ немногихъ бывшихъ на лодкахъ пушекъ самаго малаго калибра, только ружьями и ручными гранатами. Постоянныя пораженія шведовъ надо приписать главнѣйше тому одушевленію и увѣренности въ побѣдѣ, которыми проникнутъ былъ каждый офицеръ и солдатъ Петровой арміи, а при этомъ настроеніи для нихъ не было ничего невозможнаго. Но должно замѣтить, что не смотря на потери понесенныя шведами, въ числѣ ихъ офицеровъ находились личности съ такимъ высокимъ рыцарскимъ пониманіемъ военной чести, что смерть предпочитали плѣну. Такъ напр., командиръ яхты *Виватъ*, при взятіи своего судна русскими, бросился за бортъ, но былъ спасенъ и, попавъ въ плѣнъ, самъ себя лишилъ жизни. Фельдмаршалъ по этому случаю доносилъ: «а поручикъ такой человѣкъ, какъ неслыхано; не хотѣлъ ничего говорить и уморилъ себя въ приказной палатѣ. Нешто самъ надъ собою учинилъ». При такихъ пораженіяхъ шведы все таки удержались на Чудскомъ озерѣ во впадающей въ него рѣкѣ Амовжѣ (Эмбахѣ). Только впослѣдствіи (9 мая 1704 года), когда предполагаемой осадѣ Юрьева (Дерпта) могло вредить дѣйствіе флотиліи Лешерна, состоявшей изъ яхты *Каролусъ* и мелкихъ судовъ, генералъ-маіору фонъ Вердену поручено было, съ отрядомъ войскъ на гребныхъ судахъ, очистить отъ непріятеля устье Амовжи. Русскіе заняли высокіе берега у деревни Кастеръ и шведы, пробовавшіе прорваться въ озеро, лишились въ этомъ дѣлѣ 13-ти судовъ, изъ которыхъ 10-ти пушечную яхту *Каролусъ* они взорвали сами, а остальныя взяты русскими [1]).

Начало военнаго судостроенія на Сяси (1702 г.).

Съ приближеніемъ театра войны къ Финскому заливу, для скорѣйшаго занятія береговъ и прочнаго утвержденія на нихъ, ясно предвидѣлась въ близкомъ будущемъ необходимость настоящаго

---

[1]) Журналъ Петра Великаго ч. I. стр. 38 и 76. Зап. Туманскаго, III. стр. 385. Hist. de Charles XII ч. I. стр. 523.

военнаго флота, и Петръ немедленно приступилъ къ его созданію. На первый случай удобнѣйшимъ мѣстомъ для судостроенія оказалось дворцовое село Сяськое устье, стоявшее при рѣкѣ Сяси впадающей въ Ладожское озеро. Здѣсь назначено было построить 6 фрегатовъ, «для отпору свейскихъ войскъ на Ладожскомъ озерѣ». Сначала завѣдываніе кораблестроеніемъ поручено было новгородскому приказу, которымъ управлялъ ближній окольничій и воевода Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ; а потомъ, въ началѣ 1703 года, оно передано въ приказъ адмиралтейскихъ дѣлъ. Заготовка лѣса и ближайшій надзоръ за строеніемъ поручены стольнику Татищеву, строителемъ назначенъ голландецъ Воутеръ Воутерсонъ, плотники и рабочіе взяты съ Олонца, а кузнецы изъ Устюжны-Желѣзнопольской. Орудія, якоря и желѣзо поставлялись съ Олонецкихъ заводовъ иноземца Бутенанта, а деньги на расходы отпускались изъ новгородскаго приказа.

Впродолженіе 1702 года Татищевъ успѣлъ заложить четыре фрегата длиною 94, шириною 24½ фута. Два изъ нихъ спущены въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года, третій, *Михаилъ Архангелъ*, вооруженный 28 пушками 3-хъ фунтоваго калибра, спущенъ въ 1704 году, а четвертый того же ранга, *Иванъ-городъ*, поспѣлъ только въ 1705 году [1]). Замѣчательно, что за неимѣніемъ пиленыхъ досокъ, сяськіе фрегаты, несмотря на запретительный указъ 1696 года [2]), были построены изъ тесаннаго лѣса и по несовершенству постройки два изъ нихъ вскорѣ были обращены въ брандеры. Потомъ на сяськой верфи заложены были флейтъ и пять шмаковъ; впослѣдствіи же на ней строились только мелкія суда, и въ 1706 году кораблестроительныя работы здѣсь вовсе прекратились.

Фрегаты строенные на Сяси имѣли одну батарею, открытую на шканцахъ и закрытую на бакѣ и ютѣ. Шмаки были вооруженныя грузовыя суда, двухъ-мачтовыя съ косыми парусами [3]);

---

[1]) Мат. для Истор. русск. флота, Отд. I. стр. 1—15, и Списокъ русск. воен. судовъ. стр. 74.

[2]) Періодъ азовск. прилож. III. № 13 лит. а.

[3]) Въ иностранныхъ флотахъ шмаками (англ. smack, голланд. semak, франц. semaque) назывались одномачтовыя, неглубокосидѣвшія въ водѣ суда, поднимавшія значительный грузъ.

флейты—также транспортныя суда, имѣвшія по нѣскольку пушекъ [1]).

Укрѣпленіе Архангельска.

Извѣстіе о намѣреніи шведовъ сдѣлать новое нападеніе на Архангельскъ обратило еще бо́льшее вниманіе царя на Бѣлое море. На этотъ разъ, для надзора за приготовленіями къ оборонѣ, посланъ былъ въ Архангельскъ вице-адмиралъ Крюйсъ и туда же отправлено изъ Воронежа 120 человѣкъ матросовъ. Кромѣ принятыхъ прежде предосторожностей, еще заперли бонами Двину у Новодвинской крѣпости и, по недостатку артиллеріи, со всѣхъ торговыхъ кораблей, находившихся въ порту, взяли подъ росписку третью часть орудій, снарядовъ и т. п. По важному значенію Архангельска для Россіи и неуспѣшности перваго нападенія непріятеля, теперь было весьма вѣроятно ожидать серьезной опасности для нашего единственнаго портоваго города. Опасенія были такъ велики и сохраненіе Архангельска казалось до того важнымъ, что около половины апрѣля отправился туда самъ царь. Въ Вологдѣ Петра ожидали пять батальоновъ гвардіи, съ которыми онъ и пошелъ водою. Жители Вологодской губерніи, неприготовившіе заказанныхъ еще въ январѣ мѣсяцѣ барокъ и дощаниковъ для перевозки къ Архангельску пушекъ, провіанта и другихъ предметовъ, поплатились за свою неисправность деньгами 31,627 руб., что составило по 2 рубли съ двора, а виновные вологодскіе бургомистры, кромѣ другаго взысканія, внесли пени по 1000 р. [2]).

Поѣздка Петра въ Архангельскъ. (1702 г.).

За 200 верстъ до Архангельска царь, получивъ извѣстіе о появленіи въ морѣ двухъ кораблей, взялъ съ собою 300 человѣкъ солдатъ и на легкихъ судахъ поспѣшилъ къ городу; но торопливость эта была напрасна: пришедшія суда оказались голландскими. Около двухъ мѣсяцевъ Петръ прождалъ въ Архангельскѣ непріятеля. Въ это время спущены царемъ на Вавчугѣ два малые фрегата *Св. Духа* и *Курьеръ* и заложенъ фрегатъ *Св. Илья*.

Увѣрясь, что въ этомъ (1702) году шведы не явятся въ Бѣлое море, Петръ въ августѣ мѣсяцѣ отправился изъ Архангельска въ обратный путь, сначала моремъ въ Соловецкій монастырь, а потомъ къ селенію Нюхча, лежащему въ юго-западной части Онеж-

---

[1]) Матер. для исторіи русск. флота, отд. I. №16.

[2]) Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Приказ. дѣл. древн. лѣтъ. Связка 694.

скаго залива. Солдатовъ перевозили туда на 10 судахъ, изъ которыхъ четыре было казенныхъ, а шесть—нанятыхъ у иностранныхъ купцовъ. Эскадрою командовалъ Крюйсъ. Самъ царь шелъ на своей яхтѣ, *Transport Royal;* съ нимъ былъ царевичъ Алексѣй Петровичъ и большая свита. Изъ Нюхчи до Повѣнецкаго погоста, лежащаго на сѣверномъ берегу Онежскаго озера, по пустынной, лѣсистой и болотистой мѣстности царь, по заранѣе приготовленной дорогѣ во 160 верстъ, впродолженіе десяти дней, нетолько провелъ 4000 войска, но успѣлъ протащить двѣ довольно большія яхты, построенныя въ Архангельскѣ. Къ каждой яхтѣ опредѣлено было по 100 подводъ лошадей съ подводчиками и по 100 человѣкъ пѣшихъ. Надъ приготовленіемъ этой дороги трудились окрестные крестьяне [1]). Отъ Повѣнца путешествіе продолжалось на гребныхъ судахъ Онежскимъ озеромъ и р. Свирью до Сермаксы, а оттуда къ Ладогѣ уже сухимъ путемъ.

Взятіе Нотебурга (1702 г.).

Въ сентябрѣ 1702 года около 12-ти тысячъ войска, подъ начальствомъ фельдмаршала Шереметева, собрались къ устью Волхова и двинулись къ Нотебургу или древнему Орѣшку. Крѣпость вооружена была 142-мя орудіями и имѣла до 450 человѣкъ гарнизона; по своему положенію на островѣ и высокимъ крѣпкимъ стѣнамъ Орѣшекъ представлялъ для осаждавшихъ не легкую добычу.

Русскія войска заняли оба берега Невы противъ крѣпости и чтобы отрѣзать ее отъ помощи, которая могла явиться по рѣкѣ съ моря, перетащили берегомъ изъ Ладожскаго озера въ Неву 50 лодокъ; для этого вырублена была просѣка въ три версты длиною. Десятидневная, безпрерывная канонада окончилась тринадцатичасовымъ упорнымъ боемъ подъ стѣнами крѣпости, которая послѣ отчаянной обороны, 11-го октября (1702 г.), сдалась побѣдителямъ.

Въ ознаменованіе того, что Нотебургъ какъ бы запиралъ путь къ морю, царь переименовалъ его въ «Шлиссельбургъ» — ключъ городъ. При осадѣ его у русскихъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными около 1500 человѣкъ, а изъ шведскаго гарнизона могли

---

[1]) Моск. арх. М. И. Д. Переп. на русск. язык. 1709 г. № 10 св. 37 и о Высоч. пришествіяхъ, стр. 106—7, Въ настоящее время, между заросшими просѣками, еще замѣтны остатки гати, и самую дорогу мѣстные жители, до сихъ поръ, называютъ *царскою*. (Гидр. опис. Бѣлаго моря. Рейнеке ч. I, стр. 429).

выступить изъ крѣпости только 41 человѣкъ. «Правда, писалъ государь, что зѣло жестокъ сей орѣхъ (Орѣшекъ) былъ; однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ». Другая шведская крѣпость Ніеншанцъ, которую русскіе называли «Канцы», стоявшая при впаденіи рѣки Охты въ Неву, была послѣ непродолжительнаго сопротивленія взята 1 мая 1703 года и переименована въ «Шлотбургъ» [1]). Взятіе Ніеншанца (1703 г.).

Но еще прежде взятія Канцовъ, царь, или въ настоящемъ случаѣ бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ, нетерпѣливо желавшій видѣть новое, пріобрѣтаемое имъ для Россіи, море, (28 апрѣля) съ семью ротами гвардіи, на 60-ти лодкахъ, пройдя подъ выстрѣлами Ніеншанца, отправился осматривать устье Невы и поставилъ тамъ три роты, для наблюденія непріятеля, который могъ прибыть съ моря; — дѣйствительно вечеромъ 2 мая со взморья извѣстили о появленіи шведовъ въ числѣ девяти судовъ, подъ начальствомъ вице-адмирала Нумерса. Получивъ на свои условные два выстрѣла отвѣтъ съ крѣпости, шведы, не зная о взятія Ніеншанца и не предполагая обмана, спокойно остались близъ устья Невы, при входѣ въ нынѣшнія вѣхи, не подозрѣвая, что все теченіе Невы уже находится въ рукахъ русскихъ. Вечеромъ 5 мая два ихъ судна: гальотъ и бригантина вошли въ Неву и за позднимъ временемъ стали на якорь противъ нынѣшняго Екатерингофа. Морская побѣда въ устьяхъ Невы (1703 г.).

Узнавъ о томъ, пишетъ собственноручно царь [2]), упоминая о себѣ въ третьемъ лицѣ, «опредѣленъ капитанъ отъ бомбардировъ и поручикъ Меншиковъ (понеже иныхъ на морѣ знающихъ никого не было), въ 30-ти лодкахъ отъ обоихъ полковъ гвардіи, которые того же вечера на устье прибыли и скрылись за островомъ, что лежитъ противъ Катерингофа къ морю» [3]). Вначалѣ, свѣтлая ночь не позволяла сдѣлать неожиданное нападеніе, но потомъ нашла туча съ дождемъ и «капитанъ» повелъ атаку. 7-го числа «передъ свѣтомъ половина лодокъ поплыла тихою греблею возлѣ Васильевскаго острова подъ тѣнью онаго лѣса, и заѣхали оныхъ отъ моря, а

---

[1]) Ист. Петра Великаго. Устрялова, т. IV, ч. I, стр. 206 и 232.

[2]) Исторія шведской войны, правленная рукою Государя, въ Кабинет. дѣлахъ Петра Великаго; Отд. I № 2.

[3]) Въ другомъ экземплярѣ противъ этого слова на поляхъ, рукою Петра, сдѣлана замѣтка: «которая называлась деревня Калинкина».

другая половина сверху на нихъ пустилась; тогда непріятель тотчасъ сталъ на парусахъ и вступилъ въ бой, пробиваясь назадъ къ свой эскадрѣ (также и на морѣ стоящая эскадра стала на парусахъ же, для выручки оныхъ), но узкости ради и глубины, не могли скоро отойти лавирами, и хотя непріятель жестоко стрѣлялъ изъ пушекъ, однакожъ наши, не смотря на то, съ одною мушкетною стрѣльбою и гранатами, понеже пушекъ не было, оныя оба судна абордировали и взяли». Суда эти были: адмиральскій гальотъ или ботъ *Геданъ* и бригантина или, какъ ее обыкновенно называли, шнява *Астрильдъ*. По русскимъ свѣдѣніямъ первый имѣлъ 10, а вторая 8 трехъ-фунтовыхъ пушекъ; а по шведскимъ источникамъ на *Геданѣ* было 6, а на *Астрильдѣ* 5 пушекъ. Во время приближенія къ шведскимъ судамъ, выстрѣлы непріятельскихъ пушекъ губительно дѣйствовали на массу людей, стѣсненную въ открытыхъ лодкахъ; зато когда разъяренные солдаты, предводимые самимъ царемъ, бросились на суда, то шведамъ не было пощады: изъ 77 человѣкъ ихъ осталось въ живыхъ только 19. «Понеже непріятели пардонъ зѣло поздно закричали, объясняетъ капитанъ, того для солдатъ унять трудно было... едва не всѣхъ перекололи» [1]). Здѣсь необходимо замѣтить, что хотя вначалѣ на непріятеля пошли 30 лодокъ; но собственно въ нападеніи участвовало не болѣе восьми. Настоящее блистательное дѣло, совершенное подъ предводительствомъ самого царя, должно было произвести самое благопріятное впечатлѣніе на войска, укореняя въ нихъ убѣжденіе, что шведовъ можно побѣждать не только на сухомъ пути, но и на морѣ.

Въ награду за такой подвигъ бомбардирскій капитанъ и сотрудникъ его поручикъ Меншиковъ сдѣланы Андреевскими кавалерами, а всѣ офицеры и солдаты награждены золотыми медалями. Взятыя суда долго служили въ нашемъ флотѣ, а потомъ сохранялись для памяти; когда же пришли въ совершенную ветхость, то съ нихъ сдѣланы были точныя модели, хранящіяся и теперь въ нашемъ морскомъ музеѣ. Видъ сраженія и изображеніе обоихъ призовъ были тогда же, по приказанію царя, награвированы Схонбекомъ (рисунокъ литера Ж (1).

---

[1]) Истор. Петра Вел. Устрялова т. IV, ч. I, стр. 235 и 236.

Взятіемъ крѣпостей, защищавшихъ истокъ и устье Невы, Петръ возвращалъ наконецъ Россіи древній путь «изъ Варягъ въ Греки» и земли «отчичь и дѣдичь», захваченныя шведами въ смутное время междуцарствія. Съ пріобрѣтеніемъ морскаго берега, принадлежавшаго государству, которое имѣло значительный флотъ, Петру, чтобъ удержаться въ завоеванной мѣстности, необходимо было спѣшить довести и свои морскія силы, хотя до такихъ размѣровъ, чтобы онѣ дали возможность не допустить непріятельскія суда въ Неву. Поэтому кораблестроеніе на Ладожскомъ прибрежьѣ закипѣло съ такою же энергіею, какъ нѣкогда на Дону. Для успѣшнаго хода дѣла, главный надзоръ за нимъ порученъ былъ дѣятельному и распорядительному любимцу царя, Меншикову, сдѣланному губернаторомъ Шлиссельбурга и Шлотбурга.

Учрежденіе Олонецкой верфи.

Осмотрѣвъ, въ февралѣ 1703 года, рѣку Свирь, Меншиковъ избралъ на берегахъ ея, для кораблестроенія, *Лодейное поле*, верфь котораго стала называться *Олонецкою*. По донесенію Меншикова царю, въ окрестныхъ мѣстахъ были «лѣса зѣло изрядные, не только на шмаки, но и въ 50 пушекъ на корабельное строеніе кницы годятся» [1]. Работы, по обычаю Петра, начались немедленно. Въ томъ же февралѣ мѣсяцѣ было вырублено 5000 кницъ, и въ мартѣ былъ заложенъ фрегатъ, длиною въ 90 футъ, семь грузовыхъ судовъ, длиною отъ 74 до 80 футъ, и начали вырубать деревья для рангоута.

Основаніе Петербурга (1703 г.).

На военномъ совѣтѣ, собранномъ послѣ взятія Ніеншанца, рѣшено было искать для постройки крѣпости и торговой пристани другаго мѣста, ближайшаго къ устью Невы. Самъ государь выбралъ для новаго русскаго порта островъ Янни-Сари (нынѣшняя Петропавловская крѣпость), переименовавъ его въ Люстъ-эландъ (Веселый островъ), и на немъ, въ день Св. Троицы, 16 мая 1703 года, положилъ основаніе Санктъ-Петербургу. Опасенія непріятельскаго нападенія заставили прежде всего заложить крѣпость, названную Петропавловскою; въ ней приступили къ постройкѣ церкви. Конечно, та и другая первоначально были деревянныя. Въ крѣпости и близъ нея тотчасъ же начали подниматься жилыя строенія, изъ которыхъ одно — царскій дворецъ, извѣстный подъ именемъ «Домика Петра Великаго», сохранился и до настоящаго времени.

---

[1]) Матеріалы, Отд. VI № 3.

Новому городу угрожалъ непріятель съ сухаго пути и съ моря. Генералъ Кронгіортъ съ сильнымъ отрядомъ стоялъ на рѣкѣ Сестрѣ, а вице-адмиралъ Нумерсъ съ 7-ю судами держался близъ устья Невы, на взморьѣ. 12 іюня Петръ разбилъ Кронгіорта; а для защиты отъ морскаго нападенія спѣшилъ возведеніемъ бастіоновъ Петропавловской крѣпости и построилъ батарею на стрѣлкѣ Васильевскаго острова, близъ нынѣшней биржи.

Петръ на Олонецкой верфи (1703 г.).

Торопясь сооруженіемъ флота государь въ іюлѣ мѣсяцѣ уже прибылъ на Олонецкую верфь, гдѣ впродолженіе шести недѣль работалъ съ обыкновенною своею энергіею. Со времени посѣщенія Петра до конца 1703 года, на Олонецкой верфи заложены 7 фрегатовъ, 5 шнявъ, 7 галеръ, 13 полугалеръ, 1 галіотъ и 13 бригантинъ. Изъ числа ихъ самъ государь заложилъ галеру *Св. Петръ*, шняву *Мункеръ* и галіотъ. По воскресеньямъ царь спускалъ готовыя грузовыя суда, буера, называя ихъ шутливыми именами: *Биръ-Драгарсъ* (Пивоноситель), *Вейнъ-Драгарсъ* (Виноноситель) *Гутъ-Драгарсъ* (Добрый Вѣстникъ), *Велькомъ* (Добро пожаловать) или *Добрый пріѣздъ*, спущенный на воду въ день пріѣзда на верфь Меншикова, и т. п. [1]).

Судостроеніе на Олонецкой верфи.

Фрегатъ «Штандартъ».

29 августа былъ спущенъ 28-ми пушечный фрегатъ *Штандартъ* и на немъ, 8-го сентября, Петръ, въ званіи командира, перешелъ Ладожское озеро, въ сопровожденіи семи вновь построенныхъ судовъ и привелъ ихъ въ Шлиссельбургъ. Названіе *Штандартъ* имѣло особенное значеніе, указывающее на пріобрѣтеніе новаго моря. До сихъ поръ двухглавый орелъ, изображаемый на царскомъ флагѣ — штандартѣ, имѣлъ въ клювахъ и когтяхъ карты трехъ принадлежавшихъ Россіи морей; теперь же «въ тотъ образъ четвертое море присовокуплено» [2]). Въ одномъ изъ своихъ писемъ отъ 2 мая, т. е. на другой день по взятіи Нотебурга, открывшемъ выходъ въ новое море, Петръ писалъ: «Слава, слава, слава Богу, за исправленіе нашего штандарта. Господь Богъ заключительно сіе мѣсто намъ даровалъ и морской нашъ штандартъ исправить благоволилъ». [3]). Такимъ образомъ назва-

---

[1]) Мат. Отд. I № 16. Извлеч. изъ журн. стр. 2.

[2]) Журн. Петра Велик. 1, стр. 71.

[3]) Дѣян. Петра Велик. ч. X стр. 100 и 101.

ніе новаго фрегата знаменовало важное для Россіи событіе: пріобрѣтеніе новаго моря, представлявшаго, по своему положенію, неисчислимыя выгоды предъ другими русскими морями.

Первая поѣздка Петра на Котлинъ.

Государь остановясь со своими судами въ Шлиссельбургѣ, выжидалъ ухода Нумерса съ Невскаго устья и когда наступленіе холоднаго времени заставило шведовъ удалиться, Петръ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, со льдомъ, шедшимъ по Невѣ, отправился въ Петербургъ. Пересѣвъ на гальотъ и взявъ съ собою яхту, царь вышелъ, наконецъ, въ завѣтное море, составлявшее предметъ его давнихъ и самыхъ пылкихъ желаній. Если припомнимъ съ какимъ постояннымъ упорствомъ стремился царь къ пріобрѣтенію для Россіи свободнаго морскаго сообщенія съ образованною Европою, какъ щедро тратилъ онъ на это небогатыя средства государства, сколько внесъ въ дѣло собственной энергіи и непосредственныхъ личныхъ трудовъ умственныхъ и даже физическихъ, то можно понять съ какимъ торжествомъ и надеждою онъ смотрѣлъ впервые на освобожденныя отъ непріятеля Невскія устья.

Нашъ родной поэтъ въ немногихъ словахъ превосходно очертилъ подобное положеніе великаго царя:

«На берегу пустынныхъ волнъ,
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ».....

И глядѣлъ онъ не столько въ даль открывшагося передъ нимъ воднаго пространства, сколько въ даль времени. Окидывая своимъ орлинымъ, практическимъ взглядомъ пустынные берега и измѣряя, какъ опытный морякъ, глубину фарватера, онъ умственными очами проникалъ въ даль вѣковъ, и на этихъ бѣдныхъ берегахъ, потерявшихъ, при наступающей зимѣ, и ту небольшую долю красоты, которую они имѣютъ лѣтомъ, Петръ видѣлъ въ будущемъ цвѣтущіе населенные города и на пустынныхъ водахъ, по которымъ пробиралась его маленькая эскадра, — тысячи кораблей подъ флагами всѣхъ націй. Въ его воображеніи, въ устьяхъ Невы, уже создавался во всей серьезной красотѣ великій русскій *торговый* городъ С.-Петербургъ, затмѣвающій Амстердамъ и Лондонъ обширностію своей торговли и количествомъ *своихъ* торговыхъ кораблей. Однимъ словомъ, онъ видѣлъ то, чего еще Россія въ пра-

вѣ ожидать отъ Петербурга, поставленнаго Петромъ на одномъ изъ выгоднѣйшихъ въ мірѣ торговыхъ пунктовъ.

Народная легенда мѣстныхъ жителей—финновъ, съ удивительнымъ поэтическимъ тактомъ отнеслась къ чудесному созданію Петербурга, который съ легкой руки Петра росъ не по днямъ, а по часамъ. Много людей, говоритъ легенда, въ старые годы принимались строить здѣсь городъ; но это имъ не удавалось, потому что топкое болото поглощало строеніе. Наконецъ, явился сюда и началъ работу русской богатырь-волшебникъ: построилъ одинъ домъ — поглотила трясина, построилъ другой, третій — тоже самое. Разсердился богатырь и придумалъ хитрое, небывалое дѣло: взялъ онъ и сковалъ на рукахъ вдругъ цѣлый городъ и поставилъ на болото, которое уже не могло поглотить его, и держитъ до сихъ поръ. Этотъ волшебный городъ, въ воображеніи богатыря Петра, долженъ былъ достраиваться въ то время, когда онъ на своемъ гальотѣ въ первый разъ подходилъ къ острову Котлину. Сдѣлавъ около него промѣръ, царь увидѣлъ, что именно здѣсь находятся ворота ко входу къ Неву и что для большихъ судовъ единственный возможный путь—есть глубокій проливъ между южнымъ берегомъ Котлина и близлежащею мелью. Это, повидимому маловажное, открытіе представляетъ одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ геніальной логики царя Петра и чрезвычайную его проницательность, позволявшую съ перваго взгляда углубляться въ самую сущность дѣла. Впродолженіе многихъ вѣковъ близъ Котлина проходили тысячи кораблей и берега Невы служили предметомъ упорной борьбы между враждовавшими сосѣдями, однакоже до Петра никто не могъ оцѣнить важнаго значенія Котлина. Никто не догадывался, что этотъ самый островъ и отмели, идущія отъ сѣвернаго и южнаго береговъ материка, защищаютъ отъ большихъ непріятельскихъ судовъ всю часть моря, лежащую къ востоку отъ Котлина и такимъ образомъ, въ случаѣ укрѣпленія пролива, задерживаютъ пришедшаго съ моря непріятеля, въ 30-ти верстахъ отъ устьевъ Невы.

Основаніе Кроншлота.

Осмотрѣвъ мѣстность, царь рѣшилъ немедленно возвести крѣпость на мели, находящейся подлѣ Котлина. Сдѣлавъ самъ модель крѣпости Петръ производство постройки ее поручилъ Меншикову.

Въ устьяхъ Невы, еще во времена Александра Невскаго, пов-

городцы, для своевременнаго увѣдомленія о прибытіи непріятеля со стороны моря, держали *морскую стражу*[1]); но теперь Петръ ставилъ у Котлина такого надежнаго часоваго, который долженъ былъ навсегда сдѣлать Неву недоступною для врага. Едва только окрѣпъ на морѣ ледъ, какъ поспѣшили приступить къ постройкѣ крѣпости и къ исходу 1704 года, подлѣ Котлина на отмели возвышалась уже деревянная трехъ-ярусная башня, съ земляными насыпями; фундаментомъ для ея стѣнъ служили опущенные въ воду деревянные срубы, наполненные камнями. Новую крѣпость вооружили 14-ю орудіями и кромѣ того, для лучшей защиты прохода, на самомъ Котлинѣ построили батарею въ 60 орудій (Рисунокъ литера Ж. (2). Освященіе новой крѣпости, названной *Кроншлотомъ*, происходило въ присутствіи государя и сопровождалось трехдневнымъ торжествомъ. Коменданту Кроншлота дана инструкція, которою предписывались мѣры осторожности при встрѣчѣ приходящихъ съ моря кораблей; въ ней же содержались указанія какъ дѣйствовать противъ непріятеля. Начальныя слова инструкціи: «Содержать сію ситадель, съ Божіею помощію, аще случится, хотя до послѣдняго человѣка»[2]), показываютъ какое важное значеніе придавалъ царь Кроншлоту. Строителями крѣпости и береговой батареи, а также и первыми русскими поселенцами Котлина были солдаты и офицеры армейскихъ полковъ Островскаго и Толбухина.

Отдаленіе отъ моря Олонецкой верфи и трудная проводка судовъ по бурному Ладожскому озеру, а также по мелямъ и порогамъ Невы, представляли большія невыгоды, особенно для судовъ, глубоко сидѣвшихъ въ водѣ. Защищенный укрѣпленіями Котлина, новый портъ, С. Петербургъ, по своей близости къ морю и меньшимъ трудностямъ проводки судовъ, представлялъ передъ Олонецкою и Сясьскою верфями значительныя преимущества, заставившія царя, не прекращая постройки кораблей въ Лодейномъ полѣ, приступить къ основанію кораблестроенія въ Петербургѣ, гдѣ въ фев-

---

[1]) «Бѣ нѣкто мужъ, старѣйшина въ землѣ Ижерьской, именемъ Пельгусій, поручена бѣ ему стража морская.... стоящу же ему при краѣ моря, стрегущю обою пути..» Полное Собран. Лѣтописей т. IV. стр. 35, подъ годомъ 6748 (1240).

[2]) Истор. Петра Велик. Устрял. т. IV, ч. I, стр. 250.

Петербургское адмиралтейство.

ралѣ 1704 года велѣно было построить 34 бригантины [1]), и 5 ноября, приступлено къ постройкѣ обширнаго адмиралтейства, заложеннаго на томъ мѣстѣ, гдѣ находится теперь главное адмиралтейство. Первоначально предположенные размѣры адмиралтейскаго двора были 200 саженъ длины и 100 ширины, но на планѣ, начерченномъ въ 1705 году самимъ государемъ, они уменьшены до 123 и 61 сажени. Къ зимѣ слѣдующаго 1705 года адмиралтейство уже было обнесено валомъ, со рвомъ и палисадомъ и на бастіонахъ, находившихся въ углахъ обращенныхъ къ Невѣ, были поставлены пушки взятыя съ судовъ. Черезъ ровъ перекинутъ былъ подъемный мостъ и надъ воротами возвысился шпицъ. Адмиралтейскія строенія — деревянныя и мазанковыя — въ эту же зиму подводились подъ крышу [2]). Внутри адмиралтейской крѣпости, для помѣщенія разныхъ корабельныхъ принадлежностей, построено 53 амбара, и за валомъ вблизи адмиралтейства дома Ѳ. М. Апраксина и Яковлева, бывшаго до сихъ поръ олонецкимъ комендантомъ, а теперь переведеннаго въ Петербургъ также для надзора за производствомъ кораблестроительныхъ работъ [3]); не далеко отъ дома Апраксина, на нынѣшней дворцовой набережной, построенъ домъ вице-адмирала Крюйса и по обѣимъ сторонамъ Невы дома морскихъ офицеровъ. Но, не смотря на устройство этого адмиралтейства, окончательное перенесеніе верфи въ Петербургъ замедлилось частію изъ опасенія непріятеля, частію по недостатку средствъ, и кораблестроеніе продолжалось не только въ Лодейномъ полѣ и на Сяси, но даже дѣлались попытки къ постройкѣ небольшихъ судовъ на р. Лугѣ, въ Новой Ладогѣ и въ находившемся также на Волховѣ Селицкомъ рядкѣ.

Судостроеніе на верфяхъ Ладожскаго озера (1704—1711 г.)

Къ лѣту 1704 года, на Олонецкой верфи успѣли построить и вооружить 6 фрегатовъ, 4 шнявы, гальотъ, пакетботъ, 4 галеры и 24 полугалеры. Въ сентябрѣ царь заложилъ по своему собственному чертежу, составленному здѣсь же на верфи, 32-хъ пушечный фрегатъ *Олифантъ*; спустилъ, заложенную имъ прошлаго

---

1) Письмо царя къ Меншикову 18 сентября 1704 г.

2) См. рисунки лист. 3 и 9, представляющій адмиралтейство въ 1725 году, которое по общему своему виду почти ни въ чемъ не отличалось отъ адмиралтейства 1706 года.

3) Матеріалы. Отд I. № 91.

года, шняву *Мункеръ*, достроенную мастеромъ Нѣмцовымъ, и фрегатъ *Флигельфамъ*, или какъ его называли *Де-Фамъ* (De vliehende faam—Летящая слава). Отпустивъ при себѣ въ Петербургъ готовыя суда, въ числѣ которыхъ былъ фрегатъ *Тріумфъ*, подъ флагомъ шаутбенахта Реза, Петръ отправился самъ на гальотѣ въ сопровожденіи шнявы *Мункеръ* и фрегата *Де-Фамъ*. Плаваніе по Ладожскому озеру, въ осеннее время, при морозѣ и противномъ вѣтрѣ, доходившемъ до бури, было очень тяжелое. Выйдя изъ Лодейнаго поля 2 октября, царь только 18-го прибылъ въ Петербургъ, а нѣкоторыя изъ судовъ зазимовали въ Шлиссельбургѣ. Въ 1705 году приведены въ Петербургъ построенныя на Олонецкой верфи 5 шнявъ; въ слѣдующіе два года спущены тамъ фрегатъ и два бомбардирскія судна и въ 1708 году заложенъ 50-пушечный корабль *Перновъ*, строившійся до 1711 года и спускомъ своимъ закончившій первый періодъ дѣятельности Олонецкой верфи.

Настоятельная потребность въ судахъ, какъ выше замѣчено, заставляла строить ихъ, кромѣ Олонецкой верфи, и въ другихъ мѣстахъ; такъ напр. въ 1704 году на р. Лугѣ было построено 44 бригантины и въ томъ же году были начаты работы въ Селицкомъ рядкѣ, гдѣ было построено только двѣ шнявы *Адлеръ* и *Беверъ*, 10 шкутъ и тартана [1]). Впослѣдствіи дѣланы были попытки къ кораблестроенію въ Новой Ладогѣ, гдѣ въ 1708 году заложены 50-ти пушечные корабли *Рига* и *Выборгъ*, спущенные въ 1710 году, и шнявы *Діана* и *Наталья*, спущенныя въ 1711 году [2]).

Первыя суда балтійскаго флота.

Для судовъ своего новаго флота Петръ выбиралъ лучшіе изъ иностранныхъ чертежей, и имѣя уже въ числѣ служащихъ нѣсколько лицъ компетентныхъ въ дѣлѣ кораблестроенія и самъ бывши свѣдущимъ мастеромъ и хорошимъ морскимъ офицеромъ, онъ имѣлъ возможность избранные типы судовъ примѣнить наивыгоднѣйшимъ образомъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Слѣды этой заботливости выразились въ томъ, что почти у всѣхъ судовъ того времени обводы линій подводной части были правильны, красивы и соотвѣтствовали назначенію судовъ. Приэтомъ нельзя не замѣтить, что относительно своихъ мореходныхъ качествъ, эти суда, имѣя недостатки

---

[1]) Шкуты или шхуты—грузовыя суда; тартаны были легкія двухъ мачтовыя суда съ латинскимъ парусомъ. (Рисунокъ листъ 14).

[2]) Списокъ русскихъ военныхъ судовъ.

общіе съ современными имъ судами иностранныхъ флотовъ, происходившіе отъ несовершенствъ теоріи и практики кораблестроенія, кромѣ того, страдали нѣкоторыми пороками, бывшими слѣдствіемъ мѣстныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Такъ напр. у большинства судовъ не доставало самаго важнаго качества — крѣпости; и это происходило отъ недоброкачественности матеріаловъ, неопытности рабочихъ, частію отъ дурной системы крѣпленій, наконецъ, отъ скорости постройки и неизбѣжныхъ при ней недосмотровъ и злоупотребленій. Слѣдствіемъ недостаточной крѣпости судовъ, а также недоброкачественности ихъ рангоута и такелажа, были непонятныя для нынѣшнихъ моряковъ поврежденія и бѣдствія, которыя терпѣли Петровскія суда при ихъ морскихъ плаваніяхъ. Другой важный недостатокъ происходилъ отъ малаго углубленія судовъ: на Невѣ, какъ и на Дону, мелкія мѣста, которыми должны были проходить суда отъ верфей до моря, заставляли къ невыгодѣ мореходныхъ качествъ уменьшать углубленіе судовъ. Но несмотря на это, проводка судовъ черезъ мели представляла значительныя затрудненія. Такъ напр. большіе фрегаты съ вооруженіемъ сидѣли въ водѣ слишкомъ 9 футъ; а глубина въ устьѣ Свири была около 8 футъ, — у Шлиссельбурга же иногда не больше 7 футъ; на такихъ мѣстахъ суда приходилось не только разружать (что всегда дѣлалось и для чего проводимое судно сопровождали флейты и другія грузовыя суда), но даже разгружать и были примѣры, что трехъ-мачтовое судно черезъ мелкія мѣста проводилось съ одною фокъ-мачтою и бушпритомъ [1]).

Суда этого періода были вообще весьма невелики: хотя не сохранилось свѣдѣній о размѣрахъ 50-ти пушечныхъ кораблей *Перновъ*, *Рига* и *Выборгъ*, но судя по послѣдующимъ кораблямъ можно полагать, что длина ихъ была немногимъ болѣе 100 футъ. Изъ фрегатовъ, называвшихся тогда кораблями, два *(Олифантъ* и *Думкратъ)* имѣли длину 110 футъ, прочіе же только съ небольшимъ 90, при ширинѣ около 23 футъ. Шнявы, имѣвшія двѣ мачты, ли длиною отъ 72-хъ до 94 футъ; прамы, буера и флейты имѣли до 80 ф. длины, шмаки до 74-хъ, и галіоты до 56 футъ. Галера имѣла длины по палубѣ до 130 футъ. (Рисунокъ листъ 14).

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 63 и 113.

При сравнительно маломъ углубленіи судовъ, для сохраненія необходимаго водоизмѣщенія мидель-шпангоуты ихъ дѣлали или вовсе безъ подбора, то есть, съ прямыми флортимберсами, или съ подборомъ едва замѣтнымъ. Носовая часть, а у иныхъ судовъ и кормовая, имѣли весьма достаточную полноту, что придавало оконечностямъ плавучесть, легкій всходъ наволну и покойную килевую качку. Обводъ грузовой ватерлиніи приближался къ прямоугольнику и шпангоуты у воды поднимались вертикально,—два обстоятельства имѣющія большое вліяніе на устойчивость судна. Но малое углубленіе, а у иныхъ судовъ большой уклонъ форштевня, увеличивали дрейфъ и дѣлали лавировку почти невозможною. Надводная часть, согласно принятымъ въ то время правиламъ во всѣхъ флотахъ, представляла сравнительно съ формою нынѣшнихъ парусныхъ судовъ важныя невыгоды. Значительное уклоненіе топтимберсовъ внутрь судна, устраиваемое съ цѣлію затрудненія перехода непріятеля на корабль, въ случаѣ абордажа, съуживало верхнюю палубу, стѣсняя движеніе экипажа при дѣйствіи орудіями и управленіи парусами; а помѣщеніе орудій въ сравнительно ближайшемъ разстояніи отъ діаметральной плоскости, дѣлало боковую качку убоистою; приближеніе же къ мачтамъ русленей, уменьшало уголъ уклона вантъ, и тѣмъ ослабляло силу боковой поддержки мачтъ. У нѣкоторыхъ судовъ кормы дѣлались безъ раковинъ, но съ большими подзорами и чрезвычайно съуживались у верхней палубы. Фрегаты имѣли одну батарею, въ которой орудія оставались открытыми только на шханцахъ; на бакѣ же и ютѣ надъ ними настилалась палуба. Ютъ нерѣдко имѣлъ два яруса, и верхній былъ значительно короче нижняго. Этотъ разный уровень палубъ, соединенныхъ трапами, крайне затруднялъ управленіе парусами. На верхнихъ палубахъ юта и бака, также ставились орудія, но только самыхъ мелкихъ калибровъ. Сообразно положенію палубъ измѣнялась и наружная высота судоваго борта, который у шханецъ былъ ниже, а къ баку и юту поднимался уступами. Бакъ обрѣзывался прямой перегородкой, отдѣлявшей на гальюнѣ часть палубы, достаточную для сбора значительной абордажной партіи. На иныхъ судахъ палуба, покрывавшая бакъ, имѣла фигуру прямоугольника, ширина котораго была болѣе ширины покрываемой ею части палубы судна, и потому для поддержанія ее необходимо было верхніе

концы заваленныхъ внутрь топтимберсовъ наклонять къ внѣшней сторонѣ судна, что, кромѣ безобразія фигуры, въ случаѣ сильной боковой качки и вообще большаго волненія, подставляло ударамъ волнъ верхнюю часть борта, выдававшуюся въ видѣ карниза. Иныя боевыя суда меньшихъ размѣровъ, напримѣръ гальоты имѣли подбористые мидели и обводы носовыхъ и кормовыхъ линій довольно острые; грузовыя же суда, напротивъ, отличались полнотою оконечностей. (Рисунокъ листъ 14).

Изъ числа особенностей самой постройки можно замѣтить отсутствіе поворотныхъ шпангоутовъ: въ тогдашнихъ судахъ прямые шпангоуты въ кормѣ доходили до самыхъ транцевъ, а къ носу до половины дейдвуда и, затѣмъ, корма и носъ забирались чаками. Бимсы укрѣплялись деревянными висячими и лежачими кницами, форштевень просто притыкался къ килю одною гранью, а не такъ какъ теперь обдѣланной тремя гранями баксовой штукой, и т. п. Фрегаты сидѣли въ водѣ около 9 футъ; всѣ остальныя парусныя суда—отъ 5 до 6 футъ; галеры до $3^1/_2$ футъ. Парусность фрегатовъ и вообще трехъ-мачтовыхъ судовъ составляли: фокъ, гротъ, бизань (привязанная на бизань-реѣ), три марселя, блиндъ на блинда-реѣ и бомъ-блиндъ, или, какъ его тогда называли, бове-блинда-сейль, привязанный къ реѣ, находившейся на утлегарѣ, стоявшемъ вертикально на концѣ бушприта. Косые паруса на штагахъ были гротъ и бизань-стаксели, гротъ-стеньгъ и форъ-стеньгъ-стаксели. Иныя суда, вмѣсто бизани, привязанной къ реѣ, имѣли гафельную контръ-бизань. Двухъ-мачтовыя шнявы имѣли бригское вооруженіе и парусность, но бизань не на гафелѣ, а на реѣ. Парусность шмаковъ, также двухъ-мачтовыхъ, состояла изъ фокъ-стакселя, форъ-триселя, кливера, большаго и малаго блинда и бизани съ топселемъ. Одномачтовые гальоты имѣли фокъ-стаксель, контръ-бизань, топсель, большой и малый кливера и брифокъ [1]). Но все это не было неизмѣннымъ, строго принятымъ правиломъ и относительно вооруженія судовъ иногда, напримѣръ, являлись къ Меншикову такіе вопросы: «на новопостроенномъ суднѣ иноземецъ плотникъ говорилъ, что быть одной мачтѣ съ гафелемъ, а отъ

---

[1]) Матеріалы Отд. I. №№ 16. Списокъ русскихъ военныхъ судовъ. Модели морскаго музея и современныя гравюры.

Скляева слышали, что лучше быть двумъ мачтамъ, и въ томъ твоя воля» [1]).

Орудія на парусныхъ судахъ были по большей части самыхъ малыхъ калибровъ—8-ми, 6-ти и 3-хъ фунтовыя, но случалось что становились и значительно большія, напримѣръ, на буерѣ *Велькомъ*, «званіемъ флейтъ», кромѣ шести 3-хъ фунтовыхъ пушекъ, стояли двѣ пушки 18-ти фунтовыя. На галерахъ сверхъ одной большой, такъ называемой *куршейной* пушки 24-хъ фунтоваго калибра, ставилось по нѣсколько малыхъ. Бомбардирскія суда вооружались мортирами, бросавшими трехпудовыя бомбы, и также пушками 12-ти и 18-ти фунтовыми или полукартаулами. Порохъ, употреблявшійся въ морской артиллеріи, по отзыву Крюйса, былъ слабый. Якорей хотя отпускалось на каждое изъ судовъ по нѣскольку, но они были до того маловѣсны, что суда нерѣдко съ нихъ дрейфовало; самый тяжелый фрегатскій якорь вѣсилъ только 33 пуда [2]).

Тимберовка судовъ.

Между тѣмъ какъ строеніе новыхъ судовъ дѣятельно производилось на нѣсколькихъ верфяхъ, суда первоначальной постройки начинали приходить въ ветхость, и къ заботамъ морской администраціи прибавились новые хлопоты объ ихъ починкѣ. Фрегаты *Штандартъ*, *Дефамъ*, *Тріумфъ* и *Дерптъ* осенью 1709 года оказались уже негодными къ линейной службѣ; изъ нихъ три послѣдніе въ томъ же году были обращены въ брандеры, *Штандартъ* же, какъ первое линейное судно балтійскаго флота, положено было тимберовать. Приведенный къ петербургскому адмиралтейству, гдѣ въ то время готовился къ закладкѣ первый корабль *Полтава* и капитально исправлялась на водѣ строенная государемъ шнява *Мункеръ*, *Штандартъ* по неимѣнію дока былъ вытащенъ шпилями на элингъ, устроенный для его тимберовки. Исправленіе *Штандарта* продолжалось около двухъ лѣтъ и съ 1711 года онъ началъ свою вторичную службу въ балтійскомъ флотѣ.

---

[1]) Письмо Сенявина къ Меншикову изъ Шлиссельбурга, 1704 іюля 29. Матеріалы Отд. I. № 59.

[2]) Матеріалы Отд. I. №№ 16, 95, 97, 116 и 117.

ГЛАВА VI.

ДѢЙСТВІЯ БАЛТІЙСКАГО ФЛОТА СЪ 1704 ПО 1711 ГОДЪ.

Отношенія иностранныхъ державъ къ Россіи. — Нападенія на Петербургъ и Котлинъ (1704—5 гг.).—Услуги флота при осадѣ Нарвы (1704 г.). — Приготовленія къ встрѣчѣ непріятеля у Котлина (1705 г.).—Нападенія шведскаго флота (1705 г.).—Занятія флота въ 1706 году.—Неудовольствіе Петра на Крюйса.—Неудачная осада Выборга (1706 г). — Взятіе бота *Эсперинъ*.—Пріемъ на флотѣ адмирала Головина (1706 г.). — Печальная церемонія по случаю кончины адмирала. — Церемоніалъ погребенія флагмановъ.—Новый адмиралъ.—Кампанія 1707 года. — Инструкція командирамъ судовъ.—Плаваніе въ Финскомъ заливѣ.—Прибытіе царской семьи — Открытіе кампаніи въ 1708 году. — Составъ дѣйствующаго флота.—Военныя дѣйствія (1708 г.). — Неудачное нападеніе Любекера. — Военныя дѣйствія на югѣ.—Выходъ флота къ Кроншлоту (1709 г).—Захватъ русскаго парламентернаго судна.—Значеніе, для флота, полтавской побѣды.—Полученіе Петромъ чина шаутбенахта.—Дѣйствія въ Лифляндіи.—Походъ къ Выборгу (1710 г.).—Взятіе Выборга (1710 г.).—Осада и взятіе Риги (1710 г.).—Занятіе Динаминда, Пернова, Аренсбурга и Ревеля.—Взятіе Кексгольма —Пребываніе царя на флотѣ.—Осеннія плаванія (1710г.)—Галерный флотъ (1710 г.). — Первое отправленіе фрегатовъ изъ Архангельска. — Заключеніе.

Отношенія иностранныхъ державъ къ Россіи.

Въ то время, когда Петръ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы скорѣе прочно утвердиться на отнятомъ у шведовъ морскомъ берегу и, не смотря на свои военные успѣхи, готовъ былъ удовлетвориться сдѣланными пріобрѣтеніями и заключить миръ, противникъ его, Карлъ, не двигался изъ Польши и съ прежнимъ презрѣніемъ относился къ русскимъ, отвергая всякую попытку къ миру. Судя по прежнимъ своимъ побѣдамъ, король шведскій полагалъ, что всегда успѣетъ справиться съ такими ничтожными противниками. Самое основаніе Петербурга вызвало у Карла только насмѣшливое замѣчаніе: «пусть сосѣдъ Петръ строитъ города, которые будутъ взяты шве-

дами». Въ декабрѣ 1703 года царь, говоря съ голландскимъ резидентомъ Фанъ-деръ-Гульстомъ о неудовольствіи, съ которымъ смотритъ Голландія и сосѣднія государства на приближеніе русскихъ къ Балтійскому морю, замѣтилъ: «а теперь я перенесъ къ нему мое оружіе, и не требую отъ шведскаго короля ничего болѣе; но напишите къ Ихъ Высокомочіямъ (правителямъ Голландіи), что пусть они не изволятъ сомнѣваться, что если шведскій король не согласится на мои мирныя предложенія въ теченіе этой зимы, я употреблю всевозможныя усилія, чтобы нанести ему самый чувствительный вредъ» [1]).

Шведскій посланникъ въ Гагѣ, желая внушить недовѣріе къ Россіи и прося посредничества Голландіи, представлялъ, что царь обращался уже съ мирными предложеніями черезъ прусскаго посланника въ Москвѣ, заявляя готовность удовлетвориться только одной морской пристанью. Но какъ шведское правительство сознаетъ, что пріобрѣтеніе Россіею порта на Балтійскомъ морѣ принесетъ вредъ не только Швеціи, но будетъ имѣть пагубное вліяніе на торговлю Англіи, Даніи и самой Голландіи, то «такихъ предложеній не только принять, ниже слышать о томъ надобно» [2]).—Конечно въ словахъ посланника выражалось мнѣніе самого шведскаго правительства.

До сближенія Швеціи съ Франціею, происшедшаго въ началѣ 1701 года, обѣ морскія державы Англія и Голландія желали мира между Россіею, Польшею и Швеціею, въ надеждѣ воспользоваться содѣйствіемъ Саксоніи и Швеціи въ войнѣ съ Франціею. Но теперь они благопріятно смотрѣли на войну, очень хорошо понимая, что дальновидный русскій царь, въ случаѣ завоеванія приморскихъ городовъ, не только не повредитъ ихъ торговлѣ на Балтійскомъ морѣ, но напротивъ будетъ оказывать ей полное покровительство. Въ торговомъ европейскомъ мірѣ было извѣстно, что тотчасъ по взятіи Ніеншанца Петръ приказалъ объявить, что шхиперу перваго торговаго корабля, который придетъ въ Неву, назначается премія въ 500 червонныхъ, второму въ 300 и третьему во 100 [3]). Подобныя мѣры и необыкновенно милостивый пріемъ,

[1]) Изъ архива Амстердамской ратуши, напечат. въ Мат. Отд. VIII. № 22.

[2]) Матеріалы. Отд. VIII. № 27.

[3]) Нидерланд. Государст. архивъ въ Гагѣ. Напеч. въ Мат. Отд. VIII № 18.

оказывавшійся всѣмъ приходившимъ въ Неву шхиперамъ, ясно показывали взглядъ царя на торговое дѣло.

Нападенія на Петербургъ и Котлинъ (1704—5 гг.).

Военныя дѣйствія шведовъ противъ Петербурга начались въ 1704 году, но по невниманію ихъ къ важному значенію этой мѣстности, ограничились двумя нерѣшительными попытками: съ сухаго пути нападеніемъ 8-ми тысячнаго корпуса Майделя, а съ моря появленіемъ у Котлина небольшой эскадры подъ флагомъ вице-адмирала Депру. Майдель 12 іюня, прійдя на Выборгскую сторону, открылъ черезъ рѣку пальбу и не имѣя средствъ переправиться на другой берегъ, прошелъ до рѣки Охты, надѣясь взять полуразрушенную крѣпость Ніеншанцъ. Но и здѣсь по невозможности переправы черезъ рѣку Охту, шведы должны были отступить. За нѣсколько дней до нападенія Майделя, къ Кроншлоту явился вице-адмиралъ Депру съ однимъ кораблемъ, 5-ю фрегатами и 6-ю мелкими судами. Отбитый отъ крѣпости, онъ одновременно съ нападеніемъ Майделя пробовалъ высадить десантъ на Котлинъ, но былъ съ урономъ отраженъ и ограничился тѣмъ, что впродолженіе двухъ сутокъ бомбардировалъ Котлинъ, причемъ суда его стояли такъ далеко, что ни одна бомба не сдѣлала вреда. Дѣлались еще попытки къ взятію Котлина въ январѣ 1705 года. Вышедшій для этой цѣли съ финляндскаго берега отрядъ шведовъ въ 1000 человѣкъ, ночью переходя по льду черезъ проливъ, сбился съ дороги. Русскіе, получивъ свѣдѣніе о движеніи шведовъ, успѣли приготовиться къ пріему непріятеля и шведы, разоривъ на Котлинѣ нѣсколько строеній, поспѣшили отступить [1]).

Услуги флота при осадѣ Нарвы (1704 г.)

Впродолженіе лѣта 1704 г., новорожденный флотъ уже успѣлъ принести значительную пользу войскамъ, осаждавшимъ Нарву, доставивъ къ нимъ моремъ провіантъ и военные снаряды. Несмотря на близость шведскаго флота, наши суда счастливо пробирались изъ Петербурга въ Нарву: сначала они шли вдоль южнаго берега Финскаго залива, потомъ входили въ устье рѣки Луги, а сю и протокомъ Росоною уже достигали рѣки Наровы [2]). Во время перехода

---

[1]) Устряловъ. Т. IV ч. 1 стр. 256—259.

[2]) Матеріалы. Извлеч. изъ журн. стр. 5 и 6. Объ основаніи на Наровѣ, въ 1557 году, города съ корабельною пристанью лѣтописи говорятъ слѣдующее: «Тогожъ (7065) году іюля поставленъ градъ отъ немецъ усть Не-

моремъ случались и нападенія шведскихъ мелкихъ судовъ, но онѣ успѣшно отражались военными судами, конвоировавшими транспорты. Въ этотъ же (1704) годъ, 31 мая, государю съ преображенцами опять удалось взять двѣ шведскія шкуты, приткнувшіяся къ мели въ устьѣ Наровы. При небольшой глубинѣ, царь добрался до нихъ верхомъ, а солдаты вбродъ и вплавь. Взятыя суда были нагружены провіантомъ, и на нихъ забрано въ плѣнъ болѣе 100 человѣкъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ [1]). Въ половинѣ іюня, нашими сухопутными войсками былъ взятъ Дерптъ (Юрьевъ) и 9 августа—Нарва, причемъ въ Наровѣ забрано десять мелкихъ судовъ, увеличившихъ собою нашъ юный флотъ.

Успѣхи русскихъ показали наконецъ Карлу, что противникъ его заслуживаетъ вниманія, и въ 1705 году рѣшено было, для отнятія у русскихъ устьевъ Невы, послать въ Финскій заливъ значительныя морскія силы. Но уже гибельная для шведовъ ошибка была неисправима, потеряннаго напрасно времени возвратить было нельзя и русскіе впродолженіе двухъ лѣтъ успѣли стать твердою ногою на своемъ древнемъ наслѣдіи. Раньше, имѣя въ своемъ распоряженіи 38 кораблей, (отъ 90 до 46 пушечныхъ) съ 2500 орудій, и значительное число мелкихъ судовъ, король Карлъ легко могъ не допустить русскихъ утвердиться на этихъ водахъ; но теперь отнимать у Петра Котлинъ и Неву было уже поздно.

Приготовленія къ встрѣчѣ непріятеля у Котлина (1705 г.).

Предвидя нападеніе, царь заранѣе старался сосредоточить свои морскія силы у Котлина и это было причиною опасной прошлогодней осенней проводки новыхъ судовъ съ Олонецкой верфи. Вице-адмиралу Крюйсу, недавно возвратившемуся изъ своей поѣздки въ Голландію, предстояла слава, съ вновь созданнымъ, далеко несовершеннымъ, русскимъ флотомъ, дать отпоръ значительнымъ морскимъ силамъ Швеціи, и на долю того же Крюйса выпала бо́льшая часть хлопотъ по приготовленію въ первый разъ выводимаго на рейдъ флота. На судахъ не доставало не только многихъ необходимыхъ предметовъ, но даже и самыхъ людей. Доставленіе всего замедлялось адмиралтейскими властями, неподчиненными Крюйсу, и вызывало съ его стороны горькія жалобы. Торопясь съ расхо-

верь (Наровы) рѣки на розсене у моря для пристанища морскаго корабельнаго, а ставилъ его Петръ Петровъ да Иванъ Выродковъ». Никон. лѣт. VII. стр. 258.

[1]) Матер. Извлеч. изъ журнал. стр. 5.

домъ льда вывести флотъ къ Котлину, вице-адмиралъ въ концѣ марта едва могъ получить свѣдѣніе о числѣ всѣхъ судовъ, находившихся въ Петербургѣ и Шлиссельбургѣ. На полторы тысячи человѣкъ бывшихъ подъ его командою, у него въ наличіи было только 600 фузей или ружей, и то негодныхъ. «Мнѣ невозможно, писалъ Крюйсъ, съ голыми кулаками идти; надобно на меньшій конецъ противъ той манеры вооружиться какъ и непріятели.» При этомъ необходимо замѣтить, что большинство русскихъ матросовъ и солдатъ находившихся на флотѣ, были совершенными новичками въ морскомъ дѣлѣ. Начальники и руководители ихъ, иностранцы, не знали русскаго языка и, несмотря на усиленную строгость выбора, между ними попадались люди безпорядочные, требовавшіе еще сами надъ собою строгаго надзора. Безобразные поступки нѣкоторыхъ иностранцевъ и ихъ пьянство послужили даже поводомъ къ объявленію царскаго указа, въ которомъ назначались наказанія за разные проступки совершенные иноземцами. Но не смотря на всѣ затрудненія, снаряженіе флота подвигалось такъ быстро, что въ маѣ мѣсяцѣ онъ уже стоялъ у Кроншлота. Кромѣ командованія флотомъ, Крюйсу, за отсутствіемъ Меншикова, поручено было главное начальство и надъ сухопутными войсками, находившимися при защитѣ Кроншлота и Котлина.

Мѣры, которыя предполагалось принимать для обороны, обсуждались на военномъ совѣтѣ, почти ежедневно собиравшемся у Крюйса. Для лучшей защиты фарватера между Кроншлотомъ и Котлиномъ, на послѣднемъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится нынѣшняя цитадельская пристань, построена была батарея Св. Іоанна (Яна). Между нею и Кроншлотомъ поставлены ломанною линіею восемь фрегатовъ. Отъ батареи линія ихъ шла почти параллельно берегу и потомъ поворачивала къ Кроншлоту. На флангахъ линіи поставлено было по двѣ галеры, по одному брандеру и по нѣскольку бригантинъ; поперегъ прохода, во второй линіи стояли шнявы, и въ третьей остальныя бригантины. Передъ фрегатами, для предохраненія флота отъ непріятельскихъ брандеровъ, тянулась линія пловучихъ рогатокъ съ желѣзными шпицами (Рисунки лист. 4 и 5) и всѣ суда имѣли шпринги [1]). На западной оконечности Котлина,

[1]) Матеріалы. Отд. I, № 90.

на такъ называемой *косѣ*, стояли полки Толбухина и Островскаго съ тремя пушками.

Раннимъ утромъ 4 іюня (1705 г.), высланные въ море крейсеры дали знать о приближеніи непріятельскаго флота, который въ 7-мъ часу, построясь въ линію, сталъ на якорь въ разстояніи отъ нашего около семи верстъ. Шведы явились въ числѣ 22-хъ вымпеловъ (7 кораблей, отъ 54 до 64 пуш., 6 фрегатовъ, отъ 28 до 36 пуш., 2 шнявы, 2 бомбардирскіе, 2 плоскодонные (прамы?) по 40 пушекъ, 2 брандера и одно провіантское судно). Флотомъ начальствовалъ адмиралъ Анкерштернъ и съ нимъ были вице-адмиралъ Депру и контръ-адмиралъ Шпаръ. Нападенія шведскаго флота (1705 г.).

Часу въ 10-мъ утра 6 фрегатовъ подошли къ Кроншлоту, но встрѣченные выстрѣлами съ галеръ и батарей возвратились къ своему флоту. Между тѣмъ Депру съ нѣсколькими фрегатами, подойдя къ южному (нынѣ Ораніенбаумскому) берегу высадилъ десантъ, который сжегъ два дома и захватилъ нѣсколько головъ скота.

На слѣдующій день, 5-го іюня, при западномъ вѣтрѣ, Шпаръ съ 4-мя кораблями перешелъ къ косѣ; а самъ Анкерштернъ съ остальными судами приблизился къ нашему флоту на разстояніе пушечнаго выстрѣла. Десантъ, который пробовалъ свезти Шпаръ, былъ отбитъ Толбухинымъ и потерялъ 40 человѣкъ убитыми и 31 плѣнными, въ томъ числѣ 5 офицеровъ. Во время этого дѣла вѣтеръ такъ засвѣжѣлъ, что, по словамъ Крюйса, «непріятель въ опасеніи не маломъ былъ и явно къ нашей пользѣ и авантажу».

Іюня 6-го шведскій адмиралъ атаковалъ нашъ флотъ и батарею Св. Іоанна, но къ вечеру отошелъ на прежнее разстояніе и оставался въ бездѣйствіи до 10-го іюня. Потеря съ нашей стороны, при этой послѣдней атакѣ, состояла изъ одного убитаго и шести раненыхъ. Крюйсъ воспользовался спокойнымъ временемъ и объѣхавъ всѣ суда, Кроншлотъ и береговую батарею, усилилъ послѣднюю нѣсколькими 18-ти фунтовыми орудіями и 2-мя мортирами, присланными изъ Петербурга. Прося тамошняго коменданта Брюса объ этихъ орудіяхъ, Крюйсъ писалъ: «здѣсь довольно есть куражу или смѣльства, но есть токмо недостатокъ въ способахъ» [1]).

---

[1]) Журн. Петра Вел. I стр. 101 и Матеріалы. Отд. I №№ 94 и 95.

10-го іюня, въ воскресенье, при WNW вѣтрѣ и ясной погодѣ, шведы въ 10-мъ часу утра снова подошли къ линіи нашего флота и стали на якорь: Депру противъ Кроншлота, Анкерштернъ въ серединѣ и Шпаръ противъ батареи. Впереди шведскаго адміральскаго корабля находились два бомбардирскія судна. По приближеніи шведовъ, наши парусныя суда на шпрингахъ поворотились лагомъ къ непріятелю. Въ 11-мъ часу началась сильная, но почти безвредная для нашихъ судовъ, канонада. Шесть фрегатовъ дѣйствовали противъ батареи Св. Іоанна и стоявшихъ близъ нея фрегатовъ; бомбардирскія же суда непріятеля стрѣляли по фрегату *Дефамъ*, на которомъ находился Крюйсъ, и по близъстоявшимъ судамъ. Но шведскіе артиллеристы не отличались мѣткостью: ихъ бомбы то перелетали, то недолетали до цѣли, и только одна, упавъ на галеру, взорвала на ней боченокъ съ патронами. Видя безуспѣшность дѣйствія своей артиллеріи, Анкерштернъ перевелъ бомбардирскія суда и нѣсколько фрегатовъ къ рогаткамъ противъ Кроншлота, и въ первомъ часу вновь началась такая же грозная и такая же безвредная канонада: шведскіе снаряды рѣшительно избѣгали цѣли. Черезъ часъ, при наступившемъ штилѣ, непріятельскія суда, кромѣ бомбардирскихъ и отряда Депру, начали выходить изъ подъ выстрѣловъ; но когда наши галеры выдвинулись къ линіи флота и стали стрѣлять бомбами, то и остальныя шведскія суда поспѣшили отбуксироваться къ своему флоту, или какъ выражался Крюйсъ, «непріятель нашимъ бомбамъ честь воздалъ, для того отъ острова Ричарта (Котлина) отсталъ» [1]. Наши же суда отвѣчали шведамъ не безъ успѣха: «Мнѣ случилось своими очами видѣть, записано въ журналѣ Крюйса, какъ щепы отъ бомбардирскихъ ихъ судовъ вверхъ летѣли». Не смотря на продолжительную и жаркую стрѣльбу, благодаря неискусству шведскихъ артиллеристовъ, у насъ убитыхъ было только 13 человѣкъ и раненныхъ 19.

11-го іюня весь флотъ непріятеля отошелъ отъ нашего, но сталъ такъ, что суда самого Анкерштерна и Шпара были довольно близко къ берегу Котлина. Крюйсъ, желая воспользоваться оплошностію шведскаго адмирала, ночью построилъ у самой воды, про-

---

[1]) Матеріалы. Отд. I № 99.

тивъ корабля Анкерштерна, батарею, вооружилъ ее присланными изъ Петербурга орудіями и замаскировалъ такъ, что шведы не могли подозрѣвать опаснаго сосѣдства. Суда ихъ спокойно оставались на томъ же мѣстѣ и занялись исправленіями поврежденій, полученныхъ въ послѣднемъ сраженіи. Возобновлять нападеніе непріятелю не позволялъ жестокій западный вѣтеръ, продолжавшійся 13-го и 14-го чиселъ и заставившій шведскіе корабли спустить нижнія реи.

Въ то время, какъ флотъ нашъ отбивался отъ шведовъ у Котлина, непріятель на сухомъ пути угрожалъ Петербургу. Генералъ Майдель подходилъ къ берегу малой Невы, но встрѣченный сильнымъ огнемъ нашей артиллеріи долженъ былъ отступить. Отраженію непріятеля пособили также 2 шнявы и 10 бригантинъ, присланныя Крюйсомъ отъ Котлина. Отразивъ Майделя, комендантъ Петропавловской крѣпости Брюсъ, 15-го числа, пріѣхалъ къ Крюйсу посмотрѣть, что дѣлается на морѣ, и адмиралъ не пропустилъ удобнаго случая позабавить дорогаго гостя особеннаго рода сюрпризомъ. Послѣ двухдневнаго крѣпкаго вѣтра, день 15-го іюня выдался прекрасный и на морѣ стоялъ мертвый штиль. Около полудня, непріятель отдалъ паруса для просушки и всѣ флагманы собрались обѣдать на корабль Шпара. Крюйсъ, пообѣдавъ на своемъ кораблѣ съ Брюсомъ и нѣсколькими офицерами, пригласилъ петербургскаго гостя проѣхаться на берегъ къ батареѣ Св. Іоанна, обѣщая показать ему, «какъ шведскій адмиралъ свои марсъ-зейльсы (марсели) спуститъ, решпекту ради россійскаго флага». Недогадливый непріятель «былъ въ великомъ прохладѣ и увеселеніи, на литаврахъ и трубахъ довольно играя», и вдругъ съ батареи Св. Іоанна раздались два выстрѣла, изъ которыхъ однимъ сбило на кормѣ адмиральскаго корабля «разныя галдареи»; и вслѣдъ за этимъ, по предварительно сдѣланному распоряженію, неожиданно открылся по шведамъ сильный огонь какъ съ Св. Іоанна, такъ и съ вновь построенной и до сихъ поръ незамѣченной ими искусно замаскированной батареи. «Непріятель пришелъ въ (такую) незрѣченную конфузію и алтернацію», пишетъ Крюйсъ, «что они стремглавъ паруса свои спустили» и немедленно шлюпками, присланными съ другихъ судовъ, адмиральскій корабль «не буксировали, но назадъ тащили», и онъ, торопясь выдти изъ подъ выстрѣловъ, принужденъ былъ обрубить свой ка-

натъ; а «комендантъ Брюсъ зѣло радостенъ и доволенъ былъ о такой малой, однакожъ благополучной акціи» [1]).

Крюйсъ, зная уже по бывшему опыту удачное дѣйствіе бомбъ, просилъ изготовить въ Петербургѣ два или три судна и вооруживъ ихъ мортирами прислать къ флоту. Такія бомбардирскія суда устроены были изъ флейтовъ или буеровъ: *Вейнъ-Драгеръ* и *Биръ-Драгеръ* и присланы къ флоту. На судахъ этихъ поставлены было три мортиры. Въ прибавленіе къ принятымъ предосторожностямъ, изъ опасенія непріятельскихъ брандеровъ, «смердящаго курева или взрывныхъ машинъ», погрузили, къ западу отъ Кроншлота, еще новый рядъ рогатокъ.

21-го іюня, съ прибытіемъ новыхъ бомбардирскихъ судовъ, Крюйсъ полагалъ возможнымъ перейти изъ оборонительнаго положенія въ наступательное и думалъ съ бомбардирскими судами и галерами атаковать непріятеля. Но едва наши суда начали сниматься съ якоря, какъ шведы, стоявшіе въ трехъ верстахъ, замѣтивъ движеніе въ нашемъ флотѣ, поспѣшили уйти въ море, «на фордевиндъ побѣжали, пишетъ Крюйсъ, аки бы ихъ кто гналъ». Только плоскодонный 24-хъ пушечный фрегатъ, проходя мимо стоявшей на косѣ батареи Толбухина, разрядилъ по ней всѣ свои орудія, поворачиваясь попеременно обоими бортами. Получивъ извѣстіе, что шведскій флотъ, отойдя отъ Котлина, стоитъ у острова Біорко и при немъ собрано «много мелкихъ судовъ и плотовъ», Крюйсъ съ своей стороны сталъ готовиться къ пріему непріятеля и усиливалъ оборону. На Котлинской косѣ, на мѣстѣ первой шведской высадки, онъ поставилъ, кромѣ трехъ бывшихъ тамъ орудій, еще взятыя съ кораблей двѣнадцать 6-ти фунтовыхъ пушекъ и подъ каждую изъ нихъ, для облегченія перевозки, приказалъ сдѣлать родъ саней. Для наблюденія за непріятелемъ, по берегу разставили «добрыхъ матросъ», и для обмана шведовъ поставили по мелямъ фальшивыя вѣхи.

10-го іюля явились два шведскіе бота, для промѣра глубины между финляндскимъ берегомъ и Котлиномъ, но замѣтивъ движеніе нашихъ двухъ шнявъ и полугалеръ — удалились. Убѣдясь изъ этого, что непріятель готовится къ новой высадкѣ десанта, Крюйсъ

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 94.

приказалъ полкамъ Толбухина и Островскаго имѣть въ готовности лопаты и топоры, на случай постройки новыхъ укрѣпленій, для сооруженія которыхъ присланъ былъ поручикъ Гальсонъ. Созвавъ къ себѣ на фрегатъ офицеровъ, вице-адмиралъ «увѣщалъ, дабы были вѣрные и обѣщалъ онымъ повышеніе, которые себя покажутъ» [1]; въ случаѣ нападенія, велѣлъ открывать огонь только тогда, когда непріятель будетъ въ самомъ близкомъ разстояніи отъ берега или даже когда выйдетъ на берегъ.

14-го іюля, во 2-мъ или въ 3-мъ часу по полуночи, показались 24 непріятельскихъ судна, идущія подъ финляндскимъ берегомъ. Около 5-го часа 4 корабля отдѣлились отъ флота и, обойдя западную оконечность Котлина, бросили якоря въ такой близости отъ берега, какъ только позволяла глубина. Главныя же силы флота, съ мелкими судами, стали на глубинѣ 4-хъ саженъ, расположась полумѣсяцомъ около сѣвернаго берега острова. Сдѣланные съ берега пять выстрѣловъ, по кораблю адмирала Анкерштерна, были такъ удачны, что произведенныя ими у самой грузовой ватерлиніи пробоины заставили, для ихъ задѣлки, накренить корабль, передвинувъ пушки на одинъ бортъ. Съ 6-го часа непріятель началъ со всѣхъ своихъ кораблей обстрѣливать берегъ; но это, благодаря разумной распорядительности русскихъ, не сдѣлало имъ никакого вреда: находившіеся подъ командою Толбухина 2,200 человѣкъ, по сдѣланному заранѣе распоряженію, прилегли къ землѣ за укрѣпленіями и вообще въ закрытыхъ отъ непріятеля мѣстахъ, имѣя въ готовности пушки, заряженныя ядромъ и картечью. Въ 11 мъ часу канонада кончилась и въ полдень шлюпки съ десантомъ отправились къ берегу. Встрѣченныя ядрами и картечью, шведы храбро подошли на ружейный выстрѣлъ и достигнувъ мелкаго мѣста, выскочили изъ шлюпокъ и пошли вбродъ, полагая, что глубина къ берегу естественно будетъ уменьшаться. Но, къ несчастію ихъ, мель, остановившая шлюпки, была родъ острова, а между нею и берегомъ находился проливъ, въ иныхъ мѣстахъ котораго вода была по горло, а въ другихъ и вовсе покрывала человѣка. Это непредвидѣнное обстоятельство заставило непріятеля остановиться и, подъ сильнымъ огнемъ нашей артиллеріи, въ такомъ безпорядкѣ броситься на

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 94.

шлюпки, что нѣкоторыя изъ нихъ опрокинулись. Наши войска, преслѣдовали отступавшихъ и могли вытащить изъ воды только 7 офицеровъ и 28 нижнихъ чиновъ, которые были изранены и не успѣли добраться до своихъ гребныхъ судовъ. У одного изъ плѣнныхъ, капитана Онгера, было 11 ранъ, а у другихъ по 6-ти по 7-ми. Впослѣдствіи къ берегу прибило до 400 труповъ и по свидѣтельству самихъ шведовъ они въ этомъ дѣлѣ потеряли 560 человѣкъ убитыми и утонувшими и 114 ранеными. Потеря русскихъ состояла въ 29-ти убитыхъ и 50-ти раненыхъ. Наши солдаты подобрали въ водѣ до 500 непріятельскихъ мушкетовъ, которые заряжены были пулями, разрѣзанными на четверо, и «вбиты лошадиными волосами, да сверхъ пули по 4 пули небольшихъ» [1]). Этотъ варварскій снарядъ значительно усиливалъ опасность раны и трудность ея излеченія.

Впослѣдствіи, въ исходѣ іюля, къ нашему флоту присоединились суда прибывшія съ Олонецкой верфи съ шаутбенахтомъ Боцисомъ: фрегатъ, четыре шнявы и три галеры. Такъ какъ непріятельскіе крейсеры держались въ виду нашего флота, то 18-го [2]) августа Крюйсъ, воспользовавшись штилемъ, рѣшился напасть на шведскій «заставной корабль» (крейсеръ) *Ревель*, высланный для наблюденія за нашимъ флотомъ. Съ 7-ю галерами, самъ вице-адмиралъ пошелъ къ кораблю и открылъ по немъ огонь, но задувшій и усилившійся западный вѣтеръ далъ возможность непріятельскому крейсеру уйдти отъ галеръ. Во время перестрѣлки, продолжавшейся часа три, на одной изъ нашихъ галеръ убито 5 и ранено 15 человѣкъ. У Котлина это было уже послѣднее столкновеніе со шведами. Нельзя не обратить вниманія, что главною причиною страшнаго пораженія шведовъ при высадкѣ десанта было непростительное съ ихъ стороны непониманіе важности значенія этой мѣстности. Безпечность доходила до того, что владѣя Котлиномъ такое долгое время, шведы не подумали заблаговременно о промѣрѣ глубины у его береговъ и должны были взяться за это только подъ выстрѣлами русскихъ батарей.

Главнымъ виновникомъ блистательнаго отраженія шведовъ былъ Крюйсъ, но по не совсѣмъ понятной причинѣ, при награжденіи за это

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 94.

[2]) По другимъ документамъ 19-го.

дѣло нѣкоторыхъ изъ второстепенныхъ дѣятелей, онъ, главный виновникъ успѣха, остался какъ бы забытымъ. Документы, представляющіе несомнѣнныя доказательства его разумной дѣятельности и усиленныхъ трудовъ, сохранили также и многіе слѣды тѣхъ нравственныхъ страданій, которыя выносилъ Крюйсъ, какъ отъ дѣйствительныхъ недостатковъ и неустройствъ по дѣлу снаряженія флота, такъ и отъ непріятностей, частію вызываемыхъ его тяжелымъ характеромъ, а частію честностію и прямотою дѣйствій.

7-го октября, когда уже нельзя было ожидать непріятеля, флотъ нашъ возвратился на зимовку въ Петербургъ, гдѣ суда вводились въ протокъ Невы, находящійся за самой Петропавловской крѣпостью. На Котлинѣ же изъ опасенія повторенія зимняго нападенія шведовъ, всѣ пушки съ батарей были перевезены въ Кроншлотъ.

На сухомъ пути театромъ главныхъ военныхъ дѣйствій была Польша; а на финляндской границѣ происходили только незначительныя нападенія, со стороны слабаго шведскаго корпуса, на мѣстности занятыя нашими войсками. Впродолженіе зимы непріятельскіе отряды въ нѣсколько сотъ человѣкъ проникали въ наши владѣнія за Неву, къ Ладогѣ, къ Олонцу и переходили даже по льду на южный берегъ Финскаго залива къ Сойкиной горѣ. При этихъ набѣгахъ шведы забирали все, что могли взять съ собою, а остальное жгли вмѣстѣ со строеніемъ; жители спасались въ ближнія крѣпости, которымъ шведы, по слабости силъ, не могли угрожать. Тѣмъ же платили имъ и наши отряды, доходившіе до Березовыхъ острововъ и почти до самаго Выборга.

Въ 1706 году флотъ, отъ апрѣля до октября, провелъ въ стоянкѣ у Кроншлота и въ мирныхъ крейсерствахъ, для обученія команды. Царь, желая усовершенствовать своихъ моряковъ собственно въ морскомъ дѣлѣ, то есть, въ управленіи судами въ морѣ, приказалъ Крюйсу обратить на это особенное вниманіе. Но какъ корабельные экипажи были далеко не въ полномъ комплектѣ, то рѣшили посылать корабли въ море поочередно, на трои сутки, разумѣется соблюдая при этомъ крайнюю осторожность отъ непріятеля и удаляясь въ море на столько, чтобы не быть отрѣзанными отъ Кроншлота [1]). Шведы, со своей стороны, были еще осторожнѣе и

Занятія флота въ 1706 году.

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 153.

Неудовольствіе Петра на Крюйса.

до сентября почти не показывались на видъ Котлина. Только одинъ разъ, въ началѣ мая, когда въ крейсерствѣ верстахъ въ 15-ти отъ Котлина находился на шнявѣ *Мункеръ* царь (произведенный въ этомъ году въ капитанъ-командоры), показались въ морѣ 7 шведскихъ судовъ [1]). Петръ тотчасъ условными выстрѣлами извѣстилъ вице-адмирала о появленіи непріятеля и ожидалъ, что Крюйсъ воспользуется такимъ случаемъ и попробуетъ захватить шведскія суда. Но вице-адмиралъ почему-то, думалъ иначе и не сдѣлалъ никакого распоряженія; такимъ образомъ, надежда царя на новую морскую побѣду не осуществилась. Этотъ случай глубоко огорчилъ Петра, однакожъ онъ, какъ подчиненный, тогда терпѣливо перенесъ оскорбительное невниманіе начальника къ своему донесенію, но, не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ уже въ царской резолюціи, на одно изъ донесеній Крюйса, высказалъ свой гнѣвъ съ безпощадной ироніей, въ которой у него не было недостатка.

Значительная польза отъ дѣйствія бомбами, оказавшаяся во время послѣдняго нападенія шведовъ на Котлинъ, заставила, по представленію Крюйса, увеличить число бомбардирскихъ судовъ и къ двумъ бомбардамъ, устроеннымъ въ прошломъ году изъ провіантскихъ судовъ (*Вейнъ-драгеръ* и *Биръ-драгеръ*), въ 1706 году прибавлены были бомбардирскій гальотъ и приспособленные подъ мортиры шмаки. По указанію Крюйса приступлено было къ постройкѣ двухъ плавучихъ батарей или, какъ ихъ тогда называли, прамовъ. Это были совершенно плоскодонныя суда, вооруженныя 16 и 18 орудіями большаго калибра, не менѣе полукартауловъ или 18-ти фунтовыхъ [2]).

Весною царь ходилъ къ рѣкѣ Сестрѣ и 4-го іюля оставилъ флотъ, дойдя, на шнявѣ *Мункеръ*, до острова Гаривалдая, оттуда сухимъ путемъ поѣхалъ въ Нарву и далѣе до Кіева. Въ Петербургъ Петръ возвратился только въ началѣ сентября, къ предстоявшей осадѣ Выборга [3]).

Неудачная осада Выборга (1706 г.)

Разсчитывая на слабость непріятельскаго корпуса, расположеннаго въ Финляндіи, и на удаленіе къ осени шведскаго флота, стоявшаго у Біорко-зунда, Петръ полагалъ возможнымъ взять Выборгъ, пред-

[1]) Матеріалы для истор. флота. Морскіе журн. стр. 2.

[2]) Списокъ русск. воен. судовъ. Матеріалы Отд. I №№ 140, 143, 145, и 150.

([3] Матеріалы. Извл. изъ журн. стр. 9.

ставлявшій опорный пунктъ для дѣйствій непріятеля противъ Котлина и Петербурга. Пріобрѣтеніе Выборга, лишая шведскій флотъ удобной станціи, сдѣлало бы русскихъ хозяевами всей восточной части Финскаго залива и значительно обезопасило бы Котлинъ и Петербургъ.

Въ надеждѣ на обычное удаленіе шведскаго флота, войска наши въ октябрѣ мѣсяцѣ обложили Выборгъ; но какъ, противъ ожиданія, адмиралъ Анкерштернъ не отходилъ отъ Біорко-зунда, то къ нашему осадному корпусу моремъ ничего доставить было нельзя, а дурныя дороги и недостатокъ лошадей затрудняли перевозку тяжестей берегомъ. Отъ этого осаждавшіе нуждались не только въ артиллеріи, но и въ самомъ продовольствіи и принуждены были снять осаду и возвратиться на зимнія квартиры [1]).

Взятіе бота «Эсперн».

Неудачная осада Выборга ознаменовалась однакожъ блистательнымъ морскимъ подвигомъ, показавшимъ какимъ чуднымъ одушевленіемъ проникнуты были наши войска и съ какою отчаянною храбростію и находчивостію дѣйствовали они даже въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ нападеніе казалось просто безуміемъ. Ночью 12-го октября, изъ лагеря, расположеннаго подъ самымъ городомъ, посланы были пять лодокъ, въ выборгскую губу, захватить, если представится случай, какое нибудь изъ купеческихъ судовъ, шедшихъ изъ города въ море. Лодками командовали преображенскаго полка сержантъ Михаилъ Щепотьевъ, бомбардиръ Автомонъ Дубасовъ, и два флотскихъ унтеръ-офицера: Наумъ Синявинъ и Скворцовъ; съ ними было 48 человѣкъ солдатъ. Темнота осенней ночи и нашедшій туманъ, совершенно скрыли купеческія суда, и наши лодки, миновавъ ихъ, наткнулись на ботъ *Эсперн*, одинъ изъ двухъ военныхъ ботовъ, присланныхъ отъ Анкерштерна для охраненія торговыхъ судовъ. Ботъ былъ значительной величины, вооруженъ четырьмя пушками и имѣлъ болѣе 100 человѣкъ экипажа. Русскіе, замѣтивъ ошибку, не подумали объ отступленіи, а бросились на абордажъ и послѣ короткаго сопротивленія загнали шведовъ въ палубу и овладѣли судномъ. На шумъ сраженія и ружейные выстрѣлы подошелъ другой непріятельскій ботъ и открылъ пушечный огонь. Русскіе обрубили канатъ и начали отстрѣливаться изъ ру-

[1]) Nordberg. Hist. de Charle XII, II, стр. 142.

жей и пушекъ, для которыхъ порохъ и снаряды были предусмотрительнымъ непріятелемъ приготовлены на палубѣ. Отбившись благополучно отъ преслѣдованія, храбрецы привели взятое судно къ своему лагерю. Блистательное дѣло это было очень кровопролитно: изъ находившихся на боту 103-хъ солдатъ и 5-ти офицеровъ, въ плѣнъ взято только 23 солдата и кромѣ того 3 женщины. У насъ убиты Щепотьевъ и Дубасовъ и изъ 48 человѣкъ осталось въ живыхъ 18 и, въ томъ числѣ, только 4 нераненыхъ [1]). У одного изъ шведскихъ историковъ [2]) наши пять лодокъ съ полусотней людей превращены были въ шесть военныхъ судовъ, съ четырьмя стами экипажа.

Пріемъ на флотѣ адмирала Головина (1706 г.).

Въ маѣ мѣсяцѣ пріѣхали въ Петербургъ вызванный царемъ для совѣщанія адмиралъ графъ Ѳ. А. Головинъ и адмиралтейцъ Ѳ. М. Апраксинъ [3]). Желая принять адмирала первый разъ на новомъ флотѣ съ должнымъ почетомъ, царь поручилъ Боцису устроить относительно этого пріема все «какъ водится въ Венеціи». 15-го мая Головинъ, шедшій изъ Петербурга на шнявѣ *Мункеръ*, близъ флота встрѣченъ былъ шаутбенахтомъ Боцисомъ съ семью галерами и привѣтствованъ стрѣльбою «изъ пушекъ, послѣ изъ мелкаго ружья и со всѣхъ галеръ по три раза». Когда адмиралъ прибылъ на флотъ и поднялъ свой флагъ, то первымъ началъ салютъ его флагманскій фрегатъ, а за нимъ и всѣ прочіе, поднявъ при этомъ [4]) вымпела на гротъ-стеньгахъ. По окончаніи салютовъ командиры явились на флагманскій корабль представиться адмиралу, потомъ самъ Головинъ посѣтилъ вице-адмирала. При входѣ адмирала на фрегатъ Крюйса «пробили одинъ разъ дробь, и стали бить походъ» [5]).

Печальная церемонія по случаю кончины адмирала.

Въ то же лѣто происходилъ на флотѣ другой, уже печальный, церемоніалъ, по случаю кончины Головина, 18-го августа когда получено было объ этомъ на флотѣ извѣстіе, на гротъ-стеньгѣ флагманскаго корабля подняли до половины флагштока адмиральскій флагъ и сдѣлали чрезъ большіе промежутки девять выстрѣловъ.

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 161.
[2]) Nordberg. Hist. de Charle XII. II, стр. 143.
[3]) Дѣянія Петра Велик. Голикова, т. II стр. 308.
[4]) Въ знакъ поступленія въ команду адмирала.
[5]) Матеріалы. Морскіе журналы, стр. 3.

Потомъ на всѣхъ корабляхъ приспустили кормовые флаги въ полъ флагштока. На галерѣ Боциса адмиральскій флагъ поднятъ былъ также до половины флагштока, а обыкновенный флагъ и весла опущены «немного не до воды» и сдѣлано 13 выстрѣловъ. У прочихъ галеръ также были приспущены флаги и опущены весла[1]). Въ такомъ положеніи флотъ простоялъ до вечера.

Церемоніалъ погребенія флагмановъ.

Въ то время погребеніе высшихъ чиновъ флота происходило вообще съ большою церемоніею. Напр., при погребеніи шаутбенахта Реза, скончавшагося въ Петербургѣ, осенью 1705 г., была устроена слѣдующая процессія: впереди шелъ батальонъ, держа ружья на погребеніе и съ барабанами обтянутыми чернымъ сукномъ. Флагъ шаутбенахта несъ поручикъ. Тѣло привезенное на траурныхъ саняхъ, за 100 саженъ до могилы поставили на «одръ», который несли 12 поручиковъ, а четыре капитана держались за висѣвшіе съ каждаго угла «слееры». За тѣломъ шли: «большой капитанъ съ флагманами, господа бояре и князи, генералъ-маіоры и полковники Толбухинъ и Островскій». Выносъ тѣла происходилъ изъ дома Крюйса, стоявшаго на нынѣшней дворцовой набережной. Когда процессія тронулась, на флотѣ, стоявшемъ на Невѣ, съ шаутбенахтова корабля сдѣлали 9 выстрѣловъ и «опустили» (приспустили) флагъ, а съ прочихъ кораблей дѣлали по одному выстрѣлу черезъ минуту до тѣхъ поръ, покуда всѣ провожавшіе тѣло ни возвратились въ домъ вице-адмирала, и тогда въ послѣдній разъ стоявшія на Невѣ суда отсалютовали по 7 выстрѣловъ. У могилы сдѣланы три залпа изъ ружей[2]).

Новый адмиралъ.

По смерти Головина званіе адмирала и президента адмиралтействъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и дѣйствительное управленіе флотомъ перешло къ Ѳ. М. Апраксину. При этой перемѣнѣ, Крюйсъ, находившійся постоянно въ хорошихъ отношеніяхъ съ Апраксинымъ, несмотря на кажущееся умаленіе своего значенія, не могъ не радоваться новому начальству. Хотя теперь вице-адмиралъ изъ главнаго дѣятеля превращался въ ближайшаго исполнителя распоряженій адмирала, но при этомъ съ Крюйса спадала огромная и опасная отвѣтственность и измѣнялись въ благопріятную сторону сношенія со всѣми второстепенными начальниками, завѣдывавшими адмирал-

[1]) Матеріалы. Морск. журналы, стр. 3 и 4.
[2]) Каб. Дѣл. отд. II, № 5.

теиствами и верфями. Апраксинъ былъ лицо довѣренное и близкое къ царю, а потому, при его непосредственномъ участіи въ управленіи, все необходимое для флота, чего Крюйсъ иногда не могъ добиться, несмотря на самыя энергическія усилія, — теперь являлось въ возможной скорости и исправности.

Кампанія 1707 года.

Въ 1707 году флотъ вышелъ на рейдъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, едва только успѣлъ пройти по Невѣ ледъ. Изъ числа судовъ стоявшихъ на рейдѣ было 11 фрегатовъ, 7 шнявъ, 7 галеръ, 6 брандеровъ, 2 бомбардирскихъ судна, 2 прама и нѣсколько мелкихъ судовъ [1]). Для усиленія защиты Котлина по проекту Крюйса, построена была на косѣ, крѣпость св. Александра. Флагъ Апраксина поднятъ былъ на спущенномъ въ этомъ году фрегатѣ *Олифантъ (Слонъ)*.

Инструкція командирамъ судовъ.

Командирамъ судовъ адмиралъ далъ инструкцію, которою предписывались опредѣленныя правила осторожности отъ непріятеля, въ случаѣ же неизбѣжной встрѣчи съ нимъ, велѣно было «поступать при этомъ какъ прилично доброму и честному офицеру, которому надлежитъ потомъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ добрый отвѣтъ дать» [2]). Но вообще Апраксинъ не очень твердо надѣялся на свой флотъ и въ письмахъ къ государю выражалъ опасенія, чтобы въ случаѣ какого несчастія не быть въ отвѣтѣ. На это Петръ ему отвѣчалъ: «ежели безсчастія бояться, то и счастія не будетъ. Того для, съ помощію Божіею, извольте сему послѣдовать (ибо и на сухомъ пути не вездѣ находятъ), и сколько возможно надъ непріятелемъ искать» [3]). Шведскій флотъ по прежнему провелъ лѣто въ Біорко-зундѣ и только высылалъ крейсеровъ для воспрепятствованія русскимъ судамъ плаванія по Финскому заливу и вообще для наблюденія за движеніями нашего флота. Съ этою цѣлію между Біорко и Котлиномъ постоянно держался сильный шведскій отрядъ, судовъ изъ восьми. При близкомъ сосѣдствѣ двухъ враждебныхъ флотовъ, между ними иногда пересылались парламентеры, причемъ взаимныя отношенія непріятелей отличались самымъ любезнымъ вниманіемъ. При

---

[1]) Мат. Отд. I. №№ 186 и 196; въ послѣднемъ число фрегатовъ показано невѣрно.

[2]) Собраніе инструкцій на голландскомъ языкѣ, находящееся въ главномъ морскомъ архивѣ.

[3]) Матеріалы. Отд. I. № 199.

военныхъ же столкновеніяхъ вообще, на сколько шведы были нерѣшительны и медленны, на столько дѣйствія русскихъ отличались энергіею и смѣлостію, доходившими до дерзости.

Плаванія въ Финскомъ заливѣ.

Корабельный флотъ, стоявшій подъ флагомъ Апраксина на котлинскомъ рейдѣ, изъ опасенія близкаго сосѣдства шведовъ ограничился высылкою въ крейсерство къ Красной горкѣ двухъ отрядовъ: одного подъ начальствомъ капитана Шельтинга, а другаго — Беземакера, очередовавшихся по шести дней. Но отряды мелкихъ судовъ начали уже дѣлать весьма смѣлыя плаванія. Нѣсколькихъ дней, на которые весною опоздали шведы явиться на свой обычный постъ къ Березовымъ островамъ, достаточно было для перехода изъ Нарвы моремъ къ Кроншлоту цѣлаго отряда русскихъ судовъ, состоявшаго изъ 9 гальотовъ, взятыхъ въ 1704 году въ Нарвѣ, и 40 бригантинъ, построенныхъ въ Лугѣ [1]). Это первое плаваніе русскихъ вновь пріобрѣтенному морю очень обрадовало Петра. Получивъ объ немъ извѣстіе, царь писалъ Апраксину: «Поздравляю вашу милость съ счастливымъ приходомъ на Остъ-зее и первымъ распущеніемъ витъ-флага (white-бѣлый), которое мы за своимъ благосчастіемъ видѣть не сподобились; и понеже отъ Нарвы прямымъ фарватеро-курсомъ еще никто изъ нашихъ не былъ доселѣ, которое нынѣ при началѣ вашей команды учинено, въ чемъ желаемъ отъ Бога, дабы васъ вящимъ счастіемъ благословилъ, не точію на семъ, но и на полуденномъ морѣ [2])».

Другое замѣчательно смѣлое плаваніе, продолжавшееся недѣлю (съ 1 до 7 мая), было совершено капитаномъ Дамьяни, или, какъ его у насъ называли даже въ официіальныхъ бумагахъ, Демьяновымъ; Дамьяни съ 9 бригантинами, изъ которыхъ на каждой было по 32 человѣка, доходилъ до Гогланда, разорилъ селенія на островахъ лежащихъ по пути и благополучно, незамѣченный непріятельскими судами, возвратился къ Котлину съ нѣсколькими плѣнными [3]). Не смотря на такія дѣйствія русскихъ, шведы не сдѣлались внимательнѣе и, въ августѣ мѣсяцѣ, шаутбенахтъ Боцисъ

---

[1]) Матеріалы. Отд. I № 195.
[2]) Дѣян. Петра Велик. XI. стр. 310.
[3]) Матеріалы. Отд. I №№ 193, 195 и 196.

со скампавеями (небольшими галерами) и бригантинами, въ числѣ 14 судовъ, благополучно пробрался мимо шведскихъ крейсеровъ къ сѣверному берегу Финскаго залива и прошелъ шхерами отъ Біорко до меридіана Гогланда; отсюда онъ спустился къ Нарвѣ и, держась близъ южнаго берега, возвратился къ Кроншлоту. Плаваніе Боциса продолжалось съ 10 по 30 августа. Въ финскихъ шхерахъ онъ также успѣлъ захватить нѣсколько плѣнныхъ. Благополучное возвращеніе шаутбенахта изъ такой рискованной экспедиціи радостно привѣтствовалось нашими крейсерами. На ближайшихъ судахъ, мимо которыхъ проходилъ отрядъ Боциса, кричали по три раза ура, на что отъ шаутбенахта отвѣчали тѣмъ же и на всѣхъ бригантинахъ били походъ. На скампавеѣ Боциса, вмѣсто обыкновеннаго кормоваго флага, былъ поднятъ штандартъ, вѣроятно въ знакъ успѣшнаго похода [1]).

Морскія военныя дѣйствія этого года заключились въ сентябрѣ двухнедѣльнымъ пребываніемъ Боциса съ отрядомъ бригантинъ на Ладожскомъ озерѣ; цѣль похода была пособіе нашимъ сухопутнымъ войскамъ въ очищеніи отъ шведовъ корельскаго берега. Боцисъ, по разореніи нѣсколькихъ деревень, возвратился въ Петербургъ, съ добычею и 90 плѣнными.

Царь, прибывшій въ Петербургъ въ исходѣ октября, нашелъ флотъ уже въ гавани. Съ Апраксинымъ и Крюйсомъ посѣтилъ онъ Котлинъ, и 4-го ноября, вторично ходилъ туда, для испытанія построенныхъ по собственному его проекту бригантинъ, которыя въ отличіе отъ бригантинъ итальянской постройки назывались *русскими*.

Весною 1708 года флотъ, по обыкновенію, началъ вытягиваться изъ гавани, какъ только тронулся на рѣкѣ ледъ, и вскорѣ, 20-го апрѣля, спустился отъ Петропавловской крѣпости къ устью Невы. Государь же наканунѣ этого дня, съ 9-ю буерами отправился въ Шлиссельбургъ, для встрѣчи гостей, вызванныхъ имъ изъ Москвы, волею или неволею, посмотрѣть новый городъ, крѣпости и, главное, полюбоваться флотомъ. Гости эти были семья царская: вдовствующія царицы (царя Іоанна Алексѣевича) Прасковья Ѳедоровна съ тремя дочерями, (царя Ѳедора Алексѣевича) Марфа Матвѣевна и

Прибытіе царской семьи.

---

[1]) Матеріалы. Извл. изъ журн. стр. 13. Морск. журн. стр. 7.

три сестры самого Петра (царевны Наталья, Марья и Өедосья); всѣ онѣ въ первый разъ ѣхали въ Петербургъ. Въ свитѣ находились нѣсколько важныхъ сановниковъ, также не видавшихъ новаго города; въ числѣ ихъ были князь Өедоръ Юрьевичъ Ромодановскій и Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ.

На встрѣчу гостямъ Петръ выѣхалъ сухимъ путемъ за 8 верстъ отъ Шлиссельбурга. Задержанные льдомъ, шедшимъ по Невѣ, московскіе гости должны были провести въ Шлиссельбургѣ нѣсколько дней, осматривая мало интересные для нихъ городъ и крѣпость, и въ Петербургъ прибыли, Невою на буерахъ, только 25-го апрѣля [1]). Верстахъ въ 4-хъ отъ Петербурга, когда Апраксинъ, вышедшій на яхтѣ, встрѣтилъ гостей пушечною пальбою, Петръ сказалъ ему при нихъ: «я пріучаю семейство мое къ водѣ, чтобы не боялись впередъ моря и чтобы понравилось имъ положеніе Петербурга, который окруженъ водами. Кто хочетъ жить со мною, тотъ долженъ бывать часто на морѣ» [2]). При выходѣ царицъ и царевенъ на берегъ у губернаторскаго дома (Меншикова, гдѣ нынѣ Павловское военное училище), съ крѣпости стрѣляли изо всѣхъ пушекъ «и веселилися въ томъ домѣ довольно и потомъ уже въ самую полночь по своимъ домамъ разъѣхались [3])».

28-го апрѣля адмиралъ Апраксинъ и государь (какъ капитанъ-командоръ) прибыли къ флоту, стоявшему близъ устья Невы. Здѣсь адмиралъ поднялъ свой флагъ на фрегатѣ *Думкратъ*, а вице-адмиралъ Крюйсъ на фрегатѣ *Олифантъ* [4]). На слѣдующій день государь на шнявѣ *Мункеръ*, въ сопровожденіи другихъ шнявъ, отдѣлился отъ флота и пошелъ къ Кроншлоту; но не дойдя до него версты за двѣ, остановленный сильнымъ льдомъ, долженъ былъ стать на якорь. Интересно, что Петръ, любившій забавы, не мѣшавшія дѣлу, и здѣсь устроилъ потѣху въ родѣ той, которая совершалась моряками другихъ флотовъ при переходѣ черезъ экваторъ. Въ журналѣ Наума Синявина, служившаго на шнявѣ *Мункеръ* поручикомъ, записано: «какъ кинули якорь, тогда купали Ушакова и за недопусканіе до воды взяли 3 рубля денегъ, съ Бориса Неро- **Открытіе кампаніи въ 1708 году.**

---

[1]) Матеріалы. Извлеч. изъ журн. стр. 15.
[2]) Записки Нартова. Москвитянинъ ч. VI. стр. 117—8.
[3]) Матеріалы. Извлеч. изъ журн. стр. 15.
[4]) Матеріалы. Отд. I. 219.

нова, за тожъ — 10 рублевъ» Разница противъ празднованія перехода черезъ экваторъ состояла въ томъ, что тамъ переходившихъ въ первый разъ въ другое полушаріе купали въ теплой водѣ; а здѣсь, кажется, новичковъ въ морскомъ дѣлѣ хотѣли заставить брать ледяныя ванны, которыя если не могли быть пріятны дѣйствующимъ лицамъ, то конечно доставили бы большое удовольствіе зрителямъ. На версту около Котлина стоялъ еще такой твердый ледъ, что царь могъ пробраться по немъ пѣшкомъ до Кроншлота [1]).

Корабельный флотъ, вышедшій за вѣхи, по обыкновенію не въ полномъ грузу, принялъ здѣсь все необходимое и 1 мая стоялъ уже у Кроншлота, гдѣ присоединились къ нему и галеры, бывшія подъ командою Боциса.

Составъ дѣйствующаго флота.

Флотъ состоялъ изъ 12-ти фрегатовъ (двухъ 32-хъ пуш. и десяти 28-ми пуш., которые тогда называли «кораблями»); 8-ми галеръ, вооруженныхъ, каждая, однѣмъ 36-ти фунт. орудіемъ и семью 6-ти фунт. пушками; 6-ти брандеровъ; 2-хъ бомбардирскихъ судовъ; 10-ти шнявъ; 20-ти русскихъ бригантинъ и нѣсколькихъ другихъ мелкихъ судовъ. Кромѣ этого, для перевозки провіанта, было приготовлено еще 14 пинковъ, шмаковъ и гальотовъ [2]). Вышедшія на кроншлотскій рейдъ суда царь со своими гостями посѣтилъ 2-го мая.

Военныя дѣйствія (1708 г.)

Съ утвержденіемъ на восточномъ концѣ Финскаго залива и усиленіемъ флота, дѣйствія русскихъ на сухомъ пути, и особенно на морѣ, становились все смѣлѣе и рѣшительнѣе. Въ февралѣ одинъ изъ сухопутныхъ отрядовъ подходилъ почти подъ самыя стѣны выборгской крѣпости и возвратился съ 70-ю плѣнными, а въ началѣ мая, пользуясь отсутствіемъ шведскаго флота, наши отряды, подъ начальствомъ полковниковъ Толбухина и Островскаго, ходили на лодкахъ къ непріятельскимъ берегамъ. Пройдя близъ сѣвернаго берега и Березовымъ зундомъ, Толбухинъ доходилъ почти до Выборга. По пути онъ разорялъ селенія и, забравъ нѣсколькихъ плѣнныхъ, возвратился къ Котлину 13 мая.

---

[1]) Матеріалы. Морск. журн. стр. 8.

[2]) Матеріалы. Отд. I. №№ 210, 217 и 219.

Шведскій флотъ, задержанный въ Ревелѣ противнымъ вѣтромъ, явился къ своему обычному посту — Березовымъ островамъ — только въ половинѣ мая. Одинъ разъ къ стоявшему на якорѣ шведскому флоту капитанъ Безмакеръ, со шнявами, подходилъ такъ близко, что за нимъ пустились въ погоню 4 корабля [1]); но самый дальній и успѣшный изъ походовъ этого года совершилъ Боцисъ. Онъ 6-го мая посланъ былъ Апраксинымъ «повредить мѣста шведскія» съ 500 человѣкъ, посаженныхъ на 9-ти скампавеяхъ и 7-ми бригантинахъ. Выйдя въ море, наши суда встрѣтили сильный ледъ, шедшій изъ выборгскаго залива, и вошли въ шхеры, гдѣ захвативъ проводниковъ направились къ городу Борго, въ которомъ стоялъ отрядъ шведскихъ войскъ подъ начальствомъ Майделя. Высадивъ десантъ, Боцисъ оттѣснилъ шведовъ и овладѣвъ городомъ, разорилъ его и сжегъ. Кромѣ уничтоженія самого Борго, имѣвшаго до 300 дворовъ, «зѣло богатыхъ», Боцисъ разорилъ до 15 деревень и домъ самаго Майделя; истребилъ 16 довольно большихъ двухъ-мачтовыхъ купеческихъ судовъ и уничтожилъ большіе запасы провіанта. Убытокъ понесенный непріятелемъ, Боцисъ, конечно преувеличивая, считаетъ больше милліона рублей и убитыхъ непріятелей до 300 человѣкъ. При взятіи Борго русскихъ убито 15 и ранено 48 человѣкъ [2]). Опасаясь появленія шведскаго флота, Боцисъ не могъ тратить время на собираніе добычи, и торопился сжечь все, чего не успѣлъ взять съ собою. 15-го мая онъ благополучно возвратился къ Кроншлоту, съ нѣсколькими плѣнными. Подобные частные успѣхи, благодѣтельно дѣйствуя на духъ нашего флота и наводя страхъ на непріятельскіе берега, конечно, не имѣли вліянія на общій ходъ военныхъ дѣйствій, который началъ принимать угрожающій для Россіи характеръ. Карлъ XII принудилъ Августа къ миру и слѣдствіемъ этого было присоединеніе саксонскихъ войскъ къ шведскимъ. Теперь вторженіе непріятеля въ границы Россіи дѣлалось весьма вѣроятнымъ. Нападеніе могло быть произведено съ разныхъ пунктовъ и надо было всюду готовиться къ его отраженію.

---

[1]) Журн. Петра Велик. I, стр. 152 и Матер. Отд. I. №№ 220 и 221.
[2]) Мат. Отд. I. № 223.

Апраксинъ, которому поручена была защита Ингріи, долженъ былъ наблюдать за войсками Левенгаупта, расположенными въ Лифляндіи, и въ то же время, за генераломъ Любекеромъ, который съ 13-ти тысячнымъ корпусомъ угрожалъ со стороны Финляндіи. На югѣ бунтъ донскихъ казаковъ, поднятыхъ Булавинымъ, въ случаѣ усиленія его, могъ разрушить всѣ труды Петра на Дону и на Азовскомъ морѣ и тѣмъ облегчить торжество Карла. Поручивъ Шереметеву наблюдать за движеніемъ главной шведской арміи, слѣдовавшей въ Сѣверскую область, Петръ, послѣ двухъ-мѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ и на флотѣ, въ исходѣ іюня отправился къ арміи и, двинувшись на Левенгаупта, разбилъ его при деревнѣ Лѣсное; а Апраксинъ у Ракобора (Вейсенберга, въ Эстляндіи) разбилъ два полка корпуса Штромберга; причемъ шведы потеряли болѣе 900 человѣкъ убитыми и до 250 ранеными [1]).

Неудачное нападеніе Любекера.

Движеніе Штромберга было въ связи съ дѣйствіями Любекера, который съ 4-мя тысячами кавалеріи и 9-ю пѣхоты, 28 августа, перейдя рѣку Сестру, явился на правомъ берегу Невы выше Тосны, и чтобы скрыть настоящій пунктъ, избранный для переправы, началъ въ разныхъ мѣстахъ строить укрѣпленія. Въ тоже время 22 шведскихъ судна показались въ виду Кроншлота [2]). Апраксинъ, собравъ сколько могъ войскъ, размѣстилъ ихъ въ болѣе угрожаемыхъ мѣстахъ вдоль берега Невы, оставаясь самъ въ Ижорѣ. Чтобы воспрепятствовать переправѣ непріятеля, двѣ шнявы поставлены были противъ рѣки Охты и 5 русскихъ бригантинъ, (на каждой по 50 человѣкъ экипажа) близъ Ижоры. Боцисъ съ 8 скампавеями находился между рѣчками Мьей и Мойкой, впадающими въ Неву выше Тосны.

Шведы, сдѣлавъ нѣсколько фальшивыхъ попытокъ къ переправѣ, 29-го августа, верстахъ въ трехъ ниже Тосны, начали дѣйствительную переправу на плотахъ, устроенныхъ каждый изъ 8 понтоновъ, связанныхъ вмѣстѣ и покрытыхъ досками. Плоты шли на веслахъ и на каждомъ изъ нихъ было человѣкъ по 300 солдатъ. Во время переправы 8 орудій обстрѣливали противоположный берегъ. Апраксинъ, явясь на мѣсто переправы, спѣшилъ собрать бли-

[1]) Журн. Петра Велик. I, стр. 161.
[2]) Матеріалы. Отд. I. № 238.

жайшія войска, а по Невѣ успѣли подойти двѣ русскія бригантины, поручиковъ Наума Сипявина и Лоренса. Сначала ихъ выстрѣлы заставили было непріятеля пріостановить переправу, и солдаты начали сходить съ плотовъ; но вскорѣ шведскія пушки нанесли такой вредъ бригантинамъ, что тѣ должны были отойти изъ подъ непріятельскихъ выстрѣловъ, а переправившаяся на лѣвой берегъ Невы часть шведовъ немедленно начала строить укрѣпленіе. Апраксинъ не имѣлъ достаточныхъ силъ отбросить непріятеля за рѣку и, послѣ 3-хъ часоваго боя, долженъ былъ отступить. Между тѣмъ Боцисъ, со своими галерами, нѣсколько дней напрасно прождавшій непріятеля и получившій ложное извѣстіе о движеніи его къ Шлиссельбургу, поспѣшилъ туда и даже услышавъ пальбу у мѣста настоящей переправы, по какой то странной увѣренности въ первоначальномъ извѣстіи, продолжалъ свой путь и, такимъ образомъ, сдѣлался главнымъ виновникомъ успѣшной переправы непріятеля [1]).

Любекеръ углубился въ Ингерманландію, гдѣ надѣялся найти обильные запасы провіанта, но предусмотрительность русскихъ разрушила его надежды. При первомъ извѣстіи о движеніи шведовъ, все, что успѣли, перевезли въ Петербургъ, а остальное сожгли. Благодаря такому распоряженію, шведамъ вмѣсто ожидаемаго готоваго продовольствія пришлось питаться хлѣбомъ, оставшемся на поляхъ, и даже кониною. Дойдя до Дудергофа, солдаты Любекера уже терпѣли голодъ: 16-го сентября они вышли на морской берегъ противъ Кроншлота (гдѣ нынѣ Ораніенбаумъ) и отсюда потянулись къ Гарибалдаю, куда пошелъ за ними и флотъ, стоявшій съ исхода августа въ виду Кроншлота.

При разбитіи, близъ Копорья, русскаго отряда, бывшаго подъ начальствомъ генерала Фризера, въ обозѣ его шведами найдено письмо Апраксина, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ о скоромъ своемъ прибытіи съ значительнымъ войскомъ. Это извѣстіе было ложное и отправлено не съ тѣмъ, чтобы оно дошло по назначенію, но съ тѣмъ, чтобы на пути попало въ руки шведовъ. Неожиданно оно дошло до Фризера и только теперь, попавъ къ непріятелю, исполнило свое назначеніе — напугать Любекера и заставить его удалиться. Шведы повѣрили извѣстію и стали готовиться къ отступ-

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 239—241.

ленію: они подошли къ берегу моря и остановились у Копорскаго залива, близъ деревни Кривые ручьи. Желая обезопасить посадку войска на суда, непріятель оградился укрѣпленіями и засѣками. Безпокоимый малыми партіями Апраксина и, главное, голодомъ, Любекеръ 12-го октября началъ перевозить свой отрядъ на эскадру, бывшую подъ начальствомъ Анкерштерна, съ тѣмъ, чтобы на ней переправиться въ Финляндію; по невозможности помѣстить на судахъ лошадей Любекеръ приказалъ перебить ихъ до 6,000. Подойдя къ берегу, Апраксинъ засталъ на немъ только 5 батальоновъ. Наши войска, обойдя шведское укрѣпленіе со стороны моря, овладѣли имъ; у непріятеля при этомъ было убито 900 и взято въ плѣнъ 209 человѣкъ; русскіе потеряли убитыми и ранеными 278 человѣкъ. Вообще, впродолженіе этого похода отрядъ Любекера убитыми, ранеными, умершими отъ болѣзней и перебѣжавшими уменьшился на третью часть.

Такъ окончилась эта попытка, составлявшая часть обширнаго плана: одновременно съ движеніемъ Любекера, на соединеніе съ нимъ, предполагалось двинуть изъ Ревеля къ Нарвѣ пятитысячный отрядъ генерала Штромберга. Войска эти, при пособіи флота Анкерштерна и приготовленныхъ имъ заранѣе въ достаточномъ количествѣ гребныхъ судовъ, должны были овладѣть Кроншлотомъ, Котлиномъ и Петербургомъ. Но обстоятельства сложились иначе, военное счастіе перешло на сторону Петра и всѣ отдѣльныя побѣды на сѣверѣ и усмиреніе бунта казаковъ на югѣ значительно измѣнили дѣло въ пользу Россіи. Теперь уже можно было надѣятся, что дорогія дѣтища царя, флоты азовскій и балтійскій, и охраняемые ими важные пункты — Азовъ и Петербургъ, останутся недоступными для непріятеля.

По минованіи опасности, 15-го октября флотъ возвратился въ Петербургъ, вошелъ въ гавань и разоружился [1]). Наступившіе большіе морозы дѣлали позднѣйшее плаваніе невозможнымъ и ненужнымъ.

Военныя дѣйствія на югѣ.

Испытавъ неуспѣхи на сѣверѣ, Карлъ сталъ главными своими силами угрожать югу Россіи. Обнадеженный гетманомъ Мазепою въ изобиліи заготовленнаго по крѣпостямъ продовольствія и

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 244 и 245.

общемъ нерасположеніи жителей Малороссіи къ русскимъ, король шведскій двинулся въ Украйну, но не нашелъ въ ней ничего изъ обѣщаннаго. Заготовленный провіантъ достался нашей арміи, а нерасположеніе къ русскимъ существовало только у немногихъ лицъ, преданныхъ Мазепѣ или увлеченныхъ обманомъ. Шведская армія, преслѣдуемая со всѣхъ сторонъ русскими, истощалась безполезными передвиженіями по разоренной странѣ и не находила даже удобныхъ квартиръ для зимовки. Опасенія за азовскій флотъ заставили царя, весною 1709 года, со вскрытіемъ льда поспѣшить въ Воронежъ; о дѣйствіяхъ его на Дону мы уже говорили выше (на страницѣ 134).

Когда еще нельзя было предугадать, куда направится армія Карла, опасенія за Петербургъ заставили Апраксина, для защиты Котлина, порученной петербургскому коменданту Брюссу, прислать девять пѣхотныхъ полковъ и въ январѣ 1709 года сдѣлать секретное распоряженіе о содержаніи на всякій случай въ готовности всѣхъ гребныхъ судовъ въ Петербургѣ и Шлиссельбургѣ.

Выходъ флота къ Кроншлоту (1709 г.).

29-го апрѣля Крюйсъ, съ бо́льшею частію флота, находился уже у Кроншлота, хотя до 8-го мая стояли еще такіе морозы, что по Невѣ шелъ ледъ, а по маленькимъ рѣкамъ можно было ходить пѣшкомъ. Крейсеры наши, доходившіе до Березовыхъ острововъ, замѣтили по берегу знаки, огни и караулы, изъ чего заключили, что непріятель сталъ теперь осторожнѣе прежняго. Однакожъ, несмотря на это, посланные на лодкахъ до 300 человѣкъ солдатъ успѣли разорить нѣсколько береговыхъ селеній и забрать плѣнныхъ [1]).

Захватъ русскаго парламентерскаго судна

Шведскій адмиралъ, озлобленный подобными нападеніями, отмстилъ за нихъ страннымъ и, какъ послѣдствія показали, невыгоднымъ для самихъ шведовъ способомъ. Крюйсъ послалъ 20-го мая поручика Шмидта, на шнявѣ *Фалкъ*, передать адмиралу письмо изъ Москвы отъ шведскихъ плѣнныхъ и, для этого, велѣлъ Шмидту идти навстрѣчу къ шведскому флоту. Встрѣча эта произошла у Гогланда, и шнява, не смотря на свой парламентерскій флагъ, была задержана непріятелемъ и потомъ признана законнымъ призомъ, какъ судно, умышленно зашедшее въ принадлежащее непріятелю море, для собранія свѣдѣній о шведскомъ флотѣ. По этому пред-

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 253 и 259.

мету между Крюйсомъ и Анкерштерномъ возгорѣлась рѣзкая переписка, которая однакожъ не привела къ освобожденію шнявы. На утвержденіе Анкерштерна, что Шмидтъ не имѣлъ права плавать въ водахъ, принадлежащихъ шведскому королю, Крюйсъ довольно казуистически отвѣчалъ: «я истинно вѣрно вѣдаю, что только единъ Господь Богъ—владѣтель небу, морю и земли. Такожъ и цари россійскіе всегда наслѣдники и владѣтели землямъ, которыя при моряхъ, были и съ помощію Божіею и донынѣ, какъ можешь изъ старыхъ исторіевъ, трактатовъ и изъ нынѣшнихъ морскихъ картъ видѣть, что и до Ревеля. Правда, что здѣшнія земли нѣсколько времени подъ вашимъ владѣніемъ были, такою-жъ правдою какъ вы чаете нынѣ шняву держать своимъ неправдивымъ размышленіемъ. Могу я малымъ трудомъ показать, что Балтикумъ (Балтійское море) всѣмъ государямъ свободенъ былъ; токмо которые мимо Зунда ходятъ, платятъ по договору пошлины королевскому величеству датскому. А что надлежитъ крѣпости Выборга, стоящей на нортной сторонѣ моря, изволь ваше благородіе поворотиться на зюйтную сторону, то узришь, что у россійскаго царя тамо есть четыре крѣпости» (Иванъ-Городъ, Нарва, Ямбургъ и Копорье).

Когда, не смотря на всѣ доводы Крюйса, шнява не была возвращена, то вице-адмиралъ на слѣдующій годъ просилъ позволенія государя задержать шведское судно, привезшее къ Котлину нашихъ плѣнныхъ. На это Петръ отвѣчалъ: «изволь оное отпустить, а что они нашу шняву у себя держатъ, и тому я больше радъ, нежели не радъ, ибо съ помощію Божіею возможно имъ сію неправду вящше отмстить» [1]), и на слѣдующій же годъ, при взятіи Выборга, царь не забылъ исполнить свое обѣщаніе.

Впродолженіе всего лѣта (1709 г.) непріятелемъ въ Финскомъ заливѣ не предпринималось ничего серьезнаго, а въ октябрѣ съ удаленіемъ шведскаго флота и нашъ вошелъ въ обычное мѣсто своей зимовки, Кронверкскую гавань, у Петропавловской крѣпости.

Значеніе для флота полтавской побѣды. Дальнѣйшая судьба русскихъ флотовъ рѣшалась не здѣсь, а на поляхъ далекой Украйны. Уничтоженіемъ шведской арміи подъ Полтавою, 27-го іюня 1709 года, Петръ окончательно утвердилъ Россію на берегахъ Балтійскаго моря. Несмотря на утомленіе,

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 269, 271, 275 и 314.

на тысячи заботъ и распоряженій, неизбѣжныхъ послѣ такой рѣшительной побѣды, радостный царь нашелъ время, въ самый день битвы, написать Апраксину: «нынѣ уже совершенно камень въ основаніе С.-Петербурга положенъ съ помощію Божіею», и эти слова показываютъ, что пріобрѣтеніе морскаго берега Петръ считалъ однимъ изъ самыхъ важныхъ слѣдствій одержанной побѣды.

Но теперь орлиные очи Петра смотрѣли уже далеко за предѣлы Невы и, послѣ такого рѣшительнаго исхода битвы, царь провидѣлъ возможность сдѣлаться полнымъ владѣтелемъ не только всего Финскаго залива, но и Рижскаго, и даже возвратить Россіи тѣ земли, которыя она считала своимъ достояніемъ еще во времена св. Владиміра и Ярослава. Не любившій терять время, Петръ немедленно велѣлъ Апраксину готовиться къ осадѣ Ревеля и Кореллы (Кексгольма), но впослѣдствіи нашелъ болѣе удобнымъ отложить это до будущаго года.

При благопріятной перемѣнѣ обстоятельствъ короли польскій и датскій спѣшили возобновить союзъ съ Россіею, для общаго дѣйствія противъ обезсиленной Швеціи; Августъ поспѣшилъ выступить изъ Саксоніи въ Польшу, чтобы возвратить себѣ престолъ, на которомъ посаженъ былъ Карломъ Станиславъ Лещинскій. Городъ Данцигъ, бывшій до сихъ поръ на сторонѣ новаго короля, прислалъ къ Петру депутацію, заключившую условія, по которымъ до окончанія войны Данцигъ обязался прекратить всякую торговлю со шведами, вооружить на свой счетъ для дѣйствія противъ нихъ три капера, отдавъ ихъ въ распоряженіе короля польскаго, но съ условіемъ, чтобы половина экипажа состояла изъ русскихъ, и наконецъ предоставлялъ русскимъ судамъ, въ случаѣ нужды, свободный входъ въ гавань, причемъ городъ обязался оказывать имъ всякую помощь и оборону [1]). По трактату, заключенному 11-го октября съ Даніею, датскій король обязался сдѣлать высадку въ Сканію [2]), а Петръ—начать дѣйствія въ Финляндіи, Ливоніи и Польшѣ. Весною 1710 года датчане дѣйствительно сдѣлали предположенную высадку, но она была очень неудачна [3]).

---

[1]) Голиковъ. Доп. къ Дѣян. П. В. VIII, стр. 312—315.

[2]) Южную провинцію Швеціи.

[3]) Журн. Петра Велик. I. стр. 241—242.

*

Полученіе Петромъ чина шаутбенахта.

За полтавскую побѣду государь получилъ по арміи чинъ генералъ-лейтенанта, а по флоту — контръ-адмирала или шаутбенахта и флагъ его былъ въ первый разъ поднятъ былъ у палатки, на мѣстѣ сраженія [1]).

Дѣйствія въ Лифляндіи.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ начата осада Риги, но по позднему времени была отложена до будущаго года. Къ предстоявшей осадѣ полоцкому коменданту велѣно было построить на Двинѣ нѣсколько прамовъ и мелкихъ судовъ, для дѣйствія противъ города со стороны рѣки, а также, приготовить до двухъ съ половиною тысячъ 12-ти дюймоваго каната, съ деревянными жолобами для боновъ, которыми предполагалось запереть Двину. Изъ Петербурга для постройки судовъ послали корабельнаго мастера, а для комплектованія будущихъ экипажей командированы офицеры и 180 матросовъ.

Походъ къ Выборгу (1710 г.)

При наступленіи 1710 года, Петръ обратился прежде всего къ Выборгу, представлявшему особенную важность по положенію своему относительно Петербурга, Кореліи и Финляндіи; а, главное, служившему опорою и магазиномъ для шведскаго флота при крейсерствахъ у Березовыхъ острововъ. Къ осадѣ Выборга приступили самой ранней весной. Отрядъ пѣхоты и кавалеріи съ десятью 12-ти фунтовыми пушками и 3-мя мортирами двинулся черезъ Котлинъ моремъ по льду. Главнымъ начальникомъ надъ отрядомъ былъ адмиралъ Апраксинъ, получившій уже за свои заслуги графское достоинство.

Сдѣлавъ благополучный переходъ по морю, 21-го марта, войска подошли къ Выборгу и приступили къ открытію осадныхъ работъ. Сильные морозы и каменистая мѣстность дѣлали работу чрезвычайно трудною [2]). Пришедшія по льду войска, конечно, могли взять съ собою только предметы самые необходимые для начала осады и незначительное количество провіанта; все остальное предполагалось доставить моремъ до прихода шведскаго флота, и отъ успѣшнаго доставленія артиллеріи, снарядовъ, пороха и провіанта зависѣлъ самый успѣхъ осады.

Въ ожиданіи времени, удобнаго для отправки къ Выборгу, провіантъ погрузили на карбасы, которыхъ было болѣе ста, а артиллерія и всѣ прочіе предметы размѣщены на 22 транспортныя судна.

---

[1]) Матеріалы. Морск. журн. стр. 10.

[2]) Журн. Петр. Вел. I. стр. 243. Мат. Извл. изъ журн. стр. 17.

Едва тронулся ледъ, какъ флоты корабельный и галерный, 29-го апрѣля, были уже у Кроншлота. Крюйсъ имѣлъ свой флагъ на фрегатѣ *Олифантъ*, шаутбенахтъ корабельнаго флота (царь) — на шнявѣ *Лизетъ* [1]), а галерный шаутбенахтъ графъ Боцисъ по прежнему начальствовалъ галернымъ флотомъ.

Апраксинъ, начавшій бомбардировку крѣпости 1-го апрѣля, со своими малокалиберными орудіями не могъ имѣть значительнаго успѣха и въ осадномъ корпусѣ уже чувствовался большой недостатокъ въ провіантѣ; поэтому въ поспѣшномъ доставленіи всего нужнаго для веденія осады предстояла настоятельная необходимость.

Вечеромъ, того же 29-го апрѣля, когда флотъ пришелъ къ Кроншлоту, двѣ шнявы *Дегасъ* или *Гасъ* и *Фениксъ* отправлены были къ Березовымъ островамъ для осмотра положенія льда и развѣдыванія о непріятелѣ, а на другой день транспортныя суда, конвоируемыя одинадцатью фрегатами, восемью шнявами (считая тутъ же и двухъ крейсеровъ), и карбасы, сопровождаемые галерами и бригантинами, перешли къ Красной горкѣ. Возвратившіеся крейсеры донесли, что у Березовыхъ острововъ стоитъ сплошной ледъ, черезъ который невозможно пробраться къ Выборгу. Несмотря на представленіе Крюйса, что мелкимъ судамъ, въ случаѣ южнаго вѣтра, будетъ опасно стоять на якорѣ подъ сѣвернымъ берегомъ, Петръ приказалъ каждой бригантинѣ взять на буксиръ по два карбаса, а каждой галерѣ по четыре и по пяти, и вести ихъ къ сѣверному берегу; самъ же съ тремя шнявами отправился отыскивать проходъ между льда. При WSW вѣтрѣ царь, впродолженіе цѣлой ночи, съ большимъ трудомъ и опасностью успѣлъ пробраться до урочища Курома, находящагося въ 6-ти миляхъ отъ Березовыхъ острововъ. За царемъ прошелъ Боцисъ съ галернымъ флотомъ и грузовыми судами и поставилъ ихъ на якорь. Окончивъ это дѣло, неутомимый шаутбенахтъ пробился опять черезъ ледъ къ Красной горкѣ, гдѣ стоялъ корабельный флотъ, успѣлъ съѣздить въ Петербургъ и 5-го мая, едва только фарватеръ очистился отъ льда, опять возвратился къ корабельному флоту и перевелъ его къ сѣверному берегу, гдѣ стояли суда Боциса, окруженныя льдомъ.

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 305.

На разсвѣтѣ 6-го мая подувшій восточный вѣтеръ понесъ въ море ледъ и съ нимъ большую часть провіантскихъ судовъ, которымъ угрожала весьма серьезная опасность быть раздавленными льдомъ. На помощь имъ отправился тотъ же шаутбенахтъ съ тремя шнявами: *Лизета*, *Дегасъ* и *Фениксъ* и провелъ снова цѣлую ночь въ трудномъ и опасномъ плаваніи, безуспѣшно пробиваясь между льда, который густыми массами медленно двигался къ западу и тащилъ съ собою галерный флотъ и грузовыя суда. Послѣднія въ это время находились, по словамъ самого Петра, «почитай въ конечномъ отчаяніи отъ льду» и для спасенія ихъ, по совѣту шаутбенахта, къ двумъ бывшимъ съ нимъ шнявамъ присоединили два самыя новыя и крѣпкія судна: фрегатъ *Думкратъ* (кап. Вилимовскій) и бомбардирскій галіотъ (кап. Валронтъ). Имъ приказано было пробиваться сквозь ледъ къ бѣдствующимъ судамъ во чтобы то ни стало, хотя бы съ крайнею опасностью для самихъ себя. Назначенныя суда исполнили данное имъ порученіе съ полнымъ успѣхомъ: поставивъ всѣ паруса пустились они въ ледъ, пробились до самыхъ галеръ и стали на якорь. За нихъ задержались галеры и другія суда и когда пронесло ледъ, всѣ были спасены, за исключеніемъ четырехъ или пяти грузовыхъ судовъ, раздавленныхъ льдомъ. Но и съ нихъ часть провіанта успѣли спасти, перегрузивъ на другія суда.

Корабельный флотъ, еще 7-го числа подойдя къ Березовымъ островамъ, сталъ на якорь и на другой день царь на шнявѣ *Мункеръ*, командиромъ которой былъ корабельный мастеръ Ѳедосѣй Скляевъ, съ гребнымъ флотомъ пошелъ къ Выборгу и остановился въ 12-ти верстахъ отъ него, въ самомъ узкомъ мѣстѣ Транзунда, противъ нашихъ батарей, построенныхъ на берегу. Для прохода судовъ фарватеръ предварительно былъ огражденъ вѣхами. Скоро явился Апраксинъ и другіе генералы благодарить шаутбенахта за спасеніе осаднаго корпуса, у котораго провіанта оставалось только на два дня, и, еслибы не явилась такъ скоро помощь, то солдаты принуждены бы были ѣсть «не только-что живыхъ (которыхъ было уже гораздо мало), но и мертвыхъ лошадей, и потомъ со стыдомъ отъ города отступить» [1]).

---

[1]) Матеріалы. Извлеч. изъ журналовъ, стр. 19 и 20. Ковч. адмиралт совѣта, письма Петра Велик. къ Кикину.

Мая 9-го, около полдня, гребная эскадра и суда съ провіантомъ и артиллеріей явились передъ Выборгомъ, къ удивленію и отчаянію гарнизона, ожидавшаго съ часу на часъ прибытія своего флота. Съ возможною поспѣшностію сдавъ весь грузъ на берегъ, шаутбенахтъ, 14-го мая, оставя подъ Выборгомъ галеры, съ попутнымъ NO вѣтромъ повелъ прочія суда и корабельный флотъ къ Кроншлоту. 16-го мая, когда нѣкоторыя гребныя суда еще не успѣли дойти до Котлина, шведскій флотъ явился у Выборгскаго залива.

Этотъ походъ былъ безспорно однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ и полезныхъ по своимъ послѣдствіямъ подвиговъ великаго государя. Сохраняя офиціально подначальную и второстепенную роль, Петръ въ дѣйствительности былъ главнымъ руководителемъ и душею предпріятія. Здѣсь въ полномъ блескѣ являются его морскія свѣдѣнія, отважность и настойчивое преслѣдованіе цѣли [1]).

Взятіе Выборга (1710 г.).

Съ подвозомъ артиллеріи и другихъ необходимыхъ предметовъ осада пошла успѣшнѣе; 11-го іюля во время переговоровъ о сдачѣ, неожиданно пріѣхалъ государь, берегомъ, и во время его присутствія 13-го числа крѣпость сдалась. При этомъ, припомнивъ «многія со стороны шведовъ неправды, учиненныя противъ обычая всѣхъ христіанъ воюющихъ», и несоблюденіе ими общепринятыхъ въ войнѣ правилъ, царь, несмотря на заключенное условіе о свободномъ выпускѣ гарнизона, объявилъ, что за исключеніемъ больныхъ и раненыхъ всѣ прочіе остаются военноплѣнными [2]). Въ исчисленіи «неправдъ», которыя бывшій комендантъ Выборга долженъ былъ сообщить шведскому сенату, первое мѣсто занимало неправильное удержаніе парламентерской шнявы *Филкъ* и «сорваніе съ нее русскаго вымпела». Въ заключеніе гарнизону обѣщано освобожденіе, если всѣ «неправды» исправлены будутъ и «окажется сатисфакція» на виновномъ въ сорваніи вымпела. Адмиралъ графъ Апраксинъ за взятіе Выборга награжденъ орденомъ св. Андрея.

---

[1]) Порядокъ шествія флота къ Выборгу, по приказанію Государя, былъ тогда же награвированъ на мѣди и отпечатанъ. Гравюра эта кромѣ того, что служитъ памятникомъ одного изъ военныхъ подвиговъ Петровскаго царствованія, имѣетъ важное значеніе въ морскомъ отношеніи, представляя наглядное и, надо думать, довольно вѣрное изображеніе первыхъ судовъ балтійскаго флота.

[2]) Журн. Петр. Вел. I, стр. 250.

Крѣпость и городъ были почти въ развалинахъ. По важности стратегическаго значенія Выборга потеря его для шведовъ была одною изъ самыхъ чувствительныхъ, а для русскихъ пріобрѣтеніе этой крѣпости представляло громадныя выгоды. Шведы лишались важной крѣпости и единственной удобной морской станціи, изъ которыхъ они съ сухаго пути и съ моря могли угрожать Петербургу и не выпускать русскій флотъ въ море. Для русскихъ же взятіемъ Выборга открывалась дорога къ дальнѣйшему завоеванію Финляндіи, и плаваніе нашего флота въ восточной части Финскаго залива становилось болѣе безопаснымъ отъ непріятеля. На случай попытки шведскаго флота прорваться къ Выборгу и возможности высадки десанта, государь приказалъ Апраксину заградить транзундскій проходъ, затопивъ въ немъ четыре провіантскія судна. Но начальствующій шведскимъ флотомъ адмиралъ Ватрангъ и не пробовалъ нападать, а ограничился только крейсерствомъ въ Финскомъ заливѣ. Трофеи шведовъ у Выборгскаго залива ограничились захватомъ галіота и двухъ карбасовъ, возвращавшихся изъ Выборга. Попавъ по неосторожности на непріятеля, капитанъ-поручикъ Крузъ, начальствовавшій этимъ судами, бросилъ ихъ и самъ бѣжалъ на шлюпкахъ въ Выборгъ, за что по суду былъ исключенъ изъ службы.

Осада и взятіе Риги (1710 г.).

По взятіи Выборга русскіе съ неменьшимъ успѣхомъ дѣйствовали и въ другихъ мѣстахъ балтійскаго прибрежья. Городъ Рига, находившійся съ прошедшей осени въ тѣсной блокадѣ, весною 1710 года былъ осажденъ Шереметевымъ; артиллерія и другія военныя принадлежности, назначенныя для батарей построенныхъ между Ригою и Динамюндомъ (крѣпостью близь устья Двины), были доставлены водою изъ Смоленска и ночью на стругахъ благополучно провезены мимо крѣпости. Сообщенія по Двинѣ охраняли подъ начальствомъ полковника Клячковскаго 700 гренадеръ и солдатъ и 300 донскихъ казаковъ, посаженныхъ на легкія лодки. Вооруженныя гребныя суда, подъ командою морскаго капитана Лобика, при содѣйствіи батарей устроенныхъ между Ригою и Динамюндомъ, не допускали сообщенія гарнизона Риги съ шведскимъ флотомъ. Изъ опасенія же нападенія со стороны флота, по совѣту фельдмаршала Меншикова, Двина была перегорожена сваями и на нихъ настланъ мостъ, защищенный береговыми батареями и, кромѣ того, протянутъ былъ бонъ изъ бревенъ соединенныхъ цѣ-

пями. Собственно морскія военныя дѣйствія, при осадѣ Риги ограничились тѣмъ, что 29-го марта и 1-го іюня шесть небольшихъ двухъпушечныхъ непріятельскихъ судовъ выходили изъ города, но были отбиты и шведскій флотъ, нѣсколько разъ подходившій къ устью Двины, успѣшно отражаемый огнемъ береговыхъ батарей, не имѣлъ возможности подать помощь крѣпости, которая и сдалась 4-го іюля. Число всѣхъ военныхъ шведскихъ судовъ, являвшихся близъ устья Двины, съ апрѣля до сдачи города, доходило до 24 хъ; изъ нихъ было вообще: парусныхъ военныхъ 13, бомбардирскихъ 1, гальотъ 1, каперовъ 9. При церемоніальномъ входѣ въ городъ первыми шли гренадеры, потомъ артиллеристы, за ними капитанъ Лобикъ съ матросами, передъ которыми несли флагъ, а за матросами слѣдовали уже пѣхотные полки [1]).

Занятіе Динаминда, Пернова, Аренсбурга и Ревеля.

Въ августѣ сдались русскимъ: 8-го числа—Динаминдъ, крѣпость защищающая устья Двины, 14-го—города Перновъ и Аренсбургъ съ островомъ Эзелемъ и, наконецъ, сентября 29-го—Ревель. Подходившіе къ этому послѣднему городу около половины августа нѣсколько шведскихъ кораблей ограничились обстрѣливаніемъ русскаго лагеря расположеннаго на берегу и, не нанеся никакого вреда, выстрѣлами нашихъ береговыхъ батарей принуждены были удалиться въ море.

Взятіе Кексгольма.

По взятіи Выборга, отрядъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Брюсса пошелъ берегомъ къ Корелѣ (Кексгольму), но не могъ взять его безъ осадной артиллеріи, которая только въ началѣ августа была доставлена къ нему на судахъ изъ Шлиссельбурга, Ладожскимъ озеромъ, и Корела, по словамъ Петра, «сія праотечественная крѣпость, взята (8 сентября) безъ великаго урона людей». Въ октябрѣ мѣсяцѣ пріѣзжалъ государь для осмотра крѣпости и пробылъ въ ней около недѣли.

Пребываніе царя на флотѣ.

Почти все лѣто 1710 года царь провелъ на флотѣ. Сначала онъ плавалъ на шнявѣ *Лизета*, потомъ 22-го августа ходилъ подъ своимъ флагомъ на новомъ кораблѣ *Выборгъ*, состоя подъ начальствомъ Апраксина, имѣвшаго (съ 3-го сентября) свой флагъ на кораблѣ *Рига*. Поѣздки же между Петербургомъ, Котлиномъ и Петергофомъ государь обыкновенно дѣлалъ на яхтѣ *Екатерина*.

---

[1]) Журн. Петра Вел. I, стр. 259, 261, 268 и 277.

При близкомъ сосѣдствѣ сильнаго шведскаго флота, стоявшаго у Біорко-зунда и наблюдавшаго черезъ своихъ крейсеровъ каждое движеніе русскихъ судовъ, нашему флоту нельзя было много удаляться отъ своихъ крѣпостей и всѣ ученья и маневры приходилось дѣлать между Котлиномъ и Красной горкой. На одни изъ такихъ маневровъ, происходившихъ съ 24-го по 26-е сентября, государь пригласилъ дипломатическій корпусъ и все царское семейство съ герцогомъ курляндскимъ, женихомъ царевны Анны Іоанновны. Царь раздѣлилъ флотъ на двѣ половины и впродолженіе нѣсколькихъ часовъ забавлялъ гостей примѣрнымъ сраженіемъ съ пушечною и ружейною пальбою. Хотѣлось еще шаутбенахту показать гостямъ, какъ корабли сваливаются на абордажъ и въ заключеніе всей потѣхи зажечь брандеръ; но этому помѣшалъ сильный вѣтеръ. Однакожъ царь не выдержалъ: близъ Кроншлота онъ перешелъ на брандеръ и самъ зажегъ его: взрывъ произвелъ необыкновенный эфектъ.

По обычаю Петра служебныя морскія занятія часто разнообразились веселыми пирами, въ которыхъ обыкновенно участвовали морскіе офицеры и пріѣзжавшіе изъ Петербурга гости. Теперь однимъ изъ неизбѣжныхъ поводовъ къ такимъ торжествамъ служили нерѣдкія въ то время «викторіи» и посѣщенія флота почетными гостями, какъ напримѣръ, было и послѣ описанныхъ маневровъ: по возвращеніи къ Кроншлоту всѣ пировали на кораблѣ адмирала и потомъ на слѣдующій день у шаутбенахта, то есть, самого Петра. О подобныхъ пирахъ современныя записки, выражаются стереотипными фразами, въ родѣ слѣдующей: «веселились изрядно и изъ пушекъ стрѣльбы было довольно». Случалось, что гости собравшіеся къ обѣду разъѣзжались на другой день часу въ 4-мъ утра. Иной разъ пиршество на флотѣ продолжалось и по нѣскольку дней [1]).

Осеннія плаванія (1710 г.). Хотя въ эту осень нашъ флотъ окончилъ кампанію въ октябрѣ мѣсяцѣ, но шведы ушли съ своей станціи только 13-го ноября, когда уже Выборгскій заливъ началъ покрываться льдомъ. Въ Петербургѣ зима наступила необыкновенно поздно: Нева встала только

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 335. Морск. журн. стр. 13 и 14. Извл. изъ журн. стр. 22.

28-го декабря и впродолженіе этого мѣсяца одна бригантина изъ Выборга могла перейти въ Петербургъ, а отсюда пять судовъ были отправлены съ провіантомъ, пушками и проч. въ Выборгъ и хотя также дошли по назначенію, но съ чрезвычайнымъ трудомъ, пробиваясь чрезъ сплошной ледъ и получивъ притомъ значительныя поврежденія.

Боцисъ съ своими судами все лѣто оставался у Выборга для защиты прохода къ крѣпости со стороны моря и держалъ въ постоянной тревогѣ стоявшія по близости непріятельскія суда. Впродолженіе лѣта онъ разобралъ нѣсколько сгнившихъ судовъ, у другихъ исправилъ поврежденія и кромѣ того заготовилъ значительное количество лѣса для построенія новыхъ галеръ. При наступленіи зимы, у Выборга находилось до 45-ти различныхъ судовъ (3 галеры, 2 шнявы, 2 брандера, 30 бригантинъ, 7 взятыхъ у шведовъ шкутовъ, 1 гальотъ) и кромѣ того при судахъ 43 шлюпки и бота [1]).

Галерный флотъ (1710 г.).

1710 годъ замѣчателенъ еще новымъ важнымъ шагомъ въ развитіи нашей морской дѣятельности, именно первымъ отправленіемъ изъ Бѣлаго въ Балтійское море трехъ фрегатовъ, построенныхъ въ Архангельскѣ. 19-го іюля отправились они отъ Соломбальской верфи; одинъ изъ нихъ, *Св. Павелъ*, бывшій подъ начальствомъ старшаго изъ командировъ, капитана Рейса, во время сильной бури потерялъ мачту и 18-го августа возвратился въ Архангельскъ. Изъ остальныхъ же двухъ, первымъ пришелъ въ Копенгагенъ (19-го сентября) фрегатъ *Пророкъ Илія* (кап.-поруч. Боисъ), а потомъ и *Св. Петръ* (кап. Бенсъ). По дорогѣ они захватили шведскій гальотъ нагруженный лѣсомъ, и въ ту же осень, посланные нашимъ посланникомъ въ Даніи княземъ Долгоруковымъ въ крейсерство въ Каттегатъ, захватили еще другой гальотъ нагруженный солью и едва не взяли военный бригантинъ, спасшійся только благодаря близости своего берега Стоимость обоихъ призовъ простиралась отъ 5 до 7 тысячъ ефимковъ, но въ этомъ случаѣ не столько важно было матеріальное, сколько нравственное пріобрѣтеніе. Европа видѣла, что русскія суда, совершивъ океанскій переходъ, начинаютъ уже у самыхъ непріятельскихъ береговъ забирать

Первое отправленіе фрегатовъ изъ Архангельска.

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 339, 340, 342 и 344. Извл. изъ журн. стр. 23.

призы. «Только слава прибыла больше, писалъ Долгоруковъ Апраксину, гдѣ отъ начала свѣта русскіе фрегаты не бывали, тамъ нынѣ воюютъ» [1]).

Заключеніе. Въ періодъ времени съ 1704 по 1711 годъ, юный балтійскій флотъ нашъ собирался съ силами, увеличивался въ числѣ судовъ, на сколько позволяли обстоятельства, пріучалъ къ морю судовые экипажи и постепенно совершенствовалъ различныя части морскаго управленія. Кончина Ѳ. А. Головина, оффиціально стоявшаго во главѣ морской администраціи, нисколько не могла повредить успѣшному развитію флота. Хотя въ числѣ близкихъ сотрудниковъ государя, Головинъ былъ однимъ изъ самыхъ довѣренныхъ, уважаемыхъ лицъ и, по своему высокому уму и способностямъ, выдавался изъ среды другихъ дѣятелей, но управленіе иностранными дѣлами и множество разнообразныхъ обязанностей, возлагаемыхъ на него царемъ, не давали ему возможности удѣлять для флота столько времени и вниманія, чтобы съ какою нибудь видимою пользою проявить свою дѣятельность. Во все время управленія Головина, прикосновенія его къ морской администраціи были какъ бы случайными, отрывочными явленіями и, въ общемъ теченіи дѣлъ, оффиціальное положеніе его представляло только лишнюю служебную инстанцію. Съ кончиною же Головина, дѣйствительный начальникъ флота, Апраксинъ, вошелъ по управленію морскою частію, въ непосредственныя сношенія съ государемъ и могъ дѣйствовать съ бо́льшею самостоятельностію и быстротою.

При самомъ появленіи въ Финскомъ заливѣ, флотъ нашъ, не смотря на свои важные недостатки, оказался на столько сильнымъ, что могъ съ полнымъ успѣхомъ отразить нападеніе на Котлинъ сильнѣйшаго непріятеля и показалъ шведамъ, что теперь устья Невы для нихъ потеряны навсегда. Хотя въ этотъ періодъ дѣятельность главныхъ силъ нашего флота ограничивалась охраненіемъ Котлина и весьма не далекими практическими плаваніями, но отряды гребнаго флота и мелкихъ судовъ рѣшались совершать смѣлые походы, начинавшіе тревожить непріятеля. Не смотря на то, что шведы продолжали господствовать на незанятыхъ нами водахъ Финскаго залива, юный русскій флотъ уже

---

[1]) Матеріалы. Отд. 1. № 326, 328, 333 и 345.

успѣлъ оказать значительное содѣйствіе нашимъ сухопутнымъ войскамъ; такъ напр., своевременное доставленіе провіанта, артиллерійскихъ орудій и другихъ предметовъ къ Выборгу, способствовали быстрому взятію этой крѣпости; содѣйствіе флота принесло большую пользу при осадѣ Нарвы и до извѣстной степени пособило взятію Риги. Въ этотъ періодъ положеніе дѣлъ стало до того благопріятнымъ Россіи, что окончательное очищеніе отъ непріятеля водъ Финскаго залива сдѣлалось только вопросомъ времени. При занятіи береговъ русскими, для шведскихъ судовъ плававшихъ по заливу, явились такія неудобства и опасности, которыхъ они прежде не знали; теперь въ случаѣ бури или какого нибудь несчастія, шведскіе моряки на окрестныхъ берегахъ встрѣчали уже не дружескую помощь, а непріятеля готоваго воспользоваться ихъ бѣдствіемъ. Въ такомъ положеніи, при нѣкоторомъ увеличеніи русскаго флота, шведы должны были удалиться изъ Финскаго залива и оставить эти воды въ нашемъ владѣніи.

Удачное отраженіе шведовъ отъ Котлина и появленіе нашихъ архангельскихъ фрегатовъ въ Нѣмецкомъ морѣ, показало Европѣ, что Россія, выступивъ на берега Балтики, готовится занять принадлежащее ей мѣсто въ ряду морскихъ державъ. Такимъ образомъ, время съ 1704 по 1711 годъ, представлявшее первый періодъ дѣятельности нашего новаго флота, хотя не ознаменовалось особенно важными событіями, но уже показало на дѣлѣ серьозное значеніе балтійскаго флота и прочность его существованія. Эта дѣятельность была не робкимъ шагомъ неопытнаго младенца, а твердымъ и смѣлымъ движеніемъ исполина, указывающимъ на быстрое усиленіе морскаго могущества Россіи.

ГЛАВА VII.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ БАЛТІЙСКАГО ФЛОТА 1711, 1712 И 1713 ГОДОВЪ.

Ослабленіе военной дѣятельности балтійскаго флота.—Старанія Карла XII ограничить успѣхи русскихъ.—Открытіе кампаніи въ 1711 году.—Составъ и дѣйствія шведскаго флота.—Приходъ къ Кроншлоту фрегата *Самсонъ*.—Попытка сжечь шведскій флотъ брандерами.—Подвигъ князя Долгорукова.—Призы русскихъ судовъ въ Категатѣ.—Встрѣча Петра съ непріятелемъ въ Куришгафѣ.—Окончаніе кампаніи 1711 года.—Положеніе Россіи въ началѣ 1712 года.—Планъ похода въ Финляндію.—Назначеніе и изготовленіе флота (1712 г.).—Дурное состояніе флота.—Доставка провіанта въ Выборгъ.—Погоня за шведскими крейсерами.—Призы галернаго флота.—Походъ въ Финляндію (1712 г.).—Петръ на датскомъ флотѣ.—Первое прибытіе архангельскихъ фрегатовъ.—Корабль *Полтава*.—Возвращеніе государя въ Петербургъ (1713 г.).—Усиленіе галернаго и корабельнаго флотовъ.—Покупка кораблей заграницею и прибытіе ихъ (1711—13 г.).—Походъ въ Финляндію (1713 г.).—Сожженіе голландскихъ флейтовъ.—Петръ на корабельномъ флотѣ.—Приходъ въ Ревель второй партіи покупныхъ кораблей.—Консиліумъ о соединеніи эскадръ.—Отправленіе котлинской эскадры къ Ревелю.—Погоня за непріятелемъ.—Потеря корабля *Выборгъ*.—Соединеніе эскадръ и возвращеніе къ Кроншлоту.—Занятіе Гельсингфорса.—Изслѣдованіе шхерныхъ фарватеровъ.—Недостатокъ военныхъ средствъ въ Финляндіи.—Плаваніе Петра шхерами.—Занятіе Або.—Возвращеніе галернаго флота въ Петербургъ.—Побѣда при Пелкинѣ.—Осеннее плаваніе транспортовъ.—Послѣдствія кампаніи 1713 года.—Планы и распоряженія на будущій годъ.—Заказъ кораблей за границею.—Отправка кораблей изъ Архангельска.—Кончина Боциса и его заслуги.

Ослабленіе военной дѣятельности балтійскаго флота.

Новый 1711 годъ принесъ новую войну съ турками, вызванную внушеніями Карла XII и заставившую царя почти весь этотъ годъ провести внѣ Петербурга: въ половинѣ января онъ отправился въ Москву, оттуда поѣхалъ къ арміи и возвратился въ Петербургъ только 29-го декабря [1]). Въ отсутствіе государя, здѣсь главноначальствующимъ лицомъ оставался генералъ-фельдмаршалъ князь Меншиковъ.

На флотѣ новая война отразилась двояко: затишьемъ военныхъ

---

[1]) Журн. Петра Велик. I. стр. 329.

дѣйствій въ Финскомъ заливѣ и торопливымъ приготовленіемъ судовъ на Дону, для чего, какъ мы уже видѣли (стр. 136), въ Воронежъ посланы были адмиралъ графъ Апраксинъ, вице-адмиралъ Крюйсъ и нѣсколько морскихъ офицеровъ; первому, кромѣ флота, поручена была и защита всего азовскаго края [1]).

Старанія Карла ограничить успѣхи русскихъ.

Успѣхи русскихъ, смѣло выдвинувшихся на Балтійское прибрежье, теперь уже не могли не безпокоить Карла; онъ видѣлъ что съ пріобрѣтеніемъ новыхъ приморскихъ городовъ, неизбѣжно должны были увеличиться морскія торговыя сношенія Россіи съ другими европейскими государствами, а первымъ слѣдствіемъ этого увеличенія являлся невыгодный для Швеціи привозъ въ Россію военныхъ предметовъ. Чтобы по возможности помѣшать развитію русской морской торговли король приказалъ своему генералъ-адмиралу, въ кампанію нынѣшняго лѣта, кромѣ эскадры обыкновенно назначаемой къ берегамъ Финляндіи и Ингріи, послать необходимое число судовъ для блокады Риги и Пернова. Не надѣясь, чтобы однѣ эти мѣры могли остановить усиленіе морскихъ сношеній Россіи съ Европою, Карлъ, въ августѣ мѣсяцѣ, старался убѣдить морскія державы и особенно Голландію не помогать русскимъ, подвозомъ на купеческихъ судахъ всего необходимаго для войны. Но въ тоже время, какъ велась дипломатическая переписка по этому предмету, король приказалъ адмиралтейскому совѣту содѣйствовать образованію въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ частныхъ корсаровъ, для захватыванія какъ русскихъ военныхъ судовъ, такъ и всѣхъ купеческихъ кораблей, какой бы націи они ни были и кому бы ни принадлежалъ ихъ грузъ, если только они шли въ порты завоеванные Россіею. Для бо́льшаго поощренія а́рматоровъ, имъ отдавались вполнѣ какъ захваченныя суда, такъ и ихъ грузы. Въ снаряженіи корсарскихъ судовъ и взятіи ими многихъ призовъ, прежде и болѣе прочихъ, отличились жители Готтенбурга и своимъ примѣромъ увлекли другіе города. Это обстоятельство, значительно вредившее интересамъ Голландіи, возбудило съ ея стороны сильные протесты и заставило объявить, что продолженіе подобныхъ дѣйствій, Голландія должна будетъ принять за полный разрывъ дружественныхъ сношеній со Швеціей [2]).

[1]) Журн. Петра Велик. I. стр. 308.
[2]) Nordberg. II. стр. 453.

Относительно вторженія на берега собственно шведскія или дальнѣйшихъ непріятельскихъ дѣйствій въ Финляндіи, король не очень опасался нашего флота и полагалъ, что онъ, въ этомъ отношеніи еще не въ состояніи представить серьозной угрозы, и что, ни въ какомъ случаѣ шведскій флотъ не допуститъ соединенія русскаго флота съ датскимъ. Наконецъ, если бы нѣсколькимъ русскимъ галерамъ удалось подойти къ шведскимъ берегамъ, то русскіе не осмѣлились бы высадить десантъ изъ опасенія сухопутныхъ войскъ охраняющихъ берегъ. Болѣе опаснымъ для Швеціи представлялось нападеніе съ сухаго пути. Бывшая въ Финляндіи чума и голодъ сдѣлали въ ней страшныя опустошенія, и Карлъ, разсчитывая, что русскіе воспользуются бѣдственнымъ состояніемъ страны и сдѣлаютъ на нее нападеніе, предлагалъ сенату внимательно слѣдить за непріятелемъ и не упускать ничего для защиты наиболѣе угрожаемыхъ мѣстностей. Графу Нироду, которому поручалась защита Финляндіи, король приказывалъ твердо сопротивляться непріятелю, особенно до объявленія Турціею войны, которая по необходимости должна была отвлечь часть русскихъ войскъ изъ Финляндіи [1]).

Открытіе кампаніи въ 1711 году.

Нашъ корабельный флотъ занялъ свой обычный постъ у Кроншлота въ половинѣ апрѣля; галерный, зимовавшій въ Выборгѣ, былъ также изготовленъ къ началу кампаніи. Первымъ, за отсутствіемъ Крюйса, командовалъ старшій изъ оставшихся капитановъ — Янъ Валронтъ, а галерами начальствовалъ графъ Боцисъ. Численный составъ обоихъ флотовъ былъ почти тотъ же что и въ прошломъ году. Шведскій флотъ пришелъ къ Біорко-зунду только 19-го іюня; по слухамъ причиною такого поздняго прихода былъ недостатокъ въ людяхъ [2]). Русскіе не упустили случая воспользоваться этимъ благопріятнымъ для нихъ замедленіемъ непріятеля: въ исходѣ апрѣля командоръ Гослеръ и поручикъ Синявинъ привели изъ Выборга въ Петербургъ 32 судна съ остававшеюся тамъ артиллеріею и взятою въ крѣпости мѣдью; 19-го мая пришелъ изъ Петербурга въ Выборгъ отрядъ бригантинъ, имѣвшій на пути бой съ 16-ю большими шведскими лодками, охранявшими берегъ до прихода сво-

---

[1]) Nordberg. II. стр. 444—5.
[2]) Матеріалы. Отд. I. № 356.

его флота, а къ 17-го іюня, за два дня до прибытія къ Біорко-зунду запоздавшаго шведскаго флота, Боцисъ на мелкихъ судахъ благополучно доставилъ въ Выборгъ провіантъ, выполнивъ этимъ одну изъ главныхъ задачъ, предстоявшихъ въ этомъ году нашему флоту въ Финскомъ заливѣ.

Шведскій флотъ, бывшій подъ начальствомъ вице-адмирала Эренсфельда, состоялъ изъ 5-ти кораблей (отъ 40 до 50-пушечныхъ), 3-хъ шнявъ, 5-ти пакетботовъ и большаго числа мелкихъ судовъ. Онъ расположился такимъ образомъ, чтобы закрыть всѣ проходы ведущіе къ Выборгу. Кромѣ двухъ кораблей находившихся у Гариваддая, для наблюденія за нашимъ флотомъ, стоявшимъ у Кроншлота, шведскіе крейсеры разсылались по всему Финскому заливу и Балтійскому морю, для захвата русскихъ или купеческихъ иностранныхъ судовъ, идущихъ въ русскіе порты. Но всѣ эти распоряженія непріятеля имѣли мало успѣха; только у Ревеля два шведскіе корабля взяли стоявшій подъ берегомъ краеръ, нагруженный запасами предназначавшимися къ отправленію въ Ригу. Вообще же, несмотря на дѣятельность шведскихъ крейсеровъ, съ наступленіемъ весны иностранныя коммерческія суда, конечно не въ большомъ числѣ, успѣвали пробираться въ Ригу, Перновъ, Ревель и даже въ Петербургъ, куда, между прочимъ, въ апрѣлѣ пришолъ голландскій гальотъ «*Юнгфрау Корнелія*», съ тѣмъ самымъ шхиперомъ, который въ 1704 году получилъ назначенную царемъ премію въ 500 червонцевъ. Но еще удивительнѣе, что въ Петербургъ успѣлъ благополучно пройдти фрегатъ *Самсонъ*, купленный заграницею княземъ Меншиковымъ и подаренный имъ царю въ день имянинъ. Отъ Ревеля за *Самсономъ* гнались два шведскіе корабля, но онъ ушелъ отъ нихъ [1]). Это былъ первый опытъ покупки военнаго судна заграницею; впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, такой способъ пріобрѣтенія судовъ послужилъ къ быстрому увеличенію нашего флота.

Составъ и дѣйствія шведскаго флота.

Приходъ къ Кроншлоту фрегата «Самсонъ».

Со времени появленія шведскихъ судовъ въ Финскомъ заливѣ, нашъ корабельный флотъ простоялъ все лѣто у Кроншлота, высылая крейсеровъ къ Красной горкѣ; галерный же, въ составѣ одной галеры, 8 полугалеръ, 5 бригантинъ, нѣсколькихъ про-

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 351, 353, 361 и 362.

віантскихъ судовъ, шлюпокъ и ботовъ съ 500-ми человѣкъ команды, защищалъ проходы къ Выборгу, и въ то же время, начальствующій этимъ флотомъ, Боцисъ, успѣвалъ и находилъ средства исправлять старыя суда и строить изъ мѣстнаго лѣса галеры, такъ что къ половинѣ октября у него было готово 8 и заложено 10 галеръ [1]).

Попытка сжечь шведскій флотъ брандерами.

Князь Меншиковъ, которому подчиненъ былъ флотъ и сухопутныя войска находившіеся въ Ингерманландіи, считая невозможнымъ съ слабыми морскими силами открыто нападать на непріятеля, рѣшился попробовать употребить въ дѣло брандеры. Осенью, при наступленіи темныхъ ночей, онъ приказалъ изготовить въ Выборгѣ два брандера и при удобномъ вѣтрѣ пустить ихъ на стоявшіе на якорѣ непріятельскіе корабли, имѣя въ виду преимущественно вице-адмиральскій. Брандеры были готовы и выбраны удобныя обстоятельства, но офицеры и боцмана изъ итальянцевъ и грековъ [2]) назначенные на брандеры, объявивъ, что они не умѣютъ управляться съ такого рода судами, рѣшительно отказались вести ихъ, желая лучше получить отставку. По военному суду одинъ изъ нихъ, поручикъ Вентура, былъ присужденъ къ разстрѣлянію [3]).

Подвигъ князя Долгорукова.

Событіемъ противоположнаго характера было освобожденіе изъ плѣна князя Якова Ѳедоровича Долгорукова, которое самъ Петръ назвалъ «чудеснымъ». Князь съ 43-мя русскими плѣнными на шхунѣ отправленъ былъ моремъ изъ Якобштадта въ Умео (въ Ботническомъ заливѣ). Надѣясь справиться съ малочисленнымъ экипажемъ, Долгорукій предварительно условился съ своими русскими товарищами по плѣну и во время пѣнія молебна, при словахъ: «Дерзайте убо людіе», неожиданно напавъ на шведовъ, успѣлъ овладѣть шкуною и привелъ ее благополучно въ Ревель.

Призы русскихъ судовъ въ Категатѣ.

Непраздными оставались въ Даніи и наши архангельскіе фрегаты. По приказанію тамошняго русскаго резидента, князя Василія Лукича Долгорукова, они, крейсеруя въ Категатѣ и Нѣмецкомъ морѣ захватили 11-ти пушечный каперъ и нѣсколько купеческихъ швед-

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 382.

[2]) Въ числѣ ихъ встрѣчаются имена: Юрій Яковлевъ и Александръ Степановъ, но это были не русскіе, а греки: Юрьенъ Яковлевъ Хіо-Бахарій и Александро Стефаній.

[3]) Матеріалы. Отд. I. № 393 и 416.

скихъ судовъ съ полнымъ грузомъ; три изъ этихъ судовъ имѣли отъ 2-хъ до 6-ти пушекъ [1]).

Осенью этого (1711) года, царю пришлось неожиданно встрѣтиться съ непріятелемъ на чужихъ водахъ. 10-го ноября, послѣ леченія въ Карлсбадѣ и сватьбы царевича Алексѣя Петровича, празднованной въ Торгау, государь на возвратномъ пути въ Россію, идя на небольшомъ суднѣ Куришгафомъ изъ Эльбинга въ Кенигсбергъ, встрѣтился съ шведскимъ пакетботомъ, содержавшимъ постоянное сообщеніе съ Стокгольмомъ. Увидѣвъ непріятельскій флагъ, Петръ приказалъ приготовиться къ нападенію или защитѣ, смотря по обстоятельствамъ, и самъ въ зрительную трубу наблюдалъ непріятеля. Но разсмотрѣвъ, что пакетботъ вооруженъ пушками и проходитъ спокойно мимо, царь не рѣшился самъ атаковать его и встрѣча эта миновала благополучно [2]).

Встрѣча Петра съ непріятелемъ въ Куришгафѣ.

Флотъ нашъ простоялъ у Кроншлота до октября, когда послѣ прекрасной теплой погоды былъ неожиданно захваченъ быстро наступившимъ морозомъ. Но холодъ держался не долго; ледъ вставшій на Невѣ 28-го октября, 13-го ноября снова разошелся, и по морю открылось свободное сообщеніе, давшее возможность судамъ (17-го ноября) добраться благополучно до своей петербургской гавани [3]).

Окончаніе кампаніи 1711 года.

Шведскій же флотъ, несмотря на бурное время и морозъ, стойко держался на своихъ наблюдательныхъ постахъ и оставилъ ихъ только въ началѣ декабря, помѣшавъ своимъ позднимъ уходомъ доставить въ эту осень моремъ провіантъ въ Выборгъ.

Политическія отношенія Россіи, послѣ заключенія съ Турціею невыгоднаго для насъ мира, были весьма ненадежны. Турки, тревожась пребываніемъ русскихъ войскъ въ Польшѣ и медленностію въ сдачѣ Азова, подъ вліяніемъ совѣтовъ и предостереженій Карла XII едва не начали снова военныхъ дѣйствій противъ Россіи. На союзниковъ — датчанъ и саксонцевъ—также нельзя было очень полагаться: каждый изъ нихъ, охраняя собственныя свои выгоды, дѣйствовалъ не согласно съ царемъ, и даже носились слухи, что тотъ и другой готовились заключить миръ со шведами. Петръ, бывшій душею союза, связывалъ членовъ его, насколько было воз-

Положеніе Россіи въ началѣ 1712 года.

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 358, 369, 385.

[2]) Nordberg. II. 547.

[3]) Матеріалы Отд. I. № 400.

*

можно, и направлялъ дѣйствія ихъ къ ослабленію общаго непріятеля, съ цѣлію способствовать прочному утвержденію Россіи на берегахъ Балтійскаго моря.

Несмотря на полученное извѣстіе о мирномъ настроеніи Турціи, царь не могъ увѣриться въ немъ покуда Карлъ оставался въ владѣніяхъ султана, и потому Шереметеву, посланному въ Украйну, велѣно было расположить войска отъ Стародуба до Смоленска и, въ случаѣ предполагаемаго проѣзда короля черезъ польскія владѣнія, наблюдать за поляками. На помощь союзникамъ, дѣйствовавшимъ въ Помераніи, царь послалъ Меншикова и двинулъ къ нему изъ Польши князя Репнина съ 13-ю полками; туда же отправились и гвардейскіе полки: преображенскій и семеновскій. Кромѣ того, по условію съ союзниками, для отвлеченія силъ шведовъ, русскія войска должны были сдѣлать нападеніе на Финляндію; и въ предстоявшемъ движеніи по этой странѣ, для нашей арміи была весьма важна помощь со стороны флота.

Планъ похода въ Финляндію. Государь, поручая Апраксину нападеніе на Финляндію, желалъ, чтобы войска, если возможно, дошли до Або; если же это не удастся, то въ настоящую кампанію добраться хотя до Гельсингфорса и тамъ, сдѣлавъ сильное укрѣпленіе, расположить войска на зимнихъ квартирахъ до Выборга. Приготовляясь завладѣть этою частію Финляндіи, царь не велѣлъ разорять страну, а напротивъ приказалъ хорошо обращаться съ жителями и довольствоваться контрибуціею. Но во всякомъ случаѣ, если не нынѣ, то на слѣдующую весну предполагалось дойти до Або, «ибо я отъ извѣстныхъ людей нынѣ подлинно увѣдалъ, писалъ Петръ, что конечно, ежели до Абова дойдешь, то шведы принуждены будутъ съ нами миру искать, ибо вся ихъ жизнь изъ Финляндіи есть». Для продовольствія нашей арміи царь приказывалъ запасти провіантъ «въ то мѣсто, гдѣ шхеры начинаются»; и оттуда уже доставлять его на бригантинахъ по всему берегу, гдѣ только не могутъ помѣшать непріятельскіе «большіе корабли» [1]).

Назначеніе и изготовленіе флота (1712 г.). Нашъ корабельный флотъ, еще неимѣвшій достаточныхъ силъ для встрѣчи съ непріятелемъ въ морской битвѣ, долженъ былъ оставаться у Кроншлота, а для содѣйствія арміи назначался только

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 460.

галерный флотъ, для увеличенія котораго въ сентябрѣ 1711 года велѣно было построить на Ижорѣ 200 бригантинъ. Строеніе галеръ Боцисомъ въ Выборгѣ также, по мѣрѣ возможности, дѣятельно продолжалось, такъ что къ веснѣ 1712 года въ Выборгѣ было 16 новыхъ галеръ. Бригантинъ же на Ижорѣ не могли построить болѣе 20. Кромѣ приготовленія обоихъ флотовъ, морскому начальству предстояла забота о перевозкѣ провіанта, какъ къ Выборгу, такъ и для арміи, весною до прихода шведскаго флота. Во всемъ этомъ усерднѣйшимъ помощникомъ царя былъ вице-адмиралъ Крюйсъ.

Дурное состояніе флота.

Возвратясь изъ Воронежа, въ которомъ несчастный миръ съ Турціею уничтожилъ морскую дѣятельность, Крюйсъ съ обыкновенною своей энергіей принялся за приготовленіе судовъ и приведеніе въ порядокъ петербургскаго адмиралтейства, въ которомъ въ отсутствіе его допущены были многіе безпорядки. Недовольный Меншиковымъ и его клевретами, Крюйсъ, въ письмахъ своихъ къ Апраксину, жаловался, что благодаря подобному управленію, во всемъ касающемся до флота чувствуются большіе недостатки, и что, ежели бы такіе порядки протянулись еще съ годъ, то у насъ въ службѣ ничего бы не было, «но только гульбища и для гулянья строенія и для прокладу (прохладу) суда». Изъ донесеній Крюйса видно, что при адмиралтействѣ даже не было лѣсу и потому большая часть рабочихъ гуляла безъ дѣла. Морскихъ командъ до того было мало, что вице-адмиралъ не зналъ какимъ образомъ можно съ ними исполнить всѣ настоятельно необходимыя работы. При всѣхъ этихъ затрудненіяхъ корабельный флотъ, въ числѣ восьми вымпеловъ, хотя и успѣлъ выйдти къ Котлину, лишь только разошелся ледъ, но на судахъ не было самыхъ необходимыхъ предметовъ, какъ, напримѣръ, достаточнаго числа якорей, канатовъ, водяныхъ бочекъ, гвоздей и т. п. Даже верхнія палубы всѣхъ кораблей были до того дурно проконопачены, что дождевая вода свободно проходила въ каюты [1]). 15-го апрѣля Крюйсъ вышелъ на рейдъ на фрегатѣ *Штандартъ* и впослѣдствіи пересѣлъ на корабль *Рига;* а шаутбенахтъ (царь) 23-го апрѣля поднялъ свой флагъ на фрегатѣ *Самсонъ* [2]). Вообще, вышедшій къ Котлину

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 416 и 429.

[2]) Морск. журн. стр. 15.

флотъ состоялъ изъ трехъ 50-ти пушечныхъ кораблей, двухъ фрегатовъ, двухъ шнявъ и бомбардирскаго корабля. Понятно что, при такой малочисленности и такомъ плохомъ состояніи, онъ не имѣлъ возможности выйдти въ море; но оставаясь на якорѣ, могъ отразить непріятеля.

Доставка провіанта въ Выборгъ.

Провіантъ перевозили въ Финляндію на мелкихъ судахъ и лодкахъ съ ранней весны и продолжали перевозку, пользуясь каждымъ удобнымъ обстоятельствомъ, до осени; первый транспортъ пошелъ 16-го апрѣля. Иныя провіантскія суда конвоировалъ самъ шаутбенахтъ; преимущественно же транспортировкою занимался капитанъ Шельтингъ. Для успѣшнаго провода провіантскихъ судовъ, принимались всѣ возможныя предосторожности. До прихода непріятельскаго флота, высланы были бомбардирскій корабль и фрегатъ *Штандартъ* крейсеровать между Красной горкой и Біорко; они должны были держаться въ виду судовъ идущихъ съ провіантомъ, и давать имъ знать о появленіи непріятеля. Въ Выборгъ одной муки перевезено было 37,000 четвертей, не считая артиллеріи и другихъ военныхъ припасовъ. За исправную перевозку провіанта Шельтингъ былъ произведенъ въ капитанъ-командоры [1]).

Сдѣлавъ всѣ распоряженія къ предстоявшему походу и поручивъ начальство надъ войскомъ и флотомъ, назначенными для дѣйствія въ Финляндіи, графу Апраксину, царь 17-го іюня отправился къ своей арміи въ Померанію. Отойдя на шнявѣ *Лизета* верстъ 10 отъ Кроншлота, государь, ночевалъ на ней, и потомъ на скампавеѣ или полугалерѣ дошелъ до устья рѣки Луги, а по ней, протоку Россонѣ и рѣкѣ Наровѣ пришелъ въ Нарву, откуда отправился далѣе уже сухимъ путемъ [2]).

Въ началѣ лѣта значительная часть шведскаго флота была занята въ Помераніи и около половины іюня мѣсяца 17 судовъ пошли отъ Готтенбурга въ Англійскій каналъ; цѣль этого плаванія содержалась въ тайнѣ: полагали, что шведы шли въ Дюнкерхенъ встрѣтить возвращавшагося изъ Турціи Карла, или просто для конвоированія своихъ коммерческихъ судовъ. Обычную же свою станцію у Березовыхъ острововъ шведскій флотъ занялъ только въ

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 428.

[2]) Извлеч. изъ журн. стр. 28.

іюлѣ мѣсяцѣ и выслалъ крейсеровъ для наблюденія за нашимъ флотомъ.

23-го іюля вечеромъ три такіе крейсера появились въ виду котлинской эскадры и стали на якорь. Утромъ, когда непріятельскія суда при восточномъ маловѣтріи снялись съ якорей, Крюйсъ приказалъ кораблю, фрегату, шнявѣ и 4 бригантинамъ гнаться за шведами. Затѣмъ, когда совершенно стихло, посланы были 7 галеръ для буксированія судовъ производившихъ погоню, а другія 5 галеръ стали буксировать вице-адмиральскій корабль. Къ полудню сдѣлался вѣтеръ отъ W, буксиры отдали и пошли лавировкою, причемъ наши суда стали отставать отъ непріятельскихъ, и погоня была прекращена. Но шведы, какъ-бы снова вызывая на преслѣдованіе, пошли за нашими судами къ Кроншлоту. Крюйсъ опять поднялъ сигналъ погони; преслѣдуемыя суда направились къ сѣверному берегу, и это заставило Крюйса вскорѣ вторично прекратить погоню: зная, что непріятельскій флотъ крейсировалъ у южнаго берега, противъ Сойкиной горы, онъ не рѣшился удаляться къ сѣверу, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Котлина. Случай этотъ подалъ поводъ Боцису обвинять вице-адмирала въ упущеніи непріятеля и, какъ увидимъ ниже, послужилъ къ осужденію Крюйса. Шведскія суда, въ исходѣ августа, были расположены слѣдующимъ образомъ: съ вице-адмираломъ Ватрангомъ у Біоркозунда—5 кораблей, 2 фрегата и 3 шнявы; у Ревеля—2 корабля и 1 шнява; въ Кашпервикѣ (на южномъ берегу Финскаго залива между Кроншлотомъ и Ревелемъ) — 2 корабля. На отрядѣ Ватранга людей было достаточно, половина судовыхъ командъ жила на берегу и состояніе здоровья было такъ хорошо, что во все лѣто умерло только 2 человѣка [1]). Погоня за шведскими крейсерами.

Присутствіе шведскаго флота въ Финскомъ заливѣ затруднило, но не прекратило морскаго сообщенія русскихъ съ финлядскимъ корпусомъ; перевозка провіанта и припасовъ продолжалась, но только до извѣстнаго мѣста на берегу, а провіантскимъ судамъ велѣно было держаться близъ берега, чтобы въ случаѣ нападенія можно было уничтожить суда и людямъ защищаться уже на землѣ. Кромѣ того моряки наши не пропускали случая пользоваться благопріятными обстоятельствами для совершенія отважныхъ подвиговъ. Боцисъ и Призы галернаго флота.

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 432, 454 и 469.

Шельтингъ, отправленные къ финляндской арміи съ 12-ю скампавеями и 12-ю бригантинами, 10-го августа при тихомъ восточномъ вѣтрѣ, двинулись отъ Котлина и благополучно избѣжали встрѣчи со шведскими судами, благодаря тому обстоятельству, что сторожившіе движенія нашего флота непріятельскіе крейсеры удалились къ сѣверному берегу, погнавшись за отправленными туда, можетъ быть и умышленно, двумя корабельными ботами. Наша флотилія ночью дошла до устья Луги[1]), и здѣсь должна была простоять за противнымъ вѣтромъ двое сутокъ. Оставивъ одну бригантину за негодностію, суда пошли къ острову Лавенсару и отъ него ночью, буксируя бригантины скампавеями, пробрались къ Сомерсу, а отсюда подъ парусами дошли до финляндскихъ шхеръ. Проходя шхерами, гдѣ появленіе русскихъ было неожиданностію, флотилія взяла почтовый 4-хъ пушечный ботъ и шлюпку. Потомъ, стараясь развѣдать о нашей арміи, захватила краеръ, нагруженный солью, хмелемъ и досками, а 20-го числа, недалеко отъ Вегелакса (западнѣе Фридрихсгама), наши скампавеи взяли съ боя высланную для рекогносцировки шняву и два бота. На шнявѣ было 14 трехъфунтовыхъ пушекъ и 10 малыхъ «ввертныхъ пушекъ (фалконетовъ)». На ботахъ, изъ которыхъ одинъ былъ вице-адмиральскій, а другой шаутбенахта, было 8 пушекъ. Взятая шнява называлась *Крефтъ (Ракъ)* и была длиною 85 футъ. На забранныхъ у непріятеля судахъ взято плѣнными семь офицеровъ и болѣе ста человѣкъ нижнихъ чиновъ. Всѣ призы подъ конвоемъ отправлены въ Нарву, а оттуда благополучно доведены до Петербурга[2]).

Походъ въ Финляндію (1712 г.).

Выступивъ 15-го августа изъ Выборга, Апраксинъ съ арміею подошелъ 28-го числа къ Вегелаксу, куда прибыли и бригантины Боциса и Шельтинга. Мѣстечко было сожжено и непріятель началъ отступать, забирая сколько могъ отыскать провіанта и фуража, а самихъ жителей отгоняя въ глубь Финляндіи. На пути онъ разорялъ и жегъ селенія, уничтожая все, чего нельзя было взять съ собою. Отступивъ, 31-го августа, за рѣку Ярви-Коску (лежащую отъ Выборга слишкомъ въ 15 миляхъ вправо отъ большой дороги), шведы уничтожили черезъ нее мосты и построили

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 463—4.

[2]) Журн. Петра Вел. I. стр. 343. Матеріалы. Отд. I. №№ 473 и 481.

на берегу сильныя укрѣпленія, обойдти которыя не позволяли непроходимыя лѣса, болота и горы. Видя, что атака избранной шведами крѣпкой позиціи потребовала бы долгаго времени и большой потери людей, Апраксинъ, опасаясь недостатка провіанта и фуража, которыхъ въ опустошенной странѣ не возможно было достать, рѣшился идти съ арміей назадъ къ Выборгу. Шаутбенахту Боцису приказано было идти туда же, а въ случаѣ, еслибы этому помѣшалъ непріятельскій флотъ, отправиться прямо въ Петербургъ.

Получивъ донесеніе объ отступленіи Апраксина, царь очень сожалѣлъ, что при арміи было мало бригантинъ, на которыхъ бы можно было обойдти непріятеля шхерами и атаковать его съ тыла [1]).

Такъ кончилась эта кампанія, первая, въ которой нашъ гребной флотъ принималъ дѣятельное участіе въ наступательномъ движеніи арміи.

Петръ на датскомъ флотѣ.

Три архангельскіе фрегата, находившіеся подъ начальствомъ капитана Рейса, прозимовавъ въ Норвегіи, крейсеровали у Скагена, и потомъ, въ августѣ, съ датскимъ флотомъ были въ Помераніи у Грибсвальда (Грейфсвальда), гдѣ находилась часть нашего войска подъ командою генерала Аларта и куда прибылъ также самъ государь. Датскій флотъ, состоявшій изъ транспортовъ и плоскодонныхъ фрегатовъ, находился подъ начальствомъ вице-адмирала Сегестета и стоялъ на якорѣ недалеко отъ Грибсвальда. 10-го августа Петръ, посѣщая его уже во второй разъ, ужиналъ у Сегестета и ночевалъ на королевской яхтѣ *Ульрика*. По утру, пересѣвъ на датскій фрегатъ *Софія*, царь пошелъ къ своимъ фрегатамъ стоявшимъ миляхъ въ пяти отъ Грибсвальда. Перейдя на фрегатъ *Св. Павелъ*, государь пошелъ на немъ къ корабельному датскому флоту, стоявшему еще мористѣе у острова Рюгена, противъ урочища Витманъ. Тамъ было 17 линейныхъ кораблей и 5 фрегатовъ, подъ начальствомъ генералъ-адмирала Гульденлева. Петръ встрѣченъ былъ салютомъ со всѣхъ судовъ и генералъ-адмиралъ съ двумя адмиралами и тремя вице-адмиралами явился поздравить царя съ прибытіемъ. Государь тотчасъ отдалъ визитъ генералъ-адмиралу, имѣвшему свой флагъ на кораблѣ *Элефантъ*. Когда царь подъѣзжалъ къ флагманскому кораблю, то вымпелъ поднятый на его гротъ-стеньгѣ

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 480 и 491.

былъ ниже флага, а когда государь вступилъ на корабль, то «для почтенія Его Величества» флагъ и вымпелъ спустили и тотчасъ вымпелъ подняли выше флага. Здѣсь представлялись государю всѣ датскіе флагманы и морскіе офицеры. Государь со всѣми флагманами обѣдалъ у генералъ-адмирала, гдѣ пиръ продолжался до вечера; при тостахъ палили изъ 9 пушекъ.

Царь пробылъ на флотѣ до 14-го числа, пировалъ на корабляхъ обоихъ адмираловъ, и на 120-ти пушечномъ кораблѣ *Фридрихъ VI*, у вице-адмирала Рица, ходилъ при такомъ свѣжемъ вѣтрѣ, что корабль потерялъ форъ-стеньгу. Въ знакъ особаго почтенія къ союзнику моряку, датскій король прислалъ повелѣніе о подчиненіи государю датскаго флота. Первымъ распоряженіемъ царственнаго флагмана было отправленіе въ море капитана Рейса съ русскими и двумя датскими судами; ему предписано было, по случаю недостатка въ арміи провіанта, забирать въ морѣ всѣ коммерческія суда нагруженныя хлѣбомъ, какой бы націи они ни были [1]).

Простясь съ флотомъ, Петръ отправился на русскомъ фрегатѣ *Св. Илья* и шелъ на немъ, покуда позволяла глубина, а потомъ, пересѣвъ на датскую бригантину, дошелъ рѣкою Одеромъ до города Волгаста; черезъ нѣсколько дней туда же были приведены взятыя капитаномъ Рейсомъ пять голландскихъ судовъ нагруженныхъ хлѣбомъ, который шхиперамъ велѣно было возвратить въ Амстердамѣ изъ запасовъ бывшаго тамъ русскаго хлѣба [2]).

Первое прибытіе архангельскихъ фрегатовъ.

Рейсъ получилъ приказаніе идти въ Ревель, или Петербургъ но извѣстясь, что противъ Ревеля крейсеруютъ 5 шведскихъ кораблей, онъ отправился въ Ригу, куда и пришелъ 4-го сентября съ фрегатами *Св. Петръ* и *Св. Павелъ*, третій же фрегатъ, *Св. Илья*, на пути разбился. Въ Ригѣ фрегаты зазимовали и только на слѣдующій годъ пришли въ Ревель. Самъ же Рейсъ, произведенный уже въ капитанъ-командоры, получилъ, какъ увидимъ ниже, другое назначеніе.

Корабль «Полтава».

15-го іюня этого года спущенъ на воду первый, построенный въ петербургскомъ адмиралтействѣ, корабль *Полтава;* онъ былъ

---

[1]) Журн. Петра. Вел. I. стр. 338—340. Мат. Отд. I. № 482 и Извл. изъ журн. стр. 30.

[2]) Журн. Петра Велик. I, стр. 341.

54-хъ пушечный, имѣлъ одну закрытую батарею, вооруженную 18-ти фунтовыми пушками; на верхней открытой батареѣ стояли пушки 12-ти и 3-хъ фунтовыя. Длина корабля была 130 фут. 8 дюйм., ширина 38 фут. 4½ дюйма [1]). Совершенно плоская и чрезвычайно высокая корма корабля была изобильно украшена рѣзьбою, представлявшею аллегорическое изображеніе пораженія шведовъ подъ Полтавою (Рисунокъ листъ 14).

Возвращеніе государя въ Петербургъ (1713 г.).

Государь находившійся при арміи Меншикова, дѣйствовавшей вмѣстѣ съ союзными датскими и саксонскими войсками, по сдачѣ шведской крѣпости Фридрихштата (на западномъ берегу Ютландіи) отправился въ Россію и 22-го февраля прибылъ въ Петербургъ. Малые успѣхи прошлогодняго похода въ Финляндію, происшедшіе главнѣйше отъ недостатка судовъ, на которыхъ бы войска могли свободно обходить непріятеля шхерами, заставили государя обратить на этотъ предметъ полное вниманіе. Впродолженіе всей зимы исправляли и строили вновь суда для предстоящей кампаніи.

Усиленіе галернаго и корабельнаго флотовъ.

Къ веснѣ готовились 3 прама, 50 полугалеръ, 32 русскія бригантины и 50 лодокъ, подымавшихъ каждая по 40 человѣкъ. Прамы и полугалеры строились въ Петербургѣ, а бригантины на рѣкахъ Ижорѣ и Лугѣ [2]). Но при настоящемъ распространеніи приморскихъ владѣній Россіи, государю, кромѣ гребнаго флота, необходимаго преимущественно для дѣйствія въ финляндскихъ шхерахъ, крайне нуженъ былъ сильный корабельный флотъ. Безъ его содѣйствія на прилегающемъ къ нашимъ берегамъ морѣ, настоящими хозяевами все оставались бы шведы и сравнительно небольшія непріятельскія эскадры могли страшно вредить развитію нашей морской торговли и держать всѣ приморскія мѣста въ постоянномъ опасеніи отъ внезапнаго нападенія. Кромѣ этого, даже и при полномъ успѣхѣ военныхъ дѣйствій въ Финляндіи, одинъ гребной флотъ, безъ прикрытія корабельнаго, не могъ серьезно угрожать берегамъ собственно Швеціи. При настоящей численности и силѣ нашего корабельнаго флота, сколько-нибудь значительная высадка на берега Швеціи не могла быть сдѣлана иначе какъ при содѣйствіи датскаго флота, которое, несмотря на желаніе царя, постоянно отклонялось датскимъ правительствомъ.

---

[1]) Списокъ русскихъ военныхъ судовъ.

[2]) Матеріалы. Отд. I. №№ 493, 511 и 523.

Государь видѣлъ, что при самой спѣшной работѣ на нашихъ верфяхъ, включая и архангельскую, гдѣ въ 1712 году для балтійскаго флота были заложены три 52-хъ пуш. корабля, даже при употребленіи возможныхъ средствъ для расширенія кораблестроенія можетъ пройдти весьма много времени, покуда построится такое число кораблей, которое позволитъ нашему флоту безъ крайняго риска помѣряться силами со шведскимъ. Между тѣмъ медлить въ этомъ дѣлѣ было опасно; обстоятельства могли измѣниться и пропущенное время впослѣдствіи могло гибельно отозваться на завоеванныхъ Россіею берегахъ. Прочное обладаніе моремъ требовало флота, способнаго нетолько къ защитѣ, но и къ нападенію на непріятельскій берегъ, то есть, къ угрозѣ собственнымъ его владѣніямъ.

Покупка кораблей за границею (1711—13 г.).

Настоятельная необходимость въ быстромъ увеличеніи корабельнаго флота заставила Петра, несмотря на крайній недостатокъ денегъ, обратиться къ покупкѣ готовыхъ кораблей заграницею. Съ этою цѣлію еще лѣтомъ 1711 года посланъ былъ въ Данію, Францію и Голландію особый агентъ, Ѳедоръ Салтыковъ, которому поручено при содѣйствіи нашихъ посланниковъ пріискивать и покупать, гдѣ найдетъ, годные для флота корабли. За границей Салтыкову велѣно было «вести себя вездѣ инкогнито, за дворянина россійскаго» и обо всемъ писать данною ему цыфирью, и въ томъ дѣлѣ и корреспонденціи «имѣть надлежащую добрую осторожность». Сохраненіе тайны было особенно важно для того, чтобы шведы не могли узнать о купленныхъ судахъ и не захватили ихъ на пути въ Россію. Поэтому купленные на чужое имя корабли шли, какъ коммерческіе, съ иностранными флагами и паспортами и, кромѣ того, были застрахованы [1]). Въ случаяхъ же возбуждавшихъ подозрѣніе непріятеля, купленныя суда старались провести въ самое неудобное для плаванія время года, когда отъ непріятельскихъ крейсеровъ нельзя было ожидать большой бдительности. Скорѣйшей присылкѣ кораблей въ Россію царь придавалъ большую важность: «для Бога въ семъ отправленіи, писалъ онъ въ сентябрѣ 1712 года изъ Грибсвальда въ Копенгагенъ князю Долгорукову, крайнее попеченіе имѣй, ибо сіе дѣло самое главное въ сей войнѣ» [2]).

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 362, 363, 474 и 513.

[2]) Матеріалы. Отд. I. № 487.

Корабли покупались готовые, иные новые, другіе уже порядочно поплававшіе и разныхъ размѣровъ и чертежей, поэтому и цѣна ихъ была различна. Приближенно за купленный кузовъ и рангоутъ, въ Англіи платили отъ 6 до 7 фунтовъ стерлинговъ за тоннъ; а въ Голландіи до 8 фунтовъ. Корабли же съ рангоутомъ и такелажемъ, парусами, якорями, пушками, порохомъ и пр. обходились 20 и 21 фунтъ за тоннъ.

Вотъ для примѣра, составленная «англійскимъ добрымъ мастеромъ», смѣта стоимости какъ постройки, такъ и вооруженія двухъ кораблей:

РАЗМѢРЫ.

	60-ти пушеч.	50-ти пушеч.
Число тоннъ	914	700
Длина по килю	119 ф.	108 ф.
Ширина	38 ф.	35 ф.
Глубина въ анбарѣ (интрюмѣ)	15 ф. 8 пальц.	14 ф.
Во второй палубѣ	отъ 6 до 7½ ф.	6½ ф.

СТОИМОСТЬ.

Деревянный кузовъ съ желѣзными скрѣпленіями, мачты и реи	9,597 фунт.	7,000 фунт.
Такелажъ, паруса, якоря, пушки, порохъ и проч.	9,597 »	7,000 »
Полная стоимость корабля	19,104 фунт.	14,000 фунт.

Страхованіе обходилось до 10% стоимости. Такъ какъ фунтъ стерлинговъ въ то время равнялся четыремъ русскимъ рублямъ, слѣдовательно, на мѣстѣ постройки, 60-ти пушечный корабль, совершенно готовый, стоилъ около 80,000 рублей, а 50-ти пушечный около 60,000 рублей. Прибавляя къ этому страхованье, жалованье и прокормленіе экипажа на пути, которое на два корабля полагалось болѣе 30,000 руб., получимъ полную стоимость 60-ти пушечнаго корабля болѣе 100,000 руб.; а 50-ти пушечнаго около 75,000 руб. Не смотря на такую значительную цѣну, по отзыву Салтыкова, постройка и вооруженіе кораблей заграницею обходилось дешевле, чѣмъ въ Россіи, такъ что заграничная цѣна составляла около двухъ третей цѣны

кораблей тѣхъ же размѣровъ въ Петербургѣ и въ Воронежѣ [1]). Разница была только въ самой постройкѣ, относительно которой купленные корабли были далеко хуже нашихъ.

Къ невыгодамъ заграничной покупки надо прибавить еще паденіе нашего курса, происшедшее отъ перевода большихъ суммъ, необходимыхъ на содержаніе нашихъ войскъ въ Помераніи. Голландскій ефимокъ, равнявшійся прежде пятидесяти копѣйкамъ, въ 1712 году, дошелъ до восьми гривенъ и все еще продолжалъ возвышаться. Наши векселя иностранными купцами брались съ большою неохотою и они, не довѣряя обѣщаніямъ уплаты, иногда задерживали отправленіе кораблей, требуя сначала выдачи должной за нихъ суммы. Чтобы устроить дѣло безъ помощи наличныхъ денегъ, которыхъ недоставало и на самыя вопіющія надобности, наши посланники, по приказанію царя и по собственнымъ соображеніямъ, прибѣгали къ разнымъ средствамъ. Такъ наприм. князь Куракинъ, русскій посолъ въ Гагѣ, въ 1712 году просилъ голландскихъ купцовъ дать денегъ взаймы съ тѣмъ, чтобы получить ихъ съ пошлинъ собираемыхъ въ Архангельскѣ и когда они это отклонили, то предлагалъ тѣмъ изъ нихъ, которые думаютъ отправлять товары въ Архангельскъ въ будущую навигацію, вносить слѣдуемую пошлину впередъ въ Гагѣ. Но купцы и на это не согласились, представляя, что пошлина платится только за проданные товары, но случается, что иное остается непроданнымъ на рукахъ купца и потому можетъ возвратиться назадъ безъ взыска пошлины. Взамѣнъ сдѣланныхъ предложеній, голландцы представляли съ своей стороны болѣе выгодныя для нихъ операціи, какъ напримѣръ, просили отдать имъ по извѣстной цѣнѣ нѣкоторые изъ такъ-называемыхъ казенныхъ товаровъ, какъ то: хлѣбъ, смолу, смольчугъ, рыбій клей,—торговля которыми составляла привиллегію казны. Куракинъ соглашаясь на это, предлагалъ царю запретить частную торговлю мачтовыми деревьями, скупить ихъ въ Ригѣ и Архангельскѣ и уже продавать заграницу отъ казны. Отъ подобнаго торга онъ ожидалъ значительной выгоды [1]).

Однакоже несмотря на финансовыя затрудненія и недостатки

---

[1]) Матеріалы Отд. I. №№ 370 442, 448 и 467.

[2]) Матеріалы Отд. I. № 497.

самихъ кораблей, покупка ихъ заграницею имѣла ту важную сторону, что служила къ быстрому усиленію нашего флота и въ недалекомъ будущемъ представляла возможность угрожать шведамъ не одною сухопутною арміею, но и морскими силами.

После фрегата *Самсонъ*, прибывшаго лѣтомъ 1711 года (стр. 209), въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1712 года пришелъ въ Ревель другой фрегатъ, *Св. Яковъ*, купленный въ Голландіи, а въ декабрѣ 1712 года въ Копенгагенъ пришли три 50-ти пушеч. корабля, купленные Салтыковымъ: *Антоній Падуанскій*, *Рандольфъ* и *Гарденбрукъ*, названный впослѣдствіи *Эсперансъ*.

Для привода кораблей изъ Копенгагена въ Россію, отправились капитанъ-командоръ Рейсъ (стр. 219) и поручикъ Наумъ Синявинъ. Довѣреннымъ лицомъ былъ послѣдній, и время выхода изъ Копенгагена сохранялось въ такомъ строгомъ секретѣ, что даже Рейсу велѣно было объявить о походѣ въ то время, когда корабли уже совсѣмъ изготовятся къ плаванію. Государь приказалъ нанять матросовъ и офицеровъ по 50 или 60 человѣкъ на корабль и, присоединивъ къ нимъ по 100 слишкомъ солдатъ, принять провіантъ; если можно, то лучше всѣхъ людей помѣстить на корабли, если же неудобно, то часть дозволено оставить и на берегу; самые же корабли, для вида, разружить, но такъ, чтобы въ три дня они могли быть совершенно готовы къ выходу въ море. Между тѣмъ велѣно распускать слухъ, что корабли пойдутъ не раньше будущей весны. По выходѣ изъ Копенгагена, во второй половинѣ января, или въ началѣ февраля, приказано было обойдя по южную сторону Борнгольма, слѣдовать прямо къ Ревелю [1]). Принятыя предосторожности увѣнчались успѣхомъ: выйдя изъ Копенгагена 11-го февраля, Рейсъ и Синявинъ, 4-го марта (1713 г.) благополучно пришли въ Ревель. Здѣсь наемные люди были отпущены, суда укомплектованы русскими командами и снабжены провизіею и припасами для военной кампаніи. Главнымъ распорядителемъ по пріему судовъ, снабженію ихъ и разсчетамъ съ иностранцами былъ ревельскій комендантъ Василій Никитичъ Зотовъ. Въ Ревелѣ зимовалъ тогда фрегатъ *Св. Яковъ* и туда же весною перешли изъ Риги архангельскіе фрегаты: *Св. Петръ* и *Св. Павелъ*.

---

[1]) Матеріалы Отд. I. № 484 и 504.

Всѣ эти суда 23 апрѣля пошли къ Котлину, но задержанные льдомъ у Гогланда, должны были возвратиться и выйдя вновь вначалѣ мая, только 8-го числа у Сескаря соединились съ флотомъ, бывшимъ подъ начальствомъ Крюйса [1]).

Походъ въ Финляндію (1713 г.).

Но въ то время, какъ купленныя суда собирались въ Ревель, въ Петербургѣ и у Котлина безостановочно шли спѣшныя приготовленія къ походу въ Финляндію. Въ исходѣ марта (1713 г.) Апраксинъ, получивъ свѣдѣніе, что у Гельсингфорса зимовало нѣсколько шведскихъ кораблей, отправилъ изъ Ревеля въ непріятельскіе шхеры капитанъ-поручика Бредаля, на фрегатѣ *Св. Яковъ*, приказавъ ему осмотрѣть фарватеръ такъ далеко, какъ только будетъ возможно, а также, захватить «языковъ» и собрать свѣдѣнія о непріятельскихъ судахъ, стоявшихъ въ Гельсингфорсѣ. По исполненіи этого порученія Бредалю велѣно возвратиться въ Ревель и съ курьеромъ сообщить обо всемъ узнанномъ генералъ-адмиралу. Въ Петербургѣ по прибытіи царя приготовленія къ походу пошли съ такою быстротою, что въ исходѣ апрѣля Петръ уже могъ написать къ Меншикову: «Здѣсь слава Богу все добро и по двухъ дняхъ конечно, Богу изволшу, пойдемъ, а ранѣе того собраться не могли, а ежелибъ и не пріѣхалъ чаю, и ещебъ не такъ было» [2]).

Дѣйствительно, апрѣля 26-го, изъ Петербурга двинулся галерный флотъ въ числѣ болѣе двухъ сотъ судовъ (3 полугалеръ, 60 скампавей, 30 бригантинъ, 60 карбусовъ и 50 островскихъ лодокъ), на которыхъ было посажено 16,050 человѣкъ [3]). Всѣ эти суда построены были въ зиму съ 1712 на 1713 годъ. На каждой полугалерѣ могло помѣститься до 250 человѣкъ, на скампавеѣ—до 150, на бригантинѣ и карбасѣ — до 70. Кромѣ поименованныхъ судовъ при флотѣ было еще два прама и два гальота.

Отправлявшіяся въ походъ суда раздѣлялись на три части: авангардъ состоялъ подъ начальствомъ контръ-адмирала Петра Михайлова, съ которымъ былъ и царевичъ Алексѣй Петровичъ; кордебаталіею начальствовалъ адмиралъ графъ Апраксинъ, а аріергар-

[1]) Морскіе журналы стр. 17.

[2]) Матеріалы. Отд. I. №№ 533, 537 и 554.

[3]) Извлеч. изъ журн. стр. 34. Въ главн. морск. архивѣ въ дѣлахъ Апраксина № 70, въ числѣ судовъ и людей есть разница.

дією — галерный шаутбенахтъ графъ Боцисъ. Каждая изъ этихъ частей подраздѣлялась на три «шквадры» (эскадры). При боевомъ порядкѣ кордебаталія составляла центръ, авангардія—правое крыло, а аріергардія — лѣвое. На походѣ между эскадрами сохранялось разстояніе, достаточное для поворотовъ скампавей съ выкинутыми веслами. Въ случаѣ высадки людей на берегъ, на полугалерахъ велѣно оставлять морскихъ солдатъ по 60 человѣкъ, на скампавеяхъ по 20, на русскихъ бригантинахъ и карбасахъ по 10. Флагманскія галеры отличались отъ партикулярныхъ особенною окраскою и вымпелами: на адмиральской былъ вымпелъ бѣлый, у корабельнаго контръ-адмирала—красный, а галера Боциса вовсе не имѣла вымпела. Всѣ суда имѣли красные флаги, «манеромъ галернымъ», то-есть съ двумя косицами. Въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, провіантскимъ и адмиральскимъ судамъ всѣхъ эскадръ велѣно было собираться за флотомъ, и для охраненія ихъ назначались 9 бригантинъ и 9 лодокъ [1]).

Шедшая въ походъ гребная флотилія, обмѣнявшись съ петербургскою крѣпостью прощальнымъ салютомъ, спустилась по Невѣ и ночевала противъ Екатерингофа. По приходѣ къ Котлину, она, за противнымъ вѣтромъ, принуждена была остановиться и только 2-го мая отправилась въ море; въ этотъ же день, раннимъ утромъ, пошелъ въ море и корабельный флотъ, стоявшій у Кроншлота, подъ флагомъ вице-адмирала Крюйса. Государь до Березовыхъ острововъ шелъ на кораблѣ *Полтава*.

Корабельный флотъ состоялъ изъ кораблей *Полтава*, *Выборгъ* (капитанъ-командоръ Шельтингъ), *Рига* (Крюйсъ) и *Перновъ*, фрегатовъ *Самсонъ* и *Штандартъ*, одного бомбардирскаго корабля и двухъ шнявъ. Крюйсу приказано было царемъ по уходѣ галернаго флота держаться между Березовыхъ острововъ и Сескаря и имѣть къ западу, мили на три или на четыре, крейсеровъ. Въ случаѣ появленія «сильнѣйшаго» непріятеля велѣно отступать; а равнаго или слабѣйшаго «съ помощію Божією атаковать»; безъ крайней необходимости прежде сентября къ Кроншлоту не ходить, а дожидать возвращенія изъ похода галернаго флота [2]).

3-го мая, пройдя благополучно Березовые острова, гребная

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 555, 561 и 569. [2]) Тамъ же № 557.

флотилія успѣла войти въ шхеры, не видавъ непріятельскаго флота. По приказанію государя, во время похода шхерами, впереди всегда шли двѣ лодки, за ними въ виду скампавея, а за нею уже флотъ, державшійся ночью на разстояніи одного, а днемъ въ разстояніи 3-хъ пушечныхъ выстрѣловъ. Въ случаѣ появленія непріятеля, съ берегу или съ моря, извѣстія передавались условными сигналами: флагами и выстрѣлами. При проходѣ въ узкостяхъ, лодки, шедшія впереди, осматривали, нѣтъ ли по сторонамъ укрѣпленій или, вообще, какой-нибудь опасности. Во время ночныхъ стоянокъ, со всѣхъ сторонъ, гдѣ только были проходы, впереди и съ боковъ, становились на якорѣ, въ разстояніи пушечнаго выстрѣла, по скампавеѣ, а передъ ними на такомъ же разстояніи—по двѣ лодки, которыя должны были безпрерывно ходить по своей дистанціи и наблюдать за безопасностію флота [1]). Такимъ образомъ, на гребномъ флотѣ принимались всевозможныя предосторожности отъ нечаяннаго нападенія.

Высылая впередъ небольшіе отряды лодокъ и скампавей для осмотра мѣстности, развѣдыванія непріятельскихъ судовъ изахватыванія «языковъ», гребной флотъ 8-го мая приблизился къ Гельсингфорсу. Шведскія войска, защищавшія этотъ городъ, состояли изъ двухъ полковъ пѣхоты и трехъ ротъ кавалеріи. Бригадиръ Чернышевъ, посланный впередъ съ 6-ю скампавеями, для осмотра гавани и проходовъ къ Гельсингфорсу, исполнилъ порученіе подъ огнемъ непріятельскихъ батарей, причемъ взялъ изъ подъ шведскихъ пушекъ любское торговое судно и привелъ его къ флоту. По возвращеніи, Чернышевъ донесъ, что на берегу устроены были брустверы и 3 батареи. 10-го мая къ галерному флоту прибыли отставшіе прамы, и послѣ полдня весь флотъ двинулся къ Гельсингфорсу. Атака была направлена на сѣверный рейдъ Норра-хамнъ; авангардія, подъ предводительствомъ корабельнаго шаутбенахта (царя) шла впереди и расположилась въ проливѣ противъ Скатудена; прамы и бомбардирскій гальотъ были поставлены въ глубинѣ рейда, ближе къ батареямъ. Кордебаталія, подъ начальствомъ генералъ-адмирала, заняла позицію южнѣе авангарда, а аріергардія помѣстилась при входѣ на южный рейдъ Седра-хамнъ. Перестрѣлка и

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 563.

бомбардированіе продолжались всю ночь; въ городѣ вспыхнулъ пожаръ и съ разсвѣтомъ русскіе приступили къ высадкѣ десанта, который уже не встрѣтилъ на берегу никакого сопротивленія, потому что шведы, видя невозможность защищаться, оставили Гельсингфорсъ: Армфельдъ съ войсками отступилъ къ Борго на соединеніе съ Любекеромъ, а жители бѣжали въ Або. Оставляя Гельсингфорсъ шведы сожгли всѣ запасы, которыхъ не могли взять съ собою [1]).

По свидѣтельству шведскаго историка [2]) войска ихъ упорно сопротивлялись: огонь былъ до того убійственный, что на нашихъ трехъ галерахъ (изъ отряда бригадира Чернышева) былъ перебитъ весь экипажъ, а при первыхъ попыткахъ свезти десантъ русскіе были съ большимъ урономъ отбиваемы шведами, скрывавшимися за брустверами укрѣпленій. Галеры, ближайшія къ берегу теряли столько гребцовъ, что, при замѣнѣ ихъ новыми, съ трудомъ успѣвали отходить отъ берега. Нѣтъ сомнѣнія, что показанія эти значительно преувеличены. Успѣхъ русскихъ шведы приписываютъ удачному выбору мѣста для высадки, тамъ гдѣ городъ былъ совершенно не укрѣпленъ и даже не было войскъ, а именно—на западномъ берегу залива Седра-хамнъ (близъ теперешнихъ минеральныхъ водъ), откуда Армфельдъ не предвидѣлъ нападенія. Дѣйствіе артиллеріи нашихъ прамовъ и бомбардирскаго гальота также въ значительной степени способствовало успѣху дѣла.

Трофеи, найденные побѣдителями въ Гельсингфорсѣ, состояли въ 4-хъ пушкахъ, множествѣ ружей и порохѣ; но важность побѣды была не въ количествѣ добычи, а въ завладѣніи мѣстностью, представлявшею всѣ выгоды хорошаго порта, охраняющаго шхерный фарватеръ. Для преслѣдованія непріятеля наша армія, по прежнему на галерномъ флотѣ, двинулась къ Борго. 14-го числа, когда галеры стали подходить къ этому городу, шведы и отсюда отступили и направились по тавастгустской дорогѣ, забравъ жителей, но оставя цѣлыми дома, въ которыхъ и расположились наши войска [3]).

Шведское правительство (регентство), недовольное дѣйствіями Любекера, потребовало отъ него объясненія причинъ сожженія

---

[1]) Журн. Петра Велик. I. стр. 359. Матеріалы. Отд. I. № 577. Извлеч. изъ журн. стр. 36. [2]) Nordberg III. 40—41. [3]) Матеріалы. Отд. I. № 577.

Гельсингфорса и отступленія отъ Борго, при которомъ онъ имѣлъ полную возможность отразить русскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ случаѣ сопротивленія шведовъ, нашимъ солдатамъ приходилось бы, высаживаться съ гребныхъ судовъ подъ непріятельскимъ огнемъ, и на такой глубинѣ, гдѣ вода доходила человѣку подъ мышки, причемъ, конечно, нельзя было дѣйствовать оружіемъ. Наконецъ, обвиняли Любекера въ томъ, что отступленіемъ своимъ онъ предалъ непріятелю всю Ниландію и далъ возможность русскимъ безпрепятственно идти вдоль берега къ самому Або [1]).

Петръ, конечно, не замедлилъ воспользоваться ошибками шведовъ: «Понеже, писалъ онъ, сентенція нашего дѣла состоитъ въ томъ, чтобъ сіе княжество (Финляндію) отъ непріятеля отлучить, и не точію отлучить, но и укоренясь по возможности въономъ и изъ онаго далѣе непріятелю досаждать, для чего удобнѣе всѣхъ мѣстъ представляется городъ Абовъ».

Дѣйствительно, Або, имѣя важное значеніе, какъ главный городъ Финляндіи, представлялъ большія выгоды и по стратегическому своему положенію. Находясь въ западномъ углу Финляндіи, вблизи Аландскихъ шхеръ, подходящихъ почти къ самымъ берегамъ, Або представлялъ удобный опорный пунктъ для военныхъ дѣйствій въ Ботническомъ заливѣ и давалъ возможность угрожать окрестностямъ самого Стокгольма. Наконецъ, занятіемъ Або русскіе отрѣзывали отъ Швеціи Финляндію, откуда первая, какъ выше замѣчено, получала большое количество съѣстныхъ припасовъ и другихъ предметовъ.

На военномъ совѣтѣ вмѣстѣ съ движеніемъ къ Або признавалось необходимымъ имѣть въ шхерахъ хорошо укрѣпленную гавань, которая могла бы представить вѣрное убѣжище для флота и также безопасное мѣсто для сохраненія провіанта и разныхъ запасовъ, необходимыхъ для нашего финляндскаго корпуса. Кромѣ этого, для полнаго обезпеченія продовольствія арміи, рѣшено было построить еще «шанцъ» при началѣ шхеръ. При существованіи такого укрѣпленія, еслибы сильный непріятельскій флотъ, расположась у Березовыхъ острововъ, и отрѣзалъ сообщеніе нашего галернаго флота съ Кроншлотомъ, то провіантъ и все необ-

---

[1]) Nordberg. III. 42.

ходимое для действующаго корпуса могло бы безпрепятственно перевозиться изъ Выборга до шанца, на разстояніи 40 или 50 верстъ, сухимъ путемъ на телѣгахъ, а отъ шанца до предполагаемой укрѣпленной гавани водянымъ шхернымъ путемъ, на мелкихъ судахъ. Мѣсто для гавани отправился отыскивать самъ контръ-адмиралъ (Петръ) и нашелъ его у острова Форсбина, въ 28 верстахъ отъ Борго [1]). Туда двинулся изъ Борго галерный флотъ и 3,000 пѣхоты съ генералъ-маіоромъ Бутурлинымъ. На избранномъ мѣстѣ 28-го мая заложили ретраншаментъ и начали выгружать съ судовъ провіантъ.

Сожженіе голландскихъ флейтъ

Между тѣмъ шведскій флотъ, на другой же день по уходѣ русскихъ явился къ Гельсингфорсу; Боцисъ, посланный съ 30-ю скампавеями для наблюденія непріятеля, нашелъ на тамошнемъ рейдѣ эскадру въ 10 вымпеловъ (8 кораблей, фрегатъ и шняву) и съ нею 5 большихъ грузовыхъ судовъ (флейтъ). Полагая, что на флейтахъ привезенъ провіантъ для арміи Любекера, Боцисъ, съ разрѣшенія царя и Апраксина, ночью послалъ къ Гельсингфорсу 19 мелко-сидящихъ судовъ и сжегъ всѣ пять флейтъ, забравъ съ нихъ людей. Все это исполнено было въ виду непріятельскаго флота, почти подъ его пушками. (Рисунокъ лист. 6). Однакоже послѣдствія этого удачнаго дѣла были для насъ весьма невыгодны: сожженныя суда оказались голландскими и за нихъ пришлось заплатить 15,000 рублей [2]). По поводу этой уплаты произошло довольно странное явленіе, характеризующее тогдашнее понятіе о справедливости въ отношеніи къ непріятелю. На основаніи того, что голландцы, по приказанію шведскаго вице-адмирала Лилли, командовавшаго эскадрою, пришли безъ флаговъ, не предъявили своихъ паспортовъ русскому начальству и стояли подъ защитою шведскихъ судовъ, царь считалъ Лилли главнымъ виновникомъ сожженія судовъ, и потому полагалъ, что за потерю ихъ должно заплатить шведское правительство. Но какъ съ него взыскать было нельзя, то заставили находившагося у насъ въ плѣну графа Пипера дать вексель въ 30,000 ефимковъ и написать письмо къ женѣ, чтобы она непремѣнно уплатила эту сумму; въ

---

[1]) Матеріалы. Отд. 1. №№ 579 и 584. Журн. Петра Вел. I. стр. 361. Извлеч. изъ журн. стр. 38.

[2]) Письмо де-Би Штатамъ, 1714 г. окт. 5. Нидерл. госуд. архивъ въ Гагѣ.

случаѣ неимѣнія наличныхъ денегъ, заложила бы даже имѣніе, и потомъ просила шведское правительство возвратить деньги [1]).

Сосредоточеніе арміи и галернаго флота у Форсбина было временное, въ ожиданіи прихода кавалеріи, которая медлила выступленіемъ, ожидая появленія подножнаго корма. Планъ дальнѣйшихъ дѣйствій въ Финляндіи состоялъ въ слѣдующемъ: предварительно движенія на Або, предполагалось занять Гельсингфорсъ и для защиты его отъ нападенія непріятельскаго флота всѣ проходы съ моря къ городу, удобные для кораблей, засыпать камнемъ, а самый городъ укрѣпить и перевезти въ него провіантъ изъ новой крѣпости при урочищѣ Форсбинъ, которую разорить. По укрѣпленіи Гельсингфорса, двинуться къ Або, овладѣть имъ и также укрѣпить. Если (паче чаянія) непріятель, избравъ крѣпкую позицію, не пропуститъ нашихъ войскъ сухимъ путемъ, то обойти его шхерами и по занятіи и укрѣпленіи Або, расположить войска на зимнихъ квартирахъ между этимъ городомъ и Гельсингфорсомъ. По утвержденіи въ Або, при помощи бригантинъ и скампавей, прекратить подвозъ къ Стокгольму припасовъ изъ Ботническаго залива. Провіантъ же для продовольствія нашихъ войскъ собирать, если можно, на мѣстѣ, въ Финляндіи, а въ случаѣ невозможности, продовольствовать армію изъ гельсингфорскихъ магазиновъ, установя «добрый менажіумъ (дабы долѣе могли войска пропитаться), съ крѣпкимъ заказомъ подъ наказаніемъ смерти». Въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, превосходящимъ наши силы, предписывалось «въ баталію не азардовать», а держаться при своихъ крѣпостяхъ, разоряя предъ непріятелемъ землю и сохраняя свободный путь съ тылу. Если число шведскихъ войскъ позволитъ разсчитывать на успѣхъ, то вступать въ сраженіе, только избирая такую мѣстность, которая, въ случаѣ неуспѣха, представляла бы возможность къ свободному отступленію. Жители Финляндіи универсалами приглашались къ повиновенію русскому начальству, а еслибы встрѣтилось съ ихъ стороны сопротивленіе, велѣно было отбирать все ихъ имущество и самихъ брать въ плѣнъ; но при этомъ запрещалось разорять и жечь строенія, развѣ только въ случаѣ отступленія передъ непріятелемъ [2]).

---

[1]) Кабинет. дѣла. Отд. II, № 23. [2]) Матер. Отд. I. № 592.

Петръ на корабельномъ флотѣ.

Въ предположенномъ занятіи Гельсингфорса предназначалась роль и для корабельнаго нашего флота: онъ одновременно съ арміею долженъ былъ появиться передъ этимъ городомъ и стараться запереть стоявшую тамъ шведскую эскадру. Для приготовленія флота къ исполненію этой задачи и для скорѣйшей высылки его въ море, Петръ, 31-го мая оставилъ финляндскую армію и отправился въ Петербургъ. Государь пошелъ шхерами на шнявѣ *Мункеръ*, въ сопровожденіи трехъ русскихъ бригантинъ и пяти скампавей, на которыхъ находился батальонъ лейбъ-гвардіи. 7-го іюня царь прибылъ на флотъ, стоявшій у Березовыхъ острововъ, и пересѣлъ на корабль *Полтава*; на другой день онъ занялся осмотромъ первой партіи купленныхъ кораблей, соединившихся съ эскадрою Крюйса у Сескаря 8-го мая. Для испытанія этихъ судовъ государь, пользуясь сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, ходилъ между Березовыми островами и Гаривалдаемъ, становился на якорь и снимался съ якоря и 10-го іюня провелъ ночь у Котлина, близъ Александровской крѣпости. Отзывъ Петра о вновь пріобрѣтенныхъ корабляхъ былъ далеко не въ ихъ пользу: «подлинно достойны названія *пріемышей*, писалъ царь Апраксину, ибо подлинно столь отстоятъ отъ нашихъ кораблей, какъ отцу пріемышъ отъ роднаго сына; ибо гораздо малы передъ нашими, хотя и пушекъ столькое жъ число, да не такихъ и не такимъ просторомъ, а паче всего, что французскій *(Эсперансъ)* и англійскій *(Рандольфъ)* зѣло тупы на парусахъ, а гамбургскій *(Антоній)* гораздо рѣзовъ, да сгнилъ; однакожъ нынѣшнюю кампанію служить можетъ, а къ будущей починить, ибо за такую его сейлажу покинуть жаль» [1]).

По совѣщаніи на флотѣ и по сношенію съ Апраксинымъ, общее нападеніе на Гельсингфорсъ назначено было произвести около 10-го іюля, и флотъ, по приходѣ къ Кроншлоту, началъ готовиться къ предстоящему плаванію.

Между тѣмъ, 11-го іюня праздновалась новая побѣда: изъ Помераніи, отъ князя Меншикова получено было извѣстіе о взятіи г. Тонинга и сдачѣ генералъ-фельдмаршала Стейнбока, — событіе, имѣвшее важное вліяніе на ходъ тамошнихъ военныхъ дѣйствій. Пріѣздъ персидскаго посла повелъ также къ морскимъ торже-

---

1) Матеріалы. Отд. I. № 607. Извлеч. изъ журн. стр. 38.

ствамъ. Посолъ прибылъ по Невѣ, 27-го іюня, въ день празднованія полтавской побѣды, и встрѣченъ былъ у Канцевъ (Охты), съ большимъ почетомъ, самимъ государемъ, сенаторами и многими жителями столицы. При въѣздѣ въ Петербургъ, посла привѣтствовали пушечною пальбою; а вечеромъ на площади сожгли фейерверкъ. Но самое почетное и, конечно, для посла самое тяжелое изъ предложенныхъ ему удовольствій, было посѣщеніе флота. Пріѣхавъ на котлинскій рейдъ на скампавеѣ, 5-го іюля, посолъ ночевалъ на кораблѣ *Выборгъ*. А на морѣ «того дня былъ великій штормъ»,—обстоятельство несовсѣмъ удобное для увеселительной поѣздки. На другой день былъ обѣдъ у царя, на кораблѣ *Полтава*, потомъ дѣлались нарочно для посла маневры, и только 7-го числа онъ отправился въ Петербургъ [1]).

Приходъ въ Ревель 2-й партіи покупныхъ кораблей.

Полученное изъ Ревеля извѣстіе о прибытіи туда трехъ кораблей (*Викторія*, *Страфордъ* и *Оксфордъ*) и двухъ фрегатовъ (*Лансдоу* и *Св. Николай*), купленныхъ за границею, требовало по своей важности особеннаго вниманія. Для привода судовъ изъ Ревеля къ флоту, посланъ былъ капит.-поруч. Ив. Синявинъ, но такъ какъ бо́льшая часть пришедшихъ на судахъ иностранцевъ отказывалась идти къ Котлину, то вслѣдъ за Синявинымъ государь отправилъ съ капитаномъ Сиверсомъ офицеровъ и матросовъ. До Нарвы они шли на бригантинахъ, а далѣе сухимъ путемъ. Прибывъ въ Ревель 6-го іюля, Сиверсъ впродолженіе трехъ дней успѣлъ приготовить эскадру къ выходу въ море [2]). Вновь прибывшія суда необходимо было скорѣе присоединить къ флоту и исполнить это почти

Консиліумъ о соединеніи эскадръ.

въ виду непріятеля. По этому случаю 7-го іюля былъ собранъ у Крюйса «консиліумъ», въ которомъ участвовали контръ-адміралъ (царь) и капитанъ-командоры. Всѣ согласно рѣшили идти флоту къ Ревелю, для соединенія съ бывшими тамъ кораблями; въ случаѣ встрѣчи съ слабѣйшимъ непріятелемъ, вступить съ нимъ въ сраженіе, а отъ сильнѣйшаго уходить.

Предвидя возможность значительной опасности предпринимаемой экспедиціи, Крюйсъ особымъ письмомъ просилъ Петра, чтобы «въ путь не изволилъ идти». Очевидно, истинная цѣль просьбы была

---

[1]) Матеріалы. Извл. изъ журн. стр. 39.

[2]) Матеріалы. Отд. I. №№ 611, 619, 621, 625, 636 и 645.

забота о безопасности государя, который при настоящемъ, весьма рискованномъ предпріятіи, могъ погибнуть въ сраженіи или попасть въ плѣнъ. Но Крюйсъ не указалъ прямо на это обстоятельство, а поводомъ къ своей просьбѣ представлялъ причины, ни въ какомъ случаѣ не подлежавшія его обсужденію, именно, писалъ, что при военныхъ дѣйствіяхъ въ Финляндіи, царю необходимо быть въ Петербургѣ или близъ него. Пылкій и самолюбивый контръ-адмиралъ, видимо заподозривъ Крюйса въ оскорбительномъ недовѣріи къ своимъ морскимъ знаніямъ,—а можетъ быть и въ желаніи пріобрѣсти одному себѣ славу первой настоящей морской побѣды,—страшно огорчился и отвѣтилъ вице-адмиралу слѣдующимъ письмомъ:

«Понеже я съ великимъ удивленіемъ на письмѣ, которое на консиліи, бывшемъ во флотѣ для дѣйствъ противъ непріятеля и для комуникаціи при Ревелѣ будущими кораблями, отъ господина вице-адмирала получилъ, въ которомъ и на то рѣшеніе кладетъ, чего въ ономъ консиліумѣ и не бывало, ибо не точію хощетъ, чтобы я при флотѣ былъ, но ниже паки къ арміи въ Финландъ возвратился, въ чемъ оный жадной (съ польскаго ni jednej, ни одной, никакой) причины, ниже должности имѣетъ; правда, вперво причину сію получилъ, ибо уже вяще 18 лѣтъ какъ служу сему государству (о чемъ пространно не пишу понеже всѣмъ извѣстно), и въ сколькихъ баталіяхъ, акціяхъ и белаграхъ былъ и вездѣ отъ добрыхъ и честныхъ офицеровъ прошенъ былъ дабы не отлучался, какъ и послѣдняя моя нынѣшняя отлучка отъ Голштиніи, гдѣ нетолько отъ своихъ, но и отъ датскихъ и саксонскихъ генераловъ о томъ прошенъ былъ, дабы тамъ остаться, а не отсылалъ, дабы дома яко дитя остался. Я думаю много причинъ о семъ, но нынѣ до времени оставляю, дабы никакого препятствія дать сему доброму случаю, и того ради гдѣ не желаютъ, оставляю свою команду, однакожъ, дабы я ни въ чемъ причиною не былъ къ нерадѣнію, свое мнѣніе предлагаю, хотя оное принято будетъ или инымъ образомъ, только бы корабли ревельскіе сюда въ цѣлости препровождены были, въ чемъ и прочемъ можетъ господинъ вице-адмиралъ отвѣтъ дать. Прочее, ради вышереченнаго себѣ афронта, пресѣкая корреспонденцію, остаюсь [1]).

---

[1]) Каб. Дѣл. Отд. I. № 21.

Представленное мнѣніе контръ-адмирала состояло въ томъ, чтобы на походѣ имѣть впереди трехъ лучшихъ ходоковъ, для предупрежденія о непріятелѣ. Отъ сильнѣйшаго непріятеля уходить; а съ слабѣйшимъ вступать въ бой, приказавъ этимъ временемъ, ревельскимъ кораблямъ идти къ Кроншлоту. Если же получится свѣдѣніе, что непріятель не силенъ, то искать его, и запереть шведскаго вице-адмирала въ Гельсингфорсѣ, который еще въ это время не былъ занятъ русскими.

Крюйсъ, отвѣчая на гнѣвное письмо Петра, оправдывался, какъ могъ, и для лучшаго убѣжденія строптиваго контръ-адмирала, приводилъ разные примѣры бывшихъ опасностей на морѣ, которые могли угрожать и въ настоящемъ случаѣ.

Отвѣты Петра, какъ нельзя лучше, характеризуютъ его взглядъ на опасность и представляютъ совершенно вѣрное убѣжденіе въ томъ, что частные примѣры ничего не доказываютъ.

Примѣры приводимые Крюйсомъ:	*Отвѣты Петра:*
Адмиралъ Обдамъ будучи въ датскомъ флотѣ противъ шведовъ, въ баталіи отъ пороху корабль подорвало.	Дворянинъ Никита Долгой ѣхалъ Окою, имѣлъ боченокъ пороху, который взорвало, ему ногу переломило, многихъ обожгло.
Адмиралъ графъ Крусъ на большомъ шведскомъ кораблѣ, именованномъ «Три короны», который былъ противъ датскихъ, также порохомъ подорвало.	Окольничій Засѣкинъ свинымъ ухомъ подавился.
Адмиралъ Шифель потерялъ свой корабль на одномъ клипѣ (на мели), чуть что не всѣхъ и людей потерялъ.	Ивана Ивановича Бутурлина палаты задавили.
Адмиралъ Коламбургъ черезъ четыре года только на малое время отлучился отъ своего корабля, то оный отъ пороху раздавленъ былъ.	22 года тому назадъ какъ дѣлали фейерверкъ на Москвѣ, и тогда, только я вышелъ—подорвало, и подполковника Страсбурха, Франца Тиммермана и прочихъ сожгло, о чемъ многіе помнятъ.

Адмиралъ Рюйтеръ сказалъ, дабы морскіе люди были опасны, что не такъ они далеко отъ смерти, какъ доска отъ корабля толщину имѣетъ.	Неопасеніе человѣку вездѣ вредитъ.
Адмиралъ Тромпъ сказалъ: счастіе и несчастіе въ баталіи многажды состоитъ въ одной пулькѣ.	Бояться пульки, нейдти въ солдаты, или кому деньги дороже чести, тотъ оставь службу.
А ежели Вашего Царскаго Величества флотъ (чего Боже спаси), будетъ осажденъ отъ непріятеля, или отъ непогодья какое препятствіе учинится [1]).	Газардовать не велятъ и не совѣтуютъ, а деньги брать и не служить стыдно.

Отправленіе котлинской эскадры къ Ревелю.

Какъ ни сильно было желаніе Петра принять участіе въ этомъ походѣ, однакоже чувство долга подчиненнаго пересилило, и онъ, исполняя распоряженіе вице-адмирала, остался на берегу, а Крюйсъ 9-го іюля вышелъ въ море съ флотомъ, состоявшимъ изъ слѣдующихъ судовъ:

КОРАБЛИ.

54 пуш. *Полтава* — капит. Гослеръ.
50 пуш. *Рига* — виц.-адм. Крюйсъ.
50 пуш. *Выборгъ* — кап.-ком. Шельтингъ.
50 пуш. *Антоній* — кап.-ком. Рейсъ.
50 пуш. *Рандольфъ* — кап.-пор. Н. Синявинъ.
50 пуш. *Перновъ* — кап. Безмакеръ.
44 пуш. *Эсперансъ* — кап. Экгофъ.

ФРЕГАТЫ.

36 пуш. *Самсонъ* — кап. Эдвардъ.
30 пуш. *Св. Павелъ* — кап. Вессель.
30 пуш. *Св. Петръ* — кап. Дегрейтеръ.
22 пуш. *Св. Яковъ* — кап. Рамъ.

ШНЯВЫ.

18 пуш. *Наталья* — кап. Шхонъ.
18 пуш. *Діана* — кап. Риго.

---

[1]) Дѣян. Петра Вел. IV. 247.

Петръ сначала разсчитывалъ на возможность, при усиленіи флота купленными кораблями, пособить арміи дѣйствующей въ Финляндіи; но этому помѣшало появленіе у Ревеля шведскихъ судовъ; тогда уже (8-го іюля) царь писалъ къ Апраксину, чтобы онъ на флотъ не надѣялся, потому что трудно будетъ вывести изъ Ревеля купленные корабли, «такожъ съ дѣдушкомъ нашимъ какъ съ чортомъ вожусь и не знаю что дѣлать, Богъ знаетъ какой человѣкъ» [1]).

Погоня за непріятелемъ.

Іюля 10-го, часу въ 4-мъ вечера, когда флотъ подходилъ къ Сомерсу, крейсеры идущіе впереди увидѣли по восточную сторону Гогланда три судна и Крюйсъ погнался за ними. Пройдя при свѣжемъ вѣтрѣ Гогландъ, къ ночи корабли заштилѣли и уже на разсвѣтѣ 11-го числа, при вѣтрѣ задувшемъ отъ SO, наша эскадра, поставивъ всѣ паруса, включая и лисели, въ 4-мъ часу утра подошла такъ близко къ непріятельскимъ судамъ, что могла начать съ ними перестрѣлку. Шведскіе корабли были: *Эзель*, *Эстляндъ* и *Верденъ;* начальствовалъ ими капитанъ-командоръ Раабъ. Около 6-го часа, когда корабли *Выборгъ* и *Св. Антоній*, на которыхъ были капитанъ-командоры Шельтингъ и Рейсъ, уже перестрѣливались со шведами, вице-адмиралъ при пушечномъ выстрѣлѣ поднялъ красный флагъ на гротъ-стеньгѣ, что означало сигналъ «вступить въ бой». Въ то время какъ корабль непріятельскаго капитанъ-командора былъ не далѣе половины длины корабля отъ вице-адмиральскаго корабля *Рига*, *Выборгъ* сталъ на мель, за нимъ набѣжалъ на ту же мель *Рига* и потомъ *Эсперансъ*. Рейсъ и другіе капитаны нѣсколько времени продолжали погоню и перестрѣлку, но по спускѣ на кораблѣ *Рига* краснаго флага, принявъ это за сигналъ отступленія, прекратили бой, возвратились къ кораблямъ стоявшимъ на мели и занялись ихъ спасеніемъ. *Ригу* и *Эсперансъ* удалось стащить съ мели, а *Выборгъ* проломился о камень и по снятіи пушекъ и всего, что могли съ него свезти, былъ сожженъ. Мель, на которую попали русскія суда была, по всей вѣроятности,

Потеря корабля «Выборгъ».

[1]) Мат. Отд. I. № 643. Голиковъ въ Дѣян. Петра Велик. IV. стр. 366 несправедливо относитъ эти слова къ Ромодановскому. Вѣрнѣе предположить, что они относились къ Крюйсу; а можетъ быть къ Кикину, котораго Петръ въ письмахъ часто называлъ «дѣдушкою» и который былъ тогда адмиралтейскимъ совѣтникомъ и принималъ участіе въ снаряженіи флота.

банка Калбодегрундъ. Шведскій историкъ говоритъ, что корабль командора Рааба во время погони за нимъ также попалъ на мель, но что Раабъ не убралъ ни одного паруса въ надеждѣ перескочить черезъ банку, что дѣйствительно и случилось, а гнавшіеся за нимъ русскіе корабли, не замѣтивъ этого обстоятельства, врѣзались на мель и на ней остановились [1]). Въ письмѣ къ Апраксину Крюйсъ также упоминаетъ о томъ, что непріятельскія суда «попали на мель, токмо однако сходили». Шведскія суда, избавясь отъ опасности, соединились со своимъ флотомъ у Гельсингфорса, гдѣ случайное спасеніе ихъ отпраздновали какъ побѣду. По поводу этого происшествія Крюйсъ, оба капитанъ-командора Шельтингъ и Рейсъ и капитанъ Дегрейтеръ отданы были подъ судъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ Апраксинъ, а старшимъ изъ членовъ былъ контръ-адмиралъ Петръ Михайловъ. Вице-адмиралъ, обвиненный въ нераспорядительности и неисполненіи своей обязанности, и кап.-командоръ Рейсъ за прекращеніе погони, не имѣя къ тому основательнаго повода, приговорены къ смертной казни. Кап.-командоръ Шельтингъ къ пониженію въ младшіе капитаны; а капитанъ Дегрейтеръ къ изгнанію изъ Россіи «безъ абшиту», то-есть, безъ атестата. По просьбамъ Апраксина, Меншикова и жены Крюйса, казнь его и Рейса замѣнена ссылкою, перваго въ Казань, а втораго въ Сибирь [2]).

Соединеніе эскадръ и возвращеніе къ Кроншлоту

16-го іюля флотъ нашъ пришелъ въ Ревель и 25-го съ купленными кораблями былъ уже у Кроншлота. Государь, пріѣхавъ на рейдъ, осмотрѣлъ новыя суда, и 31-го іюля пошелъ со всѣмъ флотомъ къ Березовымъ островамъ. Здѣсь онъ перешелъ на шняву *Мункеръ* и съ преображенскимъ батальономъ, размѣщеннымъ на пяти скампавеяхъ, повелъ въ шхеры суда съ провіантомъ, въ которомъ нуждалась финляндская армія.

Занятіе Гельсингфорса

Военныя дѣйствія на сухомъ пути были болѣе успѣшны, чѣмъ на морѣ: 5-го іюля армія Апраксина двинулась отъ Форсбина; Любекеръ пробовалъ задержать ее у рѣки Борго, но послѣ упорнаго боя (8-го іюля) долженъ былъ отступить. 12-го, пѣхота подошла къ Гельсингфорсу, гдѣ стояли шесть непріятельскихъ военныхъ судовъ (4 корабля, фрегатъ и шнява) эскадры вице-адмирала Лилли, 9 грузо-

[1]) Guillengranat. 1, стр. 298.

[2]) Судное дѣло вице-адмирала Крюйса, въ Ковч. адмиралт. совѣта.

выхъ (3 флейта, гальотъ и 5 шкутъ) и еще корабль *Булинбрукъ* купленный для русскаго флота за границею и захваченный шведами близъ Ревеля. Онъ былъ безъ гротъ-мачты и стоялъ подъ англійскимъ флагомъ, который имѣлъ при взятіи его шведами. Кромѣ того, въ морѣ, въ 7 верстахъ, держалось еще семь непріятельскихъ судовъ (5 кораблей, фрегатъ и шнява). Несмотря на свои довольно значительныя силы, 15-го іюля, непріятельскія суда, какъ писалъ Апраксинъ, «изъ устья (съ рейда) Божіею помощію и оружіемъ Царскаго Величества выбиты на море» и Лилли отъ Гельсингфорса перешелъ далѣе къ западу, къ мѣстечку Твереминне, гдѣ шведскій корабельный флотъ могъ удержать нашъ галерный, идущій по шхерамъ. На другой же день по занятіи Гельсингфорса, русскіе на мѣстѣ сожженнаго посада начали строить крѣпость, заваливать и укрѣплять проходы на рейдъ, оставя изъ нихъ свободнымъ только одинъ, имѣвшій глубины 12 фут. Этотъ проходъ былъ доступенъ лишь для такихъ небольшихъ судовъ, появленіе которыхъ на рейдѣ не могло быть опасно.

Изслѣдованіе шхерныхъ фарватеровъ.

Боцисъ со скампавеями посланъ былъ осмотрѣть дальнѣйшій шхерный фарватеръ и нашелъ, что онъ, между Гельсингфорсомъ и Паркалаудомъ, для кораблей недоступенъ и потому, гребной флотъ можетъ идти по шхерамъ безъ опасенія. На плесѣ же, между Паркалаудомъ и Барезундомъ, глубина оказалась не менѣе 12-ти саженъ и, по разставленнымъ знакамъ и вѣхамъ, Боцисъ заключилъ, что тутъ ходятъ большія суда и искалъ для галеръ фарватера близъ берега не болѣе 7 футъ глубины [1]).

Недостатокъ военныхъ средствъ въ Финляндіи.

Не смотря на успѣхъ похода, численность и положеніе войскъ Апраксина были далеко недостаточны для окончанія предположеннаго плана, то-есть, для занятія Або и утвержденія въ немъ. Нашъ финляндскій корпусъ имѣлъ всего до 8,000 человѣкъ, изъ которыхъ болѣе 1,000 было больныхъ и раненыхъ. Если бы для похода на Або можно было ограничиться только 30-ю скампавеями и посадить на нихъ двѣ трети комплектнаго числа, то и тогда потребовалось бы, по меньшей мѣрѣ, 3,000 человѣкъ. Въ крѣпости, для охраненія остающихся при ней судовъ и провіанта, также слѣ-

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 652, 657, 663 и 678. Журн. Петра Велик. I, стр. 372.

довало имѣть не менѣе 3,000 человѣкъ и, затѣмъ, въ полѣ пѣхоты не набралось бы полной тысячи человѣкъ. Морской составъ былъ также не въ лучшемъ состояніи; напр. на иныхъ скампавеяхъ въ Форсбинѣ (30-го іюля) не только вовсе не было морскихъ офицеровъ, но даже и матросовъ оставалось не болѣе двухъ, трехъ человѣкъ на каждую скампавею; да и изъ тѣхъ иные были больны [1]). Поэтому, самыя суда нельзя было употребить даже для перевозки въ Гельсингфорсъ провіанта. При такомъ положеніи войскъ, Апраксинъ просилъ государя, чтобы въ настоящемъ году къ Або не ходить, а предполагалъ болѣе полезнымъ заняться укрѣпленіемъ Гельсингфорса. Къ тому же было крайне необходимо пополнить въ Финляндіи запасы провіанта, котораго на годовое продовольствіе однихъ солдатскихъ и драгунскихъ полковъ требовалось 35 тысячъ четвертей. Все это слѣдовало доставить изъ Россіи, потому что на мѣстныя средства надѣяться было нечего: «мужики какъ зайцы бѣгаютъ по лѣсамъ, всѣ, доносилъ Апраксинъ царю, оставляютъ хлѣбъ на поляхъ, а намъ собирать времени нѣтъ» [1]).

Плаваніе Петра шхерами.

Прибытіе къ арміи государя должно было разрѣшить вопросъ о дальнѣйшемъ ея движеніи. Задержанный въ шхерахъ у Аспэ свѣжимъ противнымъ вѣтромъ, превратившимся, 3-го августа, въ штормъ, Петръ едва было не потерпѣлъ крушенія. Шняву *Мункеръ*, ставшую на якорь въ узкомъ проливѣ, не смотря на то, что у ней была спущена форъ-стеньга и реи съ обѣихъ мачтъ, такъ подрейфовало, что между кормою ея и берегомъ оставалось не болѣе двѣнадцати саженъ; къ счастію брошенный другой якорь и особенно перемѣна вѣтра съ SW на W спасли шняву. Во время этого шторма въ морѣ погибло 2 гальота и 6 карбасовъ съ провіантомъ. 5-го августа государь прибылъ въ Гельсингфорсъ и здѣсь, на другой день, генералъ-адмиралъ, по приказу князя кесаря, объявилъ Петру о пожалованіи ему чина полнаго генерала. Приводимъ текстъ письма полученнаго Апраксинымъ отъ Ромодановскаго: «Пишу Вашей милости для извѣстія чтобъ ваша милость вѣдалъ, господинъ генералъ-поручикъ Петръ Михайловъ пожалованъ за его многія

---

[1]) Гл. морск. арх. (Дѣла гр. Апраксина № 67).
[2]) Матеріалы. Отд. I. № 657.

прежнія службы, а паче за нынѣшнюю показанную въ Голштиніи службу и трудъ надъ генералъ-фельдмаршаломъ шведскимъ Штейнбокомъ и надъ всею его арміею — генераломъ полнымъ. И тебѣ бъ сей его чинъ объявить всѣмъ служащимъ при тебѣ высшимъ и нижнимъ чинамъ, чтобъ всѣ о томъ чинѣ вѣдали, за какое его радѣніе и службу взысканъ такою честію, чтобъ и всѣ также искали съ радѣніемъ, и о томъ какъ противъ сего учинишь, ко мнѣ милость твоя писалъ бы немедленно» [1]).

Занятіе Або.

17-го августа русскіе двинулись изъ Гельсингфорса къ Або; войсками идущими берегомъ командовалъ князь М. М. Голицынъ, а государь и Апраксинъ пошли на скампавеяхъ; но пройдя Паркалаудъ соединились съ арміею, съ которою и продолжали «маршировать» сухимъ путемъ, оставя скампавеи въ рѣкѣ Пиккола. Во время этого перехода шведы оказывали мало сопротивленія и отступали, разрушая мосты. 28-го августа наши войска вступили безъ боя въ Або, оставленный жителями.

Возвращеніе галернаго флота въ Петербургъ.

По малочисленности войскъ, изъ опасенія быть отрѣзанными отъ Гельсингфорса и также въ виду затрудненія въ доставкѣ продовольствія, рѣшено было на зиму отступить отъ Або. Найдя въ городѣ до десятка пушекъ, забравъ сколько могли съѣстныхъ припасовъ и захвативъ съ собою, по приказанію царя, университетскую библіотеку, войска 3-го сентября отправились по той же опустошенной дорогѣ въ обратный путь. Дойдя до залива у кирки Поя, царь, на приведенныхъ Боцисомъ 8 скампавеяхъ, отправился къ Гельсингфорсу [1]). По дорогѣ, Петръ на шлюпкахъ подошелъ къ Твереминне, и выйдя на одинъ изъ острововъ осмотрѣлъ мѣстность и стоявшій на якорѣ шведскій флотъ. 14-го сентября государь былъ торжественно встрѣченъ петербургскими жителями; съ нимъ пришли 48 полугалеръ, а 2 прама, бомбардирскій гальотъ и часть скампавей, карбасовъ и лодокъ остались въ Гельсингфорсѣ.

Побѣда при Пелкинѣ.

Но съ отъѣздомъ царя, военныя дѣйствія въ Финляндіи продолжались. 28-го сентября Апраксинъ напалъ на Армфельда, сдѣланнаго

[1]) Подлинное письмо найдено въ бумагахъ, оставшихся послѣ умершаго генералъ-маіора Р. К. Скаловскаго.

главнокомандующимъ вмѣсто Любекера. Непріятель стоялъ въ 4-хъ миляхъ отъ Тавастгуста, въ крѣпкой позиціи у двухъ озеръ, при рѣкѣ Пелкинѣ. Русскіе одержали побѣду; разбитые шведы принуждены были отступить къ Тамерфорсу [1]). Въ Помераніи Меншиковъ съ саксонцами въ октябрѣ мѣсяцѣ закончилъ кампанію взятіемъ Штетина и возвращался черезъ Польшу въ Россію, оставивъ въ Помераніи только шеститысячный отрядъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Яковлева.

Осеннее плаваніе транспортовъ.

Торжествуя побѣды своихъ полководцевъ, царь не оставался и самъ безъ дѣла. Озабоченный доставленіемъ провіанта въ Финляндію, онъ съ эскадрою, съ 14-го октября, впродолженіе трехъ дней крейсеровалъ въ морѣ, поджидая скампавей и бригантинъ, шедшихъ съ провіантомъ въ Гельсингфорсъ. Окончательно государь возвратился въ Петербургъ около 20-го октября, а вскорѣ прибылъ туда и Апраксинъ, передавъ начальство надъ финляндскими войсками князю М. М. Голицыну, которому велѣно было стараться прогнать шведовъ изъ Вазы и вообще отрѣзать ихъ отъ береговъ Ботническаго залива [2]). Въ началѣ ноября шхеры начали замерзать и кампанія этого года кончилась.

Послѣдствія кампаніи 1713 года.

Успѣху нашихъ военныхъ дѣйствій въ Финляндіи много пособила гребная флотилія, какъ непосредственнымъ содѣйствіемъ арміи, такъ и подвозомъ провіанта. Обратно, одною изъ главныхъ причинъ пораженія шведовъ было неимѣніе гребнаго флота, позволившее русскимъ овладѣть шхерами и тѣмъ разобщить шведскую армію отъ корабельнаго флота, который, явясь въ началѣ іюля въ Финскій заливъ, ограничился только захватываніемъ немногихъ отдѣльныхъ призовъ. Здѣсь еще разъ выказалась геніальная способность Петра, быстро соображать выгоды представляемыя географическимъ положеніемъ завоеванной мѣстности,—способность, которою не обладали его противники шведы. Послѣдніе, владѣя болѣе ста лѣтъ Финляндіею и сознавая, что рано или поздно придется отстаивать ее отъ нападенія русскихъ, не обращали вниманія на важность стратегическаго значенія приморскихъ крѣпостей и финляндскихъ

---

[1]) Журн. Петр. Вел. I, стр. 374 и 376. Матеріалы. Извл. изъ журн. стр. 41—44.

[2]) Матеріалы. Отд. I. № 726.

шхеръ, и не сдѣлали почти ничего для защиты края въ случаѣ непріятельскаго нападенія. Петръ же тотчасъ оцѣнилъ выгоду, представляемую шхерами тому изъ противниковъ, который будетъ владѣть многочисленнымъ гребнымъ флотомъ. Вотъ почему по завоеваніи Выборга созданіе нашего галернаго флота было поведено такъ успѣшно, что по прошествіи двухъ лѣтъ онъ былъ уже въ состояніи высадить на берега Финляндіи 16,000 челов. десанта и снабжать его провіантомъ впродолженіе всей кампаніи. Видя быстрое усиленіе русскаго галернаго флота, шведы также принялись за увеличеніе своего, но дѣло это у нихъ шло далеко не такъ успѣшно, какъ у Петра. При энергіи и смѣтливости русскихъ моряковъ, присутствіе шведскаго флота не могло остановить доставки провіанта изъ Петербурга въ шхеры и также не помѣшало приходу въ Ревель купленныхъ за границею судовъ, изъ которыхъ, какъ было выше сказано, въ руки шведовъ попался только одинъ корабль *Булинбрукъ*. Въ навигацію этого (1713) года смѣлость русскихъ усилилась до того, что Петръ, въ маѣ мѣсяцѣ, послалъ поручика Шиллинга въ дѣйствующую армію изъ Борго прямо къ острову Лаланду, съ депешами къ Меншикову, приказавъ только держаться около берега. Другимъ примѣромъ подобной смѣлости было плаваніе въ Кольбергъ поручика Мяснаго, возившаго королю прусскому пиво и возвратившагося въ началѣ сентября. Мясной прошелъ прямо въ Петербургъ, не видавъ шведовъ [1]).

Со взятіемъ Гельсингфорса и приведеніемъ его въ оборонительное состояніе, плаваніе въ Финскомъ заливѣ для шведовъ стало еще затруднительнѣе. Съ потерею Гельсингфорса, они лишились лучшаго изъ финляндскихъ портовъ, въ которомъ флотъ ихъ имѣлъ самое удобное и покойное пристанище; оставленіе подобнаго мѣста безъ сильныхъ укрѣпленій было также одною изъ важныхъ ошибокъ со стороны нашихъ непріятелей. Въ отвѣтъ на донесеніе Меншикова о занятіи острова Ругена, царь радостно писалъ: «Слава Богу, непріятельская эскадра подъ командою вице-адмирала Лиллія изъ Финскаго моря выбита и гавань Гельсингфорскій укрѣпленъ, и тако непріятелю нынѣ нѣтъ ближе гавани, какъ Готландъ и Эландъ [2]).

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 582 и 700.

[2]) Моск. арх. мин. ин. дѣлъ (Дѣла кн. Меншикова, 1712 г. № 5.)

Планы и распоряженія на будущій годъ.

Одно важное затрудненіе, для военныхъ успѣховъ нашихъ въ Финляндіи, представлялъ шведскій корабельный флотъ, именно тѣмъ, что держась около выдающихся въ море полуостровов материка, онъ могъ преграждать путь нашему гребному флоту, идущему близъ берега. Петръ не терялъ однако надежды преодолѣть и это препятствіе. Готовясь къ кампаніи будущаго года, государь приказалъ Апраксину послать внимательно осмотрѣть всѣ такія мѣста, отъ Поэ кирки до Або, какъ то: Твереминне, Гангутъ и Юнгфоръ-зундъ, составить имъ карту съ означеніемъ глубины и ширины фарватеровъ, и прислать къ началу февраля въ Петербургъ. Эта работа поручена была капитанъ-поручику Ливе-Доусу. Кромѣ того всѣ проходы ведущіе съ моря въ шхеры велѣно сдѣлать недоступными для кораблей и, гдѣ только не помѣшаетъ присутствіе непріятеля, этою же осенью приступить къ работамъ, а тамъ, гдѣ еще стоятъ шведскія суда, заградить проходы съ моря впродолженіе зимы. Неограничиваясь защитою финляндскихъ шхеръ, царь уже думалъ о берегахъ собственно Швеціи и приказалъ пріискивать, подъ рукою, лоцмановъ, которые бы знали не только путь до Стокгольма, но и шхерные фарватеры по обоимъ берегамъ Ботническаго залива [1]). Велѣно было также отыскать и прислать въ Петербургъ мастеровъ, которые дѣлаютъ бота и шхуты, и озаботиться заблаговременно заготовкою фуража и провіанта для финляндской арміи.

Возвратясь изъ Финляндіи, государь велѣлъ резиденту своему въ Копенгагенѣ, князю В. Л. Долгорукому, объявить королю датскому, что Финляндія по самый Ботническій заливъ завоевана и наши войска расположились въ ней на зимовку; но что шхерами до Аланда, и оттуда до шведскихъ береговъ, съ однимъ гребнымъ флотомъ пройдти нельзя, изъ опасенія шведскихъ кораблей; что нашъ флотъ, хотя и имѣетъ 11 линейныхъ кораблей, но, еще не настолько силенъ, чтобы могъ одинъ вступить въ состязаніе съ шведскимъ флотомъ. Поэтому царь приказывалъ спросить совѣта короля: что дѣлать весною? — наводя на то, чтобы датчане, для прикрытія высадки на шведскій берегъ, сами предложили прислать свой флотъ на соединеніе съ нашимъ. «Но сего отнюдь самъ имъ

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 691, 692, 705 и 724.

*

не зачинай, прибавляетъ Петръ, дабы ихъ тѣмъ не вздорожить», то-есть, не заставить высоко цѣнить свое содѣйствіе. Въ инструкціи Ягужинскому, посланному для переговоровъ въ Данію, развивая свой планъ, царь пишетъ, что въ случаѣ согласія датчанъ флотъ ихъ долженъ вначалѣ мая придти къ Ревелю, или хотя къ Дагерорду, гдѣ присоединится къ нему русскій корабельный флотъ, вышедшій изъ Ревеля, а гребной подойдетъ къ Або. По соединеніи, всѣ вмѣстѣ пойдутъ къ стокгольмскому фарватеру и корабли заградятъ выходъ шведскому флоту, а скампавеи атакуютъ укрѣпленія защищающія входъ. Затѣмъ можно идти прямо на Стокгольмъ или на Карлскрону и осада послѣдней будетъ имѣть больше вліянія, чѣмъ самаго Стокгольма. На русскіе корабли посадятся 15.000 человѣкъ сухопутнаго войска, содержаніе котораго царь принимаетъ на свой счетъ. Въ случаѣ исполненія этого плана, датскія войска могутъ безпрепятственно занять ближайшую къ Даніи часть Швеціи — Сканію, въ чемъ, въ случаѣ успѣха при Карлскронѣ, пособило бы имъ и русское войско. Такъ какъ царь располагаетъ самъ идти съ флотомъ, то королю предлагалось довѣрить Петру командованіе и надъ датскимъ флотомъ. Но ни то, ни другое изъ этихъ предположеній не исполнились: смѣлость и широта плановъ Петра не сотвѣтствовали узкому взгляду союзника, боявшагося довѣриться русскому государю [1]).

Заказъ кораблей за границею.

Независимо отъ надежды на помощь Даніи, царь продолжалъ постройку своихъ кораблей въ Россіи и, кромѣ покупки готовыхъ кораблей заграницею, приказалъ построить тамъ еще шесть или семь по присланному отъ него чертежу. Для этихъ кораблей рангоутъ и такелажъ предполагалось выслать изъ Россіи, что по существовавшимъ въ то время цѣнамъ было выгоднѣе, нежели покупать заграницею. Петръ изъ опасенія шведскаго флота, велѣлъ отправлять купленные корабли въ самое дурное время года, разсчитывая, чтобы они пришли къ Ревелю не ранѣе послѣднихъ чиселъ февраля, «ибо, писалъ царь, къ Ревелю путь во всю зиму свободный, а шведамъ изъ каменья (изъ шхеръ) выходить трудно». До отправленія же купленныхъ судовъ въ Россію, чтобы они не оставались безполезными, велѣно было занять ихъ, какъ купеческіе

---

[1]) Моск. арх. Мин. Иностр. Дѣлъ (Письма Петра I, книга VIII, 1713 г. № 18). Дѣян. П. В. IV стр. 284.

корабли, перевозкою товаровъ. Въ эту осень численность нашего флота увеличилась спущеннымъ въ Петербургѣ (8-го октября) кораблемъ *Св. Екатерина*, и тремя кораблями, построенными въ Архангельскѣ. Два изъ нихъ *Архангелъ Гавріилъ* и *Рафаилъ* вышли (17-го сентября) въ море, съ капитаномъ Симсономъ; а третій *Архангелъ Михаилъ*, за льдомъ, не могъ выйдти и остался зимовать въ Архангельскѣ. *Рафаилъ*, дойдя до Колы, остановился было тамъ на зимовку; но царь, получивъ объ этомъ донесеніе, немедленно послалъ за нимъ Ивана Синявина, приказавъ вести корабль прямо къ Ревелю, никуда незаходя, «развѣ какая самая нужда требовать того будетъ». Относительно пути, приказано было: чтобы не попасть на шведскихъ крейсеровъ, въ Шотландскомъ морѣ держаться правой стороны»[1]). **Отправленіе кораблей изъ Архангельска**

Кампаніей этого года заключилась дѣятельность одного изъ полезнѣйшихъ сотрудниковъ царя, графа Боциса, скончавшагося 8-го мая 1714 года. Шаутбенахтъ галернаго флота графъ, или, какъ писалось въ современныхъ бумагахъ, «контій» Иванъ Ѳедосѣевичъ Боцисъ былъ главнымъ дѣятелемъ при созданіи нашего балтійскаго галернаго флота. Онъ формировалъ и обучалъ галерные экипажи, наблюдалъ за строеніемъ судовъ и даже самъ строилъ ихъ, водилъ противъ непріятеля и со своими галерами совершилъ первыя смѣлыя плаванія въ Финскомъ заливѣ, почти подъ пушками шведскихъ кораблей. **Кончина Боциса и его заслуги.**

Боцисъ, по происхожденію грекъ, родился въ Турціи и, получивъ воспитаніе въ Венеціи, прослужилъ 17 лѣтъ въ венеціанскомъ галерномъ флотѣ. Въ это время ему случалось командовать различными судами и участвовать въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. За свои заслуги онъ пользовался такимъ довѣріемъ венеціанскаго правительства, что назначенъ былъ на важную и довольно самостоятельную должность консула всего Архипелага. Принятый въ 1702 году въ русскую службу нашимъ посланникомъ въ Константинополѣ П. А. Толстымъ, Боцисъ въ слѣдующемъ году прибылъ въ Россію и назначенъ шаутбенахтомъ галернаго флота, съ жалованьемъ по 60 рублей въ мѣсяцъ. По отзыву Толстаго, Боцисъ былъ «зѣло че-

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 658, 718, 729 и 730.

ловѣкъ въ искусствѣ навигаціи славенъ, и во время войны многія чинилъ похвальныя дѣла».

Кромѣ боевыхъ заслугъ Боциса, о которыхъ было сказано выше, онъ, какъ главный начальникъ галернаго флота, принесъ ему большую пользу и въ другихъ отношеніяхъ. Вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Россію, Боцисъ представилъ государю весьма обстоятельное описаніе венеціанскаго флота, заключавшее въ себѣ свѣдѣнія о составѣ корабельнаго и галернаго флотовъ, стоимости ихъ содержанія и порядкѣ управленія въ мирное и военное время. Посланный въ началѣ 1704 года на Олонецкую верфь для наблюденія за постройкою галеръ, скампавей и бригантинъ, онъ впервые ознакомился здѣсь съ трудностями своего служебнаго положенія. При новости дѣла и малочисленности свѣдущихъ помощниковъ, шаутбенахтъ встрѣтилъ крайній недостатокъ во всемъ, не исключая строительныхъ матеріаловъ и людей. Пробывъ на верфи около полутора года, Боцисъ въ іюлѣ 1705 года привелъ къ Кронштоту вновь построенныя на Олонцѣ суда (стр. 178) и остался при флотѣ. По взятіи Выборга ему пришлось самому заняться постройкою судовъ, и на этотъ разъ при обстановкѣ еще болѣе затруднительной, чѣмъ на Олонцѣ. Составляя самъ чертежи, онъ со своею галерною командою долженъ былъ среди враждебнаго мѣстнаго населенія заготовлять для постройки лѣсъ, строить суда и на «плечахъ» своихъ подчиненныхъ переносить провіантъ изъ окрестныхъ мѣстъ и даже изъ Кексгольма. Несмотря на подобныя затрудненія, Боцисъ, благодаря знанію дѣла, энергіи и распорядительности, успѣлъ въ теченіе двухъ лѣтъ (съ 1710 — 12 г.) построить болѣе 20 судовъ. Такое увеличеніе галернаго флота, имѣло въ то время весьма важное значеніе и принесло несомнѣнную пользу.

Нельзя умолчать, что для Боциса служебныя трудности значительно увеличивались непріязненными столкновеніями съ лицами, съ которыми по службѣ онъ долженъ былъ имѣть частыя сношенія. Такъ напр. на Олонецкой верфи онъ ссорился съ начальникомъ верфи, комендантомъ Яковлевымъ, въ Выборгѣ — съ комендантомъ Чернышевымъ, а на флотѣ былъ въ страшной враждѣ съ Крюйсомъ. Причины ссоръ надо искать частію въ пылкомъ, неуживчивомъ характерѣ шаутбенахта, частію же въ неумѣньи его примѣниться къ условіямъ новой для него обстановки, а главнѣйше

въ особенностяхъ его служебнаго положенія, по которому онъ, имѣя по праву извѣстную долю самостоятельности, на самомъ дѣлѣ часто находился въ зависимости отъ лицъ, почти равныхъ ему по служебному значенію. Еще въ бытность свою на Олонецкой верфи, Боцисъ, подозрѣвавшій Крюйса въ желаніи держать его въ сторонѣ отъ военныхъ дѣйствій, вступилъ съ вице-адмираломъ въ открытую вражду, по поводу неудачнаго нападенія нашихъ галеръ на шведскаго крейсера (стр. 178). При этомъ случаѣ Крюйсъ, явясь на галеру Боциса, началъ самъ распоряжаться движеніями галеръ, и на возраженіе шаутбенахта о незаконности подобныхъ дѣйствій, отрѣшилъ его отъ должности. Такое самовольное смѣщеніе отдѣльнаго начальника, не только безъ царскаго указа, но даже и безъ достаточно важной вины, было неодобрено адмираломъ Головинымъ и даже вызвало неудовольствіе государя. Для устраненія на будущее время подобныхъ столкновеній, въ 1706 году состоялся царскій указъ, которымъ опредѣлялись служебныя отношенія корабельнаго флагмана и галернаго шаутбенахта. Вице-адміралу повелѣвалось: «надъ шаутбенахтомъ имѣть команду по обычаю всѣхъ государствъ (а не чрезвычайную, какъ прошлаго года учинено, чего бъ чинить не довлѣло). А особливо не вмѣшиваться въ галерное управленіе, которое зѣло разнствуетъ отъ кораблей (ибо корабли вѣтромъ, а галеры тишью дѣйствуютъ), но повелѣвать шаутбенахту, а не мимо его капитанамъ». Затихшая послѣ этого указа вражда вспыхнула снова въ 1712 году, по поводу неудавшейся погони за тремя шведскими крейсерами (стр. 215). Пререканія Крюйса и Боциса, приписывавшихъ другъ другу причину неудачи, довели Апраксина до того, что онъ писалъ царю: «вице-адміралъ и галерный шаутбенахтъ такую имѣютъ противность, что уже письменно объявили одинъ другаго за измѣнника». При судѣ Крюйса за потерю корабля *Выборгъ*, этотъ случай послужилъ къ усиленію обвиненія вице-адмирала.

Кромѣ непріятнаго качества неуживчивости съ равными себѣ, графъ Боцисъ любилъ еще похвастаться своими похожденіями и вліяніемъ на сослуживцевъ; но эти слабости выкупались хорошими сторонами его характера: безкорыстіемъ, заботливостью о подчиненныхъ и храбростію. Боцисъ едвали не единственный изъ иноземцевъ того времени, пріѣзжая въ Россію «на вѣчное служеніе»,

не уговаривался о жалованьѣ, а предоставилъ его милости государя и во всѣхъ случаяхъ, когда галерный шаутбенахтъ могъ дѣйствовать самостоятельно, онъ являлся свѣдущимъ, умнымъ и храбрымъ морякомъ. Это мнѣніе не опровергается и страшной ошибкой Боциса (стр. 191), по которой онъ въ 1708 году допустилъ шведскій корпусъ свободно перебраться на лѣвый берегъ Невы. Непонятныя для насъ, по недостатку документовъ, дѣйствія шаутбенахта вѣроятно были вполнѣ разъяснены происходившимъ по этому дѣлу слѣдствіемъ, совершенно оправдавшимъ Боциса. Лучшимъ свидѣтельствомъ полезной дѣятельности галернаго шаутбенахта можетъ служить вниманіе къ нему царя: по просьбѣ графа, Петръ ходатайствовалъ передъ венеціанскимъ правительствомъ объ его родственникахъ, оставшихся въ Венеціи, и, по кончинѣ шаутбенахта, нетолько назначилъ женѣ и дочерямъ его весьма значительныя пожизненныя пенсіи, но даже уплатилъ долги покойнаго [1]).

---

[1]) Моск. арх. Мин. Ин. Дѣлъ (Венеціанск. дѣла 1702 г. св. №3). Матеріалы. Отд. II. № 1.

ГЛАВА VIII.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ БАЛТІЙСКАГО ФЛОТА ВЪ 1714 И 1715 ГОДАХЪ.

Охлажденіе союзниковъ Петра. — Побѣда въ Финляндіи. — Изготовленіе флота къ кампаніи (1714).— Галерный флотъ.— Провіантскія суда. — Прибытіе покупныхъ и архангельскихъ кораблей.—Приходъ шведскаго флота.— Выступленіе галернаго флота изъ Петербурга.—Составъ корабельнаго флота.—Начало кампаніи (1714 г.).— Плаваніе галернаго и корабельнаго флотовъ.—Остановка галеръ у Твереминне.— Погоня за непріятелемъ у Ревеля. — Распоряженія Апраксина въ Твереминне.— Мысль о диверсіи корабельнымъ флотомъ. — Распоряженія государя на галерномъ флотѣ. —Побѣда при Гангутѣ.—Значеніе гангутской побѣды. — Движенія флотовъ послѣ боя. — Штормъ, выдержанный флотомъ у Біорко. — Съѣздъ государя на берегъ. — Вводъ плѣнныхъ судовъ въ Петербургъ. — Памятники гангутской побѣды. — Продолженіе военныхъ дѣйствій въ Финляндіи. — Посылка партій на шведскій берегъ.—Расположеніе флотовъ на зимовку.—Вліяніе дѣйствій флота на ходъ войны. — Возвращеніе Карла XII въ Швецію. — Отношенія иностранныхъ державъ къ Швеціи. — Составъ шведскаго флота (1715 г.). — Взятіе шведскихъ каперовъ. — Нападеніе на Ревель. — Снаряженіе котлинской эскадры.—Приходъ эскадры въ Ревель.— Посылка крейсеровъ къ Готланду. — Крейсерство флота въ Балтійскомъ морѣ. — Англо-голландскій флотъ въ Ревелѣ. — Окончаніе кампаніи корабельнаго флота. — Планъ дѣйствій на будущій годъ. — Отправленіе галеръ въ Либаву. — Плаванія въ Голландію и Англію (1715—16 г.).—Приводъ кораблей изъ Голландіи и Архангельска (1715—16 г.). —Военныя дѣйствія въ Финляндіи (1715 г.). — Расположеніе галеръ на зимовку. — Кончина Трезеля и Вагана.

Охлажденіе союзниковъ Петра.

Надежды Петра на помощь союзниковъ были весьма слабы; оба они, то есть короли датскій и польскій, видя важные успѣхи русскаго оружія, значительно охладѣли къ общему дѣлу. О королѣ Августѣ ходили слухи, что онъ даже готовился примириться съ Карломъ, и какъ нѣсколько саксонскихъ полковъ вступили въ Курляндію, то Петръ велѣлъ рижскому губернатору быть крайне осторожнымъ, и въ февралѣ мѣсяцѣ (1714 г.) прибылъ туда самъ. Генералу Репнину,

стоявшему въ Смоленскѣ, велѣно было разставить нѣсколько полковъ между Великими Луками и Псковомъ.

Несмотря на желаніе царя, датскій король, ссылаясь на недостатокъ денегъ, не соглашался помогать своимъ флототъ въ дѣйствіяхъ нашихъ противъ Швеціи. Петръ наконецъ ограничился просьбою о присылкѣ къ нему хотя тѣхъ семи или пяти кораблей, которые уже были вооружены и стояли безъ пользы, представляя при этомъ, что самой Даніи теперь нельзя ожидать опасности отъ шведовъ, потому что всѣ ихъ силы обращены противъ Россіи [1]). Однакожс никакія убѣжденія не подѣйствовали и союзники видимо предоставляли Россію ся собственнымъ силамъ.

Побѣда въ Финляндіи.

Но противъ ожиданія и желанія такъ называемыхъ союзниковъ, эти собственныя силы Россіи были на столько значительны, что позволяли обходиться и безъ посторонней помощи: несмотря на зимнее время, войска наши въ Финляндіи не оставались въ бездѣйствіи, и государь, возвратившійся (15-го февраля) изъ Риги въ Петербургъ, былъ порадованъ извѣстіемъ о рѣшительной побѣдѣ, одержанной княземъ М. М. Голицынымъ, 19-го февраля, близъ города Вазы, надъ 8,000 отрядомъ (по шведскимъ источникамъ 6,000), бывшимъ подъ начальствомъ генерала Армфельда. Занявъ (23-го марта) Вазу, Голицынъ, оставаясь тамъ впродолженіе нѣсколькихъ дней, посылалъ отряды до Нюкарлеби и Якобштадта, бралъ контрибуціи, уничтожалъ по берегамъ суда принадлежавшія мѣстнымъ жителямъ и потомъ, для соединенія съ гребнымъ флотомъ, отступилъ, направивъ пѣхоту къ Нииштадту, а кавалерію къ Тавастгусту.

Шведскій историкъ, отдавая справедливость снисходительному и заботливому управленію самого Голицына, отзывается весьма неодобрительно о разсылаемыхъ имъ партіяхъ казаковъ, которые наводили ужасъ на жителей своими звѣрскими поступками. Такъ напр. они привязывали захваченныхъ крестьянъ къ деревьямъ и душили дымомъ, живыхъ бросали въ огонь и заколачивали до смерти палками [2]). Конечно, здѣсь обобщены можетъ быть не многіе частные случаи, но молва объ нихъ распространялась по всей Швеціи,

---

[1]) Голик. Дѣян. Петра Вел. IV, стр. 300. Матеріалы. Отд. VIII № 47.

[2]) Nordberg. III. стр. 141—144 и 147. Голик. Дѣян. Петра Вел. IV стр. 311.

и впослѣдствіи, при появленіи нашихъ отрядовъ на западномъ берегу Ботническаго залива, повела къ тому, что жители, не дожидаясь прихода русскихъ бросали селенія и спѣшили спасаться бѣгствомъ.

Изготовленіе флота къ кампаніи (1714 г.).

Петръ, успокоенный мирнымъ настроеніемъ Турціи и прекращеніемъ военныхъ дѣйствій въ Помераніи, спѣшилъ воспользоваться удобнымъ временемъ, чтобы окончательно утвердиться въ Финляндіи и отсюда, угрожая самой столицѣ Швеціи, принудить непріятеля къ выгодному миру. Самымъ главнымъ пособіемъ для достиженія этой цѣли былъ флотъ, и за снаряженіе его царь принялся съ особенною заботливостью. Начальство надъ Котлиномъ и завѣдываніе по изготовленію корабельнаго флота поручены были опытному и дѣльному, хотя и бывшему недавно подъ судомъ, Шельтингу [1]). Главное же начальство надъ корабельнымъ флотомъ приходилось теперь принять старшему флагману—контръ-адмиралу Петру Михайлову. По этому случаю голландскій резидентъ Де-Би пишетъ: «странно, что на царскомъ флотѣ нѣтъ хорошаго адмирала, и потому нельзя выйдти въ море или предпринять какую нибудь необходимую экспедицію безъ командованія царственнаго адмирала» [2]).

Галерный флотъ.

Нашъ галерный флотъ, снаряженный къ походу въ Петербургѣ, состоялъ изъ 99 полугалеръ и скампавей, раздѣленныхъ на три дивизіи (авангардія, кордебаталія и аріергардія) подраздѣлявшихся, каждая на три эскадры, состоявшія изъ 11 судовъ. Полугалеры имѣли по 72 весла, сидѣли въ водѣ до 4-хъ футовъ и могли помѣщать до 300 человѣкъ каждая; скампавеи—по 36 веселъ и помѣщали 150 человѣкъ, а такъ-называемыя конныя галеры помѣщали по 25 лошадей [3]). Главное начальство надъ галернымъ флотомъ было поручено генералъ-адмиралу графу Апраксину; дивизіями командовали сухопутные генералы, принадлежавшіе къ десантнымъ войскамъ, но собственно судами и морскими чинами, находившимися на галерахъ, завѣдывали моряки, подъ общимъ начальствомъ преемника графа Боциса—капитанъ-командора Змаевича. На каждой эскадрѣ былъ морской офицеръ, а отдѣльными судами командовали разные

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 744.

[2]) Письмо Де-Би. 1714 г. января 19. Нидерл. Госуд. арх. въ Гагѣ.

[3]) Матеріалы. Отд. I. № 792.

низшіе чины: комиты, подкомиты и даже простые матросы. На галерномъ флотѣ посажено было до 15,000 войска и на транспортныхъ судахъ до 9,000.

Провіантскія суда.

Кромѣ военныхъ судовъ, приготовлялось къ походу множество провіантскихъ. На нихъ назначались стольники, въ числѣ которыхъ были молодые люди нетолько знатныхъ, но даже и княжескихъ фамилій, каковы Голицыны, Оболенскіе и Волконскіе [1]. Подобное явленіе, что дѣтямъ гордыхъ бояръ приходилось братски раздѣлять тяжелую службу съ иноземными шхиперами и матросами, случалось въ то время нерѣдко. Самодержавный царь, серьезно работавшій наравнѣ съ простыми плотниками, осязательнымъ образомъ показывалъ, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о пользѣ отечества, всякая служба должна быть почтенна.

Прибытіе покупныхъ и архангельскихъ кораблей

Корабли, какъ купленные за границею, такъ и построенные въ Архангельскѣ, несмотря на строгій надзоръ шведовъ, успѣвали пробираться въ Россію. Напр. отправленные изъ Англіи *Арондель*, *Армонтъ* и *Фортуна* и приведенный Иваномъ Синявинымъ изъ Колы *Архангелъ Рафаилъ* въ апрѣлѣ мѣсяцѣ благополучно дошли до Рогервика и только тамъ задержаны были льдомъ, не допустившимъ ихъ перейти къ Ревелю. Для временнаго охраненія этихъ судовъ изъ Ревеля немедленно прислали на каждый корабль по 100 человѣкъ солдатъ и на берегу построили батареи. При этомъ англійскіе командиры и экипажи, которые привели суда, до того проникнулись военнымъ духомъ, что подняли русскіе флаги и изъявили готовность, въ случаѣ появленія непріятеля, драться съ нимъ, подчиняясь командиру русскаго корабля, Ивану Синявину. Но непріятель не показывался и (29-го апрѣля), по очищеніи моря отъ льда, всѣ корабли благополучно перешли въ Ревель. Спустя недѣлю (6-го мая) подошелъ на видъ Пернова еще купленный въ Голландіи корабль *Перлъ*, заслужившій уже прежде извѣстность отличнаго капера. Присутствіе шведскихъ крейсеровъ около Ревеля заставило корабль остановиться въ Перновѣ, и только въ половинѣ іюля ему удалось дойти до Ревеля; между тѣмъ сюда же, около половины іюня успѣли пробраться еще одинъ изъ числа

---

[1] Матеріалы. Отд. I. № 779.

купленныхъ кораблей—*Леферм*ъ, и другой, построенный въ Архангельскѣ—*Архангелъ Гавріилъ* [1]).

Такія значительныя морскія приготовленія Россіи возбудили въ сосѣднихъ государствахъ разные слухи; напр. въ Копенгагенѣ говорили, что Россія готовится напасть на Швецію съ двухъ сторонъ: съ Ботническаго залива и Сканіи; а изъ Данцига предупреждали государя, что шведскіе и французскіе каперы разсчитываютъ захватить самого его, если онъ по обыкновенію пойдетъ въ море, и т. п.

Шведскій флотъ явился къ нашимъ берегамъ тотчасъ съ расходомъ льда, 4-го мая онъ показался въ морѣ у Або, а 9-го противъ залива Кирки Поэ (между Гельсингфорсомъ и Або) стояли уже 6 кораблей, на которыхъ находились: адмиралъ, вице-адмиралъ и шаутбенахтъ. Другіе отряды показывались противъ Ревеля, Наргина и у Рогервика [2]). **Приходъ шведскаго флота.**

9-го мая, послѣ обѣдни, адмиралъ поднялъ свой флагъ на галерѣ *Св. Наталья*, и флотъ торжественно выступилъ въ путь. Галеры шли одна за другою и проходя мимо крѣпости размѣнялись съ ними обычнымъ салютомъ. Дойдя до Котлина, суда вошли въ тамошнюю гавань [3]), и люди для отдыха спущены были на берегъ [4]). Въ ожиданіи очищенія моря отъ льда, занялись окончательнымъ распредѣленіемъ по галерамъ десантныхъ войскъ и другими приготовленіями къ походу. По свидѣтельству одного изъ иностранныхъ резидентовъ, пріѣхавшихъ изъ Петербурга на Котлинъ проводить царя, настроеніе духа войска было прекрасное. Офицеры, полагаясь на легкость судовъ и численность экипажей, надѣялись на успѣхъ абордажа, еслибы царственный адмиралъ позволилъ его попробовать. На этотъ случай приготовлены были даже деревянныя сходни или мостки, длиною около 4-хъ и шириною въ 1/2 аршина, съ набитыми на нихъ ступеньками. **Выступленіе галернаго флота изъ Петербурга.**

Корабельный флотъ, изготовленный къ плаванію, стоялъ у Кроншлота въ числѣ 18 кораблей, фрегатовъ и шнявъ. Государь, коман- **Составъ корабельнаго флота.**

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 768, 770, 771, 783, 788, 812, 833 и 876.

[2]) Матеріалы. Отд. I. № № 762 и 766. 788, 794 и 798.

[3]) Первоначальная гавань на Котлинѣ начата постройкою въ 1710 году, и къ осени 1712 года она была уже на столько готова, что корабельный флотъ могъ расположиться въ ней на зимовку.

[4]) Морскіе журналы, стр. 81.

довавшій флотомъ какъ шаутбенахтъ и флагманъ кордебаталіи, имѣлъ флагъ на кораблѣ *Св. Екатерина*, капитанъ-командоръ Шельтингъ сидѣлъ на кораблѣ *Рига* (впослѣдствіи онъ перешелъ на *Полтаву*), а капитанъ-командоръ Сиверсъ—на кораблѣ *Леферм*ъ. Отъ галернаго флота отдѣлено къ кораблямъ 9 скампавей и 9 бригантинъ, а потекшій фрегатъ *Св. Яковъ* замѣненъ новымъ фрегатомъ *Св. Илія*.

Начало кампаніи (1714 г.) 20-го мая, по полученіи извѣстія, что ледъ въ шхерахъ очистился до Гельсингфорса, оба флота пошли къ Біорко, но должны были остановиться у сѣвернаго берега, гдѣ, вопреки полученному свѣдѣнію, ледъ еще стоялъ во всю ширину Выборгскаго залива. 22-го мая у Апраксина собрался военный совѣтъ, въ которомъ участвовали, кромѣ корабельныхъ флагмановъ, и находившіеся на эскадрѣ сухопутные генералъ-поручики Долгоруковъ и Вейде. Рѣшено было корабельному флоту идти сначала въ Ревель, для соединенія съ находившимися тамъ вновь пришедшими кораблями, и на переходѣ въ бой съ непріятелемъ вступать только въ такомъ случаѣ, если нашъ флотъ будетъ превосходить шведскій третьею долею равносильныхъ кораблей. Галерной флотиліи повелѣно идти шхерами къ Або; если на пути непріятель задержитъ, дать знать въ Ревель и согласиться что дѣлать. По счастливомъ достиженіи Або, идти къ Аланду и оттуда на шведскую сторону; но «въ землю непріятельскую не гораздо въ даль заходить». Въ случаѣ сильнаго сопротивленія, часть флота оставить у Аланда, для наблюденія за непріятелемъ, а съ остальною идти въ Ботническій заливъ, до Вазы, и къ августу возвратиться въ Або, гдѣ, оставя больныхъ, идти на Аландъ и тамъ въ удобномъ мѣстѣ устроить крѣпость. Въ случаѣ, если бы шведы стали просить мира и предварительно пожелали заключить перемиріе, то, для избѣжанія обмана, просить у нихъ въ замѣнъ семь или десять совершенно вооруженныхъ и всѣмъ снабженныхъ кораблей, конечно, безъ экипажей [1]). Впослѣдствіи, при осуществленіи этихъ предположеній, многое по необходимости должно было измѣниться.

У Березовыхъ острововъ корабельный и галерный флоты простояли нѣсколько дней въ ожиданіи очищенія фарватера отъ льда,

---

[1]) Журн. П. В. I, стр. 399. Матеріалы. Отд. I. № 804.

занимаясь въ это время обученіемъ команды; а 30-го мая царь отпраздновалъ свое рожденіе. На другой день галерный флотъ пошелъ въ шхеры и, задержанный сильными противными вѣтрами, только 11-го іюня подошелъ къ Гельсингфорсу, куда слѣдовали за нимъ и провіантскія суда. Корабельный же флотъ, подъ командою контръ-адмирала, перешелъ къ Гаривалдаю (Гаривалла) и оттуда отправился къ Ревелю.

Плаваніе галернаго и корабельнаго флотовъ.

Во время похода, на случай встрѣчи съ непріятелемъ, соблюдалась крайняя осторожность: впереди шли четыре крейсера (шнява, два фрегата и корабль), держась одинъ за другимъ въ такомъ разстояніи, чтобы только можно было видѣть другъ друга. Въ случаѣ появленія непріятеля, крейсеры должны были условными сигналами дать знать о числѣ его судовъ. Замѣчательно, что на нѣкоторыхъ судахъ въ числѣ военныхъ снарядовъ находились зажигательныя трубы съ секретнымъ составомъ, оставшіяся, впрочемъ, вовсе безъ употребленія. Кромѣ крейсеровъ, для наблюденія непріятельскихъ судовъ, по всему южному берегу, отъ Каннервика до Рогервика, разставлены были конные часовые. Такимъ образомъ, адмиралъ заблаговременно могъ имѣть въ каждомъ пунктѣ вѣрныя свѣдѣнія о непріятелѣ.

За противнымъ вѣтромъ флотъ простоялъ нѣсколько дней на якорѣ у острова Гогланда. Замѣтивъ на походѣ, что командиры на ходу плохо сохраняютъ должное разстояніе между кораблями, шаутбенахтъ приказалъ за подобное упущеніе, во время похода или экзерциціи, вычитать съ виновнаго мѣсячное жалованье.

11-го іюня котлинская эскадра пришла въ Ревель, куда еще прежде прибыла государыня. На Ревельскомъ рейдѣ теперь собрался уже весьма значительный парусный флотъ, состоявшій изъ 16 кораблей (отъ 74 до 42 пушекъ), 8 фрегатовъ и шнявъ (отъ 32 до 18 пушекъ). Общее число орудій на этихъ судахъ было 1060 и людей до 7000 [1]). Большій калиберъ орудій въ нижнихъ декахъ кораблей былъ 18 фунтовъ. Со своимъ галернымъ и такимъ корабельнымъ флотомъ царь, наконецъ, чувствовалъ себя довольно сильнымъ и въ шхерахъ и на морѣ. «Теперь, писалъ онъ къ Меншикову, дай Боже милость свою! пытаться можно [2])».

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 808 и 813, 828 и 839.

[2]) Моск. арх. М. И. Д. (Дѣл. кн. Меншикова 1712—15 г. № 5).

Галерный флотъ въ это время, находясь въ Гельсингфорсѣ, занимался выгрузкою на берегъ провіанта, приготовленіемъ двухъ прамовъ и бомбардирскаго гальота и приведеніемъ въ порядокъ другихъ судовъ. Капитанъ-командору Змаевичу велѣно было приготовить къ походу также и зимовавшія тамъ скампавеи и довести общее число ихъ (съ петербургскими) до сотни.

Выйдя изъ Гельсингфорса 21-го іюня, галерный флотъ 24-го пришелъ къ Поэ киркѣ. Здѣсь также выгружена была часть провіанта и оставлены бомбардирскія суда и 23 скампавеи, назначенныя для полковъ, которые должны были придти сюда изъ Або. Съ остальными скампавеями Апраксинъ перешелъ 29-го іюня къ деревнѣ Твереминне, гдѣ прошлаго года стояли непріятельскія суда [1]).

Остановка галеръ у Твереминне.

Дальнѣйшій путь оказался невозможнымъ: у Гангута [2]), мимо котораго слѣдовало идти галерамъ, на пушечный выстрѣлъ отъ берега стоялъ, подъ начальствомъ адмирала Ватранга, непріятельскій флотъ, въ числѣ 16-ти кораблей (отъ 60 до 70 пушечныхъ), 2-хъ бригантинъ (16 пушечныхъ), 2-хъ бомбардирскихъ гальотовъ и 8-ми галеръ. Изъ кораблей, 7 или 8 крейсеровали въ морѣ. Позиція, занятая непріятелемъ, казалось положительно недоступной для нашихъ галеръ. Полуостровъ материка, выдвинувшись далеко въ море, у оконечности своей—Гангута, при значительной глубинѣ моря, давалъ возможность глубоко сидящимъ судамъ подходить близко къ берегу. Такимъ образомъ, расположившійся здѣсь непріятельскій корабельный флотъ, совершенно преграждалъ путь нашимъ галерамъ. На открытомъ съ моря гангутскомъ рейдѣ галерамъ нельзя было и думать вступать въ битву съ шведскими кораблями. Въ шхерахъ каждый островокъ представлялъ судамъ галернаго флота надежное прикрытіе, и весла при штилѣ или при противномъ вѣтрѣ давали возможность удобно двигаться по узкимъ проливамъ, гдѣ парусныя суда, даже и не глубоко сидящія въ водѣ, рѣдко имѣли возможность услѣдить за галерою. Между тѣмъ въ открытомъ морѣ, или на плесѣ, если только былъ порядочный вѣтеръ, корабельный флотъ имѣлъ передъ галернымъ всѣ преимущества. При боль-

---

[1]) Морск. журн., стр. 84—87.

[2]) Настоящее названіе этой мѣстности Гангэ-уддъ, но мы удерживаемъ Гангутъ, какъ названіе принятое самимъ Петромъ и освященное полуторавѣковымъ употребленіемъ.

шей скорости и многочисленной артиллеріи, корабли были для галеръ неодолимыми противниками, а при свѣжемъ вѣтрѣ легко могли просто давить ихъ и пускать ко дну.

Невольная остановка нашего галернаго флота должна была имѣть самое неблагопріятное вліяніе на весь ходъ военныхъ дѣйствій въ Финляндіи. Недопущеніе этого флота къ Або лишало армію нетолько непосредственнаго пособія галеръ, но даже и самаго продовольствія. Князь Голицынъ, находившійся уже съ арміею въ Або, 20-го мая доносилъ Апраксину, что у него провіанта достанетъ только на іюнь мѣсяцъ и что, при дальнѣйшей остановкѣ провіантскихъ судовъ, придется отступить [1]). На мѣстѣ ничего достать было нельзя, по тому что всѣ жители разбѣжались, а привозить провіантъ берегомъ нѣтъ возможности по недостатку лошадей.

Погоня за непріятелемъ у Ревеля.

Покуда Апраксинъ находился у Твереминне, корабельному шаутбенахту, въ Ревелѣ, представлялся случай испытать искусство своего молодаго флота въ погонѣ за непріятелемъ. 17-го іюня, въ 5-мъ часу вечера, показались въ морѣ непріятельскіе корабли. Государь приказалъ немедленно перевозить на суда команды, бывшія на берегу, по случаю появившейся на флотѣ эпидемической болѣзни, и такъ какъ на рейдѣ былъ штиль, то скампавеямъ велѣно буксировать въ море парусныя суда. Но покуда продолжались эти приготовленія, наступившая темнота успѣла скрыть непріятельскія суда. Однакожъ, на другой день, когда снова подошли къ рейду шесть шведскихъ кораблей, подъ начальствомъ вице-адмирала Лилли, царь приказалъ тотчасъ всему флоту сниматься съ якоря. Но какъ выходъ въ море опять замедлился перевозкою людей съ берега, то непріятель успѣлъ уйдти, пользуясь преимуществомъ выгодной лавировки въ болѣе просторномъ мѣстѣ, и хорошими лоцманами. Изъ нашихъ же судовъ, корабль *Арондель* приткнулся къ мели и простоялъ на ней часа два; другіе корабли, при тихомъ NW вѣтрѣ, гнались часовъ семь за шведами и, къ большему огорченію царя, должны были возвратиться безъ успѣха [1]).

Распоряженія Апраксина въ Твереминне.

Между тѣмъ Апраксинъ не оставался въ бездѣйствіи: по приходѣ къ Твереминне онъ отправилъ къ киркѣ Поэ, 15 скампавей

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 801 и 815.

[2]) Извлеч. изъ журн., стр. 56.

съ тѣмъ, чтобы привести оставленныя тамъ бомбардирскія суда; высадилъ на берегъ 600 человѣкъ и послалъ къ Гангуту офицеровъ выбрать мѣстность удобную для постройки батарей, которыми бы можно было заставить непріятельскій флотъ отдалиться отъ берега.

Мысль о диверсіи корабельнымъ флотомъ.

Но, дѣлая эти распоряженія, Апраксинъ очень хорошо видѣлъ, что они не дадутъ возможности съ однимъ галернымъ флотомъ пробиться къ Або, и потому просилъ Петра,—съ которымъ онъ имѣлъ моремъ безпрерывныя сношенія,—сдѣлать, для отвлеченія шведовъ отъ Гангута, диверсію корабельнымъ флотомъ. Наконецъ, въ случаѣ, если государь окончательно признаетъ невозможность дальнѣйшаго движенія галернаго флота къ Або, Апраксинъ просилъ дозволенія начать строить у кирки Поэ, или въ другомъ мѣстѣ, крѣпость для зимовки скампавей [1]).

Несмотря на важность значенія предположенной диверсіи, нашему корабельному флоту невозможно было надѣяться на успѣшное ея выполненіе, потому что изъ числа судовъ, собравшихся въ Ревелѣ, кромѣ двухъ кораблей, всѣ были плохіе ходоки, и въ случаѣ весьма возможной ретирады отъ шведскаго флота, они моглибы достаться непріятелю. Явиться же съ флотомъ издали значило возбудить только насмѣшки противниковъ. По обсужденіи государемъ всѣхъ обстоятельствъ, рѣшено было отправиться къ Гангуту самому шаутбенахту, генералъ-маіору Люберасу и капитанъ-командору Сиверсу, съ нѣсколькими штурманами, которые должны были сдѣлать промѣръ, и тогда уже предполагалось на мѣстѣ сообразить: нельзя ли будетъ кораблямъ, соединясь съ галерами, выбить шведскій флотъ изъ занятой имъ позиціи. Всѣ назначенныя лица, за исключеніемъ шаутбенахта, прибыли къ Апраксину 14-го іюля, и Сиверсъ со штурманами былъ посланъ промѣрить и осмотрѣть фарватеръ до Барезунда [2]). Самъ же царь пробовалъ выходить изъ Ревеля нѣсколько разъ, но за противнымъ вѣтромъ долженъ былъ возвращаться. Только 18-го числа, выйдя въ море на фрегатѣ *Св. Павелъ*, въ сопровожденіи 6-ти кораблей и шнявы *Принцесса*, Петръ успѣлъ дойти до шхеръ. Отсюда корабли отправились назадъ въъ Ревель, а фрегатъ и шнява пошли въ

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 843 и 845.

[2]) Журн. Петра Велик. I. стр. 406. Морск. журн. стр. 88.

Гельсингфорсъ. Самъ же шаутбенахтъ пересѣлъ на скампавею и 20 іюля, въ 8-мъ часу вечера, прибылъ къ галерному флоту. Апраксинъ съ генералами и другими лицами хотя много разъ осматривали мѣстность, но какъ государь въ этомъ случаѣ запретилъ дѣйствовать безъ особаго повелѣнія, то до его прибытія все ограничивалось одпѣми приготовленіями къ дѣйствіямъ.

Распоряженія государя на галерномъ флотѣ.

Петръ, въ сопровожденіи Апраксина и генераловъ, осмотрѣвъ положеніе шведскаго флота съ моря и съ берега, въ ту же ночь послалъ для наблюденія непріятеля, за ближайшій къ нему островъ, 15 скампавей. Кромѣ того осмотрѣно было найденное капитанъ-командоромъ Змаевичемъ (сѣвернѣе Твереминне, у мызы Лаппвикъ) мѣсто, удобное для перетаскиванія нѣсколькихъ, болѣе легкихъ, галеръ сухимъ путемъ. Въ этомъ мѣстѣ полуостровъ до того съуживался, что между обоими берегами было только 1170 саженъ, довольно плоскаго, удобнаго для перевозки галеръ пространства. На этомъ перешейкѣ, 23-го іюля, приступлено къ устройству моста, по которому предполагалось перетаскивать галеры, и Апраксинымъ осмотрѣно мѣсто, выбранное для постройки крѣпости, близъ погоста Эквіесъ [1]).

Побѣда при Гангутѣ.

Покуда происходило все это, особенный случай внезапно измѣнилъ сдѣланныя предположенія и породилъ новый планъ, увѣнчавшійся блестящимъ успѣхомъ. Послѣ полудня 25-го іюля въ Твереминне услышали сильную пальбу, происходившую въ непріятельскомъ флотѣ. Хотя ее и объясняли какимъ-нибудь торжественнымъ салютомъ, но заботливый царь не удовлетворился гадательной причиной, а счелъ необходимымъ своими глазами удостовѣриться, что дѣйствительно происходитъ у непріятеля. Испросивъ разрѣшеніе адмирала, онъ отправился на ближайшіе въ шведскому флоту острова, куда съ царемъ были посланы 20 скампавей, присоединившіяся къ прежде отправленнымъ 15-ти. По приближеніи къ непріятелю, Петръ увидѣлъ, что вице-адмиралъ Лилли съ 14-ю судами, въ числѣ которыхъ были и бомбардирскіе гальоты, пошелъ въ море къ юго-востоку, а на якорѣ остался адмиралъ съ шестью линейными кораблями и тремя фрегатами. (Планъ литера З, моментъ 1). Цѣлью движенія Лилли могли быть или Ревель, или обходъ къ самому

---

[1]) Матеріалы. Морск. журн. стр. 89.

*

Твереминне, гдѣ стояли наши галеры и откуда для нихъ былъ только одинъ выходъ, занявъ который, шведы могли совершенно запереть нашъ флотъ.

Сообщивъ адмиралу о движеніи шведовъ, Петръ пригласилъ его пріѣхать для совѣщанія. 26-го іюля, утромъ, по прибытіи Апраксина къ караулу (у котораго царь провелъ всю ночь), увидѣли, что Лилли, отойдя отъ Гангута, направился именно къ Тверемпискому проходу и, потому, для спасенія галернаго флота, необходимо было принять немедленно какое-нибудь рѣшеніе. Тотчасъ же стоявшему въ Твереминне флоту послано приказаніе приготовиться выходить изъ бухты и, въ то же время, пользуясь наступившимъ штилемъ, «по многихъ воинскихъ совѣтахъ», рѣшились на рисковое дѣло, именно: послали 20 скампавей, подъ командою капитанъ-командора Змаевича, бригадира Волкова и капитана Бредаля въ обходъ со стороны моря оставшихся на якорѣ непріятельскихъ кораблей. Едва шведы замѣтили движеніе, то тотчасъ снялись съ якоря и начали шлюпками буксироваться къ проходящимъ скампавеямъ. (Планъ литера З, моментъ 2). Открытый шведскими кораблями сильный огонь былъ безвреденъ для нашихъ скампавей, обходившихъ непріятельскій флотъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла. Увидѣвъ такой успѣшный обходъ, Апраксинъ послалъ по тому же пути еще 15 скампавей съ бригадиромъ Лефортомъ и галерными капитанами Дежимономъ и Грисомъ. Эти скампавеи успѣли пройдти также счастливо, несмотря на то, что задувшій небольшой вѣтерокъ позволилъ шведамъ приближаться къ нимъ лавировкою. Въ то время, когда наши суда, несмотря на присутствіе шведскаго флота, такъ смѣло обходили полуостровъ, получено было извѣстіе, что на западной его сторонѣ, противъ того мѣста, гдѣ оканчивался настилаемый помостъ, съ котораго перетаскиваемыя черезъ перешеекъ галеры должны были спускаться на воду, явился непріятельскій фрегатъ, 6 галеръ и 3 шхербота, посланные съ цѣлію помѣшать спуску галеръ. Змаевичу немедленно было приказано атаковать непріятельскія суда; но за позднимъ временемъ приказаніе это не могло быть исполнено.

Между тѣмъ отрядъ Лилли, по сигналу своего адмирала, возвратился къ флоту; но, несмотря на такое усиленіе шведовъ рѣшено было на другой день съ остальными галерами пробиваться сквозь непрія-

тельскій флотъ. Адмиралъ и шаутбенахтъ отправились въ Тверемипне, откуда Петръ поспѣшилъ сухимъ путемъ на западный берегъ полуострова, съ цѣлью принять участіе въ предстоявшей атакѣ заблокированнаго Змаевичемъ шведскаго отряда, а Апраксинъ повелъ остальную часть галернаго флота къ Гангуту. Къ полночпонъ подошелъ къ островамъ, гдѣ былъ нашъ караулъ, и какъ ночь была очень темная, то галеры остановились здѣсь, въ ожиданіи разсвѣта.

Наступало прекрасное лѣтнее утро 27 іюля и, къ счастію русскихъ, на морѣ стоялъ мертвый штиль. На совѣтѣ, собранномъ въ 3 часу у Апраксина, обратили вниманіе на то, что теперь шведы, расположась на мѣстѣ вчерашняго обхода галеръ, удалились отъ берега и такимъ образомъ оставили близъ его довольно мѣста для прохода галеръ, — Положено было воспользоваться такою благопріятною для насъ оплошностію и идти не мористѣе непріятельскихъ кораблей, а между ними и берегомъ, придерживаясь къ послѣднему такъ близко, какъ только позволитъ глубина. Въ 4-мъ часу утра Апраксинъ повелъ флотъ мимо непріятеля.

Какъ на ученьѣ, въ стройномъ порядкѣ, двинулись наши галеры одна за другою. Въ авангардѣ шелъ генералъ Вейде, въ кордебаталіи самъ Апраксинъ и въ арріергардѣ князь Голицынъ. (Планъ литера 3, моментъ 3). Жестокая пальба шведовъ не помѣшала удачному исполненію дерзкаго маневра. Выстрѣлы дальнихъ судовъ были совершенно безвредны, и только три корабля, стоявшіе на западномъ концѣ линіи, успѣли прибуксироваться поближе къ берегу и сдѣлать болѣе 250 выстрѣловъ. Изъ всѣхъ скампавей только одна, ставшая на мель, была взята, съ частію своего экипажа, непріятелемъ; а всѣ остальныя прошли благополучно. Гребцы не щадили силъ и около полудня всѣ скампавеи собрались въ заливѣ, находящемся по западную сторону Гангутскаго полуострова, противъ Рилаксфіельда, гдѣ находилась запертая Змаевичемъ шведская эскадра подъ начальствомъ шаутбенахта Эреншельда. Несмотря на огромную несоразмѣрность силъ, начальникъ непріятельскаго отряда, въ надеждѣ на свою сильную артиллерію и близость флота, отказался сдаться.

Шведскія суда стояли вогнутой линіей, прикрытой съ фланговъ и съ тыла каменистыми островками. Въ срединѣ находился флагманскій, 18 пушечный (пушки были 12 фунт. и 3 фунт. ка-

либровъ) фрегатъ *Элефантъ*, по сторонамъ его стояли по три галеры: *Эрнъ*, *Трана*, *Грипенъ* (имѣвшія кромѣ четырнадцати 3-хъ фунт. пушекъ, по двѣ большаго калибра: у *Эрна*—36-ти, а у другихъ—18-ти фунт.), *Laксенъ*, *Геденъ* и *Вальфишъ* (съ 12-ю орудіями, отъ 6 до 2 фунт. калибра). Позади линіи стояли три шхербота (съ пушками отъ 1 до 3-хъ-фунт. калибра); изъ нихъ *Флюндранъ* имѣлъ шесть пушекъ, а *Мортанъ* и *Симпанъ* по четыре[1]).

Наши галеры, по диспозиціи, данной адмираломъ, построились въ три колонны. Впереди—авангардія, подъ начальствомъ самого шаутбенахта (царя); на правомъ ея крылѣ съ 9-ю скампавеями были Вейде и Змаевичъ; въ срединѣ 11 скампавей бригадира Лефорта и капитана Дежимона; на лѣвомъ крылѣ 9 скампавей бригадира Волкова и капитана Даміани. Авангардія со своими загнутыми флангами обхватывала почти полукругомъ непріятельскія суда. За нею въ такомъ же порядкѣ расположены были кардебаталія и аріергардія. (Планъ литера З, моментъ 4 и листъ 7-й).

Послѣ безуспѣшныхъ переговоровъ о сдачѣ, на тринкетовой (фоковой) реѣ адмиральской галеры взвился синій флагъ и раздался пушечный выстрѣлъ. Это былъ сигналъ: вступить въ бой! Отчаянная битва, начавшаяся около двухъ часовъ пополудни, продолжалась до 5-ти часовъ. Стрѣляли ядрами и картечью. Подъ сильнымъ огнемъ непріятельской артиллеріи наши передовыя галеры два раза приближались къ непріятелю и два раза были отбиты. Наконецъ, подкрѣпленныя другими, онѣ свалились на абордажъ. Нападавшіе съ такою отчаянною храбростью лезли на самыя пушки, что нѣкоторые изъ нашихъ солдатъ не ядрами, «а духомъ пороховымъ были разорваны». Русскихъ особенно одушевляло присутствіе государя,—шведовъ отчаяніе оскорбленной гордости. Въ самомъ дѣлѣ, имъ, привыкшимъ пользоваться заслуженной боевой славой, тяжело было уступать первенство даже на морѣ тѣмъ русскимъ, которые были еще новичками на этой стихіи. Послѣ храброй обороны, сначала одна по одной непріятельскія галеры, а потомъ и фрегатъ спустили свои флаги. Израненый Эреншельдъ бросился въ шлюпку и

---

[1]) Во всѣхъ письмахъ государя объ этой битвѣ упоминается о *двухъ* шхерботахъ, тоже число ихъ показано и на современной гравюрѣ, но въ журналахъ и въ реляціи значатся взятыми *три* шхербота.

думалъ, пользуясь нашедшимъ туманомъ, спастись, но былъ захваченъ и взятъ въ плѣнъ. Уважая храбрость въ своемъ противникѣ, Петръ оказалъ Эреншельду всевозможное вниманіе; царь самъ старался о приведеніи въ чувство своего плѣнника, находившагося отъ потери крови въ обморокѣ и, потомъ, заботился о доставленіи ему средствъ къ скорѣйшему выздоровленію. Расположеніе государя къ плѣнному шведскому шаутбенахту постоянно сохранялось во все время пребыванія Эреншильда въ Россіи и при каждомъ случаѣ Петръ съ похвалою отзывался объ его храбрости и примѣрномъ исполненіи долга. Изъ 941 человѣка шведовъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, убито 9 офицеровъ и 352 нижнихъ чиновъ, а у насъ—124 человѣка и въ томъ числѣ 8 офицеровъ [1]).

Значеніе гангутской побѣды.

Побѣда при Гангутѣ имѣла весьма важное значеніе: ею обезпечивался успѣхъ кампаніи, т. е. занятіе всей Финляндіи и вмѣстѣ съ тѣмъ теперь сдѣлались небезопасны отъ нападенія русскихъ ближайшій, собственно шведскій, берегъ и даже самый Стокгольмъ. Кромѣ военныхъ и политическихъ выгодъ, гангутская битва радовала государя, какъ моряка. Петръ желалъ придать гангутской побѣдѣ значеніе равное съ полтавскою. Это была первая серьезная морская побѣда, одержанная нашимъ флотомъ. «Объявляемъ вамъ, писалъ царь къ Меншикову на третій день послѣ сраженія, коимъ образомъ всемогущій Господь Богъ Россію прославить изволилъ, ибо по много дарованнымъ побѣдамъ на землѣ, нынѣ и на морѣ вѣнчати благоволилъ .... и тако сею, мню николи у насъ бывшею, викторіею васъ поздравляемъ .... [2]).»

Движеніе флотовъ послѣ боя.

Тотчасъ по окончаніи битвы флотъ нашъ, чтобы въ свою очередь не быть запертымъ шведами въ этой бухтѣ, вышелъ изъ нее и, подвинувшись къ Гангуту, сталъ на шхерный фарватеръ ведущій къ Або. Для охраненія отъ непріятеля оставленныхъ въ Твереминне бомбардирскихъ и другихъ судовъ, начальствовавшему надъ ними Сиверсу приказано немедленно идти назадъ къ Поэ киркѣ. Но адмиралъ Ватрангъ не думалъ о нападеніи, а на другой же день оставилъ Гангутъ и перешелъ къ Аландскимъ шхерамъ, не сдѣлавъ

---

[1]) Журн. Петра. Вел. I. 408—13. Извлеченіе изъ журн. стр. 61—63. Морскіе журналы стр. 89—93.

[2]) Моск. архив. Мин. Иностр. Дѣлъ. (Дѣла кн. Меншикова 1712 г. № 5).

даже попытки удержать русскихъ въ Юнгфорзундѣ, гдѣ до этого времени находился шаутбенахтъ Таубе съ однимъ кораблемъ и нѣсколькими галерами. По уходѣ непріятельскаго флота, Сиверсу велѣно возвратиться къ Гангуту и подойти къ тому мѣсту, гдѣ начали строить крѣпость.

Послѣ сраженія два раза (30 и 31 іюля) совершалось на флотѣ торжественное благодарственное молебствіе, заключавшееся стрѣльбою изъ пушекъ и ружей. Плѣнныя суда отправлены были въ Петербургъ съ капитанъ-командоромъ Сиверсомъ, а галерный флотъ двинулся 1-го августа къ Або, куда и пришелъ 3-го числа, оставивъ часть галеръ (аріергардію) въ Юнгфорзундѣ, для охраненія прохода. Петръ со своей скампавеей успѣлъ еще захватить два шведскія купеческія судна (шхуты), шедшія изъ Стокгольма [1]) и никакъ неожидавшія встрѣчи съ русскими. Съ 5-го по 8-е августа флотъ перешелъ отъ Або къ Аланду и по дорогѣ взялъ еще нѣсколько торговыхъ судовъ. У Аланда онъ подождалъ прихода оставленныхъ на дорогѣ скампавей и запасся скотомъ и провизіею, какую могли найти у мѣстныхъ жителей. Послѣ совѣщанія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, Петръ, 15-го августа, въ сопровожденіи пяти скампавей, взявъ съ собою плѣннаго шаутбенахта и офицеровъ, отправился въ Петербургъ. По отъѣздѣ царя, для разузнанія, что дѣлается у непріятеля, 17-го августа посланъ былъ къ шведскому берегу подпоручикъ Кошелевъ. Офиціальная сторона его порученія состояла въ передачѣ писемъ шведскому адмиралу, а дѣйствительная—въ осмотрѣ пути къ Стокгольму и разузнаніи гдѣ и въ какомъ числѣ судовъ расположенъ непріятельскій флотъ. Кошелеву велѣно было отъ острова Сигнельшера (крайняго на западной сторонѣ Аландскихъ шхеръ) перейдти къ стокгольмскимъ шхерамъ, по возможности скрытно отъ шведскихъ крейсеровъ. На пути приказано дѣлать промѣръ и замѣчать, гдѣ могутъ проходить скампавеи и корабли. Кошелевъ, исполнивъ благополучно порученіе, по возвращеніи донесъ, что вице-адмиралъ Лилли съ 6-ю кораблями и галерою стоитъ верстахъ въ 60-ти или 70-ти отъ столицы, у Аргольма; а далѣе, верстахъ въ 10-ти отъ Лилли,—шаутбенахтъ Таубе также съ 6-ю кораблями и 5-ю галерами [2]).

---

[1]) Извл. изъ журн. стр. 63. [2]) Матеріалы. Отд. I. №№ 919 и 926.

Государь, прибывъ 21-го августа въ Гельсингфорсъ, нашелъ тамъ корабельный флотъ, который, по выходѣ изъ Ревеля, провелъ недѣлю въ крейсерствѣ у Гогланда. Отправя его къ Березовымъ островамъ, государь продолжалъ путь туда же шхерами. 30 августа корабельный флотъ подошелъ на видъ Березовыхъ острововъ, и Петръ, оставя галеры въ Біорко-зундѣ, переѣхалъ на скорабль *Св. Екатерина*. 31-го августа юго-западный вѣтеръ сильно засвѣжѣлъ, такъ что стоявшіе на якоряхъ корабли принуждены были спустить марса-реи, а потомъ и стеньги. Къ утру 1-го сентября вѣтеръ усилился до степени шторма, волненіемъ оборвало бывшія на водѣ гребныя суда, и почти всѣ корабли получили поврежденія; болѣе значительныя были на корабляхъ *Эсперансъ*, *Перлъ* и *Св. Екатерина*: на первомъ сломились бушпритъ, фокъмачта и гротъ-стеньга, на второмъ треснулъ бушпритъ и сломалась форъ-стеньга, а на *Екатеринѣ* отъ ударовъ объ воду расколойся въ двухъ мѣстахъ бушпритъ. Чтобы удержаться на якоряхъ, на всей эскадрѣ у нижнихъ рей отвязали паруса «и ежели бы тотъ штормъ не сталъ убавливаться, то намѣрены были мачты рубить, дабы ночью крайняго бѣдства избыть, ибо валы стали на бакъ взливаться и опасно было, дабы подъ воду нырять не стали» [1]).

Штормъ выдержанный флотомъ у Біорко.

Но прибѣгать къ такой крайности не пришлось, «съ 3 часа по полудни, продолжаетъ Петръ, сталъ убавляться, а къ вечеру гораздо меньше вѣтръ сталъ». Едва миновала наибольшая опасность, государь, безпокоясь о галерахъ, стоявшихъ въ Біорко-зундѣ, рѣшился ѣхать осмотрѣть ихъ. Такое намѣреніе государя привело въ ужасъ всѣхъ бывшихъ на кораблѣ, потому что хотя вѣтеръ и сталъ нѣсколько тише, но все еще дулъ съ значительною силою, и волненіе послѣ жестокаго шторма было громадное; при подобномъ состояніи моря пускаться на шлюпкѣ къ берегу, отстоявшему за три версты, было дѣломъ весьма рисковымъ. Окружавшіе Петра умоляли его остаться на кораблѣ, но опасность не могла удержать царя. Петръ остался непоколебимъ, сѣлъ въ шлюпку, добрался до берега и, для извѣщенія экипажа корабля

Съѣздъ государя на берегъ.

---

[1]) Собственноручная приписка государя въ рукописной исторіи о шведской войнѣ. Каб. дѣл. отд. I. № 1.

о своемъ благополучномъ переѣздѣ, тотчасъ зажегъ на берегу костеръ [1]).

Вводъ плѣнныхъ судовъ въ Петербургъ.

На слѣдующій день флотъ вошелъ въ Біорко-зундъ и, исправя здѣсь поврежденія, причиненныя штормомъ, 4 сентября прибылъ къ Кроншлоту; а 9 сентября царь съ торжествомъ привелъ взятыя при Гангутѣ суда въ Петербургъ. При встрѣчѣ побѣдителей въ городѣ вездѣ развѣвались флаги, берега Невы были покрыты народомъ, ворота и самые дома, выходящіе на набережную, украшены различнымъ образомъ. Шествіе открывали три скампавеи, разцвѣченныя флагами, за ними шли взятыя шведскія суда: впереди шхерботы, потомъ галеры и фрегатъ съ плѣннымъ шаутбенахтомъ. За фрегатомъ слѣдовала флагманская галера, на которой находился самъ шаутбенахтъ — побѣдитель; процессію заключали двѣ скампавеи съ сухопутными войсками. При шествіи судовъ у многихъ домовъ раздавались выстрѣлы; адмиралтейская и Петербургская (Петропавловская) крѣпости салютовали сначала обыкновеннымъ образомъ, а потомъ дважды изъ всѣхъ пушекъ [2]); на эти салюты съ флагманской галеры отвѣчали три раза, также изъ всѣхъ орудій. Противъ Троицкой площади суда остановились, и когда участвовавшіе въ шествіи начали сходить на берегъ, вновь раздалась

---

[1]) Объ этомъ событіи сохранились разсказы двухъ современниковъ: Вебера (Записки Вебера, перев. Барсова, Рус. Арх. 1872 г. № 6, стр. 1102—3) и Соймонова (Ежемѣсячныя сочиненія 1764 г., первая половина, стр. 155). Разсказъ Вебера перефразированный и дополненный риторическими украшеніями повторенъ въ «Житіе Петра Велик.» Перев. Писарева, С.-Петерб. 1772 г., стр. 327 и въ «Житіе и славныхъ дѣлахъ государя Импер. Петра Велик.», напечатанномъ въ Венеціи, въ типографіи Ѳеодозія, 1772 г. часть II, стр. 61 и 62. Изъ тѣхъ же источниковъ заимствовалъ Голиковъ (Дѣянія Петра Велик. Москва 1788 г. томъ IѴ, стр. 359 и 360). Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ разсказъ о съѣздѣ государя представляетъ для моряка странныя противорѣчія: причиною съѣзда царя выставляется спасеніе его жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, восхваляется геройство Петра, избавившаго этимъ флотъ отъ гибели. Въ дѣйствительности дѣло было до того обыкновенно, что самъ царь, не придавая особенной важности этому событію, исключилъ его изъ исторіи, зачеркнувъ собственноручно слѣдующую фразу: «А Его Величество поѣхалъ на шлюпкѣ, которая была на кораблѣ *Гавріилъ*, на берегъ къ галерамъ» (Кабин. дѣл. отд. I, № 1).

[2]) Журн. Петра Велик. I. стр. 421. Дѣян. Петра Велик. IѴ. стр. 362. Извл. журн. стр. 69.

пальба съ адмиралтейства и крѣпости. Въ береговой процессіи шли преображенцы и двѣ роты астраханскаго полка, везли отнятыя у шведовъ пушки, несли флаги плѣнныхъ судовъ и знамена взятыя Голицынымъ въ Финляндіи, за ними вели плѣнныхъ офицеровъ. Эреншельдъ шелъ за своимъ флагомъ; онъ былъ въ новомъ шитомъ серебромъ мундирѣ, подаренномъ ему государемъ. Самъ шаутбенахтъ занималъ въ строю мѣсто полковника преображенскаго полка. На мосту Петропавловской крѣпости въ честь побѣдителей построены были тріумфальныя ворота, украшенныя разными символическими картинами; на одной изъ нихъ былъ представленъ орелъ, напавшій на слона. Надпись при этой картинѣ: «орелъ не мухъ ловитъ», указывала на названіе взятаго шведскаго фрегата *Элефантъ* (слонъ). Шествіе остановилось передъ сенатомъ, находившимся близъ крѣпости: шаутбенахтъ вошелъ въ присутствіе и представилъ князю кесарю донесеніе о побѣдѣ и также рекомендательное письмо отъ Апраксина. Обѣ бумаги прочитаны были вслухъ, и шаутбенахтъ тутъ же былъ произведенъ въ вице-адмиралы синяго флага, а генералъ Вейде пожалованъ орденомъ св. Андрея первозваннаго.

Принявъ поздравленіе отъ сенаторовъ новый вице-адмиралъ возвратился на галеру и поднялъ на ней свой флагъ, немедленно привѣтствованный салютомъ. Торжество этого дня окончилось обѣдомъ въ домѣ Меншикова, на которомъ Петръ посадилъ Эреншильда подлѣ себя, оказывалъ ему особенное вниманіе и отзывался съ уваженіемъ объ его храбрости. На четвертый день сожженъ былъ на Невѣ фейерверкъ, во время котораго на плѣнныхъ судахъ горѣла надпись: «уловляя уловленъ», указывавшая на то обстоятельство, что шведы, располагавшіе остановить на пути или запереть въ Твереминне наши галеры, потеряли при Гангутѣ часть своего флота. Всѣ участвовавшіе въ сраженіи награждены были медалями съ изображеніемъ битвы и надписью: «прилежаніе и вѣрность превосходитъ сильно». Офицеры получили медали золотыя, а нижніе чины серебряныя [1]).

Памятники гангутской побѣды.

Въ память гангутскаго сраженія была выбита еще другая медаль, съ изображеніемъ побѣды и съ надписью: «Classis Russicæ

---

[1]) Голик. Дѣян. Петра Вел. IV стр. 369 и 371.

primitiæ» [1]). Видъ тріумфальнаго ввода плѣнныхъ судовъ въ Петербургъ и изображеніе гангутскаго боя представлены на гравюрахъ современными событію художниками (послѣднее — въ трехъ различныхъ видахъ). Желая сохранить въ потомствѣ память о первой значительной побѣдѣ русскаго флота, государь приказалъ построить въ Петербургѣ, на Фонтанкѣ, храмъ во имя празднуемаго въ день этого сраженія святаго Пантелеймона, а наша церковь постановила праздновать гангутскую побѣду также какъ и полтавскую. Взятыя при Гангутѣ суда повелѣно хранить вѣчно. Въ недавнее время (въ 1871 году) на мѣстѣ погребенія убитыхъ въ гангутскомъ бою поставленъ памятникъ.

Продолженіе военныхъ дѣйствій въ Финляндіи

По отбытіи царя изъ Финляндіи военныя дѣйствія продолжались подъ главнымъ начальствомъ Апраксина, которому предстояло окончательно очистить Финляндію отъ непріятеля, державшагося еще на сѣверѣ въ числѣ 5000 человѣкъ. Пополнивъ на Аландѣ запасъ провизіи, Апраксинъ пошелъ шхерами въ Ботническій заливъ; скампавеи съ лошадьми и шхуты (грузовыя суда) послалъ онъ къ городку Нйштадту, а съ остальнымъ флотомъ пошелъ далѣе на сѣверъ, держась восточнаго берега залива. На этомъ пути, при переходѣ большимъ плесомъ Лавшхеромъ, 28 августа при сильномъ южномъ вѣтрѣ и большомъ волненіи, многія скампавеи такъ раскачало, что онѣ сильно потекли и одна изъ нихъ была разбита. Черезъ день послѣ этого потонула еще скампавея, а четыре, оказавшіяся негодными къ плаванію, пришлось отправить къ Нйштадту. Вообще, настоящее плаваніе галернаго флота представляло значительныя опасности. При короткихъ осеннихъ дняхъ, погода стояла очень бурная, и нерѣдко находили густые туманы, совершенно скрывавшіе ближайшіе берега. Къ этому надо прибавить слабыя суда, незнакомство съ мѣстностію и экипажи, въ большинствѣ, въ первый разъ плававшіе въ открытомъ морѣ. О трудностяхъ похода самъ Апраксинъ отзывается такимъ образомъ: «никакого надѣянія ко спасенію, развѣ милости Божіей, не чаяли, многіе смертные страхи претерпѣли, отъ великихъ штурмъ, а болѣе отъ подводныхъ каменьевъ...» [2]).

---

[1]) Первые плоды русскаго флота.

[2]) Арх. морск. Мин. Дѣла гр. Апраксина № 252, Письмо къ Кикину.

Посылка партій на шведскій берегъ.

Въ городѣ Вазѣ, къ которому флотъ подошелъ 9-го сентября, рѣшено было послать на шведскій берегъ девять скампавей подъ начальствомъ генералъ-маіора Головина. Онъ, перейдя Ботническимъ заливомъ отъ острова Микель-Соре къ острову Гольму, высадилъ, въ 14 верстахъ отъ Умео, 800 человѣкъ и подошелъ къ этому городу. Шведы сначала готовились къ сопротивленію, но по приближеніи русскихъ бросили ранцы и епанчи и разбѣжались, а самое мѣстечко Умео сгорѣло, подожженное неизвѣстно кѣмъ: русскими или самими шведами. Подниматься съ судами по рѣкѣ, при незнаніи фарватера и средствъ защиты шведовъ, было опасно и потому Головинъ, имѣя приказаніе воротиться къ назначенному времени, истребилъ нѣсколько небольшихъ прибрежныхъ судовъ, взялъ съ нихъ грузъ и пошелъ къ своимъ берегамъ. На переходѣ онъ выдержалъ сильную бурю, потерялъ въ морѣ четыре скампавеи и потомъ еще одну въ шхерахъ. Экспедиція Головина, въ матеріальномъ отношеніи принесшая одинъ убытокъ, имѣла важное политическое значеніе: она показала жителямъ непріятельскаго берега степень опасности отъ близкаго сосѣдства русскихъ и распространила страхъ до самаго Стокгольма, населеніе котораго уже было напугано занятіемъ Аландскихъ шхеръ [1]). Между тѣмъ Апраксинъ, слѣдуя вдоль берега къ сѣверу, дошелъ съ флотомъ до Нюкарлеби, генералъ же Брюсъ съ кавалеріею, идя берегомъ, запоздалъ и былъ 16-го сентября только еще въ Вазѣ. Адмиралъ, не надѣясь на успѣшное дѣйствіе противъ непріятеля, безъ содѣйствія кавалеріи, и опасаясь за позднимъ временемъ дожидаться Брюса, рѣшился идти въ обратный путь. Плаваніе и теперь было также бурно: при входѣ въ христіанштадтскія шхеры сильнымъ волненіемъ опять разбило четыре скампавеи, причемъ едва не погибла и галера самого адмирала. На пути отсюда до Раумо, къ которому пришли 29-го октября, сильные противные вѣтры, туманы и сократившіеся дни увеличивали затруднительность плаванія. На этомъ переходѣ погибло еще двѣ скампавеи. Необходимо замѣтить, что хотя съ разбивавшихся скампавей обыкновенно спасалась большая часть людей, но не мало было и потонувшихъ. Такъ напр. во время эк-

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 929 и 942

спедиціи Головина погибло 70 человѣкъ, а у самого Апраксина —до 200 человѣкъ [1]).

Расположеніе флотовъ на зимовку.

Дойдя (30 октября) до Ништадта, галерный флотъ расположился здѣсь на зимовку. Мѣсто это избрано было потому, что кромѣ удобнаго, закрытаго помѣщенія для галеръ, оно предоставляло возможность скораго выхода въ море, которое находилось только въ 7 верстахъ. Для защиты судовъ отъ непріятеля, на берегу и островахъ построены были батареи. Всѣхъ скампавей въ Ништадтѣ зимовало 89. При нихъ было морскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ 461 человѣкъ [2]).

Апраксинъ изъ Раумо возвратился берегомъ въ Петербургъ. Государь, располагая почтить адмирала также морской торжественной встрѣчей, очень желалъ, чтобы онъ прибылъ моремъ. Но Нева встала ранѣе пріѣзда Апраксина, и онъ по необходимости долженъ былъ, вопреки желанію царя, пріѣхать берегомъ.

Изъ числа судовъ корабельнаго флота, въ Ревелѣ остались зимовать, подъ начальствомъ капитана Фангента, 6 кораблей, 4 фрегата и 2 шнявы; а остальной корабельный флотъ и часть галернаго расположились у Котлина и въ Петербургѣ, гдѣ собралось 2 шнявы, прамъ, бомбардирскій гальотъ, 42 галеры и 2 бригантины [3]).

Вліяніе дѣйствій флота на ходъ войны.

Дѣйствія флота въ теченіе 1714 года имѣли большое вліяніе на ходъ войны. Завоеваніе Финляндіи и высадка на самые берега Швеціи распространили ужасъ по всей странѣ. Опасность казалась такъ велика, что самый Стокгольмъ начали укрѣплять и дворъ готовился къ выѣзду. Въ сосѣднихъ государствахъ западной Европы внимательно слѣдили за дѣйствіями русскихъ въ Финляндіи; въ то время, когда гребному флоту нашему казалось не было никакой возможности обойти Гангутъ, гамбургскія газеты уже успѣли объявить о мнимой побѣдѣ шведовъ. По словамъ газетъ, флотъ нашъ былъ разбитъ, самъ государь едва спасся; но ложныя извѣстія держались недолго, вслѣдъ за подобнымъ слухомъ получилось вѣрное свѣдѣніе о гангутской битвѣ и ея результатахъ.

---

[1]) Дѣян. Петра Вел. IV. стр. 388—9.
[2]) Матеріалы. Отд. I. № 925 и 951.
[3]) Тамъ же. № 1020.

Молва съ преувеличеніями разнесла по Европѣ вѣсть объ успѣхахъ Россіи, и охладѣвшіе союзники начали снова заискивать расположенія Петра. Но при такомъ благопріятномъ состояніи дѣлъ одно важное обстоятельство, казалось, готово было остановить торжество Россіи. Въ ноябрѣ 1714 года король Карлъ XII возвратился изъ Турціи и прибылъ въ Стральзундъ. Быстро пронеслась радостная вѣсть по всему королевству и, конечно, каждымъ шведомъ, любившимъ свою родину, принята была съ восторгомъ. Во всей странѣ прибытіе энергическаго государя возродило свѣтлыя надежды на лучшее. Изстрадавшіеся шведы желали и потому вѣрили, что съ возвращеніемъ короля возвратится къ нимъ и прежнее военное счастіе, отыщутся матеріальныя средства для новыхъ вооруженій, и скоро разорительная война заключится рядомъ блестящихъ побѣдъ и славнымъ миромъ. Но къ несчастію Швеціи положеніе ее было уже до того дурно, что едва-ли и самъ Карлъ могъ мечтать о прежней славѣ, а скорѣе готовъ былъ заключить миръ, только бы не безславный.

Возвращеніе Карла XII въ Швецію.

У государствъ сосѣднихъ съ Швеціею пропала увѣренность въ непобѣдимости Карла; противники его ободрились и даже осторожная до робости Пруссія, за обѣщанный ей Штетинъ, не затруднилась явно стать на сторону Петра. Нейтральныя морскія державы, Голландія и Англія, были выведены изъ терпѣнія рѣшительными мѣрами Карла, направленными противъ ихъ торговыхъ интересовъ. Шведскіе корсары, поощряемые королемъ, начали захватывать множество судовъ, шедшихъ въ порты завоеванные Петромъ, и дѣлали необходимымъ серьезное вмѣшательство Голландіи и Англіи, купечества которыхъ страдали отъ подобной мѣры. Послѣ безполезной дипломатической переписки съ Швеціею, Англія и Голландія, въ маѣ мѣсяцѣ (1715г.) выслали въ Зундъ соединенный флотъ изъ 32 кораблей, въ числѣ которыхъ 20 было англійскихъ и 12 голландскихъ. Это отношеніе между числомъ судовъ обоихъ флотовъ было согласно старинной, принятой для подобныхъ случаевъ, пропорціи, по которой число англійскихъ судовъ должно было относиться къ числу голландскихъ, какъ *пять* къ *тремъ*. Англійской эскадрой командовалъ адмиралъ Норисъ, а голландской—де Феттъ. Кромѣ угрозы Швеціи, ближайшая цѣль назначенія соединенныхъ флотовъ была конвоированіе своихъ торговыхъ судовъ. Петръ не

Отношеніе иностранныхъ державъ къ Швеціи.

пропустилъ случая воспользоваться присутствіемъ союзнаго флота въ Балтикѣ, и при помощи его съ полною безопасностію отъ шведовъ проводилъ въ Россію корабли, построенные для нашего флота за границею и также суда отправляемыя изъ Россіи, для проводки этихъ кораблей. Продолженіе войны становилось очень тяжелымъ для Швеціи: средства государства были истощены, финансы до того разстроены, что кромѣ займовъ, король принужденъ былъ обратиться къ мѣрѣ весьма разорительной для народа, именно, къ выпуску монетныхъ билетовъ въ родѣ ассигнацій и новой мѣдной монеты, номинальная цѣнность которой въ шесть разъ превышала дѣйствительную ея стоимость. Но скудость финансовъ не помѣшала снаряженію для предстоявшей кампаніи значительнаго флота. Изъ Карлскроны вышло четыре эскадры: одна подъ флагомъ вице-адмирала Вахтмейстера (7 кораблей, 1 бомб. галіотъ, 50 вооруженныхъ лодокъ, имѣвшихъ отъ 8 до 15 паръ веселъ); она должна была крейсеровать въ Ботническомъ заливѣ и охранять берега Швеціи отъ вторженія русскихъ; другая, подъ начальствомъ вице-адмирала Лилли (17 кораблей, 2 фрегата, 2 бомб. галіота), назначалась для крейсерства въ Финскомъ заливѣ до Ревеля, съ цѣлію наблюденія за движеніями русскаго корабельнаго флота; затѣмъ два меньшіе отряда, подъ начальствомъ контръ-адмираловъ: Вахтмейстера и Анкерштерна, должны были соединиться съ эскадрою Лилли, въ случаѣ если бы рускія суда показались въ морѣ.

Составъ шведскаго флота (1715 г.).

Съ нашей стороны кампанія этого (1715) года открылась отправленіемъ особеннаго отряда, для поимки шведскихъ каперовъ, которые смѣло хозяйничали вблизи нашихъ береговъ. Еще въ концѣ прошлаго года получено было извѣстіе, что три небольшихъ шведскихъ капера, крейсеруя между Эзелемъ и берегомъ Курляндіи, захватываютъ суда, идущія въ Ригу. Для поимки каперовъ раннею весною въ Ревелѣ вооружили отрядъ изъ лучшихъ ходоковъ: трехъ фрегатовъ (*Петра*, *Павла*, *Самсона*) и одной шнявы начальство надъ которыми поручено было капитану Бредалю. Для скорѣйшаго вооруженія судовъ присланъ былъ въ Ревель генералъ-адъютантъ Ягужинскій, и самое приготовленіе содержалось въ такомъ строгомъ секретѣ, что во время выхода отряда въ море весь городъ былъ оцѣпленъ крѣпкимъ карауломъ и впродолженіе двухъ дней никого

Взятіе шведскихъ каперовъ (1715 г.).

не выпускали. Все это дѣлалось изъ опасенія, чтобы шведамъ не было своевременно сообщено объ отправленіи судовъ. Отрядъ вышелъ изъ Ревеля 9 апрѣля, и Бредаль, находившійся на 36 пушечномъ фрегатѣ *Самсонъ*, разлучась со своими спутниками, былъ такъ счастливъ, что 11-го апрѣля, въ 5 миляхъ отъ Виндавы, встрѣтилъ 16-ти пушечный (пушки 3 фунт.) непріятельскій каперъ *Единорогъ* и послѣ сильнаго сопротивленія овладѣлъ имъ. На другой день, въ 8 миляхъ отъ Виндавы, другой 10 пушечный каперъ *Эсперансъ* сдался Бредалю безъ боя; а 16-го, увидѣвъ на разсвѣтѣ, близъ Виндавы же, третій каперъ—12 пушечный, *Стокгольмъ-Галей*, Бредаль погнался за нимъ и въ 3 часа по полудни, въ шести миляхъ отъ Готланда, взялъ его безъ сопротивленія. Плѣнныхъ на всѣхъ каперахъ забрано 157 человѣкъ [1]). Государь по полученіи извѣстія о такомъ успѣшномъ «поискѣ» велѣлъ возвѣстить о немъ жителямъ Петербурга 19-ю пушечными выстрѣлами съ крѣпости и взятыя суда приказалъ доставить въ Петербургъ.

Въ половинѣ мая Петръ былъ обрадованъ извѣстіемъ о появленіи у Гангута шведской эскадры, въ числѣ 14-ти судовъ, и уже надѣялся одержать на томъ же мѣстѣ новую «викторію». Приказавъ наблюдать непріятеля, царь торопился вывести свой флотъ изъ котлинской гавани; но шведы не остались у Гангута, а 29 мая подошли къ Ревелю и сдѣлали нападеніе на стоявшую въ гавани эскадру Фангента. 12 шведскихъ кораблей (отъ 74-хъ до 50-ти пуш.) и нѣсколько меньшаго ранга судовъ при «добромъ» южномъ вѣтрѣ, подъ всѣми парусами, вошли между Карлусомъ и Наргеномъ на ревельскій рейдъ и, построясь въ линію баталіи, направились къ гавани. Въ 4 часа, подойдя къ ней на пушечный выстрѣлъ, шведы открыли огонь и выпустили 126 зарядовъ, но большая часть ихъ ядеръ или не долстала до гавани, или перелетала черезъ нее. У насъ убитыхъ было всего пять и раненыхъ одинъ человѣкъ. На огонь шведовъ отвѣчали изъ орудій, стоявшихъ на стѣнахъ старой и новой гаваней и также съ прамовъ и береговыхъ батарей. Въ 7-мъ часу непріятель, прекративъ стрѣльбу, удалился къ Наргену и на другой день ушелъ въ море [2]). По особенно счаст-

Нападеніе на Ревель.

[1]) Каб. Дѣл. Отд. I. № 21.

[2]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1044 и 1045.

ливой случайности спаслись отъ непріятеля наши 2 прама, 3 бригантины и скампавея, переходившія въ этотъ день изъ Гельсингфорса въ Ревель и едва успѣвшія добраться до входа въ гавань въ то самое время, когда шведскій флотъ уже подходилъ къ рейду.

Снаряженіе котлинской эскадры.

На Котлинѣ и въ Петербургѣ вооружался корабельный флотъ и 40 галеръ. Но весна прошла въ приготовленіяхъ и флотъ простоялъ на рейдѣ до іюля мѣсяца, высылая только крейсеровъ къ Гогланду и по нѣскольку судовъ къ Березовымъ островамъ, для практическаго ученья [1]). Во время этой стоянки у Кроншлота, флотъ неожиданно понесъ значительную потерю: 27-го іюня отъ молніи взорвало спущенный въ прошломъ году 64-ти пушечный корабль *Нарва*, причемъ изъ его черырехсотеннаго экипажа спаслись только 18 или 19 человѣкъ [2]).

Приходъ эскадры въ Ревель.

Снявшись съ котлинскаго рейда 6-го іюля корабельный флотъ, въ числѣ около 30 вымпеловъ, и гребной, въ числѣ 40 галеръ, 8-го іюля пришли въ Ревель. Адмиралъ имѣлъ свой флагъ на кораблѣ *Леферм*ъ; а вице-адмиралъ Петръ Михайловъ — на *Ингерманландъ*. Съ галерами былъ Змаевичъ. Государь торопился привести свои флоты въ Ревель, гдѣ стоялъ, подъ главнымъ начальствомъ адмирала Норриса, англо-голландскій флотъ, съ которымъ пришло болѣе ста купеческихъ судовъ и три купленные заграницею корабля: *Лондонъ* (54-пушеч.), *Ричмондъ* (44-пушеч.) и *Британія* (44-пушеч.). Не смотря на просьбы Петра подождать прихода его съ флотомъ, Норрисъ не согласился на это, ссылаясь на инструкціи своего правительства и, простоявъ въ Ревелѣ съ 19 по 28 іюня, пошелъ къ берегамъ Помераніи. Остерманъ, посланный государемъ для переговоровъ

---

[1]) Сохранилась гравюра, работы Пикара, имѣющая названіе: «Прешпектъ россійскаго флота при Котлинѣ островѣ 1715 года». На ней представлена линія кораблей и фрегатовъ, стоящихъ на якорѣ, на нынѣшнемъ маломъ рейдѣ; по сторонамъ линіи разбросано множество судовъ разныхъ ранговъ; нѣкоторыя изъ нихъ также стоятъ на якоряхъ, другія ходятъ на веслахъ и подъ парусами. На дальнемъ планѣ видѣнъ берегъ Котлина, почти весь покрытій лѣсомъ, среди котораго выдаются нѣсколько маленькихъ избушекъ и одинъ большой трехъ-этажный домъ. Отъ него тянется деревянная стѣнка гавани, направляющаяся сначала на югъ, а потомъ поворачивающая на востокъ; за нею тоже видно много судовъ. (Рисунокъ листъ 8.)

[2]) Матеріалы. Отд. I. № 1071.

съ англійскимъ адмираломъ, полагалъ, что союзный флотъ отправился не для серьезныхъ военныхъ дѣйствій противъ шведовъ, а только съ намѣреніемъ показать видъ, будто англичане препятствуютъ движеніямъ шведскихъ судовъ [1]).

Посылка крейсеровъ къ Готланду.

Успѣшныя дѣйствія капитана Бредаля противъ корсаровъ дали поводъ поручить ему болѣе серьезное и смѣлое дѣло. 10-го іюля Бредаль съ 4-мя фрегатами и 3-мя шнявами вышелъ въ море. Ему велѣно было идти къ Готланду, брать по пути непріятельскія суда и, сдѣлавъ высадку на берегъ этого острова, забирать добычу и захватывать «языковъ, наипаче морскихъ людей»; кромѣ этого фрегатамъ приказано было подойти ко входу въ стокгольмскія шхеры и, если встрѣтится непріятель по силамъ, то съ нимъ сразиться, а отъ сильнѣйшаго уходить, стараясь главное, чтобы не быть отрѣзанными отъ своего флота. Бредаль возвратился 3 августа; ему удалось высадить небольшой десантъ на Готландѣ, взять тамъ нѣсколько плѣнныхъ и добычи, и побывать у входа въ стокгольмскія шхеры. Но впродолженіе всего плаванія онъ не видалъ непріятельскихъ судовъ, ни у Готланда ни у стокгольмскихъ шхеръ [2]).

Крейсерство флота въ Балтійскомъ морѣ.

Въ ожиданіи прибытія Нориса, который долженъ былъ къ исходу іюля вновь зайдти въ Ревель, для конвоированія судовъ возвращавшихся изъ нашихъ портовъ, Петръ приказалъ своему флоту крейсеровать между Оденсгольмомъ и Даго. Самъ же царь (20 іюля), на шнявѣ *Лизета* въ сопровожденіи галеръ, пошелъ въ Гапсаль; осмотрѣвъ гавань и оставя здѣсь галеры, Петръ отправился для отысканія и осмотра удобныхъ гаваней въ Монзундъ и къ острову Даго. Между тѣмъ Апраксинъ съ корабельнымъ флотомъ также доходилъ до Даго и перешелъ затѣмъ въ Балтійскій портъ; туда же не замедлилъ прибыть и Петръ уже сухимъ путемъ. [3]) На другой день англо-голландцы съ Норисомъ пришли въ Ревель, куда поспѣшилъ явиться и царь со своимъ флотомъ.

Англо-голландскій флотъ въ Ревелѣ.

Наконецъ исполнилось пламенное желаніе Петра увидѣть созданный имъ флотъ вмѣстѣ съ двумя лучшими европейскими фло-

---

[1]) Донесеніе Фангента и Остермана государю въ каб. дѣл. Отд. II. № 42.

[2]) Матеріалы. Отд. I. № 1085. Извл. изъ журн. стр. 79.

[3]) Матеріалы. Отд. I. № 1086—93.

*

тами. Понятно, что государю своими глазами хотѣлось сравнить нашъ флотъ съ иностранными и, замѣтивъ недостатки своихъ кораблей, исправить ихъ; съ другой же стороны не послѣднее мѣсто занимало и желаніе представить свой флотъ на судъ знающихъ цѣнителей и осязательно доказать Европѣ, что Россія, дѣйствительно, по праву должна имѣть значеніе морской державы. Но, несмотря на все нетерпѣніе показать скорѣе свои корабли иностраннымъ морякамъ, первою заботою Петра было сохраненіе достоинства русскаго флага, при предстоявшихъ взаимныхъ церемонныхъ отношеніяхъ съ прибывшими гостями. Царь приказывалъ Остерману: «о салютахъ сперва стороною провѣдать, какъ поступитъ (англійскій адмиралъ) съ нашимъ флотомъ» [1]).

Появленіе иностранныхъ военныхъ кораблей въ русскомъ портѣ было для Петра настоящимъ праздникомъ и онъ съ наслажденіемъ провелъ нѣсколько дней въ своей любимой морской сферѣ. Взаимныя посѣщенія и пиры слѣдовали одни за другими, и на рейдѣ безпрестанно раздавалась пушечная пальба. Между прочимъ на адмиральскомъ кораблѣ торжественно отпраздновали первую годовщину гангутской побѣды. Удовольствіе царя еще увеличивалось присутствіемъ на этихъ пирахъ государыни, находившейся также въ Ревелѣ. Три недѣли пролетѣли незамѣтно; при разставаньи Петръ щедро одарилъ своихъ дорогихъ гостей: адмиралъ Норисъ получилъ портретъ государя, украшенный алмазами; англійскій и голландскій шаутбенахты — по драгоцѣнному перстню; каждый изъ командировъ — по парѣ соболей [2]), а корабельнымъ экипажамъ отпущено на каждый корабль по 2 бочки французскаго вина. 16-го августа иностранные флоты, съ пришедшими изъ Петербурга англо-голландскими коммерческими судами, отправились въ море.

Окончаніе кампаніи корабельнаго флота.

Нашъ флотъ, выходившій къ Наргену, возвратился въ Ревель и 22-го августа вице-адмиральскій (царскій) корабль втянулся въ гавань, а самъ Петръ черезъ Нарву отправился въ Петербургъ. Часть флота (въ томъ числѣ 9 кораблей) осталась зимовать въ Ревелѣ, подъ начальствомъ старшаго капитана Фангента, которому было предписано до поздней осени высылать мелкія суда въ крейсерство.

---

[1]) Моск. арх. Мин. Ин. Дѣл. (Письма П. В. IX. 1715 г. № 11).

[2]) Извл. изъ журн. стр. 79.

Остальныя же суда съ Апраксинымъ 30-го августа возвратились къ Котлину.

План дѣйствій на будущій годъ

Возобновившееся сближеніе съ датчанами давало Петру надежду, что теперь можно будетъ нанести Швеціи рѣшительный ударъ. Конвенціею заключенною съ Даніею въ іюлѣ (9-го числа) и дополненною въ сентябрѣ (6-го), предполагалось общими силами сдѣлать высадку на южный берегъ Швеціи—въ Сканію [1]). Для исполненія этого, русскій 26-ти тысячный корпусъ, собранный въ Мекленбургѣ слѣдовало перевезти на островъ Зеландію и отсюда, подъ прикрытіемъ флотовъ обоихъ союзниковъ, переправить черезъ Зундъ и высадить на шведскій берегъ. Для развлеченія же непріятельскихъ силъ, нашъ галерный флотъ долженъ былъ, подъ прикрытіемъ датской эскадры, перевезти черезъ Аландскій проливъ десантъ изъ Финляндіи и высадить его сѣвернѣе Стокгольма.

Отправленіе галеръ въ Либаву.

Для подготовленія къ исполненію этого смѣлаго плана, 3-го августа была отправлена черезъ Ригу на зимовку въ Либаву галерная эскадра, оставленная Петромъ въ Гапсалѣ и состоявшая изъ 40 галеръ, подъ начальствомъ капитанъ-командора Змаевича. На галеры посажено 5,000 человѣкъ сухопутнаго войска, которымъ начальствовалъ сначала генералъ-поручикъ Бутурлинъ, а впослѣдствіи подполковникъ лейбъ-гвардіи князь Петръ Михайловичъ Голицынъ; каждому изъ этихъ лицъ поручаемо было главное командованіе надъ всѣмъ отрядомъ. По прибытіи галеръ въ Либаву, для защиты судовъ отъ непріятеля построены береговыя батареи, вооруженныя взятыми съ галеръ 18-ти фунтовыми пушками [2]).

Въ эту же осень изъ Ревеля, подъ начальствомъ капитанъ-поручика Муханова, отправлены были въ Либаву, черезъ Монзундъ, транспортныя суда подъ конвоемъ двухъ шнявъ. Но они къ половинѣ ноября успѣли дойти только до Риги, гдѣ и принуждены были остаться на зимовку.

При настоящемъ отправленіи въ Либаву галеръ съ десантомъ, и также при нѣсколькихъ другихъ подобныхъ случаяхъ, государь поручалъ главное начальство надъ всѣмъ отрядомъ командовав-

---

[1]) Полн. собр. Закон. № 2919 и 2930.

[2]) Матеріалы. Отд. I. № 1144.

нимъ дессантными войсками сухопутнымъ генераламъ, которые всегда были старше морскаго начальника въ чинѣ, пользовались бо̀льшимъ довѣріемъ государя и были болѣе посвящены въ политическое положеніе дѣлъ, нежели морской галерный начальникъ. Но подобное подчиненіе морскихъ офицеровъ сухопутному генералу возбуждало неудовольствіе моряковъ; такъ и въ настоящемъ случаѣ Змаевичъ, жалуясь на свою зависимость отъ лица другаго вѣдомства, передъ выходомъ въ море представлялъ, что въ опасномъ плаваніи вдоль открытаго берега, какой идетъ отъ Риги до Либавы, и къ тому-же въ наступающее осеннее время, находиться въ распоряженіи сухопутнаго генерала, будетъ весьма неудобно [1]). Однакожъ, плаваніе окончилось благополучно, и вѣроятно начальствовавшіе генералы были настолько благоразумны, что не вмѣшивались собственно въ морскія распоряженія, а держали себя во время плаванія въ роли пассажировъ.

Плаванія въ Голландію и Англію. (1715—16 г.).

Кромѣ пришедшихъ съ эскадрою Нориса трехъ кораблей, купленныхъ въ Англіи, не успѣли воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ еще наши три корабля, построенные въ Голландіи и уже прибывшіе въ Англію по отходѣ Нориса. Для привода ихъ, по просьбѣ князя Куракина, русскаго резидента въ Голландіи [2]), отправленъ былъ изъ Ревеля капитанъ Бредаль съ кораблями *Оксфордъ* и *Перлъ* и фрегатами *Самсонъ* и *Св. Павелъ* и, независимо отъ Бредаля, посланъ былъ на кораблѣ *Страфордъ* въ Голландію, Англію и Гамбургъ капитанъ Наумъ Синявинъ. Онъ долженъ былъ привезти изъ-за границы множество закупленныхъ для флота предметовъ, въ числѣ которыхъ были даже гребныя суда. Отрядъ Бредаля и корабль Синявина отправились съ эскадрою Нориса. Нашимъ судамъ до береговъ Англіи велѣно было идти подъ англійскими флагами; и тамъ, гдѣ уже нельзя было ожидать опасности отъ шведовъ, поднять русскіе купеческіе флаги, и командирамъ назваться шхиперами. На этомъ отрядѣ посланы были изъ Россіи всѣ вещи и припасы, необходимые для вновь построенныхъ заграницею судовъ, и даже назначенные для нихъ экипажи. Послѣдніе остались на кораблѣ *Оксфордъ* въ Копенгагенѣ, такъ какъ новые корабли должны были

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 1102.
[2]) Каб. Дѣл. Отд. II. № 23.

дойдти до Даніи съ иностранными экипажами. Выдержавъ на пути трехдневный штормъ, отрядъ 2-го сентября пришелъ въ Копенгагенъ. Во время перехода на фрегатѣ *Св. Павелъ* открылась такая течь, что приходилось безпрерывно отливать воду; этотъ фрегатъ уже не могъ идти далѣе Копенгагена и впослѣдствіи былъ здѣсь разобранъ. Для продовольствія и вообще всѣхъ распоряженій касающихся до судовъ, какъ ожидаемыхъ изъ Англіи, такъ и изъ Архангельска, посланъ былъ государемъ въ Копенгагенъ генералъ-адъютантъ Девьеръ, обязанный доносить обо всемъ прямо царю [1]).

Синявинъ исполнивъ свое порученіе въ Англіи, пришелъ въ Голландію, гдѣ *Страфордъ* въ Тексельской гавани, едва не погибъ отъ взломаннаго штормомъ льда. Корабль пробило ниже грузовой ватерлиніи, наполнило водою и едва не завалило льдомъ; но находчивый и энергичный Синявинъ умѣлъ спасти его, исправить поврежденія и весною благополучно доставилъ на немъ въ Копенгагенъ, какъ свой грузъ такъ и нанятыхъ капитанъ-командоромъ Шельтингомъ для нашего флота, въ голландскихъ портахъ, до 400 человѣкъ разныхъ чиновъ оберъ и унтеръ-офицеровъ [2]).

На переходѣ Бредаля съ *Перломъ* и *Самсономъ* изъ Копенгагена въ Англію, *Перлъ*, потерявшій въ Нѣмецкомъ морѣ всѣ мачты, возвратился въ Копенгагенъ и, вмѣсто его, къ отряду отправленъ былъ *Оксфордъ*. Плаваніе *Самсона*, на которомъ находился самъ Бредаль, было очень трудное. Въ тотъ же штормъ, отъ котораго пострадалъ *Перлъ*, у *Самсона* треснулъ бушпритъ, что заставило Бредаля спуститься въ Норвегію. Отсюда три раза безуспѣшно выходилъ онъ въ море и только 9-го октября пришелъ въ Ярмутъ, а вскорѣ прибылъ въ Англію и *Оксфордъ* [3]).

Приводъ кораблей изъ Голландіи и Архангельска. (1715—16 г.)

Вновь построенные въ Голландіи корабли *Портсмутъ*, *Девонширъ* и *Марльбургъ* были уже приведены въ Гревзендъ (на Темзѣ); но серьезная починка *Марльбурга*, потребовавшая введенія его въ докъ, а также позднее время года заставили Бредаля остаться до весны въ Англіи, и онъ пришелъ въ Копенгагенъ въ маѣ (31-го числа) слѣдующаго (1716) года, доведя благополучно всѣ корабли,

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1117, 1138 и 1163.

[2]) Морск. журн. стр. 37—43.

[3]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1149 и 1159.

за исключеніемъ *Оксфорда*, оставленнаго въ Англіи за худостію и недостаткомъ людей и впослѣдствіи тамъ же проданнаго [1]).

Въ исходѣ августа (1715 г.), подъ начальствомъ Ивана Сенявина, вышли изъ Архангельска въ море построенные тамъ четыре корабля и подаренная въ 1697 году Петру англійскимъ королемъ яхта *Транспортъ-Рояль;* корабли были всѣ 52-хъ пушечные: *Уріилъ* (Ив. Сенявинъ), *Селафаилъ* (Витусъ Берингъ), *Варахаилъ* (Бенсъ) и *Ягудіилъ* (Денъ). Изъ нихъ первые два послѣ необыкновенно труднаго плаванія въ ноябрѣ (27-го числа) прибыли въ Копенгагенъ. На пути ихъ до того раскачало, что въ Копенгагенѣ пришлось килевать. *Варахаилъ* долженъ былъ, для исправленія поврежденій, зайдти въ норвежскій портъ Флекеринъ и прибылъ въ Копенгагенъ только весною (1716 г.). Яхта же разбилась близъ Готенбурга, причемъ погибла большая часть команды. *Ягудіилъ*, вскорѣ по выходѣ изъ Архангельска, возвратился назадъ по случаю сильной течи, но, исправивъ насколько было возможно поврежденія, 18-го октября вышелъ вторично въ море. Постройка его оказалась до такой степени дурною, что Денъ сдалъ въ портѣ нѣкоторое количество груза и оставилъ часть команды, удержавъ у себя только 300 человѣкъ. Течь, открывшаяся вновь тотчасъ по выходѣ въ море, настолько усилилась впродолженіе пути, что несмотря на безпрерывную работу четырехъ помпъ и отливаніе ведрами, вода въ трюмѣ возвысилась до 4-хъ футъ. Продержавшись въ такомъ положеніи, при жестокихъ противныхъ вѣтрахъ, нѣсколько времени у береговъ Норвегіи, Денъ спустился въ портъ Рамзундъ, въ 12-ти миляхъ отъ острова Миналя. На кораблѣ тогда было 36 умершихъ, 48 больныхъ и у многихъ отморожены пальцы на рукахъ и ногахъ [2]). Плаваніе въ этихъ водахъ въ такое время года даже и съ нынѣшними судами и средствами, представляетъ не мало трудовъ и опасностей, но при обстоятельствахъ, въ которыхъ находился Денъ, подобный переходъ можно безспорно считать подвигомъ.

Военныя дѣйствія въ Финляндіи. (1715 г.)

Въ этомъ году (1715) дѣйствія наши въ Финляндіи не имѣли никакихъ важныхъ результатовъ и ограничивались только угрожающимъ положеніемъ. Князю М. Голицыну велѣно было въ февралѣ послать

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 1259 и 1343.

[2]) Каб. Дѣл. Отд. II. № 23.

по льду на Аландъ трех-тысячный отрядъ и стараться разгласить, что финляндская армія готовится къ походу на берега Швеціи. Галерный флотъ въ половинѣ мая перешелъ изъ Ништадта къ Або и здѣсь остановился въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Главную заботу Голицына составляло продовольствіе войскъ, возможное только при доставкѣ провіанта изъ Петербурга. На мѣстныя пособія, попрежнему, расчитывать было нечего: разоренные войною жители сами питались соломою и древесною корою [1]). Непріятели также ничего не предпринимали противъ Финляндіи. Шведскіе корабли хотя показывались у Гангута и крейсеровали по Финскому заливу, но это не помѣшало 16-ти нашимъ скампавеямъ сдѣлать смѣлый переходъ отъ Паркалауда въ Ревель и 29-го мая туда же пробраться изъ Гельсингфорса двумъ прамамъ, тремъ бригантинамъ и скампавеѣ (стр. 274).

Впродолженіе всей навигаціи 1715 года, для наблюденія за непріятелемъ по всему финляндскому берегу, отъ Або до Гельсингфорса и до Христіанштадта посылались разъѣзды, и близъ берега ходили вооруженныя «островскія лодки». Но непріятельскій флотъ заботясь объ охраненіи своихъ береговъ и преимущественно входовъ въ стокгольмскіе шхеры, даже не показывался и у Аландскихъ шхеръ. Перейдя съ галерами къ Аланду Голицынъ послалъ на шведскій берегъ генералъ-маіора Балка съ 15-ю скампавеями. Балкъ войдя въ шхеры наткнулся на два непріятельскіе корабля и фрегатъ, которые принялъ по ошибкѣ за купеческія суда и только благодаря штилю успѣлъ благополучно уйдти отъ нихъ и возвратиться къ финляндскому берегу [2]). 22-го августа, галерный флотъ «за умаленіемъ провіанта» возвратился къ Або, гдѣ 4-го октября суда поставили въ гавань, а полки размѣстили по квартирамъ. Расположеніе галеръ на зимовку.

Городъ Або для зимовки флота представлялъ гораздо болѣе удобствъ нежели Ништадтъ. Изъ Або переходъ въ Стокгольмъ былъ короче, доставка провіанта изъ Россіи удобнѣе и, наконецъ, возможность лучшаго размѣщенія людей должна была оказать хорошее вліяніе на ихъ здоровье. Во время же зимовки въ Ништадтѣ число больныхъ доходило до 2,000 человѣкъ. По прибытіи флота въ Або,

[1]) Матеріалы Отд. I. № 1035.

[2]) Донесеніе Балка кн. Голицыну, въ дѣл. гр. Апраксина № 94.

тотчасъ приступили къ постройкѣ островскихъ лодокъ и шлюпокъ. О непріятелѣ не получалось здѣсь почти никакихъ извѣстій; лодки отправляемыя на Аландъ безуспѣшно искали «языковъ», а нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей, посылаемые въ Стокгольмъ подъ предлогомъ закупокъ, на которыя имъ давали и деньги, или вовсе не возвращались или сообщали свѣдѣнія не заслуживавшія вниманія [1]).

Кончина Трезеля и Вагана.

Въ 1715 году корабельный флотъ лишился изъ высшихъ чиновъ двухъ лицъ, только что поступившихъ въ нашу службу,—контръ-адмирала Самуила Трезеля и капитанъ-командора Вагана. Первый, принятый въ іюлѣ 1714 года посломъ княземъ Куракинымъ, принималъ дѣятельное участіе въ вооруженіи флота и умеръ почти скоропостижно въ началѣ мая, а второй, командуя кораблемъ *Нарва*, погибъ 27 іюня при взрывѣ этого корабля. [2]).

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1127, 1150, 1155, 1160 и 1165.
[2]) Матеріалы. Отд. I. № 978 и Отд. II. № 110.

ГЛАВА IX.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ БАЛТІЙСКАГО ФЛОТА 1716, 1717 и 1718 ГОДОВЪ.

Планъ кампаніи 1716 года. — Конвенція съ Данцигомъ. — Переходъ галеръ къ Копенгагену. — Изготовленіе ревельской эскадры. — Русская эскадра въ Копенгагенѣ (1716 г.). — Причины замедленія высадки. — Прибытіе англійскаго и голландскаго флотовъ. — Осмотръ царемъ шведскихъ береговъ. — Начальствованіе Петра надъ четырьмя флотами. — Отъѣздъ царя съ флота. — Усилія Петра осуществить высадку въ Швецію. — Несостоявшаяся высадка и оставленіе Копенгагена русскими. — Возвращеніе корабельной эскадры въ Ревель. — Отдѣльныя плаванія транспортовъ и крейсеровъ. — Поврежденіе бурею ревельской гавани. — Военныя дѣйствія въ Финляндіи (1716 г.). — Усиленіе галернаго и корабельнаго флотовъ. — Политическое положеніе Россіи (1717 г.). — Усиленіе оборонительныхъ средствъ. — Плаваніе корабельнаго флота (1717 г.). — Высадка на Готландъ. — Галерный флотъ въ Финляндіи. — Отдѣльныя плаванія и крейсерства (1717 г.). — Дѣйствія Вильбоа въ Травемюнде и Данцигѣ. — Возвращеніе галеръ изъ Ростока въ Ревель (1717 г.). — Распредѣленіе флота на зимовку. — Попытки къ расширенію морской торговли. — Судостроительныя работы. — Изготовленіе флота къ кампаніи (1718 г.). — Выходъ флотовъ на рейдъ. — Смерть Шельтинга и его служба. — Плаваніе корабельнаго флота (1718 г.). — Корабль *Лѣсное*. — Окончаніе кампаніи. — Паддонъ. — Призы нашихъ крейсеровъ (1718 г.). — Отдѣльныя плаванія (1718 г.). — Кончина Карла XII и ея послѣдствія.

Планъ кампаніи 1716 года.

Дѣятельность нашего флота въ 1716 году заключалась преимущественно въ приготовленіяхъ къ предположенной высадкѣ въ Сканію. Одновременно съ передвиженіемъ сухопутныхъ войскъ изъ Польши въ Померанію, весною, со вскрытіемъ моря, галеры, зимовавшія въ Либавѣ, должны были двинуться сначала къ Ростоку, а потомъ къ Копенгагену. Туда же должна была придти и корабельная эскадра изъ Ревеля, а также корабли: новые заграничные и построенные въ Архангельскѣ. Наши сухопутныя войска, изъ Помераніи, предполагалось перевезти въ Копенгагенъ, частью на нашихъ галерахъ, а частью на датскихъ транспортныхъ су-

дахъ. По сосредоточеніи такимъ образомъ русскихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ въ Копенгагенѣ, Петръ, въ соединеніи съ датчанами, располагалъ высадиться въ Швецію и тамъ предписать ей условія мира. Для отвлеченія же силъ шведовъ отъ главнаго пункта военныхъ операцій, Апраксину съ галернымъ флотомъ и войсками, находившимися въ Финляндіи, предназначалось дѣйствовать со стороны Ботническаго залива.

Конвенція съ Данцигомъ.

Отправляясь въ январѣ мѣсяцѣ (1716 г.) заграницу, царь по пути осмотрѣлъ галеры, находившіяся въ Либавѣ, и приказалъ имъ идти въ Данцигъ, куда отправился и самъ. Городъ этотъ, бывшій на сторонѣ короля Станислава, теперь, при измѣненіи обстоятельствъ, только по необходимости призналъ Августа; въ дѣйствительности же держался стороны шведовъ и даже принималъ къ себѣ ихъ торговыя суда. Но значеніе Россіи было таково, что Данцигъ, несмотря на свое сочувствіе къ непріятелямъ Петра, долженъ былъ, послѣ нѣкотораго колебанія, подчиниться требованіямъ царя и обязался прекратить всѣ сношенія со шведами, вооружить четыре капера подъ королевско-польскимъ флагомъ, допустить русскаго чиновника осматривать у Вексельмюнда (крѣпость близъ устья Вислы) всѣ проходившія по рѣкѣ суда и, наконецъ, за стоявшія въ Вислѣ шведскія суда (которыя тогда же были арестованы русскими), магистратъ уплатилъ штрафныхъ денегъ 150 тысячъ талеровъ [1]). Для противодѣйствія шведскимъ каперамъ Петръ старался въ жителяхъ городовъ южнаго балтійскаго поморья также возбудить желаніе къ снаряженію каперовъ. Кенигсбергъ дѣйствительно вооружилъ четыре судна, и Петръ выпросилъ имъ у прусскаго короля каперскія свидѣтельства.

Переходъ галеръ къ Копенгагену.

Галеры подъ начальствомъ Бутурлина пройдя моремъ, отъ Либавы до Мемеля, отсюда пошли Куришгафомъ и, перейдя его близъ города Лабіау, встрѣчены были самимъ государемъ, который провелъ ихъ — каналомъ, рѣками и Фришгафомъ — къ Данцигу. Здѣсь царь имѣлъ свиданіе съ королемъ Августомъ и пировалъ съ нимъ на своей галерѣ. Потомъ, на пути къ пирмонтскимъ водамъ, въ Гамбургѣ видѣлся съ датскимъ королемъ и подтвердилъ договоръ

[1]) Полное собр. Зак. №№ 3018 и 3021. Дополнит. конвенц. 19 сентября 1717 тамъ же г. № 3104.

о высадкѣ въ Швецію. Въ половинѣ іюня галеры благополучно дошли до Ростока, куда по окончаніи леченія въ Пирмонтѣ, прибылъ государь и 10-го іюля самъ перевелъ ихъ въ Копенгагенъ. За полъ мили отъ города датскій король встрѣтилъ Петра и «зѣло насъ принялъ изрядно», замѣчаетъ въ одномъ письмѣ царь, говоря объ этой встрѣчѣ [1]).

Изготовленіе ревельской эскадры.

Торопясь приготовленіемъ къ высадкѣ, Петръ строго приказалъ ревельской эскадрѣ, находившейся подъ начальствомъ Сиверса, быть готовой къ выходу въ море повозможности ранѣе, чтобы успѣть придти въ Копенгагенъ до появленія въ морѣ шведскаго флота. Но это не легко было сдѣлать при тогдашнихъ порядкахъ управленія и матеріальныхъ недостаткахъ петербургскаго адмиралтейства и ревельскаго порта, особенно послѣдняго, въ которомъ не доставало даже предметовъ самыхъ необходимыхъ для снаряженія флота.

Настоящій случай, какъ и многіе ему подобные, служитъ самымъ очевиднымъ доказательствомъ зависимости успѣшной морской дѣятельности того времени отъ личнаго участія въ ней царя Петра. Въ его присутствіи всякая работа шла быстро и успѣшно и силы всѣхъ частныхъ дѣятелей согласно направлялись къ достиженію одной цѣли. При этомъ становились незамѣтными несовершенства самого управленія и личные недостатки дѣятелей. Въ отсутствіе же царя все это выступало наружу и вредило дѣлу. Такъ было и при снаряженіи ревельской эскадры: за отсутствіемъ Апраксина всѣми адмиралтейскими дѣлами завѣдывалъ Меншиковъ; главные же его помощники по этой части, возвращенный изъ ссылки Крюйсъ и опредѣленный въ 1715 году къ адмиралтейству въ должность оберъ-штеръ-кригсъ-коммисара Г. П. Чернышевъ, при недостаточномъ разграниченіи ихъ служебныхъ обязанностей, находились во враждебныхъ отношеніяхъ, подававшихъ поводъ къ безпрестаннымъ ссорамъ. Письма Крюйса къ государю, Апраксину и Меншикову наполнены жалобами и описаніями безпорядковъ и неустройствъ, существовавшихъ въ то время въ адмиралтействѣ. Медленное приготовленіе ревельской эскадры страшно раздражало государя, съ нетерпѣніемъ ожидавшаго прибытія ея въ Копенгагенъ. Негодуя на то, что заблаговременно осенью не доставлено изъ Петербурга въ Ревель все необходимое для сна-

[1]) Каб. Дѣл. Отд. I. № 44.

ряженія судовъ, царь писалъ Крюйсу: «ежели впредь такъ поступать станете, можете животъ свой потерять». Въ сердцахъ онъ даже угрожалъ поставить на счетъ Крюйса деньги, употребленныя на позднюю доставку разныхъ предметовъ берегомъ, а не моремъ, и съ горемъ писалъ Апраксину, «ежели бы я вѣдалъ, что такъ будетъ, лучше бъ на себя взялъ сіе дѣло». Но въ этомъ случаѣ нельзя было безусловно обвинять Крюйса. Сильно связанный въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ исполнялъ все, что могъ и, конечно, не былъ виноватъ въ томъ, что два судна, посланныя осенью съ порохомъ изъ Петербурга въ Ревель «пропали» (погибли), а другихъ, посланныхъ съ лѣсомъ, штормъ заставилъ возвратиться назадъ. Что было дѣлать Крюйсу, если возы, нагруженные канатами для ревельскихъ кораблей, не могли отправиться въ путь по недоставленію лошадей, которыхъ пришлось, наконецъ, хватать съ улицы, или, что, несмотря на поданныя Крюйсомъ съ годъ назадъ требованія, въ порту не было лѣсу, гвоздей и т. п. [1]).

Нельзя не удивляться, что при подобныхъ обстоятельствахъ эскадра Сиверса, состоявшая изъ 7 лучшихъ кораблей, 3 фрегатовъ, 3 шнявъ и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ, 20-го апрѣля успѣла выйдти изъ Ревеля. Но замедленіе, тревожившее государя, не прошло даромъ: подходя къ Борнгольму Сиверсъ узналъ, что шведскій флотъ уже крейсеруетъ въ морѣ, и извѣстіе это заставило эскадру возвратиться назадъ въ Ревель. Въ послѣдствіи, когда непріятельскій флотъ укрылся въ Карлскрону и проходъ сдѣлался свободнымъ, царь съ нарочнымъ офицеромъ приказалъ Сиверсу выйдти въ море черезъ пять часовъ по полученіи повелѣнія; это было исполнено и 19-го іюля ревельская эскадра явилась въ Копенгагенъ, гдѣ уже находились корабли, пришедшіе изъ-заграницы и изъ Архангельска.

Русская эскадра въ Копенгагенѣ (1716 г.).

Государь, принявъ главное начальство, поднялъ свой вице-адмиральскій флагъ на кораблѣ *Ингерманландъ*. Эскадра его состояла изъ 22 вымпеловъ, въ числѣ которыхъ было 14 линейныхъ кораблей (отъ 50 до 66 пуш.); общее число орудій на всѣхъ судахъ было болѣе тысячи [2]). Кромѣ того, два фрегата снабжены были

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1211, 1212, 1223, 1338, 1386. Отд. II. №№ 161 и 164.

[2]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1387, 1388.

трубами, для выбрасыванія зажигательнаго состава въ родѣ греческаго огня. Самый составъ зажигательной жидкости и способъ ея употребленія сохранялись въ строгомъ секретѣ и, въ случаѣ опасности плѣна, предписывалось, подъ страхомъ смертной казни, бросать все за бортъ [1]).

Причины замедленія высадки.

Поздній приходъ Сиверса и отсутствіе датскаго флота, бывшаго въ Норвегіи по случаю нападенія на нее Карла XII, не позволяли перевезти наши десантныя войска изъ Мекленбурга въ Копенгагенъ. Къ тому же нерѣшительное датское правительство представляло различныя препятствія къ предполагаемой высадкѣ. Датскіе политики надѣялись частными соглашеніями достигнуть бо́льшихъ выгодъ. «Богъ вѣдаетъ какое мученіе съ ними (датчанами), писалъ царь къ Апраксину, сущее надобное время упускаютъ и будто чужое дѣло дѣлаютъ» [2]).

Прибытіе англійскаго и голландскаго флотовъ

Явившійся въ Зундъ сильный англійскій флотъ, подъ начальствомъ Нориса, ожидалъ рѣшенія Швеціи на вопросы, касавшіеся собственно интересовъ Англіи, какъ напр. о дѣйствіяхъ корсаровъ, вредившихъ ея торговлѣ, и укрывательствѣ въ Швеціи англійскихъ эмигрантовъ; такимъ образомъ, въ случаѣ высадки, содѣйствіе англичанъ было весьма сомнительно. Кромѣ ихъ въ Копенгагенъ пришелъ еще отрядъ голландскихъ судовъ, назначенный, по примѣру прошлаго года, для защиты своихъ торговыхъ кораблей.

Осмотръ царемъ шведскихъ береговъ.

Время проходило и шведы, для которыхъ предполагаемое нападеніе не могло быть тайною, спѣшили укрѣплять прибрежныя мѣста и стягивать къ нимъ войска. Царь на шнявѣ *Принцесса* (22—23 іюля) осматривалъ непріятельскій берегъ отъ Гельсинборга до Ландскроны и далѣе. Онъ подходилъ такъ близко, что обмѣнивался выстрѣлами съ береговыми батареями, при чемъ одна изъ сопровождавшихъ его шнявъ, *Лизета*, была «ранена». На протяженіи осмотрѣннаго берега царь нашелъ, что всѣ удобныя для десанта мѣста были уже хорошо защищены [3]).

Прибытіе эскадры Сиверса, возвращеніе датскихъ кораблей изъ Норвегіи, очищенной отъ шведовъ, и отказъ Швеціи на требованія

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 1279.
[2]) Моск. арх. Мин. Ин. Дѣлъ. (Письма Петра къ Апраксину).
[3]) Извлеченіе изъ журн. стр. 87.

англичан, повидимому, дѣлали возможным высадку; но датскій двор попрежнему отыскивал разныя затрудненія. Так напр. когда Петр, для отвлеченія сил непріятеля, предлагал отправить из Финляндіи, десант на нашем галерном флотѣ и послать для прикрытія его в Аландскій пролив нѣсколько англійских, датских и русских кораблей, то англичане на это соглашались, а датскій король отказал [1]).

Начальствованіе Петра над четырьмя флотами.

Англійскій и голландскій флоты должны были конвоировать Балтійским морем нѣсколько сот своих купеческих судов, собравшихся в Зундѣ. Петр, посылая с ними свои корабли, убѣдил датскаго короля позволить присоединиться к союзникам и его флоту. По мнѣнію царя: «надлежало непріятеля искать и для того под Борнгольм идти, и там на онаго крейсовать. И когда непріятель сыскан будет, его атаковать, дабы онаго, с помощію Божію, побить или загнать» [2]). Датскій генерал-адмирал Гульденлев и англійскій адмирал Норис, не соглашаясь подчиниться один другому, рѣшились просить царя принять начальство над соединенным флотом, и Петр с восторгом принял такое лестное для него предложеніе. Вступив в командованіе, государь 5-го августа поднял на своем кораблѣ штандарт, привѣтствованный салютом четырех соединенных флотов. Линію баталіи составляли: авангардія—16 англійских кораблей, кордебаталія—17 датских, аріергардія—13 русских. Внѣ линіи, против середины кордебаталіи шел царскій корабль *Ингерманланд* и за ним отдѣльная линія из 4 русских фрегатов и 3 шняв. В это число не входили 25 голландских кораблей, как бы составлявшіе особенную эскадру, 3 фрегата англійских, 2 датских и кромѣ того нѣсколько русских судов, участвовавших в этом плаваніи [3]).

В полдень того же 5 августа, по сигналу флагмана-царя, флоты снялись с якоря и пошли в Балтійское море: сначала англійскій, потом голландскій и, наконец, русскій. Вмѣстѣ с военными пошли и купеческія суда. К вечеру всѣ стали на якорь в Кіогебухтѣ, и, выслав в море крейсеров, простояли здѣсь до 7-го августа,

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 1410.

[2]) Собран. писем П. В. IV стр. 60.

[3]) Журн. Петр. Вел. I. 30. Письма и указы Петр. Велик. к Н. А. Синявину, стр. 44.

поджидая отставшій датскій флотъ. Снявшись съ якоря, соединенный флотъ пошелъ къ Борнгольму и къ ночи 8-го числа сталъ на якорь у сѣвернаго берега острова, куда на слѣдующій день подоспѣла и датская эскадра, отставшая, какъ писалъ царь: «за тупостію кораблей».

Такъ какъ крейсеры донесли, что шведскій флотъ уже около мѣсяца стоитъ въ Карлскронѣ и въ морѣ держитъ только крейсеровъ, то купеческія суда были отпущены за конвоемъ 11-ти англійскихъ и голландскихъ кораблей. Норисъ предложилъ блокировать Карлскрону соединеннымъ флотомъ; царь, конечно, согласился; но датскій генералъ-адмиралъ разстроилъ и этотъ планъ, отзываясь неимѣніемъ королевскаго разрѣшенія. Такимъ образомъ, пришлось ограничиться только отправленіемъ къ Карлскронѣ крейсеровъ, для наблюденія за тѣмъ, что дѣлается на шведскомъ флотѣ.

Отъѣздъ царя съ флота.

При отходѣ царя изъ Копенгагена ему обѣщано было датчанами послать для перевозки нашихъ войскъ изъ Ростока въ Копенгагенъ транспортныя суда. Но Петръ зная по опыту, что нельзя полагаться на подобныя обѣщанія и видя безполезность дальнѣйшаго пребыванія своего въ морѣ, рѣшился, для ускоренія перевозки десанта, возвратиться въ Копенгагенъ. Чтобы согласить союзныхъ адмираловъ, не желавшихъ, по отъѣздѣ государя, подчиняться одинъ другому, положено было тѣмъ кораблямъ, на которыхъ сидѣли Гульденлевъ и Норисъ, стать въ линіи между авангардією и кордебаталіею, одному подлѣ другаго и для совѣщаній съѣзжаться на корабль старшаго русскаго флагмана — Шельтинга. 14-го августа царь спустилъ штандартъ и съ отрядомъ изъ 4-хъ кораблей, 2-хъ шнявъ и гукора, пошелъ къ Стральзунду, пославъ Н. Сенявина съ кораблемъ и фрегатомъ крейсеровать между Борнгольмомъ и Ругеномъ, для охраненія транспортовъ.

Это командованіе лучшими современными флотами, на ряду съ которыми стоялъ и юный русскій флотъ, созданный царемъ въ такое сравнительно короткое время, доставило Петру большое удовольствіе. Въ письмѣ къ Апраксину, говоря о такомъ замѣчательномъ событіи, царь шутя замѣчаетъ: «чаю, ваша милость, сіе прочтя, пословицу свою не забудешь, что *отъ роду впервые*» [1]). Въ на-

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 1410.

мять этого плаванія была выбита медаль, на одной сторонѣ которой находилось изображеніе бюста государя, а на другой Нептунъ на колесницѣ, съ русскимъ штандартомъ и тремя союзными флагами. На этой же сторонѣ медали была и надпись: *Владычествуетъ четырьмя. При Борнгольмѣ.*

Къ реляціи, возвѣщавшей объ этомъ событіи, была приложена гравюра, изображающая ордеръ расположенія 4-хъ союзныхъ флотовъ, съ обозначеніемъ имени каждаго судна. Флагманскій корабль *Ингерманландъ* государь повелѣлъ хранить для памяти, что и исполнялось до тѣхъ поръ, пока это было возможно по состоянію корабля. Въ настоящее же время въ нашемъ морскомъ музеѣ хранится флюгарка этого корабля и тотъ самый штандартъ, который былъ на немъ поднятъ въ 1716 году.

Усилія Петра осуществить высадку въ Швецію.

Въ Стральзундѣ, несмотря на затрудненія, представляемыя датскимъ генералъ-адъютантомъ Левенорамъ, распоряжавшимся судами нанятыми для перевозки войскъ, царь самымъ энергическимъ образомъ отправилъ суда въ Ростокъ, гдѣ дожидались ихъ войска Шереметева. Къ нимъ присоединилъ Петръ еще пѣхотный полкъ, находившійся въ Стральзундѣ, и самъ на *Ингерманландѣ* проводилъ этотъ десантъ до Копенгагена. Для охраненія судовъ, идущихъ съ войскомъ, сильные крейсеры разставлены были на всѣхъ мѣстахъ, на которыхъ только могъ явиться непріятель и, такимъ образомъ, въ началѣ сентября, назначенные для высадки 37 баталіоновъ пѣхоты и 3 полка кавалеріи были благополучно перевезены въ Копенгагенъ. Незадолго передъ этимъ (30 августа) царь вторично ходилъ осматривать непріятельскій берегъ, причемъ его шняву *Принцесса* пробило ядромъ, а на *Лизетѣ* перебило двѣ реи. На другой день посланная на пяти галерахъ партія казаковъ, высадясь на берегъ, захватила нѣсколькихъ плѣнныхъ. Изъ личнаго осмотра царь убѣдился, что весь берегъ сильно укрѣпленъ, а захваченные казаками плѣнные сказали, что въ Сканіи собрано болѣе

Несостоявшаяся высадка и оставленіе Копенгагена русскими.

20,000 войска. При подобныхъ обстоятельствахъ высадка была дѣломъ весьма рисковымъ, въ особенности въ такое позднее время года, и потому царь рѣшился отложить ее до весны. Но теперь датскій король, возстановленный противъ Петра интригами гановерскаго посланника Бернсдорфа, началъ опасаться уже за безопасность своей столицы, наполненной русскими войсками, и забо-

тился только о скорѣйшемъ ихъ удаленіи. Когда Петръ рѣшительно отказался дѣлать осенью нападенія на Швецію, то король предложилъ ему перевезти войска на зимовку въ Мекленбургъ, на что царь и согласился. Поэтому въ началѣ октября наша галерная эскадра отправилась въ Ростокъ, куда перевезены были и войска на транспортныхъ судахъ, подъ прикрытіемъ датскаго и англійскаго флотовъ. Корабельная же эскадра, подъ начальствомъ Шельтинга, вышла въ море 25-го октября и отправилась на зимовку въ Ревель, а два архангельскихъ корабля, *Ягудіилъ* и *Варахаилъ*, остались зимовать въ Копенгагенѣ [1]). На переходѣ въ Ревель фрегатъ *Лансдоу* (капит. Небель) взялъ шведскій гукоръ, на которомъ было 6 пушекъ и 6 басовъ.

Возвращеніе корабельной эскадры въ Ревель.

Отдѣльныя плаванія транспортовъ и крейсеровъ (1716 г.).

Нѣкоторыя суда, имѣвшія особенное назначеніе, плавали до глубокой осени. Такъ напр., во время приготовленія къ высадкѣ царь приказалъ поскорѣе отправить изъ Петербурга въ Копенгагенъ на эскадру провіантъ, разныя вещи и даже, для замѣны сгнившихъ галеръ, одиннадцать разобранныхъ новыхъ галеръ со всѣми принадлежностями. Все это въ сентябрѣ мѣсяцѣ было отправлено въ Копенгагенъ на двухъ военныхъ корабляхъ, четырехъ катахъ и пятнадцати наемныхъ коммерческихъ судахъ [2]). Когда высадка не состоялась, то этимъ судамъ было приказано возвратиться въ Россію, и они въ исходѣ октября пришли въ Ревель.

Съ отдаленіемъ театра войны отъ нашихъ береговъ, постепенно расширялся кругъ дѣйствія нашихъ крейсеровъ и значительно усилились отдѣльныя плаванія судовъ, давшія возможность выказать свои морскія способности нѣсколькимъ молодымъ офицерамъ, впослѣдствіи достигшимъ высокихъ чиновъ въ нашемъ флотѣ. Изъ числа ихъ, кромѣ Бредаля, обращали на себя вниманіе Ипатъ Мухановъ и особенно Вильбоа. Первый изъ нихъ, началъ службу солдатомъ преображенскаго полка, въ 1697 году отправился въ числѣ 30 волонтеровъ съ посольствомъ въ Голландію и началъ изученіе морскаго дѣла на иностранныхъ корабляхъ въ званіи матроса. По возвращеніи въ Россію онъ еще въ 1704 году числился солдатомъ преображенскаго полка и служилъ матросомъ; въ 1710 году командовалъ

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 1469.

[2]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1426, 1438, 1446 и 1449.

отрядомъ изъ 10 бригантинъ, а въ 1712 пришелъ изъ Копенгагена командиромъ купленнаго заграницею корабля. Въ слѣдующіе годы, продолжая командовать различными судами, Мухановъ, съ отрядомъ изъ двухъ шнявъ и нѣсколькихъ транспортовъ (стр. 277), прозимовавъ въ Ригѣ, въ 1716 году присоединился къ нашей эскадрѣ въ Копенгагенѣ, а по уходѣ ея въ Ревель оставленъ съ тремя шнявами въ Ростокѣ, съ тѣмъ чтобы эти суда поочередно выходили въ крейсерство. Въ одинъ изъ такихъ выходовъ, 20-го октября, шнява *Лизетъ*, бывшая подъ командою самого Муханова, разбилась во время жесточайшаго шторма, при чемъ однакоже экипажъ былъ весь спасенъ [1]).

Вильбоа, начавшій морскую службу во Франціи, въ 1692 году былъ взятъ въ плѣнъ англичанами и до 1697 года прослужилъ на англійскомъ флотѣ. Государь въ бытность заграницею принялъ Вильбоа въ русскую службу и онъ такъ понравился Петру, что до 1713 года постоянно находился при особѣ государя, участвовалъ во всѣхъ военныхъ походахъ, сопровождалъ его во всѣхъ путешествіяхъ и исполнялъ многія серьезныя порученія. Въ 1713 году, Вильбоа, оставленный при Меншиковѣ во время пребыванія нашихъ войскъ подъ Штетиномъ, собравъ 50 рыбацкихъ лодокъ, напалъ на три шведскія бригантины, стоявшія въ Штетинскомъ заливѣ, и одну изъ нихъ взялъ, а другія прогналъ въ рѣку. Въ походѣ государя въ Данцигъ въ 1716 году Вильбоа, имѣвшій чинъ морскаго поручика, находился опять при особѣ государя. Здѣсь онъ былъ назначенъ командиромъ гукора *Ласорсеръ*, съ которымъ конвоировалъ купеческія суда до Ревеля, потомъ въ Ригѣ соединился съ отрядомъ Муханова и съ нимъ пришелъ въ Ростокъ. Въ этомъ же году ходилъ въ Ревель съ приказаніями къ Сиверсу и по возвращеніи отправленъ былъ на зимовку въ Травемюнде, съ приказаніемъ не выпускать изъ Любека торговыхъ судовъ въ Швецію. Здѣсь положеніе Вильбоа представляло большія трудности, которыя онъ побѣдилъ, благодаря своей находчивости, уму и твердости характера. Замѣчательно съ какою упорною настойчивостію и энергіею стоялъ онъ за честь русскаго флага. Прибывъ въ Любекъ онъ послалъ къ коменданту требовать салюта; тотъ отвѣчалъ, что обыкновенно пришедшія суда прежде отдаютъ

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1471, 1472.

честь; но Вильбоа настаивалъ на своемъ требованіи, основываясь на томъ, что «государя моего знамя (флагъ) монархическое, а ихъ городомъ владѣетъ бергратъ и ратсгеръ». Притомъ, въ случаѣ отказа въ салютѣ, Вильбоа, обѣщалъ подкрѣпить свое требованіе ядрами. Мѣстныя власти уступили, и съ городскихъ батарей отсалютовали тремя выстрѣлами, на что Вильбоа отвѣчалъ однимъ. Трудность положенія Вильбоа увеличивалась еще отъ недостатка матеріальныхъ средствъ бывшихъ въ его распоряженіи: почти въ каждомъ письмѣ напоминаетъ онъ о продовольствіи своей команды, угрожаемой голодною смертію, и лично о себѣ пишетъ, «что почитай (готовъ) почать свое платье продавать [1])».

Отличившійся въ прошломъ году поимкою шведскихъ каперовъ, Бредаль на шнявѣ *Принцесса* отправленъ былъ въ Нѣмецкое море крейсеровать предъ устьями Эльбы, голландскимъ берегомъ и Ютландіею. Ему велѣно осматривать и брать суда съ шведскимъ грузомъ или военною контрабандою, не оскорбляя впрочемъ коммерческихъ кораблей нейтральныхъ государствъ. 23-го ноября, на Догеръ-банкѣ, захватилъ Бредаля страшный юго-западный штормъ, продолжавшійся нѣсколько дней. Бредаль спустился къ Норвегіи, но на пути шняву его едва не залило: на ней изломало руль, фокъ-мачту и бушпритъ, снесло обѣ стеньги. Съ страшною опасностью Бредаль сталъ на якорь въ открытомъ морѣ, на глубинѣ 14 саженъ, исправилъ насколько можно было вооруженіе шнявы, тремя веслами замѣнилъ руль и, благодаря особенному счастію, ночью перешелъ рифъ и сталъ на мель близъ острова Рема, гдѣ шняву окончательно разбило, а людей всѣхъ удалось спасти [2]).

Поврежденіе бурею ревельской гавани (1716 г.).

Но несравненно болѣе бѣдъ надѣлали осеннія бури въ Ревелѣ, тамъ 10-го ноября сѣверо-западнымъ штормомъ разрушило непрочно построенную стѣнку новой гавани [3]), разбило стоявшія въ

---

[1]) Русск. арх. 1867 г. № 10. Матеріалы. Отд. I. № 1501, Берхъ. Жизнеоп. росс. адмираловъ ч. 2 стр. 333.

[2]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1467, 1511.

[3]) При взятіи Ревеля тамъ была небольшая гавань для купеческихъ судовъ; 2 го февраля 1714, года на пути государя въ Ригу, въ его присутствіи въ прибавокъ къ старой гавани заложена была новая, которая къ осени 1716 года только что была окончена.

ней два корабля: *Фортуну* и *Антоній* и повредило нѣсколько другихъ судовъ. Меншиковъ, утѣшая государя въ потерѣ, приводилъ въ примѣръ испанскаго короля Филиппа II, который при извѣстіи о крушеніи своей знаменитой армады сказалъ: «я-де отправилъ оный флотъ противъ непріятеля, а не противъ Бога и элементу (стихій)». Петръ, отвѣчая на это, замѣтилъ Меншикову, что онъ забылъ окончаніе фразы Филиппа: «у меня есть другой флотъ въ сундукахъ». Разрушеніе гавани очень безпокоило государя, потому что въ случаѣ новыхъ штормовъ беззащитность кораблей угрожала дальнѣйшими потерями, требовавшими большихъ расходовъ; а въ сундукахъ царя, къ несчастію, не было другаго флота. За починку гавани принялись немедленно, и Меншиковъ, для избѣжанія на будущее время подобнаго разрушенія, предложилъ дѣлать у ящиковъ нагружаемыхъ камнями острые углы, представляющіе волнамъ меньше сопротивленіе [1]).

Царь изъ опасенія, чтобы шведы вытѣсненные изъ Германіи, не обратились снова на Петербургъ, приказалъ Меншикову укрѣплять Котлинъ и готовить флотъ къ вскрытію моря. Впродолженіе этого лѣта (1716 г.) дѣятельность петербургскаго адмиралтейства обращена была преимущественно на удовлетвореніе разнообразныхъ нуждъ эскадры бывшей въ Даніи, а флотъ простоялъ у Кроншлота, ограничиваясь только высылкою въ море крейсеровъ. Изъ числа котлинскихъ кораблей два готовились было идти въ Копенгагенъ съ эскадрою Сиверса, но опоздали и отправленные тогда, когда уже флотъ былъ на обратномъ пути, также воротились назадъ (стр. 291).

Военныя дѣйствія въ Финляндіи (1716 г.).

Въ Финляндіи сухопутными войсками въ этомъ году взята крѣпость Каянебургъ, и слабый отрядъ Армфельда вытѣсненъ въ Швецію. Финляндскій корпусъ, подкрѣпленный 2,500 человѣкъ, присланными на 23-хъ скампавеяхъ изъ Петербурга, страшно страдалъ отъ болѣзней, явившихся вслѣдствіе недостатка продовольствія. Повальная горячка свирѣпствовала въ войскѣ, и въ маѣ мѣсяцѣ больныхъ было до трехъ съ половиною тысячъ человѣкъ [2]). Галерный флотъ, подъ начальствомъ Апраксина, перешелъ 1-го іюня изъ Або къ Аланду, гдѣ и провелъ большую часть лѣта. Мед-

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1491, 1492 и 1498.

[2]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1339 и 1344.

ленность въ доставкѣ продовольствія вынудила было Апраксина въ началѣ іюля оставить свой постъ, но дойдя до Гельсингфорса, онъ встрѣтилъ транспортъ съ провіантомъ и возвратился къ Аланду. Въ напрасномъ ожиданіи серьезной высадки на шведскій берегъ, Апраксинъ долженъ былъ ограничиться высылкою на него небольшихъ партій. Путь былъ недалекій, потому что нашъ галерный флотъ, стоявшій по сѣверо-западную сторону Аланда, находился въ такомъ разстояніи отъ ближайшаго шведскаго берега, какъ Кроншлотъ отъ Петербурга. Отправляемымъ на шведскую сторону отрядамъ приказано было осматривать берега, проходы, якорныя мѣста, узнавать средства защиты, расположеніе крѣпостей и судовъ и, также, захватывать людей знающихъ фарватеры, разорять прибрежныя селенія и уничтожать суда. Изъ такихъ отрядовъ, посланный въ августѣ съ бригадиромъ фонъ Менгденомъ, состоялъ изъ 9 галеръ и 9 лодокъ. Назначеніе его было разорить мѣстечко Оренгрундъ и находившіеся близъ него желѣзные заводы. Другой отрядъ, маіора Кисленскаго, состоялъ изъ 7 лодокъ и посланъ былъ къ острову Гренсундъ или Біорко, для осмотра фарватера и захвата «языковъ». Разбросанные жестокимъ вѣтромъ наши отряды, подходя къ непріятельскому берегу наткнулись на шведскія военныя суда, но успѣли уйдти отъ нихъ и благополучно возвратились къ флоту, даже съ нѣсколькими плѣнными.

Отъ болѣе смѣлыхъ попытокъ галерный флотъ сдерживался царскимъ указомъ, которымъ, между прочимъ, повелѣвалось: «въ азардъ себя не вдавать». На эти слова опиралось большинство мнѣній на военныхъ совѣтахъ, собираемыхъ Апраксинымъ, для рѣшенія вопроса: слѣдуетъ ли переходить со всѣмъ флотомъ на шведскую сторону? Шведы, съ своей стороны, отплачивали намъ военные визиты, и каперы ихъ также не оставляли въ покоѣ наши берега. По словамъ Апраксина: «какъ дьяволы у Гангута и Юнгфорзунда вертѣлись» и, несмотря на надзоръ трехъ скампавей, успѣли взять нѣсколько маркитантскихъ судовъ [1]).

Усиленіе галернаго и корабельнаго флотовъ.

Смѣло задуманный и энергически веденный къ исполненію планъ Петра, ворваться съ двухъ сторонъ въ сердце Швеціи и на-

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1393, 1402, 1407, 1413, 1414, 1422, 1480.

нести ей рѣшительный ударъ, не могъ состояться только вслѣдствіе дипломатическихъ интригъ и колебаній недальновиднаго союзника. Однакоже, не теряя еще надежды, будущею весною, осуществить высадку въ Сканію, Петръ оставилъ въ Мекленбургѣ корпусъ Вейде въ 20 баталіоновъ, а Змаевича съ галерами расположилъ зимовать въ Ростокѣ. Но чтобы вновь не поставить успѣшность военныхъ дѣйствій въ зависимость отъ помощи флота ненадежнаго союзника, Петръ рѣшился повозможности болѣе усилить галерный и корабельный флоты. Для перваго онъ приказалъ строить галеры и 300 соймъ на манеръ бѣломорскихъ, на которыхъ бы можно было помѣстить до 10 тысячъ солдатъ. Послѣдній родъ судовъ представлялъ ту выгоду, что при скорѣйшей постройкѣ соймы стоили гораздо дешевле галеръ [1]).

Корабельный же флотъ долженъ былъ увеличиться строющимися въ Петербургѣ десятью кораблями, отъ 70 до 90 пушекъ. Для ускоренія работы, надзоръ за постройкою государь поручилъ шести сенаторамъ, приказавъ имъ раздѣлить между собою корабли. «Сколько возможно старайтесь, писалъ царь сенату изъ Копенгагена, дабы оные какъ наискорѣе были отдѣланы, ибо необходимая въ томъ есть нужда» [2]).

Политическое положеніе Россіи (1717 г.).

Теперь болѣе вѣрной союзницей Петра оставалась одна Пруссія, надѣявшаяся съ помощію Россіи удержать за собою навсегда городъ Штетинъ. Король англійскій, какъ курфюрстъ ганноверскій, готовъ былъ на миръ со Швеціею, съ условіемъ удержанія Бремена и Вердена. Данія, опасавшаяся сближенія царя съ герцогомъ мекленбургскимъ, женившемся на племянницѣ Петра, не довѣряла искренности намѣреній государя и боялась, чтобы Россія изъ союзника не превратилась въ недруга. Прямымъ поводомъ къ опасеніямъ Ганновера, Даніи и даже Австріи, какъ главы германскаго союза, было пребываніе въ Мекленбургѣ русскихъ войскъ, въ присутствіи которыхъ подозрѣвали завоевательныя цѣли. Замѣчая охлажденіе прежнихъ союзниковъ, Петръ началъ сближаться съ Франціею, до сихъ поръ постоянно сочувствовавшею Швеціи, и рѣшился даже посѣтить Парижъ. Впрочемъ, въ этомъ (1717) году уже и со стороны

---

[1]) Сойма двухмачтовое, палубное судно, отъ 30 до 50 футъ длины, имѣющее шпринтовные паруса и все крѣпленіе деревянное.

[2]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1440, 1459.

самой Швеціи, страшно истощенной войною, также явились попытки къ переговорамъ о мирѣ.

При такомъ положеніи дѣлъ первое мѣсто заняла дипломатическая дѣятельность, а военная отступила на второй планъ и со стороны Россіи, ограничилась обороною своихъ береговъ, угрожающимъ положеніемъ финляндской арміи и частными попытками, дѣлаемыми съ цѣлію тревожить непріятеля. Еще 13-го октября 1716 года изъ Копенгагена царь писалъ сенату: «Понеже господа датчане опоздали въ своихъ операціяхъ, что въ сентябрѣ сюда нашихъ перевезли, и такъ за позднимъ временемъ дѣйства остановились, а къ будущей кампаніи факціи разныя не допускаютъ; того для нѣтъ инова способа, только что отъ Аланда непріятеля утѣснить, къ чему всякое приготовленіе чините, только не усните, такъ какъ въ нынѣшней кампаніи, что адмиралъ (Апраксинъ) принужденъ былъ воротиться» (стр. 295) [1]). Англія и Голландія были раздражены на шведовъ за взятіе ихъ купеческихъ судовъ и англійскаго пакетбота съ письмами. Голландцы, отплачивая тою же монетою, начали забирать шведскихъ каперовъ, и взаимная непріязнь дошла до того, что въ Стокгольмѣ посланники обѣихъ державъ были арестованы.

Несмотря на все это, Петръ, не очень надѣясь на враждебный исходъ возникшихъ недоразумѣній, принималъ всѣ мѣры предосторожности, на случай нападенія непріятелей на наши берега. Онъ велѣлъ приготовить къ защитѣ Ревель и при неопредѣленности политическихъ отношеній, опасаясь держать корабли въ отдаленномъ концѣ Финскаго залива—у Котлина, приказалъ Апраксину крейсеровать съ флотомъ у Дагерорда, «пока отпишемъ чѣмъ здѣшнія (государь находился тогда въ Флиссингенѣ) дѣла окончаются, понеже сіе мѣсто (у Дагерорда) зѣло безопасное». Но если съ цѣлымъ флотомъ тутъ держаться почему-либо окажется неудобнымъ, то царь приказывалъ къ Дагерорду выслать только крейсеровъ, а флоту держаться между Рогервикомъ и берегомъ Финляндіи; въ случаѣ же появленія сильнаго непріятеля ретироваться къ Кроншлоту, отпустивъ въ Ревель нѣсколько фрегатовъ. Подобное расположеніе флота царь находилъ выгоднымъ по слѣдующимъ при-

Усиленіе оборонительныхъ средствъ.

---

[1]) Гл. морск. арх. (Дѣл. гр. Апраксина № 112).

чинамъ: «первое, что неприятелю страхъ, другое, обученіе людямъ, третіе, ежели надобно будетъ, всегда готова и ретирада безопасная, понеже тутъ море узко и неприятелю обойти нельзя» [1]). Къ этому можно прибавить, что опытъ бывшій въ третьемъ году ясно доказалъ какъ невыгодно, при сомнительныхъ политическихъ обстоятельствахъ, держать флотъ у Кроншлота.

Для приведенія въ оборонительное состояніе Ревеля отправились туда Апраксинъ и Крюйсъ. Послѣдній съ обыкновенною своею добросовѣстностью и знаніемъ дѣла, предусматривая всевозможныя случайности, распредѣлилъ обязанности всѣмъ чинамъ, съ такою строгою пунктуальностію, что въ случаѣ появленія неприятеля, при каждомъ движеніи его, всякій служащій въ точности зналъ, что ему слѣдовало дѣлать [2]). По отзыву очевидца: «мѣры, которыя были тамъ приняты отъ неприятеля такъ сильны, что въ случаѣ, если бы и весь шведскій флотъ явился къ этому порту, то ничего бы не сдѣлалъ находившейся въ немъ русской эскадрѣ» [3]). Только было недостаточно провіанта и людей «зѣло мало» не могли набрать и 2,000 человѣкъ. Но, если не считать пріобрѣтенной служащими практики, то всѣ эти приготовленія были напрасны. Шведскому флоту пришлось вмѣсто нападенія на русскіе порты скрываться въ своихъ гаваняхъ, потому что въ началѣ мая (1717 г.) сильный англійскій флотъ (23 корабля и 3 брандера) уже стоялъ въ Зундѣ [4]), угрожая Швеціи.

Плаваніе корабельнаго флота (1717 г.).

Апраксинъ, выведя свой флотъ изъ ревельской гавани, въ маѣ мѣсяцѣ высылалъ въ крейсерство между Дагерордомъ и Гангутомъ отдѣльные отряды и, потомъ, 4-го іюня вышелъ въ море самъ съ 13-ю кораблями и однимъ фрегатомъ, и присоединилъ къ нимъ бывшіе въ крейсерствѣ два корабля и фрегатъ. Авангардомъ начальствовалъ вновь принятый въ нашу службу англичанинъ шаутбенахтъ Паддонъ [5]); кордебаталіею—самъ Апраксинъ, имѣвшій свой флагъ на ко-

---

[1]) Моск. арх. Мин. Ин. Дѣл. (Дѣл. кн. Меншикова, 1717 г. № 10).

[2]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1533, 1534, 1536.

[3]) Письмо Де-Би. Нидерл. государст. архивъ въ Гагѣ.

[4]) Матеріалы. Отд. I. № 1595.

[5]) Паддонъ служилъ въ англійскомъ флотѣ въ чинѣ командора; въ 1715 году онъ командовалъ англійскою эскадрою въ морокской экспедиціи и по возвращеніи принятъ былъ княземъ Куракинымъ въ нашу службу съ чиномъ

кораблѣ *Москва*, и аріергардіею капитанъ-командоръ Шельтингъ [1]). 6-го числа, между Дагеродомъ и финскими шхерами, флотъ захватила «жестокая погода», во время которой въ числѣ множества поврежденій, происшедшихъ на разныхъ судахъ, четыре изъ нихъ потеряли гротъ-стеньги. Это заставило адмирала въ тотъ же день воротиться со всѣмъ флотомъ къ Наргену, а суда, потерпѣвшія поврежденія, отправить для починки въ Ревель. Вновь флотъ пошелъ въ море 1-го іюля и по консиліуму флагмановъ найдено, что съ такимъ большимъ числомъ судовъ опасно держаться въ узкости между Дагеродомъ и финскими шхерами, и потому, въ надеждѣ, что шведскій флотъ не выйдетъ въ море, рѣшено было крейсеровать по западную сторону острова Даго и даже подойти къ Готланду. Получивъ свѣдѣніе, что на этомъ послѣднемъ островѣ почти не было войскъ, Апраксинъ рѣшился сдѣлать на него высадку. Подойдя къ «Остергардену», флотъ сталъ на якорь и высадилъ десантъ въ 900 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника Блеклаго. Десантныя войска, проникнувъ во внутренность острова миль на пять отъ берега и забравъ много съѣстныхъ припасовъ и скота для продовольствія экипажей, возвратились къ своимъ кораблямъ; флотъ, простоявъ у Готланда съ 9-го по 16-е іюля, 19-го числа пришелъ въ Рогервикъ. Сообщая объ этой высадкѣ, Апраксинъ писалъ Меншикову: «и моглибъ нѣкоторыя приморскія крѣпости разорить, которыя (какъ сказывали языки) оборону имѣютъ невеликую, однакожъ не безъ потерянія людей, чего безъ точнаго указу И. В. учинить не смѣли» [2]). Но государь остался доволенъ и этимъ, говоря, что безъ конницы болѣе и сдѣлать было нельзя. Поздравляя бывшую при немъ свиту съ успѣшнымъ дѣйствіемъ флота, царь «изъ своихъ рукъ всѣхъ жаловалъ водкою, причемъ имя адмирала съ изряднымъ почтеніемъ упоминалось» [3]).

Высадка на Готландъ.

Галерный флотъ въ Финляндіи.

Въ Финляндіи, гдѣ нашими военными силами начальствовалъ князь М. М. Голицынъ, замѣняли пришедшія въ негодность галеры новыми судами, присланными изъ Петербурга: галерами, карбаса-

---

шаутбенахта и съ жалованьемъ по 700 фунтовъ стерлинговъ въ годъ (Матеріалы. Отд. II №№ 136 и 193).

1) Матеріалы. Отд. I. № 1638. Морск. журн. стр. 130.

2) Моск. арх. М. И. Д. (Дѣл. кн. Меншикова, № 10).

3) Гл. морск. арх. (Дѣл. гр. Апраксина № 141).

ми, и островскими лодками; вмѣстѣ съ тѣмъ, пополняли недостающее число людей, которыхъ много погибло отъ болѣзней. Кавалерію же трудно было привести въ должный порядокъ по причинѣ огромной убыли лошадей; такъ напр. изъ 8-ми драгунскихъ полковъ, пять только «считались» кавалерійскими; въ одномъ изъ нихъ пало до 700 лошадей.

Шведы не отваживались на нападенія, но нашимъ сухопутнымъ отрядамъ случалось переходить за Торнео и продовольствоваться на непріятельской землѣ. Галерный же флотъ только для «экзерцицін» выводился миль на восемь отъ Або къ сторонѣ Аланда, къ киркѣ Корпо [1]).

Отдѣльныя плаванія и крейсерства (1717 г.).

Впродолженіе навигаціи 1717 года наши военныя суда смѣло плавали почти по всему Балтійскому морю. Нѣкоторыя изъ нихъ какъ напр. *Арондель*, *Ландсдоу* и др. конвоировали купеческія суда; фрегатъ *Самсонъ* отвозилъ къ Ростоку 60 человѣкъ учениковъ назначаемыхъ для изученія заграницею разныхъ мастерствъ. Капитанъ Бредаль, съ кораблемъ *Ягудіилъ*, зимовавшимъ въ Копенгагенѣ, ходилъ въ Голландію и Англію, имѣя, между прочимъ, порученіе привести оставшійся въ Англіи корабль *Оксфордъ*, который однакоже по негодности пришлось тамъ продать, а *Ягудіилъ* за позднимъ временемъ опять оставленъ зимовать въ Копенгагенѣ

По возвращеніи флота отъ Готланда, капитанъ Фангофтъ, посланный съ двумя кораблями и пинкомъ въ крейсерство въ Балтійское море, близъ Аландскихъ шхеръ (31-го іюля) взялъ шведскую шняву *Полуксъ*, на которой было 24 орудія (14 пушекъ 3-хъ фунт. и 10 басовъ 2-хъ фунт.) и 66 человѣкъ команды. За этотъ призъ Фангофтъ получилъ въ награду 500 рублей, а офицерамъ и матросамъ, участвовавшимъ въ дѣлѣ, выдано трехмѣсячное жалованье [2]). Но встрѣча съ непріятелемъ другаго крейсерскаго отряда, подъ командою капитана Фангента, была не такъ счастлива. Держась со своими кораблями у курляндскаго берега, Фангентъ послалъ двѣ шлюпки захватить скрывавшійся подъ берегомъ шведскій каперъ, вооруженный 6-ю басами. Непріятель, защищаясь, перебилъ на нашихъ шлюпкахъ весь рангоутъ и взялъ нѣсколько

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1551, 1566, 1598, 1632 и 1666.

[2]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1667, 1694, 1699 и 1700.

человѣкъ въ плѣнъ. За это, по суду, Фангентъ поставленъ самымъ младшимъ капитаномъ, а командовавшіе шлюпками офицеры (все иностранцы) уволены отъ службы безъ паспортовъ [1]).

Дѣйствія Вильбоа въ Травемюндѣ и Данцигѣ. (1717 г.).

Вильбоа, зимовавшій съ гукоромъ въ Травемюнде, продолжалъ задерживать купеческія суда, намѣревавшіяся перевозить товары въ Швецію, и на деньги, вырученныя отъ продажи забранныхъ грузовъ, продовольствовалъ свою команду. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ, по приказанію государя, перешелъ въ Данцигъ и рѣшился, не ожидая даже особаго повелѣнія, прекратить морскія торговыя сношенія Данцига со Швеціею, которыя продолжались, несмотря на условіе заключенное въ прошломъ году Россіею съ Данцигомъ. Энергическія мѣры Вильбоа до того озлобили противъ него жителей города и судовыхъ шхиперовъ, что первые грозились убить его, а шхипера сговаривались напасть на гукоръ и, взявъ его, передать шведамъ. Узнавъ объ этомъ, Вильбоа принялъ мѣры предосторожности и требовалъ защиты отъ магистрата города. При такомъ положеніи команда Вильбоа терпѣла еще недостатокъ въ провизіи, а иноземцы, находившіеся въ числѣ служащихъ, не получая жалованья, разбѣгались. Несмотря на подобную обстановку, Вильбоа пользовался всякимъ случаемъ, чтобы прекращать подвозъ продовольствія къ Стокгольму и, выходя въ крейсерство, успѣлъ захватить нѣсколько судовъ разныхъ націй. Между взятыми судами было одно англійское, шедшее изъ Стокгольма съ письмомъ къ данцигскимъ купцамъ о заказѣ суконъ на шведскую армію. По поводу этого съ данцигскаго купечества и съ города взято было русскими 200,000 ефимковъ [2]), «за то, что они жители Данцига шведамъ всякое вспоможеніе чинили» [3]).

Хотя на основаніи условій, заключенныхъ въ прошломъ году, городъ обязанъ былъ снарядить три легкіе фрегата, отъ 12 до 18 пуш., но магистратъ Данцига, въ надеждѣ на измѣненіе политическихъ обстоятельствъ, медлилъ исполненіемъ этого обязательства. Для понужденія его, въ іюнѣ мѣсяцѣ (1717 г.), царь прислалъ ге-

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 1658.

[2]) Въ то время ефимокъ равнялся 80 копѣйкамъ.

[3]) Гл. морск. арх. (Дѣл. адмиралт. коллегіи 1728 г. № 21). Русск. Архивъ 1867 г. № 10. Матеріалы. Отд. I. №№ 1561, 1578, 1615, 1620 и 1641.

нерала-лейтенанта князя Долгорукова и велѣлъ оставить у Данцига часть возвращавшихся въ Россію войскъ корпуса Шереметева. Между тѣмъ для будущихъ фрегатовъ формировались русскіе экипажи и начальство надъ ними государь приказалъ поручить Вильбоа, съ производствомъ его въ чинъ капитанъ-поручика [1]).

Возвращеніе галеръ изъ Ростока въ Ревель (1717 г.).

Чтобы успокоить недовѣрчивыхъ союзниковъ, государь велѣлъ, наконецъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ вывести войско изъ Мекленбурга, и тогда же галерамъ Змаевича, на которыхъ сидѣли оба гвардейскіе полка, приказано было идти изъ Ростока въ Ревель, куда они и прибыли благополучно въ концѣ августа [2]).

Распредѣленіе флота на зимовку.

Около того же времени 13 лучшихъ кораблей, одинъ фрегатъ и бомбардирскій гальотъ отправлены съ Паддономъ изъ Ревеля на зимовку къ Котлину, гдѣ кромѣ того оставались еще два корабля и фрегатъ; прочіе же пять кораблей, фрегатъ и пинкъ остались зимовать въ Ревелѣ [3]).

Попытки къ расширенію морской торговли.

Преслѣдуя съ полною энергіею военныя цѣли, Петръ не забывалъ и морскую торговлю Россіи. Желая сдѣлать свою новую столицу главнымъ пунктомъ для торговыхъ сношеній съ западною Европою, государь велѣлъ большую часть русскихъ товаровъ, отправляемыхъ моремъ за границу, доставлять вмѣсто Архангельска въ Петербургъ [4]). Для развитія же морскихъ торговыхъ сношеній съ портами Средиземнаго моря, царь, по предложенію агента нашего въ Венеціи, Саввы Рагузинскаго, въ видѣ попытки, приказалъ отправить туда бывшій у Котлина военный корабль *Армонтъ* (капит. Блорій), нагруженный казенными товарами: жидкой смолой, желѣзомъ, канатами, юфтью и воскомъ. Выйдя въ сентябрѣ 1717 года изъ Петербурга, Блорій заходилъ въ Англію, Испанію, и 7-го мая 1718 года пришелъ въ Венецію, гдѣ продажею товаровъ занялся самъ Рагузинскій. Смола, юфть и воскъ пошли выгодно, а кабельтовы и канаты не продавались, потому что венеціанскіе канатные заводы считались лучшими въ Европѣ и превос-

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 1628.

[2]) Матеріалы. Отд. I. № 1671.

[3]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1666 и 1668.

[4]) Полн. Собран. закон. Т. IV. №№ 2732 и 2760. Т. V. №№ 3051 и 3268.

ходили наши достоинствомъ работы. Въ маѣ мѣсяцѣ 1719 года *Армонтъ* возвратился въ Россію [1]).

Судостроительныя работы.

Изъ многихъ строившихся въ Петербургѣ судовъ, въ навигацію этого (1717) года были спущены на воду два 70 пуш. корабля *(Ревель, Св. Александръ)* и 20 галеръ. По недостаточному числу фрегатовъ, необходимыхъ во многихъ случаяхъ, при которыхъ не стоитъ отнимать отъ флота линейные корабли, царь приказалъ заложить 12 фрегатовъ, отъ 30 до 40 пушекъ. Какъ горячо интересовался Петръ ходомъ кораблестроительныхъ работъ можетъ служить доказательствомъ слѣдующій случай: возвратившись въ Петербургъ (10-го октября) изъ продолжительнаго, почти годичнаго отсутствія, государь, послѣ неизбѣжной торжественной встрѣчи, пробывъ во дворцѣ съ своей семьей *не болѣе получаса*, тотчасъ отправился въ адмиралтейство осмотрѣть строющіяся суда. При такой заботливости царя становятся понятными всѣ чудеса, совершенныя Петровымъ флотомъ.

Изготовленіе флота къ кампаніи. (1718 г.).

Соглашенія съ Швеціею подвинулись настолько, что въ мартѣ мѣсяцѣ уполномоченные обѣихъ сторонъ съѣхались на Аландскіе острова для переговоровъ о мирѣ. Несмотря на это или, вѣрнѣе, для большей успѣшности переговоровъ, Петръ готовилъ сильный корабельный и гребной флоты. Подобное вооруженіе было необходимо, вопервыхъ, для показанія непріятелю и сочувствующимъ ему державамъ полной готовности Россіи къ продолженію войны и значительности ея морскихъ силъ и, вовторыхъ, весьма полезно для практики корабельныхъ и галерныхъ командъ.

Выходъ флотовъ на рейдъ.

Корабельный флотъ въ числѣ 27-ми кораблей, 3-хъ фрегатовъ, пинка и 2-хъ бомбардирскихъ судовъ вытянулся 6-го іюля на котлинскій рейдъ. Начальствовавшій флотомъ адмиралъ графъ Апраксинъ, имѣвшій свой флагъ на кораблѣ *Москва*, находился въ кордебаталіи. Авангардіею командовалъ вице-адмиралъ Петръ Михайловъ, имѣвшій свой флагъ на кораблѣ *Ингерманландъ*, аріергардіею—шаутбенахтъ князь Меншиковъ, сидѣвшій на кораблѣ *Св. Александръ*. Кромѣ этихъ флагмановъ, на флотѣ были шаутбенахты Паддонъ и Шельтингъ (произведенный 31-го октября 1717 года) и капитанъ-командоры Сиверсъ, Сандерсъ и Гордонъ, пос-

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1582, 1672, 1727, 1729, 1730, 1736, 1853 и 1925.

лѣдніе два—англичане, принятые въ русскую службу только въ прошедшемъ году. Общее число корабельныхъ экипажей составляло 10,185 человѣкъ, и число орудій было 1436 [1]).

Смерть Шельтинга и его служба.

При самомъ началѣ кампаніи скончался шаутбенахтъ Шельтингъ, въ первый разъ поднявшій свой флагъ на кораблѣ *Марльбургъ*. Въ церемоніи его похоронъ, происходившихъ 9 іюня, принималъ участіе весь стоявшій на рейдѣ флотъ. Шельтингъ былъ нетолько хорошій морской офицеръ, но и способный энергическій дѣятель, пользовавшійся довѣріемъ государя. Принятый въ русскую службу въ Голландіи, Крюйсомъ въ 1703 году, Шельтингъ поступилъ въ балтійскій флотъ, въ которомъ съ 1706 по 1710 года командовалъ нѣсколькими судами. Потомъ служилъ на Дону и вскорѣ, по отдачѣ Азова туркамъ, опять возратился въ Балтику. Здѣсь, какъ мы уже сказали (стр. 214), въ 1712 году онъ получилъ за отличіе чинъ; а въ слѣдующемъ году, по случаю потери корабля *Выборгъ*, приговоромъ суда пониженъ въ младшіе капитаны (стр. 237). Но наказаніе это было весьма кратковременно и не лишило Шельтинга расположенія государя. Въ 1714 году онъ былъ въ прежнемъ чинѣ капитанъ-командора и за отсутствіемъ царя начальствовалъ флотомъ; а осенью 1715 года отправленъ въ Голландію съ весьма серьезнымъ порученіемъ: напять для флота болѣе четырехъ сотъ разныхъ морскихъ чиновъ. Трудность рѣшенія подобной задачи состояла въ томъ, что голландское правительство, соблюдая строгій нейтралитетъ, запретило у себя наемъ въ иностраную службу. «Здѣсь указъ прибитъ, писалъ Шельтингъ къ Апраксину, дабы отнюдь къ чужестраннымъ потентатамъ (владѣтелямъ) не ходили въ службу ни къ Его Царскому Величеству, ни къ датскому, ниже къ шведскому». Самое населеніе Голландіи было до того раздражено противъ иностранныхъ нанимателей, что народъ угрожалъ даже нашему послу князю Куракину, а русскіе агенты Фандербургъ и Соловьевъ, нанимавшіе прежде въ нашу службу, боялись показаться на улицу. Несмотря на подобныя обстоятельства, Шельтингъ дѣйствовалъ такъ успѣшно, что къ началу 1716 года нанялъ 410 человѣкъ и въ томъ числѣ 200 офицеровъ [2]). Въ томъ же году, по возвращеніи изъ Голландіи, онъ,

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 1778 и Журн. П. В. II, стр. 61.

[2]) Каб. Дѣл. Отд. II, № 23. Гл. морск. арх. (Дѣл. гр. Апраксина, № 106). Матеріалы. Отд. II. №№ 142, 154 и 158,

какъ было сказано (стр. 291), привелъ флотъ изъ Копенгагена къ Котлину; но на этомъ переходѣ пораженъ былъ ударомъ паралича, сильно разстроившимъ его здоровье. Полубольной, Шельтингъ сдѣлалъ еще съ флотомъ кампанію 1717 года и, понадѣясь на свои силы, въ 1718 году поднялъ въ первый и послѣдній разъ свой контръ-адмиральскій флагъ.

Плаваніе корабельнаго флота (1718 г.)

16-го іюля, черезъ недѣлю послѣ похоронъ Шельтинга, флотъ снялся съ якоря и 19-го пришелъ въ Ревель. Здѣсь простоялъ онъ до 1-го августа, высылая въ крейсерство по 5-ти и по 6-ти кораблей подъ командою капитанъ-командоровъ Гордона и Сандерса. Отряды эти держались между Дагерордомъ, Оденсгольмомъ и финскими шхерами. 2-го августа флотъ перешелъ къ Гангуту, куда прибылъ изъ Або съ тремя галерами князь М. М. Голицынъ, и подошли отправленныя изъ Петербурга 36 галеръ съ гвардіею. Царь, съ Апраксинымъ и Меншиковымъ, перешелъ на галеры, а лучшіе и бо̀льшихъ ранговъ корабли отправлены съ Паддономъ къ Біорко, гдѣ и велѣно имъ оставаться до указа. Сандерсу же, съ остальными судами корабельнаго флота приказано до 15-го сентября крейсеровать между Рогервикомъ и финскими шхерами, а потомъ идти на зимовку въ Ревель. Самъ государь отправился на галерахъ въ Або и оттуда 17-го августа перешелъ къ острову «Аштерлоту», гдѣ въ заливѣ «Римитокрамъ» собрался весь галерный флотъ, состоявшій изъ 121 галеры. Пробывъ здѣсь десять дней, царь дѣлалъ различныя ученья и «экзерциціи». При этихъ маневрахъ галеры нарочно направлялись къ шведскому берегу, съ цѣлію устрашенія непріятеля, «дабы тѣмъ его скорѣе склонить къ миру».

27-го августа царь, на тѣхъ же петербургскихъ галерахъ, взявъ съ собою Апраксина и Меншикова, пошелъ шхерами въ обратный путь и 1-го сентября былъ у Біорко-Зунда. Здѣсь его уже съ недѣлю ожидалъ корабельный флотъ, на которомъ онъ и прошелъ до Котлина [1]).

Корабль «Лѣсное.»

Въ отсутствіе Петра въ Петербургѣ, 15-го іюля, спущенъ былъ на воду 90 пуш. корабль *Лѣсное*, «трудовъ Царскаго Величества». Труды эти заключались нетолько въ составленіи чертежа

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 1785. Извл. изъ журн. стр. 95—99. Жизн. росс. адмираловъ. II, стр. 165. Морск. журн. стр. 139—142.

и наблюденіи за постройкою, но въ собственноручной работѣ; въ журналѣ государя 11-го ноября 1714 года, черезъ 4 дня по закладкѣ корабля, записано: «его величество и ея величество изволили быть въ адмиралтействѣ; смотрѣлъ работы, *тесалъ киль*». 21-го декабря того же года: «его величество былъ въ адмиралтействѣ и *все работалъ на верфи у корабля*». Въ нашемъ флотѣ это былъ первый трехъ-палубный корабль; длина его была 161 футъ, ширина 46 футъ (Рисунокъ листъ 14). Кромѣ *Лѣснаго* въ томъ же году спущены: 70 пуш. корабль *Нептунусъ*, прамъ *Олифантъ* и нѣсколько галеръ.

Окончаніе кампаніи (1718 г.)

Въ половинѣ сентября весь флотъ, кромѣ судовъ, находившихся въ крейсерствѣ, втянулся въ гавань. Въ Ревелѣ остались зимовать восемь кораблей (пять архангельскихъ и три покупныхъ), три фрегата и пинкъ; кромѣ нихъ три корабля «безъ командующихъ офицеровъ» и прамъ вовсе безъ людей; затѣмъ, 10 ластовыхъ судовъ, гукоръ, два судна и бригантина, употреблявшіяся для перевозки почты, и 10 призовыхъ судовъ [1]). Всѣ прочіе корабли и другія суда зимовали у Котлина. Пришедшія съ царемъ галеры расположены были на зимовку въ Петербургѣ, а остальныя, попрежнему,—въ Финляндіи.

Впродолженіе всего лѣта (1718 г.) шведскій флотъ не показывался въ морѣ. Часть его стояла въ Стокгольмѣ, совсѣмъ вооруженная, но только безъ людей; другая — въ Карлскронѣ, готовая двинуться противъ датчанъ, на которыхъ король располагалъ одновременно сдѣлать нападеніе и сухимъ путемъ, въ Норвегію. Министръ Герцъ, желавшій заключенія мира съ Россіею, при отъѣздѣ на Аландскій конгрессъ, считалъ необходимымъ воздержаться отъ враждебныхъ дѣйствій, но шведскіе каперы продолжали искать добычи и попадались нашимъ крейсерамъ.

Паддонъ.

Съ окончаніемъ этой кампаніи прекратилась плодотворная для флота дѣятельность недавно поступившаго въ нашу службу шаутбенахта Паддона (стр. 298), умершаго въ концѣ 1718 года. Несмотря на кратковременность своей службы, продолжавшейся всего два года, Паддонъ успѣлъ заявить себя хорошимъ морякомъ, умнымъ и добрымъ начальникомъ, отличавшимся весьма гуманнымъ направле-

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 1861.

ніемъ, составлявшимъ въ то время большую рѣдкость. Его заботы объ истинныхъ пользахъ флота, нуждахъ подчиненныхъ, и въ особенности старанія объ улучшеніи быта нижнихъ чиновъ обращали на себя полное вниманіе государя и принесли существенную пользу.

Призы нашихъ крейсеровъ.

Съ ранней весны (1718 г.) для защиты купеческихъ судовъ дружественныхъ націй и для поимки шведскихъ корсаровъ наши крейсеры были разсыпаны почти по всему Балтійскому морю. Главное начальство надъ ними поручено было капитану Фангофту, который съ кораблемъ *Перлъ* и фрегатомъ *Самсонъ* долженъ былъ держаться между Готландомъ, курляндскимъ берегомъ и Эзелемъ; а корабли *Уріилъ* и *Рандольфъ*—между Дагеродомъ и финскими шхерами. Въ послѣдствіи къ отряду Фангофта присоединены были корабли *Лансдоу*, *Илья* и пинкъ *Принцъ Александръ*. Независимо отъ этихъ крейсеровъ, Вильбоа съ гукоромъ занималъ свой прежній постъ у Данцига. Въ маѣ мѣсяцѣ въ его распоряженіе присланы были фрегатъ *Св. Яковъ* и шнява *Діана*, но оба эти судна, да и самый гукоръ были до такой степени гнилы, что представляли серьезную опасность въ морскомъ плаваніи. Составъ экипажей былъ не лучше состоянія судовъ: «каждый изъ рекрутъ, да изъ больницы, и тѣхъ недовольство», доносилъ Вильбоа. Къ осени гукоръ былъ починенъ, а худыя суда замѣнены шнявою *Наталья*, двумя каперами и бригантиною, съ которыми Вильбоа продолжалъ крейсерство до поздней осени, хотя изъ этихъ судовъ шнява и одинъ каперъ оказались также гнилыми и требовали капитальной починки [1]).

Наибольшее число призовъ (десять) взялъ Фангофтъ, затѣмъ капитаномъ Деномъ взято 8 судовъ, Геемъ—7, Арсеньевымъ—6, Вильбоа — 5. Нѣкоторые изъ призовъ имѣли значительное число пушекъ, напр. шнява, взятая фрегатомъ *Лансдоу* (кап. Трезель), была 14-ти-пушечная. Но шведскіе каперы дѣйствовали также весьма смѣло, и иные изъ нихъ, несмотря на свою незначительную силу, заходили весьма далеко; такъ, напр., одинъ 3-хъ-пушечный шхерботъ явился въ финскія шхеры и около Гангута успѣлъ забрать 10 маркитантскихъ судовъ, покуда, наконецъ,

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1723, 1762 и 1769.

*

самъ не былъ взятъ нашею вооруженною лодкою. Большая часть нашихъ призовъ были купеческія суда, нагруженныя разнымъ товаромъ. Цѣнность иныхъ грузовъ доходила до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ ефимковъ.

Отдѣльныя плаванія (1718 г.)

Кромѣ крейсерства нѣкоторыя изъ военныхъ судовъ плавали съ особенными цѣлями; такъ, напр., корабли *Варахаилъ* и *Михаилъ* отвозили въ Данцигъ обмундировку и другіе предметы для нашихъ сухопутныхъ войскъ. Корабль *Рандольфъ* ходилъ въ Гамбургъ за *золотой* (позолоченой) яхтой, подаренной государю прусскимъ королемъ. Командиръ *Рандольфа* капитанъ Бенсъ, задержанный починкою яхты, по позднему времени, остался зимовать въ Глюкштадтѣ, близъ Гамбурга; но какъ это имъ было сдѣлано противно распоряженіямъ начальства, то Апраксинъ послалъ Наума Синявина смѣнить Бенса [1]).

Англійскія и голландскія военныя суда и въ этомъ (1718) году продолжали конвоировать свои купеческіе корабли, приходившіе въ Балтійское море. Нашъ флотъ, при первомъ своемъ приходѣ въ Ревель (19-го іюля), нашелъ уже тамъ явившуюся съ этою цѣлію голландскую эскадру изъ 11-ти вымпеловъ, подъ начальствомъ шаутбенахта фонъ Куперена [2]).

Кончина Карла XII и ея послѣдствія.

Миръ съ Швеціею, повидимому, былъ не далекъ, переговоры на Аландѣ подвинулись настолько, что шведскій уполномоченный баронъ Герцъ отправился къ королю, для полученія отъ него окончательнаго согласія на условія мира; но въ декабрѣ мѣсяцѣ 1718 года неожиданная кончина Карла XII совершенно измѣнила обстоятельства. На престолъ Швеціи, помимо прямаго наслѣдника герцога голштинскаго, сына старшей сестры покойнаго короля, вступила младшая его сестра Ульрика-Элеонора, избранная сенатомъ съ условіемъ измѣнить форму правленія ограниченіемъ королевской власти. Со вступленіемъ ея, баронъ Герцъ, главный сторонникъ мира съ Россіею, какъ приверженецъ голштинской партіи, былъ арестованъ и потомъ казненъ. Швеція хотя не отказыва-

---

[1]) Журн. П. В. II, стр. 59 и 68. Матеріалы. Отд. I. №№ 1770, 1843, 1860, 1867 и 1868.

[2]) Морск. журн. стр. 139.

лась отъ мира, но, надѣясь на помощь Англіи, никакъ не соглашалась на требуемую Петромъ уступку Ингерманландіи, Лифляндіи и Выборга съ Кексгольмомъ. По внушеніямъ своихъ союзниковъ, шведы находили болѣе выгоднымъ потерять всѣ свои земли въ Германіи и продолжать войну съ Россіею, нежели пріобрѣсти миръ за такія тяжелыя уступки. По мнѣнію Брюсса и Остермана, которые, трактуя со шведами на конгрессѣ, хорошо ознакомились съ положеніемъ дѣлъ, лучшимъ средствомъ для заключенія выгоднаго мира было какое-нибудь «сильное дѣйство» [1]). Царь согласился съ ихъ мнѣніемъ, и потому рѣшено было, не прерывая конгресса, сдѣлать нападенія на берега Швеціи и разорить страну, угрожая самой столицѣ. Подобное нападеніе, очевидно, должно было возбудить неудовольствіе народа противъ правительства, которое не принимало мира и, между тѣмъ, не могло защитить страну отъ страшнаго непріятеля.

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи. XVII. стр. 249 и 255.

ГЛАВА X.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ БАЛТІЙСКАГО ФЛОТА 1719, 1720 И 1721 годовъ.

Отношенія европейскихъ дворовъ къ Россіи.—Начало кампаніи 1719 года.—Экспедиція Фангофта къ Эланду. — Взятіе Синявинымъ шведской эскадры у Эзеля (1719 г.).—Призы и раздѣлъ призовыхъ денегъ.—Планъ кампаніи въ Финляндіи (1719 г.).—Корабельный флотъ (1719г.).—Плаваніе флотовъ до Ламеланда.—Переговоры о мирѣ и движеніе флотовъ отъ Ламеланда.—Декларація о коммерціи въ Балтійскомъ морѣ.—Галерный флотъ въ Стокгольмскихъ шхерахъ (1719 г.).—Послѣдствія похода Апраксина.—Пребываніе корабельнаго флота у Ламеланда. — Возвращеніе флотовъ въ свои порты.—Постройка шхерныхъ судовъ.—Мѣры предосторожности противъ англичанъ.—Расположеніе флотовъ на зимовку.—Потеря кораблей *Портсмутъ* и *Лондонъ*.—Дѣйствія Вильбоа въ Данцигѣ (1719—20 г.).—Перемѣна политическихъ отношеній.—Мѣры для защиты нашихъ портовъ.— Экспедиціи Фангофта и Бенса.—Военныя дѣйствія въ Финляндіи (1720 г.).—Англо-шведскій флотъ у Ревеля (1720 г.).—Крейсерство корабельнаго флота.—Гренгамское сраженіе (1720 г.).—Расположеніе флотовъ на зимовку.—Приготовленія къ кампаніи будущаго года.—Общее желаніе мира. — Предположенія Петра. — Спускъ кораблей въ Петербургѣ (1721 г.).—Предосторожности на случай прихода непріятеля.—Плаваніе ревельской эскадры (1721 г.).—Соединеніе шведскаго флота съ англійскимъ.—Экспедиція Ласси на берега Швеціи (1721 г.).—Движеніе котлинской эскадры.—Испытаніе кораблей и экзерциціи.—Заключеніе мира съ Швеціею. — Принятіе Петромъ чина адмирала.—Награды моряковъ.—Празднества по случаю мира. —Пріобрѣтенія Россіи по Ништадтскому миру.—Заслуги флота въ войнѣ со шведами.—Празднованіе мира въ Москвѣ. — Окончаніе кампаніи (1721 г.). — Проводка судовъ построенныхъ въ Голландіи (1721—22 г.).

Отношенія европейскихъ дворовъ къ Россіи.

При тогдашнихъ политическихъ отношеніяхъ царю нельзя было ожидать отъ союзниковъ чего-нибудь болѣе нейтралитета. Король англійскій былъ раздраженъ на Петра за сочувствіе его къ претенденту на англійскій престолъ (Стюарту), въ пользу котораго дѣйствительно происходили серьезные переговоры о союзѣ Россіи съ Испаніею; къ этому союзу предполагалось пригласить и Швецію.

Пруссія надѣялась при вліяніи Англіи сохранить за собою Штетинъ, а польскій король думалъ найдти въ прусскомъ королѣ и въ австрійскомъ императорѣ опору для своихъ династическихъ интересовъ, которые были противны интересамъ національной польской партіи, поддерживаемой Петромъ. Данія, опасавшаяся при жизни Карла за Норвегію, радовалась его смерти и въ дѣйствіяхъ своихъ подчинялась Англіи. «Здѣшній дворъ (копенгагенскій) очень сталъ гордъ, писалъ князь Василій Лукичъ Долгорукій, надѣется, безъ всякихъ дѣйствій, полезный миръ получить, и для того, кромѣ короля англійскаго, всѣхъ союзниковъ презираетъ» [1]).

Петръ однакоже снова попытался предложить Даніи рѣшительное нападеніе на Швецію. По плану царя наши войска должны были сдѣлать нападеніе изъ Финляндіи, а датскіе одновременно съ ними высадиться въ Сканію или дѣйствовать со стороны Норвегіи. Соединенный же русско-датскій флотъ долженъ былъ отнять у шведовъ, для Даніи, островъ Готландъ. Но датчане на это не согласились изъ опасенія удалить флотъ отъ своихъ береговъ. Когда же Петръ предложилъ, во время предстоявшаго дѣйствія ихъ сухопутныхъ войскъ, запереть своимъ флотомъ шведскія суда въ Карлскронѣ, то и отъ этого проэкта, подъ разными благовидными предлогами, датское правительство поспѣшило отказаться.

Начало кампаніи 1719 года.

При такомъ расположеніи союзниковъ, царю оставалось дѣйствовать однѣми собственными силами. Начавшееся съ осени приготовленіе къ походу корабельнаго и галернаго флотовъ энергически продолжалось весною, потому что для выхода въ море государь назначилъ самые ранніе сроки. Ревельская эскадра вытянулась изъ гавани вмѣстѣ съ расходомъ льда, и 30-го апрѣля три корабля (*Перлъ*, *Уріилъ*, *Варахаилъ*), три фрегата (*Самсонъ*, *Лансдоу*, *Илья*) и пинкъ (*Александръ*) подъ начальствомъ капитанъ-командора Фангофта отправились въ море. На этой эскадрѣ, какъ довѣренное лицо государя, находился гвардіи поручикъ графъ Н. Ѳ. Головинъ [2]), сынъ покойнаго адмирала Ѳедора Алексѣевича Головина, занимавшій впослѣдствіи первенствующее мѣсто въ управленіи флотомъ.

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, XVII, стр. 310 — 311.

[2]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1916 и 1943

Экспедиція Фангофта къ Эланду.

Цѣлью экспедиціи было отысканіе на непріятельскомъ берегу «добрыхъ языковъ», черезъ которыхъ можно бы было получить вѣрныя свѣдѣнія, какъ вообще о средствахъ обороны непріятеля, такъ, главное, о расположеніи и числѣ флота и войскъ. Для лучшаго успѣха велѣно было сдѣлать на непріятельскій берегъ ночную высадку и мѣстомъ ея назначенъ западный берегъ острова Эланда. Фангофтъ захватилъ по дорогѣ пять призовъ, но не имѣя у себя людей хорошо знакомыхъ съ берегами Эланда, долженъ былъ самъ осмотрѣть его съ моря и ни съ одной стороны не отыскалъ удобнаго и безопаснаго мѣста для высадки. Приближаясь на разстояніе полутора мили къ острову, онъ нашелъ «мѣсто весьма мелкое и каменистое» и по берегу, въ разстояніи одна отъ другой на полмили, сигнальныя башни, на которыхъ, по приближеніи русскихъ судовъ, зажгли огни. Замѣченныя же Фангофтомъ другія два небольшія якорныя мѣста были защищены крѣпостями. Не надѣясь при подобныхъ обстоятельствахъ захватить «языковъ», рѣшили «съ общаго совѣта» послать фрегаты *Самсонъ* и *Лансдоу* на шесть дней крейсеровать между Готландомъ и шведскимъ берегомъ, поручивъ имъ, если удастся, захватить пакетботъ, ходившій по два раза въ недѣлю между Стокгольмомъ и Визби, главнымъ городомъ на Готландѣ, лежащемъ на западномъ берегу острова. Посылка эта была довольно успѣшна: командиръ *Лансдоу*, графъ А. Апраксинъ (племянникъ адмирала), съ 8-го по 13-е мая, взялъ 8 призовъ и отъ шхипера одного изъ нихъ узналъ, что съ Пилаусскаго рейда вышли въ Стокгольмъ съ нѣсколькими купеческими судами три шведскія военныя судна (въ 50, 36 и 30 пушекъ) и еще, что изъ Карлскроны отправились въ крейсерство семь судовъ. Про выходъ же нашихъ крейсеровъ, кромѣ данцигскихъ, въ Стокгольмѣ вовсе не имѣли свѣдѣній. Въ ночь на 24-е мая Фангофту удалось сдѣлать благополучно высадку на Эландъ; но узнавъ, что въ морѣ есть шведскія значительныя силы, онъ поспѣшилъ возвратиться въ Ревель приведя съ собою четыре приза [1]).

Взятіе Синявинымъ шведской эскадры у Эзеля (1719 г.).

Адмиралъ Апраксинъ по полученіи извѣстія о шведскихъ корабляхъ, вышедшихъ изъ Пилау, немедленно распорядился преслѣ-

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1894, 1918, 1919, 1926, 1928, 1943 и 1944.

дованіемъ ихъ. Съ этою цѣлію тотчасъ посланъ былъ въ Ревель капитанъ Наумъ Сенявинъ, который, пріѣхавъ туда, вступилъ (14-го мая) въ командованіе отрядомъ и на другой же день вышелъ въ море. Отрядъ состоялъ изъ слѣдующихъ судовъ: *Портсмутъ* (52 п.—кап. Н. Сенявинъ), *Девонширъ* (52 п.—Зотовъ), *Ягудіилъ* (52 п.—Деляпъ), *Уріилъ* (52 п.—Торнгоутъ), *Рафаилъ* (52 п.—Шапизо), *Варахаилъ* (52 п.—Стихманъ), *Наталья* (шнява 18 п.—Лопухинъ).

Въ полночь на 24-е мая, при вѣтрѣ WtS, находясь между островами Эзелемъ и Готско-Сандо, Сенявинъ, увидѣвъ на горизонтѣ военный корабль, фрегатъ и бригантину, идущіе безъ флаговъ, пустился за ними въ погоню, поставивъ всѣ паруса. Вначалѣ 5-го часа, когда *Портсмутъ* и *Девонширъ* подошли на пушечный выстрѣлъ къ преслѣдуемымъ судамъ, Сенявинъ, державшій до сихъ поръ на своемъ отрядѣ шведскіе флаги, сдѣлалъ два выстрѣла съ ядрами, чтобы заставить настигнутыя суда показать свои флаги. Когда на нихъ подняли шведскіе и на кораблѣ командорскій брейдъ-вымпелъ, тогда на нашей эскадрѣ подняли русскіе флаги, а на кораблѣ *Портсмутъ* также брейдъ-вымпелъ [1]), «и съ Божіею помощью, какъ доносилъ Сенявинъ, противъ командорскаго корабля, поднявъ красный флагъ (сигналъ начать бой), стали стрѣлять и были другъ противъ друга отъ пятаго часа и даже до девятаго» [2]). Во время перестрѣлки, на *Портсмутѣ* перебили штаги и марса-фалы, отчего оба марселя упали на эзельгофты и корабль шведскаго капитанъ-командора началъ уходить, а шедшій сзади его фрегатъ, атакованный кораблемъ *Девонширъ* сталъ приближаться къ *Портсмуту* съ кормы. Поворотясь къ нему бортомъ, Сенявинъ встрѣтилъ его продольными картечными выстрѣлами, изъ всѣхъ орудій нижняго дека и заставилъ спустить флагъ, что сдѣлала и шедшая около фрегата бригантина.

Портсмутъ, *Девонширъ* и шнява *Наталья* остались при сдавшихся судахъ, а прочіе корабли, по сигналу Сенявина, продолжали

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1920, 1921, 1923, 1924, 1936.

[2]) Въ шханечномъ журналѣ корабля *Девонширъ* записано: нашъ командоръ для баталіи поднялъ на форъ-брамстеньгѣ красный флагъ, а на крюйсъ-стеньгѣ штандартъ, и стала баталія. (С.-Петерб. арх. Мин. Ин. Дѣл. шханечный журн. корабля *Девонширъ*).

погоню за шведскимъ капитанъ-командоромъ. Въ началѣ 12 часа *Рафаилъ* (Шапизо) первымъ догналъ непріятельскій корабль и атаковалъ его съ праваго борта, но имѣя бòльшій ходъ, началъ уходить впередъ. Въ это время къ другому борту шведскаго корабля подошелъ *Ягудіилъ* (Деляпъ) на такое близкое разстояніе, что съ его марсовъ можно было бросать гранаты на непріятельскую палубу. Деляпъ хотѣлъ свалиться на абордажъ, но увидѣвъ, что на шведскомъ кораблѣ всѣ люди выскочили на верхъ, онъ немного измѣнилъ курсъ и сдѣлалъ всѣмъ лагомъ залпъ, которымъ кромѣ людей перебилъ у непріятеля много такелажа. Между тѣмъ Сенявинъ, исправивъ насколько было можно поврежденія на своемъ кораблѣ, пошелъ также въ погоню за шведскимъ командоромъ. Съ *Портсмутомъ* отправилась и шнява *Наталья*, а капитанъ Зотовъ съ *Девонширомъ* оставленъ при плѣнныхъ судахъ.

Имѣя сильныя поврежденія и видя что приближаются другіе корабли, шведскій командоръ приказалъ спустить флагъ, но такъ какъ этого не могли скоро исполнить, потому что фалъ былъ перебитъ, то *Рафаилъ* успѣлъ еще сдѣлать залпъ по непріятельскому кораблю, причемъ раненъ былъ и самъ шведскій капитанъ-командоръ [1]). Бывшіе назади два корабля *Уріилъ* и *Варахаилъ* опоздали и не участвовали въ дѣлѣ: объ нихъ въ донесеніи Сенявина вовсе не упоминается.

Такъ какъ непріятель, желавшій уйдти, обстрѣливалъ преимущественно рангоутъ, то потеря наша въ людяхъ была весьма незначительна: убитыхъ и раненыхъ на всѣхъ судахъ оказалось 18 человѣкъ; изъ этого числа 7 убитыхъ и 9 раненыхъ было на *Ягудіилъ*; такелажъ же на этомъ кораблѣ до того пострадалъ, что при сдачѣ шведскаго корабля, для взятія его, Деляпъ не могъ спустить шлюпки, которую послали съ корабля *Рафаилъ*, и поэтому честь завладѣнія шведскимъ флагманскимъ кораблемъ досталось на долю капитана Шапизо. Оскорбленный такою несправедливостію, Деляпъ, разъясняя дѣло, приводитъ англійскую охотничью пословицу: «Я срубилъ кустъ, а онъ (Шапизо) убѣжалъ зайцемъ [2])».

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1936, 1937 и 1938. Шхан. журналъ *Девоншира* въ С.-Петерб. арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

[2]) I beat the bush and he run away with the hare. (Моск. арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Дѣла шведск. двора 1712 г. № 13).

Взятыя шведскія суда были: 52 пуш. корабль *Вахмейстеръ*, подъ брейдъ-вымпеломъ капитанъ-командора Врангеля, имѣвшій въ нижнемъ декѣ 12 фунт. пушки, въ верхнемъ декѣ-6 фунтовыя, и на шханцахъ 3 фунтовыя; 35 пуш. фрегатъ *Карлскронвапенъ*— въ нижнемъ декѣ 6 фунтовыя, на верхнемъ 3 фунт. и двѣ мѣдныя одно-фунтовыя; 12-ти пушечная бригантина *Бернгардусъ*, вооруженная 4-хъ и 3-хъ фунтовыми пушками. Экипажи судовъ состояли изъ 11 офицеровъ и 376 нижнихъ чиновъ. У шведовъ убито около 50, ранено 13 человѣкъ [1]).

Это было наше *первое* дѣйствительно *морское* сраженіе или, по словамъ Великаго основателя, «добрый починъ россійскаго флота», за который государь благодарилъ Сенявина собственноручнымъ письмомъ и произвелъ его, черезъ чинъ, изъ капитановъ 2-го ранга въ капитанъ-командоры. Всѣ участвовавшіе въ дѣлѣ командиры получили слѣдующіе чины [2]) и по рангамъ золотыя медали.

Призы и раздѣлъ призовыхъ денегъ.

Другіе наши крейсеры такъ успѣшно захватывали купеческія суда, что 27-го мая изъ Ревеля въ Петербургъ отправлено было 19 призовъ. За взятыя непріятельскія суда экипажи отряда Сенявина получили 11,000 рублей. Вообще призовыя деньги, по усмотрѣнію коммерцъ-коллегіи, раздѣлялись такимъ образомъ: за призы 1718 г., изъ 100 долей, 62 полагалось Царскому Величеству, 10 адмиралу, 3 вице-адмиралу и 25 долей офицерамъ, матросамъ и солдатамъ; за призы 1719 года на долю царя полагалось $65\frac{1}{4}$ долей, адмиралу и вице-адмиралу прежнее количество, а офицерамъ, матросамъ и солдатамъ $21\frac{3}{4}$ долей [3]).

Планъ кампаніи въ Финляндіи (1719 г.).

Дѣйствія крейсеровъ были только легкія отдѣльныя попытки вредить непріятелю, главный же ударъ ему готовился изъ Финляндіи, откуда Петръ былъ «намѣренъ весьма дѣйствовать». Государь секретно приказывалъ князю Михайлу Михайловичу Голицыну стараться искать лоцмановъ, которые бы знали хорошо шхеры около Стокгольма и путь къ нимъ отъ Аланда: впослѣдствіи, получивъ свѣдѣнія отъ шведскихъ плѣнныхъ, что такіе лоцмана

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 1936.

[2]) Журн. адмиралт-коллегіи 1719 года сентября 12. Матеріалы. Отд. I. № 1952.

[3]) Матеріалы. Отд. I. № 1953. Извлеч. изъ журн. стр. 104.

есть на Аландѣ, государь указывалъ на лучшаго изъ нихъ, сообщая даже его имя и примѣты [1]).

Планъ кампаніи состоялъ въ томъ, чтобы собравъ въ Аландскихъ шхерахъ значительныя сухопутныя силы, перевезти ихъ на галерномъ флотѣ, подъ прикрытіемъ кораблей, на шведскій берегъ. Сдѣлавъ высадку и разоривъ прибрежья, Петръ надѣялся заставить шведское правительство, подъ гнетомъ народнаго неудовольствія, согласиться на выгодный для Россіи миръ.

Корабельный флотъ (1719 года.

2-го іюня у Котлина стояла уже, подъ начальствомъ вице-адмирала Петра Михаилова (кор. *Ингерманландъ*), готовая къ походу эскадра изъ двѣнадцати кораблей (48—90 пушечн.), двухъ прамовъ, двухъ бомбардирскихъ судовъ, гукора, шнявы и бригантины. Кромѣ того на рейдѣ, подъ начальствомъ Апраксина, находилось 5 галеръ съ десантными войсками. Въ числѣ судовъ корабельной эскадры, по особенному случаю, не было спущеннаго въ прошломъ году 90 пушечнаго корабля *Лѣсное*. Ночью 23-го мая онъ нашелъ на свой якорь, которымъ сдѣлало такую пробоину въ подводной части, что корабль, наполнясь водою, повалился на бокъ и у него слетѣла фокъ-мачта, бушпритъ, гротъ-стеньга и бизань-мачта [2]). Впослѣдствіи однакоже его подняли и исправили. Въ Ревелѣ были готовы 9 кораблей 50-ти пушечныхъ, 5 фрегатовъ 30-ти пушечныхъ, пинкъ, шнява, 2 гукора, прамъ и 2 почтовыя бригантины.

Плаваніе флотовъ до Ламеланда.

9-го іюня государь со своей эскадрой пошелъ въ Ревель, а Апраксинъ съ галерами къ Гангуту, гдѣ уже съ 3-го іюня дожидалъ его князь Голицынъ. Эскадра государя за противными вѣтрами и штилями отстаивалась на якорѣ и вообще подвигалась весьма медленно. Одинъ разъ, лавируя впродолженіе цѣлаго дня, вылавировали полторы мили. Такимъ образомъ только 19-го іюня котлинскія суда пришли въ Ревель [3]). Соединившійся здѣсь флотъ, кромѣ фрегатовъ и бомбардирскихъ судовъ, состоялъ изъ 21 линейнаго корабля [4]).

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1889, 1902, 1948 и 1949.

[2]) Шханечн. журн. корабля *Марльбургъ* въ библіотекѣ Казанскаго университета.

[3]) Извлеч. изъ журн. стр. 100—104.

[4]) 90 пуш. *Гангутъ*; 70 пуш. *Св. Александръ*, *Нептунусъ* и *Ревель*; 64 пуш. *Ингерманландъ*, *Москва*, *Марльбургъ*, *Екатерина* и *Шлиссельбургъ*; 58 пуш. *Лондонъ;* 52 пуш. *Уріилъ*, *Ягудіилъ*, *Варахаилъ*, *Селафаилъ*, *Рафаилъ*, *Девонширъ* и *Портсмутъ*; 50 пуш. *Рандольфъ* и *Перлъ;* 48 пуш. *Британія* и *Арондель*. (Мат. Отд. I. №1933).

Число орудій на всѣхъ судахъ было 1672, а численность экипажей 10,711 человѣкъ. Подобная сила уже давала царю возможность, безъ пособія несговорчивой союзницы Даніи, обезопасить нашъ гребной флотъ при переходѣ его съ десантомъ къ шведскому берегу.

20-го іюня Апраксинъ съ галерами пришелъ къ Гангуту, а вице-адмиралъ (царь), отдѣливъ 5 кораблей въ крейсерство, между Дагеродомъ и финскими шхерами [1]), хотѣлъ немедленно вести корабельный флотъ также къ Гангуту, но исполненію этого намѣренія помѣшалъ жестокій W вѣтеръ. Не любя терять напрасно времени, Петръ воспользовался такой невольной задержкой и поѣхалъ сухимъ путемъ, для осмотра приготовительныхъ работъ къ постройкѣ гавани въ Рогервикѣ, куда потомъ за нимъ перешелъ и флотъ [2]).

На собравшемся здѣсь консиліумѣ флотскіе начальствующія лица и сухопутные генералы разсуждали о планѣ предстоящихъ военныхъ дѣйствій и подавали свои мнѣнія письменно. Вице-адмиралъ Петръ Михайловъ полагалъ флотамъ корабельному и галерному идти къ Аланду, соединиться у острова Ламеланда и отъ него, выславъ крейсеровъ для осмотра шведскихъ шхеръ и выждавъ удобный вѣтеръ, галерамъ подъ прикрытіемъ кораблей перейти въ шведскія шхеры, «для поиска надъ непріятелемъ, гдѣ удобный случай будетъ, но въ великій азартъ вдаваться не надлежитъ, ибо никакой нужды къ тому не имѣемъ». Корабельному же флоту, если въ немъ не будетъ предстоять дальнѣйшей необходимости, возвратиться къ Аланду, такъ какъ въ шведскихъ шхерахъ долго стоять не безопасно. Въ Аландскомъ же проливѣ для прикрытія возвращенія галеръ предполагалось держать крейсеровъ. Царь не опасался шведскаго флота, который хотя и состоялъ изъ 19 кораблей, но какъ часть ихъ была разставлена въ глубинѣ шхеръ, на пути ведущемъ въ Стокгольмъ, то должно было заключить, что корабли эти въ море выйдти не могутъ и поставлены только какъ крѣпости, для защиты фарватера. Остальнымъ же кораблямъ, находившимся въ морѣ, невозможно было рѣшиться вступать въ бой съ нашимъ, сильнѣйшимъ флотомъ [3]).

Но государя очень безпокоило прибытіе въ Зундъ англійской эскадры, находившейся подъ начальствомъ адмирала Норриса. Она

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1955 и 1959.

[2]) Журн. П. В. II. стр. 85.

[3]) Каб. Дѣл. Отд. II. № 43.

состояла изъ 11 кораблей, къ которымъ должны были подойдти еще шесть и при такой численности соединеные англійскій и шведскій флоты весьма могли воспрепятствовать вторженію въ Швецію. Для разъясненія намѣреній англичанъ, царь послалъ къ Норису поручика Н. Ѳ. Головина, на фрегатѣ *Самсонъ* (бывшемъ подъ командою кап. Зотова), въ сопровожденіи корабля *Ягудіилъ* и пинка *Принцъ Александръ*. Опасаясь удержанія фрегата, и чтобы быть готовымъ на всякую случайность, государь принялъ особенныя предосторожности. За *Самсономъ*, подъ видомъ крейсеровъ, пошли нѣсколько фрегатовъ и корабль *Перлъ*, которые держась въ виду одинъ другаго составляли между Борнгольмомъ и Дагеродомъ непрерывную цѣпь. Въ случаѣ, если бы англичане пришедшіе съ враждебными намѣреніями, задержали Головина, то черезъ переданные по цѣпи судовъ сигналы Петръ тотчасъ узналъ бы объ этомъ и имѣлъ возможность принять мѣры, сообразныя обстоятельствамъ. Съ Зотовымъ послана къ Норису декларація, въ которой объявлялось, что Россія дозволяетъ коммерческимъ судамъ всѣхъ державъ свободное плаваніе по Балтійскому морю, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы на нихъ не доставлялось шведамъ военной контрабанды [1]).

26-го іюня корабельный флотъ соединился съ гребнымъ у Гангута и отсюда оба флота отправились къ Ламеланду: корабельный подъ начальствомъ Сиверса — моремъ, а галерный съ Апраксинымъ — шхернымъ путемъ. Государь, несмотря на серьезную болѣзнь, пошелъ на своей галерѣ. 6-го іюля галерный флотъ, состоявшій изъ 132 галеръ и болѣе 100 лодокъ, на которыхъ было до 26,000 войска, прибылъ къ Ламеланду, гдѣ 8-го числа присоединился къ нему и корабельный флотъ, а царь, только что оправившійся отъ болѣзни, самъ выѣхалъ на шлюпкѣ встрѣчать корабли и привелъ ихъ на рейдъ подъ своимъ флагомъ. Тогда же капитанъ-командоръ Н. Синявинъ съ 4 кораблями отправленъ былъ для осмотра непріятельскаго берега, а капитанъ Опій съ кораблемъ и шнявою посланъ на фарватеръ ведущій къ Ламеланду съ юга, для наблюденія судовъ идущихъ съ моря отъ S и W. Однакожъ на этотъ разъ принятыя предосторожности были напрасны: шведскій флотъ не показывался.

---

[1]) Журн. П. В. II, стр. 87. Извлеч. изъ журн. стр. 102.

Переговоры о мирѣ и движеніе флотовъ отъ Ламеланда.

Между тѣмъ отъ королевы Элеоноры явился къ государю посланный съ изъявленіемъ желанія «на резонабельныхъ и сносныхъ кондиціяхъ о возобновленіи и утвержденіи добраго согласія», почему и въ Стокгольмъ отправленъ Остерманъ полномочнымъ министромъ также съ мирными предложеніями. Но, начинавшіеся переговоры не останавливали военныхъ дѣйствій: послѣ двухъ «консилій», бывшихъ 9-го и 10-го іюля, корабельный и галерный флоты (10-го іюля въ 9 часу вечера) тронулись въ путь. Нашедшій около полуночи сильный туманъ и наступившій штиль заставили корабли стать на верпы. Галерный же флотъ благополучно перешелъ Аландскій проливъ и 11-го іюля въ 4 часа дня «съ немалымъ трудомъ» дошелъ до урочища Капельшеръ, находящагося у шведскаго берега, верстахъ въ семидесяти отъ Стокгольма. Отставшія отъ флота, во время тумана, 4 галеры, брандеръ и нѣсколько островскихъ лодокъ возвратились назадъ къ Ламеланду. Съ непріятельской сторожевой шнявы, стоявшей у берега, близъ острова Блаконшеръ, увидѣли наши галеры еще въ десятомъ часу утра и выстрѣлами дали вѣсть о приближеніи русскихъ. Немедленно начали зажигаться сигнальные огни и тревога распространилась по всему берегу. Давно ожидаемые страшные гости явились на шведскую землю съ грозною силою.

Корабельный флотъ узналъ отъ крейсеровъ въ то же утро, что непріятельскаго флота не видать и что Апраксинъ находится вблизи шведскихъ шхеръ. Не имѣя необходимости долѣе оставаться въ морѣ, что было и не безопасно при возможности соединенія англичанъ со шведами, наши корабли возвратились къ Ламеланду. По узкости фарватера во время выхода въ море приткнулись къ мели два корабля и на обратномъ пути одинъ—*Ингерманландъ*, но всѣ они были сняты. Въ крейсерствѣ подлѣ шведскаго берега остался капитанъ-командоръ Н. Синявинъ съ 7-ю кораблями [1]).

Желая заставить самый народъ требовать у своего правительства скорѣйшаго согласія на миръ съ Россіею, государь приказалъ Апраксину распространять между населеніемъ, напечатанный на нѣмецкомъ и шведскомъ языкахъ, манифестъ, въ которомъ объяснялось, что Россія всегда изъявляла готовность къ миру, но была вынуждена начать войну противъ своего желанія. Что покойный ко-

---

[1]) Извлеч. изъ журн. стр. 111—113. Матеріалы. Отд. I. № 1984.

роль былъ, наконецъ, также согласенъ прекратить войну, а настоящее правительство королевы желаетъ продолжать ее. Россія же не только не ищетъ новыхъ завоеваній, но даже согласна уступить Швеціи значительную часть теперь ею занятаго, и что настоящее вторженіе въ Швецію дѣлается «единственно для того, чтобы желаемаго замиренія достигнуть можно было». Затѣмъ, въ случаѣ несогласія на миръ, вина всѣхъ бѣдствій народа возлагалась на шведское правительство и объявлялось шведскимъ подданнымъ «дабы они для пресѣченія приближающагося нападенія споспѣшествующія средства и совѣты завременно въ свою пользу употребить могли» [1]).

По инструкціи, данной государемъ Апраксину, велѣно было: «разорять и жечь какъ можно; а людей нетокмо не брать, но не грабить съ нихъ и ничѣмъ не досаждать, но внушать, что мы воюемъ для того, что сенатъ ихъ (шведскій) не склоненъ къ миру». Притомъ, подъ опасеніемъ смертной казни, запрещалось касаться церквей. Купеческія суда, кромѣ англійскихъ, голландскихъ и французскихъ, сначала велѣно было всѣ жечь; а потомъ тѣ, которыя не очень стары, приказано пересылать на Аландъ. Въ плѣнъ же брать велѣно только данцигскихъ жителей. Государь приказалъ «перво попытаться къ Стокгольму», но ежели будетъ трудно, то раздѣлясь на два корпуса разорить берегъ между Стокгольмомъ и Нордчепингомъ; для чего одному корпусу идти отъ Нордчепинга, а другому на встрѣчу первому, отъ Стокгольма. Все это предполагалось окончить къ «преображеньеву дню», и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше [2]).

Декларація о коммерціи въ Балтійскомъ морѣ.

Опасаясь враждебныхъ дѣйствій со стороны англійскаго правительства, царь старался и въ англійскомъ народѣ возбудить сочувствіе къ сохраненію мирныхъ отношеній къ Россіи, и съ этою цѣлью публиковалъ декларацію о свободной морской торговлѣ въ Балтійскомъ морѣ. 9-го апрѣля объявлено было всѣмъ нейтральнымъ державамъ, что Россія готова допустить совершенно свободное плаваніе ихъ коммерческихъ судовъ, въ порты Сѣвернаго и Балтійскаго морей, если нейтральныя державы убѣдятъ согласиться

---

[1]) Манифестъ о виновникѣ продолженія войны. Журн. П. В. II, стр. 447.
[2]) Морск. журн. стр. 154.

на это и Швецію. Если же она сдѣлаетъ исключеніе для нѣкоторыхъ предметовъ, относя ихъ къ военной контрабандѣ, то и Россія, съ своей стороны, сдѣлаетъ тоже ограниченіе. Но въ случаѣ, если нейтральныя державы не изъявятъ желанія ходатайствовать предъ шведскимъ правительствомъ о согласіи его на облегченіе коммерческаго плаванія и шведы попрежнему будутъ стараться вредить морскимъ торговымъ сношеніямъ съ Россіею, то царь своимъ военнымъ судамъ прикажетъ забирать всѣ коммерческія суда нейтральныхъ націй, идущія въ шведскіе порты или изъ нихъ возвращающіяся. Хотя эта декларація не измѣнила дѣйствій шведскаго правительства, но царь, въ самый день окончательнаго рѣшенія на высадку, то есть 28-го іюля, издалъ новую декларацію, въ которой объявлялъ, что несмотря на упорство шведовъ, онъ «для показанія всему свѣту умѣренности, особливо же для объявленія склонности къ дружбѣ» къ народамъ великобританскому и нидерландскихъ соединенныхъ провинцій, позволяетъ ихъ коммерческимъ судамъ свободную морскую торговлю со шведскими портами, всѣми товарами, за исключеніемъ военной контрабанды, къ которой относятся: «порохъ, свинецъ, селитра, сѣра, пенька и все, что къ флоту надлежитъ, всякій хлѣбъ и соль» [1]).

Галерный флотъ въ стокгольмскихъ шхерахъ (1719 г.).

Вечеромъ того же дня, въ который галеры Апраксина подошли къ шведскому берегу, казацкая партія была послана для отысканія «языковъ», а на другой день, 12-го іюля, генералъ-маіоръ Ласси съ 21-ю галерою и 12-ю островскими лодками, на которыхъ было посажено 3,500 человѣкъ, отправленъ для разоренія берега къ сѣверу отъ Стокгольма [2]).

Островокъ Капельшеръ [3]), у котораго стоялъ Апраксинъ, находился на самомъ стокгольмскомъ фарватерѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ фарватеръ съ моря подходилъ къ материку. Отъ Ламеланда до Капельшера, галерный флотъ прошелъ по кратчайшему пути, по которому ходятъ суда и въ настоящее время отъ Аландскихъ острововъ (отъ Ледзунда) къ Стокгольму.

Опасаясь углубляться въ тѣсные шхерные проходы, въ кото-

---

[1]) Журн. Петра Велик. II. стр. 440—444.

[2]) Морск. журн. стр. 156.

[3]) Шир. 59° 43′, долгота 19° 5′ О-ая отъ Гринвича.

рыхъ легко можно было наткнуться на засаду или неожиданное сильное сопротивленіе, Апраксинъ, для дальнѣйшаго движенія отъ Капельшера, избралъ не обыкновенный корабельный фарватеръ, а другой, идущій ближе къ окраинѣ стокгольмскихъ шхеръ и представлявшій ту выгоду что флотъ идя этимъ путемъ почти всегда имѣлъ, на довольно большое разстояніе открытый горизонтъ, а со стороны моря, группами небольшихъ островов, защищенъ былъ отъ нападенія шведскаго корабельнаго флота. Кромѣ того, близость моря представляла возможность сношеній съ нашими крейсерами.

По присылкѣ отъ генерала Ласси трехъ «языковъ»: поручика, корнета и лоцмана, Апраксинъ 13-го іюля двинулся съ галерами отъ Капельшера. Съ неизбѣжными остановками, 15-го числа флотъ дошелъ до острова «Лили-Дасесъ», находящагося въ 3 или 4 верстахъ отъ крѣпости Даларэ, лежащей на матеромъ берегу, верстахъ въ 30 на юго-востокъ отъ Стокгольма. Отсюда до столицы Швеціи было два пути: одинъ береговой, другой водою, узкимъ проливомъ, доступнымъ по своей малой глубинѣ только шлюпкамъ. На консиліумѣ рѣшили послать берегомъ партіи казаковъ, если можно до самаго Стокгольма, съ цѣлію «сдѣлать алармъ, буде возможно, достать знатнаго языка и зажечь городъ». Водою же, для изслѣдованія пролива, положили отправить на островскихъ лодкахъ 500 человѣкъ. Этому отряду велѣно было идти проливомъ на сколько будетъ можно, хотя до самаго Стокгольма и въ случаѣ достиженія его также «сдѣлать алармъ и, если возможно, хотя съ самаго края зажечь и сдѣлать конфузію». Однако же «въ азартъ себя не давать» и въ случаѣ опасности идти обратно. Казаки, посланные сухимъ путемъ, встрѣтивъ сильное сопротивленіе, возвратились на другой день, успѣвъ захватить 9 плѣнныхъ; а отрядъ лодокъ нашелъ что въ проливѣ затоплены два судна и, кромѣ того, проходъ защищали три галеры и на берегу были поставлены караулы. Лодки послѣ перестрѣлки, разоривъ ближайшія мызы и деревни, также возвратились къ флоту.

Апраксинъ, отправясь въ дальнѣйшій путь, для обхода крѣпости Даларэ, прошелъ восточнѣе большаго острова Орно и потомъ, между имъ и островомъ Утэ, вышелъ опять на обыкновенный нынѣ существующій фарватеръ, которымъ галеры 19-го числа и

дошли до маяка Ландсортъ [1]), находящагося на юговосточной оконечности шхеръ, нѣсколько западнѣе меридіана Стокгольма. Впродолженіе этого перехода забрано было нѣсколько купеческихъ судовъ и на островѣ Утэ разорены и сожжены мѣдные и желѣзные заводы. Отъ Ландсорта, на островскихъ лодкахъ, отправлены были партіи разорять окрестныя шхеры и матерой берегъ.

Обогнувъ мысъ Ландсортъ, галеры заходили въ заливъ, идущій на сѣверъ къ городку Седертельге и посланные на лодкахъ отряды разорили какъ Седертельге, такъ и мѣстечко Тросъ и другія селенія и мызы, лежавшія не далѣе 25 верстъ къ западу отъ Стокгольма. 24-го числа галерный флотъ подошелъ къ Ничепингу, а 30-го къ Нордчепингу. Проходя по узкому заливу, при которомъ лежали оба эти городка, флотъ отдѣлялъ впередъ и въ стороны партіи для разоренія окрестныхъ мѣстъ. Особенное вниманіе обращено было на истребленіе литейныхъ заводовъ, которыхъ находилось много въ этой мѣстности и которые велѣно было Апраксину «жечь безъ остатку». Дѣйствія нашихъ войскъ почти не встрѣчали сопротивленія: малые отряды непріятеля бѣжали при появленіи русскихъ. Бывшіе у Нордчепинга до 12 эскадроновъ кавалеріи, отступивъ безъ боя, затопили 27 купеческихъ судовъ и сами такъ успѣшно подожгли городъ, что подошедшимъ часа черезъ четыре нашимъ солдатамъ «за великимъ запаленіемъ огня приступить было невозможно». Въ этой мѣстности, вовсе неожидавшей непріятельскаго нападенія, получена значительная добыча: взято много купеческихъ судовъ и на заводахъ собрано большое количество мѣди. Въ одномъ Нордчепингѣ нагрузили ею нѣсколько карбасовъ; а на пушечномъ заводѣ на островѣ Некварнъ нашли болѣе 300 чугунныхъ пушекъ разнаго калибра.

Августа 3-го флотъ нашъ пошелъ въ обратный путь и на другой день былъ у Ландсорта. Во время плаванія присоединялись къ нему партіи, разсѣянныя по берегамъ для разоренія окрестностей и разсылались новые отряды въ мѣста, оставшіяся почему нибудь не разоренными. 5-го августа флотъ былъ у острова «Руней» (сосѣдняго съ островомъ Утэ), гдѣ встрѣтился бригадиръ Левашевъ, пришедшій со своими галерами отъ Аланда и поставленный на этомъ

---

[1]) Широта 58° 44′, долг. 17° 52′ О-ая отъ Гринвича.

*

фарватерѣ Апраксинымъ, для захватыванія купеческихъ судовъ, изъ которыхъ три дѣйствительно попались на Левашева и были имъ взяты. Крѣпость Даларэ были опять обойдена, но отрядъ, посланный для ея осмотра и снятія плана, подходилъ такъ близко, что разорилъ и сжегъ мѣстечко, находившееся подъ выстрѣлами крѣпостныхъ пушекъ.

Намѣреваясь продолжать разореніе еще новыхъ острововъ, Апраксинъ получилъ повелѣніе царя идти къ Стокгольму, и выбравъ удобное мѣсто, стоять тамъ, «а на сю сторону (къ Аланду) не отписався не ходить, дабы тѣмъ непріятелю отдыха не дать и не почаялъ бы, что конецъ кампаніи». Этимъ угрожающимъ положеніемъ флота Петръ надѣялся заставить шведовъ, для спасенія отъ разоренія страны, поспѣшить заключеніемъ мира. До государя дошелъ слухъ, что королева «отъ печали и страха умерла и англійскій посолъ оставилъ Стокгольмъ»; въ случаѣ подтвержденія этого слуха, царь располагалъ идти самъ съ корабельнымъ флотомъ брать крѣпости и очищать дорогу галерамъ. Апраксинъ предлагалъ поставить галеры верстахъ въ 25 отъ столицы и высадивъ войска идти на Стокгольмъ сухимъ путемъ, но этотъ планъ, какъ самъ царь, такъ и собранный имъ потомъ консиліумъ нашли очень рисковымъ и опаснымъ, потому что, при удаленіи войска отъ берега, непріятель могъ уничтожить оставленныя, съ сравнительно слабымъ прикрытіемъ, галеры. Вмѣсто такого рѣшительнаго нападенія найдено было достаточнымъ ограничиться въ этомъ году только осмотромъ фарватеровъ, ведущихъ къ Стокгольму и также защищающихъ ихъ крѣпостей, съ тѣмъ чтобы въ будущемъ году «уже ни за чѣмъ ни стоять». Для предположеннаго осмотра прислали къ Апраксину инженеровъ и свѣдущихъ морскихъ офицеровъ, въ числѣ которыхъ находились Люберасъ и Мишуковъ [1]).

Въ то время, какъ и теперь, къ Стокгольму вели три шхерныхъ пути: 1) Стекзундъ, нѣсколько сѣвернѣе Даларэ,— очень узкій проливъ, въ иныхъ мѣстахъ не болѣе 15 саженъ и до 6 футовъ глубины, 2) съ сѣверо-востока отъ Капельшера и 3) съ юго-востока отъ маяка Корсэ [2]). Оба послѣдніе фарватера сое-

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 2011, 2024, 2027 и 2029. Морск. журн. стр. 165.

[2]) Шир. 59° 17′, долг. 19° 3′ О-я.

днняются у крѣпости Ваксгольма, лежащей верстахъ въ 18-ти къ сѣверо-востоку отъ Стокгольма. Подойдя съ флотомъ, 13-го числа, къ проливу Стекзундъ, Апраксинъ, пославъ предварительно шлюпки для осмотра мѣстности, высадилъ на оба берега пролива отрядъ войскъ: на лѣвый—князя Барятинскаго, а на правый—Стрѣкалова, каждаго съ тремя баталіонами пѣхоты. Первый, пройдя съ версту, наткнулся на два полка пѣхоты и полкъ кавалеріи, находившіеся подъ командою генералиссимуса принца гессенъ-кассельскаго и, послѣ жаркаго сраженія, продолжавшагося почти пять часовъ, обратилъ шведовъ въ бѣгство; дальнѣйшему преслѣдованію которыхъ помѣшала только наступившая темнота. Въ этомъ дѣлѣ наша потеря убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти была 442 человѣка. На другой день посланные для развѣдокъ казаки открыли значительныя непріятельскія силы, а въ самомъ проливѣ нашли затопленными нѣсколько карбусовъ При такихъ обстоятельствахъ сочтено было за лучшее отступить, а для рекогносцировки фарватера до крѣпости Ваксгольма, охранявшей путь отъ Капельшера къ Стокгольму, послать отрядъ изъ 21 галеры и 21 лодки, подъ начальствомъ Змаевича и генералъ-маіора Дюпре. Самъ же Апраксинъ съ флотомъ, подойдя 15-го августа къ островамъ Мейанъ [1]), сталъ на якорь и простоялъ здѣсь до 18-го, поджидая возвращенія Змаевича и приготовляясь къ обратному морскому плаванію на Аландъ. Змаевичъ, пройдя фарватеромъ, идущимъ сѣвернѣе острововъ Виндэ и Вермдэ [2]), остановился верстахъ въ трехъ отъ Ваксгольма. Несмотря на сильную пушечную пальбу и бомбы, бросаемыя изъ крѣпости, Змаевичъ подходилъ къ ней на шлюпкахъ на такое близкое разстояніе, что инженеры могли набросать планъ укрѣпленій. Подъ крѣпостью стояли пять кораблей и пять прамовъ; на одномъ изъ кораблей былъ адмиральскій, на другомъ вице-адмиральскій флагъ. Самый проходъ загражденъ былъ желѣзными цѣпями. Отъ Ваксгольма Змаевичъ пошелъ на соединеніе съ Апраксинымъ прямо къ Капельшеру и по всему берегу видѣлъ отряды непріятельской пѣхоты и кавалеріи. Несмотря на это,

---

[1]) Лежащимъ почти на одной параллели съ Ваксгольмомъ, въ прямомъ разстояніи отъ него около 30 верстъ къ востоку.

[2]) Фарватеръ этотъ идетъ съ моря отъ маяка Корсэ.

у мѣстечка Эстано, онъ, обстрѣлявъ предварительно берегъ съ галеръ, сдѣлалъ высадку, сжегъ мызу, принадлежавшую графу Вредену, и 18-го числа благополучно присоединился къ флоту въ Капельшерѣ. Отсюда 19-го августа, во 2-мъ часу пополудни, флотъ двинулся на веслахъ; и какъ вышли въ море, «тогда погода настала способная и слѣдовали безъ парусовъ и безъ гребли(?)». Перейдя благополучно проливъ, въ 10-мъ часу вечера галеры пришли къ Ламеланду, гдѣ встрѣтилъ ихъ самъ царь у вновь построенной имъ батареи [1]).

Дѣйствія отдѣльнаго отряда генералъ-маіора Ласси были не менѣе успѣшны. Отдѣлясь отъ флота въ Капельшерѣ (стр. 321), Ласси пошелъ фарватеромъ, идущимъ къ сѣверу вдоль берега, забирая на пути суда, разоряя и сожигая селенія и особенно истребляя желѣзные и мѣдные заводы. Жители вездѣ разбѣгались при появленіи русскихъ. Кавалерія непріятельская показалась только 20-го іюля у Капеля, верстахъ въ 7 отъ Форсмарка. Здѣсь Ласси высадилъ 1,400 человѣкъ и шведы, отступивъ за свои засѣки, сначала было открыли огонь, но, по приближеніи нашихъ войскъ, побѣжали, бросивъ три бывшія съ ними пушки. Потеря съ обѣихъ сторонъ была ничтожная: у насъ убитъ одинъ, а у шведовъ три человѣка. 25-го іюля, для разоренія желѣзныхъ заводовъ Леста-Брукъ, лежавшихъ верстахъ въ 10-ти отъ берега, Ласси высадилъ 2,400 человѣкъ. Встрѣченная имъ кавалерія отступила по дорогѣ къ заводамъ и остановилась близъ нихъ на небольшомъ полѣ. Мѣстность не дозволяла атаковать шведовъ съ фронта всѣми силами, и потому Ласси послалъ два отряда обойти фланги непріятеля, а самъ съ главными силами атаковалъ его съ фронта. Неожиданное появленіе русскихъ на обоихъ флангахъ заставило шведовъ бѣжать, оставивъ на мѣстѣ всѣ свои семь пушекъ. Заводъ и значительное при немъ мѣстечко были выжжены. Шведы, изъ числа бывшихъ въ въ дѣлѣ 1,600 человѣкъ, потеряли убитыми 30, наша же потеря состояла изъ 5 убитыхъ и 15 раненыхъ. Продолжая свой путь, сопровождаемый разореніемъ и пожарами, Ласси 1-го августа подошелъ къ городу Гефле, гдѣ подъ начальствомъ генераловъ Гамель-

---

[1]) Морск. журн. стр. 156—169.

тона и Армфельда было собрано до 3,000 регулярнаго войска, 900 вооруженныхъ жителей и еще ожидались подкрѣпленія изъ Упсалы. Самый проходъ къ Гефле защищенъ былъ четырехъ-пушечною батареею. Не рѣшаясь рисковать, Ласси ограничился разореніемъ окрестностей и двинулся въ обратный путь. Къ Ламеланду онъ прибылъ 16-го августа [1]).

Экспедиція Апраксина, веденная съ полнымъ успѣхомъ, совершенно достигла своей цѣли. Все прибрежье Швеціи и окружающіе его шхеры, отъ Гефле до Нордчеппинга, были разорены. Зарево пожаровъ видно было въ самомъ Стокгольмѣ, отъ котораго русскіе находились не далѣе десяти верстъ. Казна и частныя лица понесли огромныя матеріальныя потери: кромѣ многихъ городовъ, замковъ, мызъ, заводовъ и фабрикъ, сожжено нѣсколько десятковъ тысячъ частныхъ домовъ, обитатели которыхъ остались безъ крова и пропитанія.

Послѣдствія похода Апраксина.

Разоренные жители пострадавшихъ мѣстностей распространили ужасъ по всей странѣ, и въ народѣ, какъ ожидалъ царь, дѣйствительно поднялся ропотъ на правительство, медлившее миромъ и неимѣвшее силъ защитить свои владѣнія отъ страшнаго сосѣда. Это заставило королеву просить Петра, въ виду близкаго мира, пріостановить военныя дѣйствія, что, какъ мы видѣли, царемъ и было исполнено. Походъ Апраксина принесъ намъ еще ту выгоду, что далъ возможность отлично ознакомиться со всѣми шхерными фарватерами почти до самаго Стокгольма; а такія свѣдѣнія были неоцѣнимы на случай повторенія подобнаго нападенія. Наконецъ, кромѣ нематеріальныхъ выгодъ, русскіе пріобрѣли въ этотъ походъ значительную добычу въ судахъ и особенно въ металлахъ, забранныхъ съ заводовъ. Слабое сопротивленіе, встрѣченное русскими, происходило, между прочимъ, главнѣйше отъ неимѣнія непріятелемъ достаточно сильнаго гребнаго флота, необходимаго для шхерной войны.

Хотя аландскій конгрессъ продолжался во время экспедиціи Апраксина, и лица, участвовавшія въ немъ, сносились непрерывно съ своими правительствами (Остерманъ даже ѣздилъ въ Стокгольмъ), но надежды Швеціи на сочувствіе другихъ державъ, и осо-

---

[1]) Журн. Петр. Велик. II, стр. 111—116. Матеріалы. Отд. I. № 2033.

бенно Англіи, заставляли ее медлить подписаніемъ тяжелыхъ для нея условій мира [1]).

Пребываніе корабельнаго флота въ Ламеландѣ.

Государь, оставаясь у Ламеланда, во все время пребыванія Апраксина въ Швеціи, слѣдилъ за безопасностію галернаго флота со стороны моря, разсылая крейсеровъ и поддерживая почти безпрерывныя сношенія съ Апраксинымъ. Въ это же время царь строилъ батареи для защиты бухты, въ которой стоялъ у Ламеланда флотъ.

Вещественнымъ памятникомъ дѣятельности царя въ этой мѣстности остался, сохранившійся до сихъ поръ, на сѣверномъ мысѣ острова Ледшера, высѣченный въ гранитѣ андреевскій крестъ. На верху изображена корона, и въ четырехъ углахъ креста слѣдующія надписи: въ верхнемъ углу—буквы С. Р. А. (Царь Петръ Алексѣевичъ), въ двухъ боковыхъ углахъ—17×19 (годъ), въ нижнемъ—iul (іюль) [2]).

Возвращеніе флотовъ въ свои порта.

Съ возвращеніемъ Апраксина изъ стокгольмскихъ шхеръ военныя дѣйствія флота въ этомъ году кончились. Царь съ адмираломъ, на пяти галерахъ, отправился въ Петербургъ, гдѣ встрѣченъ былъ торжественно 30-го августа. Оставшійся, послѣ Апраксина, главнокомандующимъ въ Финляндіи князь М. М. Голицынъ съ войскомъ и большею частію галеръ пошелъ въ Або.

Постройка шхерныхъ судовъ.

Въ предположеніи новой высадки на берега Швеціи, царь приказалъ къ будущему году приготовить число судовъ, достаточное для помѣщенія 30-ти тысячнаго корпуса, и даже болѣе; поэтому къ будущей кампаніи велѣно было построить 10 конныхъ галеръ и настолько увеличить число островскихъ лодокъ, чтобы ихъ съ прежними было 150 большой мѣры и 12 шхерботовъ [3]). Кромѣ того, для каждой галеры приказано построить по шлюпкѣ.

Мѣры предосторожности противъ англичанъ.

Хотя англійскій адмиралъ Норисъ съ отправленнымъ къ нему капитаномъ Зотовымъ (стр. 318) прислалъ отвѣтъ, что онъ пришелъ для защиты коммерческихъ судовъ и для дружественнаго содѣйствія заключенію мира между Швеціею и Россіею, но подобное увѣреніе не могло успокоить царя и когда въ концѣ августа полу-

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 2030.

[2]) Надпись эта отыскана корпуса флотс. штурм. подполковникомъ А. П. Андреевымъ. Морск. (Сборн. 1869 г. Мартъ, н. оф. стр. 55).

[3]) Матеріалы. Отд. I. № 2037.

чено было извѣстіе, что у острова Мэна видѣли 20 англійскихъ линейныхъ кораблей, фрегатъ и брандеръ, а недалеко отъ Борнгольма 6 шведскихъ кораблей, то на нашихъ берегахъ, на случай непріятельскаго нападенія, поспѣшили принять всѣ мѣры предосторожности. Ревельскую гавань по возможности укрѣпили и, по приходѣ флота въ Ревель, за Наргенъ выслали 8 кораблей. Въ Финляндіи до половины октября галеръ не разружали и даже держали при нихъ людей, не распуская по квартирамъ. По всему берегу въ опасныхъ мѣстахъ разставлены были караулы [1]).

Расположеніе флотовъ на зимовку.

Корабельная эскадра (23-го августа) пришла въ Ревель и потомъ (въ сентябрѣ) велѣно было Сиверсу съ большими кораблями идти къ Кроншлоту, а прочіе оставлены въ Ревелѣ, съ капитанъ-командоромъ Фангофтомъ [2]). Переходъ кораблей изъ Ревеля былъ на этотъ разъ очень несчастливъ: два корабля, *Портсмутъ* и *Лондонъ*, при входѣ на котлинскій рейдъ стали на мель и затонули [3]). Память о гибели послѣдняго корабля сохранилась до сихъ поръ въ названіи *Лондонской* мели.

Потеря кораблей «Портсмутъ» и «Лондонъ».

Дѣйствіе Вильбоа въ Данцигѣ (1719—20 г.)

Какъ примѣръ энергическихъ распоряженій отдѣльныхъ начальниковъ того времени, которые, при самыхъ ничтожныхъ средствахъ, благодаря твердости характера и умѣнью, достигали важныхъ успѣховъ, можно указать на дѣйствія капитанъ-поручика Вильбоа, продолжавшаго съ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ предшествующіе годы (стр. 292, 301, 307), исполнять возложенное на него государемъ порученіе по прекращенію подвоза припасовъ изъ Данцига въ Швецію. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ (1719 г.) собралось въ Данцигѣ больше 100 судовъ англійскихъ и голландскихъ, и изъ нихъ большая половина, подъ видомъ провоза хлѣба въ Англію и Голландію, на самомъ дѣлѣ готовилась доставить его въ Швецію. Вильбоа рѣшился не выпускать судовъ изъ Вислы иначе, какъ послѣ присяги самихъ хозяевъ въ томъ, что отправляемый ими хлѣбъ ни какъ не пойдетъ въ Швецію. Разумѣется, эта мѣра возбудила сильное неудовольствіе, но Вильбоа устоялъ на своемъ. Недовольствуясь присягой, онъ просилъ резидента нашего въ Даніи, князя Василія Лукича Долгорукова, что-

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 2039, 2045, 2062 и 2068.
[2]) Журн. Петра Вел. II. стр. 119.
[3]) Матеріалы. Отд. I. №№ 2058, 2072 и 2080.

бы тотъ приказалъ въ Копенгагенѣ записывать, которыя изъ судовъ, вышедшихъ изъ Данцига, пройдутъ черезъ Зундъ, и съ владѣтелей тѣхъ изъ нихъ, которыя не пройдутъ, Вильбоа намѣренъ былъ сдѣлать взысканіе, какъ съ лицъ, отправившихъ хлѣбъ въ Швецію. Магистратъ города изъ боязни съ одной стороны русскихъ, а съ другой шведовъ и англичанъ, старался по возможности держаться въ сторонѣ отъ этого дѣла. Наконецъ, 19-го сентября, явились на рейдъ три шведскихъ военныхъ судна (корабль, фрегатъ и пинкъ). Получивъ свѣдѣніе, что при помощи шведовъ купцы задумывали атаковать русскія суда, и что для этого непріятели хотятъ на берегу рѣки построить батареи, Вильбоа со своимъ отрядомъ вошелъ дальше въ Вислу, сталъ подъ пушки крѣпости Вексельмюнде и просилъ данцигскій магистратъ, въ случаѣ атаки, защищать его суда, какъ принадлежащія дружественной державѣ. Комендантъ Вексельмюнде предлагалъ пропустить суда встать выше крѣпости, находя неудобнымъ вступать въ бой со шведами,такъ какъ король польскій, а также и Англія «въ альяцію соединились съ шведами»; но выдать русскихъ врагамъ также было нельзя, потому что царю не объявляли войны.

На вопросъ, если шведы пропустятъ, не пойдетъ ли Вильбоа въ Петербургъ или Ревель, онъ отвѣчалъ, что если государь велитъ— пойду, «а буде повелѣнія не будетъ, то я радъ стоять здѣсь до послѣдняго человѣка», а въ случаѣ сильнаго непріятеля и неимѣнія помощи отъ крѣпости, Вильбоа обѣщалъ потопить суда и нарочно прибавилъ, что нагрузитъ ихъ камнемъ, такъ что и вынуть будетъ невозможно, «а непріятелю въ руки не дамъ». Шведы его однакожъ не тронули. Въ октябрѣ мѣсяцѣ пришло повелѣніе государя о переводѣ судовъ въ Либаву, но Вильбоа не могъ съ ними выйдти въ море, потому что на рейдѣ стояли четыре непріятельскіе фрегата. Шведы требовали выхода, подговаривали купцовъ атаковать русскихъ, начали перестрѣлку и думали даже абордировать шлюпками. Но Вильбоа, несмотря на всѣ угрозы непріятеля и убѣжденія магистрата, не выпускалъ изъ Вислы судовъ съ хлѣбомъ. Услышавъ, что шведы для нападенія ожидаютъ прамовъ, онъ просилъ магистратъ, по силѣ договорной грамоты съ Россіею, въ случаѣ атаки пособить ему, но просьба его осталась безъ всякаго отвѣта.

Наконецъ, объ этомъ же написалъ магистрату и самъ государь.

Въ настоящее время для Петра было весьма важно оставить Вильбоа зимовать въ Вислѣ, чтобы такимъ образомъ остановить подвозъ хлѣба въ Швецію. Весь хлѣбъ, отправляемый прежде туда изъ Кенигсберга, теперь, по случаю голода, шелъ въ Штетинъ, и для Швеціи остался только Данцигъ. Слѣдовательно, если и отсюда удалось бы прекратить подвозъ, то Швеціи угрожалъ голодъ. «Для Бога въ семъ потрудись», писалъ Петръ къ Вильбоа, и тотъ, несмотря на разныя затрудненія, дѣлаемыя магистратомъ, съумѣлъ остаться въ Данцигѣ на зимовку. Командѣ его не давали квартиръ, но изъ этого затрудненія вывелъ его аббатъ находящагося близъ города монастыря Оливы, позволивъ отвести русскимъ квартиры въ монастырскихъ деревняхъ. Наконецъ въ апрѣлѣ 1720 года, когда явилась на рейдъ, гораздо сильнѣйшая русскаго отряда, шведская эскадра и была уже (какъ принадлежавшая къ дружественному государству) пропущена въ гавань, Вильбоа, ожидая неизбѣжнаго нападенія, приготовился къ защитѣ, но шведы, согласно повелѣнію королевы, для избѣжанія кровопролитія предложили ему свободный выходъ въ море, обѣщаясь не начинать преслѣдованія ранѣе 24 часовъ. Вильбоа согласился оставить Данцигъ, но съ тѣмъ, чтобы назначенный срокъ для преслѣдованія увеличили до 48 часовъ. Получивъ въ этомъ письменное удостовѣреніе отъ шведскаго шаутбенахта и, выждавъ попутнаго вѣтра, Вильбоа со своимъ отрядомъ вышелъ въ море и благополучно пришелъ въ Ригу [1]).

Перемѣна политическихъ отношеній.

Несмотря на военныя неудачи Швеціи, или, вѣрнѣе, благодаря имъ, политическія обстоятельства измѣнялись въ ея пользу. Быстрое усиленіе Россіи на Балтійскомъ морѣ не могло не возбуждать опасеній со стороны Англіи и не заставить ее поддержать погибавшую Швецію. Подъ вліяніемъ Англіи, Пруссія и Данія заключили съ Швеціею миръ, не прерывая однакоже дружественныхъ отношеній къ Россіи. Но какъ подобное положеніе не могло служить вѣрнымъ ручательствомъ прочнаго мира, то Петръ при ожида-

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 2053, 54, 59, 61, 64, 71, 76, 77, 92, 93 и 2139.

нія прихода въ Балтику сильнаго англійскаго флота не могъ быть совершенно спокойнымъ относительно его истинныхъ цѣлей: могло случиться, что англичане въ соединеніи съ шведскимъ флотомъ готовились сдѣлать нападеніе на Россію. Это опасеніе заставило государя перейдти изъ наступательнаго положенія въ оборонительное и озаботиться защитою своихъ гаваней и сохраненіемъ флота.

Мѣры для защиты нашихъ портовъ.

Котлинъ и Ревель по важности своего значеніе требовали самой надежной защиты. Съ сохраненіемъ ихъ было связано сохраненіе флота, а съ нимъ—обладаніе Невою и прибрежьемъ Балтики, пріобрѣтеніе которыхъ стоило столькихъ трудовъ и жертвъ. Защита Котлина была поручена двумъ лицамъ: береговыми укрѣпленіями и сухопутными войсками начальствовалъ гвардіи маіоръ Матюшкинъ, а флотомъ шаутбенахтъ Сиверсъ; собственно же артиллеріею береговою, подъ главнымъ начальствомъ Матюшкина, завѣдывалъ артиллеріи маіоръ Корчминъ. Государь повелѣвалъ «оборону флота и сего мѣста (Котлина) имѣть до послѣдней силы и живота, яко наиглавнѣйшее дѣло».

Для охраненія отъ непріятельскихъ брандеровъ деревянныхъ стѣнъ Кроншлота и гаваней, передъ ними затопили негодныя мелкія суда; кромѣ того, на фарватерѣ между Кроншлотомъ и Котлиномъ, на мѣстахъ назначенныхъ государемъ, поставили приготовленные къ затопленію три старые корабля. Изъ нихъ велѣно было вынуть баластъ или оставить его «на канатахъ», для того чтобы, въ случаѣ затопленія кораблей, впослѣдствіи легче было очистить фарватеръ. Самыя гавани оградили рогатками и двойными бонами, а на стѣнахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надстроили батареи и вооружили ихъ орудіями, которыхъ въ военной гавани поставлено было 80 и въ купеческой 46. Въ помощь батареямъ въ удобныхъ мѣстахъ поставили на шпрингахъ корабли. Для защиты крѣпостей, кромѣ войскъ, употреблено были нѣсколько тысячъ крестьянъ находившихся при работѣ канала и привезены изъ Петербурга гвардейскіе полки. Относительно дѣйствія артиллеріею царь далъ опредѣлительныя и подробныя указанія Корчмину: для ускоренія стрѣльбы приготовлены были пергаментные картузы, при которыхъ можно было не банить орудій, и отпущены скорострѣльныя трубки; предписано было въ какихъ случаяхъ стрѣлять ядрами съ картечью и

съ книпелями и велѣно вѣрнѣе цѣлить, «дабы дѣйствительны были выстрѣлы, а не громъ одинъ»; наконецъ, для сосредоточенія орудій въ ту точку фарватера, черезъ которую долженъ былъ проходить непріятель, поставили въ ней баканъ.

Галеры и большія лодки велѣно было держать въ готовности, чтобы отводить и ставить на мель брандеры, а если непріятель рѣшился бы съ мелкими судами идти въ обходъ фарватера, то галерамъ предписывалось «атаковать и, съ помощію Божіею, разорить тщиться по крайней возможности». Александровскую крѣпость велѣно поправить и на берегу, гдѣ можно приставать мелкимъ судамъ, поставить новыя батареи. Для заблаговременнаго увѣдомленія о непріятелѣ, на видныхъ съ моря мѣстахъ, начиная отъ Дагерорда и до Кашпервика, поставлены были по три деревянныя сигнальныя пирамиды или костра. Въ случаѣ появленія непріятельскихъ судовъ, караульные должны были зажечь одну пирамиду, а въ случаѣ высадки на берегъ—двѣ. Кромѣ того, по всему берегу размѣщены были наблюдательные посты изъ моряковъ и конныхъ драгунъ; на морѣ же отъ Гогланда до Котлина разставлены были восемь судовъ, одно въ виду другаго.

Въ Ревелѣ защитою гавани и города и приготовленіемъ флота распоряжался самъ Апраксинъ, а сухопутными войсками начальствовалъ князь П. Голицынъ. Сюда были стянуты войска изъ ближайшихъ мѣстностей и полки росписаны по вооруженнымъ галерамъ, такъ что, смотря по надобности, они могли дѣйствовать и на сухомъ пути и на морѣ. На батареяхъ и гавани стояло до 300 орудій и въ помощь имъ въ удобныхъ мѣстахъ поставлены были прамы. Въ случаѣ появленія непріятеля, велѣно пріостановивъ собщеніе между городомъ и окрестными мѣстами, отобрать у жителей города оружіе и объявить, чтобы они не выходили изъ своихъ домовъ. Запрещено было также выпускать изъ города хлѣбъ для продажи въ уѣздъ, у жителей потребованы свѣдѣнія: сколько у кого есть хлѣбныхъ запасовъ, подъ опасеніемъ, за утайку, штрафа и отобранія скрытаго въ казну.

Тревожные слухи обѣщали бомбардировку Ревеля соединеннымъ англо-шведскимъ флотомъ и нападеніе на Курляндію, съ сухаго пути, 12.000 гессенъ-кассельцевъ, ганноверцевъ и пруссаковъ; а съ моря—высадку въ Либаву и Виндаву 8.000 шведовъ. Какъ будто въ

подтвержденіе послѣдняго слуха, противъ этихъ двухъ городовъ, въ апрѣлѣ дѣйствительно начали показываться шведскія суда. Тогда въ угрожаемые непріятелемъ пункты подвинули войска изъ другихъ мѣстъ и также приняли мѣры къ защитѣ другихъ береговъ: въ Финляндіи начали укрѣплять Гельсингфорсъ и вообще принимали предосторожности по всему финскому берегу; не забыли и Архангельскъ, въ которомъ также готовились встрѣтить непріятеля [1]).

Экспедиціи Фангофта и Бенса (1720 г.)

Флоты корабельный и галерный въ апрѣлѣ мѣсяцѣ были готовы къ походу. Морская кампанія 1720 года началась одновременною посылкою двухъ экспедицій, подъ начальствомъ капитанъ-командора Фангофта и капитана Бенса. Первый, съ семью кораблями и однимъ фрегатомъ, 14-го апрѣля отправленъ изъ Ревеля для дѣйствій противъ непріятеля у его собственныхъ береговъ и для отысканія и взятія четырехъ шведскихъ кораблей, угрожавшихъ прошлою осенью Вильбоа у Данцига. По слухамъ они зимовали въ одной изъ гаваней Готланда: Остергардѣ, Вестергардѣ или Визби. Слѣдуя инструкціи, Фангофтъ оставилъ одинъ корабль въ крейсерствѣ у Дагерорда, а съ остальными пошелъ къ Готланду искать непріятеля. Въ случаѣ, еслибы тамъ шведскихъ судовъ не оказалось и вообще не встрѣтилось бы особеннаго препятствія со стороны непріятельскаго флота, то Фангофту велѣно было идти въ Аландскій проливъ для прикрытія перехода нашего галернаго флота къ берегамъ Швеціи. Во время плаванія предписано не брать никакихъ торговыхъ судовъ, кромѣ шведскихъ, и наблюдать чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ своихъ гаваней сильнымъ непріятелемъ. При извѣстіи же о появленіи въ Балтійскомъ морѣ англійскаго флота, отряду предписывалось идти къ Наргену, дать знать о непріятелѣ въ Ревель, а для наблюденія у Дагерорда оставить крейсеровъ.

Фангофтъ шведскихъ судовъ не встрѣтилъ, но, узнавъ о появленіи сильнаго англійскаго флота, къ Аланду не пошелъ, а отправился къ Ревелю и оттуда съ лучшими кораблями меньшихъ ранговъ посланъ былъ къ Котлину; въ Ревелѣ же оставлены «городскіе», то есть строенные въ Архангельскѣ, корабли, которые были похуже [2]).

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 2145, 48, 49, 51, 59, 60, 70, 76 и 2193.

[2]) Матеріалы. Отд. I. №№ 2133 и 2155.

Капитанъ Бенсъ посланъ былъ 13 апрѣля изъ Ревеля на фрегатѣ *Ландсоу* для захвата 11-ти торговыхъ судовъ, на которыхъ шведы намѣревались перевезти въ Голландію мѣдныя пушки, взятыя впродолженіе войны у насъ, саксонцевъ и поляковъ. Бенсу было предписано, если суда эти попадутся ему на пути до Копенгагена, то атаковать и взять ихъ, если же не встрѣтятся, то, по приходѣ въ Копенгагенъ, поступать по указаніямъ нашего посла князя Долгорукова, который долженъ былъ въ помощь фрегату придать два капера. Но экспедиція Бенса не имѣла успѣха и фрегатъ *Ландсоу*, пробывъ все лѣто въ Копенгагенѣ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ возвратился въ Ревель [1]).

Военныя дѣйствія въ Финляндіи (1720 г.)

Царь, желая показать шведамъ что союзъ съ англичанами не спасетъ страну отъ бѣдствій войны, располагалъ, для разоренія берега, послать зимою по льду черезъ Ботническій заливъ изъ Вазы въ Умео партію казаковъ; но позднее замерзаніе залива, и, вообще, легкая зима не позволили исполнить этого предпріятія и нападеніе было отложено до весны [2]). Въ исходѣ апрѣля Голицынъ, готовясь по первоначальному плану къ высадкѣ въ Швецію, перешелъ съ галернымъ флотомъ изъ Або къ Ламеланду и потомъ къ западнѣйшимъ островамъ Аландскаго архипелага и, ожидая напрасно Фангофта, разсылалъ въ море лодки развѣдывать объ его приходѣ. Между тѣмъ къ непріятельскому берегу посланъ былъ бригадиръ фонъ Менгденъ, съ отрядомъ изъ 35 галеръ, на которыхъ находилось 6282 человѣка пѣхоты и кавалеріи. Въ числѣ галеръ 9 было конныхъ, т. е. устроенныхъ для помѣщенія кавалеріи. Перейдя Ботническимъ заливомъ отъ города Вазы къ противолежащему шведскому берегу, Менгденъ еще нашелъ въ островахъ ледъ, но несмотря на то высадился на берегъ и разорилъ нетолько самое прибрежье, но даже болѣе 30 верстъ въ глубину страны. Отрядомъ Менгдена сожжены два городка: Новое и Старое Умео, 41 деревня и болѣе 1000 жилыхъ дворовъ и разныхъ другихъ строеній, забрано нѣсколько каботажныхъ судовъ и около 900 штукъ крупнаго и мелкаго скота; 8 мая отрядъ былъ уже въ Вазѣ [3]).

---

1) Каб. Дѣл. Отд. I. № 22, стр. 289. Матеріалы Отд. I. № 2132. Письма Петра Вел. IV, стр. 278.

2) Матеріалы. Отд. I. №№ 2082 и 2106.

3) Матеріалы Отд. I, №№ 2152, 2167 и 2193.

Неважная сама по себѣ экспедиція Менгдена, отъ удачно выбраннаго времени для ея исполненія, имѣла большое значеніе по своимъ послѣдствіямъ: вопервыхъ, она ясно показала шведамъ, что защита англичанъ не въ состояніи избавить ихъ отъ нападенія русскихъ; а вовторыхъ, одно извѣстіе о новомъ появленіи нашихъ войскъ на берегахъ Швеціи, какъ увидимъ ниже, заставило англо-шведскій флотъ удалиться отъ Ревеля.

Голицынъ съ находившимися при немъ галерами (изъ которыхъ 10 было конныхъ) и 18 т. войска простоялъ безъ пользы у Ламеланда, потому что въ собранномъ имъ консиліумѣ большинство генераловъ находило, при слухахъ о прибытіи англійскаго флота, переходъ на шведскій берегъ безъ прикрытія нашихъ кораблей весьма опаснымъ, и потому что приказъ царя былъ «азардовать не допускать, дабы, ежели проиграемъ (чего Боже сохрани), болѣе непріятелей самимъ на себя не подвинуть» [1]. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, опасаясь нападенія соединенныхъ флотовъ на Финляндію, государь, при неизвѣстности мѣста нападенія и считая удобнѣйшимъ сосредоточить галеры и войска около середины берега, приказалъ Голицыну съ галерами идти къ Гельсингфорсу и близъ него войска поставить въ лагерь.

Англо-шведскій флотъ у Ревеля (1720г.)

Ожидавшійся съ такими опасеніями англо-шведскій флотъ 30 мая явился подъ начальствомъ адмирала Нориса передъ Ревелемъ и сталъ на якорь между Наргеномъ и Суропомъ. У англичанъ было 18 линейныхъ кораблей (отъ 90 до 50 пушеч.), 3 гребныхъ фрегата (на каждомъ по 36 веселъ), 2 бомбардирскихъ судна и 1 брандеръ. У шведовъ, подъ начальствомъ адмирала графа Вахмейстера—7 кораблей (отъ 70 до 64 пушеч.), пинкъ, бомбардирское судно и 2 брандера [2]. Всего 35 вымпеловъ. По слухамъ ожидалось еще 9 шведскихъ кораблей, не считая 4-хъ судовъ, которыя находились въ Копенгагенѣ, для конвоя купеческихъ кораблей, и нѣсколькихъ судовъ крейсеровавшихъ въ Нордбоденѣ.

Къ Норису отправили заранѣе присланное Апраксинымъ письмо, въ которомъ нашъ адмиралъ спрашивалъ о цѣли, съ какою явился

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 2147 и 2152. Дѣян. Петра Велик. VIII, стр. 45. Письма Петра Велик. III, стр. 247.

[2]) Моск. арх. М. И. Д. (Дѣл. англійск. двора. 1720 № 9).

флотъ. Норисъ отвѣчалъ письмомъ на имя государя. Получивъ отвѣтъ, что такого письма принять отъ него не могутъ, адмиралъ очевидно разсердился: заявилъ, что имѣетъ полномочіе отъ своего короля и въ доказательство своего значенія, показалъ присланному къ нему капитанъ-поручику Баршу коробку съ тремя своими орденами. Но когда и это не убѣдило Барша взять письмо, адресованное непосредственно царю, то Норисъ согласился отвѣчать на имя Апраксина. Въ письмѣ онъ объяснялъ тоже, что и прежде, т. е. что онъ присланъ для мирнаго посредничества между Россіею и Швеціею.

Девять изъ кораблей союзнаго флота крейсеровали у Наргена и одинъ изъ нихъ прикрывалъ шлюпки, производившія промѣръ между Наргеномъ и Вульфомъ. Единственными непріятельскими дѣйствіями флота были сожженіе шведами на Наргенѣ избы и бани для рабочихъ людей и задержаніе судна, шедшаго въ Петербургъ съ виномъ, принадлежавшимъ одному частному лицу. Норисъ узнавъ объ этомъ, запретилъ дальнѣйшія разоренія и отпустилъ взятое судно. Вообще, англичане видимо избѣгали ссоры, а напротивъ входили въ дружественныя сношенія, такъ напр., имѣя недостатокъ въ свѣжей провизіи, они просили и получали ее изъ Ревеля [1]). На англійскомъ флотѣ въ это время находился баронъ Сентъ-Илеръ, бывшій въ 1716 году директоромъ нашей Морской Академіи, который, во время своей службы въ Россіи, дотого надоѣлъ Меншикову, что тотъ угрожалъ его «палками бить, чтобъ научить жить народъ французскій». Одинъ изъ проектовъ Сентъ-Илера, отъ самаго государя заслужилъ резолюцію: «по сему мочно знать, что не много ума, понеже всѣхъ, глупѣе себя ставитъ» [2]). Теперь баронъ, взятый англичанами какъ лицо хорошо знакомое съ Россіею, смѣшилъ ихъ вѣрностію своихъ свѣдѣній; такъ напр. англійскіе офицеры сами разсказывали, что на картѣ ревельскаго рейда, составленной Сентъ-Илеромъ, рѣка Бригитовка (находящаяся въ дѣйствительности на другой сторонѣ бухты) протекаетъ черезъ самую гавань.

Можетъ быть соединенный флотъ простоялъ бы здѣсь дольше и

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 2193.

[2]) Веселаго. Очеркъ ист. Морск. кадетск. корп. стр. 37 и 40.

принялъ болѣе угрожающее положеніе, еслибы извѣстіе, привезенное 2-го іюня пришедшимъ съ моря судномъ, не заставило его на другой же день, не ожидая отвѣта Апраксина, уйдти къ Стокгольмскимъ шхерамъ [1]). По всей вѣроятности причиною такой поспѣшности было извѣстіе о погромѣ, произведенномъ Менгденомъ въ Швеціи (стр. 335), и опасеніе нападенія русскихъ на самый Стокгольмъ.

Крейсерство корабельнаго флота.

По удаленіи непріятеля, 12-го іюня Фангофтъ посланъ былъ отъ Котлина съ большими предосторожностями конвоировать ластовыя суда, шедшія въ Ревель и Гельсингфорсъ, и потомъ ему съ эскадрою велѣно было крейсеровать между Гангутомъ и Рогервикомъ; но непріятель въ Финскій заливъ уже не показывался. У насъ, основываясь на слухахъ, продолжали ожидать высадки въ Финляндію или Курляндію [2]), но вмѣсто отраженія нападеній на долю русскихъ досталась новая побѣда надъ шведами.

Гренгамское сраженіе (1720 г.).

По уходѣ нашего гребнаго флота отъ Ламеланда, близъ него показались непріятельскія суда, и 3-го іюня три шведскія галеры захватили ставшую на мель одну изъ семи лодокъ, находившихся здѣсь, для наблюденія за непріятелемъ. Хотя у насъ не взято въ плѣнъ ни одного человѣка, но государю былъ весьма непріятенъ самый случай потери и онъ, по поводу этого, написалъ Голицыну: «зѣло удивительно въ отдаленіи галернаго флота такой азартный разъѣздъ имѣть», и немедленно приказалъ послать 15 галеръ на то мѣсто, гдѣ была взята лодка и даже далѣе, осмотрѣть нѣтъ ли непріятельскихъ судовъ и, если найдутся, то забрать ихъ.

Между тѣмъ, получивъ свѣдѣніе, что непріятель показался опять близъ Ламеланда въ значительныхъ силахъ, Голицынъ взялъ съ собою 61 галеру и 29 лодокъ и отправился отыскивать шведовъ [3]); дѣйствительно, 26-го іюля у острова Фрисберга, находящагося въ проливѣ близъ Ламеланда, русскіе увидѣли стоявшія на якорѣ шведскія суда: корабль, 4 фрегата, 3 галеры, шняву, гальотъ, 3 шхербота и бригантину; но свѣжій SW не позволилъ немедленно атаковать шведовъ. На другой день вѣтеръ, не стихая, перешелъ къ SSW и по консиліуму, собравшемуся у Голицына, рѣшено

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 2169 и 2171.

[2]) Матеріалы. Отд. I. №№ 2175, 2189 и 2197.

[3]) Матеріалы. Отд. I. №№ 2180, 2188 и 2191.

было выйдти къ острову Гренгаму, «гдѣ было мѣсто для нашихъ галеръ способное», и если вѣтеръ стихнетъ и непріятель не уйдетъ, то атаковать его. Но только что русскія суда подошли къ Гренгаму, какъ шведскій отрядъ, съ присоединившимися къ нему новыми судами вице-адмирала Шеблата, неожиданно снялся съ якоря и подъ парусами пошелъ въ проливъ, занимаемый русскими. Наши галеры начали отступать, «а непріятель за ними же газардовалъ», и въ увлеченіи преслѣдованія незамѣтно забрался въ такую тѣсноту между мелями и каменьями, въ которой съ парусными судами ему трудно было управляться, и гдѣ галеры получали уже надъ нимъ большія преимущества. Голицынъ остановился и отъ отступленія перешелъ къ атакѣ. Когда галеры наши стали подгребать къ шведамъ, два фрегата, поворачиваясь къ нимъ бортами, стали на мель и были взяты на абордажъ. Другіе два фрегата, бывшіе на свободной водѣ, отъ значительныхъ поврежденій въ такелажѣ отстали отъ своего флота и, настигнутые нашими галерами, послѣ жестокаго боя взяты также абордажемъ. Вице-адмиралъ Шеблатъ, спасая свой корабль, рѣшился «ретироваться», и какъ выходъ къ сѣверу загражденъ былъ нашими галерами, то онъ, чтобы выбраться на плесъ къ Ламеланду, началъ лавировать къ югу. Притомъ одинъ разъ корабль его не могъ поворотить оверъ-штагъ; тѣсное мѣсто и близость русскихъ галеръ не позволяли ему поворачивать черезъ фордевиндъ и всякая промедленная минута была гибельна. Тогда Шеблатъ, послѣ неудавшагося поворота оверъ-штагъ, далъ кораблю взять ходъ и начавъ снова поворотъ, когда корабль пришелъ противъ вѣтра, отдалъ якорь не убирая парусовъ. Потомъ, наполнивъ паруса на другой галсъ и обрубивъ канатъ, докончилъ поворотъ и благополучно вышелъ изъ узкости. Такая находчивость Шеблата и удачно исполненный маневръ послужили къ спасенію корабля.

Свѣжій вѣтеръ и появленіе еще двухъ шведскихъ судовъ помѣшали преслѣдованію остальной части непріятельской эскадры, и добыча наша ограничилась четырьмя слѣдующими фрегатами: *Сторъ-Фениксъ*—34 пуш., длин. 110 фут.; *Венкеръ*—30 пуш., длин. 109 фут.; *Кискинъ* — 22 пуш., длин. 76 фут.; *Данскъ-Эрнъ* — 18 пуш., длин. 109 фут. Убитыхъ на нихъ было 103, взято въ плѣнъ 407 человѣкъ. Съ нашей стороны участвовало въ дѣлѣ бо-

*

лѣе 10,000 человѣкъ; изъ нихъ убито 82, ранено 246, и въ томъ числѣ опалено 43 человѣка [1]), конечно выстрѣлами изъ орудій во время абордажа. Шведы защищались съ отчаянной храбростью и артиллерія ихъ дѣйствовала съ такимъ успѣхомъ, что у насъ изъ 61 галеры 43 были повреждены до такой степени, что впослѣдствіи ихъ пришлось сжечь.

Во время самаго абордажа благопріятными обстоятельствами для шведовъ были высокіе, сравнительно съ галерами, борта ихъ судовъ, абордажныя сѣтки и возможность поражать столпившагося непріятеля съ марсовъ. На сторонѣ русскихъ — многочисленность и удободвижимость галеръ въ тѣснотѣ шхеръ. Главною же причиною пораженія шведовъ была неумѣренная горячность въ преслѣдованіи, излишній «азардъ», отъ котораго Петръ почти въ каждой инструкціи особенно предостерегалъ своихъ генераловъ. Подъ главнымъ начальствомъ Голицына, въ гренгамскомъ сраженіи находились: изъ морскихъ — капитанъ Дежимонъ, и изъ сухопутныхъ — бригадиры фонъ Менгденъ и князь Барятинскій.

Государь, получивъ извѣстіе объ этой побѣдѣ въ день Преображенія, 6-го августа, при выходѣ изъ церкви Св. Троицы, сейчасъ возвратился въ нее и велѣлъ служить благодарственный молебенъ. Очень обрадовало его это счастливое дѣло, совпавшее съ днемъ гангутской битвы. Хотя побѣда при Гренгамѣ была отдѣльнымъ случаемъ, неимѣвшимъ вліянія на общій ходъ войны, и мало ослабила непріятельскій флотъ, но за нею было то важное значеніе, что шведскій народъ и правительства другихъ государствъ убѣдились, что несмотря на заступничество Англіи, русскіе продолжаютъ нетолько разорять шведскую землю, но берутъ и военныя суда. Подобное событіе могло служить однимъ изъ вѣскихъ побужденій къ соглашенію на миръ. По поводу гренгамскаго сраженія, Петръ писалъ Меншикову: «Правда не малая викторія можетъ причесться, а наипаче, что при очахъ англійскихъ, которые равно шведовъ обороняли, какъ ихъ земли, такъ и флотъ» [2]). Въ Петербургѣ праздновали эту побѣду впродолженіе трехъ дней; въ память ея была выбита медаль и установлено вѣчное церковное праздне-

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 2203. Журн. Петра Вел. II. стр. 136 — 142.
[2]) Каб. Дѣл. Отд. I, № 22 стр. 305.

ство, одинаковое съ гангутскимъ. Князь М. М. Голицынъ за взятіе четырехъ «кораблей и фрегатовъ» [1]) получилъ «въ знакъ воинскаго труда шпагу, а за добрую команду трость»; та и другая были осыпаны алмазами. Высшіе чины и всѣ офицеры получили золотыя «монеты» (медали) съ цѣпями, а нижніе чины — серебряныя; за взятіе же 104 пушекъ выдано участвовавшимъ въ дѣлѣ 8960 рублей [2]). Гренгамскимъ сраженіемъ окончились военныя дѣйствія этого года; русскіе держались въ оборонительномъ положеніи, а непріятель не дѣлалъ попытокъ къ нападенію.

Расположеніе флотовъ на зимовку.

Флоты расположились на зимовку: корабельный по прежнему у Котлина и въ Ревелѣ, а галерный оставленъ въ Гельсингфорсѣ, какъ въ центральномъ пунктѣ, изъ котораго скорѣе можно было подоспѣть ко всякому мѣсту берега, угрожаемому непріятелемъ, и гдѣ, въ случаѣ неуспѣха, труднѣе было отрѣзать галеры отъ своихъ портовъ, чѣмъ въ Або, куда отправленъ бригадиръ Менгденъ только съ 15-ю галерами, выбранными изъ тѣхъ, которыя были похуже. Каждая галера имѣла при себѣ по большой лодкѣ и по шлюпкѣ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ главныя силы финляндскаго корпуса расположились на зимовку въ Або, а въ Гельсингфорсѣ поставлено пять полковъ и, кромѣ того, для исправленія галеръ назначено 250 человѣкъ солдатъ, знавшихъ плотничное мастерство [3]).

Приготовленія къ кампаніи будущаго года.

Разрывъ съ Англіею, откуда даже выѣхалъ нашъ посланникъ, и неувѣренность въ согласіи Швеціи на миръ съ тѣми уступками, которыхъ требовалъ царь, заставляли его особенно заботиться о приготовленіи къ кампаніи будущаго года и увеличеніи своихъ флотовъ. Уже 1-го іюля въ меморіи, данной Апраксину и «всей коллегіи», государь писалъ: «Понеже сія кампанія кажется, что безъ дѣйства пройдетъ, а нынѣ всѣ мы туне живемъ, того ради надлежитъ нынѣ препараціи чинить къ будущему году, дабы изготовиться, чтобъ кромѣ льду (увидимъ, что и ледъ не мѣшалъ Петру) не было отнюдь

---

[1]) Государь два изъ этихъ судовъ считалъ «кораблями», потому что они были двухпалубные, хотя на нижнихъ декахъ, по малой высотѣ ихъ, орудій не стояло. Въ самомъ дѣлѣ, эти суда близко подходили къ англійскимъ кораблямъ 3-го ранга. Шведы же называли всѣ четыре суда мелкими фрегатами.

[2]) Матеріалы. Отд. I. №№ 2238 и 2248.

[3]) Матеріалы. Отд. I. №№ 2198 и 2230.

никакой отговорки, понеже время на исправленіе довольно имѣемъ...» Этою меморіею предписывалось озаботиться о сформированіи экипажей на новые корабли и о заблаговременной заготовкѣ и перевозкѣ провіанта въ Кроншлотъ лѣтомъ, а не зимою, «дабы по льду ничего не таскать и людей не морить». Въ заключеніе царь прибавилъ: «сіе и меморіалъ и протестація, ежели исполнено не будетъ» [1]).

Общее желаніе мира.

Швеція была страшно утомлена и истощена двадцатилѣтней войною; Россія, довольная сдѣланными пріобрѣтеніями, заботилась только о томъ, чтобы сохранить изъ нихъ за собою какъ можно болѣе. Обѣ стороны желали мира, но не могли согласиться въ его условіяхъ. Швеція, обезопасивъ себя миромъ со стороны другихъ сосѣдей и обнадеженная въ содѣйствіи Англіи, за уступку Вердена и Бремена Гановеру, надѣялась принудить Россію къ уступчивости.

Предположенія Петра.

Но Петръ не очень вѣрилъ въ серьезное содѣйствіе англичанъ, онъ зналъ, что война съ Россіею, предпринимаемая въ видахъ гановерскихъ интересовъ, имѣвшихъ важное значеніе лично для короля (какъ курфюрста гановерскаго), дотого не популярна въ Англіи, что въ парламентѣ самое отправленіе флота въ Балтійское море, несмотря на сильное стараніе короля, рѣшено было большинствомъ только *одного* голоса. Къ тому-же царю извѣстно было, «что скудость въ деньгахъ превеликая въ Англіи, такъ что и занять не могутъ» и что Испанія вооружаетъ противъ Англіи сильный флотъ. Это, какъ полагалъ Петръ, «можетъ быть и приведетъ ихъ (англичанъ) къ другой мысли» [2]). Царь полагалъ возможнымъ успѣть до прихода англичанъ, при содѣйствіи корабельнаго флота, перейдти съ галерами Аландскій проливъ и сдѣлать нападеніе на Стокгольмскіе шхеры, а если удастся, то и на самый Стокгольмъ. Для исполненія этого, флотъ поспѣшно готовился къ возможно раннему

Спускъ кораблей въ Петербургѣ (1721 г.)

выходу въ море. Три новые корабля *(Св. Андрей, Фридемакеръ* и *Св. Екатерина)*, построенные въ Петербургѣ, были спущены въ февралѣ и мартѣ, по словамъ царя, «зѣло благополучно». Для спуска сдѣлали достаточной величины проруби, и чтобы предохранить корабли отъ удара о твердый ледъ, оставили въ водѣ мелкіе раско-

---

[1]) Кабин. дѣл. Отд. I. № 38.

[2]) Моск. арх. Мин. Ин. Дѣл. (Копіи съ писемъ государя къ Апраксину).

лотые куски льда, которые значительно замедляли движеніе спущеннаго корабля и останавливали его прежде, чѣмъ онъ доходилъ до конца проруби [1]).

Предосторожности на случай прихода непріятеля.

Для полученія своевременныхъ свѣдѣній о прибытіи англійскаго флота въ Балтійское море, кромѣ напоминанія нашимъ посольствамъ о немедленномъ извѣщеніи, посланъ былъ въ Кронборгъ [2]) нарочно для этой цѣли гвардіи урядникъ Толстой. Ему велѣно тотчасъ по приходѣ англійскаго флота замѣтить, сколько и какія въ немъ будутъ суда, и, нанявъ небольшое судно, идти въ море къ нашимъ крейсерамъ.

Въ ожиданіи непріятеля въ Ревелѣ и Финляндіи приняли всѣ предосторожности; отъ Ревеля до Дагерорда разставили обычные сигнальные костры, которые велѣно было зажечь при появленіи въ морѣ большаго числа кораблей; капитанъ-командору Фангофту, начальствующему ревельскою эскадрою, приказано, тотчасъ какъ вскроется ледъ, послать къ Котлину небольшія суда, для сообщенія тамошней эскадрѣ объ открытіи фарватера [3]). Самъ же Фангофтъ, по совѣщаніи въ Гельсингфорсѣ съ княземъ Голицынымъ о предполагаемомъ переходѣ галеръ черезъ Аландскій проливъ, перешелъ 5-го мая съ отрядомъ изъ 8 кораблей, фрегата и шнявы отъ Наргена къ Гангуту [4]), для охраненія прохода галеръ, и оттуда долженъ былъ слѣдовать къ Аландскому проливу. Потомъ, по приходѣ галернаго флота къ шведскимъ шхерамъ, отряду Фангофта велѣно было идти въ море искать непріятельскихъ судовъ и «которыя подъ мочь будутъ, съ помощію Божіею чинить надъ ними промыслъ». Идти предписано сначала между шведскимъ берегомъ и Готландомъ къ Эланду и потомъ, если можно будетъ, придти на видъ Борнгольма и возвращаться въ Ревель между прусскимъ берегомъ и Готландомъ. Торговые корабли, кромѣ англійскихъ, голландскихъ и французскихъ, велѣно брать всѣ, которые идутъ въ Швецію или

Плаваніе ревельской эскадры. (1721 г.).

---

[1]) Журн. Петра Велик. II, стр. 153. Матеріалы. Отд. I. №№ 2261 и 2263.

[2]) Замокъ находящійся на датскомъ берегу при входѣ въ Зундъ, со стороны Нѣмецкаго моря.

[3]) Журн. П. В. II, стр. 154 и 155.

[4]) Матеріалы. Отд. I. №№ 2322 и 2328.

оттуда [1]). Хотя государь желалъ, чтобы Фангофтъ взялъ съ собою всѣ ревельскіе корабли, но изъ опасенія, что дурные ходоки только будутъ задерживать эскадру, приказалъ ихъ оставить въ крейсерствѣ между финскимъ берегомъ и Оденсгольмомъ.

Всѣ эти предположенія разстроились раннимъ прибытіемъ въ Балтику англійскаго флота, который 30-го апрѣля въ числѣ 29 кораблей шелъ уже изъ Копенгагена къ Стокгольму. Фангофту немедленно послано приказаніе воротиться; но плаваніе его и безъ встрѣчи съ непріятелемъ было неудачно. 10 мая, у Готска-Сандо, эскадра выдержала сильный NO-ый штормъ: корабли выбило изъ парусовъ, *Рафаилъ* потерялъ гротъ-мачту и стеньги, *Полтава*—гротъ и фокъ-мачты и долженъ былъ спуститься въ Ревель, куда 28 мая возвратился и весь отрядъ [2]). Интересно, что по поводу потери мачтъ Крюйсъ не отпускалъ на корабли мѣди для каминныхъ трубъ, на томъ основаніи, «что Его Царское Величество позволяетъ офицерамъ быть на гальфъ-декѣ и смотрѣть на все вооруженіе и на экзерциціи корабельныхъ людей, такожъ на мачты ванты и штаги, чтобъ были добрымъ морскимъ регуломъ укрѣплены, дабы на морѣ отъ потерянія мачтъ, вантовъ и райнъ были безопасны, а не такъ какъ нынѣ два ревельскихъ корабля. А когда офицеры имѣютъ сидѣть въ каютѣ у каминовъ, тогда не можно имъ того ясно видѣть» [3]).

Соединеніе шведскаго флота съ англійскимъ.

Шведы сначала предполагали вооружить 18 кораблей, но, не имѣя для этого ни средствъ ни людей, ограничились 11-ю кораблями, 3-мя фрегатами и брандеромъ, которые и вышли изъ Карлскроны на соединеніе съ англійскимъ флотомъ [4]).

Хотя прибытіе въ Балтику англичанъ отстановило нападеніе на Стокгольмскіе шхеры всемъ галернымъ флотомъ, состоявшимъ изъ 171 галеры и 4 бригантинъ, но для успѣха переговоровъ о мирѣ, происходившихъ теперь Ништадтѣ, оказалось необходимымъ напомнить шведамъ о бѣдствіяхъ войны новымъ нападеніемъ на ихъ берега.

---

[1]) Гл. морск. арх. Дѣла гр. Апраксина, № 203.

[2]) Донесеніе Фангофта, въ дѣл. Адмиралт.-коллегіи 1721 г. № 8. Журн. Петра Велик. II, стр. 161.

[3]) Гл. морск. арх. (Дѣл. гр. Апраксина, № 207).

[4]) Журн. Петра Велик. II., стр. 156 и 160.

Экспедиція Ласси на берега Швеціи (1721 г.).

Для исполненія этого посланъ былъ генералъ-лейтенантъ Ласси. Онъ съ 5000 ч. пѣхоты и 450 казаками, на 30 галерахъ и 30 островскихъ лодкахъ, 17 мая перешелъ отъ Аланда къ Гефле. Обойдя эту крѣпость, въ которой было до 8000 ч., Ласси направился къ сѣверу и началъ обычное разореніе, которое при содѣйствіи казаковъ происходило особенно успѣшно. У мѣстечка Гудвиксвалъ Ласси разбилъ и разогналъ 700 человѣкъ ландмилиціи съ частію регулярной кавалеріи и взялъ 4 знамя; въ Сунсвалѣ уничтожилъ отрядъ изъ 600 человѣкъ, который при его приближеніи успѣлъ сжечь шесть совершенно готовыхъ къ спуску галеръ. Вообще непріятель послѣ слабаго сопротивленія вездѣ отступалъ. Такимъ образомъ дошелъ Ласси до города Питео, взялъ его, разорилъ, и здѣсь получилъ изъ Ништадта отъ уполномоченныхъ приказаніе прекратить военныя дѣйствія. Впродолженіе мѣсяца на пространствѣ отъ Гефле до Питео разорено было два города (Старый и Новый Питео), 4 мѣстечка и около 4500 жилыхъ дворовъ. Сожжено 41 судно и 13 заводовъ, изъ которыхъ одинъ былъ оружейный и 12 желѣзныхъ. Забрано значительное количество мѣди, желѣза, провіанта и скота. Военная добыча состояла изъ 44 плѣнныхъ, 7 пушекъ, 499 фузей, 4-хъ знаменъ и штандарта. Съ нашей стороны потеря въ людяхъ ограничивалась 3-мя убитыми и 8 ранеными. Результатомъ этой экспедиціи была бо̀льшая противъ прежней сговорчивость шведскихъ уполномоченныхъ [1]). Графъ Брюсъ доносилъ изъ Ништадта, что теперь «шведскіе министры начали прилежнѣе о мирѣ договариваться» [2]).

Движеніе котлинской эскадры (1721 г.).

Между тѣмъ и корабельный нашъ флотъ спѣшилъ вооруженіемъ: весною у Котлина и въ Ревелѣ готовились къ походу 27 кораблей отъ 90 до 50 пуш. (только на одномъ *Рафаилъ* стояли 32 пушки), 12 фрегатовъ, гукоровъ и шнявъ (отъ 34 до 6 пуш.), 3 бомбардирскихъ корабля и одинъ госпитальный. На всѣхъ судахъ было 2128 орудій и 16120 человѣкъ команды. Котлинскіе, готовые къ походу корабли находились у Красной горки, другіе спѣшно вооружались. Какъ ревельская, такъ и котлинская эскадры имѣли въ Финскомъ заливѣ крейсеровъ. Распоря-

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 2366 и 2370.

[2]) Журн. Петра Велик. II, 161.

женіе движеніями корабельнаго флота, въ искусныхъ рукахъ государя, служило также однимъ изъ сильныхъ средствъ, вліявшихъ на шведскихъ уполномоченныхъ. Вначалѣ объ огромныхъ приготовленіяхъ нашего флота прокричали европейскія газеты, что и согласовалось съ цѣлями государя, желавшаго показать шведамъ, что онъ вовсе не намѣренъ поддаваться на угрозы англичанъ, въ приходѣ которыхъ въ Балтику царь, вначалѣ, дѣйствительно весьма сомнѣвался. Но когда слухи о скоромъ прибытіи англійскаго флота усилились, то Меншиковъ (9 апрѣля) писалъ государю, что теперь не лучше ли котлинскую эскадру не посылать въ Ревель, какъ было приказано, потому что въ случаѣ прихода англичанъ она должна будетъ возвратиться къ Кроншлоту, и тогда заграницею будутъ разглашать, что мы испугались. На это государь (15 апрѣля) отвѣчалъ, что такъ какъ о приготовленіяхъ флота «куранты (газеты) вездѣ полны», то при оставленіи его у Кроншлота еще хуже скажутъ, «что и отъ слуху испужались. Англійскій флотъ не чаю, чтобы къ Ревелю пошелъ, а хотябъ и пошелъ, отъ сильнаго (непріятеля) ретироваться стыда нѣтъ» [1]). Но, мая 2, получивъ отъ Куракина изъ Гаги извѣстіе объ отправленіи значительнаго англійскаго флота, государь приказалъ Апраксину, что такъ какъ «генеральныя дѣйствія едва ли быть могутъ, то не лучше ли исподоволь отмѣну учинить»; а именно нѣсколько кораблей, которые готовы будутъ, послать къ Гаривалдаю, а лучше 5 или 6, изъ меньшихъ, отправить въ Ревель, представляя что за ними придетъ и весь флотъ, когда будетъ готовъ. Но потомъ государь обѣщалъ спустя нѣкоторое время по малу возвратить къ Котлину и тѣ суда, которыя теперь будутъ посланы въ Ревель. Галеры также понемногу велѣно было переводить къ Кроншлоту, а къ Голицыну въ Финляндію добавить войска изъ Ревеля, вмѣсто ушедшихъ съ Ласси [2]). Вслѣдствіе этихъ распоряженій, въ первыхъ числахъ іюня, посланъ былъ отъ Кроншлота къ Ревелю отрядъ изъ 6 кораблей, подъ начальствомъ шаутбенахта Гордона.

Съ половины марта Петръ провелъ около двухъ мѣсяцевъ въ Ригѣ, куда пріѣхала также государыня, герцогиня курляндская Анна

---

[1]) Каб. дѣл. Отд. I. № 22.

[2]) Матеріалы. Отд. I. № 2319.

Іоанновна и герцогъ голштинскій, впослѣдствіи сдѣлавшійся супругомъ дочери царя, Анны Петровны. Пребываніе государя въ Ригѣ ознаменовалось важною мѣрою для развитія морской торговли этого города: 22 мая въ присутствіи государя была заложена партикулярная верфь для торговыхъ кораблей [1]). 25 мая государь съ царицею и герцогомъ прибыли въ Ревель, чрезъ три дня эскадра Фангофта возвратилась изъ крейсерства къ острову Наргену, куда 8 іюня подошелъ и отрядъ котлинскихъ кораблей шаутбенахта Гордона. Въ тотъ же день Петръ прибылъ изъ Ревеля къ Наргену на гукорѣ *Кроншлотъ* и, перейдя на корабль *Ингерманландъ*, отправился съ флотомъ къ Рогервику, гдѣ пробылъ три дня, и назначивъ мѣсто предполагаемой гавани, возвратился въ Ревель. 16 іюня, оставивъ Фангофта съ эскадрою у Наргена и приказавъ ему высылать крейсеровъ, но не очень далеко, Петръ на *Ингерманландѣ* отправился съ эскадрою Гордона къ Котлину и въ Петербургѣ получилъ извѣстіе о благополучномъ возвращеніи Ласси изъ Швеціи [2]). Въ концѣ іюля новыя замедленія со стороны шведскихъ уполномоченныхъ заставили царя приказать Голицыну двинуться со всѣмъ корпусомъ къ Аланду и если по мнѣнію уполномоченныхъ «какія воинскія дѣйства надобны будутъ, чинить бы безъ описки» [3]). Съ этого времени хотя царь и не постоянно находился на флотѣ, но онъ нерѣдко посѣщалъ его, поднимая свой флагъ на кораблѣ *Ингерманландъ*. Такъ съ 16 по 18 іюля государь обучалъ экипажи эволюціямъ и узнавалъ качества своихъ кораблей подъ парусами. Желая сравнить скорость хода, онъ далъ для этого особенные сигналы, при подъемѣ которыхъ корабли должны были идти въ бейдевиндъ или другими курсами, подъ всѣми возможными по силѣ вѣтра парусами, и стараться обгонять не только другъ друга, но и флагмановъ, «понеже гонятся для пробы кораблей». Замѣтя, что корабль *Фридрихштадтъ* мало устойчивъ, царь велѣлъ зимою убавить его высоту [4]). Въ этихъ экзерциціяхъ участвовали, не считая фрегатовъ

Испытаніе кораблей и экзерциціи флота.

---

[1]) Журн. Петр. Велик. II, стр. 160.

[2]) Извлеч. изъ журн., стр. 134. Журн. П. В., стр. 160—163.

[3]) Журн. П. В., II, стр. 171.

[4]) Матеріалы. Отд. I. №№ 2386 и 2390.

и мелкихъ судовъ, 18 линейныхъ кораблей, раздѣленныхъ на авангардію (контр. адм. князь Меншиковъ), кордебаталію (контр. адм. Гордонъ), на которой находился самъ вице-адмиралъ Петръ Михайловъ, и аріергардію (контр. адм. Сиверсъ) [1]). Въ правилахъ данныхъ при этомъ случаѣ царемъ, сигналы велѣно было внимательно наблюдать, «подъ жестокимъ штрафомъ»; стрѣлять по порядку изъ каждой пушки по одному разу и не очень часто, наподобіе салютаціи; «всѣ ядра и картечи снесть, дабы кто глупый не ошибся» [2]). По отъѣздѣ государя (5-го августа) флотъ оставался по прежнему въ плаваніи между Гариналдаемъ и Березовыми островами, гдѣ также продолжалось испытаніе кораблей.

По прибытіи въ Петербургъ царь показывалъ своему гостю герцогу голштинскому городъ и его окрестности и, въ числѣ особенно интересныхъ предметовъ, все относящееся къ морю, конечно занимало одно изъ первыхъ мѣстъ. Такъ, напр., государь показывалъ герцогу адмиралтейство и въ одно изъ посѣщеній въ присутствіе гостя спущенъ былъ корабль *Пантелеймонъ-Викторія*, названный именемъ святаго, празднуемаго въ день гангутской и гренгамской побѣдъ. 30 іюня царь съ герцогомъ осматривали котлинскую гавань и Кроншлотъ. 2 августа съ «довольнымъ числомъ знатнѣйшихъ персонъ» прибыли на царской яхтѣ *Принцесса Анна* къ флоту, стоявшему у Красной горки, и приняты были со всѣми почестями: корабли расцвѣтились флагами и герцогу со всѣхъ судовъ салютовали 15-ю выстрѣлами. Гости остались на царскомъ кораблѣ *Ингерманландъ*. На другой день происходили маневры съ пушечною и ружейною пальбою, для которыхъ флотъ былъ раздѣленъ на двѣ части, различавшіяся флагами и вымпелами. 4-го августа царь съ герцогомъ ѣздилъ по кораблямъ и на слѣдующій день возвратился на Котлинъ [3]).

Заключеніе мира съ Швеціею.

Между тѣмъ, въ Ништадтѣ продолжались переговоры, успѣху которыхъ старался содѣйствовать французскій посланникъ Кампредонъ. Франція, постоянно враждовавшая съ Австріею, до сихъ поръ высоко цѣнила дружбу Швеціи, имѣвшей въ Германіи свои владѣнія

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 2387.

[2]) Матеріалы. Отд. I. № 1397.

[3]) Извлеч. изъ журн. стр. 136—138.

и, при воинственности Карла XII, угрожавшей самой Австріи съ сѣвера; къ Россіи же, какъ врагу Швеціи, Франція относилась враждебно. Теперь при ослабленіи Швеціи и возвышеніи Россіи, послѣдняя получила на сѣверѣ первенствующее значеніе и потому симпатіи Франціи склонились на ея сторону. Въ концѣ августа, когда уполномоченные сообщили что они затрудняются въ установленіи будущей границы между русскими и шведскими владѣніями въ Финляндіи, Петръ отправилъ на конгресъ знакомаго съ будущей пограничною мѣстностію выборгскаго коменданта Шувалова и даже самъ поѣхалъ въ Выборгъ, для личнаго осмотра предполагаемой границы; но на морѣ, между Котлиномъ и Дубками, не доѣзжая до послѣдняго мѣста версты три, царь встрѣтилъ посланнаго изъ Ништадта, съ мирнымъ трактатомъ, заключеннымъ 30 августа. Ночевавъ въ Дубкахъ, государь отправилъ приказаніе эскадрамъ Сиверса, находившагося у Красной Горки, и Наума Синявина — у Гельсингфорса, идти къ Кроншлоту, а самъ на бригантинѣ пошелъ въ Петербургъ, для объявленія жителямъ о такомъ важномъ событіи. Пушечные выстрѣлы и звуки трубъ, раздававшіеся на бригантинѣ, во время плаванія ея по Невѣ, возвѣщали о радостномъ событіи; народъ и всѣ «знатныя персоны» спѣшили встрѣтить царя у Троицкой пристани и, услышавъ отъ него извѣстіе о давно желанномъ мирѣ, «зѣло обрадовались». Послѣ молебствія была трикратная пушечная пальба со всѣхъ крѣпостей. Генералъ-адмиралъ и прочіе флагманы и министры просили государя «дабы въ знакъ понесенныхъ своихъ трудовъ въ сію войну» онъ принялъ чинъ адмирала отъ краснаго флага, и Его Величество охотно изъявилъ на это согласіе: «ибо въ сію войну довольно чиномъ вице-адмирала служилъ». Указомъ царя велѣно по всей Россіи «Господу Богу троекратное благодареніе отдать, понеже троекратное седмилѣтнее время въ той войнѣ прошло» [1]).

Принятіе Петромъ чина адмирала.

По случаю заключенія мира, Петръ не забылъ наградить и своихъ сотрудниковъ моряковъ: адмиралъ Апраксинъ получилъ кейзеръ-флагъ, т. е. утвержденъ въ званіи генералъ-адмирала, Крюйсъ произведенъ въ адмиралы, князь Меншиковъ, Сиверсъ и Гордонъ — въ вице-адмиралы, Наумъ Синявинъ, Сандерсъ и Фан-

Награды моряковъ.

---

[1]) Журн. П. В. II, стр. 175.

гофтъ — въ контръ-адмиралы, Гослеръ, Бредаль и Иванъ Синявинъ — въ капитанъ-командоры. Кромѣ того были производства и въ другіе чины.

Празднества по случаю мира.

Послѣ боевыхъ трудовъ начались празднества: цѣлую недѣлю продолжался огромный маскарадъ, въ которомъ принимали участіе царская фамилія и всѣ сколько нибудь значительные служащіе военные и гражданскіе чины, съ ихъ семействами. Наряженные, въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ «персонъ» мущинъ и дамъ, «въ разныхъ удивительныхъ платьяхъ», гуляли по улицамъ и катались по Невѣ въ баржахъ и верейкахъ. Маскарадная процессія посѣтила Котлинъ и Шлиссельбургъ и вездѣ была привѣтствована салютомъ съ флота и крѣпостей. 22 октября въ церкви Св. Троицы, послѣ литургіи и прочтенія мирнаго трактата, сенатъ именемъ всего народа просилъ царя за его труды, заслуги и благодѣянія, оказанныя отечеству, принять титулъ «Отца отечества, Великаго и Императора Всероссійскаго». Торжество заключилось обѣдомъ, къ которому приглашено были до тысячи человѣкъ, затѣмъ слѣдовалъ балъ и потомъ «преизрядно фееверкъ презентованъ», въ которомъ въ знакъ мира храмъ Януса затворенъ двумя воинами, представлявшими Россію и Швецію [1]).

Пріобрѣтеніе Россіи по Ништадтскому миру.

По миру заключенному въ Ништадтѣ Россія пріобрѣла Лифляндію, Эстляндію, Ингрію и часть Кореліи съ дистриктомъ Выборгскаго лена. Такимъ образомъ восточная оконечность Финскаго залива, весь южный берегъ его и Рижскій заливъ съ прилегающими ко всѣмъ этимъ берегамъ островами, отданы или, вѣрнѣе сказать, *возвращены* Россіи, владѣвшей всѣмъ этимъ прибрежьемъ въ древности. Кромѣ вновь созданнаго Петербурга, ништадскій миръ укрѣпилъ за Россіею значительные приморскіе порты: Выборгъ, Нарву, Ревель и Ригу. Теперь уже не «окно», какъ выразился нашъ поэтъ, было прорублено въ Европу, а проложена широкая дорога, по которой необходимо должны были установиться непосредственныя прочныя сношенія Россіи съ образованнымъ міромъ. Завѣтная мысль Петра, преслѣдуемая великимъ монархомъ съ такимъ постоянствомъ и стоившая стольких жертвъ и трудовъ,

---

[1]) Журн. П. В. II, стр. 177—189. Извлеч. изъ журн. стр. 138.

осуществилась самымъ блистательнымъ образомъ: владычество на Балтійскомъ морѣ переходило отъ Швеціи къ Россіи, а съ нимъ связывалось развитіе торговли, распространеніе образованія и новое значеніе Россіи въ европейской политикѣ.

Заслуги флота въ войну со шведами.

Въ утвержденіи нашемъ на прибрежьяхъ Балтійскаго моря флотъ, какъ мы видѣли, принималъ большое участіе; вначалѣ собственно моряковъ было мало, но тѣ храбрые солдаты арміи и гвардіи, которые на простыхъ лодкахъ брали шведскія военныя суда, были уже полуморяками и побѣды ихъ, освободившія отъ шведовъ Ладожское и Чудское озера, конечно, нельзя не причислить къ блистательнымъ морскимъ подвигамъ. Славная защита Котлина отъ нападенія сильнаго и опытнаго шведскаго флота, нашими, только что показавшимися въ морѣ судами, съ новичками матросами, была первымъ значительнымъ морскимъ дѣломъ весьма важнымъ по своимъ послѣдствіямъ. Сдѣлавшіяся съ этихъ поръ недоступными для непріятеля, устья Невы дали возможность Петру безпрепятственно усиливать здѣсь свой флотъ, и съ нимъ смѣло, не пропуская ни одного благопріятнаго случая, шагъ за шагомъ занимать непріятельское прибрежье. Хотя на южномъ берегу главными дѣятелями были сухопутныя войска, но и здѣсь заслуги флота были не маловажны: наши суда постоянно оказывали значительную помощь въ доставленіи провіанта и другихъ необходимыхъ для арміи предметовъ и, впослѣдствіи, въ охраненіи крейсерами берега отъ разбойничествъ непріятельскихъ каперовъ и отъ неожиданной высадки. Въ занятіи же сѣвернаго берега главную роль игралъ галерный флотъ, безъ помощи котораго армія не могла бы такъ успѣшно дѣйствовать противъ непріятельскихъ войскъ. Не разобщенные между собою нашимъ галернымъ флотомъ, непріятельская армія и флотъ не позволили бы нашей арміи удалиться отъ Выборга, изъ опасенія быть отрѣзанными отъ своей границы. Наконецъ, доставка провіанта и всего необходимаго финляндскому корпусу, а также доставленіе къ госпиталямъ больныхъ, составлявшее одно изъ важныхъ условій успѣха, были бы затруднены до невозможности при неимѣніи флота. При этомъ необходимо замѣтить, что не умаляя геніальной распорядительности Петра, въ составленіи и исполненіи задуманныхъ имъ плановъ относительно завоеванія Финляндіи, и безупречной храбрости нашихъ войскъ,

нельзя не удивляться близорукости и самонадѣянности шведовъ, имѣвшихъ значительный корабельный флотъ и не озаботившихся, по примѣру Петра, скорѣйшимъ сооруженіемъ достаточно сильнаго гребнаго флота, а также устройствомъ укрѣпленій и другихъ препятствій, которыя бы могли, если не преграждать, то затруднять плаваніе нашихъ галеръ по шхернымъ фарватерамъ. Подобную оплошность трудно объяснить даже крайнимъ истощеніемъ финансовъ Швеціи. Средствами самой Финляндіи, при пособіи и руководствѣ моряковъ, была возможность построить, если не галеры, то какія-нибудь болѣе простыя суда и обратить часть экипажей, артиллеріи и средствъ корабельнаго флота на усиленія гребнаго. Это казалось бы тѣмъ болѣе исполнимымъ, что въ первые годы существованія нашего балтійскаго флота, удержаніе русскихъ кораблей отъ попытокъ къ плаванію по Финскому заливу не требовало большихъ силъ. Русскій корабельный флотъ не рѣшался вступить въ борьбу съ шведскимъ, даже въ 1714 году, въ то время, когда гангутская побѣда почти уже отдала Петру всю Финляндію.

Временное утвержденіе Россіи на Азовскомъ морѣ и прочное на Балтійскомъ оправдали справедливость знаменательнаго изрѣченія великаго государя: «Потентатъ (владѣтель), который едино войско сухопутное имѣетъ, одну руку имѣетъ, а которой и флотъ имѣетъ, обѣ руки имѣетъ» [1]). Петръ создалъ эти двѣ сильныя руки, способныя нетолько на защиту родины отъ нападеній врага, но и для угрозы ему въ его собственныхъ владѣніяхъ. Теперь море переставало представлять для русскихъ непреодолимую преграду, а напротивъ превратилось въ торный, удобный путь: созданіе флота придвинуло Россію къ Европѣ.

Празднованіе мира въ Москвѣ.

10-го декабря государь отправился для празднованія мира въ свою первопрестольную столицу, Москву, куда уже прежде посланы были гвардейскіе и нѣкоторые армейскіе полки. Въ московскихъ торжествахъ морской элементъ занималъ весьма видное мѣсто. Такъ напримѣръ, особенно интересно было напоминаніе о флотѣ, представленное москвичамъ въ видѣ слѣдующей оригинальной процессіи: изъ села Всесвятскаго, находящагося невдалекѣ отъ Москвы за петер-

---

[1]) Высоч. указъ 1720 г. янв. 13.

бургскою заставою, двинулся небывалый поѣздъ, шедшій (вопреки извѣстной пословицѣ) *по суху яко по морю*. Онъ состоялъ изъ множества судовъ различной величины и разныхъ родовъ, начиная отъ небольшихъ шлюпокъ и оканчивая моделью линейнаго корабля. За княземъ-папой и его «компаніей», открывавшими процессію, ѣхалъ Нептунъ въ саняхъ, отдѣланныхъ въ видѣ раковины; далѣе слѣдовали: князь Меншиковъ и генералъ-адмиралъ, первый на шлюпкѣ, а второй на галерѣ, раззолоченныхъ и великолѣпно убранныхъ. На всѣхъ судахъ, имѣвшихъ весла, гребцы гребли ими какъ-будто на водѣ. За галерою слѣдовала шлюпка съ морскими офицерами, одѣтыми лоцманами, которые бросали лотъ. Потомъ шелъ подъ парусами корабль (длиною въ 30 фут. и имѣвшій до десятка пушечекъ); кораблемъ командовалъ самъ царь, экипажъ состоялъ изъ корабельныхъ юнговъ, а пассажирами были генералы одѣтые барабанщиками и царскіе деньщики. За кораблемъ шла великолѣпная баржа, на которой сидѣла императрица съ своею фамиліею и придворными; потомъ тянулось нѣсколько десятковъ судовъ, наполненныхъ мущинами и дамами, наряженными въ самые разнообразные костюмы. На всемъ этомъ флотѣ гремѣла музыка, раздавались пушечные выстрѣлы и крики ура! Полозья, на которыхъ катились суда, были незамѣтны для зрителей, и флотилія, къ удовольствію и удивленію народа, какъ-будто и на самомъ дѣлѣ плыла по морю. Поѣздъ съ Тверской проѣхалъ по многимъ улицамъ, приспуская мачты судовъ въ тріумфальныхъ аркахъ [1]).

Во время этого торжества государь почетною выставкою своего маститаго ботика указалъ на важность заслугъ, совершенныхъ флотомъ, и самымъ яснымъ образомъ выразилъ морякамъ свою признательность. «Дѣдушка русскаго флота», отслуживъ юношѣ-царю свою незабвенную службу, оставался на покоѣ въ Москвѣ [2]) и въ

---

[1]) Фрегатъ, участвовавшій въ этомъ сухопутномъ плаваніи, хранился до пожара 1812 года, въ особой пристройкѣ у Сухаревой башни и извѣстенъ былъ москвичамъ подъ названіемъ «памятника миротворца». (Прибавленіе къ Моск. Губерн. Вѣдом. 1842 г.; статья И. М. Снѣгирева «Сухарева башня»).

[2]) Записки Вебера. Русск. Архивъ, 1872 г., VII и VIII кн., стр. 1375. Веберъ въ 1716 г., видѣлъ ботикъ хранившійся какъ рѣдкость въ особенно устроенномъ домѣ, вмѣстѣ съ глобусомъ; но, сообщая это свѣдѣніе, онъ ошибочно называетъ ботикъ «шлюпкою, сдѣланною собственными руками царя Михаила Ѳедоровича».

первый разъ явился передъ народомъ во время празднованія мира, прочно утвердившаго Россію на берегахъ Балтики. Ботикъ поставленъ былъ среди Кремля [1]) на четыреугольномъ подножіи, украшенномъ со всѣхъ сторонъ аллегорическими картинами, свидѣтельствующими, какое важное участіе имѣли знаменитый «Дѣдушка» и его потомство въ пріобрѣтеніи славнаго для Россіи мира. На сторонѣ подножія, соотвѣтствовавшей кормѣ ботика, находилась надпись «Дѣцкая утѣха», а со стороны соотвѣтствовавшей носу, «принесла мужескій тріумфъ». На одной изъ боковыхъ сторонъ подножія нарисованы были два приморскіе города (Петербургъ и Стокгольмъ), соединенные радугою, между ними представленъ Ноевъ ковчегъ и надъ нимъ эмблема мира — голубь съ масличною вѣтвію; на другой сторонѣ изображены плывущіе по морю корабль и галера. Надъ первою картиною надпись: «Сей вожделенный вѣстникъ», надъ второю: «отъ Бога симъ только полученъ» [2]). Маскарадная флотилія проходя мимо ботика, привѣтствовала въ лицѣ знаменитаго «Дѣдушки» доблестное его потомство.

Окончаніе кампаніи (1721 г.).

По окончаніи войны наши морскія и сухопутныя войска двинулись къ своей границѣ и началось очищеніе возвращенной шведамъ части Финляндіи. Голицыну велѣно было торопиться отправленіемъ въ Ревель и Петербургъ всего, что не должно было передаваться шведамъ. Перевозкою казенныхъ грузовъ изъ Финляндіи въ Ревель заняты были, кромѣ ластовыхъ судовъ, и нѣсколько кораблей.

Голицынъ, придя съ галернымъ флотомъ въ Неву, участвовалъ въ торжествѣ 22-го октября, во время котораго галеры были поставлены противъ Троицкой площади; корабельный же флотъ втянулся въ гавани, и въ морѣ оставались до октября только крейсеры, державшіеся между Рогервикомъ и финскими шхерами.

---

[1]) Сборникъ Историч. общества. Т. III, стр. 317. Очевидецъ, саксонскій резидентъ Леписперъ, сообщая свѣдѣніе о выставкѣ ботика въ Кремлѣ, невѣрно называетъ его «моделью первой шлюпки, сдѣланной въ Россіи въ царствованіе Ивана Васильевича».

[2]) Въ такомъ видѣ изображенъ ботикъ на современной гравюрѣ, исполненной граверомъ Иваномъ Зубовымъ. (Кронштадтскій Вѣстникъ, 1873 г. №№ 4 и 5, статья Ѳ. Веселаго «О происхожденіи Дѣдушки русскаго флота»).

Приводъ въ Россію кораблей построенныхъ въ Голландіи (1721—22 г.).

Строенные по заказу въ Голландіи два пятидесятные корабля и три гекбота (стр. 244 и 279) поспѣли къ началу 1721 года. Послѣднія три судна были 32-хъ пушечные фрегаты; изъ нихъ два, *Амстердамъ-Галей* и *Кронделивде*, пришли благополучно, подъ прусскими флагами, въ Пилау и оттуда осенью прибыли въ Ревель [1]); а третій, *Эндрахтъ*, на пути былъ взятъ шведами. Предвидя возможность захвата купленныхъ кораблей и вообще сознавая трудность проводки большихъ судовъ подъ видомъ купеческихъ, (причемъ, по словамъ посланника Куракина, было «столько страховъ, что не можно видѣть кромѣ самаго бѣдства»), государь при проводкѣ двухъ большихъ кораблей, построенныхъ въ Голландіи, рѣшился испытать новый способъ, а именно: снарядивъ суда самымъ экономическимъ образомъ, вести въ Россію вполнѣ вооруженными и съ русскимъ экипажемъ, который не такъ легко сдалъ бы корабль непріятелю, какъ нанятые подрядчикомъ иностранцы [2]). Для исполненія этого плана, подъ начальствомъ капитанъ-поручика Мишукова посланы были, въ началѣ февраля 1721 года, изъ Ревеля, два негодные, почти совершенно гнилые, корабля *Ягудіилъ* и *Уріилъ*. Мишукову велѣно было въ Даніи или Голландіи ихъ продать, а пушки и все, что можно, взять на новые корабли и, посадивъ на нихъ людей, слѣдовать въ Россію. Мишуковъ, со льдомъ, впродолженіе недѣли прошелъ отъ Ревеля до входа въ Зундъ; по 9-го февраля суда его отряда замерзли у Драго. Здѣсь, едва избѣгнувъ крушенія, съ большимъ трудомъ и расходами, онъ прорубился сквозь ледъ и ввелъ корабли въ гавань. Только осенью добрался онъ до Голландіи, гдѣ старые корабли были проданы, а съ новымъ — *Роттердамомъ*, переименованнымъ впослѣдствіи въ *Нигитадтъ*, Мишуковъ на пути въ Россію ноября 9-го разбился при островѣ Эзелѣ, у Фильзанда. Люди были спасены, а слѣдующимъ лѣтомъ съ корабля сняли и перевезли въ Ревель нетолько пушки, такелажъ и многое другое, но даже съумѣли вынуть и мачты. Нельзя не замѣтить, что эта работа была поручена самому же Мишукову, и онъ, желая хотя сколько-нибудь уменьшить убытокъ, происшедшій

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 2369, 2419, 2445 и 2451.

[2]) Письмо государя къ Куракину. Каб. дѣл. Отд. I. № 38.

*

отъ крушенія, спасъ все, что только было возможно [1]). Другой вновь построенный корабль *Принцъ Евгеній*, который нельзя было вывести изъ Остенде безъ разрѣшенія австрійскаго правительства, прибылъ въ Ревель только въ 1722 году [2])

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 2253, 2264, 2268, 2286, 2465, 2479 и 2490.

[2]) Тамъ же, №№ 2444, 2476 и 2484.

ГЛАВА XI.

КАСПІЙСКАЯ ФЛОТИЛІЯ СЪ 1701 ПО 1725 г. И ВОЗОБНОВЛЕНІЕ СУДОСТРОЕНІЯ НА ДОНУ СЪ 1723 по 1725 г.

Виды Петра на Каспійское море. — Мореплаваніе по Каспію въ началѣ XVIII столѣтія. — Постройка морскихъ судовъ въ Казани (1701—2 г.).—Казанскія суда во время бунта Булавина (1706 г.). — Попытки провода судовъ въ Петербургъ (1706—13 г.). — Состояніе каспійскаго судоходства съ 1707—13 г. — Экспедиціи Бухольца и Бековича (1713—14 г.). — Дѣятельность Кожина. — Возвращеніе судовъ экспедиціи Бековича. — Опись береговъ Каспійскаго моря (1717—19 г.). — Каспійская флотилія съ 1716—22 г. — Причины похода въ Персію. — Приготовленія къ походу. — Плаваніе до Астрахани. — Походъ въ Персію. — Высадка въ Аграханскомъ заливѣ. — Распредѣленіе судовъ флотиліи. — Движеніе арміи и судовъ къ Дербенту. — Штормъ выдержанный флотиліею. — Гибель провіантскихъ судовъ и ея слѣдствія. — Манифесты царя къ жителямъ персидскихъ провинцій.—Приготовленіе флотиліи къ обратному плаванію. — Постройка крѣпости св. Креста. — Возвращеніе флотиліи въ Астрахань. — Слѣдствія персидскаго похода. — Усиленіе каспійской флотиліи. — Основаніе въ Астрахани военнаго порта. — Экспедиція въ Гилянь. — Возвращеніе государя въ Москву. — Плаваніе и дѣйствія гилянской экспедиціи. — Плаваніе персидскаго посла изъ Решта въ Астрахань. — Опасное положеніе эскадры въ Рештѣ. — Осмотръ рѣки Куры. — Нападеніе персовъ. — Постройка судовъ для каспійской флотиліи. — Составъ каспійской флотиліи 1723 г. — Взятіе Баку (1723 г.). — Выборъ мѣста, для крѣпости на Курѣ. — Плаваніе генерала Матюшкина (1724 г.). — Причины возобновленія флотиліи на Дону. — Судостроеніе въ Воронежѣ (1723—24 г.).— Судостроеніе на Днѣпрѣ (1724 г.).

Виды Петра на Каспійское море.

По окончаніи войны съ Швеціею вниманіе Петра обратилось на югъ, къ Каспійскому морю, черезъ которое геніальный царь надѣялся завязать торговыя сношенія Россіи съ Среднею Азіею и Индіею, и такимъ образомъ сдѣлать прикаспійскія страны центромъ сношеній Азіи съ Россіею и, черезъ нее, съ западною Европою. Мы упоминали (стр. 83), что мысль о Каспійскомъ морѣ являлась у Петра еще во время первой поѣздки въ Архангельскъ, но съ тѣхъ поръ другіе, не менѣе важные интересы, не позволяли царю обра-

тить свою дѣятельность на берега Каспія и только теперь, когда онъ освободился отъ тяжелой войны на сѣверѣ, самый ходъ событій неотложно потребовалъ его участія въ дѣлахъ прикаспійскихъ странъ. Въ случаѣ медленности со стороны Петра, Турція могла завладѣть Кавказомъ и значительною частію береговъ Каспійскаго моря и, такимъ образомъ, сдѣлаться здѣсь болѣе опаснымъ и требовательнымъ сосѣдомъ Россіи, чѣмъ слабая Персія, необращавшая на Каспій ни какого вниманія.

Мореплаваніе по Каспію въ началѣ XVIII столѣтія.

Прежде описанія событій 1722 года, скажемъ, въ короткихъ словахъ, что происходило на Каспійскомъ морѣ до этого времени. Несмотря на значительность торговаго движенія, существовавшаго на Каспійскомъ морѣ въ древности, мореплаваніе на немъ въ началѣ XVIII столѣтія было въ самомъ младенческомъ состояніи. Соймоновъ, одинъ изъ лучшихъ и умнѣйшихъ морскихъ офицеровъ, сотрудниковъ Петра, отзывается о прежнемъ торговомъ каспійскомъ плаваніи слѣдующими словами: «астраханскіе татары и россійскіе люди въ мореплаваніи неискусны были, и за довольное искусство имъ казалось, что умѣли изъ брусьевъ съ перерубами, какъ избу, бусу срубить, и на ней по морю съ однимъ большимъ парусомъ по вѣтру ходить. А съ противными вѣтрами, сколько бы далеко не отошелъ, съ малымъ парусомъ, который у нихъ *гуляй парусъ* назывался, назадъ на якорныя мѣста, или въ какой нибудь заливъ возвращался» [1]).

Постройка морскихъ судовъ въ Казани. (1701—2 г.).

Съ самыхъ первыхъ годовъ шведской войны царь уже заботился объ улучшеніи плаванія по Каспійскому морю. Въ Казани, подъ вѣдѣніемъ приказа казанскаго дворца, въ 1701 году были заложены 4 ката (дл. около 130 ф., шир. до 26 ф.) и 20 трехъ-мачтовыхъ шмаковъ (дл. около 90 ф., шир. 23 ф.). Это были грузовыя суда предназначавшіяся для перевозки товаровъ по морю. Въ слѣдующемъ году спустили 15 шмаковъ меньшихъ размѣровъ (дл. отъ 58 до 78 ф.) и одинъ «капръ» (каперъ?) дл. 74 ф., и тогда же въ сосѣднемъ съ Казанью селѣ Услонѣ, лежащемъ на самомъ берегу Волги, заложили еще 39 шмаковъ [2]).

---

[1]) Рукоп. записки Соймонова, 1728 г. хранящіяся въ Моск. архив. Мин. Иностр. Дѣлъ.

[2]) Кабин. дѣл. Отд. II. № 2.

Казанскія суда во время бунта Булавина (1706 г.).

Въ 1706 году, по случаю возмущенія Булавина, казанскія суда пригодились и для военныхъ цѣлей. Весною посланъ былъ въ Казань капитанъ Рейсъ съ командою. Ему поручено выбрать пять лучшихъ судовъ, вооружить ихъ, поставить пушки и съ расходомъ льда стать на Волгѣ выше отдѣленія отъ нея рукава Ахтубы. Здѣсь Рейсъ долженъ былъ задержать возмутившихся казаковъ Булавина, еслибы они вздумали двинуться по Волгѣ. Суда «лучше 10,000 войска могутъ воровъ вверхъ не пропустить», писалъ царь по этому случаю. По осмотру Рейса въ числѣ 121 казанскаго судна собственно катовъ и шмаковъ не оказалось, а были суда какихъ-то «другихъ чиновъ». Изъ нихъ 96 по своей дурной постройкѣ требовали передѣлки, а 25 годились для военныхъ дѣйствій. Рейсъ выбравъ изъ этихъ послѣднихъ судовъ пять трехъ-мачтовыхъ, называемыхъ имъ «корабли-флейты» (длин. 97 гол. фут. [1]), шир. 25 и глуб. $8^1/_2$ ф.), и одну яхту, и поставилъ на нихъ 62 пушки разныхъ калибровъ, отъ 30 золотниковъ до 4 фунтовъ. Экипажъ каждаго изъ судовъ составляли капитанъ, поручикъ, боцманъ, боцманматъ, констапель, 2 пушкаря, 30 матросовъ, (изъ которыхъ 5 иностранныхъ), 40 солдатъ и лекарь [2]). «Корабли-флейты» были парусные, но имѣли и весла. Парусность ихъ состояла изъ прямыхъ парусовъ до брамселей включительно, блинда, бомъ-блинда и стакселей. Многое, чего не доставало въ Казани для вооруженія этихъ судовъ, пришлось выписывать изъ другихъ мѣстъ; такъ напр. басы (орудія) были привезены изъ Воронежа; а нѣкоторые мастера присланы изъ Петербурга.

Попытки провода судовъ въ Петербургъ. (1706—13 г.).

Но всѣ эти труды пропали напрасно; по усмиреніи бунта, суда на Волгѣ сдѣлались не нужны и ихъ велѣно было перевести въ Петербургъ. Выйдя изъ Казани осенью 1706 года они, за недостаткомъ людей, подвигались такъ медленно, что только черезъ два года одинъ шмакъ *Св. Петръ*, сидѣвшій въ водѣ 7 футъ, былъ проведенъ черезъ Вышневолоцкій каналъ въ рѣку Мсту. При переходѣ черезъ обмелѣвшую Тверцу пробовали употребить древній способъ, то есть, поднять воду посредствомъ перегородки изъ парусовъ (стр. 34), но это не удалось, потому что не могли вбить свай въ ка-

---

[1]) Голландскій футъ равняется 11,146 англійскимъ дюймамъ.

[2]) Матеріалы. Отд. IX. №№ 1, 3 и 5.

менистое дно. Тогда принялись за устройство настоящей плотины, на которой впродолженіе трехъ недѣль работали до 700 человѣкъ ямщиковъ. И все таки, при проводкѣ судовъ черезъ мелкія мѣста Тверцы, ихъ приходилось нетолько совершенно разгружать, но даже снимать и самыя мачты. Несмотря на всѣ усилія, суда сидѣвшія въ водѣ отъ 7 до 9 фут. должны были остановиться на Мстинскихъ порогахъ, имѣвшихъ воды не болѣе 6 футъ. Подобная же участь постигла и посланные изъ Казани 8 катовъ, которые 1713 годъ засталъ остановившимися въ разныхъ мѣстахъ ихъ пути. Нѣкоторые каты добрались даже до Волховскихъ пороговъ, и всѣ эти суди послѣ семилѣтняго безуспѣшнаго плаванія, наконецъ, за негодностію пришлось сломать, на мѣстахъ ихъ остановки [1]).

Состояніе каспійскаго судоходства съ 1707 — 13 г.

Перевозка товаровъ по Каспійскому морю производилась на казенныхъ судахъ: бусахъ, стружкахъ [2]), шкутахъ и др., которыя всѣ не могли ходить круче галфвинда. Судами завѣдывала и распоряжалась астраханская таможня. За перевозъ отъ Астрахани до Низовой пристани брали по гривнѣ съ пуда, а въ другія мѣста, какъ напр. въ Гилянь, плата назначалась по взаимному условію между таможнею и нанимателемъ. Впослѣдствіи бусы и стружки замѣнились тялками, которыя хотя сидѣли въ водѣ не болѣе 5 футъ, но по отзывамъ свѣдущихъ морскихъ офицеровъ могли выдерживать «всякіе штормы» [3]). Въ 1707 году надзоръ за перевозными судами порученъ былъ присланному въ Астрахань морскому капитану Рентелю. Онъ (въ 1709 г.) изъ Низовой ѣздилъ берегомъ отыскивать мѣсто, удобное для торговой пристани и избралъ Баку, но ханъ шамахинскій на это не согласился и указывалъ на другія мѣста вовсе неудобныя. Рентель представлялъ, что въ Низовой необходимо устроить гавань, полагая, совершенно справедливо, что безъ нее «судамъ зѣло трудно, и стоять страшно». Онъ же построилъ для коммерческаго флота четыре судна «годныя также противъ непріятельскихъ людей въ морѣ», и въ 1713 году ходилъ на нихъ съ товарами въ Персію. При этомъ Рентель представлялъ, что наличное число судовъ не можетъ удовлетворить множества желающихъ

---

[1]) Матеріалы. Отд. IX. № 7—21.

[2]) Грузовыхъ судахъ, кромѣ названія не имѣвшихъ ничего общаго съ маленькими «стружками», о которыхъ упоминалось въ примѣчаніи на стр. 57.

[3]) Матеріалы. Отд. IX. №№ 89 и 90.

перевозить на нихъ свои товары, и потому необходимо бы имѣть хотя судовъ десять.[1]).

Экспедиціи Бухгольца и Бековича. (1713—14 г.)

Въ 1713 году государь обратилъ особенное вниманіе на Каспійское море по случаю, полученныхъ съ двухъ разныхъ сторонъ, извѣстій о пріискахъ золотаго песку. По показанію одного тюбъ-караганскаго трухменца, этотъ песокъ находился въ верховьяхъ рѣки Аму-Дарьи; а по донесенію сибирскаго губернатора князя Гагарина,—въ малой Бухарѣ при городѣ «Эркети, стоявшемъ на рѣкѣ Дарьѣ». Эти свѣдѣнія во мнѣніи царя были дотого важны, что для отысканія мѣста золотыхъ пріисковъ и разслѣдованія путей, особенно водяныхъ, въ Среднюю Азію и Индію отправлены были двѣ экспедиціи: одна изъ Сибири, рѣкою Иртышемъ къ городу Эркети; а другая изъ Каспійскаго моря черезъ Хиву, и далѣе, въ Среднюю Азію. Первая поручена была капитану Бухгольцу, который съ значительнымъ отрядомъ войскъ отправился на дощаникахъ и лодкахъ по Иртышу, но остановленный калмыками не достигъ цѣли. Во главѣ же другой экспедиціи стоялъ преображенскаго полка поручикъ князь Бековичъ-Черкасскій. 1714 года мая 29, находясь у Березовыхъ острововъ съ флотомъ, на кораблѣ *Екатерина*, царь подписалъ указы объ отправленіи посольства въ Хиву подъ видомъ поздравленія новаго хана, а въ дѣйствительности для развѣдыванія города «Иркень» и розысканія нѣтъ ли какого-нибудь рѣчнаго сообщенія между нимъ и Каспійскимъ моремъ. Тогда же предписано было казанскому губернатору Салтыкову дать князю Черкасскому 5000 рублей и 1500 солдатъ, въ томъ числѣ и сотню яицкихъ казаковъ «для нѣкотораго нужнаго дѣла въ Астрахань и далѣе на Каспійское море». Принявъ команду и деньги, Бековичъ на 16-ти стругахъ, взятыхъ у посадскихъ людей, прибылъ въ Астрахань, гдѣ оберъ-коменданту Чирикову предписано было пособлять ему въ снаряженіи для экспедиціи судовъ, на казенный счетъ [2]). Къ исходу октября были готовы къ выходу въ море 2 шхуты, 27 большихъ струговъ, и одна буса; артиллерійское вооруженіе ихъ состояло изъ 19 пушекъ. Снаряженіе судовъ обошлось казнѣ въ 30,638 рублей. Начальство надъ флотиліею поручено капитану Рентелю, при кото-

---

[1]) Матеріалы. Отд. IX. №№ 84—86.

[2]) Журн. Петра Велик. II стр. 341—3.

ромъ находилось 10 морскихъ офицеровъ, 100 матросовъ и другихъ морскихъ чиновъ. Выйдя 7-го ноября въ море, суда направились къ Гурьеву городку, т. е., къ устью Урала, но остановленныя сильнымъ льдомъ и потерявъ четыре струга, должны были въ декабрѣ воротиться въ Астрахань. Съ такими судами, едва годными для рѣчнаго плаванія, выходъ въ море въ глубокую осень былъ дѣломъ весьма рисковымъ, и потому подобное окончаніе похода могло считаться еще очень счастливымъ.

Между тѣмъ, въ декабрѣ же мѣсяцѣ, въ Казани заложены 15 скампавей, изъ которыхъ 9 назначались для Бековича [1]), но при новомъ выходѣ флотиліи въ море объ нихъ не упоминается, а есть извѣстіе, что къ прежнимъ судамъ прибавлены были 20 новыхъ бригантинъ. На этой флотиліи, въ апрѣлѣ 1715 года, Бековичъ подходилъ со своимъ отрядомъ къ Гурьеву городку и потомъ къ Тюбъ-Карагану, гдѣ высадилъ часть войскъ и отправилъ небольшую сухопутную партію, назначеніе которой было осмотрѣть прежнее русло Аму-Дарьи и слѣдовать къ Красноводскому заливу, куда пришелъ и самъ Бековичъ съ флотиліею, и откуда также послалъ партію для осмотра стараго устья. Плодомъ настоящаго похода Бековича была карта восточнаго берега Каспійскаго моря, составленная частію по свѣдѣніямъ собраннымъ отъ туземцевъ. Возвратясь въ октябрѣ въ Астрахань, Бековичъ, вмѣстѣ съ картою отправилъ и донесеніе объ изслѣдованіяхъ бывшаго русла Аму-Дарьи, подававшихъ надежду на успѣшное достиженіе цѣли и послужившихъ къ расширенію дѣйствій экспедиціи. Въ одномъ изъ своихъ донесеній Бековичъ обращаетъ вниманіе государя на намѣренія и даже дѣйствія Турціи, обнаруживающія желаніе ея захватить нѣкоторыя изъ владѣній Кавказа, и указываетъ на возможность пріобрѣтенія этихъ странъ для Россіи.

Бековичу, произведенному въ капитаны гвардіи, поручалось теперь приведеніе въ исполненіе колоссальнаго плана: построивъ въ Красноводскѣ, близъ прежняго устья Аму-Дарьи, крѣпость на 1000 человѣкъ, онъ долженъ былъ въ качествѣ посла отправиться въ Хиву, осмотрѣть по дорогѣ бывшее русло рѣки и, если будетъ возможность, обратить теченіе ея въ Каспійское море. По достиженіи Хивы, склонивъ хана въ подданство Россіи, велѣно было по-

[1]) Матеріалы. Отд. IX. № 23 и 24.

слать отрядъ хивинцевъ съ двумя русскими по Сыръ-Дарьѣ, и проникнувъ до Эркети, изслѣдовать золотыя розсыпи. По Аму-Дарьѣ на хивинскихъ судахъ отправить «купчину» до Индіи, поручивъ ему собрать свѣдѣнія объ удобнѣйшемъ, особенно водяномъ, пути изъ Индіи къ Каспійскому морю. Наконецъ въ Хивѣ приказано развѣдать: нельзя ли склонить въ подданство Россіи и Бухару [1]).

Для экспедиціи Бековича вооружены были въ Астрахани 4 шнявы, 3 бригантины, 10 большихъ шхутъ, 18 малыхъ плоскодонныхъ шхутъ и 39 бусовъ [2]). Судовая артиллерія заключалась въ 22 пушкахъ. Снаряженіе экспедиціи по всѣмъ частямъ обошлось въ 218,081 рубль [3]). Флотиліею начальствовалъ Рентель и морскихъ чиновъ велѣно было взять все изъ русскихъ. Отъ флота въ эту экспедицію назначены: поручики Кожинъ и Лебедевъ, подпоручикъ Давыдовъ, штурманъ Брандтъ (крещеный калмыкъ, воспитанникъ архангельскаго купца Брандта, называемый въ полуофиціальныхъ бумагахъ Яковомъ Калмыкомъ), навигаторъ, 4 ученика геометріи, 2 парусника, мачтовый ученикъ и 217 матросовъ. Сухопутное войско, посаженное на суда, состояло изъ 4,000 пѣхоты, сотни драгунъ, и 2,000 гребенскихъ и яицкихъ казаковъ. Кромѣ военныхъ чиновъ при Бековичѣ состояла большая канцелярія, толмачи и для особыхъ порученій 20 астраханскихъ дворянъ [4]). Сборы продолжались до осени, и флотилія, двинувшаяся изъ Астрахани въ половинѣ сентября (1716 г.) и задержанная на пути противными вѣтрами, къ Тюбъ-Карагану пришла только 9-го октября. Здѣсь Бековичъ высадилъ казанскій пѣхотный полкъ съ 11-ю пушками и велѣлъ ему построить укрѣпленіе. При полку оставлено 16 судовъ и, кромѣ того, разломано на дрова семь бусовъ. Кожинъ посланъ былъ моремъ для осмотра и описанія Балаханскаго залива, въ которомъ находились предполаемыя устья Аму-Дарьи и потомъ ему велѣно слѣдовать къ югу, до Астрабадскаго залива [5]), и высадить тамъ дворянина Давыдова, отправля-

---

[1]) Журн. П. В. II, стр. 350—6. Полн. Собр. Зак. № 2993.

[2]) Матеріалы. Отд. IX. № 77.

[3]) Журн. Петра Велик. II, стр. 376.

[4]) Журн. Петра Велик. II стр. 359—363. Зап. Географ. Общ. IX, стр. 254—5.

[5]) Матеріалы. Отд. IX. № 77.

емаго через Персію въ Бухару. Самъ же Бековичъ съ флотиліею пошелъ въ Красноводскъ; на этомъ переходѣ разбило у него 13 судовъ. Распорядясь въ Красноводскѣ строеніемъ крѣпости, онъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ сухимъ путемъ прибылъ къ Тюбъ-Карагану, гдѣ строившееся укрѣпленіе назвалъ крѣпостію св. Петра, и оттуда уѣхалъ въ Астрахань. Въ слѣдующемъ 1717 году Бековичъ отправилъ въ Гурьевъ городокъ казаковъ и драгунъ и велѣлъ собраться туда же всѣмъ торговымъ людямъ изъ татаръ, армянъ, бухарцевъ и русскихъ, желавшихъ ѣхать въ Хиву. Самъ же перешелъ въ Гурьевъ изъ Астрахани моремъ и отправился въ несчастный походъ, кончившійся гибелью всего отряда.

Дѣятельность Кожина.

Со стороны флота въ дѣлѣ Бековича принималъ значительное участіе поручикъ Кожинъ. Въ январѣ 1716 года государь приказалъ ему повѣрить, а если нужно, то и исправить карту Бековича; потомъ «взять судно побольше морское, и все море ставить и положить на карту» [1]), то есть, сдѣлать опись береговъ всего Каспійскаго моря. Но вскорѣ (через мѣсяцъ), эта работа передана была поручику Травину, а Кожину велѣно ѣхать сначала съ отрядомъ Бековича, а потомъ отдѣльно, подъ видомъ купца, въ Индію, для развѣдки какіе тамъ есть товары и на пути собрать свѣдѣнія объ удобнѣйшихъ, особенно водяныхъ, сообщеніяхъ между Индіею и Каспійскимъ моремъ [2]). Кожинъ изъ сознанія опасности подобнаго порученія, или, дѣйствительно, видя въ распоряженіяхъ Бековича большую неосмотрительность, доносилъ еще въ апрѣлѣ 1717 года царю и Апраксину, что въ укрѣпленіяхъ, построенныхъ Бековичемъ, людямъ невозможно жить отъ вони на берегу и отъ воды, которая мало отличается отъ морской, и потому въ Красноводскѣ и въ Тюбъ-Караганѣ открылась уже страшная смертность. Объяснивъ, что послѣ распущеннаго через трухменцевъ слуха о готовящейся экспедиціи, подъ видомъ купца ѣхать невозможно, Кожинъ при этомъ доносилъ, что, благодаря снаряженію экспедиціи, Астрахань «очищена» и купечество разорено. «А чего хотимъ искать, ей нестатно и ничего нѣтъ», писалъ онъ къ Апраксину. Наконецъ, чтобы избавиться отъ Бековича, Кожинъ рапортовалъ ему, что не можетъ ѣхать по недостатку

[1]) Каб. дѣл. Отд. II. № 55.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 2994.

денегъ и просилъ уволить его къ царю; а самъ, между тѣмъ, не дождавшись рѣшенія, — скрылся [1]).

Возвращеніе судовъ экспедиціи Бековича.

Печальный конецъ экспедиціи оправдалъ опасенія Кожина: посланный для исполненія предназначавшагося ему порученія, маіоръ Тевкелевъ, въ Астрабадѣ былъ задержанъ какъ шпіонъ и только впослѣдствіи возвратился въ Россію. Полковникъ Фандервиденъ, съ частію войскъ и судами оставленный Бековичемъ въ Красноводскѣ, нѣсколько времени отбивался отъ трухменцевъ за укрѣпленіемъ, сложеннымъ изъ кулей съ мукою, потомъ перебрался на суда и отправился въ Астрахань. Плаваніе это было весьма трудное: суда разнесло по разнымъ персидскимъ портамъ, гдѣ они и перезимовали, а двѣ бусы съ 400 солдатъ разбились близъ Баку, причемъ, къ счастію, людей успѣли спасти [2]).

Опись береговъ Каспійскаго моря (1717—19 г.).

Съ гибелью отряда Бековича на Каспійскомъ морѣ затихла военная дѣятельность, но продолжалось торговое плаваніе и съемка береговъ, какъ необходимое основаніе для осуществленія будущихъ плановъ царя. Травинъ, на шлюпкахъ и лодкахъ, ходилъ въ 1717 году отъ Астрахани до Яика (Урала) и Тюбъ-Карагана; онъ нашелъ, что карта Бековича весьма невѣрна и составилъ свою. Въ 1718 году начальникомъ описнаго отряда назначенъ капитанъ-лейтенантъ князь Урусовъ, и подъ команду его поступили Кожинъ и Травинъ. До осени, они, сколько могли успѣть, описали восточный берегъ моря, осмотрѣли старое устье Аму-Дарьи и ходили по руслу ея въ степь верстъ на 15. Далѣе идти пѣшкомъ не могли, по причинѣ страшной жары, неимѣнію воды и опасенію нападенія трухменцевъ. Результатомъ этихъ работъ была карта восточнаго берега и описаніе Балаханскаго залива. Кожинъ приписывалъ себѣ половину работъ по составленію этой карты [3]).

Въ началѣ 1719 года посланъ былъ для описи всего Каспій-

---

[1]) Матеріалы. Отд. IX. №№ 65—67.

[2]) Рукоп. Записк. Соймонова, стр. 25.

[3]) Матеріалы. Отд. I. № 74 и 76. Кожинъ, успѣшно окончившій морское образованіе за границею, какъ видно изъ сохранившихся объ немъ дѣлъ, былъ человѣкъ способный и энергичный, но чрезвычайно дерзкій, буйный и имѣвшій страсть къ доносамъ и клеветѣ. За свои продѣлки въ Астрахани, онъ присужденъ былъ къ смертной казни, которая замѣнена ссылкою въ Сибирь на службу (Арх. морск. Мин., дѣла Адмирал. кол. 1720 г. № 30).

скаго моря капитанъ-поручикъ фонъ Верденъ; ему позволено было выбрать по его усмотрѣнію офицеровъ и команду. Верденъ вышелъ въ море на трехъ малыхъ шнявахъ *Св. Екатерина*, *Св. Александръ* и *Астрахань*. Изъ морскихъ офицеровъ съ нимъ были, кромѣ Рентеля, какъ офицера уже знакомаго съ Каспійскимъ моремъ, лейтенанты Соймоновъ и кн. Урусовъ и унтеръ-лейтенанты Золотаревъ и Дорошенко. Послѣдніе на двухъ мелкихъ судахъ описали берегъ между Волгою и Терками, а самъ Верденъ, плавая съ мая до сентября, подходилъ къ Тюленьему острову, отъ него къ Тереку и далѣе къ Курѣ. Верденъ нашелъ, что на всемъ берегу отъ Терека до Куры можно вытаскивать на берегъ полугалеры и другія плоскодонныя суда и что якорныя мѣста хотя есть, но не закрытыя съ моря, кромѣ двухъ хорошихъ «гаваней» (рейдовъ) въ Апшеронскомъ проливѣ и у Баку [1]). Лѣтомъ слѣдующаго 1720 года описныя работы продолжались на тѣхъ же судахъ и тѣми же лицами (за исключеніемъ Рентеля). Опись производилась отъ Куры до Астрабадскаго залива и отъ него на 24 мили къ сѣверу, по восточному берегу. По этимъ работамъ и прежнимъ картамъ восточнаго берега, Урусова и Кожина, составлена Верденомъ плоская карта всего Каспійскаго моря [2]) и представлена государю. На этой картѣ астрономически опредѣлены широты двѣнадцати пунктовъ и въ шести мѣстахъ показаны склоненія компаса. Государь, какъ членъ Парижской Академіи представилъ ей гравированный экземпляръ карты Вердена, которая впослѣдствіи была перегравирована астрономомъ Делилемъ.

Каспійская флотилія (1716—22 г.)

Положеніе каспійской флотиліи до 1722 года было весьма печальное. Война на сѣверѣ поглощала всѣ источники государственныхъ доходовъ и на Каспійское море удѣлялись самыя скудныя средства, едва достававшія для удовлетворенія необходимыхъ правительственныхъ и коммерческихъ потребностей. Такъ напр. въ 1717 году у Рентеля, кромѣ матросовъ, изъ морскихъ чиновъ не осталось не только ни одного офицера или штурмана, но даже боцмана. Въ 1719 году въ числѣ казенныхъ судовъ, назначаемыхъ для перевозки купеческихъ товаровъ, было только 9 тялокъ и 6

---

[1]) Матеріалы. Отд. IX. № 81.

[2]) Хранится въ архивѣ Гидрографич. департам. морск. министерства.

шкутъ. Экипажъ каждаго изъ этихъ судовъ состоялъ изъ квартермейстера и 10 матросовъ или «добрыхъ» солдатъ, изъ которыхъ 3 или 4 могли исправлять обязанность рулевыхъ. Кромѣ того въ спискахъ числились еще присланные изъ Казани и уже совершенно сгнившіе 7 флейтовъ и 14 такихъ же негодныхъ скампавей, съ которыхъ всѣ принадлежности обобраны были Бековичемъ. Для поддержанія сообщенія по Каспійскому морю и перевозки товаровъ необходимо было прибавить еще 5 или 6 тялокъ. Торговое движеніе было до того значительно, что за перевозъ товаровъ на казенныхъ судахъ выручалась порядочная сумма, такъ напр. въ одномъ 1717 году собрано было 28,650 руб , несмотря еще на то, что у Рентеля, въ ущербъ казеннаго интереса, установлены были и приведены въ правильную систему кромѣ законныхъ поборовъ и незаконные, взыскиваемые въ пользу его самого и подчиненныхъ. Въ 1721 году всѣ служившіе въ каспійскомъ коммерческомъ флотѣ были отчислены отъ адмиралтейства въ вѣдомство коммерцъ-коллегіи и вмѣсто Рентеля назначенъ капитанъ Блорій [1]).

Причины похода въ Персію.

Петръ, желавшій установить обширныя торговыя сношенія съ богатыми странами востока, никогда не забывалъ важнаго значенія Каспійскаго моря и если не обращалъ на него свою дѣятельность, то только потому, что занятъ былъ войною со шведами. По окончаніи же ея царь поспѣшилъ воспользоваться представлявшимся ему благопріятнымъ случаемъ для прочнаго утвержденія на берегахъ Каспія. Возмущеніе противъ шаха персидскихъ провинцій, прилегавшихъ къ западному берегу Каспійскаго моря, и опасеніе, чтобы ихъ не захватила Турція, заставили Петра тотчасъ по заключеніи Ништадтскаго мира начать поспѣшное приготовленіе къ походу въ Персію. Мѣстныя обстоятельства обѣщали успѣхъ: въ сосѣднемъ съ нами Дагестанѣ, шамхалъ Тарковскій и приморскій городъ Дербентъ, отбивавшійся отъ одного изъ возставшихъ противъ шаха предводителей — Даудъ Бека, готовы были стать подъ защиту русскаго царя; а христіанская Грузія, тѣснимая турками, единственно отъ него ожидала своего спасенія. Офиціальнымъ поводомъ къ вступленію въ персидскія владѣнія было пода-

---

[1]) Матеріалы. Отд. IX. №№ 87, 88, 90, 91, 94 и 95.

ніе помощи союзнику Россіи шаху противъ его возмутившихся подданныхъ и отомщеніе послѣднимъ за обиды и грабежи русскихъ купцовъ.

Приготовленія къ походу.

Въ февралѣ 1722 года полкамъ, уже предварительно разставленнымъ близъ Волги (въ Волочкѣ, Твери, Угличѣ, Ярославлѣ), велѣно было строить 200 островскихъ лодокъ по образцу употреблявшихся въ финскихъ шхерахъ и, кромѣ того, необходимое число ластовыхъ судовъ. Надзоръ за постройкою порученъ генералъ-маіору Матюшкину, а по морской части капитанъ-командору Гослеру. Паруса, якоря, канаты и т. п. велѣно перевезти изъ С.-Петербурга съ финляндскихъ лодокъ и мелкихъ галеръ (кромѣ котлинскихъ и абовскихъ). На лодки назначены 250 матросовъ корабельныхъ и 50 галерныхъ, 10 человѣкъ боцмановъ, боцманматовъ и пр. и необходимое число разныхъ мастеровъ. Велѣно было также построить 60 «новоманерныхъ романовокъ» и паруса для нихъ взять съ тялокъ и другихъ старыхъ судовъ. Изъ числа офицеровъ выбраны лучшіе и преимущественно уже прежде бывавшіе въ Каспіѣ [1]).

Генералъ-маіору Юсупову велѣно въ Нижнемъ Новгородѣ строить 20 ластовыхъ судовъ и туда же въ апрѣлѣ мѣсяцѣ отправленъ капитанъ-командоръ Гослеръ, съ порученіемъ отобрать, если найдутся у частныхъ лицъ, годныя для морскаго плаванія суда и немедленно вооружить ихъ. Въ Казань посланъ ботовой мастеръ, гвардіи прапорщикъ Шапиловъ, для постройки большаго бота, двухъ или трехъ хорошихъ десяти-весельныхъ шлюпокъ и также для отдѣлки рѣзьбою и столярною работою находившейся тамъ царской яхты. Одинъ изъ лучшихъ буеровъ, для царя, и шлюпка для Апраксина, отправлены были по зимнему пути изъ Петербурга. Нельзя не удивляться какъ при такихъ приготовленіяхъ могла сохраняться въ секретѣ настоящая цѣль похода. Но для Петра и это оказалось возможнымъ: голландскій резидентъ, донося своему правительству о приготовленіяхъ войскъ, увѣрялъ, что цѣль похода есть отнюдь

---

[1]) Кап. фонъ Верденъ, кап.-лейт. Вильбоа и князь В. Урусовъ; лейт. Соймоновъ и Золотаревъ, унтеръ-лейт. Осипъ и Иванъ Лупины и Юшковъ, артиллерійскій унтеръ-лейтенантъ, лекарь, три штурмана, (иностранцы) и мичманъ. (Матеріалы. Отд. IX. № 100).

не завоеванія, а только требованіе удовлетворенія за потери, понесенныя русскими подданными отъ безпорядковъ, происходившихъ въ владѣніяхъ шаха.

Въ первыхъ числахъ мая начали спускаться по Волгѣ построенныя для похода суда; иныя изъ нихъ доканчивали свое вооруженіе на пути. Разумѣется, въ такомъ спѣшномъ и сложномъ дѣлѣ не обошлось безъ затрудненій. Такъ напр., Гослеръ не найдя въ Нижнемъ, изъ числа купеческихъ судовъ годныхъ для морскаго плаванія, долженъ былъ, понеобходимости, брать такія, которыя ни чѣмъ не разнились отъ обыкновенныхъ струговъ или бударъ; не отыскавъ на мѣстѣ конатовъ достаточной толщины, онъ дѣлалъ ихъ вновь и т. п.[1]).

15 мая, отслушавъ обѣдню и молебенъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, государь съ императрицею и многими знатными особами отправился въ походъ на стругѣ, названномъ *Москворѣцкимъ*[2]). По прибытіи въ Нижній царь осматривалъ строившіяся тамъ суда и разгнѣвался, найдя у частныхъ людей, несмотря на бывшіе указы, суда старой постройки. Ихъ велѣно было тотчасъ заклеймить, съ тѣмъ чтобы черезъ два года непремѣнно сломать[3]). Одновременно съ этимъ Матюшкинъ велъ уже построенныя въ Твери и другихъ мѣстахъ по Волгѣ 45 ластовыхъ судовъ и островскія лодки. Государь, поручивъ главное начальство надъ войскомъ прибывшему въ Нижній Апраксину, 30 мая выѣхалъ оттуда въ дальнѣйшій путь. Для скорости плаванія на бывшія съ нимъ суда по всему пути приготовлены были верстъ черезъ 60 перемѣнные гребцы[4]). Въ Казани царь пробылъ три дня и взялъ съ собою яхту, которая пошла на буксирѣ островскихъ лодокъ. Шли не мѣшкая, иногда даже безъ остановокъ на ночь. 8 іюня государь близъ устья Камы осматривалъ развалины древнихъ Болгаръ, останавливался не надолго въ большихъ городахъ и 19 іюня прибылъ въ Астрахань[5]).

Плаваніе до Астрахани.

Съ 2 іюня двинулись изъ Нижняго суда съ войсками (въ числѣ

---

[1]) Матеріалы. Отд. IX. №№ 96, 97, 98, 103, 104, 105, 109, 111 и 157.

[2]) Модель этого струга хранится въ Морскомъ музеѣ.

[3]) Дѣян. Петра Велик. VIII, стр. 176—7.

[4]) Матеріалы. Отд. IX. №№ 120—122.

[5]) Извлеч. изъ журн. стр. 141—144.

которыхъ были два гвардейскіе полка) и различными припасами. Выступающій отрядъ раздѣлялся на пять частей, шедшихъ одна за другою на разстояніи сутокъ. Войску велѣно было идти какъ можно скорѣе не останавливаясь на пути. Во всѣхъ частяхъ отряда находилось 45 ластовыхъ судовъ и около 200 островскихъ лодокъ, изъ которыхъ каждая поднимала человѣкъ до 40. Старшимъ изъ морскихъ чиновъ, послѣ Апраксина, былъ капитанъ-командоръ Гослеръ. За флотиліею, на буксирѣ островскихъ лодокъ, слѣдовали шесть коломенокъ, нагруженныхъ въ Казани углемъ, блочными и мачтовыми деревьями и досками. Въ первой половинѣ іюля уже всѣ суда и войска прибыли въ Астрахань.

Вся мѣстная каспійская флотилія въ это время состояла изъ трехъ военныхъ шнявъ: *Св. Александръ*, *Св. Екатерина* и *Астрахань*, одного гукора, бригантины, 3 ботовъ, и коммерческихъ 14-ти тялокъ и 3 шхутъ, всего 25 судовъ [1]).

Походъ въ Персію.

15 іюля ластовыя суда начали выходить изъ Астрахани и собираться на взморьѣ близъ урочища Четырехъ бугровъ; а 18 числа отправилась флотилія съ войсками. Главнымъ начальникомъ былъ генералъ-адмиралъ Апраксинъ, поднявшій здѣсь въ первый разъ пожалованный ему кейзеръ-флагъ, а впередъ шелъ адмиралъ отъ краснаго флага Петръ Михайловъ. Государыня также приняла участіе въ этомъ походѣ. Останавливаясь для ночлеговъ у рыбныхъ ловлей или «учуговъ», суда только 20 іюля вышли на взморье и при тихомъ противномъ вѣтрѣ медленно подвигались буксиромъ и завозами. Отъ Четырехъ бугровъ флотилія (22 числа) направилась къ Терскому устью, морскія суда прямымъ курсомъ, а островскія лодки держась берега. Оттуда всѣ перешли къ Аграханскому заливу, гдѣ за 7 верстъ отъ устья стали на якорь.

Празднуя здѣсь годовщину гангутской и гренгамской побѣдъ, государь, кромѣ обычнаго торжества и пира, придумалъ еще забаву, именно подражаніе извѣстному обряду, совершаемому въ прежніе годы моряками при переходѣ черезъ экваторъ. Въ настоящемъ случаѣ Каспійское море замѣняло южное полушаріе и всѣ новички, впервые плававшіе по немъ, обрѣчены были невольному купанью; впрочемъ, желавшимъ избавиться отъ него дозволялось отплачи-

---

[1]) Матеріалы. Отд. IX. №№ 125, 127 и 134.

ваться деньгами. Купанье происходило на гукорѣ Апраксина. Устройство этой забавы поручено было Соймонову. На горденѣ, опускавшемся съ нока реи, висѣла бесѣдка, то есть доска, на которую долженъ былъ сѣсть купавшійся и летѣть съ нею въ воду, откуда его тотчасъ поднимали на верхъ. Первымъ испыталъ это удовольствіе генералъ-маіоръ Иванъ Михайловичъ Головинъ, потомъ царь, за нимъ Апраксинъ и другіе. Самымъ храбрымъ оказался бригадиръ князь Барятинскій, трусливѣе всѣхъ—генералъ Матюшкинъ, который вообще боялся моря [1]). Въ журналѣ Петра эта забава названа «купаньемъ съ райны».

Высадка въ Аграханскомъ заливѣ.

На берегу Аграханскаго залива было выбрано и осмотрѣно самимъ царемъ мѣсто для постоянной крѣпости, которую предполагалось построить и также мѣсто для временнаго укрѣпленія, необходимаго для защиты остающихся здѣсь судовъ, на время удаленія арміи. 28-го іюля войска высадились на берегъ, и какъ гребныя суда не могли подойти ближе 70 саженъ, то солдатамъ пришлось переносить провіантъ, аммуницію и всѣ тяжести по поясъ въ водѣ. На другой же день приступлено къ постройкѣ ретраншамента, и онъ былъ оконченъ 4-го августа. При немъ оставили суда и больныхъ, подъ охраненіемъ 200 человѣкъ пѣхоты и 1600 казаковъ. Для лучшаго сохраненія островскихъ лодокъ отъ волненія, Петръ сначала находилъ болѣе удобнымъ затопить ихъ у берега, но потомъ, согласясь съ мнѣніемъ Соймонова, велѣлъ поставить за маленькимъ островомъ «Ракушечнымъ», который хотя покрывался водою и не представлялъ мѣста для жилья, но между нимъ и берегомъ былъ проливъ, глубиною отъ 7 до 8 футъ, очень удобный для покойной стоянки лодокъ [2]).

Распредѣленіе судовъ флотиліи.

Фонъ Вердену, имѣвшему подъ своею командою часть ластовыхъ судовъ, велѣно было высадить находившихся у него драгунъ и пѣхоту на Аграханскій мысъ и, снабдивъ провіантомъ, отправить сухимъ путемъ къ лагерю. Вильбоа съ другимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 32 судовъ, находился у острова Чеченя. Нѣкоторыя изъ

---

[1]) Рукописный экстрактъ изъ журнала Соймонова, стр. 81. Дѣян. Петра Велик. VIII, стр. 228.

[2]) Извлеч. изъ журн., стр. 147—8. Дѣян. Петра Велик. VIII, стр. 232—3.

*

ластовыхъ судовъ по своей не морской конструкціи и слабой постройкѣ не могли перенести безъ поврежденій сдѣланнаго ими небольшаго перехода, и въ нихъ открылась сильная течь. Апраксинъ приказалъ Вердену, отобравъ лучшія и крѣпкія суда, идти съ ними къ Дербенту, а съ остальныхъ выгрузить провіантъ на островъ Чечень и, оставивъ при немъ достаточный караулъ, самыя суда отправить для починки въ Астрахань. Съ острова Чеченя предполагалось доставлять провіантъ въ Дербентъ уже на эверсахъ и другихъ судахъ [1]).

Движеніе арміи и судовъ къ Дербенту.

Войско медлило выступленіемъ въ походъ за неимѣніемъ кавалерійскихъ лошадей, которыя шли берегомъ, и также за неприсылкою подводъ, обѣщанныхъ шамхаломъ Тарковскимъ. Когда тѣ и другія явились, армія, подъ предводительствомъ Апраксина, 5-го августа двинулась черезъ Тарки къ Дербенту. Петръ жилъ все это время на своей галерѣ, пріѣзжая ежедневно на берегъ, для наблюденія за работою укрѣпленія и для приготовленія арміи къ предстоявшему походу. По уходѣ арміи государыня на другой же день отправилась вслѣдъ за нею. Переходъ войска черезъ рѣку Сулакъ не обошелся безъ пособія моряковъ: по неотысканію брода армія должна была переправляться на паромахъ, устроенныхъ изъ лодокъ и также изъ бочекъ и камышевыхъ связокъ. Переправа продолжалась четыре дня и была очень затруднительна: два дня стоялъ сильный вѣтеръ; паромы не могли подходить близко къ берегу и солдатамъ приходилось выходить на него въ бродъ. На тростниковыхъ же плотахъ, люди и во время самой переправы стояли въ водѣ по поясъ [2]).

23-го августа войска вошли въ Дербентъ, близъ котораго у рѣки Миликентъ стояло уже 21 судно, приведенныя Верденомъ. Въ числѣ ихъ были эверсы, тялки и трехмачтовыя суда, построенныя въ Твери и поднимавшія, каждое, до 900 четвертей муки. Командовали судами унтеръ-лейтенанты, мичмана, гардемарины и даже одинъ боцманъ. На отрядѣ Вердена находилась артиллерія и провіантъ [3]).

---

[1]) Матеріалы. Отд. IX, стр. 144, 148 и 149.

[2]) Извлеч. изъ журн., стр. 149. Рукоп. экстр. изъ журн. Соймонова, стр. 88. Дѣян. Петра Велик., VIII, стр. 234.

[3]) Матеріалы. Отд. IX. № 152.

Такъ какъ дербентскій рейдъ совершенно открытъ, то первымъ сильнымъ сѣвернымъ вѣтромъ, поднявшимся 24-го августа, разбило 2 тялки и 10 тверскихъ судовъ. Хотя при этомъ всѣ люди спаслись и большую часть провіанта успѣли выгрузить на берегъ, но, опасаясь повторенія подобнаго случая, государь приказалъ по возможности скорѣе сгружать на берегъ весь остальной провіантъ. Для удобнѣйшей и скорѣйшей перевозки велѣно было у разбитыхъ судовъ срѣзать надводную часть ниже палубы и сдѣлать помостъ, на который класть кули и провіантъ. Продовольствіе войскъ дотого заботило Петра, что о количествѣ выгруженнаго провіанта онъ приказалъ ежедневно представлять себѣ донессія. На берегу построено было укрѣпленіе, куда на время свезено спасенное съ разбитыхъ судовъ; по удаленіи арміи предполагалось все это перевезти въ Дербентъ.

Штормъ выдержанный флотиліею.

Послѣ такой неожиданной потери, наличнаго провіанта оставалось не болѣе какъ на мѣсяцъ; поджидали новаго подвеза на 17-ти судахъ, идущихъ съ Вильбоа, но ихъ въ 30-ти верстахъ отъ острова Чеченя, во время якорной стоянки, захватилъ свѣжій вѣтеръ; отъ качки, въ судахъ открылась также сильная течь, и чтобы не дать имъ затонуть на глубинѣ, пришлось рубить канаты и выбрасываться на берегъ. Людей при этихъ крушеніяхъ не погибло, но изъ всего груза спасено менѣе 2,000 кулей муки, нѣсколько пушекъ, ядеръ и свинца. [1]). Прямымъ слѣдствіемъ гибели судовъ былъ недостатокъ провіанта, остановившій дальнѣйшее движеніе арміи и заставившій спѣшить возвращеніемъ въ Астрахань.

Гибель провіантскихъ судовъ и ея слѣдствія.

При вступленіи нашихъ войскъ въ персидскія владѣнія между жителями распространяли манифесты царя, въ которыхъ объявлялось, что русскіе, какъ союзники шаха, явились для защиты его подданныхъ отъ бунтовщиковъ. Поэтому нѣкоторые изъ жителей Баку просили государя прислать войско и въ ихъ городъ. Но такъ какъ Петръ не зналъ, раздѣляютъ ли это мнѣніе начальники города и вліятельные граждане, то послалъ спачала унтеръ-лейтенанта Лунина, на шнявѣ *Св. Екатерина*, предложить бакинцамъ принять русскій гарнизонъ. Жители встрѣтили Лунина непріязненно, даже не пустили въ городъ и отвѣчали, что, нѣсколько лѣтъ защищаясь

Манифесты царя къ жителямъ персидскихъ провинцій.

---

[1]) Матеріалы. Отд. IX. №№ 155, 162 и 166.

отъ бунтовщиковъ, они и теперь не нуждаются въ посторонней помощи. 29-го августа собранъ былъ генеральный консиліумъ для обсужденія, что дѣлать при настоящихъ обстоятельствахъ. На немъ всѣ члены, имѣя въ виду, что провіанта остается на мѣсяцъ, согласно рѣшили идти въ обратный путь, въ который армія и двинулась 6-го сентября, оставивъ въ Дербентѣ гарнизонъ [1]).

Приготовленіе флотиліи къ обратному плаванію.

Для приготовленія къ обратному переходу лодокъ и шлюпокъ, оставленныхъ у Аграханскаго ретраншамента, посланъ былъ впередъ князь Барятинскій. Онъ со своими солдатами принялся за починку судовъ, которыхъ было годныхъ и негодныхъ около 300. Верденъ, стоявшій здѣсь съ парусными судами, далъ ему конопатчиковъ; смолу и пеньку пришлось доставлять изъ Астрахани, а кирпичи для печей возили изъ Терковъ.

Постройка крепости Св. Креста.

18-го сентября государь съ арміею пришелъ къ Сулаку и переправился черезъ него на понтонѣ, устроенномъ на четырехъ однодеревныхъ каючкахъ, а армія перешла рѣку по мостамъ, настланнымъ на такихъ же каючкахъ [2]). На другой день Петръ приказалъ въ лощинѣ при развѣтвленіи Аграхана и Сулака копать каналъ, чтобы образовать искуственный островъ, на которомъ и заложилъ укрѣпленіе, названное крѣпостью «Св. Креста», имѣвшее назначеніе замѣнить неудобный по своему положенію городъ Терки. 25-го окончили въ крѣпости первоначальныя работы, ввели гарнизонъ и поставили орудія. Отсюда кавалерія отправилась берегомъ, а пѣхота перешла къ Аграханскому ретраншаменту и перебралась на островскія лодки, для обратнаго плаванія въ Астрахань.

Возвращеніе флотиліи въ Астрахань.

29-го сентября Ихъ Величества на яхтѣ, бывшей подъ командою мичмана Гавріила Лопухина, поутру, при вѣтрѣ OSO пошли въ море. Яхту конвоировали островскія лодки съ генералъ-маіоромъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ. Въ Теркахъ государь съ императрицею перешли на ботъ и отправились далѣе. 3-го октября, когда они прошли Тюленьи острова, неожиданно налетѣвшимъ шкваломъ, на боту изорвало гротъ и потопило шлюпку. На другой день Ихъ Величества прибыли въ Астрахань, а за ними подошли и другія суда и лодки.

---

[1]) Дѣян. Петр. Велик. VIII, стр. 253 и 260. Извлеч. изъ журн., стр. 153.

[2]) Матеріалы Отд. IX, № 164. Извлеч. изъ журн., стр. 154.

Такъ кончился персидскій походъ, въ который по недостатку нужныхъ для морскаго плаванія судовъ Петръ не могъ привести въ исполненіе задуманнаго плана. Сначала, по краткости времени, остававшагося для приготовленія къ походу, государь не ожидалъ отъ него большаго успѣха и даже думалъ отложить экспедицію до слѣдующаго года; но боязнь утвержденія на Каспійскомъ морѣ турокъ, къ которымъ возставшіе противъ шаха владѣтели обращались за помощію, заставила Петра поспѣшить походомъ, дабы «хотя футъ въ персидскихъ рубежахъ получить». Однако успѣхъ персидскаго похода далеко превзошелъ такое скромное желаніе: занятіемъ Дербента и построеніемъ крѣпостей при Милекенти, Арта-Бугамѣ и Св. Креста русскіе утвердили за собою значительную часть морскаго берега и, кромѣ того, получили возможность къ дальнѣйшему завоеванію приморскихъ областей Персіи [1]). «И тако можемъ мы, — писалъ Петръ сенату, — благодаря Вышняго, сею кампаніею довольны быть: ибо мы нынѣ крѣпкое основаніе на Каспійскомъ морѣ получили» [2]). Но, конечно, государь не располагалъ ограничиться сдѣланнымъ завоеваніемъ, а думалъ, занявъ Баку пройдти къ рѣкѣ Курѣ и на ней основать городъ, который бы могъ служить центральнымъ пунктомъ торговыхъ сношеній для грузинъ, армянъ, персіянъ и индійцевъ. Отсюда товары должны были отправляться черезъ Астрахань въ Россію и далѣе въ другія европейскія государства. Армію предполагалось по Курѣ провести до Тифлиса, съ тѣмъ, чтобы поддержавъ грузинъ противъ турокъ, возвратить къ Теркамъ.

Слѣдствія персидскаго похода.

Во время пребыванія своего въ Астрахани, государь, кромѣ ближайшаго знакомства съ городомъ и мѣстнымъ рыболовствомъ, какъ главнымъ промысломъ окрестныхъ жителей, занялся приведеніемъ каспійскаго флота въ порядокъ и размѣры, которыхъ необходимо требовало увеличеніе нашихъ прибрежныхъ владѣній. Кромѣ этого, Петръ здѣсь же распорядился приготовленіями къ военнымъ дѣйствіямъ будущаго года, въ который предполагалось занять городъ Баку и мѣстность по низовью рѣки Куры. Обладаніе укрѣпленнымъ приморскимъ городомъ Баку отдавало во власть русскихъ всю прекрасную страну и, главное, удобные рейды, какъ подъ са-

Усиленіе каспійской флотиліи.

---

[1]) Моск. арх. М. И. Д. (Письма Петра Велик. Книга XII. 1722 г. № 11).
[2]) Дѣян. Петра Велик., VIII, стр. 283.

мымъ городомъ, такъ и въ сосѣднемъ съ нимъ Апшеронскомъ проливѣ, а Кура, какъ мы видѣли, избрана была Петромъ для будущаго центральнаго торговаго города и, въ случаѣ возможности по ней судоходства, могла представить водяное сообщеніе съ столицей Грузіи — Тифлисомъ.

Для исполненія этихъ плановъ, необходимъ былъ флотъ. «Зѣло имѣемъ нужду въ морскихъ судахъ», писалъ государь Апраксину и приказалъ построить къ будущему лѣту 30 катовъ или гекботовъ. Для постройки ихъ командированы генералъ-маіоры (гвардіи маіоры) князь Юсуповъ — въ Нижній и Румянцевъ — въ Казань; каждому велѣно было построить по 15 гекботовъ, не считая ботовъ и шлюпокъ.

Основаніе въ Астрахани военнаго порта.

При увеличеніи каспійскаго флота, для содержанія его въ исправности государь положилъ основать въ Астрахани военный портъ. Указомъ 4-го ноября астраханскому губернатору Артемію Петровичу Волынскому велѣно было: выбравъ у Четырехъ бугровъ удобное для гавани мѣсто, соединенное съ моремъ хорошимъ фарватеромъ, построить тамъ провіантскіе магазины и нѣсколько жилыхъ домовъ и защитить ихъ укрѣпленіями. Фарватеръ оградить бакаными и вѣхами; для постановки же ихъ, наблюденія за ними во время навигаціи и уборки на зиму устроить на Четырехъ буграхъ лоцманскую станцію. При этомъ урочищѣ, а также на Тюленьемъ островѣ и въ трехъ другихъ прибрежныхъ пунктахъ царь велѣлъ поставить большіе фонари и жечь въ нихъ жиръ. Для предупрежденія крушеній отъ дурной якорной стоянки, между Ярками и Четырьмя буграми запрещалось «безъ необходимой нужды» становиться на якорь, какъ на «мѣстѣ зѣло опасномъ» [1]).

Мѣсто для порта избрано у Астрахани на рѣчкѣ Кутумовой, впадающей въ Волгу. Устье ея велѣно было вычистить особыми граблями и, чтобы Волга не заносила его пескомъ, берега устья укрѣпить фашинами. То мѣсто на р. Кутумовой, гдѣ предполагалось весною дѣлать верфь, приказано поднять выше уровня весенней воды. Кромѣ 30 гекботовъ, по данному Петромъ образцу, приказано было построить три или четыре прама и 10 завоз-

---

[1]) Матеріалы. Отд. IX. №№ 161 и 175.

ней [1]). Зимою велѣно починить старыя бусы и добавить къ нимъ новыхъ, такъ чтобы всѣхъ было 20. «Сіе весьма необходимо, замѣчаетъ государь, и безъ того все остановится». Въ декабрѣ этого года государь повелѣлъ «при астраханскомъ портѣ, для военной службы содержать адмиралтейство и морскихъ адмиралтейскихъ служителей, и для того построить казармъ на осмотрѣнномъ подъ строеніе способномъ мѣстѣ» [2]).

На Сулакѣ для направленія теченія его въ Аграхань предполагалось устроить плотину; лѣсъ, копры и тележки необходимые для работъ велѣно зимою заготовить въ Астраханской губерніи и весною сплавлять въ сопровожденіи островскихъ лодокъ къ Астрахани, а оттуда перевозить до мѣста, уже сухимъ путемъ [3]). Въ указѣ, данномъ по этому предмету, не забыты были, повидимому ничтожныя, но для технической стороны дѣла весьма важныя подробности, какъ напр. для показанія, какъ связывать лѣсные плоты, Петръ велѣлъ прислать изъ Ладоги двухъ или трехъ мастеровъ знающихъ это дѣло, и т. п. Чтобы дать ясное понятіе о характерѣ указовъ Петра, объясняющихъ техническія подробности дѣла, приведемъ въ подлинникѣ одно мѣсто, касающееся устройства сулакской плотины: «а паженныя (шпунтовыя) сваи надлежитъ нынѣшнею зимою въ верху на берегу Волги вынизить и шипы сдѣлать и чтобъ особливый человѣкъ былъ при томъ, дабы не перепортить, понеже дѣло плотины все на томъ зависитъ; а весною, чтобъ, какъ рѣкою такъ и моремъ, везть ихъ на судахъ, дабы шипы не обломать, а моремъ суда на нихъ нижегородскія хороши, въ которыхъ окна назади сдѣлать и насовать ихъ подъ палубу (хотя и потекутъ, сей товаръ утонуть не допуститъ), и привесть ихъ къ транжементу (въ Аграхань), а оттоль сухимъ путемъ. Колеса къ тележкамъ лучше сдѣлать въ Казани, ибо тамъ какъ дерева такъ и желѣза есть довольно, и для того сдѣлать одно колесо образцовое и послать въ Казань немедленно, дабы тамъ черезъ зиму сдѣлали и на весну по вскрытіи воды оныя прислали сюда, о чемъ отъ насъ къ Никитѣ Кудрявцеву (ка-

---

[1]) Лодки, на которыхъ завозятъ якоря большихъ судовъ, въ случаѣ передвиженія ихъ завозами.

[2]) Морск. Сборн. 1849 г. февраль, стр. 109.

[3]) Дѣян. Петра Вел. IX. стр. 44.

занскому вице-губернатору) послано, а ящики сдѣлать здѣсь, ибо къ тому досокъ отъ старыхъ судовъ довольно мочно сыскать» [1]). Одинъ такой указъ даетъ ясное понятіе о той глубинѣ и обстоятельности знаній царя-моряка, которыя давали ему возможность совершать великія дѣла съ мало свѣдущими людьми и съ самыми ничтожными средствами. Но здѣсь мы видимъ одинъ указъ, касающійся не весьма важнаго дѣла, а такихъ указовъ были тысячи, по предметамъ самымъ разнообразнымъ; писались они весьма часто собственноручно и почти всегда прямо на бѣло. Въ подобныхъ указахъ-инструкціяхъ у царя съ геніальною простотою и ясностію рельефно выставлялись главныя черты, или суть всякаго дѣла, обставленныя, съ удивительнымъ знаніемъ техники, именно тѣми мелкими подробностями, отъ которыхъ болѣе всего зависитъ успѣхъ дѣла. Нельзя не обратить вниманія, что въ такихъ распоряженіяхъ экономическая сторона предмета (разумѣя ее въ самомъ обширномъ значеніи) всегда занимала одно изъ первыхъ мѣстъ. Другимъ, такимъ же, указомъ велѣно лѣтомъ купить, гдѣ будетъ удобно, до 2000 верблюдовъ и 500 паръ воловъ, а въ Гребеняхъ и на Теркахъ сдѣлать 500 хорошихъ арбъ (мѣстныхъ телегъ).

Экспедиція въ Гилянь.

Передъ отъѣздомъ государя изъ Астрахани, отъ бывшаго въ Персіи нашего консула Абрамова, получено было извѣстіе, что жители города Решта, находящагося на южномъ берегу Каспійскаго моря, въ провинціи Гиляни, для защиты отъ мятежниковъ желали бы присылки къ нимъ русскихъ войскъ [2]). Государь поспѣшилъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ пріобрѣсти для Россіи, безъ пролитія крови, часть южнаго берега Каспія съ заливомъ Энзили.

Приготовленія отряда войскъ къ отсылкѣ въ Гилянь начались немедленно. Начальство надъ ними поручалось гвардіи полковнику Шипову, а командованіе судами, назначаемыми для перевоза отряда, — Соймонову, произведенному въ капитанъ-лейтенанты. Ему вмѣстѣ съ корабельнымъ мастеромъ Пальчиковымъ, государь велѣлъ выбрать болѣе надежныя суда, осмотрѣть ихъ, въ чемъ найдется нужнымъ исправить, и въ самомъ скорѣйшемъ времени при-

---

[1]) Матеріалы. Отд. IX. № 175.

[2]) Дѣян. Петра Велик. VIII стр. 284.

готовить къ походу въ море. Осмотръ и починка окончились въ два дня, но при такой поспѣшности то и другое было исполнено плохо. Для скорѣйшей нагрузки провіанта на суда, государь раздѣлилъ ихъ на три части, поручивъ каждую наблюденію одного изъ генераловъ: Матюшкина, князя Трубецкаго и Дмитріева-Мамонова. Но вмѣшательство сухопутныхъ начальниковъ въ незнакомое для нихъ морское дѣло повело только къ лишней работѣ и безполезной тратѣ дорогаго времени. Исполнительные генералы спѣшили грузить на суда провіантъ, не обращая вниманія на то, что на нихъ еще не были поставлены водяныя бочки и другіе предметы, которые должны были помѣститься подъ провіантомъ. Морскимъ офицерамъ пришлось въ этомъ случаѣ, въ противность дисциплины, останавливать исполненіе генеральскихъ приказаній и объяснять ихъ несостоятельность. Для ускоренія приготовленія офицеры, набранные Соймоновымъ съ разныхъ судовъ, забирали съ нихъ все, что было имъ нужно на новыя и, такимъ образомъ, отрядъ былъ приготовленъ къ походу впродолженіе пяти дней. Онъ состоялъ изъ 14 судовъ (гукора, и прежде этого находившагося подъ начальствомъ Соймонова, эверса, 3-хъ гальотовъ и 9-ти тялокъ). На нихъ посажено два батальона пѣхоты, въ числѣ которыхъ было 100 гренадеръ [1]).

4-го ноября государь прибылъ на гукоръ къ Соймонову съ Апраксинымъ и другими лицами, и велѣлъ сниматься съ якоря [2]). Черезъ восемь дней отрядъ, собравшійся у Четырехъ бугровъ, съ попутнымъ NW вѣтромъ отправился въ море. Царь такъ заботился объ успѣшномъ плаваніи, что послалъ капитана Рентеля къ Четыремъ буграмъ смотрѣть, какъ уйдутъ суда, и потомъ велѣлъ впродолженіе нѣсколькихъ дней записывать направленіе вѣтра и журналъ прислать къ нему. Шиповъ и Соймоновъ при отправленіи получили отъ государя инструкціи и когда первый спросилъ, не мало ли назначается войска, для защиты цѣлой провинціи, то Петръ отвѣчалъ: «донской казакъ Разинъ съ пятью стами казаковъ ихъ (персовъ) не боялся, а у тебя два батальона регулярнаго войска».

---

[1]) Дѣян. Петра Велик. VIII. стр. 285—6. Экстр. изъ журн. Соймонова стр. 127—130. Матеріалы. Отд. IX. № 174—5.

[1]) Извл. изъ журн. стр. 157.

Возвращеніе государя въ Москву.

На другой день по отправленіи гилянскаго отряда, государь съ императрицею оставилъ Астрахань и отправился по Волгѣ въ обратный путь, на томъ же суднѣ, на которомъ прибылъ изъ Москвы. Между Чернымъ Яромъ и Царицынымъ ихъ остановилъ ледъ и 19-го ноября, пересѣвъ въ экипажи, они отправились въ Москву сухимъ путемъ. Войско, пошло также берегомъ, оставивъ одинъ батальонъ для охраненія судовъ.

Плаваніе и дѣйствія гилянской экспедиціи.

Отправившійся въ море отрядъ Соймонова, между Дербентомъ и Апшеронскимъ проливомъ выдержалъ штормъ: волненіемъ смыло провіантъ, лежавшій (по недостатку мѣста въ трюмѣ) на верхней палубѣ, причемъ погибло нѣсколько солдатъ. Во время шторма отъ отряда отстали одинъ гальотъ и тялка, на которой находилась рота солдатъ. Гальотъ пришелъ послѣ въ Энзили, а тялка, потерявъ мачту, воротилась въ Астрахань. Придя въ заливъ Энзили, Соймоновъ сталъ на якорь въ виду города Решта. Такъ какъ начальствующіе въ городѣ лица и жители отказались принять русскій гарнизонъ, то суда вошли въ устье рѣки Перибазаръ и Шиповъ высадился съ войскомъ и нѣсколькими пушками въ мѣстечко того же имени, укрѣпился въ немъ и потомъ, послѣ переговоровъ, перешелъ съ солдатами въ囲囲囲囲Рештъ. Суда поставили въ линію у берега рѣки, такъ близко одно къ другому, что по сходнямъ между ними было сообщеніе. Суда, стоявшія на оконечностяхъ, поворотили поперегъ линіи, такъ что вся она представляла родъ крѣпости, обращенной фронтомъ къ рѣкѣ (на которой оставлено было довольно мѣста для прохода персидскихъ торговыхъ судовъ), а съ тыла примыкавшей къ низменному непроходимому берегу, покрытому камышемъ и понимаемому водою.

Плаваніе персидскаго посла изъ Решта въ Астрахань.

Одновременно съ прибытіемъ русскихъ судовъ пріѣхалъ въ Рештъ Измаилъ-Бекъ, отправленный отъ шаха посломъ къ государю. Располагая сначала ѣхать въ Россію берегомъ черезъ Дербентъ, онъ, увидѣвъ съ горъ русскія суда, измѣнилъ свое намѣреніе и разсудилъ за лучшее, и главное, за безопаснѣйшее отправиться въ Астрахань моремъ. Между тѣмъ, царствовавшій шахъ Гуссейнъ былъ свергнутъ съ престола и содержался въ заключеніи. Губернаторъ Решта въ виду перемѣны правителя желалъ удержать посла въ городѣ, но консулъ Абрамовъ, догадавшись объ этомъ, уговорилъ Измаилъ-Бека перебраться скорѣе на наши суда, и приказавъ за-

держивать всѣ персидскія суда и лодки, которыя бы могли доставить свѣдѣніе изъ Решта, спѣшилъ отправленіемъ посла въ море. Соймоновъ представилъ Измаилъ-Беку, что по сдѣланнымъ имъ вычисленіямъ настоящая полночь и полнолуніе представляютъ самый счастливый моментъ для отправленія въ путь. Двѣ тялки, подъ командою лейтенантовъ Лунина и Татищева, назначенныя для посла, немедленно были выбуксированы изъ рѣки всѣми гребными судами отряда и отправились въ море. Такъ какъ это происходило въ началѣ января и въ Волгу за льдомъ нельзя было пройдти, то тялки простояли долго въ Апшеронскомъ проливѣ и посолъ прибылъ въ Астрахань только 19-го марта. Чтобы скрыть отъ посла настоящую причину замедленія, находившійся при немъ переводчикъ обѣщалъ «столько лгать, сколько выдумать можетъ». Поспѣшность удаленія Измаилъ-Бека изъ Решта была не напрасна; едва только посолъ, вышелъ въ море, какъ въ городѣ получили указъ шаха повелѣвающій послу возвратиться. Начальство Решта убѣждало Шипова оставить городъ и отправиться въ Россію, но тотъ представлялъ, что безъ указа государя этого сдѣлать нельзя, да и теперь нѣтъ достаточнаго числа судовъ для перевоза [1]).

Опасное положеніе эскадры въ Рештѣ.

Персы дѣлали неудачныя попытки запереть нашимъ судамъ выходъ изъ рѣки и думали даже сжечь ихъ помощію нефти, но почему то не рѣшались. Наши моряки, не знавшіе свойства нефти, сначала смѣялись надъ такою затѣею, но потомъ узнавъ, въ чемъ дѣло, спѣшили сами выбраться изъ опаснаго мѣста, гдѣ сухой камышъ представлялъ значительное подспорье усиленію огня. Вообще русскіе зорко слѣдили за дѣйствіями персовъ; такъ напр. когда одинъ изъ ихъ начальствующихъ лицъ поѣхалъ осматривать мѣсто (въ проливѣ соединяющемъ заливъ Энзили съ моремъ), гдѣ бы удобнѣе поставить батарею, то за каждымъ шагомъ перса наблюдалъ посланный съ эскадры мичманъ Прончищевъ, переодѣтый квартермейстеромъ и, повидимому, усердно занимавшійся ловлею рыбы [2]).

Осмотръ рѣки Куры.

Въ мартѣ мѣсяцѣ (1723) Соймоновъ, оставивъ у Шипова три судна (гукоръ, ботъ и эверсъ), имѣвшія пушки, отправился осма-

---

[1]) Дѣян. Петра Велик. VIII. стр. 303—311. Экстр. изъ журн. Соймонова, 141—156.

[2]) Экстр. изъ журн. Соймонова, 157—8.

тривать западный рукавъ Куры, чтобы, по приказанію государя, выбрать здѣсь мѣсто для предполагаемаго города, и потомъ возвратиться въ Астрахань.

Нападеніе персовъ.

По уходѣ Соймонова изъ Энзили персы атаковали въ Рештѣ укрѣпленный караван-сарай, въ которомъ находились наши войска, но были отбиты. Одновременно съ этимъ на берегу Энзилинскаго пролива, въ которомъ стояли наши три судна, персы построили ночью батарею и, поставивъ на ней четыре 6-ти фунтовыя пушки, открыли огонь по судамъ. Близъ батареи на берегу собралось до пяти тысячъ непріятелей. Командовавшій судами капитанъ-лейтенантъ Золотаревъ подтянулся завозами къ батареѣ, сталъ на шпринги и своей судовой артиллеріей, не болѣе какъ въ четверть часа заставилъ замолчать батарею и разогналъ войско, а тѣхъ изъ непріятелей, которые пустились черезъ заливъ на лодкахъ, забралъ въ плѣнъ. Послѣ этого персы уже не возобновляли нападеній [1]).

Постройка судовъ для каспійской флотиліи.

Каты или гекботы, строенные для каспійской флотиліи княземъ Юсуповымъ въ Нижнемъ и Румянцевымъ въ Казани, были плоскодонныя трехмачтовыя суда, имѣвшія 100 футъ длины и 27 ф. ширины. Для удобнѣйшей нагрузки, кубричная палуба ихъ дѣлалась разборною. Парусность гекботовъ состояла изъ грота, фока, марселей, бизани и кливера [2]). Якоря и такелажъ дѣлали въ Нижнемъ, а рангоутъ и паруса — въ Казани. Тамъ же, кромѣ гекботовъ строили 6 большихъ ботовъ и 30 (барказовъ) такихъ, которые бы могли подниматься на палубу гекботовъ, и еще 30 шлюпокъ «на стать дильялъ». Для строенія судовъ присланы всѣ необходимые мастера, а мѣстные бочары заняты были работою бакановъ, также для астраханскаго порта. Баканы дѣлались съ оковкою и цѣпями; вмѣсто якорей у нихъ служили камни. Посланнымъ для строенія гекботовъ, Юсупову и Румянцеву, даны были полномочія собирать рабочихъ, число которыхъ измѣнялось отъ 300 до 3,000; адмиралтейству же и губернаторамъ велѣно съ возможною скоростію исполнять всѣ требованія этихъ офицеровъ. Благодаря подобнымъ распоряженіямъ и энергіи строителей, несмотря на разныя затрудненія и недостатокъ на мѣстахъ многихъ предметовъ, всѣ строившіяся суда

---

[1]) Дѣян. Петра. Велик. VIII. стр. 346—8.

[2]) Гл. морс. арх. (Дѣла гр. Апраксина, № 216).

были готовы въ началѣ мая (1723 г.) и отправлены въ Астрахань. Замѣтимъ, при этомъ, что пеньку привозили въ Казань изъ Нижняго, смолу изъ Твери, и т. п. Деньги на строеніе отпускались изъ кабинета и выдавались изъ суммъ, собираемыхъ съ татаръ и другихъ инородцевъ. На матеріалы и рабочихъ употреблено 18,453 р., не считая до 3,000 четвертей провіанта. Въ концѣ мая, по прибытіи гекботовъ въ Астрахань, Волынскій доносилъ, что они оказались «всѣ такъ хороши, власно (будто) какъ бы фрегаты»; боты также оказались лучше прежнихъ [1]).

По отъѣздѣ государя изъ Астрахани, кромѣ главнаго мѣстнаго начальника, губернатора Волынскаго, сухопутными войсками завѣдывалъ генералъ-маіоръ Матюшкинъ, которому подчиненъ былъ начальствовавшій морскою частію капитанъ Блорій, по отзыву Соймонова, человѣкъ слабый духомъ и тѣломъ. Кораблестроеніемъ же завѣдывали два хорошіе мастера: Гаврило Меншиковъ и особенно любимый государемъ Филиппъ Пальчиковъ.

Составъ каспійской флотиліи (1723 г.).

Каспійская флотилія, не считая мелкихъ судовъ и островскихъ лодокъ, состояла изъ 73 судовъ (30 катовъ, яхты, 2 шнявъ, гукора, 10 ботовъ, 6 эверсовъ, 13 тялокъ, 3 шхунъ, 7 ластовыхъ судовъ). На этихъ судахъ и въ адмиралтействѣ было 570 человѣкъ и до полнаго комплектнаго числа не доставало еще 448 человѣкъ [2]). Большую часть судовъ, какъ показали бывшія плаванія, можно было отпускать въ море только по необходимости, за неимѣніемъ лучшихъ. По мѣрѣ возможности ихъ починили и даже построили новыхъ 15 бусовъ. Но несмотря на плохое состояніе судовъ, на нихъ успѣвали доставлять провіантъ и подкрѣпленія во всѣ прибрежные пункты, занятые нашими войсками, не исключая и отдаленной Гиляни.

Взятіе Баку. (1723 г.).

Весною 1723 года, съ прибытіемъ новыхъ гекботовъ, начали поспѣшно готовиться къ военной экспедиціи въ Баку. Относительно занятія этого города государь при отъѣздѣ оставилъ Матюшкину лаконическій указъ: «когда придутъ изъ Казани 15 гекботовъ, тогда съ четырьмя полками идти къ Бакѣ и взять.» Кромѣ этихъ

---

[1]) Матеріалы. Отд. IX. №№ 161, 169, 172, 173, 185—8.

[2]) Матеріалы. Отд. IX. №№ 180, 181 и 184.

гекботовъ въ экспедицію назначались еще нѣсколько другихъ судовъ. Флотилія раздѣлена была на три части, на каждой изъ нихъ былъ сухопутный генералъ-маіоръ и начальствующій морской офицеръ. На первой — главный начальникъ отряда Михаилъ Афанасьевичъ Матюшкинъ и капитанъ-лейтенантъ князь Урусовъ, на второй — князь Трубецкой и кап.-лейт. Пущинъ, на третьей — князь Барятинскій и кап.-лейт. Соймоновъ. Для предстоявшей осады крѣпости, кромѣ полковыхъ пушекъ и судовой артиллеріи, взяты двѣ мортиры, десять мѣдныхъ 18-ти фунтовыхъ пушекъ и четыре 36-ти фунтовыя гаубицы. Гекботы, сидѣвшіе въ водѣ 9 и болѣе футъ, съ большимъ трудомъ и перегрузкою выбрались изъ Волги, и 4 іюля отрядъ пришелъ на Бакинскій рейдъ. Бакинцы, несмотря на письменное предписаніе шахскаго посла, отказались принять русскій гарнизонъ, повторяя прежній отвѣтъ, что не нуждались и не нуждаются въ посторонней помощи. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, 21-го іюля, подъ прикрытіемъ большаго бота и нѣсколькихъ бусовъ, высадили на берегъ часть десанта, который, заставясь рогатками, съ помощію двухъ полковыхъ пушекъ, успѣлъ отразить сильную вылазку изъ города. Тогда съ южной стороны Баку построили батарею, вооруженную четырьмя гаубицами, и къ городу подтянулись два гекбота съ мортирами и пятью пушками. Они, несмотря на сильную пальбу съ крѣпости, подошли на самое близкое разстояніе, стали на шпринги и открыли огонь.

Городская артиллерія (состоявшая, какъ послѣ оказалось, изъ гаубицъ, лежавшихъ на стѣнахъ безъ станковъ и, слѣдовательно, безъ возможности прицѣла) замолкла, и отъ третьей бомбы, пущенной съ нашихъ судовъ, въ городѣ сдѣлался пожаръ. До вечера брошено 94 бомбы и пальба продолжалась всю ночь. Впродолженіе четырехъ дней, употребленныхъ на пробитіе бреши, противодѣйствіе бакинскаго гарнизона ограничивалось незначительными вылазками. Ночью 25-го іюля Матюшкинъ расположился было одновременно напасть на крѣпость береговыми войсками и десантомъ, но этому помѣшалъ сильный вѣтеръ, подрейфовавшій суда и заставившій прекратить пальбу. Персіяне воспользовались такою остановкою и впродолженіе ночи успѣли совершенно задѣлать брешь. Но это не спасло крѣпости: угрожающее письмо Матюшкина, что въ случаѣ

дальнѣйшаго сопротивленія никому не будетъ дано пощады, рѣшило участь Баку, и она сдалась 26-го іюля.

Оставивъ здѣсь три судна и сильный гарнизонъ подъ начальствомъ князя Барятинскаго, Матюшкинъ съ остальными судами и войскомъ возвратился въ Астрахань. Осенью Барятинскому велѣно было послать два отряда для завладѣнія страною около рѣки Куры [1]).

Выборъ мѣста для крѣпости на Курѣ.

Зимою на 1724 годъ государь вызвалъ къ себѣ Матюшкина и Соймонова для личныхъ объясненій. Въ Москвѣ они представили царю карту устья Куры съ промѣромъ, которую Соймоновъ успѣлъ составить лѣтомъ, сходивъ туда на боту. Мѣсто, выбранное Соймоновымъ для крѣпости, хотя не очень удобное, государь утвердилъ, потому что оно было вблизи моря. Для работъ назначено 2,500 казанскихъ татаръ и чувашъ, которыхъ велѣно прислать въ Баку, а другихъ 2,500 въ Гилянь. Матюшкину поручилъ государь лично осмотрѣть избранныя мѣста и распорядиться постройками [2]).

Плаваніе Матюшкина (1724 г.).

Возвратясь въ Астрахань въ половинѣ августа, Матюшкинъ, очень нелюбившій моря, старался пріискать всевозможные предлоги, чтобы отложить поѣздку до весны. Съ объясненіями причинъ подобной остановки онъ отправилъ къ государю (находившемуся въ Старой Русѣ) курьера, который съ необыкновенною скоростію, именно въ 19 дней, успѣлъ возвратиться и привезти отъ Петра, нетерпѣвшаго пустыхъ отговорокъ, самый строгій отвѣтъ, угрожавшій, въ случаѣ медленности, даже судомъ. Долѣе медлить было невозможно, и Матюшкинъ на другой же день, 9-го ноября, явился въ Ярковскую гавань, гдѣ готовились для него суда и торопилъ Соймонова выйдти въ ту же ночь.

Во время плаванія, со стороны нерасположеннаго къ морю генерала, происходили забавныя продѣлки. Онъ требовалъ, чтобы Соймоновъ шелъ близъ берега, чаще останавливаясь «для отдыха» на якорѣ; а гдѣ только была возможность придумать причину — Матюшкинъ спѣшилъ выйдти на берегъ. Путешествуя такимъ образомъ, наши плаватели дошли до Решта только 24-го декабря.

[1]) Дѣян. Петра Велик. Т. VIII, стр. 399 и 405. Экстр. изъ журн. Соймонова, стр. 169—176.

[2]) Экстр. изъ журн. Соймонова, стр. 183 и 188.

Возобновленіе флотиліи на Дону.

Усиленіе Россіи на берегахъ Каспійскаго моря возбудило дотого сильныя опасенія со стороны Порты, что царь могъ опасаться новой войны съ Турціею и, на случай ея, спѣшилъ принять необходимыя мѣры. Такъ какъ бывшій опытъ ясно показалъ какое важное значеніе имѣлъ флотъ для успѣшности военныхъ дѣйствій, то, вмѣстѣ съ приготовленіемъ сухопутныхъ войскъ, сдѣланы были распоряженія о возсозданіи морскихъ силъ на Дону. Отъ прежняго азовскаго флота остались суда, догнивавшія на берегу при тавровскомъ и павловскомъ адмиралтействахъ, сотни двѣ рабочихъ, да въ Тавровѣ и Павловскѣ магазины съ разными судовыми вещами и матеріалами. Прежнія суда, строенныя для морскаго плаванія и проводимыя Дономъ въ то время, когда онъ вплоть до моря принадлежалъ Россіи, не годились для предстоявшей войны: теперь требовались суда, съ которыми можно бы было завладѣть Азовомъ и свободно пройдти въ море донскими гирлами. Лучшими для удовлетворенія такимъ требованіямъ, были признаны прамы, галеры и бригантины. Поэтому, указомъ 8 апрѣля 1723 года, велѣно было построить въ Воронежѣ 15 прамовъ, 15 галеръ и 30 бригантинъ; кромѣ того воронежскому губернатору приказано для помѣщенія провіанта изготовить 150 бударъ [1]). Главнымъ распорядителемъ дѣла назначенъ вице-адмиралъ Змаевичъ, мастерами: для прамовъ и бригантинъ — Скляевъ, для галеръ — итальянецъ Дипонтій. Въ добавку къ 176 человѣкамъ мастеровыхъ, находившихся при тавровскомъ адмиралтействѣ, послали изъ Петербурга 311 челов. мастеровыхъ и 185 галерныхъ служителей. Кромѣ того, въ добавку къ плотникамъ, въ положенное число 500 челов. (а въ случаѣ недостатка ихъ и болѣе), велѣно требовать отъ воронежскаго губернатора, которому предписано также заготовлять и нужные для судостроенія лѣса. На расходы ассигновано на первый случай 100,000 рублей изъ доходовъ Воронежской губерніи; необходимыя корабельныя вещи и припасы велѣно брать съ ближайшихъ желѣзныхъ заводовъ и изъ адмиралтейскихъ магазиновъ. Всѣ суда приказано было изготовить къ первымъ числамъ марта 1724 года [2]).

---

[1]) Гл. морск. арх. (Дѣл. адмиралт. коллегіи 1723 г. № 53).

[2]) Тамъ-же. (Дѣл. адмиралт. коллегіи 1722 г. № 61 и 1723 г., № 10).

Змаевичъ и его команда въ половинѣ іюня были уже въ Воронежѣ, но какъ здѣсь не нашлось удобнаго мѣста для постройки, а Павловскъ по своему отдаленію и неблагопріятнымъ климатическимъ условіямъ также представлялся невыгоднымъ, то Змаевичъ, по совѣту съ Скляевымъ, рѣшилъ строить всѣ суда въ Тавровѣ, гдѣ находились и старые магазины съ разными матеріалами. Несмотря на своевременное распоряженіе о томъ, чтобы къ пріѣзду Змаевича заготовлены были лѣса, рабочіе и провіантъ, со стороны губернатора не было принято никакихъ мѣръ, и Змаевичъ не нашелъ ни одного бревна изъ лѣсовъ новой заготовки, ни одного плотника и ни куля провіанта. Пришлось, на первое время, приняться за дѣло съ рабочими бывшими при тавровскомъ адмиралтействѣ и тѣми, которыхъ собралъ на мѣстѣ генералъ-фискалъ Мякининъ, а на строеніе галеръ употребить лѣса прежней заготовки. Дѣятельность вновь закипѣла въ Тавровѣ и запасы, хранившіеся 10 лѣтъ въ магазинахъ, опять выглянули на свѣтъ Божій. Орудія, якоря и паруса прежнихъ судовъ предположено было, по мѣрѣ возможности, употребить на снабженіе строившихся судовъ; разумѣется, при этомъ многія изъ старыхъ вещей оказались негодными, и пришлось позаботиться о пріобрѣтеніи новыхъ[1]).

Судостроеніе въ Тавровѣ (1723—24 г.)

Для отливки орудій[2]) и для дѣланія якорей и пушечныхъ станковъ на Липскіе и Козьминскіе желѣзные заводы посланы мастера съ Олонецкихъ Петровскихъ заводовъ; снаряды (ядра, книпели и картечь) отливали на Борискихъ заводахъ; парусныя полотна заготовлялись въ Москвѣ и въ Петербургѣ[3]). Для вырубки и вывозки лѣсовъ изъ отведенныхъ мѣстностей назначено было съ «указною платою» 11,000 крестьянъ Воронежской губерніи[4]).

Несмотря на предписанія, воронежскій губернаторъ Измайловъ не оказалъ ни малѣйшаго содѣйствія къ ускоренію работъ по постройкѣ судовъ, сваливая причину неисполненія на воеводъ, а тѣ

---

[1]) Гл. морск. арх. (Дѣл. адмиралт. коллегіи 1723 г. № 53).

[2]) 161-й 24-хъ фунт. пушки, 131-й 8-ми фунт. и 150-ти 3-хъ фунт. фалконетовъ (Гл. морск. арх. Дѣл. Змаевича, № 12).

[3]) Гл. морск. арх. (Дѣл. адмиралт. коллегіи 1723 г. № 53. Дѣл. Змаевича № 12).

[4]) Главн. морск. арх. (Дѣл. адмир. коллегіи 1723 г. № 20).

*

въ свою очередь обвиняли другихъ подчиненныхъ имъ лицъ. Такимъ образомъ наступилъ августъ мѣсяцъ, прошло лучшее время для работъ, а ни плотниковъ, ни рабочихъ людей выслано не было и Змаевичъ продолжалъ работу съ тѣми же людьми и средствами, которые были у него вначалѣ. Однако въ половинѣ сентября мѣсяца заложены были всѣ галеры и 5 прамовъ, а въ ноябрѣ остальные прамы и кайки. Пожаръ водяной пильной мельницы замедлилъ ходъ работъ; взамѣнъ ее потребовалась присылка 450 человѣкъ пильщиковъ и 200 ручныхъ пилъ, но въ магазинахъ петербургскаго адмиралтейства нашлось только 60 пилъ, которыя и были посланы къ Змаевичу [1]). За распорядительность Мякинину объявлена царская благодарность, а Измаилову сдѣланъ выговоръ съ угрозою, въ случаѣ дальнѣйшаго бездѣйствія, взыска по суду, такъ какъ дѣло судостроенія «великой важности и къ исправленію скорому подлежитъ» [2]). Отъ этого, или отъ другихъ причинъ, но къ зимѣ работы пошли успѣшнѣе и въ декабрѣ мѣсяцѣ количество рабочихъ возрасло до 13,890 человѣкъ, въ томъ числѣ адмиралтейскихъ изъ Петербурга было 500, воронежскихъ 226, набранныхъ въ губерніи Мякининымъ 200 и присланныхъ отъ губернатора Измаилова 12,965 человѣкъ [3]).

На большіе прамы прибавлено по двѣ 8-ми фунтовыхъ пушки, такъ что общее число орудій этого калибра на каждомъ изъ нихъ дошло до 18. При всей скорости постройки, суда не поспѣли къ опредѣленному сроку, за неготовностью желѣзныхъ вещей. Но при измѣнившихся политическихъ обстоятельствахъ, въ нихъ уже не было нужды: переговоры, веденные съ Турціею по поводу завоеваній нашихъ на берегу Каспія, въ началѣ 1724 года клонились къ миролюбивому соглашенію, а потому и военныя приготовленія съ обѣихъ сторонъ были пріостановлены. При такомъ оборотѣ дѣлъ, достройка судовъ донской флотиліи продолжалась безъ особенной поспѣшности въ теченіе всего лѣта 1724 года.

1-го октября Змаевичу велѣно было сдать всѣ лежавшія на немъ обязанности по донскому судостроенію лейтенанту Росселіусу и, оста-

---

[1]) Гл. морск. арх. (Дѣл. адмиралт. коллегіи 1723 г. № 53).
[2]) Тамъ-же. (Дѣл. Змаевича № 12).
[3]) Тамъ-же. (Дѣл. адмиралт. коллегіи, 1723 г. № 53).

вя при судахъ 253 человѣка морскихъ и сколько найдется нужнымъ адмиралтейскихъ служителей, самому вмѣстѣ съ Скляевымъ ѣхать въ Петербургъ. Такъ какъ всѣ работы были почти приведены къ концу и оставались не исполненными только нѣкоторыя мелкія подѣлки, то ихъ велѣно окончить, и устроить надъ судами крыши [1]). Окончаніе и сдача дѣлъ по донской экспедиціи продолжались довольно долго, такъ что Змаевичъ явился въ коллегію только въ началѣ 1725 года.

Судостроеніе на Днѣпрѣ (1724 г.)

Въ февралѣ 1724 года послѣдовало распоряженіе сената о заготовкѣ лѣсовъ для строенія 20 галеръ и 200 бударъ въ Кіевѣ, а адмиралтействъ-коллегіи предписано послать туда мастера, но это было измѣнено другимъ указомъ сената (отъ 6 октября), которымъ велѣно было заготовлять лѣса вмѣсто Кіева, въ Брянскѣ на 5 прамовъ и на 7 галеръ такой же пропорціи, какъ строенные въ Тавровѣ и, для того, послать двухъ подмастерьевъ и по два или по три плотника. Несмотря на прекращеніе опасеній близкой войны съ Турціею, заготовка лѣса въ Брянскѣ продолжалась еще въ теченіе 1724 и 25 годовъ.

---

[1]) Гл. морск. арх. (Дѣл. адмиралт. коллегіи 1723 г. № 53. Дѣл. Змаевича №№ 12 и 19).

ГЛАВА XII.

БАЛТІЙСКІЙ ФЛОТЪ СЪ 1722 ПО 1725 ГОДЪ.

Плаваніе флота и отдѣльныхъ судовъ въ 1722 году. — Приготовленія къ кампаніи 1723 г.. — Соединеніе эскадръ у Ревеля. — Составъ и плаваніе флота въ 1723 г. — Распредѣленіе судовъ на зимовку. — Торжественная встрѣча ботика. — Празднованіе годовщины Ништадтскаго мира. — Пріемъ персидскаго посла. — Основаніе Кронштадта (1723 г.). — Заграничныя плаванія (1723 г.).— Мадагаскарская экспедиція. — Постройка новыхъ судовъ (1724 г.). — Зимнія поѣздки и катанья государя. — Плаваніе флота (1724 г.). — Пакетботы между Кронштадтомъ и Любекомъ. — Поврежденіе ревельской гавани. — Болѣзнь государя. — Кончина Петра Великаго и вліяніе ея на флотъ.

Плаваніе флота и отдѣльныхъ судовъ въ 1722 году.

Во время отсутствія Апраксина, бывшаго съ государемъ въ персидскомъ походѣ, управленіе балтійскимъ флотомъ поручено было адмиралу Крюйсу, а завѣдываніе галернымъ флотомъ вице-адмиралу Змаевичу, и потому донесенія, касавшіяся обоихъ флотовъ, Змаевичъ подписывалъ вмѣстѣ съ Крюйсомъ.

Дѣйствія флота въ 1722 году ограничились короткимъ практическимъ плаваніемъ, впродолженіе котораго велѣно было «чинить экзерциціи кораблями и людьми по регламенту, усматривая къ лучшему морскому искусству и солдатству». Во второй половинѣ іюня котлинская эскадра изъ 13 кораблей (отъ 54 до 72 пуш.) и 6-ти фрегатовъ вышла въ крейсерство между Красною горкою и Березовыми островами, а ревельская, изъ 6 кораблей (50 пуш.), одного фрегата и двухъ шнявъ — между Наргеномъ и Дагерордомъ. Хотя сначала и предполагалось продержать обѣ эскадры въ морѣ не менѣе двухъ мѣсяцевъ, но за недостаткомъ провіанта онѣ окончили свое плаваніе въ началѣ августа. Кромѣ того, Апраксинъ велѣлъ было къ этой кампаніи имѣть «во всякой готовности» 60 лучшихъ га-

леръ, а сама коллегія распорядилась приготовленіемъ въ магазинахъ всего нужнаго для вооруженія и снабженія шести кораблей большаго ранга, всѣхъ фрегатовъ и шнявъ. Такимъ образомъ, въ случаѣ какого-нибудь неожиданнаго политическаго затрудненія, можно было впродолженіе восьми дней вывести на рейдъ весь флотъ[1]). Относительно галеръ, еще 25-го октября прошлаго 1721 года, государь приказалъ Змаевичу ежегодно строить ихъ опредѣленное число и приготовя всѣ члены, пригнать ихъ къ своимъ мѣстамъ, прикрѣпляя временно не желѣзными, а деревянными гвоздями (на климнахъ) и потомъ, занумеровавъ, разобрать и сложить въ удобные магазины. Такой способъ постройки сохранялъ члены галеръ отъ гнилости и давалъ возможность собрать суда и спустить ихъ на воду въ самое непродолжительное время.[2])

Кромѣ обычнаго занятія брандвахтенскихъ постовъ, нѣкоторыя суда въ эту кампанію имѣли особыя назначенія, какъ напр. занимались перевозами въ Стокгольмъ плѣнныхъ шведовъ и работали при спасеніи вещей съ погибшаго корабля *Ништадтъ*.

Въ 1723 году приготовленія флота своею значительностію могли по справедливости обратить на себя тревожное вниманіе иностранныхъ державъ; въ дѣйствительности же они разрѣшились самымъ мирнымъ образомъ и дали только случай государю показать силу своего флота и попрактиковать его въ плаваніи. Въ половинѣ февраля адмиралтействъ-коллегія получила Высочайшій указъ: «всѣ линейные корабли, которые могутъ быть въ кампаніи, изготовить немедленно, чтобы конечно мая въ первыхъ числахъ флотъ корабельный былъ готовъ; также объявить вице-адмиралу Змаевичу, чтобы приготовлялъ изъ лучшихъ 60 галеръ къ тому же времени.» Съ этимъ, вмѣстѣ предписывалось всѣхъ морскихъ чиновъ находившихся въ отпуску, «не отмѣнно» вызвать къ половинѣ марта на службу.

Приготовленія къ кампаніи 1723 г.

Но наступившею весною обстоятельства не потребовали такого ранняго выхода флота въ море, и котлинская эскадра только 2 іюля пошла въ Ревель, гдѣ и соединилась съ зимовавшею тамъ эскадрою шаутбенахта Фангофта. Отъ Котлина до Ревеля эскадра шла подъ

Соединеніе эскадръ у Ревеля.

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 2486, 2488, 2492 и 2493.

[2]) Главн. морск. арх. (Дѣла Змаевича № 1).

флагомъ генералъ-адмирала, и авангардіею ея начальствовалъ адмиралъ Петръ Михайловъ.

Составъ и плаваніе флота въ 1723 г. Флотъ, собравшійся на ревельскомъ рейдѣ, состоялъ изъ 24 кораблей и 5 фрегатовъ, на немъ было 1,730 орудій и до 12,500 человѣкъ экипажа. Генералъ-адмиралъ имѣлъ свой флагъ на 72-хъ пуш. кораблѣ *Гангутъ*, а начальникъ авангардіи Петръ Михайловъ—на кораблѣ *Екатерина*. Кромѣ того, на флотѣ было два вице-адмирала: Вильстеръ и Гордонъ, и четыре шаутбенахта: Фангофтъ, Сиверсъ, Синявинъ и Дуфусъ. Изъ нихъ Вильстеръ и Дуфусъ были недавно приняты на службу, первый изъ вице-адмираловъ шведскаго, а второй изъ старшихъ капитановъ англійскаго флота. Галеръ военныхъ и конныхъ, приготовленныхъ для кампаніи, было 70, раздѣлявшихся на 9 ротъ; по уходѣ флота галеры оставались въ Невѣ [1]).

Во время стоянки флота въ Ревелѣ, шаутбенахтъ Синявинъ съ 6-ю кораблями высланъ былъ въ крейсерство, между Рогервикомъ и Гангутомъ, и виц.-адм. Вильстеръ ходилъ въ море испытывать корабль *Пантелеймонъ-Викторія*, спущенный въ іюлѣ 1721 года. 12-го іюля флотъ вышелъ изъ Ревеля и черезъ день пришелъ въ Рогервикъ, гдѣ съ обычнымъ торжествомъ государь заложилъ гавань, которой, по ея выгодному положенію, онъ придавалъ въ будущемъ весьма важное значеніе. Флотъ, задержанный здѣсь противнымъ вѣтромъ, только 20-го числа возвратился къ Наргену.

Въ настоящую кампанію съ самаго выхода отъ Котлина находились на флотѣ герцогъ голштинскій, и два принца гессенъ-гомбургскихъ. Герцогъ голштинскій, сначала кампаніи сидѣвшій на кораблѣ *Фридемакеръ*, по возвращеніи флота изъ Рогервика пересѣлъ на кор. *Нептунъ*, на которомъ въ сопровожденіи 15 кораблей предполагалъ отправиться въ Стокгольмъ; но какъ это не состоялось, то герцогъ на томъ же кораблѣ возвратился съ флотомъ къ Котлину. Принцы же гомбургскіе всю кампанію провели на кораблѣ *Лѣсное*.

Распредѣленіе судовъ на зимовку. Государь отправясь изъ Ревеля въ Петербургъ сухимъ путемъ, приказалъ эскадрѣ Фангофта идти въ ревельскую гавань. Изъ числа судовъ котлинской эскадры сначала отправлены были къ Крон-

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 2498, 2503, 2507, 2529 и 2533.

флоту съ вице-адмираломъ Гордономъ трехпалубные корабли, а потомъ пошли и остальные. Государь, выѣхавшій на встрѣчу флоту къ Красной горкѣ, 5 августа, самъ привелъ его на кроншлотскій рейдъ, куда на яхтѣ пріѣхала и императрица [1]).

Торжественная встрѣча ботика.

Возвративъ и прочно закрѣпивъ за Россіею древнее ея достояніе, балтійское прибрежье, государь вполнѣ сознавалъ, что успѣхомъ въ этомъ важномъ дѣлѣ онъ много обязанъ любимому своему созданію—флоту. Желая почтить этотъ флотъ въ лицѣ его родоначальника—стараго ботика, Петръ вздумалъ устроить особенное торжество, для почетнаго пріема «дѣдушки русскаго флота» среди его доблестныхъ внуковъ.

По этому случаю знаменитый ботикъ былъ еще зимою исправленъ и привезенъ изъ Москвы въ Шлиссельбургъ. Къ 30 мая, дню своего рожденія, Петръ привелъ ботикъ къ Невскому монастырю, гдѣ его церемоніально встрѣтили суда невскаго флота, императрица и всѣ знатныя особы. Отслушавъ въ монастырѣ заутреню, государь, въ сопровожденіи невскаго флота перевелъ ботикъ къ Троицкой площади, гдѣ послѣ обѣдни происходило обычное въ этотъ день торжество. 7-го августа, ботикъ, также въ сопровожденіи невскаго флота, прибылъ къ Котлину; но ненастье и вѣтеръ заставили отложить праздникъ до 11 августа. Въ этотъ день въ 11 часовъ утра, при ясной и тихой погодѣ, всѣ флагманы стоявшей на рейдѣ эскадры, въ числѣ которыхъ были Петръ Михайловъ, Крюйсъ и Меншиковъ, собрались на генералъ-адмиральскій корабль *Гангутъ*, стоявшій противъ среднихъ воротъ купеческой гавани. Здѣсь государь «пожаловалъ» всѣмъ имъ тафтяные шлюпочные флаги новаго образца [2]). Съ *Гангута* на шлюпкахъ, адмиралы, каждый подъ своимъ флагомъ, отправились для пріема ботика, стоявшаго на галіотѣ за военнымъ угломъ. Здѣсь флагманы сами спустили ботикъ на воду, поставили на немъ мачту и, поднявъ на ней штандартъ, пошли на буксирѣ своихъ шлюпокъ на рейдъ. Предоставивъ первое мѣсто генералъ-адмиралу Апраксину, адмиралъ Петръ Михайловъ взялъ на себя обязанность квартермейстера и правилъ рулемъ. Въ веслахъ сидѣли: вице-адмиралы Сиверсъ и Гордонъ и шаутбенахты

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 2540. Извл. изъ журн. стр. 159.

[2]) См. ниже, въ главѣ XV, о флагахъ.

Наумъ Синявинъ и Сандерсъ; вице-адмиралъ князь Меншиковъ, какъ лоцманъ, бросалъ лотъ; а фельдцейхмейстеръ Отто, изъ маленькихъ пушекъ ботика, отвѣчалъ на салютъ флота. При проходѣ ботика по линіи, состоявшей изъ 20 кораблей и одного фрегата, на каждомъ суднѣ приспускали флагъ и вымпелъ «до дека» и привѣтствовали «дѣда» барабаннымъ боемъ, звуками трубъ, криками ура и пушечными выстрѣлами. По окончаніи салюта корабли расцвѣтились флагами. На обратномъ пути ботику были отданы тѣ же почести, кромѣ салюта, и при входѣ въ гавань уже сдѣланъ окончательный общій салютъ со всѣхъ трехъ флотовъ: корабельнаго, галернаго и стоявшаго въ гавани невскаго или буернаго, а также съ гавани и со всѣхъ крѣпостей. Императрица и вся императорская фамилія смотрѣли на эту церемонію съ крѣпости. Торжество заключилось обѣдомъ въ палаткѣ, устроенной на гавани изъ корабельныхъ парусовъ; къ столу приглашены были съ флота всѣ флагманы и командиры судовъ [1]).

Празднованіе годовщины Ништадтскаго мира.

30 августа, въ день годовщины заключенія Ништадтскаго мира, ботикъ участвовалъ въ новомъ торжествѣ. Этотъ день былъ началомъ большаго маскарада, продолжавшагося цѣлую недѣлю. Четыре фрегата, взятые при Гренгамѣ, были выведены передъ Троицкую площадь; поставленный тутъ же ботикъ былъ, въ сопровожденіи маскарадныхъ судовъ, торжественно переведенъ къ Петропавловской крѣпости, гдѣ, обмѣнявшись съ нею салютами, поставленъ, въ присутствіи самого Петра, на храненіе въ государевомъ больверкѣ [2]). Чтобы не возвращаться болѣе къ торжественнымъ выходамъ ботика, въ царствованіе основателя флота, замѣтимъ, что въ слѣдующемъ 1724 году, 30 августа, ботикъ выводился къ Невскому монастырю, для торжественной встрѣчи мощей св. великаго князя Александра Невскаго, а 2-го сентября послѣдовалъ Высочайшій указъ объ ежегодномъ повтореніи въ день 30 августа церемоніальнаго вывода «дѣдушки русскаго флота»; но по кончинѣ великаго государя это установленіе, въ числѣ многихъ другихъ, было забыто.

Пріемъ персидскаго посла.

Въ томъ же сентябрѣ государь привозилъ на Котлинъ и на рейдъ персидскаго посла, причемъ на одномъ изъ кораблей данъ былъ вели-

---

[1]) Шхан. журналъ корабля *Нептунусъ*, веденный мичманомъ, впослѣдствіи адмираломъ, Нагаевымъ (Гл. морск. арх.).

[2]) Дополн. къ дѣян. Петра Велик. XIV стр. 166.

колѣнный пиръ [1]). Разнообразныя торжества этой осени заключились заложеніемъ крѣпости на Котлинѣ. 2 октября, несмотря на позднее осеннее время и противный вѣтеръ, государь и императрица, каждый на особой яхтѣ, въ сопровожденіи невскаго флота пошли къ Котлину. Петръ, составившій самъ чертежъ крѣпости, обозначилъ направленіе линіи укрѣпленій маленькими ровиками и 6-го числа собрался сдѣлать торжественную закладку. Но въ этотъ день церемоніи помѣшалъ жестокій морской вѣтеръ, нагнавшій столько воды, что она покрыла мѣсто будущей крѣпости. По этому случаю закладка происходила на другой день, т. е. 7-го октября, во 2-мъ часу по полудни, при сильномъ дождѣ, привѣтствовавшемъ новую крѣпость, наименованную *Кронштадтомъ*. Послѣ молебна государь положилъ три первыхъ куска дерну, за нимъ императрица, а потомъ по одной дернинѣ всѣ присутствовавшіе, въ числѣ которыхъ находились герцогъ голштинскій и два принца гессенъ-гомбургскіе. Затѣмъ Его Величество «уголъ отрѣзалъ какъ быть больверку и съ Кроншлота учинена изъ пушекъ стрѣльба. Потомъ солдаты и матросы стали носить и класть дернъ, и какъ наложили въ длину до указаннаго мѣста, а въ ширину на восемь дерпинъ, тогда на томъ заложенъ солдатамъ и матросамъ былъ погребъ [2]), и знатнымъ господамъ подношено было по бокалу хорошаго вина бургонскаго. На вечеръ сидѣли всѣ въ домѣ у генералъ-фельдмаршала князя Меншикова и почевали всѣ по своимъ судамъ» [3]).

Основаніе Кронштадта (1723 г.).

Въ этомъ году изъ военныхъ судовъ за границу посылали фрегатъ *Самсонъ* въ Копенгагенъ за резидентомъ Бестужевымъ и фрегатъ *Кронделивде* въ Стокгольмъ, съ деньщикомъ государя, отправленнымъ съ депешами къ нашему послу въ Швеціи. Кромѣ того, корабль *Девонширъ* (52 п.), фрегатъ *Эсперансъ* (44 п.) и гукоръ *Кроншлотъ* (12 п.), съ начала іюня готовились, какъ писалось въ современныхъ форменныхъ бумагахъ, «въ извѣстную экспедицію». Ихъ предполагалось отправить съ торговою цѣлію за-границу съ грузомъ ружей, снарядовъ, канатовъ и пр. Голландскій резидентъ де-Вильде доносилъ своему правительству, что они «пойдутъ въ

Заграничныя плаванія (1723 г.)

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 2555.

[2]) То есть, поставлены бочки съ виномъ.

[3]) Извл. изъ журн. стр. 161—162.

Испанію, а по другимъ слухамъ можетъ быть въ Остъ-Индію». Но посылка ихъ въ эту навигацію не состоялась; суда дошли только до Ревеля и тамъ остались на зимовку [1]).

Мадагаскарская экспедиція

Въ 1723 году въ глубокую осень, готовилась подъ величайшимъ секретомъ еще экспедиція, и на этотъ разъ дѣйствительно въ Индѣйскій океанъ. 3 ноября велѣно было начальнику ревельской эскадры Фангофту, не болѣе какъ въ десять дней, вооружить и приготовить къ походу стоявшіе въ ревельской гавани фрегаты: *Амстердамъ-Галей* и *Кронделивде*, назначить на нихъ лучшихъ людей и отпустить по возможности болѣе провизіи, такъ чтобы ее хватило мѣсяцевъ на 7 или на 8. 1-го декабря оба фрегата стояли уже на рейдѣ [2]) и 15-го были въ Рогервикѣ, куда прибылъ, сохраняя строжайшее инкогнито, и начальникъ экспедиціи вице-адмиралъ Вильстеръ. Въ руководство ему даны были государемъ двѣ инструкціи, подписанныя обѣ 5-мъ числомъ декабря, и еще двѣ грамоты на имя «короля мадагаскарскаго». Первою инструкціею предписывалось Вильстеру «идти лучше подъ видомъ торговыхъ кораблей, и вымпеля поднимать только по необходимости, напр. въ Зундѣ и тому подобныхъ мѣстахъ»; адмиральскій же его флагъ дозволялось поднять только по приходѣ на мѣсто назначенія. Для избѣжанія подозрѣнія велѣно идти не Англійскимъ каналомъ, а кругомъ Шотландіи и Ирландіи, въ порты входить только въ случаѣ какого-либо несчастія и, исправясь, немедленно слѣдовать далѣе. По приходѣ на мѣсто (къ острову Мадагаскару), объявить о себѣ владѣтельному королю, представить ему вѣрительную грамоту и исполнить порученную коммиссію. «А потомъ всякимъ образомъ тщитесь, сказано въ инструкціи, чтобы онаго короля склонить къ ѣздѣ въ Россію».

Пройдя Зундъ, Вильстеру предписывалось объявить инструкцію командиру фрегата *Амстердамъ-Галей*, капитанъ-лейтенанту Мясному и старшему офицеру другаго фрегата, капитанъ-лейтенанту Кошелеву «а какъ до наказаннаго вамъ мѣста дойдете, сказано въ инструкціи Вильстеру, то коммисію свою исполнять и трактатъ заключать, съ вышеупомянутыми Мяснымъ и Кошелевымъ». Въ слу-

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 2545 и 2558.

[2]) Матеріалы. Отд. I. №№ 2560 и 2564.

чаѣ согласія короля на отъѣздъ, велѣно было, если придется возвращаться въ Россію зимою—идти въ Колу, гдѣ рейдъ не замерзаетъ; а если лѣтомъ—то въ Архангельскъ [1]). Другою инструкціею предписывалось Вильстеру идти до Остъ-Индіи; а именно до Бенгала, явиться тамъ «къ великомочному моголу» и «всякими мѣрами» стараться склонить его на торговлю съ Россіею. Кстати предписывалось купить бакауту и другихъ нужныхъ при кораблестроеніи деревъ, которыхъ у насъ мало, и употребить ихъ вмѣсто баласта.

Изъ грамотъ къ королю мадагаскарскому одна заключала слѣдующее: «Божіею милостію мы Петръ I Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и пр. и пр. и пр. Высокопочтенному королю и владѣтелю славнаго острова Мадагаскарскаго наше поздравленіе. Понеже мы заблагоразсудили для нѣкоторыхъ дѣлъ отправить къ вамъ нашего вице-адмирала Вильстера съ нѣкоторыми офицерами, того ради васъ просимъ, дабы оныхъ склонно къ себѣ допустить, свободное пребываніе дать и въ томъ, что они именемъ нашимъ вамъ предлагать будутъ, полную и совершенную вѣру дать, и съ такимъ склоннымъ отвѣтомъ ихъ къ намъ паки отпустить изволили, каковаго мы отъ васъ уповаемъ и пребываемъ вашимъ пріятелемъ.

Петръ.

Дана въ С.-Петербургѣ.
Ноября 9 дня 1723 года.

Скрѣпилъ: Тайный Дѣйствительный Совѣтникъ Толстой.

Въ другой грамотѣ, тому же королю, объявлялось, какъ императору сдѣлалось извѣстно, «что высокопочтенный король мадагаскарскій въ прошлыхъ временахъ» искалъ протекціи покойнаго короля шведскаго, то настоящія лица (Вильстеръ, Мясной и Кошелевъ) посылаются съ цѣлію предложить королю протекцію Россіи, причемъ предоставлялось ему жить, въ русскихъ владѣніяхъ гдѣ онъ пожелаетъ и императорскимъ словомъ обѣщалась защита, ему и его людямъ, отъ всѣхъ ихъ непріятелей, «не смотря ни на что чтобъ отъ того ни произойти могло» [2]).

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 2567.
[2]) Дѣянія Петра Велик. VIII. стр. 431—3.

Но состояніе нашего молодаго флота было далеко ниже смѣлыхъ требованій царственнаго адмирала. Необыкновенная поспѣшность приготовленія, вѣроятно вызванная надеждою чрезвычайныхъ выгодъ, не позволила Петру обратить должнаго вниманія на подробности снаряженія судовъ; лица же, стоявшія ближе къ дѣлу, какъ Фангофтъ и Вильстеръ, въ виду строгихъ приказаній какъ можно поспѣшить уходомъ, боялись представить государю о невозможности приготовленія къ такому плаванію. Дѣйствительно тогдашнія наши суда рѣшительно не имѣли средствъ совершать такіе продолжительные переходы и притомъ, съ крайне тяжелымъ условіемъ, чтобы на пути ни куда не заходить. На фрегатахъ, изготовлявшихся въ мадагаскарскую экспедицію, песчаный баластъ занималъ такъ много мѣста, что въ трюмы нельзя было помѣстить достаточнаго количества воды и провизіи. Даже бочекъ водяныхъ и пивныхъ было до того мало, что если бы ихъ всѣ наполнить водою, то могло хватить только на 10 недѣль. Не смотря на наступившее холодное и бурное время, команда не имѣла необходимой одежды, и все, при требованіи чрезвычайной скорости, было «отправлено въ конфузіи». Напримѣръ, при торопливой нагрузкѣ, носъ одного фрегата оказался очень загруженнымъ, но уже исправлять это было некогда, и 22-го декабря оба судна вышли съ рейда. Въ морѣ ихъ встрѣтилъ сильный W и на фрегатѣ *Амстердамъ-Галей*, на которомъ сидѣлъ Вильстеръ, открылась такая течь, что воду едва успѣвали отливать всѣми помпами, и необходимость заставила возвратиться для починки въ Ревель. Между тѣмъ отъ Апраксина получались предписанія о скорѣйшемъ отправленіи, и въ нихъ указывалось «что всякая остановка пріемлется здѣсь (т. е. у государя) не безъ противности». Но, въ то же время, Фангофту, который, торопясь приготовленіемъ судовъ, даже не килевалъ потекшій фрегатъ, Апраксинъ выговаривалъ за неосмотрительность и угрожалъ отвѣтственностію, въ случаѣ новой остановки экспедиціи.

Но какъ ни торопились, а нашли необходимымъ *Амстердамъ-Галей* килевать, и это повело къ новой бѣдѣ. Когда выгрузили изъ него весь баластъ, то понеосмотрительности распоряжавшагося работою капитана Лоренса, для перегрузки фрегатскаго якоря на лихтеръ (грузовое судно) поставили 500 человѣкъ на одну сторону фрегата *Амстердамъ* и притомъ отдали кабельтовъ закрѣпленный за мачту

стоявшаго подлѣ фрегата *Рафаилъ. Амстердамъ* сильно наклонило, и какъ его порты нетолько не были задраены и законопачены, но еще вырубленъ былъ «баластъ портъ», то вода тотчасъ полилась въ фрегатъ, онъ легъ на бокъ и затонулъ, причемъ въ палубахъ погибло 16 человѣкъ матросовъ, неуспѣвшихъ выбѣжать на верхъ. Еще до этого случая, Апраксинъ предлагалъ Вильстеру взять въ экспедицію, вмѣсто бывшихъ у него, другія суда; но дѣло остановилось за необходимостію обшить подводную часть вновь предложенныхъ судовъ досками съ коровьей шерстью, что тогда считалось необходимымъ предохранительнымъ средствомъ отъ морскихъ червей, водящихся въ южныхъ моряхъ. Послѣ несчастія съ *Амстердамъ-Галеемъ* рѣшились приняться за обшивку судовъ указанныхъ Апраксинымъ, но шерсти въ ревельскомъ портѣ не оказалось, и покуда шла переписка объ ея присылкѣ, въ февралѣ 1724 года, получено было приказаніе: отмѣнить экспедицію «до другаго благопріятнаго времени» [1]). Такимъ образомъ кончилась эта оригинальная попытка Петра, которую онъ сохранялъ въ такомъ строжайшемъ секретѣ, что Вильстеръ, передъ отправленіемъ судовъ привезенный прокуроромъ адмиралтействъ-коллегіи, капитанъ-лейтенантомъ Козловымъ, въ Рогервикъ, помѣщенъ былъ въ квартирѣ завѣдывавшаго работами, полковника Маврина, въ отдѣльныхъ комнатахъ, такъ что и самъ хозяинъ не зналъ, кто его постоялецъ. Въ Ревелѣ, во все время починки фрегата *Амстердамъ-Галей*, Вильстеръ оставался безвыходно въ каютѣ на другомъ фрегатѣ. Такое невольное затворничество предписывалось начальствомъ: Апраксинъ приказывалъ Вильстеру содержать себя такъ, чтобы объ немъ никто ни въ Ревелѣ, ни въ Рогервикѣ «не вѣдалъ», прибавляя, «понеже ежели при такомъ продолженіи кто свѣдастъ, то не малая будетъ опасность вашей кампаніи» [2]).

Эта глубокая таинственность, спѣшность отправленія и грамоты къ небывалому королю мадагаскарскому объясняются нѣсколько слѣдующими обстоятельствами. Знаменитые флибустьеры и буконьеры, существовавшіе въ Вестъ-Индіи почти впродолженіе двухсотъ лѣтъ, грабили сначала берега американскихъ владѣній Ис-

---

[1]) Матеріалы. Отд. I №№ 2570—75, 2578, 2586, 2588 и 2590.

[2]) Матеріалы. Отд. I №№ 2569 и 2579.

паніи и ея корабли, прикрываясь иногда маскою союзниковъ Франціи, или Англіи, а потомъ уже безъ разбора нападали на суда всѣхъ націй. По заключеніи Рисвикскаго мира (въ 1697 г.) морскія державы рѣшились уничтожить смѣлыхъ разбойниковъ, и они, преслѣдуемые англійскими и французскими судами, разсѣялись по всему Атлантическому океану. Захваченныхъ пиратовъ жестоко казнили, такъ напр. въ 1722 году въ Англіи перевѣшана ихъ цѣлая шайка въ 52 человѣка. При подобныхъ обстоятельствахъ нѣкоторые изъ флибустьеровъ, пріютившихся на Мадагаскарѣ, не надѣясь вполнѣ на свою безопасность и сохраненіе имущества, желали пріобрѣсти покровительство одного изъ сильныхъ европейскихъ монарховъ и отправили довѣренное лицо, какого то Моргана, депутатомъ къ Карлу XII, только что возвратившемуся изъ Турціи; — флибустьеры просили шведскаго короля принять ихъ подъ свое покровительство и подданство. Въ случаѣ согласія Карла, депутатъ ходатайствовалъ о дозволеніи имъ прислать въ Готтенбургъ шесть кораблей, нагруженныхъ ихъ богатствами. Шведскій министръ Герцъ, въ 1717 году видѣвшійся съ Морганомъ въ Голландіи, обѣщалъ ходатайствовать предъ королемъ объ его дѣлѣ. Карлъ, убѣжденный Герцомъ, принялъ предложеніе флибустьеровъ и располагалъ для окончанія дѣла отправить на Мадагаскаръ довѣренныхъ лицъ. Но смерть короля и Герца помѣшали исполненію этого намѣренія, и только въ 1720 году шведское правительство рѣшило отправить на Мадагаскаръ фрегатъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта, командора Ульриха и съ нимъ Моргана, названнаго губернаторомъ острова Мадагаскара и св. Маріи, которые Ульрихъ долженъ былъ принять во владѣніе Швеціи. Упоминаемыя въ инструкціяхъ, данныхъ Ульриху, прошеніе шведскихъ подданныхъ и дозволеніе имъ возвратиться въ Швецію, показываютъ, что между флибустьерами были шведы, которыхъ собственный интересъ заставлялъ склонить своихъ товарищей къ сближенію съ ихъ родиною. Ульриху, также какъ впослѣдствіи и Вильстеру, приданы были совѣтники (четыре), посвященные въ тайну экспедиціи, и также велѣно было идти подъ купеческимъ флагомъ, избѣгая всякихъ встрѣчъ и заходовъ въ порты. Изъ такого совпаденія подробностей ясно видно, что инструкція Ульриха служила образцомъ для инструкцій данныхъ Вильстеру. Такъ какъ Морганъ обѣщалъ швед-

скому правительству снарядить на свой счетъ 30 судовъ, то Ульриху велѣно было отыскать Моргана и, условясь о соединеніи съ его судами, идти въ Мадагаскаръ. Выйдя съ конвоемъ изъ Готенбурга на фрегатѣ *Яррамасъ*, Ульрихъ прождалъ Моргана въ Кадиксѣ съ исхода 1721 до февраля 1722 года, и узнавъ, что у того нѣтъ средствъ для снаряженія судовъ и исполненія данныхъ обѣщаній, возвратился въ Швецію, гдѣ отданъ подъ судъ и даже едва не былъ казненъ.

Свѣдѣнія о намѣреніяхъ Швеціи, въ соединеніи съ постоянною мыслію Петра завязать торговыя сношенія съ Индіею, заставили поспѣшить воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ къ заведенію русской колоніи въ Индѣйскомъ океанѣ. Къ тому же и предположеніе о несмѣтныхъ богатствахъ флибустьеровъ, при тогдашнемъ безденежьи, могло имѣть такое важное значеніе, что привлекательность цѣли заставила Петра забыть о трудности ея достиженія. Быстрая, нетерпящая замедленія, поспѣшность и потомъ рѣзкая остановка экспедиціи показываютъ, что предпріятіе находилось подъ вліяніемъ какихъ-то тайныхъ извѣстій, получаемыхъ государемъ. Хотя объ этомъ не сохранилось прямыхъ слѣдовъ, но нѣкоторыя обстоятельства наводятъ на догадки. Такъ напр. въ іюнѣ 1721 года поступилъ къ намъ на службу морской капитанъ Наркросъ и вышелъ въ отставку въ декабрѣ того же года. Въ слѣдующемъ году является онъ въ Англіи и въ іюнѣ (1722 г.) нашъ посланникъ князь Долгоруковъ доноситъ изъ Парижа государю, что ходятъ слухи, будто Наркросъ имѣетъ порученіе найдти пиратовъ, которые, «собравшись многолюдствомъ, крейсуютъ въ Индіи и искали протекціи блаженныя памяти короля шведскаго» и что теперь имъ велѣно обѣщать протекцію русскаго императора и дозволено будетъ жить въ Архангельскѣ, или близкихъ къ нему мѣстахъ; что шведское правительство, опасаясь успѣха Россіи, зоветъ Наркроса въ свою службу и желаетъ черезъ него пригласить пиратовъ къ себѣ, представляя, что «люди обыклые жить въ теплыхъ краяхъ не возмогутъ ужиться въ тѣхъ мѣстахъ (на сѣверѣ Россіи), гдѣ зима не перестаетъ». Долгоруковъ даже видѣлся съ Наркросомъ, который дѣйствительно и поѣхалъ въ Швецію. Посолъ полагалъ, что Наркросъ нарочно распустилъ подобный слухъ для приданія себѣ значенія въ Швеціи, но могло быть, что ему на самомъ дѣлѣ дано было это тайное пору-

ченіе. Петръ могъ, по ошибкѣ, попасть на ловкаго авантюриста, который обманувъ его, надѣялся обмануть и шведовъ. Государь же, неостанавливающійся передъ неудачами, могъ вмѣсто Наркроса имѣть и другихъ тайныхъ агентовъ.

О прекращеніи экспедиціи извѣстно слѣдующее: 4-го февраля (1723 г.) Апраксинъ писалъ ревельскому оберъ-комендапту Фандельдину, чтобы онъ отыскалъ находившагося тогда въ Ревелѣ шведскаго морскаго капитана Ульриха (бывшаго начальника экспедиціи), немедленно объявилъ ему желаніе государя видѣться съ нимъ «для нѣкоторой конференціи» и отправилъ бы его на почтовыхъ подводахъ. Того же числа было остановлено снаряженіе экспедиціи и Вильстеръ вызванъ въ Петербургъ, куда 9-го февраля отправился и Ульрихъ. 19-го онъ обѣдалъ при дворѣ и сообщилъ всѣ извѣстныя ему обстоятельства, касавшіяся мадагаскарскаго дѣла, нетолько самому государю, но даже давалъ читать герцогу голштинскому весь свой судебный процессъ и всѣ бумаги, касающіяся экспедиціи. Вильстеру поручено было ихъ перевести, и онъ, сдѣлавъ изъ бумагъ Ульриха «экстрактъ», представилъ его, 10 іюня, при своемъ мнѣніи Апраксину. Въ этомъ «мнѣніи» Вильстеръ указываетъ на тѣ обстоятельства экспедиціи Ульриха, на которыя слѣдовало бы обратить вниманіе, въ случаѣ возобновленія подобной попытки со стороны Россіи, на что, кажется, Вильстеръ тогда еще не терялъ надежды. Такъ, между прочимъ, онъ замѣчаетъ: «по всему можно видѣть, что на тѣхъ островахъ (Мадагаскарѣ и Санта-Маріи) короля не имѣется, какъ рѣчь о томъ неслась, и я лучше о томъ до сего свѣдомъ не былъ, но признаваю быть онымъ мѣстамъ республикѣ, понеже болѣе нежели однимъ исправляется». Далѣе Вильстеръ замѣчаетъ, что нѣкоторыя общины (флибустьеровъ) пожелали отправиться въ Швецію, а другія хотѣли остаться на тѣхъ островахъ шведскими «населенными», а «Моргану бъ быть тамо губернаторомъ» [1]). Изъ записки Вильстера видно, что у насъ тогда не знали гдѣ и находится Морганъ. Во всякомъ случаѣ эту личность нельзя смѣшивать съ извѣстнымъ вестъ-

---

[1]) Ковч. адмиралт. совѣта (Собраніе указовъ Петра Велик.). Морск. сбор. 1869 г. № 9, часть неоф. стр. 65 и № 11. крит. и библ. стр. 1. Дѣян. Петра Велик. VIII, стр. 429—437. Hist. de Charles XII. Paris. 1828 г., стр. 360. Дневникъ камеръ-юнкера Бергольца.

индскимъ флибустьеромъ Морганомъ, прославившимся своими дерзкими разбоями, доставившими ему огромныя богатства. Тотъ Морганъ, оставивъ пиратство, сдѣлался мирнымъ гражданиномъ Ямайки, и какъ онъ родился въ 1635 году, то если бы и былъ живъ въ эпоху нашей мадагаскарской экспедиціи, то ему было бы подъ 90 лѣтъ.

1724 годъ прошелъ въ мирныхъ занятіяхъ. Впродолженіе зимы государь составлялъ чертежи и даже модель укрѣпленій Кронштадта, писалъ «пропорціи корабельныя» и наблюдалъ за работами въ адмиралтействѣ, въ которомъ въ этотъ годъ было спущено четыре судна: два корабля *Рафаилъ* и *Дербентъ* и два фрегата *Яхтъ-хундъ* и *Виндъ-хундъ* [1]); да доканчивали исподоволь, «по возможности», четыре корабля (54—66 пуш.) Кромѣ того одинъ стопушечный, заложенный 29 іюня 1723 года, строился самимъ государемъ по составленному имъ чертежу (Чертежъ литера К), и, потому, называвшійся «собственнымъ Его Императорскаго Величества кораблемъ». На этомъ кораблѣ работали вольные плотники, получавшіе по 3 р. 50 коп. въ мѣсяцъ; помощникомъ государя былъ корабельный подмастерье Матіасъ Каральбомъ [2]) Изъ собственноручной инструкціи Петра, данной Каральбому 15 февраля, по случаю отъѣзда царя въ Олонецъ, видно, что государь спѣшилъ окончаніемъ своего корабля, какъ будто предчувствуя печальное продолженіе его постройки. Инструкціею предписывалось брать сколько нужно плотниковъ, работу задавать уроками и спѣшить обдѣлывать все, что можно на землѣ, для того, что когда придетъ время ставить обдѣланный членъ на мѣсто, «ни малаго времени бъ за тѣмъ не мѣшкать». Постройка новыхъ судовъ. (1723—24 г.).

Самая зима не отвлекла государя отъ его любимой стихіи; въ этотъ годъ, по случаю сильной оттепели, около новаго года открылось морское сообщеніе съ Кронштадтомъ, куда Петръ въ январѣ мѣсяцѣ ходилъ на яхтѣ, пробиваясь между плавающихъ льдинъ. Кромѣ того, онъ катался и по льду на буерахъ, для чего расчищено было на Невѣ мѣсто. Объ этой забавѣ въ журналѣ сказано: «изволилъ по льду на боту парусомъ кататься, за нимъ еще маленькій ботъ ходилъ» [3]). Зимнія поѣздки и катанья государя.

---

1) Матеріалы. Отд. I. № 2593.

2) По другимъ документамъ—Карлсбомъ.

3) Извл. изъ журн. стр. 162—6.

*

Плаванiе флота (1724 г.).

Корабельныя эскадры, кронштадтская и ревельская, въ 1724 году ходили въ практическое плаванiе, а галеры вовсе не вооружались. На вопросъ Апраксина: имѣть ли на эскадрахъ постоянныхъ флагмановъ или перемѣнять, государь приказалъ «мѣнять по году». Кронштадтская эскадра вышла къ Красной горкѣ 6-го iюня, съ вице-адмираломъ Вильстеромъ и шаутбенахтомъ Синявинымъ, въ числѣ 16 кораблей, 4-хъ фрегатовъ и 2-хъ бомбардирскихъ кораблей. 9-го iюня присоединилась къ ней ревельская эскадра, прибывшая съ шаутбенахтомъ Дуфусомъ. Она состояла изъ 4-хъ кораблей и 2-хъ фрегатовъ, къ которымъ впослѣдствiи подошли еще два фрегата, готовившiеся сначала въ мадагаскарскую экспедицiю. Впродолженiе лѣта флотъ занимался «экзерцицiями» и съ 19-го по 25-е iюля выдержалъ штормъ, отъ котораго пять кораблей и фрегатъ, получивъ значительныя поврежденiя, должны были идти для исправленiя въ Кронштадтъ [1]). Ревельская эскадра вошла въ гавань 14 сентября, а кронштадтская—5 октября.

Пакетботы между Кронштадтомъ и Любекомъ.

Для содержанiя постояннаго сообщенiя между Любекомъ и Кронштадтомъ, то есть, для перевоза почты, пассажировъ и товаровъ, въ навигацiю 1724 года назначены были два фрегата, которые и плавали какъ пакетботы. Такой способъ сообщенiя, сохранившiйся и впослѣдствiи, существовалъ еще въ царствованiе Елисаветы Петровны.

Поврежденiе ревельской гавани.

Въ эту осень (1724 г.) ревельскимъ кораблямъ угрожала большая опасность: 16-го октября жестокимъ штормомъ отъ N и NNW значительно повредило гавань. Удары волнъ были такъ сильны, что въ новой военной гавани осѣло пять «звеньевъ» (деревянныхъ срубовъ), а въ старой, шведской, вовсе снесло два звена и караульный домъ съ мостомъ. Хотя корабли и отстоялись благополучно, но командиръ ревельскаго порта, Дуфусъ, въ предохраненiе судовъ отъ повторенiя подобной опасности, до исправленiя гавани затопилъ передъ проломомъ старый фрегатъ *Рафаилъ* [2]).

Болѣзнь государя.

Среди обычной своей всеобъемлющей дѣятельности, великiй труженикъ забывалъ о самомъ себѣ и не обращалъ должнаго вниманiя на страшный, постоянно-усиливавшiйся недугъ, явившiйся у него

---

[1]) Матерiалы. Отд. I. №№ 2595, 2607, 2609, 2611, 2614, 2615 и 2618.

[2]) Матерiалы. Отд. I. № 2619.

въ прошломъ году при концѣ персидскаго похода. Перемогаясь все лѣто, при усиленіи страданій государь приступилъ къ серьезному леченію; но нѣсколько поправясь, снова забылъ о своей болѣзни, и не обращая вниманія на представленія докторовъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, отправился на яхтѣ, для осмотра работъ Ладожскаго канала, а потомъ проѣхалъ на Олонецъ, въ Старую Ладогу, въ Новгородъ и на самый конецъ озера Ильменя къ Старой Руссѣ, чтобы осмотрѣть соловарни и вновь-проводимый къ нимъ каналъ для облегченія доставки дровянаго лѣса. Возвратясь, на той же яхтѣ, 5 ноября въ Петербургъ, Петръ, не выходя на берегъ, проѣхалъ на Лахту, также съ цѣлью осмотра Сестрорѣцкихъ оружейныхъ и другихъ желѣзныхъ заводовъ.

Кончина Петра Великаго и ея вліяніе на флотъ.

Въ одинъ темный бурный вечеръ, съ версту отъ Лахты, сталъ на мель шедшій изъ Кронштадта ботъ съ солдатами и матросами. Когда посланная государемъ шлюпка не могла стащить его съ мели, царь поѣхалъ самъ къ гибнувшему судну. Остановленный мелью, государь выскочилъ изъ шлюпки, по поясъ въ водѣ добрался до бота и спасъ находившихся на немъ людей; но этотъ человѣколюбивый поступокъ былъ ближайшею причиною смерти великаго государя. Отъ сильной простуды болѣзнь вдругъ снова усилилась и съ небольшимъ черезъ два мѣсяца свела его въ могилу. 1725 года января 28, въ первой четверти шестаго часа утра, «уснулъ отъ трудовъ Сампсонъ Россійскій».

Геній создавшій и оживотворявшій русскій флотъ отлетѣлъ, но въ правительствѣ и народѣ осталось ясное сознаніе пользы и необходимости флота для государства, и машина, получившая движеніе отъ сильной и искусной руки великаго мастера, продолжала двигаться своею собственною силою, хотя это движеніе, въ сравненіи съ энергическою дѣятельностію петровскаго времени, было медленно и безжизненно. Кончина геніальнаго царственнаго адмирала, съ страстію любившаго море и посвящавшаго ему значительную долю своей дѣятельности, отразилась на флотѣ самымъ печальнымъ образомъ: нѣкоторыя изъ великихъ начинаній Петра, оказавшіяся не подъ силу послѣдующимъ дѣятелямъ, были остановлены, другія хотя продолжали свое существованіе, но вяло и апатично. Большинство прежнихъ доблестныхъ и незнавшихъ усталости сотрудниковъ царя,—этихъ славныхъ «птенцовъ

гнѣзда Петрова», мгновенно превратилось въ обыкновенныхъ людей и послѣ своей насильственно-возбужденной и поддерживаемой царемъ дѣятельности на пользу государства, захотѣло отдохнуть и заняться своими собственными дѣлами. Для высшихъ правительственныхъ лицъ дворскіе интересы затмѣвали все остальное, и флотъ привлекалъ ихъ вниманіе только тогда, когда вынуждали къ тому какія-нибудь временныя, случайныя обстоятельства. Но благодаря многолѣтнему, непосредственному участію царя во всестороннемъ усовершенствованіи флота, всѣ отрасли морскаго дѣла при Петрѣ получили уже столько жизненной силы и крѣпости, что теперь, по кончинѣ его, могли сами собою не только сохранять заведенный порядокъ, но при случаѣ и оказывать посильную пользу. Къ тому же, при тогдашней «вѣчной» службѣ, среди хорошихъ служивыхъ, петровскія начала сохранились на долгое время.

По кончинѣ государя всѣ офицеры флота и морской артиллеріи, находившіеся въ Кронштадтѣ, раздѣлясь на двѣ смѣны, пріѣзжали въ Петербургъ поклониться почившему. 10-го марта, въ процессіи перенесенія тѣла императора изъ дворца, черезъ Неву въ Петропавловскій крѣпостной соборъ, морской элементъ не выдѣлялся ничѣмъ особеннымъ. Морскіе офицеры занимали мѣста въ процессіи, вмѣстѣ съ сухопутными, равныхъ съ ними чиновъ. Вице-адмиралы несли короны казанскую и астраханскую, державу и скипетръ; контръ-адмиралы, съ генералъ-маіорами, находились при шнурахъ балдахина, несеннаго капитанъ-командорами и бригадирами; лошадей подъ гробомъ вели морскіе капитаны съ сухопутными полковниками и пр. Императорскій морской штандартъ несъ капитанъ перваго ранга Ипатъ Мухановъ и, во время движенія процессіи черезъ Неву, 60 человѣкъ гардемариновъ въ числѣ войскъ стояли съ факелами. Изъ морскихъ артиллеристовъ 200 человѣкъ посланы были въ Петропавловскую крѣпость, въ помощь сухопутнымъ при салютѣ изъ орудій. Кромѣ того, морскіе артиллеристы разставлены были съ ракетами, на морѣ между Петербургомъ и Кронштадтомъ, съ тѣмъ, чтобы спускомъ ракетъ сообщить Кронштадту о времени салюта.

Въ день перенесенія тѣла приняты были особыя предосторожности, для охраненія адмиралтейства. За недостаткомъ войскъ, ко-

торыя всѣ участвовали въ церемоніалѣ, у деревянной Исакіевской церкви, находившейся близъ адмиралтейства, поставленъ былъ, подъ начальствомъ офицера, караулъ изъ 50 челов. гардемаринъ и учениковъ морской академіи. Въ адмиралтейской крѣпости заперты всѣ ворота, кромѣ главныхъ, и при всѣхъ ихъ разставлены караулы, усиленные противъ обыкновенныхъ шестью стами человѣкъ учениковъ академіи и мастеровыхъ. Караулы велѣно было «содержать во всякомъ осмотрѣніи, дабы отъ злоумышленныхъ людей оной адмиралтейской крѣпости и прочему, въ той крѣпости обрѣтающемуся, поврежденія не учинилось». Ночью вокругъ адмиралтейства ходили патрули [1]).

Смертію Петра закончился одинъ изъ блистательнѣйшихъ періодовъ исторіи русскаго флота, впродолженіе котораго, великимъ государемъ, постепенно выработывались начала, необходимыя для прочнаго существованія и дальнѣйшаго развитія военно-морскихъ силъ Россіи; по этому, прежде перехода къ послѣдующимъ царствованіямъ, мы сдѣлаемъ краткій обзоръ всего созданнаго для пользы флота его великимъ основателемъ. Эти свѣдѣнія дополнятъ многое, о чемъ неумѣстно было говорить въ изложеніи военной и морской дѣятельности флота, и представятъ главныя черты всего сдѣланнаго Петромъ для каждой отдѣльной части морскаго дѣла.

---

[1]) Глав. морс. арх. «Нарядъ о погребеніи блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Импер. Велич. тѣла». и Дѣян. П. В. Т. IX. стр. 232—236.

ГЛАВА XIII.

О ЛИЧНОМЪ СОСТАВѢ ФЛОТА.

Способы комплектованія флота русскими матросами. — Наемъ для флота иностранцевъ. — Отношеніе Петра къ морякамъ-иностранцамъ. — Численность и составъ морскихъ командъ.—Раздѣленіе матросовъ на статьи.—Морскіе полки и батальоны.— Артиллеристы. — Морскія команды при адмиралтействѣ. — Штатныя положенія о численности судовыхъ экипажей. — Составъ судовыхъ экипажей. — Мичмана.— Гардемарины. — Жалованье, чины и квартиры. — Нравы моряковъ.

Способы комплектованія флота русскими матросами.

Первые русскіе матросы на судахъ нашего флота были преображенцы и семеновцы, временно исправлявшіе эту должность при плаваніяхъ царя на Переславскомъ озерѣ и на Бѣломъ морѣ, а также и на Азовскомъ, — во второмъ азовскомъ и въ керченскомъ походахъ. Случалось, что нѣкоторые изъ преображенцевъ, при сохраненіи своего прежняго званія по гвардіи, совсѣмъ зачислялись во флотъ; это были первые постоянные русскіе матросы, и изъ нихъ то образовались извѣстные въ послѣдствіи флагманы: Ипатъ Мухановъ, Иванъ и Наумъ Синявины. Два первые, отправясь за-границу въ числѣ 30 волонтеровъ, практически ознакомились съ моремъ на корабляхъ иностранныхъ флотовъ. Вѣроятно, также въ число матросовъ поступили и нѣкоторые изъ стольниковъ и солдатъ посланныхъ тогда заграницу для изученія морскаго дѣла. Въ болѣе значительномъ числѣ постоянные русскіе матросы являются въ азовскомъ флотѣ только въ 1700 году, въ количествѣ 504 человѣкъ, переименованныхъ въ это званіе изъ молодыхъ вновь-набранныхъ солдатъ, и 600 человѣкъ, присланныхъ изъ Москвы въ Азовъ. Въ слѣдующемъ 1701 году число русскихъ матросовъ увеличилось 35-ю человѣками, присланными въ Воронежъ къ матросскому ученью, и 100 человѣками, переведен-

ными изъ солдатъ азовскихъ полковъ, бывшихъ при корабельныхъ работахъ. Первый наборъ «въ матросы» произведенъ въ 1702 году: въ селѣ Преображенскомъ набрано было слишкомъ 1300 человѣкъ отъ 15 до 25 лѣтъ. Въ томъ же году при общемъ рекрутскомъ наборѣ, записано въ матросы 394 человѣка, изъ охотниковъ разныхъ званій, имѣвшихъ отъ 12 до 20 лѣтъ [1]).

На сѣверѣ, покуда военныя дѣйствія на водѣ ограничивались только озерами Ладожскимъ, Чудскимъ и рѣкою Невою, побѣды надъ небольшими шведскими судами могли одерживать посаженные на лодки, незнакомые съ моремъ солдаты, какъ взялъ на абордажъ государь съ преображенцами и семеновцами два судна въ устьѣ Невы. Но при выходѣ флота къ Котлину сдѣлались необходимыми настоящіе матросы. Удовлетворить этой потребности, на первое время, могъ нашъ азовскій флотъ, и въ исходѣ 1703 года (декабря 1-го) состоялось повелѣніе о немедленномъ переводѣ оттуда «на Олонецъ» всѣхъ иноземцевъ, русскихъ и плѣнныхъ татаръ и турокъ, «которые въ морскомъ хожденіи на галерахъ быть свычны»; а 22 января слѣдующаго 1704 года велѣно было въ Москвѣ и городахъ набрать тысячу человѣкъ «всякихъ чиновъ людей въ матросскую службу». Желавшіе должны были записываться въ приказѣ адмиралтейскихъ дѣлъ и имъ обѣщано денежнаго жалованья по рублю въ мѣсяцъ; сверхъ этого они получали на одежду по два рубля и, во время работы,—хлѣбъ, соль, мясо и рыбу. Это былъ первый наборъ собственно для балтійскаго флота.

Въ матросы обыкновенно набирали людей помоложе и нерѣдко изъ такихъ мѣстностей, въ которыхъ населеніе было знакомо съ рѣчнымъ плаваніемъ. Кромѣ прямыхъ наборовъ, флотъ комплектовался нижними чинами, переводимыми изъ солдатъ и возвратившимися изъ заграничнаго ученія. Такъ, осенью 1705 года возвратились въ Россію, учившіеся впродолженіе двухъ лѣтъ въ Голландіи, 23 малолѣтнихъ русскихъ матроса, изъ числа посланныхъ туда въ 1702 году съ Крюйсомъ. Изъ этихъ людей, послужившихъ на судахъ голландскаго флота, могли образоваться хорошіе учителя для нашихъ невидавшихъ моря новичковъ-новобранцевъ. Въ ноябрѣ 1706 года велѣно произвести наборъ еще 1000 человѣкъ, на тѣхъ

---

[1]) Елагинъ. Азовск. періодъ, стр. 200.

же основаніяхъ, какъ въ 1704 году. Въ 1712 году отправлены изъ Москвы на флотъ 1500 человѣкъ, изъ солдатъ и рекрутъ, не старѣе 25 лѣтъ. Въ слѣдующемъ году, зимою, былъ сдѣланъ наборъ въ матросы 1200 человѣкъ въ уѣздахъ и городахъ Московской губерніи; а въ 1714 году—500 человѣкъ у города Архангельска и въ поморскихъ городахъ. Въ 1715 году набрали вновь рекрутъ 1500 человѣкъ въ Московской губерніи, въ разстояніи отъ Москвы непревышавшемъ 100 верстъ. Въ томъ же году при отсылкѣ рекрутъ, отправлявшихся въ Архангельскъ въ недостающее число матросовъ на строившіеся корабли, велѣно было дополнить четырьмя стами гарнизонныхъ солдатъ. Весною и лѣтомъ 1717 года было два набора въ матросы: 1500 человѣкъ набрано изъ людей боярскихъ и подмосковныхъ крестьянъ, съ 25 дворовъ по человѣку, не старѣе 20-ти лѣтъ, и еще 1000 человѣкъ — въ сибирскихъ городахъ: Тобольскѣ, Тюмени, Тарѣ и Сургутѣ, такихъ, которые имѣли отъ 15 до 20 лѣтъ, жили близъ озеръ и рѣкъ и занимались рыбною ловлею, или ходили для звѣринаго морскаго промысла на море [1]). Въ томъ же году забрали въ матросы и въ каютъ-юнги даже недорослей дворянскихъ дѣтей. Отправляя ихъ къ Апраксину, Меншиковъ просилъ рекомендовать командирамъ судовъ «трактовать ихъ отмѣнно», «понеже оные ребята грамотные» и могутъ быть произведены въ офицеры. Въ слѣдующемъ 1718 году, кромѣ набора 400 человѣкъ рекрутъ того же возраста (отъ 15 до 20 лѣтъ), выбрали въ матросы 1000 человѣкъ изъ солдатъ финляндскаго корпуса, какъ людей ходившихъ на галерахъ и привыкшихъ къ морю. Весною 1720 года, готовясь къ новому нападенію на Швецію, государь приказалъ выбрать въ матросы, также изъ финляндскаго корпуса, 2000 молодыхъ солдатъ, «которые бъ могли вскорѣ обучиться морской наукѣ», и кромѣ того въ Московской губерніи приказано было набрать 2000 рекрутъ, отъ 15 до 20 лѣтъ; царя очень заботила скорость этого набора и самый выборъ людей. «Какъ возможно сіе исправь, писалъ онъ вице-губернатору, и пришли сюда (въ Петербургъ) съ добрыми и вѣрными провожатыми, понеже сіе зѣло нужно, и выбирай добрыхъ».

Наконецъ весною 1721 года для комплектованія флота матро-

---

[1]) Матеріалы. Отд. II. №№ 2, 3, 12, 19, 70, 96, 119, 134, 189, 200.

сами, прибѣгнули къ чрезвычайной мѣрѣ: въ Петербургѣ особеннымъ Высочайшимъ указомъ, объявлявшимся на улицахъ съ барабаннымъ боемъ, вызывали желающихъ поступить въ матросы «всякихъ чиновъ людей, кромѣ шведскаго народа». Притомъ заявлялось, что изъ крѣпостныхъ могутъ идти только тѣ, которые не учинили воровства или обиды помѣщикамъ, вотчинникамъ или постороннимъ; въ противномъ же случаѣ имъ угрожали жестокимъ наказаніемъ и возвращеніемъ помѣщику, а за большую вину—ссылкою въ каторжную работу. Пользуясь неопредѣленностію словъ указа «всякихъ чиновъ людей», въ матросы стали записываться даже солдаты, и адмиралтействъ-коллегія, основываясь на томъ, что «глухо въ указѣ напечатано о всѣхъ», принимала ихъ, пока Меншиковъ не возсталъ противъ такой несообразности. «Надѣюсь, писалъ онъ къ Макарову, что тотъ указъ о вольницѣ, а не о солдатахъ, ибо солдаты не вольные люди, и что потребно изъ солдатъ, то указомъ отдано быть имѣетъ порядочно, а не такъ какъ нынѣ, чиня конфузію, бѣгутъ съ часовъ съ ружьемъ и съ мундиромъ». Судя по этому можно предполагать, что и крѣпостные люди, конечно, не пропустили случая воспользоваться подобнымъ вызовомъ.

Такимъ образомъ, число русскихъ матросовъ ежегодно возрастало, замѣняя постепенно иноземцевъ, составлявшихъ сначала большинство въ средѣ нашихъ судовыхъ экипажей. Въ 1721 году въ числѣ 7,215 матросовъ нашего флота не значилось уже ни одного иностранца [1]).

На галерахъ азовскаго флота бывали гребцами осужденные преступники, плѣнные татары и турки; а при началѣ балтійскаго флота, кромѣ рекрутъ, набирали иногда для гребли на галерахъ «работныхъ людей». Такъ, въ 1705 году взяли въ низовыхъ губерніяхъ изъ крестьянъ, умѣвшихъ грести; держать ихъ велѣно было «не какъ галерныхъ невольниковъ» и, кромѣ провіанта, давать жалованье по полтинѣ въ мѣсяцъ.

Съ основанія флота и до окончанія шведской войны въ морскую службу нанимались иностранцы разныхъ чиновъ, отъ флагмановъ до матросовъ включительно. Наемъ ихъ поручался особеннымъ агентамъ, постоянно жившимъ за-границею, или довѣреннымъ морскимъ **Наемъ для флота иностранцевъ.**

---

[1]) Матеріалы. Отд. II. №№ 194, 232, 234, 283, 284, 298, 303, 305.

офицерамъ временно посылаемымъ съ этою цѣлію. Тѣмъ и другимъ въ нейтральныхъ государствахъ по возможности мѣшали шведскіе агенты, съ которыми приходилось бороться нашимъ миссіямъ. По этому, во избѣжаніе разныхъ затрудненій, наемъ и, главное, переѣздъ въ Россію принятыхъ на службу, производился тайно и съ различными хитростями. Нанятые иностранцы отправлялись въ Россію на нейтральныхъ коммерческихъ судахъ, а иногда и на нашихъ купленныхъ за-границею военныхъ корабляхъ, въ такое время года, когда нельзя было ожидать встрѣчи съ шведскими крейсерами. Но, несмотря на это, иногда случалось, что суда съ наемными иностранцами въ морѣ захватывались шведами, и тогда со стороны семействъ захваченныхъ поднимались жалобы на русское правительство, начиналось судебное преслѣдованіе нанимателей и требованіе денежнаго вознагражденія.

Численность и время найма зависѣли отъ степени потребности въ служащихъ. Нанимали людей разныхъ чиновъ нѣсколькими десятками и даже сотнями. Первый, и самый многочисленный, наемъ иностранцевъ для нашего флота произведенъ былъ въ 1697—8 годахъ въ Голландіи Крюйсомъ, въ Англіи самимъ царемъ и въ другихъ государствахъ посланными туда стольниками. Благодаря этимъ наймамъ, въ 1698 году въ личномъ составѣ нашего флота находилось до 700 человѣкъ иностранцевъ, въ томъ числѣ 2 флагмана, 64 офицера, 115 унтеръ-офицеровъ, 51 лекарь, 50 мастеровъ и мастеровыхъ и 354 матроса [1]). Второй, замѣчательный по численности, пріемъ иностранцевъ сдѣланъ былъ въ 1702—3 годахъ также Крюйсомъ, посланнымъ собственно для этого въ Голландію. Въ эту поѣздку имъ нанято 69 офицеровъ, 13 лекарей, 103 унтеръ-офицера и 3 нижнихъ чина [2]). Въ 1714 году наемъ иностранцевъ въ Голландіи порученъ былъ агенту Фандербургу и корабельному мастеру Салтыкову, подъ главнымъ надзоромъ нашего посла Куракина, и ими нанято и отправлено въ Россію 150 человѣкъ, въ томъ числѣ 19 офицеровъ, 115 унтеръ-офицеровъ и 16 лекарей. Въ августѣ 1715 года посланъ былъ для найма иностранцевъ въ Голландію капитанъ-командоръ Шельтингъ, которымъ и было принято

---

[1]) Елагинъ. Азов. період. стр. 99.

[2]) Азов. пер. прилож. V. № 20. лит. ж.

около 200 человѣкъ младшихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Въ 1717 году въ Амстердамѣ наняты 1500 матросовъ. Кромѣ перечисленныхъ здѣсь многолюдныхъ пріемовъ, производились постоянно небольшіе отдѣльные наймы людей по всѣмъ спеціальностямъ морскаго дѣла.

Вначалѣ, при усиленной, нетерпящей отлагательства, потребности въ иностранцахъ, невозможно было дѣлать между ними строгаго выбора, и приходилось принимать людей хотя сколько-нибудь подходящихъ къ дѣлу; но, по мѣрѣ обученія русскихъ моряковъ, вызовы иностранцевъ стали уменьшаться, и на службу приглашали уже болѣе или менѣе свѣдующихъ спеціалистовъ. Такъ напримѣръ, въ 1718 году велѣно было нанять въ Венеціи, ежели найдутся, «изъ славянъ извѣстныхъ маринеровъ» 20 человѣкъ, въ галерные комиты и подкомиты. Въ 1720 году приглашали штурмановъ, хорошо знающихъ шведскіе берега, и капитановъ, извѣстныхъ по своей прежней службѣ въ иностранныхъ флотахъ, а неизвѣстныхъ принимать не велѣно [1]).

При настоятельной спѣшной надобности въ служащихъ, случалось брать, противъ ихъ воли, извѣстное число матросовъ съ иностранныхъ коммерческихъ кораблей, какъ это было въ 1705 году въ Архангельскѣ, гдѣ такимъ образомъ взяли 120 голландскихъ матросовъ, разумѣется за опредѣленную плату [2]). Но подобныя мѣры употреблялись только въ крайнихъ случаяхъ и были неудобны тѣмъ, что возбуждали серьезные протесты иностранныхъ правительствъ и могли невыгодно отразиться на торговлѣ.

Въ числѣ нанятыхъ иностранцевъ нерѣдко попадались люди негодные для службы, которые иногда по необходимости держались нѣкоторое время, а иногда забраковывались тотчасъ по прибытіи въ Россію. Такъ въ теченіе 1699—1701 годовъ, изъ числа иноземцевъ только-что принятыхъ въ нашу службу, «по разбору» были отпущены въ свои земли 589 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было 3 капитана, 11 командеровъ и 22 поручика [3]). Но если подобное явленіе можно объяснить спѣшностью найма и огромнымъ количе-

---

[1]) Матеріалы. Отд. II. №№ 108, 142, 154, 233 и 291.
[2]) Матеріалы. Отд. II. № 7.
[3]) Елагинъ. Азов. пер. стр. 199.

ствомъ вдругъ потребовавшихся лицъ, то причина эта не должна бы была имѣть мѣста 20 лѣтъ спустя, а между тѣмъ весною 1718 года въ партіи 104 иностранцевъ, нанятыхъ въ Гамбургѣ, по разсмотрѣнію морскихъ офицеровъ, оказалось годныхъ только 64 человѣка; а въ числѣ 40 негодныхъ и небывавшихъ въ морѣ, нашелся даже одинъ «изъ пасторовъ». Хотя при увольненіи такихъ лицъ въ отставку, имъ, въ случаяхъ настойчивыхъ просьбъ, выдавали двухмѣсячное жалованье, но нерѣдко они требовали бо̀льшаго вознагражденія и, возвратясь на родину, преслѣдовали судомъ тѣхъ лицъ, которыя ихъ наняли.

Заключеніе міра со Швеціею и образованіе достаточнаго числа русскихъ офицеровъ и матросовъ дали возможность оставить на флотѣ изъ иностранцевъ только дѣйствительно достойныхъ. Еще во время войны, въ 1718 году, нашли полезнымъ уволить большое число иностранныхъ матросовъ, а января 13-го 1721 года, запрещено было уволенныхъ въ отставку иноземцевъ принимать вновь, какъ это дѣлывалось прежде. Но при отказѣ въ принятіи на службу, такимъ лицамъ однакожъ разрѣшалось оставаться на жительствѣ въ Петербургѣ или на Котлинѣ «подданными Царскаго Величества» и заниматься, кто пожелаетъ, торговлею. Осенью же 1721 года, когда уволили въ отставку всѣхъ матросовъ изъ иноземцевъ, лицъ высшихъ чиновъ велѣно «экзаменовать», т. е. разобрать по степени ихъ годности къ службѣ, оставя на корабельномъ и галерномъ флотахъ, только тѣхъ, которые «по услугамъ ихъ быть достойны», а другихъ отпустить. Объ оставляемыхъ на службѣ флагманы, капитанъ-командоры и другіе начальники должны были засвидѣтельствовать кто «въ какомъ чинѣ достоинъ быть», и взять рекомендуемыхъ подъ свое начальство [1]).

Отношеніе Петра къ морякамъ-иностранцамъ.

Принимая на флотъ иностранцевъ, государь вначалѣ по необходимости отдавалъ имъ преимущество передъ русскими, какъ учителямъ передъ учениками и какъ чужимъ людямъ, нанимающимся по своей волѣ, передъ людьми, обязанными служить отечеству. Но не должно забывать, что, при наймѣ иностранцевъ, какой бы ни было профессіи, первою заботою государя было поставить имъ въ непремѣнное условіе выучить, какъ можно скорѣе и какъ можно боль-

[1]) Матеріалы Отд. II №№ 238, 245, 260, 296 и 312.

шее число русскихъ «своей наукѣ», и потомъ, если иностранецъ оказывался неособенно свѣдующимъ и полезнымъ дѣлу, то онъ замѣнялся его же русскими учениками Петръ дѣйствительно былъ особенно милостивъ къ тѣмъ иностранцамъ, которые оставшись на всегда въ Россіи, посвящали всю жизнь свою на служеніе новой родинѣ и, конечно, высоко цѣня такихъ дѣятелей, царь не могъ не отдавать должной справедливости ихъ службѣ; но онъ еще въ большей степени сочувственно относился къ подобнымъ служивымъ изъ русскихъ. Изъ иностранцевъ, бывшихъ особенно полезными русскому флоту, можно указать на собственно морскихъ офицеровъ: Крюйса, Боциса, Змаевича, Сиверса, Гордона, Паддона (несмотря на его кратковременную службу), Шельтинга, Вильбоа, Бредаля, Беринга и мн. другихъ, служившихъ въ меньшихъ чинахъ; профессора Фарварсона, корабельныхъ инженеровъ Дена, Ная, Козенца, Броуна; артиллериста Отто; свѣдующаго, энергическаго и благороднѣйшаго дѣятеля по управленію заводами—Генинга и другихъ. Упоминая о подобныхъ личностяхъ, нельзя не замѣтить съ признательностію одну прекрасную черту достойныхъ моряковъ иностранцевъ: почти всѣ долго-служившіе въ нашемъ флотѣ англичане, голландцы и датчане, не говоря уже о славянахъ и грекахъ, никогда не сторонились отъ новаго отечества, а дѣлались самыми преданными его сынами, и потомковъ ихъ каждый изъ насъ съ гордостію назоветъ настоящими русскими людьми. Эти начала, положенныя современниками Петра, сохранились и до настоящаго времени, и даже теперь у насъ есть, или недавно были въ числѣ моряковъ Грейги, Гейдены, Кроуны, Огильви, Бойли, Тобизины, Вальронты и другіе, не отличающіеся отъ природныхъ русскихъ ничѣмъ кромѣ фамиліи. Обращаясь къ предпочтенію, которое будто бы Петръ отдавалъ иностранцамъ передъ русскими, замѣтимъ, что порученіе иностранцамъ дѣлъ «особенной важности» было скорѣе исключеніемъ, нежели правиломъ. По одной морской части можно указать на нѣсколько случаевъ, при которыхъ государь въ серьезныхъ дѣлахъ оказывалъ предпочтительное довѣріе русскимъ. Напр. надъ заслуженнымъ, свѣдующимъ и честнымъ Крюйсомъ стояли всегда Апраксинъ или Меншиковъ, надъ корабельными мастерами —Головинъ, первый разъ русскія военныя суда въ Испанію и Францію пошли съ русскими командирами, главными начальниками учебныхъ заведе-

ній почти всегда назначались русскіе и былъ примѣръ, что когда важную для русскихъ интересовъ мадагаскарскую экспедицію необходимо было поручить иностранцу, то къ нему для совѣщанія приставлены были два русскихъ младшихъ его въ чинѣ. Бывали и такіе случаи, что отъ иностранца командира судна приказывалось скрывать день назначенный для выхода въ море его корабля.

Государь видимо заботился о скорѣйшей замѣнѣ иностранцевъ русскими. Это было слѣдствіемъ прямаго разсчета и вѣрнаго взгляда на нравственныя и матеріальныя служебныя выгоды. Иностранецъ, связанный съ Россіею временнымъ условіемъ, имѣлъ извѣстную долю самостоятельности и, въ случаѣ нужды, сильную опору въ своемъ отечествѣ; тогда какъ русскій подданный принадлежалъ вполнѣ Россіи. Съ другой стороны, въ особенности въ первое время, свѣдующіе иностранцы стоили большихъ денегъ, русскіе же безпрекословно служили за то, что имъ давали. Наконецъ при управленіи экипажемъ, состоявшимъ изъ русскихъ (конечно, при равныхъ свѣдѣніяхъ и достоинствахъ), русскій офицеръ былъ полезнѣе иностранца. Къ тому же, извѣстная смѣтливость и переимчивость русскихъ скоро сравнили ихъ съ иностранцами, и уже въ 1722 году Крюйсъ писалъ къ Апраксину: «по мнѣнію моему ни одного иноземца въ офицеры не надлежитъ принимать, который не былъ добрымъ штурманомъ и констапелемъ, понеже здѣсь и своихъ русскихъ офицеровъ довольно есть» [1]).

Численность и составъ морскихъ командъ. О составѣ командъ на судахъ азовскаго флота мы упоминали выше (стр. 89). При составленіи же первыхъ судовыхъ командъ въ Балтикѣ образцами служили, для галернаго флота—венеціанскій, а для корабельнаго—голландскій флоты, такъ какъ руководителями дѣла были, для перваго—шаутбенахтъ Боцисъ, а для втораго—вице-адмиралъ Крюйсъ. По «росписи» Боциса, представленной имъ въ ноябрѣ 1704 года, въ то время было необходимо и возможно имѣть *семь* галеръ и *сто* скампавей, бригантиновъ и гальотовъ; на каждой галерѣ по «росписи» полагались изъ иностранцевъ: капитанъ, поручикъ, комитъ (галерный приставъ или, вѣрнѣе, управляющій морскою частію, старшій изъ нижнихъ морскихъ чиновъ), сотокомитъ, подкомитъ (помощникъ комита), лекарь, глава пушкарь (старшій артил-

---

[1]) Матеріалы. Отд. II, № 325.

лерпстъ), штурманъ, два кормщика (рулевыхъ) и шесть матросовъ грековъ. Русскую часть экипажа составляли: попъ, подъячій или писарь, два помощника комита, подъ италіянскими названіями: парона (parone) и агужино (aguzino или agozino) и еще два ихъ помощника, вродѣ юнгъ, подъ уменьшительными названіями: паронцино и агужинато; штурманъ, каподискала (начальникъ абордажныхъ партій), 36 матросовъ, изъ которыхъ 12 старыхъ, т. е. знакомыхъ съ дѣломъ, и 24 новыхъ, 5 пушкарей, 6 мастеровыхъ (2 конопатчика, плотникъ, кузнецъ, весельный и оружейный мастера), 150 солдатъ и 250 невольниковъ. На каждое изъ судовъ, безразлично названныхъ въ «росписи»: скампавеями, бригантинами и гальотами, положено только по три матроса и, кромѣ того, на всѣ сто судовъ назначалось по три человѣка изъ слѣдующихъ чиновъ: капитановъ, поручиковъ, комитовъ, сотокомитовъ, лекарей, штурмановъ, поповъ, писарей, русскихъ штурмановъ и шесть матросовъ изъ грековъ [1]). Такой малочисленный составъ экипажа можно объяснить только тѣмъ, что о рабочей и военной силахъ, т. е. гребцахъ и солдатахъ въ «росписи» не упоминалось. Въ дѣйствительности же, въ началѣ 1704 года на галерномъ флотѣ было изъ иностранцевъ на лицо: 7 капитановъ, 2 поручика (которые по отзыву Боциса знали и морское дѣло; не такъ какъ въ другихъ странахъ, гдѣ его знаютъ только одни комиты), комитъ и его помощникъ, 2 лекаря, 1 артиллеристъ и 48 греческихъ матросовъ. Изъ русскихъ было 126 старыхъ матросовъ и 13 артиллеристовъ. Недостающее число людей Боцисъ предлагалъ выписать изъ Венеціи.

На галерахъ гребцы вначалѣ, какъ мы видѣли, бывали изъ арестантовъ (невольниковъ), но чаще изъ солдатъ или наиятыхъ рабочихъ. Кромѣ того, въ числѣ галерныхъ экипажей были солдаты, помогавшіе при греблѣ и управленіи парусами, и, наконецъ, небольшое число собственно матросовъ, руководившихъ управленіемъ галеры. Замѣна арестантовъ солдатами представляла ту значительную выгоду, что во время сраженія, въ случаѣ непріятельскаго абордажа, арестанты представляли или пассивныхъ безучастныхъ зрителей, или враговъ, солдаты же напротивъ—всегда дѣятельныхъ помощниковъ. Эта замѣна заслуживала похвалы и со стороны ино-

[1]) Моск. арх. Мин. Ин. (Дѣла Письма Крюйса, 1704 г.).

странцевъ, у которыхъ на галерахъ гребцами постоянно были невольники.

На парусномъ или корабельномъ флотѣ, въ первые годы существованія балтійскаго флота, всѣ командиры (съ малыми исключеніями), на судахъ офицеры и на верфяхъ кораблестроители были иностранцы. Изъ русскихъ командовалъ лоцъ-гальотомъ Иванъ Синявинъ, а въ числѣ кораблестроителей, кромѣ самого государя, были Скляевъ, Гаврило Меншиковъ и Салтыковъ. Вообще, въ служащихъ былъ большой недостатокъ. Вотъ, напримѣръ, съ какимъ экипажемъ вышелъ, въ маѣ 1704 года, изъ рѣки Сяси, первый нашъ фрегатъ, 28-ми пушечный, *Архангелъ Михаилъ*; кромѣ командира, капитана Фока, на немъ были: два поручика, штурманъ, боцманъ и боцманматъ, 4 иностранныхъ матроса, 27 русскихъ матросовъ и 12 солдатъ. Бо́льшаго числа не изъ чего было назначить. На флотѣ въ концѣ 1705 года иностранцевъ разныхъ чиновъ было: въ Петербургѣ болѣе 300 человѣкъ, и изъ нихъ около трети съ семействами и въ Архангельскѣ до 150 человѣкъ [1]).

Малочисленность судовыхъ экипажей служила большимъ препятствіемъ къ ихъ морскому обученію и крайне затрудняла исполненіе распоряженій царя, желавшаго поскорѣе практически познакомить свой юный флотъ съ моремъ. Съ этимъ намѣреніемъ въ 1706 году государь приказалъ, чтобы суда, стоявшія у Кроншлота, ежедневно для практики выходили на рейдъ за рогатки; а когда этого сдѣлать было нельзя изъ опасенія непріятеля, то плавали бы по восточную сторону Котлина. Въ это время на судахъ, вообще, не было полнаго комплекта людей, а на иныхъ не доставало и цѣлой трети экипажа. Такія суда съ трудомъ могли поднимать якоря, а лавировать въ узкости имъ было положительно невозможно. Кромѣ того, отъ тяжелой усиленной работы, на флотѣ было много больныхъ. По этому, несмотря на повелѣніе царя, большая часть судовъ не выходила за рогатки, а оставалась на якоряхъ. Чтобы обсудить какъ при такихъ обстоятельствахъ исполнить царскій указъ, Крюйсъ, 20 іюня, на своемъ фрегатѣ *Олифантъ* собралъ совѣтъ «изъ почтенныхъ офицеровъ». Присутствовавшіе на немъ шаутбенахтъ Боцисъ и 18 командировъ рѣшили: для лучшаго приготовленія къ

---

[1]) Матеріалы. Отд. I, № 47. Отд. II, № 8.

отраженію непріятеля «уставное выбѣганье по данному указу», производить не ежедневно, а черезъ трое сутокъ и то, «ежели не будетъ препятствовать вѣтеръ и близость непріятеля».

Въ 1708 году, когда готовилась эскадра въ числѣ около 20-ти фрегатовъ (называемыхъ тогда кораблями) и до 60-ти мелкихъ и провіантскихъ судовъ, на всѣхъ ихъ было 682 пушекъ и 8000 человѣкъ экипажа. Тогда на фрегатъ 32-пушеч. назначалось отъ 150 до 180 человѣкъ, а на фрегатъ 28-пушеч. 110 человѣкъ. Въ 1710 году на 32 пушеч. фрегатѣ было по 4 и по 5 офицеровъ и 195 человѣкъ команды; а на 28-пушеч. при 3 офицерахъ 107 челов.; на шнявахъ, бригантинахъ и брандерахъ, при 2 офицерахъ, отъ 50—60 человѣкъ и только на царской шнявѣ *Мункеръ* было 80 человѣкъ[1]).

Въ 1713 году число людей въ судовыхъ экипажахъ разсчитывалось на два комплекта: одинъ для наступательныхъ дѣйствій, а другой для оборонительныхъ. Численность перваго превышала численность втораго болѣе чѣмъ на одну пятую долю, такъ что на корабляхъ разница эта доходила до 100 человѣкъ[2]).

Несмотря на значительное пополненіе числа служащихъ, при усиленномъ снаряженіи флота въ нихъ почти всегда былъ недостатокъ; такъ напр., въ 1715 году на корабельномъ флотѣ матросовъ до полнаго комплекта недоставало 2000 человѣкъ; а въ галерномъ (расположенномъ въ Петербургѣ, у Котлина, въ Финляндіи и Ревелѣ) — до 1000 человѣкъ. Въ 1714 году, во время приготовленія къ финляндскому походу, недоставало разныхъ чиновъ, которыхъ и приходилось выписывать изъ заграницы. Даже и изъ русскихъ нижнихъ чиновъ, однихъ пушкарей требовалось прибавить до 300 человѣкъ, а солдатъ—болѣе 3000.

Съ этого времени отношеніе между числомъ иностранныхъ и русскихъ офицеровъ начинаетъ замѣтно клониться въ пользу послѣднихъ. Въ 1715 году, на эскадрѣ, зимовавшей у Котлина, число русскихъ морскихъ офицеровъ уже составляло *четверть* полнаго числа и численность другихъ (унтеръ-офицерскихъ)

---

¹) Матеріалы. Отд. I, №№ 153, 210, 219, 287 и 425.

²) Тамъ же № 558.

чиновъ (не считая лекарей, которые были всѣ изъ иностранцевъ) дошла до *половины* всего числа. Между тѣмъ, на ревельской эскадрѣ почти всѣ морскіе офицеры были иностранцы, а изъ другихъ чиновъ, русскіе составляли только *четверть* всего числа. Въ Архангельскѣ русскихъ офицеровъ также была *четвертая* часть. Нижніе же чины на флотѣ были уже почти всѣ русскіе.

Раздѣленіе матросовъ на статьи.

Судовые экипажи состояли изъ двухъ третей матросовъ и пушкарей и одной трети солдатъ. Матросы раздѣлялись на «старыхъ», т. е. опытныхъ, знакомыхъ съ дѣломъ, и «молодыхъ» — новичковъ. Обѣ категоріи различались между собою сначала только количествомъ жалованья, а потомъ «статьями» и были по порядку старшинства 1-й, 2-й, 3-й и 4-й статей. 4-я статья существовала еще въ 1710 году, но впослѣдствіи уничтожена. На каждый корабль матросовъ всѣхъ статей приблизительно назначалось по ровну. Опредѣленіемъ коллегіи, 13-го августа 1720 года, велѣно содержать четверть всего числа матросовъ 1-й статьи, четверть 2-й и половину 3-й статьи. Въ концѣ 1720 года 3-я статья уничтожена, а велѣно матросамъ быть только 1-й и 2-й статьи и содержать 1-й статьи треть, а 2-й статьи двѣ трети [1]).

Морскіе полки и батальоны.

По образцу иностранныхъ флотовъ и у насъ въ составъ судовыхъ экипажей входили также и морскіе солдаты. Образованіе морскихъ полковъ занимало государя при началѣ созданія балтійскаго флота. Въ собственноручной запискѣ Петра «опредѣленіе о начинающемся флотѣ на Остъ-зее», сказано: «надлежитъ учинить полки морскихъ солдатъ (числомъ по флоту смотря) и опредѣлить оныхъ по капитанамъ вѣчно, къ которымъ надлежитъ капраловъ и сержантовъ взять изъ старыхъ солдатъ, ради лучшаго обученія строя и порядковъ». Такой морской полкъ былъ сформированъ въ 1705 году изъ 1200 человѣкъ. Главная обязанность морскихъ солдатъ заключалась въ отправленіи на кораблѣ караульной службы, а во время боя изъ нихъ составлялись абордажныя и десантныя партіи.

Въ 1710 году Боцисъ жаловался, что при существовавшемъ тогда порядкѣ, или, вѣрнѣе, безпорядкѣ, нельзя имѣть хорошаго галернаго флота, потому что людей пріученныхъ лѣтомъ къ галерной

---

[1]) Матеріалы. Отд. X, стр. 426. Отд. II, №№ 123, 132, 133, 146, 268 и 294.

службѣ зимою разбираютъ по другимъ мѣстамъ, нетолько матросовъ и солдатъ, но и невольниковъ. Поэтому, въ каждое новое плаваніе галерамъ приходится выходить съ неопытной командою, а зимою всѣ судовыя вещи и припасы оставлять безъ должнаго надзора. Для отстраненія такого неудобства, Боцисъ предлагалъ образовать, хотя одинъ, собственно галерный полкъ, изъ 1200 человѣкъ, которые бы постоянно, зиму и лѣто, находились въ полномъ распоряженіи галернаго флагмана. Полкъ долженъ былъ раздѣляться на 10 компаній (ротъ), изъ которыхъ одна была бы бомбардирская, а остальныя состояли изъ матросовъ и солдатъ. Но вмѣсто предположеннаго Боцисомъ полка, былъ учрежденъ батальонъ галерной эскадры, состоявшій въ 1713 году изъ 654 человѣкъ. Въ 1712 году начали формировать изъ армейскихъ полковъ морскіе солдатскіе батальоны для корабельнаго флота и адмиралтейства, числомъ отъ 600 до 650 человѣкъ каждый. Вооружались они «фузеями съ ножами (штыками), по образцу гвардейскихъ». Въ этомъ году первымъ былъ сформированъ батальонъ «контръ-адмирала», а въ 1714 году уже было пять морскихъ батальоновъ, подъ названіями: «адмирала», «вице-адмирала», «контръ-адмирала», «галерный» и «адмиралтейскій» [1]).

Артиллеристы.

Морская артиллерія первоначально не составляла особой команды и артиллеристы числились съ прочими служителями, подъ общимъ названіемъ пушкарей, въ числѣ которыхъ находились констапели, констапельматы и констапельскіе ученики. Первые сначала были все иноземцы; но они, по мѣрѣ возможности, постепенно замѣнялись русскими, такъ что въ 1714 году въ «спискѣ морскаго флота артиллерійскихъ чиновъ» русскихъ значилось: 3 констапеля, 5 подконстапелей, 9 сержантовъ, 18 капраловъ, пушкарей 1-й статьи 444 и 2-й статьи 201 человѣкъ. Офицерскіе чины въ морской артиллеріи появились въ 1715 году. Въ томъ же году завѣдываніе морскою артиллеріею поручено было одному лицу — капитану Христіану Отто, который опредѣленъ въ адмиралтейство цейхмейстеромъ въ рангѣ капитанъ-командора. Ему же поручены были констапели и артиллерія на корабляхъ [2]).

---

[1]) Матеріалы. Отд. II, №№ 11, 46, 51, 57, 58, 61, 62, 64, 73, 113 и 114.
[2]) Матеріалы. Отд. II, № 263.

Морскія команды при адмиралтействѣ.

Кромѣ судовыхъ экипажей, морскія команды находились и при адмиралтействѣ; при немъ въ 1717 году на лицо состояло 9 морскихъ офицеровъ, 36 шхиперовъ, 38 унтеръ-офицеровъ, 280 матросовъ и 15 гребцовъ. Но, по положенію, однихъ матросовъ слѣдовало имѣть 1000 человѣкъ. Артиллерійскихъ служителей при адмиралтействѣ положено было 188, а на лицо состояло 108 человѣкъ.

Штатныя положенія о численности судовыхъ экипажей.

14-го октября 1715 года, съ утвержденіемъ перваго штатнаго положенія о числѣ судовъ балтійскаго флота, было издано такое же положеніе и о числѣ командъ на суднѣ каждаго ранга; а именно: на корабль 84-хъ пуш. положено 650 челов.; на 74-хъ пуш. — 550 челов.; на 64-хъ пуш. — 450 челов.; на 50-ти пуш. — 300 челов.; на 32-хъ пуш. фрегатъ — 181 челов.; на шнявы: 18-ти пуш. — 70 чел.; 14-ти пуш. — 50 челов. и на 6-ти пуш. бомбардирскій корабль — 30 человѣкъ. По этому положенію на всѣхъ военныхъ судахъ балтійскаго флота слѣдовало имѣть 13,686 человѣкъ, изъ которыхъ двѣ трети полагалось матросовъ и пушкарей и одна треть солдатъ.

Въ октябрѣ 1717 года, когда начались засѣданія «консилій», предшествовавшихъ учрежденію адмиралтействъ-коллегіи, то въ первомъ же засѣданіи обсуждался вопросъ о комплектованіи судовъ командами и было положено: на 90 пуш. кораблѣ имѣть 700 челов., на 80 пуш.—600, на 74 пуш.—500; на 66 пуш.—450 и на 52 пуш. — 330 человѣкъ. Назначенное по новому штату кораблей число морскихъ командъ простиралось до 13,280 человѣкъ, и такое число велѣно уже «содержать непремѣнно и по всягодно комплектовать». При этомъ указаны и источники, изъ которыхъ слѣдовало дополнить комплектное число командъ, а именно, велѣно взять въ матросы изъ молодыхъ солдатъ владимірскаго, новгородскаго и ростовскаго полковъ, особливо изъ тѣхъ, которые одну или двѣ кампаніи служили на корабляхъ; къ тому же выбрать изъ молодыхъ солдатъ толбухина и островскаго полковъ и, наконецъ, перевести на флотъ третью часть изъ лучшихъ матросовъ, находившихся при адмиралтействѣ. Повидимому въ это время было предположеніе составить всю корабельную команду изъ морскихъ, т. е. изъ унтеръ-офицеровъ, пушкарей и матросовъ, но это не состоялось, и окончательно утвержденнымъ и внесеннымъ въ морской уставъ

положеніемъ опредѣлено, по прежнему, въ составѣ судовыхъ экипажей имѣть двѣ трети морскихъ и одну треть сухопутныхъ. Это окончательное положеніе состоялось въ засѣданіи адмиралтействъ-коллегіи 1718 года мая 1-го, которымъ и опредѣлено имѣть на флотѣ 3-хъ шаутбенахтовъ [1]), 3-хъ капитанъ-командоровъ и слѣдующее число прочихъ чиновъ на суднѣ каждаго ранга: на 90 пуш. кораблѣ—800 челов.; на 80 пуш.—650; на 76 пуш. (3-хъ палубномъ)—550; на 76 пуш. (2-хъ палубномъ)—500: на 66 пуш.—470; на 50 пуш.—350; на 32 пуш.—200; на 16 пуш.—80; на 14 пуш. — 60 человѣкъ. Общее число экипажей на всѣ суда положенныя по штату простиралось до 15,600 человѣкъ.

Штатное положеніе экипажей для галернаго флота встрѣчается только въ 1715 году: имъ опредѣлялось имѣть, на всѣхъ 120 галерахъ, 129 пушкарей, 516 матросовъ и 659 унтеръ-офицеровъ, капраловъ и солдатъ галернаго батальона. Въ 1718 году собственноручнымъ указомъ государя предписано, чтобъ изъ галерныхъ матросовъ двѣ трети были плотники [2]).

Составъ судовыхъ экипажэй.

Въ составъ судовыхъ экипажей въ 1718 году входили слѣдующіе чины: капитанъ, капитанъ-поручикъ (капитанъ-лейтенантъ) [3]), поручики (лейтенанты) флота и артиллеріи, секретари корабельные, подпоручики (унтеръ-лейтенанты) флота и артиллеріи, коммисары корабельные, попы, лекаря, подлекаря, лекарскіе ученики, штурманы, шхиперы, констапели, мичманы, боцманы, подшхиперы, подштурманы, боцманматы, шхиманы, шхиманматы, квартирмейстеры, писаря, сержанты отъ канониръ, подконстапели, корпоралы (капралы) отъ канониръ, канониры, матросы, солдаты, каютъ и декъ-юнги, караульные солдаты, трубачи, десятники плотничьи, добрые плотники, плотники, купоры, унтеръ-купоры, конопатчики, парусные ученики, слесаря, повара и профосы [4]). Кромѣ

---

[1]) Отъ голланд. Schout-bij-nacht — ночной наблюдатель. По обыкновенію существовавшему въ голландскомъ флотѣ, во время крейсерства третій флагманъ, при наступленіи ночи, замыкалъ линію и обязанъ былъ наблюдать, чтобы корабли не отставали отъ флота.

[2]) Матеріалы. Отд. II, №№ 146 и 147. Отд. X, стр. 348, 352 и 367.

[3]) Чины поручикъ и лейтенантъ, даже въ официальныхъ бумагахъ того времени, употреблялись безразлично одно вмѣсто другаго.

[4]) Матеріалы. Отд. II, № 288, и Отд. X, стр. 352.

этихъ чиновъ съ 1716 года начали временно назначаться на флотъ для практики гардемарины и ученики морской академіи.

Мичмана. Чинъ мичмана на нашемъ флотѣ былъ введенъ въ подражаніе англійскому midshipman. Объ мичманахъ упоминается уже въ 1713 году; обязанности же и положеніе ихъ на флотѣ опредѣлены только апрѣля 19-го 1716 года. По рангу, мичмана становились между офицерами и боцманами, подчиняясь первымъ и надзирая надъ послѣдними при всѣхъ корабельныхъ работахъ. Въ морѣ мичманъ обязанъ былъ вести журналъ, дѣлать счисленіе и астрономическія наблюденія, какъ штурманъ, и представлять ихъ командиру судна. Во время плаванія, кромѣ обыкновеннаго жалованья, ему назначалась полуторная порція и для прислуги деньщикъ, какъ подпоручику; но въ 1718 году, по распоряженію Апраксина, деньщики были отняты. Въ 1717 году указное число мичмановъ на флотѣ было 51, но въ наличіи ихъ состояло только 10 человѣкъ. Исключительные случаи представляли назначенія на флотъ *экстра-мичманами*, какъ напр. Денисъ Калмыковъ, по возвращеніи изъ за-границы въ 1713 году, написанъ былъ на корабль, бывшій въ Архангельскѣ, «экстра-мичманомъ»; а впослѣдствіи, «по разбору» царя, произведенъ въ поручики [1]).

Гардемарины. Въ 1716 году, учреждено на нашемъ флотѣ званіе «гардемарина», заимствованное отъ французовъ (garde marine—морская гвардія). Гардемарины занимали среднее мѣсто между мичманами и учениками морской академіи. Въ первый разъ званіе гардемаринъ присвоено ученикамъ морской академіи, отправленнымъ на флотъ въ кампанію 1716 года [2]). Марта 2-го государь писалъ Апраксину изъ Данцига: «понеже получили мы вѣдомость, что нашихъ въ Венеціи въ морскую службу принять хотятъ; также нынѣ изъ Франціи отозвались, что и тамъ примутъ же, того для велите какъ наискорѣе въ Петербургѣ отобрать еще изъ школьниковъ (учениковъ академіи) лучшихъ дворянскихъ дѣтей и привезть ихъ въ Ревель и посадить на корабли съ первыми (прежде отправленными) вмѣстѣ, чтобъ ихъ всѣхъ было 60». При размѣщеніи по кораблямъ этихъ

---

[1]) Матеріалы. Отд. II. №№ 118, 119, 221 и 250.

[2]) Неплюевъ. Записки его, въ Библіотекѣ для Чтенія, издав. Свиньинымъ.

учениковъ необходимо было опредѣлить ихъ положеніе и обязанности, и потому 19-го апрѣля приказомъ Апраксина объявлена инструкція, заключавшая въ себѣ правила о содержаніи гардемаринъ.

По этой инструкціи, гардемарины на эскадрѣ, какъ и всѣ служащіе, подчинялись командующему эскадрою; а на кораблѣ—капитану, который обязанъ былъ заботиться объ обученіи ихъ морскому искусству и «содержать ихъ въ решпектѣ». Для ближайшаго надзора за ихъ ученіемъ и поведеніемъ назначался морской поручикъ (лейтенантъ) «изъ русскихъ», а для обученія ариѳметикѣ и геометріи—на каждомъ кораблѣ былъ выбранъ учитель изъ школьниковъ. Гардемарины расписывались по пушкамъ и къ управленію парусовъ на бакѣ, исполняли матросскую должность и, кромѣ своихъ учебныхъ и морскихъ занятій, «несли службу какъ солдаты». Для обученія наукамъ назначалось въ сутки четыре часовые урока. Въ первый урокъ, корабельный штурманъ занимался навигаціею; но такъ какъ въ большинствѣ штурмана были изъ иностранцевъ, то приставленный къ гардемаринамъ офицеръ обязанъ былъ надсматривать, чтобы учащій «открывалъ все, что онъ знаетъ въ своемъ художествѣ». Во второй урокъ — корабельный констапель занимался теоріею, и у орудія практикою, артиллерійскаго дѣла. Въ третій—гердемарины изучали все, что относится къ должности шхипера, боцмана и шхимана, и въ четвертый — унтеръ-офицеръ и солдаты, подъ надзоромъ приставленнаго къ гардемаринамъ офицера, показывали, что нужно «для солдатскаго обученія съ мушкетомъ и для обращеній воинскихъ». Кромѣ того гардемарины, во время плаванія, также какъ мичмана, должны были дѣлать счисленіе, астрономическія наблюденія и вести журналъ, представляя его командиру судна [1]). По окончаніи кампаніи, о поведеніи и ученіи каждаго гардемарина составлялась вѣдомость за подписью начальника эскадры, командира корабля и завѣдывавшаго гардемаринами офицера. На берегу также продолжались занятія; въ портовомъ регламентѣ цѣлая XIV глава посвящена правиламъ «о содержаніи гардемаринъ въ портѣ», и подробно распредѣлены часы занятій и отдыха.

---

[1]) Морск. уставъ гл. XX, § 3.

Гардемарины кромѣ одежды и ординарнаго солдатскаго жалованья получали, сначала, въ мѣсяцъ по 3 ефимка (считая ефимокъ въ 8 гривенъ), а потомъ, въ 1717 году, наравнѣ съ солдатами гвардіи—по рублю. Во время кампаніи имъ выдавалась полуторная матросская порція.

30 декабря 1718 года гардемарины по содержанію раздѣлены на старшихъ и младшихъ: первыхъ положено 100 человѣкъ съ жалованьемъ по 16 рублей въ годъ, а вторыхъ 200 — съ жалованьемъ по 12 рублей. 10 декабря 1719 года къ денежному жалованью гардемаринъ прибавлено хлѣбное: по полуосьминѣ муки, по малому четверику (гарнцу) крупъ и по 2 фунта соли каждому человѣку на мѣсяцъ, а 24 апрѣля 1721 года морскаго провіанта на гардемаринъ положено по одной матроской порціи на человѣка; а жалованья они получали отъ 1 руб. до 2 руб. 40 коп. Въ 1723 году гардемаринамъ, вмѣсто отсыпнаго хлѣба стали отпускать деньгами, по московской цѣнѣ [1]).

Первоначально, штатное число гардемаринъ было опредѣлено въ 308 человѣкъ; на лицо же въ 1717 году ихъ состояло на флотѣ 186. Въ ноябрѣ 1717 года состоялся указъ о томъ, чтобы изъ учениковъ морской академіи въ гардемарины назначать только тѣхъ, которые окончили навигацію. Въ мартѣ 1718 года штатное число гардемаринъ опредѣлено въ 200 человѣкъ, а 27-го мая того же года увеличено до 300 человѣкъ. Дѣйствительное же число гардемаринъ, впослѣдствіи, превзошло штатное назначеніе, и въ 1723 году ихъ было 333 человѣка. Но 20-го мая 1723 года новымъ указомъ подтверждено о содержаніи гардемаринъ въ числѣ 300 человѣкъ, причемъ велѣно ихъ «содержать противъ сухопутной гвардіи». Гардемарины, невошедшіе въ штатное число, получали меньшій окладъ жалованья. Въ 1724 году, государь, по случаю доклада о штурманскихъ ученикахъ, приказалъ «имѣть 100, убавя то число изъ гардемаринъ». Такимъ образомъ, двухсотный комплектъ гардемаринъ оставался до 1729 года.

Лѣтомъ гардемарины обыкновенно назначались, для практики, въ плаваніе и, по окончаніи кампаніи, двѣ трети ихъ возвращались въ академію, гдѣ продолжали занятія навигаціею; а одна треть, съ

[1]) Матеріалы. Отд. II, № 337. Отд. X. стр. 371, 398 и 458.

перемѣною помѣсячно, содержалась для практики при исправленіи и вооруженіи кораблей на Котлинѣ. До 1722 года, на берегу, гардемарины находились при морской академіи, но съ этого времени, на основаніи XIV главы изданнаго регламента, они отчислены отъ академіи и составили особую команду, находившуюся въ вѣдѣніи адмиралтейства. Для ближайшаго начальствованія надъ гардемаринами опредѣлены въ адмиралтейство, изъ гвардіи, капитанъ Козинскій и три офицера. Осенью того же (1722) года велѣно было «въ новопостроенныхъ домахъ на Котлинѣ островѣ отвести мѣсто для классныхъ занятій гардермаринъ, а также для квартиръ какъ имъ, такъ и ихъ офицерамъ». При-этомъ приказано собрать всѣхъ гардемаринъ, какъ корабельныхъ, такъ и галерныхъ, изъ всѣхъ мѣстъ, на Котлинъ въ команду Козинскаго. Но такого помѣщенія на Котлинѣ не нашлось, и для обученія гардемаринъ отвели комнаты въ С.-Петербургѣ на академическомъ дворѣ. Съ 1723 года начали посылать гардемаринъ «по-годно» въ экипажескую контору «для обученія боцманскихъ работъ», и велѣно составить списокъ съ означеніемъ, сколько за каждымъ изъ нихъ, или за родителями, числится крестьянъ, и, затѣмъ, недостаточнымъ отводили квартиры, а зажиточнымъ—мѣста для постройки домовъ. Въ довершеніе же солидной обстановки гардемаринъ, въ началѣ слѣдующаго 1724 года, достигшимъ 25-ти лѣтъ дозволено было жениться.

Несмотря на указъ, по которому въ гардемарины слѣдовало производить учениковъ академіи знающихъ навигацію, въ числѣ ихъ были и неудовлетворявшіе этому требованію, такъ напр. въ 1724 году, нѣкоторые изъ нихъ учили плоскую тригонометрію, геометрію и даже ариѳметику. Иногда сыновья достаточныхъ родителей, приготовленные дома, экзаменовались и назначались гардемаринами. Изъ гардемаринъ въ слѣдующіе чины производили не иначе какъ по экзамену и, потому, въ этомъ званіи сходились всѣ возрасты отъ ребенка до старца. Были гардемарины 13 лѣтъ, а были и старше 50, какъ напр. 54-хъ-лѣтній Иванъ Трубниковъ, уволенный, въ 1744 году, послѣ 30-ти-лѣтней службы «по болѣзнямъ и старости и какъ къ обученію наукъ находится уже ненадеженъ» [1]). Оставшіеся въ Россіи, сверстники гардемаринъ, бывшихъ за гра-

---

[1]) Журн. Адмиралт.-коллегіи, 1744, декаб., № 3298.

ницею и произведенныхъ въ 1720 г., произведены въ мичмана только въ 1724 году.

Съ начала учрежденія гардемаринъ, о формѣ ихъ одежды не упоминается. Но извѣстно, что при поступленіи на корабли первыхъ гардемаринъ въ 1716 году имъ раздали матросскіе парусинные бостроги [1]); а потому, весьма вѣроятно, что и на берегу они носили также матросское платье. Только въ 1723 году (мая 20-го) Высочайшимъ указомъ постановлено: гардемаринамъ имѣть форму «во всемъ» сходную съ преображенскимъ полкомъ, т. е. кафтаны темнозеленые съ красными воротниками и обшлагами; камзолы и штаны также красные и шинели васильковыя [2]). Въ строевомъ отношеніи гардемарины составляли роту, на содержаніе которой въ 1719 году положено 7,282 руб. Относительно довольствія и обмундированія, гардемаринская рота состояла въ вѣдѣніи генералъ-кригсъ-коммисара; а въ учебномъ отношеніи подчинялась академическому начальству [3]).

Жалованье, чины и квартиры.

Въ первые годы по основаніи флота, жалованье и самые чины служащихъ на флотѣ не были подведены подъ опредѣленныя правила [4]). Иностранцы получали то и другое, согласно заключавшимся съ ними контрактамъ, русскіе — по занимаемымъ ими мѣстамъ, степени заслугъ и вниманія начальства. Нерѣдко, при разныхъ частныхъ случаяхъ, дѣлались и особыя назначенія жалованья. Такъ напр. рабочимъ людямъ, набраннымъ въ 1705 г. на галеры съ Волги «изъ низовыхъ», какъ умѣвшимъ грести, начначено было, кромѣ хлѣбной дачи, по полтинѣ въ мѣсяцъ. Или, въ томъ же году, при производствѣ нѣсколькихъ старшихъ и лучшихъ матросовъ въ квартирмейстеры, вице-адмиралъ Крюйсъ прибавилъ имъ жалованье отъ 30 до 40 алтынъ и тогда же просилъ Головина, по при-

---

[1]) Неплюевъ Записки.

[2]) Журн. Адмиралт.-коллегіи, 1747 г., № 3875.

[3]) Кромѣ указанныхъ здѣсь источниковъ свѣдѣнія о гардемаринахъ заимствованы изъ Матерьяловъ, Отд. II, №№ 162—337. Отд. X, стр. 358, 367, 395, 519, 520, 522, 603, 619, 675 и изъ нѣсколькихъ дѣлъ Главн. морск. архива.

[4]) Свѣдѣнія о жалованьи и квартирахъ помѣщены здѣсь по тѣсной связи ихъ съ чинами и для избѣжанія повтореній, хотя настоящее ихъ мѣсто въ слѣдующей главѣ.

чинѣ дороговизны харчей, о прибавкѣ «русскимъ» штурманамъ кормовыхъ денегъ, такъ какъ они получали только 4 деньги въ день, замѣчая при-этомъ: «а штурмана добрые люди и приказанное имъ дѣло въ добромъ управляютъ». Иностранцы, сначала получавшіе по контрактамъ особенныя деньги на различные предметы, какъ то, квартиру, дрова, свѣчи (а во время кампаніи и на съѣстные припасы), безпрестанно жаловались на недостаточность содержанія. Для устраненія подобныхъ претензій и для приведенія этой статьи въ должный порядокъ, 1706 года ноября 27-го состоялся Высочайшій указъ, по которому, въ замѣнъ всѣхъ разнообразныхъ дачъ, велѣно было впредь, смотря по чину каждаго служащаго, назначить имъ сверхъ опредѣленнаго годоваго жалованья — прибавочное, причемъ положено выдать и все неполученное за прежніе годы. Эта прибавка равнялась для всѣхъ чиновъ мѣсячному жалованью, такъ что каждый иностранецъ получалъ въ годъ жалованье за 13 мѣсяцевъ.

Въ 1710 году получали жалованья въ мѣсяцъ: квартирмейстеры 2 р. 50 к. (тогда считали не копѣйками, а алтынами и деньгами, которые здѣсь приведены въ копѣйки); пушкари — 2 р., матросы, раздѣлявшіеся на четыре статьи, получали — 2, 1½, 1 рубль и полтину. Впослѣдствіи уничтожили четвертую статью, а потомъ и третью, оставивъ у матросовъ и пушкарей только 1-ю и 2-ю. При существованіи трехъ статей жалованье было 1½ р., 1 р. и полтина, а при двухъ статьяхъ — 1½ р. и рубль. На мундиръ обыкновенно вычиталась изъ жалованья четвертая часть, а при малыхъ окладахъ и нѣсколько менѣе. Въ 1713 году, иностранцы, пользовавшіеся нерѣдко въ одинаковыхъ чинахъ разнымъ жалованьемъ, стали получать его по чинамъ. Капитанъ-командоръ получалъ 50 р. въ мѣсяцъ. Количество жалованья среднихъ и младшихъ офицерскихъ чиновъ (капитанъ-поручиковъ, поручиковъ и подпоручиковъ) для русскихъ и иностранцевъ было назначено одинаковое, но капитаны, и изъ младшихъ чиновъ штурмана и всѣ лица унтеръ-офицерскаго ранга, иностранцы получали болѣе русскихъ. Такъ напр. въ росписи жалованья «морскимъ служителямъ русскаго народа», капитану назначено 25 р., а въ росписи иностранцевъ, показаны капитаны четырехъ ранговъ, съ жалованьемъ отъ 40 до 25 рублей. Штурмана русскіе

получали 10 р., а иностранные 12 р., констапели и боцмана рускіе 7 р., — иностранцы 9 р., подконстапели и боцманматы русскіе 3 р., а иностранные — 7 руб.. Матросы и солдаты, работавшіе какъ плотники въ адмиралтействѣ, кромѣ жалованья, съ 1 октября по 1-е апрѣля, получали особенныя, прибавочныя деньги по 2 коп. въ сутки, а гвардейскимъ солдатамъ, за ту же работу, давали по 6 денегъ.

Армейскимъ офицерамъ, находившимся при корабельныхъ солдатахъ, выдавалось жалованье по высшему чину: прапорщикамъ — поручичье, а поручикамъ — капитанское. Жалованье корабельныхъ секретарей соотвѣтствовало чину, изъ котораго они поступали въ эту должность; такъ что назначенные изъ мичмановъ получали поручичье, а изъ писарей, — ихъ прежнее писарское жалованье, отъ 5 до 3 рублей въ мѣсяцъ, съ прибавкою однакоже двухъ рублей. Лекарямъ назначалось отъ 10 до 12 руб., и изъ за-границы стали вызывать желающихъ уже на это содержаніе.

Такъ какъ выдача жалованья всегда замедлялась, то при самой раздачѣ его довольно обыкновеннымъ явленіемъ было, что лица, стоявшія ближе къ денежному источнику, т. е., начальники отдѣльныхъ частей, ихъ канцеляріи и близкіе къ нимъ люди, брали свое жалованье первыми, заставляя другихъ служащихъ ждать до слѣдующей, иногда отдаленной присылки денегъ. Въ отстраненіе такого злоупотребленія, 1719 года мая 9-го, Высочайшимъ указомъ постановленъ во всемъ государствѣ опредѣленный порядокъ раздачи жалованья, по которому велѣно: сначала выдавать его рядовымъ и унтеръ-офицерамъ, потомъ оберъ и штабъ-офицерамъ, наконецъ генераламъ и уже, послѣ ихъ, гражданскимъ чиновникамъ. Но на флотѣ этотъ порядокъ принятъ былъ только съ января 1724 года. Въ 1721 году опредѣлено, для русскихъ и иностранцевъ въ офицерскихъ чинахъ одинаковое жалованье, съ тою только разницею, что послѣдніе на отопленіе и освѣщеніе получали за лишній мѣсяцъ, т. е., русскіе въ годъ получали за 12, а иностранцы за 13 мѣсяцевъ. Въ это время генералъ-адмиралъ получалъ въ мѣсяцъ 583 р. 11 алт. $^1/_3$ деньги (въ годъ 7000 руб.) и имѣлъ 24 деньщика; вице-адмиралъ 186 р. 22 алт. $1^1/_3$ деньги и 12 деньщиковъ; шаутбенахтъ 100 р. и 6 деньщиковъ; капитанъ-командоръ 50 р. и 3 деньщика; капитаны, раздѣлявшіеся на три ранга,—отъ 40 до

25 руб. и отъ 3-хъ до 2-хъ деньщиковъ; капитанъ-лейтенантъ 20 руб. и 2 деньщика; лейтенантъ 15 руб. и 1 деньщика; мичманъ 5 руб., но деньщика не имѣлъ [1]). (О жалованье гардемаринъ сказано выше на стр. 426). Въ прочихъ, унтеръ-офицерскихъ чинахъ, иностранцы получали отъ 5 до 10 руб., а русскіе отъ 5 до 7. Самое меньшее мѣсячное жалованье было полтина или 16 алт. и 4 деньги, получаемое матросомъ второй статьи. Монахъ «префектъ» (благочинный) на корабельномъ флотѣ получалъ 20 р., а на галерномъ 15 р. въ мѣсяцъ; простые же монахи—по 10 руб. Кромѣ того «префектамъ» назначалось по двѣ порціи, а простымъ монахамъ по одной. Наконецъ, іюля 10-го 1723 года, иностранцы относительно содержанія совершенно сравнены съ русскими. Получаемое ими прибавочное жалованье, за 13-й мѣсяцъ, по произволствѣ въ слѣдующій чинъ, прекращалось и даже, съ тѣхъ которые произведены были съ 1720 году и получали прибавку, велѣно было ее вычесть.

Кромѣ обыкновеннаго содержанія, нѣкоторыя отдѣльныя лица стоявшія въ исключительномъ положеніи или занятыя извѣстною работою, получали и особенное жалованье, такъ напр. капитану Лейну за строеніе гавани на Котлинѣ, во все время работы, сверхъ жалованья, отпускалось въ годъ прибавочныхъ сначала 200 руб., а съ 1724 г.—600 рублей, «за многіе его труды» при строеніи канала, гавани и города. Полковники гвардіи Норовъ и Коншинъ, управлявшіе первый подрядною, а второй провіантскою конторами, получали по 600 руб. жалованья и по 100 четвертей муки и овса, а оберъ-сарваеръ Головинъ, кромѣ жалованья, получалъ въ годъ 300 четвертей муки. Докторъ Демаки, завѣдывавшій петербургскимъ и котлинскимъ госпиталями, получалъ 600 рублей. Корабельный мастеръ Козенцъ—1840 руб. и пр. Какъ на оригинальную особенность можно указать на жалованье, которое получалъ Головинъ по званію баса, составлявшее въ годъ 60 алтынъ, несмотря на то что Головинъ въ спискѣ мастеровъ стоялъ выше баса Петра Михайлова, получавшаго 366 рублей. Объясненіе такой стран-

---

[1]) Въ Морскомъ Уставѣ, книга IV, глав. 2, «слугъ на жалованьи Его Величества» положено: генералъ-адмиралу 15, адмиралу 11, вице-адмиралу 9, шаутбенахту 7, капитанъ-командору 4, капитанамъ отъ 4 до 3, прочимъ чинамъ то же число, какое показано здѣсь.

ности находимъ у Вебера, который говоритъ что Головинъ посланный въ Венецію учиться кораблестроенію и итальянскому языку, возвратился въ Россію, не зная ни того ни другаго. Въ наказаніе за это государь пожаловалъ ему шуточный титулъ князь-баса съ означеннымъ жалованьемъ, въ полученіи котораго онъ ежемѣсячно и расписывался [1]).

При производствѣ въ чины вычиталось изъ жалованья съ рубля по деньгѣ [2]), то есть, по $1/2$ процента. 1706 ноября 28-го, состоялся указъ «о порядкѣ производства иноземцевъ въ чины»: велѣно «морскаго флота служителей иноземцевъ» производить: изъ подконстапелей въ констапели; изъ боцманматовъ въ боцманы; изъ боцмановъ, унтеръ-штурмановъ и констапелей въ подпоручики; изъ подпоручиковъ и изъ первыхъ штурмановъ въ поручики; изъ поручиковъ въ капитанъ-поручики — по выслуженіи трехъ лѣтъ; изъ капитанъ-поручиковъ въ комендеры — черезъ четыре года; изъ комендеровъ (чинъ комендера въ 1713 г. замѣнился чиномъ капитана 4 ранга) въ капитаны — черезъ пять лѣтъ, и въ высшіе чины «по разсмотрѣнію», хотя бы и ранѣе назначенныхъ лѣтъ. «А кто покажетъ какую явную службу, сказано въ указѣ, то не только черезъ чинъ, но и черезъ два» пожалованъ будетъ.

Въ 1719 году (января 10) постановлено въ офицеры производить на ваканціи балотированіемъ изъ 2 и 3-хъ кандидатовъ, по порядку, «и черезъ чинъ никого не жаловать» [3]). Въ 1721 году велѣно «не выбирая кандидатовъ балотировать, по всѣхъ того чина по списку: изъ унтеръ-офицеровъ въ оберъ-офицеры, изъ оберъ—въ штабъ-офицеры и изъ штабъ-офицеровъ—въ генералы, а въ прочіе чины (оберъ-и штабъ-офицерскіе) производить по старшинству» [4]). Балотировали 24 человѣка мѣстныхъ офицеровъ, назначаемые пополамъ, изъ иноземцевъ и русскихъ, къ которымъ иногда присылались изъ коллегіи депутаты; такъ въ августѣ 1723 года, государь приказалъ отправлять на ревельскую эскадру «когда случится быть

---

[1]) Главныя свѣдѣнія о жалованьи заимствованы изъ Матеріаловъ. Отд. I, №№ 83 и 250. Отд. II, №№ 12, 17, 18, 45, 72, 86, 88, 294, 305, 344 и 347. Отд. X., стр. 280, 283, 354, 369, 455, 483 и 614.

[2]) Елаг. Азов. періодъ стр. 212 и черт. лист. 14.

[3]) Матеріалы. Отд. II. № 266.

[4]) Адмиралт. регламентъ гл. I. стр. 62.

балотированію» одного депутата. Въ послѣднее время своего царствованія Петръ замѣтилъ неудобства балотировки и находилъ, что «она чинится не по волѣ Его Величества, а по страсти», и потому намѣренъ былъ совсѣмъ ее уничтожить. Но это было исполнено только преемницею его въ 1726 году для сухопутныхъ офицеровъ, а морскихъ продолжали производить по балотированію.

Казенныя квартиры служащимъ на флотѣ давались какія случалось, и эта раздача, получила нѣкоторую опредѣленность не ранѣе 1716 года, когда Апраксинъ полагалъ, что капитану невозможно не имѣть двухъ компатъ, а капитанъ-поручику (капитанъ-лейтенанту) одной, поручикамъ (лейтенантамъ) онъ находилъ достаточнымъ на двухъ одну комнату, подпоручикамъ на трехъ, а «прочимъ—по распоряженію». Кто желалъ житъ просторнѣе и имѣлъ средства, тотъ могъ нанимать квартиру на свои деньги. Дровъ и свѣчей русскимъ на казенныхъ квартирахъ, разумѣется кромѣ нижнихъ чиновъ, не полагалось, а иностранцы какъ мы видѣли, сначала получали на этотъ предметъ прибавочное жалованье.

Морякъ государь, собственнымъ опытомъ извѣдавшій всѣ радости и невзгоды морской жизни, хорошо зналъ, что для морскаго офицера первыя составляютъ малыя капли въ морѣ послѣднихъ. Поэтому, справедливо оцѣнивая труды и заслуги, онъ не могъ не любить моряковъ—своихъ боевыхъ и походныхъ товарищей. Если сутки простаго путешествія сближаютъ людей болѣе чѣмъ годъ обыкновеннаго знакомства, то морская, и особенно военная кампанія, нерѣдко превращаетъ походныхъ товарищей въ друзей. При единствѣ существенныхъ интересовъ, въ морѣ на кораблѣ, весь экипажъ до нѣкоторой степени живетъ одною жизнію и, волей не волей, превращается въ одну семью, несмотря на то какъ бы ни было велико различіе въ общественномъ положеніи отдѣльныхъ личностей. Нельзя забывать, что великій государь въ служебной сферѣ дотого всецѣло входилъ въ кругъ своихъ обязанностей и отношеній, служебныхъ и частныхъ, что сослуживцы его, въ Петрѣ Михайловѣ забывали государя, а видѣли преображенскаго капитана, командира судна, корабельнаго мастера или адмирала. Однимъ изъ высокихъ качествъ царя Петра была необыкновенно симпатичная простота обращенія; съ вельможею и простымъ плотникомъ

Нравы моряковъ.

онъ обращался какъ равный съ равнымъ, и потому, несмотря на сильную вспыльчивость, царь, при своемъ въ сущности чрезвычайно добромъ сердцѣ, возбуждалъ глубокую привязанность въ большинствѣ лицъ, которыя имѣли случай встрѣчаться съ нимъ въ любимой его морской сферѣ. Сослуживцы плотника, баса, шхипера, капитана и адмирала Петра Михайлова, бывши добрыми пріятелями его на верфи или на кораблѣ, принимались радушно и государемъ Петромъ Алексѣевичемъ въ его царскомъ, а впослѣдствіи и императорскомъ дворцѣ. Нетолько въ общественныхъ торжествахъ, но даже и въ семейныхъ его праздникахъ, моряки пользовались предъ прочими служащими преимущественнымъ почетомъ. Такъ напр. въ брачномъ торжествѣ государя, 1712 года февраля 19, кромѣ маршала Меншикова, въ числѣ шаферовъ было много моряковъ: Гослеръ, Попагай, Мухановъ, Вильбоа, Мишуковъ, Наумъ Синявинъ. За обѣденнымъ столомъ сидѣлъ по правую сторону государя «въ отцово мѣсто» вице-адмиралъ Крюйсъ, а по лѣвую шаутбенахтъ Боцисъ; а въ «братнее мѣсто» —простой корабельный мастеръ, товарищъ Петра по ученью въ Голландіи, Ѳеодосій Скляевъ, и за нимъ уже сидѣли послы, министры, сенаторы и генералы. За другимъ столомъ подлѣ государыни по правую руку «въ матерно мѣсто» сидѣла царица Парасковья Ѳедоровна; «въ сестрино мѣсто»—княгиня Меншикова и сестра ея; а по лѣвую руку «въ матерно мѣсто»—жена вице-адмирала Крюйса и потомъ, за нею, царевны Наталья Алексѣевна, Анна, Екатерина и Парасковья Іоанновны, графиня Головкина (жена канцлера) и другія знатныя дамы. Во второй палатѣ сидѣли комнатныя дѣвицы царевенъ, жены *морскихъ* офицеровъ и нѣкоторыя другія дамы. Въ третьей—*морскіе* офицеры, а изъ сухопутныхъ только одни штабъ-офицеры.

Почти при всѣхъ забавахъ и пирахъ государя моряки были ближе другихъ по двумъ причинамъ: вопервыхъ, по личному расположенію Петра къ морской службѣ, и, вовторыхъ, по роду самыхъ увеселеній, которыя по большей части или происходили на водѣ, или имѣли морской характеръ.

Несмотря на все это нравы морскихъ офицеровъ петровскаго времени не возвышались надъ уровнемъ современнаго общества, кромѣ можетъ быть нѣкотораго наружнаго лоска, происходившаго

отъ частыхъ и близкихъ сношеній съ иностранцами и еще отъ того, что бо̀льшая часть нашихъ знатныхъ и богатыхъ фамилій имѣли въ числѣ моряковъ своихъ представителей [1]), которые, сами принадлежа къ высшему обществу, вводили въ него и своихъ товарищей по службѣ. Но припомнимъ, что и высшее общество петровскаго времени отличалось крайнею грубостію нравовъ; въ тогдашнихъ собраніяхъ пьянство и вслѣдствіи его—ссоры и драки, были обычными явленіями. При такомъ общемъ направленіи морскіе офицеры не отставали отъ другихъ и изъ нихъ, въ то время, едва-ли можно было найти нѣсколько человѣкъ, которые возвращались съ пирушки въ нормальномъ состояніи. Но несмотря на это, на службѣ за пьянство строго взыскивалось, и иностранцамъ, которые «Бахусовыхъ регулъ зѣло держались», давали «абшитъ». Если могло случится, что послѣ обильныхъ возліяній на офиціальномъ праздникѣ, такой сановникъ какъ князь кесарь Ромодановскій подрался съ своимъ противникомъ, если въ засѣданіяхъ сената происходили страшныя перебранки, то не было ничего удивительнаго въ подобныхъ столкновеніяхъ и въ адмиралтействъ-коллегіи, гдѣ въ числѣ разноплеменныхъ членовъ находились голландцы и англичане, питавшіе другъ къ другу постоянную антипатію. Такъ въ первое засѣданіе, въ которое явился вновь принятый на службу вице-адмиралъ Вильстеръ, когда предсѣдательствующій въ коллегіи, Крюйсъ, хотѣлъ его посадить выше другихъ, то прочіе члены на это не согласились и горячо заспорили. Сиверсъ же велѣлъ изорвать подписанный Крюйсомъ приговоръ, а Гордонъ согналъ Вильстера съ мѣста и хотѣлъ изъ подъ него вырвать стулъ. Если такимъ образомъ держали себя высшіе морскіе чины въ засѣданіяхъ такого высокаго учрежденія какъ адмиралтействъ-коллегія, то конечно обращеніе капитановъ и младшихъ офицеровъ было еще грубѣе. Какъ на одну особенно характерную въ этомъ отношеніи личность укажемъ на Наума Акимовича Синявина, который при своемъ крайне дерзкомъ характерѣ былъ

---

[1]) До какой степени все морское было близко русскому обществу петровскаго времени, любопытнымъ доказательствомъ можетъ служить навигація на англійскомъ языкѣ, принадлежавшая одному изъ князей Голицыныхъ; на заглавномъ листѣ ея, вѣроятно рукою владѣльца, сдѣлана надпись: *обчей* (общій) *молитвенникъ*. Экземпляръ этой книги находится въ библіотекѣ морскаго министерства.

однимъ изъ отличнѣйшихъ и достойнѣйшихъ русскихъ моряковъ своего времени. До чего могла доходить дерзость Сипявина въ частныхъ сношеніяхъ, показываетъ слѣдующій случай: въ бытность свою въ Копенгагенѣ (въ іюнѣ 1716 г.) онъ поссорился съ генералъ-адъютантомъ Девьеромъ, довѣреннымъ лицемъ государя и зятемъ (правда не любимымъ) князя Меншикова. Наумъ Акимовичъ, зазвавъ Девьера къ себѣ на корабль, такъ обругалъ его, что по словамъ поданной жалобы «никакой шельмы, которой достоинъ руганья, не можно такъ ругать». Но Синявинъ этимъ не удовольствовался и въ заключеніе побилъ противника, послѣ чего тотъ, притворно или дѣйствительно, но болѣе недѣли пролежалъ въ постели. Кстати замѣтимъ, что за подобныя «шалости» способныхъ на службѣ людей, самъ государь не очень строго взыскивалъ.

Однакоже распоряжавшійся такимъ образомъ внѣ службы, тотъ же Наумъ Акимовичъ, вотъ какъ понималъ и отстаивалъ высокое значеніе русскаго флага: когда Синявинъ, бывши со своимъ кораблемъ въ Текселѣ, пошелъ оттуда въ Англію, то агентъ нашъ Соловьевъ, замѣтилъ ему, что онъ напрасно не позволилъ голландцамъ осмотрѣть свой корабль, когда тѣ просили объ этомъ, потому что, за отказъ въ осмотрѣ, корабль едва не заарестовали. Синявинъ отвѣчалъ: «корабля своего осматривать не далъ, тò есть правда, того ради, что я еще хочу честь и животъ свои продолжать, а буде я бы оный далъ осматривать, то весьма честь и животъ вскорѣ минулся, и хотѣлъ бы сего я шхелеметева (шельмеца?) видѣть, который вамъ грозитъ арестованіемъ! Развѣ и весь голландскій флотъ на мя подвинется и тотъ добровольно осматривать не можетъ, развѣ силою. Правда, мы здѣсь сильны только одинмъ флагомъ и вымпелемъ, для чего не боимся и всего ихъ флота, а за оныя его такія непотребныя слова (объ арестѣ корабля) вашей милости бы надлежало донесть кому надлежитъ, понеже хотя бы на бударѣ (баркѣ) былъ поставленъ флагъ и вымпелъ Его царскаго Величества, то уже (корабль) сталъ военный, а не торговый, которому на морѣ всегда голландскій военный корабль муситъ (долженъ) салютовать и вымпелъ свой спустить, что мы столько разъ видѣли, и впредь будетъ!» Вотъ какъ разсуждали, а при случаѣ и дѣйствовали, буйные капитаны петровскаго времени.

Синявинъ въ этомъ отношеніи не былъ единственнымъ исклю-

ченіемъ, морскіе офицеры нетолько русскіе, но и иностранцы умѣли, когда было нужно, поддерживать честь русскаго флага. Въ битвѣ съ непріятелемъ, въ борьбѣ съ обстоятельствами и штормами, петровскіе офицеры, безъ различія національностей, дѣйствовали съ полнымъ самоотверженіемъ «какъ доброму и честному офицеру надлежитъ».

Нравственность нижнихъ чиновъ на нашемъ, также какъ и на всѣхъ иностранныхъ флотахъ того времени, стояла тоже на довольно низкомъ уровнѣ: пьянство, драки и воровство были явленіями обычными, и въ особенности давали себя чувствовать во время пребыванія нашихъ судовъ за границею. Вотъ какъ относился посолъ нашъ князь В. Л. Долгоруковъ графу Апраксину о поведеніи командъ фрегатовъ, бывшихъ въ 1711 году въ Копенгагенѣ: «что жъ В. П. изволите припоминать чтобъ мнѣ охранить, дабы не было какого отъ служителей на фрегатахъ здѣсь стыда, я во истинно то дѣлалъ сколько могъ и офицеры остерегали сколько возможно имъ было, только ничто не успѣваетъ; такіе люди на тѣхъ фрегатахъ, дѣлаютъ стыдъ такой, чего здѣсь не видано: непрестанно пьяны, валяются по улицамъ, дерутся, всѣ ходятъ чуть не наги; однимъ словомъ, могу В. П. вѣрно донести, не только подобны — самые они ярыжки кабацкіе собраны». Впрочемъ этотъ нелестный отзывъ относился преимущественно къ солдатамъ; «матросы добры, продолжаетъ Долгоруковъ, рѣдкій изъ нихъ такой какъ выше писано, и офицеры матросами довольны» [1]).

Несмотря на множество иностранцевъ, служившихъ во флотѣ, измѣны или шпіонства между ними были неизвѣстны, также какъ и уклоненія отъ служебныхъ порученій, каковы бы они ни были. За все петровское время, едва-ли не въ одномъ только случаѣ, иноземцы отказались отъ опаснаго предпріятія, именно (въ 1711 г.) когда назначенныя изъ нихъ лица не пошли на брандерахъ, по приказанію Меншикова, жечь шведскій флотъ, стоявшій у Выборгскаго залива (стр. 210), но и тогда, какъ они можетъ быть справедливо заявляли, причиною отказа было дѣйствительное неумѣнье ихъ управляться съ брандерами.

Вообще, нельзя не удивляться, что въ разнохарактерной и раз-

---

[1]) Гл. морск. арх. (Дѣл. гр. Апраксина № 15).

иноплеменной массѣ тогдашнихъ морскихъ офицеровъ могъ такъ скоро образоваться солидный военный складъ, и выработаться такія отличныя, храбрыя и преданныя дѣлу личности. Источникъ и жизненная сила подобнаго явленія, прежде всего, заключались въ непосредственномъ личномъ вліяніи самого Петра и, потомъ, въ той разнообразной, кипучей дѣятельности, какою занятъ былъ нашъ флотъ почти впродолженіе всего петровскаго царствованія.

ГЛАВА XIV.

УПРАВЛЕНІЕ ФЛОТОМЪ, АДМИРАЛТЕЙСТВАМИ И ПОРТАМИ И СРЕДСТВА ИХЪ СОДЕРЖАНІЯ.

Приказы: воинскаго морскаго флота, володимірскій судной и адмиралтейскій. — Адмиралтейская канцелярія. — Военная морскаго флота канцелярія. — Морской коммисаріатъ. — Московская адмиралтейская контора.—Конторы: адмиралтейская, оберъ-сарваерская и подрядная. — Адмиралтействъ-коллегія и подвѣдомственныя ей конторы. — Портовая администрація. — Штатныя положенія о содержаніи флота. — Состояніе судовъ и ихъ экипажей. — Источники содержанія флота.—Корабельные лѣса.—Желѣзо.—Смола и пенька.—Адмиралтейскіе заводы и фабрики.—Мѣстности приписанныя къ адмиралтейству. — Заготовка провизіи и продовольствіе служащихъ. — Обмундированіе морскихъ служителей. — Казенные товары. — Суммы употреблявшіяся на содержаніе флота. — Недостатокъ денегъ.

Приказы: воинскаго морскаго флота, володимірскій судной и адмиралтейскій.

Съ самаго учрежденія флота главное управленіе имъ возложено было на адмирала, высшее лицо морской служебной іерархіи, а для ближайшаго завѣдыванія адмиралтейскими дѣлами учреждено званіе адмиралтейца. Первымъ адмираломъ, какъ мы уже сказали, былъ Лефортъ (1696—1699г.), вторымъ — Головинъ (1699—1706г.), первымъ адмиралтейцомъ — Протасьевъ (1696—1700г.), вторымъ —Апраксинъ (1700—1707г.). Первымъ учрежденіемъ морскаго управленія былъ «приказъ воинскаго морскаго флота», учрежденный 11 декабря 1698 года въ Москвѣ, подъ управленіемъ бояриша (впослѣдствіи адмирала) Ѳ. А. Головина; онъ завѣдывалъ всѣми служившими на флотѣ иностранцами и монетнымъ дворомъ; адмиралтейское же управленіе находилось первоначально въ «володимірскомъ судномъ приказѣ» въ Москвѣ, подъ вѣдѣніемъ адмиралтейца, и въ «царскомъ шатрѣ на Воронежѣ». Въ февралѣ 1700 года, взамѣнъ упраздненнаго «володимірскаго суднаго приказа» учрежденъ

былъ въ Москвѣ же «приказъ адмиралтейскихъ дѣлъ», также подъ управленіемъ адмиралтейца, обязанный завѣдывать судостроеніемъ, снабженіемъ судовъ всѣмъ необходимымъ, сборомъ денегъ на корабельное строеніе, всѣми адмиралтейскими служителями и морскими чинами «изъ русскихъ».

Личная дѣятельность адмиралтейца сосредоточивалась преимущественно въ Воронежѣ, откуда Апраксинъ управлялъ и дѣлами адмиралтейскаго приказа. Такой порядокъ управленія былъ удовлетворителенъ, при существованіи одного азовскаго флота; но съ учрежденіемъ балтійскаго, морское управленіе неминуемо должно было расшириться. Судостроеніе на Сяси, начавшееся въ 1702 году подъ вѣдѣніемъ новгородскаго приказа, въ 1703 году передано въ адмиралтейскій [1]). Основанная въ этомъ же году Олонецкая верфь была подчинена ингерманландскому губернатору Меншикову и находилась въ его вѣдѣніи до 1707 года.

По окончаніи постройки первыхъ балтійскихъ судовъ, явилась потребность въ устройствѣ для новаго флота адмиралтейскаго управленія; памятникомъ заботливости царя объ этомъ предметѣ служитъ сохранившаяся въ кабинетныхъ дѣлахъ собственноручная неоконченная записка Петра, носящая заглавіе «Опредѣленіе о начинающемся флотѣ на Остъ-зее». «Понеже сей флотъ суть новый и адмиралтействомъ еще не исправленъ, пишетъ царь, того ради надлежитъ (для скорости времени) учинить хотя коммисара адмиралтейскаго», въ обязанность котораго должно было входить: установленіе флота въ удобномъ мѣстѣ на зимовку, сохраненіе всѣхъ «припасовъ», размѣщеніе по квартирамъ экипажей, содержаніе людей въ полномъ комплектѣ и забота объ ихъ продовольствіи. «На галерахъ также имѣетъ милостивое призрѣніе надъ невольниками быть (безъ чего уже не мало померло)». Весною флотъ вооружить и отпустить «въ указное мѣсто и, просто сказать, (какъ) отцу о дѣтяхъ такъ сему (коммисару) надлежитъ о всемъ радѣть, что къ оному надлежитъ» [2]). Тою же запискою, адмиралу поручался надзоръ надъ флотомъ «яко высшему правителю», онъ долженъ былъ и во время своего отсутствія письменно подтверждать объ исполненіи приказаннаго и требовать

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 2 и 10.

[2]) Каб. Дѣл. Отд. I. № 40.

Предложеніе о начинающемся флотѣ на Остъ-Зеі.

1.

Надлежитъ учинить полки морскихъ салдатъ (числомъ по флоту смотря) и разделить оныхъ по капитанамъ вѣчьно, хкоторымъ надлежитъ капъралофъ и сержантофъ взять изъ старыхъ салдатъ ради лутчего обучения строя і порятькофъ.

2.

Понеже сей флотъ суть новой и адмиралитействомъ еще не ізправъленъ того ради надлежитъ (для скорости времени) учинить хотя камисара адмиралитейскаго, которому подобаетъ смотреть послѣдующая: чтобъ при наступающей сей зимы поставить флотъ вудобномъ мѣсте на зимовье і все что на оныхъ обретается прибрать, такожъ долженствуетъ зимовыя квартиры роздать, долженствуетъ смотреть комплекту людемъ, какъ офицеромъ такъ матрозомъ і салдатамъ і о томъ доносить вышнимъ провителемъ, такожъ смотреть чтобъ довольно было всякихъ припасофъ на флотѣ і смотреть за афицерами чтобъ даромъ не брасал... или портили і всякое лѣто оныхъ считать. На галерахъ какожъ [1]) имѣетъ милостивое призрѣние надъ

---

[1]) Должно быть *такожъ*.

неволниками быть (безъ чего уже не мала померло), такожъ при приходящей веснѣ весь флотъ ізправить кходу и отпустить вуказное мѣсто і просто сказать то отцу о дѣтехъ, тако сему надлежитъ о въсемъ радеть что ко оному надлежитъ.

3.

Надлежитъ господину адмиралу надъ него смотрѣть яко вышнему правителю ібо іли честь іли безчестие симъ учинившееся никому надлежитъ, точию сему перс... Во въремя же отлучки частыми письмами камандую... подтвержать і на каждай мѣсецъ брать у нихъ юрналы, протифъ которыхъ явъно будетъ дѣло іхъ, такъ ли чинятъ какъ імъ указъ данъ іли нѣтъ.

Снимокъ съ записки, писанной рукою ПЕТРА Великаго.

[illegible]

2

[illegible]

[illegible]

[illegible]

3

[illegible]

журналы, по которымъ смотрѣть исполняется ли все такъ, какъ предписано...

Хотя на этомъ записка и останавливается, но ею въ главныхъ чертахъ ясно опредѣляется желаніе государя, при подчиненіи всего морскаго управленія одному главному начальнику, разграничить дѣятельность администраціи портовой и адмиралтейской отъ собственно морской. Такимъ образомъ, съ самаго основанія балтійскаго флота главнымъ его начальникомъ официально числился адмиралъ Ѳ. А. Головинъ, въ дѣйствительности же, по причинѣ множества другихъ занятій, поручаемыхъ Головину, во всѣ подробности морскаго управленія входилъ самъ государь и до адмирала доводились преимущественно только общія распоряженія. Главный надзоръ за строеніемъ судовъ для балтійскаго флота, порученъ былъ, какъ мы уже сказали, ингерманландскому губернатору князю Меншикову; ближайшее же завѣдываніе надъ Олонецкою верфью, а потомъ и надъ петербургскимъ адмиралтействомъ, имѣлъ олонецкій комендантъ Яковлевъ, умершій въ началѣ 1707 года. Надъ корабельнымъ флотомъ начальствовалъ вице-адмиралъ Крюйсъ, а надъ галерами шаутбенахтъ Боцисъ. Въ такомъ видѣ управленіе балтійскимъ флотомъ находилось до 1707 года.

Съ увеличеніемъ флота постепенно расширялось и бывшее въ вѣдѣніи Яковлева адмиралтейское управленіе. Въ февралѣ 1704 года отпускомъ припасовъ съ Олонецкой верфи завѣдывалъ флота капитанъ Валрондъ съ нѣсколькими подчиненными ему офицерами и нижними чинами. Весною 1705 года экипажмейстеромъ петербургскаго адмиралтейства назначенъ капитанъ Грей, а осенью того же года эту должность принялъ капитанъ Валрондъ; подъ командою котораго должны были состоять 4 поручика, 4 боцмана, 3 боцманмата, лекарь, толмачъ и 200 русскихъ матросовъ [1]); помощникомъ Валронда былъ Леонтій Могушевъ. Всѣ эти лица и строители петербургскаго «адмиралтейскаго двора», князь Мещерскій и подъячій Степановъ, составили первое (не носившее еще никакого официальнаго названія) адмиралтейское учрежденіе балтійскаго флота, подчиненное коменданту Яковлеву. Въ 1706 году, Крюйсъ обращаясь съ требованіемъ различныхъ заготов-

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. № 123. Отд. II. № 355. лит. Б, В, Г.

леній для флота, пишетъ: «Чиню вѣдомо г. коменданту Ивану Яковлевичу, капитану и экипажмейстеру Ивану Валронду, подъячему Степанову, князю Роману Мещерскому и прочимъ которымъ надлежитъ», и въ заключеніе прибавляетъ, что имъ посланы двѣ росписи: одна въ приказъ адмиралтейскихъ дѣлъ, а другая капитану Валронду [1]).

Въ эти первые годы существованія балтійскаго флота, при недостаткѣ средствъ и спѣшности работы, только энергія и единодушіе какъ главныхъ, такъ и второстепенныхъ дѣятелей могли подвигать дѣло созданія флота, къ которому все, начиная съ мѣстнаго населенія, относилось непріязненно. У большинства сотрудниковъ Петра не было недостатка въ энергіи, а примѣръ самаго царя и строгія мѣры противъ ослушниковъ его повелѣній поддерживали дѣятельность и въ личностяхъ не очень энергичныхъ по природѣ. Относительно же единодушія и согласія дѣятелей должно замѣтить, что для водворенія ихъ, иногда оказывалась недостаточною и твердая воля царя и опасеніе строгости взысканій. Разлады между главными дѣятелями начались при самомъ основаніи флота, и, по неимѣнію точнаго разграниченія правъ и обязанностей служащихъ, порождали между ними безчисленныя столкновенія и неудовольствія, много вредившія успѣшности дѣла. Не смотря на обычную справедливость царя, жалобы обиженныхъ и недовольныхъ мало помогали. Самъ Петръ не имѣлъ времени заниматься разборомъ подобныхъ мелочей, и потому люди вліятельные и сильные распоряжались какъ было выгоднѣе для нихъ самихъ. Однимъ изъ такихъ лицъ былъ комендантъ Олонецкой верфи Яковлевъ. Любимецъ и клевретъ Меншикова, онъ усердно оберегалъ интересы своего патрона и, по отзывамъ Крюйса, радѣлъ о нихъ болѣе, чѣмъ о пользѣ казны. Вначалѣ, пока дѣло заключалось только въ подготовительныхъ распоряженіяхъ къ судостроенію, Яковлевъ былъ полезнымъ дѣятелемъ, и флотъ много обязанъ ему за успѣхъ первоначальныхъ работъ. Заготовка лѣсовъ, сборъ и распредѣленіе людей и подводъ, перевозка матеріаловъ, надзоръ за множествомъ собраннаго изъ разныхъ мѣстъ народа, въ числѣ котораго было большое количество иностранцевъ, часто между собою неладившихъ—все это требовало отъ руководителя работъ не мало труда и умѣнья. Но когда суда были

---

[1]) Гл. морск. арх. (Дѣл. Крюйса, 1705—6 г. № 4).

построены и наступило время употребить ихъ въ дѣло, то принимавшіе ихъ моряки, привыкшіе къ порядку на иностранныхъ флотахъ, не могли помириться съ недостатками по снабженію судовъ и съ разными адмиралтейскими неурядицами. На требованія моряковъ Яковлевъ отвѣчалъ отказами, отчасти по дѣйствительному неимѣнію средствъ для выполненія требованій, а отчасти по непониманію потребностей и условій морскаго дѣла. Отсюда являлись неудовольствія и взаимныя жалобы. Такъ шаутбенахтъ Резъ въ письмѣ къ Головину, въ маѣ 1704 года, пишетъ: «моей команды ничего нѣтъ, все комендантъ управляетъ и сказываетъ (что) такой указъ есть. Тако прошу вскорѣ, чтобъ такой указъ ко мнѣ присланъ былъ, чтобъ мнѣ самому по своему чину мочно учредить; стану самъ всей должностью послѣдовать». Боцисъ также просилъ Головина о присылкѣ ему указовъ о галерномъ флотѣ, замѣчая о комендантѣ, что онъ «есть какъ видится не искусенъ въ такихъ дѣлахъ», а въ другомъ письмѣ, отъ 22 іюля, просилъ Головина о дозволеніи выѣхать съ Олонецкой верфи и «отлучиться отъ сего коменданта» [1]).

Съ прибытіемъ въ Петербургъ Крюйса, между нимъ и Яковлевымъ возникла ссора, продолжавшаяся до самой кончины Яковлева. Въ письмахъ своихъ къ Головину, Меншикову и государю, Крюйсъ жалуется на нерадѣніе Яковлева относительно снаряженія флота, представляетъ состояніе адмиралтейства въ самомъ печальномъ видѣ, говоритъ о встрѣчаемомъ имъ постоянномъ противодѣйствіи отъ всѣхъ подчиненныхъ Яковлева, служащихъ при адмиралтействѣ, и нежеланіи ихъ исполнять справедливыя его требованія. Въ письмахъ же къ самому Яковлеву, вице-адмиралъ старается убѣдить его, что подобные поступки прямо вредятъ успѣху общаго дѣла.

Адмиралтейская канцелярія.

Со смертью адмирала Головина произошли значительныя перемѣны въ управленіи флотомъ и адмиралтействомъ: Апраксинъ назначенъ адмираломъ и президентомъ адмиралтействъ; званіе адмиралтейца упразднено и воинскій морской приказъ присоединенъ къ адмиралтейскому. Мы видѣли, что съ новымъ назначеніемъ, Апраксинъ, какъ адмиралъ, принялъ начальство надъ флотомъ не номи-

---

[1]) Моск. арх. Мин. Ин. Дѣлъ (Выѣзды иностр. въ Россію, 1703 г. № 19, св. 19 и 29).

нальное, а дѣйствительное; по званію же президента адмиралтействъ къ нему перешло высшее управленіе верфями и адмиралтействомъ балтійскаго флота, бывшее въ вѣдѣніи князя Меншикова. Слѣдствіемъ этого было учрежденіе въ Петербургѣ «адмиралтейской канцеляріи». По смерти Яковлева въ ближайшее завѣдываніе адмиралтейскими и экипажескими дѣлами въ Петербургѣ вступилъ А. В. Кикинъ съ званіемъ адмиралтейскаго совѣтника [1]). Подъ вѣдѣніе Кикина поступили верфи Петербургская и Олонецкая, всѣ мастера, мастеровые и рабочіе люди, экипажмейстеръ съ его помощниками и адмиралтейская канцелярія.

Морская администрація того времени представляла важное неудобство, въ томъ отношеніи, что распорядительная часть управленія флотомъ находилась въ личномъ завѣдываніи адмирала, мѣстомъ пребыванія котораго съ 1707 г. былъ преимущественно Петербургъ [2]), а центральное морское управленіе—приказъ адмиралтейскихъ дѣлъ— продолжалъ свое существованіе въ Москвѣ. Въ вѣдѣніи его находились всѣ служившіе на флотѣ и вся хозяйственная часть, а именно доходы адмиралтейства, всѣ адмиралтейскія заведенія, какъ то: фабрики, заводы, школы и также хозяйственныя заготовки. Дѣлами приказа заправлялъ, бывшій товарищъ Апраксина, Племянниковъ. Такой порядокъ дѣлъ продолжался до 1712 года.

Подъ главнымъ начальствомъ Апраксина дѣла по управленію флотомъ и адмиралтействомъ пошли гораздо успѣшнѣе. Личное присутствіе адмирала и его вліяніе устранили несогласіе и ссоры, вредившія дѣлу; недоразумѣнія рѣшались немедленно, а положеніе и связи Апраксина давали вѣсъ и силу его представленіямъ и ходатайствамъ на пользу флота. «Намъ пріѣздъ В. П. столько бодрость учинитъ», писалъ Крюйсъ адмиралу, «будто 7-ю галерами и 7-ю кораблями сильнѣе явились». А въ письмѣ къ государю онъ характеризуетъ дѣятельность Апраксина слѣдующимъ образомъ: «морское дѣло здѣсь въ два года такъ унизилось, что чуть въ конецъ не разорилось, токмо Е. П. великій адмиралъ зѣло дивно поступаетъ и своимъ премудрымъ ра-

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 180, 283 и 416, и отд. II. № 60.

[2]) Только въ 1710 и 11 годахъ Апраксинъ долгое время находился въ Азовѣ; но тогда въ Петербургѣ оставался Меншиковъ, управлявшій въ отсутствіе адмирала балтійскимъ флотомъ и петербургскимъ адмиралтействомъ.

зумомъ то упалое дѣло вѣдалъ на лучшее учинить, такимъ образомъ, что дивно есть и невозможно никому повѣрить» [1]).

Назначеніе Кикина, вмѣсто Яковлева, главнымъ распорядителемъ по управленію адмиралтействомъ, также имѣло хорошую сторону. Кикинъ, умный, ловкій и дѣятельный, былъ человѣкъ приближенный и любимый государемъ. Находясь въ числѣ волонтеровъ, учившихся съ Петромъ въ Голландіи, онъ, по возвращеніи въ Россію, получилъ званіе мачтоваго мастера и, работая на верфяхъ воронежской и Олонецкой, могъ хорошо ознакомиться съ адмиралтейскимъ дѣломъ. По этому, сдѣлавшись начальствующимъ лицомъ, Кикинъ принялся за работу такъ толково и энергично, что даже Крюйсъ, рѣдко чѣмъ-нибудь довольный, отзывался объ его дѣйствіяхъ съ необыкновенною похвалою. «Кикинъ дѣла при адмиралтействѣ и экипажіи съ такимъ радѣтельствомъ и добрымъ умысломъ правитъ, что истинно я могу о томъ радоваться», писалъ Крюйсъ Апраксину въ февралѣ 1708 года, и зимою того же года отзывается такъ: «Кикинъ починку у флота такимъ радѣтельствомъ принуждаетъ, что, чаю, съ Божіею помощію ко времени готово будетъ». Но въ отсутствіе изъ Петербурга Апраксина и Крюйса, въ 1711 году, когда флотомъ и адмиралтействомъ управлялъ князь Меншиковъ, дѣла морскаго управленія пошли гораздо хуже. Не нравилась очень суровому служакѣ Крюйсу податливость Меншикова и его любимца Кикина, употреблять адмиралтейскія средства на устройство разныхъ потѣхъ, отнимавшихъ матеріалы и рабочихъ отъ настоящаго дѣла, которое безсовѣстно запускалось. «Оные господа, пишетъ Крюйсъ, какія иншія дѣла промежъ себя въ главѣ имѣютъ, понеже корабельныя дѣла во время ихъ бытности зѣло въ недостаткахъ стали быть, и ежели бы еще годъ продлилось, то бъ у насъ къ службѣ ничего не было, но только гульбища и для гулянья строенія и для прокладу (прогулки) суда» [2]).

Военная морскаго флота канцелярія.

Но если съ возвращеніемъ Апраксина въ Петербургъ положеніе дѣлъ улучшилось, то въ Москвѣ, въ адмиралтейскомъ приказѣ, продолжались прежніе непорядки. Тамъ все дѣлалось по старинѣ, больше на словахъ, не оставляя слѣдовъ на бумагѣ. По неимѣнію приходо-расходныхъ книгъ нельзя было сообразиться съ движеніемъ

[1]) Гл. морск. арх. (Дѣла Крюйса, № 12).

[2]) Матеріалы. Отд. I. №№ 207, 250, 416.

суммъ и опредѣлить, что́ изъ положеннаго прихода собрано и изъ какого источника, и что́ осталось въ недоимкѣ. Даже не знали наличнаго количества матеріаловъ. Для сосредоточенія высшей морской администраціи въ Петербургѣ, здѣсь въ 1712 году учреждена была «военная морскаго флота канцелярія», на обязанность которой возложено, бывшее до того въ вѣдѣніи приказа, завѣдываніе морскими и сухопутными чинами флота, ихъ довольствіе, обмундированіе и производство «суда и расправы». Въ ея же вѣдѣніе отдана аптека и вычеты денегъ на госпиталь. Управленіе канцеляріею ввѣрено «оберъ-коммисару» Тормасову, а для производства дѣлъ назначены три подъячіе.

Морской коммисаріатъ.

Въ началѣ 1715 года учреждено на флотѣ званіе оберъ-штеръ-кригсъ-коммисара, въ вѣдѣніе котораго поступила военная морскаго флота канцелярія, всѣ доходы адмиралтейства, отпускъ денегъ на верфь, счетъ ихъ и матеріалы приготовлявшіеся работниками [1]). Управленіе оберъ-штеръ-кригсъ-коммисара, или морской коммисаріатъ, состояло изъ трехъ оберъ-коммисаровъ, съ опредѣленнымъ числомъ коммисаровъ, провіантмейстеровъ, подъячихъ и школьниковъ [2]). Одинъ изъ оберъ-коммисаровъ, во время кампаніи, долженъ былъ находиться на флотѣ, завѣдуя всѣмъ довольствіемъ судовыхъ командъ и имѣя подъ своею командою всѣхъ коммисаровъ флота. Сначала всѣ три оберъ-коммисара исправляли свои дѣла въ одной канцеляріи оберъ-штеръ-кригсъ-коммисара, но въ 1716 году управленія каждаго изъ нихъ образовали особыя канцеляріи: военную, провіантскую и адмиралтейскую. Въ августѣ 1715 года для «лучшихъ порядковъ во флотѣ, во исполненіи артикуловъ и экзерцицій» назначенъ былъ оберъ-фискалъ Небель, обязанности котораго состояли въ надзорѣ за строгимъ соблюденіемъ законнаго порядка, какъ на берегу такъ и въ плаваніи, всѣми лицами и по всѣмъ частямъ. О замѣченныхъ злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ онъ обязанъ былъ доносить, во время кампаніи — флагману, а въ гаваняхъ — «главному управителю адмиралтействъ» [3]). Въ 1716 году для завѣдыванія обмундированіемъ мор-

[1]) Матеріалы. Отд. II. № 355, лит. Д, И, Л, М и П.

[2]) Тамъ же, лит. И.

[3]) Матеріалы. Т. III. стр. 365.

скихъ служителей учреждена особая контора — мундирная, подъ вѣдѣніемъ цалмейстера, управлявшаго счетною частью.

Московская адмиралтейская контора.

Адмиралтейскимъ приказомъ съ 1712 года управлялъ довѣренный и дѣловой человѣкъ — дьякъ Бѣляевъ, съ званіемъ адмиралтейскаго коммисара. Съ изъятіемъ изъ вѣдѣнія приказа морскихъ служителей и доходовъ адмиралтейства, кругъ его дѣятельности значительно уменьшился и названіе адмиралтейскаго приказа замѣнилось названіемъ «московской адмиралтейской конторы». Эта контора въ 1718 году окончательно утратила свою самостоятельность, когда указомъ государя предписано ей «покупокъ припасовъ и отправленія ихъ и найму подводъ безъ указу изъ С.-Петербурга не отправлять»; въ ея вѣдѣніи оставлены, до указа: математическая школа, хамовный дворъ, сборъ для флота денегъ съ денежныхъ дворовъ и изъ приказовъ, и собраніе съ Московской губерніи «корабельной запущенной доимки», накопившейся за прежніе годы.

Конторы: адмиралтейская, оберъ-сарваерская и подрядная.

Одновременно съ учрежденіемъ морскаго коммисаріата, управленіе верфями и адмиралтействомъ поручено возвращенному изъ ссылки вице-адмиралу Крюйсу. Бывшій адмиралтейскій совѣтникъ Кикинъ въ 1714 году былъ арестованъ по обвиненію въ злоупотребленіяхъ, а открывшееся затѣмъ участіе его въ дѣлѣ царевича Алексѣя Петровича привело Кикина къ обвиненію «въ измѣнѣ и въ воровствѣ», за что онъ и кончилъ жизнь на эшафотѣ. Въ вѣдѣніе Крюйса поступили: верфи и ихъ артиллерія, мастера и мастеровые люди, ластовыя суда, оберъ-экипажмейстеръ съ экипажмейстерами и матеріалы, которые пріобрѣтались покупкою и подрядами [1]). По прибытіи флота въ гавань подъ надзоромъ Крюйса происходило разруженіе и разгрузка судовъ; онъ же впродолженіе зимы наблюдалъ за сохраненіемъ всѣхъ корабельныхъ вещей, за починкою судовъ и приведеніемъ всего въ должный порядокъ, а весною вооружалъ и снаряжалъ суда къ выходу въ море.

Административному учрежденію завѣдывавшему частями управленія, находившимися подъ начальствомъ Крюйса, присвоено названіе «адмиралтейской конторы», въ составъ которой входили канцеляріи: адмиралтейская, экипажеская и модель-камера, преобразо-

[1]) Матеріалы. Отд. II. № 355. лит. Ц.

ванная въ 1717 году въ «оберъ-сарваерскую контору», подъ управленіемъ оберъ-сарваера Головина.

Въ 1717 году всѣ подряды и покупки для адмиралтейства, бывшія въ вѣдѣніи Крюйса, поручены особому оберъ-коммисару Норову, управленіе котораго образовало «адмиралтейскую подрядную контору», и въ вѣдѣніе ея поступили оберъ-провіантмейстеръ со своею канцеляріею, цалмейстеръ со всѣми канцеляристами и служителями и военные коммисары [1]). Такой порядокъ управленія продолжался до учрежденія въ 1718 году адмиралтействъ-коллегіи.

Управленіе морскимъ коммисаріатомъ поручено было генер.-маіору Григорію Петровичу Чернышеву, составившему себѣ извѣстность военною службою. Раненый въ 1714 году при Пелкинѣ, Чернышевъ, бывшій не въ состояніи оставаться во фронтѣ, въ 1715 году «опредѣленъ къ адмиралтейству», и занялъ новоучрежденную должность оберъ-штеръ-кригсъ-коммисара. Кругъ дѣятельности этого новаго морскаго учрежденія былъ довольно ясно обозначенъ инструкціею графа Апраксина и дополнительными объясненіями государя; составъ управленія и обязанности лицъ подчиненныхъ оберъ-штеръ-кригсъ-коммисару также были опредѣлены (стр. 445) съ достаточною точностію [2]). Крюйсу же не было дано никакой инструкціи, несмотря на его неоднократныя просьбы объ этомъ. «Генералъ-адмиралъ благоволилъ сказать, писалъ Крюйсъ къ государю, что мнѣ никакой инструкціи не надо; вице-адмиралъ знаетъ и безъ инструкціи что̀ потребно къ тому и что̀ надлежитъ дѣлать» [3]). Хотя, съ одной стороны, такое довѣріе къ знаніямъ вице-адмирала должно было льстить его самолюбію, но, съ другой, неимѣніе инструкціи, въ случаѣ какой-нибудь неудачи, могло опять навлечь на него немилость и подвергнуть отвѣтственности. Кромѣ того, инструкція была необходима для опредѣленія отношеній адмиралтейской конторы къ коммисаріату, и неимѣніе ея значительно парализировало дѣятельность Крюйса. Прежде, съ самаго начала балтійскаго флота, не по обязанности, но ради пользы флота,

---

[1]) Гл. морск. арх. (Дѣл. гр. Апраксина, № 145).

[2]) Матеріалы. Отд. II № 355. Лит. М и Н.

[3]) Каб. Дѣл. Отд. II, № 27.

Крюйсъ неофиціально принималъ живое участіе въ дѣлахъ адмиралтейства. Такъ въ управленіе Яковлева и Кикина, онъ руководилъ того и другаго своими совѣтами, но первый не считалъ нужнымъ ими пользоваться, и на дѣльныя, справедливыя требованія и замѣчанія вице-адмирала отвѣчалъ оскорбительными и грубыми выходками; Кикинъ же въ началѣ своей адмиралтейской дѣятельности не уклонялся отъ совѣтовъ Крюйса, но потомъ, подчинясь вліянію князя Меншикова, присоединился къ партіи враждебной вице-адмиралу. Такимъ образомъ, добровольное и весьма полезное участіе въ дѣлахъ адмиралтейства не приносило Крюйсу ничего, кромѣ огорченій. Казалось бы, что теперь назначенный офиціально въ должность, къ которой онъ былъ такъ сроденъ и которую въ совершенствѣ изучилъ на практикѣ, управляя адмиралтействомъ въ Амстердамѣ, Крюйсъ попалъ вполнѣ въ свою сферу, но на дѣлѣ вышло не такъ,—вице-адмиралъ былъ уже не тотъ что прежде, да и обстановка была для него неблагопріятная. Года и заботы надломили крѣпкую натуру Крюйса и значительно ослабили его энергію, а походъ 1713 года съ его послѣдствіями нанесъ чувствительный ударъ самолюбію честнаго дѣятеля и сильно поколебалъ его авторитетъ. Къ довершенію всего, въ помощь къ старому и хилому вице-адмиралу назначенъ былъ оберъ-экипажмейстеромъ больной и плаксивый князь Львовъ, бывшій надзирателемъ русскихъ навигаторовъ за-границей. «Истинно, въ недѣли дня не могу пріобрѣсти, чтобъ хотя мало здоровъ былъ», писалъ Львовъ къ Апраксину. Раздѣленіе адмиралтейскаго управленія на двѣ части, одна отъ другой независимыя, ставило рядомъ съ Крюйсомъ другаго дѣятеля—Чернышева, хотя не моряка, но человѣка пользовавшагося расположеніемъ и довѣріемъ государя и Меншикова, а слѣдовательно и Апраксина. При такихъ условіяхъ бороться съ нимъ Крюйсу было уже не подъ силу, какъ это и показала кампанія 1715 года. «Когда царскаго величества флотъ отъ Кроншлота отправился», доносилъ Крюйсъ государю, «г. генералъ Чернышевъ всю адмиралтейскую дирекцію сталъ вѣдать, а г. бригадиръ и комендантъ Порошинъ на Котлиномъ островѣ, что мнѣ нижайшему дѣла никакого не было, кромѣ ревельскаго отпуску». Описавъ безпорядки, происходившіе отъ незнанія адмиралтейскаго дѣла «коммисаріатскими управите-

лями», вице-адмиралъ прибавляетъ: «и противъ того мнѣ спорить не можно, во всемъ уступилъ».

По приходѣ флота съ моря Крюйсъ началъ разружать его, но и здѣсь встрѣтилъ «противность» отъ капитанъ-командора Сиверса, который запретилъ своимъ офицерамъ исполнять приказанія вице-адмирала. Принося государю жалобу на самоуправство Чернышева и Сиверса, Крюйсъ просилъ опредѣлить: быть ли ему подъ командою и вѣдѣніемъ офицеровъ, которые ниже его рангомъ и какъ ему содержать и вести себя въ командѣ, и чтобы ему при старости «афронту и досады отъ такихъ не чинилось, которые прямаго дѣла въ отправительствѣ экипажескихъ дѣлъ не знаютъ и которые насильствомъ своимъ и надѣяся на силу свою, упрямствомъ и мнѣніемъ своимъ управлять хотятъ» [1]).

Несмотря на видимую основательность жалобы Крюйса положеніе дѣлъ не измѣнилось, и безпорядки еще увеличились; а между тѣмъ въ слѣдующемъ (1716) году раннее вооруженіе всего флота и отправка его въ Копенгагенъ потребовали особенной дѣятельности адмиралтейства. Напрасно Крюйсъ старался установить доброе согласіе съ Чернышевымъ и предлагалъ ему вести дѣла съ общаго совѣта, назначивъ особые дни для съѣзда въ адмиралтейство [2]). Чернышевъ продолжалъ по прошлогоднему распоряжаться, не совѣщаясь съ вице-адмираломъ и не обращая вниманія на его представленія и требованія. Часто распоряженія и приказанія Чернышева, повидимому, умышленно были направлены къ тому, чтобы мѣшать Крюйсу въ исполненіи его обязанностей. «Г. генералъ ищетъ совершенно, по возможности своей, работу, которая мнѣ приказана, остановить и всякое помѣшательство чинить и ищетъ меня въ конецъ разорить», доносилъ Крюйсъ Апраксину. Въ это время Чернышевъ тѣмъ болѣе могъ давать просторъ своеволію, что государь и Апраксинъ были весь годъ въ отсутствіи и главный надзоръ надъ адмиралтействомъ находился въ вѣдѣніи князя Меншикова, издавна не благоволившаго къ Крюйсу.

Крайне затрудняясь неимѣніемъ инструкціи, Крюйсъ писалъ

---

[1]) Каб. Дѣл. Отд. II, № 27.

[2]) Матеріалы. Отд. II. № 355. лит. Р.

[3]) Гл. морск. арх. (Дѣл. гр. Апраксина № 114).

Апраксину: «многократно просилъ я объ инструкціи, дабы могъ вѣдать какъ себя содержать, но все всуе. Какое нынѣ оправданіе могу царскому величеству принесть, ибо ни въ чемъ власти, ни команды, ниже прямаго опредѣленія не имѣю. . . . Извѣстно вамъ что не дерзаю ни единаго работнаго человѣка, ни лошади куда опредѣлить». Такіе распорядки не замедлили оказать вредное дѣйствіе: заготовленные для отправленія на флотъ припасы не на чемъ было перевозить и нагруженные возы по двѣ недѣли стояли на улицѣ, за неимѣніемъ лошадей, которыхъ пришлось потомъ силою «съ улицы хватать». Остановка въ отправкѣ припасовъ жестоко прогнѣвила государя и вся вина въ безпорядкахъ обрушилась на Крюйса. Царь строго писалъ ему: «Съ великимъ неудовольствомъ слышу, что ревельская эскадра такъ у васъ не управлена и осеннее удобное время пропущено; ежели впредь такъ поступать станете, можете животъ свой потерять» [1]).

Получивъ «съ великимъ страхомъ» грозное письмо Петра, Крюйсъ спѣшилъ оправдаться, выставлялъ свою невинность и просилъ не слушать злыхъ жалобъ ненавидящихъ его. Писалъ, что немилость государя такъ сокрушаетъ нетолько его самого, но даже и его семью, «что чаемъ оные достанутъ апоплексію». Хотя дѣло это уладилось благополучно и присланное вскорѣ ласковое письмо, отходчиваго въ гнѣвѣ, царя успокоило Крюйса, но противодѣйствія Меншикова и Чернышева продолжались и послѣ этого случая. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1716 года вице-адмиралъ такъ описываетъ государю свое положеніе: «самыя нужныя дѣла и другія работы понынѣ не въ моей волѣ и все что надобно требую отъ его сіятельства князя Меншикова, да отъ генерала Чернышева и въ небытность его отъ оберъ-коммисара Тормасова, а вящее и лучшее время проходитъ подаваніемъ меморіаловъ да писемъ; и нынѣ я книгу нарочитую такихъ писемъ имѣю, и на оныя письма на всѣ мнѣ не отвѣтствовано... Аще бы я волю и команду имѣлъ, какъ въ прошломъ 1711 году, или прежнюю, когда управлялъ за экипажмейстера въ Голландіи, то могъ бы В. Ц. В. въ дѣлахъ болѣе обнадежить. Вѣрно доношу В. Ц. В. нѣтъ мнѣ труднѣе и безсчастнѣе, когда В. Ц. В. и адмиралъ отсель во отдаленіи долгое время, ибо раздѣленная

---

[1]) Ковч. адмиралт. совѣта.

команда зѣло не прибыльна, хотя бъ какъ я трудился во отправленіи дѣлъ В. В., понеже команда моя нынѣ мало дѣйствуетъ» [1]).

Указывая Меншикову на безпорядочныя дѣйствія коммисаріатскихъ чиновниковъ, Крюйсъ говоритъ: «Ваша княжая свѣтлость имѣетъ главную команду и силу надъ тѣми господами и можетъ приказать указомъ опредѣлить о томъ имъ, для того что они меня слушаютъ когда имъ понравится; однакожъ Е. Ц. В. тягость въ томъ вящую несетъ, а все сіе подъ вѣдѣніемъ В. С. и вашему указу слѣдствуютъ».

Въ августѣ 1716 года Крюйсъ обращался къ государю съ просьбою о томъ, чтобы «генералъ Чернышевъ въ небытность государя никакого премѣненія между адмиралтейскими офицеры не чинилъ»; а въ письмѣ, о томъ же, къ Макарову, прибавляетъ: что капитанъ-поручика Клавера, исправлявшаго должность экипажмейстера, Чернышевъ «хотѣлъ брать за арестъ и грозилъ его бить кнутомъ, что есть честному офицеру и слушать не полезно, и такихъ разныхъ случаевъ многажды отъ него чинилось».

Впрочемъ жалобы на «противности», происходившія между лицами управлявшими адмиралтействомъ, шли не отъ одного только Крюйса. Чернышевъ въ отвѣтъ на замѣчаніе Апраксина о поступкахъ его съ вице-адмираломъ писалъ, что онъ не признаетъ за собой «ниже одной противности, а отъ него (Крюйса) сношу и до времени терпѣть буду сколько возможно; однакожъ не одному мнѣ противности, надѣюсь В. С. будешь извѣстенъ отъ свѣтлѣйшаго князя». Чернышевъ жаловался на то, что Крюйсъ отнялъ у коммисара пункты, данные ему отъ коммисаріата, и далъ свои, «въ чемъ есть не малое поврежденіе коммисарскимъ регуламъ» [2]).

Апраксина, по возвращеніи въ Петербургъ осенью 1716 года, осадили жалобами: Крюйсъ, ссылаясь на свою старость и болѣзненное состояніе, рѣшительно отказывался отъ управленія адмиралтейскою конторою и просился въ отставку. Донося государю о состояніи въ какомъ онъ нашелъ адмиралтейство, Апраксинъ писалъ: «истинно доношу, адмиралтейскія дѣла въ лучшее не приходятъ; вышепомянутый господинъ (Крюйсъ) за старостію смотрѣть,

---

[1]) Гл. морск. арх. (Дѣл. гр. Апраксина № 114).

[2]) Матеріалы. Отд. I, №№ 1223, 1386, 1403, 1427, 1429 и 1431.

кромѣ пера, не можетъ, помощникъ его того слабѣе; съ г. генералъ-маіоромъ и оберъ-штеръ-кригсъ-коммисаромъ въ непрестанной противности, а я всегда живу въ отлучкѣ и боюсь того, чтобъ мнѣ съ ними же не остаться (виноватымъ) и, какъ я увѣдомленъ отъ другихъ, ежелибъ не было здѣсь свѣтлѣйшаго князя Меншикова, то въ дѣлахъ могли быть великія помѣшательства. Однакожъ сколько возможно буду стараться чтобъ привесть ихъ въ согласіе» [1]). На это письмо государь отвѣчалъ: «что принадлежитъ о ссорахъ между вице-адмираломъ и Чернышевымъ, и въ томъ извольте ихъ развесть, а именно какъ постановлено, что которые люди во флотѣ служатъ, тѣ у Чернышева, а которые на верфи и на ластовыхъ судахъ, кои къ оной верфи, тѣ у вице-адмирала. Чтоже проситъ абшитъ, и то не часъ, а наипаче до нашего прибытія». На просьбу Апраксина нанять за-границею оберъ-экипажмейстера, государь отвѣчалъ: «и то зѣло трудно, ибо добрые у мѣстъ и не ѣдутъ, а худаго не надобно; также и рангъ не малый; я ищу чтобъ унтеръ-экипажмейстера нанять и одного добраго пріискалъ, который шесть товарищей беретъ» [2]).

Но старанія Апраксина «привесть въ согласіе» Крюйса съ Чернышевымъ и «развесть ихъ въ ссорѣ» были напрасны. 1717 годъ прошелъ въ такихъ же «несогласіяхъ» какъ и предыдущій [3]) и, наконецъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, государь, возвратясь въ Петербургъ, собственноручнымъ указомъ распредѣлилъ обязанности между Крюйсомъ и Чернышевымъ [4]). Въ тоже время Петръ дѣятельно приступилъ къ преобразованію всего морскаго управленія, съ цѣлью дать постоянныя и точныя узаконенія для каждаго отдѣльнаго учрежденія и для каждой должности. Мысль о такомъ преобразованіи занимала государя давно, но за недосугами и военными тревогами исполненіе откладывалось до болѣе удобнаго времени, а покуда собирались свѣдѣнія о порядкахъ морскаго управленія въ иностранныхъ флотахъ. Для этой цѣли, въ январѣ мѣсяцѣ 1715 года, посланъ былъ во Францію капитанъ-поручикъ Зотовъ, главнѣйшее порученіе котораго состояло въ посѣщеніи морскихъ

---

[1]) Каб. Дѣл. Отд. II, № 26.

[2]) Моск. арх. Мин. Ин. Дѣлъ (Копіи съ писемъ государя къ Апраксину).

[3]) Матеріалы. Отд. II, №№ 195, 196, 204.

[4]) Матеріалы. Отд. II, № 355. л. Ф.

портовъ Франціи, осмотрѣ всѣхъ морскихъ учрежденій, собраніи книгъ, въ которыхъ описывается управленіе адмиралтействомъ и флотомъ и переводѣ ихъ на русскій языкъ, а «чего нѣтъ въ книгахъ, но чинятъ отъ обычая, то помнить». Два года, проведенные Зотовымъ за-границею, не пропали даромъ: онъ возвратился съ большимъ запасомъ свѣдѣній и матеріаловъ. Къ тому же времени посломъ нашимъ въ Даніи, княземъ Долгоруковымъ, доставлены были датскія морскія постановленія и также пріобрѣтены морскіе уставы: англійскій, голландскій и шведскій. Сводъ изъ собранныхъ матеріаловъ поручено было сдѣлать тому же Зотову [1]). Во время этихъ подготовительныхъ работъ для составленія нашего морскаго устава и регламента, государь началъ на практикѣ преобразованіе морской администраціи. Извѣдавъ на дѣлѣ неудобства единоличнаго управленія, дававшаго большой просторъ произволу, а иногда, при слабохарактерности главнаго начальника, приводившаго къ нерѣшительнымъ дѣйствіямъ, Петръ рѣшился, по примѣру другихъ государствъ, ввести коллегіальный порядокъ управленія. Указомъ 17-го декабря 1717 года повелѣно: съ наступающаго новаго года всѣмъ «президентамъ», т. е. главнымъ начальникамъ отдѣльныхъ вѣдомствъ «сочинять свои коллегіи» и вѣдомости брать отовсюду, а тѣмъ изъ нихъ, которые не были сенаторами, съ 1718 года велѣно засѣдать въ сенатѣ. 15-го декабря, того же (1717) года, адмиралтейской коллегіи президентомъ назначенъ адмиралъ графъ Апраксинъ, а вице-президентомъ вице-адмиралъ Крюйсъ. Коллегіи въ 1719 году велѣно было управлять еще старымъ порядкомъ, а съ 1720 года новымъ «шведскимъ манеромъ». Но и при старомъ порядкѣ государь слѣдилъ зорко за дѣйствіями коллегіи, такъ напр. въ 1718 году, услышавъ, что члены съѣзжаются лѣниво, приказалъ собираться непремѣнно по два раза въ недѣлю и заниматься исключительно дѣлами; при сужденіяхъ не прерывать говорящаго, а давать каждому члену высказать свои мнѣнія, «какъ честнымъ людямъ надлежитъ, а не какъ бабамъ торговкамъ» [2]).

Адмиралтействъ-коллегія и подвѣдомственныя ей конторы.

Въ слѣдующемъ году подтверждалось всѣмъ коллегіямъ о рѣшеніи дѣлъ, не по мнѣнію одного президента, а съ общаго согласія чле-

---

[1]) Матеріалы. Отд. X, стр. 351.

[2]) Пол. собр. зак., №№ 3231 и 3368.

новъ, «такъ какъ коллегіи устроены для совѣщаній». Но адмиралтействъ-коллегія, даже въ маѣ 1719 года, еще вовсе не была образована, и на вопросъ сената о спискѣ членовъ, наивно отвѣчала: что коллегія «не только не сочинена, но и не начата», потому что не имѣетъ отъ сената распоряженія ни о числѣ членовъ, ни объ ихъ обязанностяхъ, а что дѣла до полученія указа «управляются по прежнему». Этотъ «прежній», также коллегіальный, порядокъ введенъ былъ государемъ еще въ октябрѣ 1717 года въ военной адмиралтейской канцеляріи, въ которой засѣдалъ нерѣдко онъ самъ, Апраксинъ, Меншиковъ, баронъ Шафировъ, Крюйсъ и Чернышевъ; изъ нихъ послѣднія два лица присутствовали постоянно. Засѣданія эти назывались «консиліями», и имъ велись протоколы [1]).

Съ 1718 года составъ адмиралтействъ-коллегіи былъ слѣдующій: Апраксинъ, Крюйсъ, Чернышевъ и Норовъ; въ мартѣ 1719 года для производства дѣлъ былъ назначенъ оберъ-секретаремъ подполковникъ Тормасовъ; съ 1720 года велѣно присутствовать въ коллегіи еще по одному шаутбенахту и по одному капитанъ-командору. 31 января 1721 назначены присутствовать въ коллегіи «до сочиненія регламента» шаутбенахты Сиверсъ, Змаевичъ, Гордонъ, цейхмейстеръ Отто и капитанъ-командоръ Сенявинъ и въ томъ же 1721 году опредѣленъ въ должность прокурора капитанъ-поручикъ Козловъ. Подъ непосредственное вѣдѣніе коллегіи поступили всѣ канцеляріи, конторы и правленія дѣлъ, существовавшія во время ея учрежденія и основанныя впослѣдствіи; число такихъ отдѣльныхъ управленій подвѣдомственныхъ адмиралтействъ-коллегіи въ 1722 году простиралось до 13, а именно, канцеляріи и конторы: военно-морская и адмиралтейская, оберъ-сарваерская, провіантская, подрядная, мундирная, счетная, лѣсная, контролерская; правленія дѣлъ: цейхмейстерскихъ, казначейскихъ, цалмейстерскихъ и аудиторскихъ.

Въ 1719 году въ военно-морской канцеляріи сосредоточивалась вся распорядительная часть, какъ то, пріемъ на службу, производства, отпуски и увольненія всѣхъ военныхъ чиновъ морскихъ и сухопутныхъ (служащихъ на флотахъ корабельномъ и галерномъ и въ адмиралтейскомъ баталіонѣ) продовольствіе этихъ чиновъ и ихъ

[1]) Матеріалы Отд. X, стр. 346.

обмундированіе, такъ же какъ и всѣ счетныя дѣла по этимъ предметамъ. Адмиралтейская канцелярія, такимъ же образомъ, вѣдала все относящееся до гражданскихъ чиновъ морскаго вѣдомства и рабочихъ людей. Она же распоряжалась приписанными къ адмиралтейству городами и заводами, присылкою изъ губерній мастеровыхъ и рекрутъ, судными и розыскными дѣлами пріемомъ изъ штатсъ-конторы и другихъ мѣстъ денегъ и раздачею ихъ оберъ-коммисарамъ. Отъ оберъ-штеръ-кригсъ-коммисара на время кампаніи откомандировался на флотъ оберъ-коммисаръ, для надзора надъ корабельными, а на галерахъ—надъ полковыми коммисарами, и особые чиновники находились въ Ревелѣ и на Котлинѣ. Кромѣ этого, морская аптека и госпитали, служебно подчиненные старшему врачу, въ хозяйственномъ отношеніи зависѣли отъ оберъ-штеръ-кригсъ-коммисара. Всѣ флагманы о людяхъ, ихъ обмундировкѣ и проч. должны были представлять ему еженедѣльныя и ежемѣсячныя вѣдомости [1]). Оберъ-сарваерская контора завѣдывала заготовкою корабельныхъ лѣсовъ и судостроеніемъ; правленія дѣлъ: цейхмейстерское—морскою артиллеріею; цалмейстерское— раздачею жалованья. Обязанности остальныхъ конторъ и правленій объясняются ихъ названіями.

Изданнымъ въ 1722 году регламентомъ, адмиралтействъ-коллегіи было предоставлено «имѣть верхнюю дирекцію надъ людьми, строеніемъ и прочими дѣлами къ адмиралтейству принадлежащими, какого-бъ званія оные ни были, во всемъ россійскомъ государствѣ». Такимъ образомъ, коллегіи поручалась вполнѣ ближайшая забота обо всемъ касающемся флота и предоставлены были самыя обширныя права. О предметахъ же, выходящихъ за предѣлы своей власти, коллегія должна была обращаться къ правительствующему сенату. По регламенту, оберъ-штеръ-кригсъ-коммисаръ получилъ названіе генералъ-кригсъ коммисара и лицо, предсѣдательствующее въ адмиралтейской конторѣ, названо «директоромъ» надъ этою конторою. Въ помощь директору назначены «совѣтники» адмиралтейской конторы и опредѣлены точно обязанности лицъ, подчиненныхъ какъ генералъ-кригсъ-коммисару, такъ и адмиралтейской конторѣ [2]).

---

[1]) Матеріалы. Отд. II, ч. III, стр. 375—8.

[2]) Реглам. адмир. глава I. Историч. обозрѣніе устройства управленія морскимъ вѣдомствомъ въ Россіи. В. Чубинскаго, стр. 32—56.

При такой, довольно удовлетворительной для того времени, администраціи, въ дѣлахъ морскаго управленія все-таки оставались многіе недостатки. Кромѣ сказанныхъ выше служебныхъ столкновеній, усиленныхъ неуживчивыми характерами и строптивостію нѣкоторыхъ дѣятелей, какъ напр. Крюйса, Сиверса и др., главнѣйшею причиною затрудненій было безденежье и прямое слѣдствіе его — всевозможные недостатки. Такъ въ 1718 г. (января 20) Крюйсъ доносилъ Апраксину: «адмиралтейскія лошади умираютъ за недостаткомъ опредѣленнаго овса, адмиралтейскіе и морскіе служители и работные люди въ провіантѣ нужду великую имѣли-бъ, ежели бъ правительствующій сенатъ, по моему письменному меморіалу, 5,000 кулей муки не дали въ адмиралтейство и въ Кронштадтъ». «Господинъ генералъ Чернышевъ, продолжаетъ Крюйсъ, оберъ-коммисаръ Тормасовъ, и оберъ-провіантмейстеръ въ запасеніи провіанту попеченія никакого не имѣли и въ удобное время не закупали, зачѣмъ въ магазинахъ не запасено, а нынѣ они между собою имѣютъ споръ и не могутъ дочесться 12,000 кулей муки, а на нынѣшній годъ на 800 лошадей только 100 кулей овса выдано, котораго не надолго станетъ, извольте сами увидѣть какой непорядокъ и убытокъ и остановка въ работѣ» [1]). Весною 1718 года донося сенату о строившейся при Котлинѣ военной гавани, Крюйсъ, писалъ: «о сей великой и доброй работѣ благоволите Ваши Высокопревосходительства сами разсудить, что морскимъ адмиралтейскимъ служителямъ на Котлинѣ островѣ безъ хлѣба пробыть невозможно, а нынѣ хлѣба на раздачу тамо нѣтъ, и многимъ на нынѣйшій мѣсяцъ мартъ за недостаткомъ хлѣба не давано, того ради я о нуждахъ морскихъ вѣрно доношу»... «Такожъ имѣю Вашимъ Высокопревосходительствамъ донесть, что голодные матросы и солдаты подобны отчаянному звѣрю, и сіе мнѣ изобычно случалось многократно видѣть въ Италіи, Гишпаніи, Португаліи и Голландіи. Такожъ имѣю Вашимъ Высокопревосходительствамъ донесть о самой крайней нуждѣ въ деньгахъ и свидѣтель самъ какъ на Котлиномъ острову, такъ и здѣсь (въ Петербургѣ) у двадцати офицеровъ 50 руб. не наберется, а у ста человѣкъ унтеръ-офицеровъ и 20-ти рублей; а цѣна на

---

[1]) Гл. морск. арх. (Дѣл. гр. Апраксина, № 166).

всѣ столовые харчи велика поднялась, отъ чего наипаче въ скудость произошли» [1]).

О тогдашнемъ состояніи адмиралтейства тотъ же Крюйсъ отзывался слѣдующимъ образомъ: «всѣ мастера жалуются, что работныхъ людей не имѣютъ, также и блокъ-макеръ не имѣетъ столько лѣсу, чтобъ было съ чего на галеры и на прочія мелкія суда компасный ящикъ сдѣлать, а росписи такимъ лѣсамъ уже за годъ поданы. Въ мачтахъ, въ водяныхъ бочкахъ, въ доскахъ и другихъ лѣсныхъ припасахъ, всякихъ рукъ гвоздьяхъ и прочихъ нуждахъ умаленіе не малое».

Опасеніе служившихъ при тогдашнихъ порядкахъ, подвергнуться страшному царскому гнѣву и требовательность государя ясно видны изъ слѣдующаго донесенія Кикина къ Апраксину (писанному въ 1713 г.) «пожалуй мой отецъ сохрани меня отъ бѣды, и свидѣтельствуюсь вамъ самимъ Богомъ что уже ей сй радъ смерти». Намекая на требовательность и строгость Петра, Кикинъ пишетъ: «Вы милостивый государь сами извѣстны, что обыкновенно у насъ во всѣхъ дѣлахъ, какія бъ великія ни были, почитаемъ исправленіе (то есть, исполненіе) ихъ легко, а когда не исправиться, то взыскиваютъ тяжело» [2]). И дѣйствительно, государь не терпѣлъ вялости исполненія; онъ требовалъ, чтобы дѣла исполнялись какъ можно скорѣе, какими бы то ни было средствами. За строгою законностію, въ этихъ случаяхъ, не очень гнались, и хозяинъ подводы, захваченной на улицѣ для спѣшной казенной работы, или частный человѣкъ, у котораго извѣстный государю офицеръ, въ нужномъ случаѣ, сдѣлалъ бы насильственный заемъ какихъ нибудь матеріаловъ, необходимыхъ для адмиралтейства, едва-ли бы скоро нашли защиту. Время было такое, что частные интересы стушевывались передъ государственными.

Случалось иногда и самому царю отступать отъ строгаго формальнаго порядка и производить нѣкоторыя служебныя замѣшательства. При желаніи скорѣйшаго исполненія дѣла, Петръ часто отдавалъ приказанія прямо тому, кто стоялъ ближе къ дѣлу или попадался ему на глаза, не давая знать его начальнику; такимъ образомъ, не рѣдко

---

[1]) Моск. арх. Мин. Юстиціи (Дѣл. Сената по адмиралт. коллегіи. № 1534).

[2]) Гл. морск. арх. (Дѣл. гр. Апраксина. № 61).

распоряженіе начальства, идущее сверху, встрѣчалось съ противорѣчащимъ приказаніемъ государя, идущимъ снизу вверхъ, отъ подчиненнаго къ его начальству. Такъ напр. Чернышевъ доноситъ государю (1718 г. марта 8) «по пріѣздѣ моемъ изъ Ревеля объявилъ мнѣ вице-адмиралъ Крюйсъ, которые въ адмиралтействѣ старые магазины и амбары перевесть и мѣсто очистить, а подмастерье (корабельный) Пальчиковъ сказалъ указомъ В. В. чтобъ оные магазины и амбары до прибытія В. В. въ С.-Петербургъ не ломать» [1]).

Ко всѣмъ невзгодамъ, затруднявшимъ работы, присоединялся еще бичъ казнокрадства, которое, несмотря на страшную строгость государя, успѣло пробраться за рвы и валы адмиралтейства. Въ 1713 году, опровергая обвиненіе на офицеровъ втораго баталіона въ посылкѣ ими солдатъ на частную работу, Крюйсъ писалъ Апраксину, что дѣлаютъ это не офицеры, а шаутбенахтъ Боцисъ и капитанъ-командоръ Шельтингъ, который сказалъ, что употреблялъ солдатъ по волѣ царскаго величества, и что другіе посылаютъ на свои работы человѣкъ по 200 и по 300 и также на свои постройки употребляютъ казенные «припасы» [2]). Но это были еще не самыя крупныя злоупотребленія; въ этомъ дѣлѣ впереди другихъ стоялъ ненасытный корыстолюбецъ Александръ Даниловичъ. Честный вице-адмиралъ вслухъ роптал на неблаговидныя продѣлки всемогущаго «Herzenskinder» царя, и безбоязненно писалъ къ Апраксину: «Яковъ Корсаковъ (Римской-Корсаковъ) учиненъ вице-губернаторомъ не токмо что надъ одною Ингерманландіею, но и надъ Эстляндіею и Лифляндіею, чрезъ что сильною рукою работаютъ, чтобъ лѣсъ, рѣки и быстрины собрать вкупѣ за свѣтлѣйшаго князя и обогатить. Оный господинъ почти бóльшимъ въ купечествѣ и его товары проходятъ безъ пошлинъ отъ города Архангельска», что, разумѣется, прибавляетъ Крюйсъ, будетъ дѣлаться также нынѣшнимъ годомъ и въ Ригѣ въ подрывъ купечеству [3]). Сообщая Апраксину подобные факты, безкорыстный голландецъ повидимому ни сколько не подозрѣвалъ, что знакомый болѣе его съ современными обстоятельствами и лицами, добродушный, но далеко не простой, Өедоръ Матвѣевичъ никакъ не рѣшится промѣнять дружбу перваго

[1]) Каб. Дѣл. Отд. II, № 38.

[2]) Матеріалы. Отд. I, № 635.

[3]) Гл. морск. арх. (Дѣл. гр. Апраксина. № 38).

царскаго любимца на защиту казенныхъ интересовъ, за которые съ такимъ самоотверженіемъ стоялъ Крюйсъ. Къ этому необходимо прибавить и·то, что Апраксинъ, привыкшій къ постояннымъ жалобамъ вице-адмирала, могъ безпристрастнѣе его цѣнить высокія заслуги Меншикова, въ томъ же адмиралтейскомъ дѣлѣ. Дѣйствительно, едва князь Александръ Даниловичъ принимался за работу, все у него совершалось какъ бы волшебствомъ: немедленно являлись и средства и люди, дѣло кипѣло и все было готово къ сроку. Конечно, здѣсь помогало Меншикову значеніе его какъ любимца государя, которому всѣ спѣшили угодить, но при всемъ томъ, онъ и самъ обладалъ огромной способностію изыскивать средства и, пользуясь ими, успѣшно достигать избранной цѣли.

Съ другой стороны, по пословицѣ «рука руку моетъ», и Меншикову случалось не разъ помогать Апраксину. Въ 1716 году, когда адмиралъ изъ Финляндіи писалъ, что недостатокъ провіанта заставляетъ его съ галернымъ флотомъ отойдти назадъ къ Гельсингфорсу, то, при обсужденіи этого дѣла въ сенатѣ, отъ котораго зависѣла доставка провіанта, князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, разсердясь на Апраксина, между прочимъ, упомянулъ о камнѣ, который возили для генералъ-адмирала изъ Ревеля на казенныхъ тялкахъ. Когда князь Меншиковъ въ оправданіе Апраксина замѣтилъ было, что камень кладутъ вмѣсто баласта, то неугомонный Долгорукій возразилъ: «а для чего же государева камня не возятъ?» [1])

Но значительная часть вреда, происходившая отъ личныхъ недостатковъ дѣятелей и неустройствъ административныхъ, парализировалась великою службою флоту самого царя, направлявшаго дѣло къ совершенству и пользѣ. Какъ много государь трудился для флота и до какой степени онъ заботился объ улучшеніи морскаго управленія, можно видѣть изъ того, что въ бытность свою въ Петербургѣ Петръ, когда только позволяло время, присутствовалъ въ адмиралтейской канцеляріи; а весною 1717 года онъ *всякій день* работалъ въ ней съ ранняго утра. Въ 1721 году, по заключеніи мира со Швеціею, царь сдѣлалъ слѣдующее росписаніе своихъ занятій, въ которомъ большая часть времени посвящалась на пользу флота: понедѣльникъ, вторникъ, среду и четвергъ—«дѣлать уставъ адми-

---

[1]) Гл. морск. арх. (Дѣл. гр. Апраксина № 112).

ралтейскій», за которымъ Петръ иногда просиживалъ по *четырнадцати часовъ* въ сутки; «пятница—въ сенатъ, субботнее утро—исторія о войнѣ, воскресное утро — чужестранныя дѣла». А когда рѣка встанетъ, тогда ежели много будетъ дѣлъ, четвергъ прибавить къ сенатскимъ «дѣламъ» [1]).

Кромѣ письменной кабинетной работы, царь, сообразно ходу военныхъ дѣйствій, задавая нерѣдко адмиралтействамъ «урочныя» спѣшныя работы, слѣдилъ за ними и даже непосредственно самъ участвовалъ въ нихъ, посвящая на это почти всякую минуту свободную отъ другихъ занятій. При такомъ тепломъ участіи царственнаго труженника, несмотря на всѣ непорядки, наши верфи успѣвали строить большое количество судовъ, а адмиралтейства приготовлять и вмѣстѣ съ весеннимъ льдомъ выпускать въ море цѣлые флоты. Подобные результаты доказываютъ, что непорядки составляли исключенія, а полезная, неустанная дѣятельность была обычнымъ явленіемъ.

По мѣрѣ учрежденія портовъ и увеличенія ихъ дѣятельности образовывалось и портовое управленіе, но до изданія портоваго регламента (1722г.) оно не имѣло правильнаго устройства и всѣ работы исполнялись безъ особенной регламентаціи, сообразно съ потребностями и мѣстными условіями. Порты Азовскаго моря—Азовъ и Таганрогъ, состоявшіе по общему управленію въ вѣдѣніи азовскаго губернатора, въ морскомъ отношеніи находились въ завѣдываніи сначала капитана, а потомъ капитанъ-командора Бекгама, не имѣвшаго впрочемъ никакого особаго портоваго званія. Въ Петербургѣ же, по причинѣ сосредоточенія въ немъ общаго морскаго и адмиралтейскаго управленія, особаго портоваго управленія не было. Съ устройствомъ гавани на островѣ Котлинѣ и по утвержденіи русскихъ въ Ревелѣ образовались два военные порта, управленіе которыми было предоставлено флагманамъ находившихся въ нихъ эскадръ; въ Ревелѣ же, кромѣ флагмана, дѣлами порта завѣдывалъ и оберъ-комендантъ, а на Котлинѣ главнымъ помощникомъ флагмана былъ строитель гавани капитанъ Лейнъ. Флагманы почти ежегодно перемѣнялись: первымъ эту должность на Котлинѣ исправлялъ капитанъ-командоръ Шельтингъ (1713 г.); затѣмъ Сиверсъ (1714—15 г.), князь Меншиковъ

Портовая администриція

[1]) Допес. барона Де-Би Нидерланд. Штатамъ. въ госуд. архивѣ въ Гагѣ и Глав. морск. арх. (Дѣл. адмиралт. коллегіи 1721 года № 8).

(1716 г.), Паддонъ (1717—18 г.), Сиверсъ (1719—20 г.), Сандерсъ (1721—23 г.), Гордонъ (1723—24 г.) и Сиверсъ (1724—27 г.). Лейнъ же оставался постоянно помощникомъ этихъ лицъ, и по учрежденіи званія капитана надъ портомъ, занялъ эту должность, въ которой и находился до кончины своей, послѣдовавшей въ 1729 году.

Ревельскій военный портъ первую услугу оказалъ судамъ пришедшимъ изъ Архангельска и купленнымъ за границею, изъ которыхъ фрегатъ *Св. Яковъ* зимовалъ тамъ съ 1712 на 1713 годъ. Весною 1713 года въ Ревелѣ собралась эскадра изъ 7 судовъ, которыя были снабжены и удовольствованы всемъ необходимымъ для дальнѣйшаго плаванія къ Кроншлоту. По этому случаю ревельскій оберъ-комендантъ В. Н. Зотовъ, завѣдывавшій снабженіемъ судовъ, доносилъ Апраксину, что отправленныя суда удовлетворены «хотя бы и при адмиралтействѣ, не токмо пушками, аммуниціею и провіантомъ, но и людьми» [1]). Въ слѣдующемъ (1714) году Зотова смѣнилъ Фандельдинъ, а осенью, когда въ Ревелѣ расположилась на зимовку часть флота, въ завѣдываніе дѣлами порта вступилъ старшій изъ капитановъ Вилимъ Фангентъ. Въ декабрѣ 1715 года его замѣнилъ капитанъ-командоръ Сиверсъ, посланный для принятія команды надъ эскадрою, назначенною къ плаванію въ Копенгагенъ. До 1716 года въ отсутствіе флагмана дѣлами порта завѣдывалъ сухопутный оберъ-комендантъ, но въ октябрѣ мѣсяцѣ этого года назначенъ экипажмейстеромъ ревельскаго порта капитанъ Транъ, который съ этого времени сдѣлался ближайшимъ распорядителемъ по дѣламъ портоваго управленія. Въ 1717 году, неимѣніе опредѣлительнаго разграниченія обязанностей портоваго и морскаго начальства заставило старшаго изъ зимовавшихъ въ Ревелѣ капитана Фангофта, неоднократно просить Апраксина о присылкѣ инструкцій. Неопредѣленность эта достигла еще бóльшихъ размѣровъ, когда осенью 1718 года прибыли въ Ревель двѣ эскадры: капит.-командора Сандерса и капитана Фангофта; каждому изъ нихъ велѣно было завѣдывать своею эскадрою не зависимо другъ отъ друга, и вслѣдствіе этого не замедлили произойти «противности» и жалобы Апраксину [2]). Въ мартѣ 1719 года

---

[1]) Матеріалы. Отд. I. №№ 549 и 572.

[2]) Матеріалы. Отд. I. №№ 1484, 1685, 1692, 1859, 1862, 1910, 1916 и 2055.

Сандерсъ сдалъ команду Фангофту; по отправленіи же послѣдняго съ эскадрою въ море, команду надъ остальными судами принялъ капитанъ Экговъ; по возвращеніи эскадры начальствовалъ Сиверсъ а потомъ опять Фангофтъ. Такимъ образомъ и въ послѣдующіе годы начальники мѣнялись съ каждымъ уходомъ и приходомъ эскадръ.

Только съ изданіемъ въ 1722 году регламента, заключающаго все что касается «добраго управленія въ бытность флота въ портѣ», и также о содержаніи портовъ и рейдовъ, учреждены въ портахъ должности главныхъ командировъ, капитановъ надъ портами и ихъ помощниковъ, а также положены чины въ помощь провіантмейстеру и цейхмейстеру; управленія этихъ отдѣльныхъ начальниковъ въ каждомъ портѣ получили названія конторъ «адмиралтейской», «провіантской» и «артиллерійской». Несмотря однакоже на законное утвержденіе новаго названія, въ официальныхъ бумагахъ петровскаго царствованія главныхъ командировъ портовъ продолжали называть по прежнему «командующими флагманами».

Въ 1722 году учрежденъ астраханскій военный портъ (стр. 376), начальство надъ которымъ по старшинству принялъ капитанъ фонъ Верденъ, а въ должность капитана надъ портомъ вступилъ капитанъ 3 ранга князь Василій Урусовъ.

Высочайшимъ указомъ 17 января 1724 года велѣно въ портахъ при главныхъ командирахъ, а именно въ Кронштадтѣ, Ревелѣ и Астрахани, въ конторахъ быть секретарями «изъ морскихъ по регламенту» и у нихъ въ помощникахъ по одному подканцеляристу и по два копіиста. «Гдѣ новые порты начинаются, прибавлено въ томъ же указѣ, или старые распоряжать, тамъ учинить служителей по пропорціи величества въ портѣ дѣла, по примѣру здѣшняго (кронштадтскаго) главнаго порта. Въ портахъ у города Архангельска и на Воронежѣ опредѣлить офицеровъ съ половиннымъ жалованьемъ; въ Ригѣ, Перновѣ, Нарвѣ и Выборгѣ выписать, чѣмъ довольствовались при шведахъ».

На основаніи этого указа и по соображеніи потребностей, опредѣленіемъ адмиралт. коллегіи 4 августа 1724 года утверждены штаты астраханскаго порта [1]). Изъ указа 17 января 1724 г. и изъ послѣдующихъ распоряженій адмиралтействъ-коллегіи видно, что

---

[1]) Матеріалы. Отд. X, стр. 615 и 660.

не смотря на изданіе регламента и на утвержденіе штатовъ нѣкоторыхъ портовъ, въ дѣйствительности портовое управленіе въ царствованіе Петра Великаго далеко не было еще приведено въ то состояніе, какое требовалось существующими штатами и регламентомъ.

Штатныя положенія о содержаніи флота.

Штатнаго положенія о числѣ судовъ для азовскаго флота не существовало; но по сохранившемуся списку судовъ турецкаго флота, съ собственноручными приписками государя о наличномъ числѣ нашихъ судовъ, соотвѣтствующихъ турецкимъ по рангамъ и числу орудій, видно, что въ 1704 году Петръ имѣлъ намѣреніе уравнять силы своего азовскаго флота съ турецкимъ [1]), до чего, какъ мы видѣли, не допустили разныя неблагопріятныя обстоятельства.

Сначала и для балтійскаго флота также не было штатнаго положенія, и только въ октябрѣ мѣсяцѣ 1715 года положено имѣть въ корабельномъ флотѣ 27 кораблей (три 88-ми пушечн., шесть 74-хъ пушечн., десять 64-хъ пуш. и восемь 50 пуш.), шесть фрегатовъ (32 пуш.), шесть шнявъ (14—18 пуш.) и три бомбардирскихъ корабля (16 пуш.). Въ тоже время въ галерномъ флотѣ опредѣлено содержать 120 галеръ (изъ нихъ 9 большихъ и 111 малыхъ).

Черезъ два года въ этомъ штатномъ положеніи сдѣлано измѣненіе, а именно опредѣлено содержать 28 кораблей (три по 90 пуш., четыре по 80 пуш., три по 74 пуш., двѣнадцать по 66 пуш. и шесть по 52 пуш.). 1-го мая 1718 года положено вмѣсто трехъ 74 пуш. кораблей имѣть столько же 76 пуш. (два трехпалубныхъ и одинъ двухпалубный), а вмѣсто шести 52-хъ пушечныхъ—пять 50-ти пушечныхъ. Затѣмъ къ прежнему штатному числу прибавлено 6 фрегатовъ 32-хъ пушечныхъ и 6 шнявъ (три—16-ти, три—14-ти пуш.) Опредѣленіемъ адмирал.-коллегіи 13 января 1719 года постановлено содержать въ галерной эсскадрѣ 120 полу-галеръ, въ томъ числѣ 60 большихъ и 60 малыхъ. Въ 1720 году регламентомъ всѣ суда, кромѣ мелкихъ, раздѣлены были на *три* ранга. Къ первому отнесены корабли трехпалубные, ко второму—корабли двухпалубные, а къ третьему — фрегаты [2]).

---

[1]) Елагинъ. Азовск. пер. стр. 198 и примѣч. 84.

[2]) Матеріалы Отд. II, №№ 147 и 285.

О главныхъ характеристическихъ чертахъ, какъ формы, такъ и системы постройки судовъ въ первое время существованія балтійскаго флота, мы уже сказали выше (стр. 164—166). Въ послѣдующіе годы царствованія Петра, увеличеніе ранга кораблей, примѣненіе нѣкоторыхъ типовъ судовъ къ извѣстнымъ частнымъ цѣлямъ и, наконецъ, пріобрѣтеніе бо́льшей практики въ дѣлѣ и усовершенствованіи самой науки кораблестроенія, хотя ввели на нашихъ верфяхъ множество улучшеній и измѣненій, но сущность самой системы постройки оставалась прежняя. Устройство верфи въ Петербургѣ, откуда суда проводились къ Котлину на камеляхъ, позволило значительно противъ прежняго увеличить углубленіе судовъ; а съ тѣмъ вмѣстѣ всѣмъ линіямъ подводной части придавать форму болѣе удовлетворительную для морскихъ качествъ судна. Для указанія величины судовъ приведемъ главные размѣры нѣсколькихъ лучшихъ кораблей разныхъ ранговъ, съ указаніемъ времени ихъ спуска.

Состояніе судовъ и ихъ экипажей.

	длина.	ширина.	углубленіе.
1712 года, 54-хъ пушеч. *Полтава.*	130 ф. 8 д.	38 ф. 4½ д.	15 ф. 2½ д.
1713 года, 60-ти пушеч. *Выборгъ*, до 1721 года называвшійся *Екатерина*	145 » по палубѣ, 118 ф. 6 д. по килю.	41 »	17 » 4 »
1715 года, 64-хъ пушеч. *Ингерманландъ*	151 ф.	42 ф.	18 ф. 3 д.
1717 года, 70-ти пушеч. *Св. Александръ*	155 »	43 »	17 » 6 »
1719 года, 92-хъ пушеч. *Гангутъ.*	164 » по палубѣ, 139 ф. 8 д. по килю.	47 » 4 д.	19 » 6 »

Этотъ послѣдній корабль представляетъ наибольшіе размѣры до которыхъ достигали суда петровскаго времени [1]). При корабляхъ,

[1]) Если не считать 100 пушеч. корабля, длиною 180 ф. 2 д., заложеннаго и строеннаго государемъ, но спущеннаго въ 1727 г. подъ именемъ *Петръ I и II*.

въ числѣ гребныхъ судовъ, находились «корабельные боты», замѣнявшіе барказы. Они были палубные и безпалубные. Первые, кромѣ прямой службы при своемъ кораблѣ, нерѣдко отдѣлялись отъ него, какъ вообще мелкія парусныя суда, для исполненія различныхъ порученій и посылокъ, иногда довольно отдаленныхъ. Во время плаванія такіе боты слѣдовали за кораблемъ; безпалубные же поднимались, какъ барказы. Но при тогдашнихъ открытыхъ шкафутахъ подъемъ ихъ былъ гораздо затруднительнѣе нынѣшняго и на двухпалубныхъ корабляхъ, для помѣщенія бота, необходимо было вынимать шпиль [1]).

Образованіе линій подводной части кораблей, вычерчивающихся по большей части по круговой линіи [2]), придавало судамъ весьма удовлетворительныя морскія качества. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ послужить отзывъ Александра Андреевича Попова, одного изъ лучшихъ корабельныхъ инженеровъ прошедшаго царствованія, отличнаго знатока теоріи и практики кораблестроенія [3]).

Вотъ какимъ образомъ отзывается г. Поповъ о чертежѣ корабля *Ингерманландъ*, составленномъ самимъ государемъ: «При первомъ обозрѣніи чертежа и элементовъ видѣть можно, что главныя размѣренія даны весьма пропорціонально; почти ту же пропорцію имѣютъ и нынѣ (въ 1835 г.), съ тою разностію, что сіи размѣренія увеличены вообще, дабы тяжесть артиллеріи и всѣхъ припасовъ была менѣе ощутительна для крѣпости корпуса судна, а болѣе для уменьшенія мидель-шпангоута, отъ котораго зависитъ большая скорость хода... Развитіе шпангоутовъ его образовано съ пріятностію; водоизмѣщеніе подводной части достаточно къ поднятію опредѣленнаго груза; разность между носовою и кормовою частьми соотвѣтствуетъ весьма сильному дѣйствію воды на руль..., а носовая часть корабля удовлетворительна легкому восхожденію на валы; вообще сказать можно, что качество поворотливости или послушанія рулю, дано въ высшей степени противъ прочихъ качествъ; по разстоянію

---

[1]) Гл. морск. архивъ. Журн. Адм. Кол. 1725 г. № 3119.

[2]) По простотѣ вычерчиванія, эта кривая въ то время принята была кораблестроителями всѣхъ странъ.

[3]) Не упоминая о другихъ трудахъ А. А. Попова, достаточно замѣтить, что съ 1828 по 1839 годъ, имъ построено *пять* кораблей отъ 80 до 120 пуш.

центра величины отъ грузовой ватерлиніи, метацентра отъ центра величины и отъ грузовой ватерлиніи заключить можно, что остойчивость сего корабля, хотя была въ меньшей степени, нежели въ корабляхъ нынѣ строемыхъ; но судя по способу легкаго строенія корпуса, величинѣ рангоута тѣхъ временъ и меньшему калибру артиллеріи, довольно достаточна; качество малаго дрейфа умѣренно». Наконецъ, судя по даннымъ чертежа, г. Поповъ приходитъ къ заключенію, что *Ингерманландъ* по «грузу» (вмѣстительности?) уступавшій 84-хъ пушечному кораблю *Императрица Александра* (спущ. въ 1827 г.), скоростію хода «превосходилъ стопушечные корабли нашихъ временъ» [1]).

Но при такомъ удовлетворительномъ образованіи подводной части, суда того времени имѣли многіе существенные недостатки. Строенныя нерѣдко очень поспѣшно, изъ сыраго лѣса, съ недостаточнымъ желѣзнымъ крѣпленіемъ, они вообще не обладали большою крѣпостью и были очень недолговѣчны. Служба ихъ продолжалась обыкновенно отъ 6 до 10 лѣтъ, включая и время послѣ тимберовки. Продолжительность службы судовъ, выходящая изъ этихъ предѣловъ, была исключеніемъ. Недостаточная крѣпость тогдашнихъ судовъ доказывается страшными поврежденіями ихъ почти при всякомъ очень свѣжемъ вѣтрѣ, и нетолько подъ парусами, но и на якорѣ, какъ напр. выходъ обшивныхъ досокъ изъ шпунтовъ форштевня, потеря части киля или штевня, нерѣдкая потеря стеньгъ и даже мачтъ и бушприта, указывающая до извѣстной степени на непрочность ихъ степсовъ, а съ другой, и конечно главнѣйшей—на слабость стоячаго такелажа и дурное качество деревъ рангоута. Къ этому необходимо прибавить, что, при не имѣніи мѣдной обшивки, подводная часть судовъ скоро обростала травой и покрывалась морскими животными, которыя замедляли ходъ и, портя обшивныя доски, способствовали увеличенію течи.

Кромѣ недостатковъ постройки, значительный вредъ судамъ приносила еще дурная нагрузка трюма. Употреблявшійся тогда каменный и песчаный баластъ хотя удерживался на своемъ мѣстѣ особенными брусьями (по нуждѣ замѣнявшими дрова), но во время

---

[1]) Записки ученаго комитета главн. морск. штаба Е. И. В. часть XII, стр. 251—253.

*

сильной качки трогался и при большихъ размахахъ судна, переваливаясь съ борта на бортъ, или, въ случаѣ внезапнаго шквала, сбивавшійся къ одной сторонѣ трюма, становился для корабля весьма опаснымъ, потому что съ движеніемъ баласта начиналось движеніе стоявшихъ на немъ водяныхъ бочекъ и другихъ предметовъ.

Одною изъ особенностей тогдашней корабельной архитектуры было изобиліе на судахъ рѣзныхъ наружныхъ украшеній. По требованію современнаго вкуса, рѣзьбу помѣщали не только на кормѣ и носу судна, но даже по его бортамъ. Хотя, при увеличеніи флота и расширеніи его морской дѣятельности, невыгоды подобныхъ украшеній и непроизводительная трата на нихъ денегъ, заставили употреблять ихъ съ бо́льшею умѣренностію; но, все таки, рѣзьба продолжала существовать и въ послѣдніе годы петровскаго царствованія. Обыкновенно кормы кораблей украшали государственнымъ гербомъ и алегорическими или миѳологическими фигурами, имѣвшими отношеніе къ имени корабля, которому соотвѣтствовала и носовая фигура. Иногда рѣзьба помѣщалась, также, по простѣнкамъ шханечныхъ бортовъ, верхнему поясу бака, концамъ крамбалъ и пр.

На такихъ корабляхъ гигіеническія условія экипажа были весьма неудовлетворительны. Течь отъ водяныхъ бочекъ, иногда разбивавшихся во время качки, въ соединеніи съ песчанымъ баластомъ, дѣлала изъ корабельнаго трюма грязное болото. Рогоженные кули, въ которыхъ, по большей части, доставлялся провіантъ, скоро начинали гнить. Главную часть провизіи составляли дурно испеченные сухари и солонина, портившаяся иногда прежде доставленія на корабль; къ этому присоединялось, въ случаѣ нѣсколько продолжительнаго плаванія, полное лишеніе свѣжей пищи и гнилая вода, получавшая отъ деревянныхъ бочекъ цвѣтъ жидкаго кваса и вкусъ и запахъ совершенно протухлыхъ яицъ. Все это разрушительно дѣйствовало на здоровье экипажа, значительная часть котораго гибла отъ разныхъ болѣзней. Замѣтимъ еще, что тотъ же каменный или песчаный баластъ, по легкости своей занимавшій значительную часть трюма, не давалъ возможности запасаться достаточнымъ количествомъ воды, и ее часто приходилось выдавать людямъ по уменьшенной порціи. Такъ напр. фрегаты, готовившіеся въ мадагаскарскую экспедицію, при каменномъ баластѣ взяли воды

только на $10^1/_2$ недѣль, тогда какъ, имѣя чугунный, могли бы взять ее на 18.

Больныхъ и умершихъ на флотѣ и въ адмиралтействахъ было всегда большое число, а въ первые годы морскихъ плаваній случалось и появленіе на флотѣ повальныхъ болѣзней. Такъ было напр. въ 1714 году, когда во время стоянки флота на ревельскомъ рейдѣ, по случаю усилившейся эпидеміи, для освѣженія кораблей экипажи ихъ были свезены на берегъ. Паддонъ находилъ, что нашъ флотъ отъ неимѣнія «добраго провіанта» терялъ людей *вдвое* болѣе сравнительно съ другими иностранными флотами. Слѣдующее полуофиціальное свидѣтельство указываетъ на одинъ изъ примѣровъ сильной смертности, существовавшей въ нашемъ флотѣ. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1716 года Девіеръ писалъ Макарову изъ Копенгагена: «здѣсь мы нажили такую славу, что въ тысячу лѣтъ не угаснетъ: Синявинской команды умерло здѣсь близко 150 человѣкъ, и изъ нихъ много бросали въ воду въ каналъ, а нынѣ уже человѣкъ 12, которыхъ принесло къ дворамъ, къ тѣмъ, которые стоятъ на берегу, а я увидѣвъ то, хотя и не изъ моей команды, однакожъ велѣлъ вытаскивать изъ воды и похоронить; а народъ здѣшній о томъ жалуется и министры нѣкоторые мнѣ говорили и хотѣли послать къ королю». Нельзя забывать, что Девьеръ былъ въ ссорѣ съ Синявинымъ (стр. 436), но, и при этомъ, онъ не могъ много отступить отъ истины, зная, что письмо его легко можетъ сдѣлаться извѣстнымъ государю.

Въ октябрѣ 1717 года, когда нѣкоторые изъ судовыхъ экипажей эскадры Паддона по неимѣнію квартиръ должны были жить на судахъ, то онъ просилъ отпустить бревенъ, для постройки казармъ, потому что очень многіе матросы заболѣвали, шли въ госпиталь и тамъ, отъ худаго смотрѣнія и содержанія, умирали. Въ одномъ изъ своихъ донесеній Паддонъ пишетъ, что мукà, доставленная на его корабли, по гнилости была негодна для употребленія и при такомъ продовольствіи у него, изъ числа 500 рекрутъ, впродолженіе одного мѣсяца осталось 278, и тѣ «почитай померли съ голоду, а прочіе померши и больны въ госпиталѣ, и обрѣтаются въ такомъ бѣдномъ состояніи отъ лишенія одежды, что опасаются вскорѣ помрутъ. Морскіе служители и по се число (октября 11) содержатся на корабляхъ и ночуютъ, которымъ зѣло студено нынѣ». Ваше

Сіятельство, писалъ Паддонъ къ Апраксину «невѣдомы есть о половинѣ бѣдностей людскихъ здѣсь. Боже помоги имъ!»

Подобные отзывы, находившіеся не въ частномъ письмѣ, а въ офиціальномъ донесеніи главному начальствующему лицу, даютъ весьма опредѣлительное понятіе о тогдашнемъ положеніи матросъ. При дурной пищѣ и одеждѣ, дурномъ крайне-тѣсномъ помѣщеніи они часто терпѣли отъ голода и холода, изнуряясь вѣчною тяжелою работою и въ случаѣ болѣзни поступая въ госпитали, гдѣ уже окончательно, отъ недостатка должнаго ухода и леченія, гибли какъ мухи [1]).

Хотя въ то время простой матросъ или мастеровой, большинствомъ начальствующихъ лицъ, цѣнился только какъ рабочая сила, и потому такіе начальники о здоровьѣ матроса заботились не болѣе какъ о здоровьѣ рабочаго скота, но самъ государь смотрѣлъ на этотъ предметъ иначе. Въ его упоминаемой выше (стр. 440) запискѣ «о начинающемся флотѣ на Остъ-зее» выражалось желаніе, чтобы отношеніе начальника къ подчиненнымъ уподоблялось отношенію отца къ дѣтямъ и если, по грубости тогдашнихъ нравовъ, подобныя правила трудно проникали во всѣ служебныя мелочи, то духъ ихъ высказывался нерѣдко въ общихъ распоряженіяхъ. Такъ напр. раздѣленіе въ походѣ команды только на *двѣ* вахты ставилось въ укоръ командиру и считалось одною изъ причинъ смертности. Между тѣмъ, при не полномъ количествѣ людей и множествѣ больныхъ, оказывавшихся тотчасъ по выходѣ флота въ море, раздѣленіе на большее число вахтъ иногда было совершенно невозможно.

Паддонъ (благородная личность котораго по человѣколюбію и заботливости о матросахъ рѣзко выдавалась между другими начальствующими лицами), указывалъ еще на другія существенныя причины болѣзней и смертности и предлагалъ болѣе вѣрныя средства для сохраненія здоровья служащихъ. По его мнѣнію, назначенные капитаномъ офицеры должны были свидѣтельствовать количество и качество принимаемой на корабль провизіи; больные и раненные должны свозиться на берегъ, въ хорошо устроенные госпитали, гдѣ начальствующій офицеръ осматривалъ бы по два раза въ недѣлю порядокъ и свидѣтельствовалъ раздаваемую больнымъ

[1]) Матеріалы. Отд. I, №№ 1324, 1688, 2571. Отд. II, № 265.

пищу, наблюдая при-этомъ, все ли больные получаютъ по назначенію и хорошаго ли качества. Паддонъ предлагалъ даже, для уходовъ за больными, назначить въ госпитали особенныхъ женщинъ полагая ихъ 4 или 6 на каждые сто человѣкъ. Свое представленіе онъ основывалъ на томъ, что: «отъ добраго провіанта будутъ и люди лучше; а въ Его Величества службѣ надобно лучшихъ людей», что отъ дурнаго содержанія и присмотра за больными, теряются старые матросы, а на приготовленіе вмѣсто ихъ, такихъ же опытныхъ изъ молодыхъ, надо употреблять долгое время [1]). Государь, вполнѣ сочувствуя подобнымъ ходатайствамъ, содѣйствовалъ ихъ исполненію, насколько позволяли средства и обстоятельства.

При такихъ-то далеко неудовлетворительныхъ условіяхъ приходилось плавать морякамъ петровскаго времени. Офицеровъ на суда обыкновенно назначалось самое малое число, а въ хорошихъ штурманахъ былъ постоянный недостатокъ и, кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ подчинялись и въ морѣ «Бахусовой регулѣ». Вѣрныхъ морскихъ картъ и лоцій не было, о теченіяхъ имѣли самыя темныя свѣдѣнія. Изъ погрѣшностей компаса принималось во вниманіе только склоненіе, опредѣлявшееся въ порту, передъ отходомъ корабля, постановкою картушки на шпильку «иглу», утвержденную на меридіальной линіи [2]). О навигаціонномъ счисленіи пути учениковъ при классномъ преподаваніи вводили во всѣ научныя тонкости, въ самыхъ же плаваніяхъ счисленіе дѣлалось весьма приближенно. Астрономія давала возможность опредѣлить только широту мѣста. При-этомъ необходимо вспомнить, что служившіе на флотѣ командиры и офицеры разныхъ національностей съ трудомъ объяснялись съ командою, а иногда и другъ съ другомъ. Но при всѣхъ недостаткахъ на флотѣ, такъ же какъ и въ адмиралтействахъ, одна могучая воля оживотворяла и сплачивала подобный безобразный матеріалъ въ стройное цѣлое и помощію его умѣла достигать великихъ и славныхъ результатовъ. Дѣйствительно, при всѣхъ исчисленныхъ несовершенствахъ, плаванія петровскаго времени не могутъ не возбуждать удивленія. Въ военное время, продолжавшееся почти все царствованіе Петра, суда обык-

---

[1]) Матеріалы. Отд. I, № 1169. Отд. II, № 227.

[2]) Матеріалы Отд. X. стр. 363.

новенно выходили въ море вмѣстѣ со льдомъ, а нерѣдко и прорубались чрезъ него. Осенью же, только замерзаніе моря вгоняло ихъ въ гавани. Раннія весеннія и позднія осеннія плаванія въ Балтійскомъ морѣ считались самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Случалось зимою плавать въ Нѣмецкомъ морѣ, и осенью выходить изъ Архангельска въ Сѣверный океанъ. Какъ на болѣе выдающіеся примѣры трудныхъ и успѣшно окончившихся плаваній можно указать на переходъ Бредаля изъ Копенгагена въ Англію (стр. 279), Бенса и Дена изъ Архангельска въ Копенгагенъ (стр. 280), Мишукова изъ Ревеля въ Копенгагенъ (стр. 355) и др.

Несмотря однакоже на такія смѣлыя плаванія и значительное количество судовъ находившихся ежегодно въ морѣ, число крушеній, сравнительно, было весьма не велико, и тѣ, которыя случались, большею частію происходили не отъ оплошности и незнанія командировъ, а отъ неблагопріятныхъ случайностей, которыхъ невозможно было избѣжать. Сопоставленіе бѣдности средствъ и способовъ съ успѣшными плаваніями и побѣдами надъ храбрымъ и опытнымъ непріятелемъ приводитъ къ убѣжденію въ высокихъ морскихъ достоинствахъ петровскихъ моряковъ. Чтобы при тогдашней обстановкѣ дойти до такихъ результатовъ, требовалось глубокое знаніе дѣла, необыкновенная опытность, неустанная осторожность и вниманіе, находчивость въ неожиданныхъ случайностяхъ и, наконецъ, хладнокровная отвага въ опасностяхъ. Всѣ эти качества могли быть пріобрѣтены только въ школѣ такого учителя, какимъ былъ адмиралъ Петръ Михайловъ.

Источники содержанія флота.

Суммы ассигнуемыя на содержаніе флота, шли изъ множества самыхъ разнообразныхъ источниковъ, начиная отъ денегъ, выдаваемыхъ изъ царскаго кабинета, до выручки въ кабакѣ, содержимомъ (въ 1705 г.) адмиралтействомъ на Олонецкой верфи. Кромѣ того, множество предметовъ, нужныхъ для строенія и вооруженія кораблей, а также разныя статьи провіанта и обмундированія экипажей собирались «натурою», непосредственно съ населенія губерній, или вырабатывались на собственныхъ принадлежавшихъ адмиралтейству заводахъ, къ которымъ для работъ приписаны были, почти на крѣпостномъ правѣ, по нѣскольку уѣздовъ. Этому же порядку, относительно даровыхъ рабочихъ, слѣдовали и при кораблестроительныхъ работахъ въ адмиралтействахъ, при постройкѣ

доковъ, гаваней и т. п. Быстрое увеличеніе расходовъ на содержаніе флота, при постоянномъ недостаткѣ денегъ, заставляло изыскивать для полученія ихъ самыя разнообразныя средства и, нерѣдко, для новаго предмета расхода отыскивать новый источникъ дохода, который бывши сначала временнымъ, потомъ, по необходимости, обращался въ постоянный.

Корабельные лѣса.

Лѣсъ, какъ главный матеріалъ для судостроенія, обратилъ на себя особенное и даже вначалѣ чрезмѣру заботливое вниманіе Петра. Сознавая цѣнность этого необходимѣйшаго жизненнаго источника для созданія и поддержанія флота, государь боялся напрасной потери каждаго дерева. Такимъ образомъ, при самомъ началѣ кораблестроенія въ Воронежѣ и на Дону, начались для мѣстныхъ жителей тяжелыя ограниченія въ пользованіи лѣсами и за нарушеніе, иногда положительно неисполнимыхъ, указовъ назначались жесточайшія наказанія, доходившія до «лишенія живота» [1]).

Со времени учрежденія корабельныхъ верфей въ бассейнѣ Ладожскаго озера, такія же лишенія и невзгоды начали испытывать и жители этихъ мѣстностей. Государь до того опасался быстраго истребленія корабельныхъ лѣсовъ, что въ февралѣ 1702 г., подъ опасеніемъ смертной казни, запретилъ въ низовыхъ уѣздахъ вовсе рубить: дубъ, кленъ, сосну, вязъ, карагачъ, и даже за порубку заповѣдныхъ или «корабельныхъ» лѣсовъ опредѣлилъ смертную казнь, а тѣмъ, кто купитъ такой лѣсъ, обѣщаны были «кнутъ и ссылка на каторгу». Въ мартѣ того же года, уже «во всѣхъ» городахъ и уѣздахъ, кому бы ни принадлежали лѣса дубовые, кленовые, ильмовые, вязовые, карагачевые, лиственичные и сосновые (изъ послѣднихъ только деревья имѣвшія въ отрубѣ 12 и болѣе вершковъ), велѣно было описать и хранить. При этомъ въ описи приказано отличать «заповѣдные» лѣса, лежавшіе по берегамъ большихъ рѣкъ въ обѣ стороны на 15 верстъ и по сплавнымъ рѣкамъ на 20 и на 30 верстъ. Въ 1706 и 8-мъ годахъ въ окрестностяхъ Петербурга, на петербургскихъ островахъ и по морскому берегу отъ Петербурга до Дудергофа, Стрѣльны, Поповой мызы (?) и до Красной горки велѣно было описать «всѣ лѣса», какіе есть и на какія дѣла годны, и описанныя рощи запретить рубить подъ смертною казнію. Обере-

[1]) Елагинъ. Азов. пер., стр. 156—8.

гать ихъ приказано выбраннымъ людямъ и ослушниковъ представлять въ адмиралтейскую канцелярію. Потомъ, въ этихъ мѣстахъ не дозволено было рубить «никакихъ лѣсовъ» въ разстояніи 1000 саженъ отъ Невы, горъ и деревень, подъ угрозою «всеконечнаго разоренія безъ всякаго милосердія» [1]). Близъ Петербурга, на мызахъ приписанныхъ къ адмиралтейству, дозволено было жителямъ для своихъ нуждъ брать только валежникъ, а за каждое срубленное дерево назначался штрафъ въ 5 рублей. Указы о бережепіи заповѣдныхъ лѣсовъ объявлялись на площадяхъ съ барабаннымъ боемъ, прибивались у воротъ и на видныхъ мѣстахъ народныхъ сборищъ и читались въ церквахъ священниками. Для устрашенія ослушниковъ заранѣе были поставлены висѣлицы. При подобной строгости явное сопротивленіе исполненію предписанныхъ мѣръ оказалось только въ Курляндіи и Лифляндіи, гдѣ мѣстные помѣщики затрудняли по возможности осмотръ лѣсовъ, и иногда просто не допускали до нихъ присланныхъ адмиралтействомъ лицъ. Собственно же въ русскихъ губерніяхъ только одинъ священникъ, Данило Кузьминъ, отказался отъ чтенія указа о храненіи лѣсовъ и бросилъ его на землю, за что представленъ былъ къ розыску въ святѣйшій синодъ. Опасеніе не точнаго исполненія царскихъ повелѣній было такъ велико, что вслѣдствіе указа 1722 года о запрещеніи рубить лѣса въ Заонежьи, тамъ вовсе перестали строить суда. Обстоятельство это потребовало объясненія со стороны адмиралтействъ-коллегіи, что царскимъ указомъ запрещено рубить дубовые лѣса, годные къ корабельному строенію, а также истреблять большія сосны на дрова и на мелочи, а не на строеніе морскихъ судовъ, такъ какъ цѣль указа состоитъ именно въ томъ, чтобы посредствомъ сохраненія лѣсовъ способствовать судостроенію, а не останавливать его [2]).

До 1723 года не было никакого отдѣльнаго учрежденія для завѣдыванія лѣсами; смотрѣніе же за ними обыкновеннно поручалось особо назначеннымъ для этого дворянамъ или выборнымъ людямъ изъ мѣстнаго населенія, а иногда воеводамъ [3]). Такъ съ 1706 года

---

[1]) Матеріалы. Отд. VI, №№ 1, 2 и 17.

[2]) Матеріалы. Отд. X, стр. 548.

[3]) Матеріалы. Отд. X, стр. 369, 498, 513 и 515. Отд. VI, № 13.

надзоръ надъ заповѣдными лѣсами въ Ингермаландіи передань отъ адмиралтейскаго вѣдомства, сначала стольнику князю Хилкову, затѣмъ въ с.-петербургскую губернскую канцелярію и, наконецъ, въ воеводскую канцелярію. Но какъ отъ слабаго смотрѣнія «явились многія порубки», то въ 1720 году, по розыскѣ и наказаніи виновныхъ, «заповѣдные лѣса и рощи, для лучшаго смотрѣнія, опредѣлено вѣдать въ адмиралтейской коллегіи», которая назначила къ этому дѣлу коммисара Кафтырева, съ необходимымъ числомъ помощниковъ. Наконецъ въ 1723 году учреждена вальдмейстерская контора и на обязанность завѣдывавшаго ею оберъ-вальдмейстера возложенъ нетолько надзоръ за лѣсами во всемъ государствѣ, но и заботы о разведеніи лѣса посредствомъ посѣвовъ. Въ концѣ 1723 года оберъ-вальдмейстеру дана отъ адмиралтействъ-коллегіи инструкція [1]).

Вначалѣ лѣсъ для кораблестроенія рубили по берегамъ рѣкъ и ихъ притоковъ, ближайшихъ къ верфямъ и соединенныхъ съ ними удобными водяными путями. Таковы были мѣстности по рѣкамъ Воронежу и Дону съ ихъ притоками, по Невѣ, Ижорѣ, Тоснѣ, Свири, Волхову и проч. Потомъ районъ этотъ распространился: для азовскаго флота описали лѣса въ тамбовскомъ уѣздѣ, а для балтійскаго—рубили корабельные дубовые лѣса по рѣкѣ Ловати и ея притокамъ [2]); преимущественно же дубовые корабельные лѣса доставляли изъ Казанской губерніи, а небольшое количество дорогихъ «заморскихъ» деревъ, какъ то «эзенгоута, пакгоута и пальмгоута», необходимыхъ для шкивовъ и нѣкоторыхъ другихъ подѣлокъ, покупали за-границею.

Каковы были тогда лѣса, даже въ чертѣ нынѣшняго Петербурга, показываютъ слѣдующія числа: въ 1718 году найдено было «дубовыхъ деревьевъ годныхъ для кораблестроенія» на Васильевскомъ острову 88 деревъ, на Петербургскомъ острову (Петербургской сторонѣ) 302 и отъ адмиралтейства до Екатерингофа 91 дерево. Близъ рѣки Тосны въ это время было множество мачтовыхъ деревьевъ;

---

[1]) Матеріалы. Отд. X, стр. 404, 496, 506, 535, 542. Полн. собр. зак. 1723 г. №№ 4379 и 6560.

[2]) Матеріалы. Отд. VI, № 4. Отд. X, стр. 500.

впрочемъ такія деревья преимущественно доставлялись изъ Риги; а впослѣдствіи также изъ Нижняго и Казани.

Для избѣжанія напрасной перевозки лишней тяжести и для употребленія въ дѣло каждой штуки на мѣсто болѣе пригодное по ея формѣ, уже съ 1710 года начали было въ Казани обдѣлывать дубовыя штуки на мѣстѣ, въ самыхъ лѣсахъ, если не совсѣмъ по лекаламъ, то приближенно, примѣняясь къ формѣ и размѣру того корабельнаго члена, для котораго готовилась каждая штука. Такъ обтесывались части киля, штевней, дейдвудовъ, флортимберсовъ, футоксовъ и бимсовъ. Для заготовленія корабельныхъ лѣсовъ государь не щадилъ никакихъ расходовъ; когда казанскій губернаторъ Петръ Апраксинъ, братъ Ѳедора Матвѣевича, представлялъ, что отсылка лѣсовъ обходится очень дорого, именно доходитъ до 100 тысячъ рублей, то адмиралъ отвѣчалъ ему «царское величество ничего жалѣть не изволитъ, но только (требуетъ) лѣсовъ, для строенія кораблей».

Несмотря на жестокія наказанія и разныя административныя мѣры, принимаемыя для охраненія лѣсовъ, вопіющая необходимость въ нихъ дѣлала множество несчастныхъ преступниковъ закона, для которыхъ указы о взысканіяхъ не оставались мертвою буквою, а приводились въ точности въ исполненіе. Вотъ одинъ изъ множества примѣровъ: въ 1722 году отставной солдатъ срубилъ березу въ 15 дюймовъ въ окружности, и только «многовременная служба въ солдатствѣ и бытность неоднократно при баталіяхъ и штурмахъ»; а также и то обстоятельство, что виновный «посѣчку учинилъ малую» избавили его отъ слѣдуемаго по указу наказанія кнутомъ, вмѣсто, котораго велѣно было на мѣстѣ преступленія бить преступника батогами «нещадно». Наконецъ, въ 1723 году, прежнія строгія мѣры начали постепенно смягчаться, причемъ, между прочимъ, было дозволено петербургскимъ жителямъ безпрепятственно вырубать «въ своихъ собственныхъ дачахъ» просѣки и пересаживать деревья [1]).

Желѣзо.

Второй, послѣ лѣса, необходимѣйшій для судостроенія матеріалъ—желѣзо, вызывалъ не меньшую заботливость государя. Заготовка желѣзныхъ вещей для судовъ азовскаго флота производи-

---

[1]) Матеріалы. Отд. IV, №№ 14, 21 и 24. Отд. X, стр. 365 и 504. Пол. Собр. зак. 1723 г. № 4253.

лась первоначально на частныхъ заводахъ Нарышкина, Меллера, Демидова, Борина, Аристова и Бутенанта. Затѣмъ учреждены были казенные желѣзные заводы въ Устюжнѣ Желѣзнопольской (Новгородской губ.), Липецкіе и Козьминскіе (Тамбовской губ.). По повелѣнію государя, почти одновременно съ началомъ кораблестроенія близъ Ладожскаго озера, начались розыски мѣстностей изобиловавшихъ желѣзною рудою, лежавшихъ не вдальнемъ разстояніи отъ верфей и соединенныхъ съ ними удобными водяными путями. Сначала пушки, якоря, ядра и другія желѣзныя вещи для шести фрегатовъ, строившихся въ 1702 году на рѣкахъ Свири и Пашѣ, дѣлались на желѣзныхъ заводахъ, арендуемыхъ иностранцемъ Бутенантомъ. Заводы эти Лижемскій, Фомогубскій, Устрѣцкій, Кедрозерскій и Шуйскій, находились въ олонецкомъ уѣздѣ, близъ сѣверной части Онежскаго озера. Выдѣлка желѣза была на нихъ такъ хороша, что желѣзо Бутенанта цѣнилось наравнѣ съ хорошимъ шведскимъ и вывозилось заграницу. Но для удовлетворенія потребностямъ предполагаемаго флота заводовъ Бутенанта было недостаточно и потому въ томъ же 1702 году, по «досмотру и чертежу» стольника Григорія Племянникова, адмиралтейство начало строить и свои заводы: *Ижинскіе*—на р. Ижинѣ близъ Устюжны Желѣзнопольской, *Кесменскіе* — близъ села (нынѣ городъ) Весьегонска, *Никольскіе* — подъ селомъ Никольскимъ въ бѣлозерскомъ уѣздѣ, *Тырпицкіе* — на р. Шогдѣ въ шужбаленской волости на рѣкахъ Лабогдѣ и Андогѣ.

Съ основанія этихъ заводовъ до 1712 года, къ нимъ въ разное время было приписано для работъ 1,118 дворовъ крестьянъ, за которыхъ казна заплатила по оцѣнкѣ ихъ владѣльцамъ 53,177 руб. На первоначальное устройство этихъ заводовъ израсходовано до 20,000 руб. и ежегодно отпускалось 2,000 руб. За то на нихъ уже въ 1703 году было выдѣлано разныхъ корабельныхъ вещей и гвоздей до 20,000 пудъ. Кромѣ ежегоднаго отпуска 2,000 руб. адмиралтейскіе заводы пользовались съ приписанныхъ къ нимъ деревень нетолько работниками и подводами, но и разными оброчными статьями. Заводы Бутенанта, съ бывшими при нихъ крестьянами, въ 1703 году приписаны къ новозавоеванной крѣпости Шлиссельбургу. За истощеніемъ доброкачественной руды нѣкоторые изъ адмиралтейскихъ заводовъ вовсе оставлены и основаны другіе: въ По-

вѣнцѣ—на сѣверозападной сторонѣ Онежскаго озера, на р. Пяльмѣ и въ 1703 году *Петровскіе*—на мѣстѣ нынѣшняго Петрозаводска, а потомъ въ 1707 году Кончезерскіе. При учрежденіи Петровскихъ заводовъ къ нимъ приписаны были города Бѣлоозеро и Каргополь, состоявшіе до этого времени въ вѣдѣніи Олонецкой верфи. Съ уничтоженіемъ азовскаго флота и съ развитіемъ дѣятельности балтійскаго, адмиралтейскіе заводы Азовской губерніи (Липецкіе и Козьминскіе) начали работать исключительно для балтійскаго флота.

На содержаніе адмиралтейскихъ заводовъ и на приготовленіе на нихъ для флота различныхъ предметовъ отпускалось ежегодно сначала по 10,000 руб., а въ послѣдствіи и до 15,000 руб. Кромѣ того, для работъ на заводахъ Азовской губерніи приписаны были города: Доброй, Сокольскъ, Романовъ и Бѣлоколодскъ съ 3,709 дворами, при чемъ дозволено брать въ прибавокъ работниковъ еще съ слѣдующихъ городовъ, приписанныхъ къ Воронежу и находившихся по близости заводовъ: съ Ельца, Усмани, Демшинска, Орлова, Лебедяни и Данкова [1]).

Въ Воронежѣ былъ пушечно-литейный заводъ, который въ 1713 году сломали и устроили новый на Осередѣ. Желѣзный заводъ Борина, бывшій въ романовскомъ уѣздѣ и построенный Боринымъ на дворцовой землѣ и на срочное время, въ 1721 году взятъ въ казну и приписанъ къ заводамъ Липецкимъ [2]).

Относительно положенія этихъ заводовъ происходили многія измѣненія; такъ напр. нѣкоторые изъ нихъ отчислялись временно или навсегда отъ адмиралтейскаго вѣдѣнія, а иные вовсе прекращали свою дѣятельность по истощеніи руды. Въ послѣдніе годы царствованія Петра для морскаго вѣдомства работали заводы—на сѣверѣ: Олонецкіе-петровскіе, Кончезерскіе, Устрѣцкіе, Повѣнецкіе и Тырпицкіе, а на югѣ: Липецкіе, Козьминскіе и Боринскіе. Впослѣдствіи, у государя до того измѣнился взглядъ на выгодность казенныхъ заводовъ, что (въ 1722 г.) онъ располагалъ нѣкоторые изъ нихъ отдать на откупъ частнымъ лицамъ.

---

[1]) Матеріалы. Отд. IV, №№ 1, 2, 4, 5, 10, 11, 16, 18, 26, 27 и 70.
[2]) Матеріалы. Отд. IV, №№ 30 и 76.

На каждомъ изъ этихъ заводовъ выработывались преимущественно тѣ предметы, выдѣлкѣ которыхъ болѣе удовлетворяло качество руды и допускали средства завода; но въ случаѣ особенныхъ обстоятельствъ, конечно, на нихъ заставляли дѣлать все то, въ чемъ предстояла бо́льшая надобность. На Олонецкихъ, Устрѣцкихъ и др. заводахъ отливали пушки, преимущественно большихъ калибровъ, дѣлали якоря, снаряды, ружья, пистолеты и приготовляли разныя желѣзныя вещи для строющихся кораблей. Въ 1718 г. часть якорной кузницы съ Олонца переведена была въ Ладогу, а оттуда въ 1724 г. мастеровые и инструменты перевезены на Сестрорѣцкіе заводы. На Тырпицкихъ—лили ядра, дробь (картечъ) и баластъ; на Липскихъ и Козминскихъ—мортиры, пушки, фалконеты, ружья, пистолеты, галерные якоря, корабельные дреги и разныя желѣзныя и мѣдныя вещи, а также и баластъ, на который выпускали чугунъ, оставшійся въ горнѣ послѣ литья пушекъ. Въ 1710 году баластъ отливался въ видѣ бруса въ 3 фута длины, $^{1}/_{4}$ аршина ширины и въ 13 пудовъ вѣсомъ. Уже впослѣдствіи, Христіанъ Отто, завѣдывавшій заводами, по примѣру шведовъ, началъ отливать баластины въ 4 пуда, «съ ямками на концахъ», для удобнѣйшаго ихъ подъема и переноски. Для баласта также употреблялись неудачно-отлитыя пушки, получавшія тогда названіе «баластъ-пушекъ» [1]). На Осередѣ отливали мѣдныя пушки, мортиры и чугунныя пушки даже 24-хъ фунтовыя. Кромѣ того, съ 1714 года, Никита Демидовъ, со своихъ сибирскихъ Невьянскихъ заводовъ началъ ставить на флотъ пушки отъ 8 до 18 фунт. а потомъ полосное и осмигранное желѣзо, и за эту поставку ему предоставлялись правительствомъ разныя льготы. Еще ставили на флотъ желѣзо заводы Нарышкина и Меллера; послѣдній даже отливалъ пушки, и за свои работы для казны пользовался также нѣкоторыми льготами.

Проба принимаемыхъ съ заводовъ вещей, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы царствованія Петра, была весьма серьезная. Такъ напр. на Петровскихъ заводахъ въ 1721 г. для испытанія крѣпости новаго якоря сначала поднимали его на высоту веретена и бро-

---

[1]) Матеріалы. Отд. IV, №№ 18, 20, 69 и 72. Отд. X. стр. 356, 379, 409, 531, 575 и 662.

сали на чугунный брусъ пяткою; потомъ бросали внизъ рымомъ и наконецъ на пушку, серединою веретена.

Съ быстрымъ увеличеніемъ флота увеличивалась и работа на заводахъ, на которыхъ, не рѣдко, трудились безъ устали. Такъ напр. на Липецкихъ и Козьминскихъ, впродолженіе пяти лѣтъ (съ 1716—20), отлито было 1,680 пушекъ (отъ 3 до 12 ф.) и 204 фалконета [1]); а на Олонецкихъ, при управленіи Геннига, въ четыре года (съ 1714—17), отлито 895 мортиръ и пушекъ (30 и 24 фунт.), изъ которыхъ не выдержали пробы только 63 орудія [2]) — процентъ, для того времени, весьма удовлетворительный.

Геннигъ, комендантъ Олонецкихъ заводовъ, былъ однимъ изъ тѣхъ благородныхъ иностранцевъ, дѣятельность которыхъ принесла особенную пользу флоту. Онъ былъ человѣкъ свѣдущій, энергичный и не простой исполнитель царской воли, а разумный, честный, добрый и самостоятельный дѣятель, который заботился о будущности завода, и крестьянъ приписанныхъ къ нему считалъ не бездушною рабочею силою, а людьми, заслуживающими сострадапія и помощи. Онъ не затруднялся, отстаивая ихъ, писать къ самому государю рѣзкія правдивыя письма и, въ случаѣ нужды, не боялся такъ же какъ и Крюйсъ идти даже противъ всемогущаго Меншикова. Такъ въ мартѣ 1713 года, когда на заводѣ остановилась переливка мѣдныхъ пушекъ, весьма интересовавшая государя, Геннигъ писалъ къ нему объ этомъ такимъ образомъ: «вице-губернаторъ подчиненный Меншикову мнѣ сказалъ: для чего ты на меня письма даешь, будто я въ остановкѣ литья виноватъ, ты вѣдай себѣ, я всегда буду чистъ, а ты въ томъ дѣлѣ останешься и будешь отвѣчать; не на меня доносишь, но на свѣтлѣйшаго князя, и чѣмъ не управно—будетъ ему слово. Ты надѣешься на адмирала (Апраксина), и ты вѣдай, адмиралъ-онъ у насъ (т. е. на заводахъ) временной командиръ, а тебѣ надобно прежде твою сказку (донесеніе) мнѣ показать». «А я ему отвѣчалъ, продолжаетъ Геннигъ, «ты надѣешься на князя и своихъ неправдивыхъ мамонскихъ подарковъ... а мнѣ не чѣмъ подарить, я бѣдный сирота, надѣюсь на Бога и на государя своего милостиваго, понеже онъ правду любитъ и подарки у него не посо-

---

[1]) Матеріалы. Одд. IV, № 69.

[2]) Матеріалы. Отд. IV, №№ 41, 42, 43, 63, 69 и 71. Отд. X, стр. 570.

бять». Въ другой разъ, видя невозможность исполнить всѣ приказанія царя, требованія котораго возростали по мѣрѣ скорости исполненія, Геннигъ писалъ: «Воистину я опасаюсь Вашего Ц. В. гнѣва, что я не могъ противъ всѣхъ указовъ чинить, почитай (едва) не каждую недѣлю вновь указы присылаются, и все вновь работы и припасы спрашиваютъ въ Петербургъ и къ Архангельскому городу, и отъ такой великой и крутой работы и въ высылкахъ подводъ и въ строеніи катъ (катовъ — грузовыхъ судовъ) и смольнаго куренья сверхъ заводской нужды, достальные мужики разбѣгутся, а оныхъ стало было по прежнему въ домы свои собираться, а нынѣ опять многіе вышли отъ такого великаго отправленія, понеже какъ все класть (то есть, принять въ расчетъ): уголь, известь, руду, подводы, заводскія работы и мелкія подати въ цѣну, и становится на каждый дворъ по цѣнѣ 30 руб. Самъ изволь разсудить о такой тягости». Были случаи, что для заводскихъ работъ крестьяне должны были приходить за 600 верстъ, и тогда Геннигъ, съ согласія ихъ, успѣлъ выхлопотать замѣну личнаго труда денежнымъ взносомъ.

Письма его къ Апраксину также прямы и откровенны; выведенный изъ терпѣнія безпрестанными неисполнимыми требованіями, онъ замѣчаетъ: «они думаютъ въ Петербургѣ, что можно лить пушки и якоря дѣлать такъ скоро, какъ лить свинцовыя пули» [1]).

Заботясь о прибавкѣ заводскихъ рабочихъ, Геннигъ, по случаю скораго отъѣзда государя изъ Петербурга, писалъ: «А ты нынѣ пойдешь въ походъ, и то безъ тебя въ моемъ исканіи (то есть въ ходатайствѣ) въ Сенатѣ опредѣленія не будетъ, опять въ долгой ящикъ оставлено будетъ...». Трудно сказать, что заслуживаетъ большей похвалы, смѣло ли высказанная Геннигомъ правда, или благосклонное принятіе царемъ ее Петромъ?

Такой начальникъ заводовъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ быстраго снаряженія судовъ нашего молодаго флота.

Смола и пенька.

Смола необходимая для флота получалась «натурою». Ее добывали крестьяне селеній, приписанныхъ къ адмиралтейству, въ такомъ значительномъ количествѣ, что, кромѣ удовлетворенія по-

---

[1]). Матеріалы. Отд. IV, №№ 29, 47—49 и 52.

требностямъ флота, она шла еще въ числѣ казенныхъ товаровъ въ продажу заграницу. Для примѣра замѣтимъ, что въ мѣстности, приписанной къ Олонецкой верфи, въ четыре года (съ 1704—7) смолы добыто болѣе 200 тысячъ пудовъ. Пенька закупалась черезъ посредство московской адмиралтейской конторы, въ самыхъ мѣстахъ производства [1]).

Адмиралтейскіе заводы и фабрики.

Многіе другіе предметы необходимые для флота или морскихъ учрежденій производились на собственныхъ адмиралтейскихъ заводахъ, бывшихъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Кромѣ фабрикъ занимавшихся выдѣлкою полотенъ (въ Москвѣ), прядильныхъ и канатныхъ заводовъ (въ Москвѣ, Ревелѣ, потомъ въ Петербургѣ) были фабрики солдатскаго сукна (при Липецкихъ заводахъ), для которыхъ даже одно время находили выгоднымъ завести овчарни. Были также адмиралтейскія шляпныя, чулочныя фабрики, кожевенные, бумажные, замшевые, пергаментные, кирпичные и другіе заводы, пильныя и мукомольныя мельницы и пр. Всѣ эти заведенія, кромѣ производства предметовъ необходимыхъ для флота, старались исполнять и частные заказы, которые могли принести выгоду [2]).

Мѣстности приписанныя къ адмиралтейству.

Мѣстности приписанныя къ адмиралтейству, доставляя рабочихъ людей и лошадей и исполняя разныя оброчныя статьи, представляли значительную выгоду. При началѣ кораблестроенія на Сяси. Пашѣ и Свири, изъ селеній приписанныхъ къ верфямъ нерѣдко плотниковъ случалось вызывать поголовно. Приписанные осенью 1703 года къ Олонецкой верфи города Бѣлоозеро, Каргополь и Пошехонье, съ ихъ уѣздами, вносили на содержаніе верфи «всякіе доходы за исключеніемъ таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ», а въ этой мѣстности было более 27 тысячъ дворовъ. Не считая денегъ, которыхъ приписанные крестьяне съ 1703 по 1705 годъ платили ежегодно отъ 25 до 30 тысячъ рублей, съ нихъ же собиралось до 6 тысячъ четвертей ржи и столько же овса, $2^1/_2$ тысячи пудовъ свинаго мяса и около 1,300 пудовъ масла. Въ обыкновенное время они должны были выставлять на верфь съ 5 дворовъ по работнику, а съ 10—по ло-

---

1) Матеріалы. Отд. III, №№ 49 и 126.

2) Матеріалы. Отд. X, стр. 61, 64, 70, 72, 78, 83, 91 и 555.

шади съ подводчикомъ. Средства значительныя, несмотря даже на обычные непорядки того времени, производившіе большую разницу между числами выставленными на бумагѣ и существовавшими въ дѣйствительности.

Адмиралтейскія имѣнія, бывшія въ выборгскомъ уѣздѣ, ставили въ Петербургъ съ 4-хъ дворовъ одного рабочаго, который полгода работалъ съ лошадью и полгода безъ лошади. Тѣ же крестьяне работали на угольныхъ и смоляныхъ заводахъ, рубили для флота дрова, косили для адмиралтейскихъ лошадей сѣно и все это доставляли въ Петербургъ, или куда было приказано. Офицеръ, называвшійся коммисаромъ и управлявшій этими деревнями, жилъ въ Выборгѣ, завѣдывалъ тамъ (морскими) коммисаріатскими дѣлами и, кромѣ того, управлялъ почтою между Выборгомъ и Петербургомъ.

Адмиралтейскія мызы, находившіяся въ Эстляндіи, на островахъ Даго и Вормсѣ, доставляли рожь, которая промѣнивалась въ Ревелѣ, у приходившихъ иностранныхъ судовъ, на соль. Потомъ соль продавали и на часть вырученныхъ денегъ покупали, уже у мѣстныхъ производителей, рожь для флота. Этотъ оборотъ доставлялъ также нѣкоторую выгоду. Изъ получаемаго съ мызъ ячменя варили для флота пиво, излишекъ котораго шелъ въ продажу. Подобныя разнообразныя выгоды извлекались изъ всѣхъ имѣній, приписанныхъ къ адмиралтейству [1].

Заготовка провизіи и продовольствіе служащихъ.

Нѣкоторые предметы для продовольствія флотскихъ командъ доставлялись изъ губерній «натурою», по утвержденному сенатомъ росписанію, другіе приготовлялись адмиралтействомъ на своихъ заводахъ или поставлялись по подрядамъ. Мука, крупа, сухари, горохъ, солонина, масло, свиное соленое мясо и вино (производившееся частію и на своихъ заводахъ) доставлялись изъ губерній; иногда (въ 1712 г.) муку и крупу привозили даже изъ губерніи Азовской и изъ Сибири. Случалось, что въ извѣстной мѣстности не находилось подрядчиковъ для печенія изъ казенной муки сухарей; тогда муку раздавали обывателямъ, на каждый дворъ опредѣленное количество, и заставляли печь сухари по даннымъ

---

[1]) Матеріалы. Отд. III, №№ 71, 75, 96 и 104.

*

образцамъ. Разумѣется, при такомъ способѣ печенія нельзя было получать хорошихъ сухарей.

Одною изъ главныхъ причинъ порчи провіанта на корабляхъ была доставка его въ куляхъ. Отъ сырости, рогожи гнили, портили провіантъ и заражали корабль міазмами, производившими болѣзни и сильную смертность. Въ отвращеніе этого, въ 1714 году велѣно было доставлять провіантъ въ бочкахъ одинакой величины, на вывѣсъ около 15 пудовъ; но это постановленіе съ большимъ трудомъ и медленностію приводилось въ исполненіе. Несмотря на то что Апраксинъ, исполняя волю государя, строго приказывалъ, чтобъ къ кампаніи 1715 года «ни единаго куля на корабляхъ не было», Паддонъ, поступившій въ нашу службу въ 1717 году, въ числѣ недостатковъ флота замѣчаетъ о провіантѣ, привозимомъ «въ непокрытыхъ судахъ, безъ бочекъ, изъ дальнихъ мѣстъ водою, который портится еще прежде привоза его на флотъ»; а въ 1718 году состоялся указъ государя сенату о присылкѣ провіанта, кромѣ сухарей, въ бочкахъ, а не въ куляхъ, «отчего плесень великая въ корабляхъ и провіанта долго держать не возможно». Во время постовъ мясо замѣнялось рыбою и въ число морской провизіи входили снѣтки и треска, доставляемая изъ Архангельска, почему-то, подъ нѣмецкимъ названіемъ «стокфишъ». Ее покупали въ Архангельскѣ отъ компаніи Меншикова и Шафирова, по 4 гривны за пудъ, и доставляли въ Петербургъ по первому зимнему пути. Въ 1714 году употребленіе снѣтковъ отмѣнено, а пробовали привозить съ Дону сухихъ щукъ и судаковъ, собирая рыбу съ мѣстныхъ жителей, въ замѣнъ наложеннаго на нихъ провіанта, но въ 1716 году изъ Воронежа рыбу присылать не велѣно, а стали закупать въ Архангельскѣ трески для нижнихъ чиновъ ежегодно до 5 тысячъ пудъ, да для офицеровъ самой лучшей до тысячи пудъ. Въ Казани пробовали солить небольшое количество осетрины и бѣлужины, голландскимъ способомъ, «какъ солятъ свинину», но это почему-то не удалось. Тотъ же Паддонъ, въ проектѣ объ улучшеніяхъ на флотѣ, писалъ, что «пиво даетъ новую жизнь людямъ въ морской службѣ», и пиво вошло въ списокъ морской провизіи. Его сначала заказывали въ Петербургѣ и Ревелѣ, но какъ цѣна оказалась невыгодною, то устроены были свои адмиралтейскія пивоварни. Пива выходило довольно много, напр. ежегодный расходъ въ 1721 году достигалъ

до 325 тысячъ ведеръ и въ одномъ Кронштадтѣ варили его до 200 тысячъ ведеръ [1]).

Вообще, при постоянномъ недостаткѣ денегъ, морской администраціи петровскаго времени приходилось, по пословицѣ, «на обухѣ рожь молотить такъ, чтобы зерна не уронить». Всякій предметъ старались, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, не только заготовить выгоднѣе, но еще если предстояла возможность, то дѣлали при-этомъ коммерческій оборотъ. Напр. соль сначала получалась изъ варницъ, находившихся въ городахъ, приписанныхъ къ адмиралтейству, но въ 1715 году, когда получено было 176,000 пудовъ соли испанской и англійской, тогда, оставивъ ея 40,000 пуд. на четырехгодичное продовольствіе морскаго вѣдомства, остальное количество пустили въ продажу, конечно не безъ выгоды.

Съ самаго основанія флота всѣ морскіе чины во время бытности въ кампаніи получали особое пищевое довольствіе подъ названіемъ «морской провизіи», которая отличалась отъ обыкновенной, производимой на берегу тѣмъ же лицамъ, во-первыхъ, нѣсколько бо́льшимъ разнообразіемъ продуктовъ, во-вторыхъ, увеличеніемъ порціи и, въ-третьихъ, прибавленіемъ нѣкоторыхъ согрѣвающихъ напитковъ, какъ напр. водки, пива, сбитня и т. п.

Обычай производства морской провизіи заимствованъ нами отъ иностранныхъ флотовъ; причины же учрежденія ея заключаются, безъ сомнѣнія, въ особенностяхъ морской жизни и службы, болѣе береговой истощающихъ организмъ и потому требующихъ для человѣка бо́льшаго и лучшаго питанія. Составъ матросской порціи и количество ея въ первое время были различны: въ азовскомъ походѣ матросъ получалъ: $^1/_2$ ф. свинаго мяса, 1 ф. сухарей, 2 чарку вина и сбитню, 1 чарку уксусу въ день; $^1/_4$ четверика толокна и крупъ и 1 ф. соли въ мѣсяцъ; въ кампаніи на Азовскомъ морѣ порцію морской провизіи составляли: 2 фунта сухарей, 1 фунтъ крупъ и толокна въ день; $^1/_2$ фунта соли и по 1 фун. масла коровьяго въ недѣлю; вина, сбитню и уксусу по 25 чарокъ въ мѣсяцъ [2]).

---

[1]) Матеріалы. Отд. III, №№ 7, 8, 9, 12, 13, 17, 20, 22, 23, 26. Отд. II, № 265. Отд. X. стр. 464.

[2]) Азовск. період. Приложен. Т. I, стр. 46—50 и Т. II, стр. 237,

Въ первые годы существованія балтійскаго флота, именно осенью 1704 года, по вѣдомости, составленной Крюйсомъ, матросу полагалось въ мѣсяцъ: сухарей 30 фунт., мяса 16 ф., ветчины 5 ф., масла коровьяго 5 ф., трески сухой 5 ф., крупъ 6 ф., бѣлаго гороху 6 ф., сала 2 ф., вина 2 чарки въ день и уксусъ (количество не означено). Для капитановъ заготовлялось: «ренское» вино, пшеничный хлѣбъ, сухари бѣлые, сухари (черные?), пшено, всякія овощи, курицы и бараны. Въ 1705 году на судахъ готовились для матросовъ слѣдующія кушанья: въ воскресенье, вторникъ и четвергъ—горохъ и въ немъ крошеное мелкими кусками мясо; въ понедѣльникъ — густо-вареная кашица съ коровьимъ масломъ, «въ которую надлежитъ накрошить сухарей»; въ среду — жидко-вареная кашица и въ ней судаки и карпы; въ пятницу и субботу тоже что и въ среду, съ тою только разницею, что въ котелъ клали коровьяго масла. Въ дождливое походное время полагалась вечеромъ чарка водки, а въ очень жаркое (?) чарка передъ обѣдомъ и другая вечеромъ. Обѣдали матросы въ 7½ часовъ утра и ужинали въ 5½ часовъ вечера [1]). Раздача мяса, рыбы и водки производилась по списку «нѣмецкими унтеръ-офицерами и русскими сержантами». Ежедневно нѣсколько человѣкъ матросовъ съ унтеръ-офицеромъ и лекаремъ отправлялись на берегъ для сбора щавеля и другой зелени, которая клалась въ котелъ вмѣстѣ съ мясомъ.

Въ слѣдующіе годы, когда уже суда начали выходить въ море, въ числѣ провизіи явилась ветчина провѣсная, говядина и солонина. Сыръ входилъ въ число морской провизіи только въ самые первые годы существованія флота, какъ обычная пища иностранныхъ матросовъ, да еще въ 1720 году его выдавали въ Финляндіи на галерномъ флотѣ взамѣнъ масла, котораго не было доставлено; за фунтъ масла отпускали два фунта сыру. Вообще, какъ припасы, входившіе въ составъ морской провизіи, такъ и количество ихъ въ порціи подвергались частымъ измѣненіямъ, и только въ 1716 году то и другое получило точное опредѣленіе. 9-го марта этого года обнародовано «Объявленіе во флотъ Е. Ц. В., для лучшихъ порядковъ о раздачѣ провіанта на корабляхъ», которымъ опредѣлено количество

---

[1]) Матеріалы. Отд. III, №№ 2 и 3.

порцій по чинамъ и назначена слѣдующая порція одному человѣку на мѣсяцъ: сухарей 1 п. 20 фунт., гороху и крупъ по 10 ф., масла 5 ф., соли $1^1/_2$ ф.; мяса и рыбы положено на недѣлю: перваго—2 ф., второй—1 ф., муки на квасъ на 4 человѣка по четверику въ мѣсяцъ, вина каждому по 4 чарки въ недѣлю, уксусу по кружкѣ въ мѣсяцъ. Это положеніе существовало до изданія морскаго устава. Кромѣ количества, въ «объявленіи» опредѣлялся порядокъ храненія и раздачи провіанта, и также назначены были слѣдующія кушанья на каждый день недѣли: въ воскресенье положено на человѣка по фунту свинины и ординарная каша; въ понедѣльникъ и вторникъ—каша размазня съ коровьимъ масломъ и горохъ; въ четвергъ и субботу—по $^1/_2$ ф. ветчины съ горохомъ и ординарная каша; въ среду и пятницу—по $^1/_2$ ф. рыбы съ кашею и кто пожелаетъ—съ коровьимъ масломъ [1]). По морскому уставу мѣсячная матросская порція опредѣлена слѣдующая: говядины и свинины по 5 ф., сухарей 45 ф. гороху 10 ф., крупъ 15 ф., рыбы 4 ф., масла 6 ф. пива 7 ведеръ, вина 16 чарокъ, уксусу $^1/_2$ кружки, соли $1^1/_2$ фунта.

Обмундированіе морскихъ служителей.

Первоначально нижніе чины нашего флота должны были сами заботиться о своей одеждѣ, заводя ее изъ получаемаго жалованья, которое, вслѣдствіе этого, увеличивалось прибавкою 1 рубля «на бостроги (брушлаты) и на штаны». Неудовлетворительность такого способа обмундированія оказалась весьма скоро: изъ указа, объявленнаго Крюйсомъ послѣ кампаніи 1705 года, видно, что нижніе чины, забравъ жалованье, одежды себѣ не завели и многіе изъ нихъ, какъ выражено въ указѣ, «ходили въ наготѣ». Для устраненія такого непорядка, Крюйсъ предлагалъ начальствующимъ лицамъ удерживать изъ жалованья деньги, для покупки необходимаго платья.

Узаконенные же вычеты на мундиръ установлены только въ 1709 году, въ размѣрѣ 25 процентовъ съ рубля получаемаго жалованья, за которые нижнимъ чинамъ выдавались «шапки, бостроги, штаны, чулки и чирики (башмаки)», а въ декабрѣ мѣсяцѣ 1710 г. опредѣлены какъ количество и качество мундирныхъ вещей, такъ и срокъ носки ихъ. Каждому матросу на 2 года полагалось: по парѣ бостроговъ со штанами изъ паруснаго полотна (канефасныхъ), по парѣ бостроговъ (изъ сѣрыхъ суконъ) со штанами, по парѣ башма-

---

[1]) Матеріалы. Отд. III, № 16.

ковъ съ пряжками, по парѣ чулковъ, по 2 рубахи съ порты, по шапкѣ или по шляпѣ; служащимъ въ морскихъ батальонахъ (вѣроятно, сверхъ обыкновенной обмундировки) полагалось еще на 3 года по кафтану и по камзолу со штанами [1]).

Но и при новомъ способѣ обмундированія Апраксину иногда приходилось предписывать «нагихъ одѣть» и дѣлать выговоры за «зѣло скудные» мундиры, худыя сукна и штаны «годные развѣ для 10-ти лѣтнихъ». Въ 1717 году, во время зимовки нашихъ галерныхъ командъ Ростокѣ, Змаевичъ доносилъ Апраксину: «многократно я писалъ для солдатскаго мундира, матросскаго и пушкарскаго; кои при насъ весьма наги и не токмо кафтанами, камзолами и прочимъ обносились, истинно почитаю что и рубахъ на каждомъ нѣтъ.

Положеніе 1710 года оставалось безъ перемѣны до 1718 года, въ которомъ послѣдовало нѣсколько новыхъ узаконеній и частныхъ измѣненій въ количествѣ, качествѣ и срокахъ носки мундирныхъ вещей. Изъ свода всѣхъ этихъ постановленій, въ 1719 году, составилось слѣдующее положеніе объ обмундированіи морскихъ, галерной эскадры и адмиралтейскихъ служителей:

Въ годъ полагалось.

Пушкарскимъ сержантамъ, капраламъ, конопатнымъ десятникамъ, квартирмейстерамъ, 1-й 2-й статьи матросамъ, и пушкарямъ—по бострогу капефасному съ штанами сермяжными. Да 1-й же и 2-й статьи матросамъ, пушкарямъ и квартирмейстерамъ — по бострогу съ штанами, тиковыхъ. Унтеръ-офицерамъ, солдатамъ и трубачамъ — по бострогу съ штанами капефасныхъ. 3 й статьи матросамъ — по бострогу съ штанами сермяжными. Всѣмъ морскимъ и адмиралтейскимъ служителямъ — холста рубашечнаго по 12 аршинъ, порточнаго по 8 аршинъ; чулковъ по 2 пары. Урядникамъ, солдатамъ и 3-й статьи матросамъ — холста галстучнаго по 2 аршина. Солдатамъ — по шляпѣ валеной, съ полями. Матросамъ и другимъ служителямъ — по шляпѣ валеной же матроской.

Въ 2 года.

1-й и 2-й статьи матросамъ, пушкарямъ и конопатчикамъ —

[1]) Періодъ Азовск. Прилож. V. № 18. лит. д. и щ. Матеріалы. Отд. III, №№ 30, 34, 35.

по бострогу изъ фризъ суконъ съ подкладкою, да штаны капефасныя. Пушкарскимъ сержантамъ, капраламъ, конопатнымъ десятникамъ и квартирмейстерамъ — по бострогу съ штанами изъ английскихъ суконъ. Всѣмъ служителямъ башмаковъ по 3 пары.

Въ 5 лѣтъ.

Унтеръ-офицерамъ, солдатамъ и трубачамъ — по кафтану изъ англiйскихъ суконъ, кромѣ штановъ.

Положенiе это дѣйствовало до изданiя адмиралтейскаго регламента, въ который оно включено съ нѣкоторыми измѣненiями; но по причинѣ недостатка суммъ, случалось, что нижнiе чины не всегда исправно получали слѣдуемую имъ обмундировку; такъ напр. въ 1723 году Апраксинъ писалъ въ адмиралтействъ-коллегiю: «обрѣтающiеся на корабляхъ морскiе солдаты такъ безмундированы, что и на караулъ употребить не возможно, что Е. И. В. не безъ противности и намъ не безъ подозрѣнiя и стыда есть» [1]).

Особенная обмундировка полагалась для гребецкихъ командъ, которыя пользовались большимъ количествомъ и лучшимъ качествомъ мундирныхъ вещей. Флагманскимъ гребцамъ, кромѣ обмундировки матроса 1 статьи, давался цвѣтной суконный бострогъ со штанами, на два года, и 2 рубахи, галстукъ и двѣ пары башмаковъ съ чулками на годъ. Карпучи или шляпы предоставлялось флагманамъ дѣлать отъ себя, «кто какъ похочетъ». Царскiе и знатныхъ особъ гребцы отличались особенною щеголеватостiю и изяществомъ костюмовъ. Царскимъ гребцамъ въ 1722 году, по примѣру прежнихъ лѣтъ, сдѣлана была слѣдующая обмундировка: по бострогу зеленому, со штанами; по бострогу триковому, со штанами; по карпучу зеленому, подбиты смамедомъ; по колпачку бархатному черному, съ кистьми золотыми; по 3 рубахи изъ макарьевскаго полотна, по 2 рубахи изъ голландскаго полотна, по одному бархатному галстуку, по 3 галстука кисейныхъ, по одному парусинному кафтану съ подбоемъ сѣраго сукна, по штанамъ парусиннымъ, по 2 пары башмаковъ, по 2 пары чулокъ (въ томъ числѣ по одной гарусныхъ, красныхъ, по другой шерстяныхъ, васильковыхъ).

---

[1]) Главн. морск. арх. (Дѣл. Змаевича № 1. Дѣл. гр. Апраксина, № 222).

Въ 1720 году для гребцовъ польскаго посла дѣлались бархатные бостроги и штаны красные; на шлюпку транспорта (царской яхты)—бостроги со штанами изъ зеленаго бархата съ золотымъ позументомъ и колпачки изъ чернаго бархата съ золотыми кистями. Въ 1721 году гребцамъ на баржѣ и верейкѣ герцога голштинскаго сдѣланъ былъ «бархатный мундиръ» и рубашки изъ голландскаго полотна [1]).

Заготовкою и раздачею мундирныхъ вещей до 1720 года завѣдывало адмиралтейство, для чего, какъ мы видѣли, въ 1716 году была учреждена особая «мундирная» контора; съ 1720 года «строеніе мундира» было передано въ главный коммисаріатъ, а въ 1724 году оно снова предоставлено морскому вѣдомству и поступило въ вѣдѣніе адмиралтействъ-коллегіи.

Матеріалы и предметы для обмундированія служащихъ на флотѣ бо́льшею частію изготовлялись собственными средствами адмиралтейства, для чего въ вѣдѣніи послѣдняго, какъ мы уже говорили, находились различные заводы и фабрики (стр. 482); частію же матеріалы эти пріобрѣтались покупкою или поставлялись подрядчиками.

Нигдѣ не видно, чтобы морскіе офицеры въ царствованіе Петра Великаго имѣли опредѣленную форму одежды.

Казенные товары.

На содержаніе флота поступали иногда значительныя суммы, выручаемыя отъ продажи «казенныхъ товаровъ», получившихъ это названіе по той причинѣ, что торговля ими составляла монополію казны. Къ числу такихъ товаровъ принадлежали: смола, смольчугъ (самая густая смола), поташъ, пенька, икра, рыбій клей, извѣстной мѣры мачтовыя деревья и пр. [2]) Казна закупала, или вѣрнѣе отбирала, извѣстное количество этихъ товаровъ отъ производителей, за опредѣленную плату, и потомъ перепродавала ихъ съ выгодою за границею или въ Россіи. Торговля такими товарами дозволялась и частнымъ людямъ, но только тогда, когда она не мѣшала успѣшному сбыту товаровъ, пріобрѣтенныхъ казною. Не смотря на дѣйствительный вредъ подобной экономической мѣры, ясно видимый въ настоящее время, въ царствованіе Петра на

---

[1]) Матеріалы. Отд. III, № 43 и Отд. X, стр. 407, 414 и 464.

[2]) Матеріалы. Отд. III № 117.

нее еще смотрѣли какъ на вполнѣ выгодный торговый оборотъ и имѣли этому очевидное доказательство въ непосредственно получаемомъ барышѣ. Напр., съ 1706 по 1715 годъ казна на покупку такихъ товаровъ употребила 281,613 рублей, а продала ихъ за 625,715 р., получивъ такимъ образомъ чистой прибыли болѣе 122 процентовъ. Часть этихъ товаровъ, по цѣнѣ болѣе чѣмъ на 270,000 руб., продана въ Россіи и пошла для архангельской верфи, а изъ прибыли, полученной отъ заграничной продажи, въ Амстердамѣ купленъ 50-ти пушечный корабль и построено еще два корабля. Всѣ они на тѣ же суммы были вооружены, снаряжены и доставлены въ Россію [1]). Казна имѣла также извѣстную выгоду отъ частной продажи мачтъ, а въ 1720 году, въ Ригѣ, по порядку существовавшему тамъ при шведскомъ владычествѣ, *десятая* часть лучшихъ мачтовыхъ деревьевъ отбиралась для адмиралтейства съ платою продавцу только той цѣны, во что обошлись деревья ему самому [2]).

Считаемъ необходимымъ замѣтить, что все сказанное въ этой главѣ о фабрикахъ, заводахъ, мѣстностяхъ приписанныхъ къ адмиралтейству, строительныхъ и другихъ матеріалахъ, продовольствіи, обмундированіи и проч. представляется только въ общемъ очеркѣ, причемъ приведены не многіе, относящіеся къ разнымъ годамъ факты, которыми вѣрнѣе могъ опредѣлиться данный предметъ; поэтому, здѣсь не упоминается о множествѣ подробностей, относящихся ко всѣмъ этимъ предметамъ.

Суммы употреблявшіяся на содержаніе флота.

Кромѣ всѣхъ пособій, которыми пользовалось морское вѣдомство въ видѣ различныхъ матеріаловъ и обязательныхъ работъ, на расходы его отпускались и значительныя денежныя суммы. Въ главѣ III указаны источники денежныхъ средствъ, употребленныхъ на постройку азовскаго флота и на содержаніе какъ личнаго его состава такъ самыхъ судовъ и разныхъ морскихъ учрежденій. Заведеніе флота въ Балтикѣ потребовало новыхъ значительныхъ суммъ, для которыхъ пришлось изыскивать и новые источники доходовъ. Въ первое время, собственно денежные расходы на балтійскій флотъ производились изъ податныхъ сборовъ съ мѣстностей приписанныхъ къ адмиралтейству и изъ доходовъ ингерманландской канцеляріи. Пер-

---

1) Матеріалы. Отд. III, № 121.
2) Матеріалы. Отд. X, стр. 402.

выхъ, какъ мы уже сказали, съ 1703 по 1705 собиралось ежегодно отъ 25 до 30 тысячъ рублей; но эти цифры числились только по переписнымъ книгамъ, въ дѣйствительности же при сборѣ суммъ оставались большія недоимки, иногда неуплачиваемыя впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Такъ напр. въ 1706 году взыскивались недоимки за 1703 и даже за предшествующее время съ 1697 года.

На ту же Олонецкую верфь изъ суммъ ингерманландской канцеляріи, впродолженіе трехъ лѣтъ (съ 1704—6) отпущено было 72,055 руб. Въ 1707 году приписанные къ этой верфи города отошли въ вѣдѣніе олонецкихъ желѣзныхъ заводовъ и содержаніе флота стало производиться только на средства ингерманландской провинціи. Тогда по требованію Меншикова, составлена была первая смѣта «о деньгахъ потребныхъ на содержаніе флота». Предполагая содержать флотъ «каковъ онъ нынѣ есть» и строить ежегодно по одному кораблю, исчислено было, что на продовольствіе служащихъ (кромѣ выдачи муки, крупы и соли натурою) и на покупку и содержаніе 200 рабочихъ лошадей требовалось 31,287 рублей; а на корабельные «припасы», всякія починки и строеніе новаго корабля—48,713 р. При этомъ полагалось необходимымъ имѣть для работы въ адмиралтействѣ и для рубки лѣсовъ по 1000 человѣкъ рабочихъ «на своемъ коштѣ».

По смѣтѣ 1712 года, на флотъ и адмиралтейство назначено было 433,999 руб., въ число которыхъ изъ губерній московской, смоленской, архангельской, казанской и сибирской поступило 257,455 руб.; изъ помѣстнаго приказа, отъ соляного сбора—88,283 и изъ собственныхъ доходовъ адмиралтейскаго приказа 88,259 р. [1]) Въ 1714 году смѣтная сумма возросла до 651,316 р., а въ 1715 г. до 736,711 р., кромѣ 88,259 руб. собственныхъ адмиралтейскихъ доходовъ. Всѣ эти деньги сначала получались съ губерній, съ денежнаго двора, изъ различныхъ приказовъ и приписанныхъ къ адмиралтейству городовъ, а съ 1719 года уже изъ штатсъ-конторы Въ 1721 году расходъ на морское вѣдомство, включая и содержаніе принадлежавшихъ къ нему заводовъ, достигъ до 1,142,977 рублей и въ эту сумму не вошли еще деньги нужныя на по-

---

[1]) Въ современныхъ документахъ эти числа также не сходятся съ суммою ихъ.

купку въ Казани и Нижнемъ «большихъ» мачтовыхъ деревьевъ. Въ 1723 году на флотъ требовалось уже 1,518,516 руб. Въ слѣдующемъ, 1724 году, Апраксинъ «для многихъ государственныхъ расходовъ» полагалъ возможнымъ ограничиться круглою цифрою 1,200,000, прибавляя къ этому сухопутный провіантъ служащимъ и соль натурою, но коллегія не согласилась съ этимъ, представляя, что по причинѣ новыхъ расходовъ необходимо не уменьшеніе, а, напротивъ, увеличеніе получаемой суммы до 1,653,694 руб. [1]). При этомъ исчислялись и необходимые расходы: строеніе судовъ болѣе 395,000 р.; жалованье служащимъ болѣе 597,000 р.; провіантъ болѣе 375,000 р.; порохъ около 54,000 р.; доставка лѣсовъ 115,000 р.; содержаніе заводовъ, фабрикъ и московской адмиралтейской конторы 95,000 р.; и на строеніе рогервикской гавани 20,000 р.; Однако же крайній недостатокъ денегъ пересилилъ представленіе коллегіи и въ ноябрѣ 1724 года на всѣ расходы по морскому вѣдомству назначено было 1,400,000 рублей.

Сумма эта должна была поступать изъ *сорока трехъ* провинцій, губерній, городскихъ управленій и такъ называемыхъ «полковыхъ» мѣстностей. Въ нихъ деньги собирались изъ самыхъ разнообразныхъ *тридцати трехъ* источниковъ; какъ-то: сборовъ таможенныхъ, кабацкихъ, съ клейменія кубовъ (винокуренныхъ), перевозовъ, ледоколовъ, съ найма извощиковъ, съ разной торговли и промысловъ, пошлинъ свадебныхъ, крѣпостныхъ и т. п., за ношеніе неуказаннаго платья, бородъ и пр.

Кромѣ полученія ассигнованной суммы, морскому вѣдомству дозволялось еще пользоваться по заготовкѣ корабельныхъ лѣсовъ обязательною работою (за условную плату) мурзъ и татаръ казанской, нижегородской и азовской провинцій и астраханской губерніи.

Въ началѣ 1725 года, на содержаніе адмиралтейскихъ чиновъ сенатомъ положено еще отпускать 23,914 рублей изъ суммъ отъ продажи казенныхъ товаровъ — клея и икры — и также продолжать выдачу изъ штатсъ-конторы 22,459 руб., назначенныхъ съ 1719

---

[1]) Матеріалы. Отд. III, №№ 96, 100, 101, 104, 107, 108, 138, 141. Отд. X; стр. 669.

года на морскую академію. Суммы на содержаніе флота велѣно было собирать «въ рентеріи» и оттуда уже разсылать въ назначенные для каждой мѣстности города: Петербургъ, Москву, Астрахань, Казань, Ревель, адмиралтейскіе заводы и тавровское адмиралтейство [1]).

Еслибы морское вѣдомство получало своевременно и въ полномъ количествѣ всѣ назначенныя для него суммы, то быстрое вооруженіе и содержаніе въ порядкѣ огромныхъ флотовъ не представляло бы ничего необыкновеннаго. Но, на самомъ дѣлѣ, полученіе назначаемыхъ правительствомъ людей и денегъ было чрезвычайно затруднительно. Слѣдующіе немногіе примѣры, бывшіе далеко не исключеніемъ изъ общаго порядка, показываютъ, что̀ происходило въ дѣйствительности. Въ 1704 году, когда города (кромѣ Пошехонья) состоявшіе при Олонецкой верфи были приписаны къ олонецкимъ заводамъ, и изъ этихъ городовъ половинное число рабочихъ велѣно было посылать на Олонецкую верфь и въ Петербургъ, то изъ назначеннаго числа 1,896 человѣкъ, на верфь не явилось около 600, а въ Петербургъ не пришло 522 человѣка и, кромѣ того, бѣжало съ дороги и съ работы, не отживъ срока, 307 человѣкъ. Къ этому не лишнее прибавить, что *всѣ* 191 подводчикъ заявили, что у нихъ лошади пали. Конечно, впослѣдствіи, для избѣжанія такихъ безпорядковъ, велѣно было людей присылать съ провожатыми, а лошадей клеймить казеннымъ тавромъ; но положеніе измученнаго населенія было дотого тягостно, что подобныя мѣры не могли улучшить дѣла.

Полученіе денегъ было немногимъ исправнѣе сбора рабочихъ. Напр. съ приписныхъ городовъ ингерманландская канцелярія съ 1703 г., собирала деньги для передачи въ адмиралтейскій приказъ но послѣдній, въ 1706 году, еще не получалъ этихъ денегъ, и за четыре года ихъ набралось 15,130 руб. Въ концѣ 1714 года общая сумма недоимокъ морскихъ суммъ, за текущій и два предшествовавшіе года, возросла до 130,000 рублей и вызвала отъ сената строгій указъ, въ которомъ объявлялось, что ежели въ будущемъ мѣсяцѣ деньги уплачены не будутъ, «то неотмѣнно взыскано будетъ и со истязаніемъ тѣхъ губерній на губернаторахъ».

---

[1]) Гл. морск. арх. (Дѣл. адмиралт. коллегіи 1725 г. № 36, 1727 г. № 3 и многія другія).

Поводомъ къ такому распоряженію было настояніе государя, торопившагося приготовленіемъ флота. 8 января 1715 года., во время присутствія въ сенатѣ, царь, спрашивая о причинѣ остановки въ присылкѣ денегъ изъ губерній, прибавилъ: «флотъ надо готовить немедленно; губернаторы здѣсь (въ Петербургѣ), отговариваться не чѣмъ, а буде сего не учините, вы виною будете остановки флота».

Для понужденія тѣхъ вѣдомствъ, которыя неисправно собирали назначенныя для флота деньги, иногда посылались отъ Апраксина особенныя лица. Какимъ образомъ исполнялись подобныя порученія, видно изъ слѣдующаго примѣра. Осенью 1715 года Апраксинъ отправилъ въ Москву преображенскаго солдата (въ рангѣ офицера) Беклемишева и поручилъ ему собрать деньги за настоящій годъ и недоимку за прежніе съ московской губерніи и приказовъ: монастырскаго, духовнаго и аптекарскаго. На вопросъ Беклемишева о деньгахъ, управлявшій «большою казною» бояринъ Петръ Ивановичъ Прозоровскій отвѣчалъ, что изъ монастырскаго приказа уже всѣ деньги забраны, по прежнимъ указамъ государя и сената, и, затѣмъ, отпускать нечего. Беклемишевъ тотчасъ забралъ дьяковъ приказа на съѣзжій дворъ и «сталъ бить нещадно на правежѣ». Такой способъ административныхъ дѣйствій не остался безъ выгодныхъ для флота послѣдствій. Прозоровскій письменно умолялъ Апраксина «умилосердиться» и приказать остановить бить невинныхъ дьяковъ и тѣмъ его самого «безчестить». Увѣрялъ при этомъ, что дѣйствительно за прошлые годы денегъ взять было негдѣ, но съ настоящаго года, писалъ онъ Апраксину, буду платить «въ *одинъ* твой (адмиралтейскій) приказъ». Вообще въ то время гражданская служба имѣла свои непріятныя особенности; такъ въ морскомъ вѣдомствѣ, въ случаѣ медленнаго хода дѣлъ въ какой-нибудь канцеляріи, адмиралъ просто приказывалъ не давать жалованья чиновникамъ, пока извѣстныя письменныя работы не будутъ окончены [1]).

Но не смотря на употребленіе подобныхъ мѣръ, на повторяемыя предписанія губернаторамъ и воеводамъ о строгомъ взысканіи недоимокъ и представленіи о нихъ срочныхъ рапортовъ, въ камеръ- и адмиралтействъ-коллегіи, взысканіе недоимокъ тянулось многіе

---

[1]) Матеріалы. Отд. III. №№ 100, 101, 110, 111, 119 и 135.

годы, такъ напр. съ давно уничтожившихся «кумпанствъ», строившихъ азовскій флотъ, еще въ 1724 г. взыскивались деньги за недоставленныя въ морское вѣдомство пушки и мѣдь [1]).

Недостатокъ денегъ.

Всѣ административныя неустройства, замедлявшія полученіе денегъ, были дѣломъ второстепеннымъ; въ основаніи накопленія недоимокъ лежало страшное истощеніе народа и дѣйствительное государственное безденежье. Въ случаяхъ настоятельной необходимости въ деньгахъ, ихъ искали вездѣ, не соблюдая уже различія вѣдомствъ, и если находили, то брали заимообразно и употребляли на извѣстные болѣе необходимые предметы. Нерѣдко за недостаткомъ всей просимой суммы отпускали часть ея, предоставляя исполнителямъ дѣла изворачиваться какъ сочтутъ удобнѣе, съ однимъ лишь условіемъ, чтобы дѣло было сдѣлано. Въ этомъ случаѣ, конечно, приходилось сквозь пальцы смотрѣть на допущеніе не совсѣмъ законныхъ или отяготительныхъ мѣръ для частныхъ лицъ прикосновенныхъ къ дѣлу.

Апраксину часто случалось повторять на разные лады приказаніе, высказанное въ письмѣ московскому коммисару Бѣляеву: «о деньгахъ изъ губерній имѣй прилежность, хотя съ остудою; лучше себя охранить; флотъ часъ отъ часу пріумножается, а денегъ не прибавляется». Нерѣдко адмиралтействъ-коллегія просила, «дабы деньги отпущены были въ немедленномъ времени, понеже въ адмиралтействѣ денежной казны ничего нѣтъ и въ выдачѣ морскимъ и адмиралтейскимъ служителямъ жалованья и въ покупкѣ матеріаловъ учинилась остановка, отъ чего помянутые служители претерпѣваютъ великую нужду, а въ покупкѣ матеріаловъ чинится передача».

Необходимость заставляла прибѣгать къ весьма неблаговиднымъ мѣрамъ, какъ напр. оттягивать уплату денегъ за купленные предметы и по нѣскольку мѣсяцевъ, даже строевымъ чинамъ, не выдавать заслуженнаго жалованья [2]). Государственное безденежье особенно тяжело отозвалось на служащихъ въ 1723 году, когда всѣмъ приказнымъ и «имъ подобнымъ», т. е. вообще нестроевымъ чинамъ «для настоящей нужды въ деньгахъ «велѣно было жало-

---

[1]) Матеріалы. Отд. III. № 139.

[2]) Матеріалы. Отд. III. №№ 61, 134. Отд. X, стр. 484, 523 и 536.

ванье, вмѣсто денегъ, выдавать сибирскими и другими товарами. Подобныя замѣны представляли ту невыгоду, что въ руки служившихъ поступало вдругъ большое количество одного товара, напр. какой нибудь «камки» (матеріи), и торговцы, у которыхъ приходилось на нее покупать необходимые предметы, брали ее за безцѣнокъ. Къ увеличенію тяжелаго положенія находившихся на службѣ, сенатскимъ указомъ велѣно было у всѣхъ служившихъ «русскихъ», получавшихъ содержаніе «противъ фендрика (прапорщика) и выше», вычитать *четвертую часть* жалованья. Исключеніе сдѣлано было только для тѣхъ, которые не имѣютъ жилыхъ помѣстьевъ и вотчинъ. Для соблюденія выгодъ казны, провіантъ въ адмиралтействѣ выдавали не мукою, а зерномъ, и коллегія нашла это невозможнымъ только для строевыхъ чиновъ, «которымъ рожь молоть некогда» [1]). Коллегія просила также о выдачѣ жалованья за текущій 1723 годъ служившимъ въ адмиралтейской конторѣ, безъ вычета, и деньгами, а не товарами, «понеже многіе пришли въ нищету» [2]).

Наконецъ, должно быть правительственные финансы дошли до крайней степени истощенія, когда среди самаго сената могла возродиться слѣдующая безнравственная мысль объ узаконеніи взятокъ. Въ сентябрѣ 1723 года сенатъ формению спрашивалъ адмиралтействъ-коллегію: не могутъ ли служащіе въ коллегіи и конторахъ получать какіе нибудь доходы «безъ поврежденія Его Величества интересовъ», и служить безъ жалованья? На этотъ странный вопросъ коллегія весьма резонно отвѣчала, что въ иныхъ конторахъ, «гдѣ дѣла имѣются денежныя, такое полученіе возможно», но что взятки воспрещены Высочайшимъ указомъ (24 декабря 1714 года) и, какъ, при введеніи подобнаго порядка, всѣми подрядчиками будетъ сдѣлано возвышеніе въ цѣнахъ, то прямымъ слѣдствіемъ предполагаемой мѣры будетъ не выгода, а прямой ущербъ казны, почему коллегія находитъ необходимымъ оставить служащимъ жалованье по прежнему [3]).

---

[1]) Матеріалы. Отд. III, № 140. Отд. X. стр. 586 и 622.
[2]) Матеріалы. Отд. X, стр. 588.
[3]) Матеріалы. Отд. X, стр. 582.

Вотъ какова была закулисная сторона того блестящаго времени, когда заключеніе выгоднаго мира со Швецію и завоеванія на берегахъ Каспія такъ возвысили и прославили Россію. Но и при такомъ бѣдственномъ положеніи финансовъ, Петръ не только умѣлъ поддержать государство на занятомъ имъ высокомъ мѣстѣ, но даже находилъ возможность удивлять свой народъ и иностранцевъ небывалыми, блестящими праздниками и не затруднялся приступать къ такимъ смѣлымъ предпріятіямъ какъ, напр., мадагаскарская экспедиція.

ГЛАВА XV.

ПОРТЫ И ВЕРФИ.

Адмиралтейство с.-петербургское.—Галерная гавань.—Число судовъ построенныхъ на русскихъ верфяхъ при Петрѣ I.—Котлинъ, Кроншлотъ и Кронштадтъ. — Ревель и Рогервикъ.—Архангельскъ.—Невскій флотъ и партикулярная верфь — Лоцмана и маяки.—Медицинская часть.

Адмиралтейство с.-петербургское.

По необходимости основавъ верфи, для первыхъ судовъ балтійскаго флота на рѣкахъ впадающихъ въ Ладожское озеро, Петръ тотчасъ же по защитѣ устьевъ Невы Кроншлотомъ и укрѣпленіемъ на Котлинѣ, поспѣшилъ начать въ Петербургѣ строеніе мелкихъ судовъ, а 5 ноября, того же года, приступили къ строенію «адмиралтейскаго двора» на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ и теперь находится главное адмиралтейство. Въ журналѣ Петра Великаго показана длина адмиралтейскаго двора 200 и ширина 100 саженъ. Но это были или круглыя цифры или размѣры только предположенные первоначально, потому что на планѣ 1705 года, съ собственноручными замѣчаніями государя, мѣсто назначенное подъ адмиралтейство показано длиною $120^2/_7$, а шириною 61 сажень.

Будущую верфь предполагалось съ трехъ сторонъ окружить сплошнымъ одноэтажнымъ мазанковымъ зданіемъ, котораго передній (длинный) фасъ назначенъ шириною въ 23 фута, а боковые въ 30 футъ. Первый предназначался для разныхъ мастерскихъ; въ боковомъ верхнемъ (по теченію рѣки) фасѣ предполагалось устроить сарай (длиною въ 350 ф.) для спуска канатовъ и такелажа и «дворы» (сараи) канатнаго и смолянаго мастеровъ; въ боковомъ нижнемъ фасѣ—амбары для мастеровъ мачтоваго, блоко-

ваго, вымбовочнаго, конопатнаго и паруснаго. Окна и двери всѣхъ этихъ строеній были обращены къ верфи, а наружная сторона представляла сплошную стѣну. По внутренней сторонѣ зданія, отступя отъ него на 15 футъ, предназначалось вырыть каналъ шириною по длинному фасу въ 45 ф., и по обоимъ короткимъ въ 25 футъ. Внутреннее пространство между каналомъ и рѣкою, во 100 саж. длины и 49 ширины, собственно и составляло верфь или «адмиралтейскій дворъ». На сторонѣ его, обращенной къ Невѣ, для судовъ длиною отъ 70 футъ и менѣе предположено было устроить 13 эллинговъ. Съ десяти изъ нихъ суда должны были спускаться кормою, а съ трехъ бокомъ. Кромѣ эллинговъ, на планѣ назначено три сарая (одинъ большой, дл. около 300 и шир. до 50 футъ, «гдѣ буеры и прочія суда дѣлать», два меньшихъ, дл. до 120 и шир. 30 ф.), и двѣ кузницы. На этомъ планѣ находятся слѣдующія собственноручныя надписи государя: «Сей верфъ дѣлать государственными работниками или подрядомъ, какъ лучше; и строить по сему: 1) жилья дѣлать мазанками прямыми безъ кирпича; кузницы обѣ каменныя въ 1/2 кирпича, амбары и сараи дѣлать основу изъ брусья, и амбары додѣлать мазанками, а сараи обить досками.... 2) Отъ рѣки обить паженными (шпунтовыми) сваями» [1]) (Планъ листъ 3).

Непосредственными дѣятелями при постройкѣ адмиралтейства были патріаршіе дворяне князья Мещерскіе, изъ которыхъ Романъ находился при самомъ производствѣ работъ, а Борисъ заготовлялъ лѣсъ для построекъ. Распоряжался работою олонецкій комендантъ Яковлевъ, временно пріѣзжавшій въ Петербургъ; а главный надзоръ порученъ былъ государемъ губернатору Меншикову.

Къ работамъ приступили весьма дѣятельно: прежде начали строить жилыя строенія, потомъ мастерскія и амбары. Зимою и весною 1705 г. присланы были на работу подводчики съ Олонецкой верфи, а потомъ къ нимъ присоединены рабочіе и подводы изъ Бѣлозерскаго, Пошехонскаго, Каргопольскаго и Новгородскаго уѣздовъ и также плотники присланные изъ Ростова.

---

[1]) Подлинный планъ хранится въ адмиралтействъ-совѣтѣ. На планахъ послѣдующаго времени размѣры строеній значительно больше показанныхъ на первоначальномъ планѣ; современное же зданіе адмиралтейства имѣетъ 192 сажени длины и 77 саженъ ширины.

По обыкновенію лошади подводчиковъ были до того худы, что многія изъ нихъ попадали еще въ дорогѣ и значительное число людей разбѣжалось на пути и съ работы, наконецъ появленіе въ окрестностяхъ Петербурга шведовъ, подъ начальствомъ генерала Майделя, пріостановивъ доставку лѣса и кирпича, замедлило постройки. Но несмотря на подобныя неблагопріятныя обстоятельства, дѣло быстро подвигалось впередъ, и въ октябрѣ 1705 года деревянныя и мазанковыя строенія подводились подъ крышу. Три береговыя стороны адмиралтейства были обнесены валомъ съ пятью бастіонами, передъ валомъ вырытъ сухой ровъ и поставлены палисады. Для скорости валъ обшивали не дерномъ, а фашинами. Три бастіона находились на срединѣ и концахъ длиннаго фаса; а два— у самой рѣки, на обѣихъ оконечностяхъ короткихъ фасовъ. На мѣстѣ послѣднихъ бастіоновъ сначала сдѣланы временные маленькіе, въ которыхъ поставили избы для солдатъ; постройка же настоящихъ бастіоновъ, которые должны были выступать въ рѣку до глубины $3^1/_2$ саженъ, отложена до зимы, когда можно было удобнѣе производить работу на льду.

Во время строенія, противъ первоначальнаго плана сдѣланы нѣкоторыя измѣненія, какъ напр. на внутреннемъ дворѣ построено 53 обширныхъ «амбара» покрытыхъ дерномъ и предназначавшихся для помѣщенія «припасовъ» съ кораблей, зимовавшихъ въ петербургскомъ портѣ. Въ срединѣ параллельнаго Невѣ, длиннаго фаса устроены ворота и черезъ ровъ сдѣланъ подъемный мостъ; а надъ воротами поставленъ обитый жестью шпицъ. По прибытіи флота валы адмиралтейской крѣпости вооружили снятыми съ кораблей 6 фунт. пушками, а все адмиралтейство обнесли кругомъ рогатками[1]). Такимъ образомъ къ зимѣ 1705-6 года всѣ наиболѣе необходимыя для верфи строенія были готовы, и вновь созданное адмиралтейство защищено со стороны берега укрѣпленіемъ, которое, судя по кратковременной его постройкѣ, хотя не могло имѣть сильной профили, но было весьма достаточно для отраженія легкихъ непріятельскихъ отрядовъ.

Кромѣ строенія собственно адмиралтейскаго двора, тѣ же рабочіе заготовляли лѣсъ для будущихъ судовъ и производили разныя постройки близъ адмиралтейства, какъ напр. каменный сарай длиною въ 120 саж., больницу, дома начальствующихъ морскихъ лицъ

---

[1]) Матеріалы. Отд. V, №№ 1—28.

и офицеровъ и пр. Матросамъ же и невольникамъ эту зиму, какъ и прошедшую, пришлось провести на галерахъ. Нерѣдко адмиралтейскія работы приходилось пріостанавливать «за безлюдьемъ и безлѣсьемъ». Кромѣ того опасаясь нападенія шведовъ, петербургскій комендантъ Брюсъ велѣлъ разобрать около крѣпости офицерскіе дома, и рабочихъ людей обратилъ на строеніе батарей по малой Невѣ, а въ августѣ всѣ наличные люди, не исключая рабочихъ, заняты были нагрузкою находящагося въ адмиралтействѣ казеннаго имущества на буеры, шмаки и другія большія и малыя суда, чтобы въ случаѣ нападенія непріятеля имѣть возможность перевезти все въ болѣе безопасное мѣсто.

Несмотря на такое тревожное положеніе, лѣтомъ 1706 года началось на петербургской верфи судостроеніе и мастеромъ Скляевымъ 5-го іюля заложена яхта или шнява *Надежда*, спущенная 28 октября, на которой черезъ два дня государь уже пошелъ на Котлинъ[1]). Кромѣ этого въ томъ же году спущены два прама, нѣсколько малыхъ судовъ и шлюпокъ и новаго манера, бригантина (русская), которой морскія качества оказались такъ хороши, что государь приказалъ заложить по ея чертежу двѣ новыхъ. Осенью слѣдующаго (1707) года спустили бригантину *Св. Андрей* и заложили шняву *Лизетъ*.

Находя удобнымъ строить въ Петербургѣ нетолько мелкія суда но и корабли, государь приступилъ къ постройкѣ въ адмиралтействѣ корабельнаго элинга, и 5 декабря 1709 года заложилъ на немъ первый линейный 54 пуш. корабль *Полтава* (спущенный 1712 года іюня 15), который онъ строилъ самъ съ мастеромъ Скляевымъ [2]). Съ осени 1709 года началась въ Казани заготовка корабельныхъ лѣсовъ для петербургскаго адмиралтейства [3]).

Въ 1711 году деревянное строеніе въ адмиралтействѣ начали замѣнять каменнымъ: средина длиннаго фаса со шпицемъ была сломана и вмѣсто ее выстроена каменная связь въ два этажа; въ нижнемъ сдѣланы большіе ворота со сводомъ, а въ верхнемъ комнаты для адмиралтейской канцеляріи, которая до перевода сюда

---

[1]) Извл. изъ журн. стран. 12.

[2]) Матеріалы. Отд. I, № 280.

[3]) Гл. морск. арх. (Дѣл. адмиралт. канцел. 1702 г. № 80).

помѣщалась въ деревянномъ строеніи находившемся близъ адмиралтейства къ сторонѣ нынѣшняго сената [1]). Надъ вторымъ этажемъ поставлена мазанковая башня съ часами и высокимъ шпицемъ.

Перестройка старыхъ адмиралтейскихъ зданій и возведеніе новыхъ почти не прерывалась до конца царствованія Петра Великаго. Впродолженіе этого времени весь длинный фасъ и оба боковые перестроены мазанковыми, всѣ въ два этажа соотвѣтственно каменной средней части подъ шпицемъ. За этими зданіями внутри адмиралтейства вырытъ каналъ, означенный на первоначальномъ планѣ, а по другой сторонѣ его, параллельно главному зданію выведено деревянное одноэтажное строеніе для помѣщенія разныхъ мастерскихъ и магазиновъ. На обѣихъ оконечностяхъ его подходящихъ къ Невѣ сдѣлано по большому сараю въ три этажа, внизу которыхъ были устроены эллинги для ботовъ и шлюпокъ, а вверху помѣщалась модель-камера и плазы для разбивки корабельныхъ членовъ. Наконецъ въ 1716 году вмѣсто прежнихъ слабыхъ укрѣпленій вокругъ адмиралтейства, подъ надзоромъ Меншикова, построена настоящая крѣпость. Она сохранила очертанія прежнихъ укрѣпленій, но получила другую профиль. Валы насыпаны выше и обложены дерномъ. Больверки выходившіе на Неву выведены на сваяхъ и каменныхъ фундаментахъ. Ровъ, вокругъ всей крѣпости, углубленъ настолько, что въ него могла быть пущена вода, и передъ нимъ устроенъ прикрытый путь и гласисъ (Рисунокъ листъ 9).

Строеніе галеръ началось въ Петербургѣ въ 1713 году, на мѣстѣ нынѣшняго новаго адмиралтейства, вслѣдствіе чего мѣстность эта и получила названіе «галерный дворъ».

Галерная гавань.

Въ 1721 году, сентября 23, велѣно «для ввода галеръ сдѣлать гавань на Васильевскомъ острову въ протокѣ». Это была «галерная гавань», передавшая тоже имя и устроившемуся подлѣ ся селенію, названному въ недавнее время «Суворовскимъ кварталомъ».

Строеніе гавани поручено было контръ-адмиралу Змаевичу и работа начата галерными солдатами. Въ назначенномъ мѣстѣ выведены дамбы и вырытъ, существующій и теперь, каналъ для ввода галеръ, построены сараи для ихъ сохраненія на берегу, казармы для рабочихъ и служащихъ, магазины, мастерскія, краны для подъема

[1]) Богдановъ, Описаніе С.-Петербурга. стр. 122.

съ воды тяжестей и другія портовыя строенія необходимыя для содержанія въ порядкѣ галернаго флота. Осенью 1723 года на сѣверной сторонѣ протекающей по этой мѣстности Черной рѣчки, велѣно было дѣлать гавань «съ фортификаціею» длиною около версты.

Въ 1712 году въ Петербургѣ строились уже шесть линейныхъ кораблей и 50 скампавей или полугалеръ. Строеніе послѣднихъ продолжалось въ 1713 и 14 годахъ; въ послѣднемъ число всѣхъ спущенныхъ въ Петербургѣ судовъ перешло за сотню.

Второй корабль строенный въ с.-петербургскомъ адмиралтействѣ, 60 пуш. *Екатерина* (переименованный въ 1720 г. въ *Выборгъ*), спущенъ былъ въ 1713 году и съ того времени ежегодно, по 1719 годъ включительно, спускали по два корабля; только въ 1716 году кораблей оконченныхъ постройкою не было, а спущены фрегатъ, пинкъ и 83 галеры и скампавеи. Въ 1720 и 21 годахъ спущено по 4 корабля, въ 1723 году одинъ и въ 24-два. Всего, при жизни Петра, въ Петербургѣ спущено 23 линейныхъ корабля, 2 бомбардирскихъ, 4 фрегата, пинкъ, 3 шнявы, 2 гукора, 8 прамовъ, 3 яхты и кромѣ малыхъ судовъ, какъ-то: бригантинъ, буеровъ, ботовъ и шлюпокъ, около двухъ сотъ галеръ и скампавей.

Строителями кораблей были мастера: Петръ Михайловъ, Козенцъ, Най, Броунъ, Скляевъ, Рамзъ, Гаврило Меншиковъ и Пангало. Они (кромѣ Пангало построившаго только одинъ корабль) строили также и другія суда. Кромѣ того, Нѣмцовъ строилъ гукоры, Выбе Геренсъ и Шлейнграфъ—прамы, Руссиновъ и Муцъ—галеры.

Петръ Михайловъ строилъ на петербургской верфи корабль *Полтаву* со Скляевымъ, *Лѣсное*—со Скляевымъ и Гавриломъ Меншиковымъ; 100 пушечный корабль, оставшійся по кончинѣ государя на стапелѣ, строенъ имъ съ подмастерьями Каральбомомъ и Пальчиковымъ, и шнява *Лизетъ*—со Скляевымъ.

Число судовъ построенныхъ на русскихъ верфяхъ при Петрѣ I.

Слѣдующая таблица [1]) представляетъ общую численность судовъ разнаго рода, построенныхъ въ царствованіе Петра Великаго. Для судовъ большихъ ранговъ цифры таблицы несомнѣнно вѣрны; для мелкихъ же, только приблизительныя и, во всякомъ случаѣ, меньшія существовавшихъ въ дѣйствительности.

---

[1]) Составленная изъ данныхъ находящихся въ книгѣ: «Списокъ русскихъ военныхъ судовъ съ 1668 по 1870 годъ».

ПОСТРОЕНО СУДОВЪ.	НАЗВАНІЕ ВЕРФЕЙ И ВРЕМЯ СТРОЕНІЯ СУДОВЪ.																								
	Переславская, съ 1688 по 1692 г.	Архангельская, съ 1693 по 1715 г.	Преображенская, съ 1695—6 г.	Воронежская, съ 1696 по 1711 г.	Ступинская, съ 1697 по 1700 г.	Хоперская, съ 1697 по 1700 г.	Коротоякская, съ 1697 по 1700 г.	Паншинская, съ 1697 по 1699 г.	Чертовицкая, съ 1697 по 1699 г.	Чижовская, съ 1698 по 1702 г.	Казанская, съ 1701—25 г.	Рамоньская, съ 1702 г.	Услонская, съ 1702 г.	Сяская, съ 1702 по 1705 г.	Олонецкая, съ 1072 по 1707 г.	На р. Лугѣ, съ 1704 по 1713 г.	С. Петербургская, съ 1705 по 1725 г.	Селицкаго рядка, съ 1705 г.	Тавровская, съ 1707 по 1711 г.	Ново-Ладожская, съ 1708 по 1710 г.	Выборгская, въ 1711 г.	На р. Ижорѣ, въ 1712 г.	Абовская въ 1720 г.	Астраханская, съ 1722—25 г.	Нижегородская, съ 1723—25 г.	Общее число построенныхъ судовъ.
Кораблей . . .	2	7	—	35	10	3	1	4	1	2	—	—	—	—	2	—	23	—	12	2	—	—	—	—	—	104
Фрегатовъ . . .	2	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	11	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	28
Шнявъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	1	—	—	10	—	3	—	—	2	—	—	—	—	—	20
Бомбард. судовъ .	—	—	—	3	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	2	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	13
Яхтъ	5	1	—	4	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	16
Пинковъ. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Гукоровъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	1	—	4
Шмаковъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	35	—	39	6	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	83
Буеровъ. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15	—	—	2	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	21
Фишеръ-ботовъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Гальотовъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	9
Брандеровъ. . .	—	—	4	2	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9
Гекботовъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15	30
Катовъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6
Шкутъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	10	—	—	—	—	—	—	—	13
Эверсовъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	5
Палуб. ботовъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	18
Прамовъ. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—	8
Бригантинъ . .	—	—	—	60	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	47	64	12	—	—	—	—	12	—	—	—	199
Галеръ и скампавей.	1	—	21	18	—	—	—	—	—	—	15	—	—	—	21	—	203	—	—	—	16	—	10	—	—	305
Тартанъ. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
Великій галеасъ .	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
	10	15	25	123	10	6	1	4	1	6	116	1	39	12	109	64	262	13	12	4	16	12	10	7	17	895

Котлинъ, Кроншлотъ и Кронштадтъ.

Для преграждения пути непріятелю желающему подойти къ Петербургу съ моря, кромѣ Кроншлота, какъ мы уже видѣли, устроены были батареи на островѣ Котлинѣ. Строители Кроншлота пѣхотные полки Толбухина и Островскаго и гарнизоны батарей были первыми русскими обитателями Котлина по возвращеніи этого острова Россіи. Хотя заселеніе его началось одновременно съ постройкою Кроншлота, но въ первые годы по занятіи Котлина, зимою, изъ опасенія нападенія шведовъ, даже пушки съ котлинскихъ батарей перевозились въ Кроншлотъ. Слѣдовательно, если въ частныхъ домахъ и оставались жители, то они не могли заводиться солидным хозяйствомъ, потому что при первой тревогѣ спасались въ крѣпость.

Первымъ укрѣпленіемъ на Котлинѣ была батарея св. Іоанна или св. Яна, построенная въ 1705 году на южномъ берегу острова, на мѣстѣ нынѣшней цитадельской пристани; а потомъ лѣтомъ 1706 года на косѣ поставленъ былъ шанцъ св. Александра.

Флотъ въ первые годы своего существованія, стоя съ ранней весны до поздней осени у Кроншлота, только при заморозкахъ уходилъ въ Петербургъ, гдѣ и проводилъ зиму между Петропавловскою крѣпостью и кронверкомъ, въ каналѣ получившемъ по этому названіе «кронверкской гавани». Подобное ежегодное передвиженіе судовъ, совпадающее почти всегда съ временемъ вскрытія или замерзанія моря; а также затруднительная проводка судовъ черезъ мелководное устье Невы, представляло большія неудобства. Уходя на зимовку въ Петербургъ, глубоко сидѣвшія суда должны были весь свой грузъ, неисключая и баласта, оставлять на Котлинѣ и потомъ ждать прибыли воды, чтобы войдти въ Неву. Въ нынѣшнихъ, такъ называемыхъ, «вѣхахъ» (въ устьѣ Невы) большія суда проходили поочередно, при помощи экипажей нѣсколькихъ судовъ. Подобныя затрудненія прямо указывали на необходимость устройства гавани, удобной для зимовки флота, у самаго Котлина. Поэтому Петръ, по возвращеніи въ Петербургъ послѣ полтавской побѣды, въ ноябрѣ 1709 года, между прочими распоряженіями о новыхъ постройкахъ въ Петербургѣ, велѣлъ строить на Котлинѣ гавань, пристани и магазины[1]).

[1]) Журн. Петра Велик. I. стр. 224.

Въ 1710 году значительное число плѣнныхъ шведовъ назначено было къ собиранію для будущей гавани камня, и въ 1712-мъ началась ея постройка. По обыкновенію встрѣчавшіяся затрудненія отстранялись самыми энергическими мѣрами; напр. когда въ 1713 г. недоставало на постройку гавани лѣса, то велѣно было обобрать (заимообразно) всѣ лѣсные запасы какіе нашлись у петербургскихъ жителей. Строеніе гавани вначалѣ порученное Крюйсу, по ссылкѣ его въ Казань (стр. 237) продолжалось капитаномъ Лейномъ.

Первоначальная гавань занимала часть нынѣшней средней гавани и по пространству равнялась почти половинѣ нынѣшней военной. Стѣнка ея, начинаясь близъ того мѣста, гдѣ теперь выходитъ въ гавань усть-каналъ, шла къ юго-западу на протяженіи 240 саж., потомъ склонялась къ югу подъ тупымъ угломъ, на которомъ находился бастіонъ. Далѣе, дойдя до нынѣшняго мѣста стѣнки средней гавани, проходила по направленію ея саженъ 40 и потомъ, подъ тупымъ же угломъ, поворачивала къ востоку и шла въ этомъ направленіи на 150 саженъ. Открытая сторона обращенная къ берегу замыкалась бономъ; въ самой гавани, на отмели, построены были четыре «корабельныхъ амбара», то есть, магазина для храненія корабельныхъ вещей. Постройка этой гавани оказалась непрочною и на сохранившемся планѣ, на восточномъ концѣ гавани, нѣсколько звеньевъ (ящиковъ) показаны сдвинутыми съ своихъ мѣстъ. (Планъ листъ 10).

Слабость постройки, тѣснота помѣщенія и близость къ рейду, откуда могъ явиться непріятель, заставили позаботиться объ устройствѣ другой гавани, болѣе удовлетворяющей, какъ настоящимъ, такъ особенно и будущимъ широкимъ потребностямъ новаго порта, котораго важное военное и торговое значеніе, для Петра, было совершенно ясно. Въ 1715 году государь составилъ проектъ котлинскихъ гаваней, въ томъ размѣрѣ и очертаніяхъ, въ какихъ онѣ существуютъ и понынѣ. Для построенія ихъ употреблены были средства и люди значительной части Россіи.

1716 года января 11, въ первомъ пунктѣ меморіи г. генералъ-фельдмаршалу и губернатору князю Меншикову было написано: «паче всего надлежитъ доброе око на Котлинъ островъ имѣть, и какъ гавань, такъ новую работу къ Кроншлоту и прочія управленія учи-

нить, ибо непріятель (шведы, лишившіеся Помераніи, которая составляла часть Германскаго союза), потерявъ Германію, не безъ попытки на сіе мѣсто будетъ.» Тогда же указомъ повелѣно, губерніямъ: Московской, Архангельской, Казанской, Нижегородской и Азовской (заключавшимъ каждая по нѣскольку нынѣшнихъ губерній) выставить 31,486 рабочихъ и на содержаніе ихъ представлять по рублю серебромъ въ мѣсяцъ на человѣка. Вмѣсто людей изъ Азовской губерніи, по опредѣленію Апраксина, употреблены были гарнизонные солдаты, а губернія Сибирская, по отдаленности своей, на наемъ каждаго, приходившагося на ея долю, рабочаго, должна была представить по 10 рублей. Впродолженіе лѣта дѣлались приготовленія къ постройкѣ: рабочіе каждой губерніи въ отведенныхъ мѣстахъ рубили лѣсъ и заготовляли камень. Лѣсъ брали по финляндскому берегу не далѣе 25 верстъ отъ Котлина, а камень собирался на томъ же берегу и на самомъ Котлинѣ. Для вывозки лѣса и камня къ мѣсту постройки, куплено 15,448 лошадей, при чемъ, заплачено за каждую по три рубля. На эту покупку, провіантъ людямъ и фуражъ лошадямъ, издержано губерніями въ три мѣсяца 130,990 рублей. По свидѣтельству князя Я. Ѳ. Долгорукова, съ одной Московской губерніи на перевозъ лѣса и камня къ гавани «доправлено въ малые дни» по 1 руб. 1 алт. 4 деньги съ *каждаго двора*—налогъ огромный, доходившій цѣнностію по меньшей мѣрѣ до 7 нынѣшнихъ рублей. Для бóльшаго удобства сношеній по дѣлу строенія гавани, именнымъ указомъ вызваны были изъ каждой губерніи губернаторъ или вице-губернаторъ. Замѣчательно, что для вызова сибирскаго губернатора князя Гагарина (впослѣдствіи повѣшеннаго) послано было *восемь* подтвердительныхъ указовъ и все таки, вмѣсто его, явился только бывшій въ Москвѣ по сибирскимъ дѣламъ стольникъ Лошаковъ. Для ближайшаго надзора за рабочими и работами, отъ каждой губерніи присланы были коммисары, которые во всемъ касающемся строенія гавани подчинялись капитану Лейну [1]).

Постройкою гавани очень спѣшили, полагая приготовить ее для зимовки флота къ осени 1717 года; но уже въ январѣ увидѣли невозможность этого, и какъ надобно было перевести сюда на зимов-

---

¹) Матеріалы. Отд. V. № 73. Каб. Дѣл. Отд. I, № 57.

ку еще 15 судовъ изъ Ревеля, то Меншиковъ велѣлъ прибавить старую гавань на 50 саженъ [1]).

При закладкѣ новой гавани первый вѣнецъ положилъ Меншиковъ и первыя сваи начали бить въ ней съ 1717 г. февраля 12. Ноября 22 былъ назначенъ къ строенію гавани сенаторъ Михаилъ Михайловичъ Самаринъ, которому предписывалось, кромѣ больверковъ, окончить работу гавани, «въ чемъ радѣть и дѣлать и понуждать, чтобъ конечно было сдѣлано, несмотря ни на кого; дѣлать прямо подъ потеряніемъ живота» [2]). Каждая губернія строила опредѣленную, назначенную ей часть.

Въ февралѣ 1718 г., стѣны военной гавани, кромѣ западной, выведены были сверхъ воды на 5 футъ, а въ купеческой сдѣлана значительная часть стѣнки отъ купеческаго угла къ берегу. Царь очень торопился скорѣйшимъ окончаніемъ гавани, и потому работа быстро подвигалась впередъ. Крюйсъ въ донесеніи своемъ сенату, въ мартѣ 1718 года, пишетъ: «новое гаванское строеніе состроено хотя еще не совсѣмъ, однако предбудущую осень сорока военнымъ кораблямъ въ той гавани стоять можно, и надѣюсь, что Е. Ц. В. зѣло нравно и нынѣшнею зимою великою работою удовольствуется».

Стѣны гавани выводились слѣдующимъ образомъ: на берегу въ лѣсу рубился бревенчатый срубъ для ящиковъ, въ которыхъ, на высотѣ нѣсколькихъ вѣнцовъ отъ низу, дѣлалось дно. Срубы, разобранными, привозили къ гавани, гдѣ собирали ихъ на льду, ограждали прочно вбитыми сваями и загружали камнемъ до тѣхъ поръ, покуда ящики не становились твердо на дно. Потомъ на нихъ нарубали стѣнку до опредѣленной высоты. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должны были стоять орудія, стѣнки дѣлались выше и на нихъ строились деревянные брустверы, насыпаемые землею и обшиваемые дерномъ. Тамъ же, гдѣ стѣнка служила только для защиты гавани отъ волненія и перехода людей, она мало возвышалась надъ водою. Замѣтимъ, что землю для брустверовъ велѣно было возить изъ Петергофа, потому что тамъ нашли глину, которая, сравнительно съ землею или пескомъ, представляла болѣе прочную защиту отъ непріятельскихъ ядеръ.

---

[1]) Матеріалы. Отд. V. № 81.

[2]) Матеріалы. Отд. V. №№ 85 и 86. Гл. морск. арх. (Дѣла конторы строеній № 53. Письмо Самарина къ Нарышкину).

Къ октябрю 1718 г. было уже совсѣмъ отдѣлано гаванской стѣны 111 саж. и осталось болѣе или менѣе нарубить до 700 саж. Кромѣ того вбиты сваи 24-хъ косыхъ паловъ для крѣпленія судовыхъ швартововъ. Впродолженіе зимы въ военной и купеческой гавани сдѣлано стѣнъ 284 сажени и окончена вся зимняя работа, какъ рубкою, такъ и насыпкою камнемъ. При этомъ строеніи сажень гаванской стѣны съ деревянною работою, нагруженіемъ камнемъ и со всѣми другими расходами обходилась въ 134 р. 54 к. Средняя цѣна свайнаго 8-ми саженнаго бревна была около 39 копѣекъ, а пластины стоили около 20 копѣекъ. Въ 1720 году купеческую гавань съ одной стороны успѣли довести до берега, гдѣ на мыскѣ была батарея (Андреевская?); а съ другой отъ купеческаго угла продолжали до начала усть-канала. Кромѣ того, выведены стѣнки, соединяющія купеческую гавань съ военною, чѣмъ образовалась средняя гавань. Ящики же старой гавани и бывшій въ нихъ камень вынуты и употреблены на стѣнку, соединяющую военную гавань съ берегомъ и на построенные близъ ея, къ сѣверу отъ гавани, три провіантскіе амбара (каждый въ 50 саженъ длиною) и пороховые погреба.

Для большаго ускоренія гаванской работы, производимой солдатами, она раздѣлена была по полкамъ, и солдатамъ объявлено, что по окончаніи назначенныхъ частей, имъ будетъ данъ отпускъ [1]).

Въ 1719 и 20 годахъ на гавани уже стояло 72 пушки (18-ти и 24-хъ-фунтовыя); но нѣкоторыя части продолжали еще додѣлывать въ 1723 году; такъ напр. на назначенныхъ мѣстахъ стѣнъ рубились больверки или бастіоны и вооружались пушками; въ военной гавани строили шлюпочные сараи и корабельные магазины; въ купеческой ставили кранъ и т. п.

Но постройка гаваней составляла только одну часть обширнаго плана, который государь предполагалъ осуществить на Котлинѣ. Въ воображеніи Петра этотъ островъ представлялся уже недоступнымъ для непріятеля маленькимъ Амстердамомъ, который долженъ былъ сдѣлаться центральнымъ пунктомъ торговой дѣятельности сѣвера.

Для лучшей защиты пролива между Котлиномъ и Кроншлотомъ, въ декабрѣ 1716 года приступили къ перестройкѣ и увеличенію самаго Кроншлота, состоявшаго до сихъ поръ изъ одиночной

---

[1]) Матеріалы. Отд. V. №№ 93, 100, 103, 112, 116, 118 и 122.

башни. При перестройкѣ, стѣны крѣпости получили очертаніе сохранившееся до настоящаго времени. Весною 1717 года на укрѣпленіяхъ Котлина и Кроншлота стояло уже 275 пушекъ и 19 мортиръ, изъ нихъ въ старомъ Кроншлотѣ было 42 пушки (между которыми одна 48-ми-фунт. мѣдная, 9—24-хъ-фунт.) и 7 мортиръ (3-хъ, 2-хъ и 1-пуд.), и въ новомъ Кроншлотѣ 76 пушекъ (почти всѣ 24-хъ-фунт.), на бастіонѣ 49 пушекъ и 3 мортиры, и на гавани 38 пушекъ; остальныя же орудія были размѣщены на котлинскихъ «раскатахъ»: Сергіевскомъ, Ивановскомъ и Новомъ [1]).

Не смотря на такое, повидимому весьма сильное, вооруженіе, государь считалъ его недостаточнымъ, и въ началѣ 1722 года началъ строить цитадель, переименованную впослѣдствіи въ фортъ Петръ.

Послѣ гаваней, для флота первѣйшею необходимостію было устройство доковъ. Желая соединить ихъ въ одно цѣлое съ удобными водяными сообщеніями будущаго города и всего острова, Петръ и здѣсь не могъ обойтись безъ самаго грандіознаго плана. Онъ предполагалъ перерѣзать весь Котлинъ четырьмя каналами, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ идти по направленію нынѣшняго канала Петра I и продолжаться до сѣвернаго берега; другой въ томъ же направленіи пересѣкать восточную оконечность острова; третій перпендикулярный двумъ первымъ, направляясь по восточной и западной оконечностямъ крестоваго дока, своимъ западнымъ концемъ долженъ былъ соединяться съ моремъ, а къ востоку доходить до нынѣшняго оврага, на мѣстѣ котораго предполагалось вырыть огромный бассейнъ, и въ немъ, къ югу и сѣверу, устроить по три элинга. Въ параллель этому послѣднему каналу, въ разстояніи отъ него около 220 саженъ къ сѣверу, предполагалось устроить четвертый каналъ, на западѣ также какъ и первый достигающій моря, а къ востоку соединяющійся со вторымъ каналомъ (Планъ листъ 12 [2]).

Въ 1719 году приступили къ исполненію этого гигантскаго проекта, которому не суждено было осуществиться. Работа канала началась съ южнаго берега, доходившаго въ то время только до мѣста, занимаемаго нынѣшнимъ техническимъ училищемъ. Первыя сваи для дамбы канала начали бить 24 марта, а къ началу августа дамбы, по обѣ стороны канала, выведены были въ море на 142 сажени.

[1]) Матеріалы. Отд. V. №№ 77, 78 и 91.

[2]) Планъ этотъ представляетъ только часть первоначальнаго проекта.

Главный надзоръ за строеніемъ канала порученъ тому же сенатору Самарину, а ближайшимъ распорядителемъ былъ капитанъ Лейнъ. Каналъ отъ берега внутрь острова (къ крестовымъ докамъ) начали въ маѣ; на работу поставлено около $2^1/_2$ тысячъ солдатъ и до 600 человѣкъ крестьянъ петербургской губерніи. Солдаты получали заработныхъ денегъ по 60 к. въ мѣсяцъ и для успѣшности работы она задавалась имъ уроками. По отдѣлкѣ заданнаго, рабочіе немедленно отпускались. Разумѣется, и при этой работѣ, какъ при всѣхъ другихъ, въ случаѣ надобности, употреблялись исключительныя мѣры, такъ напр. по недостатку досокъ велѣно было всѣ суда, приходившія въ Петербургъ изъ губерній (кромѣ шхутъ, эверсовъ и другихъ «морскихъ» судовъ), чьи бы они ни были, пригонять къ Котлину и разбирать. Эта мѣра, кромѣ пользы для построекъ, служила еще наказаніемъ владѣльцамъ «старомaнерныхъ» судовъ неоднократно запрещаемыхъ строгими указами.

Въ 1719 году канала внутрь берега было сдѣлано 180 саженъ, шириною въ 15, а глубиною въ 2 сажени. Весною 1720 г. нашли выгоднымъ вмѣсто казеннаго производства работъ сдать ихъ съ подряда въ частныя руки и на этомъ основаніи за продолженіе работъ взялся авторъ извѣстныхъ записокъ, коммиссаръ Петръ Никифоровичъ Крекшинъ.

Солдаты хотя не вполнѣ закончили, но довели работу канала до нынѣшняго крестъ-канала; Крекшинъ подрядился окончить все сдѣланное землянною отдѣлкою начисто и въ такомъ же видѣ продолжить каналъ отъ центра теперешнихъ крестовыхъ доковъ къ востоку на 240 саженъ, до предполагаемыхъ доковъ и пруда. Ширина канала предполагалась 16 саж., глубина $4^1/_2$ саж. Въ каналѣ и прудѣ государь приказалъ нижнюю часть стѣны съ фундамента выстилать большимъ камнемъ, а кверху камнемъ съ лещадью. За работу, кромѣ выдачи отъ казны необходимаго числа ломовъ, лопатъ, кирокъ, тележекъ и устройства трехъ машинъ (вѣтряныхъ мельницъ) для отливанія воды, Крекшинъ, по условію, получалъ по 5 р. съ кубической сажени вынутой земли. Онъ обязался окончить каналъ впродолженіе текущаго лѣта, или въ случаѣ какихъ-либо препятствій впродолженіе будущаго. При очищеніи мѣста для канала и пруда пришлось снести 141 домъ, принадлежавшіе морскимъ и сухопутнымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ.

20 іюля (того же 1720 г.) государь посѣтилъ работы, осматривалъ все и похвалилъ. Торопя окончаніемъ, онъ приказалъ, если не успѣютъ окончить лѣтомъ, продолжать работать и зимою. Но какъ ни торопились, однако дамбы усть-канала, земляная работа его до креста и, также, восточнаго заворота окончены были только къ декабрю 1721 года.

Затѣмъ, разныя неблагопріятныя обстоятельства, какъ напр. задержка въ выдачѣ денегъ, отъ которой, по словамъ Крекшина, «работные люди помирали голодомъ и шли врознь», и ссоры Крекшина съ Самаринымъ замедлили обложеніе стѣнъ канала камнемъ, и для окончанія этой работы въ 1723 году вызвали желающихъ каменьщиковъ изъ Петербурга. Зимою 1724 г. велѣно начать въ крестъ-каналѣ два эллинга: одинъ на сѣверъ, а другой на западъ, и также докъ въ большомъ каналѣ и приступлено къ отливанію изъ доковъ воды, помощію вѣтряныхъ мельницъ.

5 октября 1724 года, собственноручнымъ указомъ государя, работы канала и доковъ переданы были въ вѣдѣніе адмиралтействъ-коллегіи, которой велѣно дѣлать два временные деревянные дока: одинъ для трехдечныхъ кораблей, а другой для двухдечныхъ и, кромѣ того, еще одинъ эллингъ. Лѣсъ для воротъ на эти доки требовали выслать изъ Казани непремѣнно весною 1725 года [1]).

Заселеніе Котлина, начавшееся со времени построенія Кроншлота, съ развитіемъ на островѣ различныхъ работъ, постоянно увеличивалось. Первоначальныя постройки находились на берегу моря, на мѣстѣ нынѣшняго лѣтняго сада, сосѣдняго съ нимъ бассейна, оврага и части порта. Кромѣ обывательскихъ домовъ, старѣйшими сооруженіями Котлина были церковь и дворецъ. Первая, освященная 16 іюня 1706 г., находилась на мѣстѣ нынѣшней Владимірской церкви и, вѣроятно, принадлежала гарнизонному полку; дворецъ же стоялъ на берегу моря, гдѣ теперь Лѣтній садъ.

Въ 1712 году, когда бо̀льшую часть Котлина еще покрывалъ лѣсъ, государь уже думалъ о созданіи на немъ богатаго города, въ которомъ всѣ строенія предполагались каменныя, набережная и мосты въ родѣ амстердамскихъ и кругомъ должны были воздвигнуться

[1]) Матеріалы. Отд. V, №№ 72—113, 126, 127, 130, 135, 136, 169, 189, 193, 195, 208 и 209.

сильныя укрѣпленія. Для населенія будущаго города, 16 января того же года, велѣно было выбрать 1000 дворянскихъ семействъ, 500 лучшихъ купеческихъ, 500 среднихъ и 1000 семей мастеровыхъ, и объявить имъ, что при заключеніи мира со Швеціею они должны будутъ поселиться на Котлинѣ, на отведенныхъ имъ безденежно мѣстахъ. Тотъ же указъ предписывалъ собрать со всѣхъ губерній на лѣто 3000 человѣкъ и на зиму 1500, для строенія на Котлинѣ «фортецій» и помѣщеній служащимъ. Въ 1714 году готовы были болѣе 10 деревянныхъ казармъ и слишкомъ до 80 домовъ,—число недостаточное даже для помѣщенія всѣхъ офицеровъ. Конечно, многіе изъ нихъ, такъ же какъ и нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ имѣли свои собственные дома, но вообще квартиръ было весьма недостаточно. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ жили на Котлинѣ морскіе офицеры, укажемъ на нѣкоторые изъ домовъ, существовавшихъ въ 20-хъ годахъ, но построенныхъ можетъ быть и гораздо ранѣе. Въ домѣ капитана Ивана Синявина, принадлежавшемъ къ числу большихъ, было четыре жилыя комнаты и двое сѣней; изъ службъ: кухня, людская комната, конюшня, баня и погребъ. У одного капитанъ-поручика (капитанъ-лейтенанта) въ домѣ было двѣ жилыя комнаты съ сѣнями; службы же состояли изъ людской избы и при ней кухни, конюшни и погреба. Когда въ 1720 г., очищая мѣсто для канала и доковъ, сносили дома, и владѣльцамъ ихъ отводили другія мѣста, то всѣ новые участки имѣли протяженіе въ глубину отъ улицы 8 саженъ, а по улицѣ, для рядовыхъ полагалось 15 саженъ, а для прочихъ высшихъ чиновъ—сколько кто пожелаетъ, но съ условіемъ, чтобъ на улицу было все застроено, кромѣ воротъ; ширина улицъ полагалась 7 саженъ. [1]).

Для скорѣйшаго возведенія болѣе долговѣчныхъ каменныхъ строеній, въ мартѣ 1714 г., государь обратился къ новому налогу и велѣлъ на постройку 31 каменнаго дома собрать деньги съ губерній, полагая по 5000 руб. на каждый домъ. Для надзора за постройкою назначены были для каждой губерніи сенаторы и въ числѣ ихъ такія особы, какъ Меншиковъ, Ѳедоръ и Петръ Матвѣевичи Апраксины и Долгорукіе. Дома, построенные такимъ образомъ, получили

---

[1]) Матеріалы. Отд. V, №№ 131 и 140.

названіе «губернскихъ» и въ то время крайніе изъ нихъ выходили на самый берегъ моря. Въ 1718 году, іюля 13, освящена была въ присутствіи государя деревянная церковь св. Андрея Первозваннаго, стоявшая на мѣстѣ двора нынѣшняго Техническаго училища [1]).

Въ 1719 году надзоръ за работами порученъ одному Меншикову, и имъ заложены въ 1720 и 21 годахъ дома, гдѣ помѣщается теперь Техническое училище и гражданская гимназія. Они были трехъ-этажные, въ нижнихъ этажахъ находились лавки, а подъ ними погреба. Большая часть этихъ домовъ 19 февраля 1724 г. роздана была для жительства адмираламъ и капитанамъ, а также нѣкоторымъ и не морскимъ знатнымъ особамъ, какъ напр. князю кесарю Ромодановскому, канцлеру Головкину и пр. Два дома оставлены были для государя, въ другихъ помѣстили госпиталь, школу, канцелярію и аптеку. Пожалованные дома наслѣдники владѣльцевъ могли и продавать, но только морскимъ офицерамъ, не выше 100 руб. комнату. Въ случаѣ же, если изъ морскихъ покупателей не будетъ, то на продажу дома постороннимъ лицамъ слѣдовало испрашивать особое высочайшее разрѣшеніе.

Обѣ линіи домовъ, построенныя по разныя стороны канала, должны были соединяться перекинутою черезъ каналъ огромною аркою, увѣнчанною «великою башнею». Работы по этой постройкѣ начались въ 1722 году, но остались неисполненными. Кромѣ государева дворца, находившагося на мѣстѣ лѣтняго сада, въ 1721 году былъ построенъ въ средней гавани другой дворецъ, каменный, трехъэтажный. Онъ стоялъ на сваяхъ, на самой водѣ, въ разстояніи около 300 саженъ отъ берега и соединялся съ нимъ пристанью, часть которой занята нынѣшнимъ арсеналомъ.

1723 года (сентября 26) послѣдовалъ собственноручный указъ государя о прорубкѣ на Котлинѣ улицъ. Изъ деревьевъ, вдоль стѣнъ и заборовъ, велѣно оставлять только такія, которыя «росли не на кочкахъ», тѣ же, которыя были на дворахъ, предоставлялись на волю хозяевъ. По набережнымъ каналовъ отводили участки для построенія домовъ офицерамъ, купцамъ и значительнымъ мастеровымъ; а подъ дома матросъ и солдатъ давали землю въ другихъ, болѣе от-

---

[1]) Около пятидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, она перенесена была въ зданіе, гдѣ находится теперь мужская гимназія.

даленныхъ мѣстахъ острова. Ширина набережныхъ у каналовъ опредѣлялась въ 15 саженъ. Поперегъ острова прорублено было шесть улицъ шириною въ 9 саженъ [1]). 7 октября 1723 года, при закладкѣ крѣпости, она, какъ и самый городъ, названы *Кронштадтомъ*. Въ послѣдній разъ великій государь взглянулъ на Кронштадтъ 3 октября 1724 года, когда при немъ флотъ втягивался въ гавань.

Въ числѣ замѣчательныхъ предметовъ старинаго Котлина были два огромные дуба, очень любимые государемъ, и съ самаго занятія острова содержимые въ особенномъ почетѣ. Они окружены были палисадникомъ и подъ деревьями находилась маленькая сквозная бесѣдка, въ которой стояли столъ и скамейки. Изъ бесѣдки былъ прекрасный видъ на море, и здѣсь государь любилъ на свободѣ посидѣть и попировать въ лѣтнее время съ иностранными шхиперами и служащими лицами. Въ одномъ изъ дубовъ, по приказанію царя, былъ сдѣланъ небольшой створчатый поставецъ, для стакановъ [2]). Нельзя не пожалѣть, что эти почтенные свидѣтели первоначальнаго заселенія Котлина сохранялись недолго послѣ кончины Петра; въ описаніи С.-Петербурга и Кронштадта, Богданова, вышедшемъ въ 1750 году, объ этихъ дубахъ уже не упоминается.

Ревель и Рогервикъ.

Принужденный вначалѣ необходимостью основать на Котлинѣ главный портъ для нашего флота, государь, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, не могъ не замѣтить и важныхъ неудобствъ этого мѣста. Въ военномъ и торговомъ отношеніяхъ здѣсь было весьма невыгодно раннее замерзаніе и позднее освобожденіе рейда отъ льда, значительное удаленіе порта отъ открытаго моря, трудность и опасность плаванія по Финскому заливу. Наконецъ, довольно быстрое теченіе засоряло гавань и, въ прѣсной водѣ суда гнили скорѣе, чѣмъ въ соленой.

Укрѣпляя Котлинъ, какъ пунктъ необходимый для защиты Петербурга и представлявшій въ началѣ войны, при важномъ торговомъ значеніи, единственное удобное мѣсто для содержанія военнаго флота, государь, впослѣдствіи, при покореніи береговъ Финскаго

---

[1]) Матеріалы. Отд. V, № 200.

[2]) Описаніе С.-Петербурга и Кронштадта въ 1710 и 11 годахъ. С.-Петербургъ, 1860 г., переводъ съ нѣмецкаго, изд. Императ. публ. библ. Штелинъ; анекдотъ № 50.

залива, не переставалъ заботиться объ отысканіи другаго, болѣе выгоднаго мѣста для устройства военнаго порта.

Сначала онъ остановился было на Ревелѣ, въ которомъ существовала съ давняго времени (съ XVI столѣтія) небольшая купеческая гавань; государь велѣлъ ее исправить, увеличить и приспособить для помѣщенія военныхъ судовъ. Новая гавань, въ прибавку къ прежней, заложена, въ присутствіи государя, 14 февраля 1714 года и окончена къ осени 1716 года (Планъ листъ 13). Главнымъ распорядителемъ работъ по этому сооруженію былъ князь А. Д. Меншиковъ. Но, при несовершенствѣ тогдашней гидро-техники, гавань, находясь въ бухтѣ открытой для сѣверныхъ вѣтровъ, не могла выдерживать бурь и, какъ мы видѣли (стр. 293), въ 1716 году была полуразрушена, причемъ повреждено нѣсколько стоявшихъ въ ней кораблей, изъ которыхъ два затонули. Подобныя несчастія могли угрожать и впослѣдствіи, а къ тому же, хотя отъ другихъ причинъ чѣмъ котлинская, но и ревельская гавань, годъ отъ году также мелѣла. Это обстоятельство и положеніе берега, не позволявшее удобнымъ образомъ расположить адмиралтейство и размѣстить укрѣпленія такъ, чтобы они доставляли полную защиту гавани, заставили государя искать другаго мѣста для главнаго порта на Балтійскомъ морѣ. Требованіямъ Петра удовлетворяла Рогервикская бухта, лежащая на южномъ берегу Финскаго залива въ 48 верстахъ западнѣе Ревеля. По обширности своей она могла помѣстить большой флотъ и имѣла надежный грунтъ для якорной стоянки. Матерой берегъ и острова Большой и Малый Роге закрывали ее отъ всѣхъ вѣтровъ, кромѣ сѣвернаго и сѣверозападнаго. Берега мыса Пакерордъ и островъ Малый Роге, окружающіе часть бухты, ближайшую къ морю, были плитняковые, приглубые и возвышались на 120 футъ надъ моремъ. Два ручья, впадающіе въ концѣ бухты, давали прѣсную воду. Сверхъ всѣхъ этихъ удобствъ, главное преимущество Рогервика состояло въ томъ, что бухта замерзала рѣдко, лишь въ сильные морозы, и то у береговъ и въ вершинѣ, а средина ея оставалась незамерзшею, и только часто заносилась съ моря льдомъ, отъ котораго рейдъ однакожъ очищался при первомъ штормѣ.

При всѣхъ достоинствахъ этой бухты, для превращенія ея въ удобный и покойный портъ, необходимо было искуственно

закрыть рейдъ отъ N и NW вѣтровъ, что требовало значительныхъ трудовъ и денегъ. Но это никогда не затрудняло царя Петра, если только онъ былъ увѣренъ въ пользѣ задуманнаго дѣла. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ: оцѣнивъ выгоды мѣстности, государь, не смотря на предстоявшія огромныя работы, рѣшился строить въ Рогервикѣ большой портъ, для военныхъ и купеческихъ кораблей, адмиралтейство, верфь и даже городъ. Для защиты рейда отъ морскихъ вѣтровъ рѣшено сдѣлать поперегъ всей бухты пересыпь (моллу) и, на случай непріятельскаго нападенія, защитить ее укрѣпленіями. Мелководный проходъ между берегомъ и островами Большой и Малый Роге положено вовсе закрыть (Планъ литера И).

На Пакерортскомъ берегу и на островѣ Маломъ Роге царь приказалъ построить для себя два маленькихъ домика и послалъ отыскивать на островѣ прѣсную воду, которая дѣйствительно и была найдена. Тогда же, для будущихъ построекъ, начали запасать и возить въ Рогервикъ лѣсъ. Въ 1719 году государь, пріѣхавъ въ Рогервикъ, осматривалъ приготовительныя работы къ постройкѣ предполагаемаго порта, самъ промѣрялъ глубину залива и велѣлъ на обоихъ берегахъ означить направленіе моллы. Не имѣя возможности впродолженіе войны приступить къ настоящей работѣ, Петръ, тотчасъ же по заключеніи Ништадтскаго мира, собралъ въ военной коллегіи, подъ своимъ предсѣдательствомъ, генераловъ и инженеровъ, объяснилъ имъ причины, заставившія его избрать Рогервикъ для устройства порта и, показавъ планъ, просилъ присутствующихъ сказать: полезно-ли приступать къ постройкѣ порта въ Рогервикѣ, или нѣтъ? Послѣ короткаго совѣщанія вопросъ единогласно былъ рѣшенъ утвердительно, и работы начались. Главнымъ распорядителемъ ихъ назначенъ полковникъ и гвардіи капитанъ Мавринъ, а строителемъ—инженеръ-полковникъ Люберасъ. На работы прислано около тысячи арестантовъ, содержавшихся въ Ревелѣ, и на слѣдующій годъ велѣно присылать раскольниковъ. Въ первые два года была построена церковь, казармы, магазины, пристань и другія необходимыя приготовительныя постройки для будущаго порта. 1723 года, іюля 19-го государь прибылъ съ флотомъ въ Рогервикъ и заложилъ моллу, которая должна была проводиться по глубинѣ отъ 12 до 14 саженъ и имѣть до 1200 саж. длины, 2 саж. ширины, и 7 фут. высоты надъ водою. На концахъ ея предполага-

лось устроить по крѣпости. Камень для моллы ломали тутъ же на берегу, на мѣстѣ будущихъ крѣпостныхъ рвовъ. Укрѣпленный городъ предполагалось устроить на Маломъ Рогѣ, и противъ его гавань, которую хотѣли дѣлать на манеръ кронштадтской, т. е., изъ деревянныхъ срубовъ, загруженныхъ камнями. Длина гавани полагалась до 380 саж. и ширина до 150 саж. На самомъ мысѣ Пакерортъ велѣно было построить для маяка каменную башню, высотою въ 5 саженъ.

Изъ всѣхъ этихъ работъ приступлено было къ строенію на Пакерортскомъ берегу крѣпости и проведенію моллы, которая, не смотря на замедленіе и порчи, производимыя бурями, въ ноябрѣ 1724 года была выведена отъ Пакерортскаго берега на $156\frac{1}{2}$ саженъ.

Съ 1721 года по конецъ царствованія Петра, среднимъ числомъ на работы высылалось до 2284 человѣкъ и 380 лошадей. Кончина государя на долгое время пріостановила это важное дѣло [1]).

Архангельскъ не будучи въ царствованіе Петра Великаго военнымъ портомъ, имѣлъ однакоже весьма важное значеніе какъ коммерческій портъ и верфь. Начавшееся при Петрѣ, судостроеніе въ Архангельскѣ получило въ его царствованіе значительное развитіе. Постройкою судовъ для плаваній царя по Бѣлому морю, въ 1693 году положено было начало Соломбальской верфи, впослѣдствіи долгое время снабжавшей нашъ балтійской флотъ, судами своей постройки.—Сознавая всѣ важныя невыгоды, происходившія отъ не имѣнія своего коммерческаго флота, царь пожелалъ развить въ Россіи частное судостроеніе и на исполненіе этого желанія вызвался близкій къ государю человѣкъ, бывшій учитель его, Францъ Тимерманъ. По прошенію Тимермана въ 1693 году ему дана была жалованная грамота на исключительное право строить въ теченіи 20 лѣтъ «корабли, полукорабли и гальоты на рѣкѣ Двинѣ и на Мезени», безъ платы пошлинъ за употребляемый въ строеніе лѣсъ [2]). Между тѣмъ, не дожидаясь постройки частныхъ судовъ, самъ Петръ положилъ начало торговли на русскихъ судахъ, приказавъ въ 1694 году отправить за границу съ русскими товарами два корабля: Архангельскъ.

---

[1]) Извлеч. изъ журн. стр. 106 и 107. О построеніи гаваней въ Балтійскомъ портѣ и Ревелѣ. П. Казакевича. Зап. Гидр. департ. ч. 4.

[2]) Моск. арх. Мин. Ин. Дѣл. (Приказн. дѣла древн. лѣтъ, 1696 г. св. 632).

одинъ купленный въ Голландіи, а другой строенный въ Архангельскѣ Ѳ. М. Апраксинымъ, бывшимъ тамъ воеводою.

Послѣ Тимермана, не воспользовавшагося данною ему привилегіею по случаю другихъ служебныхъ занятій, въ 1696 году обратились къ царю съ просьбою двинскіе посадскіе люди Осипъ и Ѳедоръ Баженины. Они просили разрѣшенія строить торговые корабли для отпуска за море досокъ, заготовляемыхъ на пильной мельницѣ, устроенной ими въ родовой своей вотчинѣ Вавчугѣ, находящейся въ 70 верстахъ отъ Архангельска, вверхъ по р. Двинѣ. Хотя изъ документовъ видно, что проектъ жалованной Бажениным грамоты на строеніе кораблей былъ составленъ въ томъ же 1696 году, но, почему-то, самая грамота выдана была только 2-го февраля 1700 года [1]), вслѣдствіе вторичнаго прошенія Бажениныхъ, и въ началѣ 1703 года два корабля построенные на ихъ верфи отправлены были за море съ русскими товарами, а третій такой же корабль строился. На той же верфи были построены и два небольшіе казенные фрегата *Св. Духа* и *Курьеръ* (стр. 153), спущенные въ 1702 году, въ присутствіи государя.

Фрегаты эти вмѣстѣ съ приведенною изъ Англіи яхтою *Транспортъ-Рояль* и взятою въ 1701 году у шведовъ шнявою составили эскадру, на которой Петръ въ 1702 году совершилъ переѣздъ отъ Архангельска до Нюхчи (стр. 154). Въ томъ же (1702) году заложенъ на верфи Бажениныхъ фрегатъ *Св. Илія*, спущенный въ слѣдующемъ году. Примѣру Бажениныхъ послѣдовалъ другой архангелогородецъ Иванъ Стрежневъ, который также построилъ корабль и отправилъ его съ товарами за море, но въ 1708 году корабль этотъ былъ захваченъ французами, также какъ и одно изъ судовъ посланныхъ Бажениными.

Казенное судостроеніе продолжалось на Соломбальской верфи, гдѣ по именному царскому указу въ 1700 году, заложены были 6 кораблей. Суда эти строившіяся подъ надзоромъ датчанина Елизарія Избранта, были уже готовы въ 1701 году. Въ 1704 году три изъ нихъ пошли съ казенными товарами въ Лондонъ и Амстердамъ, одно (въ 1702 году) продано Стельсу и одно отдано самому Из-

---

[1]) Полн. собр. закон. № 1749. Подлинная грамота находится въ Моск. архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

бранту. Окончивъ постройку порученныхъ ему судовъ, Избрантъ въ концѣ 1701 года также просилъ о дачѣ ему жалованной грамоты, на право строенія торговыхъ судовъ въ теченіи 10-ти лѣтъ, но просьба его осталась безъ послѣдствій. До этого времени непосредственное завѣдываніе надъ всею морскою частію въ Архангельскѣ имѣли воеводы, обыкновенно мало знакомые съ морскимъ дѣломъ, отчего послѣднее много теряло. По этой или по другимъ причинамъ, но въ 1702 году признано было необходимымъ передать какъ казенныя суда, такъ и всѣ адмиралтейскія заведенія въ вѣдѣніе приказа адмиралтейскихъ дѣлъ, который назначилъ туда Избранта своимъ «коммиссаріусомъ».

Въ 1703 году посланъ былъ еще изъ приказа адмиралтейскихъ дѣлъ «на Двину къ городу Архангельску» стольникъ Клокачевъ, для завѣдыванія казенною пильною мельницею, продажею и отпускомъ за море корабельныхъ лѣсовъ, бывшихъ до того на откупѣ, и наблюденія за тѣмъ, чтобы корабельныхъ лѣсовъ никто не рубилъ и не продавалъ никуда, кромѣ казны.

Въ 1706 году Избрантомъ устроенъ въ Архангельскѣ канатный заводъ, а на рѣкѣ Ширшѣ приступлено къ строенію водяной пильной мельницы [1]). Около того же времени, въ помощь Избранту по управленію архангельскимъ портомъ, назначенъ былъ капитанъ Класъ Фрасъ. Въ данномъ ему «наказѣ» подробно изложены слѣдующія обязанности: «признавать Избранта за перваго офицера и управителя адмиралтейства»; наблюдать за строеніемъ и починкою судовъ, за офицерами и служителями; а также за исправностью фарватера, брантвахтами, салютами иностранныхъ судовъ, за невыбрасываньемъ въ воду баласта съ приходящихъ къ порту судовъ; ему же поручалось хранить судовые запасы, оказывать помощь иностраннымъ судамъ, отпуская на нихъ матеріалы за опредѣленную плату, устанавливать казенныя суда на зимовку и вести журналъ о состояніи погоды и о приходящихъ къ порту судахъ [2]).

Избрантъ умеръ въ началѣ 1708 года, и тогда состоялся указъ о принятіи верфи и всего порта архангельскому воеводѣ князю Голицыну. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1710 года, на просьбу

---

[1]) Гл. морск. арх. (Дѣл. Воинск. морск. прик. № 41).

[2]) Арх. Академ. наукъ (Дѣл. кн. Меншикова).

Голицына объ опредѣленіи «присмотрителя» къ адмиралтейскому дѣлу, Апраксинъ отвѣчалъ: «о починкѣ судовъ попеченіе имѣть вашей милости, и ежели будетъ какая неисправность, то въ томъ будете вы отвѣтствовать, понеже оное строеніе именно на вашу губернію опредѣлено, и не токмо оную починку надлежитъ вамъ вѣдать, но морскихъ офицеровъ и служителей въ вѣдѣніе вашей милости поручаю. Къ починкѣ если надобно надзирателя, изволишь опредѣлить кого по своему усмотрѣнію, а намъ для оной починки коммисара не надлежитъ держать» [1]). Вѣроятно вслѣдствіе этого, въ 1711 году экипажмейстеромъ архангельской верфи назначенъ мѣстный житель Θедоръ Баженинъ, одинъ изъ владѣтелей вавчужской верфи, который и оставался въ этой должности во все время царствованія Петра Великаго. Кромѣ того, въ 1713 году «надсмотрителемъ» верфи былъ опредѣленъ Максимовичъ. Между тѣмъ на Соломбальской верфи приступлено было къ постройкѣ судовъ для балтійскаго флота. Вслѣдствіе именнаго указа 20 ноября 1707 года [2]), мастеромъ Выбе Геренсомъ были заложены два 32-хъ пушечные фрегата, оконченные постройкою въ 1710 году; а въ 1712, тѣмъ же мастеромъ заложены были три пятидесятипушечные корабля, спущенные въ 1713 году и, за тѣмъ, въ 1714 году, начаты постройкою четыре такіе же корабля, которые окончены въ 1715 году.

Для вооруженія построенныхъ въ архангельскѣ судовъ и привода ихъ въ Балтику посылались съ командами морскіе офицеры: Рейсъ, Симсонъ, Крамеръ, Ив. Синявинъ, Бенсъ, Денъ и Бредаль.

Съ 1715 года дѣятельность архангельской верфи по постройкѣ военныхъ судовъ прекратилась: балтійскій флотъ началъ комплектоваться судами петербургской постройки или заказанными за-границею. Морская коммерческая дѣятельность также значительно уменьшилась вслѣдствіе пріобрѣтенія Россіею торговыхъ портовъ въ Финскомъ заливѣ и по причинѣ настоятельныхъ мѣръ, принятыхъ государемъ для усиленія морской торговли Петербурга. Коммерческое судостроеніе продолжалось на верфи братьевъ Баженинныхъ, гдѣ строились суда для торговой компаніи князя Меншикова и для рыбныхъ

[1]) Матеріалы. Отд. I № 334.

[2]) Гл. морс. арх. (Дѣл. Воинск. морск. прик. № 28).

и звѣриныхъ промысловъ въ Ледовитомъ океанѣ. Для завѣдыванія же немногими казенными судами и портовыми заведеніями и для надзора за приходящими къ порту иностранными судами, отъ адмиралтейства назначались въ Архангельскъ морскіе офицеры состоявшіе на половинномъ жалованьѣ.

Невскій флотъ и партикулярная верфь.

Съ учрежденіемъ въ Петербургѣ казенныхъ перевозовъ, они находились въ вѣдѣніи городской ратуши и отдавались ею на откупъ частнымъ лицамъ, причемъ въ распоряженіе откупщика поступали и принадлежавшіе ратушѣ перевозные мельшхоуты [1]). Такъ какъ, за неимѣніемъ мостовъ, для каждаго изъ жителей города, перевозы составляли существенную необходимость, то Петръ рѣшился воспользоваться ими, чтобы познакомить обитателей Петербурга съ управленіемъ шлюпками и, вообще, пріучить къ поѣздкамъ водою. Для этой цѣли въ 1710 г. (іюля 4) объявленъ былъ указъ о томъ, чтобы перевозныя суда, если только позволяетъ вѣтеръ, ходили непремѣнно подъ парусами, а не на веслахъ. «Фискаломъ» наблюдавшимъ за исполненіемъ указа, назначенъ шхиперъ Потемкинъ и съ ослушниковъ велѣно взыскивать штрафъ. Въ 1713 г. (мая 20) Потемкину переданы и перевозные мельшхоуты и поручено наблюденіе, за тѣмъ чтобы кромѣ мельшхоутовъ ни на какихъ другихъ судахъ черезъ рѣки не перевозили. Въ 1715 г. (марта 31) къ тому же Потемкину, бывшему уже стольникомъ, вполнѣ перешло отъ ратуши завѣдываніе перевозами, т. е. не только сборъ денегъ, но и самая постройка перевозныхъ судовъ.

За перевозъ на мельшхоутахъ брали по денежкѣ съ человѣка, а на появившихся впослѣдствіи буерахъ и верейкахъ, на которыхъ перевозили «знатныхъ людей», государь приказалъ брать по полтинѣ. Въ 1723 году къ числу перевозныхъ судовъ прибавлены «рябиты» (шлюпки бóльшія мельшхоутовъ, иногда съ нѣкоторыми украшеніями), и за перевозъ велѣно брать «съ одного или больше по гривнѣ; больше трехъ—по грошу; а на—часы по 15 копѣекъ» [2]).

Постепенное расширеніе обязанностей, возлагаемыхъ на Потем-

---

[1]) Гребныя суда длиною отъ 18 до 20 футъ (Гл. морс. арх. Дѣла Крюйса 1716 г. № 23, стр. 154).

[2]) Гл. морс. арх. (Дѣла коммиссіи Россійс. флот. и адмиралт. правл. 1763 г № 131, стр. 36).

кина, и вся дальнѣйшая его служебная дѣятельность показываютъ, что государь видѣлъ въ немъ энергическаго и способнаго сотрудника, всегда оправдывавшаго дѣлаемое ему довѣріе. Однимъ изъ примѣровъ честныхъ и удачныхъ дѣйствій Потемкина можетъ служить удесятереніе суммы, получаемой съ перевозовъ. Въ 1714 г. ратуша отдавала перевозы откупщику за 527 рублей въ годъ; а въ 1715 г., когда началъ распоряжаться Потемкинъ, съ перевозовъ было собрано 5,747 руб. [1])

Такое увеличеніе дохода дало возможность государю создать «Невскій флотъ», т. е. осуществить одну изъ своихъ оригинальныхъ идей, по цѣли и средствамъ ея достиженія представляющей нѣкоторое сходство съ устройствомъ извѣстныхъ «ассамблей». Въ обоихъ случаяхъ Петръ желалъ, въ формѣ обязательныхъ удовольствій, воспитывать петербургское общество въ извѣстномъ полезномъ направленіи. Въ ассамблеяхъ въ Россію вводилась общественная европейская жизнь, а Невскому флоту предстояло возбудить въ петербурскихъ жителяхъ любовь къ морю, съ тѣмъ, чтобы при прочномъ существованіи и дальнѣйшемъ развитіи этого флота, онъ могъ послужить зерномъ для образованія русскаго торговаго флота, составляющаго одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ благосостоянія а, слѣдовательно, и силы всякаго государства.

Для обезпеченія существованія «Невскаго флота», въ 1716 году учреждена была партикулярная верфь, на которой велѣно «дѣлать къ дому Его Имп. Вел. и для раздачи, по указамъ, всякаго чина людямъ безденежно и на продажу» разнаго рода небольшія парусныя и гребныя суда [2]), а также за извѣстную плату починивать иностранные и русскіе коммерческіе корабли и продавать для нихъ разные матеріалы [3]). На содержаніе верфи назначились деньги собираемыя съ перевозовъ и десятый процентъ съ цѣны, въ которую обходилась самой верфи всякая работа или проданный матеріалъ. Перевозныхъ денегъ, съ 1715 по 1725 г. включительно, собрано болѣе 164,000 р., т. е., среднимъ числомъ ежегодно около 15,000

---

[1]) Гл. морс. арх. (Дѣла адм. кол. 1727 г. № 3.)

[2]) Яхты, торншхоуты, дамшхоуты, роторшхоуты, буера, баржи, рябиты, верейки, ялботы.

[3]) Гос. арх. Отд. XXI. Часть V.

руб., а за построенныя на верфи суда и проданные матеріалы, съ 1718 по 1725 годъ включительно, получено около 29,500 руб. На эти деньги построена самая верфь и всѣ необходимыя для нея зданія. Постройка продолжалась до 1720 г. и обошлась въ 20,000 руб. [1]). Кромѣ того, изъ тѣхъ же суммъ уплачивалось жалованье служащимъ и рабочимъ на верфи, построена церковь (Св. Пантелеймона), содержался ея причтъ и основанная при ней школа, и, наконецъ, согласно приведенному выше указу, безплатно строились и починивались разныя суда для «государева двора» [2]) и для раздачи частнымъ лицамъ.

Партикулярная верфь находилась на берегу Фонтанки, противъ Лѣтняго сада, на мѣстѣ нынѣшняго Соляного городка. Первые мастеровые на нее собраны были съ разныхъ мѣстъ: изъ Москвы, села Измайлова, Дѣдинова, Ловецъ (Рязанской губерніи) и пр. Въ табели, утвержденной государемъ въ январѣ 1719 года, положено имѣть при партикулярной верфи коммисара, шхипера, писаря, 10 матросовъ, 6 солдатъ, 9 мастеровъ разныхъ мастерствъ и 183 человѣка учениковъ и рабочихъ. На всѣхъ ихъ полагалось въ годъ 5,241 руб. денежнаго жалованья и 756 четвертей хлѣба. На этой табели государь приписалъ: «Г. Невскому адмиралу (Потемкину) по 300 руб. въ годъ, да Пальчикову (корабельному подмастерью), для надсматриванія надъ мастеровыми людьми 150 рублей». Впослѣдствіи, какъ число служащихъ, такъ и расходъ на ихъ содержаніе значительно увеличился и (въ 1727 г.) статскій совѣтникъ и интендантъ Потемкинъ получалъ 600 руб., канцелярія его, состоявшая изъ 16 человѣкъ, — 1,341 руб. и корабельный подмастерье—300 руб. Число служащихъ и рабочихъ на верфи дошло до 480 челов. и получаемое ими годовое содержаніе состояло изъ 10,334 руб. денежнаго жалованья, болѣе 1,700 четвертей муки, крупы и овса и 147 пудъ соли [3]).

---

[1]) Гл. морс. арх. (Дѣла адм. коллегіи 1727 г. № 3, 1732 г. № 14 и 1739 г. № 4).

[2]) Хотя въ 1723 г. и состоялся указъ, чтобы такія суда строились на счетъ кабинета и чтобы съ верфи «безъ денегъ ничего не давать», но это распоряженіе осталось безъ исполненія (Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Отд. XXI, часть V, всеподданнѣйшій докладъ адм. кол. 1755 г. мая 19).

[3]) Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Отд. XXI. (Доношеніе Потемкина въ верховный тайн. совѣт. 1727 г. октябрь).

Невскій флотъ устроенъ былъ на слѣдующемъ основаніи: суда входившія въ составъ его жаловались государемъ въ вѣчное и потомственное владѣніе, съ тѣмъ условіемъ, чтобы владѣльцы содержали ихъ въ исправности и, по приходѣ въ ветхость строили на свой счетъ новыя, такихъ же или бо́льшихъ, но отнюдь не меньшихъ, размѣровъ. Раздача судовъ, на основаніи этого положенія, послѣдовала 8 и 10 мая 1718 года [1]).

Въ указѣ апрѣля 12, того же года, государь самымъ подробнымъ и общепонятнымъ образомъ изложилъ правила содержанія въ исправности этихъ судовъ, порядокъ ихъ сбора «на экзерциціи», производство самыхъ экзерцицій и, наконецъ, опредѣлилъ штрафы за неисполненіе предписанныхъ правилъ. Какъ горячо относился Петръ къ этому новому своему созданію, указываетъ то обстоятельство, что составленный самимъ государемъ проектъ правилъ былъ имъ два раза собственноручно исправляемъ и дополняемъ. Эта заботливость отразилась въ текстѣ указа, въ которомъ Петръ является опытнѣйшимъ корабельнымъ мастеромъ, обратившимъ вниманіе на самыя мелочныя подробности и объясняющимъ владѣльцамъ судовъ незнакомое для нихъ дѣло съ чрезвычайною простотою и ясностію. Въ 4-мъ пунктѣ данныхъ государемъ правилъ «о парусныхъ судахъ» сказано: «на тѣхъ судахъ ничего тяжелаго, а именно кирпичу, извести, дровъ и прочаго, отъ чего можетъ мараться и портиться, не возить, и надлежитъ чисто держать отъ грязи и нечистоты, ибо отъ того болѣе гніютъ, нежели отъ воды; также держать подъ кровлею судно, дабы не мокло и не драло солнцемъ, *ибо сіи суды даны дабы ихъ употреблять такъ какъ на сухомъ пути кареты и коляски, а не какъ навозныя телѣги* [2]).

Образцы платья и «уборы» для гребцовъ выдавались отъ казны и даже были выставлены на рынкахъ. Обязателенъ былъ только покрой одежды и украшеніе ея шелковыми или шерстяными галунами и мѣдными плоскими пуговицами; самая же матерія, изъ которой шилось платье, и даже цвѣтъ ея, предоставлялись на волю владѣльцевъ.

---

[1]) Извлеч. изъ журн. стр. 94.

[2]) Госуд. арх. Кабин. дѣл. Отд. I, № 38; курсивъ прибавленъ собственноручно государемъ.

Суда были жалуемы присутственнымъ мѣстамъ и частнымъ лицамъ разныхъ званій и профессій. Въ спискѣ, по которому раздавались суда, встрѣчаются синодъ, сенатъ, Невскій монастырь, коллегіи: адмиралтейская и иностранная, полицемейстерская канцелярія, нѣсколько архіереевъ, сенаторовъ и другихъ важныхъ сановниковъ и, вмѣстѣ съ ними, корабельные мастера, лекаря, иноземцы, даже дамы, какъ напр. госпожа Ржевская. Нѣкоторыя изъ мѣстъ и частныхъ лицъ получали по два и по три судна; а баронамъ Строгоновымъ, князю А. М. Черкасскому и канцлеру графу Г. И. Головкину пожаловано было по четыре судна.

При усиленіи дѣятельности партикулярной верфи увеличивались, какъ численность, такъ и разнообразіе самыхъ типовъ судовъ Невскаго флота. Первыя розданныя суда были буера, строенные въ Казани или привезенные изъ Голландіи, потомъ Невскій флотъ пополнялся судами, строенными на партикулярной верфи, а также яхтами и баржами, выписываемыми изъ Голландіи и Англіи самимъ Петромъ и нѣкоторыми вельможами [1]).

По даннымъ государемъ правиламъ, суда Невскаго флота обыкновенно собирались разъ въ недѣлю; парусныя по воскресеньямъ или въ первый за нимъ день, удобный для ихъ эволюцій; а гребныя—въ штиль или въ самую тихую погоду. О сборѣ судовъ городъ извѣщался особыми сигналами и во время «экзерцицій», кромѣ рѣдкихъ исключительныхъ случаевъ, на парусныхъ судахъ должны были присутствовать ихъ владѣльцы, а «на баржахъ долженствовали госпожи судна быть, такъ во всемъ какъ хозяева на парусныхъ; не возбраняется же и на обѣихъ обоимъ поламъ быть, но по волѣ, а не по должности сего указа».

Флагманомъ и распорядителемъ экзерцицій былъ тотъ же Потемкинъ, почему онъ полуофиціально и назывался «Невскимъ адмираломъ». Приказанія флагмана передавались сигналами, которыхъ для парусныхъ судовъ было десять, а для гребныхъ три номера. За неявку на экцерциціи владѣльцы судовъ платили штрафъ, за первый разъ—3 руб., за второй—6 руб., за третій—9 руб. и т. д. Кромѣ экзерцицій суда Невскаго флота участвовали и во всѣхъ морскихъ торжествахъ, происходившихъ въ Петербургѣ, или

[1]) Госуд. арх. Каб. дѣла. Отд. II. № 31, стр. 191.

въ его окрестностяхъ. Штрафы за неявку увеличивались, смотря по важности праздника; такъ напр. владѣльцы 13 судовъ, не явившіеся въ 1723 году къ торжественной встрѣчѣ дѣдушки русскаго флота, «за такую знатную вину» должны были заплатить по 15 рублей [1]). Случалось что штрафы эти доходили до очень крупной цифры; наприм., въ томъ же 1723 году, за небытность «на своихъ баржахъ во время водяной ассамблеи, кромѣ законныхъ причинъ», подверглись штрафу по 50 рублей: генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Брюсъ, адмиралъ Крюйсъ, графъ П. Апраксинъ, баронъ Строгоновъ. Взысканныя съ нихъ деньги были отданы на госпиталь [2]). Небрежное содержаніе судовъ также наказывалось штрафами.

Такимъ образомъ, волей неволей, высшее петербургское общество привыкало къ морю. Экзерциціи и различныя морскія торжества и плаванія къ Котлину, Петергофу и пр. имѣли также и свою привлекательную сторону. Присутствіе государя вносило всюду одушевленіе и веселость; музыка и пушечные выстрѣлы сопровождали подобныя плаванія, оканчивавшіяся обыкновенно веселыми пирами [3]). При такихъ праздникахъ плаванія гребныхъ судовъ ограничивались Невою съ ея рукавами и Фонтанкою, а въ море выходили только парусныя суда; такъ напр. при поѣздкахъ государя и государыни къ Котлину ихъ сопровождали иногда до 80 парусныхъ судовъ [4]). Численность Невскаго флота была довольно значительна; такъ въ одномъ, далеко неполномъ, спискѣ показано 141 судно, розданное девяноста лицамъ и мѣстамъ. Общая стоимость этихъ судовъ была 125,200 руб., причемъ каждая яхта обошлась въ 2,253 р.; буеръ и торншхоутъ, каждый по 1,127 руб., баржа—293 руб., рябитъ—86 р. и верейка 43 руб. [5]).

Собственныхъ «государевыхъ» судовъ, парусныхъ и гребныхъ, на партикулярной верфи было 24 (3 яхты: *Наталья*, кипарисная и шведская, 3 торншхоута, 4 буера, 2 шлюпки десяти и

---

[1]) Ковч. адмир. совѣт. Собраніе указовъ относящихся до партикулярной верфи.

[2]) Сборн. русск. историч. общества т. XI стр. 520.

[3]) Дневникъ. Берхольца. Т. I. стр. 110.

[4]) Извл. изъ журн. стр. 127—129.

[5]) Во всѣхъ суммахъ копѣйки округлены въ рубли.

восьми-весельныя, 2 верейки четырехъ-весельныя, 6 ялботовъ и 3 пльшхоута или буера для катанья по льду [1]).

Кромѣ содержанія въ исправности потѣшнаго Невскаго флота, партикулярная верфь скоро получила болѣе важное значеніе. Такъ въ 1720 году (февр. 26) начальнику верфи коммисару Потемкину повелѣно «вѣдать *всѣ* партикулярныя суда, какого бы званія они ни были».

Въ вѣдѣніи партикулярной верфи находились не только городскіе перевозы черезъ рѣки, но и всѣ морскія сообщенія съ окрестными мѣстами, производившіяся на казенныхъ судахъ [2]). По части коммерческаго судоходства, партикулярная верфь ежегодно свидѣтельствовала купеческія, ластовыя и мореходныя суда въ годности ихъ къ плаванію. Свидѣтельство это не ограничивалось осмотромъ кузова и такелажа судна, но касалось и свѣдѣній шхипера и штурмана. Отъ верфи выдавался «аттестатъ» дозволяющій плаваніе только такому судну, которое во всѣхъ отношеніяхъ оказывалось удовлетворительнымъ. Кромѣ этого, на обязанности партикулярной верфи лежало наблюденіе за тѣмъ, чтобы приходившіе по Невѣ въ Петербургъ «староманерныя» суда, какъ напр. «плоскодонныя и обшивныя край на край», не употреблялись здѣсь въ «повозки, а мелкія суда, какъ водовики и лодки, разламывались» [3]). Въ 1722 г. партиркулярная верфь поступила въ вѣдѣніе адмиралтействъ-коллегіи и Потемкину велѣно называться интендантомъ [4]), а въ 1723 году партикулярной верфи были подчинены Охтенскія плотничьи слободы [5]), и рабочимъ, которые бра-

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ адм. кол. 1744 г. октября 22 дня. (Моск. арх. Мин. Ин. Дѣл. Отд. XVI).

[2]) Донесеніе Потемкина въ Верх. тайн. Сов. 1727 г. сент. 27. (Моск. арх. Мин. Ин. Дѣл. Отд. XVI).

[3]) Гл. морск. арх. (Дѣла адм. кол. 1780 г. № 120).

[4]) Гл. морск. арх. (Дѣла графа Апраксина № 257 и дѣла коммисіи россійскихъ флотовъ и адм. правл. 1763 г. № 131).

[5]) Охтенскія адмиралтейскія селенія основаны Петромъ Великимъ въ 1721 году, съ цѣлью имѣть при петербургскомъ адмиралтействѣ постоянный запасъ опытныхъ и хорошихъ плотниковъ и мастеровыхъ. (Подробное изслѣдованіе объ учрежденіи и дѣятельности Охтенскихъ селеній составлено Б. Мансуровымъ и напечатано въ Морск. Сборникѣ 1854 г. Т. XIII и XIV)

лись оттуда на верфь, назначена была именнымъ указомъ плата по 3 руб. въ мѣсяцъ.

На средства петербургской партикулярной верфи въ 1722 году была устроена и получала содержаніе подобная же партикулярная верфь въ Нижнемъ Новгородѣ [1]).

Лоцмана и маяки.

Старѣйшіе изъ русскихъ лоцмановъ были архангельскіе, учрежденные въ 1653 году подъ названіемъ «корабельныхъ вожей». За проводъ иностранныхъ кораблей съ моря къ Архангельску и обратно лоцмана получали извѣстную плату съ судохозяевъ и, кромѣ этого, не имѣли никакого жалованья и не пользовались никакими льготами, исключая безпошлиннаго занятія своимъ промысломъ. Но съ 1671 по 1685 годъ право проводки судовъ отдано было на откупъ; первоначально откупная плата не превышала 10 рублей въ годъ, а впослѣдствіи, благодаря конкуренціи, дошла до 92 рублей. Лоцмана, обыкновенно поступавшіе изъ мѣстныхъ жителей, состояли въ вѣденіи приказной избы, а съ 1690 года—таможни. Съ того же года была опредѣлена плата за проводъ судовъ къ городу по 2 рубля, а за выводъ въ море по 6 рублей [2]).

Учрежденіе въ Архангельскѣ настоящихъ коронныхъ лоцмановъ относится къ 1702 году, когда именнымъ царскимъ указомъ число архангельскихъ лоцмановъ опредѣлено въ 40 человѣкъ и завѣдываніе ими поручено двинскому воеводѣ [3]). Въ 1704 году повелѣно: «на устьѣ рѣки Сѣверной Двины и на взморьѣ, на знакъ мелкихъ мѣстъ, ставить бочки и баки, по обыкновенію морскихъ пристаней, а вожей русскихъ людей вѣдать въ адмиралтействѣ; а за тѣ издержки и за строеніе бочекъ и бакъ сбирать ластовыя деньги по полуефимку съ ласта съ иностранныхъ торговыхъ кораблей, а съ русскихъ людей брать адмиралтейскую пошлину съ товаровъ ихъ, по полуденьгѣ съ рубля, почему (по какой цѣнѣ) который русскій товаръ съ иноземцами въ торгу станетъ, и вѣдать тотъ сборъ въ приказѣ адмиралтейскихъ дѣлъ» [4]).

---

[1]) Донесеніе Потемкина въ Верх. Тайн. Сов. 1727 г. сент. 27. (Моск. арх. Мин. Ин. Дѣл. Отд. XVI).

[2]) Кузмищевъ. Историч. свѣдѣнія объ арханг. лоцманахъ въ Записк. Гидрогр. Департ. IV стр. 301. Чулковъ. О россійск. коммерціи I стр. 403.

[3]) Моск. арх. Мин. Ин. Дѣл. (Приказн. дѣл. стар. лѣтъ 1707 г. св. 2)

[4]) Гл. морск. арх. (Воинск. морск. прик. № 41).

Первыя плаванія судовъ балтійскаго флота по Ладожскому озеру и невскому бару совершались при помощи вожей изъ мѣстныхъ жителей и рыбаковъ, исполнявшихъ эту обязанность въ числѣ другихъ натуральныхъ повинностей; извѣстно, что въ первое время по основаніи Петербурга и самъ царь иногда проводилъ иностранные торговые корабли со взморья въ Неву. Официальное же образованіе лоцманскаго общества при петербургскомъ портѣ послѣдовало только въ 1709 году, когда 16 апрѣля объявленъ былъ царскій указъ объ освобожденіи невскихъ лоцмановъ отъ платы поголовныхъ денегъ и отъ постоя. Въ январѣ мѣсяцѣ 1710 года Крюйсомъ дана петербургскимъ лоцманамъ «инструкція», въ которой имъ предписывалось быть послушными первому старшинѣ, изготовлять и ставить на фарватерѣ знаки и наблюдать за ихъ исправностью; содержать дежурство, слѣдить за измѣненіями фарватера и доносить адмиралтейству, какъ объ этихъ измѣненіяхъ, такъ и о найденныхъ въ водѣ якоряхъ, пойманныхъ судахъ и лѣсѣ.

По мѣрѣ распространенія плаваній и съ пріобрѣтеніемъ новыхъ портовъ развивалась и лоцманская часть; но для лоцмановъ не было установлено общаго положенія, одинаковаго для всѣхъ портовъ, а въ каждой мѣстности существовали свои особенные порядки. Такъ, напр., при Кроншлотѣ штатное число лоцмановъ было сначала 14, потомъ 9; каждый изъ нихъ въ мѣсяцъ получалъ отъ казны по полтинѣ и по 4 четверика муки. Обязанность ихъ была водить казенныя и купеческія суда между Петербургомъ и Кроншлотомъ и наблюдать за вѣхами и чистотою фарватера. Главное завѣдываніе лоцманами имѣли Крюйсъ и экипажеская контора. Въ 1724 году штатное число петербургскихъ лоцмановъ увеличилось до 26 человѣкъ; въ маѣ мѣсяцѣ, того же года, положено сбирать съ приходящихъ и отходящихъ кораблей лоцманскія деньги, вмѣсто двухъ рублей по одному. Выборгскіе лоцмана находились въ вѣдѣніи мѣстной таможни, которая, собирая съ каждаго приходящаго судна по 4 рубля, не платила изъ нихъ лоцманамъ ничего. Только въ 1722 году, когда отправленіе лоцманскаго дѣла въ Выборгѣ предоставлено было одной семьѣ, положено было за проводъ купеческихъ судовъ отъ Біорко-зунда до Выборга брать по 50 коп. съ фута углубленія судна, а отъ Біорко-зунда до Кроншлота по 25 коп. съ фута. Въ Ревелѣ лоцманскимъ промысломъ могъ заниматься каждый желающій, по правилъ и ин-

струкцій для лоцмановъ не существовало. Въ Нарвѣ лоцмана состояли въ вѣдѣніи коменданта и бургомистровъ и получали содержаніе отъ магистрата; кромѣ того, по древнему шведскому обыкновенію, имъ отводилась извѣстная часть пахатной земли. Несмотря на это, лоцманскій промыселъ въ Нарвѣ въ 1720 году пришелъ въ такой упадокъ, что не осталось ни одного годнаго лоцмана и магистратъ объ опредѣленіи ихъ обратился съ просьбою къ адмиралтействъ-коллегіи. Рижскіе лоцмана также состояли въ вѣдѣніи магистрата, въ распоряженіе котораго для управленія лоцманами назначался отъ правительства морской офицеръ. Эту должность послѣдовательно занимали Лобикъ, Попагай и Безмакеръ.

Въ 1723 году, для составленія инструкціи и регламента о лоцманахъ, собирались свѣдѣнія о положеніи какъ русскихъ, такъ и голландскихъ лоцмановъ, но регламента составлено не было [1]).

Въ 1718 году для безопасности плаванія Финскому заливу учреждена была должность «капитана отъ пилотовъ», т. е. лоцъ-капитана, названнаго впослѣдствіи «капитаномъ надъ штурманами» [2]). Ему, съ помощниками изъ навигаторовъ, велѣно было постоянно, съ открытія водъ, плавать между Сескаремъ и Дагеродомъ, искать новыхъ мелей «ибо зѣло много неизвѣстныхъ» и исправлять на картахъ положеніе прежнихъ, не вѣрно опредѣленныхъ. Подводные камни велѣно было искать «опустя веревку футъ на 50, у которой внизу гири, а на верху поплавки подлежатъ быть, якобы неводы, дабы могъ зацѣпить гдѣ есть подводный камень».

Въ должность «капитана отъ пилотовъ» назначенъ былъ капитанъ Экговъ, которому въ 1723 году велѣно даже и жить на Гогландѣ, отъ вскрытія моря до замерзанія [3]). По адмиралтейскому регламенту на обязанность «капитана надъ штурманами» возложено было попеченіе о томъ, чтобы «имѣлось довольное число лоцмановъ во всѣхъ россійскихъ пристаняхъ въ Синусъ Финикусъ, гдѣ сколько пристойно для провожанія кораблей и ставленья бакановъ». Въ 1724 году Экгова смѣнилъ капитанъ Ганцъ Агазенъ. Эти начальники штурмановъ съ ихъ помощниками были

---

[1]) Матеріалы. Отд. VII, №№ 27, 39. Отд. X. стр. 469, 634, 643.

[2]) Регламентъ адмиралт. ч. II, глава VII.

[3]) Матеріалы. Отд. VII, №№ 17 и 40.

первыми нашими гидрографами по изслѣдованію обильнаго опасными мелями Финскаго залива.

Кромѣ огражденія мелей вѣхами и баканами и устройства береговыхъ знаковъ, безопасность плаванія въ темное ночное время требовала устройства маяковъ. Сначала маячные огни зажигали временно, по особенному приказанію, въ случаѣ ожиданія прохода флота или отдѣльнаго судна. Въ 1718 году назначены государемъ мѣста для устройства маяковъ на Кокшхарѣ, Стеншхерѣ, Гогландѣ, Гаривалдаѣ и на оконечности Котлинской косы; кромѣ того, также временно, освѣщался, устроенный еще при шведскомъ владѣніи, маякъ на Дагеродѣ и, въ 1719, году жгли маячный огонь на Стирсуденѣ. По заключеніи мира со шведами началось постоянное освѣщеніе маяковъ, на Котлинѣ Гаривалдаѣ, Гогландѣ и Дагеродѣ, осенью—съ половины августа до исхода ноября, (а Дагеродскій даже до послѣднихъ чиселъ декабря) и весною—съ марта до исхода апрѣля. Въ 1721 году начали строить маякъ на Лондонской мели, а въ 1724 году, вмѣсто Гаривалдайскаго, устроенъ маякъ на Сескарѣ.

Кромѣ названныхъ нами, были еще маяки существовавшіе при шведскомъ владѣніи въ Нарвѣ, Ревелѣ, Перновѣ, Ригѣ, на островѣ Руно и на Сфалферордѣ. На содержаніе ихъ сбирали съ проходящихъ мимо судовъ «огневыя деньги». Маяки въ Лифляндскихъ портахъ содержали по прежнимъ шведскимъ порядкамъ лица извѣстныхъ фамилій, въ числѣ которыхъ были, наприм., наслѣдники адмирала Вахтмейстера, и въ пользу ихъ отчислялась половина «огневыхъ денегъ» сбираемыхъ съ коммерческихъ судовъ проходящихъ мимо маяковъ содержимыхъ этими лицами. Сумма маячнаго сбора съ судовъ, проходившихъ мимо Дагерорда съ 1711 по 1722 годъ включительно, простиралась до 2518 ефимковъ (около 2 тысячъ рублей [1]), и если судить по ежегодному количеству этого сбора, то движеніе судовъ въ нѣкоторые годы войны было даже болѣе чѣмъ по заключеніи мира. Способы освѣщенія были различные: на нѣкоторыхъ маякахъ употребляли дрова или уголь, а на другихъ жгли въ фонаряхъ свѣчи.

---

[1]) Главн. морск. арх. Дѣло адмиралтейств. коллегіи. 1723 г. № 54). Полное Собран. законовъ, № 4274. Матеріалы. Отд. VII №№ 43 и 44.

Медицинская часть.

Между портовыми учрежденіями одно изъ важныхъ мѣстъ занимали госпитали и, вообще, медицинская часть. Сохраненіе здоровья служащихъ на флотѣ составляло постоянно одинъ изъ предметовъ заботливости Петра и его сотрудниковъ, хотя тяжелыя обстоятельства не рѣдко мѣшали успѣшности этихъ заботъ. Въ 1698 году, одновременно съ первымъ наймомъ моряковъ иностранцевъ, были приняты въ нашу морскую службу и 57 иностранныхъ лекарей различныхъ націй, съ жалованьемъ по 12 ефимковъ въ мѣсяцъ, или по 116 руб. 13 алт. 2 деньги въ годъ [1]). По прибытіи въ Россію лекаря поступили въ распоряженіе воинскаго морскаго приказа, но большая часть изъ нихъ, въ слѣдующемъ же году, были отпущены въ свои земли, такъ что въ спискахъ морскихъ чиновъ 1699 года лекарей значилось только 12 человѣкъ. Въ 1702 году, Крюйсомъ, въ Амстердамѣ, нанято для флота 14 лекарей [2]) и, за тѣмъ, въ слѣдующіе годы, наемъ ихъ производился уже по мѣрѣ надобности.

Вновь-принимаемые медики обязывались, кромѣ леченія, сообщать свои познанія назначаемымъ къ нимъ въ науку ученикамъ, выбиравшимся непремѣнно изъ грамотныхъ молодыхъ рекрутъ, иноземцевъ или русскихъ матросскихъ и солдатскихъ дѣтей, а впослѣдствіи изъ учениковъ академіи и московской школы, но изъ дѣтей нижнихъ чиновъ, а не изъ шляхетства.

Въ исходѣ 1707 года, съ учрежденіемъ въ С.-Петербургѣ адмиралтейской канцеляріи, лекаря и лекарскіе ученики балтійскаго флота поступили подъ вѣдѣніе лекаря Яна Говія, которому указомъ адмирала Апраксина предписано было «надъ лекари и надъ лекарскими учениками и надъ больными смотрѣть, и о томъ подавать вѣдомости въ адмиралтейскую канцелярію [3]). Въ 1710 году Говій офиціально значился «старшимъ лекаремъ» и завѣдывалъ «главнѣйшею больницею», а въ 1716 году онъ имѣлъ уже званіе штабъ-доктора. Съ устройствомъ портовъ на Котлинѣ и въ Ревелѣ учреждены были и тамъ портовые госпитали; въ 1718 году общій надзоръ по медицинской части за всѣми госпиталями въ портахъ порученъ доктору Димаки. Въ томъ же году, именнымъ указомъ, велѣно морской аптекѣ, госпиталямъ въ Петербургѣ,

[1]) Азовск. періодъ. Прилож. V, № 7 лит. б. и № 13.

[2]) Азовск. періодъ. Прилож. V. № 29.

[3]) Гл. морск. арх. (Воинск. морск. прик. № 28).

Ревелѣ и на Котлинѣ и обрѣтающимся на флотѣ лекарямъ быть въ вѣдѣніи архіатера Арескина, по смерти котораго, въ 1719 году должность эту занялъ докторъ Блюментростъ.

Отношенія лицъ завѣдывавшихъ медицинскою частію на флотѣ и докторовъ, какъ между собою такъ и къ прочимъ начальствующимъ лицамъ и учрежденіямъ, были вначалѣ весьма неопредѣленны. Только въ 1718 году, когда главное управленіе медицинскою частію поручено архіатеру Арескину, имъ сдѣлана была попытка установить правильность этихъ отношеній, и по представленіямъ его графу Апраксину, послѣднимъ утверждены были нѣкоторыя положенія, объясняющія обязанности и взаимныя отношенія медицинскихъ чиновъ и лицъ прикосновенныхъ медицинскому вѣдомству [1]). Окончательный же порядокъ установленъ морскимъ уставомъ и регламентомъ; въ первомъ обязанности докторовъ на флотѣ изложены въ 2, 3, 5 и 6 главахъ 1-й книги, и въ 10 главѣ 3-й книги; а въ регламентѣ, главы 47—52 первой части содержатъ постановленія о содержаніи портовыхъ госпиталей и объ обязанностяхъ завѣдующихъ ими лицъ и докторовъ; 11-я и 12-я главы, 2-й части, заключаютъ обязанности судовыхъ докторовъ во время пребыванія флота въ портѣ

22 мая 1719 года, опредѣленіемъ адмиралтействъ-коллегіи, утверждено штатное положеніе о числѣ госпитальныхъ лекарей и подлекарей и объ ихъ жалованьѣ, а также о числѣ медицинскихъ чиновъ на судахъ каждаго ранга. Въ госпиталѣ положено содержать 12 старшихъ лекарей съ жалованьемъ по 15 рублей, 15 младшихъ съ жалованьемъ по 10 рублей и 30 подлекарей съ жалованьемъ по 5 рублей въ мѣсяцъ; на корабли 90 и 80 пуш. положено по одному старшему лекарю, по одному младшему, по одному подлекарю и по 3 ученика; на 70 пуш.—по одному старшему лекарю, по одному подлекарю и по 2 ученика; на фрегаты отъ 20 до 30 пушекъ—по одному младшему лекарю и по два ученика; на фрегаты же отъ 18 до 20 пуш.—по одному подлекарю и по одному ученику. 19 февраля 1720 года, по представленію архіатера Блюментроста, утверждено коллегіею положеніе объ общемъ числѣ медицинскихъ чиновъ на флотѣ, а именно: опредѣлено содержать лекарей старшихъ 39, младшихъ 7, подмастерьевъ 7, учениковъ 72, и давать жалованья:

---

[1]) Гл. морск. арх. (Дѣл. гр. Апраксина № 165).

старшимъ по 15 руб., младшимъ по 10 руб., подмастерьямъ по 7 руб., ученикамъ по 2 рубля въ мѣсяцъ.

Морскую или адмиралтейскую аптеку состоявшую въ вѣдѣніи адмиралтействъ-коллегіи, указомъ сената 8 сентября 1721 года, велѣно было передать въ вѣдѣніе медицинской канцеляріи. Кромѣ береговыхъ госпиталей и корабельныхъ лазаретовъ, при флотѣ содержали особые корабли, подъ названіемъ «госпитальныхъ». Это были обыкновенно старые корабли, съ которыхъ снимали пушки и устроивали приспособленія необходимыя для удобства и пользованія больныхъ въ морѣ. Хозяйственною частію морскихъ госпиталей завѣдывали сначала адмиралтейскій приказъ и адмиралтейская канцелярія, потомъ военно-морская канцелярія, а по учрежденіи коммисаріата, оберъ-штеръ-кригсъ-коммисаръ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1721 года для надзора за госпиталями въ С.-Петербургѣ, на Котлинѣ и въ Ревелѣ назначенъ былъ маіоръ Хвостовъ.

На содержаніе госпиталей и больныхъ употреблялись деньги вычитаемыя изъ жалованья служащихъ за повышеніе ихъ чинами и «за проѣзды въ домы»; на тотъ же предметъ обращались штрафныя деньги. Въ январѣ мѣсяцѣ 1719 года, кромѣ этихъ вычетовъ, установленъ былъ на содержаніе госпиталей общій вычетъ, по одной деньгѣ съ рубля получаемаго жалованья, съ флагмановъ, офицеровъ и всѣхъ морскихъ и адмиралтейскихъ служителей, кромѣ незаписныхъ плотниковъ, 3-й статьи матросовъ и солдатъ. Въ 1721 году на содержаніе больныхъ велѣно было вообще вычитать у нихъ изъ жалованья по 1 копѣйкѣ въ день, и только за одну болѣзнь брали все жалованье. 22 декабря 1721 года общій вычетъ со всѣхъ служащихъ, кромѣ рядовыхъ, увеличенъ и велѣно вмѣсто одной деньги съ рубля удерживать по двѣ. Адмиралтейскимъ регламентомъ вычетъ со всѣхъ чиновъ въ флотѣ и адмиралтействѣ на содержаніе аптекъ, аптекарей и ихъ служителей въ С.-Петербургѣ и другихъ портахъ положенъ по 2 копѣйки съ рубля. Но всѣхъ этихъ вычетовъ было недостаточно и на содержаніе госпиталей и аптекъ постоянно производились значительные расходы изъ общихъ адмиралтейскихъ суммъ [1]).

[1]) Кромѣ указанныхъ въ своемъ мѣстѣ источниковъ, свѣдѣнія о медицинской части заимствованы изъ Матеріаловъ, Отд. X, стр. 365, 369, 372, 378, 385, 398, 400, 403, 461, 465, 475 и 482.

ГЛАВА XVI.

МОРСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДОПРОИЗВОДСТВО.

Общій характеръ морской законодательной дѣятельности.—Артикульныя статьи (1668 г.).—Указъ по галерамъ (1696 г.).—Статьи Крюйса (1698 г.).—Инструкціи и артикулы (1710 г.) и дополненія къ нимъ.—Предварительныя работы по составленію свода морскихъ законовъ.—Морской уставъ (1720 г.).—Адмиралтейскій регламентъ (1722 г.).—Русскіе морскіе флаги.—Сигналы.—Салюты.—Судопроизводство и примѣненіе морскихъ уголовныхъ законовъ.

Общій характеръ морской законодательной дѣятельности.

Военно-морская законодательная дѣятельность Россіи, начавшаяся со времени постройки перваго военнаго судна при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, продолжалась въ теченіе всего царствованія Петра Великаго и въ концѣ его завершилась изданіемъ морскаго устава и адмиралтейскаго регламента. При началѣ своего существованія русскій флотъ пользовался законоположеніями тѣхъ изъ старѣйшихъ иностранныхъ флотовъ, по образцу которыхъ онъ создавался и представители которыхъ занимали у насъ высшія морскія должности. Впослѣдствіи, по мѣрѣ развитія у насъ морскаго дѣла, начали появляться узаконенія, основанныя на собственной опытности и вызванныя особенностями нашего флота.

Артикульныя статьи (1668 г.).

Первымъ по времени русскимъ морскимъ уставомъ были «артикульныя статьи» (стр. 63), представленныя, на голландскомъ языкѣ, въ 1668 году капитаномъ Ботлеромъ въ посольскій приказъ и потомъ данныя ему отъ приказа, для руководства при плаваніи по Каспійскому морю на кораблѣ *Орелъ*. Статьи эти содержали 34 пункта, въ которыхъ кратко, но очень положительно опредѣлялись обязанности, какъ капитана корабля, такъ и подчиненныхъ ему лицъ, при якорной стоянкѣ, въ плаваніи и въ бою съ непріятелемъ.

Во время продолжительнаго перерыва нашей морской дѣятельности, послѣдовавшаго послѣ сожженія корабля *Орелъ*, этотъ первый русскій морской уставъ былъ до того забытъ, что о немъ не вспомнили даже при созданіи флота Петромъ Великимъ, и въ первое плаваніе галеръ къ Азову въ 1696 году появился новый уставъ или «статьи», объявленныя въ указѣ царя по галерамъ. Этотъ уставъ, состоявшій изъ 15-ти статей, заключалъ въ себѣ только общія постановленія и сигналы о плаваніи флотомъ, о снятіи съ якоря и постановкѣ на якорь, о вступленіи въ бой съ непріятелемъ и о вспоможеніи другъ другу въ несчастныхъ случаяхъ. Почти въ каждой статьѣ за неисполненіе предписаннаго полагались различныя наказанія, начиная съ денежнаго штрафа въ одинъ рубль, до смертной казни.

Указъ по галерамъ (1696 г.).

Статьи Крюйса (1698 г.).

Въ 1698 году, когда личный составъ нашего флота увеличился массою принятыхъ на службу иностранцевъ всякихъ званій, явилась существенная необходимость въ уставѣ, опредѣляющемъ взаимныя отношенія и обязанности служащихъ на флотѣ. По этому поводу, принятый тогда въ службу вице-адмиралъ Крюйсъ представилъ въ Голландіи полномочнымъ посламъ «Лефорту съ товарищи» статьи, заключающія въ себѣ краткій морской уставъ, заимствованный изъ голландскаго и датскаго морскихъ уставовъ. Въ 64 «артикулахъ» этихъ статей заключались общія постановленія объ обязанностяхъ служащихъ на кораблѣ и о судовыхъ порядкахъ. Наказанія, назначенныя за неисполненіе «статей», начинаясь съ десяти копѣечнаго денежнаго штрафа, доходили также до смертной казни. Штрафъ полагался за неготовность къ ежедневной молитвѣ, смертная же казнь опредѣлялась за третью кражу, за переписку безъ вѣдома капитана, оставанье на берегу во время похода, убійство и отказъ «биться съ непріятелемъ». Прочія взысканія состояли изъ различныхъ денежныхъ пеней или тѣлесныхъ наказаній: битья у мачты, купанія съ райны и проволакиванія подъ киль [1]). Кромѣ

---

[1]) «Купаніе съ райны» состояло въ томъ, что преступника на горденѣ поднимали къ ноку реи и вдругъ, отдавъ гордень, бросали въ воду, откуда тотчасъ же опять вытаскивали. Для «проволакиванія подъ килемъ», подводился подъ корабль гордень, концы котораго проходили въ блоки, привязанные на обоихъ нокахъ той же реи. На этомъ горденѣ, травя его съ одной стороны и выбирая съ другой, преступника и протаскивали подъ килемъ. Надо полагать, что при производствѣ этого варварскаго наказанія, у головы и ногъ

этихъ наказаній, утонченною жестокостью отличались еще слѣдующія: за обнаженіе ножа съ злымъ умысломъ полагалось: «тотъ ножъ через руку при мачтѣ прободенъ да будетъ и такъ долго при томъ стоять имѣетъ, покамѣсть онъ (преступникъ) ножъ черезъ руку протянетъ». Другое наказаніе состояло въ лишеніи руки того, «кто, по составленному миру, на кораблѣ драться станетъ». При отсутствіи прямаго указанія на официіальное утвержденіе статей Крюйса, морская судебная практика того времени даетъ основаніе предполагать, что «статьи» имѣли силу закона. Но какъ по краткости своей онѣ далеко не заключали въ себѣ полнаго морскаго законодательства, то на первыхъ же порахъ пришлось дѣлать къ нимъ различныя добавленія въ видѣ постоянныхъ общихъ, или временныхъ, частныхъ узаконеній. Первыя принадлежали государю, который при встрѣчавшихся недоразумѣніяхъ разрѣшалъ ихъ своими резолюціями на самыхъ докладахъ, а вторыя, т. е. частныя узаконенія, утверждались главными начальниками (Апраксинымъ, Крюйсомъ и др.), въ видѣ инструкцій подчиненнымъ имъ лицамъ. Наиболѣе замѣчательныя въ числѣ перваго рода узаконеній были слѣдующія:

1706 года въ мартѣ. Объ отношеніяхъ флагмановъ корабельнаго и галернаго флотовъ, о запрещеніи арестовывать офицеровъ безъ суда и обученіи матросовъ во время крейсерства.

1706 г. ноября 27. О срокахъ для производства въ чины морскихъ служителей.

1710 года въ мартѣ. О порядкѣ поднятія флагманскихъ флаговъ при выходѣ флота на рейдъ, о салютахъ флагманамъ и крѣпостямъ [1]).

Къ узаконеніямъ временнымъ относятся:

1705 года мая 11. Статьи, данныя Крюйсомъ капитану Грею объ управленіи с.-петербургскимъ адмиралтействомъ [2]).

преступника, къ горденю привязывали по нѣсколько баластинъ; безъ этой предосторожности, наказываемый, при треніи и ударахъ о киль и подводную часть корабля, долженъ былъ подвергнуться неминуемой и самой страшной смерти; между тѣмъ, бывали случаи, что, за то же преступленіе, виновный присуждался, кромѣ протаскиванія подъ килемъ, еще и къ тѣлесному наказанію. Проволакиваніе подъ килемъ заимствовано изъ голландскаго законодательства.

[1]) Ковч. Адмиралт. Совѣта.

[2]) Гл. морск. арх. (Дѣл. Крюйса № 1, л. 34).

1707 года мая 12. Подписанная адмиралом Апраксиным инструкція или увѣдомленіе офицерамъ, которые командуютъ на брандерахъ и бомбардирныхъ корабляхъ, какъ надлежитъ имъ поступать во время непріятельскаго наступленія [1]).

1709 года іюня 6. Инструкція, данная Кикинымъ Тормасову, объ управленіи рабочими людьми на Олонецкой верфи [2]).

Инструкціи и артикулы (1710 г.) и дополненія къ нимъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1710 года были напечатаны и обнародованы «Инструкціи и артикулы военные россійскому флоту», заключавшіе въ себѣ 64 статьи, въ сущности сходныя со статьями Крюйса; разница состояла только въ болѣе полной и опредѣленной редакціи и въ усиленіи степени наказаній; такъ, смертная казнь положена, вмѣсто пяти, въ 13 случаяхъ. Исправленія и редакція артикуловъ принадлежали самому государю, что видно изъ слѣдующихъ словъ письма его къ Апраксину, отъ 24 марта 1710 года: «правы морскія выправилъ и пошлю не мѣшкавъ къ Москвѣ печатать» [3]).

Такимъ образомъ «статьи» Крюйса, не смотря на то, что ими руководствовались въ морской судебной практикѣ, были напечатаны только черезъ 12 лѣтъ по ихъ представленіи [4]). Впрочемъ, подобный случай въ то время не былъ единственнымъ: многія правила, въ извѣстной сферѣ, примѣнялись къ дѣлу задолго прежде обнародованія ихъ посредствомъ печатанія. Это происходило отъ опасенія государя ввести въ законъ постановленіе недостаточно обдуманное, и въ резолюціяхъ Петра иногда встрѣчаются приписки въ родѣ слѣдующей: «сіе не публиковать и не печатать, дабы еще осмотрѣться, ежели что перемѣнить, прибавить или убавить» [5]). Государь, сознавая неполноту «Инструкцій и артикуловъ» и по напечатаніи смо-

[1]) Каб. Дѣл. Отд. I, № 38, л. 79.

[2]) Гл. морск. арх. (Дѣл. адмиралт. канц. 1709 г. № 15).

[3]) Берхъ. Письма Петра Великаго. I, стр. 56.

[4]) Хотя въ судебныхъ приговорахъ 1709 года встрѣчается указаніе на печатные артикулы, не ни въ одномъ изъ извѣстныхъ библіографическихъ описаній не находимъ «Инструкцій и артикуловъ» ранѣе 1710 года. У Сопикова, правда, показаны они подъ 1701 годомъ, но очевидно это типографская опечатка, такъ какъ подъ 1710 годомъ у него книги этой не находится. Въ изслѣдованіи г. Пекарскаго «Наука и литература при Петрѣ Великомъ» показаніе Сопикова также отнесено къ ошибкѣ

[5]) Ковч. Адмиралт. Совѣта. Табель о рангахъ за подписью государя.

трѣлъ на нихъ какъ на временныя правила, требовавшія значительныхъ добавленій. На это прямо указывается въ послѣдней 64-й статьѣ слѣдующими словами: «Всѣ иные принадлежащіе артикулы, которые въ сихъ не помянуты, ниже написаны, однакоже, которые въ войнѣ и на морѣ употреблены быть могутъ, оные введены, умножены, и къ симъ пріобщены быть могутъ». Поэтому, и послѣ обнародованія «Инструкцій и артикуловъ» непрерывно продолжалось появленіе новыхъ морскихъ узаконеній. Первоначальная форма ихъ была различна: то постановленіе являлось въ видѣ царской резолюціи на докладной запискѣ Крюйса или Апраксина, то въ видѣ мнѣнія царя на военномъ совѣтѣ, то въ формѣ инструкціи или именнаго указа, вызванными какимъ-нибудь обстоятельствомъ. Такъ напр., резолюція на запискѣ Крюйса, положенная государемъ въ мартѣ 1710 года, — 2 апрѣля 1714 года является узаконеннымъ правиломъ «о салютахъ»; мая 29, по поводу происходившихъ на судахъ «противностей между морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ», состоялся именной указъ «о сохраненіи дисциплины на кораблѣ и о подсудности морскихъ и сухопутныхъ военнослужащихъ людей» 8 іюня именнымъ указомъ опредѣлены были правила храненія на корабляхъ провіанта, варенія пищи и о содержаніи чистоты, а 5 февраля 1715 года объявлена «инструкція офицеру командующему кораблемъ» [1]). Съ появленіемъ на нашемъ флотѣ флагмановъ англичанъ, по ихъ представленіямъ, узаконялись нѣкоторыя нововведенія, касающіяся какъ корабельной службы такъ и содержанія и продовольствія морскихъ командъ.

Предварительныя работы по составленію свода морскихъ законовъ.

Но всѣ подобныя, случайныя и отдѣльныя, постановленія не могли удовлетворить государя, который, испытывая на дѣлѣ безпрестанныя затрудненія отъ неимѣнія полнаго систематическаго свода морскихъ законовъ, очень желалъ скорѣйшаго его составленія. Безпрерывно продолжающіяся войны и тяжелые труды по внутреннему управленію не давали возможности приступить къ этому важному дѣлу и заставили до времени ограничиться собираніемъ для него отрывочныхъ матеріаловъ. Только въ 1715 году сдѣланъ былъ рѣшительный приступъ къ составленію полнаго свода морскихъ законовъ отправленіемъ во Францію одного изъ образован-

---

[1]) Полн. Собран. Закон. т. V, №№ 2790, 2814, 2826, 2882.

ныхъ и дѣльныхъ морскихъ офицеровъ, капитанъ-поручика Конона Никитича Зотова. Ему дано было слѣдующее порученіе: «Все что ко флоту надлежитъ на морѣ, отыскать книги, также чего нѣтъ въ книгахъ, а отъ обычая чинятъ, то помнить и все перевесть на славянскій языкъ нашимъ штилемъ, только храня то, чтобъ дѣла не проронить а за штилемъ ихъ не гнаться. То описаніе учинить на двое: одно объ адмиралтействѣ, другое о флотѣ... и все что къ обоимъ симъ принадлежитъ, какого званія дѣло ни есть, все описать» [1]. Кромѣ свѣдѣній о французскомъ морскомъ законодательствѣ, собирались морскіе уставы и другихъ государствъ; такъ въ маѣ 1715 года государь писалъ къ князю Куракину, послу нашему въ Голландіи: «Правы морскіе воинскіе да штатъ адмиралтейскій мы нынѣ собираемъ всѣхъ государствъ, кои флоты имѣютъ, и уже датскій, французскій и голландскій переведены; требуемъ англійскаго, что потрудитесь прислать немедленно».

Всѣ собранные, такимъ образомъ, матеріалы переводились на русскій языкъ, а главнѣйшіе изъ нихъ были и напечатаны: въ 1714 году издана «Книга ордера или во флотѣ морскихъ правъ», содержащая «ордеръ принца Оранскаго къ содержанію добраго порядка во флотѣ»; затѣмъ въ 1715 году напечатаны «Уставъ о войскахъ морскихъ и ихъ арсеналахъ, Лудовика XIV» и «Инструкція о морскихъ артикулахъ и крихсрехтахъ или воинскихъ правахъ Фридриха IV короля датскаго». Въ 1717 году переводился англійскій уставъ, подъ руководствомъ шаутбенахта Паддона [2].

По собраніи и переводѣ уставовъ англійскаго, голландскаго, датскаго, французскаго и шведскаго, государь собственноручно начерталъ слѣдующую программу дальнѣйшихъ работъ:

1) «Сдѣлать двѣ книги: первую, когда флотъ приготовить и что на оный людей и артиллеріи, аммуниціи и прочаго принадлежитъ по рангу на одинъ корабль, также инструкцію, какъ должность сію офицерамъ и рядовымъ знать, также и артикулъ воинскій».

2) «Вторую—какъ содержать флотъ въ гавани и верфи съ ихъ вышними и нижними служителями, и какая ихъ должность; также магазины и прочее».

---

[1]) Берхъ. Письма Петра Великаго. Ч. I, стр. 301.
[2]) Тамъ же, Ч. III, стр. 140.

3) «Сіе выписать изъ англійскихъ, французскихъ, датскихъ, шведскихъ и голландскихъ уставовъ и привесть по пунктно о каждой матеріи, зачавъ англійскимъ, а къ оному изъ прочихъ приводить въ обѣихъ книгахъ, а именно: въ обѣихъ книгахъ, когда зачнется первый пунктъ англійской о какой-нибудь матеріи, то къ нему изо всѣхъ вышеписанныхъ уставовъ подводить пункты, которые о той же матеріи гласятъ; потомъ другой англійскій пунктъ, къ нему изъ прочихъ таковые слѣдовать. А гдѣ противъ англійскихъ въ прочихъ нѣтъ, тутъ порожнія мѣста оставливать, а гдѣ въ прочихъ есть, а въ англійскихъ нѣтъ, то въ англійскомъ порожнее оставливать» [1]). Главнымъ сотрудникомъ Петра по исполненію этой работы былъ капитанъ К. Н. Зотовъ. Но самое горячее и дѣятельное участіе въ дѣлѣ принималъ самъ государь, просиживавшій за работою иногда по *четырнадцати* часовъ въ сутки; въ журналѣ по нѣсколько дней къ ряду записано «былъ въ конторѣ регламента морскаго». Памятникомъ этихъ усиленныхъ работъ монарха на пользу любимаго имъ флота служитъ масса бумагъ по составленію морскаго устава, хранящихся въ кабинетныхъ дѣлахъ: однѣ изъ нихъ писаны рукою государя, другія имъ переправлены; кромѣ того есть множество записокъ и памятныхъ замѣтокъ и цѣлыя отдѣльныя статьи, какъ напр. «Описаніе флаговъ россійскихъ», «Изъясненіе рѣчи флотъ и о прочемъ до него касающемся», разсказъ о находкѣ ботика и многія другія. Помощниками царя въ этой трудной работѣ были, кромѣ Зотова, Гослеръ и Шафировъ.

Морской уставъ (1720 г.)

Наконецъ 13 января 1720 года объявленъ указъ объ изданіи морскаго Устава, а 13 апрѣля обнародованъ и самый Уставъ, вышедшій подъ заглавіемъ: «Книга уставъ морской, о всемъ что касается доброму управленію въ бытности флота на морѣ».

Въ манифестѣ, объявлявшемъ объ этомъ изданіи, важное значеніе флота для государства и цѣль изданія Устава опредѣлены слѣдующими словами: «И понеже сіе дѣло [2]) необходимо нужное есть государству (по оной присловицѣ: что всякой потентатъ, который едино войско сухопутное имѣетъ, одну руку имѣетъ. А который и флотъ имѣетъ, обѣ руки имѣетъ), того ради сей воинской Мор-

---

[1]) Ковч. Адмиралт. Совѣта.

[2]) Мореплаваніе.

ской уставъ учинили, дабы всякой зналъ свою должность, и невѣдѣніемъ никтобъ не отговаривался».

За манифестомъ въ Уставѣ напечатано «предисловіе къ доброхотному читателю», составленное Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и заключающее въ себѣ краткій очеркъ состоянія военно-морскаго дѣла въ Россіи, съ основанія государства до происходившаго въ предшествовавшемъ 1719 году разоренія галернымъ флотомъ береговъ Швеціи. Въ предисловіи помѣщена почти безъ измѣненій записка государя о находкѣ ботика и первыхъ проявленіяхъ охоты царя къ морскимъ плаваніямъ.

Въ Уставѣ, согласно его заглавію, излагается «о всемъ, что касается доброму управленію въ бытности флота на морѣ». Въ началѣ помѣщенъ текстъ присяги, требуемой отъ каждаго поступающаго въ морскую службу, затѣмъ объяснено значеніе слова «флотъ», раздѣленіе его на части, подчиненныя различнымъ начальникамъ, имѣющимъ присвоенные имъ флаги и приложенъ штатъ всѣхъ чиновъ для судовъ различныхъ ранговъ. Самый текстъ Устава состоитъ изъ пяти книгъ и особаго прибавленія о сигналахъ. Книга первая опредѣляетъ обязанности главнаго начальника флота и лицъ его штаба, завѣдывавшихъ различными частями управленія, какъ то: генералъ-кригсъ-коммисара, интенданта, цейхмейстера, доктора и пр. Вторая, установляетъ взаимныя отношенія лицъ, служащихъ на флотѣ, и содержитъ постановленія о морскихъ почестяхъ, флагахъ и вымпелахъ, отличающихъ извѣстные чины и званія. Третья, опредѣляетъ обязанности всѣхъ чиновъ отъ командира корабля до профоса. Четвертая, содержитъ уставъ корабельнаго благочинія и опредѣляетъ всѣ служебные порядки на кораблѣ, включая сюда указаніе на число деньщиковъ, присвоенныхъ различнымъ чинамъ, количество провизіи, назначаемое каждому служащему, награжденіе за разныя заслуги и правила раздѣла военной добычи, въ случаѣ взятія непріятельскаго судна. Пятая книга составляетъ уложеніе о наказаніяхъ за проступки совершенные на кораблѣ. Въ отдѣлѣ, озаглавленномъ «сигналы», изложенъ порядокъ производства сигналовъ дневныхъ, туманныхъ и ночныхъ, на корабельномъ и галерномъ флотахъ, и указано значеніе каждаго сигнала. Къ Уставу приложены двѣ таблицы сигнальныхъ флаговъ, корабельныхъ и галерныхъ, и формы различныхъ списковъ и вѣдомостей, которыя на

каждомъ военномъ суднѣ долженъ вести командиръ, корабельный секретарь и коммисаръ.

Такимъ образомъ, настоящій Уставъ представлялъ полный сводъ военно-морскихъ узаконеній, которыми опредѣлялись обязанности и права всѣхъ служащихъ на флотѣ, взаимныя отношенія ихъ и внутреннее корабельное благоустройство и установлялся общій порядокъ при плаваніи какъ нѣсколькихъ судовъ, такъ и цѣлаго флота.

Въ большинствѣ статей или «артикуловъ» Устава, содержащихъ правила дѣйствій и, вообще, опредѣляющихъ обязанности служащихъ, назначены и наказанія за неисполненіе. Въ характерѣ наказаній, налагаемыхъ Уставомъ, сравнительно со статьями Крюйса, видно нѣкоторое смягченіе; такъ напр. исключено варварское «проволакиваніе подъ килемъ», прибиваніе руки къ мачтѣ и, въ нѣсколькихъ случаяхъ, смертная казнь замѣнена легчайшими наказаніями. Но, за тѣмъ, и въ Уставѣ сохранилась неумолимая строгость, нерѣдко переходящая въ жестокость, присущую нравамъ того времени и общимъ взглядамъ на особенности требованій морской службы. Въ числѣ наказаній, опредѣляемыхъ Уставомъ для нижнихъ чиновъ, было ношеніе мушкетовъ, содержаніе въ желѣзахъ, тѣлесное наказаніе по мѣрѣ вины, шпицрутены, битье кошками у мачты или у шпиля (особенное морское наказаніе разнящееся отъ прогнанія сквозь строй только тѣмъ, что происходило на кораблѣ и вмѣсто палокъ употреблялись кошки), «купаніе съ райны», ссылка въ каторжныя работы, иногда съ предварительнымъ наказаніемъ кнутомъ и вырваніемъ ноздрей. Офицеры наказывались вычетомъ изъ жалованья, пониженіемъ чина, временнымъ отстраненіемъ отъ командованія судномъ, разжалованіемъ въ рядовые на время или безъ срока. За многія преступленія, безъ различія чиновъ, назначалась смертная казнь черезъ повѣшеніе, разстрѣляніе, четвертованіе, колесованіе и даже «сожженіе». Послѣднее, впрочемъ, полагалось исключительно за чародѣйство и богохульство, и очевидно оставлено было только для устрашенія. Къ этому же роду наказаній принадлежитъ и «прожженіе языка каленымъ желѣзомъ и отсѣченіе головы». За уклоненіе отъ боя съ непріятелемъ офицеръ имѣлъ право «заколоть» нижняго чина. Въ приложеніи къ практикѣ строгость наказаній, назначаемыхъ Уставомъ, много смягчалась, вопервыхъ, значительною разностію въ наказаніяхъ, положенныхъ за одно и то же пре-

ступленіе, которая предоставляла судьямъ широкій произволъ, и, вовторыхъ, конфирмаціями самого государя.

Сравнительно со статьями Крюйса, Уставъ строже наказывалъ похищеніе казенной собственности, за которое, по статьямъ (если только въ числѣ украденнаго не было пороха и оружія) съ виновнаго взыскивали извѣстную сумму; по Уставу же за подобное преступленіе полагалась смертная казнь, не только самому виновнику, но и тѣмъ лицамъ, которые, зная о преступленіи, не донесли о немъ. Еще Уставомъ «наижесточайше запрещались» дуэли, за которыя участники и секунданты наказывались повѣшеніемъ и даже трупы убитыхъ на дуэли вѣшались за ноги. За попытку къ самоубійству также полагалось повѣшеніе, а въ случаѣ совершившагося преступленія, повѣшеніе за ноги трупа преступника.

Первое изданіе «Устава морскаго», вышедшее въ 1720 году, потребовало такихъ измѣненій, что книгу даже отбирали изъ употребленія и въ 1722 году замѣнили ее новымъ, исправленнымъ изданіемъ. Въ этомъ видѣ петровскій Уставъ, конечно съ неизбѣжными отступленіями и смягченіями, требуемыми временемъ, сохранялся въ нашемъ флотѣ до 1797 года, то есть, до изданія «Устава военнаго флота», императора Павла I.

Адмиралтейскій регламентъ (1722 г.).

Одновременно съ улучшеніемъ военно-морскаго законодательства развивалось и административное. Первымъ и наиболѣе дѣятельнымъ морскимъ администраторомъ былъ вице-адмиралъ Крюйсъ, по указаніямъ и инструкціямъ котораго образовались и дѣйствовали наши первыя адмиралтейства и верфи. Морское административное законодательство сначала ограничивалось инструкціями Крюйса, немногими руководящими распоряженіями Апраксина и нѣсколькими указами царя. Только въ 1722 году изданъ былъ сводъ морскихъ административныхъ законовъ, подъ заглавіемъ «Регламентъ о управленіи адмиралтейства и верфи и о должностяхъ коллегіи адмиралтейской и прочихъ всѣхъ чиновъ при адмиралтействѣ обрѣтающихся».

Регламентъ состоитъ изъ двухъ частей, содержащихъ: первая — 52, вторая — 16 главъ. Въ первой части изложены обязанности адмиралтействъ-коллегіи и всѣхъ собственно адмиралтейскихъ чиновъ, начиная отъ высшихъ, каковы: генералъ-кригсъ-комисаръ, оберъ-провіантмейстеръ, цейхмейстеръ и пр., до мастера каждаго мастерства и писарей, состоящихъ при различныхъ должностяхъ.

Между прочимъ, въ первой же части Регламента находятся «формы книгамъ, для записки людей, денегъ, провіанта и прочихъ вещей» и штатъ или «опредѣленіе» о числѣ канцелярскихъ чиновъ, коммисаровъ и другихъ офицеровъ, а также учениковъ и рабочихъ, состоящихъ при разныхъ дѣлахъ и мастерствахъ въ портахъ петербургскомъ, котлинскомъ и ревельскомъ. Во второй части Регламента «опредѣлено о всемъ, что касается добраго управленія въ бытность флота въ портѣ; такожъ о содержаніи портовъ и рейдовъ». Здѣсь изложены обязанности и права главнаго командира, интенданта, капитана надъ портомъ, цейхмейстера (по предметамъ, относящимся до судовой артиллеріи), капитана завѣдующаго кораблемъ въ гавани, оберъ-сарваера, корабельныхъ мастеровъ и пр., правила о содержаніи при портѣ матросовъ и гардемаринъ, порядки для охраненія порта и кораблей, стоящихъ въ гавани, и обязанности дальней и внутренней брантвахтъ.

Петровскій морской Уставъ и адмиралтейскій Регламентъ, обнимая всѣ проявленія морской дѣятельности на морѣ и въ портахъ, составляли полный сводъ военно-морскихъ законовъ [1]); впродолженіе многихъ лѣтъ они поддерживали на нашемъ флотѣ порядки, установленные великимъ его основателемъ и, до нѣкоторой степени, способствовали сохраненію жизненной силы флота во время самыхъ печальныхъ періодовъ его существованія.

Русскіе морскіе флаги.

О флагахъ корабля *Орелъ*, построеннаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, сохранилось только свѣдѣніе, что на его «знамена» (флаги) и «яловички» (флюгарки, вымпела и также, можетъ быть, маленькіе флажки, разставляемые на флагштокахъ, по борту судна, какъ украшеніе) велѣно было отпустить изъ сибирскаго приказа, изъ мѣновыхъ товаровъ, 310 аршинъ «киндяковъ» (набойки, кумачу), «да 150 арш. тафтъ черчатыхъ (червчатыхъ, красныхъ), бѣлыхъ, лазоревыхъ». Въ 1669 году, апрѣля 23, когда, по царскому указу, корабль названъ *Орломъ*, на немъ «велѣно поставить на носу и на кормѣ по орлу и на знаменахъ и на яловичкахъ на-

---

[1]) Въ 1721 году, капитанъ Кононъ Зотовъ, подъ руководствомъ самого государя, началъ готовить матеріалы для «купеческаго морскаго устава», оконченнаго имъ въ 1728 году, подъ названіемъ «Регламента объ адмиралтейскомъ нижнемъ судѣ», оставшагося не изданнымъ. (Ковч. адмирал. совѣта).

*

шивать орлы же» [1]). Такія скудныя свѣдѣнія не отрицаютъ только возможности существованія на кораблѣ *Орелъ* «трехцвѣтнаго флага» съ изображеніемъ орла.

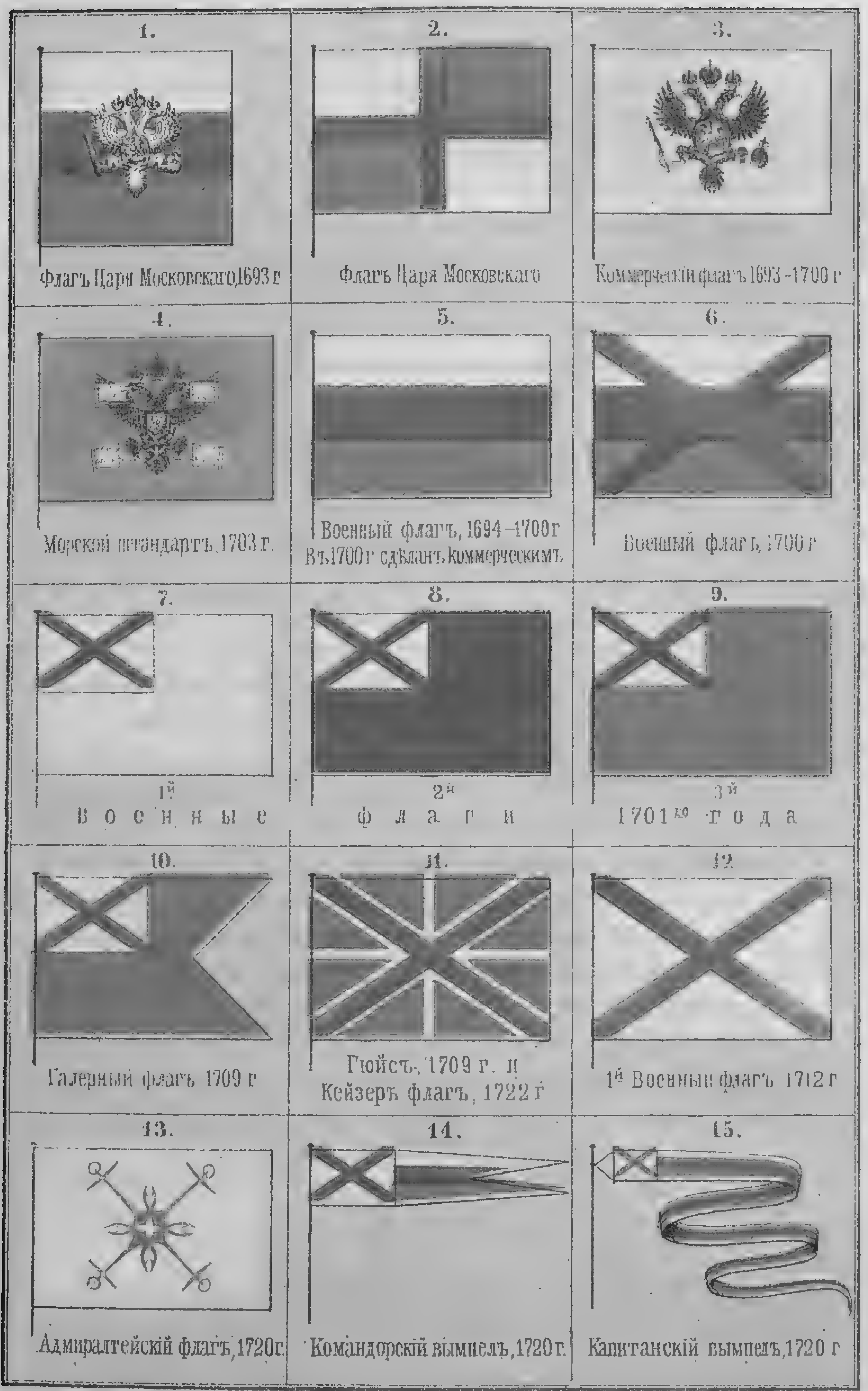
По неимѣнію точныхъ извѣстій о времени и обстоятельствахъ перваго появленія русскаго морскаго флага при Петрѣ Великомъ, остается, относительно этого предмета, ограничиться нѣкоторыми догадками, основанными на событіяхъ, о которыхъ дошли до насъ вѣрныя свѣдѣнія. Такъ напр., невозможно допустить, чтобы Брантъ, снаряжавшій ботикъ для потѣхи юноши царя, и близкій къ этому дѣлу Тиммерманъ, учитель Петра, при первыхъ плаваніяхъ ботика по Яузѣ, не украсили его флагомъ, составляющимъ обычную принадлежность всякаго судна. Для голландцевъ естественнѣе всего было указать, какъ на образецъ флага, на свой національный флагъ, состоящій изъ трехъ горизонтальныхъ полосъ: красной, бѣлой, синей. При очевидной необходимости сдѣлать какое-нибудь различіе между голландскимъ и русскимъ флагами, по предложенію голландцевъ, или, вѣрнѣе, по мысли самаго Петра, русскій флагъ составленъ изъ такихъ же цвѣтовъ, какъ и голландскій, только съ измѣненіемъ въ порядкѣ ихъ расположенія. Такимъ образомъ, нашъ національный трехцвѣтный флагъ, состоящій изъ полосъ бѣлой, синей, красной, могъ явиться въ первый разъ на Яузѣ на «Дѣдушкѣ русскаго флота». Но, можетъ быть, что, составясь подобнымъ же образомъ, при вліяніи голландцевъ, этотъ флагъ въ первый разъ былъ поднятъ на кораблѣ *Орелъ*, и Петръ, слышавъ о немъ отъ Бранта, только возобновилъ его на своихъ судахъ.

О флагахъ переславльской флотиліи также не сохранилось никакихъ свѣдѣній, но какъ флотилія эта имѣла совершенно военный видъ, то трудно допустить, чтобы она (въ 1692 г.) плавала безъ флаговъ, и, съ другой стороны, зная, что въ слѣдующемъ (1693) году, при плаваніи государя по Бѣлому морю, присутствіе его на суднѣ означалось трехцвѣтнымъ (бѣлый, синій, красный) флагомъ, съ нашитымъ посреди государственнымъ гербомъ, — можно допустить весьма вѣроятную догадку, что подъ такимъ флагомъ плавали и суда переславльской флотиліи.

---

[1]) Дополненіе къ актамъ историческимъ. Археогр. коммис. Т. V, стр. 253 и 274.

РУССКІЕ МОРСКІЕ ФЛАГИ.



Флагъ, подымаемый царемъ, въ 1693 году, на Бѣломъ морѣ (Русскіе морскіе флаги № 1), подаренъ былъ Петромъ, вмѣстѣ съ другимъ флагомъ и вымпеломъ, хомогорскому архіепископу Аѳанасію и до настоящаго времени сохраняется въ архангельскомъ кафедральномъ соборѣ. Такой же флагъ, только безъ герба, поднятъ былъ и на пришедшемъ, въ 1694 году, изъ Голландіи въ Архангельскъ караблѣ *Святое Пророчество* (стр. 81).

Въ книгѣ «Новое голландское корабельное строеніе», составленной Алардомъ и напечатанной въ Амстердамѣ въ 1705 году [1]), подъ названіемъ «флаговъ царя московскаго» изображены флаги № 1 (съ тѣмъ различіемъ, что подъ конемъ не сдѣлано змѣя) и № 2, представляющій какъ будто попытку соединить въ другой формѣ тѣ же цвѣта бѣлый, синій и красный. Флагъ № 2 изображенъ еще на гравюрѣ Схонбека, изданной въ Москвѣ въ 1699 году и представляющей взятіе Азова въ 1696 году [2]). На этой гравюрѣ на судахъ поднятъ флагъ № 2. Впослѣдствіи, флагъ № 1 присвоенъ городу Москвѣ, а № 2—московскому дворянству [3]).

Изъ «Описныхъ книгъ» первыхъ судовъ азовскаго флота видно, что суда эти имѣли трехцвѣтные флаги. О нихъ именно сказано: «знамя, которое къ морскому пути надобно: бѣлое, синее, красное». Современныя гравюры, за исключеніемъ только одной, сейчасъ упомянутой гравюры Схонбека, подтверждаютъ свидѣтельство описныхъ книгъ. Такъ напр. на другой гравюрѣ Схонбека, представляющей въ трехъ видахъ корабль *Предистинацію*, на одномъ изображеніи флаги на кормѣ, носу и мачтахъ, и также вымпела, сдѣланы трехцвѣтные; а у другаго, при трехполосныхъ вымпелахъ, флаги девятиполосные, составленные изъ троекратно повторенныхъ цвѣтовъ бѣлаго, синяго и краснаго [4]). Корабль *Крѣпость* на рисункѣ 1700 г. (Рисунокъ литера Г) представленъ также съ трехцвѣтнымъ флагомъ.

Учрежденіе въ 1699 году ордена святаго апостола Андрея Первозваннаго послужило поводомъ къ появленію андреевскаго креста на нашемъ военномъ флагѣ, по объясненію государя «того ради,

---

[1]) Рукописный переводъ этой книги находится въ Каб. Дѣл. Отд. I № 38. На русскомъ языкѣ книга Аларда напечатана въ 1709 году.

[2]) Азовск. періодъ, рисунокъ листъ 6.

[3]) Таблица флаговъ Россійской имперіи, 1860 года.

[4]) Азовск. періодъ. Прилож. I № 62, стр. 127 и рисунокъ листъ 9.

что отъ сего апостола пріяла Россія святое крещеніе» [1]). О введеніи этого флага (Русск. морск. флаги № 6), не сохранилось никакого повелѣнія и самый флагъ употреблялся короткое время. На существованіе его указываютъ три свидѣтельства: одно въ черновой бумагѣ 1699 года, другое на гравюрѣ Схонбека 1701 года, и третіе въ книгѣ Аларда. Въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ сохранился черновой указъ, писанный въ 1699 году государемъ къ Украинцеву, и неимѣющій никакого отношенія къ флагамъ. На немъ рукою Петра нарисованы два трехполосныхъ флага, изъ которыхъ на одномъ означены цвѣта полосъ словами: «бѣлое, синее красное», а на другомъ, также трехполосномъ, во весь флагъ начерченъ діагональный (андреевскій) крестъ. Судя по времени, кажется весьма возможнымъ, что этотъ рисунокъ представляетъ одно изъ первыхъ (если не самое первое) проявленій мысли Петра о внесеніи въ нашъ военный флагъ андреевскаго креста. Второе свидѣтельство есть гравюра Схонбека, 1701 года [2]), на которой корабельные флаги на стеньгахъ, кормѣ, носу, а также на шлюпкѣ, сдѣланы все трехцвѣтные съ андреевскимъ крестомъ, но различающіеся отъ № 6; именно, на гравюрѣ верхняя и нижняя части флага (предполагая его раздѣленнымъ на три равныя горизонтальныя полосы) состоятъ, каждая, изъ полосъ бѣлой, синей, красной; средняя же часть флага бѣлая съ синимъ андреевскимъ крестомъ, направленнымъ по діагоналямъ флага. Въ рукописномъ переводѣ Аларда находится слѣдующее описаніе русскаго трехцвѣтнаго флага съ андреевскимъ крестомъ: «флагъ Его Царскаго Величества Московскаго на трое раздѣленъ: верхняя полоса бѣлая, средняя синяя, нижняя красная. Сей флагъ крестомъ св. Андрея разрѣзанъ». Такіе же флаги изображены и на рисункѣ корабля, приложенномъ къ русской печатной книгѣ Аларда.

Упоминаемая нами гравюра Схонбека 1701 года, представляющая въ трехъ видахъ корабль *Предистинацію*, какъ-будто указываетъ на неопредѣленность, существовавшую въ это время, относительно формы нашего военнаго флага. На этой гравюрѣ мы видимъ флагъ, о которомъ сейчасъ говорили, т. е. трехцвѣтный

---

[1]) Каб. дѣла. Отд. I № 41. «Описаніе флаговъ россійскихъ», писанное собственноручно Петромъ Великимъ.

[2]) Азовск. період. рисунокъ листъ 9.

съ андреевскимъ крестомъ, потомъ обыкновенный трехцвѣтный, безъ креста, и, наконецъ, девятиполосный, состоящій изъ троекратнаго повторенія полосъ бѣлой, синей, красной. Но подобная неопредѣленность, если она дѣйствительно существовала, кончилась около 1700 года, когда не только установилась форма военнаго флага, но и введенъ новый флагъ, для коммерческихъ судовъ.

Первый русскій коммерческій флагъ учрежденъ былъ въ 1693 году. Въ жалованной грамотѣ, данной въ этомъ году Францу Тимерману (стр. 519), сказано: «А когда онъ Францъ и дѣти и люди, буде онъ то дѣло (т. е. строеніе коммерческихъ кораблей) кому передастъ, тѣ корабли сдѣлаютъ и похотятъ съ товарами ѣхать за море, въ нѣмецкія государства, на тѣхъ новопостроенныхъ корабляхъ и иныхъ судахъ, на всякомъ суднѣ на кормахъ гербъ изобразить Его Царскаго Величества россійскаго царствія, подобіемъ распростертаго крылами двоеглаваго орла съ тремя надъ ними вѣнцами, и на персяхъ у того орла воина на конѣ, съ копьемъ, въ сбрую воинскую устроеннаго, въ челюсти змѣиныя прободающаго; а въ ногахъ у того жъ орла, въ правой скипетръ, а въ лѣвой яблоко съ крестомъ; да на знаменахъ (флагахъ) и прапорахъ (вымпелахъ) на тѣхъ корабляхъ, на щоглахъ (мачтахъ) и на носу и на кормѣ, нашить ему, Францу, такіе жъ Его Царскаго Величества гербы, что на кормѣ, по тафтѣ бѣлой, на обѣ стороны, въ серединѣ черною тафтою или иною матеріею того жъ цвѣта». Въ проектѣ подобной грамоты Баженинымъ (стр. 520) находится такое же описаніе флага, только безъ упоминанія о змѣѣ, и воинъ названъ св. Георгіемъ [1]). Въ подлинной же грамотѣ, данной въ 1700 году, вовсе нѣтъ описанія флага и это можно объяснить тѣмъ, что въ то время уже предполагалась близкая перемѣна флага. Этотъ первоначальный коммерческій флагъ (Рус. морс. флаги № 3), существовавшій на бумагѣ съ 1693 по 1700 годъ, въ дѣйствительности едва ли поднимался на какомъ нибудь суднѣ: Тимерманъ вовсе не воспользовался даннымъ ему правомъ, а первыя суда Бажениныхъ начали посылаться за море съ 1702 года, когда уже коммерческимъ судамъ присвоенъ былъ флагъ трехцвѣтный (Русск. морс. флаги № 5). Надо замѣнить, что эта перемѣна произошла одно-

---

[1]) Моск. арх. М. И. Д. (Приказ. дѣл. древ. лѣтъ 1696 г. св. 632).

временно съ введеніемъ новаго флага для военныхъ судовъ, т. е. около 1700 года.

Указомъ 1705 г. января 20 повелѣно трехцвѣтный флагъ (№ 5) носить всѣмъ торговымъ судамъ, плавающимъ во внутреннихъ водахъ [1]). Въ Уставѣ морскомъ сказано: «Корабли торговые россійскіе повинны имѣть флагъ полосатый трехъ колеровъ: бѣлой, синій, красной [2]).

Въ 1701 году для военныхъ судовъ приняты три флага (Рус. морск. флаги №№ 7, 8 и 9), на которыхъ цвѣта бѣлый, синій, красный, соединенные прежде въ одномъ флагѣ, были раздѣлены на три, причемъ на каждомъ флагѣ сохраненъ андреевскій крестъ, помѣщенный въ бѣломъ четыреугольникѣ (крыжѣ), занимающемъ лѣвую, верхнюю четверть флага. Указа, или какого-нибудь распоряженія о введеніи этихъ флаговъ не сохранилось; а старѣйшее изображеніе ихъ встрѣчается въ кабинетныхъ дѣлахъ Петра Великаго, на рукописныхъ рисункахъ флаговъ 1701 года. За тѣмъ, изображенныя подъ этими флагами суда, въ первый разъ находимъ на гравюрѣ Схонбека 1703 года, представляющей взятыя Петромъ (стр. 156) шведскія суда *Геданъ* и *Астрильдъ* (Рисунокъ литера Ж, 1.); на нихъ—кормовые флаги съ крыжемъ и широкіе вымпела, имѣющіе въ бѣломъ полѣ андреевскій крестъ. На носу *Астрильда* такой же флагъ, какъ и на кормѣ, только меньшаго размѣра; а на носу у *Гедана* бѣлый флагъ съ андреевскимъ крестомъ, безъ крыжа. Въ записной книгѣ отпуска судовъ съ Олонецкой верфи, на фрегатѣ *Штандартъ* показаны флаги: бѣлый, синій и два красныхъ, всѣ съ крестами въ крыжахъ (Русск. морск. флаги №№ 7, 8 и 9).

Первыя упоминанія о морскомъ штандартѣ (Русск. морск. флаги № 4) находятся въ письмахъ государя, писанныхъ въ маѣ мѣсяцѣ 1703 года, по случаю завладѣнія Невою, открывшею путь въ Балтійское море, пріобрѣтеніе котораго, съ этихъ поръ, Петръ считалъ уже дѣломъ несомнѣннымъ. Кромѣ письма, упоминаемаго на стр. 158, таже мысль «объ исправленіи штандарта» выражается въ письмѣ къ Апраксину: «Господь Богъ за исключительное, сіе мѣсто (Ніеншанцъ на рѣкѣ Охтѣ) намъ даровалъ и морской нашъ

[1]) Полн. Собр. Зак. № 2021.

[2]) Уставъ морск. книга 2, гл. 3, арт. 6.

штандартъ исправить благоволилъ» [1]). Въ журналѣ Петра Великаго сказано что спущенный на Олонецкой верфи фрегатъ получилъ названіе *Штандартъ* «въ тотъ образъ, (что) тогда четвертое море присовокуплено». Такимъ образомъ, съ этого времени въ клювахъ и когтяхъ двуглаваго орла, изображаемаго на нашемъ морскомъ штандартѣ, было уже не три, а четыре карты морей: Бѣлаго, Каспійскаго, Азовскаго и части Балтійскаго.

Въ гравированной таблицѣ флаговъ, изданной въ Кіевѣ въ 1709 году, флаги съ крыжами (№№ 7, 8, 9) названы: «первымъ, вторымъ и третьимъ россійскими флагами». Въ непродолжительномъ времени первый изъ этихъ флаговъ былъ измѣненъ и получилъ видъ нынѣшняго военнаго флага, бѣлаго съ синимъ андреевскимъ крестомъ во весь флагъ (Рус. морск. флаги № 12). О точномъ времени этого измѣненія также нѣтъ никакихъ свѣдѣній, но должно полагать, что оно произошло ранѣе 1712 года, потому что съ этимъ флагомъ представленъ на одной гравюрѣ корабль *Полтава*, спущенный въ 1712 году. Въ таблицѣ корабельныхъ флаговъ, приложенной къ морскому Уставу, бѣлый флагъ (№ 12) названъ первымъ адмиральскимъ, синій (№ 8) вторымъ адмиральскимъ и красный (№ 9)—третьимъ адмиральскимъ. По Уставу [2]), при раздѣленіи флота на три «эшквадры», суда кордебаталіи имѣли бѣлые флаги (№ 12), авангардіи—синіе (№ 8), аріергардіи—красные (№ 9). Кордебаталіей командовалъ генералъ-адмиралъ или старшій изъ адмираловъ, называвшійся «адмираломъ отъ бѣлаго флага»; авангардіею, второй по старшинству,—«адмиралъ отъ синяго флага»; аріергардіею, младшій двухъ первыхъ,—«адмиралъ отъ краснаго флага». Каждая «эшквадра» подраздѣлялась на три «дивизіи», составлявшія также кордебаліи, авангардіи и аріергардіи—своихъ эшквадръ. Кордебаталіями каждой эшквадры командовалъ адмиралъ флагманъ этой эшквадры, дивизіями - авангардіями командовали вице-адмиралы отъ бѣлаго, синяго и краснаго флаговъ, а дивизіями аріергардіями—шаутбенахты также трехъ флаговъ. Адмиральскіе флаги поднимались какъ и нынѣ на разныхъ мачтахъ, соотвѣтственно различію чиновъ: адмиральскій—на гротъ, вице-адмираль-

---

[1]) Моск. арх. Мин. Ин. Дѣлъ (Копіи съ писемъ Петра I къ Апраксину).

[2]) Уставъ морск. часть I, раздѣленіе первое, статья «О флотѣ».

скій—на фокъ и шаутбенахта или контръ-адмирала на бизань мачтѣ. Такіе же флаги адмиралы поднимали на своихъ шлюпкахъ до 1723 года, когда установлены были для всѣхъ флагмановъ только три шлюпочныхъ флага: для адмираловъ—бѣлый (№ 12); для вице-адмираловъ тотъ же флагъ съ синей горизонтальной полосой, идущей по нижнему краю флага; а для шаутбенахтовъ бѣлый, съ такой же красной полосой. Шлюпочные адмиральскіе флаги появились въ первый разъ на котлинскомъ рейдѣ 11-го августа 1723 года (стр. 393), при торжественной встрѣчѣ «Дѣдушки русскаго флота» [1]).

Кромѣ кормовыхъ флаговъ, военныя суда имѣли еще флаги на бушпритахъ. Если довѣрять современнымъ гравюрамъ изображающимъ разныя суда (а не довѣрять имъ нѣтъ причины, потому что государь, интересовавшійся морскимъ дѣломъ, едва ли бы допустилъ въ нихъ невѣрности), то должно думать, что съ 1696 по 1720 годъ, постоянно или временно, на бушпритахъ военныхъ судовъ поднимались кормовые же флаги, только меньшихъ размѣровъ. Съ такими флагами представлены на современныхъ гравюрахъ: *Апостолъ Петръ* — 1696 г., *Предистинація* — 1700 г., *Астрильдъ* и *Геданъ*—1703 г., корабль *Полтава* - 1712 года и суда при входѣ въ Петербургъ плѣнныхъ шведскихъ фрегатовъ и галеръ 1714 и 1720 годовъ. Только на одной гравюрѣ, представляющей походъ флота къ Выборгу въ 1710 году, на бушпритахъ всѣхъ судовъ подняты настоящіе гюйсы.

Между тѣмъ, въ кіевской таблицѣ флаговъ 1709 года находится гюйсъ (Русскіе морскіе флаги № 11) съ слѣдующимъ объясненіемъ: «флагъ, то есть, знамя, которое ставятъ на кормѣ; а *гуисъ* на носу на бухъ-спритѣ». До этого времени гюйсъ поднимался на крѣпостяхъ, какъ видно на рисункѣ (литера Ж. 2.), представляющемъ Кроншлотъ, и тоже подтверждается одною вѣдомостью «О флагахъ сшитыхъ въ 1705 и 1706 годахъ» въ которой сказано: «въ гарнизонъ гюйсъ большой на больверкъ». Въ таблицу флаговъ, приложенную къ морскому Уставу, гюйсъ внесенъ подъ названіемъ «кейзерсъ-флага».

---

[1]) Шханечный журналъ корабля *Нептунусъ*, веденный мичманомъ (впослѣдствіи адмираломъ) Нагаевымъ. Въ Гл. морск. архивѣ. Шхан. журн. № 37.

По окончаніи войны со шведами, гюйсъ, подъ названіемъ кейзеръ-флага, пожалованъ былъ, какъ высшая морская награда, генералъ-адмиралу графу Апраксину и поднятъ имъ въ первый разъ въ 1722 году, у Астрахани, при отправленіи въ персидскій походъ. Объ этомъ обстоятельствѣ Соймоновъ, бывшій командиромъ гукора, на которомъ находился Апраксинъ, пишетъ слѣдующее: «Его Императорское Величество и Ея Императорское Величество изволили быть на своемъ боту, и какъ скоро генералъ-адмиралъ на мой гукоръ пріѣхалъ, приказалъ мнѣ поднять генералъ-адмиральскій (кейзеръ) флагъ [1]), и по поднятіи онаго какъ со всѣхъ городскихъ бастіоновъ пушечная пальба началася, также и со всѣхъ островокъ (островскихъ лодокъ) солдаты трижды бѣглымъ огнемъ палили и трижды, какъ со всѣхъ судовъ, такъ и бывшій на берегу народъ ура (кричали), генералъ-адмирала поздравляя, и въ то самое время и Его Имп. Вел. со своего боту прибыть и тѣмъ же генералъ-адмирала поздравить изволилъ. За которую Е. И. В. высочайшую милость, генералъ-адмиралъ со слезами всеподданнѣйше благодарилъ, при томъ весь генералитетъ и штабъ-офицеры пріѣзжая поздравляли, и такъ многолюдно, что на такомъ маломъ суднѣ, какъ тотъ гукоръ былъ, не малая тѣснота была» [2]). По этому особенному торжеству видно, что Апраксина какъ генералъ-адмирала здѣсь чествовали въ первый разъ и потому (на стр. 349) нами сказано, что пожалованіемъ кейзеръ-флага Апраксинъ «утвержденъ» въ званіи генералъ-адмирала. Вообще трудно опредѣлительно сказать, съ какого времени слѣдуетъ считать Апраксина генералъ-адмираломъ. Назначенный по кончинѣ Ѳ. А. Головина, въ 1707 году, адмираломъ и президентомъ адмиралтействъ, Апраксинъ, въ числѣ разныхъ почтительныхъ титуловъ, какъ главный начальникъ флота, нерѣдко называлcя иностранцами «великимъ адмираломъ». Самъ же онъ подписывался, обыкновенно, даже и послѣ 1722 года,—«адмираломъ», и весьма рѣдко, только съ 1714 года,—«генералъ-адмираломъ».

---

[1]) Генералъ-адмиралъ хотя въ Петербургѣ и неоднократно флотомъ командовалъ, однако всегда подъ первымъ адмиральскимъ бѣлымъ флагомъ, а генералъ-адмиральскій флагъ тогда впервые поднятъ былъ; для того толь великое и поздравленіе ему чинено было. *Примѣчаніе Соймонова.*

[2]) Моск. арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Рукописныя записки Соймонова, стр. 61 и 62.

Государь, въ офиціальныхъ бумагахъ и письмахъ, именовалъ его безразлично тѣмъ и другимъ титуломъ. При такой неопредѣленности, болѣе выдающимися, въ этомъ отношеніи, оказываются два момента: первый, въ 1708 году (25 декабря), когда состоялся именной указъ о производствѣ Апраксину жалованья 7000 рублей въ годъ, «противъ генералъ-фельдмаршала», соотвѣтствующаго по табели о рангахъ генералъ-адмиралу, и второй, — пожалованіе кейзеръ-флага.

Необходимую принадлежность военныхъ судовъ составлялъ также вымпелъ поднимаемый на гротъ-мачтѣ. Первый, по времени, вымпелъ былъ подаренъ государемъ въ 1693 г. холмогорскому архіепископу Аѳанасію [1]) и, надо полагать, что вымпелъ, вмѣстѣ съ подобнымъ же флагомъ, былъ сдѣланъ исключительно для этого подарка. Въ головѣ вымпела на бѣломъ полѣ находится красное изображеніе большаго прямаго креста, съ четырьмя маленькими, размѣщенными въ его углахъ. Хвостъ вымпела трехцвѣтный: бѣлый, синій, красный [2]). На военныхъ нашихъ судахъ вымпела явились между 1696 и 1699 годами. Такъ на гравюрѣ 1699 года, представляющей взятіе Азова въ 1696 году, на мачтахъ всѣхъ судовъ представлены флаги четыреугольные, подобные кормовымъ, только на гротъ-мачтѣ корабля *Апостолъ Петръ* поднятъ флагъ съ косицами. Но на изображеніи корабля *Крѣпость* 1700 года уже сдѣланъ широкій трехцвѣтный вымпелъ, такъ называемый «плавучій», то есть, поднимаемый на маленькомъ рейкѣ. Такой же вымпелъ представленъ у Схонбека на гротъ-мачтѣ корабля *Предистинація.* На кораблѣ изображенномъ у Аларда поднятъ также плавучій вымпелъ, у котораго часть прилегающая къ древку бѣлая съ андреевскимъ крестомъ, а середина и хвосты синяго и краснаго цвѣтовъ. Появленіе въ нашемъ флотѣ командорскаго вымпела относится къ 1706 году, когда государь первымъ принялъ это званіе, и поднималъ вымпелъ въ плаваніи 1708 года [3]). Въ таблицу флаговъ, приложенную къ Уставу, кромѣ сигнальныхъ вымпеловъ, внесены два вымпела

---

[1]) Азов. періодъ. Рисунокъ листъ 10.

[2]) Флагъ такой же, бѣлый съ желтыми крестами; впослѣдствіи, въ Уставѣ, онъ встрѣчается въ числѣ сигнальныхъ флаговъ.

[3]) Морскіе журналы стр. 8.

бѣлыхъ съ андреевскимъ крестомъ и трехцвѣтными хвостами. Одинъ широкій (брейдъ) вымпелъ «командорскій» (Рус. морс. флаги № 14) поднимался, какъ адмиральскій флагъ, на флагштогѣ; а другой узкій, «капитанскій вымпелъ» (№ 15), съ болѣе длинными хвостами, поднимался на рейкѣ.

Въ Уставѣ о командорскомъ вымпелѣ сказано слѣдующее: «Капитанъ-командоры должны имѣть на гротъ-стеньгѣ командорскій вымпелъ на флагштокѣ, какъ корнетъ, а не какъ вымпелъ». «Буде въ которой эскадрѣ капитанъ-командоръ за флагмана командуетъ, то повиненъ имѣть свой вымпелъ на томъ стеньгѣ и того же колера, какой бы флагману надлежало имѣть, вмѣсто котораго онъ командуетъ, хотя куда и особливо откомандированъ будетъ. А ежели во флотѣ онъ командорскаго вымпела не имѣлъ, или изъ порта посланъ, то ему имѣть вымпелъ командорскій ординарный, трехъ колеровъ, на гротъ-стеньгѣ». Командорскій вымпелъ предоставлялось поднимать всякому капитану, при отдѣльной командировкѣ его съ отрядомъ судовъ; но, въ такомъ случаѣ, для отличія отъ капитанъ-командора, вымпелъ поднимался «плавучій», то есть, не на флагштокѣ, а на рейкѣ.

О «капитанскомъ» или ординарномъ вымпелѣ находимъ первое положительное свѣдѣніе въ 1708 году, когда указомъ Апраксина 16 апрѣля велѣно было: «при адмиралтействѣ дѣлать вымпелы ординарные, съ широкаго конца отъ древка крестъ синій на бѣлой землѣ, а отъ креста изъ трехъ цвѣтовъ, изъ бѣлаго, синяго и краснаго; а кромѣ такихъ, иныхъ вымпелей не дѣлать».

Въ Уставѣ для каждаго изъ адмиральскихъ флаговъ и капитанъ-командорскаго вымпела назначено наименьшее число судовъ, при которомъ они могутъ быть подняты. Такъ при генералъ-адмиральскомъ флагѣ должно быть не менѣе 15-ти судовъ; при флагахъ прочихъ адмираловъ не менѣе 13-ти, при вице-адмиральскомъ — 7, шаутбенахта — 5, при капитанъ-командорскомъ вымпелѣ не менѣе 3-хъ. При меньшемъ числѣ судовъ, не смотря на чинъ командующаго отрядомъ, слѣдовало поднимать флагъ или вымпелъ соотвѣтствующій числу судовъ [1]).

---

[1]) Уставъ морск. книга I, глава 3, артик. 1—5.

Изображеніе галернаго флага въ первый разъ встрѣчается въ таблицѣ флаговъ 1709 года. Въ объясненіи, писанномъ самимъ государемъ (около 1720 года), о галерныхъ флагахъ сказано: «галерные такіе-жъ флаги (какъ и корабельные), но то различіе имѣютъ, что не четвероугольные, но съ хвостами». Въ таблицѣ галерныхъ флаговъ, приложенной къ морскому Уставу, кромѣ сигнальныхъ, показаны слѣдующіе флаги: штандартъ, кейзеръ-флагъ, три адмиральскихъ, девять дивизіонныхъ и командорскій вымпелъ. Всѣ флаги, отъ соотвѣтствующихъ имъ корабельныхъ, отличаются только косицами и имѣютъ такой же видъ, какъ приведенный для образца галерный флагъ 3-го адмирала (Рус. морск. флаги № 10).

Ластовыя суда ходили съ кормовымъ трехцвѣтнымъ флагомъ и, для отличія отъ коммерческихъ, на бушпритѣ имѣли гюйсъ [1]).

Время учрежденія адмиралтейскаго флага не извѣстно. О первоначальномъ видѣ его въ «Вѣдомости о флагахъ сшитыхъ въ 1705 и 1706 годахъ» сказано: «флагъ на адмиралтейскую крѣпость бѣлый съ двумя якорями». Изъ таблицы флаговъ 1709 года видно, что якоря пересѣкались крестообразно. Въ «Описаніи флаговъ россійскихъ», составленномъ государемъ, сказано: «адмиралтейскій флагъ въ бѣломъ полѣ 4 якоря синихъ, образомъ креста св. Андрея, являя преждеописанныя 4 моря». Въ такомъ видѣ изображенъ этотъ флагъ и въ таблицѣ, приложенной къ морскому Уставу (Рус. морск. флаги № 13).

Суда «Невскаго флота» имѣли также свой особенный флагъ, названный въ таблицѣ, приложенной къ Уставу, флагомъ «яхтъ и буеровъ». На немъ вдоль флагштока была полоса, составленная изъ треугольниковъ бѣлаго, синяго и краснаго цвѣтовъ, и отъ этой полосы шли горизонтальныя полосы въ слѣдующемъ порядкѣ: двѣ узкія — бѣлая и синяя, одна широкая — красная и потомъ три узкія — бѣлая, синяя и красная.

Сигналы.

Потребность переговоровъ между судами во время плаванія и, особенно, необходимость передачи распоряженій флагмана, заставили, какъ мы видѣли, еще при первомъ движеніи азовской флотиліи изъ Воронежа въ 1696 г. ввести нѣкоторые условные знаки, замѣнявшіе сигналы. Днемъ это были флаги лазореваго,

---

[1]) Уставъ морск. книга 2, глава 3, артик. 6.

бѣлаго и краснаго цвѣтовъ, пушечные выстрѣлы и барабанный бой, а ночью—фонари. Этими способами передавались только немногія самыя необходимыя приказанія, какъ то: сняться съ якоря, стать на якорь, вступить въ бой, увѣдомленіе о бѣдствіи и т. п. [1]).

При началѣ балтійскаго флота употреблялась подобная же система отдѣльныхъ условныхъ знаковъ, для каждаго обстоятельства. Такъ напр., въ 1703 году, собственно для сигналовъ, на фрегатъ *Штандартъ* отпущено было 4 флага: бѣлый, синій, красный, полосатый и пять вымпеловъ: бѣлый, синій, красный, желтый, и зеленый. На царскую галеру «Орелъ» отпускалось 2 флага косовыхъ треугольныхъ бѣлыхъ, 2 лазоревыхъ и 4 вымпела такихъ же цвѣтовъ. При вступленіи въ бой на гротъ-мачтѣ адмиральскаго корабля и даже на кроншлотской башнѣ поднимали «кровавый» (красный) флагъ [2]), кромѣ того, въ ходу сигналомъ вступленія въ бой служилъ обрасопленный по бушприту блинда-рей [3]).

Въ 1710 году напечатаны въ Москвѣ «Генеральные сигналы надзіраемые во флотѣ Его Царскаго Величества», и съ 1714 г. начинаютъ появляться уже многія изданія сигналовъ въ Петербургѣ, отдѣльные для корабельнаго и галернаго флотовъ. Въ этихъ изданіяхъ государь принималъ до того близкое, непосредственное участіе, что иногда самъ приготовлялъ доски для печатанія флаговъ [4]).

Система тогдашнихъ сигналовъ, въ общихъ чертахъ, сходствовала съ сигналами французскаго маршала Турвиля,—изданными въ 1694 году, принятыми почти всѣми европейскими флотами и переведенными на русскій языкъ,—но совершенно отличалась отъ нихъ въ подробностяхъ. Дневные сигналы, на нашемъ флотѣ, производились разноцвѣтными флагами, поднимаемыми въ разныхъ мѣстахъ, обыкновенно по одиночкѣ и рѣдко вмѣстѣ съ вымпеломъ: на корабельномъ флотѣ—на мачтахъ, кормовомъ флагштокѣ, нокѣ грота-реи, бизань-реи и на бизань-вантахъ. На галерномъ флотѣ—на нокахъ рей, кормовомъ флагштокѣ или вантахъ. Кромѣ

---

[1]) Елагинъ. Азовск. періодъ, прилож. I, № 33.

[2]) Матеріалы. Отд. I, №№ 16, 70, 93.

[3]) Гл. морск. арх. (Дѣл. гр. Апраксина № 61, л. 194).

[4]) Матеріалы. Отд. VII, № 12.

флаговъ, иные номера сигналовъ дѣлались флагами и парусами и даже одними парусами. Главное затрудненіе состояло въ томъ, что не было численныхъ флаговъ и номеровъ сигналовъ, а каждый сигналъ выражался особеннымъ образомъ. Эта система сигналовъ сохранена и въ морскомъ Уставѣ. До 1728 года каждый сигналъ сопровождался пушечнымъ выстрѣломъ и репетировался всѣми судами, при чемъ флагманскіе корабли повторяли и выстрѣлъ. Въ сигнальные флаги входили четыре цвѣта: бѣлый, синій, желтый и красный; флаги дѣлались полосатые, шахматные, съ крестомъ и кружкомъ. Корабельные шились обыкновенно четыреугольными; галерные же съ разрѣзными концами (косицами). При производствѣ сигналовъ употреблялись не только кормовые флаги и гюйсъ, но даже штандартъ. Вообще сигналы могли дѣлаться только флагманами, партикулярныя же суда имѣли возможность передать весьма немногіе номера и то помощію парусовъ и кормоваго флага. Такъ партикулярный корабль могъ дѣлать днемъ только шесть номеровъ сигналовъ, а галера—одинъ. Къ числу галерныхъ сигналовъ принадлежало также играніе на трубахъ и бой въ литавры и барабаны.

Сигналы были до того не совершенны, что адмиралъ, желая приказать передовому кораблю (для другихъ судовъ этого сигнала и вовсе не было) прибавить или убавить парусовъ, сначала дѣлалъ сигналъ и послѣ репетированія его показывалъ на своемъ кораблѣ «въ натурѣ», какіе именно паруса слѣдуетъ поставить или убрать.

Туманные сигналы производились пушечными выстрѣлами, не принимая въ расчетъ промежутка времени между ними, а потому этихъ сигналовъ было только до 10 номеровъ. Ночные—дѣлались на корабляхъ фонарями и выстрѣлами, а на галерахъ—фонарями и ракетами, къ которымъ иногда присоединялись звуки трубъ, бой въ литавры и барабаны. Корабельный флагманъ, для своихъ распоряженій, имѣлъ только 48 дневныхъ сигналовъ, 14 ночныхъ и 9 туманныхъ; а галерный—64 дневныхъ и 8 ночныхъ. Кромѣ этого, въ запасѣ оставалось еще 33 сигнала, которыхъ содержаніе было напечатано, а для флаговъ оставлены пробѣлы.

Несовершенство сигналовъ дѣлало необходимымъ передачу на шлюпкахъ какъ болѣе важныхъ донесеній адмиралу партикуляр-

ныхъ судовъ, такъ и не вошедшихъ въ сигналы приказаній флагмана. Нельзя не удивляться, что подобный способъ переговоровъ нерѣдко употреблялся въ открытомъ морѣ при такомъ крѣпкомъ вѣтрѣ, который заставлялъ даже корабли, отъ значительныхъ поврежденій, спускаться въ ближайшіе порты.

Салюты.

Какъ постановленія о салютахъ, такъ и примѣненіе этихъ постановленій къ дѣлу, во все время царствованія Петра Великаго отличались большою неопредѣленностью, причинами которой были, вопервыхъ, вообще не установившійся взглядъ на этотъ предметъ и, вовторыхъ, несуществованіе трактатовъ и договоровъ между разными правительствами.

Первая мирная встрѣча нашихъ военныхъ судовъ съ иностранными произошла въ Керчи въ 1699 году (стр. 121). При этомъ, какъ видно изъ записки о керченскомъ походѣ и изъ донесеній Украинцова, числу выстрѣловъ при салютѣ не придавали опредѣленнаго значенія, потому, что почти при каждомъ приходѣ, уходѣ и передвиженіи судовъ бывала «стрѣльба многая». Палили безъ счету, со всѣхъ судовъ, изъ всѣхъ орудій, иногда «дважды и трижды». Впрочемъ одинъ разъ, при отдѣленіи посольскаго корабля отъ эскадры записано, что онъ, «будучи противъ адмиральскаго корабля, прощаяся стрѣлялъ *по указу* изъ всѣхъ пушекъ, которому на отъѣздъ его, во образецъ взаимнаго *(по корабельному артикулу)* прощанія, учинено по приказу адмиральскому такожде изо-всѣхъ, всего каравана на корабляхъ и галерахъ обрѣтающихся, пушекъ выстрѣлено; одинъ за другимъ корабль то стрѣляніе имѣлъ» [1]).

По учрежденіи въ 1702 году Новодвинской крѣпости въ Архангельскѣ, мѣстному воеводѣ даны были статьи [2]), въ которыхъ, вѣроятно слѣдуя принятымъ въ другихъ государствахъ правиламъ, предписывалось требовать отданія чести отъ проходящихъ мимо крѣпости судовъ «сниманіемъ вымпела и подбираніемъ парусовъ». Иностранцы безропотно покорились этому постановленію; только

---

[1]) Моск. арх. Мин. Ин. Дѣлъ (Турецк. дѣл. 7207 г. (1699 г.). Св.24, Б и 1699 г. № 9. Св. 17).

[2]) Статьи эти извѣстны намъ только по ссылкамъ на нихъ въ документахъ позднѣйшаго времени.

сначала, по недоумѣнію, воевода сталъ требовать, чтобы суда спускали также и гюйсы, но это требованіе встрѣтило сильное сопротивленіе Торговые корабли, послѣ двухъ выстрѣловъ съ крѣпости, уступили и спустили гюйсы, а конвоировавшія ихъ англійскія и голландскія военныя суда рѣшительно отказались исполнить такое требованіе. Изъ переписки, происходившей по этому случаю, видно, что воевода требовалъ болѣе указаннаго, а потому ему на будущее время велѣно не заставлять проходившія суда спускать гюйсъ и при этомъ приказано было объявить иностранцамъ, что распоряженіе это воевода сдѣлалъ самъ собою, а не вслѣдствіе полученнаго указа [1]).

Въ инструкціи, данной кроншлотскому коменданту «о требованіи чести» отъ проходящихъ судовъ, говорится болѣе подробно: «когда корабль пойдетъ мимо ситадели, надобно ему опустить, по обыкновенію, форъ-марсель или гротъ-марсель, вмѣсто поклона, а буде есть вымпелъ — подобрать, пока пройдетъ ситадель. О прибраніи вымпела и опусканіи парусовъ говорить шхиперамъ, когда пріѣдутъ на ситадель» [2]).

Въ 1705 году, по прибытіи къ Кроншлоту эскадры подъ флагомъ вице-адмирала Крюйса, крѣпость салютовала 7-ю выстрѣлами, на что съ вице-адмиральскаго корабля отвѣчено тѣмъ же числомъ. Въ мартѣ 1710 года на требованіе Крюйса «опредѣлить поздравленья или комплиментъ изъ пушекъ», государь положилъ слѣдующую резолюцію: «комплиментъ чинить флагманамъ съ города прежде, числомъ по сему: адмиралу первому 7, прочимъ флагманамъ 5, которымъ при томъ отвѣчать столькимъ же числомъ. А капитанамъ и прочихъ воинскихъ чиновъ командирамъ, кромѣ бригантинъ, первѣе стрѣлять всегда 5, а отвѣчать съ крѣпости 3» [3]). Но это постановленіе, почему то, осталось безъ исполненія, даже со стороны самого царственнаго шаутбенахта. Слѣдующіе примѣры, взятые изъ современныхъ источниковъ, ясно показываютъ что, въ нашемъ флотѣ, относительно салютовъ, на практикѣ не держались никакого опредѣленнаго правила. Такъ въ журналахъ, того же

---

[1]) Моск. арх. Мин. Ин. Дѣлъ. (Переп. на русск. яз. 1703 г. №№ 4 и 20).

[2]) Устряловъ. Исторія Петра Велик. IV, ч. 1, стр. 251.

[3]) Ковчегъ адмир. совѣта (Вопросные пункты Крюйса, съ резолюціями государя).

1710 года, записано: при поднятіи вице-адмиральскаго флага салютовано отъ шаутбенахта (государя) изъ 9, а съ эскадры его изъ 7 пушекъ; при поднятіи флага шаутбенахта эскадра его салютовала 5-ю выстрѣлами, отвѣчено тѣмъ же числомъ. По приходѣ флота къ Кроншлоту съ крѣпости салютовано вице-адмиралу 13, шаутбенахту 11 выстрѣловъ. По возвращеніи шаутбенахта съ моря Кроншлотъ салютовалъ ему изъ 11 пушекъ, отвѣчено изъ 5-ти, а при вторичномъ уходѣ палили съ крѣпости 5 выстрѣловъ, отвѣчали тѣмъ же числомъ. При соединеніи съ эскадрою, шаутбенахтъ салютовалъ вице-адмиралу 5-ю выстрѣлами, отвѣчено тѣмъ же. При возвращеніи къ Кронштлоту шаутбенахтъ салютовалъ вице-адмиралу 7-ю выстрѣлами, отвѣчено 5-ю. Кроншлотъ салютовалъ шаутбенахту 5-ю выстрѣлами, отвѣчено 3-мя. Шаутбенахтъ по приходѣ къ флоту салютовалъ адмиральскому флагу 19-ю выстрѣлами. При поднятіи адмиральскаго флага на кораблѣ *Рига*, съ этого корабля салютовано изъ 21 пушки, и потомъ по стольку же выстрѣловъ сдѣлано съ кораблей вице-адмирала и шаутбенахта [1]).

Въ 1710 году, посланному для проводки изъ Архангельска въ Кроншлотъ фрегатовъ, капитану Рейсу дана была инструкція, въ которой, на случай встрѣчи съ иностранными судами, изложены слѣдующія правила: если въ датскихъ владѣніяхъ встрѣтятся датскіе корабли и пожелаютъ салюта, то салютовать, «безъ опущенія топзеиля и собранія вымпела», и съ условіемъ, чтобы отвѣчали равнымъ числомъ. Придя къ датскому флоту салютовать безъ спроса по рангу командующаго: «великаго адмирала 15-ю или 17-ю выстрѣлами; прочихъ, по степени слѣдуя, меньше». Датскимъ крѣпостямъ салютовать 5-ю или 7-ю выстрѣлами: «меньше или больше по разсмотрѣнію и состоянію дѣлъ. Салютовать долженъ одинъ старшій, а не всѣ, и домогаться, чтобъ всегда равнымъ числомъ выстрѣловъ было отвѣтствовано, кромѣ генералъ-адмирала, которому предоставить отвѣчать по его волѣ». «Французскимъ, англійскимъ и испанскимъ судамъ почтенія не чинить» [2]).

Въ томъ же 1710 году, 15 іюня, заключенъ съ Даніею трактатъ о салютаціи, которымъ постановлено: отдѣльнымъ судамъ, эскад-

---

[1]) Морскіе журналы, стр. 11—13.

[2]) Каб. Дѣл. Отд. II, № 62.

*

рамъ и флотамъ, при встрѣчѣ другъ съ другомъ, «поздравлять пушечною стрѣльбою, не опуская при томъ своихъ флаговъ, вымпелей или топселей». Начинать салютъ въ русскихъ водахъ—датчанамъ, а въ датскихъ—русскимъ, считая границею водъ въ Сѣверномъ морѣ Нордъ-Капъ, а въ Балтійскомъ—Борнгольмъ и Гогландъ; на пространствѣ же между этими двумя островами (составляющемъ шведскія воды) не салютовать вовсе. Корабли приходящіе къ крѣпостямъ обязаны были салютовать напередъ. Число выстрѣловъ не опредѣлено, но только велѣно отвѣчать выстрѣлъ за выстрѣлъ. Постановленія эти были утверждены какъ временныя, до окончанія войны со Швеціею; по замиреніи же положено заключить новый трактатъ о салютѣ [1]).

Въ 1712 году, по отдачѣ туркамъ Азова, государь намѣренъ былъ четыре лучшія судна азовскаго флота перевести въ Балтику (стр. 138). На этотъ случай, для командировъ избранныхъ судовъ, написана была инструкція, въ которой, между прочимъ, находились весьма неопредѣлительныя наставленія о салютахъ. Наприм., при встрѣчѣ съ турками на Черномъ и Бѣломъ (Мраморномъ) моряхъ предписывалось «имѣть съ ними респектъ, и противностей никакихъ не чинить». Если бы при проходѣ мимо Каталоніи встрѣтились французскіе и нѣмецкіе корабли, и «пожелали отданія чести пушечною стрѣльбою», то велѣно «смотрѣть по своей мочи: если будутъ сильнѣе, то оное дѣлать, и о томъ говорить, чтобъ отвѣтствовали равно, а ежели отъ какого комплимента можно отбыть, то лучше». Въ случаѣ прихода въ иностранные порты, «куплементъ отдавать, смотря на англійскіе и французскіе поступки, чтобъ чести флага не учинить афронта». При встрѣчѣ съ датскими кораблями, салютовать партикулярному кораблю 5-ю выстрѣлами, младшему флагу 7-ю, «посему поступать и до высшаго прибавлять по двѣ пушки» [2]). Хотя переводъ судовъ не состоялся и инструкція осталась безъ исполненія, но, во всякомъ случаѣ, она имѣетъ значеніе въ ряду постановленій о салютахъ и показываетъ современный правительственный взглядъ на этотъ предметъ. 2 апрѣля 1714 года состоялся именной указъ о томъ «какъ поступать съ города

---

[1]) Полн. Собран. закон. № 2274.

[2]) Гл. морск. арх. (Дѣл. гр. Апраксина № 31).

стрѣльбою противъ флота россійскаго и иностранныхъ кораблей». Указомъ этимъ подтверждались постановленія 1710 года, съ прибавленіемъ, что капитанъ-командоръ долженъ стрѣлять прежде изъ 5 пушекъ, а съ города ему отвѣчать тѣмъ-же. Иностранные корабли, а особливо датскіе стрѣляютъ прежде, городъ отвѣчаетъ такимъ же числомъ. Торговымъ судамъ русскимъ и иностраннымъ отвѣчать съ города на 3 выстрѣла одною пушкою, а на всякое бо̀льшее число—тремя выстрѣлами [1]).

Но не смотря на этотъ вторичный указъ, въ дѣйствительности продолжали салютовать по прежнему, такъ наприм. въ 1715 году, при поднятіи адмиральскаго флага, отъ вице-адмирала (государя) салютовано 19-ю выстрѣлами, а съ прочихъ кораблей 9-ю. По приходѣ флота въ Ревель, съ корабля стоявшаго на рейдѣ салютовано 9-ю выстрѣлами, отвѣчено 7-ю; съ крѣпости салютовали адмиралу 19-ю выстрѣлами, отвѣчено тѣмъ-же; а при вторичномъ приходѣ эскадры въ Ревель, крѣпость салютовала 9-ю выстрѣлами, отвѣчено тѣмъ же числомъ.

Въ указѣ, объявленномъ въ октябрѣ 1714 года начальникомъ ревельской эскадры, капитаномъ Фангентомъ, правила о салютаціи при встрѣчѣ русскихъ судовъ съ иностранными формулированы болѣе опредѣлительно. «Всѣ купеческія суда, какой бы націи и какого бы флага они ни были, говорится въ указѣ, должны при встрѣчахъ спускать свои марсели, а тѣ которыя имѣютъ пушки, должны изъ нихъ палить, на что имъ отвѣчать съ нашихъ кораблей двумя выстрѣлами менѣе. Всѣ королевскіе воинскіе корабли при ихъ приближеніи должны салютовать пушечною пальбою первые, на что и надлежитъ имъ отвѣчать двумя выстрѣлами менѣе, не вынуждая ихъ при этомъ спускать марсели, или вымпелы. Всѣ воинскіе корабли республикъ должны при ихъ приходѣ спускать марсели, а вымпелы поднимать, и на пушечный салютъ ихъ надлежитъ отвѣчать двумя выстрѣлами менѣе» [2]).

Первая встрѣча нашего флота, въ полномъ его составѣ, съ англійскою и голландскою эскадрами произошла въ Ревелѣ въ 1715

[1]) Полн. Собр. зак. № 2790. 2 іюля указъ этотъ, за подписью государя, объявленъ по флоту. (Моск. арх. Мин. Ин. Дѣл. Письма Петра I, кн. IX, 1714 г. № 15).

[2]) Гл. морск. арх. (Сборн. Инструкцій 1704—1726. г.).

году (стр. 276). Такъ какъ ни съ которою изъ этихъ двухъ державъ не было заключено трактатовъ о салютѣ, то государь, поручая Остерману предварительно «сторопою провѣдать», какъ относительно салюта располагаютъ поступить иностранные флагманы, замѣтилъ, что онъ «не желалъ болѣе того какъ онъ (Норисъ) сальвировалъ Ревель, такъ бы и флотъ». Результатъ «провѣдыванья» неизвѣстенъ, но надо думать что онъ не соотвѣтствовалъ желанію царя, потому что по приходѣ нашего флота въ Ревель, салютъ произведенъ былъ только голландскимъ шаутбенахтомъ; а «англійскій адмиралъ ничего не стрѣлялъ». О салютѣ голландскаго шаутбенахта есть два различныя показанія: въ журналѣ Петра Великаго записано «сальвированіе было только съ одного голландскаго шаутбенахтскаго корабля 17 выстрѣловъ, противъ чего адмиралъ нашъ отвѣтствовалъ изъ 13-ти» [1]. А въ журналѣ Сенявина сказано, что «голландскій шаутбенахтъ салютовалъ изъ 13 пушекъ, нашъ адмиралъ отвѣчалъ такимъ же числомъ». Послѣднее показаніе, по обстоятельствамъ дѣла и по личности свидѣтеля, кажется болѣе вѣрнымъ.

Трактатомъ о салютѣ, заключеннымъ съ Голландіею въ 1716 году, голландскимъ военнымъ судамъ поставлено въ обязанность отдавать русскимъ кораблямъ и крѣпостямъ такую же честь, какую они отдаютъ римскому цесарю, французскому королю и англійскимъ кораблямъ; а именно: отъ Нордъ-Капа до Медвѣжьяго острова на Бѣломъ морѣ должны голландскія суда прежде честь отдавать, «собравъ вымпелъ, т. е. опустить оный до стеньгъ-топа и тамо оный прибравъ держать пока поздравленіе пушками отдается, а потомъ паки могутъ свободно вымпелъ распустить, безъ опущенія топселя»; отвѣчать на салютъ русскіе партикулярные корабли обязаны равнымъ числомъ, а флагманы двумя выстрѣлами менѣе. Флагманъ флагману отвѣчаетъ тѣмъ же числомъ выстрѣловъ. То же постановлено исполнять и при проходѣ голландскихъ судовъ мимо русскихъ крѣпостей; если идетъ цѣлая эскадра, то салютуетъ изъ пушекъ старшій, а прочія суда должны въ это время подобрать вымпелъ [2]).

---

[1]) Извлеч. изъ журнал. стр. 78.

[2]) Гл. морск. арх. (Сборн. Инстр. 1704—1726 г.).

Въ морскомъ Уставѣ четвертая глава второй книги заключаетъ правила о салютахъ, составляющія сводъ всѣхъ прежнихъ постановленій, приведенныхъ въ систематическій порядокъ и дополненныхъ въ частностяхъ.

При заключеніи мирнаго трактата съ Швеціей сдѣлано было и постановленіе о салютѣ, но до того неопредѣлительное и неясное, что при первомъ примѣненіи этого трактата къ дѣлу, онъ породилъ недоумѣнія, потребовавшія разъясненій. Вотъ это постановленіе, составляющее 19 статью договора: «Когда свѣйскіе военные корабли, одинъ или болѣе числомъ, большіе или малые, Е. Ц. В. принадлежащую крѣпость впредь проходить будутъ, то оные должны свѣйскій лозунгъ стрѣлять, на что оному тотчасъ россійскимъ лозунгомъ съ крѣпости взаимно поздравлено будетъ. Равнымъ же образомъ имѣютъ такожде россійскіе военные корабли, когда оные мимо Е. К. В. принадлежащей крѣпости пойдутъ, россійскій лозунгъ стрѣлять и такожде свѣйскимъ лозунгомъ съ крѣпости взаимно поздравлены будутъ. Но ежели случится что свѣйскіе и россійскіе корабли другъ друга или на морѣ, въ гавани или инде гдѣ встрѣтятъ, или на какомъ мѣстѣ застанутъ, то имѣютъ оные обыкновеннымъ лозунгомъ между собою дружелюбно поздравляться. И въ прочемъ во всемъ въ семъ дѣлѣ тако поступлено быть имѣетъ, какъ то между коронами свѣйскою и датскою въ такихъ случаяхъ обычайно есть и между ними о семъ соизволено и договоренось» [1]).

Черезъ мѣсяцъ по заключеніи мира пришелъ въ Ревель шведскій военный фрегатъ и салютовалъ крѣпости двумя выстрѣлами, на что крѣпость не отвѣчала вовсе, а когда фрегатъ, уходя, опять повторилъ тотъ же салютъ, то съ крѣпости отвѣчали однимъ выстрѣломъ. Тогда ревельскій комендантъ Фандельдинъ обратился къ графу Апраксину за разъясненіемъ, какъ поступать въ такихъ случаяхъ, представляя что шведскій лозунгъ состоитъ изъ 2-хъ пушекъ, а русскій изъ 3-хъ. Тоже недоразумѣніе возникло и по приходѣ шведскаго фрегата въ Кронштадтъ. Изъ донесенія Сиверса въ коллегію видно, что комендантъ имѣлъ приказаніе отъ коллегіи военнымъ судамъ на два выстрѣла отвѣчать однимъ, а отъ князя Меншикова, чтобъ «когда шведскія военныя суда станутъ стрѣлять

---

[1]) Полн. Собран. зак. № 3819.

изъ 2-хъ пушекъ, то не отвѣтствовать». Коллегія не разрѣшила сомнѣнія, а только послала въ Ревель и Кронштадтъ подтвердительные указы, чтобы «въ салютахъ поступали по силѣ трактатовъ».

Между тѣмъ, черезъ посредство нашего резидента при датскомъ дворѣ, стали собирать свѣдѣнія о существующихъ по этому предмету постановленіяхъ между датчанами и шведами. Изъ этихъ свѣдѣній оказалось, что ни какихъ трактатовъ о салютѣ между Даніею и Швеціею не существуетъ, но что по обычаю датскія крѣпости отвѣчаютъ шведскимъ судамъ равнымъ числомъ выстрѣловъ и тоже соблюдаютъ шведскія крѣпости относительно датскихъ судовъ. Что же касается до кораблей находящихся въ морѣ, то и датскіе и шведскіе «имѣютъ указъ единъ другаго черезъ бой принуждать напервѣе сальвировать». Наконецъ, именнымъ указомъ 1723 года мая 20 повелѣно «салютаціи между россійскими и свейскими кораблями и лозунги имѣть: противъ свѣйскихъ 2-хъ выстрѣловъ отвѣтствовать изъ одной, противъ 4-хъ,—изъ 3-хъ пушекъ, и что выше будетъ, то всегда отвѣтствовать противъ ихъ одною пушкою ниже» [1]).

Судопроизводство и примѣненіе морскихъ уголовныхъ законовъ.

Уложеніемъ о наказаніяхъ, налагавшихся за проступки и преступленія чиновъ морскаго вѣдомства, служили перечисленные нами законы, въ которыхъ, за нарушеніе установленныхъ порядковъ и за неисполненіе обязанностей, опредѣлялись извѣстныя наказанія. Этимъ уголовнымъ характеромъ отличались не только «Инструкціи и артикулы» и «Уставъ морской», но также и большинство «инструкцій», «наказовъ» и «памятей», даваемыхъ по разнымъ частнымъ случаямъ, въ особенности въ первые годы существованія нашего флота. Для примѣра приведемъ заключеніе «памяти», данной въ 1705 году олонецкимъ бурмистрамъ о покупкѣ въ уѣздѣ холстовъ: «А буде тѣхъ холстовъ въ покупкѣ у васъ вышеписаннаго числа не будетъ, а затѣмъ корабельному отпуску учинится остановка, и за то вамъ учинено будетъ жестокое наказаніе и быть на каторгѣ въ вѣчной работѣ, а дворы ваши и животы взяты будутъ на Великаго Государя безповоротно» [2]).

При неполнотѣ законовъ, до изданія «Устава», въ нашей мор-

---

1) Матеріалы. Отд. XI, №№ 17 и 18.

2) Гл. морск. арх. (Воинск. морск. прик.

ской судебной практикѣ не рѣдко приходилось прибѣгать къ помощи иностранныхъ, и преимущественно голландскихъ морскихъ законовъ; послѣ же изданія Устава, только въ немногихъ случаяхъ встрѣчаются присужденія къ наказаніямъ, основанныя на статьяхъ сухопутныхъ артикуловъ и даже Соборнаго Уложенія (1649 года) царя Алексѣя Михайловича. Изъ нѣкоторыхъ военно-судныхъ дѣлъ видно, что судьи—морскіе офицеры изъ иностранцевъ—не столько держались статей закона, сколько взглядовъ, усвоенныхъ ими на службѣ въ другихъ флотахъ и, вообще, между всѣми служащими, сила обычая была такъ велика, что даже при существованіи Устава присуждалось иногда такое наказаніе, котораго въ законѣ не было; такъ напримѣръ въ 1722 году проволакивали подъ килемъ, хотя въ Уставѣ этого наказанія не полагалось. Для лучшаго ознакомленія съ характеромъ и порядками нашего морскаго судопроизводства, приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ, относящихся къ разнымъ годамъ и разнороднымъ преступленіямъ, совершеннымъ лицами находившимися въ различныхъ чинахъ и положеніяхъ. Первое примѣненіе артикульныхъ статей Крюйса встрѣчается въ 1702 году въ распоряженіяхъ адмиралтейца Апраксина. Во время пребыванія его въ Азовѣ, на одномъ изъ кораблей матросъ-иноземецъ въ ссорѣ ранилъ ножемъ русскаго плотника. По представленіи Апраксину «розыска» по этому дѣлу, имъ постановлено было слѣдующее: «если тотъ плотникъ умретъ,—учинить тому матросу казнь (по 40 ст.); однакожъ, для иноземчества, и для того что учинилъ безъ хитрости, отъ того его учинить свободна, а учинить ему указъ противъ морскаго артикула: бивъ, бросить съ райны (ст. 36), и прибить руку ножемъ къ мачтѣ (ст. 37), и отдать на каторгу, а если будетъ живъ, учинить только отъ каторги свободна» [1]). Изъ переписки по этому же дѣлу видно, что въ уголовныхъ дѣлахъ иностранцы судились по «нѣмецкому артикулу», а русскіе — по русскимъ законамъ. «А буде,—писалъ Апраксинъ капитану Бекгаму, — расправы имъ (иностранцамъ) отъ васъ не будетъ, велю всѣхъ судить русскимъ судомъ» [2]).

---

[1]) Ссылки на каторгу по «статьямъ» Крюйса не полагалось, и она заимствована нами изъ венеціанскаго законодательства.

[2]) Елагинъ. Азовскій періодъ, стр. 175 и 299.

Въ 1705 году, во время стоянки флота подъ начальствомъ Крюйса у Котлина, командиръ шнявы *Мункеръ*, поручикъ Гельма, отданъ былъ подъ судъ за самовольные поступки и ослушаніе Крюйса. Судъ состоялъ изъ шаутбенахта Боциса и 14 капитановъ, которыми были высказаны слѣдующія мнѣнія: Сиверсъ полагалъ уволить Гельма отъ службы и взять штрафу 30 рублей; прочіе 12 членовъ присудили виновнаго къ денежному штрафу, въ размѣрѣ отъ 1 до 4-хъ мѣсяцевъ жалованья; а капитанъ Симсонъ полагалъ, что Гельма не заслуживаетъ никакого наказанія. При этомъ, только одинъ изъ членовъ приводитъ въ основаніе своего мнѣнія 9-й артикулъ, судя по которому можно заключить, что судъ руководствовался «статьями» Крюйса. Дѣло Гельма послужило поводомъ къ одному общему узаконенію. До рѣшенія суда, Крюйсъ арестовалъ Гельма и отрѣшилъ его отъ командованія шнявою, но этотъ поступокъ вице-адмирала не былъ одобренъ государемъ, который на докладѣ собственноручно написалъ: «кромѣ измѣны и великихъ прегрѣшеній, у офицеровъ шпагъ отнимать и тѣмъ великимъ безчестьемъ ихъ наказывать до вершенія суда не надлежитъ» [1]). Окончательный приговоръ по дѣлу Гельма, къ сожалѣнію, не отысканъ.

Въ 1709 г. въ Азовѣ, на кораблѣ *Соединеніе*, происходилъ военный судъ надъ капитанами Ботомъ и Нанингомъ и капитанъ-поручикомъ Агманомъ. Первый обвинялся «во взятіи Царскаго Величества припасовъ: троса 40 саж., да бичевыхъ, да кадку смолы, да липю, стеклиню, марлиню и нитокъ голландскихъ, гвоздей, парусного полотна, желѣза, красокъ, напарей, буравовъ, сѣраго сукна, стали, веселъ ботовыхъ, да послѣ бѣглаго матроса жалованья 1 р. 16 алт. 4 деньги». По 13-й статьѣ печатныхъ «морскихъ артикуловъ» [2]), судъ приговорилъ Бота къ вычету двухъ-мѣсячнаго жалованья, и приговоръ этотъ утвержденъ государемъ. Нанингъ обвинялся «во взятьи Царскаго Величества припасовъ, что онъ имѣлъ

---

[1]) Каб. Одѣл. тд. II, № 4, л. 807—819. Моск. арх. М. И. Д. (Прик. дѣл. стар. лѣтъ, 1700 г., св. 2. Переп. на иностр. язык., 1705 г., № 16, св. 19 и 1706 г., № 18, св. 23).

[2]) Печатныя «Инструкціи и артикулы» были обнародованы въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1710 года, а судъ происходилъ въ маѣ 1709 года, но въ приговорѣ именно сказано: «По артикулу морскаго флота, въ третьей на десять статьѣ *напечатано*».

безъ указа и сжегъ въ дровахъ 16 чегенинъ [1]), 3 райны, 45 веселъ корабельныхъ старыхъ, одного бота стараго жъ, да для ковки коляски желѣза и двухъ липовыхъ бревенъ». Судъ, на основаніи 13-й статьи, тѣхъ же морскихъ артикуловъ, приговорилъ Напинга къ вычету мѣсячнаго жалованья; но государь на приговорѣ положилъ слѣдующую резолюцію: «Понеже дерзнулъ портить аммуницію корабельную, того ради не на одинъ, а на три мѣсяца вычесть». Капитанъ-поручикъ Агманъ обвинялся «во взятьи и въ продажѣ Царскаго Величества припасовъ», въ числѣ которыхъ, между прочимъ, находилось 20 фунтовъ пороху, 10 фунтовъ свинцу, 1 шпага, 1 сабля. Судъ примѣнилъ къ этому дѣлу двѣ статьи морскихъ артикуловъ: 14-ю, по которой за продажу пороха и воинской аммуниціи Напингъ подлежалъ смертной казни—повѣшенію, и 60-ю, по которой за продажу оружія присуждался «къ потерянію всего жалованья и, сверхъ того, чего оное (взятое) стоитъ». Государь опредѣлилъ: «сказать смерть, и положить петлю, а потомъ свободить отъ смерти и послать въ каторгу» [2]).

Примѣромъ примѣненія къ одному лицу нѣсколькихъ наказаній можетъ служить слѣдующее опредѣленіе кригсрехта, собраннаго въ домѣ вице-адмирала Крюйса 3 февраля 1710 года: «разсмотря по дѣлу осудили боцмана Андрея Отвенкеля, вначалѣ, чтобъ ему просить при честномъ кригсрехтѣ прощенія у поручика, котораго онъ бранилъ; второе, бить его канатомъ двумястами удары, третье, заплатить въ казну Ц. В. сто рублевъ; четвертое, быть съ сего 1710 года февраля 1 числа 4 года матросомъ и брать матросское жалованье» [3]).

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1710 года собранъ былъ, подъ предсѣдательствомъ Крюйса, военный судъ на кораблѣ *Олифантъ*, стоявшемъ на якорѣ у Кроншлота. Преступленіе, подлежавшее суду, выходило изъ ряда обыкновенныхъ: судился капитанъ-поручикъ Крусъ за оставленіе, въ виду шведскаго флота, судовъ и команды, сдѣлавшихся добычею непріятеля. Судъ, выслушавъ допросъ, «учиненный отъ господъ капитановъ Валронта и Вилимовскаго о зломъ пренебреже-

---

[1]) Чегенина — свая, бревно.

[2]) Каб. дѣл. Отд. II, № 10, л. 664—6.

[3]) Гл. морск. арх. (Дѣл. виц. адм. Крюйса. 1710 г. № 7).

нія должности, учиненномъ отъ капитанъ-поручика Круса, который весьма противу указа Его Царскаго Величества ему ввѣренный гальотъ, съ иными при себѣ имѣющими суды, такожде и 50 человѣкъ въ непріятельскія руки вдалъ», опредѣлилъ: «что онъ, Крусъ, имѣетъ на мѣсто суда приведенъ и тамо его шпага отъ палача на колѣнѣ переломлена и онъ, проступившійся, потомъ, яко шельмъ и бездѣльникъ, изъ Его Царскаго Величества службы, государства и земель выгнанъ быть». Судившійся въ то же время боцманматъ Герритъ Янсенъ, за ослушаніе приказу капитанъ-поручика Круса, имѣвшее слѣдствіемъ потерю гальота и судовъ, приговоренъ «чтобъ онъ трижды подъ корабль проволоченъ, потомъ 400 ударовъ канатомъ получилъ и послѣ того, яко шельмъ, изъ службы, государства и земель Его Царскаго Величества выгнанъ былъ». Въ этомъ приговорѣ, какъ и во многихъ другихъ, нѣтъ указанія, какимъ постановленіемъ руководствовался судъ. Въ «Инструкціяхъ и артикулахъ» не предусмотрѣнъ случай отдачи судна непріятелю и вовсе нѣтъ наказанія шельмованіемъ и изгнаніемъ изъ государства.

Изъ немногихъ сохранившихся документовъ о судномъ дѣлѣ Круса видна форма тогдашняго судопроизводства: сначала особою коммисіею произведенъ былъ допросъ, слѣдствіе, или по тогдашнему, «фергеръ», а потомъ уже происходилъ военный судъ или «кригсрехтъ», приговоръ котораго представлялся на утвержденіе государя [1]). Хотя по дѣлу Круса и Янсена конфирмаціи не сохранилось, но изъ слѣдующаго письма, писаннаго государемъ къ Крюйсу до рѣшенія суда, видно царское мнѣніе объ этомъ дѣлѣ: «О капитанѣ-поручикѣ Крусѣ и о прочихъ, которые потеряли три судна съ людьми безъ всякой причины, извольте розыскать накрѣпко (ибо онъ то учинилъ своею глупостію и къ непріятелю самъ въ руки въѣхалъ, отъ чего людей и суда потерялъ); а ежели сіи легко будутъ суждены, то добрымъ офицерамъ нельзя будетъ служить въ нашемъ флотѣ, также и впредь будетъ повадка такимъ, что и больше того будутъ терять» [2]).

Въ 1714 году производилось судное дѣло, замѣчательное какъ

---

[1]) Изъ другихъ дѣлъ видно, что иногда приговоры конфирмовалъ Апраксинъ.

[2]) Каб. дѣл. Отд. II, № 11, лл. 218, 265—6. Ковч. адмиралт. совѣта.

по важности преступленія, такъ и по служебному положенію лицъ привлеченныхъ къ отвѣтственности. Судились вице-адмиралъ Крюйсъ и три командира, въ потеряніи корабля и упущеніи непріятельскихъ судовъ. Объ обстоятельствахъ, подавшихъ поводъ къ суду и о результатахъ его было упомянуто прежде (стр. 232—237); самое же производство процесса показываетъ, что, за неимѣніемъ подходящихъ къ дѣлу, русскихъ законоположеній, судъ руководствовался иностранными законами и произнесъ свой приговоръ «по изобрѣтеніи самой правды, противъ артикуловъ голландскихъ правъ», т. е. по ордеру принца Оранскаго.

Въ 1717 году, во время пребыванія флота въ Ревелѣ, тамъ произведено было нѣсколько судныхъ дѣлъ; такъ напримѣръ, судъ, подъ предсѣдательствомъ Шельтинга, приговорилъ констапельскаго ученика Ивана Ушакова, за подпись подъ чужую руку найденныхъ у него паспортовъ, на три года на каторгу. Апраксинъ же, на утвержденіе котораго поступилъ этотъ приговоръ, прибавилъ еще наказаніе: «бить у мачты сто ударовъ». Тимерманъ Питерсенъ и боцманматъ Янсенъ, также по приговору, утвержденному Апраксинымъ, за трехдневную отлучку съ корабля, по 12, 24 и 31-й статьямъ «Инструкцій и артикуловъ», приговорены: «подъ корабль подтаскивать по три раза и бить у мачты по 200 разъ (ударовъ) канатомъ». Капитанъ Яковъ Рамъ, командиръ корабля *Рандольфъ*, судился за то, что бывши въ крейсерствѣ у Рогервика, задержалъ любскую шкуту, нехотѣвшую отдать должную честь русскому флагу, и шхипера ея наказалъ кошками. Судъ обвинилъ Рама по 86-й ст. датскаго артикула и приговорилъ: уплатить потерпѣвшему шхиперу 100 рублей, да въ госпиталь 50 рублей.

Ростовскаго полка солдатъ, сужденный на кораблѣ *Варахаилъ* и признанный виновнымъ въ пренебреженіи 135 и 153 статей сухопутныхъ Его Величества артикуловъ и 7 статьи морскихъ артикуловъ, приговоренъ «къ купанію трижды съ райны и къ жестокому наказанію кошкою». Бомбардирской роты поручикъ Языковъ, за своевольное наказаніе батогами невиновнаго и неподчиненнаго ему писаря корабельной команды, приговоренъ «къ уплатѣ писарю за безчестье и увѣчье его, по его окладу, и до указа Его Царскаго Величества понизить чиномъ и взять за сидѣнье кригсрехта два мѣсяца изъ его жалованья». Непосредственному же на-

чальнику писаря, поручику Фламингу, въ присутствіи котораго происходило наказаніе, «за то, что онъ не умѣлъ стать за своего подчиненнаго», опредѣлено «причесть въ глупость и лишить офицерской чести». Приговоръ этотъ, какъ и большая часть другихъ, постановленъ безъ указанія статей закона

Въ томъ же 1717 году судились капитанъ Фангентъ и командиры и офицеры судовъ его отряда за то, что не взяли, или не сожгли, шведскаго капера, который будучи настигнутъ и даже зажженъ гребными судами отряда, успѣлъ спастись и уйти (стр. 300). Судъ, подъ предсѣдательствомъ Апраксина, состоявшій изъ членовъ Паддона, Шельтинга, Сиверса, Фангофта, Рю и Гослера, единогласно, за исключеніемъ презуса, приговорилъ: Фангента «быть наказаннымъ словесными наказаніями отъ генералъ—адмирала»; капитанъ-поручика Дуссена и поручика Эдвардса «отставить отъ службы за негодностію», подпоручика Арсеньева и поручика Шлоца «къ наказанію словесному отъ генералъ-адмирала». Апраксинъ подписалъ приговоръ со слѣдующею оговоркою: «по множеству голосовъ противиться не могу, при которыхъ голосахъ прилагаю мою сентенцію». Въ этой сентенціи изложивъ свой взглядъ на степень виновности причастныхъ къ дѣлу лицъ, Апраксинъ опредѣлилъ имъ слѣдующія наказанія: Фангента написать въ младшіе капитаны до выслуги; Дуссена слѣдовало бы «выбить изъ службы, однакожъ за оскудѣніемъ офицеровъ во флотѣ, сіе оставить и написать въ поручики до выслуги»; Эдвардса «выбить изъ службы за негоднаго, для показанья другимъ, дабы всякій исполнялъ свою должность и не престерегалъ какъ артикуловъ, такъ и генеральныхъ сигналовъ». Арсеньева и Шлоца адмиралъ нашелъ невиноватыми. На приговорѣ Апраксинъ подписался «адмираломъ», а на сентенціи, которая была и конфирмаціею, «генералъ—адмираломъ» [1]).

По учрежденіи адмиралтействъ-коллегіи, судебные приговоры конфирмовались ею, и только въ особенно важныхъ случаяхъ представлялись на утвержденіе государя.

Въ 1723 году встрѣчается любопытное дѣло по суду за неисполненіе регламента. 2 апрѣля въ протоколѣ адмиралтействъ-коллегіи записано: «Его Императорское Величество изволилъ въ кол-

[1]) Гл. морск. арх. (Дѣл. графа Апраксина № 155).

легію прибыть и привелъ съ собою капитана Клавера и изволилъ коллегіи объявить, что учиненъ регламентъ и сколько за нимъ труда было, однако по оному ничего не исполняютъ, и сего числа усмотрѣлъ Его Величество, что тянутъ яхту изъ воды на берегъ людьми безъ такилей (талей) и шпилей, а при той работѣ людей 100 человѣкъ, а можно-де оную вытянуть и 20-ю человѣками. И потомъ Его Величество изустно указалъ съ помянутаго капитана и комендера де Ланга, которые при той работѣ были, снять шпаги и въ вышеписанномъ преступленіи судить. А гвардіи капитанъ-лейтенанту Козлову (прокурору коллегіи) изволилъ сказать, что за несмотрѣніе твое, перво пошлю *тебя* на каторгу, а потомъ *этихъ господъ;* изволь флагманамъ присутствующимъ въ адмиралтействъ-коллегіи объявить: впредь къ вамъ приду съ желѣзами и отошлю къ Антону (Девьеру) въ работу».

Назначенная по этому дѣлу судная коммисія, подъ предсѣдательствомъ капитанъ-командора Синявина, 4 апрѣля постановила: «по несостоятельности оправданій [1]), не принимать таковыхъ въ уваженіе и за неисполнніе регламента виновныхъ казнить смертію». Приговоръ этотъ представленъ былъ на утвержденіе государя, который приказалъ: «Клавера и де Ланга обратить на службу, а впредь, за неисправность въ должности понижать чинами» [2]).

Вотъ нѣсколько приведенныхъ въ исполненіе приговоровъ и постановленій адмиралтействъ-коллегіи по судебнымъ дѣламъ:

1720 года.

По дѣлу кражи въ адмиралтействѣ, три главныхъ виновника Петровъ-Соловой, школьники Федоровъ и Лисицынъ казнены смертію, а двоимъ, Ближевскому и Шестакову, опредѣлено бросить жребій кому вынется смерть, кому каторга. По брошенному три раза жребію смертная казнь досталась Ближевскому, а Шестакову каторга.

1722 года.

За побѣгъ и за кражу свинца съ казенныхъ Его Величества

---

[1]) Что по тѣснотѣ сараевъ нельзя было дѣйствовать шпилями и что подсудимые не понимаютъ регламента написаннаго по русски.

[2]) Гл. морск. арх. Слѣдственное дѣло и именной указъ 16 мая 1723 года.

судовъ, матросъ Пастуховъ повѣшенъ. За побѣгъ и за разбой, за 2 смертныя убійства, и за намѣреніе разбить (?), солдатъ Штубаевъ колесованъ.

За побѣгъ, да за 6 татебъ и за сказыванье ложно за собою государева слова, матросъ Украинцовъ повѣшенъ.

За побѣгъ и за кражу по улицамъ куръ, разъ съ 30 и больше, и за мошенничество и за ложное сказыванье государева слова, матросу Яковлеву отсѣчена голова.

За три побѣга и за сказыванье государева слова ложно, матросъ Крыловъ битъ кнутомъ и отосланъ на каторгу вѣчно.

За отпускъ на разбой матросовъ (8 человѣкъ), отъ котораго учинилась смерть крестьянина, и за пріемъ съ того разбоя пожитковъ, боцманъ Скурихинъ казненъ смертію—колесованъ, а изъ матросовъ два съ жребія повѣшены, а остальные, по наказаніи кнутомъ и вырѣзаніи ноздрей, сосланы въ каторжную работу.

За пьянство и драку, гардемаринъ Игошкинъ, матросы Юматовъ и Кольцовъ биты кошками.

За драку и за убійство безъ умысла матросъ Коптевъ таскаnъ подъ корабль и битъ кошками.

1723 года.

Лейтенанта Берлогера за кражу изъ астраханскаго адмиралтейства лѣсовъ, бочекъ, лубья, желѣзныхъ припасовъ, бывшихъ подъ его вѣдѣніемъ, адмиралтействъ-коллегія приговорила отъ смерти учинить свободна, а написать и опредѣлить въ астраханскій портъ въ 1-ю статью въ матросы на вѣчно; имѣніе отобрать и продавъ съ торгу, деньги возвратить въ казну.

Якорному десятнику и кузнецу, за клейменіе якорей безъ пробы, положено объявить смерть и взвесть на висилицу, но не казнить, а по наказаніи кнутомъ послать въ астраханское адмиралтейство въ работу на 5 лѣтъ, въ которой быть имъ всегда скованными.

1724 года.

Мичмана Радилова за потеряніе эверса въ Каспійскомъ морѣ, ѣдучи въ Зинзилямъ, за оставленіе флага и команды и арестанта,

который бѣжалъ къ непріятелю и далъ знать, отъ чего эверсу разграбленіе, а людямъ плѣнъ учинился, коллегія присудила лишить чина и написать въ профосы и бить кнутомъ и, вырѣзавъ ноздри, сослать въ каторжную работу вѣчно. Резолюціею государя наказаніе ограничено ссылкою въ каторжную работу.

Изъ приведенныхъ здѣсь примѣровъ и, вообще, изъ судныхъ дѣлъ сохранившихся въ архивахъ, видно, что производство дѣла раздѣлялось на двѣ части: на «фергеръ»—допросъ или слѣдствіе, и «кригсрехтъ» или военный судъ. Иногда, то и другое производилось разными лицами, а большею частію одними и тѣми же. Въ случаѣ не сознанія подсудимаго, допросы дѣлались «съ пристрастіемъ», при чемъ употреблялись обычныя тогда пытки: подниманіе на дыбу, встряски и проч., для производства которыхъ въ одномъ изъ адмиралтейскихъ бастіоновъ существовалъ застѣнокъ, устроенный въ 1720 году.

Какъ слѣдственныя, такъ и судебныя коммисіи не были постоянными, а назначались для каждаго дѣла, или для нѣсколькихъ дѣлъ, при чемъ выборъ презуса и членовъ сообразовался со степенью важности дѣла и чиномъ подсудимаго. По морскому Уставу веденіе «судейскаго протокола» отнесено къ должности корабельнаго секретаря. Въ 1723 году въ портовыя судебныя коммисіи государь приказалъ опредѣлять оберъ-аудитора, подканцеляриста и двухъ копіистовъ; члены же коммисіи продолжали оставаться перемѣнными.

Мѣстомъ собранія кригсрехта лѣтомъ обыкновенно былъ стоявшій на рейдѣ корабль, на флагштокѣ котораго, во время засѣданія суда поднимался красный флагъ и гюйсъ [1]), зимою же постояннаго помѣщенія для суда не было и случалось даже что кригсрехтъ собирался въ частномъ домѣ. На вознагражденіе суда или «за сидѣніе кригсрехта» съ обвиненныхъ взыскивались деньги изъ ихъ жалованья, а съ приговоренныхъ къ ссылкѣ или къ смерти — отъ продажи конфискованнаго у нихъ имущества.

Въ тѣхъ случаяхъ когда обвиненный, подвергавшійся пыткѣ, оказывался невиннымъ или былъ прощенъ государемъ, то въ удостовѣреніе невинности такого лица, или для снятія безчестія, ему

---

[1]) Морск. журналы стр. 13.

выдавалось письменное свидѣтельство и на него возлагался флагъ, «и тако чрезъ сіе паки за честнаго причтенъ, и всѣмъ запрещается онаго тѣмъ попрекать» [1]). Въ 1724 году прикрытіе флагомъ распространено и на преступниковъ, которые биты кнутомъ и выжили въ работѣ урочные годы.

[1]) Уставъ морской, книга V, глава 20, арт. 142.

ГЛАВА XVII.

УЧЕБНАЯ ЧАСТЬ И ГИДРОГРАФІЯ.

Обученіе и жизнь русскихъ за границею (1697—1714 г.).—Посылка за границу женъ навигаторовъ.—Возвращеніе навигаторовъ въ Россію. — Занятія и жизнь гардемаринъ за границею (1716—20 г.).—Экзамены окончившихъ ученье. — Учрежденіе въ Москвѣ навигацкой школы (1701 г.).—Преподаваніе въ школѣ и управленіе ею.—Содержаніе и численность учениковъ.—Содержаніе школы.—Надзоръ за учениками и наказанія.—Польза принесенная школою.—Основаніе морской академіи (1715 г.).—Предметы преподаванія.—Помѣщеніе академіи.—Директоры и учителя академіи.—Система преподаванія наукъ.—Суммы отпускаемыя на содержаніе академіи.—Порядки существовавшіе въ академіи.—Значеніе академіи.—Геодезисты.—Московская школа (1715—1725 г.).—Адмиралтейскія школы.—Морскія книги.—Морскія карты.—Провѣдываніе земель на востокѣ Сибири.—Экспедиція Беринга.

Обученіе русскихъ за границею. (1697—1714 г.).

Вначалѣ, по необходимости, приглашая на службу иностранцевъ, Петръ съ самыхъ первыхъ годовъ существованія флота съ особенною заботливостію старался объ обученіи своихъ подданныхъ дома и за границею. Первые русскіе поѣхавшіе въ чужія края, для изученія морскихъ наукъ, были 30 волонтеровъ, въ числѣ которыхъ находился самъ царь, 69 стольниковъ и при нихъ столько же солдатъ (стр. 105 — 6). За тѣмъ, какъ азовскій флотъ не представлялъ возможности молодымъ новобранцамъ практически ознакомиться съ морскимъ дѣломъ, то государь, для обученія русскихъ моряковъ, рѣшился обратиться къ помощи двухъ лучшихъ флотовъ: англійскаго и голландскаго и предложилъ правительствамъ обѣихъ державъ принять на службу, на ихъ корабли, отъ двухъ до четырехъ тысячъ нашихъ матросовъ. Получивъ отказъ, царь въ 1703 году, черезъ Крюйса повторилъ свое предложеніе уже одной Голландіи, ходатайствуя о пріемѣ хотя тысячи нашихъ матросовъ. Голландцы согласились принять только 100 человѣкъ, съ тѣмъ

условіемъ, чтобы взамѣнъ ихъ и государь позволилъ прислать на службу въ Архангельскъ 60 голландскихъ матросовъ. Но еще прежде этого, въ 1702 году, при отправленіи Крюйса въ Голландію, съ нимъ было послано 150 нашихъ матросовъ, изъ которыхъ 100 размѣщены на голландскія суда, а 25 отданы по деревнямъ въ школы, съ годовою платою по 100 гульденовъ съ человѣка [1]).

Слѣдующія посылки, для ученія за границу молодыхъ людей разныхъ сословій, начались въ 1706 году, и въ періодъ времени до 1714 года число отправленныхъ въ чужіе края простиралось до 190 человѣкъ [2]), изъ которыхъ три четверти было учениковъ навигацкой школы, а остальные — дѣти знатныхъ особъ. Дѣти не дворянскіе «простыхъ породъ», смотря по степени своихъ научныхъ свѣдѣній и способностей, готовились за границею къ разнымъ морскимъ должностямъ, начиная отъ матроса или мастероваго до штурмана и морскаго офицера; дѣти же дворянскихъ и знатныхъ семействъ назначались преимущественно для морской службы и готовились въ морскіе офицеры. Въ числѣ послѣднихъ были представители почти всѣхъ болѣе значительныхъ въ то время фамилій: князья Долгорукіе, Голицыны, Лобановы-Ростовскіе, Прозоровскіе, Гагарины, Троекуровы, Хованскіе и др. Лопухины, Нарышкины, Милославскіе, Апраксины, Шереметевы, Дмитріевы-Мамоновы и проч.

Всѣ обучавшіеся за границею собственно морскому дѣлу назывались обыкновенно «навигаторами». Надзоръ за ними сначала поручался русскимъ агентамъ выбираемымъ изъ мѣстныхъ жителей; агенты эти, въ случаѣ нужды, обращались къ нашимъ посланникамъ. Впослѣдствіи (въ 1708 году), для надзора за навигаторами и для пріисканія имъ практики на иностранныхъ корабляхъ, отправленъ былъ въ Амстердамъ ямскаго приказа стольникъ князь Иванъ Борисовичъ Львовъ, которому назначено жалованье по 1000 ефимковъ въ годъ. При немъ состояли попъ и переводчикъ, съ жалованьемъ по 120 ефимковъ каждый. Это послѣднее содержаніе было до того недостаточно, что, по словамъ Львова, «на него и ла-

---

[1]) Елагинъ. Истор. русск. флота. Періодъ азовск. стр. 203—4.

[2]) Гл. морск. арх. (Дѣл. гр. Апраксина №№ 75, 106, 246. Адмир. канц. 1713 г. № 7).

кея продержать трудно». Навигаторы лѣтомъ должны были плавать на корабляхъ, а зимою, если возвращались на берегъ,—учиться навигаціи [1]).

Богатые люди и вообще дворяне, которые сами или ихъ родители имѣли до ста крестьянскихъ дворовъ, содержались на свой собственный счетъ; дворяне же имѣющіе менѣе ста дворовъ, царедворцы, мелкопомѣстные и безпомѣстные, получали отъ казны годоваго жалованья по 200 ефимковъ, а иные по 200 рублей. Въ число суммъ, расходуемыхъ на этотъ предметъ, поступали деньги, собираемыя въ адмиралтейской канцеляріи съ лицъ знатныхъ фамилій, взамѣнъ службы и посылки за море. Плата съ нихъ была различная: 400 р. (капитанскіе оклады), 300 р. (комендерскіе оклады), 200 р. (поруческіе оклады). Въ спискѣ плательщиковъ встрѣчаются Голицыны, Долгорукіе, Одоевскіе, Волконскіе, Милославскіе, Салтыковы и пр. [2]). Конечно, подобные откупы не могли нравиться государю; но они допускались имъ по недостатку денегъ, какъ экономическая мѣра, благодаря которой и самое уклоненіе отъ ученья обращалось въ средство для его поддержанія.

Какъ противоположность лицамъ откупавшимся отъ заграничнаго ученья находились и такіе молодые люди, которые сами вызывались служить на иностранныхъ флотахъ. Первымъ изъ такихъ охотниковъ былъ Кононъ Зотовъ, сынъ Никиты Моисѣевича, бывшаго учителемъ царя, и пожалованнаго впослѣдствіи титуломъ «князя папы». Зотовъ поѣхалъ за границу въ 1706 году и черезъ годъ просилъ у отца позволенія служить въ Англіи на корабляхъ. Въ отвѣтъ на эту просьбу отецъ отвѣчалъ ему: «Письмо изволилъ великій государь вычесть (прочитать) и со премногою милостію тебя похвалить и за перваго охотника на тѣ его государскія любимыя дѣла вмѣнить и десницею своею то письмо благословить и про твое, недостойное такія превысокія монаршескія милости, здоровьишко пить кубокъ венгерскаго, а потомъ изволилъ къ тебѣ съ великою милостію писать своею государскою собственною десницею» [3]). Кромѣ Зотова, изъ поѣхавшихъ за море «своею охотою» извѣстенъ еще Яковъ Баршъ.

---

[1]) Матеріалы. Отд. II, №№ 25 и 53.

[2]) Матеріалы. Отд. II. №№ 32, 84.

[3]) Берхъ. Жизнеопис. Росс. адмираловъ, II стр. 236.

Большинство богатыхъ молодыхъ людей, попавшихъ изъ патріархально-строгой семейной опеки и незатѣйливой русской обстановки въ шумную общественную жизнь большихъ европейскихъ городовъ, и особенно Франціи временъ регентства, разумѣется бросались очертя голову на всѣ новыя для нихъ наслажденія: вели разсѣянную, свѣтскую жизнь, помѣщались въ роскошныхъ квартирахъ; нѣкоторые (какъ напр. графъ Апраксинъ, родной племянникъ Ѳедора Матвѣевича) держали открытые столы и, разумѣется, не останавливались и передъ другими болѣе дорогими удовольствіями. Прямымъ слѣдствіемъ такой жизни было отправленіе къ роднымъ въ Россію векселей на большія суммы и жалобы родныхъ на окончательное разореніе отъ подобныхъ «презентовъ». Напротивъ, молодые люди, не имѣвшіе своихъ собственныхъ средствъ, терпѣли страшные недостатки отъ неисправнаго полученія жалованья, которое не высылалось иногда впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Такіе ученики нуждались даже въ скромной одеждѣ и пропитаніи. Необходимость заставляла и ихъ дѣлать займы, а неуплата долговъ вела въ тюрьму, изъ которой выкупать приходилось на казенныя деньги. Расходы на подобные выкупы до того превышали самый долгъ, что иногда для освобожденія посаженнаго за неуплату 12 фунтовъ стерлинговъ надо было платить 100 фунтовъ. Львовъ, прося денегъ на уплату долговъ сдѣланныхъ навигаторами, пишетъ объ Англіи: «А если ихъ (долговъ) не платить, того и мыслить нельзя, не такое здѣсь государство; не токмо кого, но никому въ свѣтѣ не спускаютъ, что хотятъ, то и учинятъ,—прямые британы».

Осаждаемый навигаторами требующими жалованья и, между тѣмъ, не получая ни денегъ ни разрѣшенія объ отправленіи въ Россію даже окончившихъ ученье, Львовъ приходилъ въ отчаяніе. «Буди воля Божія, писалъ онъ въ 1712 году, ничего не размышляя, весною, все оставя, побреду къ великому государю нашему просить милости слезно, что онъ укажетъ. Больше того отъ бѣдъ моихъ не вздумалъ». Въ слѣдующемъ, 1713 году, жалобы его принимаютъ совершенно безнадежный тонъ: «истинно ей-ей, писалъ онъ, сокрушился и въ меланхоліи и въ безпамятствѣ пребываю, ожидая смерти». И дѣйствительно положеніе его было не легкое: совершенно обнищавшіе навигаторы требовали отъ него помощи, а изъ Россіи даже не отвѣчали на его самыя настоятельныя требова-

нія. Между тѣмъ. кромѣ выкупа изъ долговыхъ тюремъ, были и другія болѣе серьезныя задачи; какъ напр. одинъ изъ навигаторовъ «вышибъ глазъ англичанину», и потерпѣвшій не хотѣлъ брать менѣе 500 фунтовъ, а это составляло тогда огромную сумму 2000 рублей.

Но такія дѣянія навигаторовъ, какъ и безобразная разгульная жизнь, были хотя не рѣдкими, но все таки исключеніями; большинство же, по мѣрѣ возможности, училось и готовящіеся въ морскіе офицеры пріобрѣтали хорошую практику на судахъ иностранныхъ флотовъ. Сначала наши навигаторы плавали на датскихъ, голландскихъ и англійскихъ корабляхъ, а впослѣдствіи, когда политическія отношенія сблизили насъ съ Франціею, ходили и на французскихъ. Эти плаванія совершались болѣе въ Нѣмецкомъ и Средиземномъ моряхъ, но инымъ изъ учащихся случалось приходить въ Бѣлое море и даже побывать въ Остъ и Вестъ Индіи [1]).

Изъ посланныхъ за море въ 1708 году, Мясной и Травинъ имѣли уже (въ 1711 г.) на датскомъ флотѣ чины поручиковъ, а князь Андрей Хованскій — капитанъ-лейтенанта; они всѣ трое участвовали въ сраженіи датскаго флота со шведскимъ, и представленные государю въ Грибсвальдѣ, были имъ милостиво приняты [2]).

Такая обширная морская практика была весьма плодотворна по своимъ результатамъ: изъ бывшихъ за моремъ школьниковъ вышло нѣсколько хорошихъ морскихъ офицеровъ, а одинъ (Денисъ Калмыковъ) дослужился даже до чина контръ-адмирала. Изъ числа 48 дѣтей знатныхъ особъ, по дальнѣйшей своей службѣ, оказались особенно замѣчательными: графъ Николай Ѳедоровичъ Головинъ и Александръ Львовичъ Нарышкинъ. Изъ волонтеровъ впослѣдствіи сдѣлались болѣе извѣстными К. Н. Зотовъ и Баршъ. Зотовъ, возвратившійся въ Россію въ 1713 году, отличался своими свѣдѣніями и честною полезною дѣятельностью; онъ скончался на службѣ въ чинѣ контръ-адмирала; Баршъ былъ хорошимъ морскимъ офицеромъ и дослужился до чина адмирала.

Въ числѣ учившихся за границею навигаторовъ встрѣчаются еще двѣ своеобразныя личности: Луневскій и Мичуринъ, которые не принадлежали къ шаловливой молодежи, но, при своемъ скромномъ

---

[1]) Матеріалы. Отд. II. №№ 48, 54, 56 и 71.

[2]) Матеріалы. Отд. II. №№ 65 и 127.

поведеніи и усердныхъ занятіяхъ, оказались безполезными для своего отечества. Находясь съ 1701 года за границею, они въ іюлѣ 1708 года обратились къ государю съ слѣдующимъ письмомъ, которое приводимъ вполнѣ, какъ рѣдкій образецъ прошенія, выраженнаго въ изящной, для того времени, формѣ и написаннаго съ нѣкоторымъ сохраненіемъ собственнаго достоинства, что отличаетъ его отъ обычныхъ «слезныхъ» прошеній, какія подавались тогда при подобныхъ случаяхъ. «Мы надѣемся всегда, писали они царю, быть причтены къ вѣрнѣйшимъ слугамъ Вашего Царскаго Величества за исполненіе наше вашихъ повелѣній, что мы всегда хранили, и отдавать въ той чести службу, яже принадлежитъ повинно всякому дворянину, подданному своего принца, а наипаче такого нашего премудраго и милостиваго самодержца яко Ваше Величество, иже всѣми славится благоразумнымъ. Если Вашему Величеству угодно сіе знать, мы униженно являемъ нашимъ обученіемъ математическихъ частей, яко навигаціи, инженерныя и пр. И нынѣ еще Вашимъ указомъ учимся корабельному дѣлу, истинно съ великимъ веселіемъ, хотяще предстати во всемъ волѣ вашей готовыми, еже есть сущая причина принуждающая насъ дерзать симъ рабскимъ письмомъ просить Ваше Величество о показаніи своихъ щедротъ надъ нами, которыми были опредѣлены Вашимъ жалованьемъ чрезъ господина Стельса (нашего агента въ Англіи), кому отъ Вашего Величества были вручены въ младыхъ лѣтахъ для воспитанія. Мы здѣсь живемъ 7 лѣтъ и не чаемъ чтобы прожили оба 300 фунтовъ. Правда, что тогда намъ не была нужда, нынѣ же противно прошедшему. Если по Вашему милосердію опредѣлится нѣкоторое число денегъ на годъ, мы по повелѣнію должности всегда чаемъ быть къ неущербленію чести В. В. и къ вывѣдыванію секретнаго дѣла корабельнаго; ибо мы знаемъ языкъ и поведеніе, какъ науку здѣсь черезъ политику деньгами достаютъ. Что надлежитъ до шалости, въ томъ безъ сомнѣнія отъ г. Стельса намъ возбранится, яко есть вѣрный и желаетъ слугъ Вашему Величеству» [1]).

Но послѣ такихъ похвалъ самимъ себѣ и начальнику своему Стельсу, эти «вѣрнѣйшіе», какъ они называли себя, слуги царскіе не возвратились на родину, а сдѣлались англійскими подданными [1]).

---

[1]) Госуд. арх. Мин. Ин. Дѣлъ. (Секретн. Отд. карт. № 2).

[2]) Матеріалы. Отд. II. №№ 30 и 220.

Осенью 1713 года состоялся высочайшій указъ, весьма близко касавшійся бывшихъ за границею навигаторовъ и который долженъ былъ произвести страшную тревогу въ ихъ семействахъ. Царь приказалъ князю Якову Ѳедоровичу Долгорукову «ко обрѣтающимся за моремъ въ ученьѣ послать женъ». Это, разумѣется, относилось только до богатыхъ фамилій и могло имѣть двоякую цѣль: первое, сдержать нашу молодежъ заграницею отъ кутежей и разгула и, второе, важнѣйшее въ глазахъ государя, познакомить русскихъ молодыхъ и богатыхъ барынь съ европейскою жизнію и, чрезъ нихъ, распространить въ Россіи обычаи цивилизованнаго общества.

Посылка за границу женъ навигаторовъ.

Освобожденіе отъ такой поѣздки было очень затруднительно даже для родственницъ весьма сильныхъ вельможъ, изъ которыхъ иные, со своими просьбами по этому предмету обращались къ государынѣ. Самъ Ѳ. М. Апраксинъ «многими слезами и просьбою» при содѣйствіи своей сестры царицы Марфы Матвѣевны, просившей Екатерину, могъ освободить отъ посылки за море только одну изъ своихъ племянницъ. Другую же, не надѣясь отстоять, рѣшилъ отправить къ мужу, разсуждая, что «лучше будутъ жить и убытку прибыть ничего», т. е., что расходы отъ того не увеличатся.

Навигаторы возвращались въ Россію по мѣрѣ пріобрѣтенія необходимыхъ познаній; нѣкоторые, но очень немногіе, возвратились черезъ 1½ и 2 года, другіе черезъ 3, 4 и болѣе, а братья Нарышкины пробыли за границею 13 лѣтъ.

Возвращеніе навигаторовъ въ Россію.

Въ 1714 году (декабря 10) велѣно всѣхъ дворянскихъ дѣтей, обучающихся навигаціи въ Голландіи, Англіи и другихъ мѣстахъ, возвратить въ Россію. Въ спискѣ, поданномъ по этому случаю Львовымъ, за границею въ разныхъ мѣстахъ, на берегу и въ плаваніи, оказалось 49 человѣкъ[1]).

Въ 1716 году, для обученія морскому дѣлу, отправлена была вновь значительная партія молодыхъ дворянъ, получившихъ званіе «гардемариновъ» (стр. 424). Прослуживъ лѣто 1716 года на эскадрѣ, гардемарины, 4-го октября, на копенгагенскомъ рейдѣ, собраны были на корабль *Ингерманландъ*, гдѣ ихъ смотрѣлъ самъ государь, и тогда же они были назначены «для посылки за море, для науки навигаціи». Изъ числа ихъ, 31 человѣкъ посланы въ Ве-

Занятія и жизнь гардемаринъ за границею.

[1]) Матеріалы. Отд. II, №№ 87, 93, 126 и 127.

нецію, 20 во Францію, 10 въ Англію и 9 человѣкъ, по разнымъ причинамъ, остались на эскадрѣ. Всѣ эти гардемарины были дворяне, въ большинствѣ недостаточнаго состоянія, но нѣсколько человѣкъ было богатыхъ, знатныхъ и даже княжескихъ фамилій.

Въ Венеціи нашъ резидентъ Беклемишевъ просилъ принять гардемаринъ на военныя галеры, каждаго отдѣльно отъ товарищей, для того, чтобы скорѣе научились италіанскому языку, и съ знаніемъ его скорѣе ознакомились бы съ морскимъ дѣломъ. Во Франціи хлопоталъ о гардемаринахъ Кононъ Никитичъ Зотовъ. Въ обоихъ государствахъ ихъ приняли охотно и ласково, только вездѣ дѣлу много мѣшало безденежье, и положеніе гардемаринъ, не имѣвшихъ поддержки изъ дома, также было страшно тяжело. «Прискорбна душа моя даже до смерти, — писалъ Зотовъ изъ Бреста къ кабинетъ-секретарю Макарову,—смотря на ихъ (гардемаринъ) нищету; сколько для нихъ, а въ пятеро больше для чести государевой; я отъ своей ревности все, что имѣлъ при себѣ, имъ роздалъ: парикъ, кафтанъ, рубахи, башмаки и деньги, однимъ словомъ себя разорилъ. А нынѣ тако обрѣтающійся желалъ бы самъ быть палачемъ и четвертовать того, который на смѣхъ во всемъ обнадежилъ, что здѣсь гардемаринамъ хорошее жалованье, мундиръ и квартиры. На день имъ идетъ по 12 копѣекъ только, и больше нѣтъ ни квартиръ, ни мундира. Оныя 12 коп. только для знаку, что въ королевской службѣ, а чтобы ими пробавляться, то того и думать невозможно, одинъ мундиръ стоитъ въ 50 ефимковъ» [1]).

Зотовъ находилъ для русскихъ гардемаринъ болѣе приличнымъ вовсе не брать жалованья отъ французскаго правительства, потому что у нихъ много своихъ «нищихъ хлѣбоядцевъ; и то превеликое дѣло, писалъ онъ, что имъ (т. е. нашимъ гардемаринамъ) откроютъ науку, такъ какъ своимъ. Такъ мнѣ прискорбно, что легче мнѣ бы было видѣть смерть предъ моими глазами, нежели такую срамоту нашему отечеству, и лучше бы ихъ перебить, что поросятъ, нежели имъ срамиться и ихъ здѣсь съ голоду морить; многіе хотятъ въ холопы идти, только я ихъ стращаю жестокимъ наказаніемъ, истинно противъ своей совѣсти, ибо знаю, что худо помирать съ голоду. Пожалуй не прогнѣвайся, что очень просто писано, —при-

---

[1]) Матеріалы. Отд. II, № 291.

бавляетъ Зотовъ въ заключеніе,—мнѣ теперь въ сотеро пуще, нежели бы я съ пятью кораблями непріятельскими въ огнѣ горѣлъ; горестью и слезами моими оканчиваю сіе мое правдивое доносительное письмо». Дѣйствительно въ Марселѣ нѣкоторымъ бѣднымъ гардемаринамъ приходилось даже «по міру скитаться».

Въ Венеціи имъ въ походѣ давали пищу и въ мѣсяцъ по червонцу, а зимою на все содержаніе только два червонца,—чего было весьма недостаточно. Но въ 1718 году, по заключеніи мира съ турками, гардемаринъ изъ венеціанской службы уволили, и они остались вовсе безъ содержанія. «Ей - ей, — писалъ Савва Рагузинскій, изъ Венеціи, къ тому же Макарову, — отъ голода помрутъ, аще не будетъ опредѣлено жалованья, и уже нынѣ въ долгахъ и бѣдности обрѣтаются и живутъ такъ, что зазорно отчасти для россійской славы». Впродолженіе двухъ кампаній, сдѣланныхъ на венеціанскихъ галерахъ, нашимъ гардемаринамъ случилось быть при взятіи двухъ городовъ и участвовать въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ турками. Такъ какъ въ мирное время, и безъ службы, въ Венеціи оставаться было безполезно, то гардемаринъ отправили въ Испанію, именно, въ Кадиксъ. Но тамъ морская дѣятельность до того была ничтожна, что даже галеры не выходили въ море, а потому гардемаринъ опредѣлили въ мѣстную морскую академію. Здѣсь хотя и назначили имъ жалованье, наравнѣ съ другими учениками, но его едва достовало на наемъ квартиры; питаться же приходилось хлѣбомъ съ водою, и, затѣмъ уже, на платье и другіе расходы не оставалось ничего. Въ академіи, по незнанію языка, гардемарины учились только «солдатскому артикулу, танцовать и биться на шпагахъ», что, конечно, приносило не много пользы для морскаго дѣла, и потому въ ноябрѣ 1719 г. адмиралтействъ-коллегія, выдавъ бывшимъ въ Испаніи гардемаринамъ по 50 ефимковъ на человѣка, перевела ихъ въ Голландію. Всѣ эти гардемарины, съ небольшими исключеніями, по пріѣздѣ въ Россію, въ 1720 году, были произведены въ поручики и подпоручики галернаго флота [3]). Относительно обстоятельствъ этого производства сохранился весьма

[3]) Матеріалы. Отд. II. №№ 174, 188, 191, 213, 214, 258, 272, 287. Отд. X, стр. 395.

любопытный разсказъ одного изъ участниковъ, гардемарина Неплюева, характеризующій справедливость Петра и готовность его выслушивать и принимать рѣзкія, но правдивыя возраженія.

Когда возвратившіеся гардемарины собрались въ адмиралтействъ-коллегію и были представлены государю, онъ обратился къ генералъ-адмиралу и сказалъ: «Я хочу самъ видѣть ихъ на практикѣ; напиши ихъ во флотъ гардемаринами». Тогда одинъ изъ членовъ коллегіи, Григорій Петровичъ Чернышевъ сказалъ: «Государь! Люди по твоей волѣ были отлучены въ чужіе края отъ своихъ родственниковъ, по бѣдности сносили голодъ и холодъ и учились по возможности, желая угодить тебѣ; они по достоинству своему и въ чужихъ государствахъ были гардемаринами; а нынѣ, возвратясь по твоей же волѣ и надѣясь получить награду за службу и науку, отсылаются ни съ чѣмъ! Они будутъ на равнѣ съ тѣми, которые ни нужды такой не видали, ни практики такой не имѣли». «Я ихъ награжу, сказалъ государь, пусть только одну кампанію прослужатъ». «Но легко ли, государь, возразилъ Чернышевъ, гардемаринами служить такимъ людямъ, изъ которыхъ есть достойные управлять галерою». Государь согласился съ справедливостью замѣчаній Чернышева и приказалъ произвести экзаменъ возвратившимся гардемаринамъ въ полномъ собраніи коллегіи, на которомъ присутствовалъ самъ и по окончаніи котораго состоялось производство гардемаринъ въ офицеры [1]). Посланные во Францію возвращались по мѣрѣ обученія, и также послѣ строгаго экзамена въ коллегіи, были производимы въ подпоручики или въ мичмана. Изъ числа гардемариновъ, бывшихъ за границею, впослѣдствіи наиболѣе замѣчательными вышли: бывшій въ Венеціи Иванъ Неплюевъ и обучавшіеся во Франціи Воинъ Римскій-Корсаковъ и Семенъ Мордвиновъ.

Экзамены окончившихъ ученье.

При отправленіи молодыхъ людей въ ученье, разумѣется, имъ строго предписывалось не терять времени, а усердно заниматься своимъ дѣломъ. Предназначавшимся въ морскіе офицеры велѣно было изучать не столько теорію, сколько знакомиться съ практическою стороною предмета, для того, чтобы по возвращеніи на родину они могли тотчасъ же приложить свои свѣдѣнія къ самому дѣлу. Готовящіеся въ штурмана должны были учиться «морскому хожденію и

[1]) Записки Неплюева.

знанію картъ». Изучившему «въ совершенствѣ свою науку» обѣщалась царская милость и «предъ своею братіею превосходящее воздаяніе, а буде кто не будетъ во ученіи прилежать усердно, а упразнится въ своевольностяхъ непотребныхъ и будетъ выну (всегда) пребывать въ пьянствѣ, то оный возымѣетъ вмѣсто обѣщанныя милости гнѣвъ и истязаніе» [1]).

Но, больше всякаго истязанія, учащихся страшила повѣрка ихъ знаній самимъ государемъ, обыкновенно дѣлаемая по возвращеніи изъ ученья. Царь Петръ видѣлъ человѣка насквозь и, зная самъ обстоятельно все относящееся до морскаго дѣла, отлично могъ опредѣлить не только степень свѣдѣній, но и способности каждаго. Вотъ какъ описываетъ тотъ же Неплюевъ производство самаго экзамена. «30-го іюня присланъ къ намъ приказъ явиться 1-го числа іюля въ коллегію на экзаменъ. Его величество пріѣхать изволилъ въ одноколкѣ и, идучи мимо насъ, сказалъ: здорово ребята! Черезъ малое время ввели насъ передъ собраніе и Змаевичу поручено было насъ экзаменовать порознь, и когда дошла очередь отвѣтствовать мнѣ, то государь, подойдя ко мнѣ, спросилъ: всему ли ты научился для чего былъ посланъ? на что я отвѣтствовалъ, ставъ на колѣни: Всемилостивѣйшій государь! прилежалъ я по всей моей возможности, но не могу похвалиться, чтобы всему научился. Государь, показывая мнѣ ладонь руки своея, изволилъ сказать: трудиться надобно; видишь, братецъ, я и царь вашъ, а у меня на рукахъ мозоли; а все оттого, чтобы показать вамъ примѣръ, и хотябъ подъ старость увидѣть мнѣ достойныхъ изъ васъ помощниковъ и слугъ отечеству. Я все стоялъ на колѣняхъ и цѣловалъ царскую руку многократно. Потомъ государь сказалъ мнѣ: встань и дай отвѣтъ о чемъ тебя спросятъ, но не робѣй; что знаешь сказывай, а чего не знаешь, такъ и скажи, и обратясь къ Змаевичу приказалъ распрашивать меня. И какъ распросы сіи касались до навигаціи и отвѣтами моими былъ онъ доволенъ, то велѣлъ ему экзаменовать меня въ математикѣ. По окончаніи экзаменовъ великій государь пожаловалъ меня въ поручики морскіе галернаго флота». Страшный въ гнѣвѣ, царь для способныхъ служивыхъ не жалѣлъ милостей и при выборѣ людей на значительныя мѣста, не обращалъ

---

[1]) Матеріалы. Отд. II, № 35,

вниманія на несоотвѣтственность ихъ чина съ высокимъ постомъ. Такъ, напр., этого же Неплюева, находившагося, въ чинѣ лейтенанта, при адмиралтейскихъ работахъ, царь не затруднился отправить уполномоченнымъ посломъ въ Константинополь, въ весьма трудное время, и лейтенантъ съумѣлъ съ достоинствомъ держаться въ своемъ высокомъ положеніи и заключить выгодный миръ не хуже важнаго сановника [1]).

Ѳ. М. Апраксинъ, на глазахъ котораго производилъ царь экзамены возвратившихся въ Россію молодыхъ людей, въ 1713 году писалъ племяннику своему, бывшему за границею, чтобы онъ и не думалъ о пріѣздѣ домой, «дондеже познаетъ науку морскую отъ киля до вымпела, какъ надлежитъ искусному морскому человѣку». Для бо́льшаго убѣжденія онъ прибавляетъ, что изъ товарищей племянника, поспѣшившихъ возвратиться, въ прежнемъ чинѣ (то есть полученномъ на иностранныхъ флотахъ) удержался одинъ Кононъ Никитичъ Зотовъ, а другіе «*пожалованы* изъ поручиковъ въ матросы» [2]).

Учрежденіе навигацкой школы (1701 г.).

При первыхъ попыткахъ къ кораблестроенію и военныхъ дѣйствіяхъ при осадѣ Азова, Петръ встрѣтилъ недостатокъ въ свѣдущихъ людяхъ по всѣмъ частямъ. Гдѣ только требовалось какое-нибудь спеціальное знаніе, тамъ дѣло не могло обойтись безъ иностранцевъ, которыхъ приходилось выписывать издалека, за большія деньги, и при этомъ не рѣдко ошибаться въ выборѣ. Обстоятельства требовали образованія русскихъ дѣятелей по возможности въ бо́льшомъ числѣ и въ скорѣйшее время. Для достиженія этой цѣли Петръ, почти одновременно съ отправленіемъ молодыхъ людей въ ученье за границу, приступилъ къ основанію въ Москвѣ школы.

Въ первое заграничное путешествіе государя, въ 1698 году, ему рекомендовали, для будущаго училища, хорошаго преподавателя математики и морскихъ наукъ, профессора эбердинскаго университета Генриха Фарварсона (Henry Fargwarson), который, по приглашенію царя, и согласился переѣхать въ Россію. Вмѣстѣ съ Фарварсономъ, для обученія собственно морскимъ или по тогдашнему

---

[1]) Записки Неплюева.

[2]) Гл. морск. арх. (Дѣл. гр. Апраксина № 251).

«навигацкимъ» наукамъ, были вызваны учителя: Степанъ Гвынъ (Stephen Guyn) и Рыцарь Грызъ (Richard Gries).

1701 года апрѣля 14-го послѣдовалъ указъ объ учрежденіи въ Москвѣ школы «математическихъ и навигацкихъ, то есть, мореходныхъ хитростно искусствъ ученія». Школѣ приказано состоять въ вѣдѣніи оружейной палаты, у боярина Ѳ. А. Головина «съ товарищи», и въ ученье велѣно набирать «добровольно хотящихъ, иныхъ же паче и со принужденіемъ».

Для помѣщенія школы сначала назначили мастерскія палаты полотнянаго двора, въ Кадашевѣ (въ Замоскворѣчьѣ), но по неудобству и отдаленности этого мѣста отъ центра города, по просьбѣ учителей, государь, въ іюнѣ того же 1701 года, приказалъ отдать подъ школу Срѣтенскую или Сухареву башню «со всѣмъ палатнымъ строеніемъ и землею подъ дворъ» [1]).

По странной случайности, башня эта, какъ говоритъ преданіе, съ самаго ея построенія, начавшагося въ 1692 году, имѣла морской характеръ. Первоначально Петръ хотѣлъ придать ей видъ корабля съ мачтою: восточная сторона должна была представлять носъ, а западная — корму. Впослѣдствіи эта мысль оставлена и башня получила настоящую свою весьма оригинальную наружность. Въ третьемъ ярусѣ Сухаревой башни были классныя комнаты школы и такъ называемый «рапирный» залъ, гдѣ школьники учились фехтованію.

Преподаваніе въ школѣ и управленіе ею.

Въ школѣ проходили ариѳметику, геометрію, тригонометріи плоскую и сферическую, навигацію, морскую астрономію, и сообщались краткія свѣдѣнія о географіи, преимущественно математической. Для необходимаго подготовленія учениковъ къ слушанію этого курса, при школѣ было два начальныхъ класса, носившіе названія «русской школы», въ которой учили читать и писать, и «цифирной школы», гдѣ обучали счету и началамъ ариѳметики. Навигація и астрономія подраздѣлялись на нѣсколько отдѣленій: навигація плоская (плаваніе по плоской картѣ), навигація меркаторская (плаваніе по картѣ меркаторской), навигація круглая (плаваніе по дугѣ большаго круга), діурналъ (веденіе журнала и счисленіе

---

[1]) Матеріалы, Отд. II, № 354, лит. А и В.

пути корабля). Подъ именемъ «географіи» преподавались начальныя понятія географіи математической и въ самомъ краткомъ объемѣ общее обозрѣніе всѣхъ частей свѣта. Кромѣ этихъ наукъ, нѣкоторые изъ школьниковъ учились фехтованію («рапирной наукѣ»), за что имъ и давалось бо̀льшее противъ другихъ жалованье.

Ученики проходили послѣдовательно науки и разныя части ихъ, отъ ариѳметики до географіи включительно. Опредѣленнаго времени для экзамена и переводовъ, а также и для выпусковъ, не было; переводили изъ одного отдѣленія въ другое или, какъ тогда выражались: «изъ одной науки въ другую», по мѣрѣ выучки; при переходахъ, по степени наукъ возвышалось и жалованье или «кормовыя деньги». Выпускали изъ школы по мѣрѣ готовности къ дѣлу и по требованію разныхъ вѣдомствъ, а очищавшіяся ваканціи немедленно замѣщались вновь принятыми учениками.

Судя по тѣснотѣ помѣщенія и малому числу учителей, должно полагать, что отдѣльныхъ классныхъ комнатъ, кромѣ цифирной и русской школы, было не болѣе числа учителей, т. е. три или четыре.

Навигацкая школа, находившаяся первоначально въ вѣдѣніи Оружейной палаты у Ѳ. А. Головина, по кончинѣ его, указомъ 1706 года 15 декабря, передана въ завѣдываніе приказа морскаго флота, а потомъ въ іюнѣ 1712 года—въ вѣдѣніе московской адмиралтейской конторы. Такимъ образомъ, послѣ Головина, высшій надзоръ надъ школою имѣлъ Ѳ. М. Апраксинъ.

Посредствующимъ лицомъ между высшимъ начальствомъ и учителями, или, вѣрнѣе, ближайшимъ и дѣйствительнымъ начальникомъ школы, былъ сначала дьякъ оружейной палаты Курбатовъ, а впослѣдствіи коммисаръ московской адмиралтейской конторы Бѣляевъ. Черезъ нихъ шла официальная переписка касающаяся школы и отпускались деньги на ея содержаніе. Но нерѣдко учителя обращались и непосредственно къ главнымъ начальникамъ.

Андрей Даниловичъ Фарварсонъ или, какъ онъ подписывался по-русски Фархварсонъ, Гвынъ и Грейсъ пріѣхали въ Москву осенью 1699 года. Кромѣ ихъ учителемъ въ школѣ былъ Леонтій Магницкій, авторъ извѣстной русской ариѳметики, по отзывамъ начальства, человѣкъ настолько свѣдущій въ математикѣ, что могъ преподавать курсъ до навигаціи; но на самомъ дѣлѣ онъ преподавалъ и эту науку, вѣроятно, подъ руководствомъ Фарварсона.

Содержаніе и численность учениковъ.

Въ указѣ объ основаніи школы высшій окладъ кормовыхъ денегъ ученикамъ положенъ 5 алтынъ въ день; въ дѣйствительности же, какъ видно изъ списковъ 1705 года, ученики получали отъ 4 денегъ до 3 алт. 2 ден., т. е. отъ двухъ до десяти копѣекъ. Количество «кормовыхъ денегъ» зависѣло отъ усмотрѣнія учителей и назначалось по наукамъ и средствамъ ученика. Бѣднѣйшимъ изъ нихъ, кромѣ выдачи этихъ денегъ, шили на казенный счетъ платье.

Въ 1705 году у Фарварсона съ Гвыномъ (Грейса уже не было: онъ былъ какимъ-то образомъ убитъ на улицѣ) окончили навигацію 30 человѣкъ, а у Магницкаго 34 человѣка. Всего въ то время въ школѣ находилось 198 человѣкъ, въ томъ числѣ: 2 князя, 36 дворянъ, 43 дѣтей священниковъ и причетниковъ и 117 разныхъ сословій, какъ-то: людей боярскихъ, посадскихъ, солдатскихъ, приказныхъ и стрѣлецкихъ дѣтей; слугъ магистратскихъ и «вольныхъ» было по одному человѣку. Изъ числа учениковъ окончили навигацію 64, проходили ее 51, учили тригонометрію 27, геометрію 43 и ариѳметику 13. Судя по этимъ числамъ, и обращая вниманіе на новость дѣла и не приготовленность вновь поступающихъ въ ученье, нельзя не согласиться, что въ первые годы существованія школы занятія въ ней шли довольно успѣшно.

Первоначально велѣно было принимать въ школу «изъ недорослей дворянскихъ дѣтей и дьячихъ и подъяческихъ, изъ домовъ боярскихъ и изъ другихъ чиновъ, кто пожелаетъ, изъ недорослей же, лѣтъ отъ 12 и до 17». Но какъ въ указныя лѣта изъ боярскихъ домовъ являлось мало,то,1710 года января 7, приказано принимать отъ 12 и до 20 лѣтъ, и давать ученикамъ кормовыхъ денегъ въ день отъ 6 денегъ до 4 алтынъ, кромѣ тѣхъ, у которыхъ есть достаточное число крестьянъ. По окончаніи курса ученику обѣщалось, что онъ «не только денежнымъ удовольствованъ будетъ немалымъ жалованьемъ, но улучитъ пріять и честь противъ мѣры дѣла своего».

Въ октябрѣ 1710 года число учениковъ дошло до 421. Въ 1711 году марта 15 разрѣшено принимать въ школу до 500 человѣкъ; но на дѣлѣ учениковъ было болѣе. Штатное число имѣло только значеніе для получавшихъ кормовыя деньги; дѣтей же достаточныхъ дворянъ, не нуждавшихся въ жалованьи, могло быть не огра-

ниченное число. Охотниковъ поступить въ школу, конечно, являлось болѣе изъ простаго класса; дворянскимъ дѣтямъ тяжело было мѣнять домашнее барство на грубую жизнь школы и изъ привиллегированныхъ властителей своихъ сверстниковъ дѣлаться ихъ товарищами, поступить въ руки ненавистныхъ иностранцевъ, а потомъ на вѣчную службу.

Малое число явившихся дворянъ заставило въ іюлѣ 1714 года повторить указъ 1710 года, а въ томъ же и слѣдующемъ году всѣхъ дворянскихъ недорослей, не явившихся къ государю на смотръ, велѣно было назначить на урочные годы въ каторжную работу и къ битью свай. После перваго указа впродолженіе двухъ мѣсяцевъ въ школу записались 111 человѣкъ (изъ нихъ дворянскихъ дѣтей 41), а съ дѣтьми гвардейскихъ солдатъ было записано 250 человѣкъ [1]).

Уклоненіе дворянъ усилило строгія мѣры противъ ослушниковъ царскаго приказа. Въ городахъ и большихъ селахъ выставляли списки неявившихся на смотръ; доносителю указавшему укрывающагося отъ смотра обѣщалось имѣніе виновнаго и доносящій о такомъ бѣглецѣ имѣлъ право явиться прямо къ царю, что прежде допускалось только въ доносахъ о дѣлахъ государственныхъ и о неправомъ рѣшеніи суда [2]).

За побѣгъ изъ школы недорослямъ обѣщалась смертная казнь, а родственникамъ ихъ за ходатайство «объ отбывательствѣ отъ школы»—каторжная работа.

Содержаніе школы.

На содержаніе школы отпускались деньги съ монетнаго двора и взыскиваемыя съ царедворцевъ, не желавшихъ отправляться въ ученье за море или на службу. Съ 18-ти человѣкъ, такихъ денегъ получалось 4,180 рублей. На всѣ расходы по школѣ, съ основанія ея по ноябрь 1703 года, израсходовано 8,341 руб. 4 алт., не включая сюда 4,385 руб. 19 алт. 1 деньги, употребленныхъ собственно на строеніе.

Въ 1711 году, когда сборъ денегъ отошелъ въ вѣдѣніе сената, отпускъ суммъ на содержаніе школы замедлился впродолженіе двухъ мѣсяцевъ, такъ что многіе ученики, не имѣя возможности содержать себя, разбѣжались. Зимою 1714 года ученики, не полу-

[1]) Матеріалы. Отд. II. № 354. лит. Т, У, Ф и Ц.
[2]) Очеркъ исторіи Морскаго Корпуса, стр. 10.

чая пять мѣсяцевъ кормовыхъ денегъ, по словамъ официальнаго донесенія, «не только проѣли кафтаны, по истинно, босыми ногами ходя, просятъ милостины у оконъ».

Выведенный изъ терпѣнія коммиссаръ Бѣляевъ рѣшился написать къ Апраксину слѣдующій ультиматумъ: «ежели школѣ быть, то потребны на содержаніе ее деньги, а буде даваться не будутъ, то истинно лучше распустить, понеже отъ нищенства и глада являются отъ школяровъ многія плутости». Это представленіе подѣйствовало, и объ отпускѣ денегъ для навигацкой школы послѣдовало распоряженіе [1]). Сумма, назначенная сенатомъ для отдачи въ адмиралтейскій приказъ, на содержаніе навигацкой школы и посланныхъ за море, простиралась до 22,459 рублей. Деньги эти велѣно отпускать по прежнему съ денежныхъ дворовъ [2]).

Трое учителей англичанъ получали сначала всѣ вмѣстѣ окладнаго жалованья 550 рублей въ годъ, не считая денегъ, выдаваемыхъ по ихъ требованіямъ на разные предметы, какъ-то: на одежду, столъ, лошадей, ихъ кормъ и сбрую и пр. Такихъ денегъ, со времени пріѣзда англичанъ по 1704 годъ, израсходовано около 1,370 рублей. Но съ того времени имъ назначено выдавать, кромѣ жалованья, на всѣ расходы, безъ означенія предметовъ, въ годъ на всѣхъ, 100 рублей. Сверхъ того съ Фарварсономъ при поступленіи его на службу сдѣлано было особенное условіе, по которому ему за каждаго ученика, кончавшаго удовлетворительно курсъ, обѣщано выдавать по 50 фунтовъ стерлинговъ,—сумма весьма значительная, равняющаяся двумъ стамъ тогдашнихъ рублей; но этихъ денегъ Фарварсонъ, не смотря на многія самыя настоятельныя просьбы, никогда не могъ получить. Магницкій вначалѣ, кажется, не имѣлъ опредѣленнаго оклада, потому что въ 1702 году онъ получалъ жалованья всего 20 руб. 1 алт. 4 деньги, а въ 1703 году 90 руб. 1 алт. 4 деньги. Въ послѣдствіи, въ 1710 году (апрѣля 20), когда Фарварсону было назначено жалованья 600 руб., Гвыну 300 р. [3]), и Магницкій сталъ получать 150 рублей. Между тѣмъ, онъ трудился болѣе англичанъ, потому что, кромѣ преподаванія, наблюдалъ

---

[1]) Матеріалы. Отд. II, № 354, лит. Г, з, л, м.
[2]) Полн. Собр. Зак. Т. V, № 2798.
[3]) Матеріалы. Отд. II, № 354, лит. Г,О.

*

еще за поведеніемъ учениковъ. По отзыву дьяка Курбатова англичане хотя учили и хорошо, только истинно дѣльнымъ былъ одинъ Фарварсонъ; а другіе два (Гвынъ и Грейсъ) «хотя и навигаторы написаны, только и до Леонтія (Магницкаго) наукою не дошли». «Временемъ, пишетъ Курбатовъ, англичане и загуляются или по своему обыкновенію по часту и долго проспятъ» [1]), Магницкій же всегда въ классы являлся во время.

Кромѣ учителей, при школѣ, въ 1702 году, былъ переводчикъ «еллино-греческаго и латинскаго діалектовъ», котораго, впрочемъ, въ спискахъ слѣдующихъ годовъ уже не видно. При школьной канцеляріи состоялъ одинъ писецъ и 4 сторожа.

Съ первыхъ годовъ существованія школы раздавались ученикамъ подъ ихъ росписки слѣдующія книги и учебныя пособія: ариѳметика, вѣроятно Магницкаго, изданные для школы логариѳмы, аспидныя доски, «каменныя перья» (грифели) и карандаши; изъ инструментовъ—шкалы (линейки съ различными дѣленіями) планныя и гантирскія, радіусы (градштоки), секторы и квадранты (три послѣдніе инструмента служили для измѣренія высоты свѣтилъ); ноктурналы — инструменты для опредѣленія времени по наблюденіямъ звѣздъ Малой и Большой Медвѣдицы; «книги морскихъ хартинъ» (морскіе атласы), готовальни съ мѣдными инструментами, циркули простые и треножные, циркули «хартинные» (употреблявшіеся при картахъ). Часть этихъ инструментовъ выписывалась изъ-за границы, а другіе дѣлались въ своей мастерской при школѣ [2]).

По выходѣ учениковъ изъ школы всѣ розданныя имъ книги и инструменты отбирались. Въ 1713 году «на покупку инструментовъ и школьныя всякія починки» начали вычитать небольшой процентъ изъ жалованья школьниковъ.

Надзоръ за учениками и наказанія.

Изъ учениковъ навигацкой школы нѣкоторые жили въ самой школѣ, другіе на частныхъ квартирахъ. За поведеніемъ ихъ смотрѣлъ Магницкій, и въ 1711 году (мая 6) велѣно было въ помощь ему выбрать изъ учениковъ «десятскихъ, добрыхъ людей, и всякому смотрѣть въ своемъ десяткѣ или отдѣленіи, чтобы школьники не

---

[1]) Моск. арх. Мин. Ин. Дѣл. (Переписка на русск. языкѣ 1702 г. № 8).

[2]) Очеркъ исторіи Морск. Корпуса, стр. 19.

пьянствовали и отъ школы самовольно не отлучались, дракъ ни съ кѣмъ и обидъ никому ни въ чемъ не чинили» [1]).

Наказанія, употреблявшіяся въ школѣ, соотвѣтствовали грубости тогдашнихъ нравовъ. Такъ, напр., за большіе проступки учениковъ наказывали на школьномъ дворѣ *плетьми*; на достаточныхъ дворянъ за прогульные дни, или за такъ называемыя *нѣты*, положена была (указомъ 1707 года февраля 28), страшная пеня: за первый прогульный день 5 рублей, за второй—10, за третій и всѣ слѣдующіе по 15 рублей. Такихъ денегъ впродолженіе пяти мѣсяцевъ 1707 года набралось 8,545 руб. Для взысканія штрафныхъ денегъ, не смотря ни на какія отговорки, брали у виновныхъ людей и били ихъ на правежѣ, а у кого не было крѣпостныхъ, били самихъ господъ, покуда они не выплачивали штрафъ

Въ навигацкой школѣ, наполненной преимущественно дѣтьми низшихъ сословій, были однакоже ученики и знатныхъ фамилій, какъ, напр., князья Волконскіе, Долгорукіе, Прозоровскіе, Хованскіе, Борятинскіе и др., Шереметевы, Собакины, Дмитріевы-Мамоновы и пр.; многіе изъ нихъ встрѣчаются въ штрафномъ спискѣ [2]).

Польза принесенная школою.

Навигацкая школа впродолженіе первыхъ пятнадцати лѣтъ своего существованія принесла большую пользу нетолько флоту, но и другимъ вѣдомствамъ, въ которыя поступали ея воспитанники, мало по малу вытѣснявшіе иностранцевъ. Въ указѣ 1710 г. сказано, что «школа оная не только потребна къ единому мореходству и инженерству, но и артиллеріи и гражданству». И, дѣйствительно ученики школы требовались и посылались всюду, гдѣ нужны были свѣдующіе люди. Кончившіе навигацію отправлялись для науки «за море», назначались для практики на нашъ флотъ, отсылались для «ученья бомбардирскому дѣлу, къ инженерной наукѣ (для которой въ 1711 г. уже готовы были 170 человѣкъ), кондукторами къ генералъ-квартирмейстеру, къ архитектурнымъ дѣламъ, и пр. [3]). Такимъ образомъ первые русскіе моряки, гидрографы и топографы, извѣстные подъ именемъ геодезистовъ, инженеры [4]), артиллеристы и вообще многіе

---

[1]) Матеріалы. Отд. II, № 354, лит. Ч.

[2]) Очеркъ исторіи Морск. Корпуса, стр. 20.

[3]) Матеріалы. Отд. II. лит. I, Щ, к и м.

[4]) Объ отдѣльныхъ инженерныхъ школахъ упоминается только въ 1712 г.

сотрудники Петра по разнымъ частямъ, были воспитанники навигацкой школы. Изъ нихъ же назначались учителя въ школы, учреждаемыя въ губерніяхъ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ.

Учителя школы, кромѣ преподаванія наукъ и сочиненія руководствъ исполняли, въ случаѣ нужды, и другія обязанности. Вообще къ нихъ содѣйствію обращались по самымъ разнороднымъ предметамъ: учителямъ школы поручалось разсматриваніе близкихъ къ ихъ спеціальности книгъ; въ 1709 году царь приказалъ имъ прислать въ Воронежъ трубы для наблюденія затмѣнія солнца, вычислить время затмѣнія и сдѣлать рисунокъ какъ оно будетъ видимо. Это нужно было Петру, для предупрежденія публикаціями, суевѣрныхъ толковъ въ народѣ, являвшихся обыкновенно по поводу затмѣній [1]). Иногда учителямъ поручались и не кабинетныя работы, такъ напр. они посылались съ учениками проложить линію дороги отъ Москвы въ Петербургъ [2]).

Основаніе морской академіи (1715 г.).

Спустя пятнадцать лѣтъ по основаніи навигацкой школы государь вздумалъ перенести морское училище поближе къ морю, въ свой «парадисъ», какъ онъ называлъ въ шутку Петербургъ. Въ августѣ 1715 года приказано было перевезти сюда изъ Москвы всѣхъ учителей и учениковъ навигацкой школы къ 1-му октября. Но какъ учащихся было до 600 человѣкъ и большая часть изъ нихъ по бѣдности должны были перевозиться на счетъ казны, то коммисаръ московской адмиралтейской конторы Никифоровъ, представляя невозможность исполнить указъ въ такой короткій срокъ, спрашивалъ Апраксина: не удобнѣе ли будетъ низшіе классы оставить въ Москвѣ, а въ Петербургъ перевести одни высшіе? Предложеніе Никифорова, кромѣ облегченія перевозки, представляло еще и ту важную выгоду, что въ Москвѣ было готовое помѣщеніе, приспособленное къ школьнымъ потребностямъ, и небогатымъ людямъ, изъ большей части Россіи, въ Москву было ѣхать ближе и дешевле, нежели въ Петербургъ; наконецъ, въ близости моря для низшихъ классовъ не было никакой необходимости. Дѣльное мнѣніе Никифорова измѣнило первоначальное распоряженіе о перевозкѣ

---

[1]) Голик. Дѣян. П. В. III, стр. 73 и XI, стр. 497.
[2]) Матеріалы. Отд. II, № 354, лит. К. Дѣянія П. В. IV, стр. 106.

всѣхъ учениковъ въ Петербургъ. 1715 года октября 1-го состоялся указъ объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ *Морской Академіи* и вышла полная инструкція ученія и содержанія въ ней учениковъ, которыхъ комплектъ положенъ 300 человѣкъ, а въ московской школѣ велѣно содержать 500 человѣкъ [1]). Изъ учителей въ Петербургъ переведены Фарварсонъ и Гвынъ и, въ помощь имъ, назначено восемь навигаторовъ. Въ Москвѣ оставленъ Магницкій съ нѣсколькими помощниками, выбранными изъ лучшихъ учениковъ, окончившихъ курсъ, и велѣно учить только ариѳметикѣ и геометріи. Московская школа осталась по прежнему въ вѣдѣніи московской адмиралтейской конторы, а академію повелѣно «вѣдать военной морскаго флота канцеляріи», а для ближайшаго надзора назначался особый директоръ. Жалованье ученикамъ академіи назначалось не по днямъ, но по мѣсяцамъ и также по степени познаній. Самое низшее было одинъ руб., высшее 3 руб., съ вычетомъ на мундиръ «съ рубля по полуполтинѣ» [2]). Въ академію старались выбирать преимущественно дворянъ, имѣющихъ нѣкоторое состояніе; а московская школа предоставлена была исключительно для другихъ сословій, но и въ нее принимались также бѣдные дворяне, имѣвшіе не болѣе 10 дворовъ.

Предметы преподаванія.

Въ числѣ документовъ, сохраняемыхъ въ залѣ засѣданій Адмиралтействъ-Совѣта, находится слѣдующій, собственноручный указъ государя о предметахъ ученія въ морской академіи.

Дѣтей учить:

1. Ариѳметикѣ.
2. Геометріи.
3. Фехтъ или пріему ружья.
4. Артиллеріи.
5. Навигаціи.
6. Фортификаціи.
7. Географіи.
8. Знанію членовъ корабельнаго гола [3]) и такелажа.

---

[1]) Полн. Собр. Зак. Т. V. № 2937. Матеріалы. Отд. II, № 354, лит. ч,ю.
[2]) Матеріалы. Отд. II, № 354, лит. э.
[3]) Кузова.

9. Рисованію.

10. На произволеніе, танцамъ для постуры [1]).

Этотъ указъ писанъ 1715 года сентября 9-го. Въ немъ подъ рубрикою навигаціи разумѣется и морская астрономія.

Къ числу предметовъ преподаваемыхъ въ академіи, послѣ прибавлена еще геодезія, для изученія которой исключительно назначались 30 учениковъ. Впослѣдствіи, въ адмиралтейскомъ регламентѣ [2]) этотъ списокъ наукъ болѣе разъясненъ и велѣно учить: артиллеріи, навигаціи и фортификаціи, шанцамъ и ретранжаментамъ (т. е. полевой фортификаціи), географіи и воинскимъ обученіямъ съ мушкетами—совершенно, а фортификаціи и апрошамъ (т. е. долговременной фортификаціи), также и корабельнымъ членамъ,—чтобъ только знали, что для чего дѣлается, и, наконецъ, рисованью и на рапирахъ, сколько возможно.

Помѣщеніе академіи.

Морскую академію помѣстили въ домѣ бывшемъ Кикина, который вначалѣ отдѣлали на скорую руку, и пристроили къ нему нѣсколько мазанокъ; окончательно же достроивали его лѣтомъ 1718 года. Мѣсто выбранное для академіи вполнѣ соотвѣтствовало назначенію воспитанниковъ: Кикина домъ находился «на набережной линіи» Невы, на мѣстѣ нынѣшняго Зимняго дворца, именно на углу, обращенномъ къ адмиралтейству и главному штабу. Въ то время, вся часть Петербурга, между Невою и Фонтанкою, по справедливости называлась «Адмиралтейскимъ островомъ», и дѣйствительно, почти вся была занята адмиралтейскими строеніями и домами лицъ, принадлежавшихъ къ морскому вѣдомству [3]).

Директоры и учителя академіи.

Желая устроить свою морскую академію по образцу французскихъ морскихъ училищъ, основанныхъ при Людовикѣ XIV въ Марселѣ, Тулонѣ и Брестѣ, государь назначилъ директоромъ француза барона Сентъ-Илера, который, благодаря своимъ связямъ за границею, вѣроятно, былъ рекомендованъ царю съ отличной стороны. При новомъ своемъ назначеніи Сентъ-Илеръ вовсе не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ: на словахъ онъ обѣщалъ много, на дѣлѣ не исполнилъ ничего. Любимымъ занятіемъ его бы-

---

[1]) Для позитуры.

[2]) Часть I, глава 1, арт. 59.

[3]) Очеркъ исторіи. Морск. Корпуса стр. 42.

ло составленіе разнообразныхъ проектовъ; такъ, кромѣ проекта объ устройствѣ морской академіи, онъ предлагалъ свои мысли о составленіи морскаго регламента, объ обширномъ торговомъ предпріятіи, весьма походившемъ на проектъ Вегропа (стр. 68—9) и т. п. Всѣ его предположенія показывали полное незнаніе страны и народа, нисколько не согласовались съ тогдашними обстоятельствами и средствами, и ясно выражали нескрываемую алчность къ деньгамъ. На одномъ изъ подобныхъ проектовъ государь, уже вѣроятно выведенный изъ терпѣнія, написалъ: «чтобъ подлинно объявилъ, хочетъ ли онъ свое дѣло дѣлать безъ хитростныхъ вышеписанныхъ запросовъ? и буде будетъ, чтобъ дѣлалъ, буде нѣтъ, то чтобы отдалъ взятое жалованье и выѣхалъ изъ сей земли». Къ этому необходимо прибавить, что Сентъ-Илеръ былъ самаго неуживчиваго характера и тотчасъ по принятіи начальства надъ академіей, завелъ ссору съ Фарварсономъ, доходившую до Апраксина. Одно изъ лицъ, имѣвшихъ съ нимъ служебныя сношенія, относится объ немъ слѣдующимъ образомъ: «Воистину такого злоправнаго и пакостнаго человѣка отъ жизни моей нигдѣ не видѣлъ и никому съ нимъ ужиться невозможно отнюдь» [1]).

Конечно, подобная личность не могла удержаться во главѣ новаго училища и въ 1716 году, января 31, главное начальство надъ академіей и московской школой поручено было графу Андрею Артамоновичу Матвѣеву. Это былъ сынъ извѣстнаго боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, образованный человѣкъ, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ государя и, по отзыву современниковъ, «мужъ въ разумѣ и дѣлахъ достохвальный». Онъ служилъ по дипломатической части, бывалъ уполномоченнымъ въ Голландіи, Франціи, Англіи и Австріи, гдѣ получилъ и графское достоинство [2]). Назначеніе подобнаго человѣка для управленія морскими школами показываетъ, какую важность придавалъ государь этимъ учебнымъ заведеніямъ. Въ февралѣ 1717 года, когда велѣно было Сентъ-Илера, «для его прихотей, отпустить», школами и академіею сталъ завѣдывать одинъ Матвѣевъ.

Въ 1719 году января 3, по назначеніи Матвѣева сенаторомъ и

---

[1]) Ковч. адмиралт. совѣта. Матеріалы. Отд. II, № 354., лит. Г.

[2]) Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятн. людей.

президентомъ юстицъ-коллегіи, начальство надъ академіей и школами перешло къ полковнику и отъ бомбардиръ-капитану Григорію Григорьевичу Скорнякову-Писареву [1]), человѣку также весьма умному и получившему образованіе за границею. Писаревъ хорошо зналъ математику и за четыре года до назначенія своего начальникомъ школъ преподавалъ въ академіи артиллерію, а впослѣдствіи напечаталъ книгу по части механики подъ заглавіемъ: «Практика художества статистическаго или механическаго» [2]).

Но не смотря на свои научныя свѣдѣнія Скорняковъ-Писаревъ, имѣвшій много другихъ занятій, кажется, не обращалъ на ввѣренныя ему учебныя заведенія большаго вниманія и ограничивался составленіемъ строгихъ инструкцій, мало заботясь о дѣйствительныхъ нуждахъ подчиненныхъ ему училищъ.

Въ 1722 году вмѣсто Скорнякова-Писарева велѣно управлять академіею и морскими школами: московскою и бывшими въ нѣкоторыхъ губерніяхъ адмиралтейскими — капитану Александру Львовичу Нарышкину, и въ товарищи ему назначенъ родной братъ его лейтенантъ (поручикъ) Иванъ Нарышкинъ [3]).

Новый директоръ былъ человѣкъ молодой (28 лѣтъ), отлично образованный, любимецъ и даже родственникъ государя. Нарышкинъ за границею изучалъ морское дѣло и возвратясь, послѣ долговременнаго отсутствія, въ Россію, часто находился при государѣ, который иначе не называлъ его какъ «Львовичемъ» [4]).

Нарышкинъ горячо принялся за ввѣренное ему управленіе морскими училищами и много сдѣлалъ полезнаго для юной академіи. При сдачѣ училищъ Писаревымъ, въ Петербургѣ оказалось болѣе 100 учениковъ сверхъ штата, а въ Москвѣ не доставало около 80. Много было неизлечимо больныхъ и 116 человѣкъ въ бѣгахъ. Нарышкинъ привелъ все это въ порядокъ; хлопоталъ, на основаніи адмиралтейскаго регламента, о пріискиваніи недостававшихъ учителей; требовалъ переводчика иностранныхъ книгъ и, даже лекаря, котораго не было при академіи. При Нарышкинѣ ученики хо-

---

[1]) Матеріалы. Отд. II, № 354, лит. Щ.

[2]) Берхъ. Жизн. Адм., I, 59. Пекарскій. Наука и литература при Петрѣ Великомъ; II, стр. 569.

[3]) Матеріалы. Отд. II. № 354, лит. е'.

[4]) Очеркъ исторіи Морск. Корпуса, стр. 50.

дили въ походъ па эскадрѣ; а для изученія корабельной архитектуры онъ, также па основаніи регламента, заставилъ сдѣлать модель корабля и поставилъ ее въ академіи. Кажется, при немъ же была при морской академіи заведена типографія. Нарышкинъ началъ обучать воспитанниковъ ружейной пальбѣ съ порохомъ, и вытребовалъ для этого, какую могъ сыскать въ магазинахъ, аммуницію. Онъ не велѣлъ принимать въ школу безграмотныхъ, запретилъ ученикамъ жениться ранѣе 25 лѣтъ, строго смотрѣлъ, чтобы учители не брали взятокъ, и проч.

Въ классахъ академіи, математическимъ и морскимъ наукамъ учили профессоры Фарварсонъ и Гвынъ, также учителя, подмастерья и навигаторы, вышедшіе изъ воспитанниковъ навигацкой школы. Для другихъ предметовъ, если не находилось своихъ учителей, приглашали и постороннихъ лицъ. Жалованье получали: Фарварсонъ 955 руб. 84 коп.; Гвынъ (умершій въ 1720 году) 400 руб въ годъ; въ Москвѣ Магницкій 260 руб., подмастерья по 6 руб. въ мѣсяцъ, а навигаторы по 3 руб. 50 коп. и самый малый провіантъ.

Для обученія фронту и вообще для начальства надъ воспитанниками, съ самаго основанія академіи, прикомандировали къ ней гвардіи поручика Бестужева и, въ помощь ему, гвардіи же прапорщика Кафтырева и двухъ сержантовъ семеновскаго полка.

Хозяйственною частію въ петербургской академіи и въ московской школѣ завѣдывали коммисары. Въ Москвѣ коммисаръ былъ настоящимъ начальникомъ школы, а въ Петербургѣ управлялъ директоръ, за отсутствіемъ его—помощникъ директора, а если и его не было, то начальство переходило къ Бестужеву, Кафтыреву и коммисару; но никогда къ учителямъ. Иванъ Нарышкинъ нерѣдко подписывалъ и бумаги вмѣстѣ съ братомъ.

Система преподаванія наукъ.

Въ морской академіи, также какъ и въ навигацкой школѣ до 1715 года, проходились преимущественно математическія и морскія науки. Къ первымъ принадлежали ариѳметика, начала алгебры, геометрія и плоская и сферическая тригонометріи; ко вторымъ—навигація, морская астрономія и геодезія или, точнѣе, морская съемка. Преподаваніе ариѳметики находилось въ рукахъ Магницкаго и онъ проходилъ ее держась составленной имъ книги, которая, по своему не всегда ясному изложенію, чудовищной техникѣ и

большому объему, должна была, для большинства учениковъ, представлять весьма тяжелый трудъ. Не легко было, совершенно неприготовленнымъ къ ученью юношамъ понимать, или даже заучивать изъ ариѳметики Магницкаго наизустъ опредѣленія, въ родѣ слѣдующихъ: «Ариѳметика или числительница есть художество честное, независтное и всѣмъ удобопонятное, многополезнѣйшее и многохвальнѣйшее, отъ древнѣйшихъ же и новѣйшихъ, въ разныя времена явившихся, изряднѣйшихъ ариѳметиковъ, изобрѣтенная и изложенная». Или: «Радиксъ есть число яковыя либо четвероборочныя и равномѣрныя фигуры или вещи единъ бокъ содержащее. И того ради радиксъ или корень именуется, зане отъ него вся пропорціи всея алгебры начинаются или рождаются». Въ книгѣ различныя степени назывались: вторая—квадратъ или зензусъ, третья—кубусъ или кубикъ, четвертая—биквадратъ или зензизензусъ, восьмая—триквадратъ или зензизензезузъ и пр.[1]). Въ этой ариѳметикѣ кромѣ дѣйствій надъ числами цѣлыми, дробными и именованными, изложены были различныя правила: тройное, товарищества и пр., прогрессіи, извлеченіе квадратныхъ и кубичныхъ корней и начала алгебры. Въ концѣ книги находились нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся къ навигаціи и астрономіи; но въ академіи послѣдніе два предмета проходились по запискамъ Фарварсона, совершенно въ другомъ видѣ.

Изъ геометріи и обѣихъ тригонометрій давались ученикамъ только отрывочныя свѣдѣнія, заключавшія въ себѣ теоремы, необходимыя для рѣшенія задачъ изъ морскихъ наукъ. Навигація и астрономія проходились въ формѣ рѣшенія различныхъ задачъ, встрѣчающихся на практикѣ. Въ навигаціи изучалось почти все то, что проходится и теперь (разумѣется въ болѣе трудной формѣ), за исключеніемъ предметовъ, не бывшихъ въ то время извѣстными. Въ астрономіи же рѣшались задачи суточныхъ явленій свѣтилъ, опредѣлялась широта мѣста по меридіональной высотѣ солнца, склоненіе компаса, время прилива и отлива моря и т. п. При рѣшеніи навигаціонныхъ и астрономическихъ задачъ употребляли логариѳмы и нѣкоторыя изъ морскихъ таблицъ. Подъ названіемъ географіи проходили «краткое и соборное изъясненіе о земноводномъ глобусѣ», состоявшее въ описаніи положенія точекъ и кру-

---

[1]) Ариѳметика Магницкаго, изданная въ Москвѣ въ 1703 году.

говъ воображаемыхъ на земной поверхности, а также объяснялись явленія свѣтилъ для жителей поясовъ жаркаго, умѣреннаго и холоднаго, и т. п; собственно же изъ географіи сообщалось ученикамъ самое краткое обозрѣніе всѣхъ частей свѣта. Наконецъ, къ числу географическихъ задачъ причислялось опредѣленіе разстоянія между двумя точками на землѣ, которыхъ широты и долготы извѣстны, и нѣкоторыя другія.

Преподаваніе корабельной архитектуры и фортификаціи ограничивалось названіями болѣе необходимыхъ предметовъ и краткими практическими указаніями. Ученики геодезическаго класса, кромѣ математическихъ и морскихъ наукъ, проходимыхъ ими въ академіи, знакомились съ существовавшими тогда простѣйшими способами съемки и промѣра и болѣе другихъ у чениковъ практиковались съ употребляемыми при съемкѣ инструментами.

По сохранившимся запискамъ учениковъ надо полагать, что всѣ теоремы относящіяся къ математическимъ и морскимъ наукамъ проходились безъ доказательствъ и, учащіеся должны были довольствоваться заучиваніемъ наизустъ различныхъ научныхъ истинъ и прилагать ихъ къ бездоказательному же рѣшенію практическихъ задачъ. Своеобразной успѣшности такого преподаванія много пособляло усиленное развитіе памяти и, въ сущности, весьма небольшой объемъ курса. Трудно повѣрить, что подобный порядокъ могъ сохраняться въ морской академіи во все время ея существованіе, то есть, цѣлое полустолѣтіе. Объясненіе этого обстоятельства надо искать въ глубокой рутинѣ, подъ вліяніемъ которой трудились учителя и ученики. При основаніи навигацкой школы требованіе скорѣйшаго обученія по необходимости заставляло ограничиться такимъ «бездоказательнымъ» предподаваніемъ; а потомъ оно вошло въ привычку, сдѣлалось обычнымъ явленіемъ и, впослѣдствіи, до того укоренилось, что даже лучшимъ изъ учениковъ не приходило на мысль доискиваться разумныхъ причинъ, почему извѣстная теорема сложилась такъ, а не иначе. Все слышанное въ классѣ принималось за несомнѣнную истину, вовсе не нуждающуюся въ доказательствѣ, и преподаватели заботились только о томъ, чтобы учащіеся знали *какъ* что дѣлается и не думали о разъясненіи *почему?* Со стороны предподавателей видно однакоже нѣкоторое стремленіе пополнить, до извѣстной степени, недостатокъ теоріи множе-

ствомъ и разнообразіемъ частныхъ примѣровъ, представляющихъ всевозможные случаи, особенно относительно задачъ, которыя скорѣе другихъ могли встрѣтиться на практикѣ. Къ этому необходимо прибавить, что ученики академіи проходившіе морскія науки, лѣтомъ назначались для практики на флотъ.

Суммы отпускаемыя на содержаніе академіи.

Для содержанія морской академіи, изъ суммы назначенной въ 1714 году вообще на школы, велѣно было отпускать половину, то есть, 11,229 руб. Впослѣдствіи же, въ 1719 году, для московской школы оставлено только 5,600 р., а остальные 19,579 р. употреблялись на академію; въ послѣдней суммѣ заключались 2720 рублей, собираемые съ царедворцевъ [1]).

Но эти деньги отпускались до того не исправно, что по недостатку средствъ, осенью 1717 года, комнаты верхняго этажа академіи стояли недостроенныя, безъ печей и «42 ученика не ходили въ ученье, затѣмъ что стали наги и босы». Къ предстоявшей зимѣ не на что было исправить печей и даже купить дровъ, и директоръ академіи Матвѣевъ опасался, чтобы не пришлось прекратить и ученья «Во истину не могу самъ описать какія несносныя докуки несу отъ тѣхъ бѣдныхъ и нужныхъ (нуждающихся) людей,— писалъ онъ къ кабинетъ-секретарю Макарову, которые безотступно у меня просятъ денегъ, и уже весьма наги и босы». Въ этомъ же 1717 году, когда нѣсколькимъ ученикамъ изъ бѣднѣйшихъ дворянъ, въ наказаніе за неявку въ ученье, велѣно было пять лѣтъ не давать жалованья, то многіе изъ нихъ, покуда не получили помилованія, ходили по міру [2]).

Кромѣ первыхъ годовъ существованія академіи, относительно недостатка средствъ, были особенно тяжелы три послѣдніе года царствованія Петра. При посѣщеніи классовъ академіи 10 іюля 1724 года государь замѣтилъ въ числѣ учениковъ нѣкоторыхъ очень худо одѣтыхъ, и на вопросъ о причинѣ, ему доложили, что жалованье выдается съ недоимками, да и то не деньгами, а товарами. По слѣдствію, которое велѣно было произвести, оказалось, что 85 учениковъ «за босотою и не имѣніемъ дневнаго пропитанія» не ходили въ школу впродолженіе трехъ, четырехъ и даже пяти мѣсяцевъ; а

---

[1]) Матеріалы. Отд. II. № 354, лит. У'

[2]) Матеріалы. Отд. II. № 354, лит. Р', С' и О'.

изъ нихъ 55 человѣкъ объявили, что они «кормились вольною работою». Послѣ этого коллегія приказала немедленно выдать жалованье всѣмъ недостаточнымъ ученикамъ.

Морская академія, или академія морской гвардіи, сколько можно судить по данной для нея «инструкціи», была уже не простая школа, а настоящее военно-учебное заведеніе. Въ ней предполагалось соблюдать правильное распредѣленіе учебныхъ занятій и полный военный порядокъ, съ сохраненіемъ строгой дисциплины. Воспитанники раздѣлялись на шесть отдѣленій или «бригадъ», въ каждой по 50 человѣкъ. Надъ ними начальствовалъ офицеръ, назначаемый изъ гвардейскихъ полковъ и называвшійся «командиромъ морской гвардіи». Въ помощь ему назначались, также изъ гвардіи, одинъ или два офицера, два сержанта и нѣсколько хорошихъ старыхъ солдатъ, исправлявшихъ должность дядекъ. Общее завѣдываніе академіею, по всѣмъ частямъ, имѣлъ директоръ. Порядки существовавшіе въ академіи.

Воспитанники должны были, сколько дозволяло помѣщеніе, жить въ зданіи академіи. Ежедневныя занятія ихъ располагались слѣдующимъ образомъ: осенью и зимою въ 7-мъ часу, а весною и лѣтомъ въ 6-мъ, всѣ ученики, послѣ завтрака, собирались въ залъ для молитвы. По окончаніи ея расходились по классамъ и садились по своимъ мѣстамъ «со всякимъ почтеніемъ и всевозможною учтивостію, безъ всякой конфузіи, не досадя другъ другу».

Въ классахъ приказано было «никакого крику, ни шуму не чинить», и особенно не проводить время въ разговорахъ. Для наблюденія за порядкомъ, государь приказалъ во всякомъ классѣ быть по одному дядькѣ, и имѣть «хлыстъ въ рукахъ; а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ хлыстомъ бить, не смотря какой бы ученикъ фамиліи ни былъ, подъ жестокимъ наказаніемъ, кто поманитъ», то есть, кто будетъ потворствовать.

Воспитанники или, какъ ихъ называли въ бумагахъ, «морская гвардія», имѣли ружья, и въ академіи содержался постоянный караулъ изъ офицера и 18 учениковъ, по 3 изъ каждой бригады. Они стояли на часахъ у воротъ, въ залахъ, при денежной казнѣ, у часоваго колокола и т. п.

Преподаватели должны были являться къ своимъ занятіямъ во время, и обучать морскую гвардію «всему, что къ ихъ чину принадлежитъ, со всякимъ прилежаніемъ и лучшимъ разумительнѣй-

нимъ образомъ». Строго предписано было: «ничего не брать съ учениковъ, ни прямымъ ниже постороннимъ образомъ, подъ штрафомъ вчетверо оное возвратить», и ежели кто изъ учителей замѣчался двукратно виновнымъ во взяткахъ, то подвергался тѣлесному наказанію. Но недостаточность средствъ для содержанія академіи обращала данную первоначально инструкцію въ мертвую букву, и въ дѣйствительности морская академія походила на тѣ бурсы, которыя существовали еще въ иныхъ мѣстахъ Россіи лѣтъ за двадцать до настоящаго времени.

По недостатку помѣщенія многіе ученики жили въ частныхъ домахъ. По пріѣздѣ изъ Москвы, учениковъ размѣстили по квартирамъ гвардейскихъ солдатъ, бывшихъ въ то время въ походѣ. Впослѣдствіи, въ 1722 году, ученикамъ отводилось 68 квартиръ, въ дальнихъ частяхъ города, въ бѣдныхъ домишкахъ матросъ, мастеровыхъ и т. п. Не смотря на это въ академіи все таки соблюдались нѣкоторыя военныя правила, необходимыя для сохраненія порядка. Такъ напр. въ опредѣленное время били «тапту» (зорю), рундъ повѣрялъ часовыхъ, и ночью дозоръ обходилъ по дворамъ и вокругъ зданія. Это дѣлалось не для одной формы, но и по необходимости: строгость была нужна для удержанія тогдашнихъ юношей; многіе изъ нихъ не отличались трезвостію, и сосѣди академіи знали, что замки и запоры мало охраняютъ ихъ съѣстные припасы, дрова и проч. Все это было въ современныхъ нравахъ, которымъ соотвѣтствовали и наказанія: «сѣкли по два дня нещадно батогами, или, по молодости лѣтъ, вмѣсто кнута наказывали кошками»; за значительные проступки гоняли шпицрутенами сквозь строй, и послѣ такихъ наказаній оставляли «по прежнему въ ученьи».

При отпускахъ учениковъ брались подписки, что въ случаѣ неявки въ срокъ виновный будетъ посланъ въ каторжную работу, а за побѣгъ подвергнется смертной казни. Но такія угрозы никогда не приводились въ исполненіе и были не болѣе какъ канцелярская формальность.

Значеніе академіи.

Не смотря на довольно печальное положеніе морской академіи относительно средствъ содержанія, общественное ея значеніе было настолько высоко, что, по свидѣтельству одного иностранца (Вебера), бывшаго тогда въ Петербургѣ, во всемъ пространномъ россійскомъ государствѣ не было ни одной знатной фамиліи, которая бы

не представила въ академію сына или ближайшаго родственника». Дѣйствительно, для всякаго лица извѣстнаго государю, лучшимъ средствомъ обратить на себя его милостивое вниманіе было отдать сына въ морскую службу. Къ этому нельзя не прибавить, что на самомъ дѣлѣ тяжелая школа морской академіи выработала много прекрасныхъ морскихъ офицеровъ и, даже, нѣсколько замѣчательныхъ людей своего времени. Адмиралы: гидрографъ Нагаевъ, побѣдитель турокъ Ѳ. Ѳ. Ушаковъ, Семенъ Ивановичъ Мордвиновъ, спутникъ Беринга ученый морякъ Алексѣй Ильичъ Чириковъ были воспитанниками морской академіи.

Выше замѣчено, что въ академіи былъ особый классъ для обученія геодезіи, и царю скоро понадобились свѣдущіе въ этой наукѣ люди. 1718 года мая 27 велѣно было «для описанія земель въ Сибири выбрать изъ навигаторовъ, которые искусны въ географіи къ сочиненію картъ». Для исполненія этой работы Фарварсономъ и Гвыномъ избраны были два «геодезиста»: Ѳедоръ Лужинъ и Иванъ Евреиновъ. Впослѣдствіи, кромѣ ихъ, при жизни Петра, отправлено было въ Сибирь еще 7 геодезистовъ, [1]) въ губерніи: нижегородскую 4, московскую 4, кіевскую 2, смоленскую 2, казанскую 2; «для учиненія границы Россіи съ Швеціей» 2, въ Почепъ для межеванія 1, «къ строенію прешпективной дороги отъ Волхова до Москвы» 1, для описи заповѣдныхъ лѣсовъ 3 [2]). Геодезисты были наши первые съемщики и составители картъ разныхъ частей Россіи; работы ихъ послужили матеріаломъ для полнаго атласа, составленнаго оберъ-секретаремъ сената Кириловымъ и изданнаго въ царствованіе императрицы Екатерины I. Геодезистамъ, отправляемымъ для производства съемокъ, отпускались слѣдующіе инструменты: готовальня, мѣрительная цѣпь, «азимуѳальный» компасъ, «ѳеодолитъ» (астролябія), и, для измѣренія высотъ свѣтилъ, квадрантъ—деревянный инструментъ, состоявшій изъ бруска съ прикрѣпленными къ нему двумя дугами раздѣленными на граду- Геодезисты.

---

[1]) Иванъ Захаровъ, Петръ Чичаговъ, Петръ Скобельцинъ, Иванъ Свистуновъ, Дмитрій Баскаковъ, Василій Шетиловъ и Григорій Путиловъ. (Ковч. адмир.-совѣта. Повелѣніе Петра относящееся до первой Беринговой экспедиціи).

[2]) Гл. морск. арх. (Дѣл. Воинск. Морской Коммисіи № 48).

сы. [1]) При такихъ недостаточныхъ средствахъ, отъ картъ составленныхъ геодезистами нельзя было требовать большой точности.

Московская школа (1715—1725 г.).

По основаніи академіи московская школа продолжала свое существованіе прежнимъ порядкомъ, подъ завѣдываніемъ коммисара московской адмиралтейской конторы и ближайшимъ начальствомъ опытнаго и исполнительнаго служаки, Магницкаго; главнымъ же начальникомъ надъ школою былъ директоръ морской академіи, разумѣется, подчиненный адмиралтействъ-коллегіи. Московскіе школьники по большей части были изъ низшихъ сословій

Адмиралтейскія школы.

Кромѣ московской школы и морской академіи подъ вѣдѣніемъ адмиралтействъ-коллегіи состояли еще школы находившіяся въ портахъ и въ разныхъ городахъ и провинціяхъ. Первыя носили названіе «русскихъ школъ»; въ нихъ обучались русской грамотѣ и цифири дѣти всѣхъ сословій, преимущественно же сыновья мастеровыхъ людей. Для примѣра приведемъ составъ русской школы въ Петербургѣ въ 1719 году: въ ней было 173 человѣка, въ томъ числѣ изъ недорослей 4, изъ нищихъ 3, дѣтей мастеровыхъ людей 152, вольныхъ людей 14. Всѣмъ имъ шло денежное и хлѣбное жалованье, послѣднее въ половину противъ солдата, и мундиръ матроса 3 статьи, т. е., сѣрые сермяжные бостроги, съ такими же штанами; а по уничтоженіи 3 статьи, всѣмъ давался матросскій мундиръ 2 статьи. Учителемъ при школѣ состоялъ дьяконъ, которому давалось отъ адмиралтействъ-коллегіи денежное и хлѣбное жалованье наравнѣ съ дьячкомъ Исакіевской церкви; тоже жалованье положено было давать учителямъ въ Ревелѣ и на Котлинѣ. При школахъ состояли сначала по одному капралу и по одному солдату, а потомъ, для надзора за учениками, находились матросы. Въ 1721 году петербургская адмиралтейская школа поступила въ вѣдѣніе директора морской академіи Скорнякова-Писарева [2]). Школы въ городахъ и провинціяхъ были учреждены указомъ 28 февраля 1714 года, для обученія «дворянскихъ и приказнаго чина дьячихъ и подъяческихъ дѣтей цифири и нѣкоторой части геометріи». Кромѣ дьячихъ и подъяческихъ, впослѣдствіи стали обучать «церковниковыхъ» дѣтей и монастырскихъ слугъ, а въ галицкой провинціи школу

---

[1]) Матеріалы. Отдѣл. II. № 354. лит. Ч'.

[2]) Матеріалы. Отд. X, стр. 380, 384, 444, 480 и 530.

посѣщали и дѣти посадскихъ людей, но только охотники, а высылкою въ школу неволею понуждать ихъ не велѣно, «дабы отъ того въ сборѣ податей и таможенныхъ пошлинъ умаленія не было». Возрастъ для опредѣленія въ школу назначенъ отъ 10 до 15 лѣтъ, но вѣроятно потомъ стали брать и свыше 15 лѣтъ, потому что въ 1720 году коллегія опредѣлила: «женатыхъ въ ученье свыше 20 лѣтъ не брать, развѣ которые охотою пожелаютъ; а которые и женаты, а лѣта отъ 10 и до 15, и тѣхъ потому жъ обучать». Школы велѣно было учредить при архіерейскихъ домахъ и при знатныхъ монастыряхъ, учителями въ нихъ назначены ученики математическихъ школъ, которымъ опредѣлено давать жалованье по 3 алтына 2 деньги въ день, изъ губернскихъ доходовъ, да по выученіи позволено брать съ каждаго ученика по рублю [1]). Во всякую губернію назначено было по два такихъ учителя. До 1720 года школы состояли подъ вѣдѣніемъ сената, съ этого времени подчинены адмиралтействъ-коллегіи и поступили въ распоряженіе Скорнякова-Писарева [2]). Въ царствованіе Петра Великаго «губернскихъ школъ» было 23, въ городахъ: Новгородѣ, Пошехоньѣ, Ярославлѣ, Твери, Великолуцкѣ, Москвѣ, Переславлѣ-Рязанскомъ, Костромѣ, Суздалѣ, Юрьевѣ-Польскомъ, Переславлѣ-Залѣскомъ, Владимірѣ, Калугѣ, Смоленскѣ, Воронежѣ, Тамбовѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Свіяжскѣ, Уфѣ, Астрахани, Симбирскѣ, Галичѣ [3]).

Государь, создавая флотъ и заводя училища для образованія моряковъ, не оставилъ безъ вниманія и другаго важнаго образовательнаго элемента—литературы. При Петрѣ начали впервые печататься въ Россіи книги посвященныя разнымъ отраслямъ морскаго дѣла. Число ихъ не велико, но если обратимъ вниманіе на новизну дѣла, малочисленность дѣятелей и то обстоятельство, что почти каждая книга печаталась по указанію государя, а иногда, самимъ имъ просматривалась, то увидимъ, что при такихъ условіяхъ, появленіе на русскомъ языкѣ немногихъ книхъ требовало большаго труда. **Морскія книги.**

Въ царствованіе Петра издано около двухъ десятковъ сочиненій,

---

[1]) Полн. Собр. Зак. т. V, № 2778. Матеріалы. Отд. X, стр. 430, 434, 441, 469.

[2]) Матеріалы Отд. II № 354 лит. д'.

[3]) Кириловъ. Цвѣтущее состояніе россійскаго государства.

или заключающихъ въ себѣ свѣдѣнія по главнѣйшимъ отраслямъ морскаго дѣла или знакомящихъ съ порядками существующими на иностранныхъ флотахъ.

Первая, по времени, русская морская книга была «Книга учащая морскаго плаванія, которую издаде остиндыйскія компаніи сометра и преславнѣйшый во всей Эвропѣ математыкъ: шыперскій мастеръ и учитель Авраамъ Деграфъ». Она была напечатана въ Амстердамѣ въ 1701 году, славянскимъ шрифтомъ, но съ арабскими цифрами. Въ предисловіи, переводчикъ Илья Копіевскій пишетъ, что «сія книга полезна есть къ обученію и желаемому благоискуству, не точію хотящимъ учитися морского плаванія, но и всякаго чина людемъ въ дому сущымъ, и путешествующымъ, воинскимъ и торговымъ людемъ». «Здѣ всякъ обрящетъ ищущый премудрости много зѣло полезная». Въ книгѣ говорится о кругахъ и точкахъ глобуса, компасѣ, склоненіи магнитной стрѣлки, исправленіи румбовъ, опредѣленіи широты, при которомъ высота солнца измѣряется градштокомъ и исправляется только видимымъ полдіаметромъ солнца. Затѣмъ объясняется, въ формѣ рѣшенія задачъ, плаваніе по плоской и меркаторской картамъ и при этомъ дѣлается исправленіе погрѣшности плаванія, происходящей отъ теченія моря. Далѣе идутъ задачи: «Искушеніе или свидѣтельство шыперское», толкованіе о глобусѣ и переводъ на русскій языкъ иностранныхъ словъ находящихся въ книгѣ: экваторъ—верстатель, зодіакъ—животворный кругъ и т. п. Взаключеніе приложены таблицы логариѳмовъ, склоненія солнца и меридіональныхъ частей.

Къ книгамъ, содержащимъ правила кораблевожденія, отчасти относится и составленная Магницкимъ «Ариѳметика», напечатанная въ Москвѣ въ 1703 году, также славянскимъ шрифтомъ съ арабскими цифрами. Эта ариѳметика раздѣляется на двѣ части или книги, на «ариѳметику-политику или гражданскую», заключающую собственно ариѳметику и геометрію, и на «ариѳметику-логистику, не ко гражданству токмо, но и къ движенію небесныхъ круговъ принадлежащую». Послѣдняя, то есть, «ариѳметика-логистика, подраздѣляется на три части, изъ которыхъ двѣ первыя содержатъ алгебру, приложенія ее къ геометріи и нѣкоторыя задачи изъ плоской тригонометріи. Послѣдняя же, третья часть ариѳметики-логистики носитъ заглавіе: «Обще о земномъ размѣреніи, и яже къ мореплаванію при-

належатъ». Здѣсь находятся нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія изъ астрономіи и навигаціи, и для рѣшенія задачъ приложено довольно много различныхъ таблицъ, какъ напр. локсодромическія, склоненія солнца, рефракціи, параллакса, широты и долготы 26-ти примѣчательнѣйшихъ городовъ и мѣстъ и пр. Широта мѣста опредѣляется посредствомъ астрономическаго кольца, долгота—по сравненію мѣстныхъ солнечныхъ часовъ съ исправными карманными, уставленными по другому меридіану. Въ таблицахъ наибольшій горизонтальный параллаксъ солнца показанъ 29′ 8″; рефракціи для солнца и звѣздъ показаны различныя.

Ариѳметика Магницкаго должна быть дорога для каждаго русскаго потому, что она находилась въ числѣ немногихъ книгъ, возбудившихъ любознательность Ломоносова, и еще потому, что это было первое *русское* математическое сочиненіе, въ которомъ, по словамъ самого автора; «...разумъ весь собралъ и чинъ, природно русской, а не нѣмчинъ».

Какъ необходимое пособіе для учениковъ навигацкой школы были напечатаны «Таблицы логариѳмовъ и синусовъ, тангенсовъ и секансовъ», изданныя въ Москвѣ въ 1703 году. Въ нихъ, кромѣ арабскихъ цифръ, остальное все напечатано славянскимъ шрифтомъ. Эти же самыя, или подобныя имъ таблицы изданы были въ 1716 году уже гражданскимъ шрифтомъ и предназначались собственно для учениковъ школы. Подъ надзоромъ Я. В Брюса, изданіе просматривали Фарварсонъ, Гвынъ и Магницкій, а за печатаніемъ наблюдалъ библіотекарь Кипріяновъ. «Таблицы горизонтальныя сѣверныя и южныя широты восхожденія солнца», переводъ съ голландскаго, изданныя въ Москвѣ, въ 1722 году, «тщаніемъ учителей Андрея Фарварсона, да Леонтія Магницкаго, отъ библіотекаря Василья Кипріянова», назначались также «во употребленіе школъ маѳематико-навигацкихъ учениковъ». Для той же цѣли напечатаны были въ Москвѣ, въ 1723 году, тѣмъ же Кипріяновымъ «Таблицы склоненія солнца сочиненныя по амстердамскому меридіану, отъ лѣта господня 1720 по 1741 годъ». Подъ этимъ заглавіемъ въ Имп. публичной библіотекѣ есть книга, въ которой, въ одномъ переплетѣ, собраны и различныя навигаціонныя таблицы, какъ напр. таблицы разности широты и отшествій, меридіанальныхъ частей и пр.

«Новое голанское карабельное строеніе, глашающее совершенно чіненіе карабля», и пр. «въ мѣстѣ снесено чрезъ Карлуса Алярда». Переводъ съ голландскаго, напечатанъ въ Москвѣ, въ 1709 г., русскимъ шрифтомъ, составленнымъ въ 1708 году самимъ государемъ. Эта книга есть сборникъ множества практическихъ свѣдѣній по различнымъ частямъ кораблестроенія, кораблеправленія, артиллеріи и пр. Не смотря на то, что книга составлена безъ всякой системы и изложена самымъ страннымъ языкомъ, представляющимъ смѣсь русскаго съ голландскимъ,—въ ней заключается масса разнообразныхъ морскихъ свѣдѣній, которыя должны были принести пользу читателямъ, интересующимся предметомъ и неимѣвшимъ, для изученія морскаго дѣла, другаго лучшаго пособія.

Книга Алярда состоитъ изъ предисловія и двухъ частей; въ первой поименованы различныя части корабля и его вооруженія, перечислены названія вѣтровъ, послѣ которыхъ слѣдуетъ описаніе флаговъ различныхъ націй, исторія происхожденія гербовъ, размѣры частей корабельнаго кузова, рангоута, такелажа и парусовъ, таблицы отношенія вѣса якорей къ толщинѣ канатовъ, исчисленія количества провизіи и, наконецъ, отношенія между вѣсомъ ядеръ и картузовъ, при пробѣ орудій. Во второй части говорится о спускѣ корабля, камеляхъ, подъемѣ якоря, размѣрахъ шлюпокъ, кренгованіи, компасѣ, астрономическихъ инструментахъ, кранахъ, вырубкѣ снастей, находится описаніе урагана, таблицы размѣровъ и вѣса якорей и толщины канатовъ для разнаго рода судовъ, голландско-русскій словарь шхиперскихъ, артиллерійскихъ и др. припасовъ и пр.; наконецъ, правила управленія кораблемъ во всякую погоду. Къ книгѣ приложено множество рисунковъ, изображающихъ все изложенное въ этомъ сочиненіи [1]).

«Книга пропорціи оснастки кораблей аглинской. С.-Петербургъ 1716 года мая въ 9 день». Вся книга состоитъ изъ таблицъ, въ которыхъ показаны размѣры рангоута и такелажа для кораблей 6-ти ранговъ, отъ 100 до 50 пуш., для фрегатовъ въ 40, 32, 24 и 14 пуш., для шлюпокъ и ботовъ. Названія частей рангоута и такелажа изложены по-англійски и по-голландски русскими буква-

---

[1]) Полный экземпляръ книги Алярда находится только въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ.

ми; размѣры толщины показаны въ дюймахъ діаметра, а длины въ аршинахъ или саженяхъ. Кромѣ того, въ книгѣ находятся таблицы вѣса якорей, размѣровъ флаговъ, вымпеловъ, гюйсовъ и блоковъ.

По части лоціи, издана «Книга морская, зѣло потребная, явно показующая правдівое мореплаваніе на Балтійскомъ морѣ и пр.» Отъ Ягана Монсана». Напечатана въ Петербургѣ, 1721 г. Эта краткая (въ 132 стран.) лоція Балтійскаго моря имѣла три изданія, послѣднее въ 1786 году. Лоціею Монсана пользовались наши морскіе офицеры до 1789 г., т. е. до выхода лоціи, составленной Нагаевымъ.

По части кораблеправленія, «Начінающимъ въ наученіе, отъ части знающимъ въ доученіе, а не твердо памятнымъ въ подтвержденіе», написанъ былъ капитаномъ Конономъ Зотовымъ «Разговоръ у адмірала съ капітаномъ о командѣ. Или полное ученіе како управлять караблемъ во всякія разныя случаи». Напечатанъ въ С.-Петербургѣ, 1724 г. Въ этой книгѣ, въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, предлагаются правила: управленія кораблемъ на морѣ, съемки съ якоря, постановки и уборки парусовъ, поворотовъ и пр. По тому же предмету еще былъ изданъ «Трактатъ о движеніяхъ корабельныхъ» и «Морской циркуль», переводное сочиненіе изъ книгъ великобританскаго флота [1]).

Кромѣ этихъ, до извѣстной степени, научныхъ книгъ, при Петрѣ переведено нѣсколько сочиненій, для знакомства русскихъ читателей съ состояніемъ разныхъ сторонъ современныхъ иностранныхъ флотовъ, какъ напр. «де-Турвиля, вице-адмирала французскаго, сигналы на 1694 г.», «Описаніе французскаго флота» и «Штатъ морской французскаго королевства». Наконецъ, напечатано было нѣсколько книгъ, послужившихъ матеріаломъ для составленія свода морскихъ законовъ, и изданы самые законы; о тѣхъ и другихъ подробно сказано въ предъидущей главѣ.

Въ числѣ немногихъ извѣстныхъ рукописей того времени, приготовленныхъ къ печати, находятся учебныя руководства по навигаціи и морской астрономіи, переводъ исторіи Гуѳнція о древ-

---

[1]) О послѣднихъ двухъ книгахъ упоминается только въ Дѣян. Петра Велик., изд. 1839 г. Т. X, стр. 334.

немъ мореплаваніи и купечествѣ, описаніе мореходныхъ судовъ и т. п.[1]).

Морскія карты.

До Петра существовало два рода изображеній Россіи или отдѣльныхъ ея мѣстностей: первое—географическія карты, издававшіяся заграницею и составленныя по болѣе или менѣе скуднымъ матеріаламъ, собраннымъ иностранцами посѣщавшими Россію; второе—изображенія собственно русскаго произведенія, называвшіеся *географскими чертежами*. Карты заграничныя не доходили до Россіи; а «географскіе чертежи» дѣлались въ немногихъ экземплярахъ, собственно для правительственныхъ цѣлей. Такіе чертежи, на которыхъ только по надписямъ можно было узнать разстояніе между нѣкоторыми избранными пунктами, не давали вѣрнаго понятія о взаимномъ положеніи и разстояніи всѣхъ точекъ изображаемой ими мѣстности, а потому вовсе не могли имѣть примѣненія къ мореплаванію. Укажемъ на нѣкоторыя изъ болѣе замѣчательныхъ иностранныхъ картъ, представляющихъ берега нынѣшнихъ русскихъ морей. На картѣ Леонарда Дати, листѣ небольшаго формата, заключающемъ страны около Средиземнаго, Чернаго и Азовскаго морей, на восточномъ берегу послѣдняго написано Russ и въ углу на маленькой частной карточкѣ при устьѣ Дона назначенъ генуэзскій городъ Тана. На другой картѣ 1335 года, взятой изъ географіи того времени, составленной по Птоломею, Черное и Азовское моря обведены довольно правильно; а Балтійское представлено проливомъ, отдѣляющимъ отъ материка продолговатый островъ, на которомъ лежатъ Швеція и Норвегія. На этой картѣ, къ востоку отъ Польши, идутъ (латинскія) надписи: Скиѳія, Бѣлая Россія, Московія и, еще восточнѣе, просто «Россія». Подлѣ этой надписи—озеро, изъ котораго вытекаетъ рѣка въ море; при устьѣ стоитъ «Ладога» и близъ ея «Новгородъ». Въ то же озеро, изъ горъ Анибп (Anibi Montes), лежащихъ отъ него къ югу, течетъ другая рѣка, и на ней поставлена Рязань. На картѣ Скандинавіи 1432

---

[1]) Соколовъ. «Русская морская библіотека», въ Записк. Гидрограф. Департ. V. 421—446. Пекарскій. «Наука и литер. въ Россіи при Петрѣ Велик.» т. II. и самыя перечисляемыя здѣсь книги. Упоминаемый г. Соколовымъ, въ числѣ рукописей, «Морской Россійской Словарь, правленный рукою Петра Великаго», и будто бы хранящійся въ библіотекѣ Императ. Академіи Наукъ, —тамъ не находится, что заставляетъ предполагать какую-нибудь ошибку въ показаніи.

года, составленной Англеріусомъ изъ Страсбурга, Балтійское море также обезображено; на южномъ берегу его, или лучше сказать Финскаго залива, восточнѣе меридіана Выборга назначено Бѣлое озеро, изъ котораго одна рѣка (не поименованная) течетъ въ Балтійское море, а двѣ другія Борисфенъ (Днѣстръ) и Танаисъ (Донъ) къ югу; на Днѣстрѣ стоитъ Смоленскъ, а на Дону Рязань, Владиміръ и Москва. Новгородъ поставленъ на самомъ берегу Балтійскаго моря. Не смотря на крайнюю неправильность очерка моря, широты различныхъ мѣстъ нѣсколько подходятъ къ истинѣ; такъ напр. Зундъ назначенъ только однимъ градусомъ сѣвернѣе настоящаго, и Финскій заливъ находится между параллелями 60° и 63½° [1]).

Около половины XVI столѣтія начинаютъ уже являться отдѣльныя карты собственно Россіи или Московіи. Такъ напр. въ 1550 году, къ одной космографіи, изданной въ Базелѣ, приложена карта Россіи въ форматѣ не болѣе четверти листа, печатанная съ деревянной доски. Амстердамскій бургомистръ Витсенъ, много знакомившій Европу съ Россіею, въ предисловіи къ своему сочиненію о *сѣверной и восточной Татаріи*, упоминаетъ о картѣ Россіи, въ 1555 году, составленной данцигскимъ уроженцемъ Видомъ, и будто бы напечатанной на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Англичанинъ Дженкинсонъ, ѣздившій черезъ Россію и Каспійское море въ Персію, составилъ карту этого моря, помѣщенную въ Ортелліевомъ Theatro Orbis Terrarum 1588 года и повторенную послѣ въ другихъ изданіяхъ. Въ томъ же Theatro есть карта Татаріи, въ которой первый разъ, хотя по наслышкѣ, представленъ очеркъ береговъ Сибири. Чтобы судить о вѣрности этой карты, достаточно замѣтить, что на ней, при устьи рѣки Оби, около 82° широты, поставлены десять колѣнъ Іудейскихъ, отведенныхъ Салманасаромъ въ плѣнъ Ассирійскій. Но на ней же, по странной игрѣ случая, близлежащіе къ Азіи берега Америки назначены довольно порядочно [1]). Въ XVII вѣкѣ, когда сношенія русскихъ съ иностранцами сдѣ-

[1]) Подлинники всѣхъ трехъ картъ находятся во Флоренціи, а копіи ихъ, снятыя г. Штандманомъ въ 1820 г., хранятся въ Румянцевскомъ музеѣ, подъ №№ 552, 554 и 556.

[1]) Ежемѣсячныя сочиненія 1761 г. стр. 388 и 390. Штукенбергъ. Картографія, стр. II.

лались несравненно тѣснѣе прежняго, число путешественниковъ увеличилось и многіе изъ нихъ привозили въ отечество или матеріалы для составленія картъ или сами составляли карты различныхъ частей Россіи и прилагали ихъ къ описанію своихъ путешествій. Такъ Ісаакъ Маасъ, авторъ сочиненія о Сибири, напечатаннаго въ Recueil des voyages de la Compagnie des Inde orientale (здѣсь разумѣется голландская компанія), былъ въ Россіи въ началѣ XVII столѣтія и издалъ объ ней нѣсколько картъ. Крайнимъ предѣломъ, до котораго онѣ простирались къ востоку, была рѣка Енисей. Олеарій къ описанію своего путешествія (1634—1638 г.) приложилъ весьма порядочную карту Балтійскаго моря и Финскаго залива до Нарвы, черезъ которую онъ въѣхалъ въ Россію,—рѣки Волги отъ Нижняго Новгорода до устьевъ (при составленіи этой карты Олеарію помогали нѣсколько русскихъ лоцмановъ), генеральную карту Каспійскаго моря, частную юго-восточнаго угла его, и, наконецъ, карту Татаріи, на которой назначены берега сѣверной и восточной Сибири. Витсенъ, бывшій въ Россіи съ голландскимъ посольствомъ въ 1666 и 1667 годахъ, не ограничился собраніемъ разныхъ географическихъ свѣдѣній о Россіи и особенно о неизвѣстныхъ Европѣ странахъ сѣверовосточной Азіи, но, по возвращеніи въ отечество, велъ непрерывную переписку съ своими русскими знакомыми и черезъ нихъ получалъ новыя свѣдѣнія. Онъ первый изъ иностранцевъ представилъ на картѣ страны къ востоку отъ Енисея и показалъ, что владѣнія Россіи простираются до Китая и Японіи. Голландскій купецъ Избрантъ Идесъ, посыланный въ 1697 году государемъ Петромъ Великимъ въ Пекинъ, для переговоровъ о торговлѣ, проѣзжая по Сибири, собралъ о ней нѣкоторыя свѣдѣнія и, съ помощію Витсена, составилъ карту, на которой въ первый разъ европейцамъ является Камчатка въ видѣ рѣки съ городомъ на восточномъ берегу Сибири подъ 72° широты [1]).

О древнѣйшемъ русскомъ географскомъ чертежѣ упоминается въ «Книгѣ большому чертежу», писанной въ 1627 году. На первыхъ строкахъ говорится: «по государеву и пр. указу сысканъ *старый* чертежъ всему Московскому государству... и тотъ старый чертежъ ветхъ, избился весь и развалился, сдѣланъ тотъ чер-

---

[1]) Ежемѣс. сочинен. 1761 г., стр. 415 и 418.

тежъ *давно* при прежнихъ государяхъ», и пр. Основываясь на словахъ исторіи Татищева (т. I, стр. 506), что «царь Іоаннъ Васильевичъ, въ 1552 году, велѣлъ землю измѣрить и чертежъ государству сдѣлать», нѣкоторые изслѣдователи относятъ составленіе «Книги большому чертежу» къ этому году.

Въ 1567 посыланъ былъ, тѣмъ же царемъ, атаманъ Иванъ Петровъ «на востокъ и на сѣверъ, для провѣданія сосѣднихъ царствъ» и по возвращеніи представилъ «поѣздъ», т. е., описаніе. Въ 1668 году велѣно «всю сибирскую землю описать»; составленный и напечатанный по этому описанію чертежъ былъ тогда сибирскимъ жителямъ «въ великое удивленіе, яко много лѣтъ при житіи ихъ проидоше и недовѣдомы орды сосѣдъ жилища и еже нынѣ и тое урочище пять поприщъ имуще, они жъ тогда сто верстъ мнѣша, а идеже день ходу, ту имъ недѣля ѣзду». Послѣ этой посылки съ 1684 по 1699 годъ включительно, показаны десять различныхъ годовъ, въ которые по царскимъ грамотамъ дѣлались чертежи (вѣроятно разныхъ частей) Сибири [1]). Судя по такой заботливости правительства о составленіи сибирскихъ чертежей, трудно допустить, чтобы въ этомъ отношеніи совершенно забыта была Европейская Россія.

Послѣдній географскій чертежъ, современный рождающемуся балтійскому флоту, сдѣланъ былъ, по порученію сибирскаго приказа, тобольскимъ боярскимъ сыномъ Семеномъ Емельяновымъ Ремезовымъ [2]), которому велѣно было собрать всѣ прежніе чертежи Сибири, исправить погрѣшности по разсказамъ бывалыхъ людей и пополнить, въ чемъ будетъ нужно.

Въ 1701 году представилъ Ремезовъ составленную имъ «Чертежную книгу» всей Сибири, состоящую изъ 24-хъ листовъ. О степени вѣрности этого атласа даетъ понятіе карта, представляющая весь берегъ Сибири отъ Бѣлаго моря до Китая. На ней, на сѣверномъ берегу Бѣлаго моря, поставлена «Стекольня» (Стокгольмъ) и противъ устья Лены назначенъ большой островъ «Крестовой, провѣданный въ 1690 г.». Далѣе берегъ поворачиваетъ къ юговостоку и доходитъ до границы Китая. На этомъ пространствѣ впадаютъ

---

[1]) Атласъ Ремезова въ Румянцевскомъ музеѣ.

[2]) Составителемъ Сибирской лѣтописи, которую продолжалъ сынъ его Иванъ.

въ Сѣверный океанъ рѣки: Камчатка, Охота, Уда и Амуръ. На морѣ, между устьями рѣкъ Уды и Камчатки, назначена часть «острова» Камчатки. Къ западу отъ Кореи—островъ Апонія (Японія) и къ сѣверовостоку—часть Новой Земли. На одной изъ картъ на полуостровѣ, подлѣ устья Лены, сдѣлана надпись: «камень конца не имать». Замѣчательны слова Ремезова «о славномъ Алтаѣ камнѣ (Алтайскихъ горахъ), имущемъ верхъ досязати выше облакъ и путь имущему косогоры, восхожденія вверхъ недѣлю, такожъ и нисхожденія недѣлю, безводно, искони Богомъ созданъ въ основаніе главою всѣхъ великихъ рѣкъ: Иртыша, Оби, Енисея, Селенги, китайской Корги, индѣйской Ганга». Большая часть русскихъ надписей на которыхъ, составляющихъ «чертежную книгу», имѣютъ голландскіе переводы. Множество номеровъ показываютъ, что при атласѣ было описаніе въ родѣ «Книги большому чертежу». Разстоянія у Ремезова означены въ «печатныхъ государевыхъ саженяхъ», которыхъ въ верстѣ полагалось тысяча.

При Петрѣ Великомъ, вмѣсто географскихъ чертежей, у насъ начинаютъ появляться обыкновенныя географическія карты и стали производиться съемки, для составленія морскихъ картъ. Въ первое свое заграничное путешествіе (стр. 106—111), государь въ Амстердамѣ встрѣтился съ Витсеномъ. Ученые труды Витсена знакомившіе иностранцевъ съ Россіею, обратили на него особенное вниманіе Петра, а страстная любовь къ морскому дѣлу и серьезныя занятія морскими науками сблизили его съ царемъ до того, что Петръ въ выборѣ для себя учителей руководствовался указаніями Витсена. По его рекомендаціи царь учился у Албертсона фанъ-Дама, извѣстнаго математика и знатока морскихъ наукъ, и съ Адамомъ Сило занимался черченіемъ. Но кромѣ того, тамъ же въ Амстердамѣ, Петръ пробовалъ учиться гравированію у хорошаго гравера Адріана Шхонбека, котораго онъ пригласилъ въ Россію и который, между прочими работами, занимался гравированіемъ первыхъ русскихъ морскихъ картъ [1]).

Настоящія морскія съемки начались у насъ еще на азовскомъ флотѣ (стр 144). Въ 1699 году, во время плаванія по Дону,

---

[1]) Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, I, стр. 6—9.

Крюйсъ, въ присутствіи государя и при его непосредственномъ содѣйствіи, сдѣлалъ съемку этой рѣки отъ Воронежа до Азова. Роскошный атласъ Крюйса былъ изданъ въ 1703 или 1704 году въ Амстердамѣ, на русскомъ и голландскомъ языкахъ, подъ заглавіемъ: «Новая чертежная книга, содержащая великую рѣку Донъ или Танаисъ и пр.» Въ концѣ атласа приложены «зѣло любопытные чертежи Азовскаго моря или езера Меотскаго и понта Эвксинскаго», скопированные съ иностранныхъ картъ, также виды береговъ обоихъ морей и описаніе рѣки Дона и города Азова; при чемъ авторъ знакомитъ читателя съ жителями и самою страною, по которой течетъ Донъ. Кромѣ заглавія и немногихъ надписей на картахъ, весь текстъ атласа на голландскомъ языкѣ.

При этой первой нашей съемкѣ, исполненной по научнымъ способамъ, производитель работы «отъ мѣста до мѣста примѣчалъ, широту мѣстъ описалъ, и еже получасію (то есть, черезъ каждые полчаса) грунтъ диплотомъ и тонкимъ линемъ, компасомъ и минутною склянкою расчислилъ, дабы подлинное положеніе и разстояніе ея (рѣки) измѣрить; и то есть самое надежное и точнѣйшее средство къ познанію грунтовъ и на какихъ румбахъ рѣка лежитъ» [1]. На картахъ атласа назначены широты Воронежа, Азова и немногихъ промежуточныхъ пунктовъ.

Гидрографическія работы въ царствованіе Петра шли одновременно съ завоеваніемъ морей. Занимая какую нибудь часть моря, или отправляя судно въ новое мѣсто, государь спѣшилъ ознакомиться съ нимъ и съ ведущимъ къ нему путемъ, и приказывалъ, насколько позволятъ обстоятельства и средства, дѣлать съемку и промѣръ. По такимъ работамъ составлялись карты, необходимыя, какъ для ознакомленія съ новою мѣстностію, такъ и для соображеній о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Впослѣдствіи, когда представлялась возможность, эти первоначальныя карты, отъ которыхъ нельзя было ожидать большой вѣрности, почти всегда пополнялись и исправлялись новыми съемками.

Первыя плаванія русскихъ судовъ по Азовскому морю и походъ корабля *Крѣпость* въ Константинополь, со стороны гидрографическихъ изслѣдованій, не остались безъ послѣдствій. Почти, при

---

[1]) Крюйса, Атласъ рѣки Дона, въ архивѣ Гидрогр. Департ. № 10126.

каждомъ изъ этихъ плаваній, по невозможности правильныхъ съемокъ, наносились приближенные очерки берега или просто дѣлался промѣръ по проходимому пути. Результатами такихъ работъ были слѣдующія карты: «Восточная часть моря Палусъ Меотисъ, и нынѣ называется Азовское море. Великій монархъ Петеръ первый, Императоръ, Царь и Самодержецъ всероссійскій ходилъ, позналъ и открылъ въ 1699 году, и по его Великаго Государя указу выгрыдоровалъ на мѣди зографъ Адріанъ Шхонбекъ, 1701 года». Карта посвящена Ѳ.А. Головину и на ней означено кто ходилъ съ государемъ, поименованы суда, ихъ командиры и названо число пушекъ. Глубины показаны отъ устья Дона до Керченскаго пролива.

Карта, имѣющая названіе «Прямой чертежъ Чернаго моря отъ города Керчи до Царяграда»; гравирована Пикаромъ. На ней море съужено по меридіану и обводъ берега представляетъ множество глубокихъ заливовъ и выдающихся полуостровов, не существующихъ въ дѣйствительности. Глубины означены около Крыма и на частной картѣ Константинопольскаго пролива.

Въ 1700 году сняты были еще виды береговъ Азовскаго и Чернаго морей «отъ Азовскаго моря даже до Константинополя» штурманомъ Христіаномъ Отто (бывшимъ впослѣдствіи оберъ-цейхмейстеромъ), во время плаванія на кораблѣ *Крѣпость*. Эти виды награвированы на одномъ листѣ Шхонбекомъ въ 1704г. Сохранилась еще рукописная карта Азовскаго моря, озаглавленная: «Новую карту отъ всѣго моря Палѣсъ и Мѣотѣсъ отъ Азова до Кѣрчи, зделанъ на воронеже, 1702 году». На ней очертаніе береговъ весьма невѣрное, за исключеніемъ части между устьями Дона и линіей идущей отъ Долгой косы до Бердянской; въ этой части нанесенъ довольно подробный промѣръ, показанный также по пути до Керченскаго пролива. Восточнѣе этого пролива, передъ устьями Кубани, показанъ еще проливъ соединяющій Азовское море съ Чернымъ, и на островѣ находящемся между обоими проливами назначены два города: «Таманъ» при Керченскомъ и «Кошолтасъ» (?) при другомъ [1]).

Съ утвержденіемъ Русскихъ на берегахъ Невы явился работы Шхонбека «Географскій чертежъ надъ Ижорскою землею, съ своими городами, уѣздами и проч.» По мнѣнію Миллера, этотъ чертежъ

---

[1]) Арх. Гидрограф. Департам. № 1843.

вѣроятно былъ составленъ по образцу прежнихъ шведскихъ картъ. Въ него кромѣ Ингерманландіи вошла и Карелія. Острова въ дельтѣ Невы имѣютъ названія: Васильевскій — Гиви-Сари, Каменный— Кици-Сари и пр. Петербургскій островъ названъ «Березовымъ». Котлинъ называется—Ратусари.

Работы Пикара, безъ означенія года, сохранились слѣдующія карты: «Размѣрная карта части вначалѣ Балтійскаго моря», отъ Петербурга до меридіана Монвика, и другая съ такимъ же заглавіемъ, служащая продолженіемъ первой и доходящая до Рогервика. Третья «Новые размѣрные карты часть Балтиское море», отъ Гогланда до Эланда, съ Рижскимъ заливомъ и Аландскими островами. На поляхъ ея помѣщены: частная карта отъ Гогланда до Петербурга, карты Ботническаго залива и Ладожскаго озера.

Шхонбекъ, въ 1705 г., награвировалъ «Часть сначала Восточнаго моря и пр.» отъ меридіана Борго до Ботническаго залива, съ частію Рижскаго.

При первыхъ плаваніяхъ нашихъ судовъ въ Финскомъ заливѣ необходимость заставляла пользоваться шведскими картами, а потомъ, по мѣрѣ оттѣсненія шведовъ къ западу, стали дѣлаться у насъ свои съемки и промѣры. Такъ, лѣтомъ 1710 года, Крюйсъ дѣлалъ промѣръ у Кроншлота и опредѣлилъ всѣ мели на фарватерѣ; а осенью, по приказанію государя, дѣлали промѣры въ «Выборгскомъ проливѣ». При движеніяхъ галернаго флота въ незнакомыхъ мѣстахъ шхеръ, всегда впереди посылался небольшой отрядъ судовъ осматривать берега и дѣлать промѣры. Тотчасъ послѣ гангутскаго сраженія были описаны проходы у Гангута, Тверминда и Барезунда, опредѣлены примѣтныя точки на островахъ и берегу, и на фарватерахъ указаны мѣста для постановки бакановъ [1]).

Въ маѣ 1714 года изданъ на русскомъ языкѣ атласъ морскихъ картъ подъ заглавіемъ «Книга розмѣрная градусныхъ картъ Остъзее или Варяжскаго моря». Двѣнадцать картъ этого атласа были перегравированы съ шведскаго атласа Розенфельда, изданнаго въ 1694 г., и къ нимъ приложены *три* частныя карты шхерныхъ проходовъ съ моря въ Тверминдъ, Барезундъ и къ Гангуту.

---

[1]) Матеріалы. Отд. VII, №№ 4, 5 и 7.

Этотъ атласъ, употреблявшійся на нашемъ флотѣ, въ царствованіе Петра былъ изданъ еще два раза: въ 1720 и 1723 годахъ [1]).

Въ 1715 году частныя съемки производились уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Поручики Травинъ и Мясной посланы были «смотрѣть, вымѣривать и записывать» заливы и устья рѣкъ въ Рижскомъ заливѣ. Капитанъ Лейнъ и навигаторъ Кожинъ работали въ Финскомъ заливѣ: первый дѣлалъ съемку и промѣръ фарватера отъ Березовыхъ острововъ до Гогланда; а второй, отъ Гогланда до Ревеля. Карта Кожина была напечатана въ слѣдующемъ году [2]).

Въ 1716 году посылались галеры для промѣра въ Финляндскихъ шхерахъ галерныхъ фарватеровъ и проходовъ въ шхеры съ моря; а также для отысканія удобныхъ якорныхъ мѣстъ. Штурманъ Фастингъ описывалъ галерный и корабельный фарватеры у острова Аланда [3]).

Въ 1719 году приступили къ болѣе обширной съемкѣ Финскаго залива, и инженеръ- полковнику Любрасу велѣно было составить карту всего южнаго берега отъ Оденсгольма до Гариваддая, съ островами ближайшими къ этому берегу. Разстоянія между островами государь приказалъ мѣрить зимою по льду, «понеже вѣрнѣе будетъ» [4]). Въ слѣдующемъ году Любрасомъ представлены были частныя карты южнаго берега Финскаго залива. На нихъ въ огромномъ масштабѣ нанесено очертаніе берега и нѣкоторыхъ ближайшихъ къ нему острововъ, какъ напр. Большаго и Малаго Роге и Экгольма. Дальнѣйшихъ острововъ или вовсе не означено или у большихъ только показана часть южнаго ихъ берега. Какъ на островахъ, такъ и на матеромъ берегу показаны всѣ селенія, поля, лѣса и луга, а на морѣ нигдѣ нѣтъ промѣра и также широтъ и долготъ.

Впослѣдствіи, надъ описью Финскаго залива трудились: капитанъ-лейтенантъ Агазенъ, капитаны Экговъ и Мишуковъ. Первый описывалъ острова, второй связывалъ ихъ пеленгами съ бе-

---

[1]) Зап. Гидр. Департ. VI, стр. 313—14, Арх. Гидрогр. Департ. №№ 10124—5.

[2]) Письма Петр. Велик., I, стр. 318. Матеріалы. Отд. VII, №№ 8,9 и 12.

[3]) Экстракты изъ журн. галер. флота. Матеріалы. Отд. VII. № II..

[4]) Берхъ. Письма Петра Велик., III, стр. 158.

регомъ, а Мишуковъ имѣлъ общій надзоръ за работами. Въ повелѣніи государя объ этой работѣ, между прочимъ, сказано: «придавъ къ нему (Люберасу) капитана Мишукова, дабы гулять не давалъ».

Карту береговъ Люберaса, составленную съ пособіемъ астролябіи, Мишуковъ нашелъ вѣрнѣе карты острововъ Агазена, который удаленіе одного острова отъ другаго опредѣлялъ «по счисленію» [1]. Поэтому острова Финскаго залива описаны были вновь; около нихъ, и особенно на фарватерѣ, сдѣланъ промѣръ и тогда они нанесены на карту Люберaса. При промѣрѣ велѣно точно опредѣлить извѣстныя мели и искать новыхъ. Сводомъ всѣхъ этихъ работъ была карта южнаго берега Финскаго залива, отъ Котлина до Оденсгольма, съ островами, кромѣ лежащихъ у сѣвернаго берега. Эта карта была сдѣлана Люберасомъ въ 1724 году [2], но вся работа, заданная ему государемъ, и состоявшая изъ генеральной карты Финскаго залива и двѣнадцати частныхъ картъ, была представлена адмиралтействъ-коллегіи только 26 апрѣля 1726 года. О самомъ производствѣ съемки въ отчетѣ Люберaса говорится слѣдующее: «Весь берегъ и острова сняты помощію астролябіи; гдѣ замѣчалась невѣрность при повѣркѣ разстояній, то перемѣряли во многихъ мѣстахъ дважды и трижды». Работа продолжалась три года, разновременно зимою и лѣтомъ, и описатель пѣшкомъ съ астролябіею сдѣлалъ 1138 верстъ, не считая множества морскихъ поѣздокъ. «Въ компасахъ великая конфузія нашлась, замѣчаетъ Люберaсъ, разнились отъ 5 до 7 градусовъ». Разстоянія острововъ и мелей отъ берега и между собою опредѣлены тригонометрически, «такъ что всякій пунктъ черезъ пять, четыре и по крайней мѣрѣ три разныя операціи пересѣкся». Во время производства этихъ работъ на меляхъ ставились суда и при производствѣ промѣра всякій разъ, когда бросали лотъ, сигналомъ давали знать береговымъ наблюдателямъ. При этой описи были также сняты виды береговъ съ разныхъ румбовъ и разстояній. «И хотя сочиненіе морскихъ картъ инженерной должности не принадлежитъ, то однакожъ причитаетъ онъ (Люберaсъ) за великое счастіе, что онъ въ состояніи былъ оную тяжкую морскую работу на себя принять, въ разсужденіи пользы, которая Ея Император-

---

[1]) Матеріалы. Отд. VII, №№ 42, 45 и 50.

[2]) Арх. Гидр. Деп., № 2920.

скому Величеству и всему императорскому флоту и навигаціи изъ того происходить можетъ» [1]).

Прежнія изображенія Каспійскаго моря, какъ напр. Олеарія и нѣкоторыя другія, были самые неправильные очерки береговъ, не представляющіе никакого пособія для плавателей. Относительно гидрографическихъ работъ на Каспійскомъ морѣ въ Петровское время, есть указаніе [2]), что государь въ 1699 году посылалъ туда для описи датчанина Шельтрона, и также, что какая-то опись производилась съ 1699—1704 г., но слѣдовъ этихъ работъ нигдѣ не видно.

О дальнѣйшихъ съемкахъ и картахъ Каспійскаго моря, начиная отъ частной карты восточнаго берега, составленной Бековичемъ, и до генеральной фонъ Вердена и о послѣдующихъ работахъ Соймонова, уже упомянуто было при описаніи военныхъ дѣйствій на Каспійскомъ морѣ (стр. 362—366 и 385).

Представленная парижской академіи (стр. 366) карта Вердена имѣла слѣдующее заглавіе: «Картина плоская моря Каспійскаго отъ устья Ярковскаго до залива Астрабадскаго по меридіану возвышается въ градусахъ и минутахъ глубина въ саженяхъ и футахъ рисована въ Астрахани и выгрыдарована на мѣди въ Санктпитеръ Бурхѣ, 1720 году». Карта французская озаглавлена: «Carte Marine de la mer Caspiene levée suivant les ordres de S. M. Czariene, par M-r Carl Vanverden en 1719, 1720 et 1721. Et reduite au Meridien de Paris par Guillaume Delisle premier geographe du Roy, de l'Academie Royale des sciènces. A Paris». Русская карта весьма дурной гравировки; находящіяся на ней, кругомъ общей, частныя карты, числомъ восемь, имѣютъ разные масштабы и расположены безпорядочнымъ образомъ. Французская карта, въ художественномъ отношеніи, исполнена несравненно лучше русской, и на ней есть нѣкоторыя отступленія отъ русскаго оригинала; такъ напр. противъ устья Эмбы не сдѣлано четырехъ значительныхъ островвовъ, находящихся на русской картѣ; измѣненъ обводъ берега острова Кулалы и пр.

---

[1]) Гл. морск. арх. (Дѣл. адмир.-коллегіи, 1724 г., № 94).

[2]) Соколовъ. Первая опись Каспійскаго моря (Морск. Сб. 1850 г. іюль, стр. 69).

Въ картѣ Вердена есть много самыхъ грубыхъ невѣрностей, особенно въ очеркѣ восточнаго берега, которому вовсе не было сдѣлано порядочной съемки. Такъ Эмбенскій заливъ съ Мертвымъ Култукомъ чрезвычайно вытянуты на сѣверо-востокъ и самая сѣверная точка берега, по широтѣ, назначена сѣвернѣе настоящаго своего положенія на 1° 8′. Не упоминая о невѣрностяхъ очерка восточнаго берега, замѣтимъ, что и на западномъ совершенно обезображенъ заливъ Кизиль-Агачъ, и есть нѣкоторыя другія невѣрности. Разстояніе отъ середины устья Волги до Тюбъ Карагана, на картѣ, десятью милями болѣе. а до острова Чеченя тридцатью милями менѣе настоящаго и т. п. Но не смотря на такія невѣрности карта Вердена стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ ей предшествовавшихъ, и по ней европейскіе ученые въ первый разъ познакомились съ общимъ очеркомъ береговъ Каспійскаго моря, довольно близкимъ къ истинному.

Къ этому прибавимъ еще извѣстіе, не подтверждающееся впрочемъ оффиціальными свидѣтельствами, объ описи Каспійскаго моря, будто бы сдѣланной иностраннымъ офицеромъ Брюсомъ, который въ своихъ запискахъ [1]) разсказываетъ, что онъ принималъ участіе въ персидскомъ походѣ и въ 1723 г. на галерѣ, сопровождаемой четырьмя лодками, въ пять мѣсяцевъ, обошелъ кругомъ все море и сдѣланную имъ карту поднесъ государю.

Въ плаваніяхъ у сѣверныхъ береговъ Россіи иностранцы, а за ними и русскіе, руководствовались картами находящимися въ морскомъ голландскомъ атласѣ (зее-факелѣ) Ванъ Кейлена, изданномъ въ Амстердамѣ въ исходѣ XVI или въ началѣ XVII столѣтія. На этихъ картахъ представлено все прибрежье Россіи, отъ Норвежской границы до Карскаго моря и Новой земли. Очеркъ береговъ вообще весьма невѣренъ, и въ Бѣломъ морѣ нѣсколько правильнѣе сдѣланъ только Терскій берегъ и часть Зимняго. О точности этихъ картъ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ: ширина сѣверной части Бѣлаго моря, между Терскимъ и Канинскимъ берегами, у мыса Конушина, вмѣсто 56 миль, сдѣлана 17. Онежскій заливъ, глубоко вдающійся въ берегъ, представленъ изгибомъ въ 73 мили ширины и 20 миль углубленія; острововъ же и рѣки Онеги вовсе не

---

[1]) Изданныхъ на французскомъ языкѣ въ 1782 г.

*

означено. У Терскаго берега, островокъ Сосновецъ, въ дѣйствительности имѣющій $^{3}/_{4}$ мили длины и 200 саженъ ширины, на картѣ сдѣланъ въ 10 миль длины и 4 мили ширины и пр. [1]).

Съ этихъ-то картъ награвированы были Шхонбекомъ три слѣдующія русскія карты: первая, устьевъ Двины, имѣющая заглавіе «Чертежъ рѣка Двина или Архангельска, повелѣніемъ Царскаго Величества, дѣлалъ на Москвѣ Адріанъ Шонбекъ 1701 году»; вторая, отъ Колы и Канина носа до Пялицы и Архангельска, озаглавлена: «Размѣрная карта начинающаяся отъ узкаго проходу между Русскаго и Бѣлаго моря». На ней представленъ Лопарскій берегъ и восточная часть Бѣлаго моря. Канинскій берегъ названъ «Кая страна», Святой Носъ—«Светенюсъ» и т. п. Въ Лумбовской губѣ, вмѣсто одного, сдѣлано семь островов и написано: «Гдѣ семгу солятъ». Противъ Мезенской губы всѣ мели на фарватерѣ замѣнены одною длинною и узкою мелью протянутою отъ Моржовца до параллели Святого Носа и пр. Широты иныхъ мѣстъ разнятся отъ настоящихъ до 27 минутъ. Третья карта отъ Пялицы до Ковды, представляющая западную часть Бѣлаго моря, имѣетъ заглавіе «Размѣрная карта отъ Пялицы даже до Кова'ды по лучшему испытанію». Онежскій заливъ также совершенно обезображенъ и Кандалагскій сдѣланъ очень широкимъ. По берегу показаны якорныя мѣста, но глубины не означены. Хотя на послѣднихъ двухъ картахъ годовъ нѣтъ, но по всей вѣроятности обѣ эти карты современны первой [2]).

Провѣдываніе земель на востокѣ Сибири.

Русскихъ съемокъ на Бѣломъ морѣ и берегахъ сѣвернаго океана при Петрѣ Великомъ не было; но отдаленный, только-что открывающійся сѣверо-востокъ Сибири обращалъ на себя заботливое вниманіе государя. Впродолженіе его царствованія казакислужилые люди и вольные промышленники проникли въ Чукотскую землю и утвердились на Анадырѣ и въ Камчаткѣ; развѣдочныя партіи успѣли побывать на Шантарскихъ островахъ и, пройдя по всей Курильской грядѣ, достигали до Матсмая. Свѣдѣнія, сообщаемыя подобными развѣдчиками, были самыя сбивчивыя и, возбуждая любопытство, не могли дать яснаго, опредѣлительнаго понятія о посѣщенныхъ странахъ. Между тѣмъ, отдаленность и

---

[1]) Рейнеке. Гидрографическое описаніе сѣвернаго берега Россіи. Т. I. Введеніе, стр. II и III.

[2]) Арх. Гидрогр. Департ. №№ 10131—3.

чрезвычайныя трудности сухопутнаго сообщенія Якутска, ближайшаго административнаго пункта, съ Камчаткою были причиною страшныхъ безпорядковъ во вновь присоединенныхъ странахъ нашего дальняго востока. Грубые и своевольные начальники отдѣльныхъ партій, иногда вовсе не подчинявшіеся властямъ, враждовали между собою и своими жестокостями и корыстолюбіемъ доводили мѣстныхъ жителей до отчаянія. Безпорядки дошли дотого, что предстояла серьезная опасность общаго возстанія инородцевъ и истребленія ими малочисленныхъ и разрозненныхъ партій русскихъ.

Въ то время изъ Якутска до Анадыра можно было добраться не скорѣе полугода; а путь изъ Анадыра до Камчатки также требовалъ не малаго времени и представлялъ чрезвычайныя трудности. При подобныхъ обстоятельствахъ открытіе ближайшаго морскаго пути въ Камчатку представлялось существенною необходимостію. Съ цѣлію отысканія морскаго пути въ 1714 году отправлены были въ Охотскій острогъ нѣсколько архангельскихъ мореходовъ и одинъ плотникъ. На построенномъ въ Охотскѣ суднѣ мореходу Трескѣ, въ 1716 году, удалось пройдти моремъ въ Камчатку.

Между тѣмъ, въ томъ же 1716 году, велѣно было снарядить значительную экспедицію, извѣстную подъ названіемъ «Большаго Камчатскаго наряда», начальство надъ которою поручено якутскому воеводѣ полковнику Ельчину. Цѣлью экспедиціи было изслѣдованіе Камчатки и сосѣднихъ съ нею земель и заведеніе торговыхъ сношеній съ мѣстными жителями, построеніе остроговъ, изслѣдованіе береговъ сѣвернаго и восточнаго океана и впадающихъ въ нихъ рѣкъ, а также покореніе неизвѣстныхъ земель, лежащихъ противъ устьевъ этихъ рѣкъ, и вообще сосѣднихъ острововъ и, наконецъ, провѣданіе новыхъ земель.

Въ эту экспедицію назначено было до 200 человѣкъ и употреблена значительная сумма денегъ; но трудность путей, различныя мѣстныя препятствія, а главное неумѣлость и безпорядочность самихъ дѣятелей послужили причинами полной неудачи. Единственнымъ плодомъ экспедиціи былъ осмотръ Шантарскихъ острововъ, на которыхъ, впрочемъ, до этого времени случалось даже зимовать партіямъ казаковъ [1]).

---

[1]) Сгибневъ. «Большой Камчатскій нарядъ» и «Историческій очеркъ глав-

Извѣстія о богатствѣ и близости Японіи были поводомъ къ подачѣ въ сенатъ просьбы двухъ купеческихъ петербургскихъ домовъ о разрѣшеніи имъ торговать съ Японіею и Остъ-Индіею. Свѣдѣніе о водяныхъ сообщеніяхъ Сибири были такъ сбивчивы, что наши предпріимчивые торговцы располагали достигнуть восточнаго океана слѣдующимъ путемъ: изъ Архангельска моремъ пройдти въ Обскую губу, изъ нея рѣками достигнуть Байкала и потомъ Селенгою, Ингодою, Шилкою и Амуромъ выйдти въ океанъ.

Въ 1719 году государь отправилъ въ Сибирь геодезистовъ Евреинова и Лужина и далъ имъ секретную инструкцію, въ которой было сказано: «Ѣхать вамъ до Тобольска и отъ Тобольска, взявъ провожатыхъ, ѣхать до Камчатки и далѣе куда вамъ указано, и описать тамошнія мѣста: сошлася ль Америка съ Азіею [1]), что надлежитъ тщательно сдѣлать, не только зюйдъ и нордъ, но и остъ и вестъ и все на картѣ исправно поставить» [2]). Геодезисты моремъ изъ Охотска отправились въ Камчатку, оттуда, слѣдуя Курильской грядой, дошли до пятаго или шестаго острова и потерявъ, при стоянкѣ на каменистомъ грунтѣ, всѣ бывшіе на ихъ суднѣ четыре якоря, пошли въ обратный путь. Донесеніе объ этомъ плаваніи и карта Курильскихъ острововъ были представлены Евреиновымъ, въ 1722 году въ Казани, государю, который остался доволенъ трудами геодезистовъ.

Экспедиція Беринга.

Неразрѣшенный же вопросъ о соединеніи Азіи съ Америкою послужилъ поводомъ къ назначенію особой экспедиціи, по поводу которой, 23 декабря 1724 года, состоялось слѣдующее повелѣніе государя:

«1. Сыскать геодезистовъ тѣхъ, которые были въ Сибири и пріѣхали».

«2. Сыскать изъ поручиковъ или изъ подпоручиковъ морскихъ достойнаго, кого съ ними послать въ Сибирь на Камчатку».

«3. Сыскать изъ учениковъ или изъ подмастерьевъ, который бы могъ тамо сдѣлать съ палубою ботъ, по здѣшнему примѣру,

---

нѣйшихъ событій въ Камчаткѣ» (Морск. Сборн. 1868. № 12 и 1869 г. № 4).

[1]) Изъ этихъ словъ видно, что о плаваніи Дежнева (стр. 52) государю не было извѣстно.

[2]) Черновая инструкція, правленная рукою Петра, находится въ каб. дѣлахъ, отд. I, № 56, л. 40; напечатана въ Полн. Собр. Зак. V. № 3266.

какіе есть при большихъ корабляхъ, и для того съ нимъ отправить плотниковъ 4, съ ихъ инструменты, которые бы моложе были, и одного квартирмейстера и 8 матросовъ».

«4. И по той препорціи отпустить отсюда въ полтора (государевой рукой исправлено *вдвое*): парусовъ, блоковъ, шхивъ, веревокъ и прочаго, и 4 фалконета съ подлежащею амуниціею, и одного или двухъ парусныхъ швецовъ».

«5. Ежели такихъ штурмановъ во флотѣ не сыщется, то немедленно писать въ Голландію, чтобы прислали двухъ человѣкъ, знающихъ море къ сѣверу до Японіи, и чтобы оные присланы были чрезъ Анадырскую почту».

Послѣ каждаго изъ этихъ пунктовъ, находятся отвѣты адмиралтействъ-коллегіи, изъ которыхъ замѣчателенъ отвѣтъ на 2-ой пунктъ:

«По мнѣніямъ вице-адмирала Сиверса и шаутбенахта Синявина, изъ морскихъ, поручикамъ Спанбергу (Шпанбергу), Звѣреву, или Косенкову, подпоручикамъ Чирикову или Лаптеву, оная экспедиціи годна. А не худо чтобъ-де былъ надъ ними командиръ изъ капитановъ, Берингъ или Фонъ-Вердъ (фонъ Верденъ); понеже Берингъ въ Остъ-Индіи былъ и обхожденіе знаетъ, а Фонъ-Вердъ былъ штурманомъ».

Подъ третьимъ пунктомъ находится собственноручая замѣтка государя:

«Зѣло нужно штурмана и подштурмана, которые бывали въ Нордной Америкѣ». И потомъ подъ четвертымъ пунктомъ (въ которомъ вмѣсто *въ полтора* поставлено *вдвое*) рукою государя написано: «прочее все хорошо».

Начальникомъ экспедиціи былъ назначенъ Берингъ. 6-го января 1725 года, т. е. за три недѣли до кончины, государь собственноручно написалъ для него слѣдующую инструкцію:

«1. Надлежитъ въ Камчаткѣ, или въ другомъ тамъ мѣстѣ, сдѣлать одинъ или два бота съ палубами».

«2. На оныхъ ботахъ, возлѣ земли, которая идетъ на нордъ, и по чаянію (понеже оной конца не знаютъ), кажется, что та земля часть Америки».

«3. И для того искать гдѣ оная сошлась съ Америкою и чтобы доѣхать до какого города европейскихъ владѣній, или ежели

увидятъ какой корабль европейскій, провѣдать отъ него какъ оной кюстъ (берегъ) называютъ и взять на письмѣ, и самимъ побывать на берегу, и взять подлинную вѣдомость, и поставя на карту, пріѣзжать сюды».

Отправленіе экспедиціи изъ Петербурга совпало со временемъ кончины государя: бо́льшая часть команды Беринга выѣхала 24 января, а самъ онъ—5-го февраля. Такимъ образомъ, почти послѣднимъ актомъ всеобъемлющей морской дѣятельности Великаго Петра была, увѣнчавшаяся впослѣдствіи успѣхомъ, забота о разрѣшеніи географическаго вопроса, представлявшаго чрезвычайную важность, въ виду почти двух-вѣковыхъ попытокъ иностранныхъ моряковъ открыть у сѣверныхъ береговъ Сибири новый путь въ Индію.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

(Цифры поставленныя послѣ имени означаютъ страницы).

Абрамовъ, русскій консулъ въ Персіи, 378, 380.
Августъ, польскій король, 189, 195, 249, 284.
Агазенъ, Гансъ, капитанъ, 532, 624 625.
Агманъ, капитанъ-поручикъ, 570, 571.
Адашевъ, воевода, 43.
Алардъ, сочинитель книги «Голландское корабельн. строеніе», 549, 550, 556, 614.
Алартъ, генералъ, 217.
Александръ Арчиловичъ, царевичъ имеретинскій, 108.
Александръ Невскій, 37, 159, 394.
Алексѣевъ, Петръ (государь), 83, 90, 91.
Алексѣй Михайловичъ, царь. 56—59, 60, 64, 66, 69, 537, 547, 569.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ, 127, 154, 211, 224.
Алярдъ, см. Алардъ.
Анкерштернъ, шведскій адмиралъ, 173, 174, 175, 177, 181, 192, 194.
Анкерштернъ, шведскій контръ-адмиралъ, 272.
Анна Іоанновна, царевна, 202, 434.
Анна Іоанновна, герцогиня курляндская. 346.
Анна Петровна, великая княжна, 347.
Апраксинъ, графъ Александръ Петровичъ, навигаторъ, потомъ капитанъ, 312, 582.
Апраксинъ, Петръ Матвѣевичъ, новгородскій воевода, потомъ казанскій губернаторъ, графъ и сенаторъ, 152, 514, 528.
Апраксинъ, Ѳедоръ Матвѣевичъ, стольникъ и воевода архангельскій, потомъ адмиралтейцъ, адмиралъ, графъ, генералъ-адмиралъ и президентъ адмиралтействъ-коллегіи. Наблюдаетъ за постройкою корабля на Соломбальской верфи (1693 г.), 79; назначеніе его адмиралтейцомъ и прежняя служба, 124; донесеніе его Головину о неисправности кумпанскихъ судовъ, 125; поѣздка его въ Азовъ и Таганрогъ (1701 г.), 131; пребываніе его въ Азовѣ и плаваніе въ Азовскомъ морѣ (1702 г.), 132; ему поручается оборона азовскаго края (1710 г.), 136; неудовольствіе на него царя за невыводъ флота къ Азову; ходатайство его въ сенатѣ о прибавкѣ плотниковъ для корабельныхъ работъ въ Воронежѣ, 137; пребываніе его въ Таганрогѣ и полученіе отъ государя извѣстія о заключеніи мира съ турками, 138; вступленіе его въ управленіе адмиралтействомъ (1700 г.), 141; домъ его въ

Петербургѣ, 162; царь вызываетъ его для совѣщанія въ Петербургъ, 182; пожалованіе его адмираломъ и президентомъ адмиралтействъ, и вліяніе этого назначенія на флотъ, 183—4; опасеніе его за флотъ по причинѣ малочисленности судовъ, и отвѣтъ на это государя, 184; первое командованіе балтійскимъ флотомъ и поздравленіе его царемъ, 185; встрѣча имъ царскаго семейства близъ Петербурга и слова, сказанныя ему царемъ; поднятіе имъ флага на *Думкратъ* (1708 г.), 187; дѣйствія и распоряженія его во время командованія сухопутными войсками въ Ингерманландіи и побѣды надъ шведами (1708 г.), 190—2; распоряженія его о защитѣ Котлина и Петербурга (1709 г.), 193; государь извѣщаетъ его о полтавской побѣдѣ, 195; походъ его къ Выборгу, осада и взятіе крѣпости, награда орденомъ Андрея Первозваннаго (1710 г.), 196—9; начальствуетъ флотомъ, имѣя флагъ на кораблѣ *Рига* (1710 г.), 201; хорошая сторона его управленія морскою частію, 204; порученіе ему азовскаго флота и защиты края (1711 г.). 207; ему государь поручаетъ нападеніе на Финляндію (1713 г.), 212, 214; сухопутный походъ его въ Финляндію и отступленіе къ Выборгу, 216—17; отправленіе его въ финляндскій походъ на галерномъ флотѣ (1713 г.), 224; царь сообщаетъ ему о качествахъ покупныхъ кораблей, 231; государь увѣдомляетъ его о невозможности разсчитывать на флотъ, 236; предсѣдательство его въ судной коммисіи по дѣлу Крюйса, 237; объявляетъ Петру чинъ полнаго генерала, 239; отправленіе его изъ Гельсингфорса и побѣда, одержанная надъ шведами при Пелкинѣ, 240; возвращеніе его въ Петербургъ, 241; извѣщаетъ царя о враждѣ между Боцисомъ и Крюйсомъ, 247; ему поручается главное начальство надъ галернымъ флотомъ (1714 г.), 251; выступленіе его съ флотомъ изъ Петербурга, 252; у него собирается военный совѣтъ, 253; пребываніе его у Твереминне, переходъ къ Гангуту, прорывъ черезъ шведскій флотъ и гангудская побѣда, 256—62; рекомендательное письмо его Петръ представляетъ князю-кесарю, 267; продолженіе похода его въ Финляндію и возвращеніе въ Петербургъ, 268—70; командованіе корабельнымъ флотомъ и плаваніе до Даго (1715 г.), 274—5; возвращеніе его съ флотомъ къ Котлину, 277; планъ кампаніи его съ галернымъ флотомъ и войсками (1716 г.), 284; дѣйствія его въ Финляндіи (1716 г.), 294—5; назначеніе его крейсеровать съ корабельнымъ флотомъ у Дагерорда (1717 г.), 297; пребываніе его въ Ревелѣ, плаваніе съ флотомъ и высадка на Готландъ, 298—9; начальствуетъ корабельнымъ флотомъ (1718 г.), 303; плаваніе его съ царемъ въ шхерахъ па галерномъ флотѣ (1718 г.), 305; посылаетъ Синявина для поимки шведскихъ крейсеровъ (1719 г.), 312; походъ его съ галернымъ флотомъ въ Стокгольмскія шхеры (1719 г.), 316—28; распоряженія его по защитѣ Ревеля и приготовленію флота (1720 г.), 333; переписка его съ Норисомъ, 336—7; награжденіе его кейзеръ-флагомъ (1721 г.), 349; участіе его въ празднованіи мира въ Москвѣ, 353; шлюпка его отправляется въ Казань, 368; ему поручается главное начальство надъ войскомъ для персидскаго похода, 369; принятіе имъ начальства надъ флотиліею и поднятіе въ первый разъ кейзеръ-флага, 370; купаніе его съ райны, 371; предводительствуетъ сухопутными войсками въ походѣ къ Дербенту, 372; распоряженіе его объ изготовленіи галеръ балтійскаго флота (1722 г.), 390; поднимаетъ свой флагъ на кораблѣ *Гангутъ* (1723 г.), 392; занимаетъ первое мѣсто въ церемоніи встрѣчи ботика, 393; участіе его въ снаряженіи мадагаскарской экспедиціи, 398—9; ему поручаетъ государь выборъ школьниковъ для отправки за море (1716 г.), 424; объявленная имъ инструкція о

содержаніи гардемариновъ, 425; мнѣніе его о квартирахъ офицерамъ, 433; находясь въ Воронежѣ, управляетъ дѣлами адмиралтейскаго приказа, 440; назначеніе его адмираломъ, вступленіе въ должность и выгодное вліяніе этого на управленіе морскою частью, 443—4; посредничество его въ ссорахъ Крюйса съ Чернышевымъ, 448—53; назначеніе его президентомъ адмиралтействъ-коллегіи (1717 г.), 454; присутствіе его въ засѣданіяхъ «консилій» и коллегіи, 455; отношенія его къ Крюйсу и Меншикову, 459—60; распоряженіе его о храненіи провіанта на корабляхъ, 484; мѣры принятыя имъ для обмундированія морскихъ командъ, 488—9; согласіе его на уменьшеніе суммы, ассигнуемой на содержаніе флота, 493; заботы его о сборѣ денегъ, ассигнованныхъ для флота, 496; назначеніе его въ числѣ прочихъ сенаторовъ для надзора за постройкою каменныхъ домовъ въ Кронштадтѣ, 514; построенный имъ въ Архангельскѣ корабль отправляется за границу, 520; переписка его съ архангельскимъ воеводою объ управленіи Соломбальскимъ адмиралтействомъ, 522; штрафуется за небытіе на водяной ассамблеѣ, 528; распоряженіе его о завѣдываніи лекарями (1707 г.), 534; утверждаетъ положенія объ обязанностяхъ морскихъ медицинскихъ чиновъ, 535; издаетъ инструкцію офицерамъ, которые командуютъ на брандерахъ и бомбардирскихъ корабляхъ, 540; торжество по случаю поднятія имъ въ первый разъ кейзеръ-флага, 555; о времени пожалованія его генералъ-адмираломъ, 555—6; распоряженіе его о вымпелахъ для военныхъ судовъ, 557; онъ конфирмуетъ приговоры по суднымъ дѣламъ, 569, 572, 573, 574; ходатайствуетъ объ освобожденіи отъ посылки за море своихъ племянницъ, 585; сообщаетъ племяннику о строгости экзаменовъ возвратившихся изъ заграницы навигаторовъ, 590; по смерти Головина къ нему переходитъ высшій надзоръ за навигацкою школою, 592; упоминается 127, 129, 135, 186, 189, 200, 213, 226, 238, 243, 285, 286, 287, 289, 304, 308, 338, 341, 346, 364, 402, 404, 410, 415, 416, 437, 457, 458, 462, 470, 480, 481, 495, 508, 539, 541, 546, 552, 567, 595, 598, 601.

Арескинъ, архіатеръ, 535.

Армфельдъ, шведскій генералъ, 227, 240, 250, 294, 327.

Арсеньевъ, капитанъ, 307.

Арсеньевъ, подпоручикъ, 574.

Аскольдъ, дружин. Рюрика, 7, 28.

Аѳанасій, архіепископъ холмогорскій и важскій, 79, 80, 148, 149, 549, 556.

Баженинъ, Ѳедоръ, экипажмейстеръ, 522.

Баженины, посадскіе, люди, 79, 520, 551.

Балкъ, генералъ-маіоръ, 281.

Баренцъ, голландскій штурманъ 54.

Баршъ, Яковъ, волонтеръ, потомъ капитанъ-поручикъ, 337, 581, 583.

Барятинскій, князь, бригадиръ, 325, 340, 371, 374, 384, 385.

Баскаковъ, геодезистъ, 609.

Беземакеръ, капитанъ, 185, 189, 235, 532.

Бекгамъ, капитанъ, 120, 121, 128, 141, 461, 569.

Беклемишевъ, русскій резидентъ въ Венеціи, 586.

Беклемишевъ, солдатъ преображенскаго полка, 495.

Бековичъ - Черкасскій, князь, гвардіи поручикъ, потомъ капитанъ, 361, 362, 363, 364, 365, 626.

Бенсъ, капитанъ, 203, 280, 308, 334, 335, 472, 522.

Берингъ, Витусъ, капитанъ, 136, 280, 415, 609, 630, 631, 632.

Берлогеръ, лейтенантъ, 576.

Бернсдорфъ, ганноверскій посланникъ при датскомъ дворѣ, 290.

Бестужевъ, гвардіи поручикъ, 603.

Бестужевъ, русскій резидентъ въ Копенгагенѣ, 395.

де-Би, голландск. резидентъ, 251.

Блеклой, полковникъ, 299.

Ближевскій, 575.

Блорій, капитанъ, 302, 367, 383.
Блюментростъ, архіатеръ, 535.
Богдановъ, ссылка на его соч., 516.
Боисъ, капитанъ-поручикъ, 203.
Боринъ, дьякъ, 477, 478.
Борисовъ, переводчикъ, 148, 149.
Ботлеръ, голландецъ, комендиръ *Орла*, 61, 63, 64, 67, 537.
Ботъ, капитанъ, 570.
Боцисъ, Иванъ Ѳедосѣевичъ, графъ, шаутбенахтъ галернаго флота. Прибытіе его съ отрядомъ съ Олонецкой верфи къ Кроншлоту (1705 г.), 178; ему поручается устроить встрѣчу адмирала на флотѣ (1706 г.), 183; плаваніе его съ отрядомъ до Гогланда (1707 г.), 185—6; пребываніе его съ отрядомъ въ Ладожскомъ озерѣ (1707 г.), 186; прибытіе съ эскадрою къ Кроншлоту (1708 г.), 188; удачный походъ его къ Борго (1708 г.), 189; неодобрительныя дѣйствія его при переправѣ шведовъ черезъ Неву (1708 г.), 190—1; начальствуетъ галернымъ флотомъ (1710 г.), 197; дѣятельность его во время нахожденія съ галернымъ флотомъ у Выборга (1710 г.), 203; начальствуетъ галернымъ флотомъ (1711 г.), 208; доставляетъ провіантъ въ Выборгъ, 209; строитъ новыя галеры и исправляетъ старыя, 210—13; обвиняетъ Крюйса въ упущеніи непріятеля, 215; дѣйствія его съ отрядомъ въ Финляндіи (1712 г.), 215—17; начальствуетъ аріергардомъ галернаго флота (1713 г.), 225; сожженіе имъ голландскихъ флейтовъ у Гельсингфорса, 229; ему поручается изслѣдованіе шхерныхъ фарватеровъ, 238; кончина его и описаніе службы и заслугъ, 245—8; дѣятельность его по организаціи галернаго флота, 416—17; присутствіе его въ военномъ совѣтѣ (1706 г.), 418; ходатайство его объ образованіи галернаго полка, 420—1; присутствіе его на свадьбѣ государя (1712 г.), 434; неудовольствія его съ Яковлевымъ (1704 г.), 443; Крюйсъ обвиняетъ его въ употребленіи солдатъ на частную работу, 459; предсѣдательствуетъ въ судѣ надъ поручикомъ Гельма, 570; упомин. 183, 240, 415, 441.
Брандтъ, товар. кораб. пушкаря, 64, 76, 548.
Брандтъ, штурманъ, 363.
Бредаль, капитанъ-поручикъ, потомъ капитанъ и капитанъ-командоръ. Отправленіе его на службу въ азовскій флотъ (1711 г.), 136; посылка его въ шхеры для осмотра фарватера (1713 г.), 224; начальствуетъ частію галеръ при обходѣ непріятельскаго флота у Гангута (1714 г.), 260; взятіе имъ 3-хъ шведскихъ каперовъ въ Балтійскомъ морѣ (1715 г.), 272—3; экспедиція его съ отрядомъ къ Готланду и дѣйствія противъ непріятеля (1715 г.), 275; плаваніе его съ отрядомъ въ Англію и возвращеніе оттуда, съ новыми кораблями, въ Копенгагенъ (1715—16 г.), 278—9; осеннее крейсерство его въ Нѣмецкомъ морѣ и потеряніе шнявы *Принцесса* (1716 г.), 293; плаваніе его на кораблѣ *Ягудіилъ* въ Голландію и Англію (1717 г.), 300; производство его въ капитанъ-командоры (1721 г.), 350; упомин. 291, 415, 472, 522.
Броунъ, корабельный мастеръ, 415, 504.
Брюсъ, иностранный офицеръ, 627.
Брюсъ, Романъ Вилимовичъ, генералъ-маіоръ, петербургскій оберъ - комендантъ, 173, 175, 176, 193, 201, 269, 309, 345, 502.
Брюсъ, Яковъ Вилимовичъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ, графъ, 528, 613.
Буковенъ, полковникъ, 61.
Булавинъ, казац. атаманъ, 134, 190, 359.
Бутенантъ, заводчикъ, 152, 477.
Бутурлинъ, Иванъ Ивановичъ, 80, 81, 187, 229, 277, 284.
Бухгольцъ, капитанъ, 361.
Бѣляевъ, Андрей, дьякъ, коммисаръ московской адмиралтейской конторы, 447, 496, 592, 595.

Ваганъ, капитанъ-командоръ, 282.
Валрондъ, комендеръ, потомъ капитанъ, 120, 198, 208, 441, 442, 571.
Ванъ-Кейленъ, составитель голландскаго атласа «Зее факелъ», 627.

Ватрангъ, шведскій адмиралъ, 200, 215, 256, 263.
Вахтмейстеръ, шведскій вице-адмиралъ, 272, 336.
Вахтмейстеръ, шведскій контръ-адмиралъ, 272.
Веберъ, брауншвейгъ-люнебурскій резидентъ. авторъ «Des Verënderte Russland», 432, 608.
Вегронъ, Янъ, 68, 69, 601.
Вейде, генералъ-поручикъ, 254, 261, 262, 267, 296.
Вентура, поручикъ, 210.
фонъ-Верденъ, генералъ-маіоръ, 151.
фонъ-Верденъ, капитанъ-поручикъ, 366, 368, 371, 372, 374, 463, 626, 627, 631.
Верещагинъ, Лукьянъ, корабельный мастеръ, 116.
Вессель, капитанъ, 235.
Вилимовскій, капитанъ, 198, 571.
Вильбоа, Францъ (*), поручикъ, потомъ капитанъ-поручикъ и капитанъ. Служба его отъ начала до 1716 г., 292; зимовка его съ отрядомъ въ Травемюндѣ и энергическія дѣйствія по охраненію чести русскаго флага, 292—3; переходъ его въ Данцигъ и принятыя имъ мѣры для прекращенія торговли Данцига съ Швеціею (1717г.), 301; производство его въ капитанъ-поручики (1717 г.), 302; нахожденіе его въ Данцигѣ и крейсерство въ Балтійскомъ морѣ (1718 г.), 307; дѣйствія его въ Данцигѣ (1719—20 г.), 329—31; назначеніе его въ каспійскую экспедицію (1722 г.), 368; начальствованіе его отрядомъ судовъ у острова Чеченя, 371; гибель судовъ, бывшихъ подъ его командою, 373; присутствіе его на свадьбѣ государя въ числѣ шаферовъ (1712 г.), 434; упомин. 291, 334, 415.
де-Вильде, голланд. резидентъ въ Петербургѣ, 395.
Вильгельмъ, англійскій король, 110, 111.
Вильстеръ, Данило, вице адмиралъ. Принятіе его въ службу и участіе въ кампаніи 1723 г., 392; назначеніе его начальникомъ мадагаскарской экспедиціи, данныя ему инструкціи, выходъ въ море, возвращеніе въ Ревель и окончаніе экспедиціи, 396—400; возвращеніе его въ Петербургъ и мнѣніе его объ экспедиціи, 402; начальствованіе его флотомъ въ плаваніи у Красной горки (1724 г.), 404; вступленіе его въ присутствіе адмиралтействъ-коллегіи и ссора по этому случаю между членами, 435.
Виніусъ, Андрей, голланд. гость, 65, 66, 67, 68, 69, 87, 115.
Витсенъ, амстердамскій бургомистръ, 617, 618, 620.
Владиміръ, великій князь, 9, 26, 195.
Владиміръ (Ярославичъ), 10.
Власій, Василій.
Власьевъ, думный дьякъ, 44.
Возницынъ, думный дьякъ, 105, 117.
Волковъ, бригадиръ, 260, 262.
Волынскій, Артемій Петровичъ, астрах. губернаторъ, 376, 383.
Воутерсонъ, кораб. мастеръ, 152.
Врангель, шведск. капит.-командоръ, 315.
Вреденъ, графъ, 326.
Выродковъ, строитель гавани, 171.

Гагаринъ, князь, сибирскій губернаторъ, 361, 508.
Гальсонъ, поручикъ, 177.
Гамельтонъ, шведскій генералъ, 326.
Гартманъ, 87.
Гваріентъ, цесар. резидентъ въ Москвѣ, 115.
Гвынъ, Степанъ, учитель навигацкой школы, 591, 592, 593, 595, 596, 599, 603, 609, 613.
Гей, капитанъ, 307.
Гельма, Генрихъ, поручикъ, 570.
Гельтъ, кораб. мастеръ, 61.
Генингъ, комендантъ олонецкихъ Петровскихъ заводовъ, 415, 480, 481.
Геренсъ, Выбе, кораб. мастеръ. 504, 522.
Герцъ, баронъ, шведскій министръ, 306, 308, 400.
Говій, Янъ, докторъ, 534.

*) По русски Вильбоа звали Никита Петровичъ.

Годуновъ, Борисъ, царь, 44, 45, 60.

Голицынъ, князь Михаилъ Михайловичъ. Начальствуетъ сухопутными войсками въ походѣ на Або (1713 г.), 240; принимаетъ отъ Апраксина начальство надъ финляндскими войсками, 241; побѣда, одержанная имъ надъ шведами, близъ Вазы, и дѣйствія его въ Финляндіи (1714 г.), 250; находится съ арміею у Або, 257; начальствуетъ аріергардомъ галернаго флота при прорывѣ у Гангута, 261; начальствуя сухопутными войсками и галерами въ Финляндіи, переходитъ къ Аланду и возвращается въ Або (1715 г.), 280—1; начальствуетъ военными силами въ Финляндіи (1717 г.), 299; прибытіе его съ 3-мя галерами къ Гангуту (1718 г.), 305; порученіе ему найти лоцмановъ для плаванія стокгольмскими шхерами, 315; соединеніе съ Апраксинымъ у Гангута (1719 г.), 316; ему поручается главное командованіе въ Финляндіи, 328; переходъ его съ галернымъ флотомъ въ Аландскія шхеры, пребываніе у Ламеланда и возвращеніе въ Гельсингфорсъ (1720 г.), 335 — 6; одерживаетъ побѣду надъ шведами при Гренгамѣ, 338—40; награда его за эту побѣду, 341; государь приказываетъ ему дѣйствовать противъ шведовъ для склоненія ихъ къ миру, 347; принимаетъ участіе въ торжествѣ по случаю заключенія мира (1721 г.), 354.

Голицынъ, князь П. М., 277, 333.

Голицынъ, князь, арханг. воевода, 521, 522. Головинъ, Автомонъ Михайловичъ, полковникъ преображенск. полка, 91.

Головинъ, Иванъ Михайловичъ, генералъ-маіоръ, потомъ оберъ-сарваеръ. Начальствуетъ партіею, посланною отъ галернаго флота на шведскій берегъ (1714 г.), 269—70; купаніе его съ райны въ Каспійскомъ морѣ (1722 г.), 371; жалованье его по званію оберъ-сарваера, 431; разсказъ о немъ Вебера, 432; подъ его управленіемъ находится оберъ-сарваерская контора, 448; упомин. 415.

Головинъ, графъ Николай Ѳедоровичъ, поруч., 311, 318, 583.

Головинъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ, бояринъ, начальникъ посольскаго приказа, адмиралъ, графъ. Отправленіе его за границу въ качествѣ члена великаго посольства (1697 г.), 105; пожалованный въ адмиралы, онъ приводитъ флотилію изъ Воронежа въ Азовъ (1699 г.), 119; участіе его въ керченскомъ походѣ, 121; отзывъ его о кораблѣ *Предестинація*, 128; домъ его въ Воронежѣ, 129; хорошіе задатки при вступленіи его въ управленіе морскою частію, 141; пріѣздъ его въ Петербургъ и пріемъ на флотѣ (1706 г.), 182; печальная церемонія на флотѣ по случаю его смерти, 182—3; значеніе кончины его для флота, 204; онъ управляетъ приказомъ воинскаго морскаго флота съ 1698 г., состоитъ адмираломъ съ 1699 по 1706 г., 439; множество занятій отвлекаютъ его отъ дѣйствительнаго управленія флотомъ, 441; въ вѣдѣніи его находится навигацкая школа, 591—2; ему посвящена Схонбекомъ карта Азовскаго моря, 622. упомин. 115, 125, 132, 183, 247, 428, 443, 555.

Головкина, графиня, 434.

Головкинъ, графъ Гаврило Ивановичъ, канцлеръ, 145, 515, 527.

Голосовъ, думный дьякъ, 61.

Гордонъ, генералъ, 80, 91, 81, 117.

Гордонъ, Томасъ, капитанъ-командоръ, потомъ контръ-адмиралъ и вице-адмиралъ. Находится на флотѣ подъ начальствомъ Апраксина (1718 г.), 303; крейсерство его у Дагерорда, 305; посылка его съ отрядомъ отъ Кроншлота въ Ревель (1721 г.), 446; прибытіе его въ Ревель и возвращеніе къ Котлину, 347; начальствуетъ аріергардомъ въ экзерциціяхъ и плаваніи флота у Красной горки (1721 г.), 348; производство его въ вице-адмиралы, 349; находится на флотѣ подъ начальствомъ Апраксина (1723 г.) и приводитъ 3-хъ палубные корабли изъ Ревеля къ Кроншлоту, 393; участвуетъ въ церемоніи встрѣ-

чи ботика, 393—4; грубый поступокъ его въ засѣданіи коллегіи, 435; назначеніе его присутствовать въ адмиралтействъ-коллегіи, 455; исправляетъ должность главнаго командира въ Кронштадтѣ (1723—4 г.), 462; упомин. 415.
Гослеръ, комендеръ, потомъ капитанъ и капитанъ-командоръ. Приводитъ изъ Выборга суда съ артиллеріею (1711 г.), 208; командуетъ кораблемъ *Полтава* (1713 г.), 235; производство его въ капитанъ-командоры (1721 г.), 350; ему поручается надзоръ за постройкою ластовыхъ судовъ для персидскаго похода (1722 г.), 368; распоряженіе его по изготовленію къ плаванію, 369; изъ морскихъ чиновъ занимаетъ второе мѣсто послѣ Апраксина въ персидскомъ походѣ, 370; присутствуетъ на свадьбѣ государя въ качествѣ шафера, 434; участвуетъ въ составленіи морскаго устава, 543; упомин. 574.
Грей, капитанъ, 441, 539.
Грейсъ (Грызъ), Ричардъ, учитель навигацкой школы, 591, 592, 593, 596.
Григорій, папа, 37.
Грисъ, капитанъ, 260.
Грызъ, см. Грейсъ.
Гудзонъ, 54.
Гульденлевъ, генералъ-адмиралъ датскаго флота, 217, 288, 289.
Гуссейнъ, персидск. шахъ, 380.
Густавъ Адольфъ, шведскій король, 46.
Гуфицій, историкъ, 615.

Давыдовъ, дворянинъ, 363.
Давыдовъ, подпоручикъ, 363.
Далсфиръ, шведскій капитанъ, 57.
фанъ-Дамъ, математикъ, 620.
Дамьяни, капитанъ, 185, 262.
Дати, Леонарди, составитель карты, 616.
Даудъ-Бекъ, 367.
Девьеръ, генер.-адъют., 279, 436. 469, 575.
Деграфъ, авторъ сочиненія «Книга учащ. морс. плаванія, 612.
Дегрейтеръ, капитанъ, 235, 237.
Дежимонъ, капитанъ, 260, 262, 340.
Дежневъ, казакъ, 52, 630.
Делиль, франц. астрономъ, 366, 626.
Делозьеръ, контръ-адмиралъ, 87.
Делянъ, капитанъ, 313, 314.
Демаки, докторъ, 431, 534.
Демидовъ, 477, 479.
Демьяновъ, см. Дамьяни.
Денъ, капитанъ, 280, 307, 472, 522.
Денъ, Янъ, кораб. мастеръ, 112, 415.
Депру, шведскій вице-адмиралъ, 170, 173, 174.
Дженкинсонъ, англ. торговецъ, 42, 617.
Ди, математикъ, 44.
Димаки, см. Демаки.
Дипонтій, галерный мастеръ, 386.
Диръ, дружин. Рюрика, 7.
Дмитріевъ-Мамоновъ, генералъ-маіоръ, 374, 379.
Дмитрій Донской, 39.
Долгой, Никита, дворянинъ, 234.
Долгоруковъ, генералъ-поручикъ, 254, 302.
Долгоруковъ, кн. посолъ въ Парижѣ, 401.
Долгоруковъ, кн., В. Л., русскій посолъ въ Даніи, 203, 204, 210, 220, 243, 311, 329, 335, 437, 454.
Долгоруковъ, кн. Я. Ѳ., 73, 117, 210, 460, 508, 585.
Дорошенко, унтеръ-лейтенантъ, 366.
Дохтуровъ, думный дьякъ, 61.
Дубасовъ, Автономъ, бомбардиръ, 181, 182.
Дуссенъ, капитанъ-поручикъ, 574.
Дуфусъ, лордъ, шаутбенахтъ. Принятіе его въ службу и участіе въ кампаніи 1723 года, 392; начальствуетъ ревельскимъ портомъ и принимаетъ мѣры для защиты судовъ стоящихъ въ гавани (1724 г.), 404.
Дюпре, генералъ-маіоръ, 325.

Евреиновъ, геодезистъ, 609, 630.
Екатерина Алексѣевна, царица, 585.
Екатерина I, императрица, 609.
Екатерина Іоанновна, царевна, 434.
Елисавета, королева англійская, 40.
Елисавета Петровна, императрица, 404.
Ельчинъ, полковникъ, якутскій воевода, 629.
Ермакъ, 34 52.

Животовскій, полковникъ, 149.

Засѣкинъ, окольничій, 234.
Захаровъ, геодезистъ, 609.
Звѣревъ, поручикъ, 631.
Змаевичъ, капитанъ-командоръ, потомъ шаутбенахтъ и вице-адмиралъ галернаго флота. Начальствуетъ морскими чинами на галерномъ флотѣ (1714 г.), 251; приготовляетъ къ походу суда зимовавшія въ Гельсингфорсѣ, 256; отыскиваетъ на Гангутскомъ полуостровѣ мѣсто удобное для перевозки галеръ, 259; начальствуетъ галерами при обходѣ шведскаго флота у Гангута и блокируетъ отрядъ Эреншельда, 260—1; участвуетъ во взятіи отряда Эреншельда, 262; начальствуетъ галерами и переходитъ съ ними въ Ревель (1715 г.), 274; переходъ его съ галерами изъ Гапсаля въ Либаву (1715 г.), 277—8; зимуетъ съ галерами въ Ростокѣ (1716—17 г.), 296; переходъ его изъ Ростока въ Ревель, 302; экспедиція его съ галерами и лодками для осмотра фарватера ведущаго къ Ваксгольму (1719 годъ), 325; распоряженія и дѣйствія его по возстановленію азовскаго флота (1723—24), 386—389; завѣдуетъ галернымъ флотомъ и изготовляетъ его къ кампаніи (1722 г.), 390—91; назначается въ присутствіе адмиралт.-коллегіи (1721 г.), 455; изъ Ростока доноситъ Апраксину о дурномъ обмундированіи морскихъ служителей (1717 года), 488; ему поручается строеніе галерной гавани (1721 г.), 503; экзаменуетъ возвратившихся изъ-за границы гардемаринъ, 589; упомин. 415.
Золотаревъ, унт.-лейт., 366, 368, 382.
Зотовъ, Василій Никитичъ, ревельскій комендантъ 223, 462.
Зотовъ, Кононъ Никитичъ, волонтеръ, потомъ поручикъ и капитанъ. Командуетъ кораблемъ *Девонширъ* въ эскадрѣ Синявина при взятіи шведской эскадры Врангеля (1719 г.), 313—14; командуетъ фрегатомъ *Самсонъ* въ отрядѣ посланномъ для переговоровъ съ Норисомъ (1719 г.), 318; привозитъ отвѣтъ Нориса, 328; посылка его во Францію для собранія свѣдѣній объ адмиралтейскомъ управленіи, возвращеніе и порученіе ему составить сводъ изъ собранныхъ матеріаловъ (1715—17 г.), 453—54, 542—43; труды его по составленію купеческаго морскаго устава, 547; изъявляетъ желаніе служить на иностранныхъ корабляхъ (1706 г.), 581; возвращеніе его въ Россію, 583; надзираетъ за гардемаринами, посланными во Францію 586—7; утвержденіе его въ чинѣ полученномъ па иностранныхъ флотахъ, 590; составленная имъ книга «Разговоръ у адмирала съ капитаномъ», 615.
Зубовъ, Иванъ, граверъ, 354.

Игнатьевъ, стольникъ, 124, 132.
Игошкинъ, гардемаринъ, 576.
Игорь, велик. князь, 7—9, 10.
Идесъ Избрантъ, голландск. купецъ, 618.
Избрантъ, Елизарій, датчанинъ, коммисаріусъ адмиралт. въ Архангельскѣ, 520, 521.
Измаиловъ, воронежскій губернаторъ, 387, 388.
Измаилъ-Бекъ, персидскій посолъ, 380, 381.
Изяславъ, велик. князь, 27.
Истома, Григорій, плаваніе его изъ Двины въ Норвегію, 41.

Іоаннъ Алексѣевичъ, царь, 186 уп.
Іоаннъ Грозный, 40—43 52, 60, 64, 354.
Іоаннъ Калита, 40.

Калмыковъ, Денисъ, экстра-мичманъ, потомъ поручикъ и капитанъ, 424, 583.
Кампредонъ, французскій посланникъ при шведскомъ дворѣ, 348.
Каральбомъ, Матіасъ, корабельный подмастерье, 403, 504.
Карлсбомъ, см. Каральбомъ.
Карлъ XII. шведскій король, 134, 136, 146, 168, 169, 171, 172, 189, 190, 192, 193, 195, 206, 207, 211, 212, 214, 271, 287, 308, 349, 400.
Кармартенъ, лордъ, 110, 111.
Кафтыревъ, гвардіи подпоручикъ, 603.

Кафтыревъ, коммисаръ у надзора за лѣсами, 475.
Кикинъ, Александръ Васильевичъ, адмиралтейскій совѣтникъ. Въ письмахъ государь называетъ его «дѣдомъ», 236; вступленіе его въ управленіе адмиралтейскими и экипажескими дѣлами (1707 г.), 444; дѣйствія его по управленію и отзывъ Крюйса о его дѣятельности, 445; обвиненіе его въ злоупотребленіяхъ и измѣнѣ; казнь его, 447; отношенія его къ Крюйсу и Меншикову, 449; жалобы его Апраксину на трудность своего положенія, 458; даетъ инструкцію Тормасову объ управленіи рабочими на Олонецкой верфи, 540; отдача дома его для помѣщенія морской академіи, 600.
Кипріяновъ, библіотекарь, 613.
Кириловъ, оберъ-секретарь сената, 609.
Кисленскій, маіоръ, 295.
Кистъ, хозяинъ дома въ которомъ Петръ жилъ въ Саардамѣ, 107.
Клаверъ, капитанъ-поручикъ, 452, 575.
Классъ-Поль, Герритъ, голландскій корабельный мастеръ, обучавшій Петра кораблестроенію, 107, 108, 128.
Клокачевъ, стольникъ, 521.
Клячковскій, полковникъ, 200.
Кожинъ, поручикъ, 363, 364, 365, 624.
Козенцъ, корабельный мастеръ, 127, 142, 415, 431, 504.
Козинскій, капитанъ, 427.
Козловъ, капитанъ-лейтенантъ, прокуроръ адмиралтействъ-коллегіи, 399, 455, 575.
Коламбургъ, адмиралъ, 234.
Кольцовъ, матросъ, 576.
Константинъ (Багрянородный), греческій императоръ, 14, 15, 18, 28.
Константинъ Великій, греческій императоръ, 8.
Коншинъ, полковникъ, 431.
Копіевскій, Илья, переводчикъ, 612.
Коптевъ, матросъ, 576.
Корсаковъ, Яковъ, ингерманландскій вице-губернаторъ, 459, 480.
Кортъ, корабельный мастеръ, 76.
Корчминъ, Василій, артиллеристъ, 90, 332.
Косенковъ, поручикъ, 631.
Кошелевъ, подпоручикъ, 264, 396, 397.
Крамеръ, капитанъ, 522.
Креветъ, переводчикъ посольскаго приказа, 87.
Крекшинъ, Петръ Никифоровичъ, коммисаръ, 512, 513.
Кронгіортъ, шведскій генералъ, 158.
Крусъ, капитанъ-поручикъ, 200, 571, 572.
Крусъ, графъ, шведскій адмиралъ, 234.
Крыловъ, матросъ, 576
Крюйсъ, Корнелій Ивановичъ, вице-адмиралъ, потомъ адмиралъ и вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи. Поступленіе его въ русскую морскую службу (1698 г.), 112; ему поручается выборъ и наемъ разныхъ чиновъ для флота, 113; пріѣздъ его съ царемъ въ Воронежъ (1699 г.), 118; находится на азовскомъ флотѣ въ званіи вице-адмирала; отзывъ его о работахъ царя на флотѣ, 119; въ его вѣдѣніе поступаютъ кумпанскія суда (1700 г.), 128; поѣздка его съ Апраксинымъ въ Азовъ и Таганрогъ (1701 г.), 131; прибытіе его въ Азовъ (1711 г.), 136; мнѣніе его о необходимости мелкосидящихъ судовъ для азовскаго флота, 137; начальствуетъ эскадрою азовскаго флота (1711 г.), 137—8; отправляется въ Петербургъ (1712 г.), 139; имъ составлены правила о морской службѣ и введена голландская терминологія, 142; дѣлаетъ съемку и промѣръ Дона и составляетъ атласъ (1699 г.), 143; посылка его въ Архангельскъ и командованіе эскадрою въ Бѣломъ морѣ (1702 г.), 153—4; домъ его въ С.-Петербургѣ, 162; отзывъ его о порохѣ, употребляемомъ на флотѣ, 167; приготовляетъ флотъ къ выходу въ море (1705 г.), 171; командуетъ флотомъ и сухопутными войсками у Кроншлота и отражаетъ нападеніе шведовъ (1705 г.), 172—9; начальствуетъ флотомъ (1706 г.), 179; гнѣвъ на него царя; по его представленію строятся прамы и бомбардирскія суда, 180; положеніе его съ вступленіемъ Апраксина въ командованіе флотомъ, 183—4; по его

проекту построена крѣпость св. Александра, 184; поднимаетъ свой флагъ на фр. *Олифантъ* (1708 г.), 187; переписка его съ Анкерштерномъ о взятой шведами шнявѣ *Фалкъ* (1709 г.), 193—4; имѣетъ опять свой флагъ на *Олифантѣ* (1710 г.), 197; посылка его въ Азовъ (1711 г.), 207; участіе его въ постройкѣ судовъ, заготовленіи провіанта для Выборга, устройствѣ петербургскаго адмиралтейства и приготовленіи флота и начальство надъ нимъ (1712 г.), 213; неудачная погоня за непріятельскими судами (1712 г.), 215; начальствуетъ флотомъ въ плаваніи у Сескаря (1713 г.), 224—25, 231; походъ къ Ревелю, погоня за непріятельскими судами, потеря корабля *Выборгъ*, судъ и ссылка, 232—37; вражда его съ Боцисомъ, 246—7; вступленіе его въ управленіе адмиралтействомъ и найденные тамъ безпорядки (1716 г.), 285—6; поѣздка его въ Ревель и принятыя имъ мѣры для обороны порта (1717 г.), 298; мнѣніе его о вредѣ каминовъ на судахъ, 344; производство его въ адмиралы, 349; ему поручается управленіе балтійскимъ корабельнымъ флотомъ въ отсутствіе Апраксина (1722 г.), 390; участвуетъ въ церемоніи встрѣчи ботика (1723 г.), 393; число нанятыхъ имъ въ службу иностранцевъ (1698 и 1702 г.), 412; заботы его объ увеличеніи жалованья морскихъ чиновъ, 428—9; на свадьбѣ государя занимаетъ «отцово мѣсто», 434; ссора его съ членами коллегіи по случаю вступленія въ коллегію Вильстера, 435; отношенія его къ Яковлеву, Меншикову и Апраксину (1704—1714 г.), 443—45; управленіе адмиралтействомъ по учрежденіи коммисаріата и отношенія къ Чернышеву и Меншикову, 447—53; назначеніе его вице-президентомъ адмиралтействъ-коллегіи и присутствіе въ засѣданіяхъ консилій, 454—5; жалобы его на безпорядки въ адмиралтействѣ и злоупотребленія Меншикова и его приближенныхъ, 458—60; составленная имъ роспись о пищевомъ довольствіи матроса, 486; распоряженія его по обмундированію морскихъ служителей, 487; подъ его надзоромъ начато строеніе первоначальной гавани на Котлинѣ, 507; участіе его въ постройкѣ военной котлинской гавани, 509; штрафуется за небытіе на водяной ассамблеѣ, 528; завѣдуетъ петербургскими лоцманами, 531; число морскихъ лекарей нанятыхъ имъ въ Амстердамѣ въ 1702 г., 534; выбранныя имъ «статьи» изъ иностранныхъ морскихъ законовъ составляютъ русскій морской уставъ, 538—39; имъ дана инструкція экипажмейстеру петербургскаго адмиралтейства (1705 г.), 539; обнародованіе его «статей», подъ названіемъ «Инструкціи и артикулы», 540; участіе его въ установленіи морскаго административнаго законодательства, 546; требуетъ утвержденія правилъ о салютахъ, 562; государь не одобряетъ его поступка съ поручикомъ Гельма, 570; предсѣдательствуетъ въ судѣ надъ Крусомъ, 571; письмо къ нему государя по поводу этого суда, 572; судъ надъ нимъ за упущеніе непріятеля, 573; ему поручены русскіе матросы, посланные за границу для ученья, 580; произведенная имъ опись р. Дона (1699 г.) и изданіе атласа, 621; производитъ промѣръ у Кроншлота (1710 г.), 623; упомин. 141, 186, 208, 231, 304, 409, 415, 416, 418, 441, 480, 541, 545, 569, 579.

Крюйсъ, жена вице-адмирала, 434.

Кудрявцевъ, Никита, казанскій вице-губернаторъ, 377.

Кузьминъ, Данило, священникъ, 474.

фонъ-Куперенъ, голландскій шаутбенахтъ, 308.

Куракинъ, князь, русскій посолъ въ Гагѣ, 222, 278, 282, 298, 304, 346, 355, 412, 542.

Куракинъ, князь, Григорій Семеновичъ, 56.

Курбатовъ, дьякъ Оружейной палаты, 592, 596.

Л

де-Лаваль, инженеръ, 114.

де-Лангъ, комендеръ, 575.
Лаптевъ, Антонъ, купецъ, 65.
Лаптевъ, подпоручикъ, 631.
Ласси, генералъ-маіоръ, 321, 322, 326, 327, 345, 346, 347.
Лебедевъ, поручикъ, 363.
Левашевъ, бригадиръ, 323, 324.
Левенгаунтъ, шведскій генералъ, 190.
Левеноръ, датскій генералъ-адъютантъ, 290.
Левъ Философъ, греч. императ. 22.
Лейнъ, Эдвардъ, капитанъ. Особое жалованье ему за строеніе гавани на Котлинѣ, 431; исполняетъ должность капитана надъ портомъ на Котлинѣ, 461—2; по ссылкѣ Крюйса завѣдуетъ постройкою гавани на Котлинѣ, 507; ему подчинены коммисары, присланные отъ губерній, 508; распоряжается работами по постройкѣ канала на Котлинѣ, 512; производитъ съемку и промѣръ фарватера отъ Березовыхъ острововъ до Гогланда, 624.
Лефортъ, бригадиръ, 260, 262.
Лефортъ, Францъ Яковлевичъ, генералъ и адмиралъ. Назначеніе его адмираломъ, 87; прибытіе его въ Воронежъ и спускъ галеры, 88; выступленіе его съ флотомъ въ азовскій походъ, 90; въѣздъ его въ Москву послѣ взятія Азова, 94; назначеніе его первымъ членомъ великаго посольства, 105; выраженіе имъ готовности служить на Черномъ морѣ, 117; кончина его и вліяніе на дѣла флота, 118; значеніе его для флота, 141; упомин. 119, 140, 439, 538.
Лешернъ, шведскій командоръ, 150, 151.
Ливе-Доусъ, поручикъ, 243.
Лиглеріусъ, составитель карты Скандинавіи, 617.
Лилли, шведскій вице-адмиралъ, 229, 237, 238, 242, 259, 260, 264, 272.
Лима, вице-адмиралъ, 87.
Линстъ Рогге, владѣтель верфи въ Саардамѣ, 107.
Лисицынъ, школьникъ, 575.
Лихудьевъ, стольникъ, 100.
Лицъ, Лука, капитанъ, 120.
Лобикъ, Питеръ, капитанъ, 200, 201, 532.
Ломоносовъ, академикъ, 613.
Лопухинъ, Гавріилъ, мичманъ, 313, 374.
Лоренсъ, поручикъ, потомъ капитанъ, 191, 398.
Лошаковъ, стольникъ, 508.
Лужинъ, геодезистъ, 609, 630.
Лука, московскій гость, 55.
Луневскій, навигаторъ, 583.
Лунинъ, Иванъ, унтеръ-лейтенантъ, 368.
Лунинъ, Осипъ, унтеръ-лейтенантъ, потомъ лейтенантъ, 368, 373, 381.
Львовъ, князь Иванъ Борисовичъ, надзиратель навигаторовъ обучавшихся за границей, потомъ оберъ-экипажмейстеръ, 449, 580, 582, 585.
Любекеръ, шведскій генералъ, 190, 191, 192, 227, 228, 229, 237, 241.
фонъ Люберасъ, генералъ-маіоръ, 258, 324, 518, 624, 625.
Людовикъ XIII, франц. король, 49.
Людовикъ XIV, франц. король, 542, 600.

Маасъ, Исаакъ, издатель картъ, 618.
Мавринъ, полковникъ, 399, 518.
Магницкій, Леонтій, учитель навигацкой школы, 592, 593. 595, 596, 599, 603, 604, 610, 612, 613.
Магнусъ, шведскій король, 38.
Мазепа, гетманъ малороссійскій, 128, 192, 193.
Майдель, шведскій генералъ, 170, 175, 189, 501.
Макаровъ, кабинетъ-секретарь, 411, 452, 469, 586, 587, 606.
Максимовичъ, смотритель Соломбальской верфи, 522.
Марія Алексѣевна, царевна, 186.
Марѳа Матвѣевна, царица, 124, 585.
Матвѣевъ, Андрей Артамоновичъ, директоръ морской академіи, 601, 606.
Матвѣевъ, Артамонъ Сергѣевичъ, бояринъ, 601.
Матюшкинъ, генералъ-маіоръ и гвардіи маіоръ. Начальствуетъ сухопутными войсками назначенными для обороны Котлина (1720г.), 332; ему поручается надзоръ за постройкою судовъ для персидскаго похода, 368; плаваніе

его съ построенными на Волгѣ судами, 369; купаніе его съ райны, 371; ему поручается наблюденіе за нагрузкою судовъ отряда назначеннаго для похода въ Гилянь, 379; экспедиція его въ Баку, взятіе крѣпости и возвращеніе въ Астрахань (1723 г.), 483—5.
Мейеръ, Августъ, комендеръ, 97, 120.
Меллеръ, заводчикъ, 477, 479.
фонъ-Менгденъ, бригадиръ, 295, 335, 336, 338, 340, 341.
Меншикова, княгиня, 434.
Меншиковъ, Александръ Даниловичъ, волонтеръ, потомъ поручикъ преображ. полка, корабельный мастеръ, ингерманландскій губернаторъ, князь, генералъ-фельдмаршалъ, капитанъ-командоръ, шаутбенахтъ и вице-адмиралъ. Волонтеромъ, вмѣстѣ съ царемъ, изучаетъ въ Голландіи кораблестроеніе, 106, 108; участіе его во взятіи шведскихъ судовъ въ устьяхъ Невы (1703 г.), 155; награждается орденомъ св. Андрея Первозваннаго, 156; ему поручается надзоръ за судостроеніемъ на Ладожскомъ прибрежье, 157; спускъ буера въ день пріѣзда его на Олонецкую верфь, 158; завѣдуетъ постройкою Кроншлота (1704 г.), 160; домъ его въ Петербургѣ, 187; по его совѣту защищаютъ устье Западной Двины (1710 г.), 200; ему поручается главное начальство въ Петербургѣ (1711 г.), 206; даритъ государю фрегатъ, купленный заграницею, 209; пытается сжечь непріятельскій флотъ брандерами, 210; государь посылаетъ его съ войсками въ Померанію (1712 г.), 212; жалоба на него Крюйса за дурное управленіе адмиралтейскими дѣлами, 213; празднованіе побѣды его надъ шведами, 231; ходатайствуетъ за Крюйса, 237; дѣйствія его въ Помераніи и возвращеніе въ Россію (1713 г.), 241; завѣдуетъ адмиралтейскими дѣлами (1716 г.), 285; государь приказываетъ ему укрѣплять Котлинъ и готовить флотъ, 294; начальствуетъ аріергардомъ корабельнаго флота (1718 г.), 303; плаваніе его съ царемъ въ шхерахъ на галерномъ флотѣ (1718 г.), 305; государь увѣдомляетъ его о гренгамской побѣдѣ, 340; переписка его съ царемъ о положеніи нашего флота, по случаю прихода англичанъ въ Балтику (1721 г.), 346; начальствуетъ авангардомъ корабельнаго флота (1721 г.), 348; производство его въ вице-адмиралы, 349; участіе въ торжествованіи ништадтскаго мира въ Москвѣ, 353; участвуетъ въ церемоніалѣ встрѣчи ботика на флотѣ (1723 г.), 393—4; ходатайствуетъ у Апраксина о дворянскихъ дѣтяхъ взятыхъ въ матросы, 410; пишетъ къ Макарову о неудобствѣ позволять солдатамъ записываться въ матросы, 411; присутствуетъ на свадьбѣ государя въ званіи «маршала», 434; ему подчиняется основанная на Свири Олонецкая верфь, (1703 г.) 440—41; за отсутствіемъ Апраксина управляетъ балтійскимъ флотомъ и петербургскимъ адмиралтействомъ (1710—11 г.), 444—45; жалоба на него Крюйса, 445; отношенія его къ Крюйсу, 450—53; участвуетъ въ засѣданіяхъ консилій, 455; злоупотребленія и заслуги его, 459—60; заступничество его въ сенатѣ за Апраксина, 460; начальствуетъ кронштадтскимъ портомъ (1716 г.), 461; компанія его доставляетъ на флотъ треску, 484; по его требованію составлена первая смѣта о суммѣ на содержаніе флота (1707 г.), 492; ему поручается главный надзоръ за строеніемъ петербургскаго адмиралтейства (1705 г.), 500; подъ его руководствомъ сооружена адмиралтейская крѣпость (1716 г.), 503; государь поручаетъ ему постройку укрѣпленій на Котлинѣ и въ Кроншлотѣ (1716 г.), 507; по его приказанію увеличена старая котлинская гавань, 509; подъ его надзоромъ строятся каменные дома на Котлинѣ, 514—15; распоряженія его работами по строенію новой гавани въ Ревелѣ, 517; для его компаніи строятся суда на верфи Бажениныхъ, 522; упомин. 134, 166, 192, 172, 224, 242, 255, 263,

267, 292, 299, 395, 415, 436, 437, 442, 443, 449, 567.
Меншиковъ, Гаврило, корабельный мастеръ, 90, 383, 418, 504.
Мещерскій, князь Борисъ, 500.
Мещерскій, князь Романъ, 441, 442, 500.
Миллеръ, академикъ, 622.
Минаевъ, Фролъ, атаманъ войска донскаго, 91, 92, 114.
Митрофаній, епископъ воронежскій, 125.
Михайловъ, Петръ (государь), волонтеръ, потомъ корабельный мастеръ, капитанъ, капитанъ-командоръ, шаутбенахтъ, вице-адміралъ и адміралъ *). Волонтеромъ изучаетъ кораблестроеніе въ Голландіи, 106—8; атестатъ полученный имъ отъ Класа Поля, 109; закладываетъ и строитъ въ Воронежѣ корабль *Предестинація*, 116; командуетъ кораблемъ *Отворенныя врата* въ керченскомъ походѣ, 120; беретъ шведскія суда въ устьяхъ Невы и получаетъ въ награду орденъ Андрея Первозваннаго (1703 г.), 155—6; получаетъ чинъ шаутбенахта (1709 г.), 196; начальствуетъ авангардомъ галернаго флота (1713 г.), 224; состоитъ старшимъ членомъ судной коммиссіи по дѣлу Крюйса, 237; получаетъ чинъ полнаго генерала (1713 г.), 239—40; принимаетъ начальство надъ корабельнымъ флотомъ (1714 г.), 251; поднимаетъ контръ-адміральскій флагъ на кораблѣ Св. *Екатерина*, 253—4; прибытіе его къ галерному флоту въ Твереминне, 259; осматриваетъ непріятельскій флотъ у Гангута и предлагаетъ обходъ его, 259—60; начальствуетъ авангардомъ галернаго флота при нападеніи на эскадру Эреншельда 261 — 2; участвуетъ въ церемоніальномъ вводѣ плѣнныхъ судовъ въ Петербургъ, 266; получаетъ чинъ вице-адмирала, 267; поднимаетъ вице-адміральскій флагъ на *Ингерманландъ* (1715 г.), 274; командуетъ авангардомъ кораб. флота, имѣя флагъ на *Ингерманландъ* (1718 г.) 303; начальствуетъ корабельнымъ флотомъ (1719 г.), 316; мнѣніе его о походѣ флотовъ въ шведскія шхеры, 317; командованіе его флотомъ (1721 г.) и плаваніе въ Финскомъ заливѣ, 347—8; принятіе имъ чина адмирала, 349; выступленіе его на флотѣ въ персидскій походъ, 370; начальствуетъ авангардомъ флота, имѣя адміральскій флагъ на кор. *Екатерина* (1723 г.), 392; участвуетъ въ церемоніальной встрѣчѣ ботика, исполняя на немъ обязанность квартирмейстера, 393; жалованье его по званію баса, 431; корабли построенные имъ на петербургской верфи, 504; упомин. 433, 434, 472.
Михаилъ Ѳедоровичъ, царь, 46, 54, 55, 56, 59, 60, 65, 66, 353.
Мичуринъ, навигаторъ, 583.
Мишуковъ, Захарій, капитанъ-поручикъ, потомъ капитанъ. Посылка его для осмотра фарватеровъ, ведущихъ къ Стокгольму (1719 г.), 224; отправленіе его въ Голландію, приводъ оттуда и потеря корабля *Ништадтъ* (1721 — 22 г.), 355; присутствуетъ на свадьбѣ государя въ званіи шафера, 434; производитъ съемку и промѣръ Финскаго залива, 624—5; упомин. 472.
Могушевъ, Леонтій, экипажмейстеръ 441.
Молотъ, Ивашка, кормщикъ, 117
Монсанъ, Іоганнъ, авторъ сочиненія «Книга морская», 615.
Морганъ, агентъ Мадагаскарскихъ флибустьеровъ, 400, 401, 402.
Морганъ, остъ-индскій флибустьеръ, 403.
Мордвиновъ, Семенъ, гардемаринъ, 588, 609.
Мухановъ, Ипатъ, волонтеръ, потомъ поручикъ, капитанъ-поручикъ и капитанъ. Въ числѣ волонтеровъ обучается морскому дѣлу заграницею, 106; подъ его начальствомъ отправлены въ Либаву транспортныя суда (1715г.),

*) Сюда включены указанія на дѣятельность государя только въ поименованныхъ званіяхъ.

277; служебная дѣятельность его съ 1697 до 1716 г. 291—2; участіе его въ церемоніалѣ при погребеніи Петра Великаго, 406; присутствіе его на свадьбѣ государя въ должности шафера, 434; упомин. 408.
Муцъ, галерный мастеръ, 504.
Мякининъ, генералъ-фискалъ, 387, 388.
Мясной, поручикъ, 242, 396, 397, 583, 624.

Нагаевъ, мичманъ, 554, 609, 615.
Най, Осипъ, корабельный мастеръ, 112, 116, 128, 142, 415, 504.
Нанингъ, капитанъ, 570, 571.
Наркросъ, капитанъ, 401, 402.
Нарышкинъ, Александръ Львовичъ, навигаторъ, потомъ капитанъ и директоръ морской академіи, 583, 602, 603.
Нарышкинъ, Иванъ Львовичь, лейтенантъ, 585, 602, 603.
Нарышкинъ, Левъ Кирилловичъ, бояринъ владѣтель желѣзныхъ заводовъ, 477, 479.
Наталья Алексѣевна, царевна, 93, 127, 186, 434.
Небель, капитанъ, 291.
Небель, оберъ-фискалъ, 446.
Неплюевъ, гардемаринъ, потомъ поручикъ, капитанъ и русскій посолъ въ Константинополѣ, 588, 589, 590.
Нероновъ, Борисъ, 187—8.
Несторъ, лѣтописецъ, 13, 15.
Никифоровъ, коммисаръ московск. адмиралт. конторы, 598.
Никонъ, патріархъ, 56, 57.
Randomized placeholder removed
Ниродъ, графъ, 208.
Новицкій, Данило, бомбардиръ, 90.
Норисъ, англійскій вице-адмиралъ, 271, 274, 275, 276, 278, 287, 288, 289, 317, 318, 328, 336, 337, 566.
Норовъ, полковникъ и оберъ-коммисаръ, 431, 448, 455.
Нумерсъ, шведскій вице-адмиралъ, 147, 150, 155, 158, 159.
Нѣмцовъ, корабельный мастеръ, 163, 504.

Обдамъ, адмиралъ, 234.
Олеарій, 618, 626.
Олегъ, 7, 15.
Опій, капитанъ, 318.
Ординъ - Нащокинъ, бояринъ, 58, 61, 62.
Остерманъ, Андрей Ивановичъ, 274, 275, 276, 309, 319, 327, 566.
Островскій, подполковникъ, 150, 161, 173, 177, 183, 188.
Отвенкель, боцманъ, 571.
Оттеръ, норвежск. мореходецъ, 33.
Отто, Христіанъ, штурманъ, потомъ артиллеріи капитанъ и оберъ-цейхмейстеръ. Въ должности штурмана находится на кораблѣ *Крѣпость*, во время плаванія въ Константинополь, 122; участвуетъ въ церемоніи вывода ботика, 394; назначеніе его въ должность цейхмейстера, 421; назначеніе его присутствовать въ адмиралт.-коллегіи, 455; въ завѣдываніе его Липскими и Козминскими заводами стали отливать желѣзный балластъ, 479; имъ сняты виды береговъ отъ Азова до Константинополя, 622; упомин. 415.

Павелъ I, императоръ, 546.
Паддонъ, контръ-адмиралъ. Начальствуетъ авангардомъ флота (1717 г.); его прежняя служба въ Англіи, 298; приводитъ изъ Ревеля въ Кронштадтъ эскадру на зимовку, 302; участіе его въ кампаніи 1718 г., 303, 305; кончина его и характеристика, 306—7; исправляетъ должность старшаго флагмана на Котлинѣ (1717—18 г.), 462; ходатайство его объ улучшеніи содержанія и быта нижнихъ чиновъ, 469—71; предположенія его о продовольствіи матросовъ, 484; подъ его руководствомъ переводится англійскій морской уставъ, 542; упомин. 574.
Пальчиковъ, корабельный мастеръ, 378, 383, 459, 504, 525.
Памбургъ, капитанъ, 120, 122, 123, 124, 141, 144.
Пангало, корабельный мастеръ, 504.
Пастуховъ, матросъ, 576.
Пельгусій, старѣйшина въ землѣ Ижорской, 161.
Перри, Джонъ, инженеръ, 112, 131, 133.
Петровъ, Иванъ, атаманъ, 619.

Петровъ, Петръ, строитель гавани 171.
Петровъ-Соловой, 575.
Пикардъ, граверъ, 274, 622, 623.
Пиперъ, графъ, 229.
Питерсенъ, тимерманъ, 573.
Племянниковъ, стольникъ Григорій Андреевичъ, товарищъ адмиралтейца, 124, 444, 477.
Плениснеръ, саксонск. резидентъ въ С.-Петербургѣ, 354.
Полуехтовъ, дворянинъ, 61.
Попагай, капитанъ-поручикъ, 434, 532.
Поповъ, Александръ Андреевичъ, корабельный инженеръ, 466, 467.
Порошинъ, котлинскій комендантъ, 449.
Потемкинъ, Иванъ, фискалъ, потомъ начальникъ Невскаго флота и партикулярной верфи, 523, 524, 525, 529.
Потемкинъ, стольникъ и воевода, 57.
Прасковья Іоанновна, царевна, 434.
Прасковья Ѳедоровна, царица, 186, 434.
Прозоровскій, азовскій воевода, 114.
Прозоровскій, архангельскій воевода, 148.
Прозоровскій, астрах. воевода, 63.
Прозоровскій, Петръ Иванов., бояринъ, 495.
Прончищевъ, мичманъ, 381.
Протасьевъ, стольникъ и адмиралтейцъ. Назначеніе его адмиралтейцемъ, 96; ему поручается заготовленіе лѣсовъ для кораблестроенія и постройка адмиралтейскаго двора въ Воронежѣ, 100; злоупотребленія и смѣна его, 101—2; сообщаетъ Головину о безполезности голландскихъ корабельныхъ мастеровъ, 115; упомин. 103, 124, 128, 439.
Птоломей, греческ. астрономъ, 616.
Путиловъ, геодезистъ, 609.
Пушкинъ, воевода, 58.
Пущинъ, капитанъ-лейтенантъ, 384.

Раабъ, шведскій капитанъ-командоръ, 236, 237.
Рагузинскій, Савва Владиславичъ, 302, 587.
Радиловъ, мичманъ, 576.
Разинъ, Стенька, 17, 40, 63, 379.
Рамзъ, корабельный мастеръ, 504.
Рамъ, капитанъ, 235, 573.
Резъ, шаутбенахтъ. Участіе его въ плаваніи флота изъ Воронежа въ Азовъ (1699 г.), 119; въ его вѣдѣніе поступаетъ часть кумпанскихъ судовъ, 128; отправленіе его на фр. *Тріумфъ* съ Олонецкой верфи, 163; церемоніалъ погребенія его, 183; отношенія его къ олонецкому коменданту Яковлеву, 443.
Рейсъ, Абрамъ, капитанъ, потомъ капитанъ-командоръ. Выходитъ изъ Архангельска на фр. *Св. Павелъ* и возвращается по случаю поврежденій, 203; начальствуетъ отрядомъ въ крейсерствѣ у Скагена и присоединяется къ датскому флоту, 217; крейсерство его отряда и взятые призы, прибытіе въ Ригу, производство въ капитанъ-командоры, 218; плаваніе его съ купленными кораблями изъ Копенгагена въ Ревель (1712—13г.),223; въ кампаніи 1713г. находится на кораблѣ *Св. Антоній*, 235; погоня его за непріятелемъ и отступленіе, 236; судъ надъ нимъ и ссылка въ Сибирь (1714 г.), 237; посылка его въ Казань для вооруженія судовъ (1706 г.), 359; данная ему инструкція при посылкѣ въ Архангельскъ (1710 г.), 563; упомин. 522.
Ремезовъ, Семенъ Емельяновъ, боярскій сынъ, 141, 619, 620.
Рентель, капитанъ, 360, 361, 363, 366, 367, 379.
Реппинъ, генералъ, 249.
Репнинъ, князь, 212.
Ржевская, 527.
Риго, капитанъ, 235.
Римскій-Корсаковъ, гардемаринъ, 588.
Рицъ, датскій вице-адмиралъ, 218.
Розенфельдъ, шведскій вице-адмиралъ, 623.
Рокускинъ, капитанъ, 120.
Романовъ, Никита Ивановичъ, бояринъ, 75.
Ромодановскій, Ѳедоръ Юрьевичъ, князь-кесарь, 77, 80, 118, 187, 236, 239, 435, 515.
Росселіусъ, лейтенантъ, 388.
Румянцовъ, генералъ-маіоръ, 376, 382.
Русиновъ, галерный мастеръ, 504.

Рю, Томасъ, капитанъ, 574.
Рюйтеръ, голландскій адмиралъ, 235.
Рюрикъ, велик. князь, 5—7.
Рябовъ, Иванъ, лоцманъ, 148, 149.

Салтыковъ, казанскій губернаторъ, 361.
Салтыковъ, Өедоръ, корабельный мастеръ, 220, 221, 223, 412, 418.
Самаринъ, Михаилъ Михайловичъ, сенаторъ, 509, 512, 513.
Сандерсъ, капитанъ-командоръ, потомъ шаутбенахтъ. Находится на флотѣ въ кампанію 1718 года, 303; получаетъ приказаніе крейсеровать съ эскадрою у Рогервика, 305; производство его въ шаутбенахты, 349; находится на флотѣ въ кампанію 1723 года, 392 *); участвуетъ въ церемоніи вывода ботика, 394; зимовка въ Ревелѣ эскадры подъ его командою (1718 г.), 462; сдача имъ команды Фангофту, 463.
Свистуновъ, геодезистъ, 609.
Святославъ, велик. князь, 9.
Сегестетъ, датскій вице-адмиралъ, 217.
Сентъ-Иллеръ, баронъ, директоръ морской академіи, 337, 600, 601.
Сиверсъ, капитанъ, потомъ капитанъ-командоръ, шаутбенахтъ и вице-адмиралъ. Посылка его въ Ревель съ командами для пришедшихъ туда купленныхъ кораблей (1713 г.), 232; въ кампанію 1714 года находится на кораблѣ *Лефермъ*, 254; посылка его со штурманами въ шхеры для производства промѣра, 258; движеніе командуемаго имъ отряда судовъ послѣ гангутскаго сраженія, 263; подъ его начальствомъ снаряжается ревельская эскадра (1716 г.), 285; выходъ его эскадры изъ Ревеля и прибытіе въ Копенгагенъ, 286—7; находится на флотѣ въ кампанію 1717 г., 303; начальствуетъ корабельнымъ флотомъ на переходѣ къ Ламеланду (1719 г.), 318; приводитъ эскадру изъ Ревеля къ Котлину, 329; начальствуетъ корабельною эскадрою у Котлина (1720 г.), 332; командуетъ аріергардомъ корабельнаго флота (1721 г.), 348—9; производство его въ вице-адмиралы, 349; участіе его въ церемоніи вывода ботика, 393; ссора его съ Крюйсомъ въ коллегіи, 435; неудовольствія съ Крюйсомъ на Котлинѣ, 450; назначеніе его членомъ адмиралтействъ-коллегіи, 455; исправляетъ должность старшаго флагмана на Котлинѣ (1714—15 г.), 461; тоже съ 1719—20 г., 462; начальствуетъ надъ ревельскою эскадрою (1716 г.), 463; мнѣніе его по судному дѣлу Гельма, 570; упомин. 292, 294, 415, 457, 567, 574.
Сигизмундъ-Августъ, польскій король 40.
Сигизмундъ III, польскій король, 44.
Сило, Адамъ, 620.
Симсонъ, капитанъ, 245, 522, 570.
Синеусъ, князь, 6.
Синявинъ, Иванъ Акимовичъ, волонтеръ, потомъ боцманъ, поручикъ, капитанъ и капитанъ-командоръ. Волонтеромъ изучаетъ морское дѣло за границею, 106, 408; проводитъ изъ Выборга въ Петербургъ суда съ артиллеріею (1711 г.), 208; государь посылаетъ его въ Ревель для провода оттуда къ Кроншлоту купленныхъ кораблей, 232; посылка его въ Колу за кораблемъ *Рафаилъ*, 245; прибытіе порученнаго ему корабля *Рафаилъ* въ Рогервикъ, 252; плаваніе эскадры подъ его командою изъ Архангельска въ Копенгагенъ (1715—16 г.) 280; производство его въ капитанъ-командоры (1721 г.),, 350; командуетъ лоцъ-гальотомъ (1703 г.), 418; домъ его на Котлинѣ, 514; предсѣдательствуетъ въ судной коммисіи по дѣлу Клавера, 575; упомин. 522.
Синявинъ, Наумъ Акимовичъ, боцманматъ, потомъ боцманъ, поручикъ, капитанъ, капитанъ-командоръ и шаутбенахтъ. Участвуетъ во взятіи шведскаго бота *Эспернъ*, (1706г.) 181; командуетъ бригантиною во время переправы шведовъ черезъ Неву

*) На стр. 392 вмѣсто Сандерсъ по ошибкѣ напечатано Сиверсъ.

(1708 г.), 191; посылка его въ Копенгагенъ для провода оттуда купленныхъ кораблей, 223 командуетъ кораблемъ *Рандольфъ* (1713 г.), 235; плаваніе его на кораблѣ *Страфортъ* въ Англію и Голландію 1715—(16 г.), 278—79; крейсерство его съ отрядомъ между Борнгольмомъ и Ругеномъ (1716 г.), 289; посылка его въ Гамбургъ для привода оттуда царской яхты, 308; взятіе имъ шведской эскадры въ Балтійскомъ морѣ (1719 г.), 313—15; крейсерство его въ Балтійскомъ морѣ (1719 г.), 318—19; производство его въ контръ-адмиралы. 349; дѣятельность его въ кампанію 1723 года, 392; участіе его во встрѣчѣ ботика, 394; плаваніе его съ эскадрою въ 1724 году, 404; присутствуетъ на свадьбѣ государя въ числѣ шаферовъ, 434; ссора его съ Девьеромъ, 435—36; взглядъ его на значеніе русскаго флага, 436; назначается членомъ адмиралтействъ-коллегіи, 455; мнѣніе его о выборѣ офицеровъ въ экспедицію Беринга, 631; упомин. 187, 408, 469, 566.

Скворцовъ, Ермолай, волонтеръ, потомъ унтеръ-офицеръ, 160, 181.

Скляевъ, Өедосѣй, волонтеръ, потомъ корабельный мастеръ. Обученіе его за границею кораблестроенію 106, 108; участвуетъ въ постройкѣ корабля *Предестинація*, 116; командуетъ шнявою *Мункеръ* въ плаваніи къ Выборгу (1710 г.), 198; ему поручается постройка прамовъ и бригантинъ въ Тавровѣ (1723 г.), 386, 387; отзывается изъ Таврова въ Петербургъ, 389; на свадьбѣ государя занимаетъ «братнее мѣсто», 434; строитъ на петербургской верфи первое судно (1706 г.), 502; суда построенныя имъ вмѣстѣ съ корабельнымъ мастеромъ Петромъ Михаиловымъ, 504; упомин. 135, 167, 418.

Скобельцынъ, геодезистъ, 609.

Скорняковъ-Писаревъ, Григорій Григорьевичъ, полковникъ, директоръ морской академіи, 602, 610, 611.

Скурихинъ, боцманъ, 576.

Соймоновъ, Өедоръ Ивановичъ, лейтенантъ, потомъ капитанъ-лейтенантъ. Отзывъ его о каспійскомъ торговомъ мореплаваніи, 358; участвуетъ въ описи Каспійскаго моря и въ персидскомъ походѣ, 366, 368, 371; командуетъ судами экспедиціи въ Гилянь, 378—381; участвуетъ въ бомбардированіи и взятіи Баку (1723 г.), 384; государь утверждаетъ выбранное Соймоновымъ мѣсто для крѣпости, 385; плаваніе его до Решта (1724 г.), 385; разсказъ его о торжествѣ при поднятіи Апраксинымъ кейзеръ-флага, 555; упомин. 382, 383, 626.

Соловьевъ, русскій агентъ въ Голландіи, 304, 436.

Софія, царевна, 83.

Спанбергъ см. Шпанбергъ.

Станиславъ Лещинскій, польскій король, 195, 284.

Стаціусъ, капитанъ галернаго флота, 120.

Стейнбокъ см. Штейнбокъ.

Стельсъ, русскій агентъ въ Англіи, 520, 584.

Степановъ, подъячій, 441, 442.

Стихманъ, капитанъ, 313.

Страсбурхъ, подполковникъ, 234.

Стрежневъ, Иванъ, архангелогородецъ, 520.

Стрешневъ, Тихонъ Никитичъ, бояринъ, 87,125.

Строгоновъ, Аникій, 43.

Строгоновъ, Григорій, именитый человѣкъ, 125.

Строгоновъ, Яковъ, 43.

Строгоновы, бароны, 527, 528.

Стрѣкаловъ, бригадиръ, 325.

Стрюйсъ, Янъ, парусникъ на кор. *Орелъ*, 64.

Схонбекъ, Адріанъ, граверъ, 156, 549, 550, 552, 556, 620, 622, 623.

Татищевъ, историкъ, 619.

Татищевъ, лейтенантъ, 381.

Татищевъ, стольникъ, 152.

Таубе, шведск. шаутбенахтъ, 264,

Тевкелевъ, маіоръ, 365.

Термунтъ, лекарь, 64.

Тимерманъ, Францъ, учитель Петра,

73—76, 82, 87, 234, 519, 520, 548, 551.
Тимофѣевъ, Антипъ, лодейный кормщикъ, 80.
Титовъ, стольникъ, 87.
Толбухинъ, полковникъ, 150, 161, 173, 177, 183, 188.
Толстой, азовскій губернаторъ, 136.
Толстой, гвардіи урядникъ, 343.
Толстой, П. А. русскій посолъ въ Константинополѣ, 136, 245.
Толстой, тайн. дѣйств. совѣтн. 397.
Тормасовъ, подполковникъ и оберъ-комисаръ, 446, 451, 455, 457, 540.
Торнгоутъ, капитанъ, 313.
Травинъ, поручикъ, 364, 365, 583, 624.
Транъ, капитанъ, 462.
Траханіотъ, Юрій, - Плаваніе его изъ Даніи къ Двинѣ, 42.
Трезель, Самуилъ, контръ-адмиралъ, 282.
Трезель, капитанъ, 307.
Треска, мореходъ, 629.
Тромпъ, голландскій адмиралъ, 235.
Трубецкой, князь, генералъ, 379, 384.
Трубниковъ, гардемаринъ 427.
Труворъ, князь, 6.
Турвиль, франц. маршалъ 550, 615.

Украинцовъ, думный дьякъ, 120, 121, 122, 123, 124, 129, 140, 550, 561.
Украинцовъ, матросъ, 576.
Ульрика-Элеонора, шведская королева, 308, 319.
Ульрихъ, шведск. командоръ, 400, 401, 402.
Урусовъ, князь, волонтеръ, потомъ капитанъ-лейтенантъ, 106, 365, 366, 368, 384, 463.
Ушаковъ, 187.
Ушаковъ, констапельскій ученикъ, 573.
Ушаковъ, Ѳ. Ѳ. адмиралъ, 609.

Фангентъ, Вилимъ, капитанъ. Подъ его начальствомъ остается въ первый разъ зимовать эскадра въ Ревелѣ (1714 г.), 270; отбиваетъ нападеніе шведовъ на Ревель, 273; остается на зимовку въ Ревелѣ (1715 г.), 276; дурное распоряженіе его при встрѣчѣ съ непріятелемъ и взысканіе по суду, 300—301, 574; исполняетъ должность главнаго командира въ Ревелѣ (1714—15 г.), 462; объявляетъ по эскадрѣ правила о салютаціи, 565; упомин. 275.
Фангофтъ, Янъ, капитанъ, потомъ капитанъ-командоръ и контръ-адмиралъ. Взятіе, его отрядомъ, шведской шнявы (1717 г.), 300; порученіе ему главнаго начальства надъ крейсерами и взятые призы, 307; экспедиція его съ эскадрою къ Эланду (1719 г.), 311—12; остается съ эскадрою зимовать въ Ревелѣ (1719 г.), 329; экспедиція его съ эскадрою къ Готланду и возвращеніе въ Ревель (1720 г.), 334; плаваніе его съ эскадрою въ 1720 году, 343—44; возвращеніе его съ эскадрою къ Наргену, 347; производство его въ контръ-адмиралы, 349; принимаетъ участіе въ камианіи 1723 года, 392; приготовляетъ суда для мадагаскарской экспедиціи, 396, 398; исполняетъ должность главнаго командира въ Ревелѣ (1717—19 г.), 462, 463; участвуетъ въ судной коммисіи по дѣлу Фангента (1717 г.), 574; упомин. 335, 391.
Фандельдинъ, ревельскій оберъ-комендантъ, 402, 462, 567.
Фандербургъ, русскій агентъ въ Голландіи, 304, 412.
Фандервиденъ, полковникъ, 365.
Фандергульстъ, голланд. резидентъ въ Москвѣ, 128, 169.
Фан-Сведенъ, 61.
Фарварсонъ, Андрей Даниловичъ, профессоръ, 112, 113, 415, 590, 592, 593, 595, 596, 599, 601, 603, 604, 609, 613.
Фастингъ, штурманъ, 624.
Федоровъ, школьникъ, 575.
де-Феттъ, голландскій адмиралъ, 271.
Филиппъ II, испанскій король, 294.
Фишеръ, профессоръ, 53.
Фламингъ, поручикъ, 574.
Фокъ, капитанъ, 418.
Фохтъ, комендеръ, 120.
Фрасъ, Класъ, капитанъ, 521.
Фридрихъ, герцогъ шлезвигъ-голштинскій, 59.
Фридрихъ IV, датскій король, 542.
Фризеръ, шведскій генералъ, 191.

Хвостовъ, маіоръ, 536.
Хованскій, князь Андрей, 583.
Хрисохиръ, морской разбойникъ, 9, 10.

Ченселоръ, англійскій капитанъ, 42, 53.
Черкасскій, князь А. М. 527.
Чернышевъ, Григорій Петровичъ, бригадиръ, потомъ генералъ-маіоръ и оберъ-штеръ-кригсъ-коммисаръ. Посылка его съ отрядомъ скампавей для осмотра Гельсингфорса (1713 г.), 226; непріязнь его съ Крюйсомъ, 285; вступленіе его въ должность оберъ-штеръ-кригсъ-коммисара и отношенія къ Крюйсу, 448—453; присутствованіе его въ засѣданіяхъ консилій и адмиралтействъ-коллегіи, 455; обвиненіе его Крюйсомъ въ упущеніяхъ по заготовкѣ провіанта, 457; возраженіе его государю въ присутствіи коллегіи, по поводу распоряженія о гардемаринахъ, 588; упомин. 227, 246, 459.
Чириковъ, астрах. оберъ-комендантъ, 361.
Чириковъ, подпоручикъ, 609, 631.
Чичаговъ, Петръ, геодезистъ, 609.

Шапизо, капитанъ, 313, 314.
Шапиловъ, ботовой мастеръ, 368.
Шафировъ, баронъ, 455, 484, 543.
Шеблатъ, шведск. вице-адмиралъ, 339.
Шеинъ, бояринъ, 90.
Шельтингъ, Вейбрантъ, капитанъ, потомъ капитанъ-командоръ и контръ-адмиралъ. Назначеніе его въ азовскій флотъ (1710 г.), 136; начальствуетъ крейсерскимъ отрядомъ въ Финскомъ заливѣ (1707 г.), 185; производство его въ капитанъ-командоры за успѣшную перевозку провіанта въ Выборгъ (1712 г.), 214; плаваніе его съ отрядомъ и взятіе призовъ, 216; находится въ плаваніи съ флотомъ въ 1713 году, 225; командуя кор. *Выборгъ*, участвуетъ въ неудачной погонѣ за непріятелемъ; потеря корабля и взысканіе по суду, 235—37; начальствуетъ Котлиномъ и изготовляетъ къ кампаніи корабельный флотъ (1714 г.), 251; командуетъ кораблями *Рига* и *Полтава* (1714 г.), 254; исправляетъ должность старшаго флагмана по отъѣздѣ Петра въ Копенгагенъ (1716 г.), 289; возвращеніе его съ эскадрою въ Ревель, 291; начальствуетъ аріергардомъ флота (1717 г.), 299; произведенный въ контръ-адмиралы находится на флотѣ въ кампанію 1718 года, 303; кончина его и обзоръ служебной дѣятельности, 304—5; посылка его въ Голландію для найма морскихъ служителей (1715 г.), 412; обвиненіе его Крюйсомъ въ употребленіи казенныхъ людей на частныя работы, 459; первымъ исправляетъ должность главнаго командира на Котлинѣ (1713 г.), 461; участвуетъ въ судныхъ коммисіяхъ, 573, 574; упомин. 279, 415.
Шельтронъ, датчанинъ, 626.
Шереметевъ, Борисъ Петровичъ, бояринъ, потомъ генералъ-фельдмаршалъ и графъ, 83, 90, 94, 96, 136, 150, 151, 154, 190, 200, 212.
Шестаковъ, 575.
Шетиловъ, геодезистъ, 609.
Шиллингъ, поручикъ, 242.
Шиповъ, полковникъ, 378, 379, 380, 381.
Шифель, адмиралъ, 234.
Шлейнграфъ, корабельн. мастеръ, 504.
Шлоцъ, поручикъ, 574.
Шмидтъ, поручикъ, 193, 194.
Шпанбергъ, поручикъ, 631.
Шпаръ, шведскій вице-адмиралъ, 173, 174, 175.
Штейнбокъ, шведскій генералъ-фельдмаршалъ, 231, 240.
Штромбергъ, шведскій генералъ, 190, 192.
Штубаевъ, солдатъ, 576.
Шуваловъ, выборгскій комендантъ, 349.
Шхонбекъ, см. Схонбекъ.
Шхонъ, капитанъ, 235.

Щепотьевъ, Михаилъ, сержантъ преображенскаго полка, 181, 182.

Эдвардъ, поручикъ, потомъ капитанъ, 235, 574.
Экговъ, капитанъ, 235, 463, 532, 624.

Эренсфельдъ, шведскій вице-адмиралъ, 209.
Эреншельдъ, шведскій шаутбенахтъ, 261, 262, 263, 266, 267.

Юматовъ, матросъ, 576.
Юрьевъ, думный дьякъ, 61.
Юсуповъ, генералъ-маіоръ, 368, 376, 382.
Юшковъ, унтеръ-лейтенантъ, 368.

Ягужинскій, генералъ-адъютантъ, 244, 272.
Языковъ, поручикъ бомбард. роты, 573.
Яковлевъ, генералъ-маіоръ, 241.
Яковлевъ, матросъ, 576.
Яковлевъ, комендантъ, Олонецкой верфи, 162, 246, 441, 442, 443, 444, 445, 449, 500.
Янсенъ, Герритъ, боцманматъ, 572.
Янсенъ, боцманматъ, 573.
Янъ-Полъ, голландскій корабельный мастеръ, 109.
Ярополкъ, великій князь, 26.
Ярославъ, великій князь, 10, 195.

Ѳедоръ Іоанновичъ, царь, 43. 44, 55.
Ѳедоръ Алексѣевичъ, царь, 186.
Ѳедосья Алексѣевна, царевна, 186.
Ѳеофанъ, начальникъ греческаго флота, 8.
Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ новгородскій, 544.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.:	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
162	6 сверху	123	120.
221	13 снизу	19,104	19,194
265	6 и 7 сверху	на сн корабль	на корабль.
357	10 снизу	въ Воронежѣ	въ Тавровѣ.
392	9 сверху	Сиверсъ	Сандерсъ.
393	1 снизу	въ главѣ XV	въ главѣ XVI.
394	2 сверху	фельдцейх-мейстеръ	оберъ-цейх-мейстеръ.
420	23 сверху	опредѣленіе	предложеніе.
440	20 сверху	опредѣленіе	предложеніе.
571	13 сверху	Нанингъ	Агманъ.
602	8 сверху	статистическаго	статическаго.

Перечень плановъ и рисунковъ съ показаніемъ гдѣ находятся оригиналы.

Портретъ Императора Петра Великаго. Съ оригинала, рисованнаго въ 1698 году въ Лондонѣ Годфридомъ Кнеллеромъ. Былъ помѣщенъ въ Исторіи Петра Великаго г. Устрялова.

Планъ «Морская граница 1695 года». Снятъ съ копіи находящейся у академика А. А. Куника. Оригиналъ хранится въ государственномъ архивѣ въ Стокгольмѣ.

Снимокъ съ собственноручной записки Петра Великаго: «Предложеніе о начинающемся флотѣ на Ость-зеи». Оригиналъ хранится въ государственномъ архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ въ Петербургѣ.

Литера А. Ботикъ «Дѣдушка русскаго флота».

а. Наружный видъ ботика сбоку.

б. Наружный видъ кормовой части.

в. Чертежъ на плоскости миделя.

г. Видъ кормовой части съ внутренней стороны.

д. Чертежъ на діаметральной плоскости.

е. Чертежъ на плоскости грузовой ватеръ-линіи.

Наружный видъ ботика и частей его сняты съ натуры, а чертежи скопированы въ уменьшенномъ видѣ съ копіи, находящейся въ бумагахъ генералъ-маіора А. В. Висковатова.

Литера Б. Планъ теченія рѣки Дона.

Снятъ въ уменьшенномъ видѣ съ атласа, составленнаго Крюйсомъ въ 1699 году. Частная карта устьевъ рѣки Дона съ

печатной карты 1810 года. Оригиналы находятся въ архивѣ Гидрографическаго Департамента.

Литера В. Корабль «Апостолъ Петръ», 1696 года.

Снятъ съ гравюры Схонбека 1699 года, представляющей осаду Азова въ 1696 году. Оригиналъ хранится въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ галлереѣ Петра Великаго.

Литера Г. Галера 1696 года.

Снята съ той же гравюры Схонбека.

Корабль «Крѣпость», 1699 года.

Съ рукописной карты части Чернаго моря, составленной Христіаномъ Отто въ 1700 году. Оригиналъ находится въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ.

Литера Д. 58-ми пушечный корабль «Предестинація», 1700 года.

Снятъ въ уменьшенномъ видѣ съ гравюры Схонбека, хранящейся въ Императорскомъ эрмитажѣ, въ галлереѣ Петра Великаго.

Литера Е. Копія съ плана Таганрогской гавани, 1704 года.

Снята съ современнаго плана, хранящагося въ Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Листъ 1. Копія съ чертежа части озера Пейпусъ съ изображеніемъ шведской шкуты «Виватъ», 1702 года. Оригиналъ находится въ Московск. архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ.

Литера Ж (1). Шведскія суда ботъ «Геданъ» и шнява «Астрильдъ», взятыя въ устьяхъ р. Невы 7 мая 1703 года.

Сняты въ уменьшенномъ видѣ съ весьма рѣдкой гравюры Схонбека, находящейся въ собраніи гравюръ сенатора Д. А. Равинскаго.

Литера Ж (2). Видъ Кроншлота въ 1705 и 1726 годахъ.

Первое изображеніе Кроншлота снято въ уменьшенномъ видѣ съ гравюры Пикарда, находящейся въ собраніи гравюръ г. Равинскаго, а второе, также въ уменьшенномъ видѣ,—съ шведской карты Финскаго залива, 1726 года, хранящейся въ архивѣ Гидрографическаго Департамента.

Листъ 2. Карта Балтійскаго моря, Финскаго, Ботническаго, Рижскаго заливовъ и Ладожскаго озера.

Снята съ современной карты, съ нанесеніемъ названій нѣкоторыхъ старинныхъ мѣстностей, по рукописнымъ и печатнымъ картамъ петровскаго времени.

Листъ 3. Первоначальный планъ с.-петербургскаго адмиралтейства, 1705 года.

Скопированъ съ плана, хранящагося въ ковчегѣ адмиралтействъ-совѣта.

Листъ 4. Снимокъ съ плана расположенія русскаго и шведскаго флотовъ у острова Ричарда (Котлина) въ 1705 году.

Снятъ съ печатной голландской гравюры, посвященной Крюйсу. Оригиналъ находится въ архивѣ Военно-топографическаго Депо.

Листъ 5. Планъ острова Котлина, 1705 года.

Оригиналъ находится въ Москов. архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Листъ 6. Копія съ чертежа о сожженіи голландскихъ флейтовъ у Гельсингфорса въ 1713 году.

Оригинальный чертежъ находится въ Главн. морск. архивѣ, въ дѣлахъ графа Апраксина.

Литера 3. Планъ гангутскаго сраженія, 1714 года.

Составленъ по картамъ настоящаго времени и по современнымъ реляціямъ и описаніямъ сраженія.

Листъ 7. Копія съ плана сраженія при Гангутѣ (Гангэ-уддѣ) 27 іюля 1714 года.

Снята въ уменьшенномъ видѣ съ весьма рѣдкой гравюры Пикарда, находящейся въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ. На оригиналѣ всѣ суда нарисованы. въ настоящемъ своемъ видѣ.

Листъ 8. Снимокъ съ гравюры Пикарда «Проспектъ россійскаго флота при островѣ Котлинѣ, 1715 года». Оригиналъ находится въ покояхъ Государя Императора въ Кронштадтѣ.

Листъ 9. Видъ с.-петербургскаго адмиралтейства 1725 года.

Снятъ съ рисунковъ Марселиса, хранящихся въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ.

Листъ 10. Планъ первоначальной гавани при Котлинѣ островѣ.

Снятъ съ рисунка, приложеннаго къ донесенію Лейна князю Меншикову. Подлинникъ находится въ московск. архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

Листъ 11. Планъ предполагаемой военной гавани на островѣ Котлинѣ.

Подлинникъ находится въ библіотекѣ московск. архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Листъ 12. Планъ гаваней и проектированныхъ каналовъ и доковъ на Котлинѣ островѣ, 1723 года.

Снятъ съ плана, находящагося въ Главн. морск. архивѣ въ дѣлахъ адмиралтействъ-коллегіи 1723 г., № 19. (Часть старой гавани отъ южной линіи къ NO нанесена съ плана листъ 10).

Листъ 13. Планъ ревельской гавани, 1722 года.

Снятъ съ плана, находящагося въ главномъ морскомъ архивѣ, въ дѣлахъ адмиралтействъ-коллегіи, 1722 г.,

Листъ 14. Типы нѣкоторыхъ военныхъ судовъ, построенныхъ въ царствованіе Петра Великаго.

Рисованы съ современныхъ гравюръ и моделей.

Литера И. Планъ Рогервика съ молою, гаванью и крѣпостями, проектированными Петромъ Великимъ.

Оригиналъ находится въ архивѣ гидрографическаго департамента Морскаго Министерства.

Литера К. Чертежъ 100 пуш. корабля, утвержденный государемъ императоромъ Петромъ Великимъ.

Снятъ въ уменьшенномъ видѣ съ копіи, находящейся въ бумагахъ генералъ-маіора А. В. Висковатова.

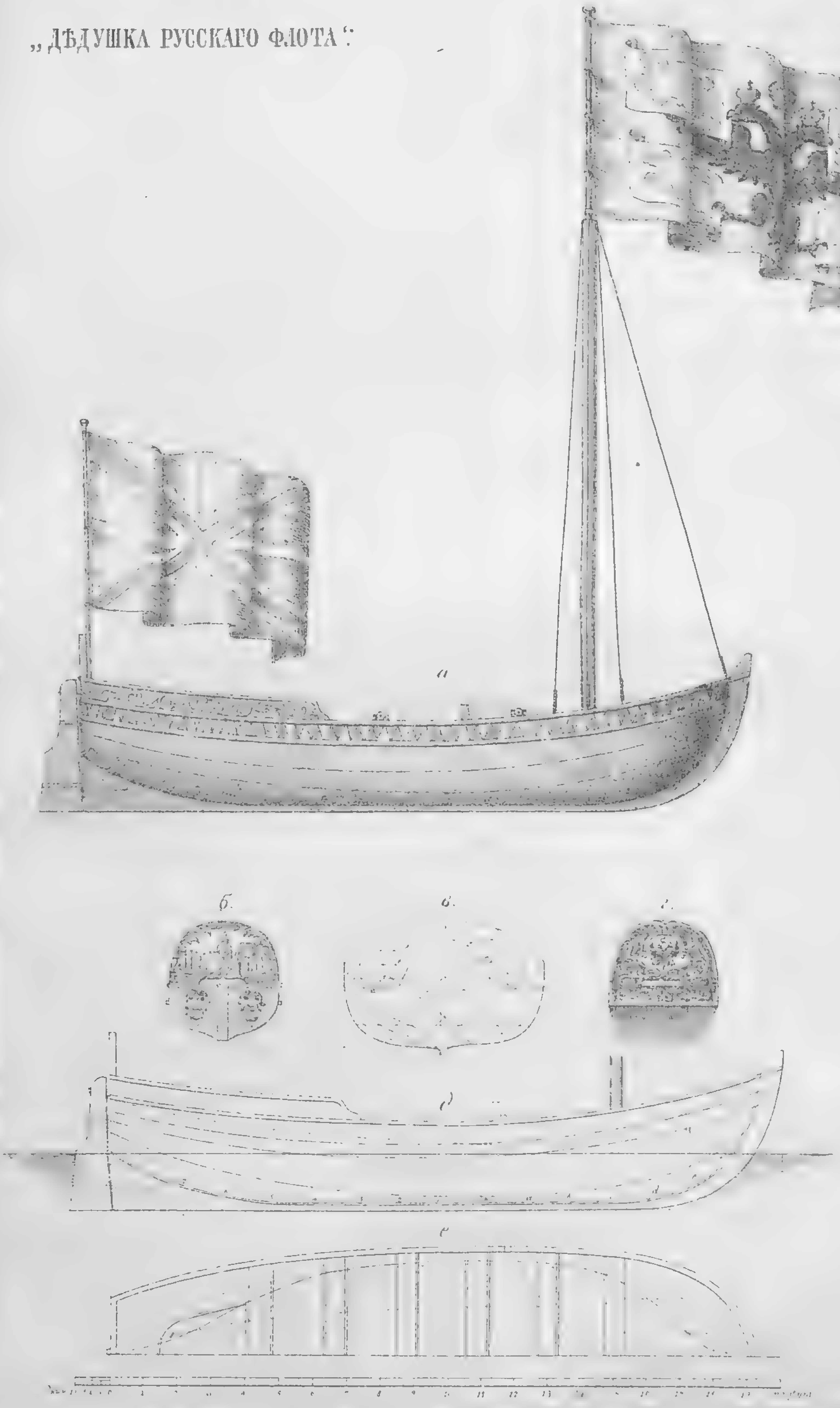
Таблица русскихъ морскихъ флаговъ:

Составлена по современнымъ документамъ.

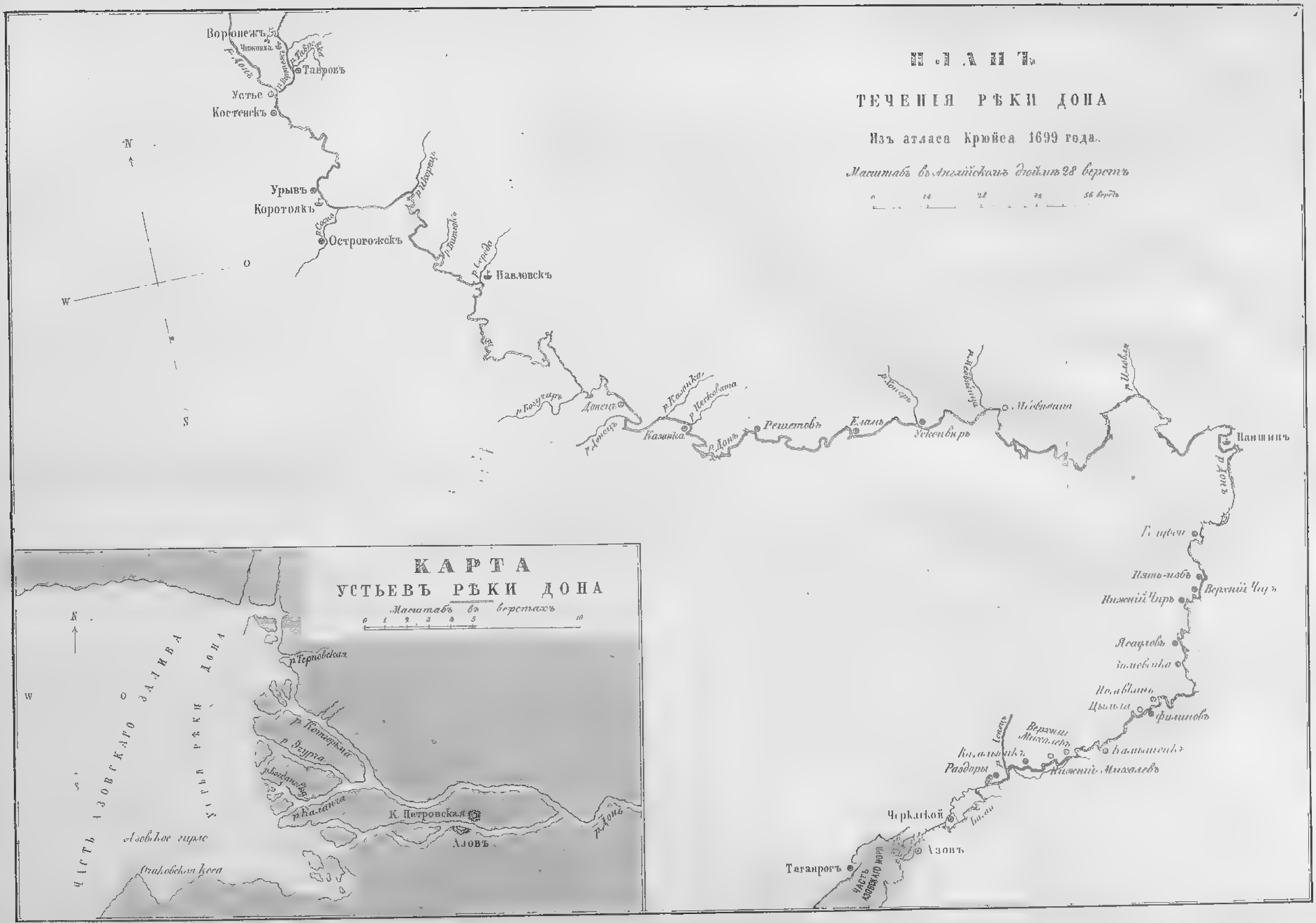
ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

БОТИКЪ

„ДѢДУШКА РУССКАГО ФЛОТА“.



ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

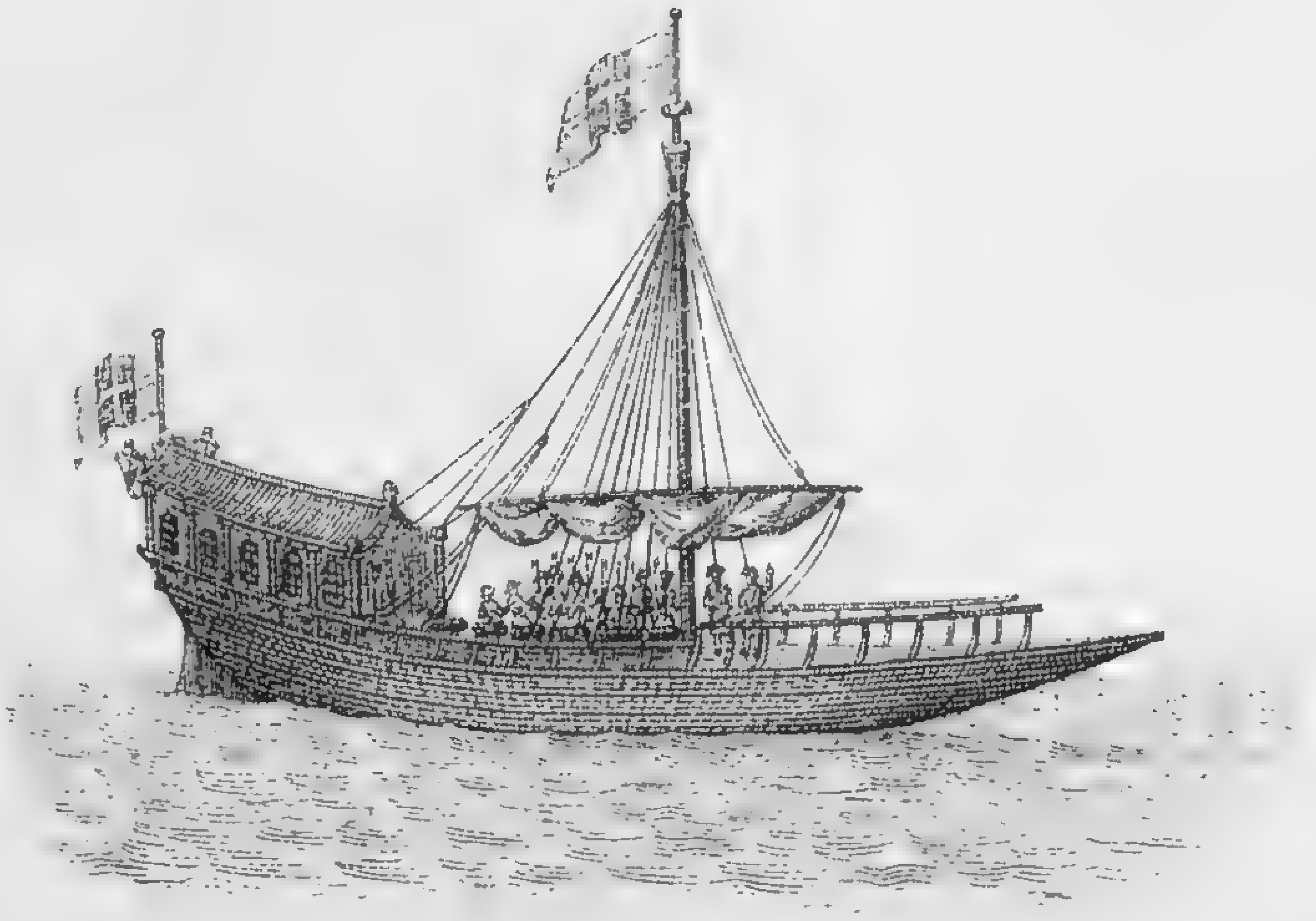

ПЛАНЪ
ТЕЧЕНІЯ РѢКИ ДОНА
Изъ атласа Крюйса 1699 года.
Масштабъ въ Англійскомъ дюймѣ 28 верстъ
56 верстъ
КАРТА
УСТЬЕВЪ РѢКИ ДОНА
Масштабъ въ верстахъ
Воронежъ
Тавровъ
Устье
Костенскъ
Урывъ
Коротоякъ
Острогожскъ
Павловскъ
р. Донъ
Донецъ
Казанка
Решетовъ
Еланъ
Усть-Медвѣдица
Паншинъ
Верхній Чиръ
Нижній Чиръ
Ясауловъ
Филиновъ
Нижній Михалевъ
Раздоры
Черкасской
Азовъ
Таганрогъ
ЧАСТЬ АЗОВСКАГО МОРЯ
р. Терновская
К. Петровская
ЧАСТЬ АЗОВСКАГО ЗАЛИВА
Очаковская Коса
N
S
W
O

[illegible]

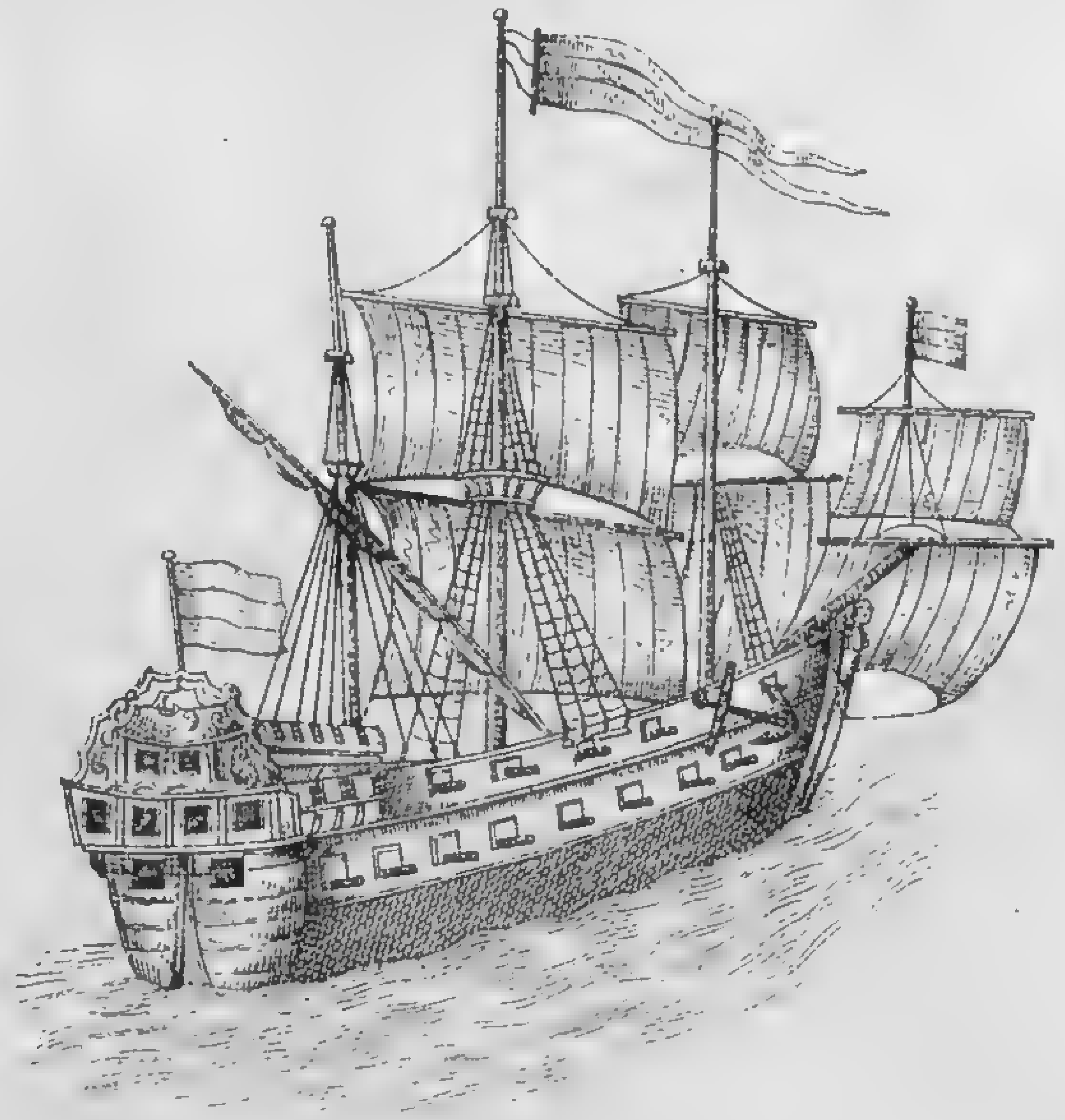
КОРАБЛЬ „АПОСТОЛЪ ПЕТРЪ" 1696 ГОДА.

Литогр. Н Зуева Бол. Садов ул. д № 114

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА



Галера 1696 года.



Снимокъ съ современнаго изображенія корабля „Крѣпость", 1699 г.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

58 ПУШ. КОРАБЛЬ „ПРЕДЕСТИНАЦІЯ“ 1700 ГОДА.

Литогр. Н. Зуева Бол. Садов. ул. д. № 114

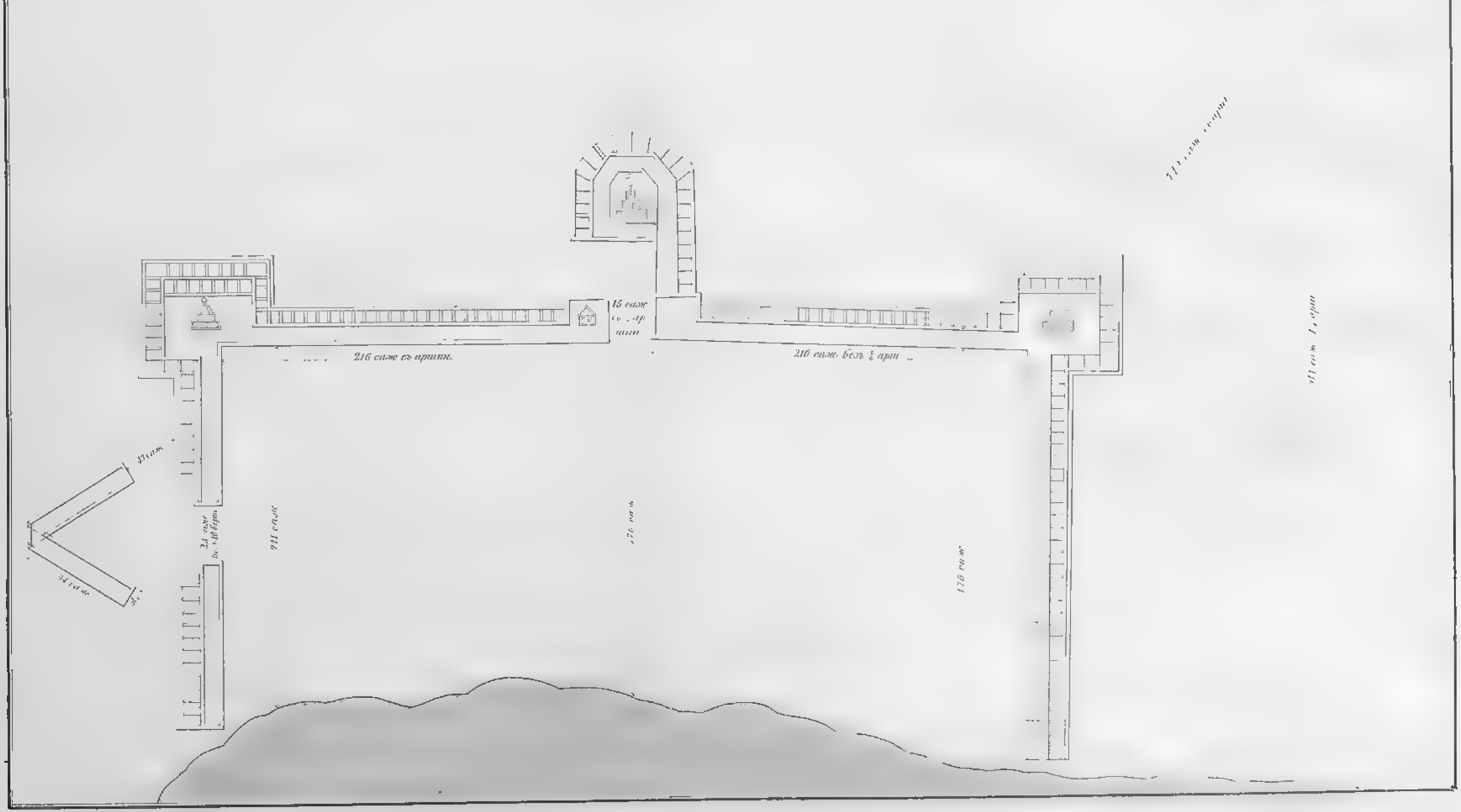
[illegible]

КОПІЯ

СЪ ПЛАНА ТАГАНРОГСКОЙ ГАВАНИ 1704 ГОДА,

съ сохраненіемъ всѣхъ неправильностей оригинала, черченнаго безъ масштаба

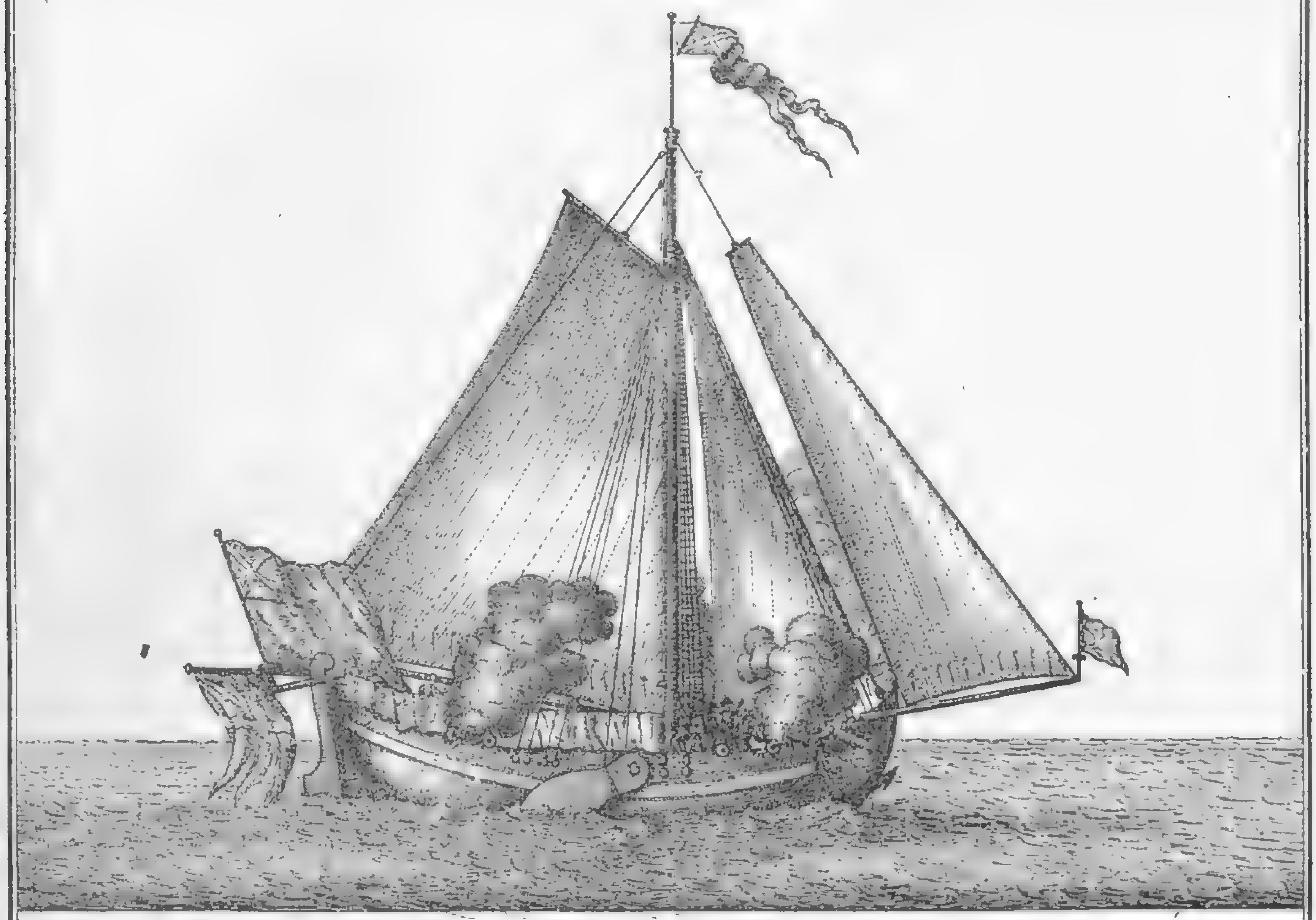
Башни и стрѣлки поставлены послѣ 1704 года



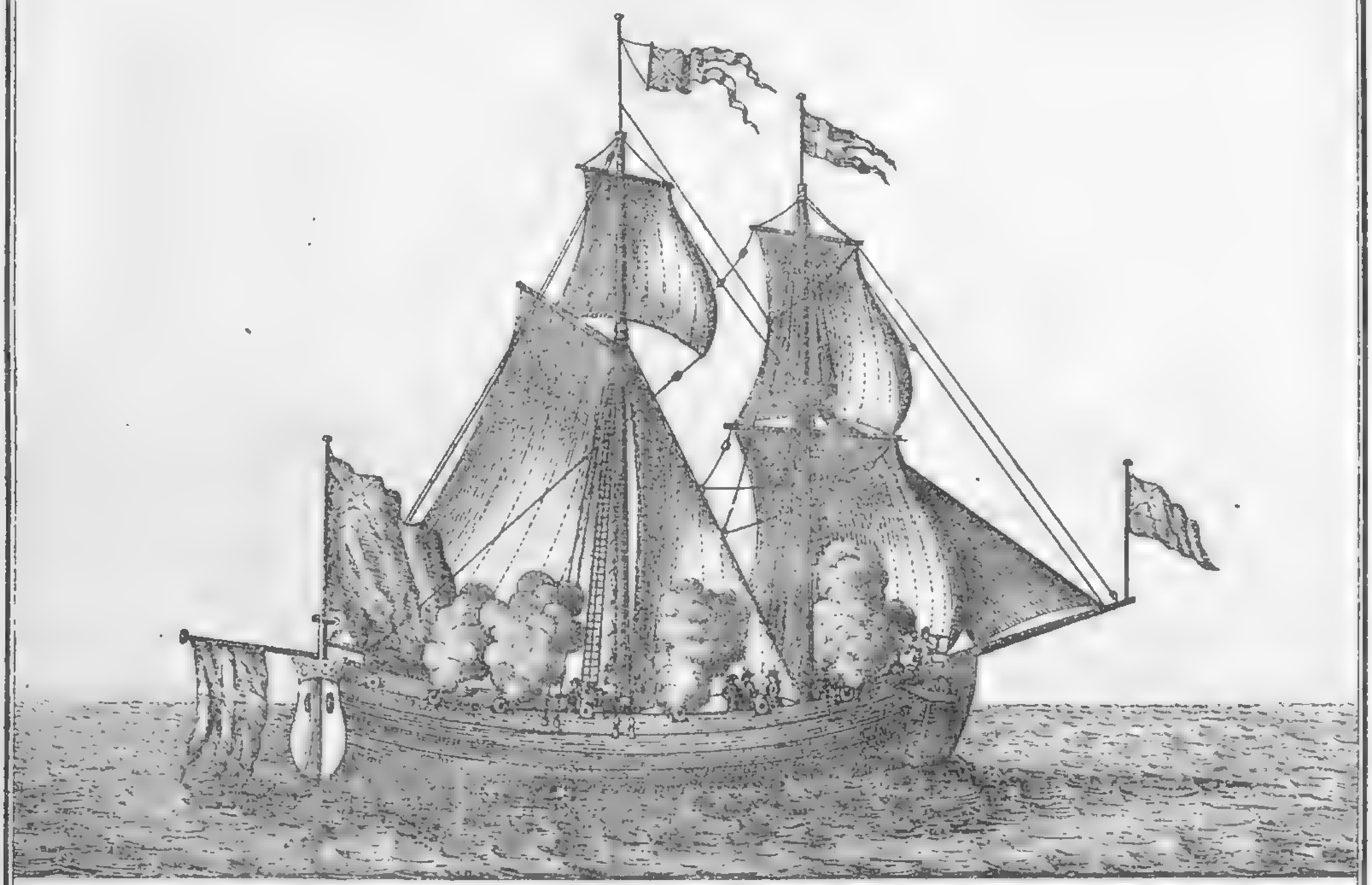
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Копія съ чертежа, представленнаго Новгородскимъ Воеводою Петромъ Апраксинымъ въ Іюлѣ 1702 года

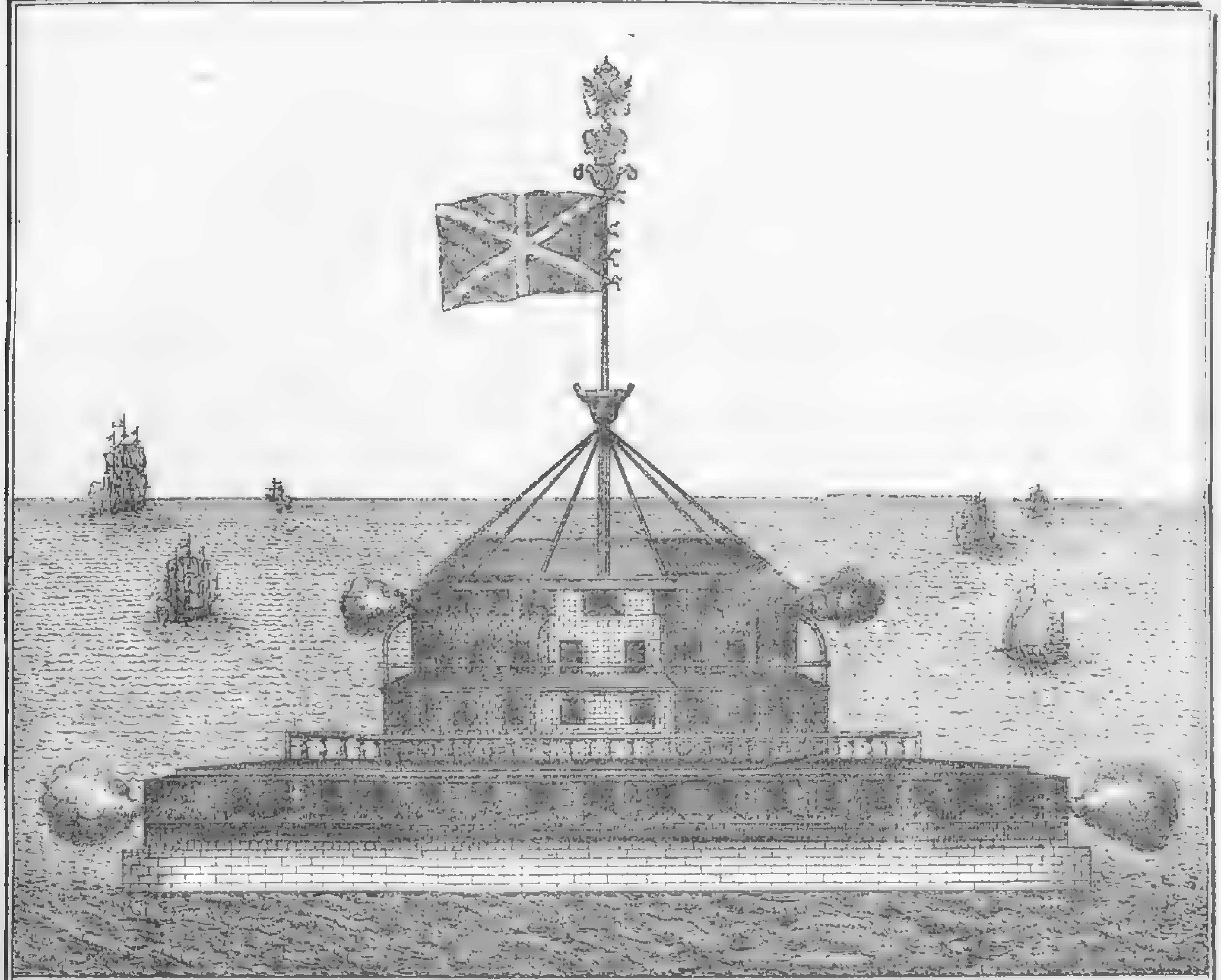
Листъ I.



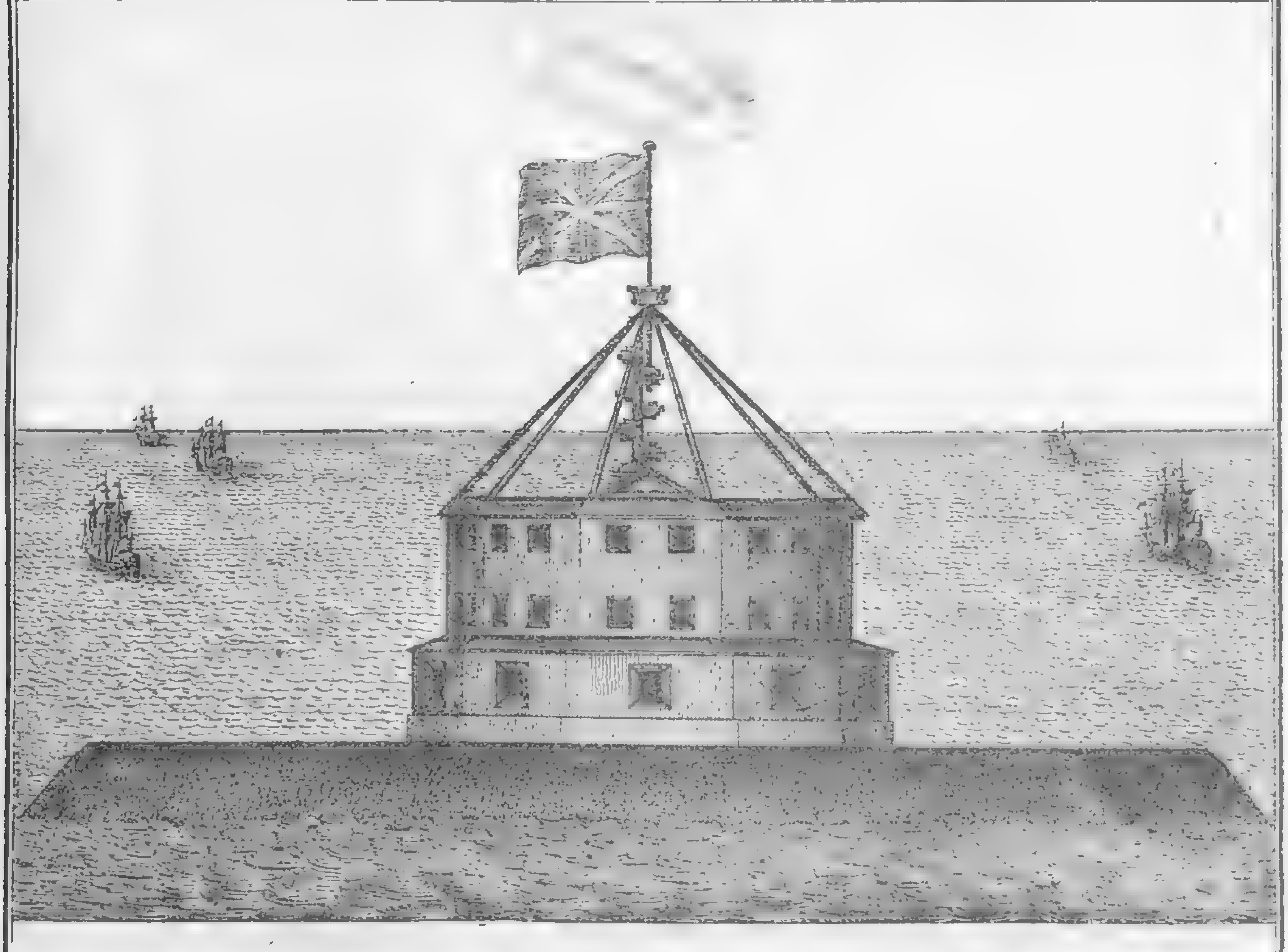
ШВЕДСКІЙ БОТЪ „ГЕДАНЪ", ВЗЯТЫЙ ВЪ УСТЬЯХЪ Р. НЕВЫ 7го МАЯ 1703 ГОДА.



ШВЕДСКАЯ ШНЯВА „АСТРИЛЬДЪ", ВЗЯТАЯ ВЪ УСТЬЯХЪ Р. НЕВЫ 7го МАЯ 1703 ГОДА.



ВИДЪ КРОНШЛОТА ВЪ 1705 ГОДУ.



ВИДЪ КРОНШЛОТА ВЪ 1726. ГОДУ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

КАРТА
БАЛТІЙСКАГО МОРЯ, ФИНСКАГО, БОТНИЧЕСКАГО И
РИЖСКАГО ЗАЛИВОВЪ И ЛАДОЖСКАГО ОЗЕРА.
ЛАДОЖСКОЕ
ОЗЕРО
Петербургъ
Выборгъ
Ревель
Нарва
Гельсингфорсъ
Ф И Н С К І Й
З А Л И В Ъ
НАРВСКІЙ
ЗАЛИВЪ
Пернавъ
Рига
РИЖСКІЙ
ЗАЛИВЪ
Либава
Виндава
Мемель
Кенигсбергъ
Данцигъ
ДАНЦИГСКІЙ
ЗАЛИВЪ
Кольбергъ
Грейфсвальдъ
Ростокъ
Висмаръ
Киль
Любекъ
МЕКЛЕНБУРГЪ
ПОМЕРАНІЯ
Штетинъ
Псковъ
Б О Т Н И Ч Е С К І Й
З А Л И В Ъ
Улеаборгъ
Торнео
Вазa
Христинестадъ
Гамла-Карлебю
Якобштадтъ
Брагестадъ
Стокгольмъ
Карльскрона
Кальмаръ
Визби
Б А Л Т І Й С К О Е
М О Р Е
Даго
Эзель
Аренсбургъ
Гапсаль
Дерптъ
Умео
Сундсвалль
Гудиксвалль
Гефле

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПЛАНЪ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО АДМИРАЛТЕЙСТВА, 1705 ГОДА.

Отъ нумера 11го до нумера 14го поперечные елинги для всякого разного рукъ судовъ.

Отъ нумера девятого до нумера первого надесять три больших елинга для судовъ длиною отъ 60 до 70 футовъ

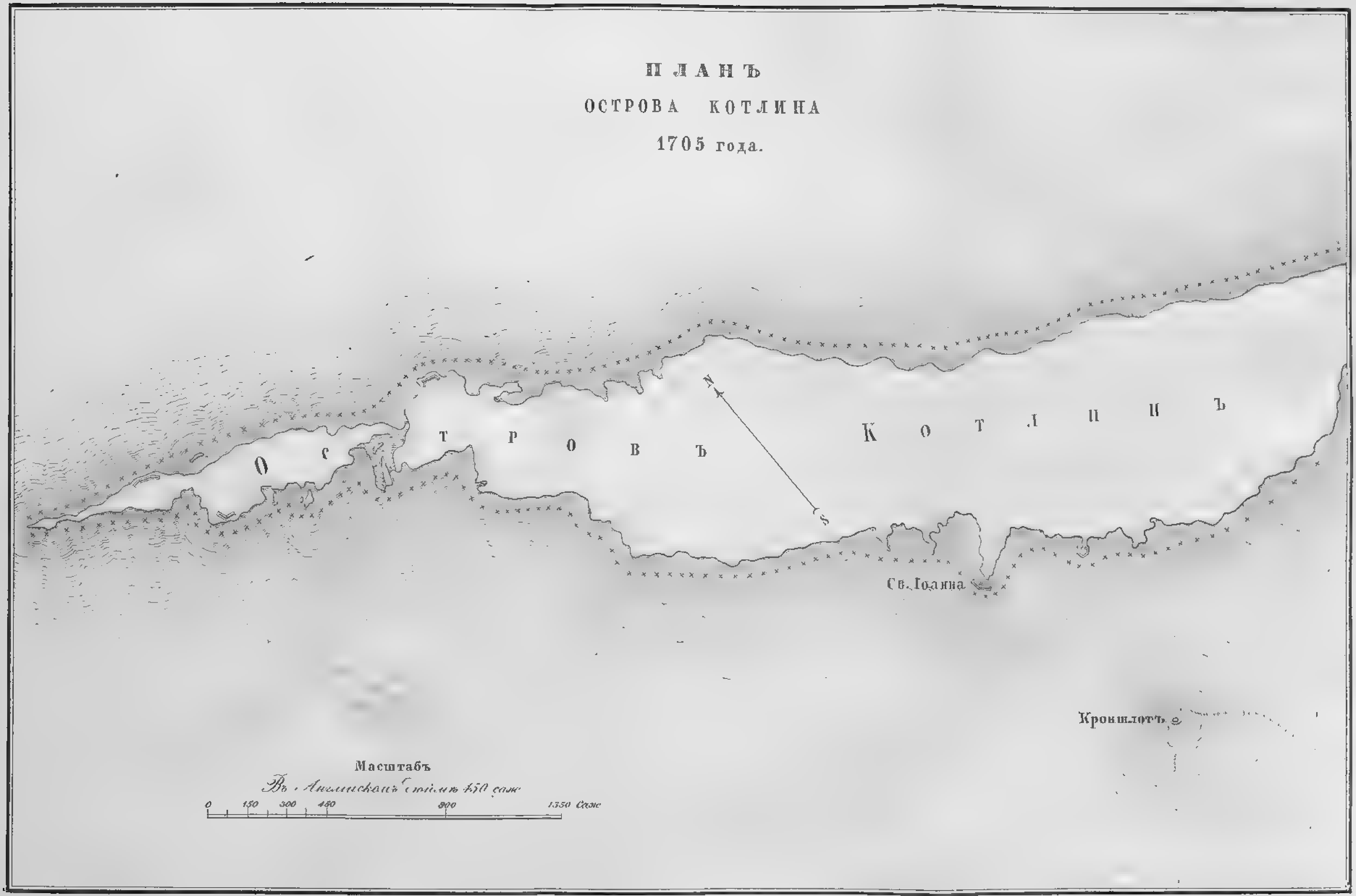
Отъ нумера первого до нумера осьмого все для малых елинги для буеровъ, яхты и других судовъ, на верфь и вытягивать длиною отъ двадцати до пятидесяти футовъ

СОБСТВЕННОРУЧНЫЯ НАДПИСИ ГОСУДАРЯ

1 Сіи верфи дѣлать государственными работниками или подрядомъ како прочее, а строенье по сему: 1 жилья дѣлать мазанками прямыми безъ кирпича, кузницы отъ каменныя въ ½ кирпича, амбары и сараи дѣлать основу и въ брусья и амбары додѣлать пазонками, а сараи обшить досками такъ како мельницы ветреныя обшиты, доска на доску и у каждой доски нижней край одороженить и потомъ писать красною краскою

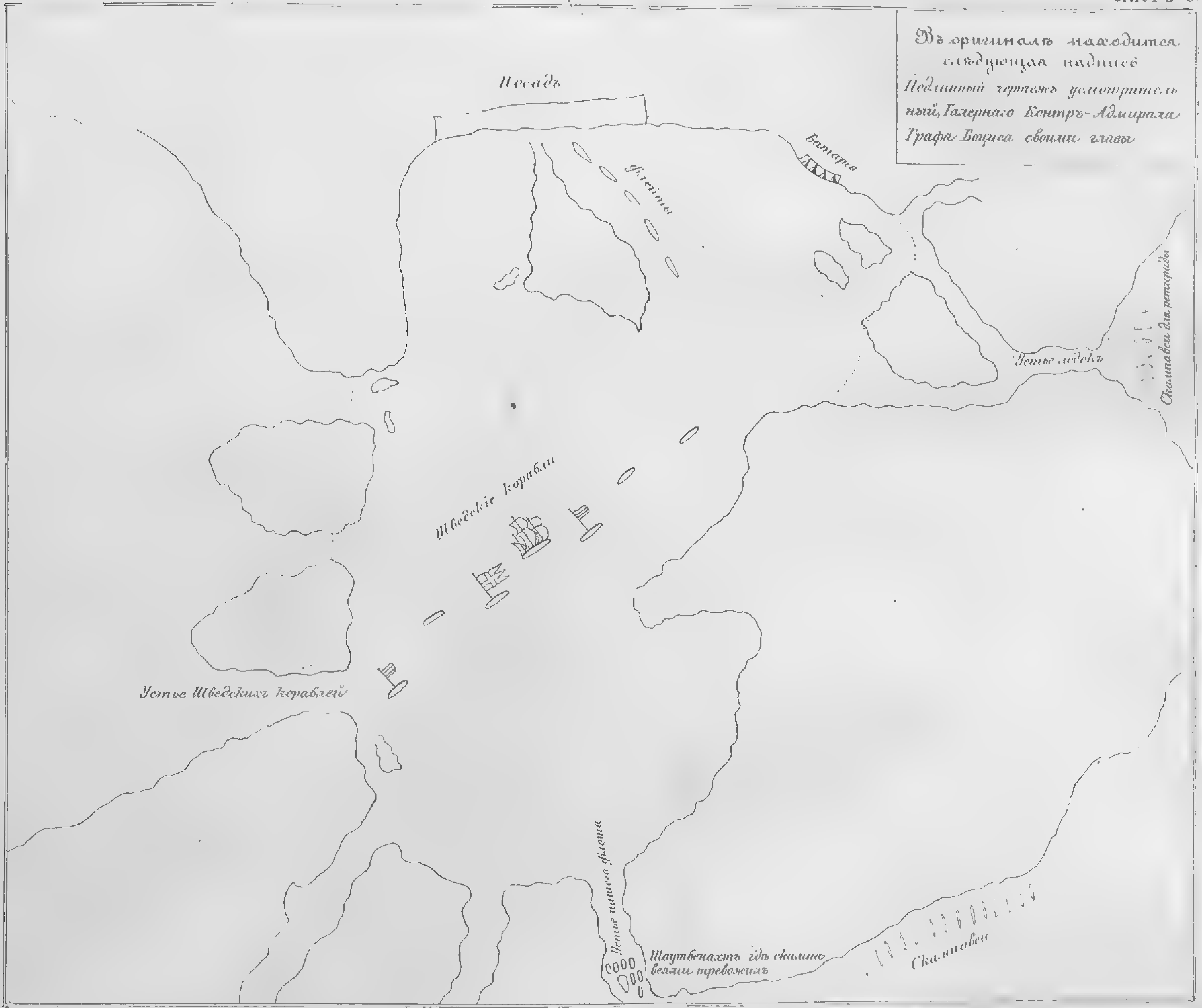
2 Отъ реки бить нажженными сваями

СНИМОКЪ СЪ ПЛАНА РАСПОЛОЖЕНІЯ РУСКАГО И ШВЕДСКАГО ФЛОТОВЪ У ОСТРОВА РИЧАРДА КОТЛИНЪ ВЪ 1705 ГОДУ
онъ стоялъ у острова Рихарда
Командиры Корабли Пушки Люди
Шаутбенахтъ Резъ Триумфъ 24 120
Дерптъ 24 120
Нарва 24 120
Малые Фрегаты
Мункеръ 14
Пегасъ 14 70
Ямбургъ 14
С. Петро 5 150
Брандеры
2. Вице-Адмиралъ де Проу 64


ПЛАНЪ
ОСТРОВА КОТЛИНА
1705 года.
Островъ Котлинъ
N
S
Св. Іоанна
Кроншлотъ
Масштабъ
0 150 300 450 900 1350 Саж.

Копія съ чертежа, представленнаго графомъ Боцисомъ графу Апраксину, при донесеніи отъ 7го Іюня 1713 года, о сожженіи голландскихъ флейтовъ у Гельсингфорса.

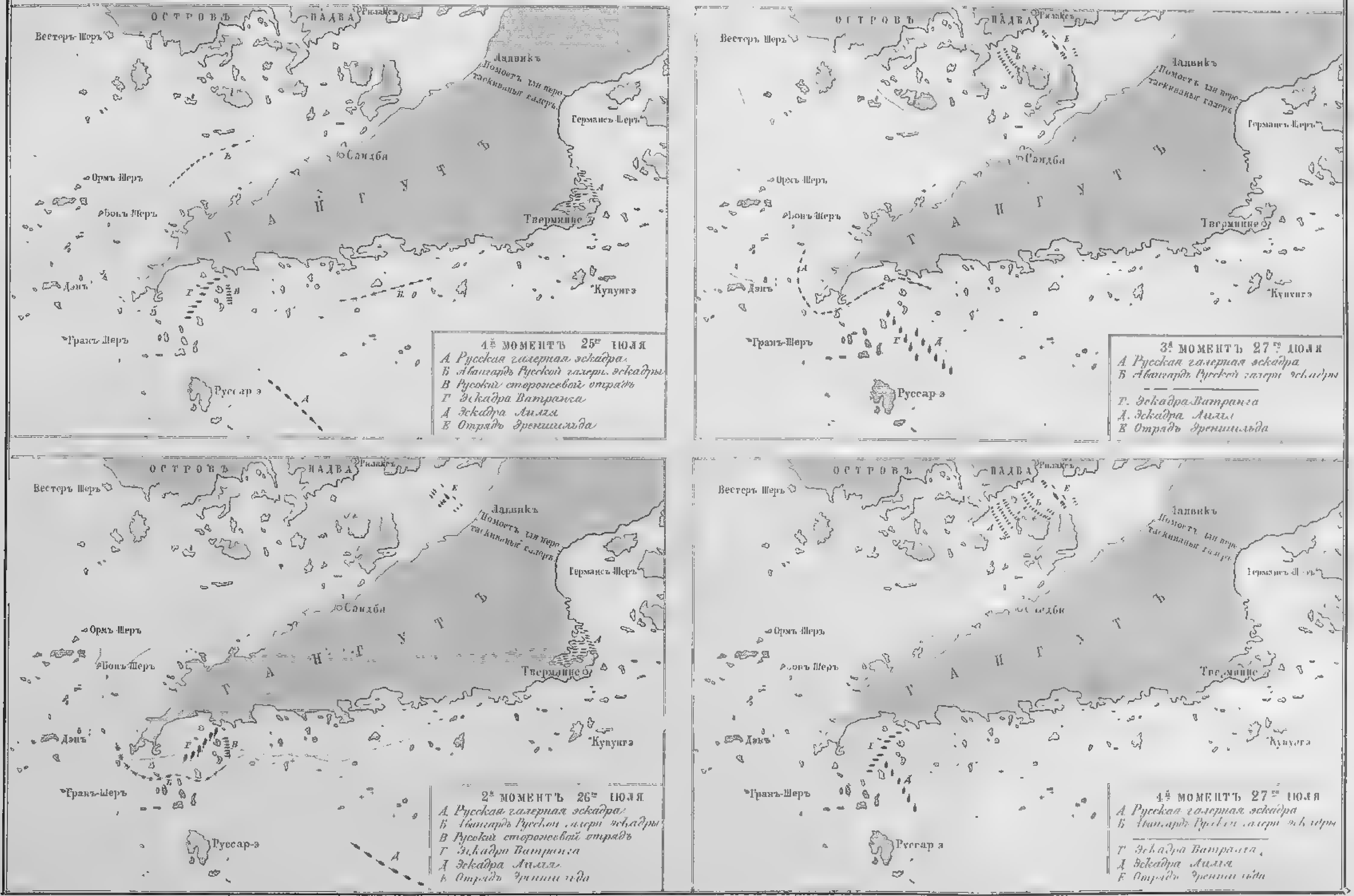
Листъ 6.



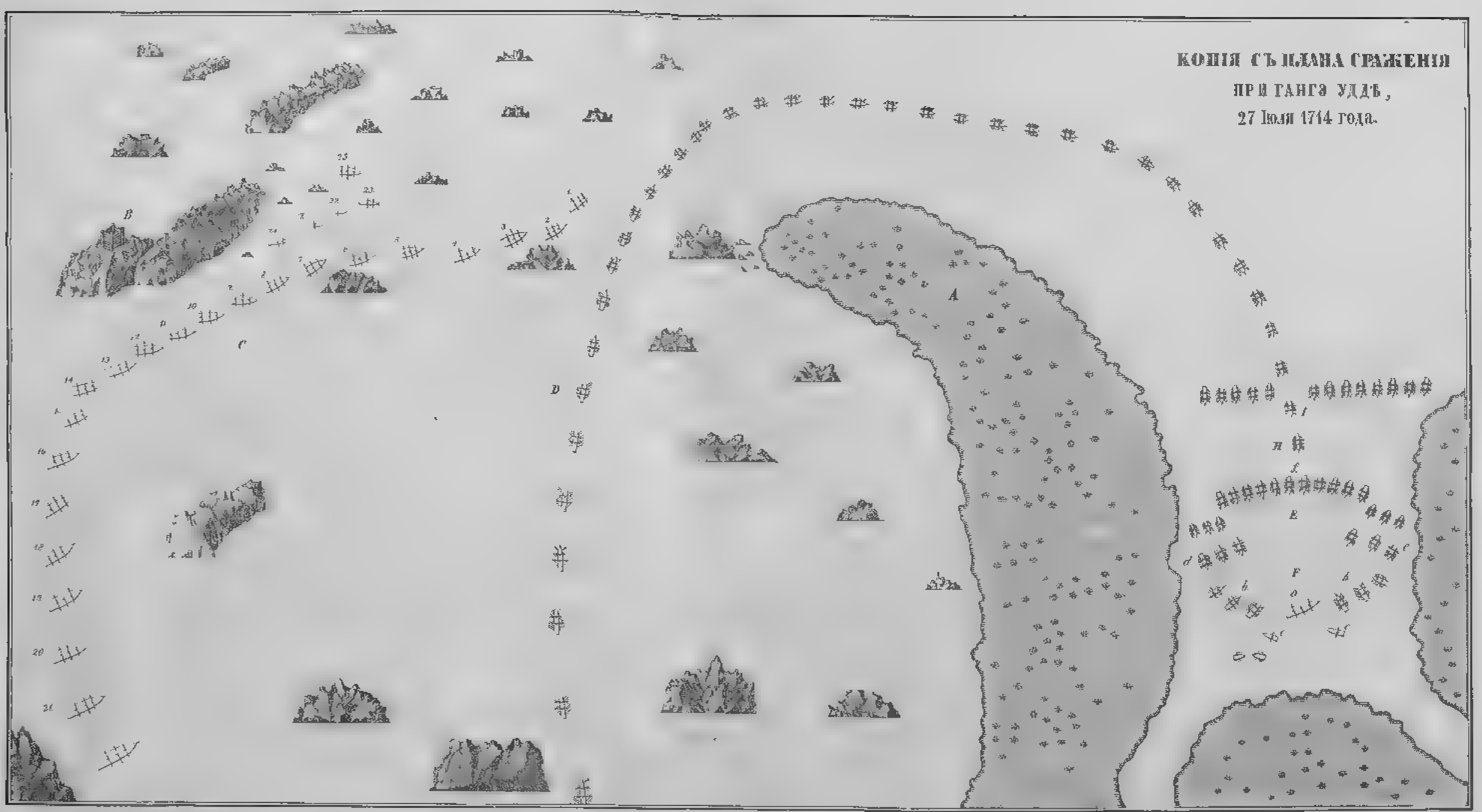
пр. и Б Садов. д № 58

[illegible]

ПЛАНЪ ГАНГУТСКАГО СРАЖЕНІЯ 1714 ГОДА.



Литогр. И. Зуева. Бол. Садов. ул. д. № 114.



A Урочище Гангэ уддъ
B Бакенъ (или знакъ) почему корабли въ сию пристань входятъ
C Шведскій флотъ

	Корабли	Командующіе Офицеры	Пушк[illegible]
1	Вольгастъ	Капитанъ Иногтъ Ивесъ	[illegible]
2	Анкгамъ	Капитанъ Фонстаутенъ	[illegible]
3	Готенбургъ		[illegible]
4	Фениксъ	Капитанъ Дистолитеръ	[illegible]
5	Помернъ	Капитанъ Суне	[illegible]
6	Фалкенъ		[illegible]
7	Лифляндъ	Капитанъ Христофоръ Групть	[illegible]
8	Ревель	Капитанъ Анкирфельдъ	[illegible]
9	Содерманландъ	Капитанъ Керингъ	[illegible]
10	Готландъ	Капитанъ Жустерна	
11	Вахтмейстеръ	Капитанъ Грангъ	
12	Вестерманландъ	Капитанъ Гусманъ	
13	Бременъ	Адмиралъ Ватрангъ	
14	Принцъ Карлъ Фридрихъ	Шаутбенахтъ Анкарштернъ	[illegible]
15	Шоненъ	Командоръ Кронъ	[illegible]
16	Стокгольмъ	Капитанъ Оберъ	[illegible]
17	Фридрихъ Амалія	Капитанъ Пальмфельдъ	[illegible]
18	Верденъ	Капитанъ Груббъ	58
19	Готландъ	Капитанъ Графъ Сильденбургъ	[illegible]
20	Эландъ	Вице-Адмиралъ Лилле	54
21	Рига	Капитанъ Смитъ	50
22	Два бомбардирскіе Стромболи да Везувій		
23	Э. Н.		
24	Поллуксъ		
25	Брандеръ		

D. Россійскій галерный флотъ, сквозь непріятельскій флотъ пробивающійся
E Атака на эскадру Шаутбенахта Эреншильда
F Непріятельская эскадра
a, Шаутбенахтъ Шведскій
b, Галеры Шведскія
c, Шхерботы Шведскіе
d Генералъ Вейде и Капитанъ Командоръ Змаевичъ
e, Бригадиръ Волковъ и Капитанъ Демьяновъ
f Бригадиръ Лефортъ и Капитанъ де Фремонъ
H Шаутбенахтъ отъ кораблей
I Генералъ Адмиралъ Апраксинъ съ кордебаталією и аріергардіею

ВИДЪ С. ПЕТЕРБУРГСКАГО АДМИРАЛТЕЙСТВА 1725 ГОДА

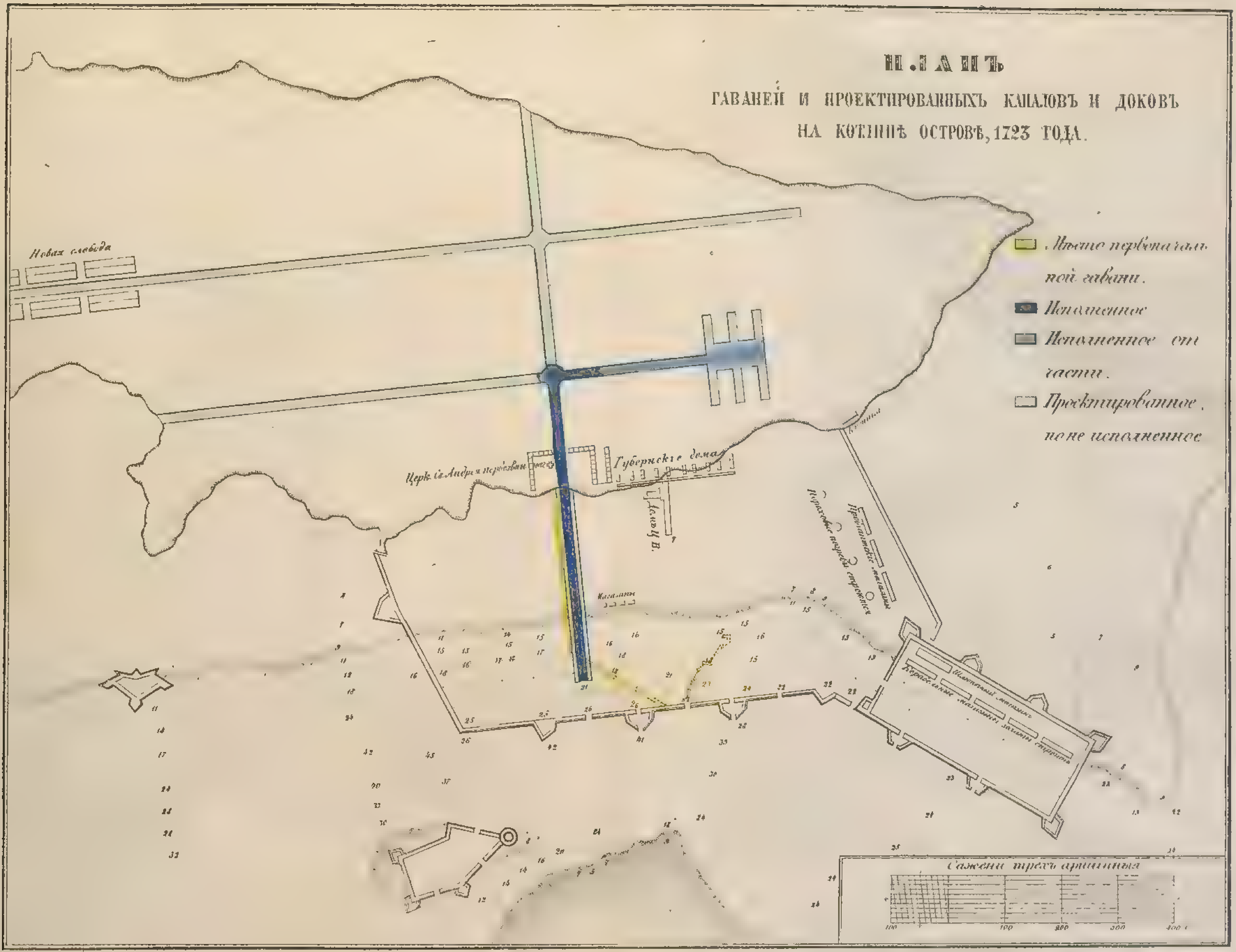
Лит. Э. Бранта, на угл: Невскаго пр: и Б. Садов: д. № 52/8

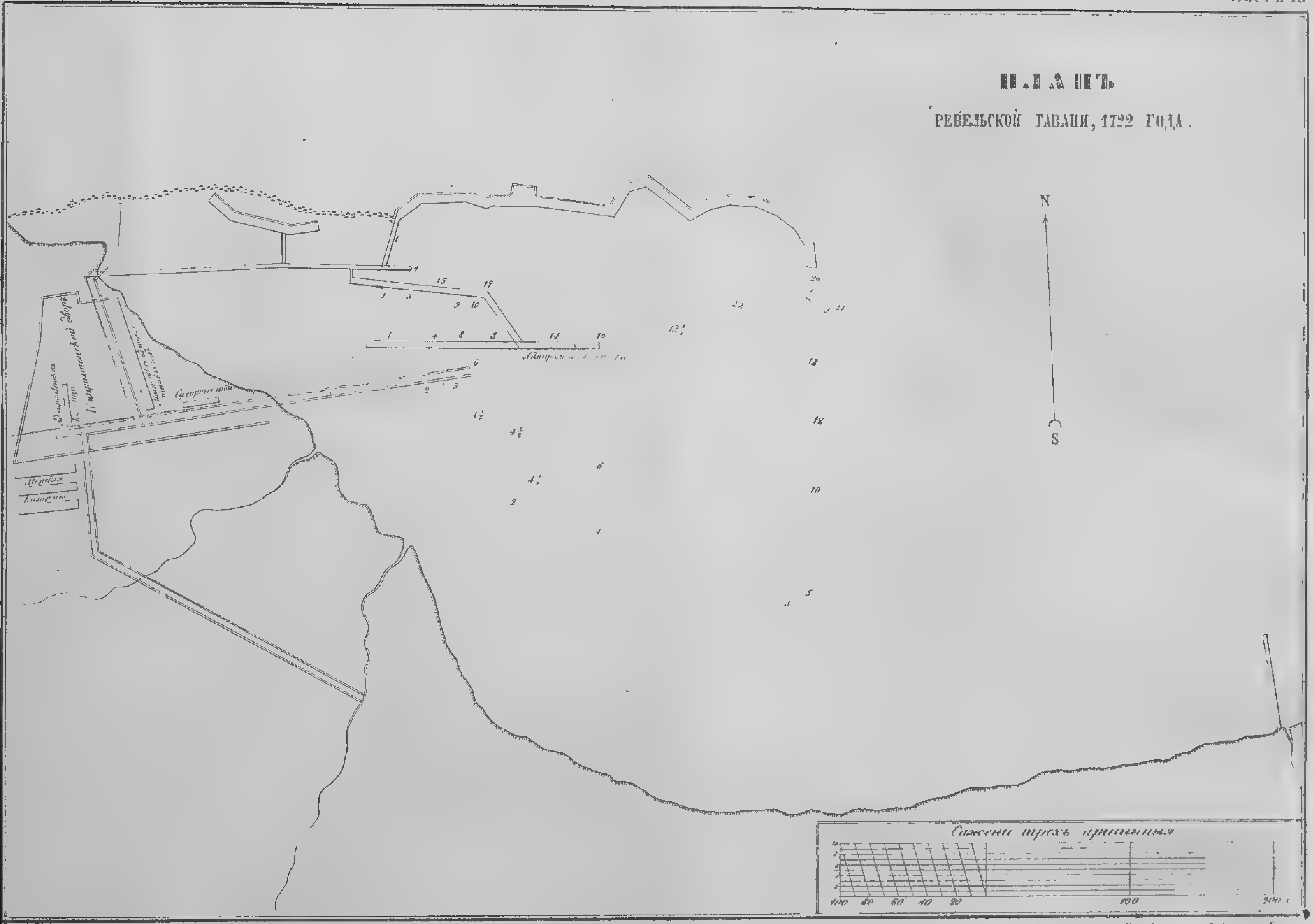
ПЛАНЪ

ПРЕДПОЛАГАЕМОЙ ВОЕННОЙ ГАВАНИ ПРИ КОТЛИНѢ ОСТРОВѢ

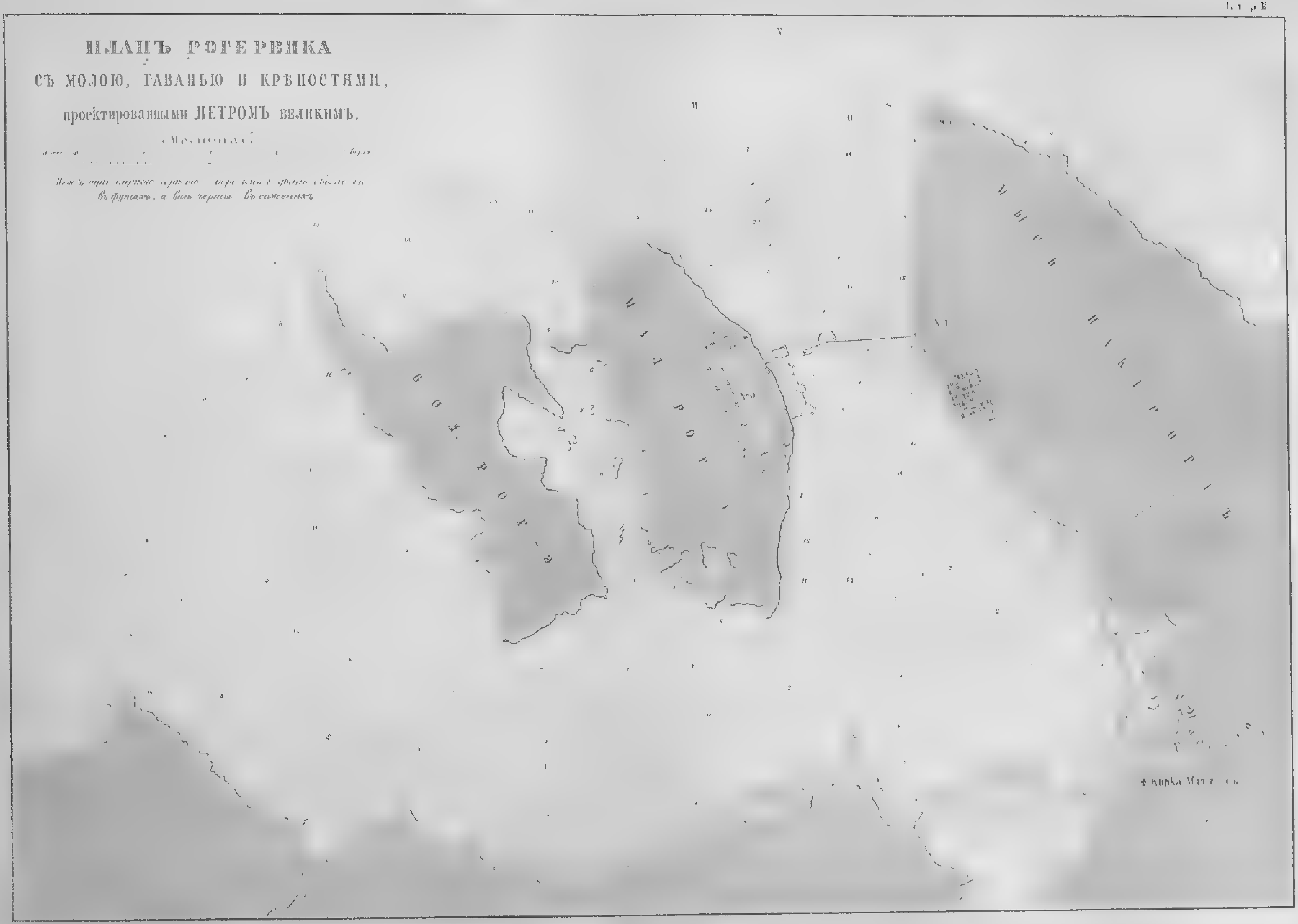
(На подлинномъ надписи сдѣланы рукою Государя)

Лит. Э Бранта, на угл. Невскаго пр. и Б. Садов. д. № 52/8


ПЛАНЪ
ГАВАНЕЙ И ПРОЕКТИРОВАННЫХЪ КАНАЛОВЪ И ДОКОВЪ
НА КОТЛИНѢ ОСТРОВѢ, 1723 ГОДА.
Мѣсто первоначальной гавани.
Исполненное
Исполненное отчасти.
Проектированное, но не исполненное
Новая слобода
Церк. св. Андрея первозван.
Губернскіе дома
Сажени трехъ аршинныя
100
100
200
300
400



Лит. Э. Бранта, на углу Невскаго пр. и Б. С...


ПЛАНЪ РОГЕРВИКА
СЪ МОЛОЮ, ГАВАНЬЮ И КРѢПОСТЯМИ,
проектированными ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ЧЕРТЕЖЪ 100 ПУШ. КОРАБЛЯ.

Подлинный утвержденъ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ.

Чертилъ Корабельнаго дѣла ученикъ Потапъ Качаловъ

[illegible]

Длина по гондеку	*177½ футъ*
Ширина	*48½*
Глубина	[illegible]

155-56